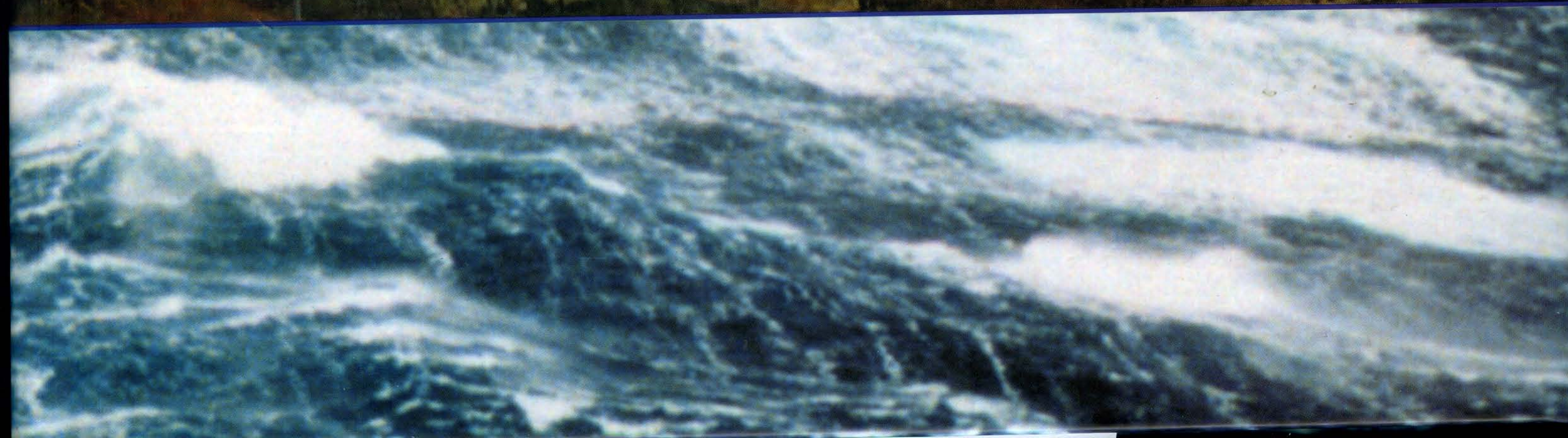


В. Л. МЫЦ

КАФФА и ФЕОДОРО

В XV ВЕКЕ.

Контакты и конфликты



МЫЦ Виктор Леонидович родился 04. 03. 1954 г. в с. Козьмино Находкинского района Приморского края в семье военнослужащего. В 1954 г. семья переехала в Крымскую область, с. Соколиное Бахчисарайского района. После службы в Вооруженных силах поступил на исторический факультет Симферопольского госуниверситета (ныне Национальный Таврический университет им. В. И. Вернадского), который закончил в 1979 г.

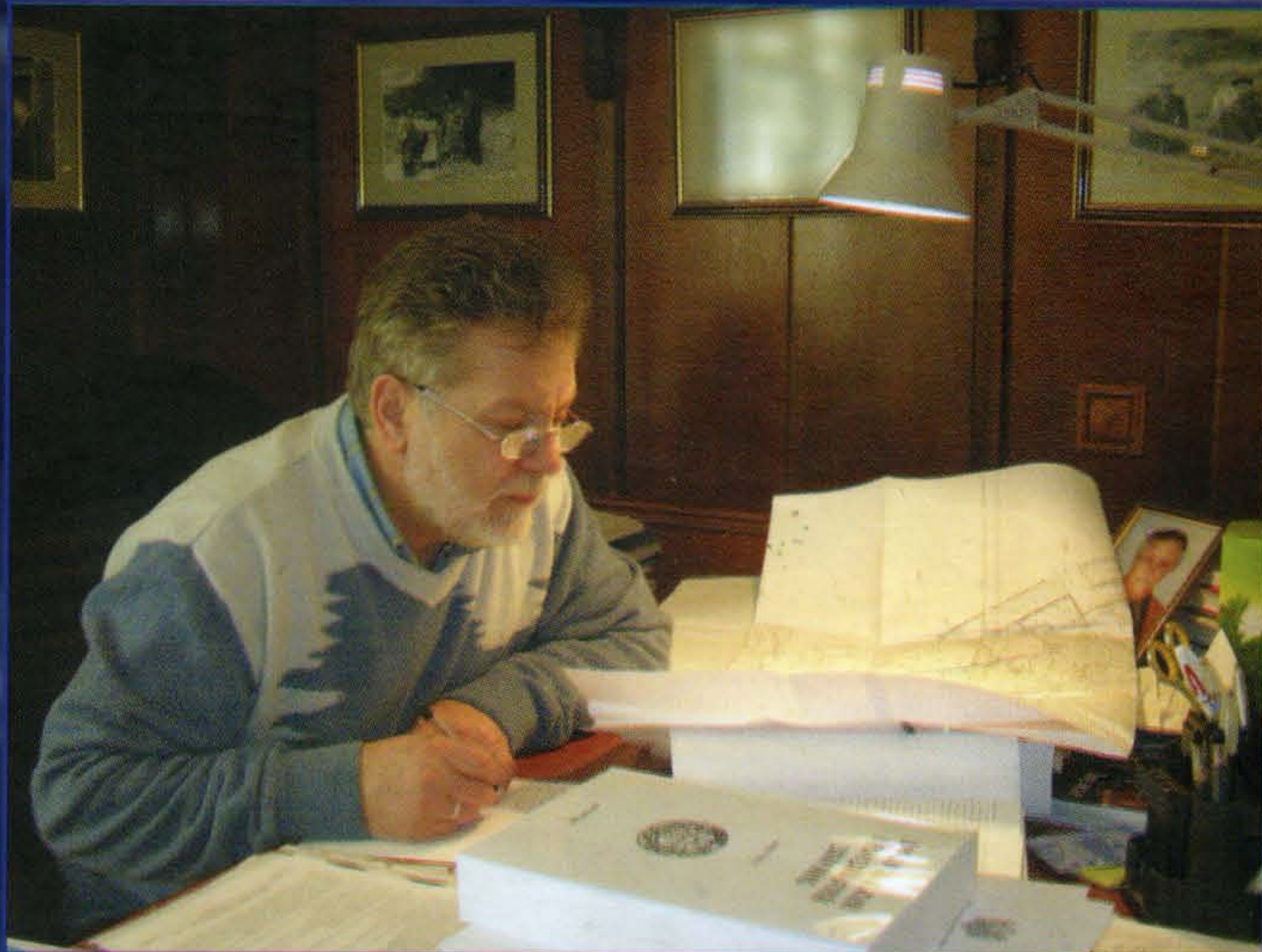
По окончании университета был направлен на работу в отдел археологии Крыма Института археологии АН Украины, где работал старшим лаборантом, младшим научным сотрудником, ученым секретарем, а с 1988 г. заведующим отделом археологии Крыма ИА АН Украины.

В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Средневековые укрепления Горного Крыма X–XV вв.», и в 1991 г. опубликовал монографию по теме диссертации «Укрепления Таврии X–XV вв.» (Киев: Наукова думка).

В 1992 г. назначен директором вновь созданного Крымского филиала Института археологии НАН Украины, и находится в этой должности по настоящее время. В. Л. Мыц возглавляет научное и административное руководство тематикой археологического направления, исследуемой филиалом. Он выступал инициатором и руководителем ряда международных и отечественных конференций по истории Таврики и других Причерноморских государств.

Научные интересы Виктора Леонидовича Мыца лежат в области изучения археологии и истории Крыма и прилегающего региона от античного времени до средневековья включительно. Под его руководством и при личном участии проведены раскопки многих ключевых археологических и архитектурных византийских и генозских памятников полуострова: античного некрополя на склонах г. Чатыр-Даг, в Бахчисарайском районе, в Алуштинской долине, храмов Мангула, позднеантичного некрополя Ак-Кая и городища Вишенное, крепости Алустон, крепости Сюрень, пещерного некрополя на г. Караби-Яйла, архитектурно-археологического комплекса на г. Пампук-Кая, позднеантичного святилища Таракташ, замка Чобан-Куле, городища Эски-Кермен, крепости Фуна, Партенитской базилики, храма на г. Бойка. Последние годы Виктор Леонидович проводит совместные с Государственным Эрмитажем (г. Санкт-Петербург) раскопки генозской крепости Чембало (Балаклава), их результаты отражены в 6 выпусках монографически изданных отчетов.

Результаты его многолетних теоретических и практических исследований отражены более чем в 120 научных работах, в том числе в 4 монографиях. Статьи и публикации Виктора Леонидовича представлены в ряде ведущих украинских и зарубежных археологических журналов и сборников: «Советская археология», «Археология», «Византийский временник», «Херсонесский сборник», сборник «Античная древность и средние века» (г. Екатеринбург), отечественных энциклопедических изданиях.



ISBN 978-966-8048-40-0

УНИВЕРСУМ

UNIVERSUM

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ

В. Л. Мыц

КАФФА и ФЕОДОРО

В XV ВЕКЕ.

Контакты и конфликты



Универсум
Симферополь
2009

Светлой памяти
Людмилы Анатольевны Мыц (Щёголевой)
посвящается

Содержание

| | |
|---|------------|
| Введение..... | 5 |
| Глава I | |
| ГОТИЯ И ФЕОДОРО В 40–90-Х ГОДАХ XIV СТОЛЕТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ..... | 13 |
| 1.1. Готия 40–60-х гг. XIV в. в историографии средневекового Крыма | 14 |
| 1.1.1. Битва 1363 г. на Синей Воде в историографии средневекового Крыма | 16 |
| 1.1.2. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 г. | 25 |
| 1.1.3. «Богохранимый город Феодоро» в надписях второй половины XIV в. и мнимые князья Мангупа..... | 31 |
| 1.2. Таврика в период политического кризиса в Золотой Орде 60–80-х гг. XIV в. Переход прибрежной Готии под управление коммуны Генуи..... | 37 |
| 1.3. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз или археология против историографической традиции | 45 |
| 1.3.1. Археологический контекст политических событий 1395 г.: антииллюстрация | 47 |
| 1.3.2. В поисках свидетельств письменных источников | 55 |
| Глава II | |
| КАФФА И ФЕОДОРО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV ВЕКА | 69 |
| 2.1. Начальный этап правления господина Готии Алексея I (Старшего) (1411–1421 гг.). Первый вооружённый конфликт между Кафзой и Феодоро в 1422–1423 гг. | 69 |
| 2.1.1. Начало правления владетеля Феодоро Алексея I (Старшего) (1411–1421 гг.) | 69 |
| 2.1.2. Первый вооружённый конфликт между Кафзой и Феодоро в 1422–1423 гг. | 71 |
| 2.2. Генуэзская Газария, Готия и Крымский улус Золотой Орды в первой трети XV в. | 86 |
| 2.2.1. Генуэзская Газария в 20-х — начале 30-х гг. XV в.: первые признаки экономического кризиса..... | 86 |
| 2.2.2. Генуэзская крепость Чембало в первой трети XV в. | 91 |
| 2.2.3. Крымский улус Золотой Орды в 20-х гг. XV в. | 110 |
| 2.3. Строительная деятельность Алексея I (Старшего) и митрополита Готии Дамиана в 1425–1427 гг. | 112 |
| 2.3.1. Феодоритские укрепления: Фуна и Каламита в 20-х — начале 30-х гг. XV в. | 112 |
| 2.3.2. Город Феодоро в 20-е гг. XV в.: оборонительное, культовое и гражданское строительство | 130 |
| 2.3.3. Восстановление Партенитской базилики митрополитом Дамианом в 1427 г. | 143 |
| 2.3.4. Границы владений господ Феодоро | 149 |
| Глава III | |
| КАФФА И ФЕОДОРО В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВ СРЕДИЗЕМНОМОРСКО-ПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В 30–40-Е ГГ. XV В. | 153 |
| 3.1. Государства Причерноморья в конце 20-х — начале 30-х гг. XV в. и венецианско-генуэзский конфликт 1431–1433 гг. | 153 |
| 3.2. Антигенуэзский мятеж в Чембало 1433 г. | 156 |
| 3.3. Военная экспедиция Карло Ломеллини 1434 г. | 158 |
| 3.3.1. Отвоевание генуэзцами Чембало и прибрежной Готии в 1434 г. | 159 |
| 3.3.2. Поход генуэзцев на Солхат и сражение 22 июня 1434 г. у с. Кастандзона | 164 |
| 3.3.3. Причины поражения под Солхатом. Дипломатия Карло Ломеллини | 166 |
| 3.3.4. Post factum войны 1434 г. | 173 |

| | |
|--|------------|
| 3.4. Политическая обстановка в Таврике и Причерноморье во второй половине 30–40-х гг. XV в. | 178 |
| 3.4.1. Политическая обстановка в Крыму в 1435–1441 гг.: достижение мира между Кафрой и Феодоро | 179 |
| 3.4.2. Укрепление границ Феодоро в 30–40-х гг. XV в. Замки Готии | 180 |
| 3.4.3. Каффа и Феодоро в последние годы правления Алексея I (Старшего) (1442–1446 гг.)..... | 207 |
| 3.4.4. Миссия Барнабо ди Вивальди в 1446 г. и новый Устав Каффы 1449 г. | 210 |
| 3.4.5. Смерть Алексея I (Старшего) и начало правления Олобо. Трапезундско-генуэзский конфликт 1446 г. | 212 |
| 3.4.6. О пребывании адыгов на территории Готии | 216 |
| Глава IV | |
| TIMOR TURCORUM В ГЕНУЭЗСКИХ ФАКТОРИЯХ ВРЕМЕНИ ИХ УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ САН-ДЖОРДЖО (1453–1475 гг.)..... | 233 |
| 4.1. Первые признаки «турецкого страха» в генуэзских факториях после падения Константинополя и их перехода в управление Банком Сан-Джорджо (1453–1455 гг.) | 234 |
| 4.2. Экспедиция 1454 г. Темир-Кая в Чёрное море | 237 |
| 4.3. Малые города и замки Генуэзской Газарии (1453–1475 гг.)..... | 240 |
| 4.3.1. Частная лигурийская сеньория XV в. в Северном Причерноморье | 240 |
| 4.3.2. Замок Гваско в селении Тасили (1459/60–1475 гг.)..... | 245 |
| 4.3.3. Генуэзская Луста в 50–70-е гг. XV в..... | 289 |
| 4.3.4. Луста, Чембало и Капитанство Готии в третьей четверти XV в..... | 345 |
| Глава V | |
| КРЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕДЫК-АХМЕТ-ПАШИ. ЗАВОЕВАНИЕ КАФФЫ И ФЕОДОРО ТУРКАМИ-ОСМАНАМИ В 1475 г..... | 353 |
| 5.1. Керкер, Каффа и Феодоро в 50-х гг. XV в..... | 353 |
| 5.1.1. Политические отношения между Кафрой и Феодоро в 1453–1455 гг. | 353 |
| 5.1.2. Торговая «война» между Кафрой, Керкером и Феодоро в 50-е гг. XV вв. | 356 |
| 5.1.3. Крепости правителей Феодоро в третьей четверти XV в. | 358 |
| 5.1.4. Фунская надпись 1459 г..... | 394 |
| 5.1.5. Правители Феодоро третьей четверти XV в.: Олобо, Кейхиби, Исаак | 401 |
| 5.2. Крымская экспедиция Гедык-Ахмет-паши 1475 г. Завоевание генуэзской Газарии и Готии турками-османами | 404 |
| 5.2.1. Каффа и Феодоро накануне турецкого завоевания | 405 |
| 5.2.2. «Каффинская война» (Guerra di Chaffa) 1475 г. | 419 |
| 5.2.3. Политическая обстановка в Причерноморье во второй половине 70-х — начале 80-х гг. XV в. | 500 |
| Заключение | 505 |
| Список литературы | 511 |
| Документы и материалы государственных архивных учреждений | 511 |
| Отечественная и зарубежная литература | 511 |
| Список сокращений | 521 |
| Вспомогательный указатель..... | 522 |



Введение

Географическое расположение Крыма во многом предопределило судьбы народов, населявших его в разное время [Бахрушин, 1993, с. 320]. Геополитическое положение полуострова также играло особую роль в экономической жизни Улуса Джучи на протяжении всего периода существования этого государства (1227–1502 гг.), поскольку здесь оканчивались сухопутные караванные торговые дороги и начинался морской путь в страны Западной Европы, Египет, государства Ближнего Востока [Карпов, 2000, с. 102–110]. Именно в Крым вела из Китая крупнейшая торговая артерия Средневековья. На рынки полуострова поступали с Востока многочисленные предметы роскоши и пряности. Из северных областей (Руси, Болгар и Приуралья) сюда везли меха, кожи, мёд, воск, льняные ткани. Торговый путь, пролежавший через Львов, соединял порты Причерноморья и страны Центральной Европы [Мохов, 1974, с. 298–307; Егоров, 1985, с. 90].

Поэтому территория Таврики в XIII–XV вв. зачастую являлась эпицентром столкновения припонтийских и средиземноморских государств: Византии, Трапезундской империи, Румского султаната, Золотой Орды, Генуи, Венеции, княжества Феодоро, Молдавского княжества, Крымского ханства и Османской империи [Домбровский, 1986, с. 519; Мыц, 1991, с. 3–6; 1999в, с. 176–186].

Развитие трансконтинентальной торговли способствовало росту в Северном Причерноморье новых городов (Солхат-Крым, Каффа, Феодоро, Каламита, Тана-Азак и др.) и стимулировало активную деятельность старых местных рынков (Боспоро-Воспоро, Сугдея-Солдайя, Алустан-Луста, Партенит, Гурзуф, Ялита, Симболон-Чембало) (рис. 1). Поздневизантийские города Таврики

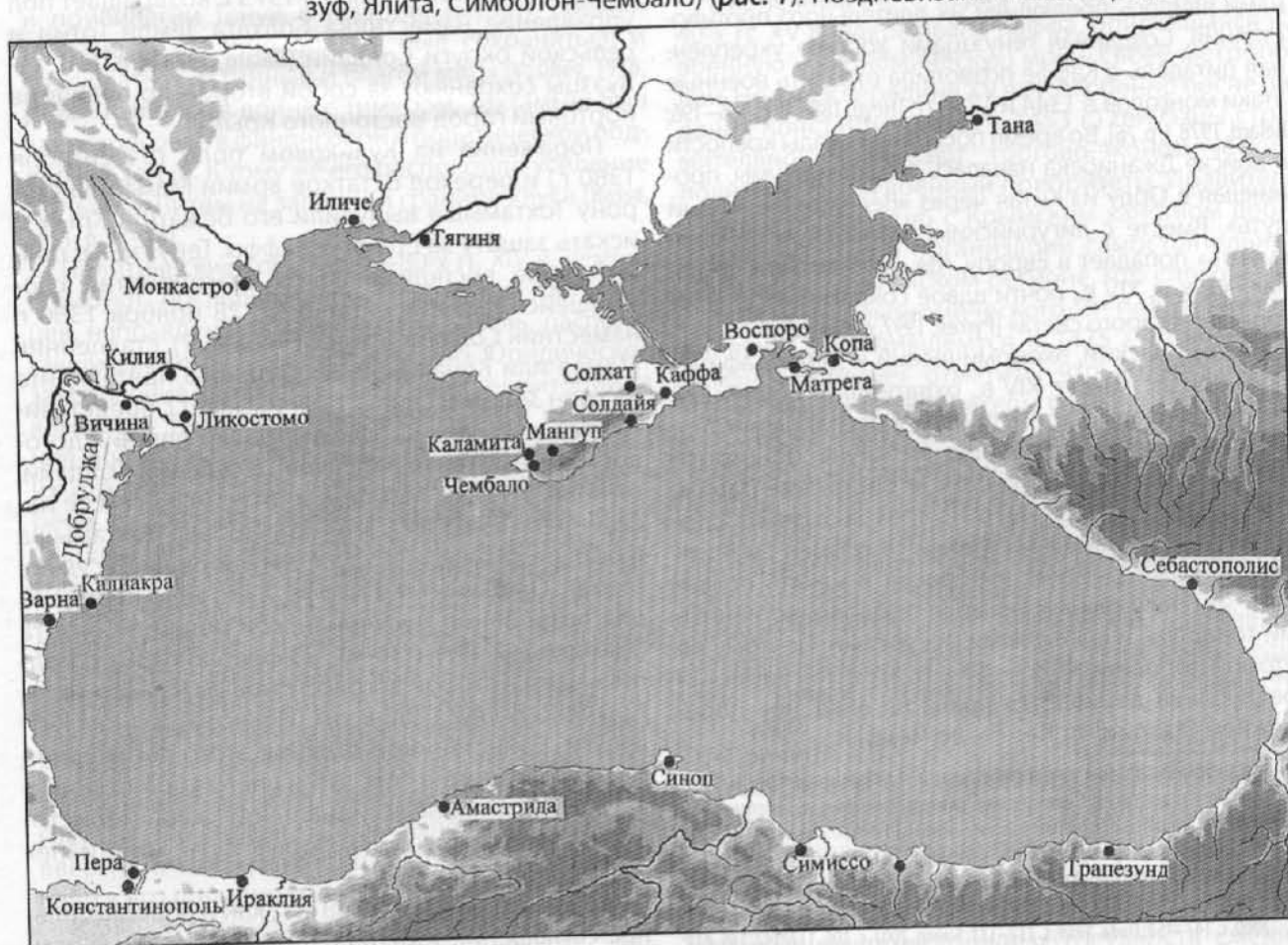


Рис. 1. Черноморское побережье в XV в. Основные пункты торговли

имели свои традиционные категории экспорта, в основе которых была продажа рабов, а также строевого леса, зерна, соли, рыбы, икры, вина, льна, конопли, кож, мяса, овощей, фруктов и др. [Карпов, 1981, с. 31–33; Еманов, 1995, с. 147–148].

Мирный процесс торгово-предпринимательской интеграции нарушался военнополитическими конфликтами, одной из причин которых была конкурентная борьба его участников. Быстрое усиление генуэзской Каффы, основанной в начале 70-х гг. XIII в. [Balard, 1978, p. 118], стремление лигурийцев монополизировать торговлю в бассейне Чёрного моря неоднократно приводило к вооружённым конфликтам с государством монголов или его крымским улусом, а впоследствии — Крымским ханством (1307–1308, 1343–1346, 1365, 1385–1387, 1433–1434, 1454 гг.).

В 1339 г. на хана Узбека было совершено покушение, и лигурийцы, чутко отреагировав на грядущие политические перемены в Орде, уже в 1340 г. начинают возведение каменной цитадели (*castrum*) Каффы [Бочаров, 1998, с. 86–89]. Приход к власти ставленника кочевой монгольской аристократии Джанибека (1342–1357 гг.) ознаменовался изменением внешнеполитического и экономического курса Улуса Джучи. Это стало причиной ряда конфликтов с итальянскими торговыми республиками — Генуей и Венецией. Инициированное наместником Азака в 1343 г. столкновение между латинянами и мусульманами явилось прелюдией их длительного противостояния. Созданная генуэзцами хорошо укрепленная цитадель в Каффе позволила отразить военные атаки монголов в 1344 и 1346 гг. [Heyd, 1886, II, p. 195–196; Balard, 1978, I, p. 76]. Во время последней осады крепости в войске Джанибека началась эпидемия чумы, проникшая в Орду из Китая через «Великий шелковый путь». Вместе с лигурийскими кораблями «чёрная смерть» попадает в Европу, где свирепствует до начала 60-х гг. XIV в., почти вдвое сократив население городов «старого света» [Русцев, 1997, с. 220–228].

Политический, экономический и демографический кризис 40-х гг. XIV в., охвативший обширный регион Евразии, в итоге привёл к распаду монгольских империй и нарушению «международного товарообмена между Западом и Востоком» [Карпов, 1994, с. 121; 1999, с. 220–237]. Поиски выхода из сложившейся ситуации заставили генуэзцев сменить вектор коммерческих интересов и начать осваивать местные рынки, богатые продовольственными товарами и сырьевыми ресурсами. Поэтому во второй половине 40-х — 80-е гг. XIV в. Лигурийская республика добивается права на владение побережьем Газарии¹ от Каффы до Чембалю.

¹ Хазарский каганат уже к середине X в. утрачивает политическое господство в Северном Причерноморье и Таврике, сохранив на пять столетий воспоминания о былом могуществе в топонимике полуострова, который византийцы, латиняне и восточные авторы XIII–XV вв. называли «Хазария» (*Haçaria*) или «Газария» (*Gazarie*) [Рубрук, 1997, с. 88; Скржинская, 1953, с. 258; 2000, с. 147–152; Duda, 1959, s. 132–133; Байер, 2001, с. 106, 117, 142, 146, 434; Карпов, 2007, с. 30, 120, 275, 282, 285, 287, 308, 310, 321, 322, 475].

Захватив в 1344/45 гг. Чембалю, генуэзцы начинают возводить здесь деревянно-земляные оборонительные сооружения. Появление весной–летом 1345 г. военного отряда монголов вынуждает жителей города бежать в горы. Но вскоре генуэзцам удаётся окончательно закрепиться в Чембалю, о чём свидетельствует петиция коммуны Каффы дожу Генуи Джованни ди Мурта (1344–1350 гг.) [Balbi, 1978, p. 226–227]. Так, в 1357 г. консул и кастеллан Чембалю Симоне дель Орто ведёт здесь капитальные строительные работы [Skrzinska, 1928, p. 129, № 53].

Реализации генуэзцами плана территориальных захватов способствовала длительная междоусобная двадцатилетняя война (60–70-х гг. XIV в.) в Золотой Орде. В ответ на враждебные действия наместника Солхата Кутлуг-Тимура, пытавшегося блокировать Каффу со стороны суши, 19 июля 1365 г. генуэзцы овладевают Солдайей. Несмотря на вмешательство в этот конфликт Мамаю, город с 18 селениями в сельской округе остаётся за ними до 1375 г. Таким образом, Солдайя — порт, через который купцы Солхата могли вести торговлю, минуя Каффу, — становится вторым объектом генуэзской экспансии. В 1374 г. массарии фиксируют затраты на пребывание официалов и наёмников в ключевых пунктах прибрежной Готии: Лусте (Алуште), Партените, Горзувии, Ялите [Jorga, 1896, p. 31–32]. Хотя Мамаю в 1375 г. возвращает под управление наместника Солхата земли Готии и сельской округи Солдаи [Balard, 1978, I, p. 161], генуэзцы сохраняют за собой второй по величине портовый город Восточного Крыма.

Поражение на Куликовом поле (8 сентября 1380 г.) и переход остатков армии Мамаю на сторону Тохтамыша вынудили его бежать в Крым и искать защиту за стенами Каффы. Генуэзцы в полной мере воспользовались благоприятно сложившейся для них ситуацией. 28 ноября 1380 г. наместник Солхата Яркас (Черкесс?), ставленник Мамаю или Конак Бека (ещё одного претендента на трон Золотой Орды), подписывает с представителями коммуны Каффы выгодный для них договор. По нему Генуя получала 18 селений Солдаи, отнятых в 1375 г. Мамаем, и Готию «со всем её населением» [Sasy, 1827, p. 53–55]. Победа Тохтамыша в борьбе за власть в Улусе Джучи решила судьбу Мамаю. Он был убит в Каффе, а его тело передано для погребения мусульманской общине Солхата [Крамаровский, 1996, с. 38–40]. 23 февраля 1381 г. подписывается второй договор с новым наместником Крымского улуса Элиасом (Ильясом), сыном Кутлуги. Единственное отличие этого соглашения от предыдущего в том, что из него убрана фраза, касающаяся конфессиональной характеристики населения Готии, «которые суть христиане» [Vasiliev, 1936, p. 178–179].

Но договоры 1380 и 1381 гг., как и дополнительное соглашение 1382/83 г. [Basso, 1991, p. 12], не привели к примирению сторон. Возрастающее напря-

жение в отношениях между Солхатом и Каффой, действия татар против закрепления за генуэзцами новых территорий вынуждают их в очень короткий срок (1383–1385 гг.) возвести вторую линию обороны города [Balard, 1979, p. 207; Бочаров, 1998, с. 89–96]. Принятые лигурийцами меры защиты оказались вполне оправданными и своевременными, потому что отношения между татарами и колонией Генуи стремительно ухудшались, и в конечном счёте они вылились в открытые столкновения (1385/86 гг.), получившие в документах того времени название «Солхатская война» (*Bellum de Sorcati*). Татары всячески настраивали против генуэзцев местное население [Basso, 1991, p. 12]. Беспорядки («мятежи») охватили значительную территорию, в том числе Готию, куда генуэзцы вынуждены были направить вооружённую галеру для усмирения бунтовщиков [Balard, 1978, I, p. 161]. В это же время, начиная с 1384 г., здесь разворачивается продолжительная борьба митрополитов Херсона, Сугдеи и Готии за право сбора каноникона с населения ряда Южнобережных селений.

На этот раз генуэзцам удалось разрешить конфликт не столько силой оружия, сколько демонстрацией готовности применить его в случае необходимости, а также путём гибкой дипломатии. Новый договор был подписан 12 августа 1387 г. с наместником Солхата Кутлубугой. Этим соглашением подтверждались все данные прежде права и привилегии Генуи в Газарии: «между обеими сторонами навечно должен был сохраняться и соблюдаться истинный и благой мир» [Vasiliev, 1936, p. 180]. Готовясь к войне с Тимуром, Тохтамыш был заинтересован в финансовой и политической поддержке Генуи. К тому же его беспокоило усиление Польши и Литвы на западной границе Улуса [Basso, 1991, p. 17–18].

Политические события 40–80-х гг. XIV в. демонстрируют последовательные действия лигурийцев, направленные на аннексию земель, располагавшихся между Каффой и Чембалом. Юридическое закрепление вновь приобретённых территорий за коммуной Генуи производилось путём подписания договоров (1380, 1381, 1387 гг.). Содержание их отражает, прежде всего, экономические интересы динамично развивающейся колониальной системы Генуи в бассейне Чёрного моря [Sasy, 1827, p. 53–55; Vasiliev, 1936, p. 178–180; Basso, 1991, p. 11–12, 17–18].

Несмотря на длительное военно-политическое противостояние с монголами, генуэзцы в полной мере смогли воспользоваться результатами своей гибкой дипломатии. В скором времени, после серии поражений хана Тохтамыша в войнах с Тимуром (1387, 1391, 1395 гг.), Золотая Орда значительно ослабла. Некогда могущественное государство Евразии вновь было на долгие годы ввергнуто в междоусобицы, которые в XV в. привели к его полному развалу.

Конец XIV столетия — время наивысшего подъёма торговой активности генуэзских негоциантов,

оказывавших значительное влияние на все стороны жизни государств, расположенных в бассейне «Великого моря». Каффа превращается в наиболее крупный город региона. На побережье Газарии в 40–80-е гг. XIV в. в состав лигурийских владений входят бывшие византийские приморские города Сугдея (Солдайя), Алустон (Луста), Партенит, Горзувий, Ялита, Симболон (Чембало), а вместе с ними и около 40 сельских поселений. Завершается этот период в 1398 г. признанием метрополией главенствующей роли коммуны Каффы в системе управления генуэзскими факториями восточной части Чёрного моря и в «империи Газарии». Данное признание нашло отражение и в дополнениях к прежнему статуту города.

Но уже в начале XV в. наблюдается процесс роста антилигурийских настроений. Начинают складываться антигенуэзские коалиции Понтийских государств. Эта тенденция демонстрирует новый виток развития политических отношений в причерноморском регионе и станет доминирующей в 20–40-х гг. XV в. В начале 20-х гг. XV в. в открытую борьбу с Каффой за побережье Готии и Чембало вступает правитель города Феодоро Алексей I (Старший), которому необходимо обеспечить самостоятельное участие в международной торговле. Его амбиции были поддержаны старой соперницей Генуи — Венецией, а затем и крымским ханом Хаджи-Гиреем (1433–1434; 1441–1466).

В конечном счёте, верх в этой борьбе до начала 40-х гг. XV в. одерживала Каффа, опиравшаяся на военную и экономическую мощь своей метрополии. Но уже к середине XV в. (и особенно после падения Константинополя в 1453 г.) генуэзцы стремительно утрачивают торгово-экономический, политический и военный приоритеты. Правители Феодоро совместно с Крымским ханством добиваются успехов в организации самостоятельной торговли в Понтийском регионе, что способствует росту их экономического и политического влияния, закончившемуся в 1475 г. вторжением османов. Следует отметить, что антиосманские настроения в политическом сознании населения генуэзских факторий Газарии, как и всего Восточного Причерноморья, проявляются довольно поздно, после падения Константинополя 29 мая 1453 г. В то же время в Таврике, в частности в среде правящей элиты Крымского ханства, княжества Феодоро и жителей Каффы, всё яснее вырисовываются проосманские настроения, сыгравшие решающую роль в 1475 г. при завоевании Гедык Ахмет-пашой генуэзских владений и княжества Феодоро.

Причины успехов Османской империи и неудачи государств Европы в борьбе с ней заключались в том, что Турция раньше сформировалась как централизованное полиэтничное государство, в то время как в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе тенденцию сохранения и восстановления моноэтничных государств сменяет

тенденция создания многонациональных государственных образований. Именно в результате развития этого направления сложилась новая историческая карта юго-востока Европы, просуществовавшая без больших изменений до конца XVIII в., а в некоторых случаях и до рубежа XIX–XX вв. [Греков, 1984, с. 3].

Таким образом, XV в. в истории Таврики знаменателен появлением двух новых государств на территории полуострова, завершение начального этапа формирования которых приходится на 20–40-е гг. столетия. Это так называемое княжество Феодоро и Крымское ханство. Судьбы их сложились по-разному. Если первое как государственное образование навсегда исчезает с политической карты Крыма после 1475 г., то второе существует до конца XVIII в. и оставляет глубокий след в истории Восточной Европы.

В научной литературе более полно отражена история Крымского ханства и предшествовавшего ему улуса Золотой Орды, всесторонне освещаемая в многочисленных работах конца XVIII–XX вв. (И. Э. Тунманна, А. А. Андриевского, М. Н. Бережкова, Н. И. Веселовского, Ф. К. Бруна, А. Г. Завадовского, В. Д. Смирнова, Ф. Ф. Лашкова, В. Х. Кондаракки, Г. Ф. Блюменфельда, В. Йордана, В. В. Шаркова, С. В. Бахрушина, К. В. Базилевича, В. Е. Сыроечковского, А. А. Новосельского, И. П. Петрушевского, И. Б. Грекова, А. Ю. Якубовского, А. Беннингсена, Б. Шпулера, Х. Иналджика, А. Н. Курата, М. Г. Сафаргалиева, Ю. Г. Фёдорова-Давыдова, Л. А. Егорова, А. П. Григорьевой, А. М. Некрасова, А. В. Виноградова, Л. Подгородецкого, М. Г. Крамаровского, Д. И. Хайдарлы и многих других). Среди них основополагающим по-прежнему остаётся фундаментальное двухтомное монографическое исследование (1887 и 1889 гг.) В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты», переизданное в 2005 г. [Смирнов, 2005, т. 1–2; Мейер, Утургаури, 2005, т. 1, с. 7–15; Орешкова, 2005, т. 1, с. 16–23; т. 2, с. 283–310].

Изучение итальянской колонизации побережья Чёрного моря в XIII–XV вв. также имеет продолжительные историографические традиции (см., например, [Бадян, 1967, с. 103–111; 1969, с. 135–141; 1970, с. 48–53; Карпов, 1990, с. 22–46; Никифоров, 1991, с. 122–130; Еманов, 1995, с. 5–15; Адаксина, Мыц, 2004, с. 82–93] и др.). На протяжении XIX–XX столетий учёными различных стран (Дж. Л. Одериго, С. Саси, Н. Н. Мурзакевичем, Э. Ф. Примодде, М. де Канале, В. Гейдом, В. Н. Юргевичем, М. Волковым, А. Винья, Л. Т. Бельграно, К. Дезимони, Г. Бертолотто, Н. Йоргой, Г. Брэттиану, Н. Бэнеску, В. Василиу, Е. Ч. Скржинской, М. Баларом, Г. Бальби, Л. Балетто, С. Оригоне, Дж. Пистарино, А. Агосто, А. Ассини, Г. Лунарди, Э. Бассо, А. Риссо, Я. Хеерсом, С. Папакоста, Г. Г. Муссо, С. А. Милицыным, С. П. Карповым, Л. Г. Климановым, Э. В. Даниловой и др.) путём издания многочисленных письменных источников была заложена источниковедческая

база изучения основных этапов формирования колониальной системы Лигурийской Республики в Причерноморье. При этом значительная часть опубликованных материалов непосредственно касалась крымской Газарии, где располагались наиболее важные военно-административные центры и торговые фактории, формировавшиеся на протяжении 70-х гг. XIII в.—1475 г. В ходе кропотливой работы исследователями выявлен объёмный комплекс нарративных источников, обработка и издание которых потребовали больших усилий.

Параллельно с процессом публикации источников происходило и постепенное накопление материалов по археологии и архитектуре (Э. Штерн, А. Л. Бертье-Делагард, Л. А. Маджиротти, И. Б. Зеест, Б. Г. Петерс, Е. А. Айбабина, Р. Стринга, О. И. Домбровский, С. Г. Бочаров, А. В. Сазанов, Ю. Ф. Иващенко, М. Г. Крамаровский, И. А. Баранов, А. Г. Герцен и др.), исторической топографии (М. Погодин, О. Х. Халпахчан, М. Балард, Р. Стринга, С. Г. Бочаров, А. Л. Пономарёв), топонимике (П. И. Кёппен, Ф. К. Брун, Е. Фелицын, К. Дезимони, В. Томашек, А. Л. Бертье-Делагард, А. И. Маркевич, О. Н. Трубочёв), нумизматике (Э. Ф. Ретовский, Н. Н. Мурзакевич, В. Н. Юргевич, А. Л. Бертье-Делагард, А. Г. Фёдоров-Давыдов, О. Илиеску, Дж. Пеше, Дж. Лунарди, Л. Баллетто, Т. И. Слепова, М. Северова, В. П. Лебедев, М. Г. Крамаровский, Н. М. Фомичёв, В. А. Сидоренко, А. Г. Еманов, С. Г. Бочаров, В. И. Волков, В. П. Кирилло и др.), греческой и латинской эпиграфике XIV–XV вв. (Дж. Л. Одериго, Л. Ваксель, В. Н. Юргевич, Н. Ф. Лапин, Е. Ч. Скржинская, Н. В. Малицкий, Л. Г. Климанов, Э. В. Данилова, А. Ю. Виноградов), декоративной каменной резьбе (Е. А. Айбабина, М. Г. Крамаровский, А. Г. Еманов), геральдике (В. Н. Юргевич, Л. А. Маджиротти, Е. Ч. Скржинская, Л. Г. Климанов, Е. А. Яровая), торевтике (М. Г. Крамаровский). Это дало возможность не только значительно расширить предметную базу изучаемых памятников (Каффы, Солдайи, Солхата, Мангупа-Феодоро, Чембало, Лусты, Тасили, Каламиты и др.), но и позволило воссоздать реальную картину их истории, нашедшую отражение в предметах и объектах материальной культуры.

Вместе с тем, исследователи, обратившись к изучению истории государства, называемого ими «княжеством Готии», «княжеством Феодоро» или «Мангупским княжеством», занимавшим часть территории Юго-Западного Крыма и Южного побережья («Готия»), столкнулись со значительными проблемами, обусловленными крайней скудостью письменных источников (И. Э. Тунманн, С. Богуш-Сестренцевич, П. И. Кёппен, М. де Канале, Ф. К. Брун, В. Томашек, Ф. А. Браун, В. Гейд, Л. П. Колли, Ю. А. Кулаковский, А. Л. Бертье-Делагард, Н. Йорга, В. Василиу, Н. Бэнеску, Н. В. Малицкий, А. А. Васильев, А. Л. Якобсон, Е. В. Веймарн, А. Г. Герцен и др.). Поэтому многие этапы его суще-

ствования из-за значительных хронологических лагун восстанавливались путём высказывания различных предположений, которые по своей сути оказались паралолизмами.

После выхода работ Дж. Ф. Фальмерайера, Ф. К. Бруна, Ф. А. Брауна, А. А. Васильева, Э. Брайера стало общепринятым мнение, что «князья» Мангупа якобы принадлежали к роду Гаврасов (или Гаврасов-Таронитов), тесно связанному, начиная с XI в., с политической историей Трапезунда. Отсюда делалась посылка о существовании княжества Феодоро если не в XII в., то, по крайней мере, с начала XIII в. (Ф. К. Брун, Ф. А. Браун, А. А. Васильев, А. Л. Якобсон, М. А. Тиханова, Е. В. Веймарн, О. И. Домбровский, С. А. Секиринский и др.). Представленная в пользу данного утверждения аргументация, первоначально изложенная в форме гипотезы, со временем стала восприниматься исследователями уже как установленный факт (обстоятельную критику этого утверждения см. в работах В. П. Степаненко [Степаненко, 1990, с. 87–95; 1997а, с. 76–77; 1997б, с. 48–51; 2001, с. 353–375]).

В современной историографии, базирующейся на разработках исследователей конца XVIII — 30–60-х гг. XX в., создан в значительной степени мифологизированный, «обобщённый», но в контексте реальных исторических событий неясный образ города и княжества. При этом Феодоро определяется как «греческая деспотия», возникшая в начале XIII в. В её территориальные владения якобы входили все земли Южного берега Крыма, бассейнов рек Чёрной и Бельбека. Политическим центром государства, именуемого в молдавских, польских, венгерских и русских источниках «Мангупским княжеством», являлся город Мангуп. Его правители («деспоты»), происходившие из трапезундского рода Гаврасов, исповедовали христианство и носили православные греческие имена. Основу их герба составлял двуглавый орёл, заимствованный путём заключения браков у императоров Константинополя. В 1299 г. «княжество Феодоро» было завоёвано монголами под предводительством «эмира» Ногая и с этого времени находилось в зависимости от татар. Со второй половины XIV в., когда на Мангупе правят династы с татарскими именами (Хуйтани, Чичикий), начинается его возрождение. Достигнув своего расцвета во время правления князя Алексея I (Старшего) в XV в., при военной и дипломатической поддержке Хаджи-Гирея, Феодоро удаётся отвоевать у генуэзцев ранее захваченную ими территорию Южного берега («поморье»), создав крупный торговый порт в Каламите. Последней страницей его истории стала героическая оборона Мангупа от турок-османов в 1475 г. (см. [Якобсон, 1964, с. 123–128; 1973, с. 128–133; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 363–364, 766; Герцен, 2004, с. 223–231] и др.).

Многие из представленных концептуальных построений, как и сам лишённый критического анализа используемых разновременных и раз-

нохарактерных источников, способ подачи исторического материала, интерпретировавшегося либо упрощённо, либо, наоборот, отягощённого недопустимыми домыслами, неоднократно становились предметом критики [Скржинская, 1953, с. 258–269; Степаненко, 1990, с. 87–95; Богдановна, 1995, с. 104–116; Кирилко, 1999, с. 137–138; Байер, 2001, с. 160–227].

Вместе с тем, на протяжении последних 30 лет, в основном благодаря проведению значительных по объёму археологических исследований, осуществлявшихся на территории Солхата (М. Г. Крамаровский), Каффы (Е. А. Айбабина, С. Г. Бочаров, М. Г. Крамаровский, Ю. Ф. Иващенко, А. В. Сазанов), Солдаи (И. А. Баранов, Е. А. Айбабина, С. Г. Бочаров), Тассили (В. Л. Мыц, В. П. Кирилко), Лусты (С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц, А. В. Лысенко, И. Б. Тесленко), Фуны (В. Л. Мыц, В. П. Кирилко), Партенита (Е. А. Паршина, С. Б. Адаксина, А. В. Лысенко, В. Л. Мыц, В. П. Кирилко, И. Б. Тесленко), Мангупа (Е. В. Веймарн, А. Г. Герцен), Пампук-Кая (В. Л. Мыц), Чембало (Н. А. Алексеенко, С. В. Дьячков, С. Б. Адаксина, В. П. Кирилко, В. Л. Мыц), Каламиты (В. Ф. Филипенко) и др., получен материал, включающий в себя широкий спектр находок: произведения торевтики и декоративной каменной резьбы, керамические сосуды и изделия из стекла, нумизматика, вооружение, разнообразные орудия труда, латинская и греческая эпиграфика и др.

Данные археологических исследований, в сочетании с детальным изучением архитектуры зданий и элементов их декоративного убранства, позволяют значительно конкретизировать представления о бытовой культуре как латинских колонистов, проживавших на территории Газарии, так и другого, полиэтничного и поликонфессионального населения полуострова, подчинённого золотоордынскому Солхату или Феодоро (Крымской Готии).

В то же время рядом исследователей, представляющих различные научные школы (Дж. Пистарино, М. Баларом, А. Агосто, А. Ассини, Э. Бассо, Л. Балетто, Е. Ч. Скржинской, В. Гюзелевым, С. П. Карповым, Л. Г. Климановым, А. А. Талызиной, О. Н. Барабановым, С. В. Близняк, А. Л. Пономарёвым, И. К. Фоменко и др.), были изданы (или переизданы) комплексы документов по истории Северного Причерноморья XIII–XV вв., хранящихся в собраниях государственных архивов Генуи, Венеции и России. Дополнительное обращение к турецким, арабским, персидским (Х. Иналджик, А. Курат, Ф. Куртоглу и др.), армянским (М. Казаку, К. Кевонян, В. Микаэлян, Т. Сарсян) письменным источникам, по текстам которых имеются критические издания и авторитетные переводы, в их сравнительном анализе со свидетельствами молдавских, немецких, польских, русско-литовских хроник и летописей позволяет в некоторой степени по-новому выполнить историко-археологическую реконструкцию по-

литических отношений, складывавшихся между Каффой и Феодоро в XV в.

Видимо, надо хотя бы кратко представить читателю данную работу. Говорят, что «каждая книга имеет свою историю». Вместе с тем она имеет и свою предысторию. Идея написать о том, как в реальности могут взаимно дополнять друг друга письменные (нарративные) и археологические (в том числе и обнаруженные в ходе раскопок эпиграфические) источники средневекового Крыма, возникла давно. В ходе обсуждения с моим учителем Сергеем Николаевичем Бибиковым подготовленной в 1987 г. к защите кандидатской диссертации «Средневековые укрепления Горного Крыма X–XV вв.» стала очевидной проблема недостаточно аргументированной и чрезмерно широкой датировки фигурирующих в работе памятников. В то время (как, кстати, во многих случаях и сейчас) были приняты даты: VIII–X, IX–X, IX–XI, XI–XII, XII–XIII, XII–XIV, XIII–XV, XIV–XV вв. и т. д. Удобные для отчётов о полевых исследованиях, они перекочевывали на страницы научных изданий и, будучи общепринятыми, не вызывали нареканий со стороны оппонентов. К тому же, имея дату памятника или слоя в два-три столетия, всегда можно было «подыскать» и «соответствующее событие», результатом которого явились выявленные в ходе раскопок следы разрушения или гибели. Иногда дело доходило до курьёзов, когда один и тот же материал (из одного слоя разрушения) у одного исследователя «выступал свидетелем» двух разных событий военно-политического характера, но относящихся в первом случае к VIII, а в другом — к X вв. Изредка исследователи средневековых памятников Крыма приводили стратиграфические разрезы в подтверждение своих выводов. В большинстве случаев они представляли собой упрощённые схемы, которые, по выражению С. Н. Бибикова, «рисовались, не выходя из кабинета».

Также было принято «в каждом веке искать его катастрофу», т. е. событие, вызвавшее повсеместные разрушения, тотальные пожары, гибель населения. Если обратиться к XIII–XV вв., то для каждого из них была найдена «его катастрофа». Например, в XIII в. таким событием принято считать нашествие Ногая в 1299 г. Для XIV в. — поход Тимура (либо кого-то из его креатур) в 1395 г. (А. Л. Якобсон этот «процесс» погромов продлевал до 1396–1399 гг.). Для XV в. — завоевание генуэзских факторий и княжества Феодоро османами в 1475 г.

Поэтому период XIII–XV вв. в археологии средневекового Крыма особенно импонировал наличием абсолютных дат. Казалось, достаточно было собрать и систематизировать уже накопленный материал для того, чтобы получить

вполне объективную хронологическую шкалу этого времени. Однако всё оказалось намного сложнее. С одной стороны, было исследовано много памятников и на больших площадях, а с другой — полученные материалы оставались не введёнными в научный оборот. Положение практически не изменилось и сегодня. До сих пор нет монографических исследований по таким ключевым памятникам крымского средневековья, как Мангуп (А. Г. Герцен), Каффа (Е. А. Айбабина, С. Г. Бочаров), Солхат (М. Г. Крамаровский) и Сугдея (И. А. Баранов). Но положение усложнялось ещё и тем, что даже опубликованные материалы в основном были лишены стратиграфического контекста. Наиболее показательным примером могут служить многочисленные работы А. И. Романчук, посвящённые Херсонесу. Сложилась парадоксальная ситуация, когда памятники изучались непрерывно на протяжении многих лет, а их стратиграфия и датирующие основные строительные периоды артефакты оставались практически в полной неизвестности.

В то же время, в ходе раскопок (1980–1995 гг.) Алустана и Фуны удалось получить настолько объёмный разновременный и разнохарактерный материал, что каждый из этих памятников заслуживал отдельного монографического обобщения. Кроме того, именно Алустан и Фуна дали стратифицированные закрытые комплексы XV в. с узкой датой их формирования: 1459–1475 гг. (феодоритская Фуна) и 1463/64–1475 гг. (башня «Орта-Куле» генуэзской Лусты). Опираясь на эти комплексы, можно было с высокой степенью точности датировать отдельные находки из других памятников не только Крыма, но и более обширного региона — от Белгорода-Днестровского до Северного Кавказа.

Учитывая наличие опубликованных многочисленных письменных (нарративных и эпиграфических) источников, вероятно, впервые появилась возможность выполнить хотя бы гипотетическую реконструкцию политической истории Крыма XV в. Однако имеющийся в моём распоряжении археологический материал ограничивал сегмент политических отношений в пределах владений Каффы и Феодоро. Название книги — «Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты» — мне подсказали строки из стихотворения Р. Киплинга, которые в русском переводе звучат примерно так:

*Города — спеси полны
Кичливый ведут спор:
Один — от прибрежной волны,
Другой — от отрогов гор.*

Работа была закончена в конце 2001 г., и я даже успел отправить её для прочтения некоторым будущим оппонентам: С. П. Карпову, Л. Г. Климанову, М. Г. Крамаровскому и В. П. Степаненко. Был приятно удивлён, когда довольно быстро, несмотря на постоянную занятость исследователей, получил

ГОТИЯ И ФЕОДОРО В 40–90-Х ГОДАХ XIV СТОЛЕТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В 1910 г. вышла из печати работа А. Л. Бертье-Делагарда «К истории христианства в Крыму (мнимое тысячелетие)». Один из наиболее авторитетных исследователей причерноморских древностей «серебряного века», подводя итоги истории изучения средневековой Таврики за минувшее столетие, вынужден был констатировать: «Понадобится немало исследований по совершенно частным и мелочным вопросам; ещё более окажется необходимым проверить уже решённое, причём немало высказанного как простая догадка, но от частого повторения кажущегося истиной, будет отвергнуто; едва ли многое уцелеет из положений, ныне признаваемых несомненными, но загромождающих лишь путь дальнейшему исследованию» [Бертье-Делагард, 1910, с. 1].

Приходится признать, что и в наши дни слова А. Л. Бертье-Делагарда, сказанные им в начале прошлого века, остаются актуальными, т. к. отражают современное состояние историографии средневекового Крыма. Хотя начало её формирования относится к 70-м гг. XVIII в., в ряде попыток решить важные исторические вопросы исследователи, опираясь на малочисленные свидетельства письменных источников, были вынуждены ограничиваться лишь высказыванием предположений, которые со временем, из-за частого повторения, нагромождения ссылок на мнения научных авторитетов, приобретали вид аксиом, хотя по сути являлись историографическим вымыслом.

Вероятно, поэтому на фоне достижений в исследовании латинской колонизации Северного Причерноморья и формирования многоплановых связей генуэзских и венецианских факторий с Улусом Джучи, а после его распада с Крымским ханством и Большой Ордой, итоги изучения опыта их культурно-экономических, дипломатических контактов и военно-политических конфликтов с населением Готии и её столицей Феодоро, долго оставаясь в тени татаро-генуэзско-венецианских отношений, выглядят более чем скромно. Не ставя под сомнение важность всестороннего и углубленного познания последних, следует признать, что без учёта реального исторического вклада ещё одного участника политического и культурного диалога, протекавшего на территории Таврики в XV в. — Феодоро и Готии — этот процесс будет выглядеть однобоко, приобретая на некоторых этапах гипертрофированный характер.

До настоящего времени единственной работой, в которой на уровне знаний 20–30-х гг. XX в. предпринималась попытка обобщить свидетельства нарративных, эпиграфических и в меньшей степени архитектурно-археологических источников, освещающих данную тему, является исторический очерк известного русского византиниста А. А. Васильева (1867–1953 гг.). Он помещён в качестве V главы фундаментального исследования «*The Goths in the Crimea*», изданного в 1936 г. в серии «*Monographs of the Medieval Academy of America*» (№ 11) [Vasiliev, 1936, p. 171–266]¹.

После выхода монографии А. А. Васильева в 1937 г. появилась единственная (насколько мне известно) рецензия, подготовленная византинистом В. А. Соловьёвым

¹ Данная глава («Княжество Готия в XIV–XV веках и его падение в 1475 году») никогда не издавалась на русском языке. О перипетиях её судьбы см. в работе А. Г. Герцена «О двух рукописях сочинения А. А. Васильева в архиве ЛОИА АН СССР // ВВ. 1979, Т. 40, с. 191–192.

(«Спорные вопросы Готского княжества в Крыму. По поводу книги: Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea» // *Annales de L'Institut Kondacow*. № 9, 1937, с. 93–104). Относительно недавно к этой же теме обратился Х.-Ф. Байер [Байер, 2001]² в оригинальном исследовании «История крымских готв как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро». Исследователь проделал большую работу по современному критическому анализу источников, использованных в своё время А. А. Васильевым и другими авторами при изучении проблемы пребывания готв в Крыму.

По общему признанию, сложность объективного освещения истории княжества Феодоро обусловлена, прежде всего, малочисленностью и фрагментарностью сохранившихся опубликованных письменных источников. Особенно это касается «раннего» периода «Мангупского княжества», о существовании которого в XIII — первой половине XIV в. источники вообще умалчивают. Поэтому в своё время А. А. Васильев был вынужден признать: «Обстоятельства, в которых правители Феодоро провозгласили себя независимыми, покрыты мраком» [Vasiliev, 1936, p. 179].

Сравнительно недавно мной была предпринята попытка краткого историографического и источниковедческого исследования, для которого были привлечены все доступные материалы по данной проблеме, отражающие историю Феодоро второй половины XIV в. [Мыц, 2001, с. 245–256; 2002, с. 107–112; 2003, с. 307–331; 2007, с. 96–101].

Настоящая глава представляет собой более полный и расширенный вариант исследования, хронологически охватывающего период 40–90-х гг. XIV в. в истории Крыма, Северного и Северо-Западного Причерноморья. Она не претендует на полную историографию исследования княжества Феодоро. Это было бы уместно сделать при написании специальной работы, посвящённой комплексному освещению истории во многих отношениях оригинального государства — последнего «осколка» Византийской империи, по выражению А. А. Васильева. Однако такую работу ещё никто не выполнил³. Моя зада-

ча состоит в другом: попытаться представить результаты изучения нарративных, эпиграфических и архитектурно-археологических источников в контексте политических событий 40–90-х гг. XIV в., которыми наши предшественники оперировали, пытаясь восстановить раннюю историю княжества Феодоро.

1.1. Готия 40–60-х гг. XIV в. в историографии средневекового Крыма

После выхода работы Н. В. Малицкого «Заметки по эпиграфике Мангупа» [Малицкий, 1933, с. 5–45] становится почти общепризнанным положение о том, что княжество Феодоро появляется как независимое государство, играющее заметную роль в политической жизни причерноморского региона, не ранее второй половины XIV в.⁴ Для обоснования этого тезиса А. А. Васильев использовал доступные ему разновременные и разнохарактерные нарративные источники.

Во-первых, свидетельство Теодоро Спандуджино (*Teodoro Spandugino*, родился около 1453 г., а после 1538 г., как говорится, «след его теряется») о конфликте между византийским императором Андроником III Палеологом (1328–1341 гг.) и «князем Готии (*principe di Gothia*), болгарами и сербским королём Стефаном». Кроме того, Теодоро писал, что султан Мурад I (1360–1389 гг.) «заключил союз с болгарами, валахами, готами и императором Константинополя против Венгерского королевства». Баязид I (1389–1402 гг.) внимательно следил за распрями, происходившими между правителями христианских государств «и в особенности королем Сербии, готами и валаха-

князя. Крымско-готский сборник. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2005, с. 280, илл.; Васильев А. В., Автушенко М. Н. Загадка княжества Феодоро. — Севастополь: Библекс, 2006, с. 416, илл.). Писать отзывы (не рецензии!) на такие работы дело неблагодарное, т. к. они почти сплошь представляют собой компилятивный анахронизм, местами «подкреплённый» личными «открытиями», которые мой разум отказывается понимать (особенно там, где «серьёзно говорится» о Святой чаше, которую надо искать в Горном Крыму). Но, видимо, таковы курьёзные гримасы «интеллектуальной» жизни нашего современного общества.

² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Х.-Ф. Байера за присланную мне книгу сразу же после её выхода из печати.

³ После выхода книги А. А. Васильева «Готы в Крыму» появилось (не считая отдельных статей, разделов глав, научно-популярных очерков) единственное обобщающее исследование А. Г. Герцена, посвящённое непосредственно изучению крепостного ансамбля Мангупа. В опубликованной диссертации А. Г. Герцена для рассматриваемой нами темы особенно важны две главы. Это подробно представленная «История изучения оборонительной системы Мангупа» (глава I) и «Оборонительная система столицы княжества Феодоро» (глава IV) [Герцен, 1990, с. 89–102, 138–155].

Кроме того, на протяжении последних лет в крымских изданиях опубликовано несколько популярных книжек с броскими названиями, претендующих на «знание тайны» княжества Феодоро (Кесмеджи П. А., Кесмеджи Г. П. Княжество Феодоро. — Симферополь: Таврида, 1999, с. 120; Фадеева Т. М., Шапошников А. К. Княжество Феодоро и его

⁴ В монографии 1991 г. «Укрепления Таврики X–XV вв.» мной также было сделано явно априорное заключение: «Во второй половине XIV — начале XV вв. усиливается экономическое и военно-политическое влияние генуэзской Колонии, которой были захвачены на побережье обширные земли, принадлежавшие некогда Византии. В это время генуэзцами возводятся мощные укрепления — Каффа, Солдайя, Чембало, Луста и др. Желая противостоять дальнейшим территориальным захватам генуэзцев, князь Феодоро также предпринимает крепостное строительство: ими заново отстраиваются стены Мангупа и Каламиты, возводится замок Фуна, ремонтируются оборонительные сооружения других укреплений (выделено мной — В. М.)» [Мыц, 1991, с. 104]. Должен признать, что в ходе раскопок Фуны и Алустона каких-либо следов строительства оборонительных сооружений в XIV в. обнаружено не было.

ми, которые все спорили с императором Константинополя Мануилом Палеологом» [Vasiliev, 1936, p. 183, прим. 1–4; Байер, 2001, с. 199, прим. 568–570].

По этому поводу Х.-Ф. Байер заметил, что «правители Феодоро в XV в. назывались обычно только *domini* или *signori*, но не *principes* или *principi*. Возникает вопрос, означает ли «Готия» того времени у Спандуджино Молдавию, где Прут был некогда границей между остготами и вестготами, а титулом «*principe*» обозначен молдавский воевода» [Байер, 2001, с. 199].

Наблюдение Х.-Ф. Байера важно тем, что во всех эпизодах, где по данным Теодоро Спандуджино в политических событиях якобы принимают участие «князья Готии», речь идёт именно о Балканах и Подунавье (Сербия, Болгария, Валахия, Венгрия, Византия). Присутствие в этом перечне стран не проявлявшей себя в Газарии «Крымской Готии» выглядит очень странно. Тем более что в «своих выводах Спандуджино говорит о князе Готии или Готов как о столь же значительной силе, как сербский король, болгары и валахи» [Vasiliev, 1936, p. 183].

Однако вне зоны внимания Х.-Ф. Байера оказался один из активных участников политических событий западно-причерноморского региона 40–80-х гг. XIV в. — Добруджанский деспотат [Гюзелев, 1995, с. 49–81]. Поэтому не стоит исключать, что Теодоро Спандуджино под «*principe di Gothia*» подразумевал «*principe di Gethia*», представляющий собой антикизированный вариант средневекового названия не Молдавского княжества или «Валахии», как его зачастую именовали латинские авторы XV в., а Добруджанский деспотат. Именно византийскому титулу «деспот» больше соответствует латинское «*principe*» Теодоро Спандуджино.

Во-вторых, свидетельство Мартина Броневского, посла польского короля Стефана Батория в 1578 г. к крымскому хану. Описывая Балаклаву, Броневский отмечает, что «город на высокой горе был выстроен и укреплен генуэзцами, которые, не встретив сопротивления, захватили его у надменных, беспечных и ссорящихся между собой греческих князей, владевших тогда этой частью Тавриды» [Броневский, 1867, с. 343; Vasiliev, 1936, p. 184]. Несмотря на то, что польский путешественник не указывает конкретной даты события и явно излагает его так, как слышал от местных «греков» — в форме предания (легенды) — исследователи произвольно, опираясь на сообщение В. А. Формалеони, определили время — 1340-е гг. [Formaleoni, 1789, Ch. XXII, p. 88–90; Bruun, 1866, p. 59; Braun, 1890, s. 27–27, 29; Vasiliev, 1936, p. 184]. Однако как отмечал В. Д. Смирнов, каффийцы находились тогда в состоянии войны с ханом Джанибеком. Татары чувствовали себя хозяевами всего полуострова, и в 1345 г. изгнали генуэзцев из Чембало [Смирнов, 1887, с. 126; Vasiliev, 1936, p. 184].

Ни о каких «греческих князьях», якобы до 40-х гг. XIV в. владевших Симболоном (Чембало) и отнятого у них генуэзцами, имеющиеся источники того вре-

мени не сообщают. Умалчивает об этом и В. А. Формалеони, писавший только о нападении на город татар (кстати, он не называет использованные им документы). Больше оснований предполагать, что Мартин Броневский слышал от местных греков предание о борьбе за Чембало, происходившей между генуэзцами и феодоритами уже в 20–30-е гг. XV в., когда реально можно было говорить о неких «греческих князьях». Так или иначе, сообщение Броневского 1578 г., лишённое каких-либо хронологических данных, невозможно использовать в качестве достоверного источника, «отражающего» события именно 40-х гг. XIV в.

В-третьих, А. А. Васильев отмечает, что в «связи с предполагаемой независимостью княжества Феодоро в XIV в.» он обратился к историографическим разработкам В. Н. Малицкого, касающихся сражения между татарами и литовцами на Синеи Воде в 1362–1363 гг. Поэтому он с большей, чем В. Н. Малицкий, уверенностью писал: «В своей превосходной работе о надписях, связанных с Феодоро-Мангупом, он приходит к убедительному заключению о том, что разгром трёх ханов на Синеи Воде относится ко времени Великого князя Ольгерда, т. е. к 60-м гг. XIV в.» [Vasiliev, 1936, p. 184]. Однако затем исследователь без какого-либо критического анализа источников делает абсолютно произвольное заключение: «Большинство наших источников говорит, что Ольгерд выдвинулся на юг и разбил трёх татарских князей: Кадлубука (Кутлубак), Качибя (Хачибя) и Дмитрия. С другой стороны, есть данные о том, что при князе Витольде Ольгерд, „знатный литовец“, разбил на Дону трёх ханов — крымских, киркельских и манлопских татар. По всей вероятности, Киркель — это хорошо известный в Крыму город Кырк-Ер, но что такое Манлоп? Местность с таким названием неизвестна. Я думаю, что это, должно быть, искажённое Манкуп (Мангуп). Таким образом, одним из подчинённых татарам князей, разбитых Ольгердом, был князь Мангупа, т. е. Готии. Если принять во внимание, что несколько источников называет одного из побеждённых князей христианским именем Дмитрий, мы можем с основанием заключить, что **Дмитрий был христианским князем, князем Монлопа (Мангупа)**, а иными словами — князем Готии» (выделено мной — В. М.) [Vasiliev, 1936, p. 184–185].

А. А. Васильев не оставил и тени от осторожных предположений В. Н. Малицкого. В дальнейшем исследователи средневекового Крыма, опираясь на авторитетное мнение А. А. Васильева (часто приписывая его Н. В. Малицкому), столь же уверенно и категорично писали на эту тему, не пытаясь самостоятельно разобраться в сложном и историографически запутанном вопросе. Поэтому обратимся к данной теме и попробуем установить, какие всё-таки источники позволяют говорить об «участии мангупского князя» в сражении на Синеи Воде.

1.1.1. Битва 1363 г. на Синей Воде в историографии средневекового Крыма

После смерти Бирдибека в 1359 г. в Орде начался период внутреннего хаоса и феодальных междоусобиц 60–70-х гг. XIV в., «финалом которого стал невиданный разгром на Куликовом поле» [Егоров, 1980, с. 174]. В течение 20 лет (с 1360 по 1380 гг.) междоусобной войны в Золотой Орде сменилось 25 соперничавших между собой ханов [Греков, Якубовский, 1950, с. 241–243, 277–280, 282–287, 289–293 и др.; Špuler, 1965, s. 112, 120–121, 126–128, 245, 270, 314; Сафаргалиев, 1996, с. 376; Мухамедиев, 1983, с. 88–97]. Только в 1361 г. было шесть претендентов на престол — пять ханов и малолетний «царевич» Абдуллах, марионетка Мамая, к которому в 1362/63 г. отошли земли, расположенные между Днепром и Волгой [Егоров, 1980, с. 190]. В Никоновской летописи события в Орде изложены лаконично, но они достаточно ёмко отражают военно-политические реалии того времени: «И бысть брань и замятня велиа во Орде. И бысть в них глад великий и замятня многа и нестроение всегдашее и не перестяху межи собою ратующесе и биющесе и кровь проливающе» [ПСРЛ, 1897, с. 233].

Ослаблением Золотой Орды не преминули воспользоваться государства, располагавшиеся на её окраинах. В это же время (конец 50-х — начало 60-х гг. XV в.) в Пруто-Днестровском междуречье активно идёт процесс формирования Молдавского феодального государства, что привело в итоге к сокращению территории Орды на западной границе [Мохов, 1964, с. 103; Параска, 1981, с. 78–83].

Но особую роль в изменении военно-политической обстановки в Северо-Западном Причерноморье история отвела Великому княжеству Литовскому и Русскому, которое значительно усилилось при князе Ольгерде (1341–1377 гг.). Уже в 1361 г. ему удаётся изгнать из Киева ставленника Орды князя Фёдора [Ивакин, 1996, с. 67]. Продвижение на юг влияния Литовско-Русского государства неминуемо должно было привести к столкновению с Ордой. Этот момент наступил в 1362/63 г., когда в битве при Синих Водах (ныне р. Синюха, приток Южного Буга) Ольгерд разгромил объединённое войско трёх татарских беков, орды которых кочевали в западной части Улуса между Днепром и Подунавьем [ПСРЛ, 1897, с. 233].

Данное событие нашло отражение в исследованиях учёных XIX — первой половины XX вв. (Н. М. Карамзина, Ф. К. Бруна, В. Б. Антоновича, М. С. Грушевского, М. П. Дашкевича, Н. Молчановского, В. Т. Пашуто, И. Б. Грекова и др.), что избавляет нас от необходимости повторения неоднократно сказанного. К тому же, относительно недавно вышла из печати серия работ Ф. М. Шабильдо, посвящённая всестороннему изучению Синеводской проблемы. Серия была издана в «Историчних

зошитах» [Шабильдо, 1998, с. 5–84]⁵. При этом следует признать справедливость замечания Г. Ю. Ивакина о том, что в историографии явно недооценено историческое значение Синеводской битвы, длительное время остававшейся как бы в тени Куликовского сражения. Хотя именно в ней впервые в полевом бою потерпели поражение ордынские войска [Ивакин, 1996, с. 68–69].

Летописи крайне лаконично сообщают об этом сражении, что не позволяет более или менее детально представить подготовку и ход самой битвы. Неизвестна и численность войск, принимавших в ней участие с обеих сторон. Среди упомянутых татарских беков («князей»), по-видимому, только Кутлубуга был темником (т. е. мог выставить до 10 000 всадников), т. к. ещё при Джанибеке (в 1352/53 г.?) стал правителем западного улуса Золотой Орды⁶. Но как в реальности обстояло дело в 1363 г., сказать трудно.

Разгром Ольгердом в 1363 г. трёх татарских беков на Синей Воде получил своеобразное отражение в историографии средневекового Крыма. Множественность и разнообразие высказанных, но слабо аргументированных мнений привели к большой путанице, а порой и просто абсурдности в суждениях, пытающихся сохранить за собой право на существование даже в современной литературе. Поэтому и возникла необходимость вновь обратиться к данному вопросу, чтобы попытаться отделить исторические факты от историографического вымысла.

Приведём свидетельства основных источников, в которых нашли отражение интересующие нас события 60-х гг. XIV в. Густынская летопись (XVII в.) под 1362 г. сообщает: «В сие лето Олгерд победи трёх царков Татарских из ордами их, сие ест Котлубаха, Качбея, Дмитра; и оттоли от Подоля изгна власть татарскую» [ПСРЛ, 1843, с. 350]. В Никоновской летописи (XVI–XVII вв.) поход Ольгерда на татар датирован 1363 г.: «Того же лета князь ве-

⁵ В недавно опубликованных работах Ф. Шабильдо и А. Галенко придерживаются даты Синеводской битвы — 1362 г. [Шабильдо, 2005, с. 16; Галенко, 2005, с. 136–137].

⁶ Например, Эльмухиби об Инаке Кутлубуге сообщает следующее: «Это один из [тех] четырёх, которые по принятому обычаю, бывают правителями в землях Узбека. Переписка с ним, согласно тому, как написан был ему ответ 10 джумадиэльхыра 752 г.х. (= 5 авг. 1351 г.), производилась на тритушке листа, упомянутым калямом; [писалось] да увеличит Аллах всевышний благодать его высокостепенства эмирского, великого, учёного, правосудного, укрепителя, пособника, поручителя, устроителя, зиждителя, покровителя, нойона, эссейфи, величия ислама и мусульман, главы эмиров двух миров, поборника воителей и борцов за веру, вождя ратей, предводителя войск, убежища религии, сокровища государства, пособника царей и султанов, меча повелителя правверных. Затем [помещалось] пожелание, алама „брат его“, адрес: Кутлубуга Инак, наместник кана Джанибека» [Тизенгаузен, 1884, с. 348] («Инак, тюрк.; буквально „доверенное лицо“; как должность и титул в разное время и в разных местах имело разные значения; по-видимому, означает придворных, лично близких к хану» [Золотая Орда в источниках, Т. 1, 2003, с. 445].

ликий Ольгерд Гедиминович Синюю воду и Белобережье половеца» [ПСРЛ, 1897, с. 2]. Предложенная в источнике дата сражения на Синеи Воде в исторической литературе была принята за основную.

О тех же событиях, но без указания даты, повествует и «Хроника Литовская и Жоматийская» (сер. XVIII в.): «... коли князь Олкирд пошёл в поле с Литовским войском и побил татаров [на Синеи воде, оубил трёх братьев] татарских князей Хачея, а Котллубуга, а Дмитрия; а тыи три браты татарскии, отчичи и дедичи Подольские земли были, и заведали от них анаманы; а приезжаючи дани бирали у вотаманов с Подольские земли. А брат князя Олкирдов, князь Корыят держал Новгородок Литовский; а у того Корыя 4 сыны были, князь Юрьи, князь Александра, князь Костянтин, князь Фёдор; и тыи княжата Корыятловичи князя Олкирдовою помочью и волею пошли в Подольскую землю, вошли в приязнь с отоманы и почали боронити их от татар и дани татарам не почали давати...» [Из Хроники, 1902, с. 155, л. 72–73].

Кроме Густынской и Никоновской летописей, а также «Хроники», рассказ о победе Ольгерда над татарами содержится в компиляциях XVI в., расширенной русско-литовской летописи (называемой Быховца), где он датирован 1351 г., и в «Хронике» (1582 г.) М. Стрыйковского 1331 г. Но в этих источниках даты явно не соответствуют реально происходившим событиям [Грушевский, 1993, с. 79–80].

В Никоновской летописи, заметке о походе Ольгерда 1363 г. на татар, предшествует запись: «Того же лета Литва взяша Коршеву» [ПСРЛ, 1897, с. 2]. В упомянутой летописцем «Коршеве» некоторые историографы склонны были видеть города средневекового Крыма — Корчев (Керчь) или Корсунь (Херсонес) [Молчановский, 1885; Карамзин, 1892, с. 10–11, прим. 12 и др.]. М. С. Грушевский, возражая Н. М. Карамзину, М. П. Дашкевичу и Н. Молчановскому,

⁷ В «Хронике европейской Сарматии» А. Гваньини (первое издание относится к 1578 г.) данный сюжет, помещенный во II книге, в разделе «Ольгерд, литовский князь», явно заимствован у М. Стрыйковского, но дата определяется только приблизительно после 1327 г. Предыдущим хронологическим ориентиром служит сообщение: «В этом же году он тихо напал на новое маркграфство и разрушил его повсюду до Франкфурта и до самой реки Одер». Однако Алессандро Гваньини, в отличие от М. Стрыйковского, описывая подвиги князя Ольгерда, лаконично замечает: «Он же (Ольгерд — В. М.) трёх татарских царьков, родных братьев, Кутлубака, Качибея и Дмитрия (*Kutlubacha, Kaczbeja i Dmitra*) наголову разбил и выгнал прочь из Подолии» [Гваньини, 2007, кн. II, с. 318 (26)]. В комментарии к современному изданию 2007 г. (перевод с польскоязычного издания 1611 г.) говорится, что здесь речь идёт «о битве на Синеи Воде, которая произошла в 1362 или 1363 г. В этой битве Ольгерд разбил трёх татарских вождей и расширил южную границу Великого княжества Литовского до Надпорожья». Это сообщение намного лаконичнее, чем в хронике Стрыйковского (*Strykowski M. Kronika polska...* 1846, T. 2, s. 6–7), подобна также аналогичному сообщению Слуцкого и некоторых других летописей ВКЛ. См. также: Синеводская битва в новейших исследованиях. — К., 2005.

высказал сомнения по поводу правильности отождествления «Коршевы» Никоновской летописи с одним из крымских городов, и отметил наличие в реестре русских городов «Коршева на Сосне» [Грушевский, 1993, с. 79, прим. 2].

Ф. К. Брун, обратившись к изучению данного сюжета в 60-е гг. XIX в., пришёл к заключению, что Херсонес не являлся финальным пунктом похода Ольгерда 1363 г., а в Никоновской летописи зафиксировано взятие литовцами Ржева («Коршева», вместо «ко Ржева») [Брун, 1871, с. 395]. В качестве доказательства того, что «сын Гедимины (Ольгерд — В. М.) никогда не был в Крыму», он ссылается на М. Литвина, который якобы умалчивает об этом факте [Брун, 1871, с. 394]. Но в сочинении Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» во фрагменте, посвящённом городам Крыма, читаем: «... и старый стольный град (*metropolis*) Корсунь (*Korsunij*), князь (*prinsep*) которого крестил народ рутенский и нарёк его христианским, после же он стал добычей нашего народа и был разорён им» [Михалон Литвин, 1994, с. 63–64, фрагм. 1].

В целом же следует признать, что в историографии XVI–XVII вв. легенда о захвате и разрушении Херсона во второй половине XIV в. литовскими войсками Ольгерда получила широкое распространение [Богданова, 1991, с. 11]. Несмотря на весь анахронизм и слабую аргументацию версии событий, данная точка зрения имела своих последователей и в наше время. Например, Н. В. Пятшышева при издании железной половецкой маски XIII в. из Херсонеса (найдена вместе с кладом гривен новгородского типа в слое тотального разрушения города, произошедшего, вероятно, в 1278 г. [Мыц, 1997, с. 65–67]), попыталась связать это катастрофическое по последствиям событие, с «нашествием литовцев» [Пятшышева, 1964, с. 32, прим. 131]. В качестве исторического свидетельства она использовала Прибавление к Ипатьевской летописи, где под 1362 г. сказано: «В сие лето Олгерд победи трёх царков Татарских из ордами их...» [ПСРЛ, 1843, с. 350].

Р. Батура, посвятив литовско-ордынским отношениям специальную работу, пришёл к заключению, что упомянутое Михалоном Литвином вторжение литовцев в Крым могло произойти в конце XIV в., во время походов князя Витовта (1392–1430 гг.) против татар, а точку зрения исследователей, полагающих, что такой поход мог состояться в 1363 г., т. е. при Ольгерде, считает недостаточно аргументированной [Batura, 1975, с. 299]. Правда и в пользу того, что Витовт когда-либо ходил походом против татар в Крым, свидетельств источников конца XIV в. Батура не приводит. Его предположение основано только на «местных преданиях» и «хрониках» XVI–XVIII вв. Не содержит сведений об этом и наиболее полный свод документов времени правления Витовта (1392–1430 гг. — «*Codex Vitoldi*»).

В кратком исследовании истории Крымского ханства (1771 г.) И. Э. Тунманн, ссылаясь опять же

на М. Стрыйковского, писал, что татары в 1331 г. были изгнаны из междуречья Днестра и Днепра литовским князем Ольгердом «или, вернее, в 1396 г. при великом князе Витовте его полководцем Ольгердом» [Тунманн, 1991, с. 51]. Н. М. Карамзин, рассматривая эти события, взял за основу рассказ Стрыйковского, хотя датировал их по данным летописей: «В 1363 г. он (Ольгерд — В. М.) ходил с войском к Синим Водам, или в Подолию и к устью Днепра, где кочевали три Орды Монгольские; разбив их, гнался за ними до самой Тавриды; опустошил Херсон, умертвил большую часть его жителей, и похитил церковные сокровища: с того времени, как, вероятно, опустел сей древний город, и татары Заднепровские находились в некоторой зависимости от Литвы» [Карамзин, 1892, с. 10–11, прим. 12].

П. И. Кёппен обратил внимание на замечание А. Л. Шлёцера, который в описании подвигов князя Витовта «под 1396 г. говорит, что посланный им за Волгу (sic!) Ольгерд, около Дона разбил выступивших против него ханов Крымского, Киркельского и Монлопского» [Кёппен, 1837 с. 310, прим. 488]. Ф. К. Брун, опираясь на свидетельства Тунманна, Гваньини, Длугоша, Туана, Сарницкого, Шлёцера и др., пришёл к заключению, что поход литовцев 1397 г. (sic!) был направлен в Крым и «полководец Витольда Ольгерд разбил при Доне в том же году трёх ханов: крымского, киркельского и манлопского». При этом он с полной уверенностью утверждал: «Нельзя не узнать в этих трёх ханах приведённых выше полководцев: Кутлубуги, Гаджибея и Дмитрия, тем более что Синяя Вода, при которой они потерпели поражение, не могла не совпадать с Доном, поелику современные немецкие анналисты, говоря о славной победе, одержанной Дмитрием Ивановичем при сей реке в 1380 г., её-то именно называют Синюю Водой: *Eodem anno Ruteni et Tartari habuerunt conflictum simul prope Bluewater*» [Брун, 1871, с. 394–395]. Кроме того, Ф. К. Брун, ссылаясь на немецких писателей — продолжателей Дитмара и Руфе — считал, что «Витольд лично участвовал в 1396 году в походе против татар, проник до окрестностей Каффы и пленил многих татарских вельмож» [Брун, 1871, с. 395].

Совершенно очевидно, что Ф. К. Брун в своих историко-топографических заметках следовал в русле конъюнктурных построений И. Э. Тунманна и А. Л. Шлёцера, опиравшихся на компиляции Марциана Кромера (1555 г.). М. С. Грушевский подверг эту точку зрения обстоятельной критике и показал ошибочность попытки объединить исторические сведения о Витовте и Ольгерде, т. к. именно путаница Кромера привела к появлению «Витовтова воеводы Ольгерда» [Грушевский, 1993, с. 456–457].

В связи с публикацией двух надписей из Мангупа, в которых упоминаются Хуйтани (1361/62 г.) и Чичикий (80-е гг. XIV в.), к данному сюжету обратился Н. В. Малицкий [Малицкий, 1933, с. 5–10]. При

этом он отмечал, что, если более поздняя надпись с именем Чичикия относится ко времени правления Тохтамыша, то в ранней нет указания на какое-либо верховенство татарской администрации. Тогда Н. В. Малицкий было высказано предположение [Малицкий, 1933, с. 11], впоследствии поддержанное другими исследователями, считавшими его вполне аргументированным [Vasiliev, 1936, p. 186–187; Тиханова, 1953, с. 330; Якобсон, 1964, с. 123, прим. 140], что якобы упоминаемый в надписи «сотник» (гекатонтарх) Хуйтани имел ещё и христианское имя Димитрий.

Сравнивая это имя с летописными известиями, повествующими о разгроме Ольгердом на Синей Воде объединённых войск трёх князей: Хачебея, Кутлубуга и Дмитрия в 1363 г., а также с сообщением А. Л. Шлёцера о «повторном» поражении в 1396 г., якобы нанесённом Ольгердом в Подонье ханам Крымскому, Киркельскому и Манлопскому, исследователи пришли к заключению, что Хуйтани-Димитрий в надписи 1361/62 г. и Димитрий, упоминаемый в летописи, — одно лицо [Малицкий, 1933, с. 11; Vasiliev, 1936, p. 187; Тиханова, 1953, с. 330].

И если сам Н. В. Малицкий при этом замечал, что «здесь едва ли можно выйти за пределы исторических догадок, поскольку приходится оперировать лишь предположительно установленными фактами» [Малицкий, 1933, с. 11], то со временем в историографии средневекового Крыма это осторожное предположение приобрело характер аксиомы. Так, с момента открытия надписи 1361/62 г. «сотник» Хуйтани был силою желаний исследователей произведён в князья. Это мнение прочно утвердилось в литературе, посвящённой истории Мангупа [Латышев, 1918, с. 17–21; Васильев, 1927, с. 276–277; Якобсон, 1953, с. 414]. А. А. Васильев поместил Хуйтани-Дмитрия в основание генеалогического древа правителей Феодоро [Vasiliev, 1936, p. 282].

В своё время мною была предпринята попытка показать, что нет никаких оснований отождествлять «гекатонтархов» Хуйтани и Чичикия (Цичикия по В. П. Степаненко) с князьями Мангупа, как это делали Н. В. Малицкий, А. А. Васильев и другие исследователи [Мыц, 1991, с. 180–186]. Тем не менее, данный сюжет продолжает «разрабатываться» в работах ряда современных авторов в тональности, предложенной ещё Ф. К. Бруном, весьма поверхностно воспринимающих корректировку и реконструкцию событий, предложенную Н. В. Малицким.

Например, В. Н. Залеская по этому поводу пишет: «Сопоставление же этого имени (св. Димитрия — В. М.) с известием в Летописи великих князей литовских о разгроме Ольгердом татар на Синей воде (в Днепровском лимане) и о поражении трёх князей, Хачебея, Кутлубуга и Дмитрия, с данными о разгроме в 1396 г. **тем же Ольгердом** (выделено мной — В. М.) около Дона ханов крымского, киркельского и монлопско-

го, дало основание считать, что здесь имеется в виду Хуйтани-Димитрий, князь Феодоро, который упоминается в надписи из Мангупской базилики» [Залеская, 1993, с. 372].

В работе А. Г. Герцена и Ю. М. Могаричева, посвящённой истории Кырк-Ора-Чуфут-Кале, читаем: «Первым письменным свидетельством о вхождении Кырк-ора во владения татар является упоминание о битве на Синих водах литовского князя Витовта (sic!), с одной стороны, и ханов Крымского, Манкопского и Киркельского, с другой, закончившейся победой Витовта. Следовательно, в 1363 г. Кырк-ор уже принадлежал татарам и являлся центром одного из уделов Золотой Орды» [Герцен, Могаричев, 1993, с. 56]. Не отличается оригинальностью и пассаж, предлагаемый А. И. Айбабиным: «Рассказ о разгроме литовским князем Олердом в 1362/63 или в 1396 г. „трёх ханов Крымских, Киркелианских и Монлопких татар“ даёт основание говорить о сохранении зависимости Мангупского князя от татар и во второй половине XIV в.» [Айбабин, 2003, с. 279].

М. Г. Крамаровский в своей работе «Джучиды и Крым: XIII–XV вв.» пишет: «сегментация власти в Крымском улусе, ярко отразившаяся в структуре воинских сил ордынцев в сражении с Витовтом (sic!) на Синих водах в 1362/63 г., результат конца эпохи Джанибека-Бирдибека, когда в Крыму утверждается новое политическое образование — княжество Феодоро. Сама же воинская акция, проведённая силами трёх крымских эмиров — Солхата, Кырк-йора и Мангупа, скорее свидетельство переоценки, чем наступательной „внутриобластной“ политики» [Крамаровский, 2003, с. 519], а «защита Крымом ордынских интересов в Подольских землях означала лишь, что налоговые сборы из этого р-на шли через администрацию правого крыла Джучидов. Русский летописец подольстил крымским эмирам (Кутлубуге, Хаджи-бею и Дмитрию), называя их „отчичами и дедичами Подольской земли“, но точно определил их басмаческую сущность. Князья Хаджи-бей и Дмитрий — эмиры Кырк-йора и Мангупа, а многоопытный Кутлубуга — правитель Солхата и Крымского тюмена. Возможно, походный эмир Солхата и Кутлубуга, вступивший в 1381 г. в должность крымского наместника, одно и то же лицо» [Крамаровский, 2003, с. 519]⁸.

⁸ Даже этот относительно небольшой пассаж содержит ряд хронологических и содержательных несуразностей, от которых можно легко избавиться. Во-первых, Витовт (1392–1430 гг.), конечно же, не причастен к разгрому ордынских войск на Синих Водах, так как это сделал Ольгерд (1344–1377 гг.). Во-вторых, утверждение, что «князья Хаджи-бей и Дмитрий — эмиры Кырк-йора и Мангупа» относится к разряду анахронизмов XIX в. и историографических мифологем, потому что «Керкерского княжества» в составе крымского улуса Джучи никогда не было. Например, ещё В. Д. Смирнов, изучая данный вопрос, не нашёл свидетельств ранее начала XVII в., касающихся мнимых «князей Керкера» — беках яшлавских-сулешевых как сборщиков

Как видно из приведённых выше цитат, авторы не взяли на себя труд хотя бы в общих чертах ознакомиться с существующей по этому вопросу литературой. Иначе они заметили бы, что время правления Ольгерда относится к 1341–1377 гг., а Витовта к 1392–1430 гг. При этом многие исследователи нарушают хронологию и путают места описываемых событий, допуская возможность двух сражений, произошедших в 1363 и 1396 гг. (с интервалом в 33 года), с участием практически одних и тех же лиц (Кутлубуги, Хачибея, Димитрия и Ольгерда или Ольгерда и Витовта вместе).

Столь очевидная «пестрота» и противоречивость мнений о событиях 1363 г. и их взаимосвязь с историей Крыма требует дополнительного обращения к данной теме. Летописи называют участников сражения на р. Синие Воды татарскими «царьками», которые к тому же якобы были братьями. Имена двух татарских беков — Кутлубуги и Хачибея — Ф. К. Брун связывал с упоминаемыми в ярлыке Тохтамышша 1381/82 г. [Григорьев, 1844, с. 339] наместником Крыма (Кутлубуга) и главой орды (племени) Шюраколю Хаджибеем (в нём он предлагал видеть «хана киркельского»), в то время как «султан Димитрий (выделено мной — В. М.), который, как видно из его имени, был христианин, не мог не быть владельцем манлопским, т. е. мангупским» [Брун, 1871, с. 395]. Не трудно заметить, что в своих выводах относительно исторических событий 60–90-х гг. XIV в. Ф. К. Брун опирался не на источники, а на «авторитетные заключения» своих предшественников и кажущиеся логичными конъюнктурные построения.

Судьбы участников сражения на Синей Воде после разгрома в 1363 г. сложились по-разному. Хаджи-бей в 1381 г. получил ярлык от хана Тохтамышша. Последний раз он упоминается (Ф. К. Брун высказал очередное, ничем не подтвержденное, предположение, что Хаджи-бей погиб в 1396 г. [Брун, 1871, с. 395]) совместно с Кутлубугой в османском источнике 1388 г. По свидетельству турецкого историка XV в. Мехмеда Нешри, Хаджибег и Кутлубуга получили от султана Мурада I «приглашение» принять в 1388 г. участие в походе великого визиря Али паши против Тырновского царства и Добруджанского деспотата. Данное предложение мотивировалось тем, что земли татарских бе-

части налогов с караимской общины Чуфут-Кале [Смирнов, 2005, с. 117–118, 126, 127, 172, 255]. В-третьих, о «князьях Феодоро» — Мангупа первые реальные свидетельства генуэзских источников (названы как «domino Teodoro») относятся только к 1411 г., когда Кериалеси сменяет Алексей I (Старший) [Мыц, 2005, с. 257–258]. В-четвертых, никто в Золотой Орде до конца XIV в. не именовал себя арабским титулом «эмир» (т. е. военначальник), а пользовались исключительно монгольским — «нойон», или тюркским — «бек». Первым, кто официально в Орде принял титул «эмир» (1397/98 г.), был Идике (Идигей), стремившийся тем самым досадить своему бывшему покровителю Тимуру. Поэтому не исторично и «преждевременно» называть Кутлубугу, Хаджи-бея и «Дмитрия» эмирами.

ков находились к северу от устья Дуная и граничили с Добруджанским деспотатом [Мехмед Нешри, 1984, с. 93; Гюзелев, 1995, с. 80]⁹.

Кутлубуга не «фигурирует», как это ошибочно считали, в 1393 г. (?) в качестве посланника Тохтамыша к Ягайле [Григорьев, 1844, с. 337]. Письменные источники сохранили упоминания о двух сыновьях Кутлубуги, принимавших активное участие в политической жизни Орды в 60–90-х гг. XIV в. — Ильясе и Синане. Старшим среди них, по-видимому, был Ильяс. В одной летописной записи под 1365 г. сохранилось свидетельство: «Тое же зимы еда из Литвы [к] весне Ильяс Коултубузин сын был в Тфери» [ПСРЛ, с. Т. XV, вып. 1, стлб. 79]. В следующий раз он отмечен в договоре между генуэзцами и татарами (февраль 1381 г.) как наместник Солхата. Синан упоминается дважды в «Требнике» (написан на армянском языке в 1349 г. в Солхате неким «господином Стефаном» — «*ac Dominica 1349, in Crimea, in Civitate Surchat manu Domini Stephani*»)¹⁰ и хранившемся в конце XIV в. в армянской церкви св. Николая в Каменце. На предпоследней странице «Требника» помещена надпись с латинским переводом, в которой в том числе говорится о Синане, сыне Кутлубея (*Dominus Sinan, filius Chutlubei*). Первая запись датирована 15 августа 1394 г., а вторая — 1398 г. [Линовский, 1844, с. 512–513]¹¹.

⁹ Моё внимание на свидетельство турецкого историка Мехмеда Нешри о событиях, происходивших в 1388 г. в Северо-Западном Причерноморье, обратил Н. Д. Руссев, за что я ему искренне признателен.

¹⁰ Стефанос — Степанос — сын Натера из Баберда в области Хахтик (Хахтаец гавар) исторической Армении. Натер в середине 40-х гг. XIV в. со своей семьей поселился в Солхате. В 1359 г. Натер с женой и младшим сыном Григором, назначенным епископом области Хахтик, вернулись на родину в Баберу, село Грузу [Саргсян, 2004, с. 149–150]. Известно несколько рукописей, созданных писцом Степаносом: Библия, написанная в 1350 г. «<...> (в) всемирное правление хана Джанипэка и (при) князе города (Сурхат-Крым) Раматане — мудром судье» и Библия 1368 г. (Ереван, Матенадаран, рукопись № 2705), а также «Сборник» (Лондон, Британский музей 100 (Add. 19.732) 1363 г., который «<...> был написан... в Гуиннов стране, в прославленном городе Сулхат, под сенью храма святого Саргиса <...>» [Саргсян, 2004, с. 151–153, 155–156]. Судя по всему, Требник 1349 г. является наиболее ранней из известных рукописей, выполненных Степаносом в Солхате.

¹¹ «*Hoc missale est pro memoria ecclesiae S. Nicolai Taumaturgi Pontificis, in Urbe Camenecensi scriptum, aera Armenica 798, ac Dominica 1349, in Crimea, in Civitate Surchat manu Domini Stephani presbyteri: post autem quadraginta quinque annorum scriptionem hoc emit Camenecensis Dominus Sinan, filius Chutlubei, deditque promemoria supradictae ecclesiae S. Nicolai, aera Armenica 847 et Dominica 1394 augusti 15*».

Hic autem dominus Sinan Propria Sua pecunia aedificavit eamdem Ecclesiam S. Nicolai aera Armenica 847 et Dominica 1398, sicut patet ex diplomate aedificationis ejusdem ecclesiae, quod conservetur in nostro Magistratu, quodque incipit sic: Hoc meae voluntatis propriaeque confirmationis manuscriptum est Sinani, filii Chutlubei. [Линовский, 1844, с. 512–513].

Из представленных выше двух латинских разновременных записей следует, что «Требник», написанный собственноручно священником Стефаносом (Степаносом) в 798 г. армянской эры (= 1349 г. от Р.Х.) в Крыму, в городе

Следует отметить, что после сражения на Синеих Водах ни один источник не отмечает больше каких-либо военных действий между Литвой и татарами, в которых участвовали бы Кутлубуга и Хачибег.

Наиболее загадочной фигурой среди участников сражения на Синеих Воде является татарский бек «Димитрий». Христианское звучание его имени явилось причиной длительных споров в научной литературе. Вне внимания современных исследователей средневекового Крыма, даже не попытавшихся проследить судьбу «князя Феодоро Димитрия» после 1363 г., остался тот факт, что «Димитрий» переправился с остатками своей орды через Дунай и поселился «в Добруджанской степи и поэтому она была названа ордой Добруджанских татар» (*ad Dobrucenses usque campos, a quibus Orda Dobruciorum vocata est*) [Stanislaus Sarnicius, 1712, с. Col. 1134]. Эти сведения, почерпнутые Я. Длугошем (1480 г.) из хроники XIV в., вероятно, отражали один из этапов заселения татарами Добруджи [Гюзелев, 1995, с. 34].

Г. И. Брэтиану в специальной работе, посвященной татарскому «князю Димитрию», определяет время его правления в пределах 1360–1380 гг. После переселения в Добруджу он упоминается в грамоте 1368 г. венгерского короля Лайоша I (1342–1382 гг.), выданной купцам из Брашова. Им предоставлялись известные привилегии в торговле и во владениях «татарского князя Деметрия» [Brătianu 1965, с. 39–46].

Основываясь на данном свидетельстве, можно прийти к заключению, что, по крайней мере, в 1368 г. орда «Димитра» кочевала в Добрудже, занимая территорию, находившуюся под юрисдикцией Лайоша I. Получается, что «мангупский князь Димитрий» в 1363 г., после поражения, не возвратился в Готию, а переправился через Дунай со своей ордой и кочевал в Добруджанских степях до 1380 г. (?), после чего сведений о нём в источниках уже не имеется. Становится очевидным, что к Мангупу он не имел никакого отношения.

Ст. Кучинский полагал, что «князь Дмитрий» после поражения на Синеих Воде владел какими-то землями на Бырладском плато, Верхнем Пруте и даже на Нижнем Дунае. Его упоминание в грамоте венгерского короля Лайоша I (Людовика Анжуйского), дарованной брашавским купцам в 1368 г., якобы вообще не даёт возможности точно локализовать владения этого князя [Kuczynski, 1965, с. 174–179].

Сурхате (Солхате), через 45 лет был приобретён господином Синаном, сыном Кутлубея, привезён в Каменец и преподнесён 15 августа 1394 г. (847 г. арм. эры) в дар армянокатолической церкви св. Николая как благодеяние. В 1398 г. в следующее своё посещение Каменца, господин Синан, выделивший деньги на строительство (обустройство) церкви св. Николая, находился с дипломатической миссией и собственноручно сделал запись в магистратуре города: «[Я], Синан, сын Кутлубея, подтверждаю как владелец, что мной [церкви св. Николая], по собственной воле [передан] манускрипт».

По мнению Ф. Шабульдо, «Дмитрий» был ханом Ямболукской орды [Шабульдо, 1987, с. 106–107]. Однако, как резонно заметил Л. Войтович, существование этой орды в XIV в. более чем проблематично. К тому же не зафиксировано ни одного Чингизида-христианина, которые были свойственны данному периоду. Поэтому он высказывает предположение, что «**подольский князь Дмитрий**» (выделено мной — В. М.), участвовавший на стороне татар в битве на Синей Воде, являлся «вассалом Хаджибея, который держал Подольский улус» [Войтович, 2006, с. 504–505].

Сам же Л. Войтович не может привести каких-либо дополнительных сведений о «подольском князе Дмитрие», поэтому он высказывает предположение, что Дмитрий мог являться одним из потомков Болоховских князей. Для дальнейшего заполнения лакуны в «родословной» этого князя Л. Войтович обращается к одному интересному, но спорному источнику — копии латинской грамоты, обнаруженной в XIX в. архимандритом армяно-католической церкви Минасом Медичи (Бжжянцем). В этом документе говорится: «Вот, от великого князя Фёдора Дмитриевича косогацким армянам. [Те], которые захотят сюда прийти [и] придут мне на помощь, я дам волю на три года, а когда будете подо мною, кто где захочет, там вольно посетится» [Войтович, 2006, с. 505]. Сама грамота имела дату 1062 г. Однако датировка вызвала спор среди исследователей. Я. Дашкевич считал грамоту документом XI в. и предлагал читать данную в ней надпись «косогацким армянам» как «ко солхатским армянам» [Дашкевич, 1962, с. 4–18]. В. Микаэлян же доказал ошибочность отстаиваемой Я. Дашкевичем даты документа и определял её примерно 1641 г. [Микаэлян, 1965, с. 11–18]. Л. Войтович, признавая верным время написания документа, установленное В. Микаэляном, делает неожиданный вывод: «При датировке грамоты по армянскому григорианскому календарю (1062 г. приблизительно означает 1362 г.) в латинской копии можно было легко допустить ошибку. **Князь Федор Дмитриевич** мог быть сыном подольского князя Дмитрия, который остался на Подолье после отступления отца с ордынцами после поражения на Синих Водах и послал в Крым свой призыв о помощи перед угрозой наступления Кориятовичей» [Войтович, 2006, с. 505]. Очевидность конъюнктурной манипуляции датами (XI–XIV–XVII вв.) позволяет оставить «реконструкцию генеалогии» предполагаемого Л. Войтовичем существования «подольского князя Дмитрия» без критического анализа.

Вызывает также сомнение то, что летописцы (вероятнее всего, компиляторы XV–XVI вв.) достаточно точно озвучили имя третьего участника сражения на Синей Воде. Например, М. Г. Сафаргалиев рядом с именем татарского бека «Дмитрия» ставил знак вопроса, выражая тем самым неуверенность в правильности передачи данного ан-

тропонима в редакции летописей и компиляций [Сафаргалиев, 1996, с. 385]. М. Стрийковский называет его «Димейтер-султаном», изгнанным Ольгердом за Дунай. Данное сообщение цитирует Н. М. Карамзин, а затем его повторяет и Ф. К. Брун. Но оно «исчезает» у Н. В. Малицкого и А. А. Васильева.

Поэтому позволю высказать предположение, что летописцы при компиляции хроник (в XVI–XVII вв.) исказили тюркское имя Тимир (Темир, Тимур, Демир?) на близкое по звучанию и понятное христианское имя «Димитр». В тюркском языке имя Димир (Демир, Тимир, Тимур), означающее «Железный», было широко распространено и нашло отражение в многочисленных топонимах. В данном случае уместно вспомнить, что и переправа через Дунай у Исаки называлась Демир-Капу (Хапу) — «Железные ворота» [Тизенгаузен, 1884, с. 117].

Исследователи, изучавшие историю кратковременного пребывания на престоле Молдавского княжества Юрия Кориятовича, неоднократно обращались к свидетельству русско-литовской летописи. В ней под 1374 г. сообщается: «Того же лета в [о]сенине (осенью? — В. М.) ходила Литва на татарове, на Темеря и быжешь меж их бой» [ПСРЛ, 1922, Т. XV, вып. 1, стб. 106]. Б. Н. Флоря предлагал видеть в упомянутом летописью «Темере» одного из монголо-татарских князей, пытавшихся противодействовать распространению литовского влияния на Молдавию [Флоря, 1980, с. 153, прим. 39]. Этой же концепции придерживается и Л. Войтович, полагающий, что «Юрий Кориятович пробовал проводить активную политику, вмешиваясь в дела соседней Молдовы. Одновременно ему пришлось столкнуться с противодействием ордынцев, которые продолжали считать его княжество частью Подольского улуса, обязанного платить выход-дань. Ордынцы вмешивались в дела соседней Молдовы» [Войтович, 2006, с. 672]. Летописного «Темерю» Л. Войтович определяет так: «Тимур — имя, распространенное среди Чингизидов в XIV в.», и делает предположение, что «один из них держал Подольский улус и пытался расширить своё влияние на Молдову в 1370-х гг., когда там правил господарь Богдан» [Войтович, 2006, с. 672].

Трудно согласиться со столь однозначной и «политизированной» оценкой событий 1374 г., нашедших отражение в летописи. Дело в том, что русские источники фиксируют в этом году сильную засуху («...быша зной велицы и жары, а дожди сверху не едина капля не бывала всё лето»), эпизоотию («...на кони и на коровы и на овцы и на всяки скот был мор велик»), и эпидемии, которые затронули прежде всего степь («мор... таки и на люди... У Мамаю тогда в орде был мор велик») [Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 281]. Летняя засуха, бескормица, падёж скота, голод и эпидемия 1374 г. заставили Мамаю покинуть ставку (Орду) на среднем Днепре и перекочевать осенью (сентябрь–октябрь) со своей ордой в Крым, где он находился до весны 1375 г.

Поэтому больше оснований считать, что чрезвычайная засуха вынудила орду Темирбея (Темирбега, Демирбея, «Темери»), кочевавшую в Добрудже, переправиться через Дунай и направиться вверх по течению в междуречье Прута и Серета. Продвижение орды в северном направлении побудило Юрия Кориятовича выступить против татар с той целью, чтобы заставить Темирбега уйти за Дунай. Летопись не позволяет детализировать ни точное время и место сражения, ни его последствия [Егоров, 1985, с. 216].

Из представленного выше материала видно, что в современной историографии существует четыре персонажа, которые могут одновременно «претендовать» на участие в сражении 1363 г. вместе с Кутлубугой и Хаджибегом на Синей Воде: 1) татарский «царек Дмитрий»; 2) «подольский князь Дмитрий»; 3) «мангупский князь Дмитрий» и 4) «Темеря» (Тимур, Темирбег, Демирбег). Нетрудно заметить, что «подольская» и «мангупская» версии основываются на христианском имени «татарского царька» (или хана) Дмитрия. Интересно, кто же из историографов одним из первых присвоил татарину («брату» (?) Кутлубуги и Хаджибега) христианское имя?

Как было представлено выше, в «Хронике» 1582 г. М. Стрийковского, третий среди татарских «князей», участник сражения на Синих Водах в 1363 г., назван «Димейтер-султаном». В нём пока только отдаленно звучит христианское имя Дмитрий. Однако уже в «Хронике европейской Сарматии» А. Гваньини (последнее издание вышло в 1611 г.) читаем: «Он же (Ольгерд — В. М.) трёх татарских царьков, родных братьев, Кутлубака, Качибея и **Дмитрия** (*Kutlubacha, Kaczbeja i Dmitra*) наголову разбил и выгнал прочь с Подолья» (выделено мной — В. М.) [Гваньини, 2007, с. 318]. Следует отметить, что под «Подолией» А. Гваньини подразумевал чрезмерно обширные территории и поэтому писал: «Подольский край очень большой. Он лежит возле валашской и молдавской границы на юге. На востоке он граничит с рекою Доном, которая у Меотийского озера и Евксинского моря, тянется до перекопских татар» [Гваньини, 2007, с. 416]. Если строго следовать географическим представлениям Гваньини, то в его понимании фраза «выгнал прочь с Подолья» должна была означать изгнание татар за Дон, Перекоп или на территорию Валахии и Молдавского княжества.

Автор «Хроники европейской Сарматии», будучи последовательным апологетом великого князя литовского Витовта, приписывает ему значительные территориальные приобретения и победы, в тени которых зачастую остаются Гедимин и Ольгерд. Например, он с нескрываемой гордостью сообщает: «Во время великого князя литовского Витовта его границы простирались от Чёрного моря (Еухуну) и Херсонеса Таврического до заливов балтийского и Курляндского морей, до инфляндских и прусских берегов» [Гваньини, 2007, с. 386].

Вслед за Кромером, Гваньини без тени сомнения пишет: «...Витовт, благодаря своему военачальнику **Альгерду** (*Algerda*) (выделено мной — В. М.), победил три татарские орды и, разгромив их царьков, многих пленил и привёл в Литву» [Гваньини, 2007, с. 327]. И далее, подражая летописному стилю повествования, продолжает: «Года Божьего 1396 Витовт выступил против татар, победил их войско **за рекою Волгой** (выделено мной — В. М.), привёл в Литву несколько орд вместе с жёнами и детьми, отправил часть пленников королю и его приближённым, а других расселил над рекою Вакой, в двух милях от Вильно, предоставив им достаточно земли» [Гваньини, 2007, с. 327].

В целом, сочинение А. Гваньини, наряду с реальными историческими событиями, наполнено упоминаниями о вымышленных военных походах и их участниках. В его «Хронике европейской Сарматии» постоянно ощущается влияние польских авторов XV–XVI вв. — Марциана и Йоахима Бельских, Бернарда Ваповского, Яна Длугоша, Марциана Кромера, Мацея Меховского, Бартоша Папроцкого, Мацея Стрийковского и др., — хотя он далеко не всегда на них ссылается [Гваньини, 2007, с. 22]. Зачастую трудно определить степень «творческой переработки» текстов, заимствованных А. Гваньини у различных авторов. Однако благодаря многочисленным изданиям (первое появилось в 1578 г.) в различных европейских городах труды Гваньини приобрели необычайную популярность и оказали сильное влияние на историографию XVII–XVIII вв. (см. об этом более подробно в предисловии к украинскому изданию [Гваньини, 2007, с. 5–33]).

Для нас в данном случае важно то, что отмеченное у Гваньини около 1578 г. появление татарского «царька Дмитра» получило широкое распространение не только в исторической литературе конца XVI–XVIII вв., но и сохранило свои «позиции» до наших дней. В связи с этим также остаётся невыясненным вопрос о взаимовлиянии «Хроники европейской Сарматии» и поздних редакций летописей и хроник. Например, явно близким по содержанию к «Хронике» А. Гваньини является запись в Густынской летописи, сформированной как свод в XVII в. [ПСРЛ, 1843, с. 350]. Наиболее тенденциозно события 1363 г. представлены в «Хронике Литовской и Жоматийской» (сер. XVIII в.), в которой говорится, что Ольгерд якобы «убил трёх братьев татарских князей Хачея, а Котлубуга, а Дмитрия» [Из Хроники, 1902, с. 155, л. 72–73]. В то же время сообщение о сражении на Синей Воде в Никоновской летописи (XVI–XVII вв.) лишено какой-либо тенденциозности и представляет собой самостоятельную версию [ПСРЛ, 1897, с. 2]. Но сравнительный анализ различных и разнохарактерных источников ещё никем не проделан.

Представленный выше материал позволяет предполагать, что появление татарского «царька Дмитрия» в «Хрониках» польско-литовских авто-

ров (яркий тому пример — «Хроника европейской Сарматии» А. Гваньини) относится к концу XVI в. В дальнейшем это имя прочно закрепляется в историографии за одним из участников сражения 1363 г. на Синей Воде. Только его «христианское» звучание порождает две откровенно спекулятивные версии. По одной из них, «Дмитрий» являлся «подольским» князем, а по второй — «мангупским». На самом же деле не существовало ни татарского «царька Дмитрия», ни «подольского» или «мангупского» князя Дмитрия. По крайней мере, до настоящего времени не удалось обнаружить ни одного документа, прямо указывающего на это. По моему мнению, наиболее вероятным выглядит предположение, что в свидетельстве русско-литовской летописи 1374 г., где употребляется форма «Темеря» (Тимур, Темир, Демир?), верно озвучено тюркское имя татарского бека, принимавшего участие (вместе с Кутлубугой и Хаджибеем) в сражении на Синих Водах. По крайней мере, других реальных «претендентов» среди татарских беков в данном регионе и в это время мы пока не находим.

По-видимому, до 1363 г. орда «Темери» (Демирбея, Темирбея, Тимурбея?) кочевала в дельте Дуная в районе Демир-Капу. Впоследствии эту территорию занимала орда Кутлубуги, которая располагалась здесь не только до прекращения междоусобной войны в Золотой Орде и укрепления в ней власти Тохтамыша в 1380 г., но и в 1388 г. На тот факт, что сравнительно долго основным местом кочевки (или зимним стойбищем) орды Кутлубуги являлось левобережье устья Дуная, указывает сохранившийся здесь ряд гидронимов с его именем — озеро Кутлубуха и р. Кучук-Кутлубуха.

Как известно, зимники Хаджибея находились на побережье в районе современной Одессы (старое название — Хаджи-бей). Интересно также известие 1405 г. в литовско-русской летописи по Супрасальскому списку, на которое в свое время обратили внимание Н. Молчановский [Молчановский, 1885, с. 180] и В. Н. Малицкий [Малицкий, 1933, с. 14, прим. 2], где говорится: «и наехаша княгиню Александру в татарской земле, на месте нарицаемом Чиберча, и ту изымаше ю у святого Николы, а церковь ту поставил некоторый бесурменин именем Хазибивая» [ПСРЛ, т. XVI, с. 51]. Можно ли отождествить упоминаемого в летописи «Хазибивая» с Хаджибеем, сказать трудно, тем более что не локализовано точное местоположение данного памятника. Предположительно, упоминаемый в летописи топоним Чиберча соответствует названию современного селения Чобручи, расположенного к северу от Белгорода-Днестровского на берегу реки Днестр [Агульников, 1999, с. рис. 1,6].

На основании имеющихся материалов можно прийти к заключению, что в начале 60-х гг. XIV в. в междуречье Дуная и Днестра располагались кочевья трёх татарских орд западного улуса, во главе которых стояли беки Кутлубуга, Темирбег и Хаджи-

бег. После поражения, нанесённого им Ольгердом в сражении на Синей Воде в 1363 г., Темирбег со своей ордой ушёл за Дунай в Добруджанские степи, а Кутлубуга и Хаджибег бежали к морскому побережью, где располагались их стойбища (рис. 2).

В. Л. Егоров, давая оценку политическим событиям начала 60-х гг. XIV в., сделал предположение, что монголы после ряда крупных военных столкновений вынуждены были навсегда отказаться от обладания западными улусами. При этом исследователь замечает, что процесс вытеснения Золотой Орды с этой обширной территории происходил в несколько этапов, хронологически укладывавшихся в рамки 60-х гг. XIV в. [Егоров, 1985, с. 52].

С подобными выводами трудно согласиться по целому ряду причин. Во-первых, сокращение территории западного улуса за счёт перехода части земель под контроль Молдавии (Пруто-Днестровское междуречье) и Литвы ещё не означал полную их утрату для Орды. В 60–80-х гг. XIV в. здесь действуют два крупных золотоордынских городских центра [Руссев, 1999, с. 102–123]. Во-вторых, до 1388 г. (?) в дельте Дуная находились кочевья улусбека Кутлубуги. Вероятнее всего, данная территория — междуречье Днестра и Днестра — постепенно переходит под протекторат Литвы только после поражения Тохтамыша от Тимура при Витовте в 1395 г. По крайней мере, в 1395 г. в Северо-Западном Причерноморье, по сообщению Шериф-ад-дина Йезди, находился улус Хурмадая [Золотая Орда в источниках, 2003, т. 1, с. 357]. Имеющиеся источники указывают на то, что в середине 70-х гг. XIV в. с подольских земель собиралась дань для платы «выхода в Орду»¹².

До настоящего времени политические отношения трёх беков (Кутлубуги, Темирбега и Хачибега) с Мамаем в период междоусобиц в Орде

¹² В подтверждение высказанного мнения хочу привести текст грамоты 1375 г. князя Александра: «Во имя отца и сына и св. духа, аминь. Мы князь Литовский, князь Александр Корьятович, Божею милостью князь и господарь Подольской земли, чиним ведомо своим листом всякому доброму, ктож на сей лист посмотрит, штож был брат наш князь Юрий Корьятович придан млин к церкви к матце Божьей оу Смотричи, то и мы князь Александр потверждаем того своим листом. Дали есьмо на веки той млин и место оу млина к церкви и тем мнихом казательного закону; а кто коли исправляют людей к себе оу том листе оу млина, тые люди дали — есьмо им со всем правом; а кто штож коли все боже и земляне будут город твердitys; тогда тые люди також имеют твердitys, **город Смотрич; иж то штож коли все земляне имут давати дань оу Татар, то серебро имеют також тые люди дати** (выделено мной — В. М.). А по млину граница горе Смотричом до мосту а долове Смотричом што дуброва межи Ходорковым селом, тое дубровы половина ко млину, а в поле, где себе пооруют нивы, то их имеет прислушати. А на то дали — есьмо свой лист и печать завесили своего князтва, а сведца на то. **Гринко пан староста подольский, смотрицкий воевода Рогожка, Прокоп Семенко Карабчиевский**, а писан лист оу Смотричи после нарочения Божия лет 1375 нашего лета мца Марта 17 дня оу день Стго Алексея человека Божия» [Линовский, 1844, с. 512].

остаются не выясненными [Русина, 1998, с. 64]. Чеканка в 1364–1367 гг. в столице западного улуса Шехре ал-Джедид¹³ монет с именем мамаевского хана Абдуллаха, по-видимому, указывает на признание в это время Кутлубугой и Хаджибегом сюзеренитета марионеточного правителя Орды. Однако затем (1367/68 г.) чеканка монет Абдуллаха в Шехре ал-Джедид прекращается. Некоторое время здесь ведётся выпуск анонимных пулов с арабской надписью и титулом «эмир» [Nicolae, 2005, p. 30]. Можно также предполагать, что с 1367 г. отношения между Мамаем и группировкой беков западного улуса (Кутлубугой и Хаджибеем) становятся оппозиционно-враждебными. Об этом позволяет судить текст ярлыка, выданного Тохтамышем в 1381–1382 г. Хаджибегу. В нём Кутлубуга упоминается как правитель Крыма, а «представитель сего ярлыка Бей Хаджи» получает привилегии «как прежде жалованным тарханным ярлыком Тимур-Пулада» [Григорьев, 1844, с. 330]¹⁴. Из этого следует, что Хаджибег ещё в 1367 г. получил подобный тарханный ярлык от сарайского хана Пулад-Тимура [Егоров, 1980, с. 191] — одного из противников Мамая. Этим он снискал благосклонность Тохтамыша,

подтвердившего права пользования рядом привилегий племени Шюрюкаль, главой которого и являлся держатель ярлыка Бей Хаджи.

По имеющимся в нашем распоряжении источникам, наибольшую известность получил Кутлубуга [Варваровский, 1999, с. 279]. Как уже отмечалось выше, примерно с 1352/53 г. он являлся правителем западного улуса Золотой Орды при ханах Джанибеке (1343–1357 гг.) и Бердибеке (1357–1359 гг.). После начала «великой замятни» в Улусе Джучи Кутлубуга кочевал со своей ордой на левобережье Дуная. Это продолжалось до появления в Северном Причерноморье Тохтамыша¹⁵. В 1381 г. в договоре с генуэзцами фигурирует имя Ильяса, сына Инака (Cotoloboga), в то время как при подписании первоначального соглашения в ноябре 1380 г. был назван сторонник Мамая или Конак-Бека [Basso, 1991, p. 11] *Jharcas Zico* (Яркас Зихо или Черкесс?). О том, какое влияние Кутлубуга приобрёл в 80-е гг. XIV в. при Тохтамыше, свидетельствуют документы времени «Солхатской войны» (*Bellum de Sorcati*) — 1385–1387 гг. В них неоднократно выступает в качестве ключевой политической фигуры *Cotolbogha, Qutlug Boga, Cattabogha* [Basso 1991, p. 14–15].

И если Кутлубуга и Хаджибег долгое время после поражения 1363 г. принимали активное участие в военно-политической жизни Крыма и Северного Причерноморья, то Темирбег («Димитр», «Демейтер» в позднесредневековых хрониках) со своей ордой оказался в сфере влияния стран Западного Причерноморья (Венгрии, Болгарии, Добруджи, Валахии, Молдавии). Поэтому можно снять с «повестки дня» его право на владение Мангупом, как и существование в 60-х гг. XIV в. «мангупского князя Димитрия», что пытались много лет доказать исследователи средневекового Крыма.

1.1.2. Турмарх Хуйтани мангупской надписи 1361/62 г.

В 1361/62 г. ведётся восстановление оборонительных стен Мангупа. Подобные мероприятия осуществляются и в 80–90-е гг. XIV в. Об этом повествуют строительные надписи, найденные во время исследований на городище в разные годы [Малицкий, 1933, с. 5–6, 9–11]. В них также приводятся имена руководителей (или организаторов) фортификационных работ: Хуйтани (1361/62 г.) и Чичикия (80-е гг. XIV в.) [Малицкий, 1933, с. 5–11]. Вероятно, в это время усилиями городской общины заново отстраивается существовавшая в IX–XI вв. первая линия обороны (?).

¹³ Странной выглядит солидаризация М. Г. Крамаровского с точкой зрения А. П. Григорьева относительно локализации золотоордынского города Шхер ал-Джедид (Янгшехр) в бухте Провато (Двухъякорной), расположенной неподалеку (в 5 км к западу) от Каффы [Крамаровский, 2003, с. 516]. И если историк А. П. Григорьев мог не знать, то работающий много лет в Солхате (в 20 км к северо-западу от Провато) археолог М. Г. Крамаровский обязан был убедиться в полном отсутствии каких-либо следов городской жизни на данном месте. Разведками С. Г. Бочарова в береговом обресе бухты Провато выявлены только следы небольшого приморского поселения XIV–XV вв.

¹⁴ «<...> Тохтамыш. Слово мое Начальнику Крымской области Кутлу-Буге, Билярам городничим, Судьям народным, Законодавцам Настоятелям монастырей и братии их, Писцам диванов, Сборщикам пошлин и помощникам их, Завставщикам и разсылщикам, всяким людям ремесленным и всем: Представитель сего ярлыка Бей Хаджи <...> как прежде жалованным тарханным ярлыком Тимур-Пулада повелевалось: С дымов племени Шюрюкаль податей не собирать, к гоньбе подвод не принуждать, на хлебные магазины платы не требовать, ни каким чиновным лицам, кто-бы они ни были, до Шуракульцев, будут-ли они внутри или вне Крыма, как свободных от начальника области, ни какого дела не иметь, при общей кочевке взиманием поборов не только зла не причинять, но защищать и охранять, и всем им кочевать наравне с Хаджи-беем» (выделено мной — В. М.), вследствие того: да боится всякой налагающей что-либо именем начальника области, всякой причиняющей вред и обиду. Кто же пренебрежет тем, что Бей Хаджи взыскан моею милостью, и вопреки обоим сих ярлыков учинит насилие, тому доброго не будет. В удостоверение чего пожалован ему настоящий ярлык с алою тамгою. Подлинный писан в степи, в Ортубе, двадцать четвертого дня месяца Зилькагида, 784 года от гиджры, в лето обезьяны (= 1382 г. по Р.Х.)» [Григорьев, 1844, с. 339]. Как видим, в ярлыке речь идёт о кочевом племени Шуракульцев, во главе которого стоял Хаджибег, а не о городе Кырк-оре (Керкере). Поэтому напрасно многие исследователи называли Хаджибега «ханом Киркельским» и пытались связать его имя с никогда не существовавшим «Киркельским княжеством».

¹⁵ По данным массарии (бухгалтерской книги казначейства Каффы (вторая половина 1379 — 11 марта 1381 гг.) в это время (до 28 ноября 1380 г.) наместником Солхата при Мамае являлся Сарих (*domini Mamay usque ad adventum dominationis domini Sarihi tunc domini Sorchatii*) [Пономарёв, 2000, с. 395, № 157].

Обломок мраморной плиты с упоминанием сотника Чикикия, руководившего организацией и строительством оборонительных сооружений Феодоро при хане Тохтамыше (1381–1397/98), был извлечён в 1890 г. Ф. А. Брауном из руин одной из башен Мангупа. Она использовалась вторично в качестве строительного материала при ремонте крепости турками в 1503 г.(?). На обломке фрагментарно сохранились восемь строк греческой надписи, восстанавливаемых Н. В. Малицким и, с некоторой корректировкой, Х.-Ф. Байером [Малицкий, 1933, с. 5; Байер, 2001, с. 188–189]¹⁶ следующим образом:

1. Ἐκτίσθη ὁ(?) πύργος(?) ἐκ]
2. [β]άδρον [..... διά]
3. κόπου [καί(?) συνδρομής(?)
4. Τζιτσικιου(?) [εκα]-
5. τονταρ[χου]]
6. ἐπὶ τῆς βασιλείας]
7. Τοχταμ[ύσου или ύση]
8. ἐπὶ ἔτους [.....]

С учётом значительных лакун Х.-Ф. Байер восстанавливает её смысловое содержание: «Была построена [башня (крепость?) от] основ [через] усилие [и (?) поддержку (?)] Тзитс [.....] сотник[а] при царствовании] Тохтам[ыша] в году [...].» [Байер, 2001, с. 189]. Упоминание имени Тохтамыша позволило Н. В. Малицкому прийти к заключению, «что около 1380 г. на Мангупе воздвигнуто было сооружение крепостного характера, причём строителем было лицо, по-видимому, с тюркским именем» [Малицкий, 1933, с. 7]. Тезис о тюркском происхождении имени сотника поддерживает и Х.-Ф. Байер [Байер, 2001, с. 189].

Т. к. в самой надписи дата не сохранилась, а имеется только упоминание хана Золотой Орды Тохтамыша, то и датировка может быть предложена достаточно широкая — 80–90-е гг. XIV в. Но, как известно, Тохтамышу удалось подчинить своей власти Крым не ранее конца 1380 — начала 1381 г., когда от его имени (?) 24 февраля 1381 г. Ильясбей подписывает договор с генуэзцами. По нему Готия «со всем своим народом» освобождалась от «империи Татар» и переходила под протекторат коммуны Генуи. Дальнейшее развитие событий привело в 1385–1386 гг. к войне между Кафрой и Солхатом, в которую, на стороне татар, оказалось втянутым и население прибрежной Готии. В 1386 г. генуэзцы даже вынуждены были послать к берегам Готии вооружённую галеру, чтобы привести население к покорности [Balard, 1978, p. 161]. Столкновения между враждующими сторонами прекратились только весной 1387 г., а 12 августа был подписан договор, подтверждавший все права коммуны Генуи на территорию Готии.

В связи с контекстом военно-политических событий 1385–1387 гг. следует, вероятно, рассматривать нижнюю дату строительной деятельности в Феодоро сотника Чикикия (Тзитс... — по Х.-Ф. Байеру). Однако трудно представить, чтобы генуэзцы могли реально угрожать городу и горной Готии в 80-е гг. XIV в. Значительно опаснее внешнеполитическая ситуация сложилась после поражения Тохтамыша в 1395 г. Пребывание Тимура на Северном Кавказе до весны 1396 г. и общая дестабилизация обстановки в Орде могли явиться важным стимулом для укрепления Феодоро. Поэтому саму надпись более логично датировать примерно этим временем, т. е. 1395–1397/98 гг.¹⁷

Данная находка интересна также и тем, что впервые в текстах средневековых лапидарных памятников Крыма встречается упоминание должности сотника — «гекатонтарха» (ἑκατονταρχου) [Латышев, 1896, с. 55; Малицкий, 1933, с. 5], наличие которой, в дальнейшем, отмечено только в генуэзских источниках XV в.

Мангупской надписи 1361/62 г., найденной при раскопках базилики в 1913 г., в литературе по истории средневековой Таврики уделено много внимания. В ней впервые звучит новое название Мангупа как города — Феодоро, — давшее впоследствии в научной литературе имя небольшому государственному образованию, сформировавшемуся в начале XV в. на территории Горного Крыма [Мыц, 1991, с. 180–186]. Но в понимании её исторического содержания за последние несколько десятилетий исследователи не продвинулись дальше того, что было предложено первоначально Р. Х. Лепером [Лепер, 1914, с. 297], а затем Н. В. Малицким [Малицкий, 1933, с. 9–11]. Плита с надписью найдена не *in situ*, а как вторично использованная: она оказалась вставленной в стену позднесредневековой могилы у алтаря базилики [Лепер, 1913, с. л. 80].

Данная находка представляет собой прямоугольный блок нуммулитового известняка размером 0,49×0,33 м. Поверхность камня носит следы огня, из-за чего произошло расслоение и растрескивание всего блока, собранного из нескольких фрагментов с некоторыми утратами. Судя по всему, пребывание надписи в пожаре предшествует тому времени, когда её использовали для обкладки боковой стены плитовой могилы. На специально выровненной поверхности одной из сторон в рамке, очерченной острым предметом, помещена восьмистрочная надпись на греческом языке (рис. 3). С учётом корректировки Х.-Ф. Байера (кроме даты, заимствованной им у А. Ю. Виноградова) надпись выглядит следующим образом:

¹⁶ В отличие от оригинала Х.-Ф. Байер восьмистрочную надпись выстраивает в семь строк.

¹⁷ Х.-Ф. Байер считает, что её можно отнести ко времени между 1381 и 1395 гг. [Байер, 2001, с. 189].

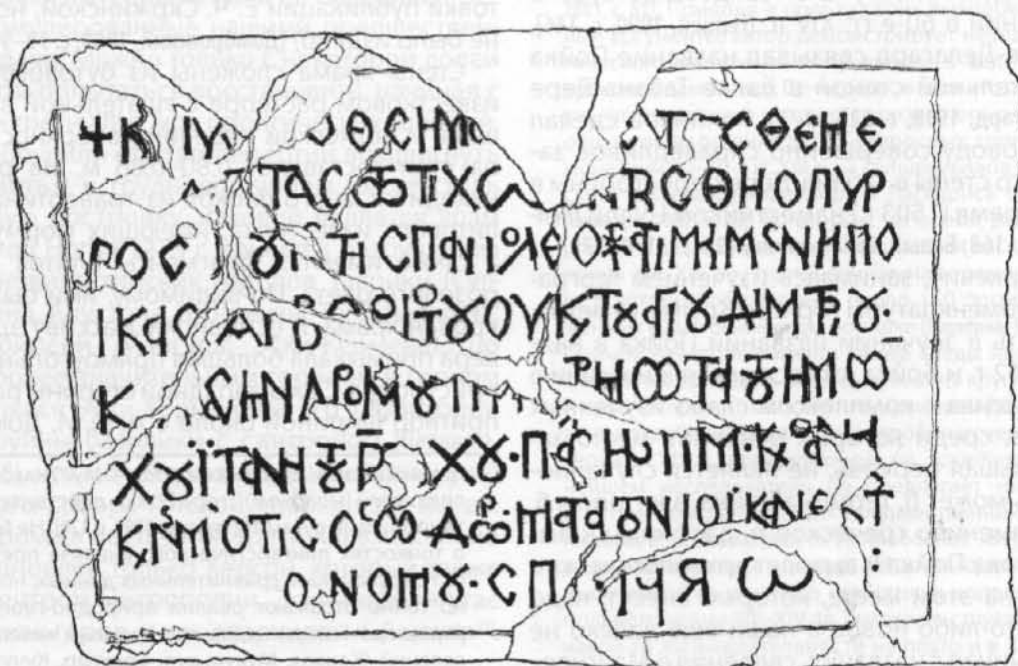


Рис. 3. Строительная надпись 1361/62 г. из раскопок мангупской базилики. Фото и прорисовка (современное состояние памятника)

1. Κ(ύριος) Ἰ(ησοῦς) Χ(ριστὸς) ὁ Θε(ὸς) ἡμ(ῶν) [σ]οσει τ(οῦ)ς δεμέ
2. [λιῶσ]α[ν]τας τῷ τῆχ(ο). [E]κτ(ι)σδε ὁ πυρ-
3. γος οὐ[τος?] τῆς παν(ω)πόλεος τετιμημένη Πο-
4. ἱκας δι[ά] β[ση]τας τοῦ Θε(ο)ῦ καὶ τοῦ ἁγίου Διμ(η)τρίου
5. καὶ σπηδρομ(ι) του παντιμωτάτου ἡμῶ(ν)
6. Χουιάνη τούρ[α]ρχου πάσης τιμης καὶ ὁ ἀνα-
7. καινησμος της Θεωδωρ(ους) μετὰ τὸν Ποικᾶν εκτήσ-
8. δ(η)σαν ὁμοῦ ἐπὶ ἔτει ζῶῶ

В переводе Н. В. Малицкого она звучит так: «Господи Иисусе Христе боже наш [благослови] основавших [сию] стену; построена эта башня верхнего города почтенной Пойки помощью божей и святого Димитрия попечением всечестнейшего нашего Хуйтани сотника [достойного?] всякой чести и совершенно восстановление Феодоро вместе с Пойкой; построены в 6870 году» (т. е. 1361/62 г. от рождества Христова) [Малицкий, 1933, с. 9–10].

Как уже отмечалось, на сегодняшний день это наиболее раннее из известных упоминаний Феодоро [Малицкий, 1933, с. 10]. Кроме того, здесь впервые упоминается ещё один топоним — Пойка. При первом издании надписи Р. Х. Лепер высказал предположение, что не встречавшееся в эпиграфических памятниках слово Пойка относится к цитадели или её башне, построенных в городе Феодоро [Лепер, 1914, с. 298]. В настоящее время эту идею поддерживает А. Г. Герцен, считающий, что данная надпись происходит именно из цитадели Мангупа и свидетельствует о её возведении в 60-е гг. XIV в. [Герцен, 1990, с. 146]. А. Л. Бертье-Делагард связывал название Пойка с оборонительной стеной в балке Табана-Дере [Бертье-Делагард, 1918, с. 32]. Н. И. Репников сделал по этому поводу совершенно справедливое замечание, что стены в Табана-Дере перестроены в турецкое время (1503 г.) наместником Цулой [Репников, 1935, с. 168; Белый, Соломонник, 1984, с. 170–175].

А. И. Маркевич, занимаясь изучением географической номенклатуры горного Крыма, отметил, что схожесть в звучании названий Пойка в надписи 1361/62 г. и Бойка, относящееся к названию горного массива с комплексом слабо изученных памятников, среди которых основное место занимает большая церковь, не является случайностью: «Быть может б, термина Бойка, в котором б, конечно, заменило греческое п, даст ключ к выяснению слова Пойка и вызовет археологические изыскания на этом месте, которые внесут, надо думать, и что-либо новое в наши ещё далеко не полные, начиная с названия, сведения о Мангупе» [Маркевич, 1928, с. 21]¹⁸.

¹⁸ Осторожная попытка приблизиться к решению данного вопроса была предпринята О. Н. Трубачевым, который в гипотетической форме предлагал видеть в названии Бойка «суффиксальное производное от корня, представленного в древнеиндийском *paуаfe*, „набухать, наливать“, *paуаh* — „молоко, жидкость“, сравнивая его при этом с

Обследование Бойкинского массива предпринял в 1955 и 1956 гг. О. И. Домбровский. В ходе работ ему удалось обнаружить развалины большого храма, возведённого во имя Христа Спасителя (общие размеры, по его определению, составляют 27×18 м). О нём впервые написал В. Х. Кондараки [Кондараки, 1883, с. 282–283]. Кроме того, в этом месте открыты длинные стены, загораживающие проходы на Бойку между горами Сотира и Караул-Кая (длина 730 м), Караул-Кая и Кош-Кая (320 м); следы шести поселений, остатки кузнечно-литейной мастерской у храма, углеобжигательные ямы, старые мощёные камнем дороги, два небольших укрепления на горе Курушлюк¹⁹, церковь у источника Джеvizлык-Су и др. [Домбровский, 1968, с. 83–96; Мыц, 1991, с. 131–132, рис. 31].

Тем не менее, ограниченные по объёму разведочные раскопки храма дали интересный материал. В слое пожара были найдены три поливные тарелки третьей четверти XV в., а среди развалин постройки — камень с изображением вписанного в круг равноконечного креста и два надгробия. Одно из них представляло собой миниатюрную модель храма с двускатной крышей и пятигранной апсидой. Во фронте помещалось изящно выполненное изображение «процветшего» креста, дополненное по сторонам изображениями ещё двух равноконечных крестов, вписанных в круг. Под крестом вырезана надпись на греческом языке. По палеографическим признакам и характеру изображения крестов она может быть отнесена к XIII в. (надгробие передали для подготовки публикации Е. Ч. Скржинской, но оно так и не было издано) [Домбровский, 1968, с. 90–91, рис. 7, 8].

Стены храма сложены из бутового камня на известковом растворе с тщательной зачеканкой швов и подтёской лицевой поверхности. Толщина стен составляет 0,80–0,86 м. На развалинах находится много блоков из травертина и нуммулитового известняка, имеющих форму клиньев, а также имеются фрагменты плиток песчаника розового цвета. По-видимому, ими была устлана кровля храма. К основному массиву здания с севера примыкала большая прямоугольная в плане пристройка. С юго-западной стороны размещался притвор шириной около 6 м. О. И. Домбровский

греческим *παῶα*, дорийским *ποῶα* — „луг“, как „поящий“, „наливающий (молоком)“; гора Бойка, действительно, покрыта хорошими лугами» [Трубачев 1999, с. 120]. Не берусь судить о тонкостях лингвистического анализа представленных О. Н. Трубачевым сравнительных данных, но они довольно точно отражают реалии природно-географического характера. Ещё до недавнего времени жители окрестных селений (Коккоз, Мухульдур, Богатыр, Кучук-Озенбаш и др.) использовали летом горные долины урочища Бойка именно для выпаса крупного рогатого скота.

¹⁹ Долгое время вне поля зрения исследователей Бойки оставалось ещё одно укрепление, расположенное на западном отроге г. Сотира. Небольшая (около 40×20 м) сторожевая крепость была возведена в XIII (?) в. у горного прохода (скотопрогонной тропы), ведущей из Коккозской долины на Бойкинский массив.

предложил планово-композиционное решение церкви в виде трехапсидной трехнефной базилики [Домбровский, 1968, с. 89, рис. 6]. А. Л. Якобсон считал, что основное помещение было квадратным и вмещало четыре столба, поддерживавших барабан и купол [Якобсон, 1970, с. 16].

Давно возникший спор об архитектонике здания могли бы прояснить раскопки памятника, но никто до настоящего времени так этого и не осуществил. Обращает на себя внимание местоположение храма Спаса, находящегося на высоте примерно 1100 м. Отсюда открывается панорама практически всего Юго-Западного Крыма, в том числе и юго-восточная экспозиция плато Мангупа. Необычность размещения одной из крупнейших церковных построек средневекового Крыма X(?)–XV вв. на столь значительной высоте в горном урочище общей площадью около 1200 га, дополнительно защищённого стенами, заграждавшими проходы на Бойку, может указывать на исключительную значимость всего представленного историко-архитектурного комплекса.

О. И. Домбровский высказал предположение, что Бойка «представляла собой замкнутый удел, состоявший из шести небольших поселений, объединённых вокруг большого храма Спаса. Возможно, последний являлся не только их религиозным, но и административным центром». Он же поставил и ряд других вопросов, среди которых, пожалуй, самый важный заключается в том, «какова была степень подчинения Бойки Мангупу» [Домбровский, 1968, с. 96].

Имеющиеся материалы пока не позволяют решить сформулированные нашими предшественниками задачи. Можно только с некоторой долей вероятности попытаться восстановить, начиная с последней трети XIII в., ход политических событий, которые побудили обитателей Готии воздвигнуть (восстановить?) в труднодоступном месте столь грандиозную постройку, каковой является храм Спаса. Поход Ногай 1278 г. привёл к разрушению всех поздневизантийских городов Таврики (Сугдеи, Херсона, Алустона, Горзувиты, Тепе-Кермена, Баклы, Сюйрени, Мангупа, Эски-Кермена). До этого наиболее значительным городом в горном Крыму являлся Эски-Кермен. На его территории открыты руины базилики с синтроном [Паршина, 1988, с. 36–58], что может указывать на её значение как главного собора Готской епархии XII–XIII вв. После погрома в последней трети XIII в. частично был восстановлен только Херсон, который также являлся центром митрополии. Эски-Кермен угас навечно и как город, и как епархиальный центр²⁰.

²⁰ А. И. Айбабин, касаясь основных этапов истории городища Эски-Кермен, пришёл к выводу, что «запустение» на территории города началось в 1347 г. из-за эпидемии чумы, а «окончательно город разрушили татары в конце XIV в. во время набега Едигея» [Айбабин, 1991, с. 49]. Данное утверждение строится на якобы обнаруженной в верхнем слое жилых усадеб керамики XIV в., одного надгробия

Но митрополия Готии продолжала существовать. На этой территории, в связи с татарскими погромами Сугдеи и её округи, находят убежище христиане Сугдейской, а впоследствии и Херсонской епархии. В дальнейшем это вызовет многочисленные споры между иерархами трёх православных митрополий Таврики. Исследователи так и не смогли локализовать пункт, в котором с конца XIII и до первой четверти XV в. располагалась кафедра митрополита Готии. Тогда она, по-видимому, при митрополите Дамиане, переносится в столичный город — Феодоро, где им восстанавливается мангупская базилика.

Можно предположить, что таким центром на протяжении более столетия являлась Бойка, а земельные владения митрополита Готии охватывали значительную территорию, получившую в источниках наименование Пойка и обозначавшее «название местности, страны» [Маркевич, 1928, с. 21; Малицкий, 1933, с. 10]. При такой интерпретации становится более понятным упоминание в надписи 1361/62 г. «почтенной Пойки», при этом предполагается, что Пойка — общая территория, духовноцерковный центр, где располагается «верхний город» Феодоро, а с «помощью божией и святого Димитрия» и благодаря трудам Хуйтани «совер-

бия в виде модели храма того же времени и поливной тарелки XIII–XIV вв. из могилы, открытой с внешней стороны базилики. В довершение к этому перечню «свидетельств» А. И. Айбабин в одной из своих работ «продлеывает» жизнь Эски-Кермена уже до XV в. («на плато Эски-Кермен какая-то жизнь продолжалась, видимо, до XV в.»), не давая при этом каких-либо дополнительных объяснений [Айбабин, 2003, с. 81]. Приводя в пользу своих выводов вышеуказанные аргументы, автор демонстрирует незнание археологического материала, полученного в ходе многолетних раскопок памятника. Во-первых, в слоях тотального пожара, завершающего поздний горизонт его существования, обнаружены останки детей и взрослых, сопровождаемые монетами 20–50-х гг. XIII в. — сельджукидов Рума и Никейского императора Феодора II Ласкариса (1254–1258 гг.) [Веймарн, 1982, с. 76]. Во-вторых, во время работ Е. А. Паршиной у базилики открыта небольшая часовня-мемория конца XIII–XIV вв., поставленная над тремя склепами XIII в., в которых обнаружено около 150 погребенных, уложенных в анатомическом порядке [Паршина, 1988, с. 44, рис. 1]. Причём некоторые имели явные следы насильственной смерти (например, в черепе мужчины круглое отверстие и ядро от пращи). Собственно наличием данной часовни, двух погребений и одного надгробия исчерпываются материалы XIV в., обнаруженные на Эски-Кермене. В дальнейшем исследователь не предлагает ничего нового, повторяя суждения своих предшественников (Н. И. Репникова, Е. В. Веймарна, А. Л. Якобсона): «Вероятно, город разрушили татары в конце XIII в. находка на городище высеченной из местного известняка модели крестовокупольного храма XIII–XIV вв. свидетельствует о сохранении какой-то жизнедеятельности на плато и в XIV в.» [Айбабин, 2004, с. 179]. Справедливости ради следует отметить недавно изданную А. Ю. Виноградовым надгробную надпись, якобы обнаруженную в 1937 г. в районе «восточной калитки» Эски-Кермена в ходе работ Н. И. Репникова. По «палеографическим признакам» она отнесена к XIV–XV вв.: «Почил во блаженной [памяти] и раб Божий Ла... ульбей, первого разряда третьей части, 17 (?) мая, в пятницу» [Виноградов, 2004, с. 126].

шено восстановление Феодоро вместе с Пойкой». В целом, следует признать важное политическое звучание всего текста надписи, повествующей о значительных позитивных переменах в жизни населения Готии (или её части — Феодоро и Пойки) в этот период.

Но обратимся вновь к тексту надписи, чтобы убедиться в точности перевода, предложенного Н. В. Малицким, и в особенности места, касающегося определения должности восстановителя Феодоро и Пойки — Хуйтани. Нетрудно убедиться, что в ней нет и намёка на предлагаемое Н. В. Малицким «гекатонтарх» (ἑκατονταρχοῦ), действительно читаемое в надписи 80–90-х гг. XIV в. Здесь, вслед за Χουιτάνη, чётко видны буквы τουρ, прерываемые небольшой лакуной, за которой следуют буквы χου. Исследователь не даёт каких-либо объяснений по поводу предложенной им реконструкции текста, но и не помещает в данном месте ἑκατονταρχοῦ («сотника»), в то время как сохранившиеся в шестой строке буквы позволяют восстановить слово τουρ[μαρ]χου, т. е. «турмарху». Таким образом, следует читать Χουιτάνη τουρ[μαρ]χου, а не Χουιτάνη ἑκατονταρχοῦ, как полагал Н. В. Малицкий [Малицкий, 1933, с. 9]²¹.

Если предлагаемое восстановление титулатуры верно, то это принципиально меняет и понятие о должности Хуйтани: он не «сотник» (как Чичикий), а «турмарх». Какое-либо другое определение, кроме τουρμαρχῆ, будет выглядеть ещё более гипотетичным (например, титул τοπαρχοῦ «топарх»), потому что после «т» чётко видна буква «р», сверху которой поставлена черта, что также может указывать на наличие в данном слове двух «р».

Р. Х. Лепер переводил надпись следующим образом: «Господи Иисус Христос, наш Бог... основ[ал] эту стену, и построена была башня сия верхнего города почтенной Пойки с помощью Бога и св. Димитрия и при содействии всечестнейшего нашего Хуйтанина (сотника?), (участника) всякой чести, и (совершенно) восстановление города Феодоро. Вместе с Пойкой построены в г. 6870 (= 1363 г. по Р.Хр.)» [Лепер, 1914, с. 98]. Как видно, сам Лепер не был уверен в том, что Хуйтанит назван в тексте сотником. При переиздании надписи Н. В. Малицкий внёс изменения в текст перевода, уточнил дату и чтение имени строителя, но не усомнился в том, что последний так же, как и Чичикий, имел (исполнял) должность сотника Феодоро [Малицкий, 1933, с. 9]. В дальнейшем все исследователи, обращавшиеся к данному сюжету,

ссылались на перевод Н. В. Малицкого, не взяв на себя труд проверить титулатуру Хуйтани.

К тому же παντόλευος можно перевести и как «верховный город», в значении «главный город» (на возможность подобной трактовки указал В. П. Кирилко). В таком случае изменится и смысловое звучание надписи 1361/62 г.: «Господь Иисус Христос Боже наш, да спасёт основавших [сию] стену: Построена эта башня верховного(?) (главного?) города почтенной Пойки помощью божией и святого Димитрия попечением всечестнейшего нашего Хуйтани турмарха(?) [достойного?] всякой чести и совершенно восстановление Феодоро [вместе] с Пойкой; построены в 6870 году» [см.: Байер, 2001, с. 184]²².

Наши поиски возможных причин появления в Феодоро чиновника в должности турмарха, на первый взгляд, облегчаются сравнительно недавно изданным моливдовулом императорского спафария и турмарха Готии Льва, найденного в Херсонесе и датированного Н. А. Алексеенко концом X — началом XI в. [Алексеенко, 1998, с. 230–233]. Согласно данным византийских источников, турмархи являлись начальниками турм — военного подразделения, входившего в состав фемного войска. Кроме того, они осуществляли административный контроль над территориями, где размещались вверенные им турмы [Константин Багрянородный, 1991, с. 418, прим. 24]. Турмарх подчинялся непосредственно стратигу фемы и, в отличие от других воинских чинов (архонтов), мог назначаться только императором [Leonis, 1863, col. 708 D].

Система фемной организации в Византии полностью сформировалась в X в. [Острогорский, 1952, с. 64–77; Ostrogorsky, 1953, p. 30–60]. Во второй половине X в. в административном устройстве Византии произошли изменения. Старые фемы были разделены на несколько десятков мелких стратигий, особенно в пограничных областях, территориальный обхват которых не превышал одного города или относительно небольшого района [Oikonomides, 1972, p. 345]. По-видимому, этот процесс коснулся и Таврики, продолжавшей и в X–XII вв. являться восточным форпостом империи. Расположенные здесь византийские крепости служили военно-административными центрами небольших гор-

²¹ Стоящая в данном слове буква «р» с гаской может означать «100», но тогда теряет смысл остальной набор букв. В таком случае невозможно объяснить и столь значительное отличие в написании слова «сотник» в двух близких по времени надписях (60-х и 80–90-х гг. XIV в.), где в одном случае это «р» = 100, т. е. «гекатонтарх», а в другом просто «ἑκατονταρχοῦ». Трудно найти для такой кодификации титула (должности) строителя (ктитора) Хуйтани в надписи 1361/62 гг. удобоваримые объяснения [см.: Байер, 2001, с. 183, прим. 533].

²² Относительно недавно А. Ю. Виноградов, работая над мангупскими эпиграфическими материалами, хранящимися в фондах Херсонесского музея, сделал ряд замечаний по поводу чтения надписи 1361/62 г., её датировки и «рассуждений» относительно исторического контекста строительства крепости в Пойке [Виноградов, 2000, с. 446]. Оставляя в стороне вопрос о корректности критики в адрес Н. В. Малицкого, замечу, что А. Ю. Виноградов принял за «далеко вынесенную аппексированную среднюю гаску θ (δ = 9)», что, по его мнению, должно было указывать на дату 6909 (= 1300–1301 по Р.Х.), случайную (появившуюся, видимо, во время хранения) выщерблину. Она пересекает все три буквы, обозначающие время строительства. Так что нет никаких оснований для «ревизии» хронологии самого артефакта и его исторического контекста.

ных районов, называемых «Климатами» или «Климатами Готии», которые входили в фему Херсона [Мыц, 1991, с. 75].

Имеющиеся в настоящее время, хотя далеко не полные и фрагментарные, материалы (в основном это единичные находки эпиграфических памятников и моливдовулы) позволяют в общих чертах представить систему организации фем Таврики X–XI вв. Так, например, в 1894 г. в Херсонесе была найдена плита с надписью, в которой говорится: «Сооружены железные ворота претория, возобновлены и прочие [ворота] крепости (κἀστρου) при Исааке Комнине, великом кесаре и автократоре Римском и Екатерине, благочестивейшей августе Львом Алиатом, патрикием и стратигом Херсона и Сугдеи, месяца апреля, индикта 12, лета 6567» (т. е. в 1059 г.) [Латышев, 1896, с. 16–17]. Из приведённого текста следует, что во второй половине XI в. фема Херсона, которую возглавлял патрикий Лев Алиат, простиралась от владений Сугдеи на востоке до Херсона на западе [Якобсон, 1950, с. 17–18]. Насколько позволяет судить содержание моливдовулы «спафария и турмарха Готии» Льва, крепости, расположенные в горном Крыму («Климаты Готии»), входили в состав фемы Херсона в качестве турмы [Alekseenko, 1996, s. 272].

О численности фемного войска, подчинявшегося стратигу Херсона, можно только строить предположения. В военном трактате рубежа IX–X вв., «Тактике Льва», величина конного войска одной фемы определяется 4000 человек [Leonis, 1863, s. 143]. При этом на фемное войско средней численности (4 тыс. воинов) полагается следующий штатный состав архонтов (командиров различных рангов): 2 турмарха, 4 друнгария, 20 комитов, 40 кентархов, 80 петтеконтархов, 400 декархов, 800 пентархов, то есть 1346 архонтов [Кучма, 1975, с. 82]. Следовательно, фема Херсона делилась на две турмы, одна из которых базировалась в Готии, а другая — в Сугдее (т. е. примерно по 2 тыс. человек в каждой, что не много для этих районов Таврики). Если учесть наличие воинских контингентов, располагавшихся в самом Херсоне и его округе, то общая численность вооруженных людей, подчинённых стратигу, могла достигать 6000 (?).

В настоящее время мы не располагаем какими-либо сведениями о военной организации Херсона и Климатов Готии на протяжении второй половины XI — первой половины XIV вв. Вполне вероятно, что она претерпевала изменения, образуясь с требованиями времени (после 1204 г. эти территории перешли под протекторат Трапезундской империи). Но то, что должность турмарха отмечена в надписи 1361/62 г., говорит о сохранении здесь вполне определенных византийских традиций. Остаётся неизвестным, кем назначался и кому подчинялся турмарх Феодоро и почему в надписи 80–90-х гг. XIV в. фигурирует уже «сотник» (гекатонтарх), в иерархии фемной структуры соответствующий «кентарху».

До сих пор остаётся невыясненным и вопрос о том, когда Трапезунд потерял свои, и без того номинальные, права на Таврику (Херсон и Готию). Последний раз в титуле Великих Комнинов «Περαιεία» в качестве заморских владений звучит в хрисовуле Трапезундского императора Алексея III (1349–1390 гг.), выданном венецианцам в 1364 г. [Zakithinos, 1932, с. 37]²³.

1.1.3. «Богохранимый город Феодоро» в надписях второй половины XIV в. и мнимые князья Мангула

В связи с рассматриваемой темой определённый интерес представляют находки ещё двух надписей, предположительно датируемых второй половиной — концом XIV в. Одна из них происходит с Мангула, а другая — с горы Седам-Кая, расположенной в непосредственной близости от Бойки. Мангульская надпись обнаружена около 90-х гг. XIX в. в одной из башен Табана-Дере (обследование А. И. Маркевича и А. Х. Стевена). Использовалась турками в кладке в качестве строительного материала и, к сожалению, оказалась сильно испорченной. Это не позволило полностью восстановить содержавшийся в ней текст [Латышев, 1901, с. 76; Малицкий, 1933, с. 15–19]. Тем не менее, Н. В. Малицкий смог определить характер ценной исторической информации данной надписи. По его мнению, в первой строке читается окончание общего заголовка «с указанием на постановление её феодоритами на вечную память о воспоминаемом событии и её действующем лице... Дальше, после указания на (неприятельскую) конницу идёт почти связный рассказ: „... десять запряжек волов и погонщиков убили и... услышал... против варваров поднял от мала до велика и преследовал их до... богохранимой крепости Феодоро... и гнали их и рубили до Зазале(?)... частей(?) 11“» [Малицкий, 1933, с. 15–19, рис. 3–4].

Учитывая содержащийся в надписи рассказ о борьбе с напавшими на обоз кочевниками, Н. В. Малицкий счёл возможным предположительно датировать её концом XIV в., когда после разгрома Тохтамыша Тамерланом «в Крым хлынули полчища Идики (Эдигея) для преследования одного из сыновей Тохтамыша, вздумавшего там искать себе убежища» [Смирнов, 1887, с. 169; Малицкий, 1933, с. 19]²⁴.

²³ Некоторые исследователи полагают, что под «Заморьем» подразумевается Кавказское побережье Чёрного моря [Шрайнер, 1981, с. 216], а не Херсон и Климаты Готии, как, например, считал А. А. Васильев [Vasiliev, 1936, p. 162].

²⁴ Х.-Ф. Байер, несмотря на предпринятую им работу по исследованию данного памятника, отказался от точного перевода [Байер, 2001, с. 178–182]. Хотя, по его мнению, смысловое содержание надписи сводится к следующему: «Эту надпись (или камень или плиту) посвятили феодориты в вечную похвалу (или память) рыцарю», — далее следовало искаженное сегодня имя. «Он собрал (?) людей, ко-

Недавно А. Ю. Виноградову удалось перевести эту надпись, хранящуюся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника. Она была нанесена на прямоугольном (имеет обломы по краям) блоке нуммулитового известняка. Его размеры составляют 36,5×66,5×12 см²⁵.

Текст надписи выполнен небрежно, буквами высотой 1,2–2 см в 9 строк. А. Ю. Виноградов восстанавливает её следующим образом:

...] ΘΙΘΕΙ οςέκ Ποήκα, ή ύ (?) Θεοδορίτη ύς α]ίωνιον μ ήνήμα. Έπη καθαλαρήων] έπειραν β' ζεύγη βωδων, τον ζευγελα- την έφώνεσαν· κέ ος τó ήκουσεν, ής βαρζάρους έξερε από μη- κρου έος μεγάλους κ(αι) έδίωξαν όπήισο αυτόους έος του μερους κ(αι) τέο[ς] του θεοφηλάκ του κάστρου Θεοδόρου· κε κατεδή- ξαν κέ κατέκοψαν αυτόους έος του Ζαζαλε κ(αι) μερους ιά· κ(αι) [...] ήκουσεν [...] κέ τον κε[...]. ON. KENH. ΟΨ [.....] έπί (?) έτους ζω[ι ?]α. E[...]. ΣΙ... ΟΣ. ήκουσαν κε.....μοςΨ....

Перевод: «Такому-то, что из Пойки, феодриты в вечную память. С кавалерией захватили 2 упряжки волов, а погонщика волов убили. И когда он это услышал, поднял всех от мала до велика. И гнались за ними до Части и до богохранимой крепости Феодоро, и догнали их и рубили вплоть до Зазале и 11-ой части. И...услышал...и ...в 6811(?) году...услышали и...» [Виноградов, 2005, с. 434–435, фото на с. 434].

Издатель предлагает следующий комментарий к опубликованной им памятной надписи, которая «посвящена феодритами какому-то уроженцу Пойки, чьё имя, к сожалению, не читается (судя по последним буквам, оно было не греческим). Таким образом, мы имеем ещё одно свидетельство значения Пойки на раннем этапе существования Феодоро. Неясно лишь, идёт ли речь о строительстве башни в память о пойкийце или просто об установлении надписи в его честь. Мы склоняемся ко второму предположению» [Виноградов, 2005, с. 435].

Кроме имени уроженца Пойки, трудности вызвало и определение времени посвяtitельной надписи. Сохранились только три цифры года — 68...1. Это позволяет, по мнению А. Ю. Виноградова, датировать её в широких пределах — 1291 (6801) — 1383 (6891) гг. Причём издатель считает, что для расположения третьей (не сохранившейся) цифры места «на камне остаётся так мало, что с большей долей вероятности здесь можно поместить только йоту». Такое допущение даёт воз-

торые отбросили врагов от бережённой Богом крепости Феодора туда-то и туда-то» [Байер, 2001, с. 181]. Предлагаемая широкая дата артефакта (между 1291/92 и 1390/91 гг.), Байер отказывается от возможности более точного определения времени, мотивируя это тем, что «Феодоро всегда подвергался некоей опасности, угрожавшей городу из глубокого тыла» [Байер, 2001, с. 181].

²⁵ Осматривавший плиту в фондах музея, В. П. Кирилко заметил, что блок с надписью явно вторичного использования, т. к. на его поверхности сохранились следы цементного раствора.

можность А. Ю. Виноградову прийти к заключению, что данная «надпись относится к 1302/3 гг., т. е. к самому раннему этапу феодритской истории», а это, в свою очередь, позволяет вторично поставить «вопрос о датировке надписи Хуитана» [Виноградов, 2005, с. 435–436].

Действительно, можно было бы согласиться с предлагаемой А. Ю. Виноградовым датировкой блестяще им восстановленной и впервые прочитанной надписи, если бы не настойчивость исследователя в желании вновь отодвинуть раннюю историю Феодоро к самому началу XIV в. [Виноградов, 2000, с. 444]. По поводу ошибочности предлагаемой А. Ю. Виноградовым передатировки надписи 1361/62 г. мы гово-

рили выше. Та же история повторяется и с данной надписью. Однако между цифрами ω и α вполне достаточно места, чтобы там могла поместиться не только ι, но и θ, т. е. цифра 9. В таком случае вполне правомерна (и более вероятна) датировка надписи «ζωθ(?)α» = 6891 (1383 г. от Р.Х.), которую не исключает и сам публикатор, отдавая предпочтение 6811 г. (= 1302/3 г.).

Следует отметить, что по своему характеру данная посвяtitельная надпись явно не относилась к числу официальных. С одной стороны, на это указывает небрежность (неустойчивость) шрифта, а с другой, описываемые в ней события. Последние, несмотря на пафосность и риторичность используемого стиля, скромны по своим масштабам. Рассказывается об эпизоде нападения вражеской конницы, когда «захватили 2 упряжки волов, а погонщика волов убили...». Остающийся неизвестным герой «из Пойки», «когда он это услышал, поднял всех от мала до велика. И гнались за ними до Части и до богохранимой крепости Феодоро, и догнали их и рубили вплоть до Зазале и 11-й части» [Виноградов, 2005, с. 435].

По-видимому, здесь говорится о мелкой стычке с небольшим отрядом татарской конницы, проникшим в горные долины Юго-Западного Крыма с целью грабежа, и настигнутым с захваченной добычей в окрестностях Феодоро. Преследование и уничтожение противника продолжалось «до Зазале и 11-й части», вероятно, являвшейся крайним пределом «феодоритского государства» [Виноградов, 2005, с. 436].

Судя по всему, речь в надписи идёт о ближайшей к Феодоро северо-восточной «границе», проходившей по р. Бельбек (Кабарда). Здесь, по Каралёвской долине, проходит и современная дорога. В целом же надпись содержит значительное число топонимов (Феодоро, Пойка, Зазале) и ещё не совсем ясных административно-территориальных терминов. При этом Пойка настолько дистанцирована от «богохранимой крепости Феодоро», что её трудно увязать с топографией самой сто-

лицы Готии. Как указывает А. Ю. Виногардов, «на ранней стадии феодоритской государственности (начало XIV в.), несомненно, большую роль играла Пойка» [Виноградов, 2005, с. 437].

Следует отметить, что содержание феодоритской надписи 1383 (?) г. удивительным образом перекликается с армянской записью на Евангелии, датированной тем же годом: «Я, грешный слуга бога, Саргис — сын Манктера, родом из области Хахтик, из Баберда, из села Грзу, в году 832 (1383), когда Полат хан ударил по Кафе, и когда, уходя, и священное Евангелие взяли в плен (выделено мной — В. М.) в Орабазар, в Экикэз, (тогда) я — Саргис и Иованэс — сын Меһраза встретились там (в Экикэзе) и купили священное Евангелие; мои и Иованэса затраты составили 140 белых (аспров — В. М.); я долю Иованэса заплатил ему и священное Евангелие стало моим в память о душе и плоти моей; в году 833(1384) привез (книгу) в Трапизон и отдал (церкви) Заступницы святой Богородицы» [Саргсян, 2004, с. 153]²⁶.

Ещё одна строительная фрагментированная надпись, упоминающая Феодоро, происходит из развалин небольшого храма (7,69×4,27 м), располагавшегося в урочище Папас-Баир («Монашеский лес») на горе Седам-Кая. Но она, к сожалению, сохранилась лишь частично и может быть датирована только приблизительно второй половиной XIV — началом XV вв. В 1910 г. фрагмент плиты с надписью вмонтировали в стену так называемого «Чайного домика» имения Коккоз князя Ф. Ф. Юсупова (во время Великой Отечественной войны здание было полностью разрушено). В. В. Латышев по эстампажу М. И. Скубетова попытался восстановить её содержание. В предло-

женной им реконструкции греческого текста она выглядит следующим образом:

+ Πα[ντοκράτορι ἔκτισε? τῆς]
'γ...αν ταντή[ν].... [ἐκκλήσιαν]
Ὁ ελαχιστος Νε...λο[ς] ... συνδρομη?
τῶν ἐσερῖν οἰκ[ητορῶν] [τις]
δεοφυλακτου πο[λεως] [Θεοδι]-
ροῶσ μ(ην...) Ιουν...ῶ Τ...

Перевод: «Всё [держителю построил] святую сию [церков] малейший Нил [содействием?] благочестивых жи[телей] богохранимого го[рода Феод]оро месяца июня 1-го...» [Латышев, 1918, с. 42–43].

Примерно в 200 м к северу от этого храма, у пещеры Данильча-Коба, находятся руины ещё одной, большей по размеру (11×6 м) церкви. Судя по названию пещеры, она была построена во имя св. Даниила. Раскопки этих памятников до настоящего времени не проводились, хотя и могли бы дать интересный материал по истории средневековой Таврики второй половины XIV–XV вв. и особенно пролить свет на этапы формирования митрополии Готии и роли в этом процессе городской общины Феодоро.

Несмотря на то, что обе приведённые выше надписи отмечают разные исторические события — в первом случае это борьба феодоритов с кочевниками (татарами?), а во втором возведение монахом Нилом при содействии благочестивых жителей Феодоро церкви — их объединяет название «богохранимого города Феодоро». Данное возвышенное звучание имени Феодоро может указывать на изменения ментальности как его обитателей, так и населения Готии, для которого Феодоро становится столицей.

Как отмечал Н. В. Малицкий, в отличие от строительной надписи Чичикия (Цицикия по В. П. Степаненко), указывающей на правление хана Тохтамыша, «сотник» Хуйтани действует самостоятельно, т. е. здесь не приводится имени какого-либо татарского правителя [Малицкий, 1933, с. 11]. Но достаточно вспомнить, что начало 60-х гг. XIV в. в истории Золотой Орды было, вероятно, наиболее кровавым (особенно во время правления Кильдибека в 1361/62 гг.). Свои права на ханский престол одновременно оспаривали шесть претендентов, и Таврика временно оказалась предоставленной сама себе. Этим благоприятным моментом для восстановления крепостных стен, способных защитить от грабежей и насилия, и воспользовались жители Феодоро.

Пытаясь определить историческую значимость данных находок, Н. В. Малицкий обратился к титулатуре руководителей (организаторов) строительства крепостных стен и башен Феодоро. При этом он замечает: «В отношении указанного звания гекатонтарха проще представлять дело таким образом, что, **несмотря на греческий, казалось, смысл и значение этого имени, оно явилось в соответствии с титулатурой татарских командных лиц (т. е. с их разделением на темников, тысяцких, сотников**

²⁶ Т. Э. Саргсян следующим образом комментирует данное свидетельство армянского источника: «в результате нападения Полад-хана на Кафу, в числе остальных ценностей, в руки нападавших попадает и Евангелие, владельцем которого был некий Наратин. В месте „Экикэз“, что находилось поблизости Орабазара (Армянский базар, ныне — Армянск), рукопись обнаруживают и выкупают армяне Ованес и Саргис, которые, по всей видимости, были купцами, оказавшимися там по торговым делам. Далее, Саргис возмещает затраты Ованеса по приобретению рукописи и, становясь единоличным хозяином, дарит её армянской церкви св. Богородицы в Трапезунде. Вскоре Наратин, узнав о местонахождении своего Евангелия, забирает его из трапезундской церкви и дарит монастырю Отуза» [Саргсян, 2004, с. 153, прим. 44]. По всей видимости, и эпиграфический, и нарративный источники (из Феодоро и Каффы) отражают события одного времени, когда в 1383 г. в Крыму появляется противник Тохтамыша — «Полат хан» (Бек-Булат, оглан Булат). Рассеявшиеся по территории полуострова мелкие отряды пришедших с ним татар производили нападения и грабежи. Так, при нападении на окрестности Каффы, из армянского монастыря ими было похищено Евангелие Наратина, а в Юго-Западном Крыму, недалеко от Феодоро, захвачено 2 упряжки волов и убит погонщик. Весьма симптоматично, что генуэзцы именно в консулат Якопо Спинола (1383 г.) активизируют возведение внешнего оборонительного пояса Каффы [Balard, 1978, II, p. 207].

и **десятников**, какое мы узнаём, например, из ханских ярлыков [Григорьев, 1844, с. 343] и **применительно к поручаемым им военным отрядам** (выделено мной — В. М.)» [Малицкий, 1933, с. 8].

Однако после такой достаточно точной и объективной характеристики уровня, занимаемого гекатонтархами в должностной иерархии командных лиц, исследователь неожиданно переходит к возвышению их до положения князей: «Не будучи высшим или даже просто высоким, это звание не доказывает, однако, в данном случае ещё того, что упомянутое лицо занимало младшее — подчинённое или служебное положение. Против этого говорит постройка им важного городского (крепостного) сооружения, о какой мы узнаём из данной мемориальной надписи. Не исключена поэтому возможность, что мы имеем дело с самостоятельным здесь распоряжающимся, командующим лицом, иначе говоря — **с местным князем** (выделено мной — В. М.)» [Малицкий, 1933, с. 8–9].

Таким образом, из-за желания исследователя отыскать первого правителя Мангупа-Феодоро «сотник» Хуйтани был произведён в князья, и это мнение прочно утвердилось в литературе по истории средневекового Крыма [Vasiliev, 1936, с. 282; Якобсон, 1950, с. 31; 1964, с. 123; Тиханова, 1953, с. 330; Даниленко, Романчук, 1966, с. 123 и др.]. Несколько смущало его «нехристианское» имя, однако и это препятствие было устранено: в связи с упоминанием в надписи св. Димитрия Хуйтани «преобразуется» в Димитрия, потому что таким якобы было его христианское имя [Малицкий, 1933, с. 11].

Как видим, путём сопоставления косвенных данных искусственно был «создан» князь Димитрий, якобы правивший на Мангупе в начале 60-х гг. XIV в., и А. А. Васильев помещает его в основании генеалогического древа правителей Феодоро [Vasiliev, 1936, с. 282]. Вопрос об этнической принадлежности обоих «сотников» решался столь же категорично: они считались лицами с тюркскими именами или тюркского происхождения (Хуйтани определён как христианин, а с Чичикием, ввиду того, что в его надписи не был упомянут святой, характер вероисповедания остаётся не выясненным) [Малицкий, 1933, с. 11]. Без тени сомнения говорится о том, что на Мангупе во второй половине XIV в. правят «татарские князьки» или даже «царьки» [Малицкий, 1933, с. 11; Тиханова, 1953, с. 330]. В более поздней своей работе А. Л. Якобсон несколько смещает акцент в этно-конфессиональной характеристике Хуйтани, делая вывод, что он «одновременно имел и христианское имя Димитрий, и скорее всего, принадлежал к греческой феодальной фамилии» [Якобсон, 1964, с. 123, 175, прим. 140].

Подобная «этническая» оценка двух антропонимов (Хуйтани и Чичикий), отмеченных в мангупских надписях, вызывает большие сомнения. Например, О. Н. Трубочев вполне допускает интерпретацию имени «сотника» Хуйтани как «германское (готское) *hwitan — субстативированное

прилагательное в роли прозвища «Белый», сравнивая его с готским *hwits* — «белый», немецким *weiß*, германским — *hwita» [Трубочев, 1999, с. 215].

Что же касается антропонима «сотника» Феодоро Чичикия, то ещё В. В. Латышев при публикации данной надписи сравнивал его с именем византийского коменданта крепости Доростол, упоминаемого у Кедрина под 1016 г. и бывшего по происхождению грузином. Он отмечает также безусловное сходство с рядом имён в заметках Халкинского синаксаря, относящихся к Сугдее — Τζοτζαχεϊ, Τζατζακι [Латышев, 1896, с. 55], где под датой 13 апреля 1339 г. зафиксирована кончина севаста Анастасия Анаткус, сына севаста Чачаки (или Чочахи) [Антонин, 1863, с. 609–610, № 91, 93].

В. Г. Ченцова, занимаясь детальным критическим анализом сведений Ибн-ал-Биби о походе сельджукского эмира Чобана на Судак и априорной возможности его пребывания в Херсоне [Богданова, 1985, с. 44–48] (данное событие относится к 1217 г. [Мыц, 1999, с. 176–186]), обратила внимание на то, что имя Чобан-Чупан «в более близкой к его произношению транскрипции — *Toulpavis* зафиксировано в надписи 1364 г. «раба божьего Чупана сына Янаки» [Ченцова, 1996, с. 173, прим. 4]²⁷. Далее она, ссылаясь на Э. Траппа [Prosopographisches Lexikon, 1991, s. 11], приводит целую серию сходных восточных антропонимов, происходящих, вероятно, из Лазики, зафиксированных в источниках и получивших широкое распространение на территории Трапезундской империи: Τζάρλασ (великий domestik Трапезунда в начале XIV в.); Роман Τζατλάης трапезундский землевладелец второй половины XIII в.; Феодор Τριώτης (трапезундский землевладелец конца XIV в.); Τζαμ (трапезундский парик, 1364 г.). Интересна и предложенная В. Г. Ченцовой возможная этимология имени Τζαμάνης от *saman* — «богатство» или *caman* — «луг», «пастбище», а также Τζάμα — «головной убор», «диадема», «коса» [Ченцова, 1996, с. 179–180, прим. 17].

Следует также отметить сообщение Э. Челеби (1666 г.), свидетельствующего о том, что население горного Крыма (таты) состоит из греков и лазов, говорящих по-гречески. Но «когда они говорят между собой по-гречески, употребляют выражения из какого-то другого языка... Это не греческий, не чагатайский и не лазский язык. Это какой-то другой язык. Когда они говорят между собой, человек удивляется» [Книга путешествия, 1999, с. 79]. По замечанию того же путешественника: «Большинство народа (Балаклавы — В. М.) — из племени лазов с противоположного [берега Чёрного моря]» [Книга путешествия, 1999, с. 32].

²⁷ К сожалению, В. Г. Ченцова допускает две досадные ошибки в своей публикации. Во-первых, надгробие 1364 г. у церкви св. Троицы в селении Лаки действительно было обнаружено А. Л. Бертье-Делагардом, но издал его по эстампажу, изготовленному А. Л. Бертье-Делагардом, В. В. Латышев [Латышев, 1918, с. 236–238]. Во-вторых, с. Лаки находится в Юго-Западном Крыму, в долине р. Качи, а не в Восточном Крыму, как полагает В. Г. Ченцова [Ченцова, 1996, с. 173, прим. 4].

Приведённые материалы, на мой взгляд, не подтверждают тезис о тюркском происхождении антропонимов турмарха (?) и сотника из мангупских надписей 60–90-х гг. XIV в., а скорее указывают на возможность их формирования в германской (готской) — Хуйтани — и кавказской (лазской (?), грузинской (?)) — Чичикий — этно-языковой среде. Но при условии, что до настоящего времени тема, касающаяся этимологии ономастики средневекового населения Крыма, остаётся слабо разработанной, высказанное выше предположение можно принять пока в качестве рабочей гипотезы.

Строительная надпись турмарха (?) Хуйтани (как и надпись 80–90-х гг. XIV в., в которой упоминается сотник Чичикий) [Патышев, 1896, с. 56; Малицкий, 1933, с. 9, рис. 2], очень скромна по своему оформлению (рис. 3) и ничем не отличается от аналогичной надписи 1503 г. (?) [Белый, Соломоник, 1984, с. 170–175], также повествующей о строительстве оборонительных стен Мангупа. Надпись лишена пышной титулатуры и «геральдических символов», столь характерных для надписей владельцев Феодоро XV в. Но почему в надписи турмарха (?) Хуйтани 1361/62 г. упоминается св. Димитрий?

В данном случае в эпиграфическом источнике отражена традиция святого заступничества и покровительства, когда, например, на аверсе моливдовулов помещались изображения святых — покровителей их владельцев. Так и на печати турмарха Готии Льва, на лицевой стороне находится св. Филипп, а текст надписей содержит традиционную формулу призыва божественной помощи: «Святой Филипп, помоги твоему рабу Льву, императорскому спафарию и турмарху Готии» [Алексенко, 1998, с. 230, рис. 1]. Поэтому и турмарх Хуйтани возводит крепостную стену и башню верховного (?) города, восстанавливает Феодоро и почтенную Пойку с «помощью божьей и святого Димитрия».

О почитании этого святого на Мангупе пока могут свидетельствовать только находки фрагментов поливных чаш с двухъярусной монограммой, содержащей имя Димитрия [Залеская, 1993, с. 371, рис. 3; Мыц, 2005, с. 293, рис. 1,1]. Монограммы с лигатурой имени «Димитрий» (Δημιτριος) представлены двумя экземплярами. Они располагались на днищах поливных чаш, фрагменты которых обнаружены при раскопках дворца Мангупа (1425–1475 гг.) в 1912–1914 гг. (работы Р. Х. Лепера) и в 1974 г. (исследования Е. В. Веймарна и Л. И. Иванова). Выполнены монограммы тонкой врезной одинарной линией в виде двухъярусной композиции: сверху располагается буква «Д», внизу — «МР». Близкие по стилистике исполнения монограммы происходят из Белгорода (Монкастро) [Slatineanu, 1958, p. 38, fig. 7; Кравченко, 1986, с. 112, рис. 43,1], коллекции музея Варны [Кузев, 1974, с. 157, табл. 1, 7, 8], Константинополя [Wallis, 1910, pl. 6, fig. 12; Volbach, 1930, taf. 24.6442], Калиакры [Francois, 1995, p. 108, tabl. 2] и Фессалоник [Papanikola-Bakirdzis, 1999, p. 22, fig. 5.7; Cat. nos. 88, inv. NBK 4432/5], где св. Димитрий почитался как городской покровитель. Принята широкая

датировка изделий с подобными монограммами, в пределах времени правления династии Палеологов — 1261–1453 гг. Расшифровываются различными авторами как ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ или ΠΡΟΔΡΟΜΟΣ [Papanikola-Bakirdzis, 1999, p. 22, 82]. Впрочем, Л. И. Иванов интерпретирует обломок чаши с монограммой «ΔΜΡ» из раскопок дворца Мангупа в 1974 г. двояко. В одном случае он раскрывает её как аббревиатуру имен «Алексей — Мария», а в другом — как «Агнос Мария» [Иванов, 1974, с. 17].

Выше отмечалось, что Н. В. Малицкий высказал предположение, поддержанное и другими исследователями, считавшими его вполне обоснованным: упоминаемый в надписи «сотник» Хуйтани имел ещё и христианское имя Димитрий. Сравнивая это имя с поздними редакциями летописных известий, повествующих о разгроме Ольгердом на Синей Воде войск трёх татарских беков («князей») Хачебея, Кутлубуги и «Демейтера»-Димитрия в 1362/63 г., а также с сообщением А. Л. Шлёцера о «повторном» поражении в 1396 г., якобы нанесённом Ольгердом в Подонье «ханам Крымскому, Кыркельскому и Манлопскому», исследователи пришли к заключению, что Хуйтани-Димитрий в надписи 1361/62 г. и Димитрий, упоминаемый в летописи, — одно лицо [Малицкий, 1933, с. 11–13, 19; Vasiliev, 1936, p. 187, ect.; Тиханова, 1953, с. 330].

В. Д. Смирнов, обратив внимание на несоответствия и противоречия в построениях Ф. К. Бруна, опирающегося «на шаткое основание созвучия действующего в историческом событии лиц», тем не менее, согласился с представленным им ходом событий. При этом он высказал предположение, что к 1396 г. бывшие сторонники Тохтамыша — Кутлубуга и Хаджибей — могли изменить своему покровителю и выступить против Витовта. При этом он констатировал, что личность правителя Мангупа остаётся пока не выясненной [Смирнов, 1887, с. 159–163]. Сам же Н. В. Малицкий отвергал возможность участия Димитрия в «сражении 1396 г.», мотивировав это тем, что иначе пришлось бы признать существование на Мангупе в конце XIV в. ещё одного князя, носившего имя Димитрий [Малицкий, 1933, с. 14]²⁸.

²⁸ Следует, видимо, сделать оговорку относительно того, что часто фигурирующее в научной литературе со времен А. Л. Шлёцера (1735–1809 гг.) «сражение на Дону в 1396 г.» литовцев с татарами является попросту историографическим анекдотом, восходящим к середине XVI в. В нём принимают участие то Гедимин (1316–1341 гг.), то Ольгерд (1341–1377 гг.), то Витовт (1392–1430 гг.), а иногда они действуют вместе. Соответствующим образом меняется место действия (Ворскла, Дон, Волга, Крым). Например, в «ревизии Канева 1552 г.» зафиксировано, что местные жители обосновывали свои права на расположенные по Левобережью «уходы» (промысловые угодья), тем, что «князь великий литовский Гедимин, завоевавши над морем Кафу и весь Перекоп, и черкасы пятигорское...» (выделено мной — В. М.) [Русина 1998, с. 53]. Таких конъюнктурных пассажей в произведениях XVI–XVIII вв. существует немало, но к ним стоит относиться критично. Хотя, как показывает современная историография средневекового Крыма, эта работа так и не проделана.

Трудно согласиться со всем комплексом высказанных предположений и догадок, обставленных оговорками, на которые в дальнейшем исследователи средневекового Крыма пытались опереться уже как на вполне достоверные исторические свидетельства. Во-первых, в надписи Хуйтани назван, как было представлено ранее, турмархом (?), но не князем («правителем», «владельцем»). В надписи 80–90-х гг. XIV в., где упоминается сотник Чичикий, скорее можно было ожидать титул кастрофилак (кастроφύλαξ) — производный от катепан (καταπαν, capitaneus), — предоставлявшийся комендантам крепостных гарнизонов. Не отмечены в известных лапидарных надписях Крыма XIV–XV вв. и другие военные должностные лица в звании примикюра (πριμικῆρις), алагатора (от ἀλάτη — эскадрон) и десятника, столь характерных для поздневизантийской военной организации [Иречек, 1978, с. 445].

Во-вторых, в целом ряде документов, относящихся к Каффе и Солдае (особенно там, где речь идёт об организации аппарата самоуправления городов), неоднократно упоминаются сотники как должностные лица, ведающие городским ополчением. Например, в Уставе Каффы 1449 г. несколько параграфов посвящено правам и обязанностям сотников (centuriones) [Устав, 1863, с. 763, 773, 774, 775], в подчинении которых находились десятники (decuriones) [Устав, 1863, с. 830, прим. 113]. Основной их функцией была организация строительства, ремонта, защиты стен и башен города. Причём в городах, находившихся во владении коммуны Генуи, сотники избирались исключительно из местного населения.

В том же *Statutum Caphe* 1449 г. консулу Солдаи было вменено в обязанности по правилам и своевременно провести выборы сотника: «Консул обязан созвать через глашатая всех горожан и жителей (*burgenses et habitatores*) Солдаи в ратушу общины и в этом собрании выбрать 4 хороших и честных людей, способных исправлять должность сотника, т. е. начальника сотни (*capitis centanari*). Об этих четырёх консул и Попечительный комитет должны послать письменное донесение господину консулу Каффы и его Совету, которые избирают и утверждают одного из 4 сотников начальником сотни в Солдае» [Устав, 1863, с. 775].

В мирное время сотники следили за порядком выполнения горожанами караульной повинности, известной в византийских городах как «парамони» (παράμονας), к которой привлекались даже клирики. Выбирались сотники из числа лиц наиболее уважаемых, авторитетных и состоятельных. В одной из нотариальных копий протокола опроса свидетелей, составленной в Солдае 17 ноября 1474 г., назван «Анастасий, сын Иоакима, сотник греков» (*Anastaxius Joichi centurionus grecorum*) [Vigna, 1869, с. 309].

Как видим, генуэзцы сохранили институт сотников, включив его в общую систему административ-

ного управления наиболее крупными городами своих факторий. «Сотни» городского ополчения делились на «десятки». Подобный порядок весьма напоминает структуру формирования армии монголов [Максуди, 2002, с. 304], но имел ли он местные корни или был привнесён в XIII в. завоевателями Таврики, пока сказать трудно. Известно, что после утверждения власти каана монголы устанавливали такой порядок, когда по требованию хана правители подчиненных государств должны выставлять в составе их войск десятую часть мужского населения для участия в военных походах. С этой целью на места прибывали «чисельники», в обязанности которых входила перепись населения, делившегося по селам и городам на «десятки», «сотни» и «тысячи» [Веселовский, 1922, с. 33, прим. 1]²⁹. Проводившиеся монголами переписи давали им возможность также устанавливать размеры дани — «поплужно» или с каждого «дыма» (дома).

В Крыму первое появление «чисельников» относится к концу 40-х гг. XIII в. (1249 г.), когда правитель города Сугдеи и округи (18 селений) — севаст (σεβαστός) — по требованию монголов производит подсчёт мужского населения (оказалось 8300 человек) [Антонин, 1863, с. 611, № 104; Васильевский, 1915, с. 156–157], чтобы дать ему «число». Этот факт нашёл отражение в записях Синаксаря из Сугдеи. По-видимому, с 1249 г. остальная часть Таврики (Херсон и Климаты Готии) вынуждена была проводить подобные переписи, хотя это и не отразилось в известных письменных источниках [Мыц, 1991, с. 72; Крамаровский, 2003, с. 511].

Таким образом, имеющиеся (хотя очень отрывочные и далеко неполные) исторические сведения позволяют предположить, что институт сотников сложился в условиях господства монголов над территорией Таврики в XIII — первой половине XIV в., а сама эта должность сочетала в себе военно-административные функции³⁰. Османы, захватив Крым в 1475 г., сохранили должность сотников, которым те дали название «юзбаши». В попечение им было оставлено наблюдение за благоустройством кварталов. М. Балар, говоря о делении населения позднесредневековой Каффы на сотни, отмечает, что «этот факт не имеет эквивалента ни в одном турецком городе» [Balard, 1981, с. 102]. Формировались сотни по кварталам. Они нередко назывались именами святых, покровительствовавших церквям, располагавшимся в этих кварталах.

Подобное явление характерно не только для Крыма. В частности, оно сохранилось в позднем средневековье (XV–XVI вв.) в Болгарии [Гандев,

²⁹ Самая крупная войсковая единица у монголов и тюрок называлась «тумен» = «десять тысяч». Она делилась на «хазара» = «тысячи», «сада» = «сотни» и «даха» = «десятки» [Золотая Орда в источниках, Т. 1, 2003, с. 477].

³⁰ В военной организации государства, созданного Чингисханом, сотниками, тысячками и темниками могли быть только нойоны [Максуди, 2002, с. 304].

Цветкова, Списаревска, Георгиева, 1983, с. 84]. В большинстве случаев немусульманские кварталы группировались в границах церковных приходов, управляемых местными священниками. Они носили их имена, имена святых, которым была посвящена квартальная церковь, местных старейшин и др. Так, например, по данным XVI в. в Костуре существовали кварталы («махали») с именами святых — св. Никола, св. Георгий, св. Андрей, св. Димитрий, св. Анастасий, св. Константин и др.; в Солуне также в начале XVI в. — св. Мина, св. Димитрий; в Софии — поп Калоян, поп Милко и др. [Гандев, Цветкова, Списаревска, Георгиева, 1983, с. 84].

В этом плане показателен пример Мангупа, где в османском документе (дефтере), датированном 949 г.х. (1542/43 г.), отмечено существование в городе восьми кварталов. Из них шесть принадлежало грекам, один армянам и один иудеям (караимам?): «махала папа Тодор, м. папа Алекси, м. папа Христодуло, м. папа Йорги, м. папа Васил, м. папа Тодор, махала армянская и махала еврейская» [Veinstein, 1980, с. 235].

Поэтому есть основание считать, что в мангупской надписи 80–90-х гг. XIV в. речь идёт о сотнике, возглавлявшем городское ополчение и под попечением которого возводился участок оборонительной стены и башня (?). Затруднительно ответить на вопрос, находился ли на Мангупе в 80–90-е гг. XIV в. один сотник (пример тому Судея) или же их было несколько, как в Каффе³¹.

Топография находки надписи 1361/62 г. позволяет предположить, что перед тем как попасть в кладку стены позднесредневековой гробницы, она была извлечена из руин башни (?), находившейся относительно недалеко от базилики, а не привезена из другого места. Как уже отмечалось, А. Г. Герцен считает, что надпись 1361/62 г. имеет непосредственное отношение к цитадели города, получившей название Пойка и построенной в 60-е гг. XIV в. В это же время, по его мнению, феодоритами возводится и вторая линия обороны Мангупа [Герцен 1990, с. 146].

В таком случае, выходит, что городская община Феодоро в кратчайшие сроки (60-е гг. XIV в.) возводит (восстанавливает?) внешний периметр обороны, цитадель и вторую линию крепостных стен. Теоретически это вполне возможно, но на фоне имеющихся архитектурно-археологических материалов пока выглядит слабо аргументированным заключением [Герцен, Науменко, 2005, с. 261].

В завершение затронутой темы необходимо вернуться к высказанному В. Н. Малицким предположению о том, что звание гекатонтарха, «не смотря на греческий, казалось, смысл и значение

этого имени», соответствовало титулатуре «татарских командных лиц» [Малицкий, 1933, с. 8]. В связи с этим наиболее рациональным объяснением можно считать титулы Хуйтани и Чичикия, надписей 60–90-х гг. XIV в. из Феодоро, греческими «кальками» с тюркского, где гекатонтарх соответствует «сада» — «сотнику», а турмарх — «хазара» — «тысяцкому». Стоящие в начале надписей кресты указывают на их православное (греческое) вероисповедание. Сами надписи, как уже отмечалось, скромны по своему оформлению и лишены каких-либо выразительных форм социальной идентификации. Даже будучи, по всей видимости, выходцами из знатных фамилий («нойонами») и людьми, достойными «всякой чести», ни Хуйтани, ни Чичикий не названы в надписях «владельцами» Феодоро или Готии. Поэтому нет оснований считать их «князьями Мангупа», как это полагали многие исследователи. Хуйтани («тысяцкий») и Чичикий («сотник») являлись представителями военно-административного аппарата Крымского улуса Золотой Орды, а Феодоро и Готия — его территориальной автономной структурой. Причём права Феодоро как автономии, вероятнее всего, были ограничены санкционированной и утверждаемой наместником Солхата выборностью местных органов самоуправления (от общин сельских поселений до столичного города). Рудименты такой системы самоуправления находим как в генуэзской Солдае, так и в 18-ти её сельских общинах.

1.2. Таврика в период политического кризиса в Золотой Орде 60–80-х гг. XIV в.

Переход прибрежной Готии под управление коммуны Генуи

В. Н. Малицкий, обратившись к изданию мангупской надписи сотника (гекатонтарха) Чичикия, относящейся ко времени «царствования» хана Тохтамыш, следующим образом представлял политические события 40–80-х гг. XIV в., отразившиеся на истории Готии и Феодоро: «Зависимость от Золотой орды ослабевала, начиная с 40-х годов — со смерти Узбека хана — в связи со смутами в орде; тогда в Крыму могли усилиться автономно-сепаратные движения. В 1365 г. построена крепость Судак. В 60-х годах, как увидим, идёт укрепление Феодоро, т. е. нашего Мангупа. В 1365 г. генуэзцы захватывают Судак или Солдаю. Крым в это время, по выражению В. Д. Смирнова, был беспризорным и предоставленным своей собственной участи. Поход Мамай имел в виду восстановление татарской власти в Крыму, но кончился гибелью Мамай, подготовленной самим Тохтамышем. После этого Тохтамыш, насколько мы можем судить по договорам с Генуей, поспешил оформить свои отношения к Крыму. По договору 1381 г. генуэзцы получили 18 селений, а кроме того

³¹ Например, в 1428 г. документы Каффы отмечают наличие одновременно двенадцати сотников: *Carachi Capelorum, Manoll de Goascho, Teodorus fornarius, Iorghi de Chiriaki, Cachares bazas, Sarchis armenus, Antonicus, Chiriacos Balchi, Nichita Condostani, Caloian Iupera, Cristodollus, Stilianus orgixius* [Origone, 1983, p. 318].

и Готию с её селениями от Чембалло до Солдаи. Но фактически вся Готия никогда не принадлежала генуэзцам (не подпали власти Херсонес, Мангуп, Инкерман). Возможно, что особое соглашение было насчёт Мангупа» [Малицкий, 1933, с. 6]. Более подробно, не меняя общей концептуальной направленности, заданной ещё в работах П. И. Кёппена, Ф. К. Бруна, В. Д. Смирнова, Ф. А. Брауна, А. Л. Бертье-Делагарда, В. Н. Малицкого, эту тему освещал и А. А. Васильев [Vasiliev, 1936, p. 177–188].

Надо полагать, что исчезновение из административно-военной номенклатуры Феодоро и Готии чиновников в должности турмарха и гекатонтарха, вероятно, связано с бурными политическими событиями 60–80-х гг. XIV в., происходившими на территории Крыма и нашедшими своё отражение как в свидетельствах письменных источников, так и в материалах археологических раскопок. Попытаемся и мы в общих чертах представить контур этих событий.

Сравнительно недавно к освещению данной темы обратился М. Г. Крамаровский, опубликовавший специальное исследование программного характера — «Джучиды и Крым: XIII–XV вв.» [Крамаровский, 2003, с. 506–532]. В нём представлена, хотя и очень кратко, концепция автора «эволюции золотоордынского Крыма». Историю полуострова XIII–XV вв. М. Г. Крамаровский делит на шесть хронологических этапов. Причём каждый из них наделён присущей только ему характеристикой ряда важнейших тенденций военно-политического, социально-экономического, правового и конфессионального развития крымского улуса Золотой Орды. Первый этап джучидского освоения Таврии, по мнению М. Г. Крамаровского, занимает 40–60-е гг. XIII в. и завершается структурированием края в военно-административную и хозяйственную систему Джучидов. Вторым этапом приходится на середину 60-х — конец 90-х гг. XIII в. Третий этап — это «время правления Узбека и его наследников — сыновей Тинибека (1341 г.) и Джанибека (1341–1357 гг.)». Четвёртый — **«один из самых тёмных этапов в истории золотоордынского Крыма** (выделено мной — В. М.) — период между 1359 и 1379 гг. — от убийства Бирдибека до воцарения Тохтамыша». Пятый этап «определяется во временных границах от утверждения в Золотой Орде, а потом в Крыму, Тохтамыша (1376–1395 гг.) до Тимур-Кутлука (1395–1401 гг.)». Шестым этапом охватывает хронологический промежуток 1401–1443 гг. — «это время, когда на полуострове формируется самостоятельная орда, объективно сыгравшая роль спускового механизма, подготовившего выделение крымского улуса в качестве самостоятельного ханства при Хаджи-Гирее (1443 г.)».

Не вдаваясь в нюансы критического анализа всей хронологической схемы и каждого этапа в отдельности, предложенных М. Г. Крамаровским, остановлюсь только на краткой характеристике некоторых политических моментов четвертого

этапа, который, как отмечает сам автор, является одним из самых тёмных в истории золотоордынского Крыма. При попытке его освещения многие исследователи постоянно сталкивались со сложностью определения действовавших на исторической сцене реальных лиц, их роли, хронологии и места происходивших событий.

Для начала считаю необходимым процитировать некоторые принципиальные положения в той трактовке, как они изложены М. Г. Крамаровским, но по ряду причин вызывающих либо недоумение, либо возражения ввиду их несоответствия или полной несогласованности со свидетельствами имеющихся источников.

О сражении татар «с Витовтом на Синих водах в 1362/63 г.» и якобы имевшая место «защита Крымом ордынских интересов в Подольских землях» в интерпретации М. Г. Крамаровского [Крамаровский, 2003, с. 517–518] уже говорилось выше. К этому сюжету следует добавить сомнительный тезис о том, что, **«вероятно, при Мамае** (выделено мной — В. М.) в начале 1360-х гг., чуткие к событиям в Орде обитатели Мангупа предпринимают активные работы по восстановлению Феодоро». Здесь автор явно противоречит самому себе, т. к. несколькими строками ниже он заключает, что, «судя по переписке с канцелярией египетского султана, Мамай твёрдо утвердился в Крыму только в 773 г.х. = 1371» [Крамаровский, 2003, с. 518].

Обращение к самому источнику, повествующему о крепостном строительстве в городе Феодоро в начале 60-х гг. XIV в., показывает, что в данной надписи нет никаких указаний на какого-либо золотоордынского наместника крымского улуса (например, Кутлуг-Тимура) или правящего хана (Кельдибека), и тем более на Мамай или его креатуру — хана Абдуллаха. По-видимому, в это время в Феодоро, как и в Таврике (на 1361/62 г.), не знали о реальной верховной власти (правящем хане) в Золотой Орде, а Кутлуг-Тимур отсутствовал в Солхате (отправился в Сарай для получения пайцзы от Кельдибека?).

В качестве альтернативного примера можно привести две хронологически и топографически близкие эпиграфические находки. Это, прежде всего, надпись на надгробии (обнаружена у церкви св. Троицы в селении Лаки). В ней говорится: «Зарезаны иже во блаженных раб Божий Чупан сын Янаки и сын его Алексей **во дни Темира** (выделено мной — В. М.) в месяц июнь, в день 28, года 6872 (=1364 г.)» [Латышев, 1918, с. 236–238] (рис. 4-б).

Издавший надпись В. В. Латышев предлагал под именем «Темира» понимать золотоордынского наместника Солхата — Кутлуг-Тимура (Кутлук-Темира) [Латышев, 1918, с. 238, прим. 3]. Вторым памятником — уже представлявшийся ранее обломок мраморной плиты с упоминанием сотника Чичикия (Цицикия), руководившего организацией и строительством оборонительных сооружений города Феодоро при установлении в Крыму власти

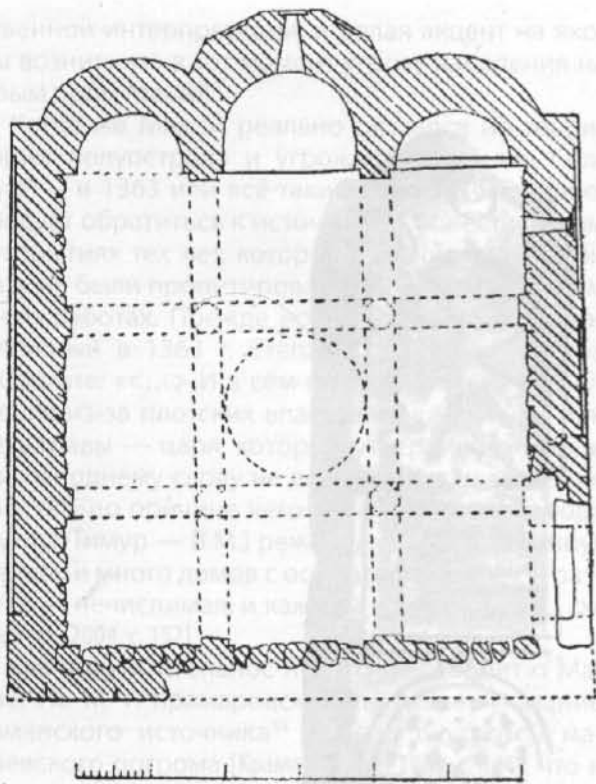


Рис. 4. Церковь в селении Лаки.
План (по А. Л. Якобсону [1950, рис. 158])

хана Тохтамыша (1380/81–1397/98 гг.). Поэтому отсутствие на надписи 1361/62 г. турмарха (?) Хуйтани указания кого-либо из ордынских правителей следует отнести только на счёт специфики политической обстановки в Газарии, к которой Мамай ещё никакого отношения не имел.

Противоречиво, упрощенно, а порой и ничем не обоснованно в представлении М. Г. Крамаровского выглядят отношения, складывавшиеся на протяжении 60–80-х гг. XIV в. между администрацией генуэзской Каффы и Мамаем: «Начавшийся затяжной кризис в Орде не преминул сказаться в Крыму: в 1365 г. генуэзцы захватили Солдайю и **18 деревень южного побережья**; возможно, что в зависимость от Каффы в это время попадают венецианские гавани Провато и Калиера. В сущности, в отношениях с генуэзцами в середине 1360-х гг. наступает рубеж, когда в роли обороняющейся стороны выступают сами ордынцы». И далее: «В октябре 1374 г. он был торжественно принят консулом Каффы, а несколько месяцев спустя послу Мамаю генуэзцы вручили богатые одежды. В 1375 г. **Мамай возвращает под джучидский контроль 18 селений Готии**» (выделено мной — В. М.) [Крамаровский, 2003, с. 518].

М. Г. Крамаровский заблуждается, когда пишет о якобы отошедших в управление генуэзцев 18 селениях Готии, потому что в татаро-генуэзских договорах 1380 и 1381 гг. речь идет о 18 селениях, принадлежавших городу Солдаю. Число же селений Готии в договорах специально не оговаривалось. Массарии Каффы отмечают 11 приморских

«казалий» (*cazalii Gotie*) из 32 поселений Южного бережья: Лусту, Лампаду, Партениту, Гурзувий, Сикиту (Никиту), Ялиту, Мисхори, Ореанду, Лупико (Алупку), Кикинеиз и Фори (Форос) [Бочаров, 2004, с. 186–193, рис. 1–3].

Своеобразную трактовку у М. Г. Крамаровского получают политические события 1363 и 1365 гг., происходившие в Крыму. Они были связаны непосредственно с Солхатом и тогдашним правителем Крымского улуса Кутлуг-Тимуром. В рассматриваемой работе М. Г. Крамаровский пишет: «Внутренний кризис в Орде оказался так велик, что даже население „столичного“ Солхата, напуганное приходом Мамаю, приступило, судя по армянской памятной записи 1363 г., к сооружению оборонительного пояса в виде внешнего рва и стен». При этом он делает ссылку на свою более раннюю работу «Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города» [Крамаровский, 1989, с. 144], где написано буквально следующее: «Хорошо знавший Крым венецианец Иосиф Барбаро (середина XV в.) называет Солхат поселением, обнесённым „стеной, но не представляющим собой крепости“»³².

Далее автор продолжает: «Во времени Барбаро, между тем, возраст оборонительного пояса города подходил к вековой черте. Об этом свидетельствует армянская памятная записка 1363 г., где сообщается об угрозе мамаевского (sic!) погрома, вынудившего городских властей „копать ямы“ (рвы? — М. К.) вокруг города, снося при этом много домов» [Крамаровский, 1989, с. 144].

Однако в своей монографии «Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды» (2001 г.) М. Г. Крамаровский, определяя время сокрытия Симферопольского клада с пайцзой Кельдибека, пишет, что появление данных артефактов «в степной части полуострова, вероятно, как-то связано с событиями августа 1365 г., когда в Крым пришли войска Мамаю, и жители Солхата, разумеется, по указанию правителя (в нашей реконструкции, эмира Кутлуг-Тимура), начали спешно готовиться к осаде, начав сооружение оборонительного рва вокруг города» [Крамаровский, 2001, с. 117]. Но при этом автор делает самую общую ссылку на свою раннюю работу [Крамаровский, 1989, с. 141–157], а не на источник, где им обнаружено данное свидетельство. Придя к столь важному заключению, М. Г. Крамаровский опять отсылает заинтересованного читателя к событиям 1363 г., но в соб-

³² Автор не цитирует, а интерпретирует сообщение венецианского путешественника, потому что у И. Барбаро читаем: «У них есть два поселения, обнесённые стенами, но не представляющие собой крепостей. Один — это Солхат, который они называют Инкремин, что значит „крепость“, другое — Керкиарде, что на их наречии означает „сорок селений“» [Барбаро, 1971, с. 154]. Данная цитата скорее указывает на плохое знание венецианцем топографических реалий полуострова, т. к. под именем «Инкремин» он приводит турецкое название Каламиты — «Инкерман», т. е. «пещерная крепость».



Рис. 5. Надгробие с надписью 28 июня 1364 г. из некрополя селения Лаки (современное состояние памятника)

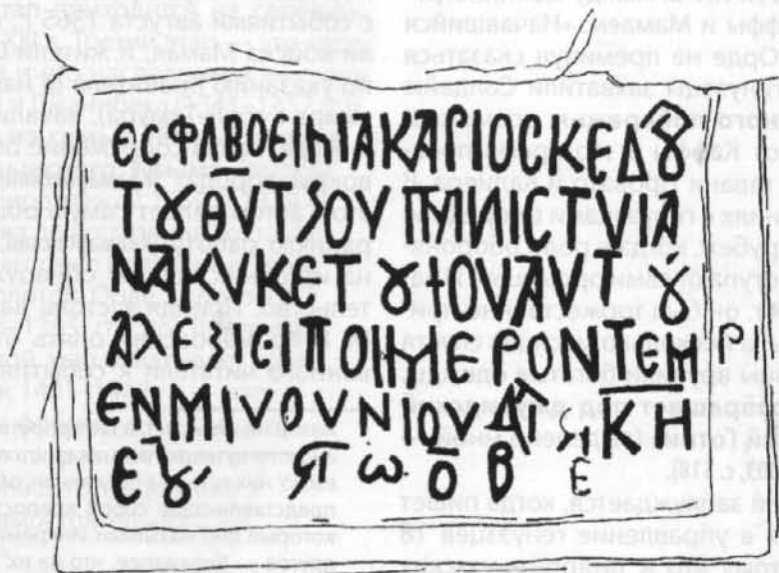


Рис. 6. Прорисовка надписи 28 июня 1364 г.

ственной интерпретации, и делая акцент на якобы возникшую в тот момент угрозу нападения на Крым орды Мамаю.

Когда же Мамай реально оказался на территории полуострова и угрожал населению Солхата — в 1363 или всё-таки в 1365 г.? Очевидно, следует обратиться к источникам, повествующим о событиях тех лет, которые, как ни странно, ни разу не были процитированы М. Г. Крамаровским в его работах. Прежде всего, это «Сборник», написанный в 1363 г. Степаносом, сыном Натера в Солхате: «<...> И в сём году была смута возмущения из-за плотских властелинов мира, так как нету главы — царя, который утвердил бы мир, и по господнему слову не допустил бы разделения царства, по причине чего начальник сего города (Кутлуг-Тимур — В.М.) режет яму, роет ров вокруг города, и много домов с основ разваливает, и разруха — нечислимая, и каждый встревожен <...>» [Саргсян, 2004, с. 152].

Как видим, Степанос ничего не говорит о Мамае. Но М. Г. Крамаровский связывает указание армянского источника³³ именно с угрозой мамаевского погрома [Крамаровский, 1989, с. 144], что в свете имеющихся сведений и монетных находок маловероятно. Мамай в это время находился с Абдуллахом в Сарая ал-Джедид [Егоров, 1980, с. 60; Мыц, 2003, с. 329], где в 764 г.х. (= 1362/63 г.), как и в Азаке, от имени Абдуллаха (с титулами «хан» и «султан») чеканятся медные и серебряные монеты [Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 28, 191–192]. Степанос пишет о смуте «возмущения из-за плотских властелинов мира», об отсутствии «главы — царя, который утвердил бы мир» и о том, что «каждый встревожен» [Саргсян, 2004, с. 152]. Тон армянского источника вполне соответствует общей обстановке, сложившейся на тот момент в Улусе Джучи.

Сарайские ханы, в основном придерживавшиеся в 60–70-х гг. XIV в. оборонительной тактики, стремясь укрепиться в Сарая ал-Джедид, вынуждены были прибегнуть к возведению оборонительных сооружений. Не надеясь на свои силы в открытом бою с Мамаем, они обносят столицу крепостными стенами, что вообще было делом неслыханным для Золотой Орды, кичившейся своей силой и не признававшей никакой фортификации [Мухамадиев, Фёдоров-Давыдов, 1970, с. 160]. Письменные источники свидетельствуют, что ещё один крупный городской центр Орды — Хаджитархан — окружили стенами [Тизенгаузен, 1884, с. 184]. Кроме того, некоторые татарские беки, оказавшись в сложной военно-политической обстановке того времени, начинают возводить для собственной защиты укрепления, сходные по устройству с европейскими замками [Егоров, 1980, с. 195–196].

На этом фоне сооружение рвов и валов вокруг Солхата в 1363 г. выглядит вполне естественно.

³³ М. Г. Крамаровским привлечён недостаточно точный перевод, опубликованный В. Хечумяном [Хечумян, 1982, с. 142].

Причиной столь экстренных мер, когда «начальник сего города режет яму, роет ров вокруг города, много домов с основ разваливает», не являлась угроза «мамаевского погрома». Более вероятно, на мой взгляд, предположение, что именно события 1363 г., происходившие в Северо-Западном Причерноморье, получили своеобразное отражение в памятной записи армянского «Сборника». Когда известия о разгроме татарского войска западного улуса на Синеи Воде и последовавшего затем продвижения Ольгерда к «Белобережью» (правый берег устья Днепра), достигли Таврики, это вызвало панику («каждый встревожен») в Солхате. В случае появления на полуострове русско-литовской армии город оказывался совершенно беззащитным, т. к. не был укреплен ни стенами, ни рвами и валами. Поэтому, получив тревожное сообщение, жители Солхата по приказу Кутлуг-Тимура начали срочно возводить по периметру города фортификационные сооружения в виде рва и вала.

В следующем году обстановка на территории Крыма оставалась тревожной. Так, 28 июня 1364 г. (во время наместничества Кутлуг-Тимура)³⁴ [Латышев, 1898, с. 236–237] в селении Лаки при неизвестных для нас обстоятельствах погибли Чупан и его сын Алексей. О том, что они оба (или их родственники) являлись людьми состоятельными, говорит как архитектоника, так и высокохудожественная резьба, украшавшая их надгробие (рис. 5). Сам памятник выполнен в форме церковной колокольни. Такая находка впервые встречена на территории Крыма. В связи с этим можно предположить, что Чупан был главой (прото?) общины с. Лаки.

Летом 1365 г. Кутлуг-Тимур пытается блокировать Каффу с суши. В ответ на это генуэзцы 19 июля силой оружия овладевают Сугдеей [Νυσταξοπουλου, 1965, с. 50]. В одном из армянских часоцев (лекционарий, Праздничная Минейя) сохранилась памятная запись, датированная 15 августа 1365 г. В ней писец Карапет из Каффы следующим образом освещает события: «<...> в горькое и трудное время, когда показался в сём

³⁴ А. П. и В. П. Григорьевы, опираясь на данные платёжной ведомости Тайдулы, пришли к заключению, что в период с середины сентября 1358 г. до начала марта 1359 г. Кутлуг-Тимура в качестве наместника Крымского улуса якобы сменил Кутлу-буга [Григорьев А. П., Григорьев В. П., 2002, с. 209]. Предложенная исследователями реконструкция сомнительна, т. к. не учитывает свидетельства lapидарного памятника 28 июня 1364 г., созданного «во дни Темира», либо заставляет предполагать возвращение Кутлуг-Тимура в Крым в начале 60-х гг. XIV в. В связи с этим, столь же малообоснованной выглядит мысль М. К. Крамаровского о том, что «период правления в Крыму Кутлуг-Тимура продолжается вплоть до захвата Сарая Кельдибеком (1361/2 г.), поскольку в составе упомянутой сокровищницы («Симферопольский клад» — В. М.) обнаружена пайцца с его именем» [Крамаровский, 2003, с. 516]. Скрытие сокровищ, принадлежавших Кутлуг-Тимуру, вероятнее всего, относится к лету 1365 г., когда в Крыму появляется орда Мамаю.

году Нэр из рода Исмаелского и разрушитель, мечом изрубивший род христианский, кто и называется именем Чалибэг, который все страны, что были поблизости держал, ночью и днём, в ужасе и содрогании, за что и, по божественному проведению из ромайского и арийского рода, по приказу мужа Нэрсеса, в сём году приказчик приехал в многоходовый город, по приказу ромейцев, по божественной удаче, **взял город Судха** (выделено мной — В. М.), и арестовал всё, что там нашёл, и кто (были) Исмаеляне и Ебраи, что являются врагами креста Христова и христиан, всех полностью истребил и имущество предал» [Саргсян, 2004, с. 152; 2006, с. 24]³⁵.

В конфликт между Солхатом и Кафпой вмешивается Мамай. Немногим позже месяца его войско появляется в Таврике. Часть населения пытается найти убежище за стенами Каффы, а Кутлуг-Тимур вынужден бежать из Солхата. Об этих коллизиях свидетельствует памятная запись в армянском часоце: «<...> в году 814 (= 1365), месяца августа 23, в пору многонародного волнения, так как вся страна с Ке(р)ча до Сарукармана (Херсонеса — В. М.) здесь собралась — люди и скот: и **Мамай находится в Карасу вместе с бесчисленными татарами** (выделено мной — В. М.), и сей город (Крым) — в ужасе и содрогании <...>. С войною скорбь овладела всеми границами города Крым, ибо начальник, князь его (Кутлуг-Тимур? — В. М.), будучи слабый, сбежал, и [нападавшие] присоединив к войску 2000 мужчин и, забрав имущество вместе с вооружением, увезли в Мол<...>» [Саргсян, 2004, с. 153]³⁶.

³⁵ Во втором, более просторном издании этой записи Т. Э. Саргсян дает следующее примечание: «Имя „Чалибэг“ не упоминается в известных нам других источниках. Не сохранились и сведения о совершённых им злодеяниях, которые, согласно нашему автору, спровоцировали взятие Судака генуэзцами в 1365 г. Возможно, речь идёт о золотоордынском наместнике Алибеке, восседавшем в городе Сурхат-Крым. Арабские источники утверждают, что он был преемником Рейн-эд-Дина Рамазана и вступил в должность после 1358 г. Обратим внимание на то, что живший в Кафе писец Карапет пишет, что Чалибэг всю страну, что была поблизости, ночью и днём держал в ужасе и содрогании. Значит, тот возник и действовал где-то поблизости. Скорее всего, этот Чалибек в 1363 г. и соорудил ров вокруг города Сурхат-Крым. Видимо, обезопасив себя строительством оборонительного пояса (рва, а затем и вала) вокруг своего административного центра, он воспользовался царящим в золотоордынской верхушке раздором и перешёл к грабежу и разорению окружающих поселений. Карапет датирует свою запись 15-м августа. Значит, учинённые Чалибеком беспорядки, а также взятие Судака генуэзцами имели место незадолго до этой даты. Через несколько дней — 23-го августа на полуострове объявился Мамай „с бесчисленными татарами“, который обратил в бегство наместника и овладел городом Сурхат-Крым» [Саргсян, 2006, с. 24, прим. 3]. Как видим, Т. Э. Саргсян не учитывает того, что после Рамазана, с 1358 по 1365 гг., наместником Солхата являлся Кутлуг-Тимур, а не Алибек.

³⁶ Иной, по мнению Т. Э. Саргсян произвольный перевод источника, дает Виген Хечумян: «<...> Написано это... в

Приведённые выше отрывки дают важную информацию о географии происходивших на территории полуострова военно-политических событиях лета 1365 г., охвативших практически весь Крым — от Керчи на востоке до Херсона на западе. По-видимому, неслучайно здесь упомянуты шесть важнейших городских центров Таврики (Каффа, Солхат-Крым, Карасу, Керчь, Сугдея и Херсон), но нет сведений о Феодоро, Чембало и Каламите. Они могли подразумеваться (?) и под территориями, расположенными «до Сарукармана». Следует, видимо, учитывать и этнический характер источников, указывающих на города полуострова, где находились наиболее значительные армянские общины.

В 1368 г. в Крыму был сильный голод. О бедственном положении жителей Солхата свидетельствует запись, оставленная на полях Библии писцом Степаносом: «<...> исполнилась (Библия) рукою священника Степаноса — сына Натера, в городе Казария, что и Хримом нарицается, в летоисчисление наше 817 (= 1368 г. от Р.Х.), **через три года после взятия города** (выделено мной — В. М.), в который после пришёл жуткий голод и погибло бесчисленное и несметное число душ, что и описать невозможно» [Саргсян, 2004, с. 156]. Как видим, эпизод захвата Мамаем города в 1365 г. стал ярким событием в его истории. Поэтому Степанос специально отмечает, что голод пришёл в Солхат «через три года после взятия города».

Совпадение свидетельств из двух письменных источников, по-видимому, нельзя считать случайностью. Появление в Крыму летом 1365 г. орды Мамаю, сопровождавшееся оргнаборами в войско хана Абдуллаха и погромами городов и селений Таврики, вполне могло вызвать очередной поток массового бегства населения из самого Херсона и его окрестностей в более труднодоступные районы горного Крыма. На данной территории распространялась власть митрополитов Готии и Сугдеи (округи Эллис и Кинсанус). Здесь ими были построены новые храмы и основаны монастыри. Впоследствии (начиная с 1382 г.) это послужило поводом для длительных споров митрополита Херсона с иерархами Готии и Сугдеи за право сбора каноникона с жителей Южнобережных поселений [Мыц, 1991, с. 189–191].

Судя по всему, широкомасштабная военная акция, предпринятая Мамаем летом 1365 г., не привела к установлению *status quo* на территории полуострова. Вообще создается впечатление, что Мамай и магистраты Каффы действовали против Кутлуг-Тимура совместно, а конфликт с тогдашним

городе Каффе, армянском [квартале] в 814 (1365) году, 23 августа, в обстановке общей тревоги. Так по всей стране, от Керчи до Сарукара (Херсона — В. М.) собрались здесь люди, сила, скот, а Мамай уже в Крыму с несметным числом татар. Город трепещет от страха... Война принесла скорбь всему городу, так как власти, не сумев оказать сопротивление, изловчились и сбежали. И нагрянуло войско, забрало 2000 человек, их имущество и увезли в Сол[хат]...» [Хечумян Виген, 1982, с. 142–143].

наместником Солхата был инспирирован лигурийцами преднамеренно. На это косвенно указывает то, что генуэзцы «безнаказанно» захватывают и удерживают за собой в это время не только Солдаю, но и 18 селений её округа (*distretto*). В самой Сугдее генуэзцами, видимо, уже с самого начала обладания городом, учреждается консульство и начинаются восстановительно-ремонтные работы оборонительной системы³⁷.

Характер взаимоотношений (конец 1363 — лето 1365 г.?) и причины конфликта между Мамаем и Кутлуг-Тимуром остаются не выясненными. Суть столкновения, вероятно, следует искать в борьбе за власть. В нашем распоряжении имеется довольно глухое и невнятное упоминание об этом противостоянии «Из истории» Ибн Халдуна (умер в 1406 г.): «...Мамай овладел Сарайским престолом и возвёл на него Абдуллаха, которого поставил [ханом]. У него стал оспаривать [престол] один из эмиров государства, который поставил [ханом] из детей канских другого, по имени Кутлуктемира. Мамай победил обоих и убил их...» [Золотая Орда в источниках, 2003, т. 1, с. 175]. Ибн Халдун явно путает Кутлук-Темира (наместника Крымского улуса, но не чингизида) с одним «из детей канских». Поэтому остаётся неизвестным персонаж, которого «поставил [ханом] из детей канских» сам Кутлуг-Темир.

Только в качестве гипотезы считаю возможным связать упоминаемого в армянском источнике от 15 августа 1365 г. «Чалипэга» с креатурой Кутлук-Темира. Под именем «Чалипэга» (в армянской огласовке) мог скрываться один из претендентов на сарайский престол времён ордынской междоусобицы. Его выдвижение Кутлуг-Темиром, по всей вероятности, и явилось причиной столкновения с Мамаем. При этом Мамай поддержали не только генуэзцы. Среди его сторонников встречаем и младшего брата Кутлук-Темира — Сарыака («Сарайка» в русских летописях).

Повторно орда Мамай появляется в Таврике в 1374 г. Причиной, как уже говорилось выше, явилась сильная засуха, вызвавшая эпизоотию и эпидемию в орде. В консулат Джулиано ди Кастро (11 октября 1374 г. он сменил на этом посту Аймоно де Гримальди [Пономарёв, 2005, с. 44]) массария Каффы демонстрирует необычайную дипломатическую активность магистратов колонии по поддержанию «добрососедских» отношений с Мамаем и «господином Солхата». Несмотря на состояние войны с деспотом Добруджи Добротицей (об этом говорится в восьми документах), генуэзцы неоднократно снаряжают посольства в «Орду» и Солхат для встреч с Мамаем, анонимным «императором татар», Ага-Мухаммадом и Акбугой. Причём не только эти персоны, но и сыновья «господина Солхата»

Ага-Мухаммада неоднократно получают подарки от генуэзцев. Важная дипломатическая миссия была возложена на Раффаэля де Трани (*Raffaello de Trani [calaci sive ambaxador iturus in Lordo]*), отмечено в массарии 9 раз [Пономарёв, 2005, с. 118].

Но, как показывают дальнейшие события, несмотря на кажущуюся толерантность татаро-генуэзских отношений, Мамай и Ага-Мухаммад требовали от лигурийцев возвращения под власть наместника Солхата сельских поселений округа Солдаи и Готии. Магистраты Каффы предпринимают энергичные меры по укреплению своих факторий, увеличивая численность гарнизонов. Поэтому не случайно к осени 1374 г. относятся сведения о пребывании в ряде важнейших пунктов приморской Готии (Алуште, Партените, Гурзуфе и Ялите) генуэзских чиновников (прежде всего, консулов) и наёмников, которым массарии Каффы выплачивали жалованье. Согласно свидетельству одного из документов, датированных 4 ноября 1374 г., в Готию со специальной миссией были отправлены соции (*socii*) коммуны Каффы Антониу де Акурсу и Джованни де Бургару [Jorga, 1899, с. № 7, 8; Пономарёв, 2005, с. 137, 124].

До сих пор неизвестно, когда и как были возвращены под юрисдикцию Солхата «приобретённые» летом 1365 г. 18 селений Солдаи и «казалии» прибрежной Готии. Вероятно, удалось достигнуть устраивавшего обе стороны соглашения, т. к. военного столкновения между генуэзцами и татарами на этот раз не произошло. Неясно также, кто из консулов в 1375 г. осуществлял передачу захваченных во время конфликта с Кутлуг-Тимуром территорий — Джулиано ди Кастро (исполнял обязанности до октября 1375 г.) или его преемник Элиано де Камилла.

Здесь, вероятно, уместно коснуться ещё одного недоразумения, относящегося к историографии города Феодоро. Дело в том, что в 1935 г. Н. Бэнеску опубликовал фрагмент записи массарии Каффы, датированной 20 декабря 1374 г. «*Theodoro Mangop contrata bazariorum*» [Banescu, 1935, p. 21]. А. А. Васильев в своей работе лаконично отметил: «Есть один неопубликованный генуэзский документ, в котором под датой 20 декабря 1374 г. упоминается «Феодоро-Мангоп» [Vasiliev, 1936, p. 187, № 2]. Столь же краток в характеристике источника и А. Г. Герцен: «В 1374 г. генуэзский документ упоминает двойное имя: «Мангуп-Феодоро» [Герцен, 1990, с. 138]. Х.-Ф. Байер, отмечая неустойчивое значение топонима «Хазария», также обратился к генуэзскому свидетельству от 20 декабря 1374 г., где, по его мнению, речь идёт о «*Theodoro Mangop contrata Bazariorum*», и предложил свой вариант перевода в виде «Феодоро-Мангоп, район хазар» [Байер, 2001, с. 287, прим. 793; Мыц, 2003, с. 320]. Однако в недавно предпринятом А. Л. Пономарёвым аналитическом издании просопографической анкеты, составленной на основе массарии Каффы 1374 г., интересующий нас сюжет представлен в

³⁷ Об этом должна свидетельствовать наиболее ранняя из известных закладная плита консула и кастеллана Солдаи Леонардо Тартаро от 20 мая 1371 г. [Skrzinska, 1928, s. 107], хотя дата лапидарного памятника и вызывает сомнение у некоторых исследователей [Баранов, Климанов, 1997, с. 103].

ином виде: «*Theodorus Mangofi [grechus, bazariotus, habitator in contracta St. Georgii] 37 v.*» [Пономарёв, 2005, с. 133]. Исходя из этого, становится очевидным, что в латинском источнике речь идёт не о городе Феодоро-Мангупе, а о Феодоре Мангофи, греке, живущем в квартале св. Георгия, расположенном возле базара Каффы.

Как видим, генуэзцам не удалось надолго закрепиться на территории побережья. В 1375 г. Мамаем были возвращены под юрисдикцию наместника Солхата селения Сугдеи и Готии [Balard, 1978, p. 161]. Коммуна Каффы, судя по всему, сохранила за собой только города Сугдею и Чембало. Окончательно юридическое закрепление за Генуей 18 селений округа Солдайи и Готии произошло только в 1380–1381 гг., когда с небольшим интервалом было подписано два договора с татарами. Текст договора от 23 февраля 1381 г. идентичен содержанию предыдущего, датированного 28 ноября 1380 г., из него только изъята фраза «которые суть христианы» (*li quay sum cristiani*) [Vasiliev, 1936, p. 178–179].

По мнению А. А. Васильева, население отошедших к генуэзцам территорий состояло из христиан и мусульман. Подобная редакция текста договора 1381 г. позволила ему предположить, что татары передали Коммуне Генуи право юрисдикции над всем населением в целом [Vasiliev, 1936, p. 178–179]. Самой процедуре подписания договора, о чём свидетельствует отчётный документ массарии Каффы от 11 марта 1381 г.³⁸, предшествовали дополнительные переговоры. Для этого нотариусу Каффы Антонио Мзурро в сопровождении ещё нескольких должностных лиц пришлось осуществить поездки в Солхат (для встречи с Ильясбеєм?) и «через всю Готию до Чембало». За успешно осуществлённую дипломатическую миссию по подготовке к подписанию договора Антонио Мзурро и штат нотариуса консульской курии Каффы получили финансовое вознаграждение в размере 100 аспров [Jorga, 1899, p. 17].

На рождественские праздники 25 декабря 1380 г. консул Каффы Джанонно ди Боско устроил торжественный обед, куда была приглашена делегация из Солхата, возглавляемая Ильясбеєм. На содержание посла хана и викария Готии (*vicarius Gotie*) Джованни ди Камольи³⁹ массарией Каффы израсходовано 478 аспров [Jorga, 1899, p. 16].

³⁸ Массария Кафы второй половины 1379 — начала марта 1381 гг. 11 марта 1381 г. в порт Кафы вошла галера Джованни Фереихо, на которой, с опозданием почти на полгода, прибыл новый консул колонии, массарии, матросы и соции. До 17 марта Джанонно ди Боско (исполнял должность консула почти полтора года) передавал свои полномочия Jhanissio ди Мари [Пономарёв, 2000, с. 324–325].

³⁹ Во всем перечне должностных лиц, причастных к передаче Генуе Готии в 1380–1381 гг. и отмеченных в имеющихся в нашем распоряжении источниках, длительное время наиболее загадочным являлась персона викария Готии. Но благодаря публикации А. Л. Пономарёва стало известно, что эту должность в 1380 г. (?) занимал Джованни ди Камольи, при котором в качестве капеллана состоял Бернардо Сурдус [Пономарёв 2000, с. 326, 430].

В связи с этим А. А. Васильев высказал предположение, что титул «*Vicarius ripariae marine Gotie*» (в такой «развернутой» форме в источниках он вообще не встречается, а есть только *vicarius Gotie*) был учреждён временно, при подготовке и подписании договоров 1380 и 1381 гг. Затем, после полного примирения с татарами в 1387 г., вновь приобретённую территорию преобразовали в Капитанство Готии (*Capitaneatus Gotie*), а её правитель стал именоваться капитаном Готии (*capitaneus Gotie*). Его резиденция располагалась в Каффе [Vasiliev, 1936, p. 182]. Но нам не известны имена капитанов Готии с 1380 по 1429 гг., т. е. на протяжении почти 49 лет истории генуэзской колонии в Крыму, что не может быть случайностью, обусловленной нерепрезентативностью опубликованных источников.

Интересно также отметить появление в Каффе (1382/83 гг.?) должности тудуна — представителя татарской администрации. Его титул в латинских источниках звучит как «викарий ханлюков» (*Titanus seu Vicarius Canlucorum*) [Устав, 1863, с. 763, прим. 114]. А. Г. Еманов явно недооценивает роль тудуна в системе управления генуэзскими факториями Газарии, полагая, что уже в 80-е гг. XIV в. статус тудуна «деградировал до положения судьи, разбиравшего внутренние споры приезжавших в Кафу с торговыми целями подданных татарского хана» [Еманов, 1997, с. 26].

Дело в том, что власть тудуна распространялась на подданных хана, проживавших на территории так называемой Компании (*campana*), созданной, по-видимому, по договору между генуэзцами и Тохтамышем в 1382/83 г., когда татарам было разрешено жить в Каффе. С этой целью учреждается особое сельское управление (*officium campanie*), состоящее из четырёх членов и подчинявшееся золотоордынскому наместнику — тудуну и консулу фактории [Устав, 1863, с. 830–831, прим. 114]. Первоначально территория Кампании, по-видимому, была обширной и совпадала (?) с землями, предоставленными генуэзцам татарами для основания своих факторий⁴⁰.

А. А. Васильев считал, что средневековые администраторы, занимавшиеся подготовкой договоров 1380 и 1381 гг., под Готией подразумевали узкую прибрежную полосу от Балаклавы до Суда-

⁴⁰ Вполне вероятно, что к 40–60-м гг. XV в., после распада Золотой Орды, территория Кампании сократилась до пределов побережья Крыма от Боспора до Чембало (?). В 40–70-х гг. XV в. крымским ханом и консулом Каффы совместно назначался тудун из рода Ширин (Мамак, Эминек, Сейтак). О реальной важности и значимости должности тудуна говорят источники XV в. Жители Каффы снабжались продовольствием, в основном поступавшим из Кампании. Поэтому после ссоры с Менгли-Гиреем и официальными города, не поддержавшими его кандидатуру, правитель Кампании (тудун) Эминек запретил населению прибрежных районов доставлять продукты в Каффу, отчего начался голод. Массарии Каффы вынуждены были снаряжать корабли в Трапезунд и Монкастро для закупки продовольствия.

ка, ограниченную с севера Яйлой — так называемую «*riparia marina Gotia*» [Vasiliev, 1936, с. 180–181]. Но в тексте договоров как раз и нет такого конкретизированного историко-географического понятия, как «морское побережье Готии» или «Приморская Готия»: [Silvestor de Sacy, 1827, р. 53–58; Desimoni, 1887, р. 161–165], а встречается только обобщенное название «Готия» (Gotie). В договоре 1387 г. Готия вообще не упоминается, так что ссылка на него А. А. Васильева не совсем уместна. Неизвестно, какое соглашение было достигнуто между Мамаем (Ага-Мухаммадом?) и консулом Каффы Бартоломео де Якобо (*Bartolomeum de Jacob*), консулат которого приходится на 1365 г. [Balard, 1978, р. 902], и на что содержится указание в договоре от 12 августа 1387 г. [Silvestor de Sacy, 1827, с. 62–64; Смирнов, 1887, с. 138; Basso, 1991, с. 25].

Следует отдельно отметить, что ни один из известных латинских письменных источников 60–80-х гг. XIV в., особенно касающихся татаро-генуэзских взаимоотношений, ни разу не упоминают город Феодоро или господ Феодоро (даже когда речь идёт о Готии)⁴¹. Представители местной администрации Феодоро также не принимают какого-либо участия в переговорных процессах. Вопросы передачи Готии в управление Коммуне Генуи татары решают самостоятельно. Поэтому высказанное Н. В. Малицким предположение, что между татарами и генуэзцами существовало якобы особое соглашение относительно статуса Мангупа, остаётся ничем не подтверждённым. Пока всё указывает на полное подчинение во второй половине XIV в. территории Юго-Западного Крыма местнику Крымского улуса Золотой Орды. В то же время, как полагает А. Л. Пономарёв, в массарии Каффы 1374 г. только однажды встречается упоминание анонимного правителя Кырк-Ера ([*anonim*] [*dominus Chercharum*]) [Пономарёв, 2005, с. 45, 49].

1.3. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз или археология против историографической традиции

Историография средневекового Крыма до настоящего времени хранит в себе ряд анахронизмов, одним из которых, на мой взгляд, является так называемый «крымский поход» Тимура в 1395 г. и интерпретация исследователями последовавших за этим событий.

Давно установлено, что походам Тимура (1336–1405), осуществленным им в 90-х гг. XIV в., было суждено сыграть роль одного из определяющих внешнеполитических факторов в истории причерноморского региона и Крыма. Масштабные военные экспедиции Тимура в 1391 и 1395–1396 гг. в итоге привели к развалу Золотой Орды [Сафаргалиев, 1996, с. 429–433; Греков, Якубовский, 1998, с. 249–274].

⁴¹ Неизвестен в XIV в. и Мангуп. Это название города появляется в письменных источниках только в 70-х гг. XV в.

Вероятно, одним из первых, кто внёс в археологическую литературу о средневековом Крыме и «развил» тезис о «тимуровском погроме» полуострова в 1395 г., был А. Л. Якобсон. Создавая для своих фундаментальных работ компилятивные очерки письменных источников [Скржинская, 1953, с. 253–269; Богданова, 1995, с. 107], он всегда следовал в кильватере конъюнктурных построений своих предшественников-историков (Ф. К. Бруна, В. Д. Смирнова, Ф. А. Брауна, В. В. Латышева, Н. В. Малицкого, А. А. Васильева и др.).

Начало «разработки» этой темы было положено А. Л. Якобсоном в 1950 г., когда в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (№ 17) вышел из печати первый фундаментальный том автора «Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.)». В главе I, содержащей «Очерк истории Херсона в XI–XIV вв.», разделе 16, озаглавленном «Крым в XIV в. Экономическая и политическая блокада Херсона. Разорение и окончательное падение его в конце XIV в.», исследователь писал: «Падение Херсона довершили, по всей вероятности, события самого конца XIV в. Речь идёт о вторжении в Крым полчищ нового золотоордынского временщика — Едигея (Идику-Идике), который воцарился в последние годы XIV в. (после 1397 г.)» [Якобсон, 1950, с. 42]. В данном случае мы не находим ссылки на какой-либо письменный источник, действительно указывающий на вторжение «полчищ» Едигея на территорию полуострова.

Однако далее А. Л. Якобсон продолжает: «Это вторжение было эпизодом той длительной внутренней и внешней борьбы, которую переживала на склоне дней своих Золотая Орда, находившаяся в это время на грани полного разложения. Нашествия Тимура привели в конечном счете к гибели этой огромной державы. В 1395 г. был разбит Тохтамыш. **Полчища** золотоордынских эмиров, изменивших Тохтамышу и ставших на сторону Тимура, **громили** не только кипчакские степи, но и **Крым**» (выделено мной — В. М.) [Якобсон, 1950, с. 42]. Здесь находим чисто риторические, не опирающиеся даже формально на источники, рассуждения о полчищах анонимных эмиров — сторонников Тимура, якобы громивших Крым.

В последующих пассажах исторического очерка, которые считаю необходимым процитировать полностью, исследователь опять же «опирается» не на анализ письменных источников или хотя бы компилятивное их изложение, а на чисто конъюнктурные построения В. Д. Смирнова и следовавшего за ним Н. В. Малицкого: «По рассказу турецкого писателя XVII в. Печеви, „два или три раза он (т. е. Тимур или, вероятнее, как полагает В. Д. Смирнов, его сторонник Таш-Тимур, известный в качестве крымского хана в 1394–95 гг., — А. Я.) приходил с несметными войсками в Дэшт и Крым, и эти населённые владения, погранные копытами скотов грабительского войска татарского,

сравнивались с землей». Крым не случайно стал ареной борьбы: по замечанию В. Д. Смирнова, «крымский удел, вследствие его изолированного положения, считали наиболее надежным убежищем в случае неуспеха в исконных становищах ханов Золотой Орды» [Смирнов, 1887, с. 170]. Сюда в Крым, между прочим, бежал (по преданию) и сын Тохтамыша [Смирнов, 1887, с. 148] Едигей в качестве сторонника и ставленника Тимура: он действовал здесь не только против Кафы, которую осадил в 1396-1397 гг.: «копыта грабительского войска татарского» промчались и по юго-западному горному Крыму [Малицкий, 1933, с. 19] — тем районам, где, по-видимому, пытались обосноваться сторонники Тохтамыша. А о том, что и этот район в последние годы XIV в. оказался во власти ставленников Едигея, свидетельствует тарханный ярлык Тимур-Кутлука, который хоть номинально и был провозглашен золотоордынским ханом, но фактически властвовал лишь в Крыму [Смирнов, 1887, с. 169], где он имел «опору в полчищах Едики, хлынувших в Крым для преследования одного из сыновей Тохтамыша, вздумавшего там искать себе убежище» [Смирнов, 1887, с. 169]. В ярлыке этом, среди прочего, назван и район Кыркора, т. е. Чуфут-Калэ. Вряд ли эта волна татарских погромов, учиненных в Крыму Едигеем и его ставленниками, а то и попросту бродячими татарскими ордями, миновала Херсон, к тому времени фактически беззащитный. Не эти ли татарские погромы самого конца XIV в. явились причиной того всеобщего пожарища, в котором, как показывают раскопки, окончательно погиб город? По крайней мере, для XV в. невозможно указать ни одного подобного события, с которым это пожарище можно было бы связывать. И уж во всяком случае, это не связано было с турецким захватом Крыма в 1475 г., ибо к тому времени Херсон, как известно, фактически был уже необитаем» [Якобсон, 1950, с. 42].

Из представленной выше пространной цитаты видно, что А. Л. Якобсон привлек «исторический материал», состоящий лишь из кратких ссылок на работы В. Д. Смирнова и Н. В. Малицкого. Причём сделал это с целью определить причины (их он находит в татарских погромах) тотального пожара конца XIV в., в котором якобы «окончательно погиб» Херсон. В дальнейшем исследователь убедился, что открытые на территории средневекового города верхние слои пожара не выходят за пределы XIII в. и поэтому связал произошедшую катастрофу с нашествием в 1299 г. орды Ногай [Якобсон, 1973, с. 129]. Тем не менее, озвученная ранее тема «нашествия» на Крым в конце XIV в. «татарских полчищ» Едигея продолжает, хотя и в разной тональности, звучать в его работах.

Так, касаясь истории княжества Феодоро во второй половине XIV в., А. Л. Якобсон в монографии «Средневековый Крым» писал: «Как видно, ослабление татарского господства, что означало относительную независимость княжества (а мо-

жет быть, и покровительство татар), и определённая стабилизация в Крыму благоприятствовали усилению Феодоро. Запустевшие селения и плодородные долины юго-западного Крыма начали, по-видимому, заселяться и наполняться жизнью». Далее, ссылаясь на работу В. Д. Смирнова «Крымское ханство...» [Смирнов, 1887, с. 148, 169], он делает собственное заключение: «Однако процесс этот прервали новые события: в самом конце XIV в. сюда нагрянули полчища татарского временщика Идики (Едигея), ставленника Тимура, преследовавшего здесь одного из сыновей хана Тохтамыша, пытавшегося обосноваться в Крыму. Огнём и мечом прошло по западному Крыму татарское войско» [Якобсон, 1964, с. 124].

В научно-популярной книге «Крым в средние века» (1973 г.) А. Л. Якобсон предлагает несколько иную редакцию данного сюжета в истории и археологии средневекового Крыма: «После татарских погромов (орда Ногай) в 1299 г. и в начале XIV в. юго-западный Крым снова сильно запустел, но вскоре, уже в 40-х годах того же столетия, когда в Золотой Орде начались смуты, зависимость Крыма от татар ослабела, временами она вообще переставала ощущаться, особенно в его западной части, удалённой от их административного центра (Солхата). Новая обстановка не могла не способствовать оживлению края: запустевшие селения и плодородные долины юго-западного Крыма начали заселяться. Однако процесс этот снова прервали нагрянувшие сюда в 1399 г. огромные полчища татарского временщика Идикэ (Эдигея). С огнём и мечом прошло по юго-западному Крыму татарское войско» [Якобсон, 1973, с. 129 и сл.].

Таким образом, благодаря «изысканиям» А. Л. Якобсона, в литературе появилось две даты разрушения поздневизантийского Херсона, разделённые интервалом ровно в сто лет — 1299 и 1399 гг. Но если первая была подкреплена не только ссылкой на письменный источник, но и реальным археологическим материалом из раскопок памятника, то вторая введена чисто декларативно. Вероятно, поэтому современные исследователи Херсона (А. И. Романчук), Мангупа (А. И. Герцен) и Солхата (М. Г. Крамаровский) придерживаются даты 1395 г., когда, по их мнению, в результате похода Тимура (или его креатуры — Едигея) произошло разграбление и разрушение данных средневековых городов Крыма.

При этом они избегают не только рассмотрения историографии затронутой темы, но также предпочитают ограничиться формальными ссылками на более ранние работы историков, предпринимавших попытки анализа некоторых письменных источников, или просто отсылают читателя к данным свидетельствам. Имеющийся в их распоряжении археологический материал призван играть роль материальной иллюстрации не реальных событий, а сложившейся ещё в XIX в. историографической традиции. Попытаюсь предста-

вить основные аргументы, которые используют А. И. Романчук, А. Г. Герцен и М. Г. Крамаровский в качестве подтверждения «крымского похода» Тимура (или его креатуры — Едигея) в 1395 г. По их мнению, таковыми являются материалы проведённых археологических исследований и свидетельства письменных источников.

1.3.1. Археологический контекст политических событий 1395 г.: антииллюстрация

1. А. И. Романчук в серии своих работ, выходящих с начала 80-х гг. XX в., полемизируя с А. Л. Якобсоном, считавшим, что «после событий конца XIII в. Херсон не был больше крупным поселением» [Якобсон, 1959, с. 233], поставила перед собой задачу во что бы то ни стало доказать существование Херсона в XIV в. как всё ещё значительного экономического, политического и культурного центра юго-западного Крыма [Романчук, 1982, с. 89–113; 1997, с. 280; 1999, с. 187–202; 2000, с. 205; 2003, с. 261–269; 2005, с. 102 и др.].

При этом дату разрушения города в XIV в. исследовательница относит к самому финалу столетия — 1395/96 г., когда в Таврике якобы появляется «карательная экспедиция» Тимура, действовавшая «против феодалов, выступивших на стороне Тохтамыша, в частности против укрепившегося в Крыму Таш-Тимура» [Романчук, 1982, с. 90; 1997, с. 280; 1999, с. 187–202; 2000, с. 185].

Однако связь данных событий (предполагаемая борьба за Крым между Тамерланом и Таш-Тимуром в 1395 г. уже после поражения Тохтамыша) с выявленным в ходе раскопок в портовой части Херсона археологическим материалом вызывает сомнения. В основном исследовательница в своих выводах опирается на демонстрацию монет и поливной керамики как наиболее яркой составляющей «закрытых комплексов».

Дело в том, что исследователи Херсона крайне редко отмечали в припортовой части города (в других районах они не известны) находки монетных номиналов XIV в. времени правления ханов Золотой Орды — Тохты (1290–1312 гг.), Узбека (1313–1342 гг.) и Джанибека (1343–1357 гг.) [Богданова, 1991, с. 70, 160–163; Романчук, 1999, с. 201; 2005, с. 101–102]. К этой же группе примыкает и одна серебряная монета сербского короля Стефана Душана (1331–1355 гг.) [Бобринский, 1905, с. 16]. Причём наиболее молодым датированным номиналом из «верхнего слоя» является монета мамаевского хана Абдуллаха (1362/63–1368/69 гг.) [Богданова, 1991, с. 162]. Только в одном случае вроде бы удаётся определить залегание джучидских монет на разных уровнях слоёв разрушения памятника: «в расположенной к юго-востоку усадьбе в верхнем слое разрушения встречены монеты Тохты (1213–1313), а в слое выше, перекрывавшем его, — Узбека (1313–1339) и Джанибека (1338–1357)» [Роман-

чук, 2005, с. 101–102]. Но, к сожалению, ни одна из этих находок не опубликована.

В работе «Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники с графито и шамплеве)» [Романчук, 2003, с. 261–269, рис. 1–10] А. И. Романчук продолжает отстаивать свою прежнюю точку зрения о существовании Херсона в XIV в. как крупного торгово-ремесленного центра юго-западного Крыма. В качестве доказательства правоты своего заключения она приводит два уже неоднократно использованных ею аргумента: 1) «Находки монет в целом на территории Херсонесского городища и, в частности, в портовом районе не позволяют согласиться с тем, что завершающим в жизни города стал конец XIII в.» [Романчук, 2003, с. 261]; 2) А. И. Романчук также считает, что такому выводу (т. е. о значительном сокращении территории жилой застройки поздневизантийского Херсона — В. М.) якобы противоречат и «свидетельства письменных источников, в которых описывается борьба Херсонского иерарха за спорные территории на побережье в конце XIV в.» [Романчук, 2000, с. 199–201].

К письменным источникам обратимся позднее, а сейчас рассмотрим привлекаемые в качестве доказательства существования Херсона в XIV в. как важнейшего экономического центра юго-западного Крыма нумизматические материалы. Тем более что несколько ранее в своей монографии «Очерки истории и археологии византийского Херсона», продолжая давно начатую дискуссию с А. Л. Якобсоном, считавшим Херсон XIV в. незначительным по своим размерам поселением, А. И. Романчук категорически заключает: «Такому выводу противоречат некоторые находки, в том числе и монеты XIV в.» [Романчук, 2000, с. 186].

Даже в своей фундаментальной работе исследовательница избегает каких-либо количественных и качественных характеристик нумизматических материалов, отсылая читателя к отчёту К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 г. [ОАК, 1897, с. 21], сводной характеристике монет из раскопок северо-восточной части Херсонеса в 1908–1912 гг., подготовленной Л. Н. Беловой-Кудь [Белова-Кудь, 1931, № 28, 107, 172, 200, 208, 247, 282, 320, 396, 518, 536], и двум публикациям А. М. Гилевич, содержащим самый общий анализ монетных находок из раскопок портового района в 1963–1966 гг. [Гилевич, 1971, с. 96; 1973, с. 29].

В отчёте К. К. Косцюшко-Валюжинича действительно содержится весьма важная информация об обнаружении джучидских монет: «С наружной стороны оборонительной стены, во время плантажных работ монастыря, найдено 25 сер. и 10 медн. монет Золотой Орды...» [ОАК, 1897, с. 91]. К этому следует добавить, что ещё одна «медная монета Золотой Орды с изображением тамги и „Соломоновой“ печати» находилась вместе с останками шести челонок, «лежавших в беспорядке» между оборонительной стеной и протейхизмой [ОАК, 1897, с. 96].

Ссылка А. И. Романчук на номера монет в публикации Л. Н. Беловой-Кудь как на «монеты XIV в.» вообще вызывает недоумение, потому что только 3 из них (№ 28, 282, 536) «восточные», а № 396 (3 монеты) — «восточно-сельджукские». Остальные номиналы (№ 107, 172, 200, 208, 247, 320, 518) представляют собой позднеримские и византийские монеты (до Константина VII включительно).

В ходе раскопок портового района в 1963–1964 гг. найдено 467 монет. Определить удалось 362 экземпляра. Среди них оказалось 12 джучидских монет XIII–XV вв.: 2 относятся к XIII в. (№ 12, 276) и 9 к XIV–XV вв. (№ 24, 28, 29, 201, 254, 261, 263, 279, 283) [Гилевич, 1971, с. 62, 64]. Дата чеканки устанавливается только для № 12 (Туда Менгу — 1282–1287 гг.) и № 261 (дирхем 136[1]? г.). Остальные датированы приблизительно XIV–XV вв. Из 693 средневековых монет, обнаруженных в результате раскопок портового района в 1965–1966 гг., 16 определены А. А. Быковым как «восточные» и только 5 оказались джучидскими номиналами XIII–XIV вв. [Гилевич, 1973, с. 29]. Наиболее ранней является монета 1266/67 г. Менгу Тимура (помещение № 53а, слой 3) [Гилевич, 1973, № 221]. Ещё две монеты чеканены от имени хана Узбека (1313–1342 гг.) (одна найдена «в верхнем слое» помещения 37 (№ 67), а вторая — в «помещении 58, в слое 3, над слоем горения»⁴².

Отдавая отчёт в малочисленности имеющегося нумизматического материала XIV в., А. И. Романчук в своей работе «Заметки к истории Херсонеса XIV в.» предлагает «пополнить» монетный фонд данного времени номиналами херсонесской анонимной чеканки с монограммой «ро», т. к. они встречаются и в верхнем слое гибели города [Романчук, 1996, с. 300]. По этому поводу А. И. Романчук заключает: «сами по себе находки монет чрезвычайно важны для оценки торговых связей этого города. Так, например, Н. М. Богданова пишет, что об активном участии Херсона в торговле Северного Причерноморья во второй половине XIII–XIV вв. свидетельствуют находки монет, в частности, монет Золотой Орды. К сожалению, полностью согласиться с таким выводом не позволяет демонстрируемый в таблицах материал: к XIV в. из 120 монет крымских ханов и Золотой Орды относится **только 16. Это обстоятельство порождает сомнение в правильности вывода, хотя он вполне правомерен** (выделено мной — В. М.). Всё дело в том, что не учтён значительный круг материалов, которые подтверждают данный тезис. Прежде всего, это находки, характеризую-

щие стратиграфически отличающиеся слоёв разрушения поздневизантийского периода, и время обращения монет с монограммой «ро» [Романчук, 1996, с. 300].

Но сама А. И. Романчук так и не приводит общее количество монет с монограммой «ро», встреченных в слое XIV в., а ссылается на единственное заключение А. М. Гилевич о том, что «верхний слой, снятый в 1963 г., дал 22 монеты с монограммой... Кроме херсоно-византийских монет здесь обнаружены монеты Джучидов XIII–XV вв. и византийская монета Михаила VIII Палеолога (1261–1282 гг.). Эти «нехерсонесские» монеты говорят о том, что слой может быть датирован временем не ранее конца XIV–XV вв.» [Гилевич, 1971, с. 63–64; Романчук, 1996, с. 302]. Как кажется, если даже к 16-ти джучидским монетам XIV (?) в. прибавить 22 медные анонимные херсонесские монеты XII–XIII вв. с монограммой «ро», то экономика Херсона этого времени не будет выглядеть более развитой, а торговые связи не расширятся.

Тем не менее, обращение к нумизматическому материалу дало А. И. Романчук возможность прийти к важному заключению, которым она до сих пор не воспользовалась: «...в слое разрушения найдены две монеты Тохты (1290–1313), а в насыпи перекрывавшей его — Узбека (1313–1339) и Джанибека (1339–1357). Всё это, без сомнения, позволяет говорить о том, что **пожар, приведший к разрушению усадьбы, имел место не ранее 60-х годов XIV в.**» (выделено мной — В. М.) [Романчук, 1996, с. 302]. В дальнейшем эта дата (60-е гг. XIV в.), на которую указывает нумизматический материал из «верхнего слоя» разрушения портовой части Херсона, исчезает из работ А. И. Романчук, а остается только 1395 г. как время разрушения поздневизантийского города Тимуром.

В качестве иллюстрации научной объективности своей точки зрения, А. И. Романчук в статье «Кувшины и миски из слоя пожара XIV в.» на 10 рисунках помещает изображения 31 фрагмента поливных сосудов (кувшинов и мисок). По её заверению, они происходят «из слоёв разрушения в портовом районе, датированных на основании нумизматических данных именно XIV в.» [Романчук, 2003, с. 262, рис. 1–10]. Но из общей характеристики представленного материала (двух видов кувшинов и мисок) выходит, что «подобные сосуды в настоящее время датируются XIII в.» [Романчук, 2003, с. 263]. Тем не менее, автор указывает на то, что «некоторые глазурованные миски, близкие по характеру орнаментации, были обнаружены в домах, которые, судя по стратиграфии и нумизматическим находкам, прекратили своё существование после пожара XIV в.» [Романчук, 2003, с. 263].

Остаётся только сожалеть, что исследовательница уже в который раз не даёт возможности

⁴² Следует также обратить внимание А. И. Романчук на годы правления ханов Тохты, Узбека и Джанибека, постоянно указываемые исследовательницей средневекового Херсона неверно. Например, хан Тохта скончался в среду 9 августа 1312 г., но Узбек воцарился только в рамазане 712 г.х. (= январь 1313 г.). Дата его смерти относится к шевале 742 г.х. (= 10 марта — 7 апреля 1342 г.)

в портовом районе Херсона, но также и об их топографии, стратиграфии и нумизматическим находкам. Это тем более важно в связи с тем, что из приводимого в статье описания поливных изделий только 14 из 32 имеют указание на место их находки в помещениях (№ 48, 47а, 54, 3а, 47, 46, 4, 61, 10, 43, 40, 52) или строительной траншее (у помещения 3а). Причём в помещении № 48 в «слое пожара XIV в.» обнаружено 2 фрагментированных поливных керамических изделия, а в помещении № 3а второй фрагмент (№ 17) «найден в строительной траншее начала XIV в.» [Романчук, 2003, с. 266].

На рис. 8 отсутствует изображение фрагмента «стенки с остатками ручки красноглиняного кувшина с шахматным декором» (№ 22). Оказывается, что ещё несколько таких сосудов было обнаружено «в слое пожара XIV в.». К тому же подобные поливные кувшины, изготовленные с помощью формы, «не представлены в публикациях керамики из Херсонеса». И только один аналогичный «кувшин из раскопок в Солхате (Старый Крым, датирован XIV в.) опубликовал М. Г. Крамаровский» [Романчук, 2003, с. 266–267]. Этим информация о столь редких для Херсона изделиях исчерпывается, и заинтересованный читатель не сможет не только их увидеть, но и узнать о месте находки данных артефактов.

Остальные же находки, как сказано в описании, происходят из раскопок портовых кварталов 1 и 2, цитадели и Северо-восточного района города. Всё это производит впечатление весьма странной и уж совсем нерепрезентативной выборки археологического материала (по 1–2 предмета) в виде единичных фрагментов поливной керамики из сомнительных «закрытых комплексов» 1395/96 г.

В ряде случаев автор явно испытывает затруднения с определением времени бытования публикуемых фрагментов поливной керамики. Поэтому некоторые из них не датированы (№№ 10–12), либо время их бытования определяется в пределах двух (!) столетий — XIII–XIV вв. опять же «на основании стратиграфии», которая ни разу не представлена в публикациях [Романчук, 2003, с. 266, рис. 7, № 14, портовый квартал 2, помещение 4, НЗХТ № 53/36962].

Видимо, осознавая крайнюю недостаточность приведённых ранее «доказательств» в пользу своего утверждения, исследовательница портовой части Херсона делает оговорку: «Безусловно, на основании нескольких, описанных выше сосудов делать какие-либо глобальные выводы преждевременно». Вместе с тем, подобное признание не мешает А. И. Романчук прийти к оптимистическому заключению: «Однако именно эти керамические изделия, имеющие аналогии среди материалов памятников Крыма и более удалённых районов, свидетельствуют о том, что жители Херсона, уцелевшего после разгрома последней четверти или конца XIII в., сохранили региональ-

ную торговлю (в пользу такого предположения говорят и монеты) и, возможно, некоторых из своих партнёров из городов Западного побережья Чёрного моря» [Романчук, 2003, с. 268].

И поэтому, основываясь исключительно на материалах портового района города, А. И. Романчук приходит к выводу: «Вряд ли Херсон в XIV в. сократился до жалкого, незначительного по размерам поселения „с точечной застройкой“, расположенного в основном в портовом районе. На основании „умолчания источника“ ранее делался вывод о глубоком кризисе в VII в. и „об обезлюдении Херсона“ в VIII в., однако археологическое изучение городища в последние годы, анализ коллекций, хранящихся в фондах заповедника, показали некорректность такого вывода. Возможно, в будущем мы сможем дать объяснение, почему в том или ином из кварталов Херсона поздневизантийского периода сохранились (или отложились) материалы XIV в., в других же они отсутствуют» [Романчук, 2003, с. 269].

«Перспектива» дискуссии очевидна. Но чтобы придать ей научное направление, необходимо, прежде всего, опубликовать данные стратиграфии памятника (а этого А. И. Романчук так и не сделала за четыре десятилетия изучения портового района города). Желательно, чтобы в ней нашла отражение фиксация нумизматических и других находок в местах их залегания с материалами закрытых комплексов, связанных со следами тотальных или локальных пожаров и разрушений. Только в случае решения данной задачи споры по поводу времени гибели поздневизантийского Херсона приобретут, наконец, конструктивный характер и форму корректной научной дискуссии.

Собственно, ничего нового в таком предложении нет. Странно только то, что об этом в таком контексте приходится «дискутировать» с А. И. Романчук, которая ещё в 1986 г. в своём монографическом исследовании по исторической топографии города XII–XIV вв. определяла актуальные задачи, стоящие перед исследователями Херсона: **«установление детальной стратиграфии городища, отражающей всю многовековую жизнь города; уточнение времени основания и гибели города, а также выявление основных перестроек и строительных периодов; увязка стратиграфии городища с оборонительными сооружениями; выяснение вопросов роста территории города; уточнение времени бытования массового археологического материала»** (выделено мной — В. М.) [Романчук, 1986, с. 24]. Однако приходится констатировать, что и по истечении двадцати лет поставленные задачи ещё весьма далеки от своего решения [см., например, Богданова, 1995, с. 104–116].

2. Издание Х.-Ф. Байером на русском языке поэмы иеромонаха Матфея «Сказание о городе Феодоро», только предположительно датире-

мое публикатором 1396 г. [Байер, 2001, с. 196]⁴³, по всей видимости, вдохновило А. Г. Герцена вновь обратиться к разработке идеи разгрома Мангупа войсками Тамерлана (первым идею непосредственной связи сообщаемых в поэме Матфея «сведений» о запустении города Феодоро и походом Тамерлана в 1395 г. высказал А. А. Васильев [Vasiliev, 1936, p. 191]). Поэтому он пишет: «В середине 90-х гг. (XIV в.— В. М.) Крым оказался втянутым в грандиозную междоусобицу Тохтамыша и Тимура, в результате которой юго-западная часть полуострова подверглась разгрому, сопоставимому по последствиям с учинённым здесь ранее Ногаем. Теперь **главный удар** пришёлся по возрождённой столице княжества Феодоро, **обращённой в руины** (выделено мной — В. М.). Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей, летом 1395 г. направленный в Ялту Константинопольским Патриархом в качестве экзарха. Матфей — автор первого (и единственного — В. М.) дошедшего до нас описания столицы феодоритов, выполненного в форме стихотворного диалога между странником и городом, лежащим в руинах. Восхищаясь необычностью и живописностью местоположения, странник в то же время с горечью оплакивает безлюдность города, что в дальнейшем изложении объясняется басурманским нашествием» [Герцен, 2007, с. 27–28].

⁴³ Ввиду малого тиража данного издания и возможным затруднением читателя познакомиться с книгой Х.-Ф. Байера «История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро», предлагаю несколько цитат, относящихся к данному сюжету, оставляя их без комментариев. Хотя ряд высказываемых исследователем суждений, особенно касающихся «осады» Мамаем города Феодоро, как и вся последующая реконструкция хода событий, вызывают возражения: «п) Кажется, Мамай начал осаду Феодоро уже около 1373 г. (см. 15 л. о её семидесятилетней (sic!) продолжительности). После поражения Мамай на Куликовом поле в 1380 г., мятежа его военачальников в начале 1381 г. и его устранения соединённые под руководством Тохтамыша ордьинские войска отправились от Азовского моря в Крым к Феодоро и полностью окружили крепость, так что осажденные, ослабленные голодом (ст. 127–129), в конце концов сдали её в том же году, вероятно, осенью. **Незадолго до осени 1395 г. один из отрядов вторгся в Крым. Храбрые татарские оккупанты сопротивлялись им, но были разбиты** (выделено мной — В. М.)... Матфей отправился в Феодоро весной или летом 1396 г., потому что увидел землю богатой фруктами и зерном (ст. 6), урожай которого на юге нельзя предположить после июля. Он нашёл город „пустым, массы народа не имеющим“. Пока не вернулись ни жители, ни неизвестные нам властители, если вообще они были там ранее, кроме военачальников не очень высокого ранга (сотник), которым подчинялось местное население ради поддержания общественного порядка и защиты от нередких врагов. Город был „необитаемым“ (ст. 110, сл.). Естественно, что покинутую крепость посещали люди, вероятно, бывшие владельцы, чтобы спасти что-то из оставшегося имущества. Иначе Матфей не встретил бы тех, от кого и узнал об осаде пятнадцать и более лет назад. Там находились, как он сообщает, и „воды весьма сладчайшие, сады орошаемые“ (ст. 44). Разумеется, что люди в садах занимались сельским хозяйством так же, как и вне крепости» [Байер, 2001, с. 196–197].

Начало возрождения жизни на Мангупе исследователь относит к 60-м гг. XIV в., основываясь на надписи, обнаруженной во время раскопок базилики в 1913 г., и считает, что в «ней прямо говорится о восстановлении в 1362 г. Феодоро и строительстве некоей „Пойки“, под которой следует, вероятнее всего, понимать цитадель — фактически кремль будущего города» [Герцен, 2007, с. 27].

Если следовать хронологической схеме истории Феодоро-Мангупа второй половины XIV в., предлагаемой А. Г. Герценом, то возрожденный в 1362 г. город был разрушен в 1395 г. в результате нападения войск Тимура (или Едигея). В таком случае на территории памятника и, прежде всего, в цитадели города, в ходе многолетних раскопок должны были быть обнаружены закрытые комплексы, представленные артефактами, отложившимися в культурных напластованиях за 1362–1395 гг. Однако исследователю до сих пор ни разу не удалось продемонстрировать археологические комплексы Мангупа, датированные этим временем. Поэтому он вынужден прибегать к характеристике материала самого общего порядка, датируя имеющиеся находки XIV–XV вв.

В сравнительно недавно вышедшей работе «Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа» А. Г. Герцен и В. Е. Науменко отмечают: «наилучшим образом здесь (в цитадели — В. М.) представлены культурные горизонты, относимые к последнему этапу жизни акрополя Мангупа — слою функционирования и разрушения XIV–XVI вв. Находки более раннего времени единичны и распределены на исследованной территории крайне неравномерно, датируются они в основном по аналогиям. Тем не менее, учитывая, что **цитадель** может рассматриваться как **пространственно закрытый комплекс**, этапы развития которого установлены **в результате многолетних исследований**, имеется возможность попытаться коррелировать с ними группы происходящих отсюда материалов, из которых особого внимания заслуживает глазурованная керамика (выделено мной — В. М.)» [Герцен, Науменко, 2005, с. 257].

К тому же авторы специально отмечают: «Процесс формирования слоя XIV–XV вв. отражает исторический период становления, развития и гибели поселения, отождествляемого со столицей княжества Феодоро» [Герцен, Науменко, 2005, с. 261]. Причём согласно сформулированной ранее А. Г. Герценом концепции создания архитектурного ансамбля памятника, они выделяют и два этапа формирования культурного слоя цитадели Мангупа, «запечатленных в археологической ситуации». Первый этап охватывает временной отрезок с начала строительства цитадели в 60-х гг. XIV в., включает в себя «связанное с ним разрушение жилых построек, оказавшихся на трассе северо-западной куртины», и завершается частичным разрушением «цитадели в конце этого столетия» (1395 г. — В. М.). Второй этап начинает-

ся с восстановления и реконструкции оборонительных рубежей акрополя Феодоро в 20-х гг. XV в. «Событием, определившим завершение данного этапа и формирование культурного горизонта в целом, явился захват цитадели в финале турецкой осады Мангупа 1475 г.» [Герцен, Науменко, 2005, с. 261].

После столь чёткого определения хронологии формирования культурного слоя, выявленного, по заверению исследователей, в ходе многолетних археологических раскопок на мысе Тешкли-Бурун, можно надеяться на то, что и характеристика материала будет представлена разделённой на два периода: 1) 1362–1395 гг. и 2) 20–70-е гг. XV в. К тому же, в ней найдётся место и для описания закрытых комплексов, содержащих материалы двух периодов. Их верхние даты соответственно относятся к 1395 и 1475 гг.

Однако авторы неожиданно сетуют, что «пока не представляется возможным **распределить** (sic!) все находки поливной посуды в соответствии со всеми этапами (выделено мной — В. М.). С достаточной уверенностью подавляющее их большинство можно отнести к последнему, то есть к 20–70-м гг. XV в.» [Герцен, Науменко, 2005, с. 261]. И далее, как оказывается, по мнению авторов, «для решения данной проблемы необходимо рассмотрение комплекса глазурованной керамики в целом, что требует как анализа уже накопленного материала, так и продолжение раскопок за пределами цитадели» [Герцен, Науменко, 2007, с. 261].

Далее А. Г. Герцен и В. Е. Науменко приступают к «обобщённой» характеристике красноглиняной поливной керамики XIV–XV вв., условно разделённой ими на две большие группы — монохромную и полихромную. При этом авторы считают необходимым подчеркнуть, что «обе группы имеют идентичные по форме сосуды, поэтому **не несут в себе каких-либо хронологических различий** (выделено мной — В. М.)» [Герцен, Науменко, 2005, с. 261]. Подобное замечание было бы более уместным для хронологической группы 20–70-х гг. XV в. (так называемого «второго этапа» существования жизни на территории цитадели), но никак не XIV–XV вв.

Обратимся к опубликованным А. Г. Герценом и В. Е. Науменко изображениям поливной керамики из раскопок цитадели Мангупа. На 23 графических рисунках представлены 171 фрагмент или археологически целые изделия [Герцен, Науменко, 2005, рис. 1–23]. В основном керамика делится на 5 хронологических групп: 1) X–XI вв. (31 = 18,1%); 2) XIII в. (53 = 30,9%); 3) XIV в. (1 = 0,58%); 4) XV в. (79 = 46,2%); 5) XVI–XVII вв. (17 = 9,9%). Как видим, материал XIV в. представлен одним фрагментом (0,58% от общего количества опубликованных поливных изделий). По поводу данной находки, не определяя время и возможное место её производства, авторы пи-

шут: «Для поливной посуды цитадели Мангупа не характерны сосуды, сочетающие технику „граффито“ с выемчатой по светлomu ангобу. До сих пор обнаружен всего один фрагмент, вероятно, миски, с желтой глазурью» [Герцен, Науменко, 2005, рис. 6,12].

Количественное соотношение находок вряд ли можно объяснить случайностью выборки или почти полным уничтожением культурного слоя с материалом XIV в. в ходе строительных работ XV в. Ведь при раскопках цитадели выявлены достаточно представительные коллекции более раннего времени (X–XIII вв.). Опубликованные недавно коллективом авторов (А. Г. Герцен, А. Ю. Землякова, В. Е. Науменко, А. В. Смокотина) в статье «Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп)» материалы не создают впечатления существования здесь чётко выраженного слоя, который бы свидетельствовал о массовом «сбросе» археологического материала XIV в. именно с юго-восточного склона мыса [Герцен и др., 2006, с. 371–427, рис. 1–54]. Представленная в данной публикации характеристика находок опять дана обобщённо, в необычайно широких хронологических пределах XIV–XVI вв. (в статье фигурирует как «комплекс находок из 2-го слоя в квадрате Б 2003 г.») [Герцен и др., 2006, с. 376–392].

Эта характеристика оказывается полностью подчинённой уже известной концепции существования памятника в феодоритский период (XIV — третья четверть XV вв.). Данный слой связан, как пишут авторы, «с формированием на плато города Феодоро — центра одноимённого княжества в юго-западной части Крыма... **После разрушительного похода армии Тамерлана в конце XIV в.** возрождается в 20-х гг. следующего столетия, постепенно приобретая столичный облик» (выделено мной — В. М.) [Герцен и др., 2006, с. 371].

Очевидно, что авторам не удаётся выделить из общего состава материала артефакты XIV в., связанные со слоем разрушения Мангупа в 1395 г. войсками Тамерлана. Поэтому они лаконично заключают: «Более 60% находок керамики, стеклянных, костяных, металлических изделий, **с определёнными оговорками** (выделено мной — В. М.), характеризует материальный комплекс городища XIV–XV вв., прежде всего, его наиболее изученной на сегодня в археологическом отношении части — Мангупской цитадели» [Герцен и др., 2006, с. 391].

На фоне полученных элементарных статистических данных более чем странно выглядит заключение исследователей, касающееся стратификации материалов XII–XIII вв.: «Заканчивая рассмотрение поливной керамики XII–XIII вв., подчеркнём, что **стратиграфические горизонты этого времени** (выделено мной — В. М.) как в цитадели, так и на остальной территории городища до сих пор не выявлены. Поэтому вопрос о хронологии этих

сосудов применительно к Мангупу пока остается открытым» [Герцен, Науменко, 2005, с. 261]⁴⁴.

Очевидно, поэтому в статье «Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун» исследователи, намечая «в общих чертах основные этапы истории городища» на протяжении III–XVIII вв., оставляют между третьим («Фемный — середина IX — середина XI вв.») и четвёртым («Феодоритский — XIV — третья четверть XV вв.») этапами ничем не объяснимую хронологическую лакуну в истории Мангупа протяженностью два с половиной столетия (вторая половина XI–XIII вв.) [Герцен и др., 2006, с. 371]. Хотя в своей статье «Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея» А. Г. Герцен, касаясь содержания надписи 1361/62 гг., даёт следующее объяснение продолжительному отсутствию признаков жизни на памятнике: «Из текста следовало, что в начале 60-х гг. XIV в. на плато велись значительные строительные работы по „восстановлению Феодоро“. Смысл этого выражения **хорошо согласуется с археологическими данными** (выделено мной — В. М.), которые показывают, что, по крайней мере, с середины XI по XIV вв. в жизни поселения был «мертвый сезон», представленный на городище лишь единичными артефактами (монета Андроника I, несколько фрагментов поливной посуды) не говоря уже о культурных напластованиях» [Герцен, 2003, с. 570]⁴⁵.

Подобному выводу явно противоречит как массовость находок XII–XIII вв., составляющих 30,9% от всей поливной керамики X–XVII вв., так и их хорошая сохранность (некоторые изделия представлены целыми археологическими формами [Герцен, Науменко, 2005, рис. 3; 5, 5]). Если «стратиграфические горизонты этого времени» не выявлены, то тогда возникает естественный вопрос: каким образом относительно хрупкие керамические изделия могли сохраниться в таком количестве и состоянии до нашего времени, будучи неоднократно перемещаемы при повсеместных строительных работах, начиная с 1362 г., как об этом пишет А. Г. Герцен? И где тогда находится широко анонсируемый А. Г. Герценом слой гибели Мангупа-Феодоро, связанный с якобы произошедшим летом 1395 г. нападением «орды Едыгея (креатуры Тимура)»? [Герцен, 2003, с. 577]. В таком случае автор,

⁴⁴ При этом для читателя может так и остаться неясным, почему «вопрос о хронологии этих сосудов применительно к Мангупу остается открытым», если здесь же данная группа поливных изделий отнесена к XII–XIII вв.

⁴⁵ Однако как видно из представленных выше подсчётов, опубликованный материал в виде фрагментов поливной посуды указывает на то, что в жизни Мангупа-Феодоро в XII–XIII вв. не было, по выражению А. Г. Герцена, «мертвого сезона», а по своей интенсивности он уступал только XV в. К тому же исследователь никак не комментирует появившееся в печати сообщение А. Н. Коршенко о находке на Мангупе медных скифатных монет с именами деспотов Мануила и Андроника, выпуск которых относится к 40–60 гг. XIII в. и связывается с попыткой организации здесь местной чеканки [Коршенко, 1998, с. 48–49].

ведущий исследования Мангупа дольше трёх десятилетий, должен был представить в подтверждение правоты своих слов закрытые комплексы, содержащие, согласно его уверениям, материалы 60–90-х гг. XIV в. и стратифицированный слой разрушения города 1395 г. Однако насколько мне известно, этого до сих пор не произошло.

В качестве литературных «доказательств» разрушения города Феодоро Тамерланом летом 1395 г. А. Г. Герцен использует 2 строки из поэмы иеромонаха Матфея: «...увидел и тела мертвых и массы останков и черепа без костей, а останков кучи...» [Байер, 2001, с. 297, ст. 54–55]⁴⁶. Видимо, поэтому А. Г. Герцен заключает: «Строки 54–55 рисуют **трагическую картину следов побоища**» (выделено мной — В. М.) [Герцен, 2003, с. 573]. При этом исследователь указывает на то, что «во время раскопок в разные годы и в различных местах плато обнаруживались человеческие скелеты, обычно без инвентаря, но с явными признаками соблюдения традиций христианского обряда (ориентировка, положение скелета), например в заброшенных тарапанах (вырубных винодавильнях). Обычно такого рода находки отождествлялись с последствиями захвата города турками в 1475 г. Однако сведения Матфея не дают оснований для столь однозначных выводов. Вполне вероятно, что такого рода захоронения могли появиться ранее и отражать другую, более раннюю драматическую страницу в истории Феодоро» [Герцен, 2003, с. 573].

Далее, по-видимому, в целях эмоционального подтверждения своего предположения, основанного только на разрозненных и безинвентарных (т. е. ничем не датированных) христианских захоронениях, А. Г. Герцен прибегает к помощи иностранной цитаты из публикации Е. В. Веймарна, посвящённой изучению крепостных стен и некрополя Мангупа в 1938 г. В ней даётся описание вырубных склепов, расположенных в 100 м к юго-западу от цитадели. Придётся и нам полностью процитировать данный пассаж, т. к. он занимает ключевое место в системе доказательств А. Г. Герцена о наличии на Мангупе реальных следов погрома 1395 г.: «Все пространство пола (склепа № 1 — А. Г.) оказалось заваленным огромным количеством сильно перемешанных человеческих костей, заплывших тёмной слежавшейся сырой землёй, особенно у входа, где она доходит до половины его... Под верхним слоем явно перемешанных костей, среди которых оказалось 77 человеческих черепов (43 из них совершенно целых), на полу склепа найдены были отдельные части костяков, лежавших нетронутыми...»

⁴⁶ К этим словам Х.-Ф. Байер делает следующее примечание: «Если хорошо помню, в монастыре Великой Лавры черепа и кости после их эксгумации сохраняются отдельно. В нашем случае можно думать и о том, были ли упомянутые Матфеем тела мертвых останками убитых во время осады (см. ст. 118–129) и беспорядочно захороненных» [Байер, 2001, с. 297, прим. 812].

В верхних слоях (склепа № 2 — А. Г.) находились остатки двух почти целых костяков, один на другом, причём их нижние конечности лежали высоко на ступенях дромоса, а верхние части были опущены настолько, что головы покойных оказались в простенке входа в камеру склепа... По-видимому, здесь в разное время было захоронено не менее 13 трупов, так как в простенке входа в камеру и в самом склепе близ входа, приблизительно на одном горизонте было обнаружено соответствующее количество почти целых черепов...

У входа склеп был заполнен (толщина 0,40 м) мягкой желтоватой землёй, прикрывавшей здесь сильно перемешанные остатки значительного количества человеческих костяков. У юго-западной и восточной стен склепа слой земли сходил на нет; здесь видны были сильно истлевшие человеческие кости, которые у стен лежали незначительным слоем — толщиной до 0,10 м. После выборки из склепа натёчной земли до костного слоя были обнаружены сдвинутые со своих мест кости, среди которых оказалось 19 сильно истлевших черепов» [Веймарн, 1953, с. 422–424].

Действительно, для непосвящённого в археологические реалии средневекового Крыма читателя столь яркая картина описания человеческих останков, обнаруженных в ходе раскопок только двух склепов, может произвести сильное эмоциональное впечатление. К тому же А. Г. Герцен делает краткое резюме к цитате из работы Е. В. Веймарна: «В данном описании обращает внимание высокая концентрация погребений в двух относительно небольших склепах, явно использовавшихся не один раз. Достаточно ясно прослеживается, по крайней мере, два таких этапа. Приведённый в публикации обнаруженный здесь скудный вещевой материал, к сожалению, не расчленяющийся стратиграфически, суммарно датируется не ранее XII и не позднее XV в. Правда, сам автор раскопок склонен был отнести сооружение склепов к V–VII вв., исходя из их сходства с соответствующими погребальными памятниками Эски-Кермена. Однако синхронного инвентаря найдено не было и приходится ограничиться предположением о том, что первоначальные захоронения здесь были полностью уничтожены при использовании камер для **массовых захоронений** (выделено мной — В. М.) уже в период существования княжества Феодоро. Отметим, что описанная ситуация весьма соответствует картине, наблюдавшейся Матфеем и именно в той части плато, через которую он наверняка проходил, направляясь к цитадели (рис. 2: 10) и которую он затем осматривал с вершины башни» [Герцен, 2003, с. 573–574].

Исходя из представленного выше заключения совершенно очевидно, что А. Г. Герцен не может найти и продемонстрировать датированных 90-ми гг. XIV в. и подтверждённых стратиграфией не

только жилых, хозяйственных и оборонительных, но и погребальных комплексов. При этом на фоне предлагаемой широкой датировки инвентаря захоронений — XII–XV вв. (сюда же входит и «отсутствующий» на плато Мангупа материал XII–XIII вв.) — ставится под сомнение и тезис о «массовых захоронениях» в период существования княжества Феодоро. Очевидно, что за четыре столетия при неоднократных подзахоронениях (перезахоронениях) в склепах вполне могли отложиться выявленные при раскопках останки.

Возникает вопрос, почему А. Г. Герцен, ведущий с 1975 г. систематические раскопки на плато Мангупа, вынужден прибегать к цитированию материалов Е. В. Веймарна, полученных ещё в период кратковременных разведочных работ 1938 г.? Невольно создаётся впечатление, что за всё время проводимых им исследований так и не удалось получить убедительных материалов, подтверждающих его гипотезу о захвате и разрушении города летом 1395 г. войсками Тамерлана.

Ответ на данный вопрос, очевидно, содержится в предвзятом, заангажированном «чтении» (интерпретации) исследователем Мангупа не только «Сказания» Матфея, но и стратиграфии изучаемого им памятника. А. Г. Герцен, вероятно, находясь под «гипнозом обаяния» двух ярких письменных источников — строительной надписи 1361/62 г. и поэмы иеромонаха Матфея «Сказание о городе Феодоро», весьма приблизительно датируемой 1396 г., — пытается выдать желаемое за действительное. Плита с датой 1361/62 г. турмарха (?) Феодоро Хуйтани к возведению цитадели отношения не имеет⁴⁷, строительный горизонт этого

⁴⁷ А. Г. Герцен, делая критическое замечание в мой адрес, настаивает на том, что «данные археологических исследований в цитадели подтверждают нашу гипотезу о связи возникновения цитадели с содержанием упомянутой (1361/62 г.— В. М.) надписи. См. об этом ниже» [Герцен, 2003, с. 571, прим. 6]. Но сколько я ни смотрел «ниже», так до сих пор и не нашёл каких-либо археологических доказательств, подтверждающих правоту гипотезы уважаемого автора, а одних словесных заверений уже явно недостаточно. К тому же нет никаких реальных архитектурно-археологических материалов, свидетельствующих о существовании на месте дворца-донжона второй половины XV в. башни, «с высоты» которой Матфей в 1395 г. наблюдал панораму Мангупа (ст. 51–55), и затем якобы «поглощённой» при позднейшей реконструкции крепостного ансамбля цитадели. Вероятнее всего, Матфей поднимался на башню, располагавшуюся на самой оконечности мыса Тешкли-бурун (имеется в виду «Барабан-Коба» или комплекс № 1 по нумерации Е. В. Веймарна): «Поверху он венчался дозорной башней, руины которой могли видеть посетители ещё в начале прошлого века, сейчас от неё остались только вырубки в скале» [Герцен, 2003, с. 575].

В целом, читая комментарий А. Г. Герцена к путешествию Матфея по Феодоро в 1395 г., создаётся впечатление, что иеромонах совершает прогулку по виртуальному городу, т. к. существование какого-либо из «зримых» им объектов именно в конце XIV в. не доказано на основании материалов раскопок памятника. Даже цитадель города, которой А. Г. Герцен уделяет больше всего внимания, «возводится» в 1362 г. не на основании выявленного в ходе раскопок

времени в ходе раскопок А. Г. Герцена здесь не выявлен, как и не обнаружен на исследованной территории города слой его гибели в 1395 г. А иеромонах Матфей, прибыв на Мангуп в середине XV в., все равно описал бы его как «опустевший город», т. к. из 90 га площади плато застроенной было не более 10–15% его территории⁴⁸. В таком контексте, вероятно, и следует понимать им увиденное и сказанное в поэтической форме, но без особых претензий на полную историческую достоверность.

В опубликованной диссертационной работе «Крепостной ансамбль Мангупа» А. Г. Герцен пишет: «На наш взгляд, это мнение наиболее соответствует наблюдаемой на Мангупе ситуации. Нет ничего странного в том, что цитадель имела особое, отличное от города в целом название...» [Герцен, 1990, с. 146]. Чтобы не быть голословным, автор в подтверждение своего суждения приводит и результаты исследований памятника: «При раскопках у тыльной стороны куртины А цитадели была открыта строительная траншея (рис. 36), перекрытая слоем строительного мусора. В ней среди маловыразительной строительной керамики были найдены фрагменты неорнаментированной столовой посуды, покрытой зеленой поливой, **характерной для слоя XIV–XV вв.**» (выделено мной — В. М.) [Герцен, 1990, с. 146]. Однако на рис. 36, представляющим собой ущербную в графическом исполнении схему, «заполнение строительной траншеи» отнесено именно к XIV, а не к XIV–XV вв. [Герцен, 1990, рис. 36].

Как мне кажется, иную картину строительной периодизации цитадели Мангупа дали авторы раскопок (А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, С. А. Черныш) в своих отчётных материалах за 1995 г. Например, описываемый ими слой 3, представляющий собой «плотный грунт серого цвета, насыщенный мелким бутовым камнем, разложившемся известковым раствором. Представляет собой насыпь, протянувшуюся **вдоль куртины цитадели** и перекрывающую слой разрушения построек нижнего строительного яруса. Высота её до 1,30–1,00 м, ширина основания до 3,00 м,

и датированного на основе археологического материала строительного периода, а на предположении Р. Х. Лепера и поддержавшего данную гипотезу Н. И. Репникова о том, что цитадель есть не что иное, как «почтенная Пойка» надписи 1361/62 г. Решающим для исследователя в этом вопросе служит заключение эпиграфиста В. Н. Малицкого о территориальной неразрывности Пойки с Феодоро [Герцен, 1990, с. 146].

⁴⁸ А. К. Шапошников предлагает свой перевод поэмы и более позднюю дату её написания. Касаясь персонафикации автора «Описания города Феодоро», в комментарии к стихам он пишет: «Мы полагаем, что речь идёт о Матфее, посетившем уже опустошённый город Феодоро **столе-тием позже** (выделено мной — В. М.); следовательно, он путешествовал, по крайней мере, в последней четверти XV в. Впрочем, описанное им зрелище страшного разорения в обоих случаях могло быть одинаковым» [Фадеева, Шапошников, 2005, с. 230].

расстояние от верхушки до крепостной стены — 2,00–2,60 м. **Насыпь образовалась в результате выброса грунта из-под куртины для расчистки её основания с целью проведения работ по наращиванию внутреннего панциря стены... Массовым материалом слоя является керамика X–XV вв.** с незначительной примесью фрагментов раннесредневековых амфор, **время образования его относится к рубежу XV–XVI вв.**» (выделено мной — В. М.) [Герцен, Науменко, Черныш, 2007, с. 44].

Хронологически со слоем 3 непосредственно связано и образование слоя 4, представляющего собой рыхлый «грунт серого цвета, насыщенный обработанным и необработанным камнем различных размеров, известковым раствором, керамическим материалом XIII–XV с достаточно значительной примесью керамики и более раннего времени, особенно X–XIII... **Слой** зафиксирован по всей площади раскопа, перекрывает строительные остатки нижнего яруса и является, кроме того, **заполнением строительной траншеи куртины** (ширина её 0,50–1,00 м). Вышесказанное позволяет определить его как слой разрушения построек нижнего строительного яруса, **образовавшийся в последней четверти XV в. Засыть строительной траншеи хронологически синхронна со временем появления слоя 3 (рубеж XV–XVI вв.)**» (выделено мной — В. М.) [Герцен, Науменко, Черныш, 2007, с. 44].

Таким образом, исследователи цитадели Мангупа в 1995 г. пришли к заключению, что на рубеже XV–XVI вв. с внутренней стороны куртины проводились работы «по наращиванию внутреннего панциря стены». Материальным свидетельством строительной деятельности османов, нашедшей отражение в стратиграфии памятника, являются слои 3 и 4 рубежа XV–XVI вв. При этом слой 4 формирует заполнение строительной траншеи. Но при этом авторы статьи не забывают в очередной раз декларативно напомнить читателю о том, что «строительство крепостной стены цитадели и связанную с ним перестройку уже существовавшего жилого комплекса на участке, примыкающем к куртине, **на основании анализа полученного археологического материала и данных других источников (письменных, эпиграфических) можно отнести ко второй половине XIV в.**» (выделено мной — В. М.) [Герцен, Науменко, Черныш, 2007, с. 45]. Остаётся только сожалеть, что до настоящего времени так и не представлен реальный анализ «полученного археологического материала и данных других источников», на основании которых возведение цитадели Мангупа «можно отнести ко второй половине XIV в.».

Тем не менее, проведённые раскопки цитадели позволили дать общую строительную периодизацию памятника: «Полученный материал говорит о непрерывном существовании на исследуемом участке **застройки X–XV вв.**

Открытый жилой комплекс, в процессе своего функционирования, пережил **три строительных периода**. Первый (доцитадельный) связан с возникновением и существованием участка **поселения с достаточно плотной застройкой во второй половине X–XIII вв.**⁴⁹ Во второй половине XIV в. на мысе была сооружена цитадель. Одновременно произошла расчистка эспланады, во время которой пострадали культовые и хозяйственные сооружения, оказавшиеся перед крепостной стеной, подвергся существенной перестройке жилой комплекс у тыльной стороны северо-западной куртины. Последний строительный период рубежа XV–XVI связан с работами по укреплению крепостной стены (увеличение её толщины) в связи с появлением огнестрельного оружия, после прекращения функционирования построек нижнего яруса в конце XV в.» (выделено мной — В. М.) [Герцен, Науменко, Черныш, 2007, с. 46]. К этому следует, видимо, добавить и дополнительно выделенную А. Г. Герценом «реконструкцию цитадели», якобы осуществлённую в 20-е гг. XV в. князем Алексеем I (Старшим). Вот только на все три строительных периода оборонительной системы цитадели города Феодоро мы располагаем лишь одной стратиграфией с одинокой строительной траншеей XIV в., заполненной материалом XIV–XV или рубежа XV–XVI вв.⁵⁰

⁴⁹ Судя по данной публикации, авторы не сомневаются в существовании на территории цитадели культурного слоя (в тексте слой 5), строительных остатков и разнообразных артефактов XII–XIII вв.: «Массовым материалом является керамика X–XIII с примесью фрагментов позднеантичных и раннесредневековых сосудов. Важную роль для определения верхней даты слоя играет херсоно-византийская монета с монограммой «ро» первой половины XIII в., обнаруженная на полу помещения № 7, перекрытом вымосткой из мергелевых плиток» [Герцен, Науменко, Черныш, 2007, с. 44].

⁵⁰ В связи с рассматриваемым вопросом компилятивно и неубедительно выглядят «рассуждения» А. И. Айбабина, который, следуя в русле бездоказательных заключений А. Г. Герцена, пишет: «во время археологических раскопок на плато (Мангула — В. М.) не выявлен культурный слой XII–XIII вв. Возможно его уничтожили в процессе активных строительных работ, развернувшихся на плато в XIV в... О них говорится в происходящих с плато надписях. Очевидно, в 1360-е гг. ремонтируются оборонительные стены, башни и главные крепостные ворота, а на мысе Тешкли-Бурун восстанавливается цитадель. Она представляет собой трехэтажный дворец, к которому с двух сторон пристроены куртины, протянувшиеся до неприступных обрывов. Тогда же (в 60-е гг. XIV в.? — В. М.) реконструируется возведённая в раннее средневековое время трёхнефная базилика» [Айбабин, 2003, с. 282]. Т. к. за этими словами не стоит ничего оригинального и реального (например, А. И. Айбабин по незнанию отличил в архитектурно-строительных приёмах XIV и XV вв. пытается представить донжон цитадели Мангула второй половины XV в. как сооружение 60-х гг. XIV в.), подтвержденного стратифицированным археологическим материалом, то их можно оставить без критики. А. И. Айбабин также не успевает следить за переменами во мнениях А. Г. Герцена об очередном «изменении» архитектоники мангупской цитадели: «реконструкция (20-х гг. XV в.? — В. М.) крепост-

3. В 1978 г. к исследованию крупнейшего средневекового города не только Крымского полуострова, но и всего Северного Причерноморья — Солхата — приступила экспедиция Государственного Эрмитажа, которую возглавил М. Г. Крамаровский. За истёкшие годы систематических раскопок, ставших логическим продолжением исследований 1924–1928 гг. под руководством И. Н. Бороздина, на территории памятника частично или полностью изучены наиболее значимые монументальные архитектурно-археологические комплексы золотоордынского города второй половины XIII–XIV вв. — бывшей столицы Крымского улуса [Крамаровский, 1989, с. 141]. Однако в публикациях автора из раскопок Солхата представлены только единичные раритетные находки (в виде серебряных платёжных слитков — саумов, художественной поливной керамики и проч.), а среди архитектурных памятников города — скромная армянская церковь, незаслуженно названная исследователем «базиликой» [Крамаровский, 1980, с. 68–72; 1991, с. 69–143, рис. 6,1–3; 7,а,б,в; 8; 11,1–3; 2004, с. 68–76].

Проведённые Старокрымской экспедицией Государственного Эрмитажа архитектурно-археологические исследования позволили М. Г. Крамаровскому в своей первой обобщающей работе «Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв.» [Крамаровский, 1989, с. 141–154] выделить наиболее существенные периоды «исторического развития города XIII–XIV вв., жизнь которого протекала в условиях повседневного общения представителей трёх религиозных деноминаций — мусульманской, христианской и иудаистской» [Крамаровский, 1989, с. 141–142; 2. план-схема Солхата-Крыма на с. 152] (рис. 7). Исследователь пришёл к заключению, что на четвёртом этапе (охватывающем хронологический период с конца 80-х гг. XIV в. по первые десятилетия XV в.) населением Солхата «разрушения тимуровского погрома, по-видимому, оказались не преодоленными вплоть до конца XV в. (выделено мной — В. М.)» [Крамаровский, 1989, с. 154].

1.3.2. В поисках свидетельств письменных источников

Всегда интересно проследить путь, который проходит археолог-медиевист в поисках того или иного письменного источника, способного придать особую «историческую окраску» полученной им в ходе раскопок «совокупности материальных свидетельств». Следует признаться, что зачастую это невозможно сделать. И не только потому, что

ного ансамбля на мысе Тешкли-бурун **поглотила первоначальный донжон** (выделено мной — В. М.). Поэтому, если следовать «новой» датировке А. Г. Герцена, А. И. Айбабин берётся описывать здание дворца-донжона цитадели 20-х гг. XV в. как постройку начала 60-х гг. XIV в.

СОЛХАТ-КРЫМ В XIV-XV ВВ

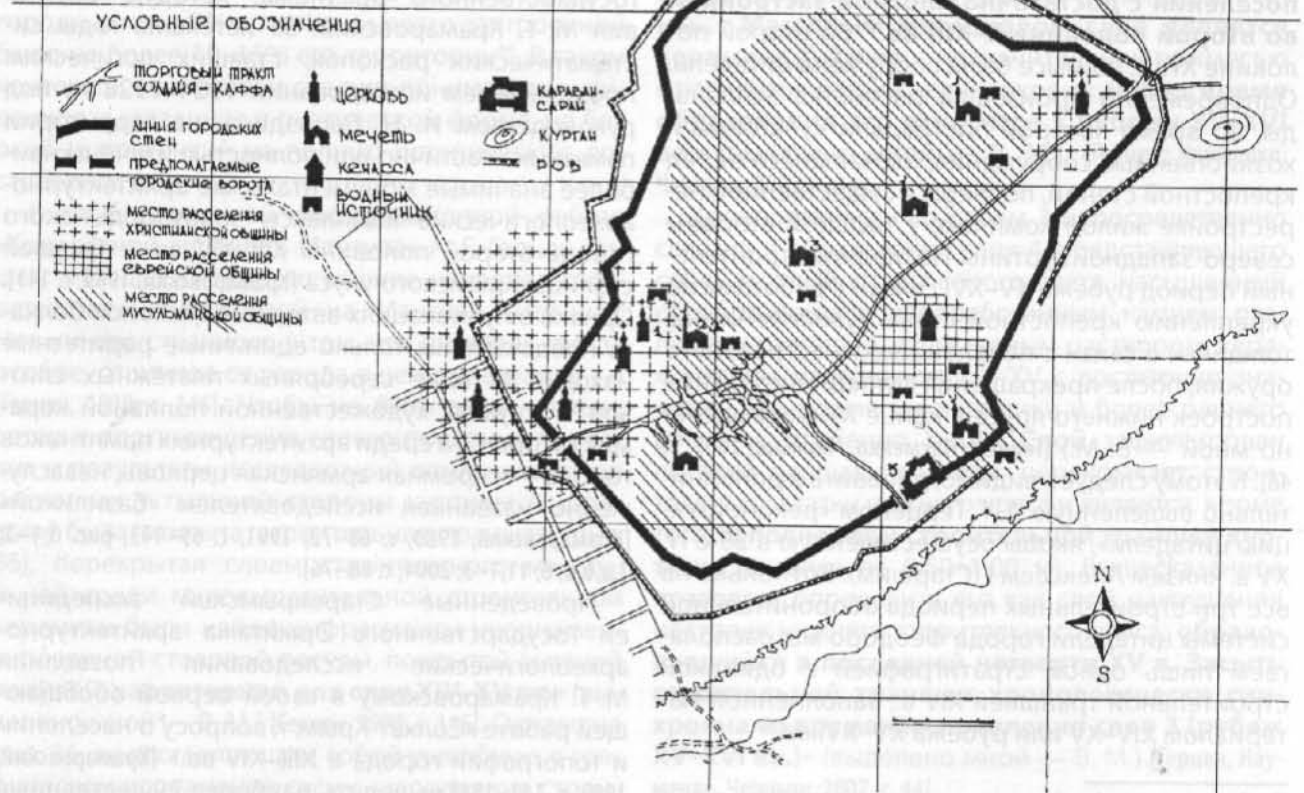


Рис. 7. План-схема Солхата-Крыма (по М. Г. Крамаровскому [1989, рис. 2])

путь сложен и долог, и что исторические и археологические источники «говорят на разных языках», а ещё и потому, что между ними порой невозможно установить не только прямую, но даже косвенную связь.

Обратимся к современным исследователям и интерпретаторам результатов прежних исследований Херсона, Мангупа и Солхата, попробуем пройти пройденный ими путь «сближения» археологической иллюстративной составляющей и отобранных ими для этого письменных свидетельств.

Как мы видели, трое исследователей (А. И. Романчук, А. Г. Герцен и М. Г. Крамаровский) солидарны в том, что Херсон, Мангуп и Солхат пострадали в 1395 г. от «нахлынувших» на территорию полуострова войск Тамерлана. Однако каждый из них пытается по-своему обосновать эту дату и предложить свои комментарии к источникам.

А. И. Романчук, как это уже было представлено выше, относит время образования слоя пожара и разрушения в портовом районе Херсона к 1395/96 г., когда на территории полуострова якобы появляется карательная экспедиция Тимура, действовавшая «против феодалов, выступивших на стороне Тохтамыша, в частности против укрепившегося в Крыму Таш-Тимура» [Романчук, 1982 с. 90; 1997, с. 280; 2000, с. 185 и др.]. Но при этом ни в одной из своих многочисленных работ

А. И. Романчук не даёт обоснования, почему ею выбран именно данный «эпизод» из истории Крыма XIV в. и имел ли он вообще отношение к судьбе Херсона. Не находим мы у А. И. Романчук и какого-либо анализа письменных источников, касающихся событий 1395/96 г. Исследовательница попросту ограничивается «глухой» ссылкой на работу 1973 г. Г. А. Фёдорова-Давыдова «Общественный строй Золотой Орды», делая к ней в монографии 2000 г. «Очерки истории и археологии византийского Херсона» дополнительное примечание: «Судя по данным раскопок в горных районах Юго-Западного Крыма, в этот же период пострадал от пожара Эски-Кермен (см.: Веймарн Е. В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ: Византия и её провинции. 1982. Вып. 19. С. 73)» [Романчук, 2000, с. 185, прим. 65]. Сразу отметим, что примечание сделано крайне неудачно. Наиболее поздняя из монет, обнаруженных в слое тотального пожара и разрушения Эски-Кермена, относится ко времени правления никейского императора Феодора II Ласкариса (1254–1258 гг.), а археологический материал из него идентичен находкам из слоя разрушения Херсона в последней четверти XIII в.

Вместе с тем, А. И. Романчук сосредотачивает своё внимание на спорах крымских иерархов конца XIV в. Но при этом делает акцент только на событиях 80–90-х гг. XIV в., лаконично отме-

чая, что до «80-х гг. XIV в. упоминания о херсонских иерархах редки: февраль 1340 г., сентябрь 1364 г.— участие в заседаниях Синода, 1356 г.— перевод из Ниссы в Херсон епископа Игнатия» [Романчук, 2000, с. 199]. Вероятно, поэтому от её внимания «ускользает» весьма важный эпизод из церковной истории Херсона XIV в., на который обратил внимание А. Л. Бертье-Делагард [Бертье-Делагард, 1920, с. 37], а вслед за ним и А. Л. Якобсон [Якобсон, 1950, с. 41]. Например, согласно данным Актов Константинопольского патриархата в июле 1365 г., а не в 1356 г., как пишет А. И. Романчук, вместо Кирилла кафедру митрополита Херсона получил Игнатий [Acta 1862, s. 475; Das Register 1981, s. 2499]. В сентябре того же года он находился в Константинополе, где принимал участие в заседаниях собора [Das Register, 1981, s. 2502]. До настоящего времени остаётся невыясненным вопрос, приступал ли Игнатий вообще к исполнению своих обязанностей иерарха Херсонской митрополии [Байер, 1995, с. 69]. Потому что с октября 1365 г. управление его епархией было передано митрополиту Готии почти на 14 лет (до 1379 г.) [Das Register, 1981, s. 2543].

Выше уже цитировался армянский источник, относящийся непосредственно к событиям военно-политического характера, происходивших на территории полуострова летом 1365 г., но оставшийся вне внимания А. И. Романчук. В нём упоминается и Херсон. Имеется в виду часоц, написанный в городе Крым 23 августа 1365 г., когда «...в пору многонародного волнения, так как вся страна от Керча до Сарукармана (Херсона — В. М.) здесь собралась...» [Саргсян, 2004, с. 153].

Для нас важна отражённая в источнике география происходивших в 1365 г. событий, охвативших весь полуостров — от Керчи на востоке до Херсона на западе. Причём часть населения (армяне и татары?) бежала из Херсона в Солхат в поисках защиты от грабежей и насильственной мобилизации в войско Мамаю. Таким образом, есть основание говорить, что война 1365 г. между Кутлуг-Тимуром и Мамаем затронула непосредственно и Херсон. На то, что после упомянутых в армянском источнике событий город опустел («обезлюдел») и переживал тяжёлый экономический кризис, косвенно указывают два факта: 1) отсутствие в Херсоне с 1365 по 1379 гг. митрополита; 2) после 60-х гг. XIV в. наступает длительный перерыв поступления в Херсон джучидских монет (данный период представлен единственной (?) монетой хана Абдуллаха).

Столь редкое созвучие письменных источников в их корреляции с монетами (в том числе и с наиболее младшим номиналом) даёт достаточно оснований предполагать, что Херсон в значительной степени мог пострадать летом 1365 г. от орды Мамаю. Представленные А. И. Романчук в статье поливные изделия указывают, что события, в результате которых произошло их отложение в

культурном слое памятника, не выходят далеко за пределы середины — 60-х гг. XIV в. Не противоречит такому выводу и датировка аналогичных изделий, ставших известными к настоящему времени. Более уверенно об этом можно было бы говорить, обладая полными сведениями о составе стратифицированного массового керамического материала из портовой части города в его сочетании с монетными находками⁵¹.

В отличие от А. И. Романчук, опирающейся в своих суждениях о событиях 1395 г. исключительно на научный авторитет А. Г. Федорова-Давыдова, А. Г. Герцен и М. Г. Крамаровский подошли более основательно к освещению данной темы, дополнительно обратившись не только к конъюнктурным реконструкциям событий, созданным историками XIX–XX вв., но и к свидетельствам письменных источников.

Например, А. Г. Герцен делает краткий экскурс по историографии рассматриваемого им вопроса: «Определению узкой даты нашествия войск Тимура было уделено немало внимания различными авторами. Сопоставляя довольно противоречивые известия арабских летописцев, можно установить, что после взятия Таны в устье Дона в **сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-дневной осады взяло Кафу (Эскалани). Эти события произошли в конце сентября — первой половине октября 1395 г. Осада и захват Феодоро остались вне поля зрения арабских источников**, но это не удивительно, так как центр экономической жизни уже со второй половины XIII в. переместился в восточную часть полуострова. Кафа и Крым (Солхат) были наиболее известными на мусульманском востоке городскими центрами на северном побережье Чёрного моря, к ним было приковано главное внимание. Однако **нашествие Тимура, естественно, должно было захватить и юго-западную часть полуострова, населённую в это время преимущественно христианами**. Именно по такому сценарию развивался в 1299 г.

⁵¹ Вместе с тем, вероятно, не следует исключать полностью из политического контекста юго-западного региона Крыма и события войны 1344–1346 гг., которая велась ханом Джанибеком против генуэзцев на территории полуострова. Весной 1345 г. татарское войско, повторно появившись у стен Каффы, не стало предпринимать попыток штурма города, а направилось к Чембало, где генуэзцы не успели достаточно хорошо укрепиться, занимаясь рытьём рва, насыпкой вала и установкой на его гребне частокола из брёвен. При приближении конницы жители Чембало, бросив всё, бежали в горы, а татары сожгли возведённые к тому времени оборонительные сооружения. Эти полуперендажные сведения, сообщаемые итальянским писателем конца XVIII в. В. Формалеони [formaleoni, 1789, II, cap. XXI], вполне подтвердились в ходе современного археологического изучения памятника [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, с. 32–35]. Поэтому можно только предполагать, что летом 1345 г., наряду с Чембало, от нападения татар мог в какой-то степени пострадать и Херсон, где в то время находилась генуэзская торговая фактория и католическая епископия.

рейд орды Ногая, вначале обрушившийся на Солхат, Кафу, Судак, а затем пронёсшийся, разоряя всё на своем пути, до Сары-Кермена (Херсона). **Эдигей, руководивший военными действиями в Крыму, мог уже к концу осени пойти по тому же маршруту. Исходя из исторических ориентиров,** трудно определить более узкую дату посещения разорённого города Матфеем» (выделено мной — В. М.) [Герцен, 2003, с. 577].

По ходу историографического экскурса автор делает ряд важных примечаний, призванных глубже раскрыть затронутую тему. К таковым относится и заключение, что «В. Д. Смирнов считал неверными сведения арабских историков о том, что Тимур лично приводил войска в Крым и сражался здесь с Тохтамышем, на самом деле крымской кампанией руководил эмир Эдигей (Идика)» [Герцен, 2003, с. 577, прим. 9].

После прочтения представленного текста создаётся впечатление, что А. Г. Герцен формально и поверхностно подошёл к освещению «крымского похода» Тимура, не замечая, что его исторические построения весьма близко напоминают то, что в своё время писал А. Л. Якобсон. Под «различными авторами», по-видимому, в первую очередь следует понимать работы Ф. К. Бруна, В. Д. Смирнова, А. А. Васильева, А. Ю. Якубовского, М. Г. Сафаргалиева, Г. А. Фёдорова-Давыдова, В. Л. Егорова и др. исследователей истории Золотой Орды, а под «арабскими летописцами», оставившими довольно противоречивые известия, — Ибн Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи, Ибн Шохбу ал-Асади и Ибн Хаджара ал-Аскалани. Хотя, как видно из представленного выше текста, А. Г. Герцен отдаёт предпочтение известному ориенталисту-историку XIX в. В. Д. Смирнову и одному из арабских летописцев — ал-Аскалани.

Более подробно свидетельства арабских авторов рассмотрим несколько ниже, а сейчас только замечу, что на основании их сообщений невозможно столь точно установить хронологию развития событий 1395 г., как это делает А. Г. Герцен⁵². Дело в том, что арабские летописцы, хотя и с некоторыми различиями, просто называют время возвращения посольства во главе с Тулуменом Алишахом ко двору султана Эззахыра: 18 сентября (ал-Макризи), 18 ноября (ал-Форат) и 17 сентября — 16 октября (ал-Асади) 1395 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 362, 442, 448; ЗОИ, 2003, т. I, с. 168, 197, 201]. Вполне вероятно, что Тулумен Алишах попал в Крым (Солхат), а затем в Каффу летом 1395 г.⁵³ Но всё-таки

⁵² Известные в письменных источниках расчёты времени передвижения между городами и реками на территории Улуса Джучи сделаны для купеческих караванов, а не для передвижения войск (см., например, сообщение ал-Омари [Тизенгаузен, 1884, с. 236–237; ЗОИ, 2003, т. I, с. 106]. Всадники перемещались намного быстрее и могли преодолевать в день от 60 до 100 км.

⁵³ В недавно вышедшей работе «Христианская община Мангула под властью турок» А. Г. Герцен, не давая каких-либо дополнительных пояснений, что именно повлияло на из-

трудно понять логику хронологических расчётов А. Г. Герцена, т. к. на этом основании невозможно сделать вывод, что именно «в сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-дневной осады взяло Кафу». При этом он ссылается на ал-Аскалани, который из всех арабских писателей имел о событиях 1395 г. самые смутные представления, т. к. указывает только год — «797 г.х.» (27 октября 1394 — 15 октября 1395 г.) (об этом см. ниже).

Фраза относительно развития сценария рейда «орды Ногая» 1299 г., «вначале обрушившейся на Солхат, Кафу, Судак, а затем пронёсшейся, разоряя всё на своём пути» (выделено мной — В. М.), до Сары-Кермена», очевидно, более достойна применения в краеведческой научно-популярной брошюре, рассчитанной на непосвящённого и эмоционально восприимчивого читателя. Зимний поход 1298/99 г. Ногая в Крым — тема отдельного разговора. А сейчас только отмечу, что мятежный беклярибек Токты не «обрушился» на Каффу, т. к. всегда покровительствовал генуэзцам. Длительный альянс Ногая с генуэзцами не остался незамеченным для Токты, и после «улаживания» государственных дел (полного подавления и уничтожения «партии» сепаратистов) в октябре 1307 г. он осадил Каффу. Её защитники (600 генуэзцев и греков) через 8 месяцев (20 мая 1308 г.) вынуждены были, сев на корабли, покинуть подожжённый ими город. Вернуться вновь на полуостров генуэзцы смогли только после смерти Токты и воцарения Узбека. А в 1298–1299 гг. генуэзцы были заняты войной с Венецией. Каффа в 1296 г. подвергалась нападению венецианского флота, а не нашествию «орды Ногая» в 1298/99 г. Карательная экспедиция Ногая, предпринятая им в конце 1298 г., проходила в обстановке гражданской войны, начавшейся между ханом Токтой и беклярибеком. Причём сепаратистские устремления Ногая не получили полной поддержки со стороны населения городов Таврики. Это и послужило основной причиной (в качестве повода явилось убийство внука Ногая Актаджи «в Кафе», а на самом деле в Солхате) организации похода для приведения к покорности населения полуострова. Рукн-ад-Дин Бейбарс (умер 4 сентября 1325 г.) — единственный из арабских историков, оставивший нам описание похода Ногая в Таврику. Но он явно не имел ясного представления о географии происходивших в далёком Крыму событий 1298/99 г., называя местом убийства Актаджи Каффу, а не Солхат (Крым)⁵⁴.

менение хронологии событий, относит захват и разрушение Феодоро войсками Тимура к более раннему времени, т. к. «Последствия этого наблюдал иеромонах Матфей летом 1395 г.» [Герцен, 2007, с. 27].

⁵⁴ В. Г. Тизенгаузен в переводе неверно заполнил одну из лакун в последнем предложении, указывающую на место действия, поставив вместо города Крым город Каффу. Вместе с двумя приписками, помещёнными В. Г. Тизенгаузену в примечаниях (№ 17, 18), текст главы, названной

К сюжету, связанному с разрушением Солхата войсками Тимура в 1395 г., М. Г. Крамаровский более подробно обращается в статье «Джучиды и Крым: XIII–XV вв.» [Крамаровский, 2003, с. 506–525]: «Видимо, правление Таш-Тимура продлилось до прихода в Крым отрядов Тимура сразу же после победы на Тереке в 1395 г. (выделено мной — В. М.): Ибн Дукмак и Ибн ал-Форат, заимствовавший свои сведения у Ибн Дукмака, говорят о 18-дневной осаде отрядами Тимура Каффы [Тизенгаузен, 1884, с. 330, 364], а Шериф ад-дин Езди — о сожжении Азова [Тизенгаузен, 1941, с. 180]». Затем исследователь, ссылаясь на работу 1844 г. некоего «В. Малиновского» (на самом деле автором опубликованной в ЗООИД рецензии на книгу польского исследователя А. Пржздецкого был В. Ливинский), высказывает предположение: «Весьма

в «Летописи Бейбарса» «Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногай, в Кафе (Крым — В. М.)» будет выглядеть следующим образом: «В 698 году /9 октября 1298 — 27 сентября 1299 г./ было убито в городе Кафе (г. Крым — В. М.) упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив Токту, овладел областями /его/ и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его || (прим. 17) потому что он /Токта/ (Ногай — В. М.) подарил ему /Ногаю?/ (Актаджи — В. М.) его /Крым/; тот /Актаджи/ отправился туда, и вместе с тем (с ним — В. М.) эмир по имени Эльтабрас, сын Касра (?), да войско приблизительно в 4000 всадников||. Тот пришёл в Кафу, а это город /принадлежащий/ Генуэзским Франкам, между Стамбулом и между Крымом, и потребовал от её жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что для еды и вино для питья. Он поел да выпил вино, и одолело его опьянение. Тогда они /жители/ напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногай, деда его, который отправил в Крым огромное войско || (прим. 18) в обществе Маджи, одного из эмиров ||. Оно ограбило его /город Кафу/ (Крым — В. М.), сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нём купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман (Херсон — В. М.), Кырк-Иери (т. е. Чуфут-Кале), Керчь и другие» [Тизенгаузен, 1884, с. 111–112; 30И, 2003, т. I, с. 61].

Если принять во внимание явную ошибку «Летописи Бейбарса», связанную с заменой в тексте города Крым — столицы провинции одного из улусов государства Джучи — на генуэзскую Каффу, то получится вполне логичный и информативный сюжет: «Об умерщвлении Актаджи, сына дочери Ногай, в [Крым]». В 698 г.х. было убито в городе [Крым] упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив Токту, овладел областями /его/ и послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его, потому что он [Ногай] подарил ему [Актаджи] его /Крым/; тот /Актаджи/ отправился туда, и вместе [с ним] эмир по имени Эльтабрас, сын Касра (?), да войско приблизительно в 4000 всадников. Тот пришёл в [Крым] [...] и потребовал от [его] жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что из еды и вино для питья. Он поел да выпил вино, и одолело его опьянение. Тогда они /жители/ напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногай, деда его, который отправил в Крым огромное войско в обществе (во главе, в сопровождении?) — В. М.) Маджи, одного из эмиров. Оно ограбило его /город [Крым], сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нём купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Иери, Керчь и другие».

вероятно, что **наместником Солхата в период тимуровских потрясений был второй сын Кутлубуги Синан** (*Dominus Sinan, Filius Chotiubei*) [Крамаровский, 2003, с. 521]».

Как видим, М. Г. Крамаровский не может определить, кто же на самом деле являлся наместником Солхата «в период тимуровских потрясений» — Таш-Тимур или Синан? Но представленные ранее источники вполне определенно указывают на то, что сын Кутлубуги Синан в 1394 и 1398 гг. выполнял дипломатические миссии, являясь, по-видимому, послом Тохтамыша к Витовту. Чингизида Таш-Тимур-оглана мы встречаем в 1391 г. в составе армии Тохтамыша в «местности Кундурче» [30И, 2003, с. 348]. В апреле 1395 г. перед сражением на Тереке среди знатных лиц правого крыла Улуса Джучи упомянут и Таш-Тимур-оглан. При этом ни в одном из сражений не отмечено участие Синана. Таким образом, вопрос о наместнике Солхата в первой половине 90-х гг. XIV в. должен быть решён в пользу Таш-Тимура. Причём именно ему историографическая традиция без каких-либо убедительных доказательств незаслуженно навязывает роль противника Тохтамыша. Это опровергает не только участие Таш-Тимура вместе с Тохтамышем в двух сражениях с Тимуром, но также и специально организованное Тимуром преследование эмиром Османом, отступающих к Днепру Таш-Тимура и Актау.

Затем М. Г. Крамаровским делается лаконичное и точное замечание, что «едва ли не все сведения арабских источников о тимуровском погроме в Крыму восходят к сообщениям египетского посла к Тохтамышу эмира Тулумена Алишаха, согласовавшего было вопрос о не состоявшемся военном союзе против Тимура. Тот же Ибн ал-Форат, после передачи известия о тимуровской кампании в Крыму, очень скупо сообщает, что уже в 1396 г. войска Тохтамыша снова осаждают генуэзскую Каффу» [Крамаровский, 2003, с. 521].

Весь сюжет, посвящённый пребыванию войск Тимура в 1395 г. на территории полуострова, М. Г. Крамаровский завершает: «**Солхат-Крым, пострадавший ещё в тимуровскую кампанию**, весь двадцатилетний период владения Едигея так и не вышел из состояния стагнации (по свидетельству Иоанна де Галонифонтибуса, в начале XV в. (1404 г. — В. М.) большая часть города всё ещё лежала в развалинах)» [Крамаровский, 2003, с. 522].

Как видим, исследователь не приводит каких-либо доказательств из числа материалов многолетних раскопок памятника, а в собственной интерпретации опирается исключительно на «свидетельства» письменных источников. Например, тот же Иоанн де Галонифонтибус прямо не говорит о том, что причиной запустения Солхата, большая часть которого и в его время «лежала в развалинах», явилось именно нашествие войск Тимура [Иоанн де Галонифонтибус, 1980, с. 14].

Если бы М. Г. Крамаровский более внимательно прочитал извлечения из сочинения Шерефад-дина Езди «Книга побед», то заметил бы, что после разгрома на Тереке преследуемые эмиром Османом «Баш-Тимур-оглан и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища [спасения] в бегстве, ушёл в Рум и поселился на равнине Иераяка, где находится и до сих пор. Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских» [ЗОИ, 2003, с. 357–358]. Сторожевым отрядом Тимура командовал эмир Осман, который «в местности Манкерман ограбил Бек-Ярык-оглана» [ЗОИ, 2003, с. 357].

Увлёкшись грабежами, преследователи упустили Таш-Тимура и Актау, дав им и их людям возможность переправиться через Днепр. Зная о том, что в Крыму нет тумана Актау и Таш-Тимура, эмир Осман пошёл на север, а не на юг. Таким образом, в 1395 г. Солхат, как и весь улус, опустел не от мнимого нашествия войск Тимура, а оттого, что вместе с Актау и Таш-Тимуром из Крыма ушло и подвластное им население.

Большинство исследователей, касаясь заключительного этапа войны Тимура с Тохтамышем в 1395/96 гг. и её последствий для Крыма, обычно ограничивались ссылками на очень близкие по содержанию сообщения «Летописей» Ибн Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи, Ибн Шохбы ал-Асади и Ибн Хаджар ал-Аскалани [Золотая Орда в источниках, 2003, т. I, с. 154, 168, 197, 201, 204, далее ЗОИ, 2003, т. I]. При этом сами источники крайне редко цитировались. В большинстве случаев сразу предлагалась интерпретация «известных событий». Наиболее полное отражение комплекса разнообразных письменных источников (сообщений арабских и персидских авторов, русских летописей и польских хроник), повествующих о войне 1395 г. между Тохтамышем и Тимуром, её политических и экономических последствиях для Улуса Джучи, можно найти не у В. Д. Смирнова, которого так любят цитировать исследователи средневекового Крыма, а у А. Ю. Якубовского [Якубовский, 1998, с. 249–296].

В. Д. Смирнов, работая над «Историей Крымского ханства» во второй половине 80-х гг. XIX в., имел в своём распоряжении не только изданный в 1884 г. первый том В. Г. Тизенгаузена, содержащий «извлечения из арабских авторов», но и отдельные фрагменты из сочинений персидских историографов. Причём сам В. Д. Смирнов весьма скептически относился к достоверности сведений, сообщаемых арабскими летописцами о событиях в Орде и допускаемой ими «хронологической путанице, бывшей последствием недостаточности сведений о происходившем в Деште-Кыпчаке и в Крыму...» [Смирнов, 2005, с. 144]. Поэтому, касаясь последствий войны 1395 г., он писал: «Некоторые из арабских историков сообщают при этом, что разбитый Тохтамыш бежал в

земли русские, а Тимур-Ленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, взял её и разорил». Далее исследователь, со ссылкой на Ф. К. Бруна, заключает: «Но они ошибаются в этом случае: **предание о том, что Тимур-Ленк, сражаясь с Тохтамышем, лично проник в Крым, признано теперь неверным**» (выделено мной — В. М.) [Брун, 1879–1880, I, с. 232]. Возможность ошибки со стороны арабов по части сведений о судьбе Тохтамыша явствует из самого разночтения их между собой. Ибн-Хальдун, например, прямо сознается, что «затихли известия о нём (о Тимур-Ленке) на некоторое время, но потом, в 797 = 1394–1395 году пришло известие, что султан Тимур одержал победу над Тохтамышем, убил его и завладел всеми землями его»; тогда как положительно известно, что Тохтамыш окончательно был поражен в 1399 году... У другого араба, ал-Аскалани, вышел такой курьез: в 798 = 1395–1396 году, говорит он, «был убит тюрк Тохтамыш-хан, владетель земли Дештской, после поражения его Ленком; убил его один из татарских эмиров, по имени Темир-Кутлу», а в следующем, 799 = 1396–1397 г., будто бы «произошло великое сражение между (убитым-то) Тохтамыш-ханом, владетелем земли Дештской и между генуэзскими франками» [Смирнов, 2005, с. 143].

В. Д. Смирнов, по-видимому, был первым, кто привлёк и свидетельства османских историков, также повествующих о событиях 1395/96 гг. Особую популярность среди исследователей средневекового Крыма (см., например, работы А. Л. Якобсона и А. Г. Герцена) получил турецкий историк середины XVII в. Печеви. Ссылаясь на Алты-Пармака и «вторично коснувшись вторжения Тимура во владения татарские», Печеви повествует так: «Урус-хан стал было ханом; но против него выступил Тохтамыш-хан. Тот был прогнан и, нашед прибежище у Тимур-Ленка, был причиной нашествия Тимура на Дэшт и-Кыпчак. **Два или три раза он приходил с несметными войсками в Дэшт и Крым** и эти населённые владения, погранные копытами скотов грабительского войска татарского, сравнялись с землею...» (выделено мной — В. М.) [Смирнов, 2005, с. 150]. Как видим, Печеви в своём сообщении необычайно лаконичен и ничего нового и конкретного, кроме дополнительной эмоциональной нагрузки, не даёт. В основе знаний Алты-Пармака о войнах между Тохтамышем и Тимуром явно лежат сведения арабских летописцев.

Но вместо дальнейшего цитирования рассуждений классика исторической науки предлагаю обратиться к самим источникам, чтобы дать возможность читателю составить собственное мнение о характере и степени достоверности их повествования.

Например, в летописи Ибн Дукмака, озаглавленной «Драгоценная жемчужина в жизнеописании халифов и султанов» [Тизенгаузен, 1884, с. 315; ЗОИ, 2003, т. I, с. 150], события войны между Тимуром и Тохта-

мышем в 1395 г. освещены следующим образом: «В 797 году [27 октября 1394 — 15 октября 1395 гг.] произошло сражение между Тимурленком и Тохтамышханом; окончилось оно поражением Тохтамышхана, который после поражения своего бежал в землю Русских; всё [это произошло] во время пребывания [в Типчаке] гонца султана [Египетского] Эльмелик-Эззахыра, т. е. эмира Тулумен-Алишаха. Услышав о поражении [Тохтамышша], он уехал из Сарая и прибыл [сперва] в Крым [т. е. Солгат], **потом в Кафу, владетель которой** не позволил ему отправиться [в Египет] до тех пор, пока не **взял с него 50 000 дирхемов**. Тогда он разрешил ему [отъезд] и отправил его да ходжу Измаила, и бывших с ними двух лиц в Самсум. Здесь они оставались до тех пор, **пока подтвердились у них известия о том, что Тимурленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, взял и ограбил её**. В это время прибыли упомянутые лица в Египетские земли и рассказали об этом [султану]» (выделено мной — В. М.) [Тизенгаузен, 1884, с. 329–330; ЗОИ, 2003, т. I, с. 154].

У Ибн ал-Фората (1334/35 — 1404/5 гг.) в «Летописи царств и царей» [Тизенгаузен, 1884, с. 351; ЗОИ, 2003, т. I, с. 164], содержащей сведения за 1107–1397 гг., читаем: «В четверг, 23 джумадиэльэввеля 796 года [26 марта 1394 г.] прибыли в Дамаск богохранимый послы Тохтамышхана, вступившего на престол Узбек хана в странах Кипчакских. Султан Эззахыр пригласил их к себе и они поднесли ему привет и послание его [Тохтамышша], содержащее просьбу, чтобы султан и он были одной рукою на мятежника-злодея Тимурленка.

В субботу, 2 дзульхиддже 797 года [18 ноября 1395 г.] явился к высочайшему двору эмир Тулумен Алишах, который ездил послом к царю Тохтамышхану, вместе с ходжей Медждеддином Исмаилом. Он сообщил султану Эззахыру, что был у Тохтамышхана и что он обещал ему всего лучшего. В это самое время пришло известие, что Тимурленк идёт на него [Тохтамышша]. Тогда он [Тохтамышш] отправился [в поход] и двинулся со своими войсками, [но] ему изменил один из его приближенных и перешёл к Тимурленку. Затем они встретились и бились три дня. Тохтамыш был разбит и бежал в земли Русских. Во всё это время Тулу[мен] находился в Сарая. Когда пришло известие о поражении [Тохтамышша], то он [Тулумен] уехал и направился в Крым, а оттуда в Кафу. **Владетель её [Кафы] не разрешил проезда ему и бывшим с ним, но он [Тулумен] дал ему 50 000 дирхемов**, и он [владетель Кафы] дозволил ему [уехать]. Тогда он [Тулумен], ходжа Исмаил и бывшие с ним переправились в Самсуни пробыли в Самсуне до тех пор, когда **пришли известия, что Тимурленк овладел Крымом, осаждал Кафу 18 дней, взял её и разорил**. Затем эмир Тулу[мен], ходжа Исмаил и бывшие с ними явились к высочайшему двору и сообщили об этом.

В субботу, 16 джумадиэлахыра 799 года [17 марта 1397 г.] к высочайшему двору, в Мыср

богохранимый, пришло известие, что кан **Тохтамышхан**, государь стран „Северные степи“ сидевший на престоле Беркехана в землях Кипчакских, собрал войска и **пошёл на владетеля города Кафы**, лежащей на берегу Крыма [и] принадлежащей Генуэзским Франкам, что **между ними произошло сражение и что кан Тохтамышхан приступил к осаде её**» (выделено мной — В. М.) [Тизенгаузен, 1884, с. 363–364; ЗОИ, 2003, т. I, с. 168].

Близкую, но более краткую версию излагает и Абулаббас Ахмед Таки ад-Дин ал-Макризи (родился в 766 г.х. [28 сентября 1364 — 17 сентября 1365 гг.], а умер в 845 г.х. [22 мая 1441 — 11 мая 1442 гг.]) в «Книге путей для познания династий царских» [Тизенгаузен, 1884, с. 417; ЗОИ, 2003, т. I, с. 190]: «В субботу, 2 дзульхидджа 797 г. [18 сентября 1395 г.], прибыл эмир Тулумен Алишах, ездивший к Тохтамышхану, [и сообщил], что после того, как он согласился с ним [Тохтамышшем] воевать против Тимура, Тимур выступил в поход против него [Тохтамышша], что последний пошёл на него и бился с ним 3 дня, но был разбит Тимуром и ушёл в землю Русских. Тогда **Тулумен** выехал из Сарая в Крым и **отправился в Кафу, правитель которой захватил его, чтобы этим снискать расположение Тимура [и держал его у себя], пока не взял с него 50 000 дирхемов. Тимур же занял Крым и Кафу и разорил её**» (выделено мной — В. М.) [Тизенгаузен, 1884, с. 442; ЗОИ, 2003, т. I, с. 197].

Менее всех последователен и противоречив в своём сообщении («Извещение неразумных о детях века») Ибн Хаджар ал-Аскалани (23 февраля 1374 — 22 февраля 1449 гг.) [Тизенгаузен, 1884, с. 449; ЗОИ, 2003, т. I, с. 203]: «В 797 году [27 октября 1394 — 15 октября 1395 гг.] между Тохтамышханом и Тимурленком произошли сражения, в которых победа осталась за Тимурленком. Он отправил сына своего в Гилян и овладел им. Тохтамышхан бежал в землю русских. **Потом он [Тимур] направился в Крым и овладел им, затем в Кафу, которую он также взял и разорил**. Прибыли [в Египет] с этим известием послы Эльмелик-Эззахыра, которых он посылал к Тохтамышхану в дзульхиддже; старший из них назывался Тулу. Они сообщили, что Тохтамышхан напал на Ленка вскоре после ухода от него, что часть приверженцев Тохтамышша покинула его, что он был разбит, что Тулу бежал [сначала] в Сарай, потом направился в Крым, а затем в Кафу и [оттуда] в Самсун, и что **до них дошло известие, что Ленк овладел Крымом, обложил Кафу, осадил её и завладел ею**. Тулу же употребил все средства, чтобы прибыть в Каир.

В этом же году произошло сражение между Тохтамышшем и Тимурленком; битва продолжалась три дня. Потом Тохтамыш был разбит и ушёл в землю Русских. **Тимурленк [же] овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, потом занял и разорил её**.

Об умерших в 798 г. [16 октября 1395 — 4 октября 1396 гг.]. В этом (?) году был **убит Тюрк Тохтамышхан**, владетель земли Дештской после по-

ражения его Ленком. Убил его один из Татарских эмиров по имени Темиркутлу.

В 799 г. [5 октября 1396 — 23 сентября 1397 гг.] произошло великое сражение между Тохтамышханом, владетелем земли Дештской, и между Генуэзскими Франками» (выделено мной — В. М.) [Тизенгаузен, 1884, с. 204; 30И, 2003, т. I, с. 204].

Несколько иначе об этом сказано в летописи «Извещения по истории людей ислама» главного кадия Дамаска Ибн Шохбы ал-Асади (1377 — 1446–1448 гг.) [Тизенгаузен, 1884, с. 443; 30И, 2003, т. I, с. 200], который вообще не упоминает о захвате и разорении Каффы войсками Тимура: «В дзульхидже 797 года [17 сентября — 16 октября 1395 г.] прибыл в Египет Эмир Тулумен Алишах, ездивший к царю Тохтамышхану. Он сообщил султану, что виделся с Тохтамышем, и что последний обещал ему всего лучшего; в это самое время дошло до него [Тохтамыш] известие, что Тимурленк идёт на него, и он [Тохтамыш], сев на коня, двинулся в поход со своими войсками, но один из эмиров его изменил ему и ушёл к Тимурленку. Потом они встретились и бились три дня. Тохтамышхан был разбит и бежал в земли Русских. Всё это время Тулу[мен] находился в Сарая, но когда до него дошло известие о поражении [Тохтамыш], то он отправился [сперва] в Крым, а потом в разные стороны, пока до него не дошло известие, что Тимурленк овладел Крымом. Тогда Тулу[мен] направился в Египет и сообщил об этом [султану]» [Тизенгаузен, 1884, с. 448; 30И, 2003, т. I, с. 201].

Все арабские источники явно следуют в русле единого протографа, которым являлось, вероятнее всего, официальное сообщение о посольстве эмира Тулумена Алишаха, отправленного египетским султаном Эльмелик-Эззахыром к Тохтамышу для обсуждения совместных действий против Тимура. При всей подкупающей эпиграфической лаконичности и «конкретике фактов», данная версия содержит откровенно тенденциозные и ошибочные сведения об осаде и разорении Тимуром золотоордынского Крыма (Солхата) и генуэзской Каффы (Ибн ал-Форат, ал-Макризи, Ибн Хаджар ал-Аскалани). Весьма симптоматично, что они не подтверждаются как латинскими и армянскими документами того времени, так и данными археологических исследований этих городов. Ни сам Тулумен Алишах, ни сопровождавшие его лица не были свидетелями захвата Тимуром Крыма, осады и разорения Каффы, т. е. их сообщения основываются только на «полученных известиях» — слухах.

Ещё болеестораживает и вызывает недоверие к свидетельствам арабских летописцев (Ибн-Дукмака, Ибн ал-Фората, ал-Макризи) сообщение о баснословной взятке в 50 000 дирхемов, якобы данной Тулуменом Алишахом «владетелю Каффы». Очевидно, что о получении такой суммы «за проезд» египетского посольства не подозревал и сам консул Каффы 1395 г. Элиано Чентурионе (*Eliano Centurione*) [Balard, 1978, p. 903].

Иначе представляют ход событий и последствия войны между Тимуром и Тохтамышем в 1395/96 гг. писатели, близкие к правителю Самарканда. Так, в сочинении «Чудеса преодоления в судьбах Тимура» у Ибн Арабшаха (1388–1450 гг.) [Тизенгаузен, 1884, с. 455; 30И, 2003, т. I, с. 205], посещавшего в своё время и Крым (Солхат), в рассказе о перипетиях кампании 1395 г. кратко отмечено, что «передовые войска его [Тимура] дошли до Азака, и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и [все] эти края...» (выделено мной — В. М.) [30И, 2003, т. I, с. 211].

Получивший известность благодаря своей пышной риторике (из-за чего Тимур забраковал его труд), Гийасаддин 'Али в сочинении «Дневник похода Тимура в Индию» удивительно лаконично описывает события 1395/96 г.: «Последовал приказ отправиться на границы Дашт и Кипчака и в другие области Туктамыш-хана от Сарая и Астрахани до Крыма и земель франков. И [вся] эта беспредельная страна была очищена от сопротивления противников [его величества] и освобождена от смуты [его] недругов» [Гийасаддин 'Али, 1958, с. 57]. На основании сообщения данного автора невозможно прийти к заключению, что Тимуром были завоеваны Крымский улус и земли франков.

Более подробно действия войск Тимура в 1395/96 гг. на территории Золотой Орды описаны в сочинении персидского автора Низам-ад-дина Шами в «Книге побед», который в 1401/2 г. по личному поручению Тимура приступил к составлению истории его царствования (подробнее об авторе и истории написания его книги см. [30И, 2003, т. I, прим. на с. 307]): «Преследуя правое крыло войска врагов в сторону реки Узи, Тимур снова повёл войско в набег (илгар) и, дойдя до реки Манкерман в стороне реки Узи, разграбил область Бек-Ярыка и всё хозяйство их, кроме немногих, которые спаслись. Таш-Тимур-оглан и Атаку (Актау — В. М.) ушли в сторону врага и достигли местности Уйматай. Повернув обратно от реки Узи, войско, которому повинуются мир, настигло Бек-Ярыка и, прижав к реке Тан, стеснило и обессилило его... Мирза Мираншах, сделав набег на врагов, вернулся со стороны Азака. Тимур, дойдя до крепости Азак, взял всю ту область и сжег их дома. Выделив мусульман тех областей, он отпустил их, а неверных тех областей всех предал смерти...» (выделено мной — В. М.) [30И, 2003, т. I, с. 307].

Ещё один персидский автор Шериф-ал-дин Йезди (умер в 1454 г.) в своём сочинении, также названном «Зафар-наме» («Книга побед» — закончена в 1424/25 г. в Ширазе) (более подробно об авторе и его книге см. [30И, 2003, т. I, прим. на с. 367]) наиболее детально описывает западный поход Тимура в Дешт и-Кипчак после разгрома Тохтамышя в 1395 г.: «Направляясь против правого крыла улуса Джучихана, он двинулся в ту беспредельную степь к реке Узи и в сторожевой отряд назначил эмира Османа, который, взяв

проводников, отважно отправился в путь. **Дойдя до реки Узи**, он в местности Манкерман ограбил Бек-Ярык-оглана и некоторых из находившихся там людей улуса узбекского и большую часть их покорил, так что лишь немногие и то с одной лошадей смогли спастись. **Баш-Тимур-оглан** (Таш-Тимур-оглан — В. М.) и **Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами.** Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и **оттуда туман Актау, ища [спасения] в бегстве, ушёл в Рум и поселился на равнине Иераяка** (Исакчи или Добруджи? — В. М.) **где находится и до сих пор. Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских.** Подобные небосводу войска на берегу реки Тана еще раз окружили Бек-Ярыка; спереди у него оказалась река-кровопийца, сзади отважное войско. Дойдя до Карасу (г. Елец — В. М.), одного из городов русских, они разграбили весь город внутри и снаружи. Бек-Ярык-оглан дошёл до полного изнеможения и бессилия... Мирза Мираншах, Джеганшах-бахадур и другие эмиры — темники и тысячники повернули назад, со своими войсками вторично произвели набег на правое крыло Джучиева улуса и, придя туда, уничтожили Бек-ходжу и других эмиров со всем улусом онкол [правой руки], убивая, забирая в плен и разоряя. Города Сарай и Урусчук они также ограбили и весь улус и области подчинили своей власти... Тимур двинулся на Москву, которая также один из городов русских. Прибыв туда, победоносное войско [его] также опустошило всю ту область, вне города, разбило и уничтожило всех эмиров тамошних... Могущественный Тимур, взяв проводника, отправился оттуда в Бальчимкин. Когда он достиг крепости Азака, мирза Мираншах с бывшим при нём войском, пройдя по берегу реки Тан и ограбив неприятеля, присоединился там к царственному поезду. Последовал обязательный приказ, чтобы в Азаке мусульман отделили от прочих общин и отпустили, а всех неверных предали мечу джихада и, ограбив дома их, сожгли... Победоносное знамя выступило оттуда [из Азака] и двинулось к Кубани. Черкесы сожгли луга, которые находятся между Азаком и Кубанью...» [ЗОИ, 2003, т. I, с. 357–359].

Как видим, две представленные в письменных источниках версии похода Тимура, принципиально отличаются. В «египетской» версии после бегства посольства из Сарая фигурируют два крупнейших города, расположенных на территории полуострова, — Крым (Солхат) и Каффа, якобы захваченные и разграбленные войсками эмира за «18 дней». В то же время, в «самаркандской», наиболее близкой к Тимуровой версии, «крымская» часть «похода» вообще не упоминается. Отмечено лишь движение войск эмира Османа, посланного в погоню за Таш-Тимур-огланом и Актау, до реки Узи, т. е. Днепра. Случайно ли это различие?

До настоящего времени, путём искусственного и не достаточно критичного объединения обеих существующих версий, выстраивалась «реконструкция всего похода» 1395/96 гг. Тимура в юго-западных владениях Золотой Орды. Вероятнее всего, «египетская» версия была создана, чтобы оправдать перед общественным мнением дипломатические неудачи Тулумена Алишаха и его спутников, поспешность бегства из городов Крыма (Солхата) и Каффы, а также понесённые затраты (но не в 50 000 дирхемов), которые можно было объяснить только непосредственной «близостью смертельной опасности» со стороны войск Тимура. Вместе с тем, совершенно очевидно, что историографы Тимура, описывая его поход и прекрасно зная о Крымском улусе Золотой Орды, не могли упустить из виду пребывание хотя бы части войска на полуострове, захват и разорение его столицы Крыма (Солхата) и ещё одного крупнейшего города Причерноморья — генуэзской Каффы. Тем более что об этом «эпизоде», как было отмечено выше, красноречиво умалчивают армянские и латинские письменные источники.

К тому же, несмотря на многолетние археологические исследования, ни на одном из памятников средневекового Крыма до сих пор так и не был обнаружен хотя бы один закрытый комплекс конца XIV в. (1395 г.). Поэтому утверждения А. И. Романчук, А. Г. Герцена и М. Г. Крамаровского о том, что якобы в 1395 г. войсками Тимура (или его «креатуры» Идигея) оказались разрушены Херсон, Мангуп и Солхат-Крым, основаны на старой историографической традиции, а не на археологических материалах и комплексном изучении нарративных источников. После 1391 г. называть Идигу креатурой Тимура некорректно, т. к. Идигу вместе с Кутлук-Тимуром под предлогом «сбора своего народа» покинули ставку эмира на р. Кундурче и более к нему не возвращались. Сведения о них отсутствуют в источниках до 1397/98 г., когда Кутлук-Тимур и Идигу вступают в открытую борьбу с Тохтамышем за власть в Орде.

Таким образом, «крымский поход» Тимура в 1395 г. является вымыслом историографов египетского султана. Столь же бездоказательны «сообщения» арабских летописцев об осадах и походах Идигу и Тохтамыша на Каффу в 1396–1397 гг. Странно, но почему-то жители генуэзской фактории так и не заметили бурных военно-политических событий, якобы происходивших непосредственно под их стенами, когда город на протяжении трёх лет (1395–1397 гг.) «подвергался осадам», а один раз (в 1395 г.) даже был «захвачен» и «разорён».

В завершение, вероятно, следует специально акцентировать внимание на ряде важнейших моментов в политических событиях, происходивших

в Северном и Северо-Западном Причерноморье во второй половине XIV в., и их последствиях, нашедших отражение как в разнохарактерных источниках того времени, так и в историографии.

1. В начале 50-х гг. XIV в. (1352/53 гг.?) для усиления власти Орды на западных границах Джанибек направляет в междуречье Дуная и Днепра своего беглербека Кутлубугу, приступившего к строительству столицы улуса — Шехр ал-Джедида = Янгишехра (городище Старый Орхей). На этой территории также располагаются кочевья ещё двух орд, Темирбега и Хаджибега, являвшиеся, если доверять сообщению поздней летописи, «братьями» Кутлубуги. После смерти Бердибека в 1359 г. в Орде начался период внутреннего хаоса и феодальных междоусобиц 60–70-х гг. XIV в., в которых Кутлубуга, Хаджибег и Темирбег не принимали активного участия, т. к. были заняты борьбой с набирающими силу Молдавским и Русско-Литовским княжествами.

Поводом для вооружённого конфликта между Литовско-Русским государством (князем Ольгердом) и Кутлубугой явилось изгнание из Киева в 1361/62 г. ставленника Орды князя Фёдора, а из других мест (Подолья) баскаков, что привело к переходу под временный протекторат Литвы обширных территорий Юго-Западной Руси, дававших ранее «выход в Орду». Соединение войск трёх орд западного улуса (Кутлубуги, Хаджибега и Темирбега) произошло у Синих Вод на пограничной территории (рис. 2), где располагалось золотоордынское поселение. Целью планировавшегося похода татар, видимо, являлся Киев как административно-политический центр региона. Ольгерд нанёс упреждающий удар и выиграл сражение. Затем он предпринял рейд к устью Днепра

(«Белобережью»), разоряя зимники и стойбища орды Хаджибега. В то же время (?) орда Темирбега переправляется через Дунай и расселяется в степной части Добруджи. Причины этого переселения до конца не выяснены. Было ли это вызвано временным вытеснением татар в 1363 г. из междуречья Днепра и Южного Буга на запад (орды Хаджибега), что привело к сокращению пастбищ, или существовали другие причины (например, ссора с Кутлубугой и Хаджибегом?), неизвестно. Однако с 1363 по 1380 гг. (?) орда Темирбега кочевала в Добрудже на территории, находившейся под юрисдикцией короля Венгрии.

Участие Кутлуг-Тимура в столкновении с Ольгердом источниками не отмечено. Наоборот, вести о разгроме татар на Синей Воде и продвижении войск Ольгерда к «Белобережью», достигнув Крыма, вызвали панику в Солхате, который к тому времени не был укреплен. Поэтому, получив тревожное сообщение, жители столицы Крымского улуса по приказу ордынского наместника Кутлуг-Тимура начали возводить по периметру города фортификационные сооружения в виде рва и вала.

В результате победы 1363 г. Литве удаётся закрепиться на границе со степью, восстанавливая старые и возводя новые укрепления. Во время конфликта между Кутлубугой и Ольгердом Мамай с ханом Абдуллахом, видимо, находился в Поволжье, куда они отправились из Азака в 1362 г. и были заняты борьбой за сарайский престол. Появление орды Мамаев в Среднем Поднепровье, вероятно, относится только к концу 1363 г. Этим может объясняться возможность длительного рейда, проведённого Ольгердом в район «Белобережья» после сражения на Синей Воде. Местом своей ставки Мамай выбирает расположенное на

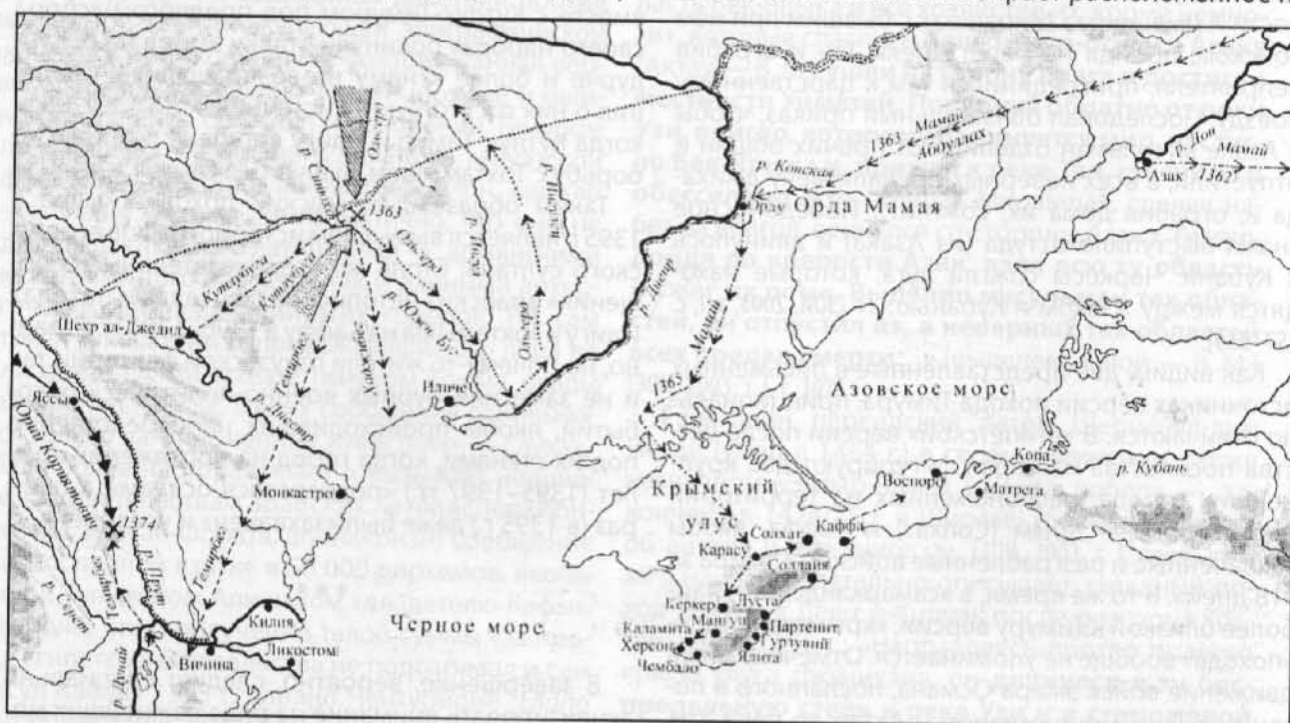


Рис. 8. Крым в 1362–1365 гг.

левом берегу Днепра урочище Улу-Улуг (Кучугурское городище), где им основывается город Орду (рис. 2). Здесь, начиная с 1364 г., производится чеканка монет марионеточного (мамаевского) хана Абдуллаха.

Появление орды Мамаю в Среднем Поднепровье меняет соотношение политических сил в регионе. Кутлубуга признаёт сюзеренитет Абдуллаха и в Шехр ал-Джедиде (Янгишехре), в том же 1364 г. выпускаются монеты с его именем. К этому времени, по всей видимости, происходит урегулирование конфликта между ордынским наместником Кутлубугой и Ольгердом. На это может указывать выпуск в Киеве (с 1364 г.) монет с монгольской «плетёнкой» (так называемый «узел счастья»). Компромисс между противоборствующими сторонами, вероятнее всего, основывался на том, что ордынцы не посылали в Подолье своих баскаков для сбора дани, а её выдачу осуществляла местная администрация («атаманы») по распоряжению правящих князей. Об этом недвусмысленно свидетельствует грамота подольского князя Александра Кориятовича 1375 г., предписывающая неукоснительно давать дань («выход») в Орду серебром, как это было ранее (1364 г.) при его брате Юрии Кориятовиче. После установления новой системы даннических отношений каких-либо столкновений между татарскими ордами Кутлубуги и Хаджибега с Ольгердом в источниках не упоминается.

В 1374 г. молдавский престол занял подольский князь Юрий Кориятович, который пришёл с «литовской» дружиной. Этот год был необычайно засушливым. Наступившая к концу лета (?) бескормица вынудила орду Темирбега переправиться на левый берег Дуная и кочевать вверх по течению в междуречье Прута и Серета. Продвижение его орды в северном направлении побудило Юрия Кориятовича выступить против Темирбега. Данное событие нашло краткое отражение в русско-литовской летописи, где под 1374 г. сказано: «Того же лета в сенине (осенью — В. М.) ходила Литва на татарове, на Темеря и быжешь межи их бой» [ПРСЛ, VIII, стб. 106].

2. К 1365 г. Мамаю удалось включить в состав своих владений обширные территории, располагавшиеся между Дунаем и Волгой. Монеты с именем Абдуллаха чеканились в Азаке, Орду и Шехр ал-Джедиде. Но в то же время, судя по всему, монетный двор Солхата (Крыма) практически бездействовал. Вероятно, это является косвенным свидетельством конфронтации, возникшей между наместником Крымского улуса Кутлуг-Тимуром и Мамаем. Армянский источник (от 23 августа 1365 г.) делает данное предположение вполне возможным. Наиболее вероятной причиной конфликта между Мамаем и Кутлуг-Тимуром можно считать попытку наместника Крымского улуса выдвинуть своего претендента на ханский престол в Орде.

К лету 1365 г. между генуэзской Кафрой и золотоордынским Солхатом возникла политическая напряженность в отношениях, которая переросла в военные столкновения. Кутлуг-Тимур попытался блокировать Каффу со стороны суши. В ответ на это генуэзцы 19 июля высаживаются в порту Солдайи и овладевают городом, учинив в нём погромы мусульман и иудеев. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, в конфликт между Солхатом и Кафрой вмешивается Мамай. Прошло немногим более месяца, и его войско появляется на полуострове, избрав местом ханской ставки не Крым-Солхат, а Карасу (Карасу-Базар) (рис. 8). В окружении Мамаю оказывается младший брат Кутлуг-Тимура Сарыака («Сарайка» в русских источниках). Кутлуг-Тимур вынужден был бежать вместе со своим гаремом (?). Это событие, вероятнее всего, относится к августу 1365 г., что нашло отражение как минимум в трёх кладовых комплексах (Нейзацком, Симферопольском и Алуштинском), маркирующих маршрут бегства (рис. 8). После победы над Кутлуг-Тимуром Мамай утверждает в должности наместника Крымского улуса своего сторонника Ага-Мухаммада.

Таким образом, после подчинения Крымского улуса, где располагались богатые генуэзские фактории, 1365 г. является пиком военно-политических успехов Мамаю в Северном и Северо-Западном Причерноморье. Теперь в состав подчинённых ему территорий входят земли, принадлежавшие ранее Улусу Джучи, от Дуная на западе до Волги на востоке. Это позволяет Мамаю существенно пополнить численность своего войска. Только из Солхата, в результате проведённого оргнабора, он уводит вместе с обозом 2000 мужчин.

Однако уже в 1367 г. Кутлубуга и Хаджибег разрывают с Мамаем (формально с Абдуллахом) отношения. Причины разрыва остаются не выясненными. Имеющиеся источники позволяют отметить только его последствия. Хаджибег в 1367 г. получает ярлык от сарайского хана Пулад-Тимура. В это же время в Шехре ал-Джедидит и ещё в одном золотоордынском городе, наименование которого до сих пор остаётся неизвестным (географически он расположен в районе современных Костешт, примерно в 60 км к югу от Старого Орхеля), начинается выпуск анонимных пулов без имени хана Абдуллаха, но с арабским титулом «эмир» и нечитаемыми именами правителей. Вероятно, Кутлубуга и Хаджибег, номинально признав сюзеренитет столичного хана Пулад-Тимура, организуют выпуск от своего имени медных монет, обращавшихся на ограниченной территории. По-видимому, с 1367 г. и до момента разгрома Мамаю на Куликовом поле (8 сентября 1380 г.) Кутлубуга и Хаджибег находились в оппозиции к Мамаю, что, как показывают источники 80-х гг. XIV в., не осталось незамеченным Тохтамышем.

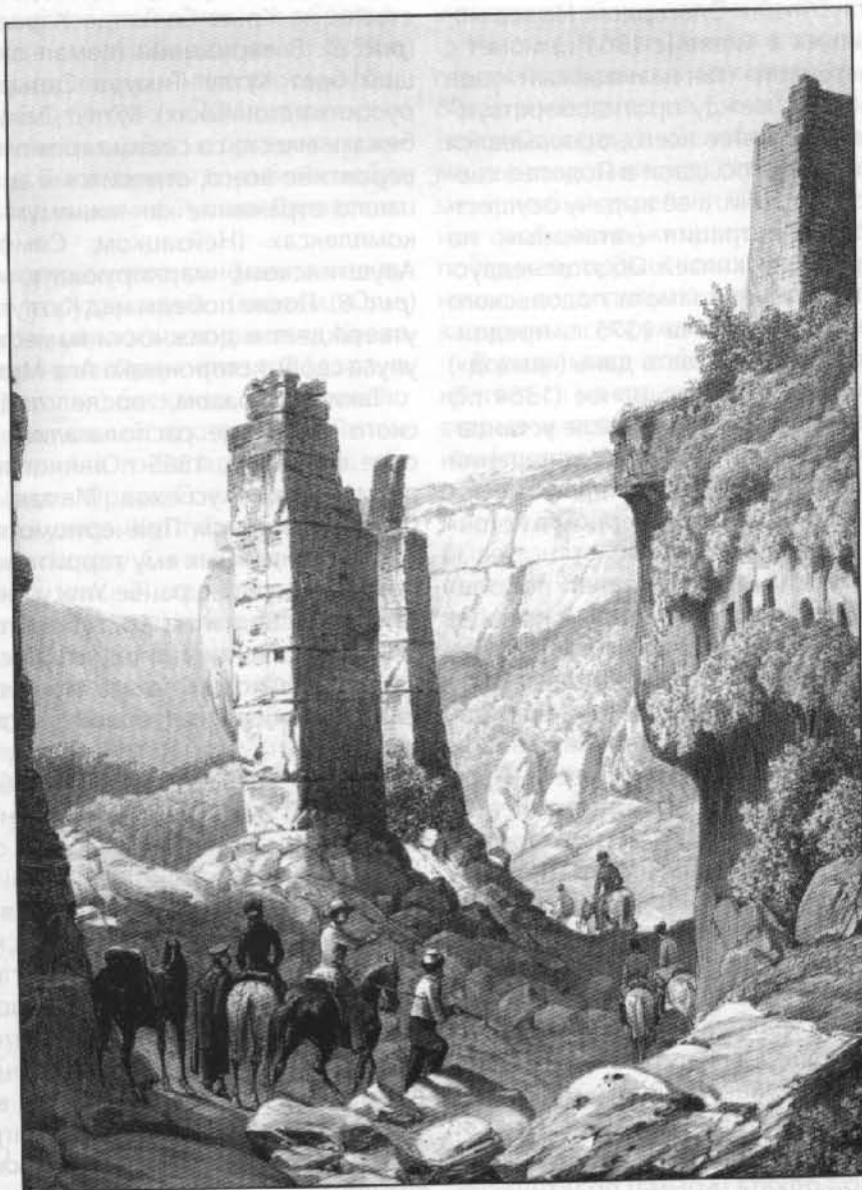


Рис. 9. Главные ворота Мангупа-Феодоро (Рисунок середины XIX в. М. Вебеля, по [Мальгина, 2006, № 248])

В следующий раз на полуострове Мамай появляется только осенью 1374 г., когда в его орде начинается эпидемия и эпизоотия из-за необычайно сильной засухи. Массария Каффы демонстрирует многочисленные расходы на приём послов Мамаю: дарит подарки и проводит обеды в их честь и по случаю пребывания в «Орде» представителей Генуи. Но, несмотря на внешнюю толерантность татаро-генуэзских отношений, Мамай уже в следующем (1375?) году отбирает у генуэзцев захваченные ими летом 1365 г. 18 селений округа Солдайи и те пункты Готии, где они к тому времени учредили свои консульства (Лусту, Партенит, Гурзувий, Ялиту). Таким образом, за генуэзцами в 1375 г. из всех новых территориальных приобретений остаётся только город Солдайя, а её сельская округа и прибрежная Готия оказались вновь возвращены под юрисдикцию наместника Солхата (Ага-Мухаммада). На этот раз военного столкновения между татарами и генуэзцами не произошло, а конфликтная ситуация была разрешена мирным путем.

3. Поражение и гибель Мамаю, подчинение Крымского улуса Золотой орды Тохтамышу позволяют генуэзцам заключить с татарами два практически идентичных договора (от 28 ноября 1380 г. и 23 февраля 1381 г.), согласно которым к Коммуне Генуи переходят 18 селений округа Солдайи и «казалии Готии». Но после столь блестящих дипломатических успехов генуэзцев отношения между Солхатом и Кафгой стремительно ухудшаются, что приводит к состоянию вооруженного конфликта в 1385–1386 гг. Инцидент оказался исчерпан только 12 августа 1387 г. подписанием нового договора. По нему ордынская администрация в лице наместника Солхата Кутлубуги должна была признать все территориальные приобретения лигурийцев, подтвердить обязательства чеканки качественных монет, и в этом случае между сторонами устанавливался «вечный мир». Следует отметить, что, действительно, до 1434 г. Солхату и Каффе удаётся избегать прямых военных столкновений.

4. Серия неудачных военных столкновений Тохтамыша с Тимуром (1387–1395 гг.) поставили Улус Джучи на грань катастрофы. Долгое время господствовавшая в историографии версия о походе войск Тимура в 1395 г. в Крым и о разгроме им важнейших городских центров полуострова (Солхата, Каффы, Феодоро и Херсона) основывалась исключительно на «слухах» и «известиях», доставленных дипломатической миссией Тулумена Алишаха ко двору египетского султана. Она не подтверждается независимыми персидскими источниками, а также какими-либо документами местного (крымского) происхождения. Кроме того, именно на территории этих средневековых городов, несмотря на многолетние археологические исследования, не выявлены закрытые комплексы 1395 г. Столь же бездоказательны фи-

гурирующие в историографии «походы» Идигу и Тохтамыша на Каффу и «сражения с генуэзскими франками» 1396–1397 гг. Ещё более сомнительна военная акция Идигу на территории полуострова в 1399 г., т. к. она не имеет каких-либо подтверждений в источниках.

Тохтамышу удалось временно восстановить свою власть в Орде и формально сохранить единство государства после поражения на Тереке в 1395 г. Однако уже в 1397/98 г., потерпев поражение от Кутлук-Тимура и Идигу, он был вынужден бежать в Литву к Витовту и искать у него поддержки для возвращения на престол Улуса Джучи. Разгром Кутлук-Тимуром и Идигу в 1399 г. на р. Ворскле объединённого татаро-христианского войска явился заключительным аккордом в политической карьере Тохтамыша как государственного лидера.

5. Об участии в политических событиях, происходивших на территории Крыма и за его пределами в 40–90-х гг. XIV в., не только «княжества», но и города Феодоро, имеющиеся в нашем распоряжении источники умалчивают. Весьма показательны, что ни один из известных латинских документов (например, массарии Каффы 1374 и 1379–1381 гг., в том числе и договора 1380, 1381 и 1387 гг.) не упоминает ни Феодоро, ни кого-либо из представителей власти этого города. Поэтому весь так называемый «раннефеодоритский» период истории, с попытками отыскать «правящих князей», является историографической мифологемой, создававшейся исследователями на протяжении XIX–XX вв. исключительно путём ретроспективных конъюнктурных построений.

О существовании города Феодоро в XIV в. сегодня достоверно известно только из трёх эпиграфических (обнаружены в конце XIX — начале XX вв.) и одного нарративного источника. Среди них наиболее ранним является строительная надпись турмарха (?) Хуйтани 1361/62 г., повествующая о восстановлении Феодоро и почтенной Пойки. Посвятительная надпись 1383(?) г. носит частный характер и сообщает, по-видимому, об эпизоде столкновения населения Юго-Западного Крыма с проникшими на территорию полуострова татарами Пулад-хана. Организатором успешного отражения татарской конницы назван некий выходец из Пойки. Третий эпиграфический памятник свидетельствует об организации строительных работ сотником Чичикием (Цицикием) во время «царствования Тохтамыша». Хотя он может быть датирован в широких пределах — 1380/81–1397/98 гг., но наиболее вероятным следует считать время 1395/96–1397/98 гг. Ни одна из данных надписей не найдена *in situ*, а поэтому их пока не удаётся убедительно связать с каким-либо из конкретных строений города Феодоро 60–90-х гг. XIV в.

Несмотря на многолетние археологические раскопки на плато Мангупа, проводимые А. Г. Герценом с 1975 г., находки XIV в. в его публикациях

представлены единичным фрагментом позднеантичной поливной чаши и упоминанием трёх монет (Токты, Узбека и Абдуллаха). Ещё 9 джучидских пулов остались неопределёнными [Герцен, 2005, с. 35]. На столь скудном опубликованном археологическом фоне экскурсионный маршрут, разработанный А. Г. Герценом специально для «путешествия Матфея по территории Мангупа-Феодоро в 1395 г.», выглядит абсолютно бездоказательным. Исключение могут составить только естественные источники, изливающие «воды весьма сладчайшие», колёсная дорога и более древние главные городские ворота, хорошая сохранность которых подтверждается рисунком первой половины XIX в. (рис. 9). Столь же неубедительным является постулируемый исследователем «захват и разрушение города войсками Тамерлана» в 1395 г.

Вместе с тем, не вызывает сомнений, что на плато Мангупа в 60–90-х гг. XIV в. феодоритами осуществляются восстановительные работы и проводится новое строительство, формируется инфраструктура города. Об этом сообщают, по крайней мере, два эпиграфических памятника. Но, по-видимому, в это время как турмарх (?) Хуй-

тани, так и гекатонтарх Чичикий являются местными представителями власти, утверждёнными в своих должностях («хазара» = тысяцкий и «сада» = сотник) ордынской администрацией Солхата. Судя по всему, город Феодоро в данный период ещё не получил тех автономных прав, которые позволяли бы ему принимать деятельное участие в решении территориальных вопросов, представляя интересы населения Готии. Эта прерогатива безраздельно принадлежит Солхату, поэтому татары передают селения Готии генуэзцам, даже не привлекая феодоритов к переговорному процессу. По всей видимости, на протяжении 60–90-х гг. XIV в. в тени татаро-генуэзских отношений происходит образование и государственное структурирование третьей политической силы на полуострове, с которой уже в первом десятилетии XV в. будут вынуждены считаться магистраты Каффы, принимая послы господ Феодоро и отправляя им подарки. В отличие от XIV в., именно XV столетие демонстрирует пёструю мозаику письменных документальных и материальных свидетельств, отражающих основные этапы истории государства Феодоро и его правящей элиты.



КАФФА И ФЕОДОРО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV ВЕКА

2.1. Начальный этап правления господина Готии Алексея I (Старшего) (1411–1421 гг.). Первый вооружённый конфликт между Кафзой и Феодоро в 1422–1423 гг.

История ранних лет правления господина Готии Алексея I (Старшего) (1411–1421 гг.), его начальных внешнеполитических приоритетов, и первый вооружённый конфликт между Кафзой и Феодоро в 1422–1423 гг. являлись предметом специальных исследований Н. Йорги, В. Василиу, Н. Бэнеску и А. А. Васильева [Jorga, 1899, p. 21–39; Vasiliu, 1929, p. 299–336; Banescu, 1935, s. 20–37; Vasiliev, 1936, p. 200–205]. В дальнейшем эта тема оставалась практически вне внимания специалистов, занимавшихся изучением средневекового Крыма [Карпов, 1995 б, с. 17, прим. 34]. Хотя совершенно очевидно, что без детального рассмотрения истории данного периода невозможно прийти к правильному пониманию и оценке политических событий, происходивших на полуострове в последующие годы (1424–1441 гг.) [Мыц, 2005, с. 257–268]. Об этом свидетельствуют публикации ряда авторов, совершенно не учитывавших в своих построениях особенности этих событий [Чиперис, 1961, с. 291–307; Филипенко, 1996, с. 146–149], либо касавшихся их поверхностно [Иванов, 1997, с. 46–48].

2.1.1. Начало правления владетеля Феодоро Алексея I (Старшего) (1411–1421 гг.)

В своё время А. А. Васильев отмечал, что первые документированные свидетельства генуэзских источников о правителе Феодоро Алексее I (Старшем) относятся к июлю 1411 г. [Vasiliev, 1936, p. 201]. Позднее Дж. Пистарино обратил внимание на документы Каффы, написанные нотарием городской коммуны 1410–1412 гг. Джованни Лабаино (*Giovanni Labaino*), которые, хотя и были частично опубликованы А. Винья ещё в XIX в., тем не менее оставались вне поля зрения исследователей [Pistarino, 1981, p. 62]. В одном из документов, датированном 27 июня 1411 г., говорится о том, что «господин Кириалеси из Теодоро (*dominus Chirialesi de lo Tedoro*) направил в качестве прокуратора¹ священника Алцеси из Теодоро (*papa Alcesi de lo Tedoro*)» для заключения договора с коммуной Каффы [Pistarino, 1981, p. 62].

Но уже 8 июля 1411 г., согласно записи в массарии Каффы, говорится, что официалами фактории был приготовлен подарок господину Феодоро Алексею (*pro exenio facto Alecxi, domino de lo Tedoro*) стоимостью 1121 аспр [Jorga, 1899, p. 21; Vasiliu, 1929, p. 303–306; Vasiliev, 1936, p. 201].

Для нас более раннее указание является чрезвычайно важным, т. к. может свидетельствовать о неизвестном имени предшественника Алексея. Хотя, на первый взгляд, при сравнении упоминаний двух генуэзских документов 1411 г. создаётся впечатление ошибочности в более ранней записи имени правителя Феодоро — «Кириалеси» вместо «кир Алексей». Но это вполне допустимое заключение требует основательно аргументированных доказательств.

¹ Надо полагать, что здесь под «прокуратором» (лат. *procurator*) подразумевается «представитель», «поверенный», «уполномоченный».

Есть ли у нас основания считать, что нотариий (скриба) курии Каффы Джованни Лабаино, состоявший при консуле, ведший дипломатическую переписку, в том числе с правителями грекоязычных Причерноморских государств (а к ним относилась и Готия), всегда лично присутствовавший на переговорах, не знал (или записал на слух) имя владельца Феодоро? При этом нотариий создал нелепую по смыслу тавтологическую конструкцию: «господин (*dominus*), господин (*kip* = κῆρσιον) Аlesi» (*Alesi* вместо *Alexxi*). Джованни Лабаино также должен был не знать, что греческое κῆρσιον является латинским эквивалентом *dominus*. По принятой в гетуэзской латыни норме, «кир» (господин) писалось *ihir*, а не *chiri*, и наряду с такими популярными греческими терминами как «карат» (*iharat*) и «коммеркий» (*commerihium*), широко использовалось при составлении деловых документов на протяжении всего времени пребывания латинян на берегах Понта [Пономарёв, 2000, с. 346–347].

И если следовать в русле подобного логического заключения, то знающий латинский язык нотариий написал бы «*dominus Alexxi*» (как это сделал, например, скриба массарии через 11 дней (8 июля), фиксируя затраты на покупку подарка для Алексея) или «*ihir Alexxi*», но не «*dominus chiri Alesi*». Не кажется ли всё это странным и некорректным, в особенности, если считать Джованни Лабаино «малограмотным» нотарием, служившим в магистратуре, при которой состоял ещё скриба, умеющий хорошо писать и говорить по-гречески?

Как в таком случае быть с именами, начинающимися с литер «lh/k» — *lherihi*, *lhirchin*, — отмеченными в массарии Каффы, даже принимая во внимание некоторые исключения (например, *Kirchin*, *Kirmanolli*, *Chirchor-Circhos*, *Chirasent*, *Chiriaxi* и др.), где «ih» содержится не в самом имени, а префиксе «kir» [Пономарёв, 2000, с. 347, прим. 46]? Подобного казуса не отмечено за последующие 64 года в истории Феодоро. Гетуэзцы ни разу за 35 лет не обратились и не назвали Алексея *Chirialesi* или *ihir Alexxi*. Для них он (как и его преемники) всегда *domino (dominus) Alexxi*².

В. П. Кирилко высказал предположение, что за именем Кириалеси может скрываться про-

² Следует также отметить некоторое сходство в звучании имени Кирилеси с рядом топонимов окрестностей Мангупа: долина, простирающаяся к северу от средневекового города — Каралезская; сёла, расположенные здесь, Юхары-Каралёз и Ашага-Каралёз [Паллас, 1999, с. 64–66]. Происхождение топонима Каралёз (Каралес) П. С. Паллас связывал с именем Кара-Иляз (т. е. Чёрный Илья) [Pallas, 1801, s. 104–109]. При этом он отмечал наличие имени Кара Ιουσοφ у поздневизантийских писателей (*Cara Jusuf, id est niger Jsephus*) [Pallas, 1801, s. 109; Кеппен, 1837, с. 249]. Однако столь «прямолинейная» интерпретация в формообразовании *Chirialesi* = Кириалеси = Кара-Ильяс не выглядит убедительной, потому что нотариий-латинянин (с ономастикой народов Причерноморья лигурийцы были хорошо знакомы с 70-х гг. XIII в.) написал бы *Chara (Chera, Kera)* — *Ellias* (как, например, *Cara, Caram, Keracia, Keribegi, Kerih, Kera Erigni, Caraiha u m. d.*) [Пономарёв, 2000, с. 347, 374].

звище «Чёрный Алексей». Однако ономастика средневекового Крыма, учитывая пребывание здесь и западно-кавказских (адыгских) элементов [Мыц, 1991б, с. 81–82; Кирилко, 1999, с. 139–140; Байер, 2001, с. 74] (об этом говорит и популярность имени *lharchassius* = Черкес [Пономарёв, 2000, с. 347]), отражённая в топонимике как горной, так и равнинной части полуострова [Бушаков, 2003, с. 163; Бубенков, 2004, с. 30–31], пока изучена крайне слабо. Многие строятся попросту на уровне догадок и предположений. Можно только сказать, что в перечне имен «ih/k» нет ни западноевропейских, ни греческих (*Caihibec, Caihic, Calaihi, Canaihi* = *Canachi*).

Хотя, по-видимому, следует привести пример из римско-греческой ономастики первых веков н. э. — полное имя легата и пропретора Мезии Секста Веттуления Кериалиса³. Причём в провинциально-римской ономастике имя Кериалис было широко представлено в формах *Cerialis, Caerialis, Cerialivs, Cerialia, Cerialius* [Onomasticon provinciarum Europae Latinarum, 1999, s. 51].

Поэтому, пока не будут найдены дополнительные источники, данное имя корректнее читать так, как оно написано Джованни Лабаино — *Chirialesi* = Кириалеси, оставляя его под знаком вопроса. Здесь, как и в случае с ещё одним господином Готии — Кейхиби или Чейхиби (*Cheihibi*) [Assini, 1999, p. 15], какие-либо определения этнолингвистического характера (содержания) могут быть ошибочными.

Ранее, в мае 1411 г., магистраты Каффы посылают в Команию с дипломатической миссией Джорджо Торселло⁴. К кому конкретно из правителей Орды (к Едигею — Идигу?) и с какой целью он был направлен, неизвестно. Вероятно, власти Каффы проводят переговоры с ханом Тимуром (Темюром), занявшим престол в Золотой Орде в 813 г.х. (6 мая 1410 — 24 апреля 1411 гг.) после Пуллада [Сафаргалиев, 1996, с. 525], разгромившего в 1410 г. Тану. Сопоставление данных итальянского источника с известиями мусульманских авторов позволяет отнести время начала правления Тимура (сына Тимур-Кутлука и зятя Едигея) к началу 1411 г. (до 24 апреля 1411 г.).

В том же году Джорджо Торселло со специальной миссией отправился в Готию, где встретился с

³ Известен как один из четырех офицеров, участвовавших в осаде и захвате Иерусалима в 69/70-х гг. н. э. под командованием Тита, первый римский губернатор Иудеи, отмеченный в 74/75–78/79 гг. н. э. жителями Херсонеса бронзовой статуей [Трейстер, 1999, с. 122–123, кат. 5(26)].

⁴ «*pro Georgio Torsello, transmissio in Comania <...>*» [Jorga, 1899, p. 25; Vasiliev, 1936, p. 202, n. 3]. Х.-Ф. Байер, на мой взгляд, неверно интерпретирует топонимический анахронизм, отражённый в латинском источнике и представленный в форме «Комания» (т. е. Дешт и-Кипчак = «Половецкая степь»), произвольно заменяя его на Готию: «... Название „Комания“ любопытно в то время. Мы помним, что аль-Идриси в XII в. локализовал район куман между Ялтой и Херсоном (см. гл. 11), так что, возможно, топонимом «Comania» обозначено нечто иное, как Готия» [Байер, 2001, с. 206].

владельцем Феодоро⁵, за что ему массария выплатила 100 аспров [Jorga, 1899, p. 22]. В данном случае, когда неизвестна точная дата визита Джорджо Торселло на Мангун, трудно установить, с кем из упоминаемых под 1411 г. правителей Феодоро он вёл переговоры — Кириалеси или Алексеем.

А. А. Васильев, рассматривая события этого года, сопровождавшиеся довольно частым обменом послов между Феодоро и Каффой, а также принятым в таких случаях подношением даров, высказал предположение, что внимание генуэзцев в этот период было обращено к Готии в связи с началом правления Алексея. Понимая, насколько важно поддерживать дружеские отношения с новым князем, Каффа отнеслась к нему с большим почтением [Vasiliev, 1936, p. 202]. В таком случае поездка Джорджо Торселло к Алексею могла состояться в июле (?) 1411 г., т. е. уже после возвращения генуэзского посла из Орды.

В одном из документов, датированном 26 августа 1411 г., сообщается о выплате некоторой суммы послу «к Алексею» (при этом его имя не указано)⁶. Осенью того же года (24 октября) в Каффе находился Кеассий, прибывший от господина Феодоро: массарией фактории послу ассигновано 50 аспров, и ещё 260 аспров выплачено за одеяние, которое он получил⁷.

В последующие девять лет генуэзские источники не отмечают каких-либо активных политических контактов между Каффой и Феодоро. Вполне вероятно, что этот пробел обусловлен отсутствием опубликованных документов или их утратой. Например, в составе так называемого Секретного архива Генуи — *Diversorum Filze* — в двух «связках» содержатся документы соответственно за 1375–1398 и 1420–1477 гг., а период 1399–1419 гг. совершенно не отражён в собрании [Карпов, 1995, с. 9–11]. Видимо, только поэтому в 1420 г. (запись сделана 24 сентября) массарии Каффы фиксируют затраты средств на пир в честь приёма посла от господина Феодоро⁸.

По всей видимости, начало активных контактов между феодоритами и генуэзцами во второй половине 1420 г. не было случайным. В консулат Манфредо Саули (1420–1421 гг.) Каффа из-за неурожая в Северном Причерноморье остро нуждалась в поставках продовольствия на рынки города. Поэтому Саули стремился поддерживать мирные отношения как с ханом [Карпов, 1995, с. 14], так и с правителем Феодоро Алексеем. Пети-

ция Джорджо Конте (датирована 3 и 28 сентября 1442 г.) достаточно ярко обрисовывает реальное положение, в котором оказалась в то время столица генуэзской Газарии: «В консульство Манфредо Саули в Каффе была не просто нехватка зерна, но настоящий голод, так что значительная часть населения питалась скорее травой, чем хлебом» [Карпов, 1998, с. 35].

Свидетельство итальянского источника подтверждается и данными русских летописей, отмечавших под 1420 г. первоначально засуху («меженина»), а затем и рано наступившую зиму (в середине сентября пошёл снег и в течение трёх дней покрыл землю слоем в «4 пяди», из-за чего урожай остался необранным: «<...> а всякое жито под снег полегло»); наступившая оттепель («<...> вся же зима тепла бысть вельми»), вызвала вспышку эпидемии («<...> мор бысть силён по всей земле Русской», «И тако вымроша, яко жита без жати некому <...>»), а затем продолжительный голод [Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 289–290].

Неблагоприятные погодные условия на протяжении нескольких лет (1420–1423 гг.) вызвали в Восточной Европе голод, массовые заболевания и гибель населения. По-видимому, в этом контексте следует рассматривать торжественный приём посла Алексея I (Старшего) в Каффе 24 сентября 1420 г. и пребывание в Готии в начале следующего года (согласно документам массарии Каффы, 7 января 1421 г. для этой цели выделено 200 аспров) в сопровождении 5 оргузиев представителя генуэзской фактории — Джорджо Вакка⁹.

2.1.2. Первый вооружённый конфликт между Каффой и Феодоро в 1422–1423 гг.

Рассматриваемый период — 1420–1423 гг. — был достаточно сложным для генуэзской Газарии, он ознаменовался изменением военно-политической обстановки в Причерноморском регионе. После похода каффинского флота на Трапезунд в 1417 г. [Карпов, 1981, с. 106–107; Карпов, 1986, p. 158–159] на протяжении нескольких лет не отмечается военной активности со стороны лигурийской фактории. Наоборот, всякие спорные вопросы официалы Каффы стремятся урегулировать путём переговоров [Карпов, 1995, с. 12].

Важные перемены произошли в это время в Орде [Крамаровский, 2003, с. 522]. Гибель Идике (Едигея) в 1419 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 532, 533] и смерть Кадыр-Берди (1420 г.) дала возможность ставленнику Витовта (1392–1430 гг.) Улу-Мухаммеду занять ордынский престол.

⁵ «<...> pro Georgio Torsello, misso ad dominum Teodori <...>» [Jorga, 1899, p. 22].

⁶ «<...> pro quondam nuncio Alichssi <...>» [Jorga, 1899, p. 22; Vasiliev, 1936, p. 201, n. 6; Байер, 2001, с. 206].

⁷ «<...> pro Cheaassi, nuncio domino de lo Tedoro <...> asp. L., <...> pro una gauba data nuncio misso domino de lo Tedoro in Caffam, asp. CCLX» [Jorga, 1899, p. 22; Vasiliev, 1936, p. 202, n. 2]. По мнению Х.-Ф. Байера, «необычное имя намекает на то, что он, пожалуй, был аланом (асс)» [Байер, 2001, с. 206].

⁸ «<...> pro convivio facto ambassiatori domino de lo Tedoro <...>» [Jorga, 1899, p. 25; Vasiliev, 1936, p. 202, n. 42; Байер, 2001, с. 206].

⁹ «<...> pro Georgio Vacha, misso in Gotia cum orguxiis <...>» [Jorga, 1899, p. 26]. Л. Баллетто сравнительно недавно опубликован документ (датирован 18 февраля 1426 г.), содержащий прошение горожанина Каффы Джорджо Вакки (*Georgio Vaca, burgense Caffe*) о назначении на должность оргузиев двух жителей города («<...> pro duobus horgusiis civitatis <...>») [Balletto, 2000, p. 129–130, doc. 113].

На фоне общей политической нестабильности, отмечаемой источниками начала 20-х гг. XV в., в Северном Причерноморье между Кафпой и Феодоро возникает напряжённость в отношениях, предваряющая начало противостояния, в итоге завершившегося вооружённым конфликтом.

Из контекста последовавших за этим событий становится ясно, что «яблоком раздора» между городами стала прибрежная часть Готии (так называемая *riparia marina Gotia*) и Чембало. А. А. Васильев полагал, что война между правителем Феодоро Алексеем I (Старшим) и Кафпой началась в 1422 г. [Vasiliev, 1936, p. 202]. Но этот вопрос остаётся спорным, потому что имеющиеся источники скорее демонстрируют активную подготовку обеих сторон к войне, апогеем которой явился 1423 г., когда феодоритам на очень короткий срок удалось захватить Чембало. При этом совершенно необоснованным было его предположение о вовлечении в данный конфликт Хаджи-Гирея на стороне владетеля Мангупа: «... поэтому втянутый в войну с Генуей Алексей был уверен если не в действенной поддержке хана, то хотя бы в его дружеском нейтралитете, что было для него чувствительной помощью» [Vasiliev, 1936, p. 202]. Первое активное участие Хаджи-Гирея в политических событиях Газарии предположительно относится только к 1433/34 гг., т. е. ко времени второй военной кампании, но об этом будет сказано ниже.

Наиболее реальной причиной конфликта между Алексеем I (Старшим) и Кафпой, по-видимому, можно считать стремление набирающего силу молодого государства получить выход к морю для участия в международной торговле. Этому явно препятствовало закрепление генуэзцев в ряде стратегически и экономически важных пунктов, расположенных на побережье Готии (Луста, Партенит, Гурзуф, Ялита) и в Чембало.

Военные действия между генуэзцами и феодоритами были начаты осенью (в сентябре или в самом начале октября?) 1422 г. Именно в это время, 9 октября, массариями Каффы выделяется 16 460 аспров для «заготовки продовольствия и защиты нашего города Чембало и всей Готии по случаю войны с господином Феодоро Алексеем»¹⁰. 31 октября и 9 ноября коммуной Каффы расходуются средства на доставку продовольствия в Лусту (*in Lusce loco*), и за организацию этих поставок выплачивается вознаграждение в 45 аспров¹¹.

Однако, судя по всему, отношения между феодоритами и генуэзцами к этому времени ещё не достигли пика конфронтации. Об этом позволяет говорить письмо от Алексея, полученное в конце

ноября 1422 г. магистратами Каффы (29 ноября массариями выплачено 12 аспров «для грека, принёсшего письмо от Алексея») ¹².

Таким образом, насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении письменные свидетельства, до октября (?) 1422 г. военные действия между Феодоро и Кафпой ещё не велись. В этой связи интересно сопоставить известия нарративных источников с материалами археологических исследований, проводившихся в 80–90-х гг. XX в. на территории генуэзской Лусты и у селения Фуна (расположено в 8 км к северу от Алушты на западном склоне г. Демерджи) [Мыц, 1988, с. 97–113; 1991а, с. 150–152; Кирилко, Мыц, 1991, с. 147–170; Кирилко, 2002, с. 4–11]. Вероятно, в это время (1422 г.) феодориты в спешном порядке начинают возводить укрепление Фуна.

Кроме того, в ходе археологических разведок и раскопок последних лет материалы XV в. выявлены ещё на трёх укреплениях Южного бережья, расположенных в нескольких километрах от моря, у горных дорог, ведущих к перевалам: в селении Запрудное (б. Дегерменкой = Милляри), на скале Гелин-Кая (б. Кизил-Таш, ныне с. Краснокаменка) и в Ялтинской котловине в верховьях р. Учан-Су (рис. 10: 3, 4; 11: 2).

Обращает на себя внимание топография данных памятников (рис. 12: 8, 9, 10, 12). Все они располагаются выше приморских пунктов, принадлежавших генуэзцам на побережье: над Партенитом — Дегерменкой, над Гурзуфом — Гелин-Кая, над Ялитой — Учансу-Исар. Это позволяет высказать предположение, что перед началом военных действий на территории приморской Готии Алексеем I (Старшим) возводятся четыре укрепления (Фуна, Дегерменкой, Гелин-Кая, Учансу-Исар). По его стратегическому замыслу, они должны были служить плацдармами для нападений на подчинённые генуэзцам города и селения Готии (Лусту, Партенит, Гурзуф, Ялиту). Более уверенно об этом можно будет говорить только после проведения дополнительных раскопок на данных объектах и издания уже имеющегося археологического материала XV в.¹³

В ответ на действия Алексея I (Старшего) генуэзцы восстанавливают частично разрушенные монголами ещё в 1278 г. [Мыц, 1997, с. 66] при штурме Алушты (Лусты) оборонительные стены византийского периода. По-видимому, в начале 20-х гг. XV в. работы не были ограничены реставрацией обветшавших стен цитадели VI в.

¹⁰ «<...> *expense facte et fiende in provisione et custodia loci nostri Cimbali et totius Gottie, occaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro <...>*» [Jorga, 1899, p. 28; Banescu, 1930, p. 35; Vasiliev, 1936, p. 202].

¹¹ «<...> *expense facte et fiende in [cum] domino de lo Tedoro, occaxione loci Lusce, qui portavit certos homines promissos in Lusce loco <...>*» [Jorga, 1899, p. 28].

¹² «<...> *pro quodam Grecho, qui portavit litteras ab Alexio. asp. XII*» [Jorga, 1899, p. 28; Vasiliev, 1936, p. 203; Байер, 2001, с. 206].

¹³ Подробнее о так называемых «системах» укреплений см. работы [Домбровский, 1974, с. 44–46; Фирсов, 1990, с. 61–204; Мыц, 1991а, с. 19–20]. Раскопками 2004 г., проведёнными С. Г. Бочаровым на Учансу-Исаре, выявлен слой XV в. Причём, по заключению исследователя, памятник оказался однослойным и существовал непродолжительное время. В ходе исследований башни Гелин-Кая выявлен слой разрушения с материалом XV в. Весьма признателен С. Г. Бочарову за любезно предоставленную информацию.

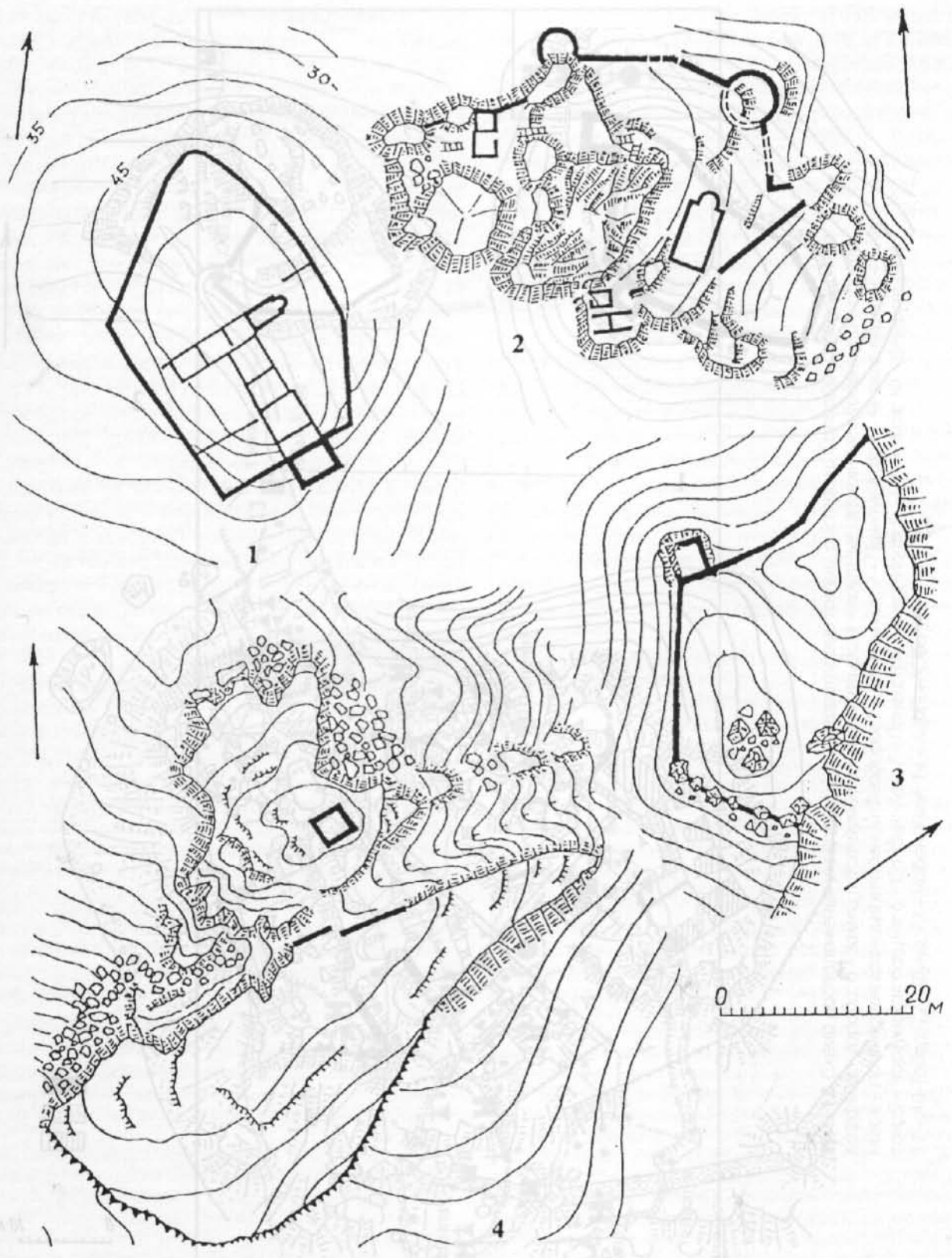


Рис. 10. Укрепления XV в. приморской Готии и консульства Каффы: 1 – Кордон-Оба (Calliera); 2 – Симеуз; 3 – Дегерменкой; 4 – Гелин-Кая

На фоне общей политической нестабильности, связанной с началом XV в. в Северном Причерноморье между Карфагой и Фео...

наблюдается в 1422 г. министратом Карфагой набран...

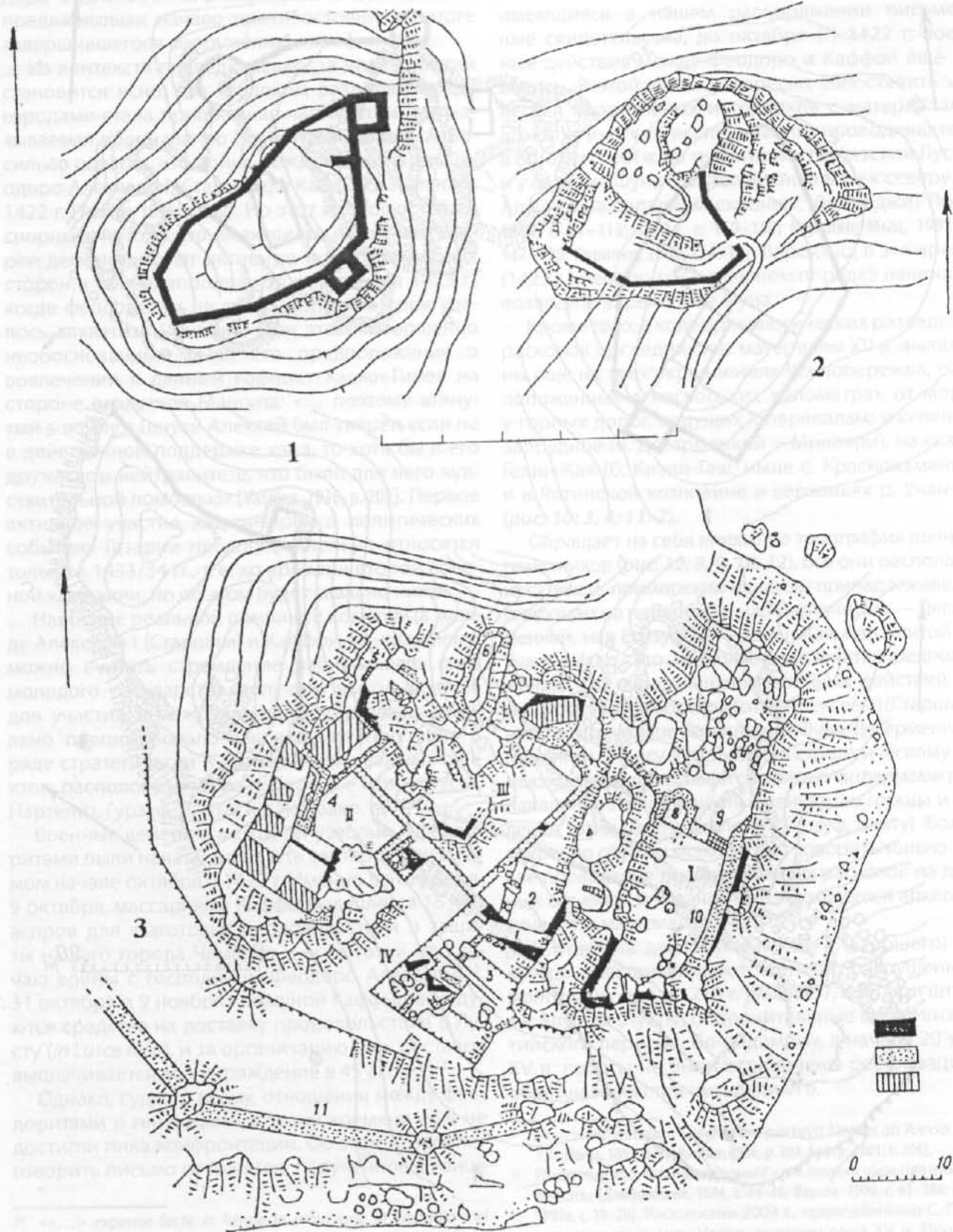


Рис. 11. Укрепления XV в. побережья Готии:
1 – Кале-Потни (Partenici); 2 – Учансу-Исар; 3 – Гурзувий (Gorzoni)

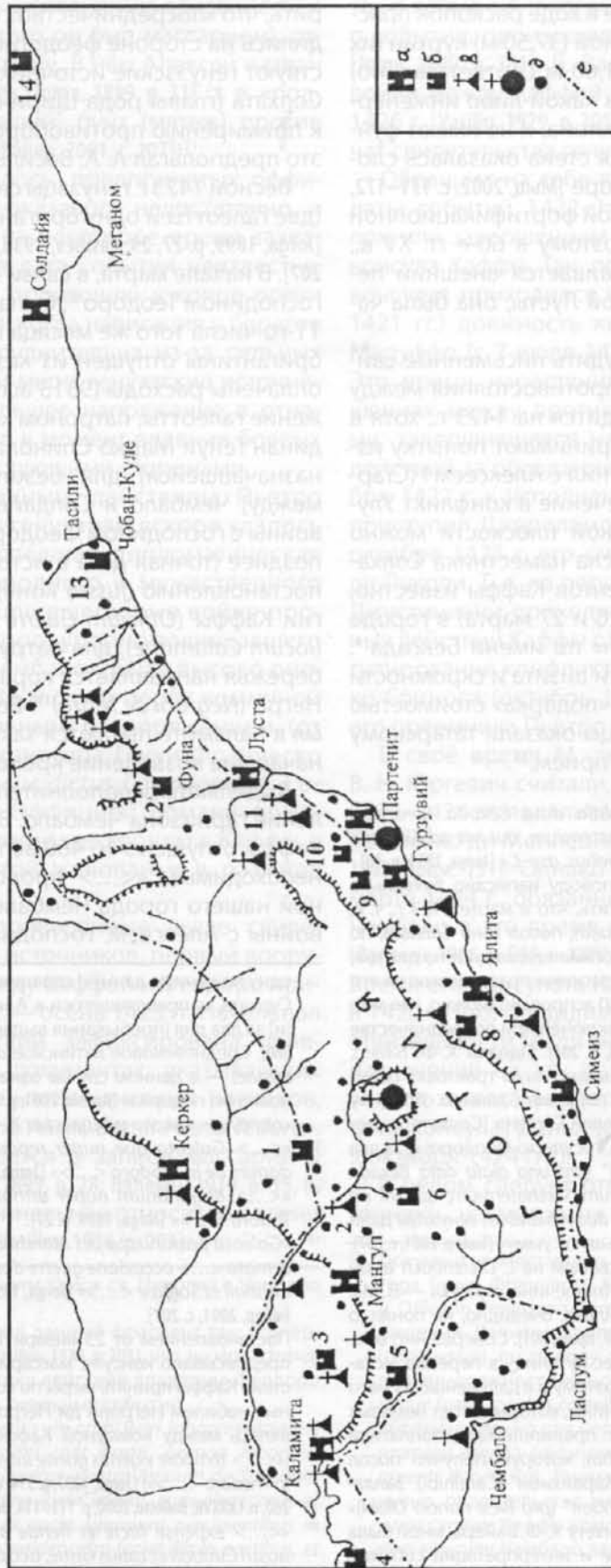


Рис. 12. Схема расположения укреплений на территории Готии, дистрикты Солдаий и консульства Каффы: а – город; б – замки (каструмы); в – монастыри; г – крупные церковные владения; д – поселения; е – примерная граница владений Феодора. 1 – Керменчик; 2 – Памлук-Кая; 3 – Черкес-Кермен; 4 – Херсон; 5 – Чоргунская башня; 6 – Сандык-Кая; 7 – Палеа; 8 – Учансу-Исар; 9 – Гелли-Кая; 10 – Дежерменкой; 11 – Ай-Тодор; 12 – Фуна; 13 – Чобан-Куле; 14 – Кордон-Оба

В момент возникновения реальной военной опасности создаётся внешний пояс крепостных стен, что позволило увеличить защищённую часть города на 0,70 га. Открытые в ходе раскопок прясла южной (7,30 м) и восточной (37,50 м) куртин (их ширина составляла 2,0 и 1,60 м соответственно) сооружались в спешке, без какой-либо инженерной подготовки рельефа склона, и не имеют фундаментов. К тому же южная стена оказалась сложенной на грязевом растворе [Мыц, 2002, с. 171–172, рис. 36, 38, 39]. Слабость данной фортификационной конструкции очевидна. Поэтому в 60-е гг. XV в., когда полностью перестраивается внешний периметр обороны генуэзской Лусты, она была частично разобрана.

Насколько позволяют судить письменные свидетельства, кульминация противостояния между Феодоро и Каффой приходится на 1423 г., хотя в это время генуэзцы предпринимают попытку избежать прямого столкновения с Алексеем I (Старшим) и не допустить вовлечение в конфликт Улу-Мухаммеда. Именно в такой плоскости можно рассматривать миссию посла заместника Солхата. Из финансовых документов Каффы известно, что в течение двух дней (26 и 27 марта) в городе находился некий «сарацин» по имени Бексада¹⁴. Судя по кратковременности визита и скромности преподнесённого Бексаде «подарка» стоимостью всего в 100 аспров, генуэзцы оказали татарскому послу весьма сдержанный прием,¹⁵

¹⁴ «die XXVII Marcii, pro una alafa data Bexada Saraceno, ambassiatori dominorum Surchatensium, qui ivit ad Alexium, dominum Theodori, pro duabus diebus. asp. C» [Jorga, 1899, p. 30].

¹⁵ У А. А. Васильева по этому поводу написано буквально следующее: «Интересно отметить, что в марте 1423 г., т. е. во время войны, Бексада (Bexada), посол хана Солхата, по пути к Алексею, пересек генуэзские владения и на два дня задержался для встречи с генуэзскими правителями; на его приём было израсходовано 100 аспров. Возможно, что мир между Каффой и Готией был заключён при посредничестве Солхатского хана» [Vasiliev, 1936, p. 204]. Однако Х.-Ф. Байер, цитируя источник, даёт совершенно иную трактовку событий: «27 марта 1423 г. „за одну пощечину, данную сарацину Бексаде, послу государей жителей Сурхата [Солхата], который путешествовал к Алексею, государю Феодоро, и за два дня [разумеется пребывания]“ (pro una alafa data Bexada Saraceno, ambassiatori dominorum Surchatensium, qui ivit ad Alexium, dominum Theodori, pro duabus diebus) генуэзцы дали 100 аспр — сравнительно большую сумму» [Байер, 2001, с. 207]. При этом в примечании со ссылкой на L. Diefenbach'a, он замечает: «В античности *alapa* (пощечина, оплеуха — В. М.), сравните ниже *alpha**... Васильев, очевидно, не понял, о чём речь идёт» [Байер, 2001, с. 207, прим. 601]. Совершенно очевидно, что сам Х.-Ф. Байер внес путаницу в перевод, исказив смысл текста источника. Поэтому и в дальнейшем у него разные послы получают пощечины, которые стоят немалых денег для генуэзцев: «В 1457 г. правители Кафы заплатили опять за пощечину (pro *alpha*), которую получил посол Олобея с тюркским именем „Караихиби“ (Caraihibi). Заплатили и „для Бикси, посла Олобея“ (pro *Bicsi nuncio Olobi*)» [Байер, 2001, с. 221]. Следуя авторитету Х.-Ф. Байера, мной была допущена ошибка в переводе и интерпретации событий 1423 г.: «В ходе переговоров с магистратами города, очевидно, возникла конфликтная ситуация, свидетельством чему служит содержание записи в книге массарии: „27 марта за

После завершения переговоров в Каффе, 28 марта Бексада направился к Алексею I (Старшему). Но дальнейшие события не дают основания говорить, что «посредничество» (симпатии татар находились на стороне феодоритов, о чём свидетельствуют генуэзские источники 1424 г.) заместника Солхата (главы рода Ширин — Тягини?) привело к примирению противоборствующих сторон, как это предполагал А. А. Васильев [Vasiliev, 1936, p. 204].

Весной 1423 г. генуэзцы снаряжают три корабля (две галеотты и одну бригантину) против Алексея [Jorga, 1899, p. 27, 29; Vasiliev, 1936, p. 203, n. 7; Байер, 2001, с. 207]. В начале марта, в связи с состоянием войны с господином Теодоро¹⁶, была оснащена галеотта, а 11-го числа того же месяца на новое вооружение бригантини отпущен из казны 881 аспр¹⁷. 8 мая оплачены расходы (9313 аспров) на «<...> вооружение галеотты, патроном которой являлся гражданин Генуи Марко Спинола [ди Лукуло] [и предназначавшейся] для безопасности [побережья между] Чембало и Солдайей, ввиду [состояния] войны с господином Феодоро <...>»¹⁸. Несколько позднее (точная дата в источнике не указана) по постановлению (*jussu*) консула и военной коллегии Каффы (*Officium Guerre Caffensis*) к Каламите (*locum Calamithe*), для патрулирования вдоль побережья направляется корабль (*navi*) Негрони ди Негро (*Negroni de Nigro*)¹⁹. Вероятно, в это же время в Каламите пытаются закрепиться феодориты, начавшие возведение крепости (?).

Выделяются и дополнительные средства на усиление гарнизона Чембало. В октябре массариями Каффы отпущено 16 460 аспров для обеспечения необходимым «<...> продовольствием и охраной нашего города Чембало и всей Готии, ввиду войны с Алексеем, господином Феодоро<...>»²⁰.

одну пощечину, данную сарацину Бексаде, послу господина Сурхата, направлявшегося к Алексею, господину Феодоро, [и] за два дня [пребывания выдано] 100 аспров» [Мыц, 2005, с. 260]. Средневековое латинское *alpha* (синонимы — *regato*, *tribute*) — в данном случае означает не что иное, как «подношение подарка» [Aprisio, 2001, p. 66, 242], а не «пощечина» или «оплеуха», как это предлагает Х.-Ф. Байер.

¹⁶ «<...> Galeota que nuper reparatur <...>, ocaxione guerre domini de lo Teodoro <...>» [Jorga, 1899, p. 29].

¹⁷ «<...> Brigantinum nuper armatum, ocaxione domini de lo Todoro <...>» [Jorga, 1899, p. 27].

¹⁸ «Galeota patronizata per Marchum Spinulam, cives Jnuensem, armata <...> ocaxione guerre domini de lo Tedoro et securitate Cimbali et Soldaie <...>» [Jorga, 1899, p. 29; Vasiliev, 1936, p. 203, n. 7; Байер, 2001, с. 207].

¹⁹ Постановлением от 23 января 1426 г. правительство Генуи предписывало консулу, массариям и Оффичии Продовольствия Каффы принять меры по компенсации затрат, понесённых нобилем Негрони ди Негро «во время войны, которая велась между коммуной Каффы и господином Феодоро» («<...> tempore vigentis guerre inter comune Caffe et domino de lo Theodoro <...>») [Jorga, 1897, p. 314; Vasiliev, 1936, p. 203; Banescu, 1967, p. 260, n. LXXXVII; Balletto, 2000, p. 113–114, doc. 96; Байер, 2001, с. 207].

²⁰ «<...> expense facte et fiende in provisione et custodia loci nostri Cimbali et totius Gotie, ocaxione guerre Alexii, domini de lo Teodoro <...>» [Jorga, 1899, p. 31]. Следует обратить внимание на то, что примерно такая же сумма (16 800 аспров) расходовалась ежегодно на выплату жалованья 7 социям

9 октября выплачено ещё 27850 аспров на ведение войны с владетелем Мангупа [Jorga, 1899, p. 29; Vasiliev, 1936, p. 203]. В тот же день Фредерико Спинола, приступивший к исполнению обязанностей консула Каффы (до этого он был массарием), отправил в Геную донесение. В нём Алексей назван «*ribelis Communis Caffae*» [Jorga, 1899, p. 31] (т. е. «поднявший (организовавший) бунт (мятеж) против Коммуны Каффы» [см. Байер, 2001, с. 207])²¹.

Однако, как оказалось, предпринятых официальными Каффы мер оказалось недостаточно, и феодинтам удаётся на некоторое время захватить Чембало. Точная дата события неизвестна. Вероятнее всего, это произошло в конце осени 1423 г. (т. е. в то время, когда навигация у берегов Крыма наиболее затруднительна из-за сильных штормов). По крайней мере, генуэзские источники фиксируют наибольшее напряжение в отношениях осенью 1423 г. в момент ведения боевых действий между враждующими сторонами.

Благодаря энергичным действиям Пьетро Джованни Майнерио генуэзцам вскоре удалось вернуть Чембало. Успешная дипломатическая деятельность «благородного и мужественного человека», столь отличившегося «в войне против Алексея из Феодоро, упорно защищавшего и освобождавшего Чембало», была высоко оценена в метрополии. За заслуги перед коммуной города ему специальным распоряжением (от 1 марта 1424 г.) губернатора Генуи Франческо Кармагнолья (*Franciscus dictus Carmagnola*), Советом Старейшин и Оффицией Романи пожалована почётная должность депутата Каффы с ежемесячной выплатой жалованья в размере одного соммо²².

Как показывают приведённые выше свидетельства письменных источников, первый вооружённый конфликт между Каффой и Феодоро приходится на осень 1422 — осень 1423 гг. Начальная фаза военных действий зафиксирована появлением в генуэзских документах, указывающих на причины понесённых финансовых расходов, фразы «*ossaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro*». Впервые она встречается в записи массарии 9 октября 1422 г. [Jorga, 1899, p. 28; Banescu, 1930, p. 35, n. 1; Vasiliev, 1936, p. 202], а финальная относится к осени 1423 г. [Jorga, 1899, p. 29; Vasiliev, 1936, p. 203].

(*socios septem*), охранявшим замок св. Николая в Чембало [Устав 1449 г., 1863, с. 786].

²¹ А. А. Васильев переводил данный фрагмент так: «соперник коммуны Каффы» [Vasiliev, 1936, p. 203], что, на мой взгляд, «смягчает» характеристику действий владетеля Феодоро и происходивших тогда реальных событий.

²² «*Cum attentis virtute et meritis viri probi Petri Johannis Maynerii condam Andree, precarissimi civis nostri, necnon laboribus magnis per eum passis in guerra contra Alexium de Theodoro pro defensione et liberatione loci Cimbali, eum elegerimus et deputaverimus in unum ex sociis summum percipientibus in Caffa pro eo tempore quo residenciam faciet illis in partibus, et pluri et minori tempore ad nostrum beneplacitum et mandatum, cum salario et stipendio unius sommi sibi mense singulo integre persolvendi <...>*» [Balletto, 2000, p. 18–19, doc. 12; Байер, 2001, с. 207].

Таким образом, открытое военное противостояние сторон хронологически ограничено пределами одного года, т. к. в более поздних документах о войне с Алексеем I (Старшим) говорится как о событии, произошедшем в недавнем прошлом [Jorga, 1899, p. 361]. В. Василиу считала, что первая война между Каффой и Феодоро закончилась в 1426 г. [Vasiliev, 1929, p. 305–306], но этому противоречат свидетельства генуэзских документов.

Обращает на себя внимание то, что основные даты событий 1422–1424 гг. совпадают с началом или завершением правления того или иного консула Каффы. Так, после Манфредо Саули (его консулат приходился на 8 июля 1420 — 7 июля 1421 гг.) должность консула исполнял Антонио Маруффо (с 7 июля 1421 г. по 9 октября 1422 г.). Это время нарастания напряжённости в отношениях между противоборствующими сторонами, завершившееся началом открытых военных действий за обладание Готией и Чембало. 9 октября 1422 г. к исполнению обязанностей консула приступил Джероламо Джустиниани Монелья. В октябре 1423 г. его сменил Фредерико Спинола ди Луколи. Т. е. на период правления Джероламо Джустиниани приходится время открытых военных действий Каффы с Феодоро, а их финал и урегулирование конфликта — на консулат Фредерико Спинола (октябрь 1423 — октябрь 1424 гг.) и его преемника Пьетро Фьески.

В своё время М. де Канале, а вслед за ним В. Н. Юргевич считали, что консулами Чембало в 1423–1424 гг. являлись Пеллегро ди Молассана и Бонамико ди Монлеоне [Canale, 1855, I, p. 297; Юргевич, 1863, прим. 131]. Однако согласно документу от 29 марта 1424 г., обязанности консула и кастеллана Чембало в это время исполнял Даньяно Грилло [Banescu, 1966, p. 586, n. XXIV; Balletto, 2000, p. 30–31, doc. 24]²³. Время его консулата Канале и Юргевич относили к 1420 г., что, по-видимому, не соответствует действительности (если не предполагать повторное назначение на эту должность). В таком случае, эпизод захвата феодинтами Чембало приходится на консулат Даньяно Грилло (9 октября 1423 — 9 октября 1424 гг.?).

В целом следует отметить, что генуэзские источники, несмотря на кажущуюся многочислен-

²³ Документ представляет собой распоряжение губернатора Генуи Франческо Кармагнолья, Совета Старейшин и *Officium Provisionis Romanie*. Из него мы узнаём об обращении Даньяно Грилло (*Dagnanus Grilus*) с жалобой (*conquestus*) по поводу того, что он одновременно исполнял должность консула и кастеллана Чембало (*cum alique fuerit cosul et castellanus Cimbali*), а это было весьма обременительно для него. К тому же, массарии Каффы не платили ему за оффицию кастеллана 12 соммо (*sommos argenti duodecim*). Внимательно рассмотрев жалобу Даньяно, правительство метрополии приказывает консулу и массариям Каффы компенсировать ранее не выплаченную консулу Чембало зарплату кастеллана и на будущее продолжать платить за занимаемую им должность исправно даже «в мирное время» (*in pace*) [Banescu, 1966, p. 586, n. XXIV; Balletto, 2000, p. 30–31, doc. 24].

ность, весьма скупо и без какой-либо детализации освещают события конфликта 1422–1423 гг. Они дают самое общее представление о его географии (от Каламиты до Солдайи), хотя средства выделяются только на усиление обороны Лусты, Чембало и «всей Готии», за которые в основном и велась борьба. Остаются неясными причины, повод и ход военных действий.

Как отмечалось выше, неблагоприятные погодные условия в Восточной Европе на протяжении нескольких лет (1420–1423 гг.) вызывали голод, массовые заболевания и гибель населения от эпидемии. Вероятно, в этом контексте следует рассматривать приём посла Алексея I (Старшего) в Каффе 25 февраля 1420 г. и пребывание на Мангупе в начале следующего года (7 января 1421 г.) в сопровождении 5 оргузиев представителя коммуны Каффы — Джорджо Вакка. По-видимому, к этому времени относится изменение прежней прогенуэзской ориентации Алексея I (Старшего) (1411–1420 гг.) на новый вектор, совпадающий с внешнеполитическими интересами Венеции и Трапезунда. Это было связано с тем, что примерно с 1422 г. наблюдается устойчивая тенденция сближения Генуи с османами [Banescu, 1965, s. 20–37; Origoie, 1992, p. 173; Карпов, 19956, с. 16–17]. В дальнейшем, на протяжении последующих 25 лет (1421–1446 гг.), владетель Мангупа занимает крайне жёсткую антигенуэзскую позицию, приведшую к двум вооружённым столкновениям между Феодоро и Каффой.

Весной (конец марта — начало апреля) 1423 г. правитель Солхата, вероятно, предпринимает попытку остановить дальнейшее развитие конфликта и направляет сначала в Каффу, а затем в Феодоро своего представителя Бексаду. Однако миссия татарского посла не привела к примирению сторон. Не позднее второй половины декабря 1423 г. военные действия, по-видимому, были прекращены, потому что в одном из документов от 1 февраля 1424 г. [Balletto, 2000, p. 3–8] говорится о достигнутом примирении с Алексеем²⁴.

В ходе подготовки к войне за обладание Готией Алексей I (Старший) возводит укрепления в селениях Фуна, Милляри (Дегерменкой), Гелин-Кая, Учансу-Исар и Каламите. Это вынуждает официалов Каффы усилить оборону Лусты, побережья Готии и Чембало.

Таким образом, война 1422–1423 гг. не была для правителя Феодоро столь бесплодной, как это считал А. А. Васильев [Vasiliev, 1936, p. 205]. Результатом её стало то, что, не достигнув закрепления своей власти над Чембало, Алексей I (Старший) воздвиг порт и крепость в Каламите. Феодориты добились выхода к морю в одном пункте, хотя

ими, по всей видимости, намечался захват Лусты и Чембало — именно на усиление обороны этих двух крепостей генуэзцы выделяли основные средства. В качестве плацдарма для захвата Лусты могла быть использована Фуна, а для завоевания Чембало — Каламита.

С этого времени Каламита становится единственным портом, через который Алексей I (Старший) поддерживал связи и торговал с Трапезундом, Синопом, Венецией, Молдавией и другими причерноморскими и средиземноморскими государствами. Строительство порта и крепости в устье р. Чёрной генуэзцы рассматривали как грубое нарушение их монопольного права торговли на Чёрном море, что в дальнейшем неоднократно становилось поводом не только для осложнения дипломатических отношений, но и для вооружённых конфликтов.

Возвращаясь к событиям первой военной кампании 1422–1423 гг., следует признать, что если имеющиеся в нашем распоряжении источники дают возможность хотя бы в общих чертах воссоздать политическую обстановку в Газарии, предшествующую началу вооружённого конфликта между Каффой и Феодоро, и в некоторой степени отвечают на вопрос о мотивах его возникновения, то причины внезапного прекращения войны в ноябре — первой половине декабря 1423 г. (?) остаются не до конца выясненными.

В действительности трудно объяснить, почему Алексей I (Старший), явный инициатор эскалации вооружённого столкновения с генуэзцами, добившись очевидного успеха (феодоритами на непродолжительное время был занят Чембало, на территории прибрежной Готии создаётся сеть опорных пунктов), к началу — середине декабря 1423 г. (?) был вынужден вернуться на исходные позиции [Кирилко, 2003, с. 263]. Причём владетель Феодоро обращает свою неуёмную энергию не на войну, а на строительство в столице дворца, оборонительных стен, цитадели и фамильной церкви (1425–1427 гг.). Для осуществления столь значительной строительной программы требовались немалые средства, которыми Алексей I (Старший) явно обладал, т. е. война 1422–1423 гг. не истощила его финансовых возможностей. В это же время генуэзские источники отмечают хроническую задолженность коммуны Каффы перед Банком Сан Джорджо и другими кредиторами. В последующие годы (во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XV в.) и лигурийцы ведут строительство в Солдае и Чембало, но это представляется только как крайне необходимая мера безопасности (в особенности для Чембало).

Сравнительно недавно, занимаясь детальным изучением фортификационных сооружений Фуны (рис. 13), В. П. Кирилко обратил внимание на то, что оборонительные стены первого периода существования крепости несут на себе следы деформаций, которые могли быть вызваны не военными действиями, а исключительно

²⁴ Если учесть, что дорога от Каффы до Генуи занимала не менее 2–2,5 месяцев, то сведения, отправленные из Газарии в метрополию и нашедшие отражение в постановлении от 1 февраля 1424 г., относились ко времени не позднее середины декабря 1423 г.

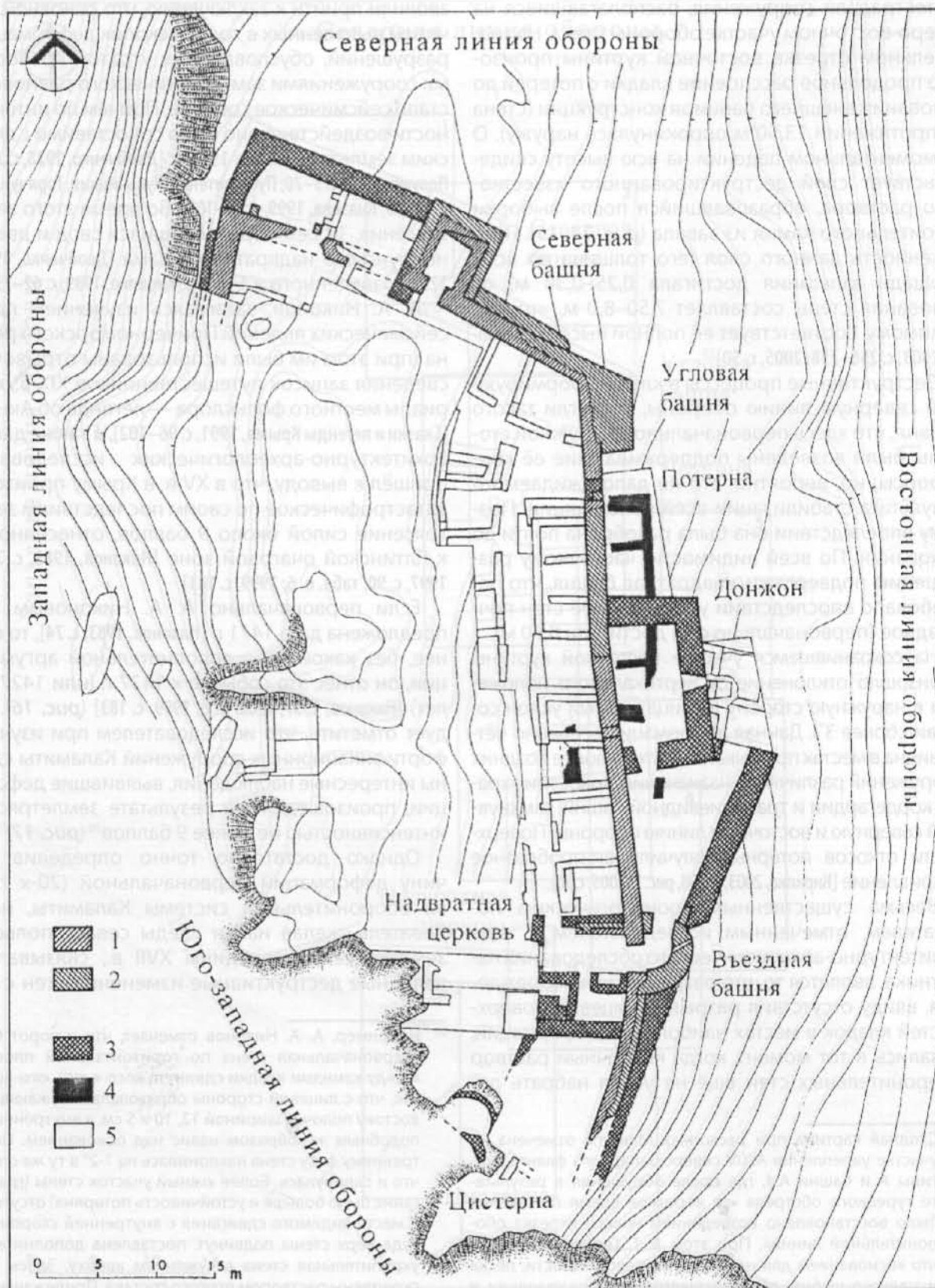


Рис. 13. Картосхема строительных периодов крепости Фуна (по Кирилко В.П. [2005, рис. 38]): 1 – 1422/23 г.; 2 – 1425 – 1434 гг.; 3 – 1459 г.; 4 – строения XIII – XIV вв.; 5 – жилые и хозяйственные постройки 20 – 70-х гг. XV в.

сейсмическими подвижками [Кирилко, 2002, с. 6–7; 2003; с. 256–260]. Стратиграфические и архитектурные наблюдения указывают на то, что больше всего пострадали сооружения, располагавшиеся на северо-восточном участке обороны замка. На значительном отрезке восточной куртины произошло продольное расслоение кладки с потерей до основания внешнего панциря конструкции (стена на протяжении 13,50 м опрокинулась наружу). О её моментальном падении на всю высоту свидетельствует слой деструктированного известкового раствора, образовавшийся после выборки строительного камня из завала (рис. 14; 15). Протяжённость данного слоя (его толщина по всей площади залегания достигала 0,25–0,30 м) от основания стены составляет 7,50–8,0 м, что, по видимому, соответствует её полной высоте [Кирилко, 2003, с. 256–258; 2005, с. 50]²⁵.

Деструктивные процессы в кладке, формирующей северную линию обороны, достигли такого уровня, что здесь первоначально с наружной стороны были возведены поддерживавшие её контрфорсы, но, вероятно, это не дало ожидаемого результата стабилизации всей конструкции. Поэтому впоследствии она была разобрана почти до основания. По всей видимости, частичному разрушению подверглась квадратная башня, что потребовало впоследствии утолщения её стен почти вдвое (первоначально они достигали 0,90 м).

На сохранившемся участке восточной куртины произошло отклонение от вертикального положения в наружную сторону (отрицательный уклон составил более 3°). Данная деформация особенно чётко видна в местах примыкания к стене более поздних сооружений различного назначения: аркосолия храма, кордегардии и трапезиевидной башни, замкнувшей северную и восточную линию обороны. Поверхности откосов потерны получили винтообразное искривление [Кирилко, 2003, с. 258, рис. 2; 2005, с. 50].

Весьма существенным хронологическим показателем, отмеченным исследователем в ходе архитектурно-археологического обследования памятника, является то, что разрушения и повреждения, ввиду отсутствия разрывов лицевых поверхностей кладок в местах наибольших деформаций, начались в тот момент, когда кладочный раствор оборонительных стен ещё не успел набрать до-

статочную прочность и утратить присущую ему пластичность [Кирилко, 2003, с. 258]. Характерные диагностические признаки [Башкиров, 1949, с. 9–35] позволили прийти к заключению, что основной причиной выявленных в ходе раскопок деформаций и разрушений, обусловленных утратой крепостными сооружениями замка статического равновесия, стало сейсмическое событие. Причём по интенсивности воздействия оно было сопоставимо с ялтинским землетрясением 1927 г. [Двойченко, 1928, с. 77–98; Полумб, 1933, с. 3–70; Пустовитенко, Кульчицкий, Горячу, 1989, с. 42–55; Князева, 1999, с. 88–100]. Во время этого землетрясения, 12 сентября, обрушился свод и две стены фунского надвратного храма [Двойченко, 1927, с. 123], возведенного в 1459 г. [Кирилко, 1989, с. 62–73].

А. А. Никонов, занимаясь изучением палеосейсмических явлений Причерноморского региона (при этом им были использованы отрывочные сведения записок путешественников XIX в., материалы местного фольклора — легенда об Аю-Даге [Сказки и легенды Крыма, 1991, с. 96–102], а также данные архитектурно-археологических исследований), пришёл к выводу, что в XV в. в Крыму произошло катастрофическое по своим последствиям землетрясение силой около 9 баллов, отнесённое им к Ялтинской очаговой зоне [Никонов, 1983, с. 72–75; 1997, с. 90, табл. п. 6; 1999, с. 183].

Если первоначально А. А. Никоновым была предложена дата 1471 г. [Никонов, 1983, с. 74], то позднее, без какой-либо дополнительной аргументации, он отнёс это событие к 1427 г. (или 1427 ± 10 лет) [Никонов, 1997, табл. п. 6; 1999, с. 183] (рис. 16). Следует отметить, что исследователем при изучении фортификационных сооружений Каламиты сделаны интересные наблюдения, выявившие деформации, произошедшие в результате землетрясения интенсивностью не менее 9 баллов²⁶ (рис. 17; 18).

Однако достаточно точно определив причину деформаций первоначальной (20-х гг. XV в.) оборонительной системы Каламиты, исследователь, желая найти следы севастопольского землетрясения середины XVII в., связывал выявленные деструктивные изменения стен с этим

²⁵ Сходная картина при раскопках Мангупа отмечена на участке укрепления А.XIV северо-западного фланга куртины А и башни А.4, где после обрушения в результате турецкого обстрела «за короткое время положение было восстановлено возведением нового отрезка оборонительной линии». При этом А. Г. Герцен указывает, что «основанием для неё послужил слой известия, песка и мелкого щебня, образовавшегося при разрушении и разборке куртины А» [Герцен, 1990, с. 153]. К сожалению, в подтверждение своих важных наблюдений исследователь приводит весьма условно зафиксированную стратиграфию раскопа, полагая, что и разрушение и строительство новой куртины произошло во время осады Феодоро османами в 1475 г. [Герцен, 1990, с. 153, рис. 39].

²⁶ Например, А. А. Никонов отмечает, что у ворот башни «первоначальная стена по горизонтальной плоскости между камнями кладки сдвинута косо к югу, юго-востоку так, что с лицевой стороны образовалась сужающаяся к востоку полочка шириной 12, 10 и 5 см, а внутренний фас подобным же образом навис над основанием. По внутреннему фасу стена наклонилась на 1–2° в ту же сторону, что и сдвинулась. Более южный участок стены (где сдвигание было больше и устойчивость потеряна) отсутствует. В месте видимого сдвигания с внутренней стороны, т. е. куда верх стены подвинут, поставлена дополнительная укрепительная стена с сужением кверху. Здесь камни скреплены раствором другого состава. Прилежащая башня снаружи обложена вторым панцирем также явно при ремонте, вероятно, для укрепления после предшествующих повреждений. Подобные деформации не возникают в столь капитальных сооружениях на таком прочном основании при землетрясениях интенсивностью менее 8 баллов» [Никонов, 1994, с. 26].

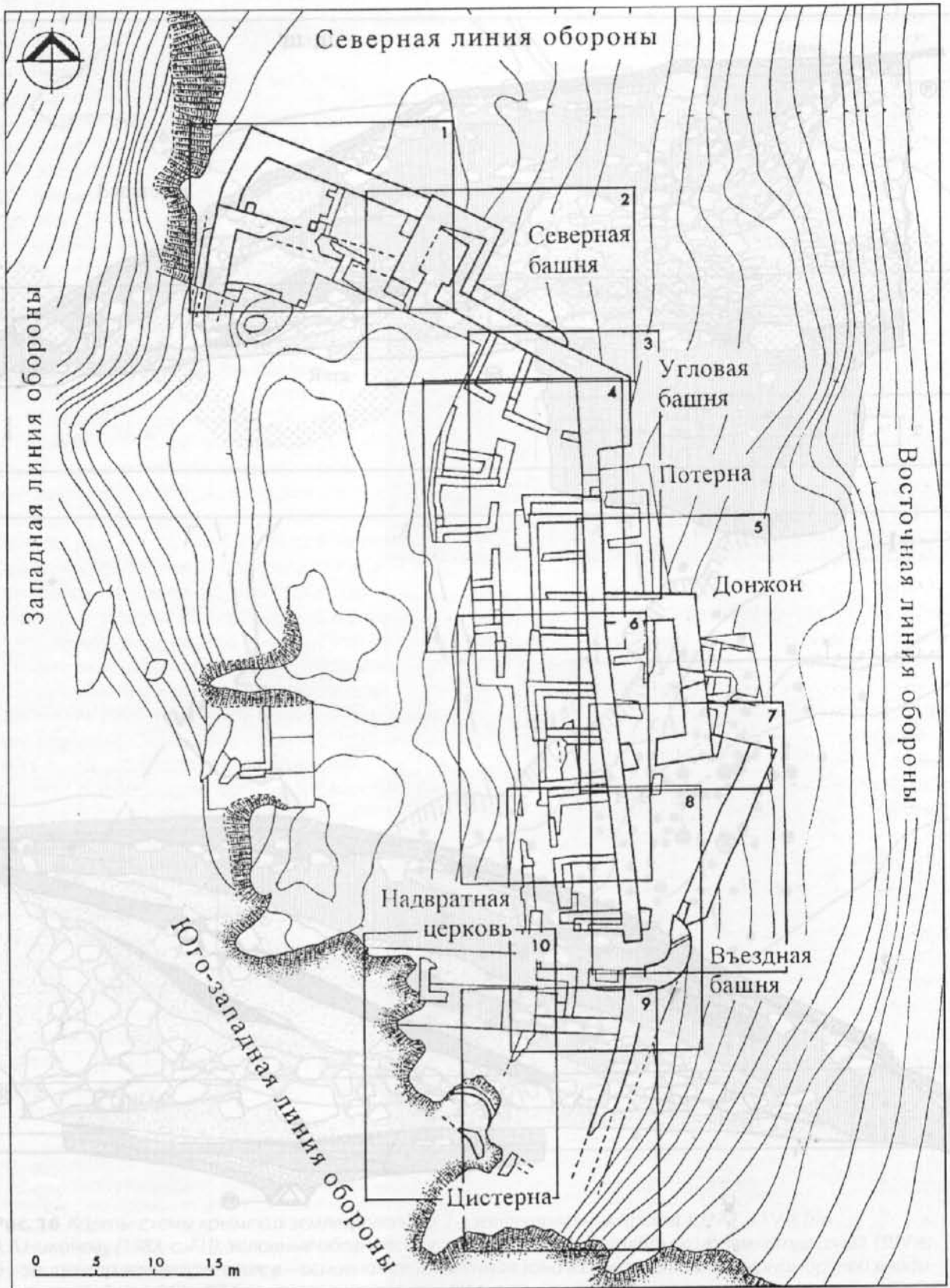


Рис. 14. План укрепления Фуна с обозначением стратиграфических разрезов (по Кирилко В.П. [2005, рис. 30])

Сейсмическими подвижками (Баранов, 1902, с. 6-7; 1903, с. 256-260). Стратиграфические и архитектурные наблюдения свидетельствуют о том, что в основе все

стационарны по своему характеру и типичны присущую ему пластичности (Баранов, 1902, с. 258). Характерные для южнорусских провинций (Баранов, 1909, с. 7-35) по-

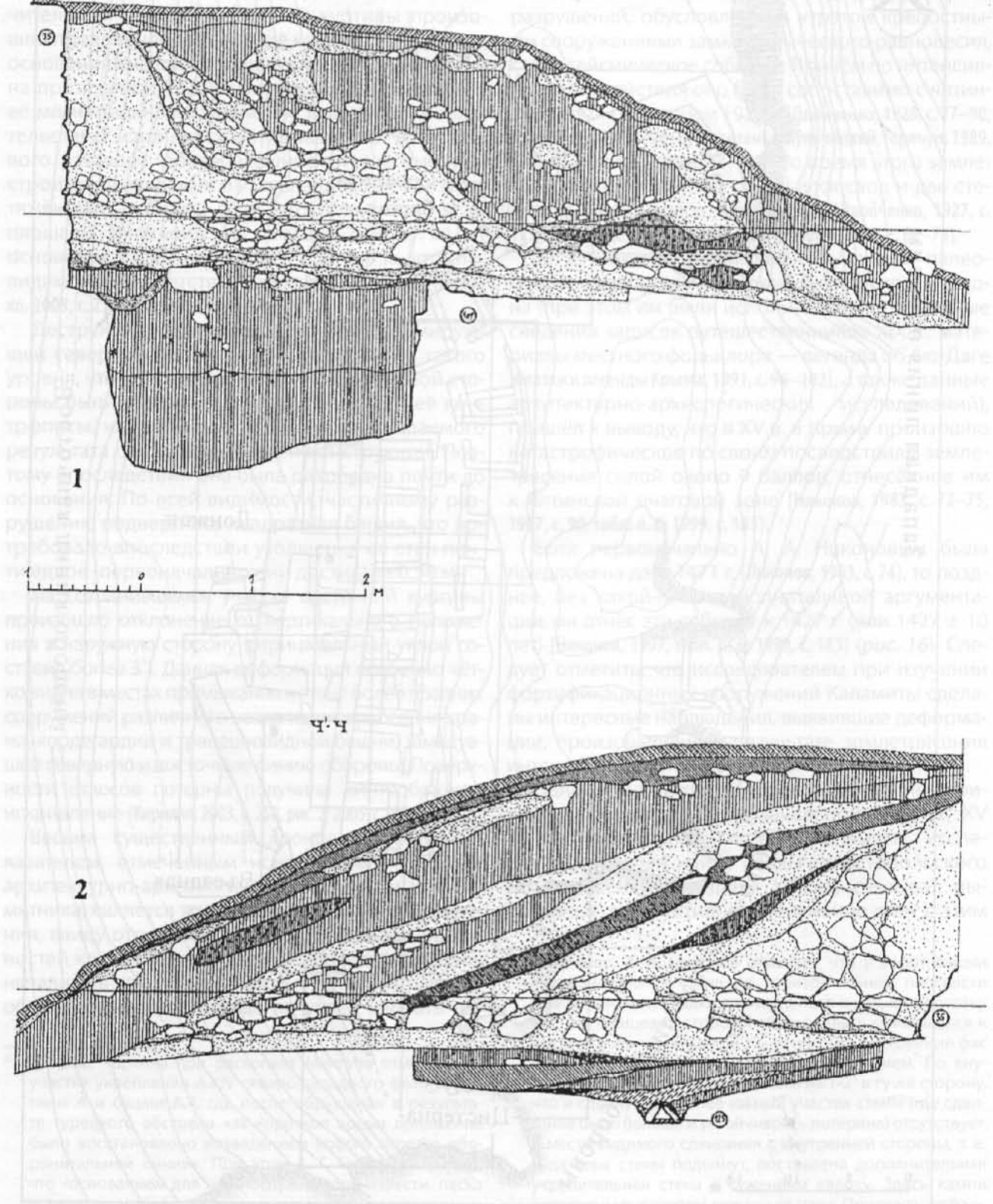


Рис. 15. Стратиграфические разрезы напольной стороны восточной оборонительной стены крепости Фуна: 1, 2 – участок крепостной ограды 1422/23 гг. у потерны



Рис. 17. Доформированная кладка оборонительной стены Каламиты и подпирающая её куртина (вид с запада)

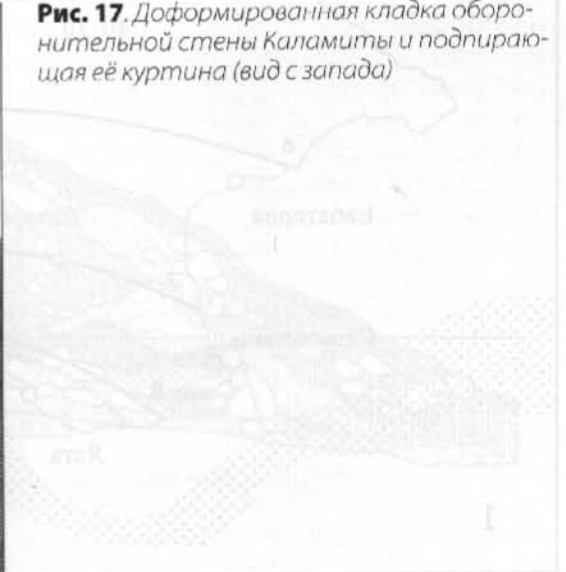


Рис. 18. Следы деформации крепостной стены Каламиты

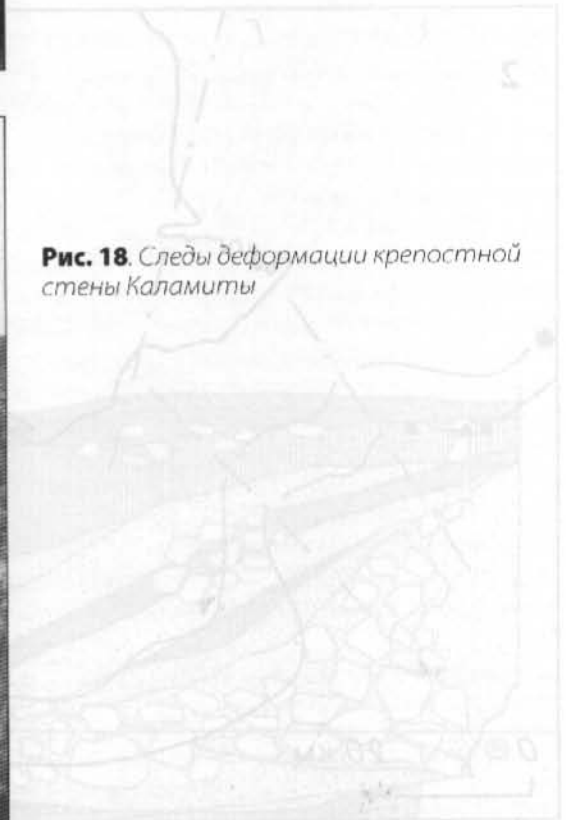


Рис. 18. Следы деформации крепостной стены Каламиты

событием, основываясь на авторитетном заключении А. Л. Бертье-Делагарда о существенной реконструкции фортификационных сооружений Инкермана (Каламиты) при османах в конце XVI или в самом начале XVII в. [Бертье-Делагард, 1886, с. 186–189; Никонов, 1994, с. 26–27].

Предложенная А. А. Никоновым датировка вызывает большие сомнения по той причине, что генуэзцы, захватив Каламиту 10 июня 1434 г., сожгли крепость до тла (следы этого пожара и сейчас видны на внутренней стороне башни № 2), а вскоре вынуждены были приступить к её восстановлению [Мыц, 1991а, с. 56–59, 136–137]. Причём предпринятой лигурийцами реконструкции северо-западной линии обороны явно предшествовали строительные мероприятия, обусловленные необходимостью устранения негативных последствий землетрясения [Кирилко, 2003, с. 266]. Именно до 10 июня 1434 г. к поврежденной куртине с внешней стороны для придания ей большей устойчивости была пристроена башня № 2, а с внутренней — подпирающая её стена.

Ещё одним объектом, на котором проводились значительные по площади раскопки, является средневековая Луста. Явных следов каких-либо деформаций, вызванных сейсмическим воздействием, здесь вроде бы не выявлено. Правда, до настоящего времени остался невыясненным вопрос, что явилось причиной полной перестройки генуэзцами во второй четверти — середине XV в. северо-западного участка оборонительной стены цитадели (его протяженность более 30 м), возведённой ещё при Юстиниане I (527–565 гг.). Новая куртина была установлена на довольно крутом склоне, что потребовало при строительстве специальных работ по его нивелировке, уничтожившей все более ранние культурные напластования. В связи с этим можно высказать предположение о значительных разрушениях ранневизантийской стены, произошедших также в момент землетрясения конца 1423 г. (?).

Возможные масштабы разрушений землетрясения, состоявшегося предположительно после 9 октября, но не позже середины декабря 1423 г.²⁷, в некоторой степени реконструируют статистические данные, собранные после 26 июня и 12 сентября 1927 г. [Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, 1989, с. 42–55; Князева, 1999, с. 89–99]²⁸.

²⁷ Уточнить дату этого сейсмического явления позволяет содержащееся в легенде об Аю-Даге указание на то, что землетрясение случилось в начале зимы: ноябрь ± 1 месяц [Кирилко, 2001, с. 7].

²⁸ Приведём только те из них, которые непосредственно касаются рассматриваемых памятников или прилегающих к ним территорий. Алушта. На момент землетрясения в городе находилось 650 домов, пострадало 532 здания. Совершенно разрушено 119 домов. Сильно повреждённых, требующих для восстановления капитального ремонта — 179. Незначительно повреждено 234 [Князева, 1999, с. 93]. «Треснула и грозит обвалом массивная генуэзская башня» [Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, 1989, с. 52]. Демерджи (с.

В целом, в 1927 г. по всему побережью (от Фороса на западе до Туака на востоке) разрушения и повреждения зданий были значительны. В это же время в Феодосии и Судаке общая ситуация оказалась намного благополучней, а в Балаклаве повреждения в основном состояли из трещин в кладках стен вторых этажей и в перемычках. «На Генуэзской крепости не упал ни один камень и даже неустойчивые по виду руины прекрасно выдержали испытание. С береговых скал у входа в бухту упала небольшая глыба» [Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, 1989, с. 52].

Отдавая отчёт в большой доле условности подобных интерполяций, всё-таки позволю себе предположить, что последствия землетрясения 1423 г. могли быть более значительными по своим негативным последствиям, чем сейсмические катаклизмы 1927 г. [Никонов, 2002, с. 72–111] (рис. 19). При этом необходимо учитывать и специфику религиозной ментальности средневекового населения горного Крыма (Готию), пережившего, по-видимому, значительное психическое потрясение от впервые увиденного им и необычайного по своим масштабам природного явления [Кирилко, 2003, с. 264], когда (согласно данным легенды об Аю-Даге) поднявшимися волнами было смыто несколько деревьев, образовались глубокие овраги и ущелья, «рушились с грохотом скалы и целые горы, рассыпая далеко вокруг груды осколков» [Сказки и легенды Крыма, 1991, с. 98–99]²⁹.

В действительности столь знаменательное событие должно было найти отражение не только в преданиях и легендах, но прежде всего в генуэзских письменных источниках (донесениях консула и массарии), которые до настоящего времени не выявлены. По-видимому, это дело будущего. В случае открытия документов, содержащих сведе-

Лучистое). Из 365 домов пострадало 155, из них полностью разрушено 9, сильно повреждено 41, несильно повреждено 105. Произошёл обвал на г. Демерджи. Рухнул свод и две стены средневековой церкви [Двойченко, 1928, с. 123]. Дегерменкой (ныне с. Запрудное). Из 385 домов 198 разрушено совсем. Партеит. Домов до землетрясения 64, разрушено 64. Кизил-Таш (ныне с. Краснокаменка). Всего домов 275. Пострадало 159, из них разрушено 34, сильно повреждено 30, несильно повреждено 95. Гурзуф. Из 343 домов пострадало 253, разрушено 50, сильно повреждено 99, не сильно повреждено 104. Ай-Василь (ныне с. Васильевка, г. Ялта). Всего 370 домов. Пострадало 145, совершенно разрушено 25, сильно повреждено 32.

²⁹ Подобные природные явления, надолго оставляя память в народном сознании, объяснялись как кара Божия, а дни прекращения праздновались оставшимися в живых, воспринимавшим спасение как ниспосланную свыше благодать. Например, с 740 г. было установлено празднование «воспоминания великого труса» (землетрясения), произошедшего в Константинополе 26 октября при императоре-иконоборце Льве III Исавре (717–741 гг.). В этот день в столице ромеев оказались разрушенными многие высокие здания, в их числе немало церквей. «... От сотрясения земли море всколыхалось и затопило прибрежные селения. Панический ужас объял всех жителей города, и многие лишились жизни от страха. Тогда все обратились с молитвою к Господу и Пресвятой Богородице, и землетрясение прекратилось» [Бухарев, 1996, с. 606].

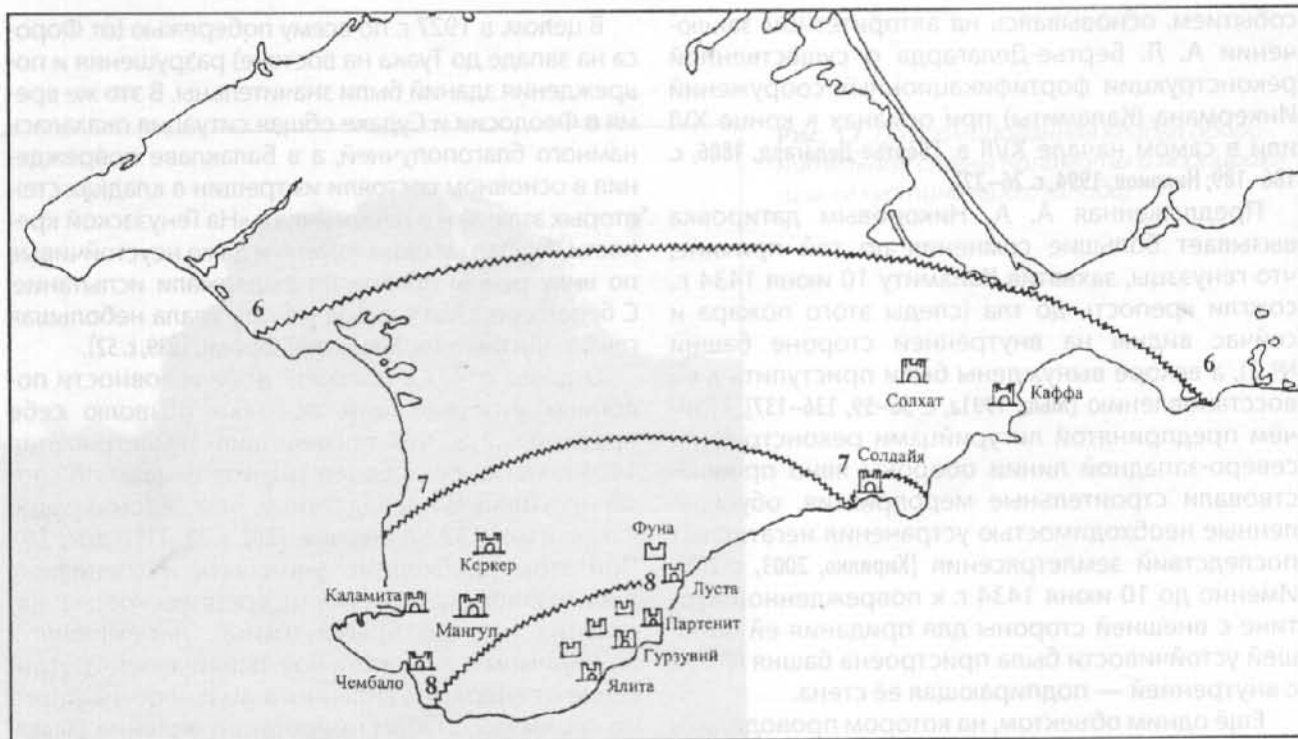


Рис. 19. Карта-схема расположения основных памятников Газарии XV в. с нанесением изосейсты 8 (8 – 9?) баллов землетрясения 1423 г.

ния о землетрясении (*perturbationes terrenaе*) времени первого вооруженного конфликта между Каффой и Феодоро (1422–1423 гг.), удастся определить точное время катастрофы и размеры её реальных последствий³⁰.

Как бы то ни было, но данная гипотеза остаётся пока единственной, способной объяснить внезапное прекращение войны и последовавшее затем беспрецедентное по своим масштабам для первой половины XV в. строительство, которое велось на территории Готии, явно не затронутой конфликтом 20-х гг. XV в. (рис. 19).

2.2. Генуэзская Газария, Готия и Крымский улус Золотой Орды в первой трети XV в.

Известия о событиях, происходивших в Газарии осенью 1423 г., достигли Генуи не ранее конца января 1424 г. Об этом позволяет судить инструкция от 1 февраля 1424 г., подготовленная губернатором Генуи, Советом Старейшин и Оффицией Попечения Романи для консула и массариев Каффы [Jorga, 1897, p. 155–157; Vanescu, 1966, p. 566; Balletto, 2000, p. 3–8]. В ней, по крайней мере, три пункта имеют

непосредственное отношение к урегулированию конфликта с Алексеем и ханом Улу-Мухаммедом.

2.2.1. Генуэзская Газария в 20-х — начале 30-х гг. XV в.: первые признаки экономического кризиса

С удовлетворением отмечая шаги магистратов Каффы, предпринятые для установления мира с владетелем Феодоро, правители метрополии рекомендуют подготовить проект договора, который был бы подписан лично самим Алексеем I (Старший)³¹. Что же касается «императора» татар, то необходимо было избегать любого повода и возможности его участия «в возмущениях и войне» (*scandalorum et guerre*), постоянно следуя в своих действиях совету известной местной поговорки (*proverbium*): «Каффинский меч в ножнах опасней (убедительней), чем извлечённый (обнажённый) [для удара]» [Balletto, 2000, p. 5]³².

³¹ «*Pacem firmatam cum Alxio, quoniam formam et pacta illius non vidimus. Que tamen rectius fecisset si formam ipsius pacis et conventiones nobis nota <s> fecissetis*» [Balletto, 2000, p. 5].

³² «*De imperatore. Cum quo siquidem imperatore volumus et committimus vobis expresse ut, omnibus artibus et ingenio, vivere pacifice studeatis // [c. 4r.] et tollere de medio omnem materiam scandalorum et guerre, que pericula grandia, fames et expensas inducunt, semper habendo illud proverbium menti: «Gladius caffensis in vagina gravius quam evaginatus offendit». Si autem, ut scribitis, illum abire contingat aut vos id posse fieri sine periculo vel scandalo, credideritis*» [Balletto, 2000, p. 5]. Афоризм «Каффинский меч в ножнах опасней (убедительней), чем извлечённый (обнажённый) [для удара]» [Balletto, 2000, p. 5] представляет собой, по-видимому, уникальный (другие примеры мне не известны) образец латинского фольклора, появившийся в среде местных колонистов в

³⁰ Единственным известным мне на сегодня источником, в котором ретроспективно отражены события 20-х гг. XV в. (?) (голод и последовавшее за ним землетрясение), является «Летопись Кипчакской Степи» Абдуллаха ибн Резвана, написанная автором в Кефе в 1610/11–1635 гг. Так, во II разделе своего сочинения ибн Резван, описывая Дешт и-Кипчак, говорит о том, что бедствия не миновали и этот богатый край. Автор летописи сообщает (л. 4 recto) о голоде и землетрясении (зелзеле), постигших некогда Крым [Зайнчковский, 1969, с. 16].

Помимо этого консул и массарии Каффы сочли полезным сохранить должность капитана антибургов до тех пор, пока не будет полной уверенности в мире и не исчезнут подозрения в войне с татарами. С данной просьбой они обратились в метрополию. Поэтому в инструкции дано предписание: «<...> пока вы не убедитесь в искренности мира со стороны императора Сурката <...>», необходимо оставить занятой официю капитана антибургов, которая не очень обременительна, но весьма важна для охраны пригорода, и особенно в ночное время³³. Кроме того, 28 февраля 1424 г. отдельным распоряжением губернатора, Совета Старейшин и *Officium Provisionis Romaniae* на эту должность утверждена кандидатура Батисты Сахерии (*Batiste Sacherii*), который был обязан занимать *officium capitaneo antiburgorum*, получая соответствующую зарплату в течение года или до момента наступления для республики истинного мира [Jorga, 1897, p. 160; Banescu, 1966, p. 579, 580, n. X; Balletto, 2000, p. 17–18, doc. 11]. 12 июля 1424 г. эта официция по просьбе магистратов Каффы переходит к сыну Батисты — нотарию Бартоломео Сахери (*civis noster Bartolomeus Sacherius, notarius*). Вероятно, представление на занятие этой должности Бартоломео было отправлено в Геную ещё в мае месяце. Для нас особенно интересна находящаяся в постановлении формулировка мотивации введения и продолжительность срока службы нового капитана антибургов: «<...> *in casu quo duraret vel guerra vel guerre vel guerre suspectio* <...>» («в случае неблагоприятного [оборота дел] или войны, либо подозрений [на] войну») [Jorga, 1897, p. 160; Banescu, 1966, p. 590, n. XXXIV; Balletto, 2000, p. 43–44, doc. 36]. Как видим, приведённые выше источники недвусмысленно указывают на серьёзные опасения генуэзцев относительно намерений Улу-Мухаммеда начать войну против Каффы.

По-видимому, действуя по своей инициативе и сообразуясь со сложившимися обстоятельствами, магистраты Каффы 26 февраля 1424 г. направляют к Алексею I (Старшему) с посланием от коммуны оргузия — армянина Симона (на выполнение этой миссии из городской казны ему выплачено 60 аспров) [Jorga, 1899, p. 333; Vasiliev, 1936, p. 204, n. 2; Байер, 2001, с. 207].

Но отношения между обеими сторонами продолжают оставаться напряжёнными. Об этом сви-

один из моментов обострения политической обстановки на территории полуострова. Не исключено, что данное высказывание, известное в первой четверти XV в. уже как поговорка, относится ко времени так называемой «Солхатской войны» (*Bellum de Sorcati*) [Basso, 1990, p. 11–26], когда в 1385–1386 гг. Каффе удалось одержать победу над татарами не столько путём применения силы, сколько благодаря активной демонстрации готовности её применить.

³³ «*De capitaneo antiburgorum. Pro presenti et donec aperte videatis vos esse in pace cum Sarcatensi imperatore, laudamus et volumus non deleri capitaneatum antiburgorum, ymmo illum diligenter vacare custodie, cui deputatus est, presertim noctis tempore, ne nimia persimonia periculum generet vel discrimen*» [Balletto, 2000, p. 4–5, doc. 1].

детельствует и содержание переписки между правительством метрополии и официальными Каффы. Так, например, в преамбуле к очередной инструкции, подготовленной для чиновников Газарии (датируется 28 января 1425 г.) [Balletto, 2000, p. 51, n. 42], говорится о том, что в Геную непрерывно поступают многочисленные письма от граждан и горожан Каффы. При этом одни полагают, что консулы в большинстве случаев поступают справедливо, сохраняя мир, в то время как другие «беспрестанно жалуются и скорбят» (*queruntur et dolent*) по поводу высокой цены своего бремени, предлагая добиться свободы и спокойствия, послав Алексею специально приготовленное «лечебное средство» («<...> *de medico et medicinis missis Alexio de Getico* <...>») [Balletto, 2000, p. 51, n. 42]³⁴.

Прекращение военных действий и установление относительно мирных отношений на про-

³⁴ Х.-Ф. Байером высказано предположение, что полученная генуэзцами в 1381 г. по договору с Элиас-Беем территория (страна), «прибрежная приморская Готия», называется, как кажется, византийским именем «Капитанство Готия», которое надо перевести на греческий: *κατεπάνικιον Γοθίας* — «катепаникон» (катепанат) Готия. Катепаникон возглавлялся катепаном (*κατεπάνω*), подчинённым стратегу» [Байер, 2001, с. 144]. Таким образом, исследователь предлагает считать, что должность капитана (*capitaneatus*) у генуэзцев сохранилась как рудимент «византийского разделения фемы на катепаниконы» [Байер, 2001, с. 217]. При всей оригинальности подобной трактовки, следует признать, что на сегодняшний день отсутствуют какие-либо свидетельства источников для её подтверждения. Интересно отметить, что ни до, ни во время войны с владельцем Феодоро Алексеем I (Старшим) в 1422–1423 гг. генуэзские источники не отмечают официалов в должности капитанов Готии (*capitaneus Gotiae*), так же как и не упоминают они военно-административного управления «Капитанства Готия» (*Capitaneatus Gotiae*). И этот казус нельзя считать случайным. В своё время А. А. Васильев высказал предположение, что титул «*Vicarius ripariae marinae Gotiae*» был учреждён временно, при подписании договоров 1380–1381 гг. После полного примирения с татарами в 1387 г. вновь приобретённая территория преобразуется в «Капитанство Готии». Её правитель стал именоваться «капитаном Готии», резиденция его располагалась в Каффе [Vasiliev, 1936, p. 182]. Данная посылка исследователя строилась на источнике, частично опубликованном Н. Йоргой [Jorga, 1899, p. 16]. Однако в нём приводится имя «викария Готии» (*vicarius Gotiae*), присутствовавшего в Каффе вместе с представителем хана Тохтамыша и наместником Солхата Элиас-Беем на торжественном рождественском обеде 25 декабря 1380 г. (документ датирован 8 февраля 1382 г.). Ясность в решение этого вопроса внесена недавно А. Л. Пономарёвым при издании материалов массарии 1379–1381 гг., указывающих, что в этой должности пребывал Джованни ди Камольи [Пономарёв, 2000, с. 326, 430]. Тем не менее, имена капитанов Готии не известны нам до 1429 г. (в консулат Луиджи Сальваго первым (?) капитаном Готии назначен Батиста ди Гендино [Canale, 1855, II, p. 306]), т. е. в течение почти 49 лет истории генуэзских факторий в Газарии. Следовательно, можно признать, что официция капитана Готии учреждается только после первого вооружённого конфликта с Алексеем I (Старшим) в 1422–1423 гг., а до этого она отсутствовала в номенклатуре должностных лиц Газарии. По-видимому, в необходимости создания специального военно-административного управления в виде Капитанства Готия генуэзцы убедились в ходе войны 1422–1423 гг.

тяжении 1424–1432 гг. предполагает заключение такого договора между обеими сторонами, которым были бы урегулированы спорные (вероятнее всего, территориальные) вопросы. Это устраивало и владетеля Феодоро, и Каффу. О целесообразности подписания такого договора указывалось в инструкции от 1 февраля 1424 г. Но были ли в реальности осуществлены эти намерения генуэзской администрации или нет, не известно. Вероятно, в 1424 г. устанавливается «граница» между землями, находившимися под юрисдикцией коммуны Каффы (располагалась между Лустой и Чембало — условно называется «*riparia marina Gotia*») и Алексея I (Старшего) («Готия» и «Поморье»). В связи с тем, что господину Феодоро удалось закрепить в Каламите, построив недалеко от гавани новое укрепление на месте ранневизантийского (VI–VII вв.), можно считать эту крепость крайним западным пунктом его владений. На востоке в подвластную Алексею I (Старшему) территорию входила Фуна со сторожевым фортом, возведённым в начале 20-х гг. XV в. (1422–1423 гг.).

О сложном финансовом положении лигурийских факторий в Газарии после конфликта между Кафзой и Феодоро могут свидетельствовать несколько документов, являющихся своеобразной репликой на ранее происходившие в Таврике политические события. Речь идёт о регестах документов фонда *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи. Часть из тех, что относятся к истории Причерноморья, опубликованы С. П. Карповым [Карпов, 1995б, с. 9–19; 1998, с. 9–81]. Так, например, 12 февраля 1425 г. на совместном заседании в лоджии Генуи губернатор, старейшины, члены официи Попечения и Монеты занимались рассмотрением петиции 8 протекторов и прокураторов Банка Сан Джорджо. Представители Банка настаивали на получении от коммуны или массарии Каффы 32 000 лир, ассигнованных ранее консулам и официалам Каффы на ведение войны и другие нужды. После длительной дискуссии было принято решение для погашения долга «создать от 30 до 32 *loca*, объединив их с ранее учреждёнными *loca* Каффы (их число — 246) на равных с ними условиях, и продать их с аукциона. Уплата процентов с них — в июне 1425 г. и в последующие годы по ставке 8% годовых» [Карпов, 1998, с. 14]. Источниками поступления данных средств, выплаченных Банку коммуной и массариями Каффы, являлись габеллы и другие налоги коммуны Каффы и подчиняющихся ей мест [Карпов, 1998, с. 14].

Но финансовое положение в причерноморских факториях Генуи не улучшилось ни в 1426, ни в 1427 гг., а недостаток средств приобретает хронический характер. Поэтому официалы Каффы вынуждены были вновь обратиться к правлению Банка Сан Джорджо с просьбой о предоставлении очередного кредита. Его гарантом выступало правительство метрополии. По этому поводу губернатором и старейшинами Генуи 21 октября 1427 г. издан декрет «о предоставлении Банку Сан Джорджо в обмен на

заём 26250 лир поступлений от увеличения сталий с официалов» факторий, вступивший в силу с 1 января 1428 г. [Карпов, 1998, с. 15]³⁵. Всего с чиновников административного аппарата при вступлении в должность должно было взыскиваться в счёт погашения Банку кредита 1865 лир. В таком случае, без учёта процентов до полного возврата понадобилось (если погашение происходило только за счёт взыскания сталий) не менее 14 лет.

Установление дополнительных налогов на занимаемые чиновниками в факториях должности не всегда находило понимание с их стороны. Об этом свидетельствует один документ, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Например, мать и жена Баттисты Имперiale, исполнявшего в 1426–1427 гг. должность консула Чембало, 10 марта 1427 г. обратились к губернатору и старейшинам Генуи с прошением о том, чтобы Баттиста был освобождён от уплаты аварий, т. к. «<...> из-за бедности и ради поддержания дома и семьи отправился консулом Чембало, каковая должность не соответствует ни его достоинству, ни его положению (*non erat officium pro suo honore, neque pro suo statu*)» и поэтому «он ошибочно внесён в списки для уплаты принудительного займа в 12 флоринов» [Карпов, 1998, с. 15].

Данный источник убедительно свидетельствует, что после потрясений, которые пришлось пережить обитателям генуэзских факторий Газарии в начале 20-х гг. XV в. (засуха, голод, землетрясение, обострение политических отношений с Феодоро, вылившееся в открытое военное столкновение), было не много желающих отправиться из метрополии в восточные владения для занятия там должностей. Побудительным мотивом для Баттисты Имперiale была крайняя нужда (он был отцом 4 сыновей и 5 дочерей, одна из которых вышла замуж и за неё необходимо было уплатить приданое [Карпов, 1998, с. 15]).

Однако, как оказалось, после завершения срока своих полномочий, Баттиста так и не получил причитающейся за службу полной суммы оклада консула Чембало (40 соммо?), потому что, по мнению официалов Каффы, допустил перерасход средств, отпущенных на фортификационные работы. Эксконсул вынужден был обратиться к правительству Генуи с просьбой разрешить по закону и справедливости сложившуюся ситуацию, ссылаясь на то, что в своих действиях руководствовался исключительно данными ему распоряжениями.

³⁵ Из приведённого в декрете списка следует, что с консулата Каффы взималась сталия в 300 лир, с подестата аббатии Перы — 200 лир, консулата Трапезунда — 10 лир, консулата Таны — 125 лир, консулата, капитании и массарии Чембало — 50 лир, массарии Каффы — 250 лир, капитанства бургов Каффы — 250 лир, министрии Каффы — 250 лир, консулата, капитании и массарии Солдаи — 125 лир, консулата Самастро — 125 лир, консульства Копы — 50 лир, консулата Севастополиса — 30 лир, *cogotaria (jogotaria) grani* Каффы — 25 лир, консулата Синопа — 20 лир, с четырёх скрибаний консульства Каффы — 90 лир, со скрибании массарии Каффы — 75 лир, с подеста Хиоса — 100 лир. [Карпов, 1998, с. 16].

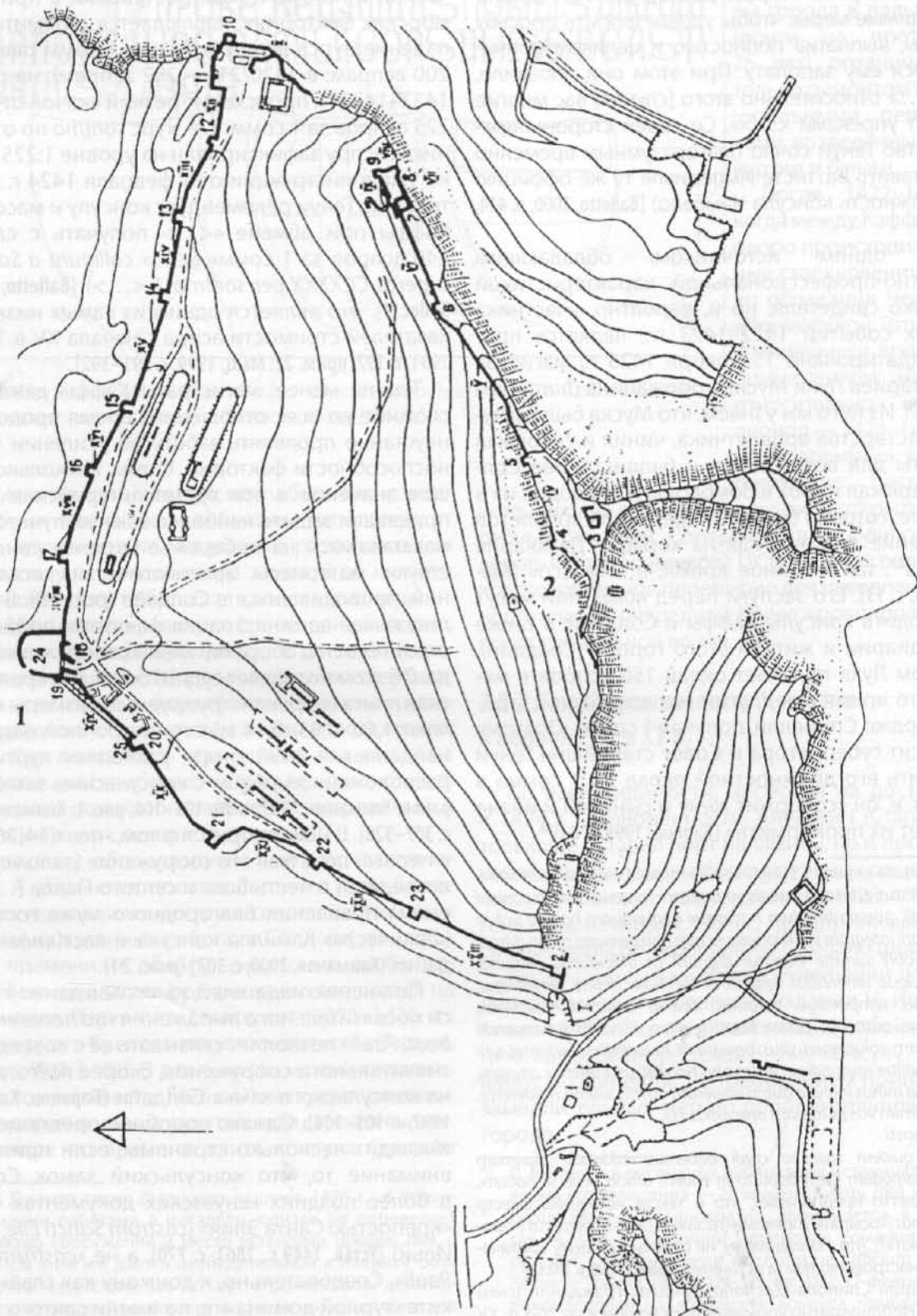


Рис. 20. Крепость Солдайя XIV – XV вв. 1 – Нижний город (каструм Санта Кроче); 2 – Верхний город (каструм Санта Элиа)

Рассмотрев прошение Баттисты Империаля, губернатор Генуи, Совет Старейшин и Оффичия Печеня Романии 20 августа 1427 г. направили консулу и массариям Каффы распоряжение принять необходимые меры, чтобы удовлетворить просьбу Баттисты, выплатив полностью и целиком причитающуюся ему зарплату. При этом они добавили, что «<...> относительно этого [случая] вас многие осыпают упреками <...>». Со своей стороны правительство Генуи сочло благоразумным временно предоставить Баттисте Империаля ту же официю (т. е. должность консула Чембало) [Balletto, 2000, p. 424, doc. 261]³⁶.

Ещё одним источником, обладающим личностно-профессиональной характеристикой не только свидетеля, но и, вероятно, участника военных событий 1422–1423 гг., является прошение (датировано 15 ноября 1425 г.) магистра баллистариев Луки Муска, горожанина (*burgensis*) Солдайи. Из него мы узнаём, что Муска был «искусен в мастерстве арбалетчика, чинил и снаряжал арбалеты для всех социев и баллистариев Солдайи, заряжал порох в бомбарды и приводил их в действие, готовил болты и стрелы для арбалетов и оперение для них, как на корабле Дзаккария Спинола³⁷, так и в иное время, в Симиссо» [Карпов, 1998, с. 13]. Его заслуги перед коммуной могут подтвердить консулы Каффы и Солдайи, а также стипендиарии и жители этого города (Солдайи). При этом Лука получает оклад 150 аспров в месяц, «в то время как другой магистр баллистариев, Джорджо Спинелли, получал 1 сомм». Поэтому он просит губернатора и Совет старейшин Генуи увеличить его должностной оклад до 1 сомма в месяц, т. к. он «содержит жену и сыновей и иначе не может их прокормить» [Карпов, 1998, с. 13]³⁸.

³⁶ «*Pro Batista Imperiali. Egrigie et circumspecti viri, nobis carissimi. Conquestus est nobis nobilis vir Baptista Imperialis, olim consul Cimballi, quemadmodum hucusque nequaquam habere potuit sui salarii integram solutionem: ex quo non possumus non mirari, cum nobis summe videatur dignum ut officialibus comunis, et precipue tenentibus oppida et fortificia, debite persolvatur, congruis temporibus. Volumus itaque, committentes vobis expresse, quatenus eidem Baptiste circa eiusdem sui stipendii integram solutionem situs benigni et favorabiles, facientes sibi effectualiter responderi, ne de vobis habeat juste querere causam, que non minus ingrata quam insperata nostris animis redderetur. In hoc enim vos plurimum oneramus (1).* XX augusti.

Quod quidem maxime cordi habemus, informati plurimum quemadmodum idem Baptista in eodem officio bene se habuit. Л. Баллетто предполагает, что в тексте источника вместо *oneramus* («осыпать упреками») должно быть *honoramus* («прославляют?»), что, по-видимому, не отвечает общему критическому настроению текста источника [Balletto, 2000, p. 290, (2)].

³⁷ Дзаккария Спинола (*Zacharias Spinula*), гражданин (*civis*) Генуи. Неоднократно упоминается в документах 20-х гг. XV в., занимал должности кацелярия и провизора (*consiliarius et provisor*), а затем и подеста Перы [Balletto, 2000, p. 9–10, 31–32, 146, doc. 2, 25, 129].

³⁸ В документах этого времени (8 марта 1426 г.) находим сведения ещё об одном представителе этой фамилии — Джованни Муска (*Iohanni Musche*), служившем баллистарием в Пере [Balletto, 2000, p. 142–143, doc. 125, 126].

Ходатайство солдайского магистра баллистариев становится более понятным, если учесть, что в 1425 г., по-видимому, из-за сложной экономической и политической обстановки в причерноморских факториях, наблюдается стремительное падение курса аспра (в 1410 г. 1 сомм равняется 200 аспрам; в 1420/21 — 202 аспрам); на рубеже 1422–1423 гг. происходит резкий скачок от 202 до 225 аспров за 1 сомм. Т. е. курс *sommo* по отношению к аспру зафиксирован на уровне 1:225. Однако уже в инструкции от 1 февраля 1424 г. правительство Генуи рекомендует консулу и массариям Каффы при обмене «<...> получать с сарацин 240 аспров за 1 сомм» («<...> *colligunt a Saracenis asperos CCXXX per sommo 1 <...>*») [Balletto, 2000, p. 5, doc. 1]. Это является одним из самых низких показателей стоимости аспра с начала XV в. [Карпов, 1991, с. 197, прим. 22; Мыц, 1999, с. 391–392].

Тем не менее, магистраты Каффы даже в это сложное во всех отношениях время продолжают неустанно проявлять заботу об усилении обороноспособности факторий. О том, насколько большое значение в это время лигурийские власти придавали защите наиболее важных пунктов, располагавшихся на побережье Газарии, свидетельствуют материалы археологических исследований, проводившихся в Солдае (*рис. 20*). В 1426 г. генуэзская администрация фактории продолжает строительство оборонительных сооружений города. Об этом позволяет судить большая геральдическая плита (её реконструируемые размеры составляют 1,60×0,93×0,14 м) с пятистрочной надписью, найденная в 1990 г. при раскопках куртины VI, расположенной рядом с консульским замком [Баранов, Климанов, 1997, с. 99, 105–106, рис. 1; Климанов, 2000, с. 307–328]. В ней говорится о том, что: «[14]26 (года) в первый день мая это сооружение [заложено или возведено] в честь Бога и святого Павла [... во вр] емена правления благородного мужа господина [Франчес]ко Камилла консула и каст[еллана Сол] дайи» [Климанов, 2000, с. 307] (*рис. 21*).

По мнению издателей, наличие в данной надписи посвятельного выражения «*ad honorem Dei et beati Pauli*» позволяет связывать её с возведением значительного сооружения, скорее всего, донжона консульского замка Солдайи [Баранов, Климанов, 1997, с. 105–106]. Однако подобное предположение выглядит несколько странным, если принять во внимание то, что консульский замок Солдайи в более поздних генуэзских документах назван «крепостью Санта Элия» (*castrum Sancti Elie*, т. е. св. Ильи) [Устав, 1449 г., 1863, с. 770], а не «*castrum Sancti Pauli*». Следовательно, к донжону как главной архитектурной доминанте, по имени святого покровителя которого обычно получал своё название и весь замок, строительная плита 1426 г. консула и кастеллана фактории Франческо де Камилла не имеет непосредственного отношения, и следует искать иной фортификационный объект обороны цитадели города.

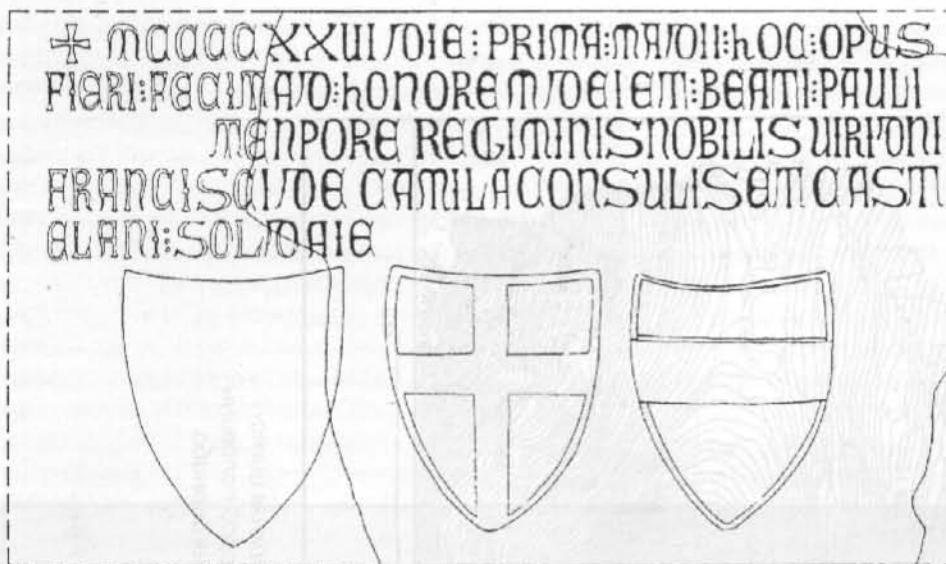


Рис. 21. Строительная плита 1426 г. консула и кастеллана Солдайи Франческо де Камилла (по И.А.Баранову, Л.Г.Климанову [1997, рис. 1])

Таковым, вероятнее всего, могла быть так называемая «Георгиевская башня» (именно неподалеку от неё обнаружена плита с надписью), расположенная к юго-западу от консульского замка. В её нижнем этаже находилась небольшая капелла (размеры — 5,10х4,25 м) с сохранившейся фресковой росписью, изображающей парящую фигуру в длинном одеянии [Секеринский, 1955, с. 71]. Но ни в одной из стен башни (как и вообще на фортификационных сооружениях цитадели) не видно следов ниш для закладной плиты. Она могла быть установлена над входом в прямоугольный тамбур (в настоящее время от него сохранилось только основание), пристроенный к башне и куртине с северной стороны³⁹.

Не во всём обоснованным выглядит заключение И. А. Баранова, полагавшего, что если более поздних геральдических плит, свидетельствующих о фортификационных работах в Солдаёе, до настоящего времени не обнаружено, то это якобы позволяет предполагать прекращение ведшегося на протяжении более пятидесяти лет (1371–1426 гг.) планомерного крепостного строительства [Баранов, Климанов, 1997, с. 106]. В реальности можно говорить лишь о том, что после 1426 г. (?) наступает длительный перерыв в новом капитальном строительстве. Следующая по времени плита консула Солдайи

³⁹ А. В. Джанов также связывает надпись 1426 г. со строительными работами в цитадели, однако не определяет характер сооружения и место установки [Джанов, 2004, с. 72]. При этом им даётся неубедительное и наивное объяснение отсутствия (за 16 лет строительной деятельности генуэзцев!) на башнях и стенах цитадели ниш для закладных плит: «Отсутствие строительных плит может говорить исключительно о том, что у строителей цитадели не хватало ни средств, ни времени украшать стены похвальными надписями. Такая ситуация могла сложиться только в период 1365–1381 гг., когда генуэзские власти в буквальном смысле слова восстанавливали город из руин» [Джанов, 2004, с. 74].

Бартоломео Джудиче датирована 1 октября 1451 г. [Скржинская, 1958, с. 168–172]. По-видимому, официалы города в дальнейшем (почти на протяжении 25 лет) ограничивались только ремонтом и незначительными перестройками возведённых ранее куртин и башен.

После 1422–1423 гг., когда между Каффой и Феодоро происходили военные столкновения за право обладания Чембало и «Приморской Готией», закончившиеся временным примирением, наступает относительно короткий период — 1424–1432 гг., — на протяжении которого генуэзские письменные

источники не отмечают каких-либо открытых враждебных действий. Соперники (в особенности владетель Феодоро Алексей I (Старший) использовали кратковременное перемирие для накопления сил и подготовки к очередной более кровопролитной и продолжительной войне.

2.2.2. Генуэзская крепость Чембало в первой трети XV в.

По всей видимости, несмотря на достигнутые в 1424 г. договоренности, Алексей I (Старший) не только не оставил порт Каламиты, но и продолжил работы по усилению оборонительных сооружений, пострадавших от землетрясения 1423 г. Поэтому генуэзцы, начиная с 1425 г., предпринимают энергичные меры по укреплению Чембало (рис. 22; 23).

Весьма интересен в этом отношении документ, датированный при первом издании Н. Йоргой 25 января 1425 г.⁴⁰ и представляющий собой инструкцию, адресованную тогдашнему консулу Чембало Филиппо Пинелли⁴¹, с требованием принятия незамедлительных мер по дополнительной защите города.

⁴⁰ Л. Баллетто в последней публикации источника уточняет время его написания — 28 января [Balletto, 2000, p. 50, n. 42].

⁴¹ *Filipus Pinellus* неоднократно упоминается в документах 1424/25 гг. Оффиции Попечения Рومании: 27 января 1424 г. назван среди кредиторов *Officium Provisionis Romaniae* [Balletto, 2000, p. 178–179, doc. 158]; 17 февраля 1424 г. рекомендован на должность консула Чембало [Balletto, 2000, p. 331, 332], которую, по-видимому, исполнял с октября 1424 г. по октябрь 1425 г., сменив на этом посту Дагнано Грилло [Banescu, 1966, p. 586, n. XXIV; Balletto, 2000, p. 30–31, doc. 24]; дважды (14 сентября 1424 г. и 11 мая 1425 г.), сроком на 6 месяцев, ему предоставлялась *officium ministrarie civitatis Caffae* [Banescu, 1967, p. 248, n. LXI; Balletto, 2000, p. 44–45, doc. 37, p. 84–85, doc. 69].



Рис. 22. Крепость Чебало XIV – XV вв.: А – консульский замок св. Николая (S. Nicola); Б – верхняя цитадель города 1357 – 1387, 1467 – 1475 гг., 1 – ров и вал 1345 г.(?); 2 – въездные сооружения второй половины XIV в. (?); 3 – дорога к главным воротам города; 4 – главные крепостные ворота; 5 – башня Барнабо Грилло; 6 – 7 – донжоны; 8, 9, 10, 11 – храмы; 12 – портовая башня с цистерной



Рис. 23. Крепость Чембало. Вид сверху и с востока (фото К.Вильямса и Г.Мака)

В своё время А. А. Васильевым был предложен следующий вариант перевода данного фрагмента: «Принимая во внимание величайшее упрямство и неблагодарность дерзкого Алексея, а также его предательство, мы опасаемся за Чембало, который суть глава всей Готии и, чтобы отвратить опасность, в которую это место легко может быть ввергнуто, мы, узнав, что это легко может случиться, быстро приняли решение; и мы приказываем вам, так как вы сами не способны решить, как освободить нашу республику от этой опасности, быстро принять меры с тем, чтобы крепость (*castrum*) Чембало была ограждена со стороны городских кварталов (*a latere burgus ripagula*) крепостным валом (?), рвами и другими сооружениями, которыми можно отделить самую крепость от города и укрепить её так, чтобы если — Боже избави! — случится какое-либо несчастье с городом, крепость смогла бы продержаться сама и оказать помощь городу и продовольствием и людьми, доставленными по дороге, которая ведёт с утёсов вниз к морю. Для постоянной охраны крепости мы решили послать не меньше 4–6 «*socios*» из Каффы, у которых нет семей или жён в Чембало. Консул должен находиться в крепости и иметь необходимые припасы (*munitionem habere necessariam*) по крайней мере, на 4 месяца» [Vasiliev, 1936, p. 204]⁴².

Однако сравнение текста перевода А. А. Васильева с последним изданием источника убеждает в некоторых неточностях в виде пропусков или дополнений, а также в интерпретации специальных терминов вроде «*loco*», «*burgi*», «*castrum*», которые в XIV–XV вв. несли вполне определённую смысловую нагрузку при обозначении конкретных топографических объектов, располагавшихся на территории генуэзской Газарии [Бочаров, 1998, с. 86, 89; 2000, с. 9–15]. Под «*loco*» в латинском тексте подразумевается Чембало как город, «*burgo, burgi*» — городские кварталы («предмestье»), а «*castrum*» — замок (цитадель). В переводе А. А. Васильева также отсутствует заключительная, достаточно важная фраза инструкции от 28 января 1425 г.⁴³

⁴² После первой публикации Н. Йорги [Jorga, 1897, p. 185–186] к данному источнику неоднократно обращались другие исследователи [Vasiliev, 1936, p. 202, 204–205; Banescu, 1939, p. 5; 1967, p. 236–238, n. XXXVII; Карпов, 1986, p. 158; 1989, p. 423; Карпов, 1990, с. 127; Balletto, 1989, p. 107; Balletto, 1991, p. 573; 2000, p. 50–55; Байер, 2001, с. 207–208 и др.].

⁴³ «*De Cimbalo. Attenta summa pertinacia et ingratitude illius insolentis Alexii, ex cuius insidiis timere cogimur loco Cimbali, qui est caput totius Gothie, itaque, ut evitentur discrimina que posset locus ipse faciliter incurrere, informati hoc habiliter ac salubriter fieri posse, mature decrevimus et committimus per vos ita disponi et celeriter provideri, quando-quidem recusastis republicam nostram hoc periculo liberare, quod videlicet castrum Cimbali fiant a latere burgi repagula, fosse atque alia, que castrum ipsum a burgo separent et fortificant, ita quod si, quod absit, aliquid sinistri in ipso burgo accideret, possit castrum ipsum teneri et illi dari auxilia, tam victualium quam hominum, per viam excogitatam per scopulos usque ad mare. Pro cuius castri continua deputari volumus saltem quatuor usque in sex socios, de Caffa mittendos, qui in Cimbalo nullum familiam vel uxorem habeant. Cogatur etiam consul in castro ipso morari et munitionem habere necessariam saltem pro*

Н. Йорга и А. А. Васильев встретили определённые трудности при переводе слова *ripagula* в тексте источника. Н. Йорга, например, считал, что более верно поместить здесь просто слово *ripa* = «берег» [Jorga, 1899, p. 385, n. 4]. А. А. Васильев предложил свой вариант перевода, заменив при этом латинское *ripagula* на английское *bulwarks* («бастион», «защита», «оплот») [Vasiliev, 1936, p. 204, n. 5], что не соответствует контексту самого источника.

В средневековом документе удивительно точно отражена топография местности: действительно, узкий вход в Балаклавскую бухту (его ширина не достигает и 200 м) ограждают скалы. При прохождении фарватера создаётся впечатление движения по «горлу» каньонообразного ущелья. Вероятно, помещённое Н. Йоргой в латинском тексте слово *ripagula* состоит из двух компонентов — *ripa* + *gula* (*gula* = «глотка», «горло»). В таком случае его можно перевести и как «горло залива», т. е. «береговая, наиболее узкая часть залива»⁴⁴.

В топонимике Северо-Западного Причерноморья можно привести ещё один пример. Это название порта и города Ликостомо (гр. *L...kostomo*, ит. *Licostomo*, н. Килия), который располагался на Килийском рукаве Дуная, в 45 км ниже Измаила и в 40 км от Чёрного моря⁴⁵. О Ликостомо в своём сочинении (1578 г.) упоминает Мартин Броневский: «Далее (за Монкастро — В. М.) расположено место, называемое турками Берибонием (*Beribonium*), а другими — Ликостомо (*Licistemun*) — «Волчьим горлом» (*Collum lipinum*) <...> недалеко от моря <...>» [Броневский, 1867, с. 336]. Северный рукав р. Кубань турки называли «Хоракул», а татары — «Карагул», т. е. «Чёрное горло» или «Чёрная протока» [Брун, 1863, с. 147]. В данном случае топоним состоит из тюркского *cara* («чёрный», «синий», «северный») и латинского *gula* («глотка», «пасть»).

В связи с этим позволю высказать предположение, что в генуэзском источнике (так, как его воспроизводил Н. Йорга) под словом *ripagula* может скрываться местный топоним (?). В таком случае, без знания конкретной топографии местности его действительно трудно (или невозможно) перевести дословно. Если данное предположение верно, то стоящее в латинском тексте «*burgus ripagula*» следует читать как «городские кварталы со стороны Рипагуля», где *Ripagula* является топо-

mensibus quatur. Quas munitiones novus consul Cimbali teneatur in precium recipere ab eius precessore, non propterea deficientibus solitis in burgo custodiis» [Balletto, 2000, p. 53, doc. 42, <1425>, gennaio 28, Genova].

⁴⁴ В топонимике Крыма есть подобный прецедент: река, прорезающая Большой Крымский каньон, на тюркском языке называется Аузун-Узень — «Ротовая река», т. е. «река, вытекающая изо рта, горла». На возможность трактовки латинского *ripagula* как местного топонима и существование его тюркских аналогов обратила моё внимание Л. А. Мыц.

⁴⁵ Сводку исторических и топографических сведений о Килии и Ликостомо см. в работе Н. Д. Руссева [Русев, 1999, с. 115–120].

нимом, обозначавшим устье (наиболее узкое место) залива Чембало.

Л. Баллетто в последнем издании источника несколько иначе восстанавливает спорный фрагмент: «<... a latere burgi repagula...», где *repagula* означает «барьер», «преграду», «препятствие» [Balletto, 2000, p. 53]. В таком случае меняется и смысловое содержание этой части инструкции. Его можно перевести: «<...> создав со стороны городских кварталов преграду из рва и других сооружений, которыми можно отделить сам замок (цитадель) от города». Как видим, чтения, предлагавшиеся Н. Йоргой (возводить оборонительные сооружения со стороны берега [залива] и городских кварталов) и Л. Баллетто (только со стороны городских кварталов), имеют принципиальное смысловое отличие.

Однако обратимся вновь к части инструкции от 28 января 1425 г., относящейся непосредственно к Чембало, и попробуем дать дополненный и исправленный вариант перевода: «[О Чембало. Принимая во внимание величайшее упрямство /упорство/ (*perticacia*) и неблагодарность /неудовольствие, неудовлетворенность/ (*ingratitude*), высокомерие /надменность, заносчивость, самомнение/ (*insolentis*) Алексея, а также его коварство /хитрость/ (*insidiis*), тщательно [всё] продумав, [мы] опасаемся насчёт /относительно/ города Чембало (*loco Cimbali*), который суть глава всей Готии и для того чтобы, насколько [это] возможно, избежать (*evitentur*) опасности (*discrimina*) [нападения], [которой] сам город (*locus ipse*) может быть подвергнут (*incurrere*), понимая насколько легко (*faciliter*) это может случиться, [мы] своевременно /быстро/ (*mature*) приняли решение; и [мы] приказываем вам, т. к. [вы сами] не способны решить, как избавить /освободить/ (*liberare*) нашу республику от очевидной опасности, и быстро (*et celerite*) принять меры на будущее: замок /цитадель, крепость/ Чембало (*castrum Cimbali*) со стороны (*fiant*) городских кварталов (*burgi*) [должна быть] защищена /прикрыта/ (*latere*) преградой (*repagula*), [состоящей] из рва (*fosse*), а также иным способом (*atque alia*); и притом, саму цитадель (*castrum ipsum*) отделить (*separent*) от городских кварталов (*burgo*) и укрепить (*et fortificent*) таким образом, чтобы если даже, городские кварталы, находящиеся на некотором расстоянии (*quod absit*) и расположенные на левом фланге (*sinistri*), [подвергнутся] нападению /осаде/ (*acciderent*), замок /цитадель/ смог бы при этом держаться /защищаться/ сам (*castrum ipsum teneri*) и мог оказать помощь (*dari auxilia*), как продовольствием (*victualium*), так и людьми (*hominum*), [доставленными, поставляемыми] по дороге, ведущей /проложенной/, с утёсов к морю (*per viam excogitatem per scopulos usque ad mare*). Для постоянной охраны замка /цитадели/ (*castrum*) мы решили послать, по крайней мере (*saltem*), четыре или шесть социев из

Каффы, у которых нет семей (*nullum familiam*) либо жён (*vel uxorem*) в Чембало. Также, тщательно [всё] продумав (*cogatur etiam*), [повелеваем], консулу в цитадели лично (*consul in castro ipso*), [без] промедления /немедля/ (*morari*), необходимо осуществить исправление /восстановление/ укреплений (*munitionem habere necessariam*), по крайней мере (*saltem*) за четыре месяца (*pro mensibus quatuor*). Кроме того, /без малого/ (*quas*), строя /восстанавливая/ укрепления (*munitiones*), новый консул Чембало (*novus consul Cimbali*), обязан /должен/ помнить (*teneatur*) о необходимости восстановления (*recipere*) охраны городских кварталов (*burgo custodiis*), не ссылаясь по обычаю /по обыкновению, как делалось обычно ранее /на недостаток (*deficientibus*) [людей?]/» [Balletto, 2000, p. 53, doc. 42].

Как видим, в латинском тексте представлена несколько иная характеристика самого Алексея I (Старшего), отличающегося не только величайшим упрямством (упорством), неблагодарностью и высокомерием («дерзостью» у А. А. Васильева), но и коварством (или хитростью, а по А. А. Васильеву — «предательством»). Однако наиболее существенное несоответствие содержится в переводе предложения, якобы касающегося создания в крепости необходимых «припасов» на четыре месяца. Помещённое в источнике *munitionem* — это не «припасы», а (от лат. *municio*) «возведение укреплений», «укрепление» (синоним «*castrorum*»), «фортификационное сооружение», «ремонт/исправление» оборонительных и других строений.

В целом, данный фрагмент источника настолько сложен и важен, что для его относительно полного и правильного понимания необходимо обратиться не только к предыдущей истории генуэзского Чембало, но и исторической топографии памятника, привлекая при этом материалы новейших археологических исследований.

Руины средневековой крепости Чембало находятся на южной окраине г. Балаклавы (в 12 км от г. Севастополя) на скалистом мысу горы Кастрон и занимают обрывистые склоны и гребень возвышенности у входа в бухту (рис. 22). Стены и башни внешней линии обороны ограждали с востока и северо-востока территорию около 3,0 га. В планировочной структуре укрепления чётко выделяются два обособленных ядра: на западе — консульский замок св. Николая, на востоке — верхняя цитадель города (рис. 22: А, Б). Внутригородская застройка, ввиду крутизны склонов, была террасной (в общей сложности прослеживается не менее семи террас, спускающихся каскадом по северо-западному склону к бухте).

Контролирувавшийся крепостью залив имеет извилистую форму и практически незаметен со стороны моря. Балаклавская бухта была хорошо известна мореплавателям с античных времён и являлась идеальным природным убежищем для кораблей в штормовую погоду. Сейчас протяжён-

ность залива не превышает 1000 м, при ширине входа 187,5–195 м и глубине около 38 м, который затем сужается до 120–130 м со средним показателем глубины 17 м.

Начиная с 70-х гг. XVIII в. и до 90-х гг. XX в. основной интерес исследователей средневекового Крыма был в основном сконцентрирован на изучении крупнейших средневековых городов, построенных генуэзцами в Газарии — Каффе, Солдае. В меньшей степени архитектурно-археологические исследования коснулись факторий в Чембало, Ялите, Гурзуфе, Партените, Лусте, Воспоро и др. Раскопки, проводившиеся в окрестностях Балаклавы и на территории города в конце прошлого столетия, позволили выявить значительное число позднеантичных памятников [Сарновский, Савеля, 2000, с. 25, рис. 31], в то время как сведения о средневековой истории Чембало продолжают оставаться фрагментарными и не систематизированными [Алексеев, 1993, с. 267–269; 1999, с. 371, 375–376, прим. 1; Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, с. 82–93].

В связи с началом ремонтно-реставрационных работ на средневековом укреплении в 2002–2007 гг. внимание было сосредоточено на предпроектном архитектурно-археологическом изучении четырех ключевых объектов памятника⁴⁶, а именно: 1) угловой башни «Барнабо Грилло» (рис. 24; 25); 2) внешней восточной линии обороны Чембало; 3) главных крепостных ворот (рис. 26; 27) и 4) верхней цитадели города (рис. 28). В целом, археологическое исследование фортификационной структуры средневекового города дало возможность в значительной степени уточнить историческую топографию памятника и получить достоверные данные по строительной периодизации изучаемых объектов [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003–2006; Адаксина, Мыц, 2007].

Проведённые в Чембало археологические исследования и имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные свидетельства письменных источников позволяют предложить предварительную, пока в значительной степени гипотетическую, реконструкцию средневековой истории памятника и развития архитектурного ансамбля города.

Ранняя история поселения, располагавшегося на г. Кастрон, восстанавливается главным образом по стратифицированным археологическим находкам. Наиболее древние артефакты обнаружены на вершине крепостной скалы, где выявлен культурный слой эпохи поздней бронзы — раннего железного века (XI–IX вв. до н. э.). Данные находки свидетельствуют о наиболее раннем обживании вершины горы населением — носителями кизил-кобинской культуры (так называемыми «таврами» античных письменных источников) [Копьева-Колотухина, 2007, с. 56–57, рис. 237–242]. При исследовании средневековых фортификационных сооружений, в переотложенном состоянии, обнаружены разрозненные фрагменты эллинистической и римской керамики

⁴⁶ Исследование Чембало осуществлялось Южно-Крымской экспедицией Государственного Эрмитажа и Крымского филиала Института археологии НАН Украины.

V в. до н. э.–IV в. н. э. Значительно большее количество предметов относится к византийской эпохе — VI–XIII вв. Они представлены мраморным импостом, разнообразными керамическими изделиями, монетами византийских императоров VII–XI вв., а также анонимной монетной чеканкой Херсона XI–XIII вв. Однако к настоящему времени при исследовании памятника открыты архитектурные сооружения исключительно генуэзского и османского периода существования Чембало-Балаклавы (XIV–XVIII вв.).

Особая орографическая конфигурация залива на протяжении 2500 лет имела важное стратегическое и торговое значение, благоприятствуя возникновению города и созданию при нём хорошо защищённого порта с верфью, обеспеченного пресной водой. С ростом товарообмена в бассейне Чёрного моря повышалась и значимость местного рынка. Об этом свидетельствует тот факт, что порт Чембало-Балаклавы отмечен в 27 портоланах и на морских картах, начиная со второй половины XIII (портолан «Компассо да навигаре» 1250–1265 гг.) и до конца XVII вв. (глобус Винченцо М. Корнелли 1693 г.) [Фоменко, 2005, с. 59].

Политический, экономический и демографический кризис 40-х гг. XIV в., охвативший обширный регион Евразии, в конечном счёте, привёл к распаду монгольских империй и нарушению «международного товарообмена между Западом и Востоком» [Карпов, 1994, с. 121; 1999, с. 220–237]. Поиски выхода из сложившейся ситуации стимулировали смену вектора коммерческих интересов в направлении освоения местных рынков, богатых продовольственными товарами и сырьевыми ресурсами. Поэтому во второй половине 40-х — 80-е гг. XIV в. Лигурийская республика добивается права на владение побережьем Газарии от Каффы до Чембало.

Возникновение генуэзской торговой фактории в Чембало во главе с консулом, судя по наиболее раннему из известных нотариальных актов, относится к 40-м гг. XIV в. Под 1344 г. отмечено оформление нотариусом Роландо Саличето торговых операций, осуществлявшихся в городе для Паоло ди Подио. Причём из этого же документа становится известно, что заключение сделки состоялось в конторе Саличето, расположенной в квартале, где находилась церковь Богородицы [Balard, 1978, p. 157]⁴⁷.

⁴⁷ Свидетельство письменного источника неожиданно нашло своеобразное подтверждение в ходе археологических исследований 2004 г., когда в восточном углу двора барбакана башни № 2 была сделана необычная для Крыма находка — захоронение остатков фрески. Оно представляло собой небольшую ямку, плотно заполненную фрагментами стенописи с поясным изображением Богородицы в левом развороте (рис. 29). Создание фрески может быть отнесено к 30–40-м гг. XIV в., а её захоронение произошло в 1475 г., вскоре после захвата Чембало османами. После реставрационных работ, выполненных специалистами Государственного Эрмитажа (А. Ю. Степанов, Е. П. Степанова) фреска восстанавливается как композиция с завершением в виде стрельчатой арки размером 0,97–1,10 м. Фигуры расположены на тёмном фоне, ограниченном красными полями с белой

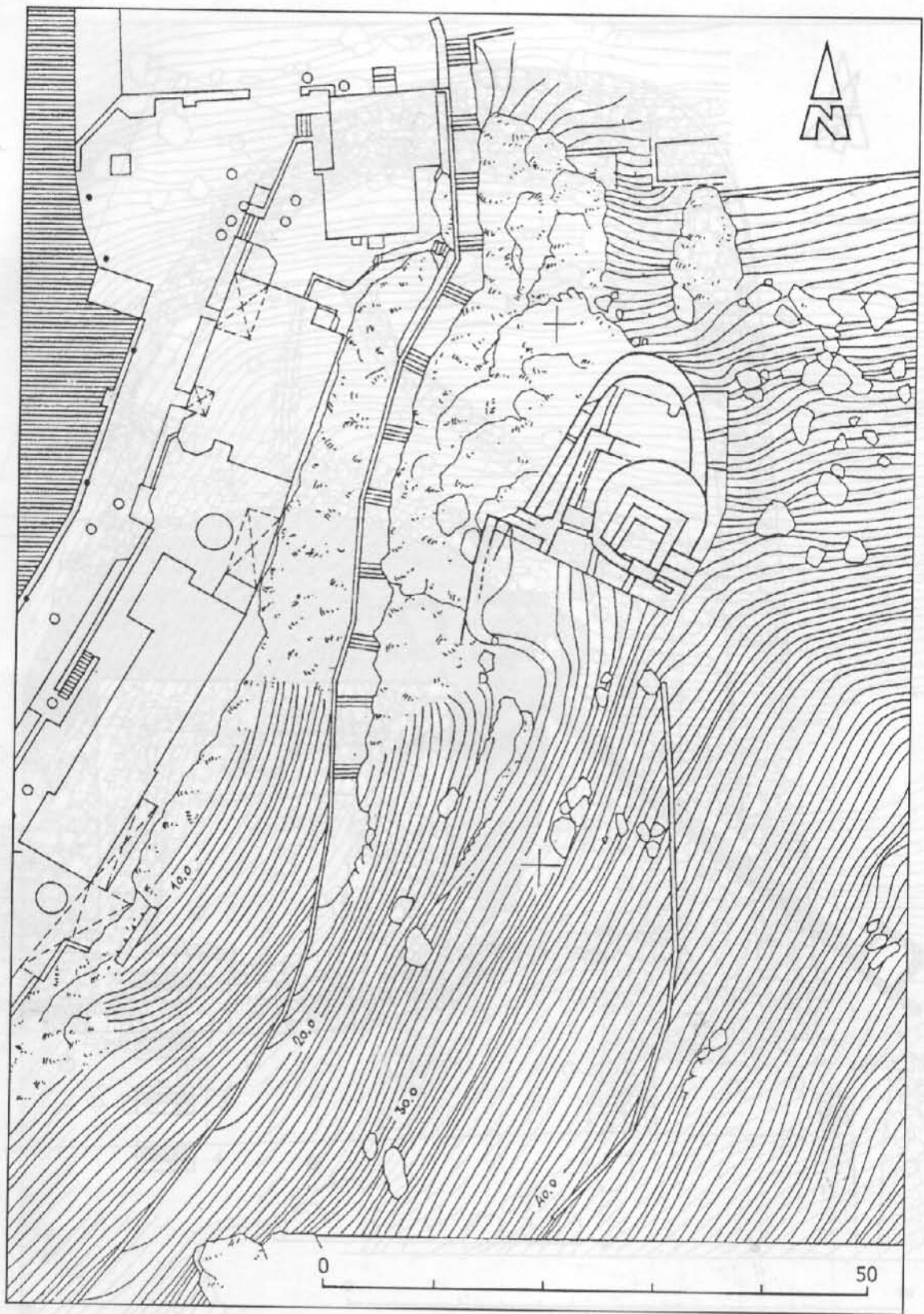


Рис. 24. Топографический план башни «Барнабо Грилло»

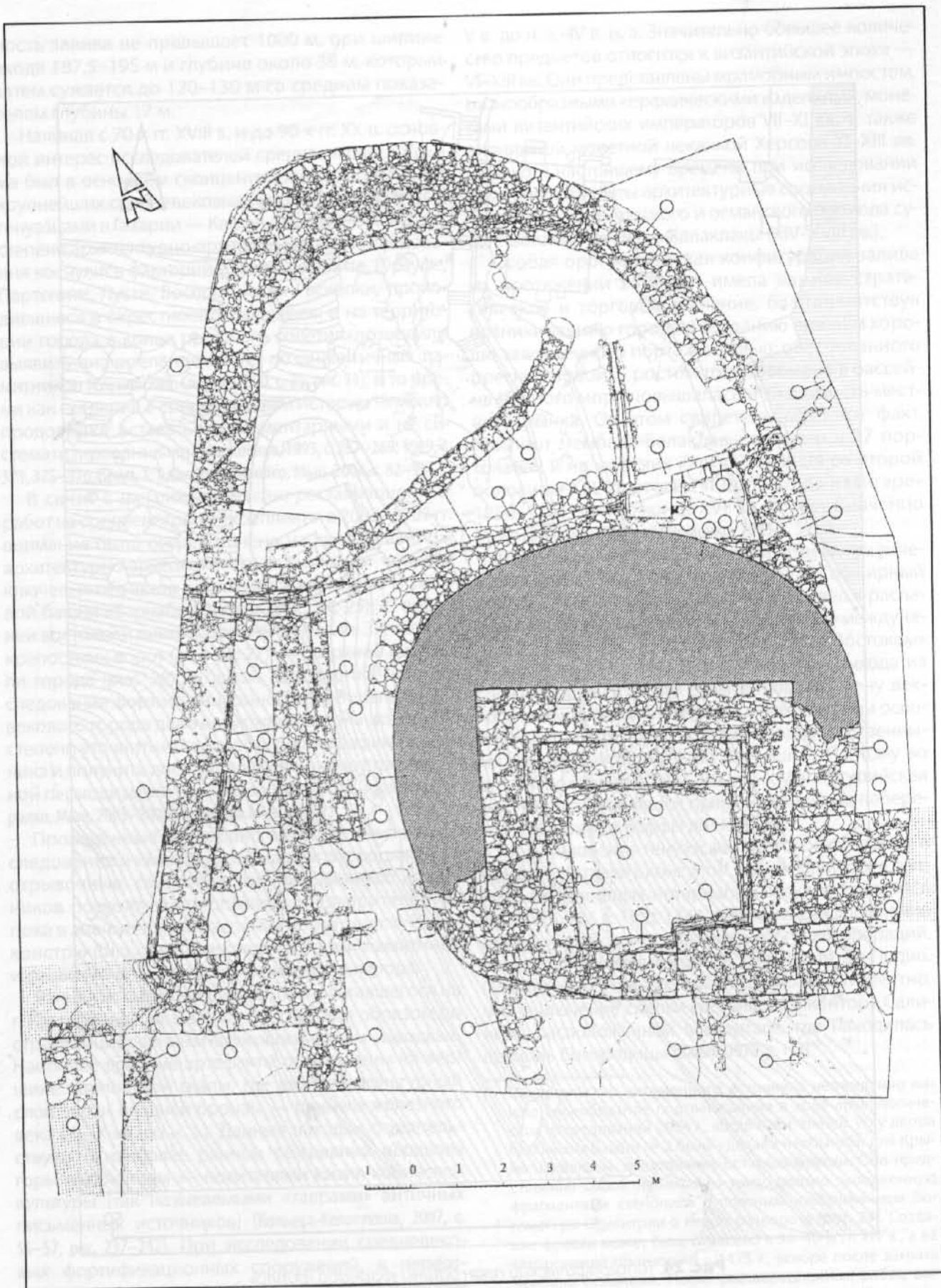


Рис. 25. Обмерный план башни «Барнабо Грилло» и барбакана

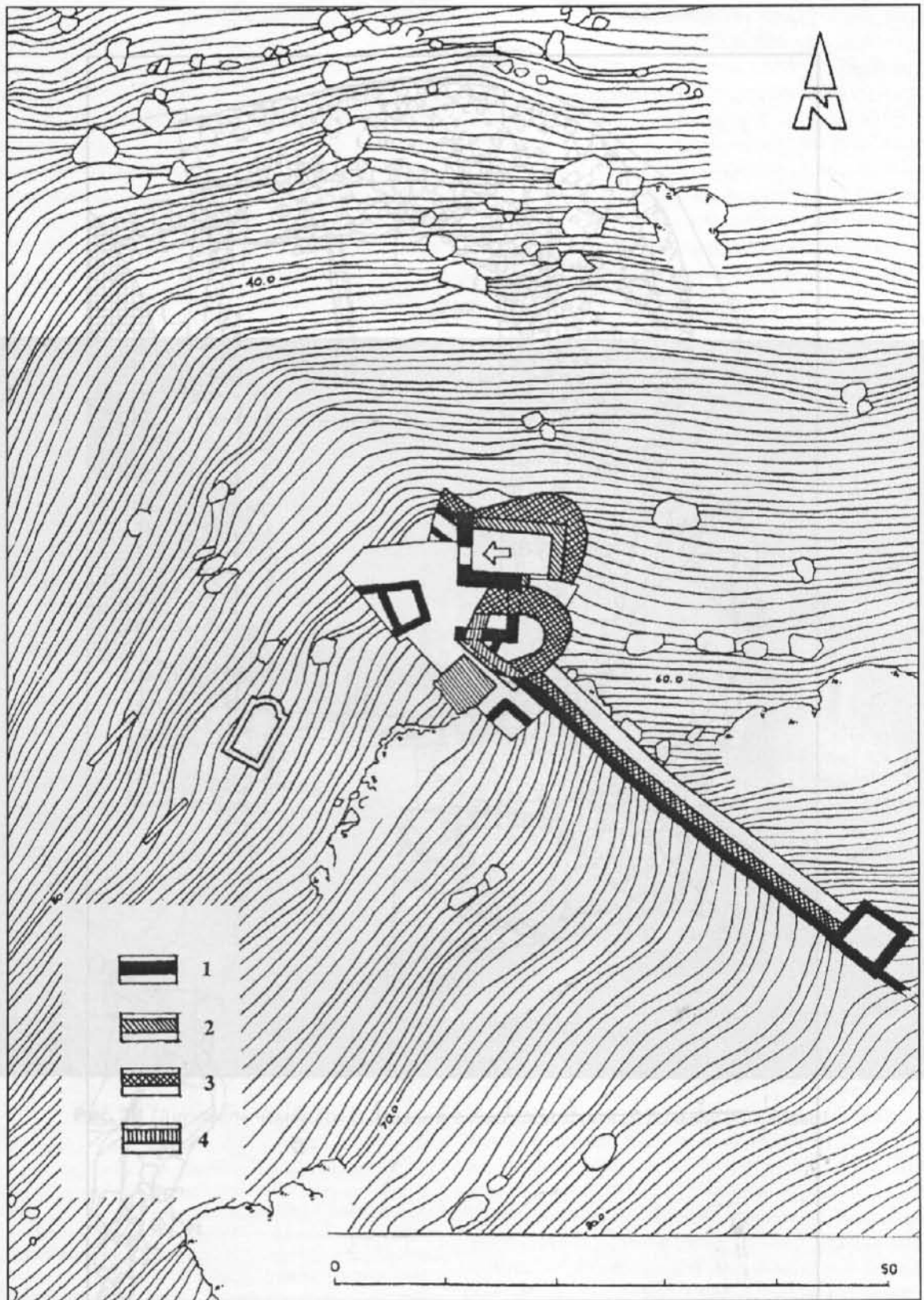


Рис. 26. Топографический план оборонительных сооружений главных городских ворот Чембало: 1 – строения 20–30-х гг. XV в.; 2 – барбакан 50-х гг. XV в.; 3 – укрепления 60-х гг. XV в.; 4 – стены османского периода

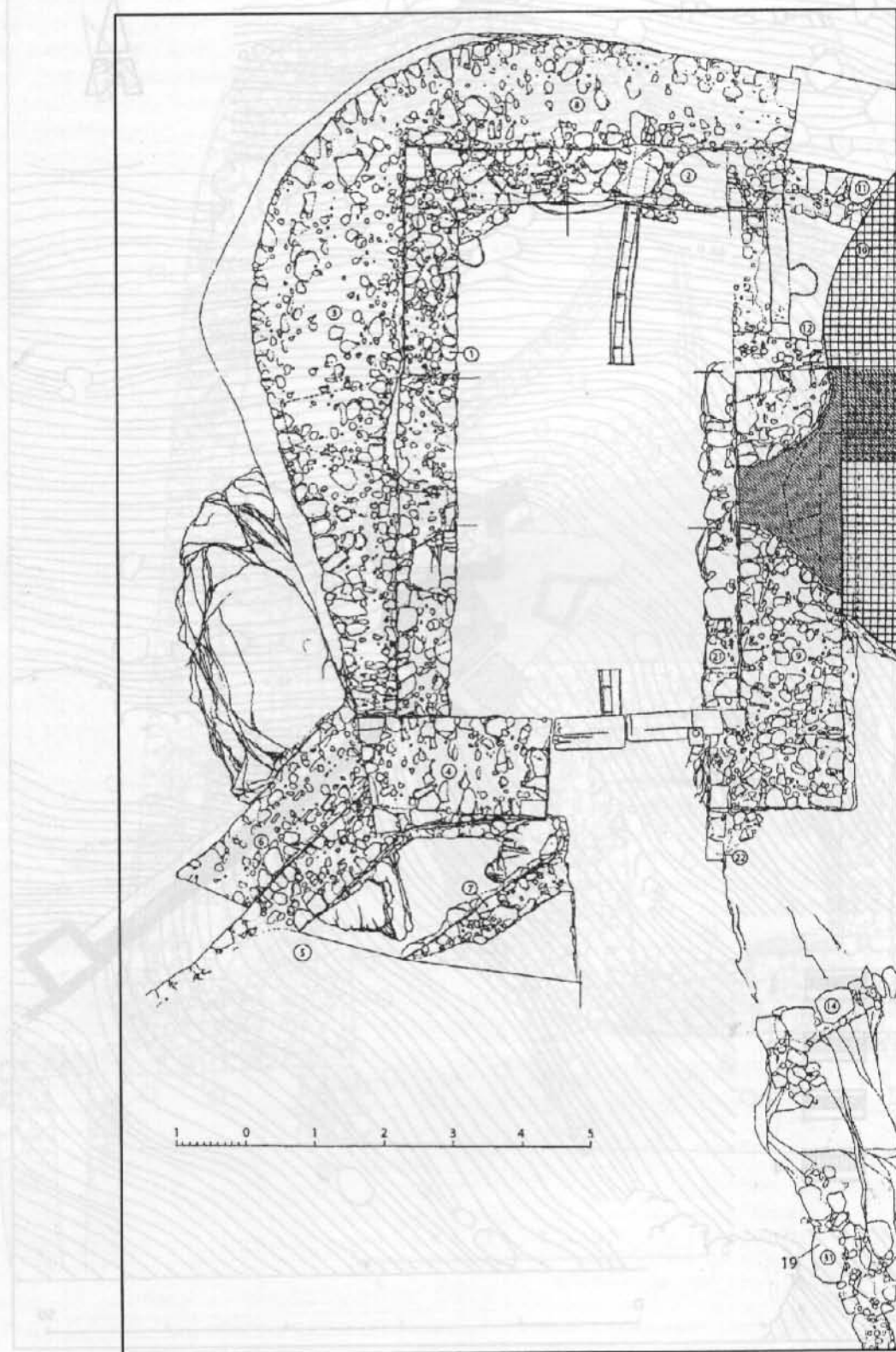


Рис. 27. Обмерный план оборонительных сооружений у главных крепостных ворот Чембало: 1 – строения 20 – 60-х гг. XV в.; 2 – башня 60-х гг. XV в.; 3 – стена османского периода



Рис. 29. Фреска Богоматери Одигбрии 30 – 40-х гг. XIV в.

Рис. 27. Стилизованный план ободовитых и сакеллиевых узоров на южной стене храма. 1 – стрелы; 2 – 60-е гг. XIV в.; 3 – 70-е гг. XIV в.; 4 – 80-е гг. XIV в.

Захват генуэзцами города Символона, долгое время принадлежавшего Византии, а с последней трети XIII в. монголам, произошёл в середине 40-х гг. XIV в. Лигурийцы, вероятно, вдохновлённые победой над армией хана Джанибека во время зимней каффинской кампании 1344/45 гг., начинают спешно возводить в Чембало оборонительные сооружения. Весной 1345 г. монголы, не пытаясь вновь завладеть Каффой при помощи силы оружия, направились к Чембало, которую генуэзцы не успели основательно укрепить. К этому времени они только частично обнесли город земляным рвом и валом с деревянным палисадом [Formaleoni, 1789, II, cap. XXI]. Поэтому в момент появления кочевников жители были вынуждены спасаться, укрываясь в горах. Монголы сожгли город и деревянные конструкции оборонительных сооружений.

Но вскоре генуэзцам удаётся окончательно укрепиться в Чембало, о чём свидетельствует петиция коммуны Каффы дожу Генуи Джованни ди Мурта (1344–1350 гг.) [Balbi, 1978, p. 226–227]. Документы 1344–1348 гг. — периода затяжного татаро-итальянского конфликта, сопровождавшегося осадами (1344, 1346 гг.) и блокадой Каффы, который, казалось, должен был парализовать региональную торговлю, — отмечают значительную деловую активность генуэзских и венецианских негоциантов в порту Чембало. Отсюда в большом количестве вывозилось зерно, лён, соль, кожи, продавался импортный текстиль [Balbi, 1978, № 1].

Появление в Чембало латинских колонистов вполне естественно должно было вызвать активное возведение фортификационных, жилых, культовых и хозяйственных сооружений. Однако наиболее ранний (из числа известных) лапидарный памятник относится только ко второй половине 50-х гг. XIV в. В 1357 г. консул и кастеллан Чембало Симоне дель Орто осуществляет здесь строительные работы [Skryzinska, 1928, p. 129, № 53] (рис. 30: 1).

Следы земляного вала и рва 1345 г. (?), о которых писал В. Формалеони, впервые были зафиксированы на плане, составленном в 1853 г. для графа А. С. Уварова, где эти сооружения показаны в виде ломаной линии, пересекающей с юга на север восточный склон г. Кастрон⁴⁸. Выполненная инструмен-

обводкой [Степанов, Степанова, 2006, с. 162–167, ил. 3–5]. Фреска из Чембало уникальна и не имеет прямых аналогий как среди памятников монументальной живописи средневекового Крыма, так и за его пределами. Однако её стилистические особенности характерны для традиционной греческой живописи палеологовского времени и сопоставимы со столичной художественной школой XIV в. Показательны мозаика «Деисус» и фреска «Богоматерь Умиление» в апсиде периклесия, датируемые первой третью XIV в. из церкви Хора Кархие-Джами [Лазарев, 1986, с. 158, табл. 460, 481]. Ещё одной типологической, иконографической и стилистической аналогией является фреска XIV в. с изображением Богоматери Одигитрии из иконостаса храма Вознесения в Ливади на о. Кифера [Chatzakis, 1997, p. 105; Степанов, Степанова, 2006, с. 168].

⁴⁸ Копию плана крепости Чембало 1853 г. из неизданного альбома А. С. Уварова любезно предоставил А. В. Иванов.

тальная съёмка памятника позволила проследить вал с внешним и внутренним рвами на протяжении около 110 м [Адакина, Кирилко, Мыц, 2004, с. 165, рис. 2,1]. Параметры профиля этой земляной фортификационной конструкции дали следующие результаты. Современная ширина внешнего рва — 12,0 м, глубина — 1,20 м; ширина вала — 19,50 м, высота — 1,50 м (относительно дна внешнего рва она составляет 2,80 м). Ширина внутреннего рва — 4,50 м, глубина — 0,80 м (относительно дна внешнего рва — 1,80 м). Расстояние между осями наибольшего понижения обоих рвов достигает 27,0 м (рис. 31).

Кроме того, на восточном участке памятника (в 7,50 м к западу от внутреннего рва вала) выявлены остатки северного подножия башни, возведённой над проезжей частью (ширина 2,30–2,40 м) главной транспортной магистрали Чембало, а также фрагмент примыкающей к ней под прямым углом куртины (рис. 32).

Значительные утраты первоначальных форм башни позволяют определить только отдельные её размеры. Руины строения сохранились на 1,08 м. Толщина боковой стены составляет 1,32 м, протяженность — 3,20 м. Кладка сооружения трёхслойная двухлицевая, выполнена из разномерно бута на известковом растворе с добавлением песка. Углы были оформлены тщательно обработанными блоками нуммулитового известняка.

Конфигурация сохранившегося участка оборонительной стены криволинейная, выпуклая в напольную сторону. Примыкая к башне под прямым углом, куртина, закругляясь, начинает плавно поворачивать к северо-западу. В 3,10 м от здания она обрывается, будучи разобрана до основания. Кладки оборонительной стены и башни между собой перемешаны. Куртина имела фундамент, который частично заглублён в материковые суглинки склона. За плоскость стены он выступает в напольную сторону на 0,25 м. Высота субструкции — 0,62–1,0 м. Толщина куртины — 1,0–1,03 м. При сооружении фундамента использовалась скальная глыба размером 1,75×1,30×0,90 м. Остальная кладка велась мелким и средним бутом на известковом растворе с заделкой швов «под мастерок». После возведения куртины и башни их лицевые поверхности были тщательно оштукатурены высококачественной белой известью. Конструкция стены трёхслойная двухлицевая.

Вдоль внутренней поверхности боковой стены проезжей башни был устроен специальный канал для укладки водопроводных труб. Ширина канала — 0,30–0,32 м, глубина — около 0,45 м. Южная стенка сооружения сложена из тщательно обработанных блоков (вторичного использования) нуммулитового известняка и мелкого бута на известковом растворе. Судя по всему, сверху канал перекрывался плитами, о чём свидетельствовали характерные следы извести без примеси песка на поверхности каменных блоков. При расчистке канала обнаружены обломки красноглиняных водопроводных труб диаметром 12,5–14,0 см.

+ m:ccc:lvii:dia
 SEPTEMBRIS: HODOP
 US: IN CAPTUM: FVIT
 MEMPOR: REIMNIS
 DISCRETI: VIRI: S
 MONIS: DE: ORTO: U
 SUI S O E CASTELAN



Рис. 30. Латинские надписи из Чембало: 1 – Симоне дель Орто (1357 г.); 2 – Барнабо Грулло (1463 г.); 3 – Баптуста ди Олива (1467 г.) (по [Skryzinska, 1928, № 53; 54; 55])

Здесь же обнаружены остатки ещё двух линий керамических трубопроводов, по которым вода подавалась в город. Ввиду малочисленности и фрагментарности археологического материала XIV в., мы пока не располагаем сколько-нибудь точными данными для датировки открытых объектов. Предварительно, с привлечением косвенных свидетельств письменных и археологических источников, время строительной деятельности в этом районе памятника определяется в пределах второй половины 40-х гг. XIV — первой трети XVIII вв. [Адаксина, Кирилло, Мыц, 2005, с. 32–35, 39–40, рис. 84–96, 3–5]. Единственное, что не вызывает сомнений, так это не только топографическая, но и функциональная связь данного фортификационного объекта с наиболее ранней оборонительной линией генуэзского Чембало.

Реализации генуэзцами плана территориальных захватов способствовала длительная (1359–1380 гг.) междоусобица в Орде. Для нас данный период весьма важен, потому что именно в это время в результате двух (1365 и 1374/75 гг.) погромов Херсона, осуществлённых Мамаем, город окончательно приходит в упадок и его роль экономического и военно-политического центра западного региона полуострова переходит к Чембало.

Как следует из записи в первом томе картотеки каффинской массарии, 12 октября 1374 г. к исполнению обязанностей консула и кастеллана крепости Чембало приступает Граффиотто Граффиотти. В этой же книге 7 ноября представлены официалы, интенданты, оргузии и соции Чембало (всего 36 человек).

Во второй половине 80-х гг. XIV в. в ходе «Солхатской войны» магистраты Каффы выделяют значительные средства на новое крепостное строительство в Чембало. Так, в 1386 г. консул Аргоно ди Савиньоне (1385–1386 гг.) был занят возведением оборонительной стены замка, но впоследствии обвинялся массарией в неоправданной растрате предусмотренных для этой цели средств. В это же время гарнизон Чембало увеличивается на 20 социев, после чего численность административного и военного персонала фактории достигла 37 человек. В его состав, помимо консула, входили: 2 судебных исполнителя, 1 писец, хорошо знающий греческий, 1 переводчик с «татарского», 2 охранника ворот, 2 оргузия, 1 капеллан гарнизонной церкви Чембало, 26 социев, находившихся в 1386 г. под командованием кастеллана крепости [Balard, 1978, p. 157]. В казну фактории поступали суммы, состоящие из габелл, взимаемых с продажи на рынке города вина, соли и ветряных мельниц. Но их оказывалось недостаточно для содержания всех официалов и наёмников. Поэтому недостающая часть выплачивалась массариями из общего бюджета Каффы [Balard, 1978, p. 157].

Преемники Агостино ди Савиньоне — Джорджио Спинола (1386–1387 гг.) и Джованни ди Подио (1387–1388 гг.) занимались прокладкой водопровода и возведением четырёх башен. Одна

из них была освящена во имя св. Николая [Balard, 1978, p. 157]. С этого времени в генуэзских источниках построенная во второй половине 80-х гг. XIV в. цитадель Чембало получает название «*castrum S. Nicolas*» — «замок св. Николая».

Таким образом, в 1386–1388 гг. в результате деятельности трёх консулов (Агостино ди Савиньоне, Джорджио Спинола и Джованни ди Подио) завершается формирование архитектурного ансамбля цитадели города Чембало, состоявшей из 4 башен, среди которых господствующее положение занимал донжон (резиденция консула), оборонительных стен, капеллы, цистерны для воды, жилых и хозяйственных помещений. Генуэзский замок св. Николая располагался на вершине западной части г. Кастрон у самого входа в бухту⁴⁹. Размеры крепостной площадки составляют примерно 85×30 м. В его восточном углу возвышался массивный донжон. В основании, имевшем форму неправильного пятиугольника размером около 14,0×14,0 м, располагалась цистерна (2,0–2,30×4,70 м), перекрытая коробовым сводом из плинфы. С северной стороны подступы к укреплению прикрывали две небольшие прямоугольные башни. На западном склоне (у стен замка) находилась церковь. Возведённые в 80-х гг. XIV в. строения впоследствии неоднократно подвергались ремонту, сохраняя в своей основе прежнюю планировочную схему. Вероятно, в это же время западный склон начинает застраиваться домами служащих фактории, негоциантов и ремесленников, из числа которых здесь постепенно формируется «латинский квартал» города.

Данная часть памятника пока остаётся слабо изученной, хотя именно с неё в 1991 г. было начато археологическое изучение средневекового города⁵⁰. Раскопкам подверглась так называемая «консульская церковь», идентифицируемая исследователями как храм св. Николая. К настоящему времени результаты исследования памятника опубликованы лишь частично [Дьячков, 2001, с. 93–94; Дьячков, Алексеенко, 2002, с. 28–37; Дьячков, 2004, с. 246–255].

⁴⁹ Рельеф скального склона к востоку от крепостной площадки явно подвергся целенаправленной корректировке. Седловина между двумя современными вершинами г. Кастрон, на которых находятся цитадель и консульский замок, без сомнения, искусственного происхождения. Она вполне могла образоваться при ломке камня, предназначенного для возведения крепости св. Николая. Важно другое: её появление, вероятней всего, было преднамеренным, поскольку позволило существенно усилить единственный относительно легко доступный участок обороны [Адаксина, Кирилло, Мыц, 2005, с. 37].

⁵⁰ Раскопки начаты в 1991 г. Херсонесским государственным историко-археологическим заповедником (Н. А. Алексеенко) и Институтом археологии Российской академии наук (А. В. Сазанов). Затем, после длительного перерыва, исследования возобновились в 1999 г. объединённой экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Н. А. Алексеенко) и Харьковского Национального университета им. В. Н. Каразина (С. В. Дьячков).

Церковь была возведена на крутом (крутизна переменная и составляет на данном участке 17–20°) западном склоне г. Кастрон, обращённом к входу в бухту. Размеры строения — 12,90×7,50 м при толщине стен 0,65–0,75 м. Храм ориентирован на юго-восток. Во время раскопок в самом здании и за его пределами открыто 24 погребальных сооружения, содержащих останки нескольких десятков погребённых.

По мнению исследователей Н. А. Алексеенко и С. В. Дьячкова, храм построен в конце XIV в. До османского завоевания он входил в комплекс строений «консульского замка». После 1475 г., когда крепость перешла к османам, церковь подверглась перестройке: для вымостки пола использованы архитектурно-конструктивные детали из зданий более раннего времени [Дьячков, 2004, с. 251]. Среди обнаруженных изделий особый интерес представляют фрагменты четырёх колонн и два обломка плиты из нуммулитового известняка от обрамления окна или дверного проёма. Архитрав был украшен рельефными изображениями двух одинаковых, зеркально расположенных гербов. На них помещён генуэзский крест и стоящий на задних лапах лев в короне. Предположительно, геральдическая символика принадлежит лигурийскому клану Газано [Дьячков, 2004, с. 248, рис. 3]⁵¹.

В конце XIV в. письменные источники характеризуют Чембало как значительную по товарообороту факторию, на рынке которой продавались кожа, лён, соль, рыба, зерно, вино, фрукты, овощи, доставляемые из селений Готии. К тому же татарами поставлялись рабы, а латинянами — импортируемый из Европы текстиль. Однако среди пёстро-го по этническому и конфессиональному составу населения доминировал греческий православный компонент. Эта община играла значительную роль не только в экономической и политической жизни города, но и его сельской округи.

⁵¹ К сожалению, исследователи, вводя в научный оборот обмерный план церкви в масштабе 1:20 [Дьячков, Алексеенко, 2002, с. 31; Дьячков, 2004, рис. 1], неоднократно издают чертёж в предельно упрощённом виде. Это не только не позволяет получить реальное представление о здании, но и искажает информацию об архитектонике храма. Судя по опубликованному плану храма, все кладки строения между собой перевязаны. Визуальный же осмотр сооружения позволяет утверждать, что пилястры примыкали к продольным стенам наоса без перевязки кладок. Само их появление, вероятнее всего, было вызвано необходимостью усилить подпружной аркой поврежденный свод. Подобный ремонт церкви, сопровождавшийся устройством каменного пола, вполне мог быть обусловлен землетрясением 1423 г. [Кирилло, 2002, с. 2, 6–7]. Без перевязки кладок к основному объёму примыкает также и могила № 2. Согласно плану С. В. Дьячкова и Н. А. Алексеенко, толщина апсиды по направлению к плечам увеличивается, тогда как в действительности на всём протяжении она была постоянной, а алтарное полукружие и снаружи имело циркульное очертание. Ошибочным также является и вывод авторов, что храм состоял из трёх частей — алтаря, наоса и притвора [Дьячков, Алексеенко, 2002, с. 31; Дьячков, 2004, с. 247, 250]. В то время как данная церковь притвора не имела [Адаксина, Кирилло, Мыц, 2005, с. 36–37].

Важной экономической составляющей Чембало являлись порт и верфи, на которых местными мастерами строились двухпалубные корабли. Об этом, например, свидетельствует договор, заключённый 26 марта 1393 г. «между дожем Генуи Антонио ди Монтальдо, Советом старейшин Генуи, с согласия оффиции Монеты, с одной стороны, и *burgensis* Каффы Джованни ди Сан Донато, совладельцем и патроном навы, строящейся в Чембало, с другой» [Карпов, 1998, с. 10]. Причём эта функция порта и международного центра кораблестроения сохранялась за Чембало-Балаклавой на протяжении трёх столетий, вплоть до XVII в., т. е. и в османское время.

Долгое время вызвала недоумение несогласованность свидетельств генуэзских письменных источников о крепостном строительстве в Чембало. Дело в том, что латинские документы вполне ясно указывают на существование в 50–70-х гг. XIV в. в Чембало генуэзской крепости, охраняемой социями (наёмниками коммуны Каффы). К тому же известна и надпись 1357 г., свидетельствующая о проводившемся здесь консулом Симоне дель Орто строительстве. На момент военнополитического кризиса 1374 г. в замке размещалось 36 латинских наёмников и администрация фактории.

Однако как уже отмечалось выше, по сообщениям массарии Каффы, со второй половины 80-х гг. XIV в. в Чембало начинается строительство нового замка (*castrum*), завершённое в консулат Джорджо Спинола (1388 г.) освящением башни св. Николая.

Ответ на этот недоумённый вопрос удалось получить в ходе раскопок 2006 г., проводившихся на вершине г. Кастрон. Как оказалось, хорошо сохранившиеся здесь сооружения 1467 г. (времени консулата Батиста ди Олива) — башня и куртины — возведены на руинах более ранних генуэзских фортификационных сооружений. О существовании их ранее ничего не было известно. На восточном фланге обороны цитадели открыто основание монументального здания прямоугольной формы с внешними размерами 9,10–9,25×10,35–10,75 м, являвшееся башней-донжоном. С запада и юга к ней примыкали две куртины, закрывавшие доступ на вершину горы [Адаксина, Мыц, 2007, с. 5–16, 26–27, рис. 2–7] (рис. 33).

Дату раннего генуэзского строительства на г. Кастрон можно предположительно отнести к 40–50-м гг. XIV в. (?), когда лигурийцы приступают к активному укреплению своей фактории в Чембало. Данное предположение также основывается и на визуально определяемой топографической, а возможно и функциональной связи вновь выявленного объекта с оборонительной системой середины 40-х гг. XIV в. (?), состоящей из рва и вала, замыкающихся на открытую раскопками 2006 г. прямоугольную башню-донжон. Место постройки такого мощного сооружения

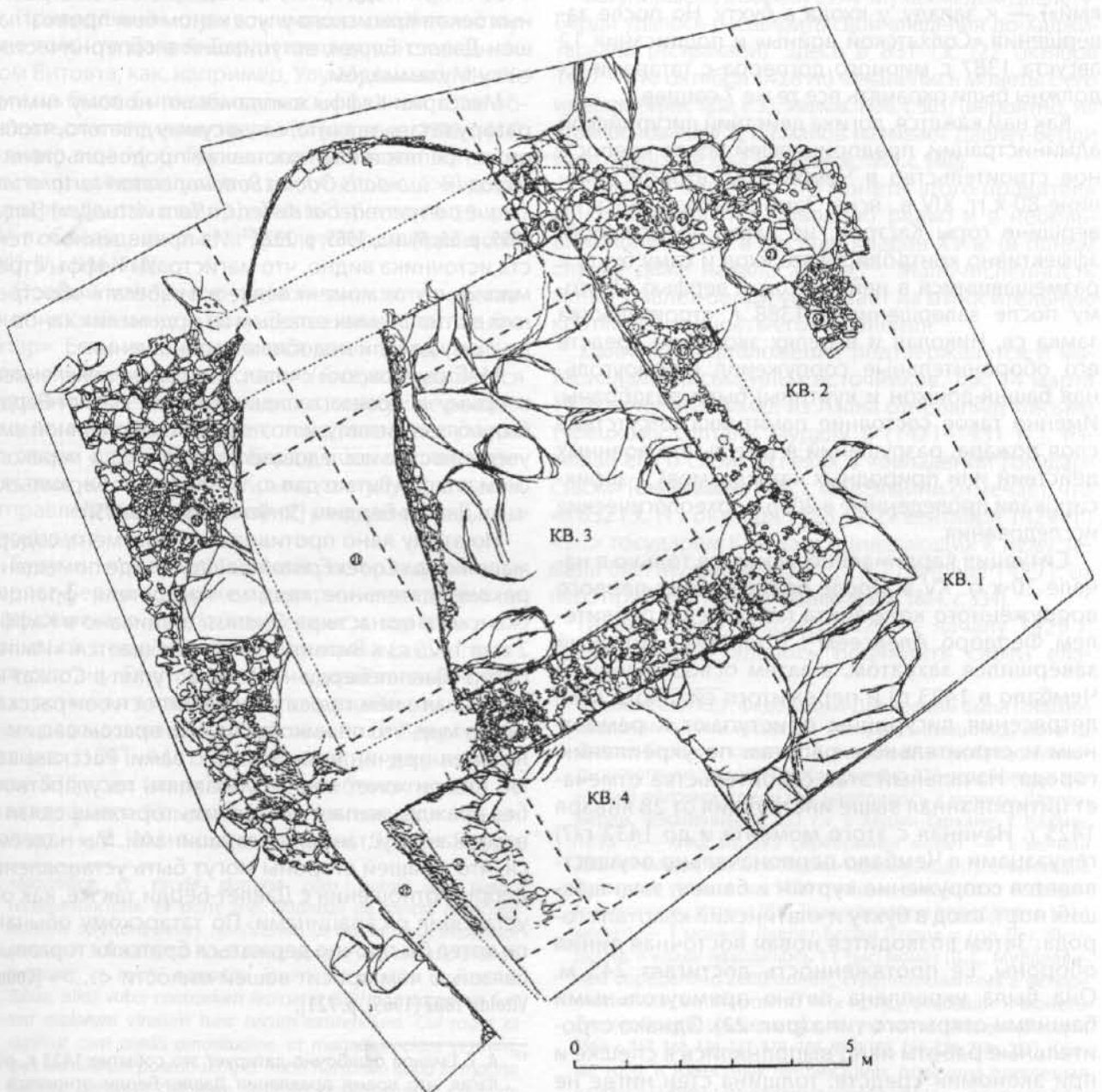


Рис. 33. Обмерный план крепостных сооружений Чембало второй половины XIV в. (?), перекрытых башней 1467 г. Бапписста де Олива

изначально могло быть вызвано непосредственной близостью рва и вала, укрепленного палисадом. Слой, отражающего период обживания, практически не обнаружено. Это указывает на относительную кратковременность функционирования данной системы обороны.

По всей видимости, к 1388 г. в Чембало сложилась ситуация, когда генуэзцы стали обладателями двух замков — один («старый») располагался к востоку на вершине г. Кастрон, а другой («новый») — к западу, у входа в бухту. Но после завершения «Солхатской войны» и подписания 12 августа 1387 г. мирного договора с татарами их должны были охранять все те же 7 социев.

Как нам кажется, логика действий лигурийской администрации, предпринявшей новое крепостное строительство в Чембало во второй половине 80-х гг. XIV в., ясна. Замок, находящийся на вершине горы Кастрон, не давал возможности эффективно контролировать вход и саму бухту с размещавшимся в ней портом и верфью. Поэтому после завершения в 1388 г. строительства замка св. Николая и в целях экономии средств его оборонительные сооружения (прямоугольная башня-донжон и куртины) были разобраны. Именно такое состояние памятника (отсутствие слоя пожара, разрушений в результате военных действий или природных катаклизмов) и зафиксировали проведенные в 2006 г. археологические исследования.

Ситуация кардинально меняется только в начале 20-х гг. XV в. После прекращения первого вооруженного конфликта генуэзцев с правителем Феодоро Алексеем I (Старшим) (который завершился захватом, а затем освобождением Чембало в 1423 г.) и пережитого сильного землетрясения лигурийцы приступают к ремонтным и строительным работам по укреплению города. Начальный этап строительства отмечает цитированная выше инструкция от 28 января 1425 г. Начиная с этого момента и до 1432 г. (?) генуэзцами в Чембало первоначально осуществляется сооружение куртин и башен, защищавших порт, вход в бухту и «латинский квартал» города. Затем возводится новая восточная линия обороны. Её протяженность достигает 245 м. Она была укреплена пятью прямоугольными башнями открытого типа (рис. 22). Однако строительные работы явно выполнялись в спешке и при экономии средств: толщина стен нигде не превышает 0,8–0,9 м. Поэтому оборонительные стены и башни не были рассчитаны на применение нападающей стороной огнестрельной артиллерии. В слабости возведенной ими фортификации генуэзцы имели возможность убедиться в июне 1434 г., когда огнём из корабельных пушек оказались легко разрушены стена и башня.

2.2.3. Крымский улус Золотой Орды в 20-х гг. XV в.

Сложный политический фон в Северном Причерноморье и Таврике создавала не прекращавшаяся борьба за ханский престол в Золотой Орде. После гибели Едигея в 1419 г. за правителями Орды практически оставалась только западная часть Улуса Джучи, располагавшаяся между Днепром и Волгой. Весной (вероятнее всего в апреле) 1426 г. при поддержке оппозиционно настроенных беков Крымского улуса ханом был провозглашён Давлет-Берди, вступивший в соперничество с Улу-Мухаммедом.

Массарии Каффы выплачивают новому «императору татар» значительную сумму для того, чтобы он не препятствовал поставкам продовольствия в город («*... > datis Odolat Birdi imperatori tartarorum eo que non permitebat defferi Caffam victualia*») [Jorga, 1899, p. 56; Musso, 1965, p. 232]⁵². Из приведённого текста источника видно, что магистраты Каффы стремились в этот момент всячески избегать обострений в отношениях с любым из ордынских ханов, и поэтому делали подобные «подношения».

М. Стрыйковский считал, что своим появлением в Крыму и провозглашением ханом Давлет-Берди был обязан Витовту, и поэтому со свойственной ему уверенностью исследователь писал: «*... > перекопским татарам Витовт дал <... > на царство Керкильска <... > Давлет-Бердия*» [Streikowski, 1846, II, p. 175]⁵³.

Но этому явно противоречит документ, содержащийся в «*Codex Epistolaris Vitoldi*», где помещено рекомендательное письмо настоятеля францисканского монастыря *Ouanissi* (написано в Каффе 2 мая 1426 г.) к Витовту. В нём сообщается: «Император (Давлет-Берди — В. М.) вступил в Солхат и, пребывая в нём, просит вашей милости; он рассказывал мне, что он никогда не был врагом вашим и не имел причин враждовать с вами. Рассказывают, что он хочет мирно управлять государством без вражды, желает установить торговые связи с вами, как он установил с сарацинами. Мы надеемся, что с вашей стороны могут быть установлены добрые отношения с Давлет-Берди так же, как он установил с сарацинами. По татарскому обычаю он хотел бы прочно держаться братских торговых связей, о чём просит вашей милости <... >» [Codex Vitoldi, 1882 (1965), p. 721].

⁵² А. Г. Еманов ошибочно датирует это событие 1423 г., полагая, что время правления Давлет-Берди относится к 1420–1424 гг. [Еманов, 1995, с. 108, 137, 140, 150, 154]. В. А. Сидоренко, ссылаясь на монетные номиналы с именем этого хана, время правления Давлет-Берди определяет в хронологических пределах 1427–1428 гг. [Сидоренко, 2003, с. 159], что также не соответствует свидетельствам письменных источников.

⁵³ В. А. Сидоренко, поддерживая ошибочно-тенденциозный анахронизм из «Кроники» М. Стрыйковского, искажает текст источника: «По свидетельству польско-литовских летописей, литовский великий князь Витовт даровал в ханы перекопским (крымским) татарам Девлет-Гирея» [Сидоренко, 2003, с. 159].

Во второй части своего послания *Ouanissi* сообщает, что письмо от Давлет-Берди доставит сарацин Ибрагим (*Ibrayny Sarracenus*), который будет сопровождать к Витовту «могущественного господина татар — Хаджи (*magnificencie sicut Heccoysa, Tertarum dominus*), пожертвовавшего мне 1000 аспров...». В завершение францисканский монах просит любезно принять и задержать у себя (посланцев хана) до его возвращения с более подробным докладом [Codex Vitoldi, 1882 (1965), p. 721]⁵⁴.

Приведённый отрывок скорее свидетельствует о том, что Давлет-Берди не являлся ставленником Витовта, как, например, Улу-Мухаммед. Иначе ему не было бы необходимости в таком тоне обращаться к великому князю [Сафаргалиев, 1996, с. 484]. Однако ещё М. С. Грушевский указывал на сложность и «многоплановость» отношений Витовта с претендентами на ордынский престол в 20-е гг. XV в. Среди них был и Давлет-Берди [Грушевский, 1993, IV, с. 316–318].

Особый интерес в данном письме представляет упоминание «могущественного господина татар». Если имя угадывается мной правильно, и под искажённым латинским «*Heccoysa*» скрывается «Хаджи», то перед нами одно из наиболее ранних упоминаний Хаджи-Гирея, находившегося рядом со своим дядей Давлет-Берди в момент его восшествия на престол в Крымском улусе, а затем отправленного к Витовту с рекомендательным письмом.

Будучи провозглашённым в Крыму ханом, Давлет-Берди сразу же предпринимает меры по установлению дипломатических и торговых отношений с генуэзцами и «сарацинами», направляя султану Египта послание, наполненное любезностями и витиеватыми выражениями. Так об этом рассказывает в своей летописи Бедреддин Элайни (1361–1451 гг.): «В месяце джумадиеввиле 830 года (март 1427 г.) прибыло письмо от завладевшего Крымом (имеется ввиду г. Крым-Солхат — В. М.) лица, по имени Давлет-Берди

⁵⁴ «*Magnifice et excele domine cum humili ac suplici recomendacione. Ex parte mei Ouanissii de sancto Francisco humillis servitoris vestry notificando ut Daulatberdi imperator intravit in Sulchati et in hac habitat semper vestram implorando graciām; et michi narrando ipsum ad mortem precessum fuisse, alias vobis contrarium fecisse et illud non causa sui fuit sed malorum virorum tunc secum existencium. Cui rogat et suplicat cum cordis amaritudine, ut magnificenciam vestram, quis humilarum poterit, semper nobis narrando quod in magno pacifico gubernat civitatem nostram; quia speramus quod de bene in melius faciet. Noscat vestra magnificencia sicut Ibrayny Sarracenus ex parte vestre magnificencie quondam appresentavit litteram ex parte vestri Doulatberdi, vigore cuius ipsum Ibraynum liberum et expeditum ab omni vinculo avariarum voluit tractare. Notum fiat prelibate magnificencie sicut Heccoysa, Tertarum dominus, a me habuit asperos mille pro resto rationis quod michi tenebatur; ipsos dignemini et rogo accipere faciatis, astent apud vos usque meum aventum quis spero cito mediante gracia dei ad vestrum conspectum pervinire. Date Caffis MCCCCXXVI. die secunda mensis madii (sic).*

Totus vester humillis servitor Ouanissius de sancto Francisco cum omni recomendacione [Codex Vitoldi, 1882 (1965), p. 721].

<...> Привозивший [это] письмо сообщил, что в землях дештских большая неурядица, и что три царя оспаривают царство друг у друга. Один из них, по имени Давлет-Берди, овладел Крымом и прилегающими к нему краями, другой — Мухаммед-хан — завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» [Тизенгаузен, 1941, с. 61].

Вступившему в борьбу с Улу-Мухаммедом Давлету-Берди удалось расширить свои владения до Хаджи-Тархана (Астрахани). Здесь в 831 г. (22 октября 1427 — 10 октября 1428 гг.) чеканились монеты с его именем [Френ, 1838, с. 35; Марков, 1896, с. 503] (вероятно, на этом основании А. Г. Еманов называет Давлет-Берди «астраханским ханом» [Еманов, 1995, с. 140]).

Следует заметить, что монеты этого правителя Орды встречаются довольно редко и в небольшом количестве в составе кладов XV в. (в одном случае даже начала XVII в.)⁵⁵. Малочисленность монет Давлет-Берди указывает на относительную кратковременность его правления⁵⁶.

Данное предположение подтверждается и материалами письменных источников. Так, 14 марта 1428 г. Улу-Мухаммед из Азака отправляет письмо турецкому султану Мураду II (1421–1451 гг.), извещая его о своих успехах в «овладении государством» [Сафаргалиев, 1996, с. 486]. Элайни отмечает, что «в 832 г. (11 октября 1428 — 29 сентября 1429 гг.) <...> государем Крыма и прилегающих к нему земель был Мудаммед-хан <...> 21 апреля 1429 г. от него прибыли послы» [Тизенгаузен, 1884, с. 534].

По-видимому, к концу 1428 — началу 1429 г. Улу-Мухаммеду удалось подчинить своей вла-

⁵⁵ В своё время Ю. Г. Фёдоровым-Давыдовым были собраны сведения о пяти кладах, в которых находились монеты Давлет-Берди: в селении Большой Шикши-Оляуз Мамадышского уезда в 1895 г. обнаружено 326 серебряных монет и 3 обломка, среди них находилось 2 монеты Давлет-Берди, чеканенных в 831 г. в Хаджи-Тархане; г. Казань, 1893 г. — клад из 595 серебряных монет — 1 монета Давлет-Берди, битая в Хаджи-Тархане, год (?): с. Китаевка Тульского уезда, клад 1890 г. общим весом 24 кг серебряных монет и слитков (В. Г. Тизенгаузен определено 1714 монет) — 1 монета Давлет-Берди (город и год ?); г. Феодосия, в кладе находилось 11 тыс. монет (В. С. Муралевичем определено 2000 монет), сгруппированных в четыре скопления, во втором из них присутствовали и монеты Давлет-Берди (количество не указано) [Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 167, 168, 174, 177, 179–180, № № 189, 195, 219, 238а, 255]. Кроме того, в известных публикациях отмечена единичная находка (1898 г.) из Аккерманского уезда — аспра Каффы с именем Давлет-Берди [Еманов, 1995, с. 154]. Две монеты (татаро-генуэзские аспры) обнаружены в ходе исследования башни «Барнабо Грилло» крепости Чембалло: на л. с. помещён герб Генуи (равноконечный крест) в точечном ободке с латинской надписью (+O+M+C...CA[FFA], т. е. «*Officium monete civitas Caffa*») расположенный по кругу; о. с. — джучидская тамга с точкой в круге и арабская надпись: «Султан правосудный [Давлет-Берди хан]» [Адаксина, Кирилло, Мыц, 2003, с. 21, 29, № № 53, 56].

⁵⁶ Вполне вероятно, что их количество будет увеличено за счёт новых публикаций, но это не значительно изменит соотношение с номиналами других правителей Орды XV в.

сти территорию, расположенную между Волгой и Днепром. Об этом также позволяет судить и фрагмент из письма Витовта Ливонскому ордену (отправлено 9 сентября 1429 г.). В нём делается акцент на событиях, происходивших в Орде: «Царь Махмет, наш друг, писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз <...>» [Codex Vitoldi, 1882 (1965), p. 866].

Столкновения, почти непрерывно происходившие в конце XIV — первой трети XV вв. в Золотой Орде, вынуждали потерпевших поражение претендентов и их сторонников искать убежища на территориях, находившихся вне власти правящих ханов. Это зачастую вызывало миграции родов и орд. Они уходили на правый берег Днепра и в Литву или к великому князю Московскому. Например, тот же Витовт писал: «К нам прибыло бесчисленное множество татар <...> и просят дружественного приюта с нашей стороны» [Codex Vitoldi, 1882 (1965), p. 759]. По сведениям анонимного автора «Истории польских татар» (написана около 1558 г.), к концу правления Витовта (октябрь 1430 г.) в Литве находилось до 40 тыс. татар-воинов вместе со своими семьями [Мухлинский, 1857, с. 10].

2.3. Строительная деятельность Алексея I (Старшего) и митрополита Готии Дамиана в 1425–1427 гг.

После 1424 г., когда между Каффой и Феодоро было достигнуто мирное соглашение, наступает относительно короткий период, на протяжении которого генуэзские письменные источники не отмечают каких-либо враждебных действий со стороны правителя Мангупа Алексея I (Старшего) (1425–1432 гг.). Но, как показали дальнейшие события в Таврике, примирение было кратковременным, и оба соперника (и в особенности Феодоро) использовали его прежде всего для ликвидации последствий землетрясения 1423 г. (?) и подготовки к очередной войне. В то время как генуэзцы прилагали усилия по укреплению обороноспособности прибрежных пунктов (в первую очередь Солдайи, Лусты и Чембалю), феодориты активизировали работу над совершенствованием фортификации двух новых крепостей — Фуны и Каламиты. К тому же Алексеем I (Старшим) в короткие сроки (1425–1427 гг.) осуществляется значительная по объёму строительная программа, реализация которой позволила ему превратить столицу Феодоро в хорошо защищённый город. Успеху предприятий Алексея I (Старшего), по-видимому, способствовала всесторонняя помощь и поддержка такой влиятельной фигуры как митрополит Готии Дамиан. Важнейшие события и памятники данного времени (1425–1427 гг.) рассматриваются в настоящем разделе.

2.3.1. Феодоритские укрепления: Фуна и Каламита в 20-х — начале 30-х гг. XV в.

Особое место в системе обороны нового политического образования, каким выступает на страницах письменных источников в начале 20-х гг. XV в. Феодоро, занимали крепости Фуна и Каламита, служившие соответственно восточным и западным форпостами Готии. С одной стороны, эти укрепления сдерживали продвижение лигурийцев в горную часть полуострова, а с другой, служили плацдармами для завоевания подчинённых генуэзцами ещё в 40–80-х гг. XIV в. приморских городов — Лусты и Чембалю.

Владетели Мангупа придавали большое значение укреплению этих двух крепостей (Фуны и Каламиты), т. к. они на протяжении почти полустолетия являлись важными пограничными пунктами, а затем и резиденциями правителей Феодоро. Об этом красноречиво свидетельствуют строительные надписи, украшенные «гербами» и монограммами «князей» (точнее, «аутентов»), найденных при раскопках Фуны [Мыц, 1988, с. 104, рис. 5; Виноградов, Мыц, 2005, с. 273–281] и Каламиты [Бертье-Делагард, 1920, с. 1–4; Малицкий, 1933, с. 32, 35, рис. 9, 11].

Замок у селения Фуна (Фобла) находится к северу от с. Лучистого у подножия г. Южная Демерджи (рис. 34–36). Руины укрепления неоднократно привлекали внимание учёных и краеведов ещё в XIX в. [Мыц, 1988, с. 97–98; Кирилко, 1999а, с. 319–327], но к систематическому исследованию этого во многих отношениях оригинального памятника удалось приступить только в 1980 г. [Мыц, 1988, с. 97–114; Кирилко, Мыц, 1991, с. 147–170] (рис. 37). За несколько лет работ детально изучена восточная и северная линии обороны, а также остатки зданий внутрикрепостной застройки. К концу полевого сезона 1995 г. на территории крепости было вскрыто более 2600 кв. м, что составляет примерно 50% всей его площади.

Исследования Фуны показали, что укрепление представляет собой сложный архитектурно-археологический памятник. На его территории открыты строительные остатки XIII–XVIII вв. Наиболее ранние фортификационные сооружения относятся к XIII в. Фрагмент оборонительной стены этого времени, сложенной из булы на известковом растворе, выявлен в 1990 г. Его ширина около 1,50 м. Располагавшаяся по склону куртина отгораживала с восточной стороны территорию в 0,30 га (?). Стены XIII в. оказались почти полностью разобраны при строительных работах XV в. Поэтому полный план укрепления этого периода выяснить невозможно. В XIV в. на скальной возвышенности размещались строения поселения, погибшие в результате пожара, точную дату которого пока установить трудно. В первой четверти XV в. на этом участке спешно возводятся новые оборонительные стены, не совпадающие по планировке с ранним укреплением XIII в.

Они перекрывают все архитектурные останки и культурные отложения предыдущих эпох. Их длина — 26,30 м и ширина — 19,15 м, а толщина — 3,75 м. Восточная линия об-

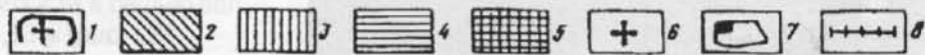
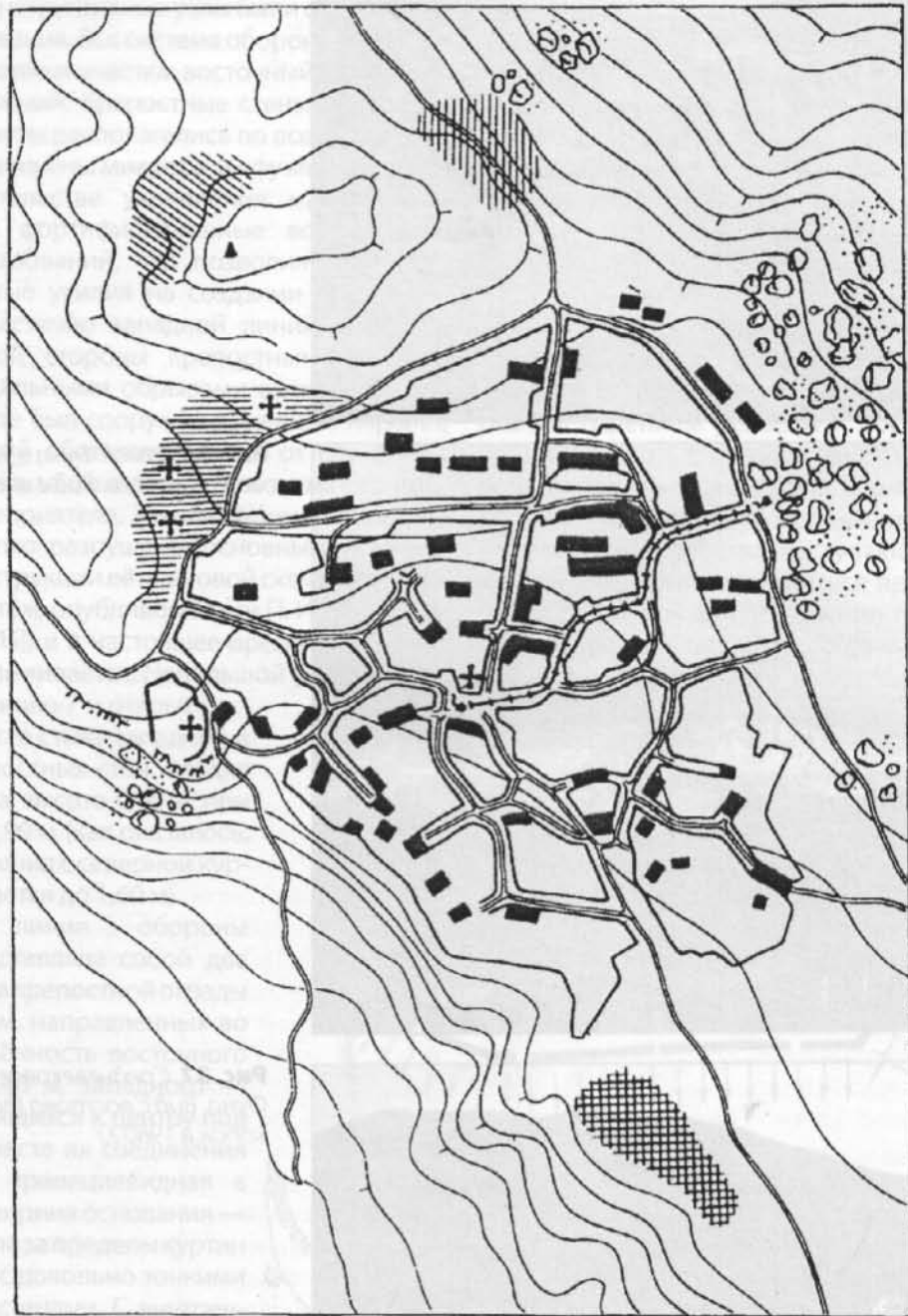


Рис. 34. Ситуационный план расположения памятников у г. Южная Демерджи: 1 — крепость Фуна; 2 — некрополь IV — VIII вв.; 3 — некрополь VIII — XII вв.; 4 — некрополь XIII — XVIII вв.; 5 — мусульманский некрополь конца XVIII — XIX вв.; 6 — руины церквей; 7 — руины построек поселения XIV — XIX вв.; 8 — линия водопровода от источника Парткун

сти территории, расположенную между Волгой и Днестром. Об этом также позволило судить и фрагмент из письма Витосла Ливинскому средне-

2.3.1. Феодоритские укрепления Фуна и Каламиты в 20-е — начале 30-х гг. XV в.

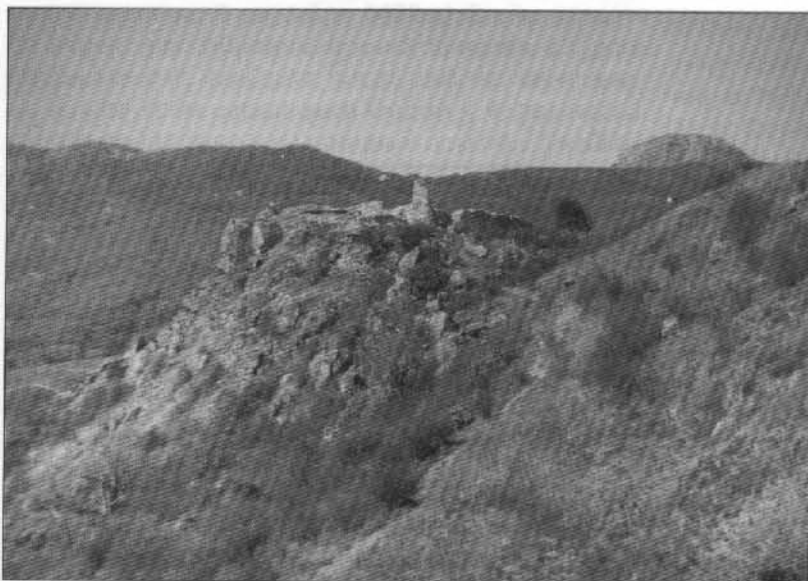


Рис. 35. Руины замка Фуна. Вид с юго-востока (фото 1983 г.)



Рис. 36. Замок Фуна в ходе археологических работ. Вид с востока (фото 1983 г.)

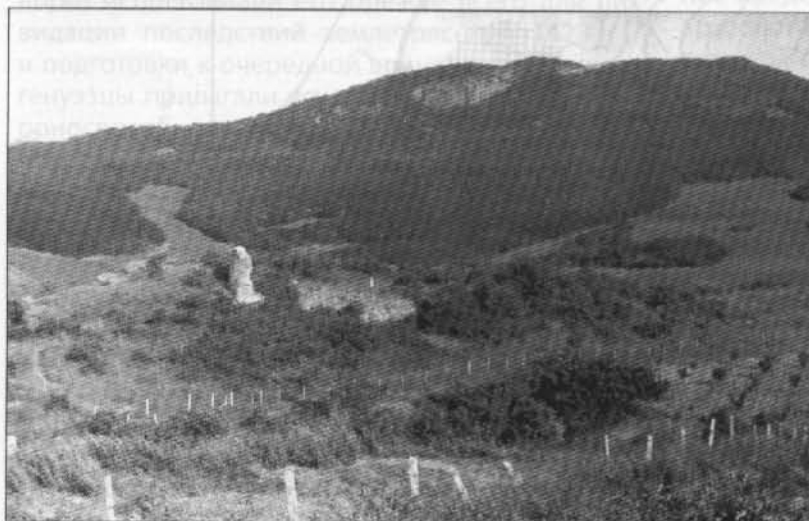


Рис. 37. Средневековое укрепление Фуна. Вид с востока (до начала раскопок в 1980 г.)

тия и памятника динского времени (1425–1427 гг.) рассматриваются в настоящем разделе.

оборонительные стены, не совпадающие по планировке с ранним укреплением XIII в.

Они перекрывают все архитектурные остатки и культурные отложения предшествующих XV в. строениям.

Крепость, возведённая в начале 20-х гг. XV в., занимала скальную возвышенность и образовывала крепостной полигон общей протяжённостью около 226 м и площадью 0,49 га (рис. 13: 4). Плановая структура и усовершенствованные впоследствии важнейшие конструктивные узлы были образованы в период основания. Вся система обороны членится на четыре основных участка: восточный, северный, западный и южный. Крепостные стены и заградительные парапеты располагались по всему периметру и были подчинены микрорельефу местности.

При строительстве укрепления максимально использованы фортификационные возможности скальных образований, что позволило сосредоточить основные усилия на создании восточной, северной и частично западной линий обороны. С юго-западной стороны крепостная площадка ограничена скальными обрывами высотой 5–7 м. Поэтому кое-где был сооружён каменный парапет, предохранявший обитателей замка от случайных падений, а также защищавший от возможного проникновения неприятеля. Западная линия обороны почти полностью разрушена (основным источником для реконструкции её плановой схемы является обмерный чертёж, опубликованный П. И. Кёппеном [Кёппен, 1837, с. 115]) и в настоящее время на поверхности не прослеживается. Небольшой участок протяжённостью около 7 м открыт раскопками на месте стыка западной и северной крепостных стен. Кладка сохранилась на высоте 0,60 м при ширине 1,80–1,90 м (как оказалось, в месте соединения с северной куртиной она сужается до 1,60 м).

Северная линия обороны (34,80 м) представляла собой два прямых отрезка крепостной ограды шириной 1,60 м, направленных во фронт (протяжённость восточного отрезка — 13,40 м, западного — 16,60 м) и сходящихся к центру под углом 170°. В месте их соединения располагалась трапециевидная в плане башня (ширина основания — 4,80 м, выступала за пределы куртин на 4,80–4,30 м) с довольно тонкими (около 0,90 м) стенами. С внутренней стороны крепости в башню вёл вход шириной 1,33 м (рис. 13).

Восточная линия обороны (общая протяжённость 76,20 м) установлена на довольно пологом склоне. Она состоит из трёх участков, имеющих в плане различные очертания в виде двух относительно прямых, сведённых под слабо

го — длиной 26,30 м и «центрального» — 19,15 м, а также «южного» (30,75 м) криволинейной формы (рис. 13). При возведении восточной линии обороны в 1422/23 гг. строителями было оставлено в ней три проёма шириной 1,58, 0,83 и 1,93 м (находятся в 8,86 м, 29,62 м и 49,20 м соответственно от северо-восточного угла крепостного полигона), которые впоследствии собирались дополнительно защитить башнями. Это намерение вскоре (во второй половине 20–30-х гг. XV в.) оказалось реализованным только частично.

Средний проём, вероятно, предполагалось использовать в качестве входа в башню, но затем он был заложен. Ближе всех расположенный к месту стыковки северной и восточной линий обороны проём служил потерней, а наиболее удалённый — в качестве главного въезда на территорию крепости.

Строительство первоначальной стены восточной линии обороны без башен в некоторой степени было обусловлено двумя факторами: во-первых, естественной защищённостью участка резким падением рельефа к востоку; во-вторых, явной спешкой, с которой велось её возведение. Устройство главного входа, с рациональным использованием свойств местности, создавало значительные неудобства наступающему противнику, вынуждая его продвигаться вдоль крепостной стены открытым для поражения правым боком. К тому же, оборонявшиеся всегда могли сделать вылазку в тыл штурмующих через потерню (рис. 38).

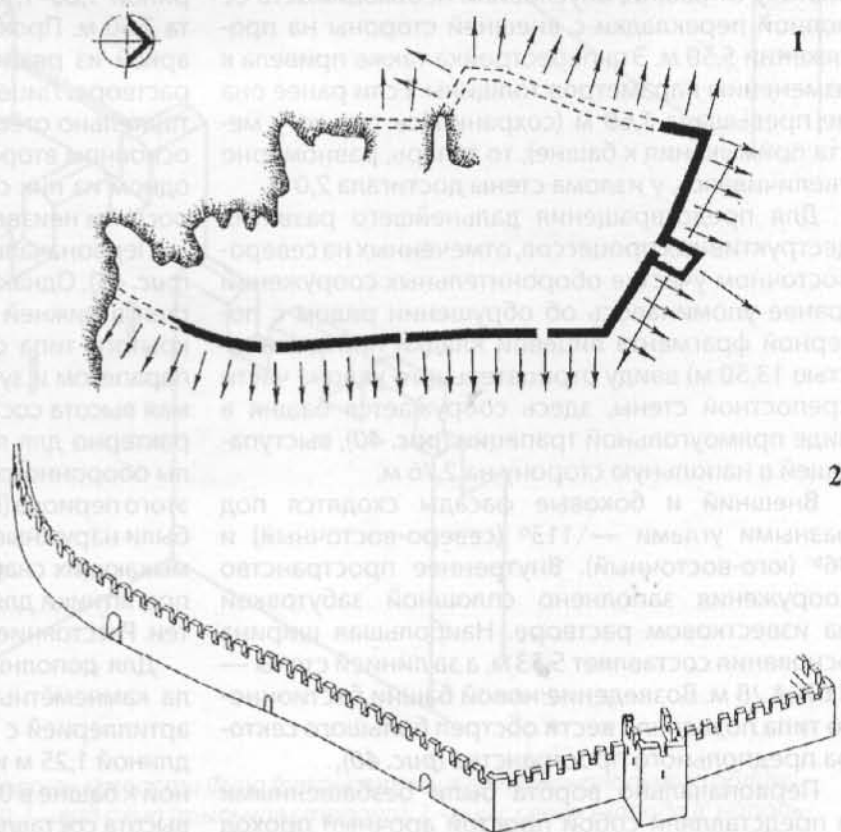


Рис. 38. Оборонительные сооружения крепости Фуна 1422/23 гг. Вид с северо-востока (реконструкция В.П.Кирилко)

Как уже отмечалось ранее, после землетрясения, произошедшего, по-видимому, в конце 1423 г., крепостные сооружения замка в некоторых местах были в значительной степени руинированы, что исключало возможность их использования в качестве плацдарма для ведения активных наступательных и оборонительных действий. Это потребовало от феодалов в 1425/26 г.(?) приступить к восстановлению укрепления. Следы ремонта отмечены на северном и восточном рубежах.

Располагающаяся в центральной части северной линии обороны трапециевидная башня (рис. 38; 39) при восстановительных работах была усилена с внешней стороны дополнительными кладками, что увеличило толщину её стен более чем вдвое (юго-западная осталась прежней и составляла 1,60 м, ширина юго-восточной увеличилась до 1,91 м, северо-восточной — 1,75–2,04 м, северо-западной — 1,85 м). Новые габариты строения, получившего в основании очертания квадрата за счёт пристройки дополнительного пояса по внешнему периметру, теперь составляли: ширина — 6,83 м, вынос во фронт — 5,85–6,0 м. Западный отрезок куртины (16,60 м) усиливается с внешней стороны тремя контрфорсами, по-видимому, с целью стабилизировать конструкцию отклонившейся к северу плоскости стены. Разрушения, произошедшие во время землетрясения на участке куртины, расположенном к востоку от башни, обусловили необходимость её полной перекладки с внешней стороны на протяжении 5,50 м. Эта перестройка также привела к изменению параметров толщины. Если ранее она не превышала 1,60 м (сохранилась только у места примыкания к башне), то теперь, равномерно увеличиваясь, у излома стены достигала 2,0 м.

Для предотвращения дальнейшего развития деструктивных процессов, отмеченных на северо-восточном участке оборонительных сооружений (ранее упоминалось об обрушении рядом с потерной фрагмента лицевой кладки протяженностью 13,50 м) ввиду отрицательного уклона части крепостной стены, здесь сооружается башня в виде прямоугольной трапеции (рис. 40), выступающей в напольную сторону на 2,76 м.

Внешний и боковые фасады сходятся под разными углами — 113° (северо-восточный) и 96° (юго-восточный). Внутреннее пространство сооружения заполнено сплошной забутовкой на известковом растворе. Наибольшая ширина основания составляет 5,53 м, а за линией стены — 4,67–4,28 м. Возведение новой башни бастионного типа позволяло вести обстрел большого сектора предпольного пространства (рис. 40).

Первоначально ворота были безбашенными и представляли собой простой арочный проход в стене (рис. 41). Подобное устройство входа довольно характерно для многих средневековых укреплений Крыма, а также за его пределами [Де-

роко, 1950, с. 94, 107, 142; Кирпичников, 1984, с. 204]. Вход имел ширину 1,93 м при толщине стены на этом участке 1,80 м. Угол падения скальной поверхности у ворот составляет около 15° и образует перепад высот с внутренней и напольной сторон крепостной стены до 0,50 м. От арки, перекрывавшей вход, сохранились отдельные пяточные камни из обработанных блоков известкового туфа вторичного использования. Реконструируемая высота входа составляет снаружи 3,20 м, изнутри — 2,90 м. Первоначальные воротные конструкции не сохранились. Очевидно, полотнища ворот были деревянными и открывались наружу.

Сооружение полукруглой въездной башни стало важным строительным мероприятием по усилению крепостных ворот (рис. 42; 43). С устройством входа с севера существующая здесь ранее ось движения изменила направление, создав дополнительное удобство для его обороны. Само же сооружение, помимо сплошного околостенного фланкирующего и веерного прострела, обеспечивало крепостным воротам также сильное фланговое прикрытие подступов к ним. Башня пристроена к стене без перевязки. За пределы крепостной стены новое строение выступает на 3,60 м, при ширине 6,40 м. Размер внутреннего пространства 3,07×2,30 м. Толщина стены сохранившегося нижнего яруса колеблется в пределах 1,50–1,80 м. Во входной северной части она составляет 1,60 м. Проём входа в плане слегка трапециевидный шириной 1,60–1,73 м (сужается вовнутрь). Его высота 2,50 м. Проход перекрывался цилиндрической аркой из рваного плоского бута на известковом растворе. Лицевые поверхности арки набраны из тщательно отёсанных блоков известкового туфа, в основном вторичного использования (рис. 44). На одном из них сохранились фрагменты фресковой росписи неизвестной культовой постройки.

Первоначальная высота башни неизвестна (рис. 45). Однако судя по незначительной толщине стен в нижней части, она была двухъярусной открытого типа с боевой площадкой, защищённой парапетом и зубцами (рис. 42; 43). Реконструируемая высота составляет около 10 м, что в целом характерно для провинциально-византийской школы оборонного зодчества средневековой Таврики этого периода [Мыц, 1987, с. 8]. Воротные конструкции были наружные, двукрылые. В камнях порога, примыкающих снаружи к башне, сохранились гнезда подпятники для осей деревянных воротных полотен. Расстояние между ними составляет 1,95 м.

Для дополнительной защиты ворот от обстрела камнётными машинами или огнестрельной артиллерией с востока вход прикрывается стеной длиной 1,25 м и толщиной 0,72–0,85 м, пристроенной к башне в 0,32 м от проёма. Её первоначальная высота составляла около 3,0 м. Устройство этой защитной стены завершило формирование комплекса главных ворот, обеспечив им эффективную обороноспособность в системе укрепления (рис. 40).

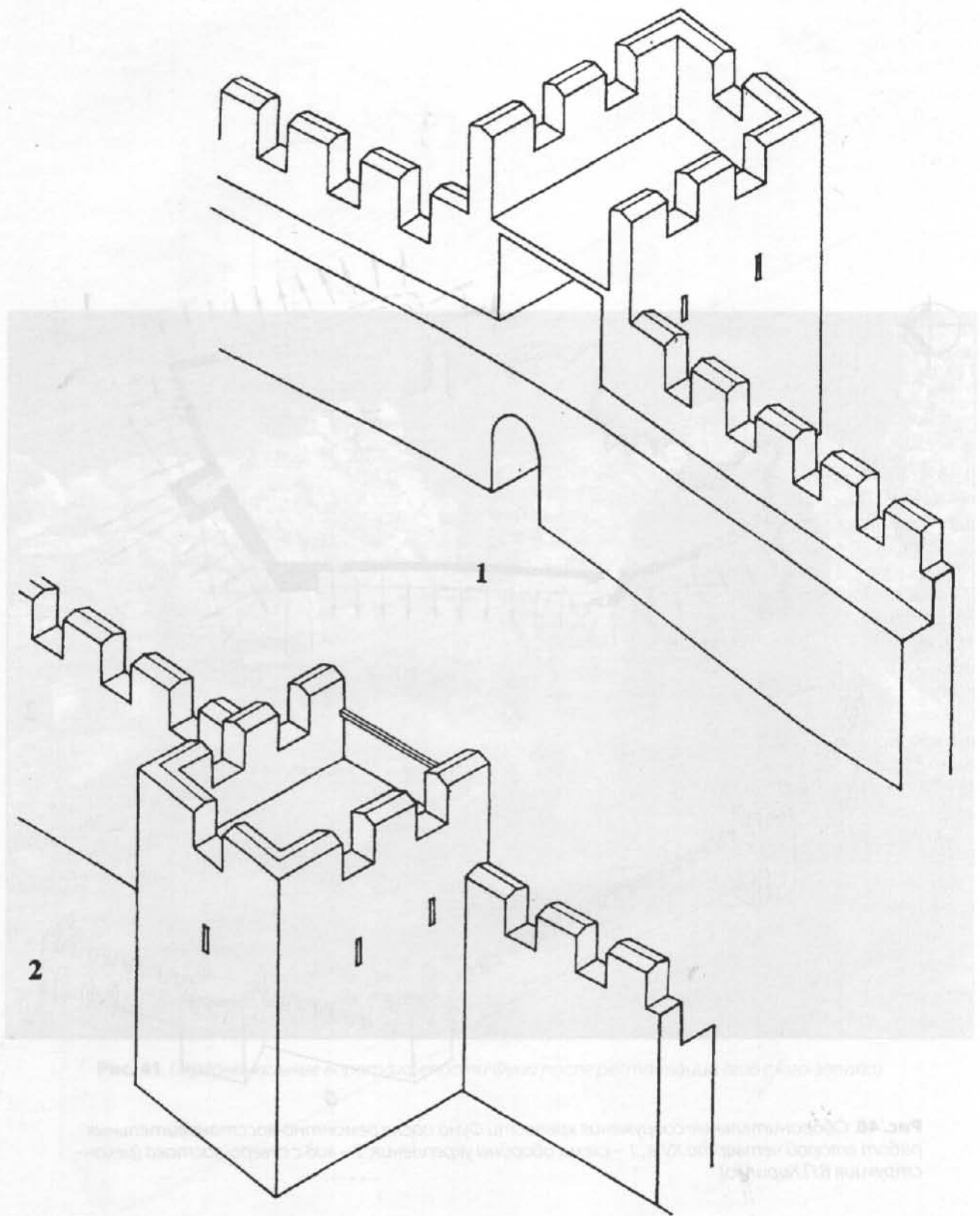


Рис. 39. Башня северной линии обороны крепости Фуна (реконструкция её первоначального облика в 1422/23 гг. [Кирилко, 2005, рис. 93]); 1 – вид с юга (тыльная сторона); 2 – вид с северо-запада (с внутренней стороны)



Рис. 41. Первоначальные ворота крепости Фуна после реставрации (вид с юго-запада)

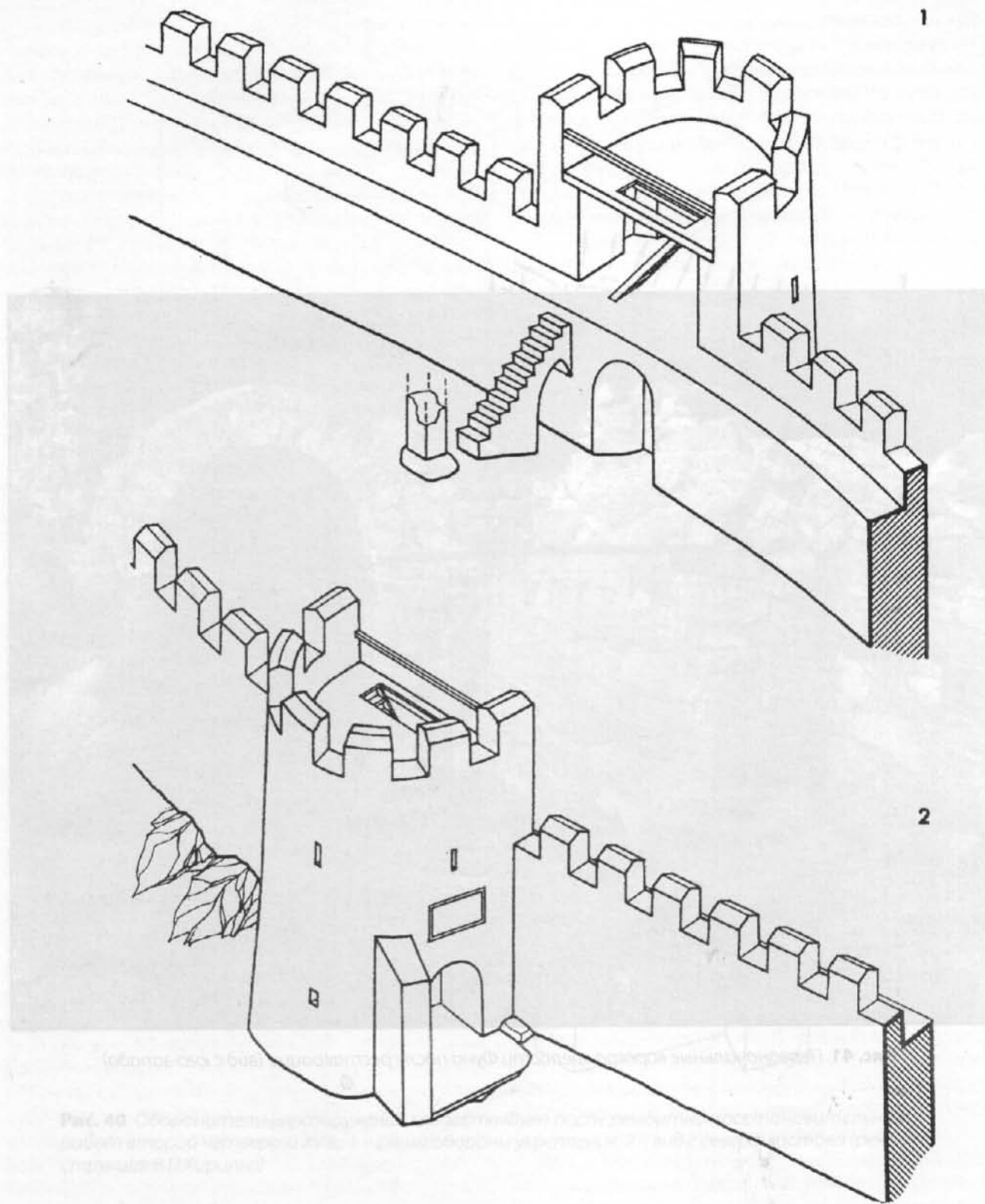


Рис. 42. Въездная башня крепости Фуна второй четверти XV в. (1425 – 1434 гг.?): 1 – вид с юго-запада; 2 – вид с северо-востока (по В.П.Кирилко, В.Л.Мыц [1991, рис. 4])



Рис. 44. Цилиндрическая арка ворот крепости Фуна второго строительного периода после реставрации (вид с севера)

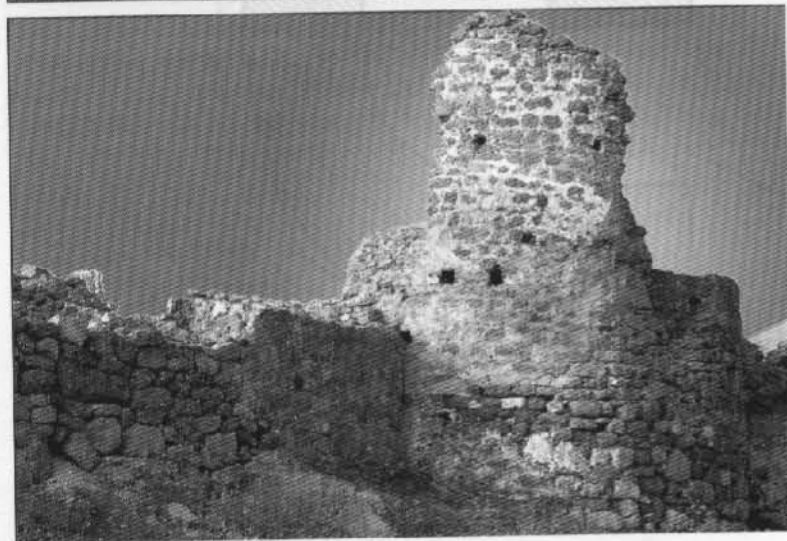


Рис. 45. Руины воротной башни Фуны. Вид с юга



Рис. 43. Вид с юга башни крепости Фуна. Вид с юга

При раскопках надвратной башни в 1980 г., у входа, с внешней стороны, в слое завала было найдено три нестыкующихся между собой фрагмента перелицованного надгробия, на одном из которых изображён св. Георгий Победоносец [Кирилло, Мыц, 1991, с. 157, рис. 5] (рис. 46). Изображение располагается в нижнем правом углу, где, вероятно, находилась и надпись. Рисунок выполнен несколько схематично (процарапан острым предметом по тщательно выровненной поверхности), но в целом достаточно выразительно передаёт один из наиболее распространённых и почитаемых подвигов чудесного заступничества св. Георгия — избавление от дракона. Лицевая поверхность плиты имеет следы воздействия сильного огня, в результате чего образовался провал камня. Это даёт основание считать, что первоначально она была установлена над входом в укрепление (рис. 44), воротные конструкции которого могли являться мощным источником горения.

Находка данной плиты с рисунком позволяет высказать предположение, что надвратная башня Фуны носила имя св. Георгия. Косвенно это подтверждает сообщение Д. М. Струкова о том, что в апсиде церкви, выстроенной впоследствии с использованием конструкции башни, ещё в 70-х гг. XIX в. сохранялось изображение Георгия Победоносца [Струков, 1876, с. 12].

Таким образом, не ранее второй половины 20-х — начала 30-х гг. XV в. (примерно между 1425 и 1434 гг. и до первого разрушительного пожара) в организации оборонительной системы замка у селения Фуна произошли изменения, способствовавшие его значительному усилению. В это время не только производится ремонт пострадавших от землетрясения куртин и башни на северном участке крепостного полигона, но и сооружается дополнительно ещё две башни: одна над входом в укрепление, а вторая на стыке северной и восточной линии стен (рис. 40). В таком виде плановая структура укрепления существует на протяжении более 30 лет до следующей перестройки, произведённой в 1459 г.

Укрепление Каламита (Καλαμίτου) расположено возле устья реки Чёрной (на правом восточном берегу), в месте её впадения в Северную бухту. Занимает юго-западную часть т. н. Монастырской скалы, ограниченной с северо-запада, запада и юга обрывами высотой от 40 до 60 м. С напольной стороны — севера и востока — доступ на плато возвышенности преграждают оборонительные стены, усиленные башнями (рис. 47).

Памятник представляет собой сложный многослойный архитектурно-археологический комплекс, существовавший, судя по выявленным при его исследовании материалам, с некоторыми перерывами на протяжении VI–XVIII вв. и перестраивавшийся не менее семи раз [Бертье-Делагард, 1886, с. 179–206; 1918, с. 2–10; Бабенчиков, 1937, с. 1–4; Веймарн, 1958, с. 55–62; Якобсон, 1964, с. 11, 17, 25; Филиппенко, 1996, с. 143–151; Мыц, 1991а, с. 136–137; Кирилло, 2005а, с. 211–214]. Первоначально (во второй половине VI — первой половине VII в.) это

византийское укрепление, защищавшее проход на Гераклейский полуостров. Во второй половине VII в. византийский гарнизон вынужден покинуть крепость. Со временем она была почти полностью разрушена. Возведение на месте старых византийских новых оборонительных сооружений в начале 20-х гг. XV в. (предположительно не ранее 1422/23 гг.) производится владельцем Феодоро Алексеем I (Старшим). Косвенным подтверждением этого может служить находка 1926 г. (обломок был вторично использован в качестве строительного материала в постройке турецкого (?) времени) — фрагмент плиты (0,40×0,30×0,16 м) с изображением монограммы Алексея (Старшего?) [Малицкий, 1933, с. 32, рис. 9].

Размеры защищённой стенами территории составляют 215×110 м (площадь городища примерно 1,30 га). Протяжённость крепостных стен достигает 240 м. Система обороны состояла из 6 башен, куртин и рва (рис. 47), образовавшегося при выборке камня для строительства укрепления в VI в. (его глубина на восточном участке достигает 3,70 м при ширине 9,0 м).

Первоначальные фортификационные сооружения 20-х гг. XV в. состояли из большой воротной башни открытого типа размером 10,90×6,0 м (рис. 48; 49; 50) и двух оборонительных стен, сходящихся под тупым углом (толщина стен башни и куртин — 1,10–1,20 м). Впоследствии воротная башня неоднократно перестраивалась, поэтому трудно установить параметры проёма первоначальных ворот 20-х гг. XV в. (в настоящее время их ширина составляет 5,30 м).

В хронологическом промежутке между 1424–1434 гг. стены были усилены дополнительно ещё пятью однотипными башнями небольших размеров. Их ширина 5,40–6,50 м; выступают за линию куртин по фланкам на 3,50–3,85 м. Хорошо сохранились четыре сооружения этого периода. Пятая, вероятно, находилась на месте стены, соединяющей башню № 6 с крепостью и была разобрана при возведении последней в XVII–XVIII (?) в. Кроме того, на отрезке куртины, расположенной к юго-востоку от башни № 2 (рис. 51), к оборонительной стене пристраивается подпирающая её с внутренней стороны кладка длиной 25 м и толщиной 0,90 м, а с внешней — шириной 1,20 м, позволяющие удержать куртину от опрокидывания (об этом уже говорилось выше).

Но данных строительных мероприятий оказалось явно недостаточно для превращения Каламиты в хорошо защищённую крепость, потому что тонкие (в среднем 1,07 м) и высокие (до 8,84 м) [Бертье-Делагард, 1886, с. 180] стены явно не могли противостоять огнестрельной артиллерии, которая находилась на вооружении генуэзцев. Это полностью подтвердили и события 10 июня 1434 г., когда жители Каламиты, не дожидаясь штурма, ночью тайно покинули город. В данном случае видно, что возведение фортификационных сооружений Каламиты, как и на Фуне, велось в спешке, при «явном недостатке средств и опыта» [Якобсон, 1964, с. 121].

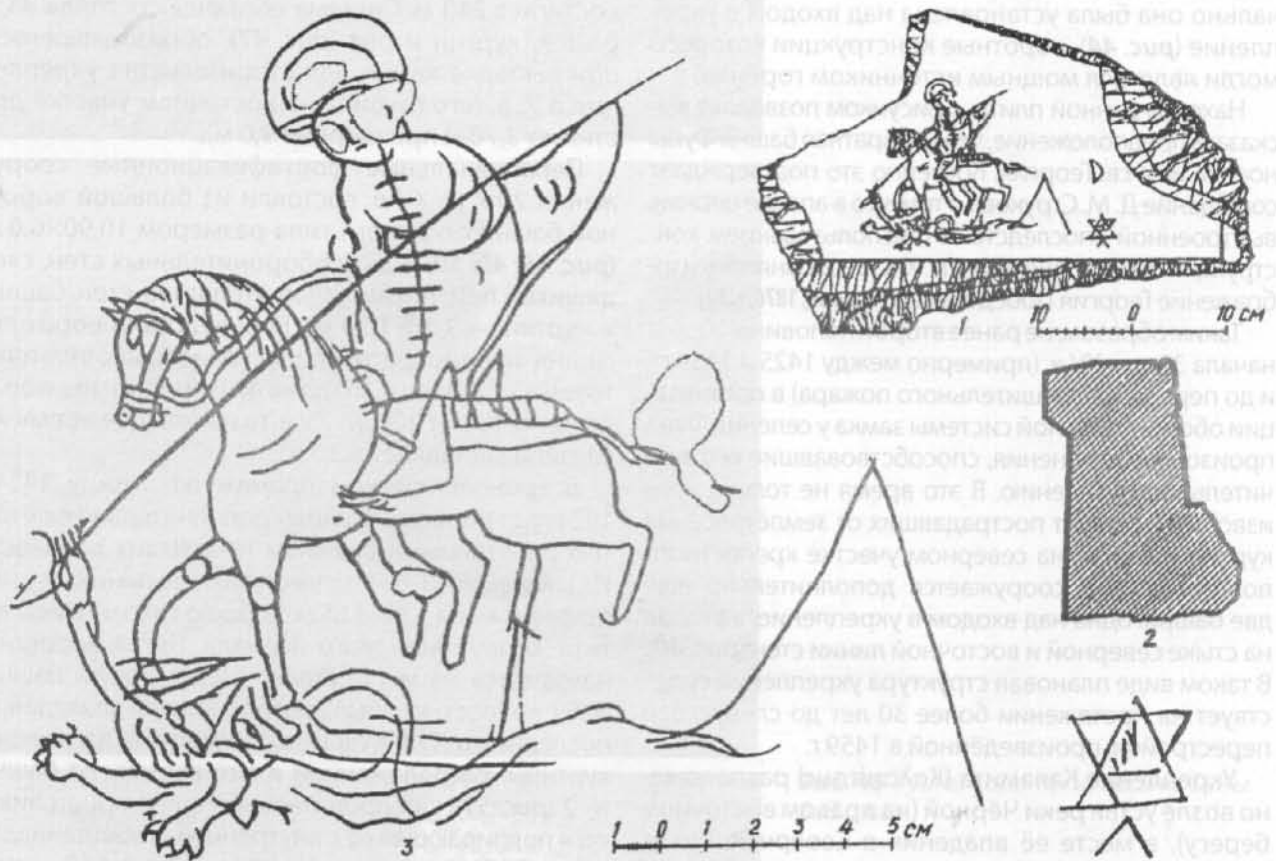


Рис. 46. Фрагмент плиты с изображением Георгия Победоносца: 1 – общий вид; 2 – сечение; 3 – прорисовка граффити (по В.П.Кирилко, В.Л.Мыц [1991, рис. 5])

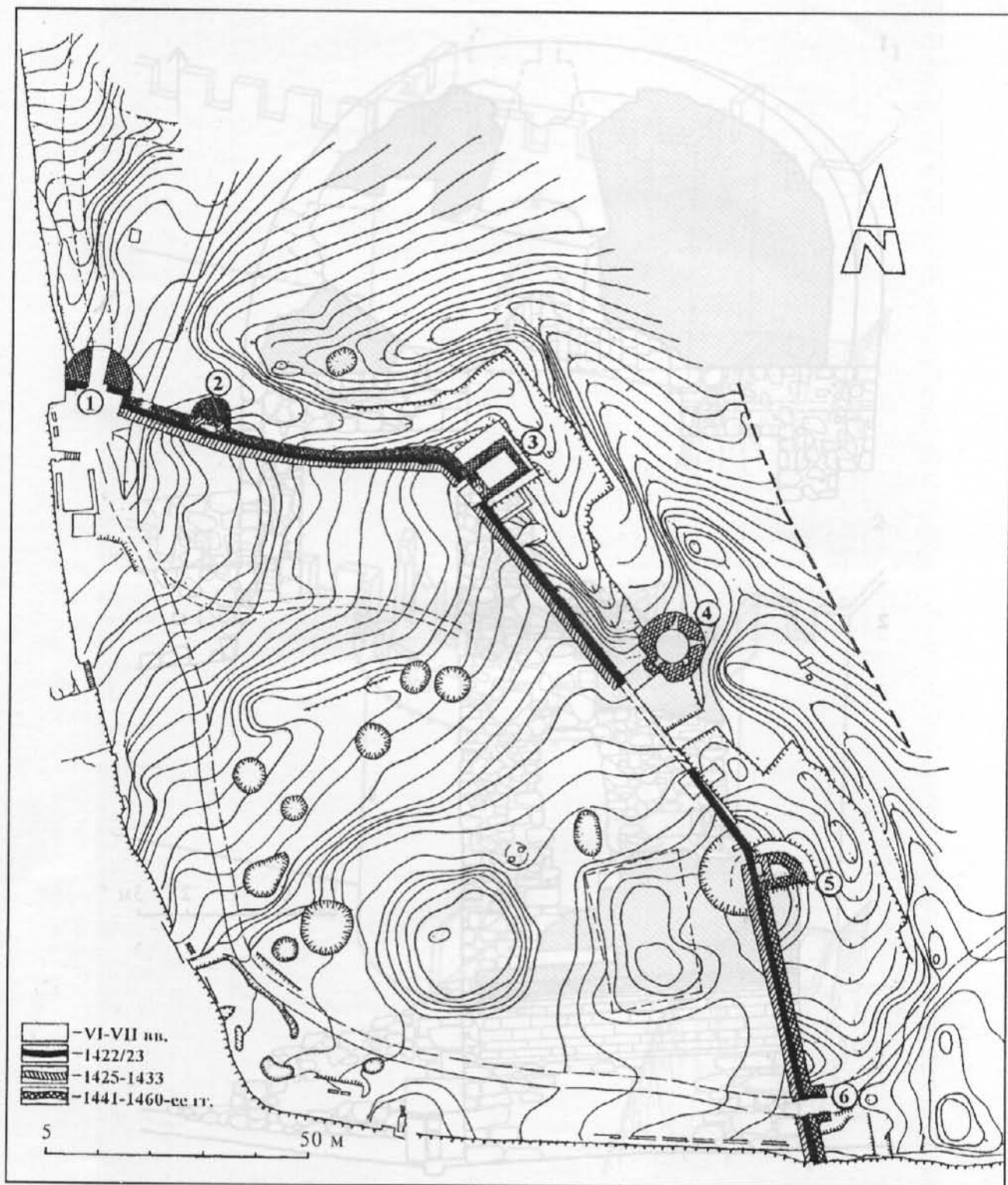


Рис. 47. План крепости Каламита VI – XV вв. с выделением основных строительных периодов

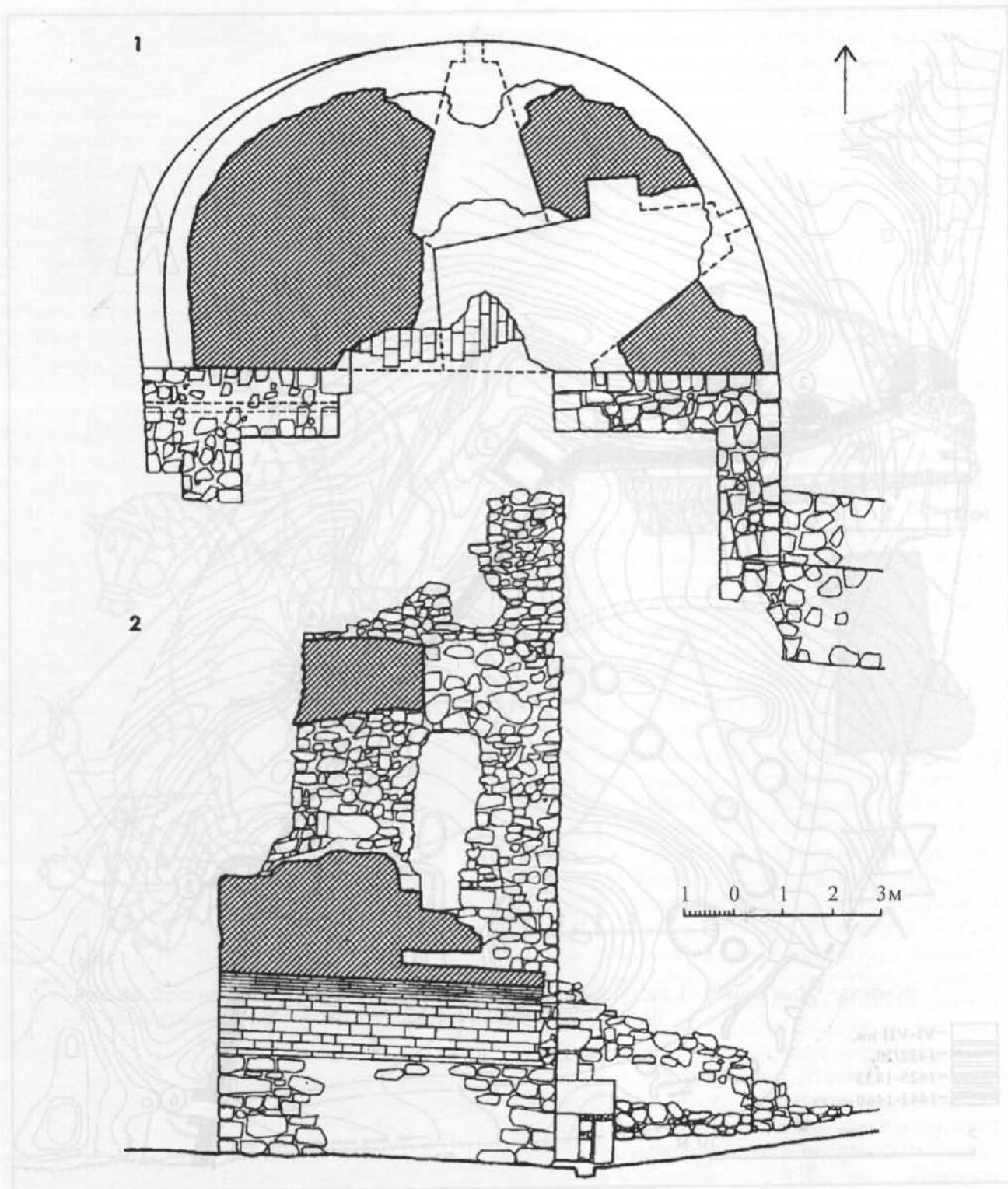


Рис. 48. Въездная башня Каламиты XV в.: 1 – план; 2 – продольный разрез по оси воротного проёма (по Е.И.Лопушинской, П.П.Ткач, В.Ф.Отченашко)

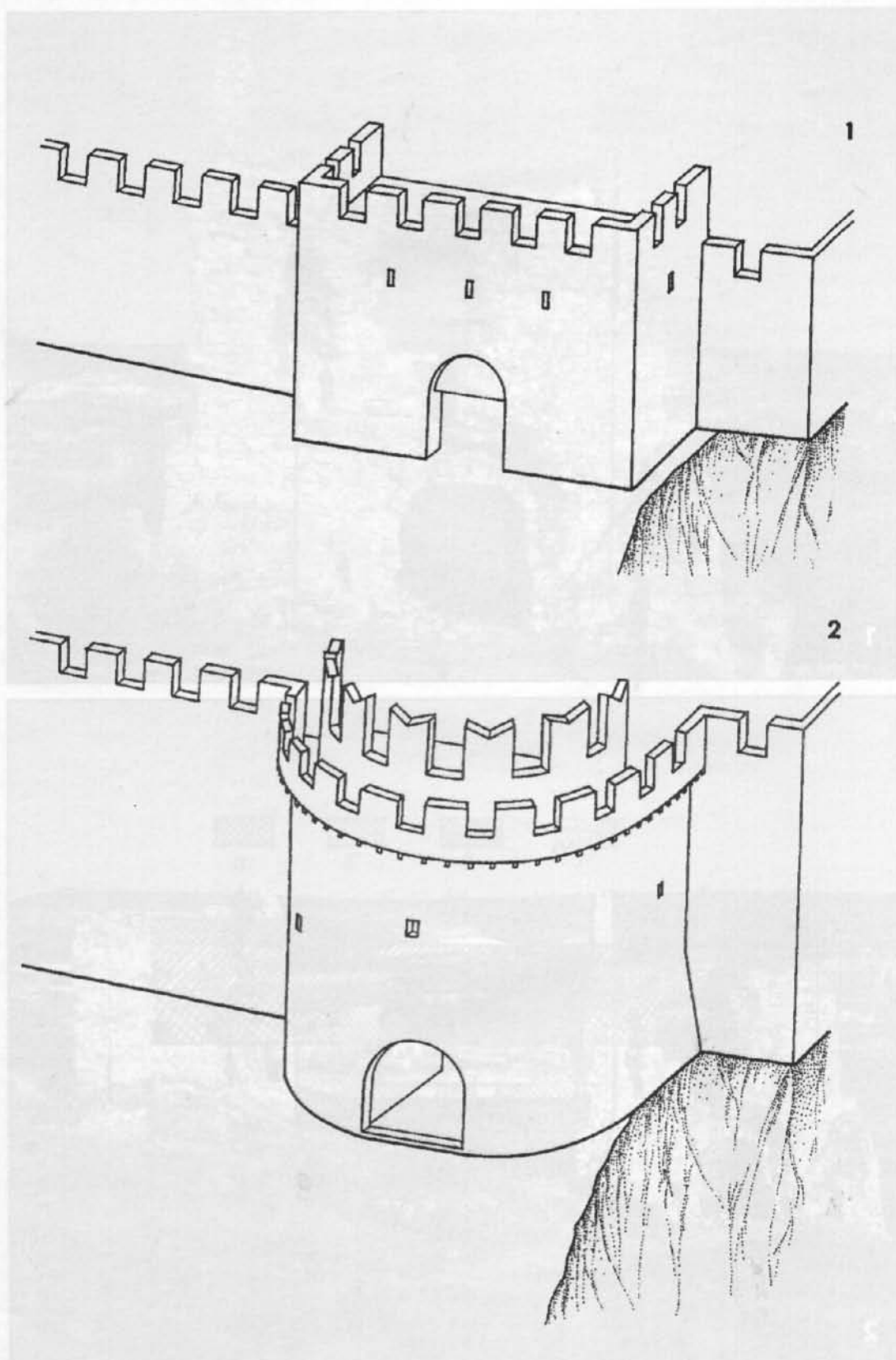


Рис. 49. Въездная башня Каламиты в 20–40-е гг. XV в.: 1 – «феодоритского» периода (1423–1434 гг.); 2 – «генуэзского» периода (1434–1441 гг.) (реконструкция В.П.Кирилко)

2.3.2. Город Феодоро в 20-е гг. XV в.: оборонительное, культовое и гражданское строительство

В 20-е гг. XV в. более значительные строительные работы проводятся владетелем Феодоро Алексеем I (Старшим) на территории столицы — Мангупе (рис. 52). Многолетние археологические исследования выявили здесь руины архитектурных памятников, возведение которых на сегодняшний день с наибольшей вероятностью можно связывать с его именем.

Прежде всего, следует отметить цитадель с октагональным храмом⁵⁷ и парадное дворцовое здание, расположенное рядом с большой Базиликой у центральной площади города. Впервые раскопки памятника осуществил Р. Х. Лепер в 1912 г. Им было опубликовано несколько лаконичных отчётов, дающих только самые общие представления о проведённых работах [Лепер, 1913, с. 78–79, 149–154; Бертъе-Делагард, 1918, с. 29–30], хотя они позволили получить интересные материалы, в том числе и несколько эпиграфических памятников. Благодаря одному из них открытое здание идентифицировано как дворец «владетеля Феодоро и Поморья» [Малицкий, 1933, с. 33–35, рис. 10] (рис. 53; 54).

Отсюда же происходит богатая коллекция артефактов, с комплексом сосудов, украшенных монограммами. Впоследствии внимание специалистов было сосредоточено в основном на интерпретации эпиграфических находок и архитектонике сооружения, в то время как сам археологический материал оставался более 70 лет невостребованным и к настоящему моменту издан только частично [Фонды Эрмитажа, №№ 1808/70–82, 84–91, 95–97; Мыц, 1991а, с. 102, рис. 42, 1–7; 43–45; 2005, с. 294–295, рис. 2, 5, 6; 5, 1–3; 6, 1–4; 9].

В самом начале раскопок 1912 г. в слое каменного завала башни были найдены два стыкующихся обломка плиты с надписью, датированной 1425 г. [Лепер, 1913, с. 78–79, рис. 7]. Находка представляла собой часть архитравной плиты, перекрывавшей входной проём в донжон. Она позволяет реконструировать его ширину в свету — 1,02 м (рис. 53). По своему композиционному решению данное изделие оказалось весьма близким ктиторской над-

писи Алексея 1427 г.: на ней сохранилась половина геральдического щита с монограммой и «герб» с двуглавым орлом, увенчанным императорскими коронами. Их визуальное сходство позволило Р. Х. Леперу восстановить содержание надписи следующим образом: «Был построен этот дом вместе с дворцом и с благословенной крепостью, которая видна ныне, во дни Алексея владыки города Феодоро и Поморья в месяце октябре 6934 года» [Лепер, 1913, с. 78–79, рис. 13].

Перевод надписи вызвал уже тогда справедливые возражения со стороны А. Л. Бертъе-Делагарда, считавшего, что в надписи вместо οίκος (дом), стояло πύργος (башня), а читаемое Лепером как οὐν τῷ εὐλογημένῳ κάστρῳ («с благословенной крепостью») следует понимать как εὐ τῷ εὐλογημένῳ κάστρῳ («в благословенной крепости») [Бертъе-Делагард, 1918, с. 31]. С данными замечаниями и поправками согласился Н. В. Малицкий [Малицкий, 1933, с. 33–35]. В таком случае, предположительно реконструируемый текст надписи 1425 г. должен был звучать следующим образом: «Построена эта башня с дворцом в благословенной крепости, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и Поморья, в месяце октябре 6934 года»⁵⁸.

Обратиться вновь к изучению здания дворца удалось только в 1938 г. [Якобсон, 1953, с. 391–418], но и эти раскопки были надолго прерваны. В 1968 г. Е. Г. Суворым проведены разведочные раскопки, позволившие, по мнению исследователя, в значительной степени по-новому представить архитектурно-планировочное решение [Сувор, 1972, с. 96–99]. В 1974 г. к изучению памятника приступил В. Е. Веймарн, но эти работы остались незавершёнными. Поэтому мангупский дворец, интереснейший и уникальный объект средневековой истории и архитектуры Крыма, до настоящего времени остаётся не полностью открытым, а полученные при его раскопках материалы не изданы⁵⁹.

⁵⁷ Определение ранней цитадели Феодоро и октагональной церкви как построек времени правления Алексея I (Старшего) с обоснованием даты их возведения в 1426–1427 гг. даётся в статье «Октагональный храм Мангупа», подготовленной и опубликованной мною совместно с В. П. Кирилко [Кирилко, Мыц, 2001, с. 354–375, рис. 1–8]. Эта работа была написана нами в середине 90-х гг. прошлого века (ещё до начала раскопок октагона А. Г. Герценом) и несколько лет находилась в «портфеле» редакционной коллегии сборника «Античная древность и средние века». После её издания мы с В. П. Кирилко надеялись на конструктивную критику со стороны современного исследователя памятника. Но похоже на то, что А. Г. Герцен, внося существенные корректировки в свои представления о времени и этапах создания цитадели, а также октагональной церкви, принципиально «не замечает» нашей публикации.

⁵⁸ Х.-Ф. Байер предложил весьма близкий вариант реконструкции текста надписи 1425 г.: «[Была построена башня (πύργος, согласно Бертъе-Делагарду и Васильеву) с]я с дворц- (τὸς μετὰ τοῦ παλάτ) / [ом и благо] словенной крепост- (εὐ)λογημένῳ κάστρ / [ью, которая ныне зрится(?), в] дни господина Ал- (ἡμερῶν κυροῦ Ἀλ / [ексея, государя город]а Феодоро и по- (ς Θεοδωροῦς καὶ πα-) / [морья (ραβαλασσίας) в месяце Октябре года 6934 (ὀβρίῳ ἔτους ς' ἄλδ' = 1425)]. Только вызывает сомнение сама возможность именовать Алексея здесь (как и в надписи 1427 г.) «государем» города Феодоро и Поморья, потому что в русской исторической лексике «государь» = «царь». Поэтому более приемлемым и реальным эквивалентом в данном случае греческому «аутент» (αὐθεντής) является русское «владетель» [см.: Байер, 2001, с. 208, 209, 440].

⁵⁹ В настоящее время (с 2006 г.) раскопки дворца ведутся экспедицией Таврического государственного университета им. В. И. Вернадского под руководством А. Г. Герцена. Но новые материалы исследований, насколько мне известно, ещё не представлены в печати.

Результаты проведенных исследований доста-
 ча позволяют составить пока в значительной
 степени гипотетическое представление о его ар-
 хитектонике (рис. 52). По мнению Е. Г. Сурава,

старой по своему архитектурно-декоративному
 оформлению. Нарядный вид в здании. Основный
 объем здания также занимал кап-площадку
 около 825 кв. м (25×33 м), расположенной четырь-

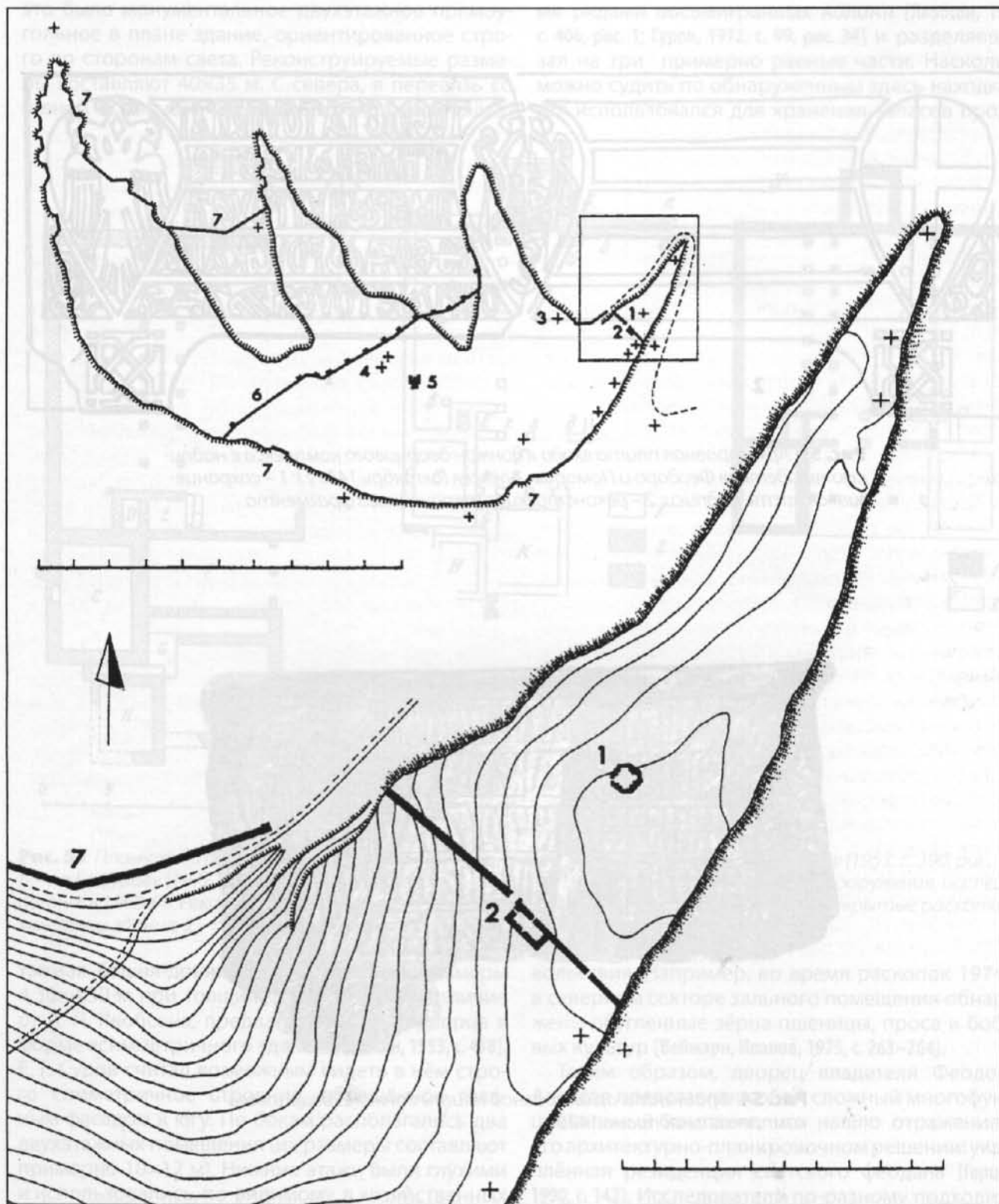


Рис. 52. План крепости Феодоро (Мангула) XV в. Условные обозначения: 1 – октагональный храм; 2 – линия обороны цитадели на мысе Тешкли-Бурун; 3 – церковь св. Георгия; 4 – Большая базилика; 5 – дворец Алексея; 6 – Вторая линия обороны; 7 – Главная линия обороны

перейти без разрешения в архивы и библиотеки. Размеры в плане составляют 15×10 м. Через нее можно было попасть внутрь дворцово-го комплекса, и поэтому она должна была пред-

в XIV в., но было разрушено либо в конце этого же столетия, либо в начале XV в. Второй этап имеет довольно четкие хронологические пределы. По-

2.3.2. Город Феодоро в 20-е гг. XV в.: оборонительное, купцовое и гражданское строительство

В 20-е гг. XV в. более значительное строительство



Рис. 53. Архитравная плита входа в донжон дворцового комплекса с надписью «владельца Феодоро и Поморья» Алексея (октябрь 1425 г.): 1 – сохранившаяся часть надписи; 2 – реконструкция утраченного фрагмента



Рис. 54. Фрагменты архитравной плиты донжона дворцового комплекса с надписью 1425 г.

Результаты проведённых исследований дворца позволяют составить пока в значительной степени гипотетичное представление о его архитектонике (рис. 55). По мнению Е. Г. Сулова, это было монументальное двухэтажное прямоугольное в плане здание, ориентированное строго по сторонам света. Реконструируемые размеры составляют 40×35 м. С севера, в перевязь со стеной основного объёма, располагалась трёх-

ставлять по своему архитектурно-декоративному оформлению парадный вход в здание. Основной объём нижнего этажа занимал зал площадью около 825 кв. м (25×33 м), расчленённый четырьмя рядами восьмигранных колонн [Якобсон, 1953, с. 406, рис. 1; Сулов, 1972, с. 99, рис. 34] и разделявший зал на три примерно равные части. Насколько можно судить по обнаруженным здесь находкам, зал использовался для хранения запасов продо-

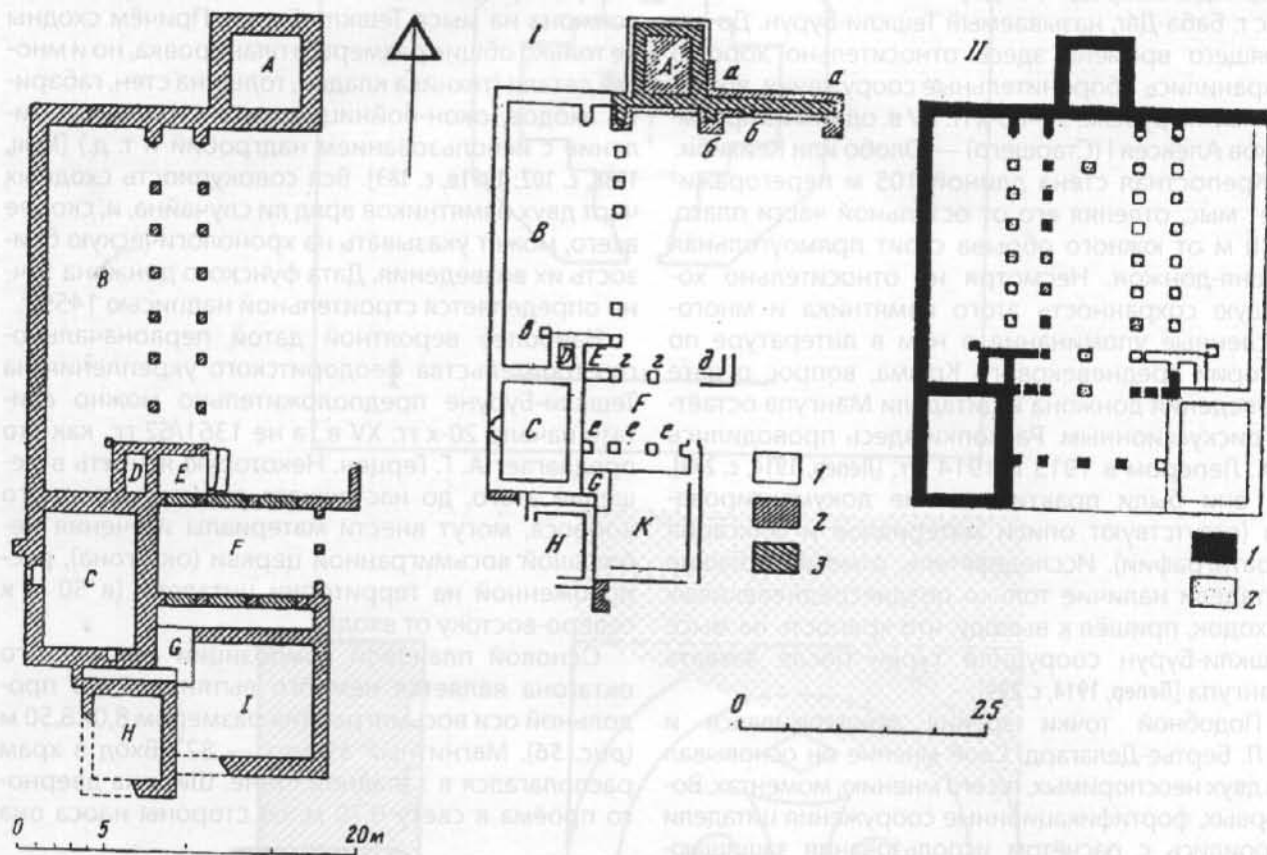


Рис. 55. План-схема дворцового комплекса Мангупа 1425 г. А – по Р.Х.Леперу и А.Л.Якобсону [1953, с. 390, рис. 1]; Б – по Е.Г.Сулову [1972, рис. 34]. I. План раскопок: 1 – раскопы 1912 г.; 2 – раскопы 1968 г.; 3 – сооружения, исследованные в 1968 г. II. Реконструкция плана дворца Алексея, предложенная Е.Г.Суловым: 1 – открытые раскопками стены здания; 2 – реконструируемые части

тажная башня-донжон (её внутренние размеры 4,30×4,30 м при толщине стен 1,10 м). В отличие от А. Л. Якобсона, предлагавшего план дворца в форме асимметричного здания [Якобсон, 1953, с. 418], Е. Г. Сулов считал возможным видеть в нём строго симметричное строение, обращённое главным фасадом к югу. По бокам располагались два двухэтажных помещения (их размеры составляют примерно 10×12 м). Нижние этажи были глухими и использовались, по-видимому, в хозяйственных целях. Проход на второй (парадный и жилой) этаж осуществлялся по двум широким каменным лестницам [Якобсон, 1964, с. 126; Сулов, 1972, рис. 34].

Два этих помещения разделяла объёмная галерея (её размеры в плане составляют 15×10 м). Через неё можно было попасть внутрь дворцового комплекса, и поэтому она должна была пред-

вольствия. Например, во время раскопок 1974 г. в северном секторе зального помещения обнаружены обугленные зёрна пшеницы, проса и бобовых культур [Веймарн, Иванов, 1975, с. 263–264].

Таким образом, дворец владельца Феодоро Алексея представлял собой сложный многофункциональный комплекс, что нашло отражение в его архитектурно-планировочном решении: укрепленная резиденция светского феодала [Герцен, 1990, с. 142]. Исследователи по-разному подходили к проблеме строительной периодизации комплекса дворца. А. Л. Якобсон выделял два периода в его истории. Он полагал, что первоначальное здание возведено из тщательно отёсанных блоков в XIV в., но было разрушено либо в конце этого же столетия, либо в начале XV в. Второй этап имеет довольно чёткие хронологические пределы. По-

сле восстановления «князем Алексеем» в 1425 г. дворец существует до 1475 г. и погибает в тотальном пожаре при взятии города турками [Якобсон, 1953, с. 417]. В более поздних работах исследователь пишет о дворце как единовременно возникшем комплексе, существовавшем на протяжении 1425–1475 гг. [Якобсон, 1964, с. 126; 1973, с. 131–132]. Подобной датировки придерживаются в настоящее время и другие авторы [Суров, 1972, с. 96–99].

Цитадель города Феодоро занимает восточный мыс г. Баба-Даг, называемый Тешкли-Бурун. До настоящего времени здесь относительно хорошо сохранились оборонительные сооружения, возведённые на рубеже 50–60-х гг. XV в. одним из преемников Алексея I (Старшего) — Олобо или Кейхиби.

Крепостная стена длиной 105 м перегораживает мыс, отделяя его от остальной части плато. В 30 м от южного обрыва стоит прямоугольная башня-донжон. Несмотря на относительно хорошую сохранность этого памятника и многочисленные упоминания о нём в литературе по истории средневекового Крыма, вопрос о дате возведения донжона и цитадели Мангупа остаётся дискуссионным. Раскопки здесь проводились Р. Х. Лепером в 1913 и 1914 гг. [Лепер, 1914, с. 299], но они были практически не документированы (отсутствуют описи материалов и фиксация стратиграфии). Исследователь, отметив в башне цитадели наличие только позднесредневековых находок, пришёл к выводу, что крепость на мысе Тешкли-Бурун соорудили турки после захвата Мангупа [Лепер, 1914, с. 299].

Подобной точки зрения придерживался и А. Л. Бертъе-Делагард. Своё мнение он основывал на двух неоспоримых, по его мнению, моментах. Во-первых, фортификационные сооружения цитадели строились с расчётом использования защищающимися и нападающими воинами огнестрельного оружия. Во-вторых, в кладке стен донжона (и в особенности при оформлении дверных проёмов и наличников окон) использовались многочисленные христианские (?) надгробия [Бертъе-Делагард, 1918, с. 19–28]. После выхода работы А. Л. Бертъе-Делагарда это мнение надолго утвердилось в научной литературе [Репников, 1932, с. 206–208; Талис, 1974, с. 94].

А. Л. Якобсон полагал, что крепость на Тешкли-Буруне построена до 1475 г., и только позднее (в XVI в.) была превращена турками в цитадель-замок. «Тыльную сторону этого здания турки украсили богатым резным оконным наличником, <...> взятым, вероятно, из более ранней постройки (ещё XV в.)» [Якобсон, 1964, с. 126]. А. Г. Герценом, ведущим на территории Мангупа самостоятельные раскопки с 1975 г., высказано мнение, что начало возведения цитадели относится к 60-м гг. XIV в., т. е. ко времени строительной деятельности «князя» (на самом деле «турмарха») Хуйтани, одновременно со стенами второй линии обороны города [Герцен, 1990, с. 145–146].

Подобное предположение, на мой взгляд, недостаточно аргументировано по ряду причин.

Во-первых, цитадель Мангупа с самого начала возводилась как замок правителя города, где донжон сочетает в себе черты боевой башни и дворцового здания. Все известные в настоящее время постройки владетелей Мангупа (дворец 1425 г. и донжон замка Фуна 1459 г.) сопровождаются надписями с гербами-монограммами представителей правящего в Феодоро рода, а надпись 1361–1362 гг. их лишена. Во-вторых, донжон замка Фуна представляет собой почти полную копию донжона на мысе Тешкли-Бурун. Причём сходны не только общие размеры и планировка, но и многие детали (техника кладки, толщина стен, габариты входов, окон-бойниц, архитектурное оформление с использованием надгробий и т. д.) [Мыц, 1988, с. 102; 1991в, с. 183]. Вся совокупность сходных черт двух памятников вряд ли случайна, и, скорее всего, может указывать на хронологическую близость их возведения. Дата фунского донжона точно определяется строительной надписью 1459 г.

Наиболее вероятной датой первоначального строительства феодоритского укрепления на Тешкли-Буруне предположительно можно считать начало 20-х гг. XV в., а не 1361/62 гг., как это предлагает А. Г. Герцен. Некоторую ясность в решении этого, до настоящего времени спорного вопроса, могут внести материалы изучения небольшой восьмигранной церкви (октагона), расположенной на территории цитадели (в 50 м к северо-востоку от входа).

Основой плановой композиции мангупского октагона является немного вытянутый по продольной оси восьмигранник размером 8,0×8,50 м (рис. 56). Магнитный азимут — 82°. Вход в храм располагался в западной стене. Ширина дверного проёма в свету 0,70 м, со стороны наоса она

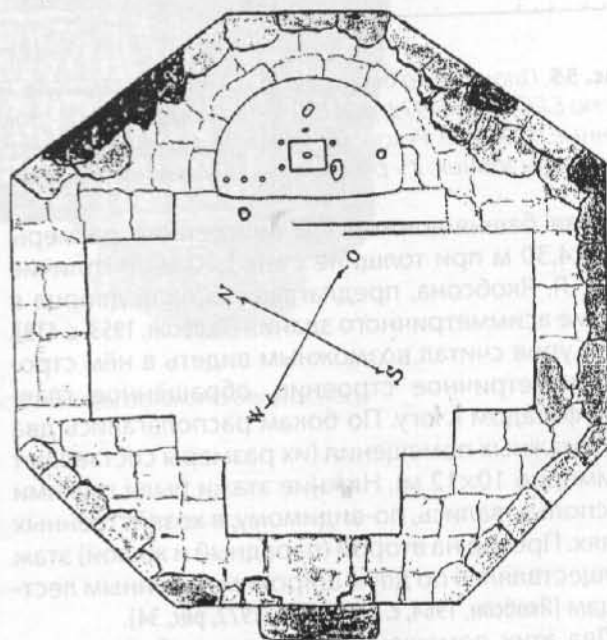


Рис. 56. План октагонального храма Мангупа (по Ф.А.Брауну, с дополнениями В.П.Кирилко, В.Л.Мыца [2001, рис. 2])

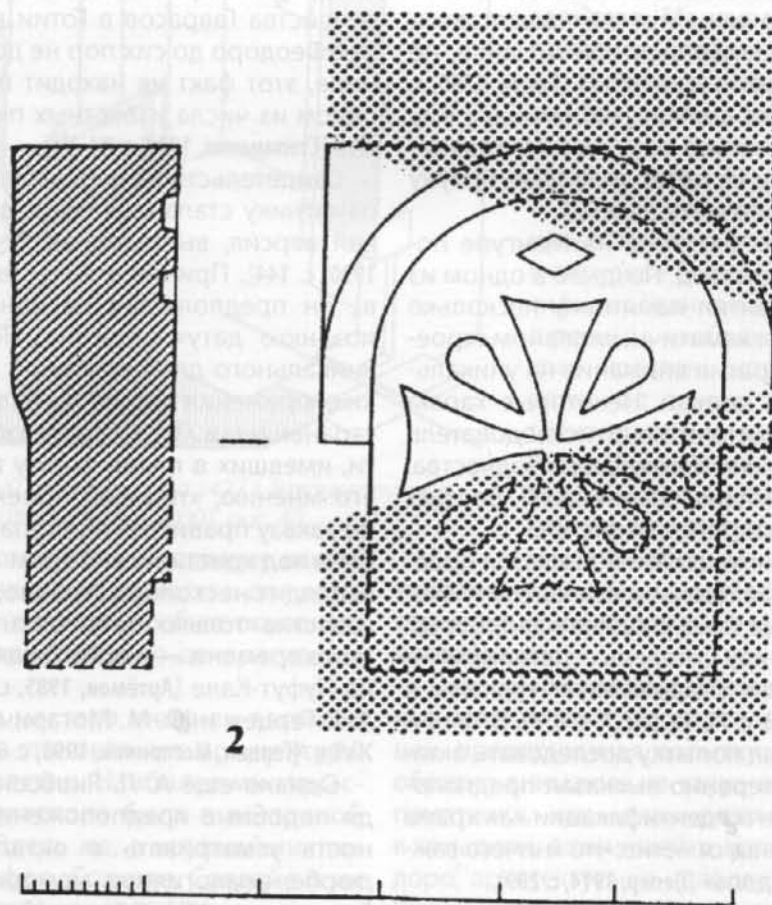
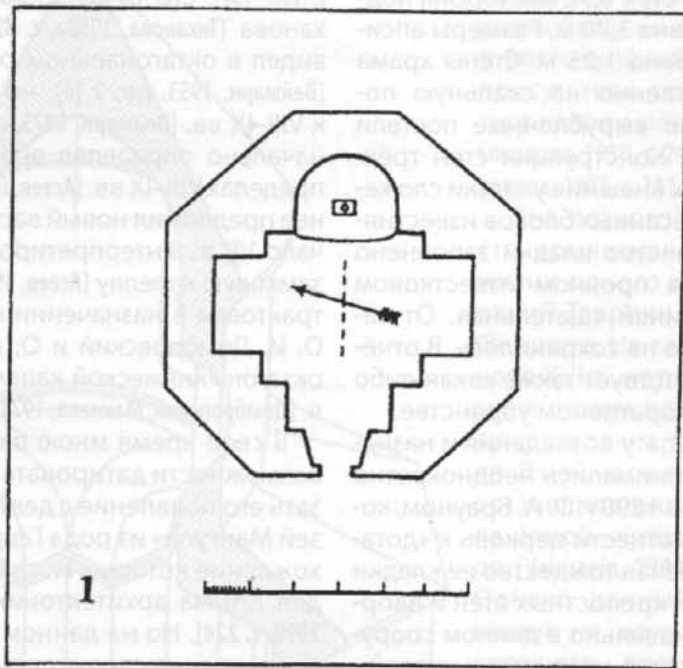


Рис. 57. План октагонального храма, выполненный в 1890 г. А.Л.Бертье-Делагардом [1918, с. 44, рис. 10] (1) и лицевая перемычка оконного проема церкви (2) (по В.П.Кирилко, В.Л.Мыц [2001, рис. 8])

составляла около 1,20 м. Внутреннее пространство церкви имеет вид равноконечного креста с полукруглой восточной ветвью. Его длина 6,60 м, ширина 6,20 м. Толщина стен 0,90 м. Сторона подкупольного квадрата равна 3,70 м. Размеры апсиды: ширина 2,60 м, глубина 1,25 м. Стены храма поставлены непосредственно на скальную поверхность в специально вырубленные постели глубиной около 0,05 м. Конструкция стен трёхслойная двухлицевая. Их внешние участки сложены из крупных, чисто отёсанных блоков известняка, внутреннее пространство кладки заполнено разномерным бутом на прочном известковом растворе. Пригонка камней тщательная. От завершения церкви ничего не сохранилось. В отчётах исследователей отсутствует также какая-либо информация и об её декоративном убранстве.

Попытки определить дату возведения и назначение октагона предпринимались неоднократно с момента его открытия в 1890 г. Ф. А. Брауном, который счёл возможным отнести церковь к «дотатарскому» времени, отмечая тождество её кладки с древнейшими частями крепостных стен и дворца. Предполагая первоначально в данном сооружении «дворцовую часовню мангупских князей», по завершению работ он стал колебаться, объясняя своё сомнение тем, что «не нашёл здесь ни малейших следов живописи или мозаики, не нашёл также и обломков мрамора» [Браун, 1890, с. 23]. По внешней форме церковь напоминала ему баптистерий, но отсутствие ещё одного, главного храма по соседству не позволило Ф. А. Брауну принять безоговорочно и эту версию.

Во время раскопок октагона на Мангупе побывал А. Л. Бертье-Делагард. Позднее в одном из своих трудов он посвятил памятнику несколько строк, сопроводив их схематичным планом строения (рис. 57: 1). Он обратил внимание на уникальность обнаруженной церкви. Некоторые характерные черты её архитектуры исследователь сравнивал с традициями армянского зодчества. От датировки и атрибуции здания А. Л. Бертье-Делагард воздержался [1918, с. 44, рис. 10].

В то же время Н. П. Никольский высказал предположение, что данная церковь возведена греками во второй половине VI в. и входила в дворцовый комплекс (имеется ввиду цитадель с донжоном) — резиденцию епископа, разрушенную турками в 1475 г. [Никольский, 1893, с. 71, 79, рис. 7, а, б, в]. В 1913 г. Р. Х. Лепер предпринял попытку доследовать октагон и несколько неуверенно высказал предположение о возможной его идентификации как храма св. Константина и Елены, отметив, что «ничего важного эта раскопка не дала» [Лепер, 1914, с. 299].

К рассматриваемой теме исследователи смогли вернуться только в связи с развернувшимся в 1938 г. комплексным археологическим изучением других памятников Мангупа. А. Л. Якобсон, исходя из восьмигранной формы плана и характера кладки октагона, высказал предположение о синхрон-

ности данного храма с главной базиликой города, датируемой им VI в. При этом он полагал, что строение могло быть крещальней [Якобсон, 1940, с. 220; 1959, с. 196–197]. Его точку зрения поддержала М. А. Тиханова [Тиханова, 1953а, с. 326]. Е. В. Веймарн также видел в октагональном сооружении баптистерий [Веймарн, 1953, рис. 2, 16], но относил его основание к VIII–IX вв. [Веймарн, 1975, с. 460]. Ю. С. Асеев первоначально определял время возведения храма в пределах VIII–IX вв. [Асеев, Лебедев, 1961, с. 16], но позднее предложил новый вариант датировки: VI — начало VII в., интерпретировав саму постройку как замковую капеллу [Асеев, 1966, с. 509, рис. 7, 16]. Этой же трактовки в назначении церкви придерживались О. И. Домбровский и О. А. Махнева, называвшие октагон «княжеской капеллой», построенной в VIII в. [Домбровский, Махнева, 1973, с. 51].

В своё время мною было высказано мнение о возможности датировать октагон XII–XIII вв. и связать его появление с деятельностью «первых князей Мангупа» из рода Гаврасов, армянское происхождение которых могло обусловить необычную для Крыма архитектуру храма [Мыц, 1984, с. 58; 1990, с. 224]. Но на данном этапе исследований эту точку зрения следует признать ошибочной и слабо аргументированной, поскольку пребывание семейства Гаврасов в Готии в качестве правителей Феодоро до сих пор не доказано, по крайней мере, этот факт не находит подтверждения ни в одном из числа известных письменных источников [Степаненко, 1990, с. 87–94].

Свидетельством неослабевающего интереса к памятнику стала ещё одна, довольно неожиданная версия, высказанная А. Г. Герценом [Герцен, 1990, с. 144]. Приняв в качестве точки отсчёта VIII в., он предполагает, не конкретизируя, «более позднюю дату» октагона. Появление же столь уникального для церковной архитектуры Таврики сооружения исследователь объясняет распространением в XIV–XV вв. мавзолеев татарской знати, имевших в плане форму восьмигранника. По его мнению, «типовой проект» такого строения по заказу правителя Мангупа мог быть приспособлен под христианский храм. Подобное суждение выглядит несколько странно, поскольку в Крыму известна только одна октагональная гробница этого времени — дюрбе Джанике-Ханым (1437 г.?) на Чуфут-Кале [Артёмов, 1985, с. 322]. Её возведение А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев относят к началу XVI в. [Герцен, Могаричев, 1993, с. 64–65].

Однако ещё А. Л. Якобсон, вероятно, предвидя подобные предположения, отрицал возможность усматривать в октагоне мусульманское дюрбе, аналогичное мемориальным строениям Бахчисарая XIV–XVI вв. [Якобсон, 1959, с. 196–197]. Впоследствии, обратившись к изучению генезиса мусульманских мавзолеев, учёный пришёл к выводу, что они являются прямым воспроизведением армянских архитектурных форм [Якобсон, 1987, с. 208]. Поэтому истоки объёмно-плановой

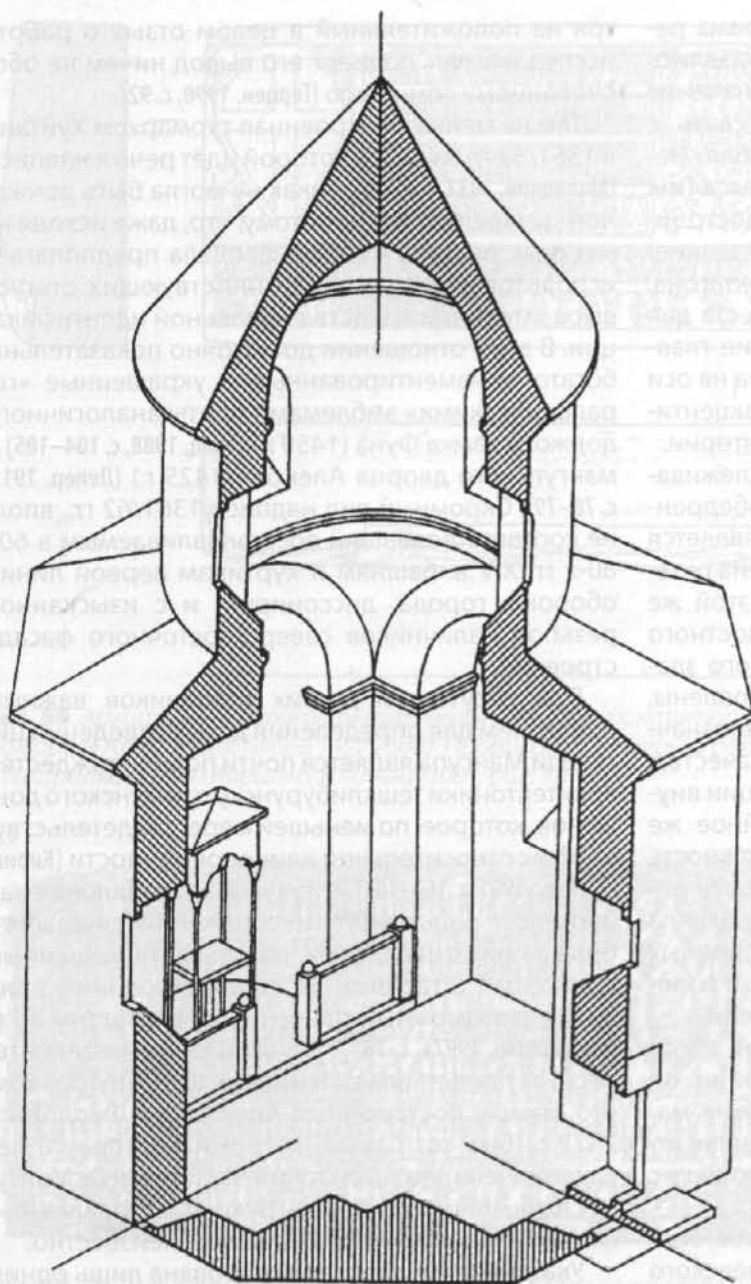


Рис. 58. Октагональный храм Мангупа 1427 г. Реконструкция В.П.Кирилко (по В.П.Кирилко, В.Л.Мыц [2001, рис. 4])

структуры мангупского октагона следует искать в армянском средневековом зодчестве, для которого восьмигранник изначально был основным формообразующим архитектурно-декоративным элементом.

То, что армянские мастера вносили весомый вклад в развитие и становление архитектуры Таврики, хорошо известно. Наиболее многочисленной армянская диаспора была в восточной части полуострова. Здесь же, в крупнейших городах региона — Каффе, Солхате, Солдае и их окрестностях — сохранились основные памятники армянской строительной культуры [Якобсон, 1956, с. 166–191; Халпахчян, 1990, с. 234–248; Якобсон, Таманян, 1990, с. 6–60].

Самобытность армянскому зодчеству Таврики придавала специфически крымская трактовка

традиционных архитектурных форм и композиций. В этом отношении весьма показательна архитектура Юго-Западного Крыма, где армянские общины были не так многочисленны, как в восточной части полуострова, но их присутствие отмечено почти на всей территории региона [Латышев, 1896, с. 63; Соколова, 1959, с. 74; Микаэлян, 1971, с. 108; Богданова, 1991, с. 111–112].

Вне всякого сомнения, важное место армянская культура занимала в жизни одного из феодальных образований Таврики — Готии и её столицы Феодоро. На самом Мангупе ещё в начале XVI в., наряду с шестью греческими и одним караимским кварталами, существовала также армянская махала. В ней насчитывалось 8 дворов, что составляло около 5% от общего числа семей, живших в то время в городе [Veinstein, 1980, p. 230, 235, 246, Tabl. VI]. Однако данный вопрос специально никем не изучался. Поэтому до настоящего времени свидетельством участия армянских мастеров в строительстве Мангупа являлось предположение отдельных исследователей об армянском происхождении орнаментов резных наличников донжона цитадели и Большой базилики [Бертье-Делагард, 1918, с. 27, 42].

В этой связи определённый интерес представляет и случайно обнаруженная в верховье балки Гаммам-Дере неидентифицированная архитектурная деталь с резным изображением двух проросших крестов, которые размещались один над другим в нишах с арочным трёхлопастным завершением [Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф, 1974, с. 134, рис. 6]. Рельеф имеет традиционную для хачкаров композицию проросшего креста с пальметочным основанием и может рассматриваться как один из армянских компонентов в строительно-декоративной культуре средневекового Мангупа.

Особый интерес представляют градостроительные аспекты мангупской ротонды (рис. 58). А. Г. Герцен, предпринимая попытку датировать октагон, обратил внимание на такие важные особенности памятника, как «планировочная привязанность к цитадели, возникшей в период княжества Феодоро, архитектурная целостность и сохранность» [Герцен, 1990, с. 144]. Остаётся только сожалеть, что это наблюдение не получило в его работе 1990 г. дальнейшего развития, ибо основные архитектурные сооружения Тешклибурунского замка действительно образуют цельный и гармонично сложенный, явно единовременный комплекс.

Т. к. для установления точной даты храма результаты археологических раскопок оказались недостаточными⁶⁰, первостепенное значение приобретает именно композиционная связь с фортификационными строениями ансамбля. Несмотря на то, что самая высокая точка мыса (и к тому же наиболее оптимальная в градостроительном плане площадка под культовое здание) находится всего в 20 м к юго-востоку от октагона, определяющим фактором при выборе места для последнего стала не она, а расположение главного входа в цитадель. Церковь возведена на оси крепостных ворот замка, замыкает её и акцентирует направление движения вглубь территории.

В плановой схеме цитадели чётко прослеживается композиционное ядро в виде равнобедренного треугольника, основой которого является оборонительная стена, а вершина отмечена октагональным храмом. Приблизительно в этой же точке находится и физический центр крепостного полигона замка. Архитектоника церковного здания и его местоположение взаимообусловлены. При наличии кругового обзора лишь равнозначные фасады могли придать строению качества, необходимые для эффективной организации внутреннего пространства цитадели. Стройное же очертание силуэта здания и монументальность композиции (при кажущейся миниатюрности реконструируемая высота сооружения составляла 15 м), превращали октагон в одну из основных доминант замка, по объёмам и значимости сопоставимую только с главной башней цитадели.

Как уже отмечалось выше, А. Г. Герцен, обобщивший в монографическом исследовании по фортификации Мангупа все известные ему материалы о памятнике, возведение цитадели относил к 60-м гг. XIV в., связывая указанную дату с надписью 1361/62 гг. [Герцен, 1990, с. 145–146]⁶¹.

Но при этом он, противореча самому себе, ссылается также на свидетельства М. Броневского (1578 г.) и Э. Челеби (1666 г.), видевшими над воротами верхнего замка надпись, «напоминавшую по внешнему виду надписи на плитах времени правления Алексея (30–40-е гг. XV в.)» [Герцен, 1990, с. 146]. Между прочим, о существовании рельефного изображения двуглавого орла в арке ворот цитадели сообщает в 1839 г. и И. С. Андриевский [Андриевский, 1839, с. 541–542], но А. Г. Герцен, несмо-

тря на положительный в целом отзыв о работе исследователя, подверг его вывод ничем не обоснованному сомнению [Герцен, 1990, с. 92].

Тем не менее, построенная турмархом Хуйтани в 1361/62 гг. башня, о которой идёт речь в надписи [Малицкий, 1933, с. 9–10], никак не могла быть донжонной цитадели хотя бы потому, что, даже исходя из местных реалий, жилище феодала предполагает использование других соответствующих статусу выразительных средств социальной идентификации. В этом отношении достаточно показательны богато орнаментированные и украшенные «геральдическими» эмблемами плиты аналогичного донжона замка Фуна (1459 г.) [Мыц, 1988, с. 104–105] и мангупского дворца Алексея (1425 г.) [Лепер, 1913, с. 78–79]. Скромный вид надписи 1361/62 гг., вполне соответствовавший восстанавливаемым в 60–80-х гг. XIV в. башням и куртинам первой линии обороны города, диссонирует и с изысканной резьбой наличников северо-восточного фасада строения.

При отсутствии других источников важным критерием для определения даты возведения цитадели Мангупа является почти полное тождество архитектоники тешклибурунского и фунского донжонов, которое, по меньшей мере, свидетельствует об их относительной одновременности [Кирилло, Мыц, 1991, с. 160–164]. К тому же, установление над воротами рельефного изображения двуглавого орла и плит с надписями, подобных помещённым Алексеем I (Старшим) на своих строениях, вряд ли было возможным ранее первой четверти XV в. [Степаненко, 1997а, с. 76–77]. В этой связи небезынтересным представляется мнение Ф. К. Бруна о том, что «замок, построенный Алексеем в Феодори в 1427 г., был тот самый, который полтора года спустя очевидец Брониовий застал ещё в Мангупе» [Брун, 1880, с. 235]. Чем он руководствовался, высказывая данное предположение, неизвестно.

Указанная им дата зафиксирована лишь одним известным на сегодняшний день источником — плитой с надписью, сообщающей о возведении храма, точное местонахождение которого до сих пор не установлено. Запутанная история с происхождением (Мангуп или Инкерман) самой эпиграфической находки на долгие годы стала поводом для споров [Латышев, 1896, с. 50–53; Бертъе-Делагард, 1918, с. 2–10; Малицкий, 1933, с. 27–28].

В переводе В. В. Латышева надпись звучит следующим образом: «Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владетеля города Феодоро и Поморья и ктитора святых, славных, боговенчаных, великих царей равноапостольных Константина и Елены в месяце Октябре⁶², ин-

⁶⁰ В относительно недавно появившейся популярной брошюре «Мангуп — город в Крымском поднебесье» А. Г. Герцен, ссылаясь на результаты своих исследований в цитадели города, относит время возведения октагона к периоду правления «князя Алексея» [Герцен, 2001, с. 36].

⁶¹ В настоящее время второй период существования цитадели, во время которого предпринимается её реконструкция, А. Г. Герцен относит ко времени правления Алексея I (Старшего). По его мнению, надпись 1427 г. была установлена над проёмом ворот [Герцен, 2001, с. 38]. Но над проёмом ворот нет (и никто не отмечал) места для закладной плиты. Вероятнее всего, строительная надпись могла находиться в тимпане ворот, который давно разрушен.

⁶² Святые равноапостольные Константин и Елена почитаются греко-православной церковью 21 мая. По-видимому, в это время (21 мая) 1426/27 гг. было освящено место и закладка октагонального храма в цитадели Мангупа, а его завершение — в октябре 1427 г.

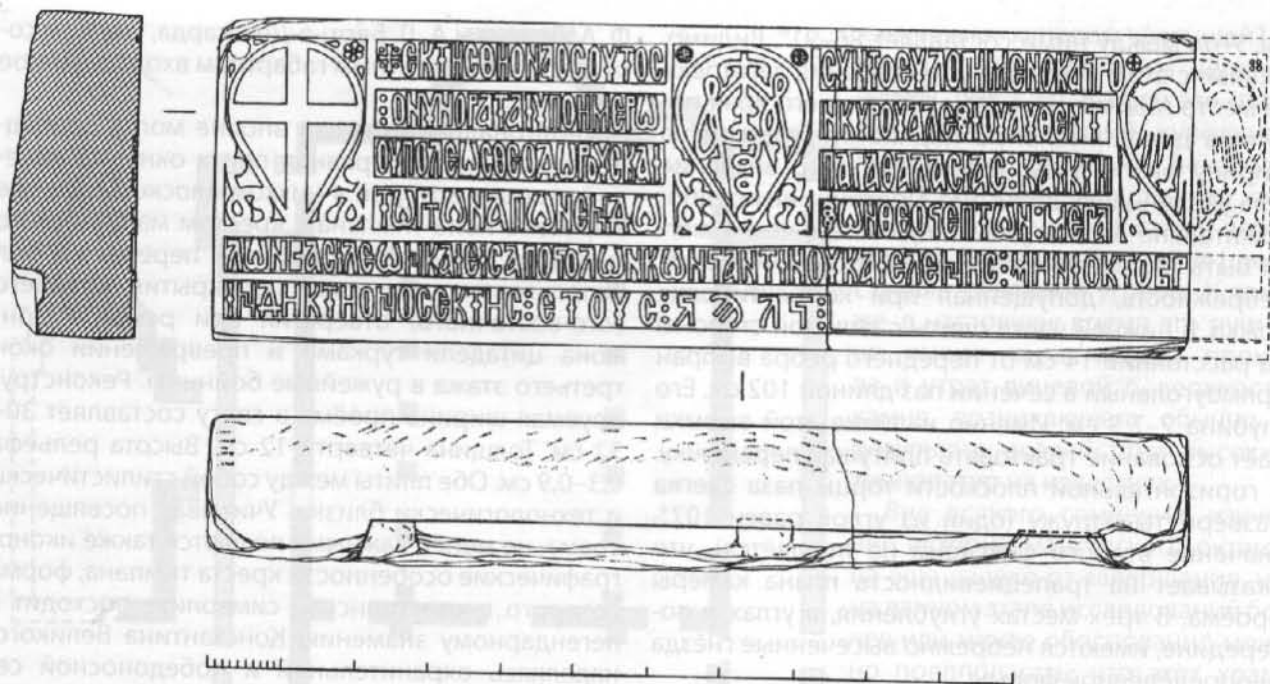


Рис. 59. Архитравная плита октагонального храма с ктиторской надписью «владельца Феодоро и Поморья» Алексея (октябрь 1427 года). Прорисовка, обмеры и реконструкция утраченного фрагмента В.П.Кирилко (по В.П.Кирилко, В.Л.Мыц [2001, рис. 7])



Рис. 60. Плита с ктиторской надписью 1427 года «владельца Феодоро и Поморья» Алексея

дикта шестого, лета 6936» [Латышев, 1896, с. 26–27]. По-видимому, под «благословенною крепостью, которая ныне зрится» могли подразумеваться ранние (начала 20-х гг. XV в.) фортификационные сооружения, также состоявшие из двух куртин, воротного проезда и башни, а их строительство было отмечено собственной закладной геральдической плитой.

Тем не менее, в надписи 1427 г. речь вполне могла идти именно об октагоне. Занимаемое им место внутри Тешклибурунского замка, хорошо продуманное и выверенное, действительно, без особого труда позволяло одновременно окинуть взором и фортификационные сооружения цитадели, под защитой которых церковь находилась.

Ценные сведения можно почерпнуть из анализа самой плиты. К сожалению, подобно многим эпиграфическим памятникам она не избежала участи однобокого, в прямом и переносном

смысле, подхода к изучению, возникающего обычно в тех случаях, когда исследователи, увлекаясь чтением текста, напрочь забывают о том, что находки такого рода являются носителями не только письменной информации. В своё время они нередко служили также для определённых утилитарных целей⁶³.

Плита с надписью, датированной 1427 г., была архитравной, перекрывала наружную часть проёма (рис. 59; 60). Её размеры: 44,0×133,0×19,5 (17,0) см. Высота рельефа 0,4 см. Материал — нуммулитовый известняк. Имеет две лицевые поверхности — переднюю и нижнюю. Обе они ещё при первичной обработке (до нанесения надписи) были тщательно выровнены и заглаже-

⁶³ Натурное обследование плиты выполнено В. П. Кирилко. Предпринятое им изучение связано с подготовкой к изданию нашей совместной статьи «Октагональный храм Мангула».

ны. Угол между ними составляет 86–91°. Видимо, в связи с этим во время установления заготовки на место нижняя грань вдоль внешнего края получила дополнительную подчистку зубаткой на ширину около 5 см, вследствие чего значение угла увеличилось до 93–95°. Пригонка её предположительно велась уже с подмостей, чем и могла быть вызвана некоторая, явно вынужденная, небрежность, допущенная при корректировке ложка. В нижней части плиты с тыльной стороны на расстоянии 14 см от переднего ребра выбран прямоугольный в сечении паз длиной 102 см. Его глубина 7–7,5 см. Именно наличие этой выемки даёт основание трактовать плиту как перемычку. В горизонтальной плоскости торцы паза слегка развёрнуты наружу (один из углов равен 107°, значение второго фиксации не поддаётся), что указывает на трапецевидность плана камеры проёма. В трёх местах углубления, в углах и по середине, имеются небрежно высеченные гнёзда неопределённой формы.

Верхняя и боковые грани плиты по всей поверхности околоты, их кромки вдоль внешнего края слегка подчищены и выровнены зубаткой. Угол между ними и лицевой поверхностью составляет около 95°. Идентичность характера обработки всех этих трёх сторон исключает какую-либо вероятность утраты части плиты, на которой была изображена левая половина двуглавого орла. Продолжение надписи, вне всякого сомнения, находилось на соседнем камне, что, однако, учитывая незначительные размеры дополнения (всего 11 см), имело смысл в том случае, если облицовка фасада была сплошной, а резьба выполнялась после установки плиты в кладку. Последнее косвенно подтверждается некоторыми особенностями композиции надписи, прежде всего совпадением главных осей — рельефа (но не перемычки) и проёма. Именно поэтому изображение орла, располагаясь симметрично по отношению к правой «геральдической» фигуре, частично оказалось за пределами архитравной плиты. Тыльная сторона перемычки после ломки камня специально не обрабатывалась. Отсутствие на её поверхности каких-либо следов от инструмента не позволяет судить о характере перекрытия камеры.

Возвращаясь к высказанному предположению о взаимосвязи храма надписи 1427 г. с октагоном⁶⁴, следует отметить, что выводы, полученные при изучении плиты, ему не противоречат. Параметры перекрываемого плитой проёма, с учётом незначительных допусков, неизбежных из-за чрезмерной схематичности обмерных чертежей

⁶⁴ А. Г. Герцен в уже упомянутой брошюре в одном случае пишет о том, что октагональный храм «был освящён во имя причисленных к лику святых императора Константина I» [Герцен, 2001, с. 38], а во втором — о том, что таковой является «церковь Богородицы», которая, по мнению исследователя, «может быть отождествлена с церковью Св. Константина» [Герцен, 2001, с. 42, 45].

Ф. А. Брауна и А. Л. Бертъе-Делагарда, в целом соответствуют известным габаритам входа в данное строение.

Октагональной церкви вполне могла принадлежать также архитравная плита окна, на лицевой стороне которой в низком плоском рельефе вырезано поле тимпана с крестом мальтийского типа (рис. 57: 2). Фрагмент этой перемычки был использован в качестве перекрытия крайнего (юго-восточного) отверстия при ремонте донжона цитадели турками и превращении окон третьего этажа в ружейные бойницы. Реконструируемая ширина проёма в свету составляет 30–32 см. Толщина четверти 12 см. Высота рельефа 0,3–0,9 см. Обе плиты между собой стилистически и технологически близки. Учитывая посвящение храма, не менее важными являются также иконографические особенности креста тимпана, форма которого в христианской символике восходит к легендарному знамени Константина Великого, наделяясь охранительной и победоносной семантикой [Вилинбахов, 1985, с. 188–196].

Основными аргументами сторонников инкерманского происхождения надписи 1427 г. были исключительно хорошая сохранность находки и расположение Мангупа в стороне от удобных путей сообщения в XIX в. Наиболее активный участник дискуссии А. Л. Бертъе-Делагард достаточно резонно утверждал, что подобное состояние плите мог обеспечить лишь аккуратный демонтаж [Бертъе-Делагард, 1918, с. 6–7, 13, 32].

Правомочность подобных утверждений действительно подтверждается многочисленными примерами из археологической практики. Например, надпись фунского донжона 1459 г. после падения с высоты 8–9 м (это уровень второго этажа здания), раскололась на три фрагмента. Архитравная плита мангупского дворца 1425 г., также сброшенная со второго этажа, треснула пополам, а одна из её частей потом оказалась утерянной. Другие эпиграфические находки сохранились и того хуже, т. к. представлены в большинстве известных случаев в мелких или разрозненных обломках. Однако надпись 1427 г. избежала подобной участи хотя бы потому, что она находилась на высоте всего 2 м. С разрушением же верхней части строения и образованием каменного завала уровень дневной поверхности вокруг здания, несомненно, повысился, что только благоприятствовало изъятию из кладки плиты целиком. Причём к этому времени вторая половина изображения двуглавого орла могла быть уже утрачена. Необходимо также отметить, что плита с надписью 1427 г. не была настолько громоздкой и тяжёлой, чтобы как-то особенно затруднить её доставку.

Сторонники мангупского происхождения плиты в своей аргументации ссылаются главным образом на М. Броневского, который при посещении Мангупа в 1578 г. видел там церковь св. Константина [Броневский, 1867, с. 343], тогда как храм с таким

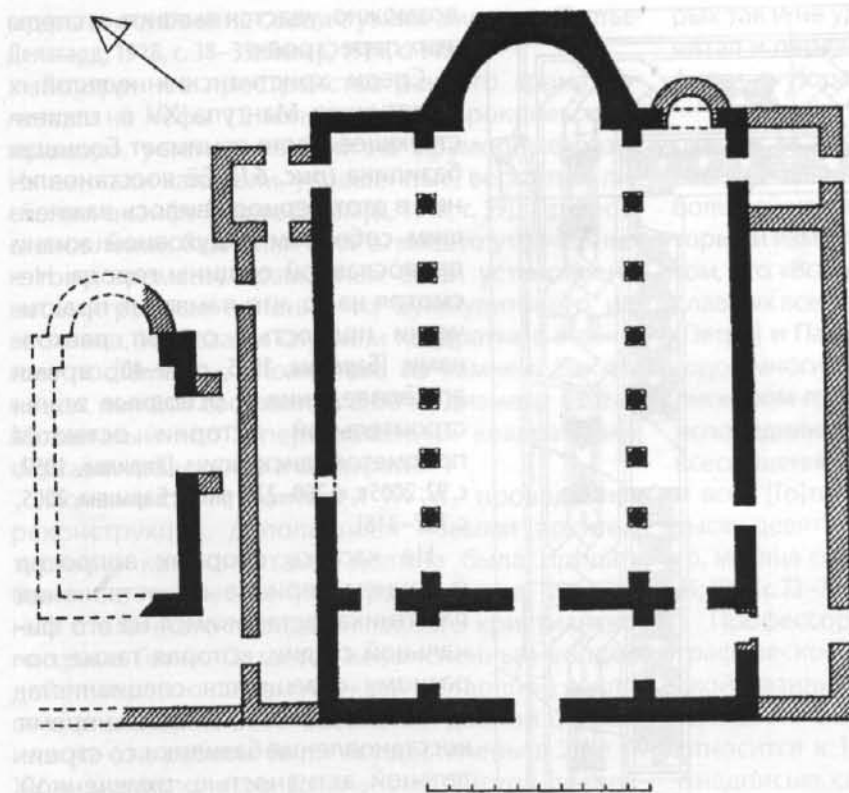


Рис. 61. План Большой базилики Мангупа и крещальни VI – X вв. (по В.П.Кирилко [1997, рис. 2,2])

посвящением в Каламите не известен. Кстати, почти дословно ту же информацию в 1643 г. сообщил и П. Авети [Tafrali, 1925, p. 54–55]. Поскольку польский посланник даже не обмолвился о точном местонахождении этого строения, попытаемся локализовать его, используя другие сведения источника.

По свидетельству М. Броневского, в 1493 г. Мангуп был до основания уничтожен пожаром, после которого из всех культовых сооружений бывшей столицы Феодоро уцелело лишь два храма — св. Константина и св. Георгия [Броневский, 1867, с. 343]. Сохраниться после тотального пожара указанные постройки могли только при условии их расположения вне городской застройки, в недостижимых для огня местах. Полностью этим требованиям соответствует церковь у восточного обрыва мыса Елли-Бурун (рис. 52: 3). При её раскопках обнаружены фрагменты рельефа с остатками изображения всадника на коне и дракона, что позволило Р. Х. Леперу вполне убедительно отождествить данный памятник с храмом св. Георгия [Лепер, 1914, с. 74–75].

Вне зоны, охваченной огнём, находилось также внутреннее пространство цитадели. Для её сооружений крепостные стены стали своеобразным брандмауэром. По крайней мере, о том, что после пожара 1493 г. уцелело хотя бы одно из монументальных зданий Тешклибурунского замка, косвенно свидетельствует сообщение Э. Челеби. Он пишет о превращении солдатами турецкого гарнизона какого-то храма в мечеть: «В цитадели совсем нет домов. Есть только одна мечеть с

каменным куполом (крышей? — В. М.), переделанная из церкви» [Челеби, 1999, с. 33]. Был ли это октагон, также имевший купольное перекрытие барабана, неизвестно. Бесспорно лишь то, что для массивных каменных стен и перекрытий последний огонь не представлял реальной угрозы. К тому же, в настоящее время его руины не имеют характерного прокала и утрат лицевой поверхности камня, возникающего обычно в результате воздействия высоких температур на известняк.

Вне всякого сомнения, изучение истории мангупского октагона ещё далеко от завершения, но на данном этапе исследований более или менее обоснованно можно предполагать, что этот храм, архитектура которого генетически связана с армянским культовым зодчеством, был возведён владельцем Феодоро Алексеем I (Старшим) в 1427 г. во имя святых Константина и Елены в качестве замковой церкви. Поводом для этого могло послужить знаменательное событие в истории правящей на Мангупе семьи — рождение от брака Иоанна (старшего сына Алексея) и Марии Палеологини Асанины Цамблакинины [Степаненко, 1997, с. 76] их первенца, названного в честь деда Алексеем (Алексея Палеолога).

Завершение рассмотрения данного историко-архитектурного сюжета, связанного с композиционным формированием цитадели города, следует признать, что во времена Алексея I Старшего (1411–1446 гг.) это укрепление вряд ли имело тот вид, который вызвал столько споров среди исследователей. Действительно, безусловная близость Тешклибурунского донжона с фунским, позволяет отнести обе постройки ко времени не ранее конца 50-х гг. XV в.

Всем фортификационным сооружениям феодоритов 20-х гг. XV в. присущи такие качества, как «стройность», «изящество» и даже некоторая «декоративность» слагающих их форм (насколько правомерно так говорить относительно оборонительных сооружений). На известных памятниках данного периода (в особенности Фуны, Каламиты, Дегерменкоя, Гелин-Кая, Учансу-Исара, Мангупа) мы встречаем необычайно тонкие стены башен и куртин (от 0,80–0,90 до 1,15–1,60 м), в то время как во второй половине XV в. параметры основных защитных конструкций значительно возрастают (до 2,40–2,50 м).

Подобные изменения, очевидно, происходят в связи с ростом опасности с турецкой стороны и

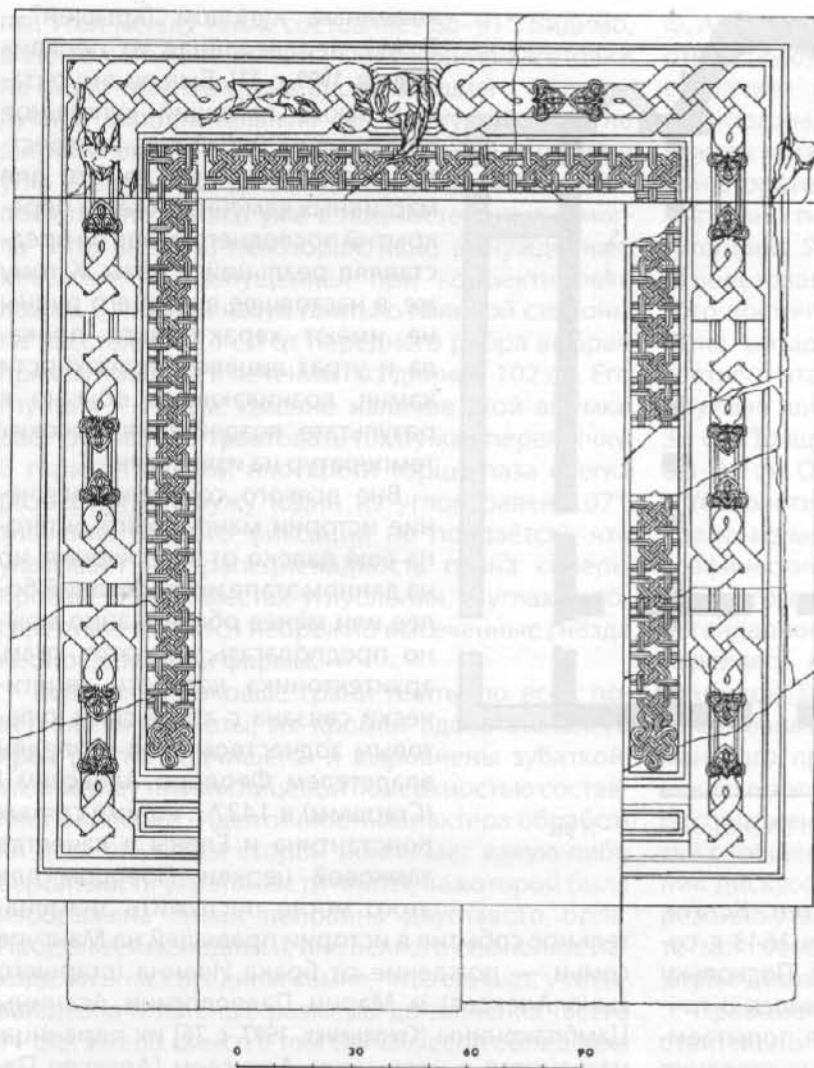


Рис. 62. Облицовка наличника южного входа мангупской базилики первой половины XV в. (по [Кирилко, 2005, рис. 1])

началом широкого применения османами огнестрельной артиллерии при штурме крепостей. В таком случае, и цитадель Феодоро должна была, сохраняя ту же плановую композицию, выглядеть несколько иначе: толщина куртин (с разделяющим их надвое воротным проёмом) не превышала 1,15–1,20 м при высоте 6–8 м, а вход в цитадель с юго-востока (?) прикрывала небольшая прямоугольная башня. По-видимому, как уже отмечалось ранее, именно к этому сооружению относились слова надписи 1427 г. «Построен храм сей с благословенною крепостью, которая ныне зрится <...>» [Латышев, 1896, с. 26–27].

Во второй половине 50-х гг. XV в. слабость подобных конструкций была настолько очевидной, что их начинают капитально перестраивать (яркий и хорошо иллюстрируемый объект — Фуна), стремясь приспособить к новым условиям, связанным с применением огнестрельного оружия. При детальном и внимательном изучении ещё не затронутых более ранними «раскопками» оборонительных сооружений на мысе Тешкли-Бурун,

возможно, удастся выявить и следы этих перестроек.

Среди христианских культовых памятников Мангупа XV в. главенствующее место занимает Большая базилика (рис. 61). Её восстановление в этот период явилось важнейшим событием в духовной жизни православной общины города. Несмотря на то, что памятник практически полностью открыт раскопками [Бармина, 1975, с. 30–40], время его возведения и основные этапы строительной истории остаются предметом дискуссии [Кирилко, 1997, с. 92; 2005в, с. 260–272, рис. 1; Бармина, 2005, с. 307–318].

Не касаясь спорных вопросов о раннем периоде существования памятника, остановимся на его финальной стадии, которая также по-разному освещается специалистами. М. А. Тиханова связывала время восстановления базилики со строительной активностью, отмеченной на Мангупе в 60-е гг. XIV в. [Тиханова, 1953, с. 387–389]. В. П. Кирилко датирует последний строительный горизонт церкви первой половиной XV в. [Кирилко, 1997, с. 92]. А. Л. Якобсон вполне определённо связывал данное событие с деятельностью «князя Алексея». Поэтому он полагал, что князь Мангупа как ктитор «восстановил большой храм Константина и Елены, первоначально сооружённый в VI в., но уже давно лежавший в развалинах» [Якобсон, 1964, с. 126].

Действительно, при работах XV в. по воссозданию культового комплекса Большой базилики в её основе были использованы планировочные решения раннесредневекового памятника (рис. 61). Ранний храм представлял собой прямоугольное здание (его размеры: общая длина 31,60 м, ширина 19,20 м, толщина стен 0,80 и 0,96 м) с одной апсидой, имеющей с внешней стороны трёхгранное завершение [Кирилко, 1997, с. 92, рис. 2,2]. Внутреннее пространство здания было расчленено на три нефа колоннами (по 6 в каждом ряду). Центральный вход располагался на юго-западе и осуществлялся через нартекс. В XV в. к нефам были пристроены на всю длину здания две галереи (ширина здания увеличилась до 26 м). В первой половине XV в. появляется новая облицовка наличника южного входа, украшенная «сельджукской цепью» и сложным растительным орнаментом (рис. 62) [Айбабина, 2001, с. 160, рис. 71; Кирилко, 2005в, с. 260–272, рис. 1]. В основании стен алтарного полукружия располагался трёхступенчатый синтрон, перед которым раскопками было

открыто основание солеи с узким амвоном [Бертье-Делагард, 1918, с. 38–39; Лепер, 1914, с. 149].

Внутреннее пространство раннего храма делилось на нефы 12 колоннами из проконесского мрамора, установленными на мраморные базы. Их венчали капители, украшенные, вероятно, листьями аканфа [Бертье-Делагард, 1918, с. 39]. При восстановлении базилики в XV в. вместо утраченных к тому времени мраморных были установлены восьмигранные колонны из нуммулитового известняка. Их базами служили квадратные в сечении постаменты, сложенные из камней. Высота новых колонн составляла 2,60 м, диаметр 0,52 м. Мозаичный пол теперь заменили квадратными плитами известняка и глинфой.

По замыслу строителей XV в., проведённая реконструкция, дополненная новыми архитектурными компонентами, должна была придать базилике торжественно-парадный вид, достойный столичного города и главного христианского храма Готии. Остаётся невыясненным вопрос: действительно ли сам Алексей I (Старший) являлся инициатором восстановления данной церкви, или же эти работы были осуществлены в 20-е гг. XV в. митрополитом Дамианом? Фигура последнего не совсем обоснованно остаётся до настоящего времени в тени такой яркой личности, как Алексей I (Старший).

Восстановление христианских святынь в момент становления нового феодального государства, каковым выступала Готия со столицей в Феодоро, являлось актом политическим. Но роль духовного пастыря больше подходит Дамиану, нежели светскому правителю, занятому делами земными. Вероятно, участие митрополита города Феодоро и всей Готии Дамиана в политических событиях того времени было значительно большим, чем принято считать. В генуэзских документах (массариях Каффы) под 1424 и 1428–1429 гг. упоминается «епископ Тедоро» (*Episcopus de Tedoro*) [Banescu, 1935, p. 35; Vasiliev, 1936, p. 205; Байер, 2001, с. 387]. Это позволяет предположительно говорить о действенном участии Дамиана в переговорном процессе 1424 г. при заключении мирного соглашения между Кафрой и Феодоро.

2.3.3. Восстановление Партенитской базилики митрополитом Дамианом в 1427 г.

Строительно-восстановительная деятельность митрополита Готии Дамиана в 20-е гг. XV в. не ограничивалась только пределами столицы — города Феодоро. Об этом свидетельствует ряд эпиграфических находок из Партенита, получивших известность ещё в 70-х гг. XIX в. Во время раскопок Д. М. Струкова 1871 г. на руинах храма святых апостолов Петра и Павла были обнаружены три средневековые греческие надписи, одну из кото-

рых так и не удалось перевести, а две другие прочитал и перевёл на месте священник церкви из с. Аутки — Иордан [Струков, 1872, с. 10; 1876, с. 39].

Речь идёт об эпиграфических находках, датированных 1427 г.⁶⁵ В дальнейшем внимание исследователей было сосредоточено на изучении одной большой надписи. В переводе В. В. Латышева с некоторыми изменениями Х.-Ф. Байера она повествует о том, что «Всечестный и божественный храм святых славных всехвальных и первоверховных Апостолов [Петра] и Па[вл]а воздвигнут от основания прежде годов многих иже во святых отцом нашим и архиепископом города Феодоро и всей Готии Ио(анном) исповедником, возобнов[л]ён же ныне, как зрится, всесвященнейшим митрополитом города Феодоро и всей [Го]тии господином Дамианом л[ета] шесть тысяч девятьсот тридцать шестого, индикта шестого, месяца сентя[б]ря де[с]ятого» [Латышев, 1886, с. 58–65; 1896, с. 72–79; Байер, 2001, с. 385–386]⁶⁶.

Профессор В. В. Латышев в комментарии к эпиграфическому памятнику из раскопок Партенитской базилики отмечал: «замечательная по тщательности вырезки и правильности надпись эта относится к 1427 году по Р.Х., т. е. к одному году с надписью, свидетельствующей о постройке храма в крепости владетелем города Феодоро Алексеем» (рис. 63) [Латышев, 1896, с. 78–79].

Нетрудно заметить, что смысловое содержание данной надписи содержит ряд исторических несоответствий. Очевидно, что Иоанн Готский не только никогда не был «архиепископом города Феодоро и всея Готии», как это следует из текста 1427 г., но даже никогда не являлся легитимным епископом Готии, признанным в Константинополе. Реальный митрополит города Феодоро и всей Готии Дамиан явно преднамеренно (или следуя в русле сложившейся к тому времени традиции) повысил сан Преподобного, воспользовавшись существующей агиографической мифологемой (или создав новую).

Вторая небольшая эпиграфическая находка, обнаруженная одновременно со строительной надписью 1427 г. митрополита Дамиана, осталась без внимания учёных, о ней не упоминалось ни в одной публикации, посвящённой истории изучения Партенитской базилики. Её рисунок удалось отыскать в архиве Д. М. Струкова [Струков, 1872, с. 10; Мыц, 1991б, с. 186–191, рис. 4.1]. На одном из листов изображён камень круглой формы с греческой надписью (рис. 64: 1). При этом рукой Д. М. Струкова сделаны пометки, свидетельствующие о том, что первоначально этот камень находился в Санкт-Петербурге в музее Академии художеств,

⁶⁵ Г. Э. Караулов определял время восстановления храма 1422 г. [Караулов, 1872, с. 308–317], а В. Г. Васильевский — 1425 г. [Васильевский, 1878, с. 86–154]. Затем дата надписи была уточнена В. В. Латышевым, и после этого она считается общепринятой — 1427 г. [Латышев, 1886, с. 58–65].

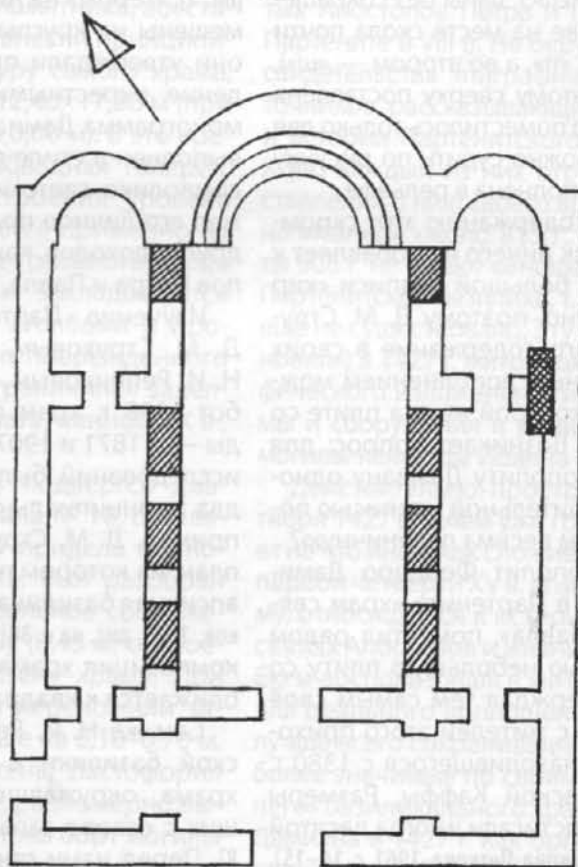
⁶⁶ Апостолы Петр и Павел почитаются 29 июня, а 10 сентября поминаются святые Пётр и Павел — епископы Никей [Бухарев, 1996, с. 346–348; 517].



Рис. 63. Восстановительная плита 10 сентября 1427 г. митрополита Готии Дамиана
(по В.В.Латышеву [1896, № 70])



1



2

0 5 м

Рис. 64. Ставропегия митрополита Дамиана (1) и план храма, восстановленного Дамианом в 1427 г. (2): а – храм X в.; б – заклады проемов 1427 г.; в – могила № 18 (кенотаф Иоанна Готского). Реконструкция плана храма выполнена по материалам раскопок С.Б.Адаксиной (1998 – 2001 гг.)

а затем был передан на хранение А. М. Раевской (владелице имения в Партените, на землях которой проводились раскопки).

Копируя надпись, Д. М. Струков, вероятно, уменьшил всё изображение, но насколько, определить трудно, т. к. рисунок сделан без масштаба. Размеры графического изображения — 10,6×11,0 см. Можно предположить, что уменьшение сделано примерно в два раза. В таком случае, натуральные размеры плиты могли быть около 21,0×22,0 см. Плита с надписью оказалась расколотой надвое, и часть её утрачена. В центре помещена монограмма, которую следует читать как имя «Дамиан», а по кругу надпись из трёх слов. В целом, она выглядит следующим образом:

| | |
|--------------|--------------|
| ΔΑΜΙΑΝ[ΟC] | Δαμιαν[ός] |
| ΜΗΤΡΟΠΟΛΙΤΗΣ | μητρόπολιτης |
| ΠΟΛΕ[Ω]C | πόλε[ω]ς |
| ΘΕ(ΟΔΩΡΟΥC) | Θε(ουδωροῦ) |

Перевод: «Дамиан. Митрополит города Феодоро». Над монограммой находится крест, он стоит в начале надписи. Первые два слова, вырезанные по кругу (μητρόπολιτης πόλεως), даны без сокращений (только в первом слове на месте скола почти не просматривается буква «т», а во втором — «ω»), «μη» даны в лигатуре, поэтому сверху поставлена черта. От последнего слова поместилось только две буквы («Θε»). Насколько можно судить по рисунку Д. М. Струкова, надпись выполнена в рельефе.

Как видим, по своему содержанию этот скромный лапидарный памятник ничего не добавляет к тому, что было сказано в большой надписи «кир Дамиана» 1427 г. (вероятно, поэтому Д. М. Струков ни разу не привёл его содержание в своих публикациях). Единственным дополнением можно считать монограмму, которой нет на плите со строительной надписью. Возникает вопрос: для чего понадобилось митрополиту Дамиану одновременно с большой строительной надписью помещать ещё одну и притом весьма лаконичную?

На мой взгляд, митрополит Феодоро Дамиан, восстановив в 1427 г. в Партените «храм святых апостолов Петра и Павла», поместил рядом со строительной надписью небольшую плиту со своей монограммой, утверждая тем самым своё право сбора каноникона с жителей этого прихода или всего Партенита, находившегося с 1380 г. под юрисдикцией генуэзской Каффы. Размеры каноникона (κανονικόν) достигали иногда десятой доли годового дохода [Цанкова-Петкова, 1961, с. 14–15]. Именно за право сбора каноникона в округах Кинсанус и Эллис в 80–90-х гг. XIV в. разгорелся спор между тремя православными митрополитами Таврики — Херсонским, Готским и Сугдейским, — а не за полное право владения этими территориями, как пытались доказать некоторые исследователи [Романчук, 1986, с. 187].

С населения Ялты (в источниках дано название «Ялита») и её окрестностей каноникон взыскивал-

ся в пользу константинопольского патриарха [Акты, 1867, с. 445]. Ещё в 1317 г. (при патриархе Иоанне Глике) экзархи митрополита Готии установили его ставропигии в сёлах Сугдейской епархии, требуя сбора каноникона в свою пользу. Насколько позволяют судить акты константинопольского патриарха, соперничество за право сбора каноникона между митрополитами Готским, Сугдейским и Херсонским продолжалось до конца XIV в., принимая иногда формы вооруженной борьбы, приводившей к кровопролитию [Акты, 1867, с. 468–469].

Надпись с монограммой митрополита Дамиана, несмотря на то, что она была обнаружена ещё в 70-х гг. XIX в., до настоящего времени остаётся редким в археологической практике средневекового Крыма образцом ставропигий. Они устанавливались на стенах храмов экзархами и учреждали право сбора каноникона в приходах епархий [Мыц, 19916, с. 186–191]. Причём монограмма Дамиана в некоторой степени сходна с «гербами»-монограммами владельцев Мангупа, помещенными на плите 1459 г. из раскопок крепости Фуна [Мыц, 1988, с. 104, рис. 5; Виноградов, Мыц, 2005, с. 273–281, рис. 1]. «Гербы» на ней также в виде монограмм помещены на круглых щитах диаметром 21–22 см, они утверждали право господ Феодоро на владение окрестными землями и замком. «Герб»-монограмма Дамиана, по-видимому, не случайно выполнен в стиле подражания «геральдической» символике светских феодалов, поскольку отражал его личное право сбора каноникона и части других доходов, как ктитора храма святых апостолов Петра и Павла.

Изучение Партенитской базилики, начатое Д. М. Струковым, было продолжено в 1907 г. Н. И. Репниковым. Таким образом, до начала работ 1998 г. храм подвергался раскопкам дважды — в 1871 и 1907 гг. Причём авторами прежних исследований было введено в научный оборот два принципиально различных плана храма. Например, Д. М. Струковым в 1876 г. опубликован план, на котором представлена трёхнефная трёхапсидная базилика с просторным нартексом [Струков, 1876, рис. на с. 38]. При этом вся планировочная композиция храма (без полукруглых апсид) приближается к квадрату.

Сам же Н. И. Репников издал план Партенитской базилики с условной прорисовкой стен храма, окружавшей его галереи и примыкавших с северо-запада строений [Репников, 1909, рис. 8]. Перед нами предстаёт несколько иная, чем у Д. М. Струкова, но все та же трёхнефная трёхапсидная базилика с трёхчастным (с двумя парами пилястр) нартексом. Однако в ней только наос (без апсид) равен квадрату. За счёт этого храм с нартексом имеет более стройную объёмно-плановую композицию. Внутреннее пространство наоса разделено на нефы четырьмя парами прямоугольных столбов. При этом Н. И. Репников выделил разной штриховкой кладки, относящие-

ся, по его мнению, к трём разным строительным периодам: VIII в., 1427 г. и XVI–XVII вв.

Однако в ходе изучения храма Южно-Крымской экспедицией в 1998–2001 гг. оказались выявлены архитектурные остатки храма, принципиально отличающиеся по своей плановой схеме от тех, которые были опубликованы Н. И. Репниковым. К тому же, время возведения базилики следовало отнести только ко второй половине — последней трети X в., а не к VIII и уж, тем более, не к VI вв., как это считалось долгое время.

Уточнённая архитектура первоначального здания базилики также указывает на значительно более позднюю дату возведения строения. Самыми характерными чертами объёмно-плановой структуры Партенитской базилики являются наличие трёх одновременных полукруглых изнутри и снаружи апсид, скрытого трансепта в виде обособленных объёмов пастофориев (приделов), служивших жертвенником и диаконником, глубокая вима и укороченный наос, разделённый на нефы аркадами всего с двумя (а не 4–5, как считал Н. И. Репников) промежуточными опорами (рис. 64: 2).

Как показали исследования памятника, восстановительные работы 1427 г. не внесли принципиальных изменений в архитектуру самого храма, размеры которого составляют 12,46×17,90 м (при средней толщине несущих стен 0,80 м). В это время полностью упраздняется обводная галерея. Теперь с внешней стороны строения уровень дневной поверхности оказывается примерно на 0,50 м выше пола храма. У центрального входа в нартекс сооружаются ступени. Закладываются все проёмы между опорными столбами и проходы из вимы в приделы. Ремонт поврежденного мозаичного покрытия полов ограничился заделкой лакун кусками полевого шпата, плиткой X в., плитами мергеля и песчаника.

Наибольшей реконструкции подвергся диаконник. В нём сооружается могила № 18, оказавшаяся кенотафом. Южный угол придела полностью, до основания фундамента, был разобран при устройстве могилы. Погребальное сооружение оказалось почти наполовину (0,43 м) встроено во внешнюю продольную стену храма. При этом её частично разобрали и переложили заново, после чего она стала тоньше на 0,10–0,70 м. Относительно юго-западной стены пастофория могила расположена посередине, равномерно выступая в обе стороны. С юго-востока борт могилы № 18 замыкала стена, сложенная преимущественно из хорошо обработанных плит и блоков. Для их изготовления использовались капсельский ракушечник и камень восточно-крымской разновидности нуммулитового известняка (так называемый «маркиз») явно вторичного использования. Характерной особенностью данной кладки является то, что она поставлена на тщательно выровненную поверхность материка, покрытую тонким слоем (толщина около 0,01 м) кварцевого песка.

Все стенки могилы № 18 были облицованы цельными плитами белого крупнозернистого мрамора. Ко времени раскопок 1998 г. из них *in situ* сохранилась только одна — в юго-западном торце ямы. Пол могилы покрывался четырьмя квадратными керамическими плитками больших размеров — 0,495×0,495×0,03 м. До сооружения могилы плитки располагались в вымостке пола диаконника, и были аккуратно вынуты из юго-западного угла строения.

Участок пола перед могилой № 18 покрывался плитой крупнозернистого белого мрамора, подобной тем, что использовались в облицовке самого погребального сооружения. Её размеры: ширина 0,84 м, длина 1,17–1,20 м. Плита узкой стороной примыкала к могиле и была слегка развернута по направлению к входу в нартекс. Зазор между ней и южной продольной стеной базилики заполнен кристаллами полевого шпата.

Наличие в базилике X в. столь богато оформленной в 1427 г. могилы-кенотафа, представлявшей собой символическое место захоронения Иоанна Готского, вновь возвращает нас к дискуссии об отождествлении данного памятника с монастырем святых Апостолов Петра и Павла, существовавшем в Партените в VIII в. Не берусь ставить под сомнение свидетельства эпиграфических и нарративных источников, рассказывающих о жизни Преподобного и истории Партенитского монастыря VIII и начала X вв.; каждый из них отражает реалии (или представления о них) своего времени. Однако ни Житие, написанное около 815 г., ни эпитафия аввы Никиты 906 г. не имеют отношения к известной с 1871 г. Партенитской базилике, т. к. её в то время попросту ещё не существовало. Эту связь установил («восстановил») в 1427 г. митрополит Дамиан путём эпиграфического изложения агиографической мифологии и сооружения в южном пастофории базилики могилы-кенотафа Иоанна Готского.

Действительно, пространная надпись от 10 сентября 1427 г., о чём уже говорилось ранее, отражает не что иное, как сложившуюся (существующую) к первой четверти XV в. агиографическую мифологию, относящуюся к истории Партенита, монастыря святых Апостолов и жизни самого Иоанна Готского. Ею и воспользовался митрополит Дамиан, избрав для реального воплощения церковного предания лучше всего сохранившиеся к тому времени и наиболее значимые по своим размерам руины «древнего» базиликального храма. Вряд ли митрополита Дамиана в 1427 г. как организатора (ктитора) восстановления базилики, установившего на её стене ставропигию для сбора каноникона, интересовал вопрос абсолютной идентичности поднятой им из руин церкви, с монастырским храмом VIII в.

Именно с 10 сентября 1427 г. Партенитская базилика, уже без каких-либо сомнений, может считаться храмом святых Апостолов Петра и Павла как вновь освящённая митрополитом Готской епархии Дамианом церковь. К тому же, Дамиан восстанавливал в 1427 г. именно приходскую церковь, а не прежний монастырь.

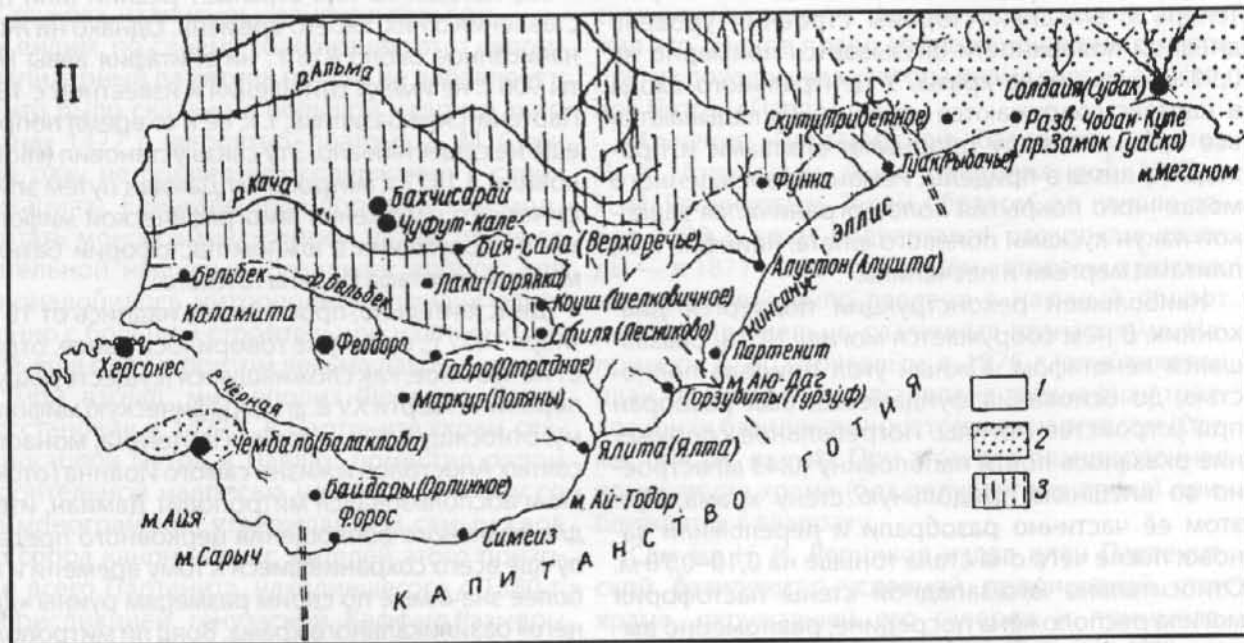
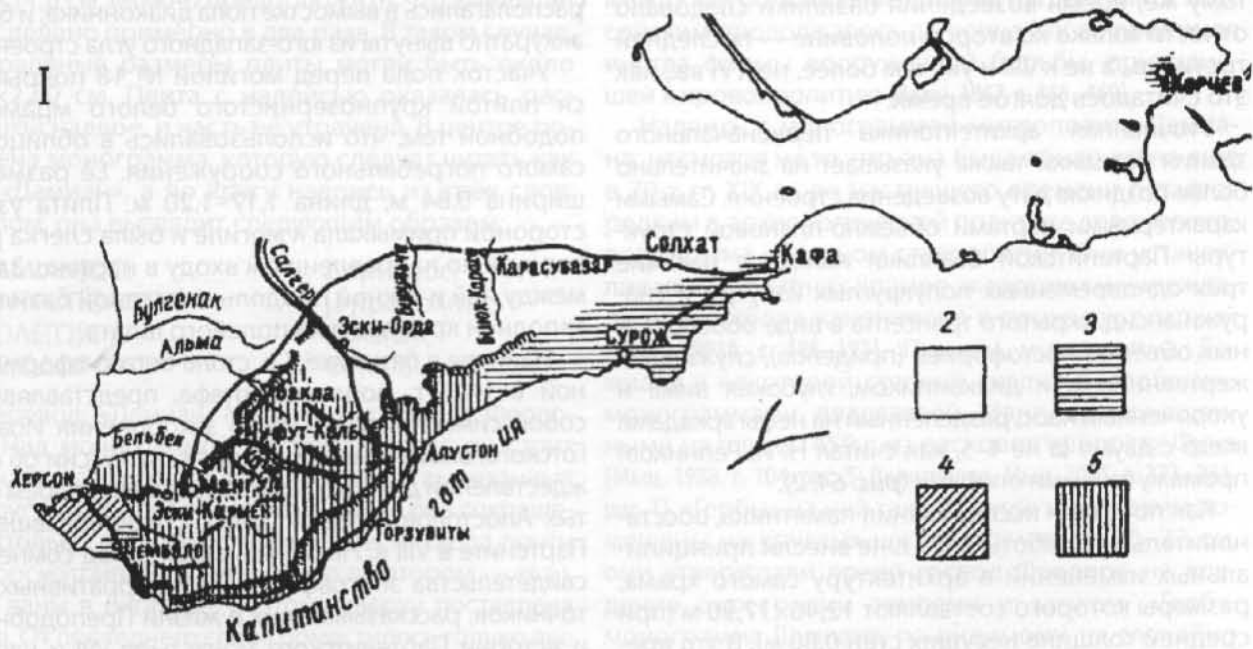


Рис. 65. Предполагаемые границы территорий, входивших в митрополию Готии и княжество Феодора: I. Средневековый Крым XIV – начала XV столетий (1 – основные сухопутные транспортные магистрали; 2 – территория Крымского улуса Золотой орды; 3 – земли, принадлежавшие генуэзцам; 4 – митрополия Херсона; 5 – митрополия Готии (по [Домбровский, 1966, рис. 2]); II. Карта (схема) владений Мангупского княжества накануне турецкого нашествия: 1 – предполагаемые владения Мангупского княжества; 2 – владения генуэзцев; 3 – территория Крымского ханства (по [Веймарн, 1968, рис. 30])

2.3.4. Границы владений господ Феодоро

Восстановление в 1427 г. митрополитом Дамианом храма Святых Апостолов в Партените некоторыми исследователями расценивалось как попытка подчинения этого приморского поселения власти владетелей Феодоро [Веймарн, 1968, с. 81]. Но этому явно противоречат данные как современных тем событиям, так и более поздние генуэзские письменные источники (1429–1449 гг.). В них сообщается о «капитанах Готии», под военно-административным контролем которых находилось всё побережье от консульства Чембало до консульства Сугдеи. К тому же, в Партените присутствовал официал генуэзской фактории в ранге консула (*consulatus Pertinice*), выплачивавший Попечительному комитету (*officii Provisionis*) при вступлении в должность 4 сомма на ремонт оборонительных сооружений Каффы [Устав, 1863, с. 675].

А. Л. Бертъе-Делагард, а вслед за ним А. Л. Якобсон, Е. В. Веймарн и другие исследователи чрезмерно расширяли границы «княжества Феодоро», стремясь «совместить» их с территорией, занимаемой Готской епархией [Бертъе-Делагард, 1920, с. 60–62; Якобсон, 1964, с. 124; Веймарн, 1968, с. 79–81, рис. 30]. Явно априорно звучит высказывание о том, что земли епархий «вполне отвечали административному делению страны и её политических владык» [Бертъе-Делагард, 1920, с. 65; Домбровский, 1966, рис. 2] (рис. 65: 1).

Готская епархия по своей площади значительно превосходила территориальные владения господ Феодоро. Митрополит города Феодоро и всей Готии распространял свою духовную (и, надо полагать, не только) власть на паству, проживавшую на землях, принадлежавших в Юго-Западном Крыму татарам, а на Южном побережье — генуэзцам. Очевидно, именно так обстояло дело в Чембало, Горзоне, Партените, Лусте, Ялите и других местах. Хотя и нельзя полностью отрицать существование в XV в. (особенно начиная с 20-х гг.) политической тенденции к расширению владений правителей Мангупа за счёт прибрежных территорий, отошедших под власть Генуи в 80-х гг. XIV в. по договору с татарами.

В некоторых направлениях феодоритам удалось закрепить за собой земли, на которые первоначально устанавливалось право митрополита Готии на сбор каноникона. Так, например, произошло с округами Кинсанус и Эллис. Ещё в конце XIV в. при помощи авторитета константинопольского патриарха их удавалось удерживать в руках митрополиту Херсона. Но уже в начале XV в. селения, входившие в эти округа, переходят в епархиальное управление митрополита Готии, и часть из них (селения Фуна и Алания, располагавшиеся на территории округа Кинсанус) попадает под власть господ Феодоро. В момент обострения военно-политических отношений с генуэзцами в селении Фуна возводится укрепление. В конце

50-х гг. XV в. оно было превращено в родовой замок [Мыц, 1988, с. 97–115].

На северо-востоке граница «княжества» проходила по левому берегу р. Бельбек (Кабарды) до среднего течения. Здесь, возле с. Албат, она поворачивала на восток, простираясь до верховьев р. Качи (на этом отрезке находился феодоритский замок у с. Керменчик) и доходила до северной окраины Алуштинской долины. Крайним восточным оборонительным пунктом после заключения договора в 1424 г. (?), служила крепость у поселения Фуна.

Территория Южного побережья (так называемая «Приморская Готия») прочно удерживалась генуэзцами с 80-х гг. XIV в. Созданное ими около 1344 г. консульство Чембало также занимало значительную территорию. Его административные границы определены в Уставе 1449 г. и были, по-видимому, установлены ещё в XIV в. Они располагались между маяком (*fanario*) и селением Кайту (*loco Caiton*) [Юргевич, 1863, с. 791].

Но этих указаний явно недостаточно для чёткого определения сухопутной границы консульства. Это послужило поводом для спора исследователей по данному вопросу. Уже Ю. А. Юргевич затруднялся точно определить названные в тексте пограничные объекты консульства Чембало. И если *fanario* ему удалось определить по морским картам, где на западной оконечности мыса Херсонес стоит обозначение «*Fanar*» или «*cap Fanari*», то относительно с. Кайту, расположенного на юго-восточной окраине Байдарской долины, он высказал предположение, что «генуэзцы при определении расстояния были не очень точны, или находилась другая местность того же имени на берегу моря» [Юргевич, 1863, с. 834, прим. 137].

А. Л. Бертъе-Делагард определял западную границу консульства Чембало как проходившую «по естественной преграде на западе, отрогу главной гряды гор, кончающемуся мысами Сарыч и Форос» [Бертъе-Делагард, 1920, с. 19]. Таким образом, в состав консульства Чембало входили селения Карань, Камара, Алсу, Варнутка, Кучук-Мускомья и часть Байдарской долины, откуда ведёт наиболее удобная дорога на побережье в с. Ласпи [Бертъе-Делагард, 1920, с. 19].

Ласпинскую долину и мыс Форос (самый западный пункт «Капитанства Готии») разделяет горная гряда Чобан-Таш, служившая естественной границей между южным и западным участками побережья Крыма. Наиболее вероятно, что северной границей административного управления Чембало являлась р. Чёрная (территория, расположенная на её левом берегу, принадлежала генуэзцам, а на правом — Феодоро). В таком случае, к уже перечисленным выше селениям следует добавить ещё три, находившихся на левом берегу р. Чёрной в Байдарской долине — это Байдары, Биюк-Мускомья и Кайту; т. е. Чембало было подчинено 9 сёл.

Как обстояло дело с Херсоном, а вернее поселением, занимавшим после нескольких татарских погромов XIII (1278 и 1299 гг.?) и XIV вв. (1365, 1375 гг.?) портовую часть некогда крупного византийского города, сказать пока трудно. Но, как уже отмечалось, Устав Каффы (*De ordine Caphe*) 1449 г. на западе ограничивает приморские владения консульства Чембало маяком, расположенным на мысе Херсонес. Это позволяет предполагать вхождение данной территории уже во владения правителей Феодоро. Подтверждением данного предположения может служить находка в Херсонесе плиты с надписью и монограммами. Среди них одна бесспорно читаемая — с именем Исаака, правившего Мангупом во второй половине 60-х — середине 70-х гг. XV в. Поэтому попытка Е. В. Веймарна ограничить пределы данного консульства собственно окрестностями Чембало, «предоставляя» остальные территории владетелям Феодоро, является малоубедительной и слабо аргументированной [Веймарн, 1968, с. 81, рис. 30] (рис. 65. II).

К тому же, при рассмотрении вопросов, связанных с определением «границ» того или иного государства того образования, надо всякий раз подходить к их освещению с конкретно-исторической точки зрения, учитывая возможную динамику изменений в зависимости от политической обстановки, которую никогда нельзя принимать за статичную величину. Ярким примером тому является исторический отрезок времени 1433–1441 гг. Как известно, с конца февраля 1433 г. по июнь 1434 г. к Алексею I (Старшему) перешли земли консульства Чембало. Затем, с 8 июня 1434 г. по ноябрь 1441 г., он потерял не только новые «приобретения», но также Каламиту и Фуну (?). Поэтому упоминаемые в надписи 1427 г. прибрежные владения правителя Феодоро — «Поморье» — в тот момент могли располагаться только между дельтой р. Кабарда (ныне р. Бельбек) и Херсонесским маяком, исключая какое-либо двусмысленное «политическое» звучание данного топонима в титулатуре владетеля Мангупа Алексея, как это полагали некоторые исследователи [Малицкий, 1933, с. 27; Vasiliev, 1936, p. 217].

Например, А. А. Васильев, касаясь рассматриваемого вопроса, считал, что «правитель горной Готии владел также и поморьем, разумеется, лишь в пределах западного побережья Крыма, где он построил порт в Каламите». Но после этого вполне объективного заключения исследователь, развивая идею, высказанную ранее Н. В. Малицким [Малицкий, 1933, с. 27], делает неожиданное предположение, что «в представлении Алексея определение „князь поморья“ имело более широкий смысл. Стремясь утвердиться на южном берегу, особенно в Балаклаве, Алексей мог выражать, таким образом, свои притязания на генуэзское побережье, особенно после заключения договоров 1381–1387 гг., когда генуэзцы стали рассматривать территорию Готии как вассальную, а Алексея как мятежника» [Vasiliev, 1936, p. 217].

После этого, нарушив все хронологические границы, А. А. Васильев уже с полной уверенностью писал о том, что «именно этим можно было бы объяснить появление генуэзского герба в форме удлиненного греческого креста на овальном щите на рассмотренных нами трёх (sic!)⁶⁷ плитах с надписями. Однако эмблема, хотя и найденная в Готии, **не является доказательством вассальной зависимости княжества от Генуи, на самом деле Готия была абсолютно независима от Каффы** (выделено мной — В. М.)» [Vasiliev, 1936, p. 217].

Следующая посылка исследователя заключалась в том, что «этот герб можно объяснить лишь в связи с агрессивными тенденциями политики Алексея, продолжавшего рассматривать генуэзские владения на южном берегу, которые прежде формально принадлежали Готии, как свои собственные. Изображение герба было свидетельством прежних политических отношений, и генуэзские власти, несомненно, негодовали из-за этого символа политических притязаний Алексея, притязаний, от которых, по крайней мере с 1427 г., Генуя не смогла заставить его отказаться» [Vasiliev, 1936, p. 217]. В дальнейшем эта точка зрения, без какого-либо критического анализа, была подержана и другими исследователями средневекового Крыма [Якобсон, 1950, с. 43, прим. 2].

Если следовать канонам формальной геральдики символов, помещённых на плите 1427 г., то в качестве главного выступает герб Генуи (крест на норманском щите), являвшейся сюзереном только побережья Готии, что, по-видимому, признавалось владетелем Мангупа. Второе место занимает монограмма самого Алексея, в то время как двуглавый коронованный орёл Палеологов (основой их композиции также является норманский щит) помещён в крайнем левом поле, что указывает на его наименьшую значимость в «геральдической иерархии». Уже только их расположение исключает возможность принимать герб Генуи как временную символику, отражавшую политические притязания правителя Феодоро на территории, которые находились под управлением Каффы.

Если следовать логике рассуждений Н. В. Малицкого и А. А. Васильева, то наличие на строительных плитах Каффы XIV в. геральдических щитов с тамгой золотоордынских ханов ([Skrzinska, 1928, № 1 (1342 г.), № 3 (1348 г.), № 8 (1384 г.), № 11 (1389 г.) и др.]) должно свидетельствовать об устойчивой тенденции политических амбиций (притязаний) Республики св. Георгия на Дешт и-Кипчак. Однако подобное предположение является абсурдом с точки зрения исторических реалий того времени.

⁶⁷ На самом деле, геральдический щит с генуэзским крестом, что в действительности могло указывать на признание Алексеем I (Старшим) после 1423 г. сюзеренитета Генуи над побережьем Готии, сохранился только на плите 1427 г.

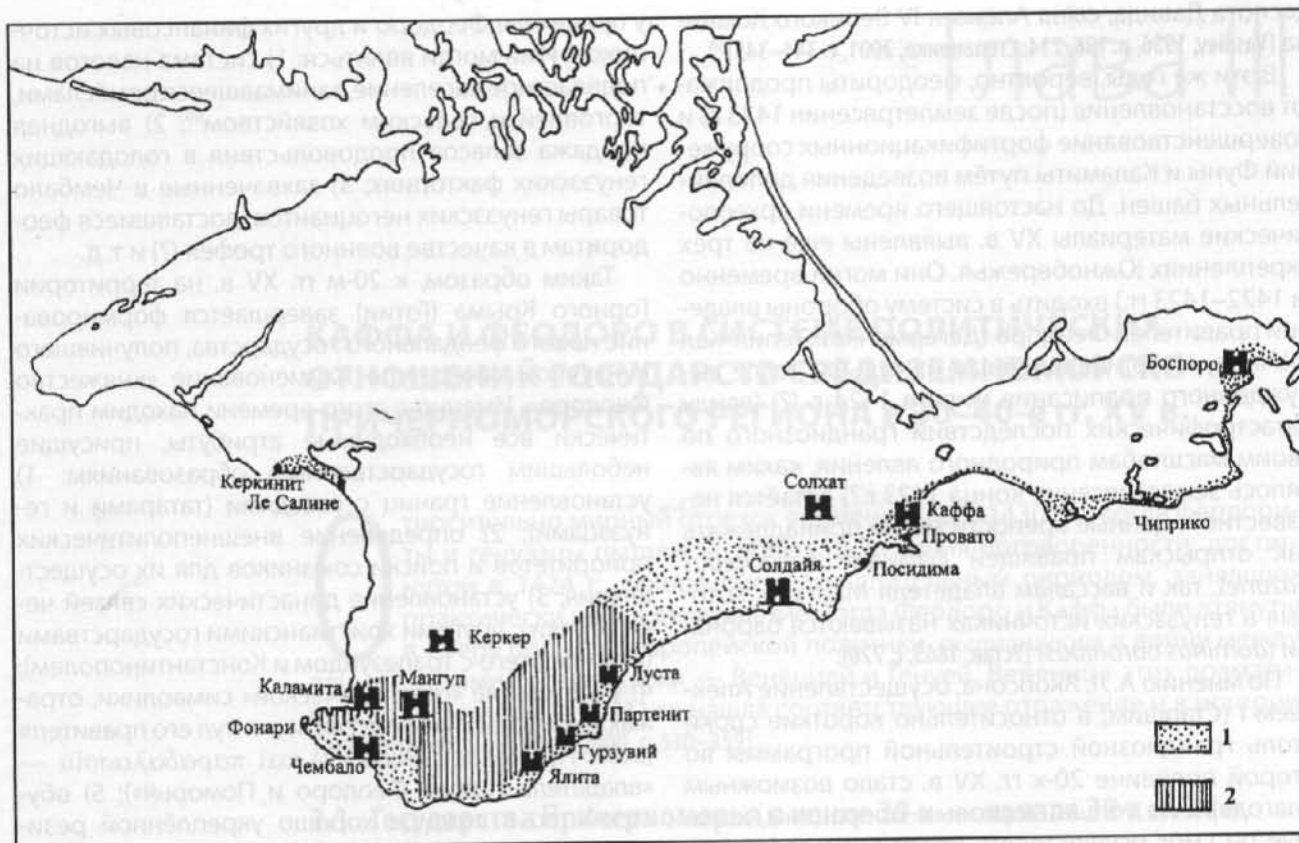


Рис. 66. Таврика в первой четверти XV в.: 1 – территории, принадлежавшие коммуне Генуи; 2 – владения Феодоро

Представленный материал позволяет в хронологической последовательности восстановить динамику политических событий первой четверти XV в., происходивших на территории Газарии, находившейся под юрисдикцией коммуну Генуи и правителей Феодоро (рис. 66). Обе стороны после открытого военного столкновения в 1422–1423 гг. стремятся укрепить свои позиции путём совершенствования оборонительных систем основных опорных пунктов. В 1425 г. генуэзцы возводят в Чембало дополнительные крепостные стены и башни, защищавшие латинский квартал (*burgus*) со стороны входа в бухту Чембало («Рипагуля»?) и городских кварталов, заселённых греками. В это же время Алексей I (Старший) на Мангупе завершает строительство дворцового здания с башней-донжоном. Митрополит Дамиан восстанавливает из руин основной городской храм-базилику.

К 1 мая 1426 г. в консулат Фредерико де Камилла в Сугдее было закончено возведение башни св. Павла (Сан Паоло) (?) в консульском замке Санта Элия (?), явившееся финальной стадией формирования крепостной системы цитадели города.

Можно предположить, что в этот хронологический промежуток (1426–1427 гг.) ведётся и строительство в цитадели Мангупа, архитектурно-планировочным завершением которого стала постройка в 1427 г. семейной (родовой) церкви правителей Феодоро (октагона) во имя святых Константина и Елены. Несколько раньше, 10 сен-

тября, в Партеите, митрополитом Дамианом восстановлен и заново освящён храм святых апостолов Петра и Павла. На стене церкви кроме ктиторской надписи устанавливается плита с его монограммой, учреждающая право сбора каноникона (ставропигия).

В 1425 г. (?) старший сын Алексея I (Старшего), Иоанн, женился на представительнице византийского царственного рода Марии Палеологине Асанине Цамблаконине, что, по-видимому, послужило основанием для включения двуглавого коронованного орла в «геральдику» правителей Феодоро [Степаненко, 1997а, с. 76–77; 2001, с. 335–352].

Данный престижный династический брак являлся символическим подтверждением международного признания политического авторитета главы правящей на Мангупе (до этого малоизвестной) фамилии. Поэтому владетель Феодоро обращается к использованию соответствующих его новому статусу выразительных средств социальной идентификации в виде значительных архитектурных форм (дворец, цитадель, фамильная церковь), богато орнаментированных и украшенных общепринятыми в то время «геральдическими» символами закладных плит.

От брака Иоанна и Марии родился Алексей Палеолог Асанин Цамблаконин, получивший своё имя в честь деда. В 1426 (1429?) г. Алексей I (Старший) устанавливает династические связи с Великими Комнинами: его дочь Мария выходит замуж за

деспота Давида, сына Алексея IV Великого Комнина [Vasiliev, 1936, p. 198, 214; Степаненко, 2001, с. 344–345]⁶⁸.

В эти же годы, вероятно, феодориты продолжают восстановление (после землетрясения 1423 г.) и совершенствование фортификационных сооружений Фуны и Каламиты путём возведения дополнительных башен. До настоящего времени археологические материалы XV в. выявлены ещё на трёх укреплениях Южнобережья. Они могли временно (в 1422–1423 гг.) входить в систему обороны владений правителей Феодоро (Дегерменкой, Гелин-Кая и Учансу-Исар). Дальнейшая их судьба, после вынужденного подписания мира в 1424 г. (?) (ввиду катастрофических последствий грандиозного по своим масштабам природного явления, каким являлось землетрясение конца 1423 г.?) остаётся неизвестной. Данные крепости могли принадлежать как отпрыскам правящей фамилии (*principibus Gazarie*), так и вассалам владельца Мангупа, которые в генуэзских источниках называются баронами (*dominus baronibus*) [Устав, 1863, с. 726].

По мнению А. Л. Якобсона, осуществление Алексеем I (Старшим) в относительно короткие сроки столь грандиозной строительной программы во второй половине 20-х гг. XV в. стало возможным благодаря не только торговым операциям, которые он смог осуществлять через порт Каламиты, но также значительному подъёму сельского хозяйства в Юго-Западном Крыму [Якобсон, 1964, с. 123]. Однако если учесть, что этому «подъёму» предшествовали засушливые годы, вызвавшие нехватку продовольствия и голод в Каффе, порт Каламиты строился, но мог быть легко блокирован при выходе из бухты генуэзскими кораблями, а успешно начатые Алексеем I (Старшим) военные действия были прекращены после разрушительного землетрясения (?), то становится очевидным наличие

у правителя Феодоро и других финансовых источников. Ими могли являться: 1) система налогов на подвластное население, занимавшееся ремёслами, торговлей и сельским хозяйством⁶⁹; 2) выгодная продажа запасов продовольствия в голодающих генуэзских факториях; 3) захваченные в Чембало товары генуэзских негоциантов, доставшиеся феодоритам в качестве военного трофея (?) и т. д.

Таким образом, к 20-м гг. XV в. на территории Горного Крыма (Готии) завершается формирование нового феодального государства, получившего в научной литературе наименование «княжество Феодоро». Именно с этого времени находим практически все необходимые атрибуты, присущие небольшому государственному образованию: 1) установление границ с соседями (татарами и генуэзцами); 2) определение внешнеполитических приоритетов и поиски союзников для их осуществления; 3) установление династических связей через браки с другими христианскими государствами (прежде всего с Трапезундом и Константинополем); 4) учреждение «геральдической» символики, отражающей династические связи и титул его правителя (*αὐθέντης πόλεως Θεοδώρου καὶ παραδαλασσία* — «владелец города Феодоро и Поморья»); 5) обустройство в столице хорошо укрепленной резиденции; 6) признание политического суверенитета (а вернее, на первых порах, широкой автономии в составе Крымского улуса); 7) развитие торговых отношений как с Причерноморскими государствами, так и со странами Восточного Средиземноморья (особенно с Венецией, традиционной соперницей Генуи). Успехи, основанные на предприимчивости и политической дальновидности Алексея I (Старшего), позволили созданному им небольшому государству сыграть видную роль в полувековой истории Причерноморья и Восточной Европы.

⁶⁸ Анонимный автор, продолживший написание трапезундской хроники Михаила Панарета, сообщает: «В том же году [.....?], в месяце ноябре прибыла также из Готии василисса госпожа Мария (*ἡ βασιλισσα κυρα Μαρία*), дочь господина Алексея доната из Феодоро (*ἡ τοῦ κυροῦ Ἀλεξίου ἐκ τῆς Θεοδώρας θυγάτηρ*), и была венчана с благочестивым деспотом (*μετὰ εὐσεβοῦς δεσπότης*), своим мужем Давидом Великим Комнином (*Δαβίδ τοῦ Μεγάλου Κομνηνοῦ*)» [Байер, 2001, с. 210]. А. А. Васильев полагал, что данное событие могло произойти не позже конца ноября 1426 г., т. к. предыдущая запись датирована 12 ноября этого года [Vasiliev, 1936, p. 214, № 2]. Однако О. Лампсидис обратил внимание на то, что после свидетельства 12 ноября 1426 г. отсутствует как минимум ещё десять стихов, и поэтому дата брака Марии и Давида, предложенная Васильевым, сомнительна [Λαμψιδης, 1958, с. 81]. Точку зрения О. Лампсидеса как последнего издателя хроники поддержал Х.-Ф. Байер. Но он ошибочно называет Давида сыном Иоанна IV Комнина (в то время, как Давид был его младшим братом) и предлагает время заключения брачного союза относить к сентябрю/октябрю 1429 г. [Байер, 2001, с. 190, 210 сл.]. Известие трапезундской хроники интересно также тем, что в ней единственный раз Алексей получает определение «доната», т. е. знатного по происхождению человека (*δυνατῆρ* = «властитель», «правитель», «владелец», «князь», «могущественный человек в государстве»).

⁶⁹ В этом отношении интересно свидетельство председателя городского совета Рагузы венецианскому дожу Петро Мочениго о том, что правителю Мангупа до его захвата турками в 1475 г. было подвластно 30 тыс. домов [Колли, 1911, с. 17]. Можно считать, что ссылка на численность домов («дымов») в источнике приведена не случайно, она указывает на количество облагаемых налогом податных хозяйств [Мыц, 1991а, с. 114–115].

КАФФА И ФЕОДОРО В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВ СРЕДИЗЕМНОМОРСКО-ПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА в 30–40-е гг. XV в.

Относительно мирный отрезок времени (1425–1430 гг.), когда феодориты и генуэзцы пытались соблюдать условия договоренности, достигнутой в 1424 г., вскоре сменился длительным периодом, занявшим практически целое десятилетие. Тогда Феодоро и Каффа были втянуты в сферу большой европейской политики, вылившуюся в войну между двумя старыми соперницами — Венецией и Генуей. Вереница этих драматических событий 1431–1441 гг. нашла соответствующее отражение и в истории Таврики тех лет [Мыц, 2000, с. 330–359].

3.1. Государства Причерноморья в конце 20-х — начале 30-х гг. XV в. и венецианско-генуэзский конфликт 1431–1433 гг.

В 1428/29 гг. в Северном Причерноморье была сильная засуха. Она вызвала падёж скота и голод в степи, вследствие чего вспыхнула эпидемия чумы, коснувшаяся и городов, расположенных на побережье моря (повторно эпидемия чумы на территории генуэзской Газарии отмечена летом 1435 г.). Из сочинения Макзири мы узнаём, что «в землях Сарайских и Дештских и в степях Кипчакских были сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народа, так что уцелели из них [татар] со стадами только немногие роды» [Тизенгаузен, 1884, с. 442].

Трудно сказать конкретно, как это событие отразилось на экономической жизни Крыма. Некоторые исследователи интерпретируют данное сообщение арабского хрониста таким образом, что вспыхнувшая в 1429 г. в Каффе чума, завезённая из Александрии, перекинулась на все города полуострова и дошла до Чембалы, вызвав там якобы в 1433 г. восстание местного греческого населения против генуэзцев [Чиперис, 1961, с. 300]¹.

В конце 20-х гг. XV в. между Каффой и Литовско-Русским государством складывались сложные отношения. Великий князь Витовт, обладая большим влиянием на ханов, соперничавших за гегемонию в Орде, постоянно шантажировал власти Каффы, требуя от них признания своего сюзеренитета. Это вынуждало консулов время от времени направлять в Литву специально уполномоченных представителей с дорогими подарками и разного рода обещаниями, которые они не собирались выполнять. Но дело зашло так далеко, что посол Каффы Баттиста Джентиле в конце концов вынужден был пообещать Витовту, пригрозившему генуэзцам войной, добиться от правительства Генуи признать его верховенство, поднять над Каффой знамёна и установить гербы великого князя.

Как и следовало ожидать, эти заверения посла были дезавуированы заявлением о том, что Баттиста Джентиле якобы не имел на то должных полномочий.

¹ Этот же нелепый анахронизм повторяют в своей публикации С. В. Дьячков и Н. А. Алексеенко: «<...> в 1433 году население Чембалы, измученное чумой, неурожаями и налоговым прессом, подняло восстание против Генуи и изгнало из крепости и города консула и других представителей колониальной администрации» [Дьячков, Алексеенко, 2002, с. 34].

Поэтому в 1430 г. к Витовту отправился новый посол (*orator*) Дарио Грилло, рассчитывавший не только успешно провести переговоры, но и заняться торговлей. По дороге в Литву Грилло ограбили подданные татарского хана (*ab imperatore tartarorum*) Улу-Мухаммеда. При этом у него отняли товары, лошадей и деньги. Нанесённый ущерб составил 300 соммов (2400 генуэзских лир).

Вынужденный вернуться в Каффу, не выполнив порученной ему миссии, Грилло обратился к официалам города с просьбой возместить ущерб, нанесённый ему на службе «Каффинской республике» (*reipublice Caffè*). Совет граждан и горожан Каффы принял решение, согласно которому власти Генуи должны были определить способ компенсации: 1) через конфискацию имущества татар, ведущих торговлю в фактории; 2) путём предоставления Грилло в управление официий; 3) с помощью выплаты денег массарией Каффы [Карпов, 1998, с. 36].

Прибыв в Геную, Дарио Грилло узнал, что официция Романии, сочтя виновным в данном деле предыдущего посла к Витовту Баттиста Джентиле, постановила об уплате им компенсации в размере 250 соммов. При дальнейшем разбирательстве выдвинутое против Джентиле обвинение было признано несправедливым, поэтому Дарио рекомендовали взять в управление официцию консула Чембалло на 2 года. Но убедившись, «что консулат в Чембалло не возместит его ущерба даже наполовину, указанные магистраты предложили ему также вторую массарию Каффы на 18 месяцев» [Карпов, 1998, с. 37]. Решение данного вопроса приобрело затяжной характер. Окончательно его удалось урегулировать только в 1446 г. [Карпов, 1998, с. 37, 43].

В начале 1429 г. генуэзцы оказались активными участниками событий династической борьбы в Трапезундской империи и последовавшего переворота, произошедшего в апреле того же года, который привёл к гибели Алексея IV (1417–1429 гг.) и вступлению на престол его сына Иоанна IV (1429–1460 гг.). Венеция в этом конфликте заняла нейтральную позицию, не оказывая поддержки ни одному из соперников [Laurent, 1955, p. 139–140; Карпов, 1981, с. 79; 2007, с. 294].

Можно предположить, что данные события имели непосредственное отношение к возникновению внутрисемейных противоречий (?) в правившей в Феодоро фамилии. Алексею I (Старшему) к тому времени удалось установить родственные связи с Палеологами и Великими Комнинами: старший сын Алексей Иоанн около 1425 г. (?) женился (вероятно, при посредничестве трапезундского дома) на Марии Палеологине Асанине Цамблаконе [Степаненко, 1997а, с. 76–77; 2001, с. 344]. В конце 1426 г. (не ранее 12 ноября) сын Алексея IV Давид женился на дочери владетеля Феодоро Марии [Vasiliev, 1936, p. 198, 214]². После заключения этих

двух браков между Алексеем I (Старшим) из Феодоро и императором Трапезунда Алексеем IV установились дружественные отношения.

Современник, историк Лаоник Халкокондил, лаконично и с некоторой долей сарказма рассказывает о событиях того времени [Chalcocondile, 1927, II, p. 219.12–222.21; Успенский, 1929, с. 128–129; Карпов, 1991, с. 97]. Оказывается, сын Алексея IV Иоанн, получивший прозвище «Калоян», заподозрив свою мать Феодору Кантакузину в связи с одним из придворных (протовестиарием), убил фаворита, а отца с матерью заключил в одной из башен дворца, намереваясь поступить с ней так же, как и с её любовником. Благодаря вмешательству его сторонников, Алексею IV удалось избежать отстранения от власти. Неудачная попытка дворцового переворота закончилась на этот раз для Иоанна Комнина тем, что он вынужден был искать убежище в Грузии. Наследником престола Алексей объявил среднего сына — Александра.

Тем не менее, Иоанн не прекращал попыток добиться своих прав на трапезундский престол. Несмотря на то, что к этому времени Иоанн стал зятем царя Грузии Александра (1412–1443 гг.), ему, по-видимому, не удалось найти у него участливости к своим притязаниям. Поэтому в 1427 г. Иоанн отправляется в Газарию, где на протяжении полтора лет (?) пытается заручиться поддержкой у генуэзцев для возвращения в Трапезунд.

На первых порах и здесь (в Каффе) Иоанну Великому Комнину не удаётся найти влиятельных сторонников, способных оказать действенную помощь в реализации плана овладения отцовским престолом. Об этом свидетельствуют материалы переписки между официальными фактории и магистратами метрополии. Так, 8 ноября 1427 г. из Генуи в Каффу были направлены соответствующие инструкции. В них консулу и массариям предписывается «ввиду установившихся добрых мирных отношений с Алексеем IV, не нарушать их потворством интригам сына императора, прибывшего с этой целью в Газарию» [Jorga, 1898, V, p. 363–364; Карпов, 1981, с. 108–109].

Тем не менее, в начале 1429 г. Иоанн смог заручиться поддержкой патрона галеотты генуэзца Доменико Д'Аллегро. Вместе с ним он отплыл на хорошо вооружённом и снаряжённом, по-видимому, на средства Иоанна, корабле в Трапезунд. Высадившись недалеко от города во главе с претендентом на престол, заговорщики вступили в переговоры со своими сторонниками из партии Каваситов, которые и помогли организовать убийство Алексея IV. За эту услугу, оказанную Иоанну IV Великому Комнину в столь ответственный в его жизни период, Доменико Д'Аллегро пользовался расположением императора до самой его смерти (1460 г.). При этом Доменико сохранял за собой и данное ему звание протостратора («протокапитана», как его называют генуэзские источники) — командующего трапезундским флотом

² Некоторые исследователи относят заключение брачного союза между Давидом Комниным и Марией из Мангупа к 1429 или даже 1437 гг. [Карпов, 1981, с. 113, прим. 142; Байер, 2001, с. 190, 210–211].

[Chalcondile, 1927, p. 219–220; Laurent, 1955, p. 141–142; Bryer, 1984, p. 320; Karpov, 1986, p. 159, 164, 175, 187, 191; Карпов, 1995, с. 146–147; 2007, с. 294].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют детально реконструировать ход событий 1427–1429 гг., когда Иоанн Великий Комнин пребывал в Газарии. Вряд ли его истинные намерения оставались неизвестными на Мангупе. Правитель Феодоро, как человек заинтересованный, был хорошо осведомлён во всех важных делах, происходивших в Каффе. К тому же, не стоит исключать, что Иоанну Комнину удалось побывать и в столице Готии — Феодоро. Здесь находились (?) его родственники — Алексей (тесть младшего брата Иоанна — Давида) и Иоанн, бывший в то время соправителем и наследником престола (?), женатый на Марии (от данного брака, вероятно, в 1427 г. родился их первенец Алексей, получивший своё имя в честь деда [Спиридонов, 1928, с. 93–99])³.

Вероятно, Алексей из Феодоро, так же как и царь Грузии Александр, не поддержал в 1427–1429 гг. амбиции Иоанна Комнина. Об этом позволяют говорить события, последовавшие за вступлением на престол в апреле 1429 г. Иоанна Великого Комнина. С этого момента и, по крайней мере, до лета 1434 г., в отношениях между Мангупом и Трапезундом существовала определенная напряжённость (?), обусловленная, вероятно, неприязнью Алексея из Феодоро к Иоанну IV за организацию убийства своего отца.

Возможно, в это противостояние каким-то образом был втянут Иоанн, сын Алексея I (Старшего). Насколько позволяют судить генуэзские источники, Иоанн, по крайней мере, в мае–июне 1434 г. находился в Трапезунде вместе со своей женой Марией и сыном Алексеем. Он вынужден был покинуть Готию и уехать (?) к Иоанну IV, при дворе которого находился до конца (?) своей жизни.

Истинная причина распри (?) между Алексеем и его старшим сыном Иоанном в 1429–1434 гг. так и остаётся невыясненной. Известно только, что право престолонаследия к началу лета 1434 г. получил средний сын Алексея I (Старшего) Олобо, ставший после его смерти (1446 г.) правителем Феодоро. Впоследствии генуэзцы, зная о противоречиях (?), возникших между Мангупом и Трапезундом, и ведя войну с Алексеем из-за Чембалло, попытались использовать данную ситуацию для временной политической изоляции владетеля Феодоро, о чём будет сказано ниже.

В 1431 г. Генуя вступила в войну с Венецией и Флоренцией на стороне своего сюзерена Миланского герцога Филиппо Мария Висконти, которому она подчинялась с 1421 г. [Desroussiles, 1979, p. 111–122].

³ Мы не располагаем какими-либо достоверными сведениями, надёжно подтвержденными источниками на данный период. Поэтому отношения между представителями двух семейных кланов — Трапезунда и Феодоро — могут быть восстановлены только на уровне высказывания предположений и шатких гипотез.

Очередная война двух старых торговых морских соперниц приобрела затяжной характер, продолжаясь с переменным успехом и перемириями до 1441 г., несмотря на то, что Генуе удалось освободиться от власти герцога в декабре 1435 г.

Естественно, в военном противостоянии между Лигурией и республикой св. Марка вынуждены были участвовать и их фактории, располагавшиеся в Азово-Черноморском бассейне, хотя это и не отвечало торговым интересам обеих враждующих сторон. Но конфликт разрастался, с невероятной быстротой достигнув Северного Причерноморья.

В данное время Тана (1431 г.), в очередной раз осаждённая татарами, оказалась в практически безвыходном положении. В сложной внешнеполитической обстановке её обитатели, генуэзцы и венецианцы, несмотря на то, что их метрополии находились в состоянии войны, заключили договор о совместной обороне города. Вице-консул Таны, управлявший венецианской факторией вместо умершего от чумы консула Витторио Дольфина [Desroussiles, 1979, p. 115], обратился в Каффу за помощью. Но генуэзцы решают использовать удобный момент для захвата венецианской фактории. Этому коварному замыслу якобы помешал только сильный штормовой ветер, не позволивший кораблям выйти из бухты Каффы.

Слухи о враждебном намерении официалов Каффы достигли Венеции, где к отправке в Чёрное море готовится 5 галей под командованием капитана Андреа Лоредана. Ему было предписано проверить сведения о нападении генуэзцев на Тану и в том случае, если они подтвердятся, попытаться атаковать Каффу [Тальзина, 1998, с. 174]. Венецианская эскадра уже осенью достигла берегов Газарии, а 8 октября 1431 г. 2 корабля потерпели крушение у мыса Меганом [Карпов, 1995, с. 14; 1998, с. 44–45]⁴.

Консул Солдаи Колардо ди Палавания немедленно известил о случившемся приступившего к исполнению обязанностей консула Каффы Франческо Ломеллини, распорядившись при этом собрать всё уцелевшее после крушения галей имущество. Спасшихся венецианцев поместили в городскую тюрьму. Ломеллини по этому поводу провёл совещание, на котором было решено отправить в Солдаю опытных в подобных делах

⁴ Причиной кораблекрушения, вероятно, явилось плохое знание их капитанами местного фарватера: чрезмерно приблизившись к берегу, огибая мыс, они разбились о скрытый под водой скальный гребень, простирающийся на 200–300 м от берегового обреза Меганомы и представляющий реальную опасность для крупных кораблей в штормовую погоду. Это подтверждается данными подводных археологических исследований данного района побережья. Вместе с тем, следует отметить, что мыс Меганом был хорошо известен итальянцам, потому что отмечен на морских картах и в письменных порталах второй половины XIII–XVI вв. под названиями: *Megannome*, *Megano*, *Meganome*, *Meganossi*, *Mecano*, *Meganone*, *Nigaun*, *Neganoni* [Фоменко, 2001, с. 61].

людей для составления описи захваченных товаров. С соответствующими поручениями в Солдайю срочно отбыли Джованни Спинола и Доменико дей Франки ди Маньерри. Но к моменту их появления в городе эта задача уже была решена Колардо ди Палаваниа. Новый консул Солдайи Антонио ди Монтальдо по распоряжению Ломеллини переправил всё имущество в Каффу, где был составлен соответствующий картулярий с описью и его оценкой (стоимость предметов, собранных у места крушения, оценивалась в 900 соммов) [Карпов, 1998, с. 44–45].

Однако последовавшие затем события приобредели для генуэзцев неожиданный оборот. Несмотря на неблагоприятное для навигации время, Андреа Лоредан с оставшимися под его командованием кораблями начал действовать против лигурийцев. 24 декабря 1431 г. в Каффу пришло взбудоражившее весь город известие о том, что «венецианские галеи захватили генуэзские галеи у берегов генуэзской Газарии» [Карпов, 1998, с. 44].

Осознавая реальность повторения подобных нападений на суда и другие фактории, Ломеллини срочно собрал Большой Совет Каффы. При обсуждении сложившейся ситуации было принято решение продать полученные из Солдайи товары стоимостью в 900 соммов, а вырученные средства израсходовать на оборону факторий [Карпов, 1998, с. 44–45].

В 1432 г. венецианцы особенно тщательно занимались подготовкой галей линии Романии для отправки в Чёрное море. На этот раз капитаном назначили Стефано Контарини. Под его командованием находилось 4 галеи. Контарини получил детально разработанные инструкции. В них чётко регламентировались не только возможные наиболее безопасные маршруты передвижения до Константинополя и далее — в Чёрное море, — но и характер действий в возможных ситуациях. Хотя, безусловно, всех нюансов на столь сложном маршруте и в состоянии войны с Генуей предусмотреть было невозможно [Талызина, 1998, с. 175]. Войдя в Понт, Контарини должен был отправиться к Каффе, попутно выясняя обстановку и собирая информацию о судьбе пленённых венецианцев. Ему вменялось в обязанности приложить «все усилия для их освобождения любым возможным способом» [Vasiliiu, 1929, p. 310].

Но к этому времени миссия Стефано Контарини по освобождению пленников потеряла свою актуальность. В Венеции были получены известия из Каффы о том, что «с заточёнными венецианцами там обращаются хорошо: они могут на несколько часов в день покидать тюрьму и посещать мессу». Окончательно эту проблему удалось разрешить только в 1433 г., уже после заключения перемирия между Генуей и Венецией [Desroussilles, 1979, p. 117]. Поэтому в постановлении об отправке галей Романии 1433 г. патронам судов предписывалось на обратном пути из Таны забрать «наших пленных, которые были в Каффе» [Талызина, 1998, с. 176].

3.2. Антигенуэзский мятеж в Чембало 1433 г.

Венецианцы, не обладавшие в Причерноморье сколько-нибудь значительными опорными пунктами и флотом, вынуждены были искать союзников среди местных, настроенных против генуэзцев, правителей. Одним из таких, безусловно, являлся владетель Феодоро Алексей I (Старший) [Vasiliiu, 1929, p. 309]. Ему нужен был только повод для того, чтобы в очередной раз предъявить Каффе свои права на обладание территорией консульства Чембало и побережьем Готии [Vasiliev, 1936, p. 205]. К тому же, Алексей в случае необходимости мог предоставить венецианским судам хорошо укрытый от зимних штормов порт — Каламиту.

Вероятнее всего, этой возможностью воспользовался во время осенне-зимней навигации 1431/32 гг. Андреа Лоредан, проведя при встрече переговоры с Алексеем. На это косвенно может указывать тот факт, что уже 1 июня 1432 г. венецианский сенат принял решение о маршруте движения и дате отправки галей линии Романии: они должны выйти из Венеции 25 июня, чтобы, воспользовавшись хорошей погодой, достичь Таны и «выяснить, что собирается предпринять господин Алексей, господин Готии, в пользу нашего государства»⁵.

На этот раз Алексей I (Старший) действовал не столь прямолинейно, как во время военного противостояния с Каффой в 1422–1423 гг., когда ему вооружённым путём удалось временно занять Чембало. Хотя использованный им способ, как это будет показано далее, не менял сути его намерений.

Не вызывает также сомнений и то, что антигенуэзские предприятия Алексея I (Старшего) в Таврике были хорошо согласованы с событиями, происходившими на сцене военных действий между Генуей и республикой св. Марка. По налаженным каналам тайной дипломатии он регулярно получал от венецианцев информацию о перипетиях сложной политической жизни Европы и особенно аспектах, касающихся непосредственно Генуи.

Есть основания предполагать, что уже осенью 1432 г. Алексей I (Старший) через свою агентуру начал подготовку «восстания», точнее сказать, мятежа местных жителей (состоявших, очевидно, в большинстве своём, из православных греков) в Чембало [Atti, 1868, VI, p. 810; Чиперис, 1961, с. 291–307]. Это событие произошло ночью в конце февраля 1433 г. [Vasiliiu, 1929, p. 310–311].

По-видимому, и время года для проведения данной акции было выбрано не случайно, потому что зимой навигация в Чёрном море наиболее затруднена из-за частых и сильных штормов, что лишало генуэзцев возможности использовать флот

⁵ «<...> tam pro faciendo viagium suum bono tempore, quam pro succurrendo loco Tane et pro executione rerum quas dominus Alexius, dominus Gothie, intendit facere nostro domino» [Jorga, 1899, p. 554; Vasiliiu, 1929, p. 309–310].

для оказания, в случае необходимости, экстренной помощи гарнизону крепости. Имеющиеся источники не позволяют детально осветить ход «восстания» и ответить на вопрос о судьбе генуэзцев, оказавшихся в это время в Чембало.

Вероятно, части гарнизона, состоявшего в основном из наёмных солдат (*socii*), под покровом ночи удалось бежать из консульского замка, захваченного затем мятежниками. Своеобразной репликой на события конца февраля 1433 г. можно предположительно считать данные Устава Каффы 1449 г., где специальным параграфом оговаривается пожизненная выплата пенсий шести ослеплённым жителям города Чембало «за то, что защищали упомянутое место» (*et luminibus privati propter comune et protectionem dicti loci*): Иоанникий Нахарату — 150 аспров; Антонию Сартеру — 125 аспров и Караяку Кальдеросу, Калаяну Адорно, Калояну Коджио — по 100 аспров⁶.

Здесь, по-видимому, речь идёт о членах латинской общины Чембало, защищавших крепость и пострадавших (ослеплённых) во время событий 1433 г. В целом же, следует признать, что о ходе мятежа и последовавших за этим событий в самой фактории до настоящего времени известно крайне мало. Один из генуэзских источников (датирован 16 декабря 1433 г.) сообщает о том, что Алексеем в Чембало был захвачен «корабль нобилия Галеоти Пинелли» (*navem nobilis Galeoti Pineli*), гружённый квасцами (*allumina*) [Agosto, 1981, p. 105, 106; Карпов, 1990, с. 139; Papacosteia, 1994, p. 270–290].

Таким образом, в конце февраля 1433 г. Чембало вместе с территорией, входившей в юрисдикцию этого консульства (от селений Кайту и Ласпи на востоке до Херсонесского маяка на западе) перешли к Алексею I (Старшему). Как реально обстояло дело с генуэзскими владениями «Приморской Готии», располагавшимися между селениями Канакой и Форосом, сказать трудно. Имеющиеся в нашем распоряжении генуэзские источники говорят исключительно о Чембало в качестве крепости и консульства, а все сведения о селениях прибрежной Готии носят довольно расплывчатый характер.

Дело в том, что и большая часть поселений консульства Чембало (в Варнутской и Байдарской долинах) находились на территории исторической Готии. Мнение некоторых исследователей о том, что в 1433 г. Алексею I (Старшему) удалось одновременно с Чембало овладеть и всем побережьем от Фороса до консульства Лусты (*riparia marina Gotia*), входившем в состав Капитанства Готии, можно принять только как гипотезу, требующую дополнительного изучения с

привлечением новых источников [Бертье-Делагард, 1920, с. 65; Якобсон, 1953, с. 43; Веймарн, 1968, с. 79–81, рис. 30; Домбровский, 1986, рис. 127].

Мятежу, произошедшему в Чембало в феврале 1433 г., предшествовала дипломатическая переписка между консулом Каффы Баттистой ди Форнарио (?) и владельцем Феодоро Алексеем I (Старшим). Правитель Мангупа требовал передачи ему всей прибрежной части Готии и Чембало, а консул, очевидно, не рассчитывая на собственные силы, всячески затягивал время [Колли, 1913, с. 110]. Однако тактика официалов Каффы не оправдала себя, и они не смогли предотвратить ход неблагоприятных событий.

Сведения о захвате Алексеем I (Старшим) Чембало достигли Генуи только к лету 1433 г. Так, 16 июня 1433 г. генуэзское правительство (губернатор и Совет старейшин) сообщило Миланскому герцогу Филиппо Мария Висконти о том, что «Алексей из Феодоро, ночью, в конце февраля, [захватил] важнейший город этого государства, расположенный в восточных областях, именуемый Чембало»⁷.

Как это ни странно, но об этом весьма важно в истории генуэзских факторий Газарии события средневековые итальянские хронисты (Дж. Стелла, А. Джустиниани и У. Фольетта) под 1433 г. сообщают чрезвычайно лаконично, уступая в своей информированности официальным документам метрополии [Stella, 1730, col. 1311; Gistiniani, 1854, p. 325–326; Folieta, 1704, col. 567] и материалам частной переписки [Agosto, 1977, p. 513–517].

Например, Дж. Стелла пишет, что «в названном году (1433 г.— В. М.) крепость Чембало (*castrum Cimbaldi*), расположенная в восточных пределах Великого моря и до сих пор находилась во власти коммуны Генуи, благодаря содействию каких-то греческих горожан (*burgenses*), составивших заговор в этой крепости (*castrum*), была передана во власть какому-то знатному греку, считавшемуся правителем Теодоро (*de lo Tedoro*), и собственное имя которого было Алексей (*Alexii*)» [Stella, 1730, p. 1311; Чиперис, 1961, с. 300 и сл.].

В изложении Фольетты события представлены несколько иначе: «В этом [1433] году греки, бывшие жителями Чембало, города Таврического Херсонеса, составили заговор против генуэзских правителей города. Взявшись внезапно за оружие, и изгнав генуэзцев, они передали этот город какому-то греку Алексею, правителю Теодоро, находящемуся на незначительном расстоянии от Чембало. По этой причине генуэзцы, узнав об этом, решили снарядить флот, во главе которого они поставили Карло Ломеллини» [Folieta, 1704, p. 567].

Сходным образом мятеж описан и у Джустиниани: «Случилось в этом (1433) году, что греки,

⁶ В. Н. Юргевич при издании текста Устава высказал предположение о том, что представленные здесь имена не являются именами собственными, а отражают род ремесленных занятий перечисленных в списке людей. Например, *nacharatus* — барабанщик; *calderonerius* — медник; *cogius (cojaio)* — кожевник; *sartor* — портной [Юргевич, 1863, с. 787, 833, прим. 132].

⁷ «*Alexio de lo Tedoro [occupied] tempore noctis, circa finem mensis februarii proxime excti <...> oppidum preciosum hujus civitatis in orientalibus portibus situm, Cimbalum vocatum*» [Jorga, 1899, p. 558–559].

проживавшие в городе по имени Чембало, находящемся на Великом море в Таврическом Херсонесе, и от которого недалеко находится город Каффа, как мы упоминали ранее, они [греки] поднялись против генуэзских правителей города с оружием в руках, овладели властью и изгнали оттуда генуэзцев, передав этот город [Чембало] в руки одного знатного грека по имени Алексей, владетеля Теодоро, находящегося по соседству с городом (*loco*) Чембало. Поэтому рыцарь Карло Ломеллини получил в Генуе должность командующего (*Capitaneus*) нашей армии с тем, чтобы он обдумал, как возвратить город Чембало» [Giustiniani, 1537, p. 191–192].

Как видно из представленных выше свидетельств, итальянские хронисты единодушны в убеждении, что мятежу в Чембало предшествовал заговор жителей города, который сразу после изгнания генуэзской администрации был передан владетелю Феодоро Алексею I (Старшему).

А. М. Чиперис, посвятивший данной теме специальную работу, считал, что причиной «восстания» 1433 г. явилась якобы эпидемия чумы 1429 г. (!? — В. М.). Именно она «привела к резкому ухудшению экономического положения Чембало и явилась последней каплей, переполнившей терпение городских низов и крестьян окрестных деревень» [Чиперис, 1961, с. 300].

Следует отметить, что в историографии средневекового Крыма, начиная со второй половины XIX в., сложилась устойчивая традиция, согласно которой выступление Алексея I (Старшего) против генуэзцев в 1433 г. было инспирировано Хаджи-Гиреем, якобы заключившим с владетелем Феодоро союзный договор [Canale, 1855, II, p. 53; Колли, 1913, с. 111; Skrzinska, 1928, p. 10; Vasiliev, 1936, p. 202, 206; Зевакин, Пенчко, 1940, с. 10].

На самом деле, эта чисто умозрительная логическая конструкция основана только на предположении о существовании подобного союза в конце 1432 — начале 1433 гг. Однако она абсолютно не подтверждается какими-либо документами. До сих пор точно неизвестно и время появления в Крыму Хаджи-Гирея. Оно только приблизительно относится к 1433 г.⁸ Если даже это и произошло

⁸ О. Акчокраклы полагал, что Хаджи-Гирей впервые вступил на престол в 1432 г. [Акчокраклы, 1928, с. 166]. Весьма своеобразную трактовку событий 1433–1434 гг. с участием Хаджи-Гирея предлагает М. Г. Крамаровский: «Чтобы точнее определить политическую сегментацию золотоордынского Крыма накануне исчезновения Улуг Улуса как единого государства, обратимся к действиям Хаджи-Гирея в должности Солхатского наместника, представляющего интересы общеордынского хана Улу-Мухаммада. В 1433 г. Хаджи-Гирей — союзник Мангупского князя Алексея в противостоянии с коммуной Каффы. В этом году греческая община крепости Чембало, относящейся к Капитанству Готии, взбунтовалась, несомненно, с ведома Алексея, и изгнала латинян (выделено мной — В. М.)» [Крамаровский, 2003, с. 523]. Из цитированного текста видно, что автор без каких-либо оснований низводит чингизида Хаджи-Гирея до уровня «Солхатского на-

в первой половине года, то тем более есть основания говорить об относительной самостоятельности (с учётом контекста отношений между Генуей и Венецией) политики Алексея I (Старшего), начавшего подготовку захвата Чембало в конце 1432 г.

Нам точно не известно, кто в 1433 г. был консулом Чембало. М. де Канале отмечает, что в 1430 г. эти обязанности выполнял Пьетро Ре [Canale, 1856, III, p. 336]. Но, как говорилось выше, в 1431 г. права на управление официией консулата в Чембало на два года (1432–1433 гг.) решением губернатора Генуи, советом старейшин и официией Попечения Романии были предложены Дарио Грилло, получившему соответствующее письменное подтверждение, и который в реальности к исполнению обязанностей не приступал [Карпов, 1998, с. 37]. Это позволяет предполагать, что в 1432–1433 гг. данная должность оставалась вакантной или была предоставлена другому лицу (?), т. е. в момент начала мятежа в Чембало не было консула и кастеллана крепости (?), чем не преминули воспользоваться заговорщики.

3.3. Военная экспедиция Карло Ломеллини 1434 г.

Очевидно, что генуэзцы не могли примириться с потерей важного стратегического и торгового пункта, где находились верфи. Работавшие на них мастера могли строить крупные двухпалубные корабли [Карпов, 1995, с. 18; 1998, с. 10]⁹. Получив в своё распоряжение арсенал города, владетель Феодоро при поддержке татар мог оказывать сильное военное давление на Каффу. Это лишало или в значительной мере затрудняло ведение генуэзцами торговли, равно как и отвоение ими утраченных владений.

Поэтому захват Алексеем I (Старшим) Чембало вызвал панику и негодование среди колонистов не только Каффы, но и Перы, купечество которой было обеспокоено состоянием дел в Газарии. Об

местника», позаимствовав эту должность у ширинского бека Тягини. К тому же, М. Г. Крамаровский откровенно ошибается, полагая, что крепость Чембало относилась к Капитанству Готии. Крепостью и консульством Чембало управляли консулы, назначаемые в Генуе. Капитанство Готии никогда не входило в юрисдикцию консулов Чембало и наоборот.

⁹ Об этом, например, вполне определённо свидетельствует договор о доставке зерна из Причерноморья в Геную (датирован 26 марта 1393 г.), заключенный «между дожем Генуи Антонио ди Монтальдо, Советом старейшин Генуи, с согласия официи Монеты, с одной стороны, и *Burgensis* Каффы Джованни ди Сан Донато, совладельцем и патроном навы, строящейся в Чембало, с другой. Доверенными лицами (прокураторами) Джованни ди Сан Донато в Генуе выступают Леоне ди Камилла и Бернабо Риччо. Доверенность составлена в Каффе нотарием Николо ди Брандуччо сыном Джаннино, 23/IX 1392 г. Прокураторы обязуются от имени поручителя погрузить на указанную наву от 4000 до 5000 мин зерна [329736–412170 кг] в течение ноября 1393 г. Порты погрузки: Матрега, Воспоро, Кавалари, Кубатуба, Каффа, Чембало, Леффети <...>» [Карпов, 1998, с. 10].

этом свидетельствует содержание одного из писем, отправленных отсюда в Геную в конце июля 1433 г. [Belgrano, 1877–1884, p. 200–202].

Вероятно, консул Каффы предпринял попытку с ходу захватить Чембало, но генуэзцев постигла неудача [Колли, 1913, с. 111]. В июне (или начале июля) из Перы в Чембало был направлен флот под командованием Бартоломео ди Леванто (документ, извещающий об этой акции, датирован 30 июля 1433 г.): «<...> Недавно сюда прибыл Джованни ди Леванто, вынужденный задержаться в этом месте, как было сказано выше, со своим братом Бартоломео, который ранее уходил с нашей армией в Чембало <...>»¹⁰. Однако феодориты оказали столь упорное сопротивление, что генуэзцы вынуждены были отступить.

Но в дальнейшем они начинают действовать более решительно, основательно занявшись подготовкой экспедиции для отвоевания Чембало. По свидетельству Дж. Стеллы [Stella, 1730, col. 1312] в октябре 1433 г. в Генуе под торжественный звон колоколов и ликующие возгласы горожан (*civis*) командующим (*Capitaneum*) флотилии, направляемой в Чембало, был избран Карло Ломеллини (*Dominus Carolus Lomellinus*)¹¹, сын Наполеона, правителя Корсики, происходивший из знатной и богатой аристократической фамилии Лигурии. Упоминания о нём в источниках начинают часто встречаться с 1427 г., когда он в качестве залога на 10 лет получил от тогдашнего правителя Генуи Миланского герцога Филиппо Марии Висконти (1412–1447 гг.) за предоставление тому займа в 3000 дукатов город и крепость Вентимилья [Agosto, 1977, p. 513].

Приготовления к отправке флота в Газарию заняли несколько месяцев. Они были закончены только в марте 1434 г. Некоторое представление о мерах по подготовке к войне с владетелем Феодоро, принятых Коллегией Попечения Романии (*Officium Provisionis Romanie*), дают документы от 16 и 24 декабря 1433 г. Причём в том из них, что датирован 24 декабря 1433 г., владетель Феодоро Алексей, незаконно захвативший Чембало, получает весьма нелицеприятную характеристику: «<...> *rebellum Alexium de Theodoro, qui tum per magnificum comune Janue sive eius officiales in Caffa de stercore fuerit erectus* («пахнущий = источающий зловонный запах = навозом упрямец» — выделено мной — В. М.), *asumpto themeritatis spiritu Cimbalum oppidam*» [Agosto, 1981, p. 107].

При проведении этих мероприятий правитель-

ство Генуи столкнулось с большими проблемами. Они были связаны, прежде всего, с нехваткой средств: государственная казна была истощена длительной и неудачной войной с Венецией и Арагоном. Поэтому снаряжение кораблей и набор наёмников пришлось осуществлять на ссуду, полученную у Банка Сан-Джорджо [Agosto, 1981, p. 103–108].

В начале марта 1434 г. флотилия, состоявшая из 20 судов (10 галер, 9 галей и 1 галеотта), на которых размещались около 6000 наёмных солдат, вышла из Генуи. По приходу в Порто Венеро было завершено формирование и комплектация состава экипажей (здесь к нему примкнула ещё одна галеотта). Оттуда 31 марта генуэзская армада взяла курс на восток, войдя в Чёрное море через два месяца (31 мая 1434 г.) [Stella, 1730, col. 1312]. С учётом судовых команд галер и галей, если даже принять их среднюю численность в 120 человек [Карпов, 1994, с. 18–21], общий состав направленного в Газарию экспедиционного корпуса превышал 8000 (8280–8300?) наёмных солдат и матросов вместе с офицерским составом.

3.3.1. Отвоевание генуэзцами Чембало и прибрежной Готии в 1434 г.

Дальнейший ход событий военной кампании 1434 г. наиболее подробно изложен Андреа Гатари из Падуи. Текст написан на венецианском диалекте и был помещён в «Дневнике Базельского Собора» [Coggiolla, 1903, p. 406–408; Manfroni, 1904, p. 36–38; Колли, 1913, с. 116–120; Papacostea, 1989, p. 441–442]. С момента публикации эти материалы широко использовались как зарубежными, так и отечественными специалистами по истории генуэзских факторий.

В 1977 г. Альдо Агосто опубликовал два письма из собрания Фредерико Федеричи (ум. 18 марта 1647 г.), хранящиеся в Государственном архиве Генуи (№ 120). Первое письмо написано Карло Ломеллини 9 июля 1434 г. из Каффы и адресовано его племяннику Маттео Ломеллини (только 7 сентября оно попало в Геную [Agosto, 1977, p. 515]). Следующее письмо датировано 20 июля 1434 г. Его отправил из Перы в Геную (для Маттео Ломеллини) Николло ди Порты, узнавший о перипетиях экспедиции 1434 г. со слов Амвросия ди Казанова (*Ambrosium de Casanova*). Как пишет Николо ди Порты, направлявшийся в тот момент на Хиос Амвросий ди Казанова, «побывал в тех местах с нашим войском, проделав путь туда и обратно, и был свидетелем победы, одержанной стремительно и прекрасно над Чембало. Поэтому [его] сведениям можно доверять» [Agosto, 1977, p. 515–517].

Оба документа представляют особый интерес, т. к. несут в себе аспект личного свидетельства, давая возможность дополнить и сравнить с уже хорошо известным описанием войны, происшедшей в Газарии в 1434 г., приведённым у Андреа

¹⁰ «*Johannes de Levanto nuper hie venit, et ut dicitur restare debet in loco fratris sui Bartholomei qui ivit pridie in Cimbalij cum armata nostra <...>*» [Belgrano, 1877–1884, p. 200–201].

¹¹ Очевидно, выбор граждан Генуи не случайно пал на Карло Ломеллини, который, по крайней мере, с 1427 г., будучи членом *Officium Provisionis Romanie*, курировал военные вопросы. Так, например, в одном из постановлений этой Коллегии от 21 июня 1427 г. Карло Ломеллини назван «*miles*», что означает не просто «воин», «солдат», «боец», но в данном контексте — «рыцарь» [Balletto, 2000, p. 425, doc. 256].

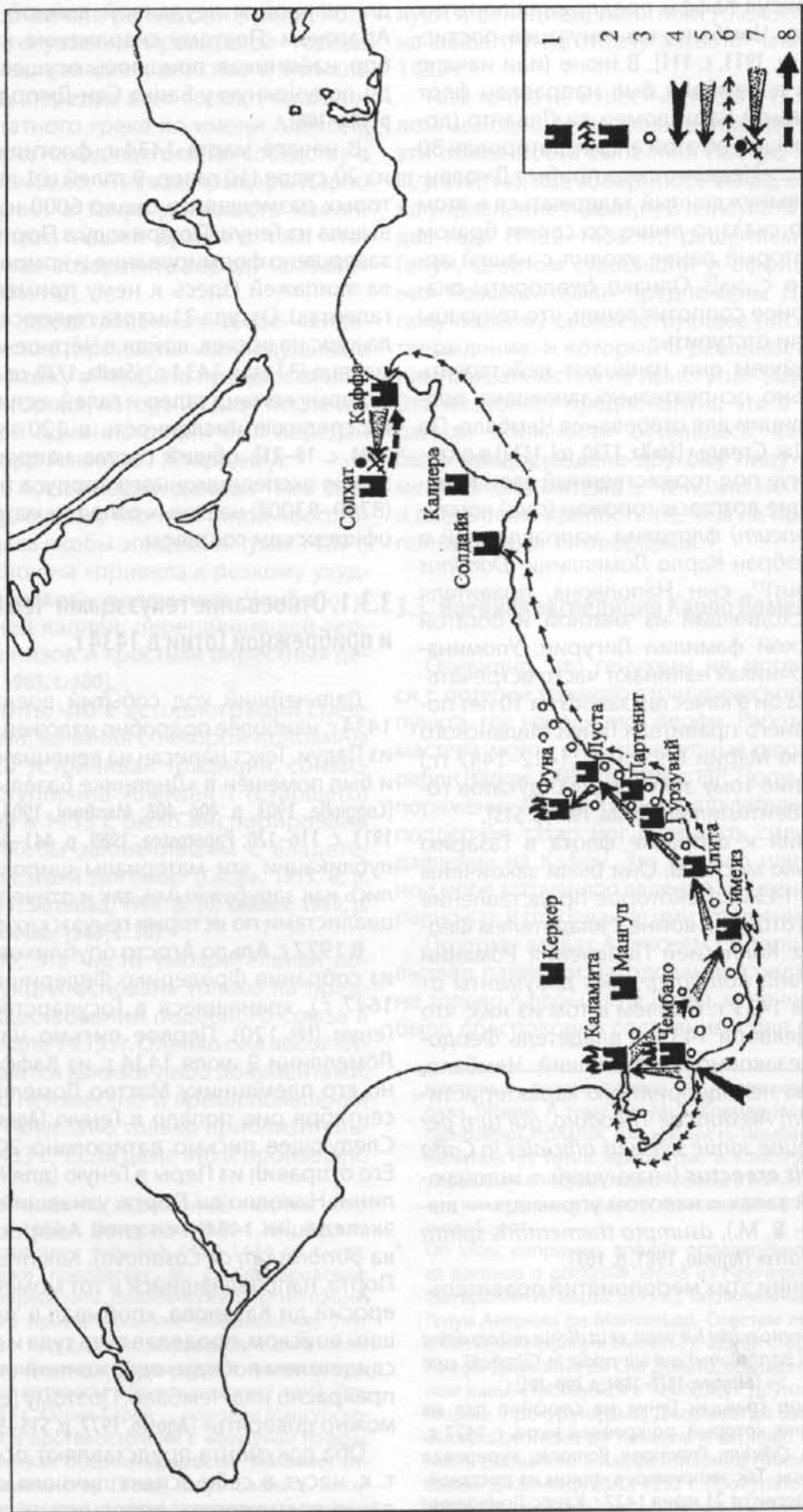


Рис. 67. Карта военных действий на территории Крыма в 1434 г.: 1 – города и замки; 2 – города и замки, подвергшиеся разрушению летом 1434 г.; 3 – сельские поселения Готии; 4 – движение генуэзского флота на начальном этапе кампании; 5 – направления сухопутного генуэзского корпуса; 6 – перемещение генуэзского флота вдоль берегов Крыма; 7 – сражение 22 июня 1434 г. у с. Карагоз; 8 – отступление корпуса Карло Ловеллини к Каффе после поражения

Гатари [Agosto, 1977, p. 514]. Попытаемся на базе этих источников восстановить ход кампании в течение июня-июля 1434 г. (рис. 67).

Как только флотилия Карло Ломеллини вошла в Чёрное море, одна из галеотт под командованием старшего офицера была направлена вдоль южного берега к Синопу (*Sinopoli*): «Здесь капитан высадился и сообщил, будто направляется на Трапезунд (*Tribizonda*) и немедленно сел опять на галеотту. Отсюда, он отправился искать свой флот, который уже достиг Чембалло» [Колли, 1913, с. 116].

Приведённый текст из дневника Андреа Гатари не объясняет действительной цели посещения генуэзцами в начале июня 1434 г. Синопа, явно скрываемой от рядовых членов экспедиции, потому что та носила характер тайной дипломатической миссии. Об этом мы узнаём из петиции Раффаэле Каррега, направленной дожу Томмазо ди Кампофрегозо и Совету Старейшин Генуи (документ датирован 26 февраля и 18 марта 1440 г.). В ней говорится, что истец (Раффаэле Каррега) «<...> не получил компенсации, так как по условиям договора, заключённого Карло Ломеллини с указанным Спендияром (эмиром Синопа — В. М.) последнему были отпущены суммы ущерба, нанесённого им генуэзцам и не были разрешены какие-либо налоги» [Карпов, 1998, с. 30]. Из этого следует, что уже в самом начале военной кампании, проводившейся в Газарии, Карло Ломеллини постарался исключить какие-либо враждебные действия со стороны правителя Синопа, и заключает с ним мирный договор. Наверняка эта акция была обсуждена и разработана ещё в Генуе при подготовке к выходу в Чёрное море.

Итак, 4 июня (в пятницу) 1434 г. генуэзский флот остановился на рейде у Чембалло, блокировав все подходы к городу со стороны моря. Оказалось, что вход в бухту (около 200 м) перегорожен железной цепью, а это не позволяло судам войти в порт. Изучив сложившуюся обстановку и подготовив всё необходимое, на рассвете 5 июня на воду были спущены шлюпки, направившиеся к цепи с целью её разрубить. По-видимому, экипажи шлюпок (от обстрела защитников Чембалло) должны были прикрывать несколько кораблей, выстроенных, вероятнее всего, в две колонны: четыре с западной стороны входа в бухту, укреплённой ещё в 1425/26 гг. (?) двумя башнями и куртиной, и три — с восточной. «После жестокого боя, люди разрубили цепь, закрывавшую вход в бухту. Вслед за этим натянут был конец [цепи] ко входу в гавань, и корабли, один за другим, стянувшись до самого порта, с большими и многими орудиями и машинами, заняли в тот же день (т. е. 5 июня — В. М.) каждый своё место. В воскресенье (6 июня) войско высадилось на берег и обложило [крепость] кругом, и тут дано было жестокое сражение, в котором с обеих сторон пало много народа» [Колли, 1913, с. 117].

Из цитированного отрывка дневника Андреа Гатари видно, что первый день сражения не при-

нёс генуэзцам ожидаемых результатов — защитники Чембалло смогли отбить первый штурм крепости. На следующий день (7 июня) с кораблей было снято несколько корабельных орудий. Из них в течение дня вёлся обстрел одной из башен, «<...> большая часть которой, а также и значительный кусок стены, обрушились» [Колли, 1913, с. 117].

Это событие произвело удручающее впечатление на жителей города, впервые столкнувшихся с применением огнестрельной артиллерии при штурме крепостей. Дальнейшее сопротивление становилось бессмысленным ввиду очевидного военно-технического превосходства генуэзцев. Поэтому к вечеру «некоторые из них» обратились к Карло Ломеллини с просьбой начать переговоры о сдаче города с условием сохранения жизни и имущества, но тот потребовал безусловной капитуляции «на волю победителя» [Колли, 1913, с. 117].

Такая категоричность Ломеллини не устраивала осаждённых. Утром во вторник 8 июня генуэзцы продолжили обстрел и предприняли очередной (на этот раз последний) штурм Чембалло. Им удалось захватить одни из ворот (видимо, частично разрушенные при обстреле) и проникнуть на территорию «нижней крепости» (*castrum inferioris*)¹². Этот прорыв был настолько неожиданным, что защитники начали беспорядочное отступление к консульскому замку («крепость св. Николая» — *castro Sancti Nicolai*). За стенами замка смогли укрыться только 70 человек, в том числе средний сын Алексея I (Старшего) — Олобо. Генуэзцы, преследуя отступающих, устроили резню. Вскоре защитники замка также решили сдаться: «Дана была

¹² Ситуация, сложившаяся в ходе сражения и подробно описанная Андреа Гатари, весьма похожа на топографию и результаты раскопок 2002 г., проводившихся в башне «Барнабо Грилло», где при зачистке скальной поверхности со следами пожара собраны фрагменты красноглиняной поливной тарелки, на крайней части поля которой выгравирована широкой линией монограмма «ТХ», ранее известная по раскопкам дворца Мангупа, Алушты и Фуны [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 22, рис. 102, 108]. Здесь же (у основания кл. 17) найдена медная монета (пул) плохой сохранности с отверстием для подвешивания. Из-за плохой сохранности данный нумизматический артефакт только примерно может быть атрибутирован как восточная монета XIV-XV вв. Было бы чрезмерно смелым шагом предположить, что именно на этом участке наёмникам Карло Ломеллини удалось проникнуть в «нижнюю крепость» Чембалло, но наличие в открытом слое пожара красноглиняного блюда с монограммой «ТХ» делает его не столь уж экстравагантным. Во-первых, город находился во власти феодоритов около 16 месяцев (с конца февраля 1433 по июнь 1434 гг.). Во-вторых, обороной Чембалло руководил средний сын Алексея I (Старшего) — Олобо со своими приближёнными (около 70 человек). Поэтому появление в генуэзской башне в слое пожара (1434 г.?) данного артефакта вполне объяснимо. Единственно, что теперь со суды с подобными монограммами следует датировать не 60-70-ми гг. XV в., а 30-70-ми гг. XV в. В-третьих, что наиболее существенно, башня «Барнабо Грилло» прикрывала ворота и дорогу, ведущую именно в *castrum inferioris* («нижнюю крепость») [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 22, 55-56].

пощада одному только сыну господина Алексея, его приближённым и одному кандиоту (жителю г. Кандии, расположенному на о. Крит — В. М.), всего в числе около <...>» [Колли, 1913, с. 117].

Как видим, Гатари не упоминает имени сына Алексея. Впоследствии это позволило исследователям высказывать самые различные, абсолютно ничем не обоснованные предположения. Например, Н. В. Малицкий, рассматривая данный сюжет, цитирует молитву из старых синодиков фамилии Головиных, где говорится: «помяни <...> князя Стефана, нарицаемого в иночестве Симона и чад его: Григория, Алексея, иже в Балаклаве убитого» [Головин, 1854, с. 11–12; Малицкий, 1933, с. 38–39]. Вероятно, на основании этого источника А. Л. Якобсон ошибочно относил дату смерти владетеля Феодоро Алексея I (Старшего) к 1433 г. (!? — В. М.) [Якобсон, 1953, с. 390]. А. М. Чиперис считал, что «Мангупский князь — Алексей оказался в осаждённом городе во время штурма последнего карательной экспедицией Карло Ломеллино». Эпизод пленения сына Алексея I (Старшего) и его приближённых, отправленных на корабли и закованных там в цепи, он заканчивает ничем не обоснованной фразой: «а затем по приказу Ломеллино были убиты» [Чиперис, 1961, с. 302, 306].

А. А. Васильев, пытаясь найти объяснение отсутствию упоминаний в генуэзских источниках 30–40-х гг. XV в. имени Иоанна как правителя Феодоро, высказал предположение, что он был захвачен в плен Карло Ломеллини в Чембало, отправлен в Перу, а оттуда уже в 1441 г. попал в Трапезунд. Там Иоанн находился со своей женой Марией и сыном Алексеем, не возвращаясь в Феодоро [Vasiliev, 1936, p. 223–224].

Пожалуй, А. Л. Бертъе-Делагард [Бертъе-Делагард, 1918, с. 35–36] был единственным исследователем, предполагавшим, что сыном Алексея I (Старшего), пленённым генуэзцами в Чембало, являлся Олобей (Олобо), что и объясняет впоследствии его дружественные отношения с официальными Каффы.

Действительно, в своём письме, отправленном из Каффы 9 июля 1434 г., Карло Ломеллини сообщает о том, что «прийдя [на это место] и всё разведав, мы [выступили] против Олобо — среднего [сына] Алексея Теодоро, получившего право престолонаследия, в то время как старший [сын] (Иоанн — В. М.) и глава семейства (рода) (Алексей I (Старший) — В. М.), по [полученным] сведениям, недавно отправились, по велению Господа, в Трапезунд, где с ними, как и с остальными, обходились с почтением и заботой»¹³.

Факт пребывания Алексея в это время в Трапезунде подтверждает и Николло ди Порто. Однако он связывает отъезд (*transirent*) Алексея из Феодоро

дорого непосредственно с захватом генуэзцами Чембало [Agosto, 1977, p. 516].

Далее Гатари сообщает, что после взятия 8 июня Чембало город был отдан солдатам на разграбление. При этом погибло много граждан. А уже на следующий день (9 июня) галеры вышли из бухты и высадили десант у Каламиты, потребовав от жителей крепости сдаться. В ходе переговоров удалось достичь соглашения о том, что крепость будет сдана на следующий день к вечеру, если генуэзцы пообещают сохранить имущество и жизнь её обитателям. 10 июня к Каламите из Чембало по дороге отправились оставшиеся там солдаты, которые, вероятно, достигли Каламиты только к исходу дня. «Но заметив, что никто из осаждённых не показывается, солдаты образовали ряды и приблизились к Каламите с лестницами и прочими снарядами. Не встретив, однако, никакого сопротивления, они вошли во внутрь города (*loco*) и увидели, что все жители убежали, унеся с собою всё своё имущество. Тогда солдаты предали огню все дома. Всё сторело. От Каламиты остались одни торчащие стены, и солдаты вернулись обратно в Чембало» [Колли, 1913, с. 117].

Как, видим, при организации похода на Каламиту, Ломеллини разделил войско на две части: одна на галерах с необходимым снаряжением для штурма была отправлена к Каламите для её захвата, в то время как другая часть только на следующий день прибыла туда по сухопутной дороге. Не встретив никакого сопротивления, генуэзцы сожгли брошенную жителями крепость и возвратились в Чембало.

А. Л. Бертъе-Делагард, а вслед за ним и другие исследователи, полагал, что феодориты, возглавляемые Алексеем I (Старшим), уже на другой день заняли Каламиту и приступили к её восстановлению [Бертъе-Делагард, 1918, с. 7; Филиппенко, 1997, с. 36–37]. Но это маловероятно, если учесть дальнейший ход военной кампании, освещаемый генуэзскими источниками, а также то, что ближайшее по времени упоминание данного портового города в генуэзских источниках относится только к 1446 г. [Карпов, 1981, с. 113].

Гатари рассказывает, что после возвращения в Чембало «сухопутное войско, образовав ряды, получило приказ идти по дороге Готии производить набеги (*per scorere quella reviere di Gutia*), другая же часть войска, морская, занялась каперством, вдоль берега, грабя всё, что попадалось ей на пути, и требуя от жителей полной покорности генуэзцам» [Колли, 1913, с. 117–118].

Карло Ломеллини описывает действия карательной экспедиции в самом начале письма к Маттео (9 июля 1434 г.): «После того, как была одержана полная победа над Чембало, Каламитой, Брозони и всей Готией, мы прибыли в Каффу — место, где находится консул»¹⁴. Из этого следует, что в ходе по-

¹³ «<...> *ituris ad explorandum contra Alexium quod Theodoro ex medio Olobo primogenito ipsius et aliorum per modum quod maioria audietis, Deo volente, et de Trapezunda et aliis in quibus diligentissimam curam habemus*» [Agosto, 1977, p. 515].

¹⁴ «<...> *Post obtenta victoria de Cimbalo, de Calamita, de Brozoni, de tota Gotia, venimus Caffam, ad instanciam Consulus <...>*» [Agosto, 1977, p. 515].

давления мятежа разгрому подверглись не только Чембало, Каламита и селения Готи, но и ещё одна крепость (?), находившаяся в районе военных действий, — Брозони. Из неё, предположительно, можно видеть Гурзуф (рис. 67).

Здесь генуэзцы основывают торговую факторию и учреждают консульство ещё в 70-х гг. XIV в. В *De ordine Caphe* 1449 г. название этого пункта (*loco*) звучит как *Gorzonii* [Юргевич, 1863, с. 675]. Хотя сам В. Н. Юргевич, а за ним и другие современные исследователи (Н. М. Богданова, А. И. Романчук) пытались доказать, что под *Gorzonii* имеется в виду бывший византийский Херсон. Он отмечен в портоланах и на морских картах XIV–XVI вв. как *Giriconda*, *Gerezonda*, *Girisonda*, *Gorozonda*, *Surzona* [Canale, II, 1855, p. 16–17; Юргевич, 1863, с. 823, прим. 23; Филиппин, 1899; Богданова, 1991, с. 151, прим. 58; Романчук, 1986, с. 188].

На тех же морских картах XV–XVI вв. Гурзуф упоминается под именем *Gorconi*, *Gocouy*, *Gorcovy* [Canale, 1855, p. 18–19; Tomaschek, 1881, s. 72; Фоменко, 2001, с. 59], а у Иосафата Барбаро — *Grusui* [Barbaro, 1973, p. 93]. Но все приведённые примеры названий Гурзуфа и Херсона малосозвучны «*Brozoni*», отмеченному как объект, захваченный генуэзцами в ходе военной кампании 1434 г. в Готи.

В своё время К. Десимони среди названий пунктов, поименованных в генуэзских документах, отметил один из них — *Baganda*, — но не указал, к чему он относится (селение или что-то иное), помещая его в Готи [Desimoni, 1867, p. 254–255]. А. Л. Бертье-Делагард, точно не локализуя данный пункт, считал, что он вполне мог находиться на побережье Крыма — территории так называемой генуэзской Готи [Бертье-Делагард, 1920, с. 31]. Документ, на который ссылается Десимони, датирован 1461 г. Вместе с *Baganda* в нём упоминается и хорошо известное селение Фуна (*casai Fonna*), на что обратил внимание ещё В. Томашек [Tomaschek, 1881, s. 73], но не попытался локализовать данный топоним.

Наиболее близким по звучанию *Baganda* является гидроним Юго-Западного Крыма — *Brgana* или *Bargana*, — означающий один из притоков р. Биюк-Узень (р. Чёрная), впадающий в неё в районе с. Чоргунь [Pallas, 1801, s. 103; Паллас, 1999, с. 56]. По-видимому, селение *Barganda-Bargana* находилось на территории Готи, и было под юрисдикцией владетелей Феодоро. По данным турецких источников в селении *Çorgana*, располагавшемся сравнительно недалеко от Мангупа, в 1545 г. проживало 25 православных греческих семей и 6 семей мусульман, а в 1638 г. оставалось 10 домов, принадлежавших грекам, в то время как остальные жители уже исповедывали ислам [Fisher, 1980, p. 220–221].

Здесь, у переправы через р. Чёрную, находится Чоргунская башня. В средневековье рядом с ней проходила самая короткая дорога от Мангупа к морю. Отсюда до столицы феодоритов 18 км, а

до Чембало около 10 км. К тому же, р. Чёрная, по-видимому, служила естественной границей между территориями, находившимися под юрисдикцией консульства Чембало и владениями Алексея. Поэтому с некоторой долей вероятности можно предположить, что под *Brozoni* (*Brgana*, *Bargana*), упоминаемом Карло Ломеллини, имеется в виду как селение, так и расположенный недалеко от него донжон — Чоргунская башня [Мыц, 1991а, с. 137–138].

Но, что более всего вероятно, в генуэзском тексте буква G оказалась заменённой на B (самим Карло Ломеллини, переписчиком Фредерико Федеричи или Альдо Агосто?). В таком случае, вместо *Brzoni* следует читать *Grzoni*, т. е. Гурзуф (?).

Н. М. Богданова в качестве доказательства того, что имеются неопровержимые свидетельства пребывания в Херсонесе не только генуэзских «администраторов», но и военных формирований, ссылается на рассказ византийского историка Лаоника Халкокондила об экспедиции Карло Ломеллини 1434 г. [Богданова, 1991, с. 97–98]. Согласно его сообщению, Хаджи-Гирей обложил данью население Готи, а также генуэзцев Каффы [Chalcocondylae, 1922, т. 1, с. 121 (18–19), Т. 2, с. 37 (21)¹⁵]. Старания последних умилились нового татарского правителя подарками, лестью и уступчивостью оказались тщетными: хан не только требовал выплаты дани, но и напал на город [Chalcocondylae, 1922, т. 2, с. 59 (18–20), 60 (1–5)]. Описывая события 1434 г., он отмечает, что генуэзский флот после захода в Константинополь направился в Понт Эвксинский и прибыл в Каффу. В то же время какая-то часть войск из Херсона отправилась вглубь Таврики навстречу татарам [Chalcocondylae, 1922, Т. 2, с. 60 (7–8); Богданова, 1991, с. 98].

Но представленный выше материал демонстрирует, что Лаоник Халкокондил излагает ход событий поверхностно и обобщённо, а это исключает возможность использовать его данные для точной реконструкции военной операции. Херсон в это время являл собой небольшое неукреплённое приморское селение (его слава уже давно была в прошлом), не представлявшее для генуэзцев сколько-нибудь значительного (в том числе и стратегического) интереса. Другое дело Гурзуф, где генуэзцами был построен замок, по-видимому, временно оказавшийся во власти Алексея I (Старшего). Ни один из имеющихся генуэзских источников не сообщает о какой-либо попытке Карло Ломеллини нанести

¹⁵ Лаоник Халкокондил в «Изображениях историй» (*Ἀποβείξες ἱστορίαι*) пишет, что «скифы», обитавшие «вокруг Боспора и так называемого Таврического острова (Ἰαυρικὴν νήσον), разделяющего Мэотийское озеро (Μιριην... Μαώτιθα) и Чёрное море (Εὐξεινον πόντον), возглавляемые царем Атзикерисом (ὑπὸ τῷ βασιλεὶ Ἀτζικερῆ), разграбляя народы на земле, подчинили себе ради выплаты дани так называемых готов (Γότθους) и генуэзцев (Γαιλιούς), живущих в Кафе» [Байер, 2001, с. 215].

удар Хаджи-Гирею из Херсона (для достижения Солхата в таком случае необходимо было пройти по сухопутным дорогам Газарии 160–170 км, в то время как от Каффы до Солхата всего 25 км). Даже после захвата Каламиты генуэзцы не воспользовались возможностью напасть на Мангуп, хотя и находились в непосредственной близости от города (18 км).

Единственное, о чём можно предположительно говорить, так это то, что наёмники Ломеллини, высадившись на побережье, опустошили и Херсон, входивший во владения Алексея I (Старшего). В таком случае, на территории портового района городища при раскопках должен был быть выявлен слой разрушения 1434 г., но, насколько мне известно, в публикациях исследователей об этом ничего не говорится. Хотя здесь обнаружены монеты первой половины XV в., но они представляются в отчётах и публикациях вне контекста сопровождавшего их археологического материала и стратиграфии данных находок [Богданова, 1991, с. 161–162, табл. 3].

3.3.2. Поход генуэзцев на Солхат и сражение 22 июня 1434 г. у с. Кастадзона

12 июня Карло Ломеллини и, по-видимому, часть его экспедиционных войск уже находились в Каффе. Как сообщает А. Гатари, в этот день состоялся военный совет, на котором якобы было принято решение нанести удар по Солхату, потому что консул и другие официалы требовали отомстить татарам за унижения, оскорбления и грабежи, приведшие к полному расстройству генуэзской торговли в Газарии [Колли, 1913, с. 118]. Тем не менее, несмотря на принятое решение, на следующий день (в воскресенье 13 июня) в Солхат направился парламентёр для проведения мирных переговоров. Но он был убит татарами в полумиле от городских стен.

После этого эпизода власти Каффы, вероятно, решили не скрывать своих истинных намерений, хотя командующим армией Карло Ломеллини ещё не было принято окончательное решение по данному вопросу. Поэтому в понедельник 14 июня войскам объявили, что они будут направлены на Солхат (*Sorgati*). Услышав это известие, наёмники (*stipendiarii*) в полном вооружении выстроились у ворот Латинборго (*Latinborgo*) в ожидании прибытия Карло Ломеллини.

Данное выступление стипендиариев, вызванное распространившимися по городу ложными слухами, скорее всего, носило стихийный характер или должно было послужить демонстрации силы, поднятию духа и дисциплины в войсках. Прибыв к построенному экспедиционному корпусу, Ломеллини «произвёл ему смотр и учение и приказал всем вернуться в город и стать за стенами. Солдаты повиновались, сняли с себя оружие и наполнили собою все прилегающие к воротам улицы» [Колли, 1913, с. 118].

С этого момента, вероятно, начинается подготовка к походу на Солхат, осуществлённому только 22 июня 1434 г., когда около 8 часов утра¹⁶ «всё войско построилось в боевой порядок. При звуках труб солдаты тронулись, кто пешком, кто на возах; последних было 612, на которых нагружено было всё оружие: арбалеты, запасы дротиков, латы, лестницы, бомбарды и прочие необходимые вещи» [Колли, 1913, с. 118].

Походная колонна растянулась почти на 3 км и остановилась в ожидании Карло Ломеллини, прибывшего в 9 часов утра в сопровождении 60 всадников и трёх знаменосцев, которые несли: одно знамя — символ Генуи (красный крест на серебряном поле); второе — Карло Ломеллини (поле разделено на две равные части красного и золотого цвета); третье — Миланского герцога Филиппо Мария Висконти (серебряная змея, заглатывающая человека — *il biscione ingollante* — на алом поле) [Chiesi, 1991, р. 32, 43, 57, 89; Maggiorotti, 1933, р. 338–339, fig. 289; Яровая, 2001, с. 190–191].

При выезде из города знаменосец Лигурийской республики сломал об арку ворот *Latinborgo* древко своего штандарта. Это вызвало неподвижную заминку в связи с ожиданием, пока ему будет доставлено новое знамя. Только после этого войско численностью в 8000 человек направилось по дороге к Солхату (в сообщении Николло ди Порты говорится о том, что из Каффы отправилось около 10000 человек в сопровождении примерно 700 повозок — «*circa homines 10000, habebat carros circa 700*» [Agosto, 1977, р. 516]).

Т. к. путь на Солхат обычно пролегал через Кайадорские ворота (*Porta Caiadoris*), расположенные на восточном отрезке оборонительных сооружений города [Skrzinska, 1928, р. 56; Юргевич, 1863, с. 700; Бочаров, 1998, с. 93, рис. 1], то с некоторой долей вероятности можно отождествить упоминаемые Гатари ворота Латинборга с ними.

Генуэзцы продвигались очень медленно, преодолевая под летним зноем затажной подъём на хребет Биюк-Эгет («Большое седло» — тюрк.), чтобы затем спуститься в долину р. Чурук-Су, где располагалось селение Карагоз. К 16 часам дня они прошли 10 миль и достигли местности (*loco*) Кастадзона (*Castadzona*), находящейся в 5 милях от Солхата. Здесь они, вероятно, собирались отдохнуть, облачиться в доспехи, вооружиться и двинуться в полной боевой готовности на приступ Солхата.

Но внезапно генуэзцы были атакованы татарами. Сначала на вершине холма появились пять всадников (татары называли подобные группы «беш-баш» — «пять голов»), а после их исчезновения, в 150–200 м оттуда — десять всадников. Татары при-

¹⁶ Гатари указывает на то, что построение войска было произведено в 3 часа. Первый час дня соответствует 6 часам утра [Юргевич, 1863, с. 825, прим. 70].

нялись обстреливать из луков двигавшихся во главе колонны генуэзцев. Николло ди Порто пишет: «Когда внезапно, вблизи Солхата, рядом с нашими солдатами появилось сначала трое вооружённых, а затем они увидели примерно 30 татарских всадников»¹⁷, — это посеяло среди них сильную панику, после чего «они, не повинаясь приказам и забыв о порядке, обратились в бегство».

Из 300 генуэзских всадников, в числе которых были капитаны кораблей и командиры наёмников, 200 рассеялись, а остальные 100, часть из которых была ранена татарскими стрелами, бросились бежать. В это время уже появилась оставшаяся часть татарской конницы (предположительно 5000 всадников?), и началось сражение с итальянским войском, оказавшимся не готовым к бою на открытой местности.

Далее Николло ди Порто продолжает: «Видя это, татары нападали на наших [солдат] отступающих в беспорядке, всюду поражая их, отчего положение бежавших казалось безнадежным. Татары, свирепствуя, убивали или захватывали наших людей [в плен]» [Agosto, 1977, p. 516–517].

Бросив повозки с вооружением и раненых, они бежали к Каффе. «Татары преследовали их до половины дороги (около 5 миль — В. М.), и если бы не наступила ночь, не спасся бы ни один человек» [Колли, 1913, с. 119]. «После этого [татары], завладев всеми повозками с оружием и, взяв с мёртвых, которых оказалось 2000, наиболее ценные [вещи], отправились в Татарию, в Солхат» [Agosto, 1977, p. 516–517].

Таким образом, в сумерках татары прекратили преследование, собрали брошенный генуэзцами обоз и ушли в Солхат, где устроили по поводу победы грандиозный праздник. Воспользовавшись уходом татар, оставшиеся в живых, «которые прятались среди трупов притворившись мёртвыми, <...> поднялись и побежали в город, но из этих уцелевших людей очень мало было таких, которые не получили менее трёх ран, кто от стрел, кто от меча, кто от копья» [Колли, 1913, с. 119].

Победителям достался не только обоз, но и большое количество вооружения латинян. Трофеи эти почти бесследно растворились в бескрайних просторах Причерноморских степей¹⁸.

¹⁷ «<...> quando fuerunt prope Sorcati militaria tres vel circa nostri, non obediens ad ordinem et inordinati, viderunt equos 30 vel circa tartarorum <...> sine prelio nostri se posuerunt ut in fuga <...>» [Agosto, 1977, p. 516].

¹⁸ К числу таких трофеев сражения 22 июня 1434 г., по-видимому, относится и железная бомбарда из Старого Крыма (Солхата) [Каталог, 1961, с. 38]. Длина орудия 46 см, вес 11,5 кг, калибр ядер 8 см. Имеет стаканообразное жерло ствола (рассчитано на то, чтобы заряжающий мог дотянуться до устья каморы). Протяжённость зарядной части 27 см, дульной — 14,5 см (т. е. их соотношение составляет 1,8:1). При этом следует учитывать, что наиболее ранние орудия обладали пороховой каморой, по длине в два раза превосходившей вместительность для ядра. Ствол крепился металлическими обручами к деревянному лафету (или колоде). Подобные изделия известны в Италии, Германии, Чехии, России, Балканских странах, где они датируются в

В связи с этим интересна одна давняя находка. Осенью 1841 г. в селении Айдеры Евпаторийского уезда при разборке старого дома был обнаружен латинский меч хорошей сохранности. Клинок помещался в ножнах «грубой работы, обшитых простой кожей», сделанных ввиду утраты настоящих [Самойлов, Шевелев, 1844, с. 624]. Длина меча с рукоятью составляла около 112 см. Рукоять была украшена медными с позолотой полосами, а сквозь них виднелся бархат малинового цвета. На одной из полос (в верхней части эфеса) выгравированы два слова: «MARI PETRO», вероятно, указывающее на имя владельца [Самойлов, Шевелев, 1844, с. 624]. В верхней части клинка (у перекрестия?) просматривались неясные изображения, композиционно образующие несколько групп. Над ними читалось «MARIA» (видимо, «S. MARIA» — В. М.).

По мнению Е. П. Шевелева, меч был спрятан в конце XVIII в. (?) последним владельцем дома (татарином), которому он «мог достаться по наследству от времён генуэзского владычества в этом краю» [Самойлов, Шевелев, 1844, с. 624].

Перед нами редкий случай, когда есть возможность (пусть даже и гипотетично) персонифицировать владельца оружия. Лигурийский клан де Мари (*de Mari*) на протяжении 1261–1435 гг. занимал 7 место по присутствию в администрации Левантийских факторий [Balard, 1980, p. 165]. Например, в 1381 г. консулом Каффы был *Iuanixius de Mari*, а в Севастополисе (1382 г.) *Inoffius de Mari* [Balard, 1978, p. 141, 211]. В конце XIV в. в Каффе отмечено присутствие 5 представителей фамилии *de Mari* [Balard, 1978, p. 250]. По наблюдению М. Балара клан *de Mari* занимал 11 место по торговым операциям в Романии [Balard, 1978, p. 524]. В начале XV в. в Каффе совершают торговые сделки Борруэле (1402 г.) и Алаоне (1406 г.) де Мари [Balard, 1978, p. 430]. В деловой переписке между магистратами Каффы и Генуи 20–60-х гг. XV в. род де Мари представлен именами Габриеле, Галеотто, Джованни Амброджо, Козимо, Доменико, Петро и Монтано [Карпов, 1998, с. 77; Balletto, 2000, p. 487]. Пьетро де Мари (*Petrus de Mari*) упоминается в одном из документов (датирован 5 мая 1427 г.), направленном губернатором Генуи Джакомо де Исолание, Советом Старейшин и *Officium Provisionis Romanie* капитану и массариям Фамагусты¹⁹. Джованни в 1428 г., а Габриеле в 1440 г. являлись чиновниками оффиции Провольствия (*officiales Victualium*) [Origone, 1983, p. 316]. Весной 1455 г. в Каффу вместе с кораблём Баттиста д'Ориа прибыла и нава, патроном которой был Парис де Мари (*Paris de Mari*). Магистраты фактории заключили с ним контракт о доставке зерна с Хиоса в Каффу. Не позднее 3 сентября того

хронологических пределах 1375–1425 гг. [Essenwein, 1877, Taf. AXIII, b; AXX; AXXIII, a; Wagner, 1956, VII, tab. 11,3; Кирпичников, 1976, с. 84, рис. 38,1].

¹⁹ Постановление касается взыскания с Андреа Паллавичино (вместо Пьетро де Мари) 2700 византийских Фемагусты, что составляет 400 генуэзских лир [Balletto, 2000, p. 415, doc., 230].

же года корабль Париса де Мари ушёл на Хиос [Atti, 1868, I, doc. CXXXVI].

Среди документов, изданных в своё время А. Винья, сохранился патент капитана Готии, выданный на два года и два месяца Франческо де Мари сына Пьетро (*Ad capitaneatum Gotie Franciscum de Mari Petri*) 27 мая 1461 г. [Atti, 1868, IV, p. 118, doc. DLVIII, p. 121, doc. DLXV]. По-видимому, нет оснований даже предположительно говорить о пребывании этого представителя клана *de Mari* в Газарии в 30-х гг. XV в. Только в виде очень шаткой гипотезы можно высказать предположение о том, что Пьетро де Мари входил в состав экспедиционного корпуса Карло Ломеллини (?) и 22 июня 1434 г. принимал участие в сражении у с. Карагоз, оставив на поле боя свой меч с надписью на эфесе «*Petri [de] Mari*» (сохранив только ножны). Именное оружие в качестве трофея досталось одному из татар и на протяжении трёх столетий хранилось его потомками как реликвия (позднее к нему были изготовлены другие ножны).

Подобный случай не единичен. Например, у горцев Северо-Западного Кавказа благодаря традиции культа оружия продолжительное время в качестве фамильных реликвий сохранялись клинки с надписью «*Janue*» — «Генуя» [Дьяков-Тарасов, 1930, с. 153–154; Зевакин, Пенчко, 1938, с. 86]²⁰.

Следует признать, что в отличие от северных и западных регионов Европы находки мечей XIV–XV вв. либо их отдельных частей как в Крыму²¹, так и в Северном Причерноморье крайне редки, что уже само по себе превращает каждую из них в раритет. Например, в экспозиции Донецкого краеведческого музея (шифр: СКМ, до — 347) находится относительно хорошо сохранившийся меч (обломано окончание клинка и отсутствует эфес с навершием) [Привалова, Швецов, 1993, с. 60, № 390, рис. 75]. Общая сохранившаяся длина изделия 76,0 см; ширина клин-

²⁰ Сомнительно, чтобы подобные изделия, и особенно меч с именем генуэзского нобиле Пьетро де Мари, могли попадать к кочевникам «в порядке обмена», как это полагает А. Г. Еманов [Еманов, 1995, с. 44].

²¹ При раскопках крепости XV в. у селения Фуна были найдены два разрозненных фрагмента от мечей. Они обнаружены в не связанных между собой, противоположных местах крепостной площадки, и могли принадлежать разным изделиям (рис. 68) [Кирилло, Мыц, 2000, с. 18–19]. 1. Фрагмент клинка с остатками перекрестья и стержня для крепления эфеса (рис. 68: 1). Найден в слое пожара на полу помещения IX, по-видимому, использовавшегося в качестве кузницы. Здание возведено в 1424–1425 гг., разрушено в пожаре (предположительно в 1434 г. во время карательных действий экспедиции Карло Ломеллини). 2. Массивное железное навершие рукояти в виде сильно уплощенного цилиндра (рис. 68: 2). Сбоку, посередине изделия, находится сквозная узкая щель (1,9×0,4 см) с прямоугольными очертаниями под заводку и крепление черенка. Диаметр набалдашника — 6,3–7,1 см, толщина 2,3 см. Деталь найдена в переломленном состоянии, в засыпи одного из скальных разломов у храма 1459 г. Подобные навершия характерны для мечей VI типа (по А. Н. Кирпичникову [1966, табл. 55, табл. XXX, рис. 2]), которые в XIII — начале XV вв. принадлежали к числу наиболее распространенных в Европе. Оба изделия могут быть датированы первой третью XV в.

ка 4,2 см, толщина 0,8 см, ширина съёмного крестовидного перекрестья 16,6 см. Клинок (сечение ромбическое) с трёхрядным долом, плавно сужается (рис. 69). Издатели (О. Я. Привалова и М. Л. Швецов) ошибочно атрибутируют меч, происхождение которого неизвестно, как палаш, а местом его изготовления, ссылаясь на мнение М. А. Горелика, называют Венгрию или мамлюкский Египет и Сирию XVI в. [Привалова, Швецов, 1993, с. 60]. Если в Венгрии вполне могли изготавливать мечи подобного вида, то Египет и Сирия никогда не являлись центрами производства европейского холодного оружия. Наиболее близким аналогом экспонируемому в Донецком музее может служить меч из Рыдомля (Волынь), датируемый А. Н. Кирпичниковым XIV — началом XV вв. [Кирпичников, 1976, табл. X, 1].

3.3.3. Причины поражения под Солхатом. Дипломатия Карло Ломеллини

Совершенно очевидно, что причиной столь бесславного разгрома генуэзцев у с. Кастандзона (Карагоз?) явились тактические просчёты их командования²². Мало того, что они двигались на Солхат невооружёнными и не имели доспехов, так они ещё не позаботились и о боевом охранении и мобильной разведке²³.

В этом, вероятно, сказались отсутствие опыта ведения войны с татарской конницей. Создаётся впечатление, что генуэзцы рассчитывали, в лучшем случае, встретить сопротивление у стен города, и потому прихватили с собой штурмовые лестницы и небольшие бомбарды, но никак не были готовы к сражению в открытом поле. Не исключено, что Хаджи-Гирей, руководивший организацией защиты Солхата (?), путём дезинформации сумел убедить генуэзцев либо в том, что он примет бой в городе, либо что он вообще бежал из города. Отсюда, видимо, и то легкомысленное настроение итальянцев, с которым они продвигались к Солхату, рассчитывая не столько на сражение, сколько на грабёж беззащитного городского населения. За это им пришлось расплатиться несколькими тысячами жизней своих сограждан.

Единственным источником, сообщающим о потерях генуэзцев в сражении под Солхатом (у с. Карагоз? — В. М.), является свидетельство Амвросия ди Казанова. С его слов, Николло ди Порто называет число погибших — примерно 2000 человек [Agosto, 1977, p. 516]. Интересно также сравнить эти

²² В итальянской историографии ответственным за несчастный исход экспедиции считался Карло Ломеллини [Agosto, 1977, p. 509, прим. 1].

²³ Подобная беспечность русских войск привела к разгрому их ополчения на р. Пьяне 2 августа 1377 г. Воеводы, полагая, что татары находятся далеко, «<...> начаша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех, а доспехи своя на телеги и в сумы skutаша, рогатины и сулицы и копя не приготовлены, и инии ещё не посажены быша, такожде и щиты и шоломы <...>» [ПРСЛ, т. XI, с. 27].

же год в Горибель Париса де Марс ушел на Херс [АГД, 1864, т. 1, с. 38XVI].

Среди документов, датированных весной 1459 г., сохранился харит капитана Готти, выданный на два года и два месяца Орландо де Марс сына Пьетро [Ad cartularium Gode Franciscus de Marz Anni] 27 мая 1461 г. [АГД, 1864, т. 1, с. 138, док. 3238, р. 131, док. 3240]. По-видимому, нет оснований даже предположительно говорить о принадлежности этого

ставителя князя в 1459 г. к мечу в 30х см. Тонкая в виде ошейника часть, которая могла бы считаться предплечьями, имеет длину 11 см и состоит из двух частей, соединенных в центре. Первая часть имеет длину 5 см и заканчивается в виде ошейника. Вторая часть имеет длину 6 см и заканчивается в виде ошейника.

Тонкая в виде ошейника часть, которая могла бы считаться предплечьями, имеет длину 11 см и состоит из двух частей, соединенных в центре. Первая часть имеет длину 5 см и заканчивается в виде ошейника. Вторая часть имеет длину 6 см и заканчивается в виде ошейника.

Подобный меч был найден в 1934 г. в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

ка 4,2 см, ширина 0,8 см, ширина съёмного крепёжного пафлето 5 см, длина 10,5 см. Лезвие ромбическое с трёхгранным долом, плавно сужается (рис. 69). Издателями С. Я. Приваловой и М. Л. Шевцови ошибочно атрибутируют меч, происхождение которого неизвестно, как галльский, а местом его изготовления, сделавши наименование М. А. Горетика, называют Венгрию или мажаровский Египет в Сирию XVI в. [Привалова, Шевцов, 1993, с. 60]. Если в Венгрии мечи подобного вида, то не являлись центрами изготовления холодного оружия, то в близком архаичном экземпляре, найденном в Венгрии, мечи могут служить меч из Родопада (Будинцы) атрибутированы А. Н. Корнилюковым XIV — началом XV вв. [Корнилюков, 1971, табл. 33].

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

Следует отметить, что мечи этого типа распространены в западных регионах Европы, в частности в Северной Франции. Например, в экспозиции музея в Париже хранится меч, который был найден в селении у с. Коргод, оставив на поле боя свой меч с надписью на лезвии: «...мечу (sic) Мадри (sic) ...» только Романы. Имел длину 110 см, ширина лезвия 4 см, ширина клинка 3 см, ширина рукояти 2 см.

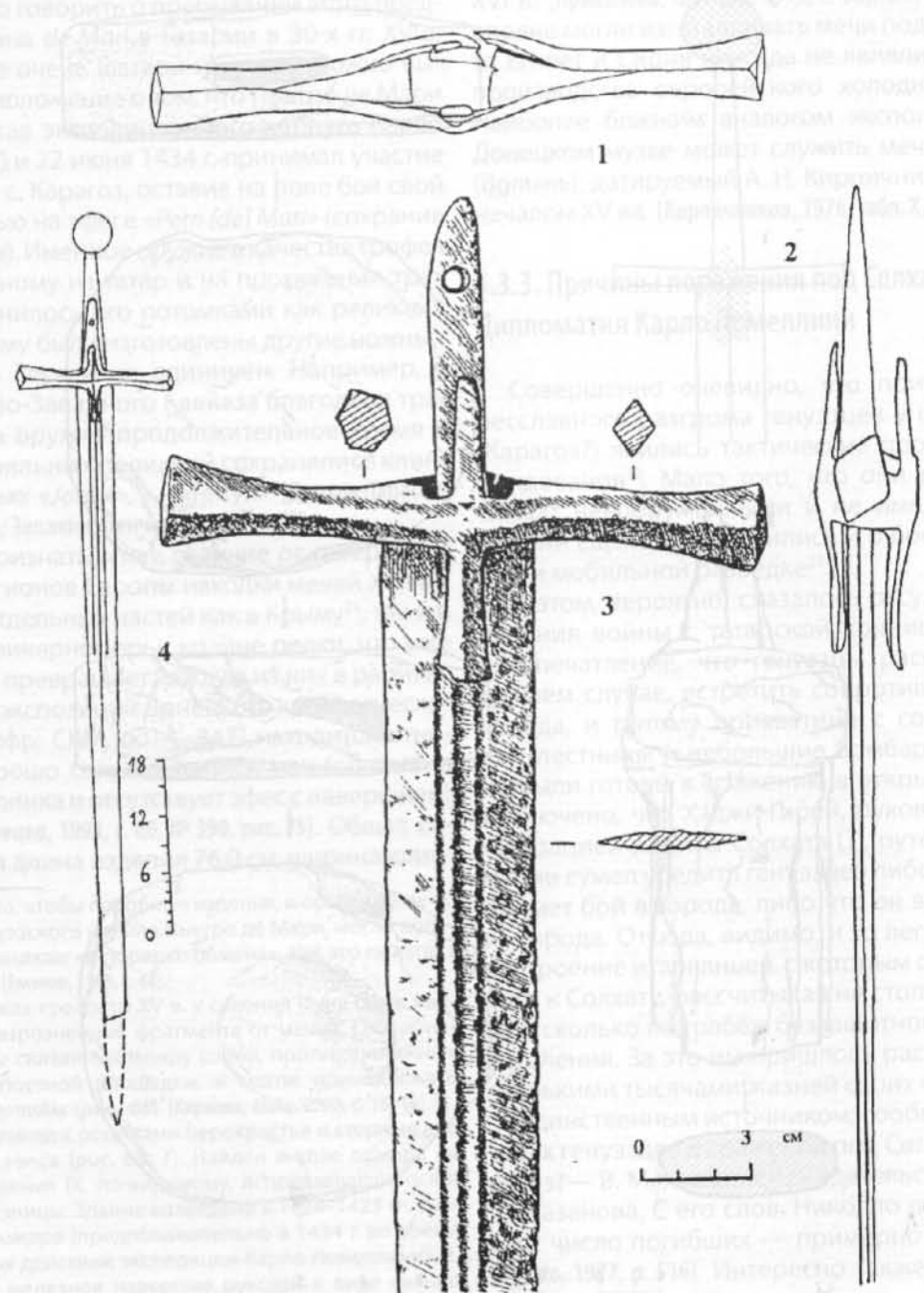


Рис. 69. «Латинский» меч XIV - начала XV в. из экспозиции Донецкого краеведческого музея (по О.Я.Приваловой, М.Л.Шевцову [1993, с. 60, № 390, рис. 75])

сведения с сообщением самого Карло Ломеллини: «Мы прибыли сюда для восстановления нашего управления силой с 10 навами и 7 галееми, на каждой из которых находилось по 250 человек» [Agosto, 1977, p. 515].

Совершенно очевидно, что командующий в своём письме от 9 июля 1434 г. приводит данные, соответствующие скорее численности экспедиционного корпуса после сражения 22 июня: на 17 (а не на 20) кораблях размещалось теперь 4250 наёмников (а их было 6000), т. е. на 1750 меньше. При этом потери среди состава корабельных команд, по всей видимости, составляли 240–250 матросов. В таком случае, цифры потерь генуэзцев в 1434 г., указанные Николо ди Порто и Карло Ломеллини (последний делает это завуалированно, без дополнительных объяснений), почти совпадают — 1990–2000 человек. Современниками эти потери оценивались как неоправданно большие. Николо ди Порто с горечью замечает, что «<...> невозможно точно описать, и не слышно когда-либо было, чтобы была заплачена [нами] такая цена» [Agosto, 1977, p. 517].

Недавно С. П. Карповым опубликован документ (датирован 24 марта 1435 г.), проливающий свет на судьбу одного из участников экспедиции и сражения у Солхата 22 июня 1434 г. — Антонио де Пумексана. В поданной им губернатору и Совету старейшин петиции говорится, что Антонио недавно вернулся из Каффы неимушим, куда отправлялся с экспедицией Карло Ломеллини: «В битве у Солхата лишился всего состояния и успехов, едва спасая свою жизнь. Прибыл в Геную тяжело больным и собирался там жить трудом переписывания книг» [Карпов, 1998, с. 25].

Далее в записях Андреа Гатари изображена жуткая картина глумления победителей над останками побеждённых: «На следующий день (23 июня) все татары вернулись на поле битвы и со всех трупов срубили головы, взяв себе всё, что могли. Им было приказано нагрузить много возов головами и перевезти в указанное место, где из этих голов сложены были две пирамиды. Воспользовавшись этим распоряжением, евреи, бывшие на стороне татар, грабили и уродовали тела христиан, отрубали им головы, со столь же ужасною жестокостью, как и татары» [Колли, 1913, с. 119]. Но можно также представить, какой погром устроили бы наёмники Карло Ломеллини, если бы им удалось тогда овладеть Солхатом (тому яркий и печальный пример представляют события в Чембало 8–9 июня 1434 г.).

Имеющиеся многочисленные исторические и этнографические материалы указывают на широкое распространение и длительное использование в военно-политической практике кочевников центральноазиатской степи древнего обычая отрубания голов побеждённых противников [Дмитриев, 1999, с. 212–219]. Сохранился он и у мусульман, которым шариат позволяет носить головы погиб-

ших в сражении врагов «как для удовлетворения мести, так и для возбуждения ярости неверных» [Гиргас, 1865, с. 14].

Монголы, впервые появившись в Европе в начале 40-х гг. XIII в., продемонстрировали этот обычай на деле после одного сражения в Силезии, где к ним в плен попал герцог Генрих. Полностью раздетого рыцаря заставили кланяться телу убитого монгольского предводителя, а «<...> затем его голову, словно башку барана, отвезли <...> к Батыю и после бросили её среди голов других убиенных» [Дмитриев, 1999, с. 216].

Широкую известность получили башни из «черепов побеждённых», сооружавшихся по приказу Тамерлана. Так, например, в 1387 г., после взятия Исфахана, было воздвигнуто несколько башен из отрубленных голов жителей и защитников города [Гийасадин Али, 1992, с. 205]. В 1403 г. Руи Гонсалес де Клавихо (посол короля Генриха III к Тамерлану) вблизи Дамгана видел четыре башни, сложенные из черепов «Чёрных татар» (туркмен племени кара-коюнлу), побеждённых эмиром. При этом он описывает способ возведения башен из голов. «А делали их так: ряд черепов и слой грязи». Подобные сооружения, по его свидетельству, достигали такой высоты, «как можно забросить вверх камень» [Клавихо, 1990, с. 87]. По мнению С. В. Дмитриева, специально занимавшегося изучением данной темы, «инициаторы подобных сооружений хотели получить ту силу, которая суммирует все отдельные силы разных людей, одновременно изымая её у противника» [Дмитриев, 1999, с. 216].

Таким образом, приведённые и далеко не полные примеры указывают на бытование у тюрков и монголов обычая отрубать головы побеждённых ими врагов, что по их представлению должно было способствовать ослаблению противника. В этой связи становятся понятными и первичные мотивы (продиктованные силой обычая) акции, осуществлённой татарами 23 июня 1434 г., когда им «было приказано нагрузить много возов головами и перевезти в указанное место, где из этих голов сложены были две пирамиды» [Колли, 1913, с. 119]. Это только ещё раз подтверждает осознание обитателями Солхата и Кипчака политической значимости победы, одержанной над генуэзцами, т. к. лигурийцы с 1344 г. были для татар неуязвимыми благодаря оборонительным сооружениям Каффы²⁴.

7 июля у стен Чембало появился отряд татар в 200 всадников, потребовавший от гарнизона сдаться вместе с оружием. Генуэзцы согласились вести переговоры и пообещали прислать для этого своего уполномоченного представителя. По-

²⁴ Точное место возведения башен из отрубленных голов генуэзцев, погибших во время боя 22 июня 1434 г., не установлено. На гребне хребта Биюк-Эгет, где непосредственно произошло сражение, в настоящее время видна цепь курганов, дату которых предположительно можно отнести к эпохе бронзы — раннему железному веку. Современная высота некоторых из них достигает 2–3 м.

сле того как татары удалились, пришло известие о перемирии, т. к. «обе стороны выразили желание помириться» [Колли, 1913, 119–120].

Из Каффы в Солхат прибыл посол с предложением выкупа из плена оставшихся в живых генуэзцев (по свидетельству А. Гатари, в плену находилось 42 человека «из жителей Каффы» [Колли, 1913, с. 120]). Первоначально генуэзцы согласны были заплатить за каждого пленного низшего сословия (пополанов) по 600 аспров; среди попавших в плен нобилей, по сообщению татар, не оказалось. Из этого следует, что общая сумма выкупа, предлагавшаяся генуэзцами в начале переговоров, была установлена в пределах 25 200 аспров. Но затем татары потребовали выкуп за каждого пленного в 2000 аспров, надеясь таким образом получить 84 000 аспров или 420 соммо. Переговоры продолжались до 13 июля, когда под Солхатом был заключён мирный договор, и генуэзцам удалось за 50 000 (примерно 250 каффинских соммо) аспров выкупить 25 человек (т. е. по 2000 аспров за каждого [Agosto, 1977, p. 517]).

А. Гатари не даёт объяснений по поводу судьбы еще 17 человек. Разъяснения содержатся в письме Николло ди Порты, сообщающего, что «<...> часть [наших людей], захваченных в плен, скончалась [от полученных ран], находясь уже в Солхате, потому что пренебрегла правилами и осталась без оружия и незащищенной, бросив то вооружение, которое так эффективно использовала против Чембалло <...>» [Agosto, 1977, p. 516].

Потери после поражения были таковы (не известно точно, сколько погибших в сражении входило в состав корабельных команд, подчинявшихся Карло Ломеллини), что пришлось разоружить две галеры и корабль Бабилано ди Негро [Колли, 1913, с. 120]. Вскоре экспедиционный флот Карло Ломеллини покинул Каффу и отправился в Геную. Дата отплытия из Каффы 17 кораблей в источниках не указывается. Вероятно, это произошло 14 или 15 июля 1434 г., потому что Николло ди Порты уже 20 июля, после беседы с Амвросием ди Казанова, посылает своё сообщение Маттео Ломеллини. Получается, что часть флота, направлявшаяся на Хиос, 19–20 июля сделала остановку в Пере. С учётом того, что весь путь от Каффы до Генуи занимал 2–3,5 месяца, то сам Карло Ломеллини появился в метрополии, по-видимому, не ранее сентября — конца октября 1434 г.²⁵

²⁵ Собственную (хотя и со ссылками на работы Л. П. Колли, А. А. Васильева и А. Агосто) и во многом произвольную трактовку итогов экспедиции Карло Ломеллини даёт М. Г. Крамаровский: «Однако планам феодоритского князя, стремившегося получить **выход к морю**, не суждено было сбыться. Уже в июне коммуна Каффы призвала против восставшей крепости эскадру из Перы под руководством Бартоломео ди Леванто. Поскольку феодоритам удалось удержать Чембалло, в марте 1434 г. для возвращения Чембалло из Генуи была отправлена другая эскадра (20 кораблей) под руководством адмирала Карло Ломеллино. Уже в начале **июля** бунт был подавлен. В письме адмира-

Но не все участники экспедиции, пережившие ужас татарского разгрома, пожелали или смогли сразу вернуться в метрополию. Например, Джакомо ди Промонторио, служивший на флоте под командой Карло Ломеллини, остался при консуле Баттиста де Форнарио и сделался одним из его советников. В Каффе он «со всем усердием трудился ради защиты города от врагов, с успехом занимался сбором аварии, введённой предшественником консула Форнарио», чем снискал к себе большое расположение и получил предложение занять одну из устраивавших его официй [Карпов, 1998, с. 32].

Как следует из контекста развития дальнейших событий, происходивших в Газарии, сам Хаджи-Гирей, одержав столь убедительную победу над генуэзцами в битве у Солхата, не смог воспользоваться её плодами. В том же 1434 г. (более точно определить время трудно) он вынужден был бежать в Литву к своему покровителю Жигимонту Кейстутовичу [Грушевский, 1993, т. IV, с. 318] ввиду приближения войска хана Сайид-Ахмада.

Упоминание об этом событии относится к 838 г.х. (7 августа 1434 — 26 июля 1435 гг.) [Сафаргалиев, 1996, с. 525]. Вернуться в Крым Хаджи-Гирей смог только в 1441/42 г. Так закончился первый, кратковременный, но яркий период его правления Крымским улусом. Впоследствии Хаджи-Гирей смог превратить улус в самостоятельное государство, начав в 845 г.х. (22 мая 1441 — 11 мая 1442 гг.) чеканку собственной монеты в городе Крым (Солхат) [Лебедев, 1990, с. 143, рис. 2,36; 147, табл. 2].

Генуэзцам, так неудачно выступившим против Хаджи-Гирея с оружием, удалось добиться большего путём интриг и тайной дипломатии, временно

ла из Каффы в Геную **от 9 июня** в списке побед значатся Чембалло, Каламита, Брозони и вся Готия (*tota Gotia*). По замыслу Каффы, вслед за феодоритами должна была настать очередь союзника Алексея — Хаджи-Гирея. Сражение состоялось 22 июня у селения Карагоз. Экспедиционный отряд из 10 тысяч пехотинцев с обозом из 700 повозок был атакован на марше конницей Хаджи-Гирея и разбит; **погиб и Ломеллино**. По мирному договору от 13 июля **генуэзцы обязались очистить гавань от судов эскадры, разоружить две гребные галеры и ещё одно судно, выплатить Солхату 100 000 аспров за 25 пленных латинян** (выделено мной — В. М.). В сущности, это последняя ордынская победа в Крыму» [Крамаровский, 2003, с. 523]. Автор явно невнимательно ознакомился с работой А. Агосто и поэтому допускает ряд неточностей, способных ввести читателя в заблуждение. Во-первых, Алексей I (Старший) к 1433 г. имел выход к морю, владея портом и крепостью Каламитой. Во-вторых, «бунт» в Чембалло и Готии был подавлен уже к 12 июня, когда Карло Ломеллини с войсками прибыл в Каффу. В-третьих, письмо своему брату Маттео Карло Ломеллини отправил 9 июля (т. е. после сражения у с. Карагоз), а не 9 июня. В-четвертых, Карло Ломеллини не погиб во время боя с татарами 22 июня, т. к. продолжал командовать своими войсками, писать письма, вести переговоры и, в конце концов, после своего возвращения в Геную, получил титул «Золотого Кавалера». В-пятых, условия договора (как и сам его текст) с татарами не известны. И поэтому всё написанное по этому поводу М. Г. Крамаровским является ничем не подтвержденным вымыслом автора.

устранив с политической арены энергичного молодого чингизида. Особого внимания в связи с рассматриваемой темой заслуживает один из сюжетов, помещённых во второй части письма Николо ди Порты, касающийся непосредственно ведения переговоров с Хаджи-Гиреем: «После случившегося с нашими [людьми] позорного возвращения, Капитан (Карло Ломеллини — В. М.) стал приводить всё в порядок, хорошо продумав дальнейший ход действий. Он обратился с письмом к Императору [татар] (Хаджи-Гирею — В. М.) с предложением встретиться [для переговоров]. После он на совещании говорил, что этот Император озлоблен и поэтому настроен враждебно по отношению к нам, а так как он опытный в ведении государственных дел человек, то может причинить нам большой вред. По этой причине, именно сейчас, когда его власть сильна, необходимо быть осторожными и предусмотрительными» [Agosto, 1977, p. 517]. Здесь мы впервые встречаем личностную характеристику Хаджи-Гирея как политического лидера Крыма того времени, вполне подтверждённую событиями 40–50-х гг. XV в., когда хан неуклонно придерживался антигенуэзской политической ориентации.

Вообще в период военной кампании 1434 г. наблюдается дипломатическая активность лигурийцев в бассейне Чёрного моря. Первоначально Карло Ломеллини до 4 июня 1434 г. удаётся заключить договор с эмиром Синопа Спендияром (Исфендияром), которому были прощены суммы ущерба, нанесённого им генуэзцам [Карпов, 1998, с. 30].

К 1434 г. между генуэзцами и Иоанном IV оставался неурегулированным конфликт из-за отказа императора уплатить долг своего отца (3000 дукатов) за покупку товаров у Тома ди Тротиса. При этом сам купец оказался в тюрьме, а выданный ранее залог отнят. Поэтому консул Каффы Баттиста ди Форнарио и Карло Ломеллини получили специальное поручение — добиться возвращения долга или хотя бы залога, с правом применить силу, если того потребуют обстоятельства [Jorga, 1899, VI, p. 127; Карпов, 1981, с. 112]. Судя по всему, вопрос был решён путём переговоров, потому что столкновения между Трапезундом и Каффой не произошло [Карпов, 1981, с. 112].

В качестве посла Карло Ломеллини к Иоанну IV был направлен Маттео Дориа (*burgensis* Каффы). По-видимому, послу не удалось решить всех поставленных перед ним задач, а это дало повод для распространения его «завистниками» слухов о том, что «он получил от трапезундского императора 400 турецких дукатов». Предпринятая Карло Ломеллини попытка выяснить «распространителей» клеветы не дала никаких результатов. Сам Маттео не смог достаточно убедительно доказать ложность их происхождения. «Клевета при жизни Маттео Дориа не имела последствий, в том числе и со стороны Миланского герцога. Но после смерти Маттео клевета распространялась всё шире, и дож вместе с официией Романи написали тогдашнему консулу

Каффы Паоло Имперiale, чтобы он взыскал эти 400 дукатов из имущества покойного Маттео Дориа. Однако консул отказался это сделать, сочтя обвинения не доказанными. Затем он взыскал сумму с душеприказчиков покойного Маттео Дориа и со счетов Маттео и его дебиторов в банках Каффы, однако отказывался передать деньги коммуне Генуи до тех пор пока его доверенное лицо в Генуе, Андреа Бартоломео Имперьяле, не был принуждён уплатить эти 400 дукатов и много более» [Карпов, 1998, с. 44].

Десять лет спустя после описываемых событий Андреа Бартоломео Имперiale и трое сыновей Дориа — Лука, Марко и Чезаре — подали дожу и Совету старейшин Генуи петицию (датирована 17 апреля 1447 г.). В ней содержалась просьба «снять обвинения с покойного Маттео Дориа и возратить наследникам как эти 400 дукатов, так и то сверх этого, что было снято с его счетов». Но, сложившееся на основании одних только слухов, предубеждённое мнение было ещё столь прочным, что после прочтения и обсуждения на совете петицию отклонили [Карпов, 1998, с. 43–44]. Таким образом, Маттео Дориа, несмотря на предпринятую попытку его друга и сыновей и на то, что его вина (получение «подарка» от Иоанна IV в 400 дукатов) не была доказана, не был реабилитирован.

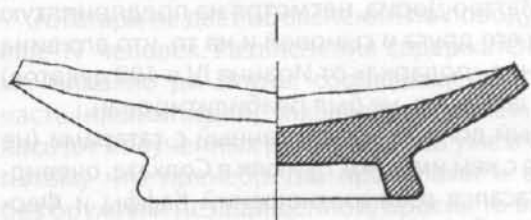
Мирный договор, подписанный с татарами (не известно с кем именно) 13 июля в Солхате, очевидно, не касался взаимоотношений Каффы и Феодоро, т. к. обе стороны продолжали пребывать в состоянии войны до 1441 г. Владелец Мангупа потерял не только Чембало, но и Каламиту. Вероятно, генуэзцы также сожгли и разрушили замок у селения Фуна, где раскопками выявлен слой пожара (рис. 70) с татаро-генуэзским аспром 20–30-х гг. XV в. времени второго правления Улу-Мухаммеда — 1428/29–1436 г. и Миланского герцога Филиппо Мария Висконти — 1421–1435 г. Средний сын Алексея I (Старшего) Олобо, захваченный Ломеллини в Чембало, вероятно, находился в плену в Каффе, если не был выдан Хаджи-Гирею²⁶.

Как уже отмечалось, перед самым появлением генуэзского флота в Чёрном море Алексей I (Старший) отправился в Трапезунд. Именно там его и застали происходившие в Газарии события военной кампании лета 1434 г. Вероятно, правитель Мангупа, узнав о готовящейся в Генуе экспедиции, прибыл в Трапезунд, где надеялся не только найти примирение со своими родственниками и близкими (?), но и заручиться поддержкой со стороны Иоанна IV, в которой он в это время крайне нуждался. Но трагедия в Чембало и Готии произошла настолько быстро, что ни он, ни император Трапезунда не смогли предпринять сколько-нибудь действенных мер для её предотвращения.

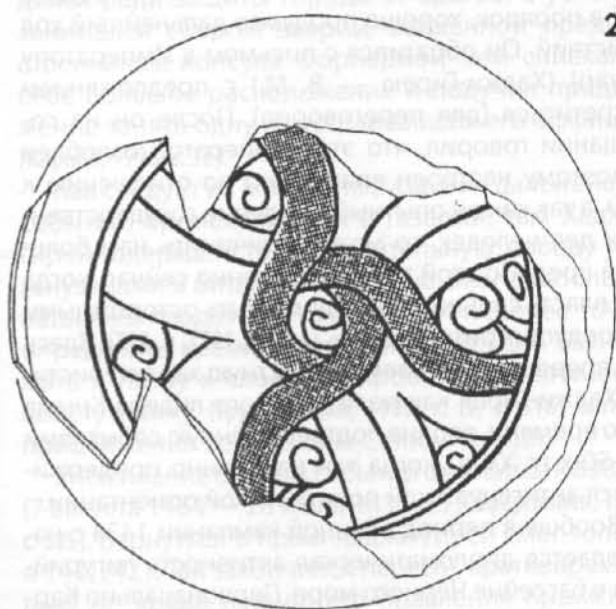
²⁶ Но это только предположение, не подтверждённое свидетельствами каких-либо источников, кроме того, что между этими двумя правителями на протяжении последующих лет сохраняются дружественные отношения [Бертье-Делагард, 1918, с. 36].



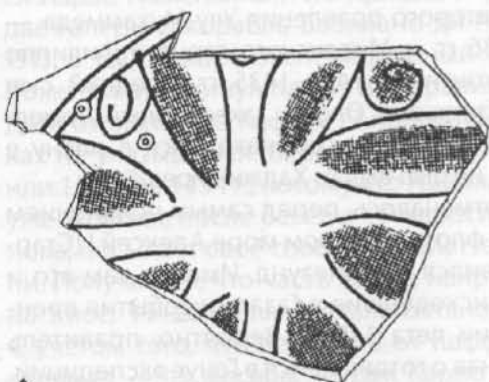
1



2



3



4

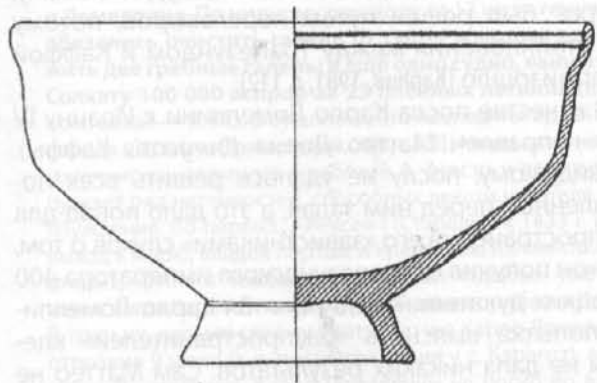


Рис. 70. Поливные сосуды из слоя пожара 1434 (?) г. в помещении IX крепости Фуна

Кроме того, согласно сведениям, полученным Николло ди Порто от Амвросия ди Казанова, после победы над владельцем Феодоро в Чембало и Каламите, флот под командованием Карло Ломеллини должен был отправиться к Трапезунду. Но данный поход не состоялся из-за поражения, которое потерпели генуэзцы 22 июня 1434 г. под Солхатом [Agosto, 1977, p. 516].

В связи с рассматриваемой темой следует, вероятно, обратиться к свидетельству ещё одного источника касающегося семейной истории Мангупского дома и получившего в литературе название «Номофилакса Иоанна Евгеника песнь над гробом княжича». Впервые на русском языке оно было издано Д. С. Спиридоновым [Спиридонов, 1928, с. 93–99]. Эпитафий, написанный Иоанном Евгеником, освещает скорбное событие — безвременную кончину первого внука владельца Мангупа, сына Иоанна и Марии, Алексея. Д. С. Спиридонов обосновал своё мнение, что местом, где было произведено погребение усопшего и при котором присутствовали его родители и дед, являлся Трапезунд. Но значительные затруднения вызвала возможность скольконибудь точно определить время описываемых событий. Исследователь предположительно отнёс их к 1446/47 гг. [Спиридонов, 1928, с. 98–99].

Он отметил, что стт. 78–81 «связаны мыслью о том, что хотя смерть мальчика была для родителей большим горем, но что этому предшествовали непосредственно и другие несчастья» («Неужели по пламенности родительской любви (78) должна была испытать и этот страшный удар (79), пережить горечь и этой скорби (80) избранная чета его родителей? (81)» [Спиридонов, 1928, с. 95]).

Родители покойного Алексея не надеются в скором будущем вернуться на родину. Поэтому для утешения своего горя они распорядились изобразить над могилой портрет умершего ребенка (если внук Алексея I (Старшего) родился в 1427 г., то в момент смерти — 1434 г. — ему было примерно 7 лет), сопровождавшийся стихами [Спиридонов, 1928, с. 95, 98].

На основании имеющихся данных, якобы содержащихся в эпитафии, Спиридонов счёл возможным хронологически увязать их с политическими событиями 1447 г., когда побережье Готии подверглось нападению турецкого флота Мурада II [Спиридонов, 1928, с. 98]. Но с предложенной им датировкой источника и событий вряд ли можно согласиться по следующим соображениям. Дело в том, что Алексей I (Старший) скончался до мая 1447 г., о чём свидетельствует генуэзский документ, датированный 2 мая 1447 г. В нём говорится, что в Каламите и Феодоро в данное время правили «вместе с Олобеем и другие сыновья покойного Алексея» (*cum Olobei et ceteris filiis condam Alexii*) [Jorga, 1899, III, p. 216].

Единственные надёжно датированные сведения о пребывании владельца Феодоро в Трапезунде относятся только к июлю 1434 г. В эпитафии речь идёт о переживаемых несчастьях, которые

непосредственно предшествовали смерти мальчика (стт. 78–81). Поэтому больше оснований связывать события, нашедшие отражение в сочинении номофилакса Иоанна Евгеника, с карательными действиями генуэзцев в июне 1434 г. в Таврике и приведшие к разгрому некоторых селений Готии, Грозони, Чембало, Каламиты, гибели и пленению многих людей.

В. А. Сидоренко считает предложенную Д. С. Спиридоновым широкую датировку эпитафии (1440–1448 гг.) [Спиридонов, 1928, с. 98] достаточно убедительной [Сидоренко, 1993, с. 159]. Однако по его мнению, погребение внука Алексея I (Старшего) было произведено не в Трапезунде, а в Готии в храме «Донаторов», расположенном рядом с замком Черкес-Кермен (Кыз-Куле), где на одной из стен «находятся изображения двух супругов по сторонам Христа и их троих детей» [Домбровский, 1966, рис. 5, 14, 15; Сидоренко, 1993, с. 158] (рис. 71–75).

Но О. И. Домбровский считал возможным датировать «портрет княжеской семьи» XIII или даже XII вв. [Домбровский, 1966, с. 33]. При этом он отмечал многослойность представленной здесь фресковой композиции, которая, появившись в конце XII–XIII в. (роспись конхи апсиды и изображение всадника), «не раз переделывалась и складывалась постепенно до середины или даже конца XIV в.» [Домбровский, 1966, с. 33].

Подобное заключение не является бесспорным. Например, ещё Н. И. Репников первоначально относил время высечения пещерной церкви ко второй половине XIV в. [Репников, 1932, с. 122], а затем предложил более конкретную дату — 80-е гг. XIV в. [Репников, 1940, с. 77]. Именно эту точку зрения впоследствии поддержал Ю. М. Могаричев [Могаричев, 1997, с. 53]²⁷.

Таким образом, предложенная В. А. Сидоренко трактовка места и времени написания эпитафии требует дальнейшей разработки и более весомой аргументации. Необходимо доказать датировку фресок храма «Донаторов» именно 40-ми гг. XV в., и её синхронность с сочинением номофилакса Иоанна Евгеника, а также его пребывание в Готии в это время.

3.3.4. Post factum войны 1434 г.

Интересно, как современники оценивали результаты военной кампании 1434 г., продолжавшейся в общей сложности 5 месяцев (с 31 марта по конец октября, хотя в Газарии генуэзская армия находилась с 4 июня по 14–15 июля, т. е. 41 день) и потребовала огромных финансовых затрат. По этому поводу можно произвести только самые общие расчёты, не учитывающие стоимость фрахта судов и оплату командного состава.

²⁷ О храме «Донаторов» см. также [Гайдуков, Джанов, Карнаушенко, 2002, с. 125–132; Волконская, 2004, с. 134–138].



Рис. 71. План памятников окрестностей Эски-Кермена. Отметки высот указаны в сажнях (по Н.И.Репникову [Репников, 1932, рис. 42]): 1 – город Эски-Кермен (VI – XIII вв.); 2 – замок Черкес-Кермен (XV в.); 3 – селение Черкес-Кермен (XIV – XV(?) – XX вв.); 4 – храм «Донаторов» (80-е гг. XIV в.)



Рис. 74. Схема росписи алтарной части храма «Донаторов».
Реконструкция И.Г. Волконской [Волконская, 2004, рис. 69]



Рис. 75. Схема росписи западной и северной стен храма «Донаторов».
Реконструкция И.Г. Волконской [Волконская, 2004, рис. 64]

Согласно установившейся практике каждый наемник (*stipendiati*) получал до 1 соммо (примерно 200 аспров) в месяц, а за весь срок похода в Крым — не более 5 соммо. Учитывая, что для отвоевания Чембало было завербовано около 6000 стипендиариев (?), то затраты только на выплату им жалованья (*stipendium*) должны были составить примерно 30 000 соммо, или более 6 млн. аспров (?). Эта сумма принципиально не намного уменьшится, даже если учесть понесённые во время войны потери.

Насколько оправдывала себя данная и весьма дорогостоящая акция? Ведь ни до, ни после неё генуэзцы ни разу не направляли в Чёрное море столь значительный воинский контингент. Пойти на такие расходы и предпринять чрезвычайные меры, очевидно, заставило власти Генуи понимание реальной опасности в ближайшей перспективе потерять свои фактории не только в Газарии, но и во всём бассейне Чёрного моря. Вероятно, для этого и понадобилась грандиозная по масштабам демонстрация силы.

По-видимому, при рассмотрении данной темы необходимо учитывать ещё один морально-психологический аспект в политике Генуи. Потерпевшая поражение в войне с Венецией и вынужденная заключить в 1433 г. мир, Лигурия и её средиземноморские фактории оказались наводнёнными толпами деморализованных и оставшихся не у дел матросов и солдат, готовых на любые действия, вплоть до грабежей, бунтов и мятежей. Это само по себе способствовало сохранению напряжённой социально-политической обстановки как в метрополии, так и в её колониях. Поэтому отправка в дальний и продолжительный поход, в котором каждый из участников надеялся улучшить своё материальное положение за счёт военной контрибуции и грабежей, способствовала «смягчению» социальной напряжённости в самой Генуе.

1433 г. в истории Лигурии стал годом тяжёлых испытаний. По свидетельству того же Стеллы, «в этом году почти вся Италия испытывала недостаток в продовольствии, который начался ещё в 1431 г. и продолжался в течение 2,5 лет. Цены резко поднялись и причинили больше всего несчастья неимущим» [Stella, 1730, p. 1312]. В конце 1433 г. генуэзцы потерпели у берегов Сардинии поражение от флота Арагонского короля.

В то же время, современные источники ясно указывают, что в планы экспедиции Карло Ломеллини не входило ведение войны с татарами. Это являлось инициативой местных чиновников и части колонистов (консула, других официалов и негоциантов), решивших воспользоваться присутствием в Каффе генуэзской армии для того, чтобы окончательно сломить мощь Солхата. На такое стремление указывает в своём письме сначала Карло Ломеллини, а затем и Николло ди Порто.

Командующий (*Capitaneus*) называет консула (Баттиста де Форнари) подстрекателем, побуждавшим его немедленно нанести удар по Солхату (*venimus Caffam, ad instanciam Consulis, etc. Incitari fuimus offendere Sulcatum*) сразу же после того, как Карло Ломеллини прибыл в Каффу. О других чиновниках фактории и каффинских «добровольцах», принявших участие в походе, он высказывается ещё более неприязненно: «<...> Наши же воистину, которые как мужи действовали против греков, однако, как женщины действовали против татар, подставив им, нападавшим, спины безо всякой пользы с большой опасностью для себя, чего бы, возможно, не произошло, если бы они, без сопротивления врагу, не обратились в бегство <...>»²⁸.

Из сообщения Амвросия ди Казанова явствует, что Ломеллини долго колебался, прежде чем принял решение двинуться на Солхат. Последнее совещание по этому вопросу состоялось в консульской курии 19 июня 1434 г., где на обсуждение было вынесено два предложения: 1) приказ Карло Ломеллини вернуться войску обратно в Геную, и 2) «продолжить в этом месте опустошение [земель] востока». Мнения участников совещания разделились. Одни, как «<...> писали (*scribitur*) советники (*consilarii*), патроны наших нав и галер (*patroni navium et galearum*) и, в особенности, проживавшие там негоцианты (*negotium*), сопротивлялись, не считая, что дело это полезное, в то время как некоторые жители (*burgencium*) того города (*loco*) настаивали [на походе], чтобы, утолив жажду мести, пойти разгромить и ограбить, захватить своими силами Солхат (*Sorcati*) <...>» [Agosto, 1977, p. 516]. После длительной «дискуссии», в конечном счёте, возобладало второе мнение.

Сведения, сообщаемые Амвросием ди Казанова, по-видимому, присутствовавшего на совещании 19 июня 1434 г., представляют собой яркое по своей эмоциональной окраске свидетельство обострившейся в Каффе накануне похода на Солхат политической атмосферы. Ни о какой тайной подготовке к этой операции в подобной обстановке не могло быть и речи. О её последствиях мы уже знаем.

После разгрома под Солхатом, который, казалось бы, свёл на нет все достигнутые ранее результаты, Карло Ломеллини предпринимает меры не только по приведению в порядок своего войска, но и демонстрирует необычайные по своей эффективности дипломатические способности. Хотя поездка посла (Маттео Дориа) в Трапезунд и не дала ожидаемых результатов (?), Иоанн IV не предпринимал никаких политических демаршей или военных акций, занимая выжидательную по-

²⁸ <...> *Nostris vero qui sicut homine sui fecerunt contra Grecos, tamquam femine contra Tataros fecerunt, a se ipsis terga dantes nec profuit substituit eos multociens cum nostro periculo, quod possibile non fuit quin a se ipsis, absque offensa inimicorum fugam acceperunt* [Agosto, 1977, p. 515].

зицию. Алексей I (Старший), потеряв Чембало и Каламиту, также вынужден был бездействовать, переживая к тому же и личное горе (смерть внука и пленение среднего сына). Параллельно переговорам с Хаджи-Гиреем (?) Ломеллини тайно установил через имеющуюся у генуэзцев агентуру связь с его соперником Сайид-Ахмедом, побуждая того, внезапно появившись со своим войском на полуострове, избавиться от ставленника польско-литовского короля. И этот план был практически реализован: хотя Хаджи-Гирею и удалось бежать, он спасся только чудом.

В связи с дипломатическими успехами генуэзцев и прежде всего Карло Ломеллини, интересно высказывание Николло ди Порто, который, не скрывая своего удовлетворения, сообщает следующее: «Говорят, что наша армия (*poterat dicta armata nostra*), пребывая в данном месте, могла бы без меча одержать важную победу (*habere magna victoria sine gladio quia*) <...> [Agosto, 1977, p. 516–517].

После возвращения в Геную, не без поддержки и влияния Миланского герцога Филиппо Мария Висконти, Карло Ломеллини добился признания своих военных и дипломатических заслуг. Среди них важное место занимала и победа, одержанная им при отвоевании у мятежников Чембало, а также мир, заключённый с Солхатом. За это он получил почётный титул «Золотого Кавалера» (*Cavaliere aurato*) [Rossi, 1886, p. 137–140].

На самом деле, после экспедиции Карло Ломеллини, правители Феодоро больше ни разу не пытались захватить Чембало. Они были вынуждены довольствоваться тем, что генуэзцы предоставили им по договору 1441 г. Хотя до окончательного примирения противоборствующих сторон ещё оставалось несколько лет, после погромов, произведённых Карло Ломеллини на территории Готии и консульства Чембало, они носили перманентный и узколокальный характер.

В завершение рассматриваемой темы считаю небезынтересным привести свидетельство ещё одного источника, в котором говорится о походе генуэзцев на Солхат в 1434 г. Имеется в виду сообщение испанского путешественника Перо Тафура, находившегося в Каффе с декабря 1437 по январь 1438 гг. [Перо Тафур, 2006, с. 26]. Со слов местных жителей он пишет: «Несколько [лет]²⁹ назад горожане двинулись с большим войском и телегами с артиллерией на захват города Солхат, лучшего, который есть в Татарии, но татары были предупреждены и напали на генуэзцев, и захватили у них то, что те везли, и знамена, и перебили и полонили столько их, сколько им захотелось, так что решили даже наскоком взять в этот день Каффу; и дошли они до стены, и попытались взобраться на неё, и там многие из них погибли, так что генуэзцы убедились тогда в том, что люди их

²⁹ Как отмечают издатели, стоящее в тексте «Несколько дней назад...» явная описка, т. к. события относятся к 1434 г. [Перо Тафур, 2006, с. 267, прим. 231]

лучше подходят для моря, чем для суши» [Перо Тафур, 2006, с. 163].

Как видим, Перо Тафур, несмотря на то, что со времени сражения татар с генуэзцами 22 июня 1434 г. прошло немногим более трёх лет, излагает несколько иную версию финала сражения, чем Андреа Гатари и Николо ди Порто. Если полностью доверять информатору испанского путешественника, то татары в тот день предприняли попытку сходу овладеть Каффой, однако потерпели неудачу, потеряв много человек убитыми. Но об этом эпизоде не упоминает и Карло Ломеллини в своем письме от 9 июля 1434 г. Вероятно, испанскому путешественнику изложили одну из мифологем, уже сложившуюся к тому времени. Так что, видимо, нет особых оснований со слов Перо Тафура вносить «коррективы» в ранее изложенные версии событий 22 июня 1434 г.

Особенно интересно описание организации обороны генуэзской Каффы, составленное Перо Тафуром на 1437/38 гг.: «Этот город имеет обычные стены и весьма узкий ров вокруг, но хорошо защищён арбалетами, бомбардами, пушками, мортирами, кулевринами и всевозможной оборонительной артиллерией, и направлено всё это против невооружённых людей, у которых к тому же мало желания причинять им ущерб, ибо получают они от них большие выгоды» [Перо Тафур, 2006, с. 163–164]. Как увидим позднее, данное описание является наиболее точной характеристикой крепости Каффы и использования в её защите артиллерии.

3.4. Политическая обстановка в Таврике и Причерноморье во второй половине 30–40-х гг. XV в.

К концу 1435 г. в Генуе произошли важные политические события, приведшие к падению власти Миланского герцога. Его имя оказалось навечно запечатлено в монетной чеканке (татаро-генуэзских аспров) Каффы тех лет [Lunardi, 1980, p. 5–29]. 27 декабря 1435 г. в городе вспыхнуло восстание пополанов, в результате которого был убит наместник Филиппо Марии Висконти — Оппицино ди Альцате [Перо Тафур, 2006, ст. 14]. Через три месяца дожем избрали Изнардо Гварко, занимавшего должность всего несколько дней.

Но на этом борьба двух политических партий, сторонников и противников Миланского герцога, не прекратилась. В марте 1436 г. предпринимается попытка государственного переворота: во время религиозного праздника Баттиста ди Кампофрегозо, действовавший в интересах Филиппо Мария Висконти, захватил дворец коммуны и был провозглашён группой своих сторонников дожем Генуи. В сложившейся критической ситуации Томмазо ди Кампофрегозо организовал вооружённый штурм дворца, вынудив мятежников, в том числе и своего брата, бежать из города. 3 апреля 1436 г. дожем Генуи под всеобщее ликование на-

рода становится Томмазо ди Кампофрегозо, смещённый с этого поста в 1421 г.

3.4.1. Политическая обстановка в Крыму в 1435–1441 гг.: достижение мира между Каффой и Феодоро

В самой лигурийской фактории тоже было неспокойно. В 1435 г. (судя по всему, в середине лета) в Газарии отмечена очередная вспышка чумы, которая вызвала бегство части жителей Каффы в Монкастро и другие города Причерноморья [Карпов, 1995, с. 16; 1998, с. 26]. Участие в войне и эпидемия чумы способствовали дальнейшему расстройству финансово-фискальной системы. Чтобы сократить дефицит муниципального бюджета, магистраты фактории пытались упорядочить сбор налогов. Но предпринятые официальными мерами были дискредитированы злоупотреблениями чиновников, что вызвало в 1436/37 гг. протесты и публичные выступления со стороны жителей Каффы [Карпов, 1995, с. 16]. Поэтому консул Антонио Ломеллини и массарий Паоло Империаале «ради мирного (*pacifica*) управления городом» отстранили от исполнения обязанностей министраля (*ministraie*) — главы официи по сбору налогов Каффы — Иснардо ди Кампофрегозо, «который столь бесчестно ею управлял» [Карпов, 1998, с. 28].

После того как экспедиция Карло Ломеллини покинула Чёрное море, между Каффой и Феодоро мирное соглашение подписано не было, поэтому враждующие стороны продолжали оставаться в состоянии войны. Время от времени генуэзцы совершали нападения на территории, принадлежавшие владельцу Мангупа. В 1438 г. Габриеле де Мари, патрон галеи Каффы, прибыл в город с добычей, захваченной им в землях Алексея I (Старшего). По распоряжению консула Паоло Имперьяле, а также по ходатайству массариев и синдиков Каффы, он сложил захваченное имущество в башне св. Антония³⁰. Впоследствии Габриеле обратился к дожу и Совету старейшин Генуи с жалобой на действия официалов, считая, что «он не должен был давать какой-либо отчёт коммуне Каффы о добыче», как это сделал, например, Бабилано ди Негро [Карпов, 1998, с. 39–41].

Здесь мы опять встречаем упоминание о Бабилано ди Негро. Его корабль остался в Каффе (по-видимому, из-за нехватки матросов, погибших под Солхатом 22 июня 1434 г.) после отплытия флота Карло Ломеллини в Геную [Колли, 1913, с. 120]. Можно предположить, что Бабилано получил право марки и, собрав новую команду, занялся каперством, грабя земли владельца Феодоро, как и Габриеле де Мари.

³⁰ *Turris Sancti Antonii* — угловая четырёхстенная башня в цитадели Каффы, сохранилась до настоящего времени. Построена, вероятно, около 1344 г. Об этом памятнике более подробно см. [Balard, 1978, I, с. 209; Бочаров, 1998, с. 88, табл. 1, с. 89, рис. 1,3,6; Пономарёв, 2000, с. 407, 413 (табл.), 425].

На протяжении нескольких лет сохранялась напряженная обстановка в консульстве Чембало, где часто вспыхивали распри (*discordie*) и возникали беспорядки. В 1439 г. консул, массарии, совет Каффы и официия Попечения посылают управлять этой беспокойной факторией Антонио Пино. За время своего консулата, длившегося 11 месяцев и 6 дней, Пино удалось добиться «примирения всех его жителей». Сменивший Антонио Пино на этой должности Джероламо д'Аллегро, *burgensis* Каффы, был избран в Генуе [Карпов, 1998, с. 38–39].

Военное противостояние между Каффой и Феодоро закончилось, по-видимому, только осенью 1441 г. Об этом позволяет судить один из документов, отправленный из фактории в метрополию и датированный 22 ноября 1441 г. В нём сообщается, что на содержание пленников из Готии, захваченных благодаря действиям Джованни Монтани и других социев, и которые «<...> освобождены по случаю мира, заключённого с Алексеем» (*Racio captivorum Gotie captorum per Jahannum Montanum et socium et qui liberati fuerunt occasione pacis facte cum Alexio*) [Jorga, 1899, p. 37], — была выделена специальная сумма денег.

А. А. Васильев высказал предположение, что, по-видимому, тогда же генуэзцы освободили из плена и сына Алексея I (Старшего) [Vasiliev, 1936, p. 210]. Это вполне возможно, потому что Олобо, после того как попал 8 июня 1434 г. в плен, в генуэзских источниках не упоминается. Вероятно, его содержали в заточении с 8 июня 1434 г. по 22 ноября 1441 г. (?). Судя по всему, Феодоро и Каффа находились в состоянии войны с конца февраля 1433 г. по ноябрь 1441 г., т. е. примерно 8 лет.

Условия мирного соглашения, достигнутого официальными коммуна Каффы с Алексеем I (Старшим) в 1441 г., нам не известны. Их можно только предположительно и в значительной степени гипотетически реконструировать по событиям, происходившим после ноября этого года. Во-первых, был произведён обмен пленными. Во-вторых, Алексею I (Старшему) возвращены захваченные в ходе войны земли, принадлежавшие феодоритам до 1433 г. (в первую очередь, Каламита и Фуна?). Таким образом, сторонами урегулировались территориальные споры и устанавливались границы в пределах соглашения, заключённого (?) между феодоритами и генуэзцами после первого конфликта (1422–1423 гг.) в 1424 г. Алексей отказывался (?) от претензий на владение консульством Чембало и Приморской Готии. В-третьих, генуэзцы, очевидно, потребовали от Алексея не восстанавливать порт в Каламите и не вести через него торговлю. Всё это должно было осуществляться через Чембало или другие порты, находящиеся под юрисдикцией Генуи.

Обе стороны, вероятно, не очень рассчитывали на полное выполнение условий договора, но тот факт, что феодориты не предприняли больше ни одной попытки захвата Чембало, сам по себе

говорит о многом. В латинских источниках отсутствуют также сведения о взыскании сумм ущерба с какой-либо из сторон. Это позволяет предположить существование специального пункта в договоре, касающегося данного вопроса (стороны самостоятельно возмещали ущерб своим подданным?)³¹.

А. А. Васильев (вслед за В. Василиу) полагал, что мирный договор между Кафпой и Феодоро в 1441 г. являлся составной частью соглашения, достигнутого в том же году между Генуей и Венецией, защищавшей интересы своего политического партнера в Газарии — владетеля Мангупа Алексея I (Старшего) [Vasiliu, 1929, p. 314; Vasiliev, 1936, p. 212]. При этом В. Василиу считала, что война между Феодоро и Кафпой непрерывно продолжалась около 20 лет [Vasiliu, 1929, p. 314], но это не соответствует свидетельствам опубликованных письменных источников.

Рассматривая время заключения договора, необходимо учитывать и конкретную обстановку, сложившуюся в Северном Причерноморье на данный момент, потому что именно в 1441 г. на политической арене Дешт и-Кипчак снова появляется такая важная персона, как Хаджи-Гирей, который активно приступил к созданию нового самостоятельного государства — Крымского ханства. Именно он на четверть столетия (1441–1466 гг.) становится правителем, определявшим внешнеполитические приоритеты подвластного ему улуса. А его традиционно союзнические отношения с Феодоро и Литвой при неизменной антигенуэзской ориентации являлись для лигурийских факторий существенным фактором напряженности, о чём свидетельствуют события 1454 г.

Следует также признать, что при всей видимости дипломатического урегулирования конфликта между Кафпой и Солхатом договор от 13 июля 1434 г. вносил существенные коррективы в их финансово-правовые отношения. Если, например, до 1434 г. генуэзцы ограничивались 3% взносом в казну хана от собираемых ими таможенных сборов [Брун, 1879, с. 205], то после трагических событий 22 июня 1434 г. у селения Кастадзона (Карагоз?) Каффа была обязана платить татарам ежегодную дань (*tributum*), достигавшую, по-видимому, примерно 9% [Heyd, 1886, T. 2, p. 381; Смирнов, 1887, с. 208]. По свидетельству того же Лаоника Халкокондила, генуэзцы после поражения в битве у Солхата попали в сильную зависимость от татар [Laonici Chalcocondylae, 1843, p. 284].

³¹ Единственным и не совсем понятным источником, который может служить косвенным отражением событий войны 1433–1441 гг. на сегодняшний день является послание магистратов Генуи от 26 мая 1449 г. В нём консулу Чембалло указывалось на необходимость осуществить «Компенсацию (восстановление) ущерба, причинённого в то время, когда Алексей захватил город Чембалло на некоторое время силой (*tempore, quo Alexius Locum Cimbali per aliquod tempus vi potitus est*)» [Jorga, 1896, III, p. 245; Vasiliev, 1936, p. 225, № 6; Байер, 2001, с. 213].

3.4.2. Укрепление границ Феодоро в 30–40-х гг. XV в. Замки Готии

Владетеля Феодоро Алексея I (Старшего) явно не удовлетворяли результаты войны, потому что он не только не смог удержать Чембалло, но и на несколько лет потерял Каламиту. Стремясь отрезать полностью выход феодоритов к морю, генуэзцы начали перестраивать крепость в устье реки Чёрной. Ими была реконструирована северная линия обороны, где располагался главный вход в укрепление, подвергшийся кардинальной перестройке. Въездная башня приобретает U-образные очертания плана. На уровне второго яруса сооружается галерея, а её верхнюю боевую площадку венчают кремальеры — зубцы с завершением в виде ласточкина хвоста (рис. 47: 1, 2; 48; 49: 2)³². К башне № 2 с внешней стороны делается дополнительная пристройка, после чего она обретает полукруглую форму. При этом были закрыты амбразуры более раннего сооружения (20–30-х гг. XV в.) (рис. 51: 2; 76; 77).

Подтверждением строительной деятельности лигурийцев на данном памятнике, традиционно приписываемой османам [Бертье-Делагард, 1886, с. 187–190; Филиппенко, 1996, с. 149–150], является находка на территории Каламиты фрагмента закладной плиты с генуэзскими гербами [Oderico, 1792, p. 212, tav. XV; Мурзакевич, 1837, с. 61; Латышев, 1896, с. 47; Maggiorotti, 1933, p. 260, Fig. 207]. На плите были изображены герб Генуи и коронованный лев, держащий в лапе лилию или звезду. Латинская геральдическая символика сопровождалась более поздним греческим (расположен между ветвями креста) текстом: «<...> гербы генуэзцев в крепости Инкерман» [Латышев, 1896, с. 46–47]. Под надписью помещена и дата, выдающая в её авторе человека мало сведующего в летоисчислении, принятом в странах западной Европы — «MCCCCLXVV». Не вызывает сомнений то, что кем-то была сделана попытка вывести дату, относящуюся ко второй половине XV в. — 1462 (MCCCCLXVV), 1464 (MCCCCLXVIII) или 1465 (MCCCCLXV)³³ гг. Но Каламита в это время принадлежала феодоритам, а «Инкерманом» она стала называться турками уже после 1475 г.

Однако закладные плиты с латинскими надписями и геральдическими символами какого-либо аристократического рода из Лигурии, вероятнее всего, могли быть датированы только в пределах июня 1434 — ноября 1441 гг. (т. е. MCCCXXXIV — MCCCXXXI). Следует также учитывать широкую популярность таких геральдических символов, как «лев» и «лилия» [Oswald, 1984, s. 255–256, 259–260].

³² Более подробно об особенностях архитектуры данного сооружения см. [Кирилло, 2001, с. 302–306, рис. 8, 2].

³³ Л. А. Маджиоротти полагал, что греческая надпись сопровождалась датой «1464 г.», т. е. «MCCCCLXIV» [Maggiorotti, 1933, p. 260, Fig. 207].

показывает в архитектуре. В плане сохранились следы отсут-
ствующей стены, сведения о восточном углу утеряны
с какой-либо из сторон. Это позволяет предполо-

3.4.2. Укрепление границ Феодоро в 90–40-х гг. XV в. Замки Готии

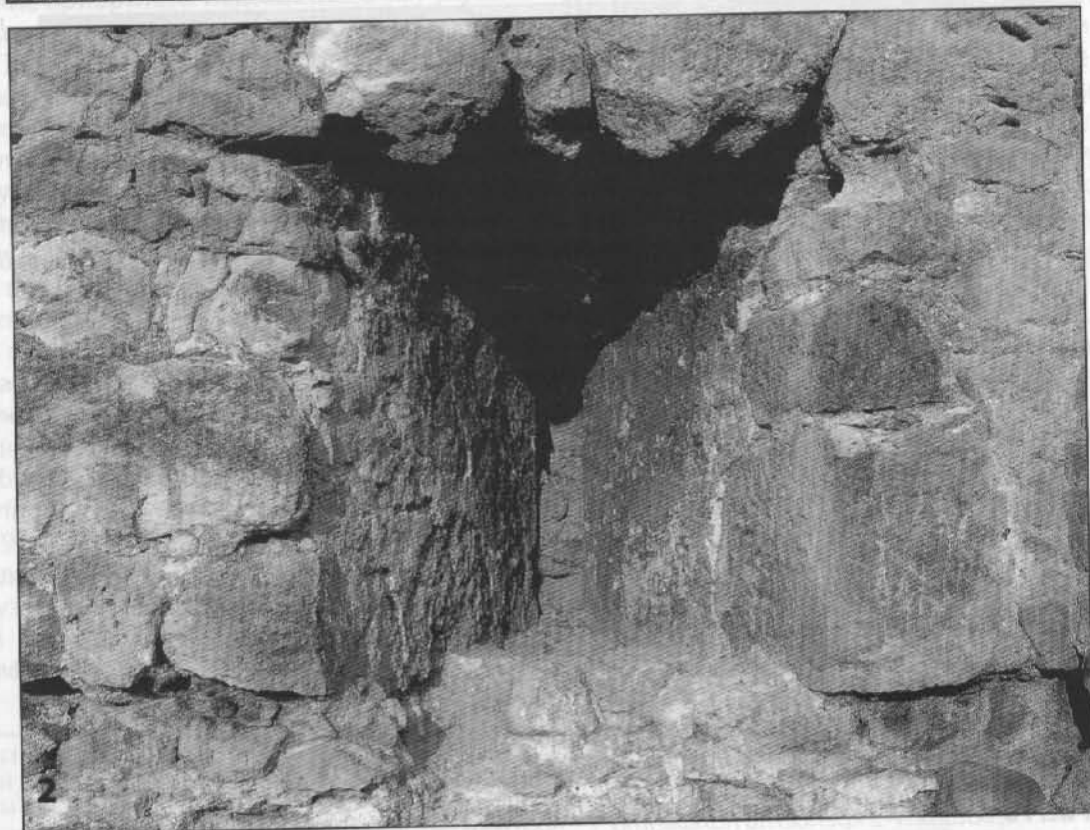


Рис. 77. Щелевидные амбразуры башни № 2 крепости Каламита второго строительного периода (1425 – 1433? гг.), перекрытые полукруглой башней (четвертый строительный период): 1 – вид на «восточную» амбразуру; 2 – вид изнутри на «западную» амбразуру

Например, львы помещены на щитах с надписями консула Румбальдо Гварко из Солдайи 1394 г. и Джованни Гаспарино д'Асте в Каффе (не датирована) [Юргевич, 1863, с. 166–167, 172, табл. № 15, 31]. Поэтому поиски «владельца» или восстановителя Каламиты в 1434–1441 гг. могут увести нас от рассмотрения основной темы, оставаясь при этом на уровне слабо аргументированного предположения. К сожалению, давно потерян сам фрагмент с изображениями, а остальная часть с латинским текстом не найдена.

Следует также отметить, что в опубликованных документах массарии Каффы этого времени отсутствуют сведения о выделении официальными факториями средств на обустройство крепости в устье р. Чёрной. Это позволяет считать, что проведённые здесь в 30-х — начале 40-х гг. XV в. строительные работы проводились за счёт частного лица (либо группы лиц)³⁴.

Тем не менее, до осени 1441 г. генуэзцы, очевидно, не успели усилить восточный участок обороны города, и он оставался не реконструированным до захвата Каламиты турками в 1475 г. Поэтому четвёртый строительный период на укреплении можно предположительно связывать с деятельностью генуэзцев в 1434–1441 гг.

По всей видимости, к этому же времени следует отнести и изображения парусных кораблей, обнаруженных в башне № 5 при реставрационных работах, проводившихся Херсонесским музеем в 1968 г. [Романчук, Быков, 1981, с. 143–146, рис. 1–8]. На двух каменных блоках, изготовленных из нуммулитового известняка, острым предметом нанесены изображения 8 судов. Среди них явно определяются 3 нава, 2 галеры и барка. Навы двухпалубные с одной или двумя мачтами. На носу и корме борта приподняты, на них чётко видны надстройки (кастли) [Карпов, 1994а, с. 20–21]. Паруса убраны (очевидно, корабли стоят на рейде в порту), поэтому достаточно подробно изображены детали такелажа. Но отсутствие флагов или вымпелов, не позволяет ответить на вопрос о государственной принадлежности судов (рис. 47: 5; 78–83).

Каламита в XV в. часто посещалась не только торговыми кораблями, в её порт неоднократно заходили и военные эскадры. Например, здесь,

³⁴ На возможность такой постановки вопроса может указывать принятие 31 августа 1441 г. в Генуе специального декрета «О том, чтобы не строить укреплений в Великом море» (*De fortificiis in mari Maiori non construendis*). Частным лицам и официальным запрещалось «построить в каком-нибудь месте крепость, замок или вал (*fortilicium, castrum aut vallum*) без именного позволения, согласия, сведения и разрешения светлейшего г. Дожа Генуи, высокодостойного совета гг. Старейшин и достопочтенного комитета Попечительного Романии». Причём данный указ (в редакции Матео ди Баргалио), обязательный для неукоснительного исполнения, был включён в «*De ordine Caphe*» 1449 г. [Устав 1449 г., 1863, с. 752–753]. А это, по-видимому, свидетельствует об интенсивном развитии частной сеньории в генуэзских владениях Причерноморья под контролем официальных властей факторий [Барабанов, 1995, с. 20–36].

вероятно, побывали три венецианские галеи Андреа Лоредана во время осенне-зимней навигации 1431/32 гг.(?) и корабли Карло Ломеллини в июне 1434 г.

Художник, оставивший на стене крепостной башни свои творения, был хорошо знаком с устройством кораблей различных типов и, по-видимому, мог рисовать с натуры. Следует также отметить, что из множества обнаруженных в Крыму граффити с изображениями кораблей, каламитские — наиболее реалистичны. Детальное их изучение может позволить в высокой степени точно реконструировать устройство данных типов судов, совершавших в XV в. навигацию в Чёрном море.

Известные мне опубликованные генуэзские источники 1434–1441 гг. ничего не сообщают о времени возвращения Алексея I (Старшего) из Трапезунда в Феодоро. Косвенно на то, что он прибыл в Готию и возобновил борьбу с Каффой в 1437 г., могут указывать происходившие в это время (1437–1438 гг.) события. Во-первых, в 1437 г. в Трапезунде по распоряжению Иоанна IV была захвачена генуэзская нава. Её патрон — Мервальдо Спинола (*civis* Каффы) — оказался в заточении, а товары конфискованы (вскоре корабль из-за небрежности подданных императора разбился о скалы и затонул). Совладелец судна и товаров Филиппо де Мелоде, «узнав об этом насилии, <...> обратился к консулу Каффы и добился от него, чтобы императору были написаны письма с требованием восстановления правосудия. Филиппо отправился в Трапезунд и представил императору эти письма, однако тот не прочитал, не выслушал Филиппо, не оказал ему правосудия, удерживая Мервальдо Спинола в то время в карцере и освободив его лишь на основании определенных обещаний» [Карпов, 1998, с. 34].

Для нас данный эпизод интересен тем, что фиксирует начало обострения отношений между генуэзцами и Трапезундской империей, которые со временем выльются в вооружённый конфликт. Во-вторых, что вполне вероятно, именно в ответ на враждебные действия Иоанна IV официальные Каффы способствуют организации нападений в 1438 г. на земли Алексея I (Старшего) генуэзских кораблей под командованием Бабиано ди Негро и Габриеле де Мари.

Надо полагать, что и сам Алексей после своего возвращения в Готию, принимая во внимание его деятельный характер, не оставался в стороне от происходивших политических событий, принимая необходимые и возможные (в сложившихся военно-политических условиях) меры по защите владений Феодоро от нападений генуэзцев. Учитывая, что в это время им была утрачена Каламита, где генуэзцами (?) организовываются ремонтно-восстановительные работы, Алексей вынужден был позаботиться об обороне своего государства и, прежде всего, столицы.

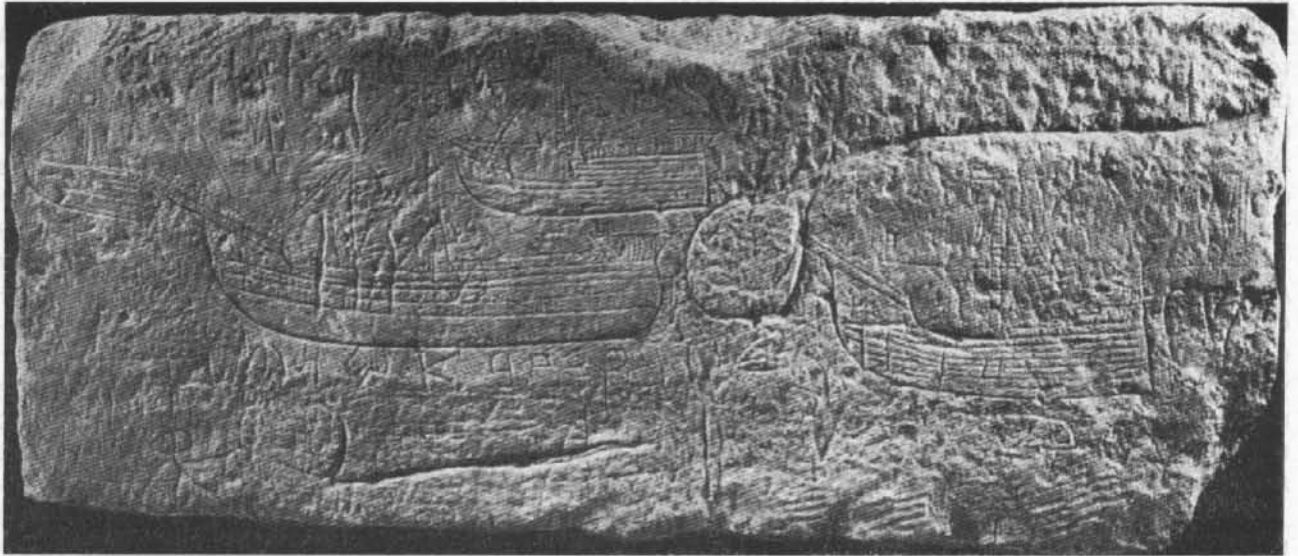


Рис. 78. Блок нуммулитового известняка из башни № 5 крепости Каламита с изображениями парусных кораблей XV в. (по [Романчук, Быков, 1981, рис. 1-8])

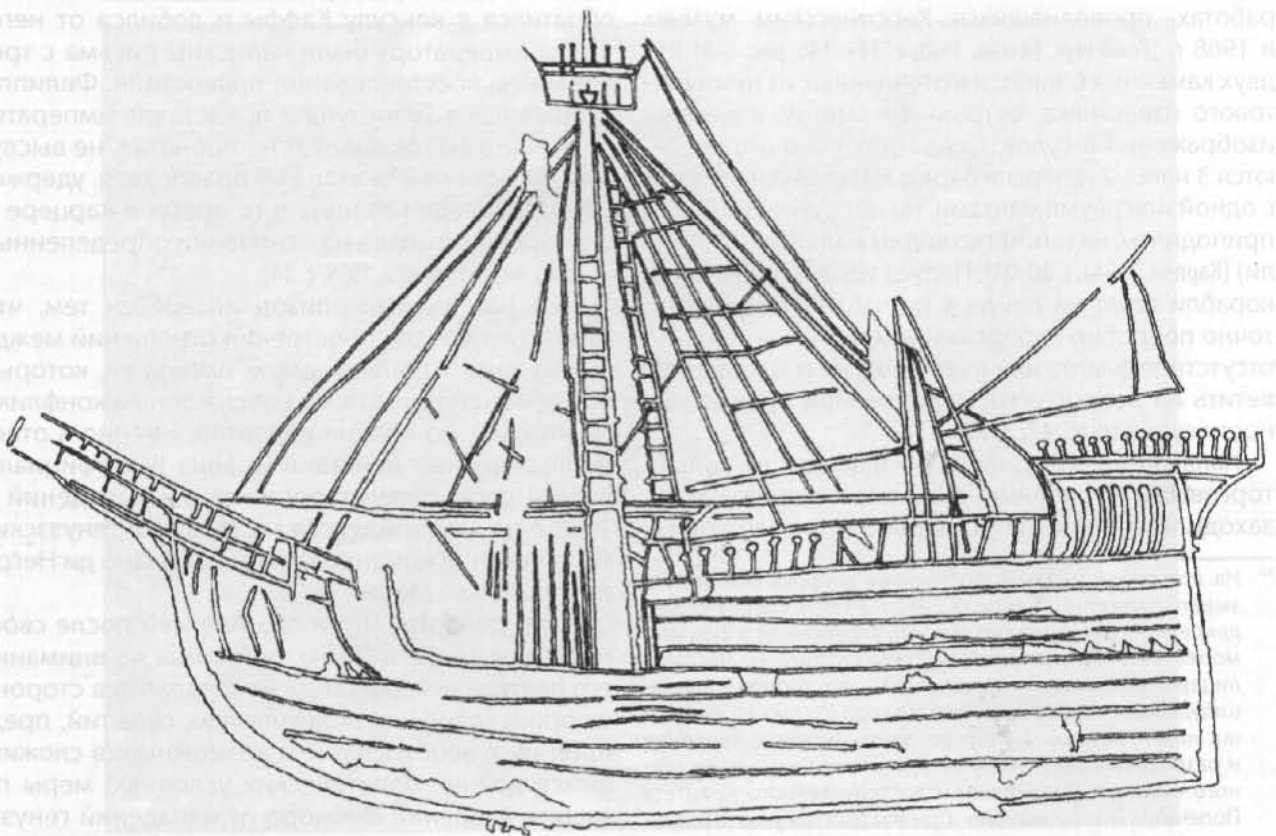


Рис. 79. Изображение № 1 латинского парусного корабля XV в. на каменном блоке из башни № 5 крепости Каламита

С сохранившейся на данный период обстановкой, сферой которой 100 м, с запада на восток — 40 м, кой можно предположительно связывать и во-общая площадь укрепления 0,31 га, доступ на ко-ведение на Мангуле второй линии обороны об-требовано жилища со всех сторон (рис. 89). Поэтому

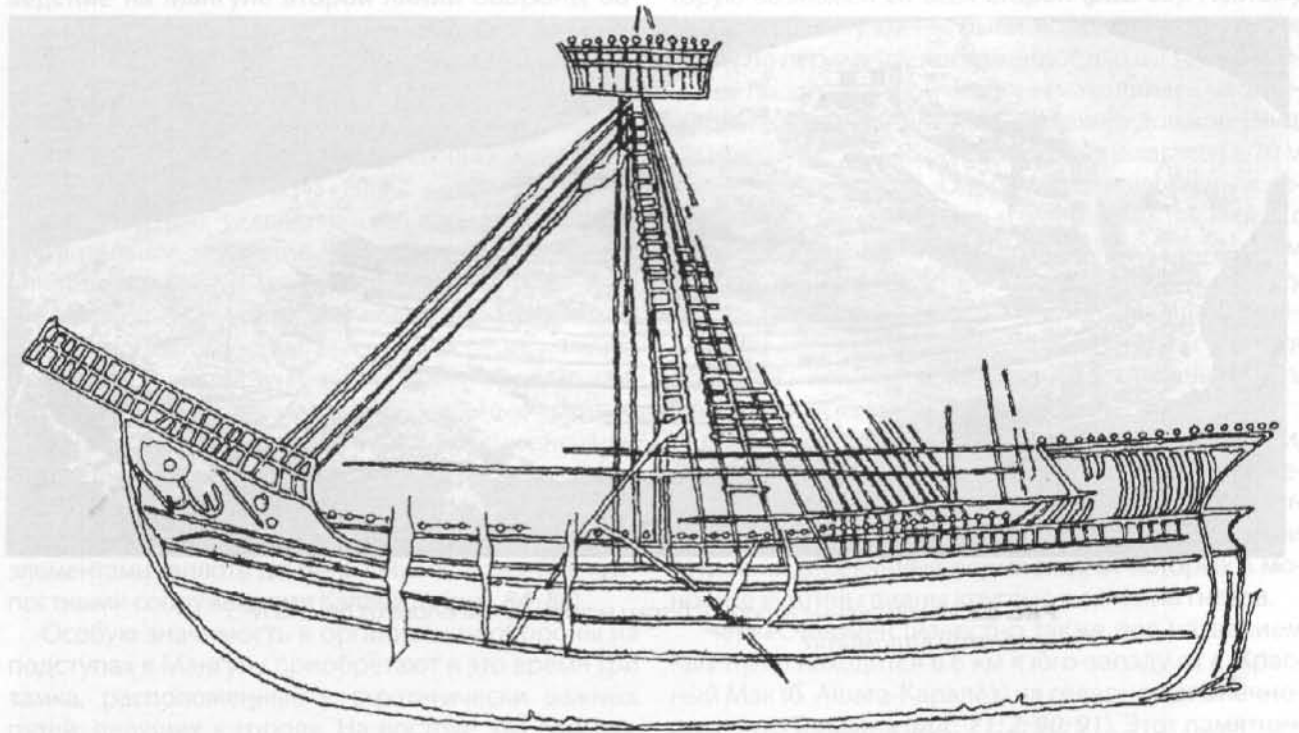


Рис. 80. Изображение № 2 латинского парусного корабля XV в. на каменном блоке из башни № 5 крепости Каламита

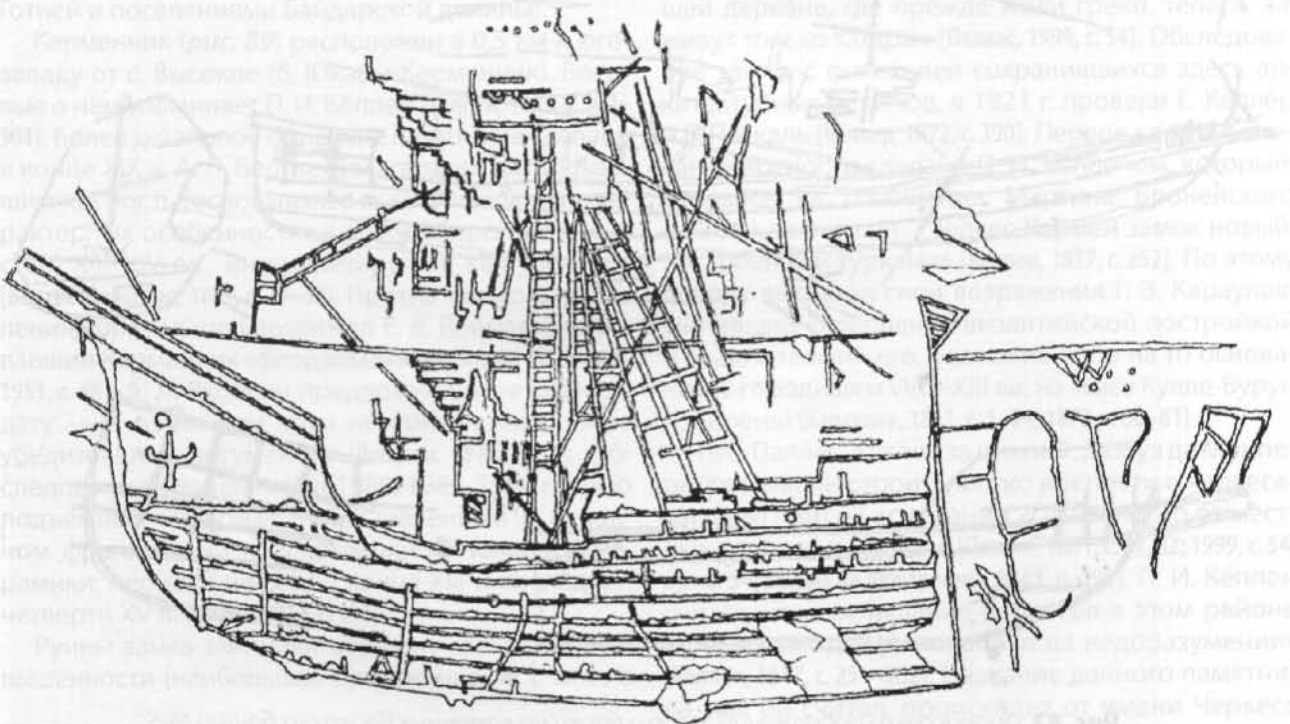


Рис. 81. Изображение № 3 латинского парусного корабля XV в. на каменном блоке из башни № 5 крепости Каламита

различиях в описании, а также с внутренней структурой обсерватории. Судя, в частности, по количеству материалов XIX столетия (карты, чертёжники и т.д.), в основном касающихся планировки помещений,

Е. 260]. Г. Э. Караулов также утверждал, что Дебуа де Монтеа ошибочно приписывал постройку крепости черкесам, забывая при этом отметить точку зрения П. С. Палласа [Караулов, 1872, с. 60].



Рис. 82. Изображение галеры и барки на каменном блоке из башни № 5 крепости Каламита

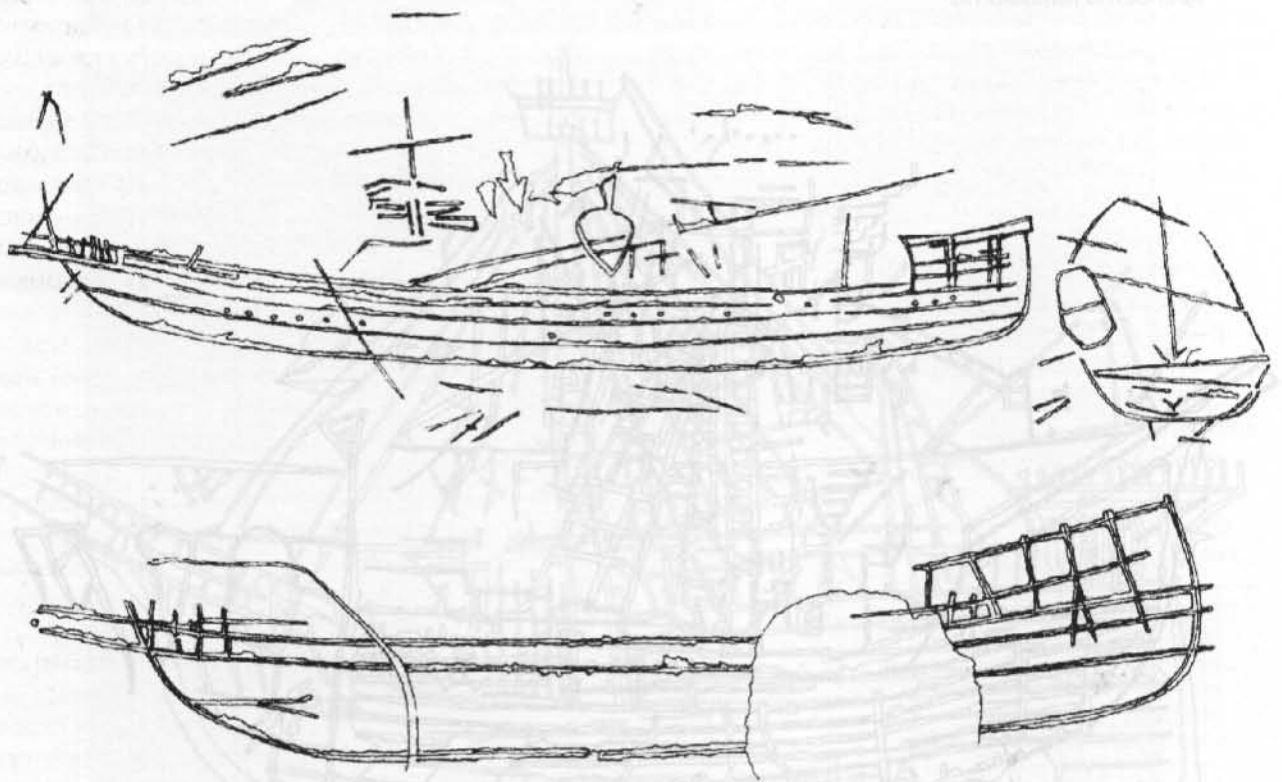


Рис. 83. Прорисовка изображений галер и барки на каменных блоках из башни № 5 крепости Каламита

С создавшейся на данный период обстановкой можно предположительно связывать и возведение на Мангупе второй линии обороны общей протяженностью около 800 м и усиленной 8 башнями. А. Г. Герцен склонен датировать это грандиозное по своим масштабам строительное мероприятие 60–80-ми гг. XIV в., основываясь на данных двух надписей, упоминающих Хуйтани и Чичикия [Герцен, 1990, с. 145–146].

К сожалению, исследователь, несмотря на продолжительное изучение памятника, не приводит для подтверждения своей точки зрения каких-либо материалов, полученных в ходе археологических раскопок. Поэтому предлагаемая им периодизация строительства второй линии обороны города выглядит отвлеченно и не учитывает реальных архитектурных особенностей памятника. Даже при внешнем сравнении кладки первого строительного периода второй оборонительной линии Феодоро обнаруживают своё ближайшее сходство с конструктивными элементами (вплоть до мельчайших деталей) с крепостными сооружениями Каламиты (рис. 84–88).

Особую значимость в организации обороны на подступах к Мангупу приобретают в это время три замка, расположенные у стратегически важных путей, ведущих к городу. На востоке это Керменчик (находится в 15 км от столицы), на западе — Черкес-Кермен (стоит на дороге, пролегающей через Мекензиевы горы — «Кок-агач» [Паллас, 1999, с. 55] из Каламиты в Феодоро) и Сандык-Кая (прикрывает южное направление, связанное с Приморской Готией и поселениями Байдарской долины).

Керменчик (рис. 89) расположен в 0,5 км к юго-западу от с. Высокое (б. Юхары-Керменчик). Впервые о нём упоминает П. И. Кёппен [Кёппен, 1837, с. 300–301]. Более детальное описание памятника сделано в конце XIX в. А. Л. Бертье-Делагардом, датировавшим крепость (основываясь исключительно на характерных особенностях кладки оборонительных стен) XIII–XIV вв., интерпретируя её как убежище [Бертье-Делагард, 1899, с. 29–32]. Против такого определения справедливо возражал Е. В. Веймарн, называвший Керменчик «феодалным замком» [Веймарн, 1955, с. 68]. А. Л. Якобсон предложил более раннюю дату — X в., но при этом не привёл каких-либо убедительных аргументов [Якобсон, 1970, с. 16]. Исследование Керменчика в 1980, 1985, 1990 гг. дало подъёмный материал, представленный в основном фрагментами красноглиняной поливной керамики, периода не ранее конца XIII и последней четверти XV в. [Мыц, 1991а, с. 130]³⁵.

Руины замка занимают вершину скалистой возвышенности (наибольшая протяжённость с юга на

север составляет 100 м, с запада на восток — 40 м, общая площадь укрепления 0,31 га), доступ на которую возможен со всех сторон (рис. 89). Поэтому строители вынуждены были возвести крепостные стены по периметру протяжённостью в 230 м. С наиболее пологой южной стороны находилась четырехугольная в плане (6,0×8,0 м) башня-донжон [Мыц, 1991а, с. 130, рис. 25,1]. Вход в замок располагался в 20 м к востоку от башни. Оборонительные стены сложены из бута на песочно-известковом растворе с применением деревянных связей. На юго-западном участке фрагмент куртины сохранился на высоту 6,80 м. У основания ширина стены составляет 1,50–1,70 м, а вверху (на уровне парапета) она сужается до 1,20–1,50 м. Здесь же отмечена и нижняя часть парапета шириной 0,70–0,90 м, высотой до 0,50 м.

Располагая этими достаточно полными данными, можно реконструировать высоту куртины с парапетом на уровне 8,70–8,80 м. Для размещения защитников на боевой площадке крепостной стены были устроены деревянные подмости, от которых в монолите куртины видны круглые в сечении гнезда.

Черкес-Кермен (известно также под названием Кыз-Куле) находится в 6 км к юго-западу от с. Красный Мак (б. Ашага-Каралёз) на северной оконечности плато Топшана (рис. 71: 2; 90; 91). Этот памятник отмечает в своих путевых заметках (1793/94 гг.) П. С. Паллас: «... в некотором отдалении [около трёх четвертей версты от дороги] видна башня старого укрепления, называемого татарами Черкес-Кермен давшая своё название близлежащей деревне, где прежде жили греки, теперь же живут только татары» [Паллас, 1999, с. 54]. Исследование замка, с фиксацией сохранившихся здесь архитектурных остатков, в 1821 г. провели Е. Кёллер и Е. Паскаль [Кёллер, 1872, с. 390]. Первое краткое описание крепости сделано П. И. Кёппеном, который, ссылаясь на сообщение Мартина Броневского (1578 г.), заключает: «Черкес-Кермен замок новый, построенный турками» [Кёппен, 1837, с. 252]. По этому поводу высказал свои возражения Г. Э. Караулов, считавший укрепление византийской постройкой и сравнивавший его, без каких-либо на то оснований, с городищем VI(?)–XIII вв. на мысе Кулле-Бурун (Сюйрень) [Караулов, 1861, с. 1–24; 1872, с. 60–61].

П. С. Паллас, а вслед за ним и Ф. Дюбуа де Монпере, связывали строительство крепости с черкесами (адыгами) на основании услышанного от местных жителей предания [Паллас, 1881, с. 37, 82; 1999, с. 54, прим. 54; Dubois de Montpereux, 1843, p. 290]. П. И. Кёппен считал, что пребывание черкесов в этом районе «только догадка, основанная на недоразумении» [Кёппен, 1837, с. 251–252]. Название данного памятника, как он считал, происходит от имени Черкеса (Кути-Бея или Кутлуг-бея), встречаемого в договорах татар с Кафзой 1381 и 1387 гг. [Кёппен, 1837, с. 82, 85, 260]. Г. Э. Караулов также утверждал, что Дюбуа де Монпере ошибочно приписывал постройку крепости черкесам, забывая при этом отметить точку зрения П. С. Палласа [Караулов, 1872, с. 60].

³⁵ Небольшие раскопки памятника, проведенные на Керменчике в 2006 г. В. В. Юрочкиным, дали возможность более определенно говорить о его «двухслойности»: в разведочном шурфе, заложенном с внутренней стороны оборонительной стены, выявлены немногочисленные материалы XIII (стенки амфор, горшков, черепицы) и XV вв. (в основном красноглиняные поливные изделия).



1



2

Рис. 84. Юго-западная башня второй линии обороны Феодоро, отсекающая от плато Мангула мыс Чамну-Бурун: 1 – вид с запада; 2 – вид с юго-востока



Рис. 85. Юго-западная башня второй линии обороны Феодоро (вид с юго-запада)

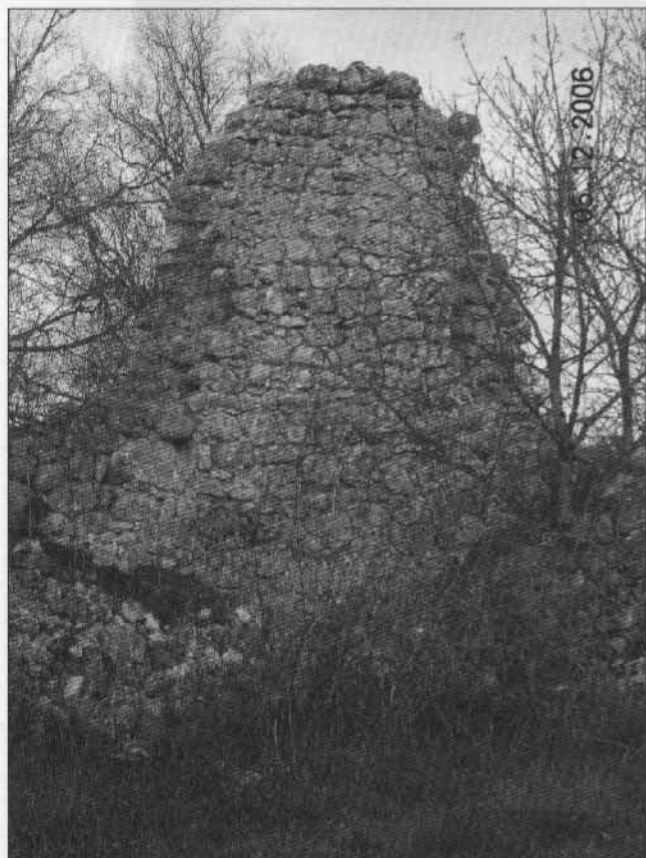


Рис. 86. Руины крепостной стены второй линии обороны, отсекающей от плато Мангуна мыс Чамну-Бурун (вид с юго-запада)

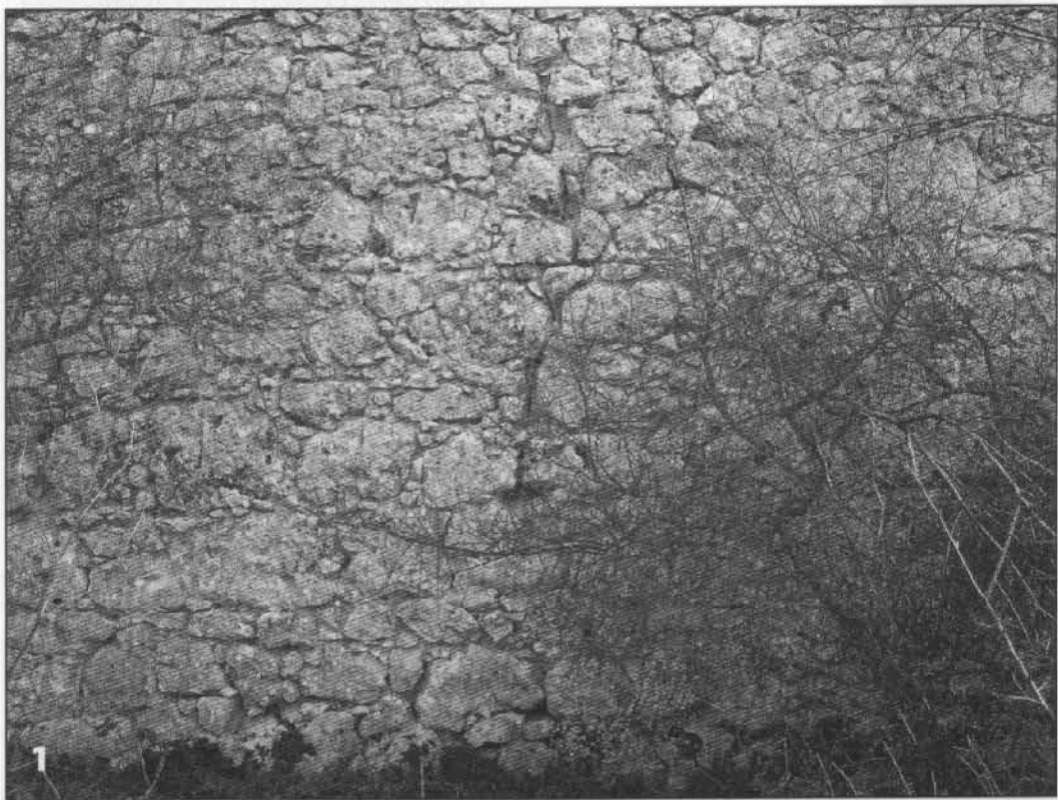


Рис. 87. Детали кладки юго-западной башни второй линии обороны Феодоро: 1 – кладка средней части башни; 2 – основание башни (вид с запада)



Рис. 88. Вторая линия обороны Мангупа в верховье балки Табана-Дере: 1 – сохранившийся участок стены; 2 – в основании видна кладка первого («феодоритского») строительного периода (вид с юго-востока)

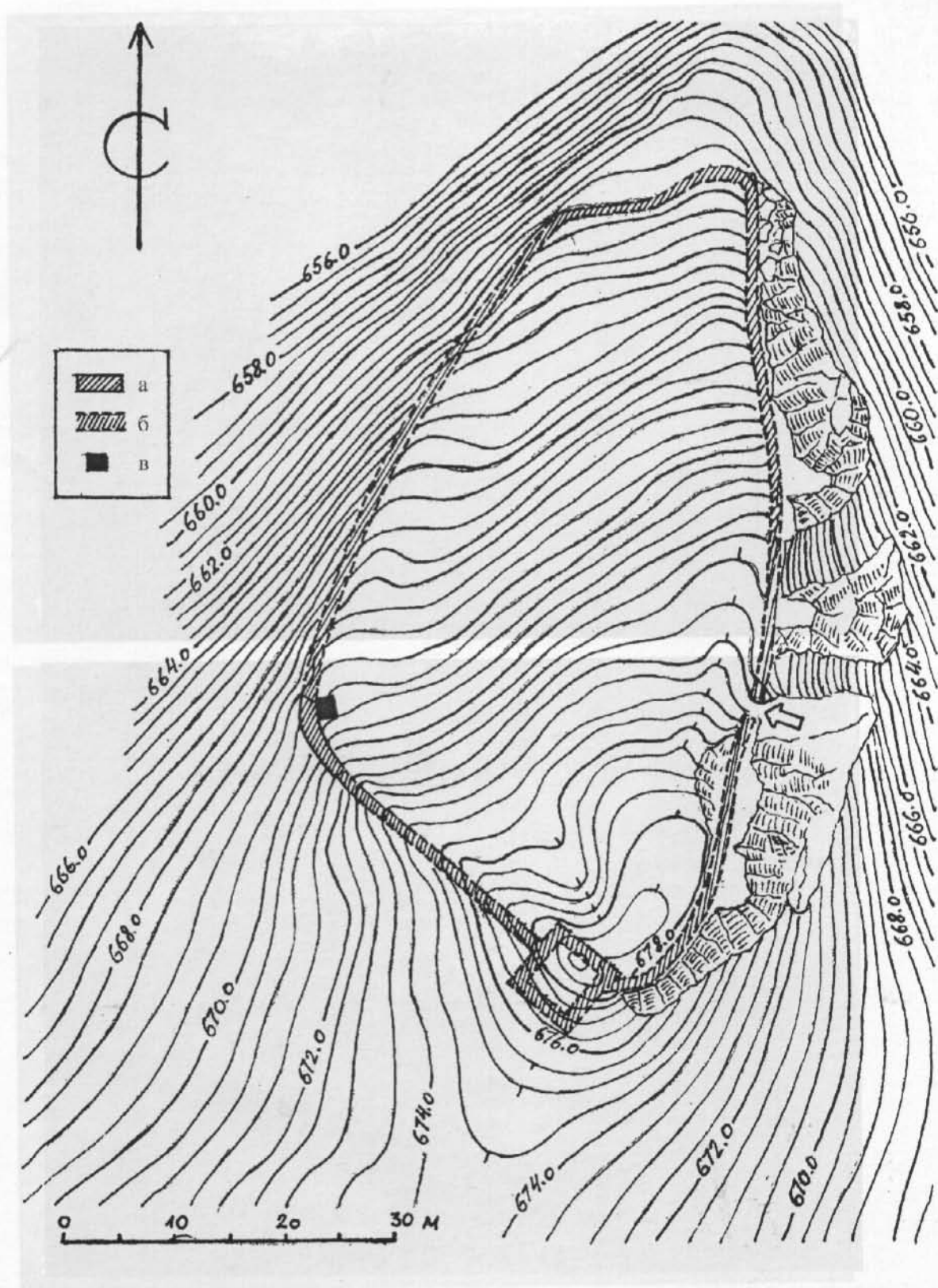
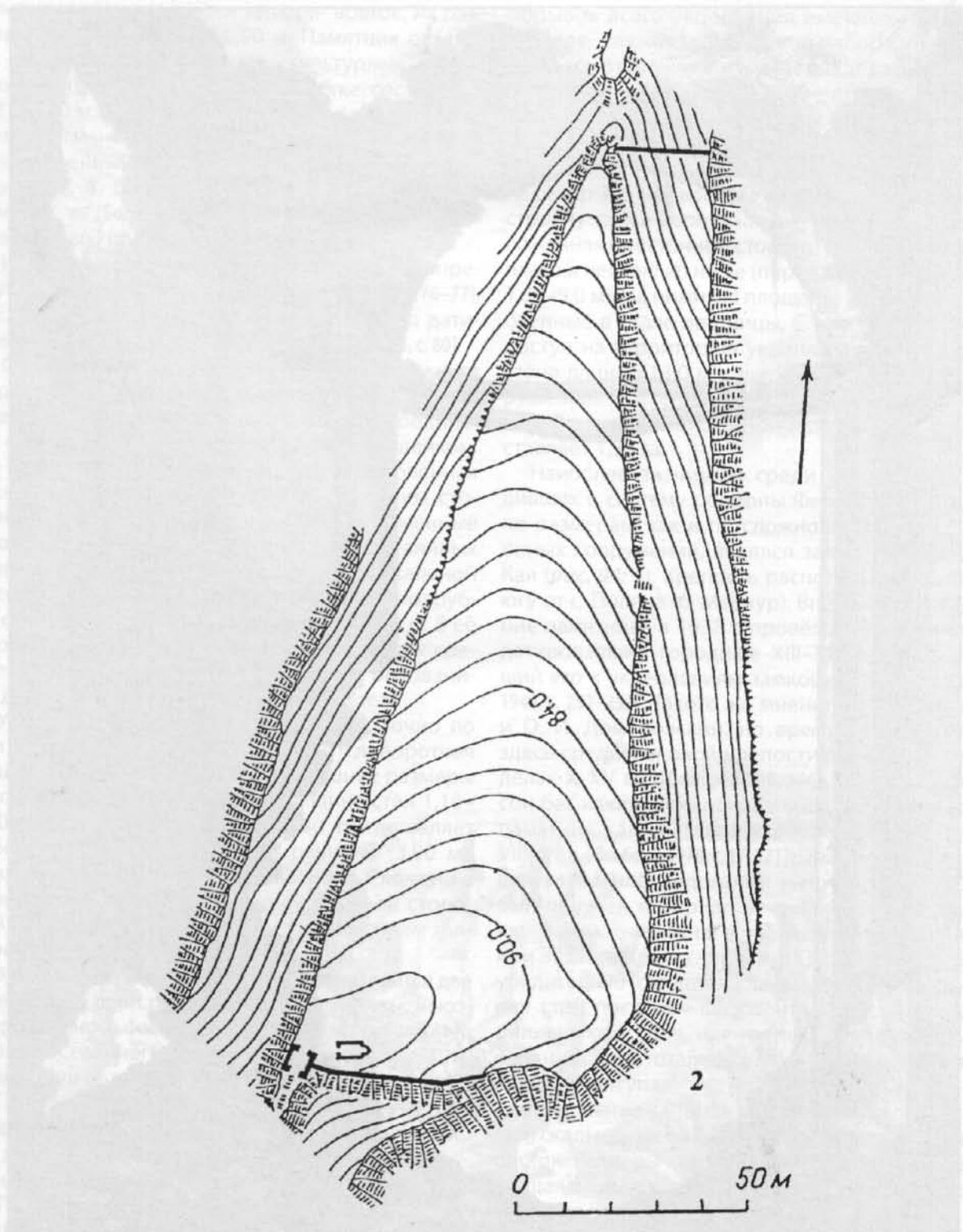


Рис. 89. План Керменчика XV в.: а – хорошо сохранившийся участок оборонительной стены замка; б – руинированные стены; в – место разведывательного шурфа 2006 г.

В 1923 г. у А. Болдинским в укреплении была
 найдена чаша размером 7,50х4,50 м. Стены
 толщиной 0,30 м возведены из бута на глине.
 Чаша ориентирована диксой на восток 185°, пол
 облицована м. В центре открыты две грабничи с
 расположенными погребениями. Рядом с церковью
 обнаружены еще 4 аналогичные таблички.

С южной стороны к башне примыкал парапет
 с зубцами высотой 2,0 м и шириной 0,90-1,0 м.
 Эти параметры устанавливаются по известным
 при раскопках по краю обрыва и впускным
 камням, которые выступают за плоскость восточного
 фасада. Это указывает на единообразное
 устройство парапета и башни. По краям



Вся эта конструкция по высоте достигала
 не превышала 6,0 м. В таком случае об
 единственной башни Черкес-Кермен
 1,0-1,350 м (рис. 93) [Бирюков, 2001, с. 293-297, рис. 6]

была не столь высокая, поэтому на вершину скалы
 в этих местах были
 известном растворе.

Рис. 90. План феодоритского замка XV в. Черкес-Кермен

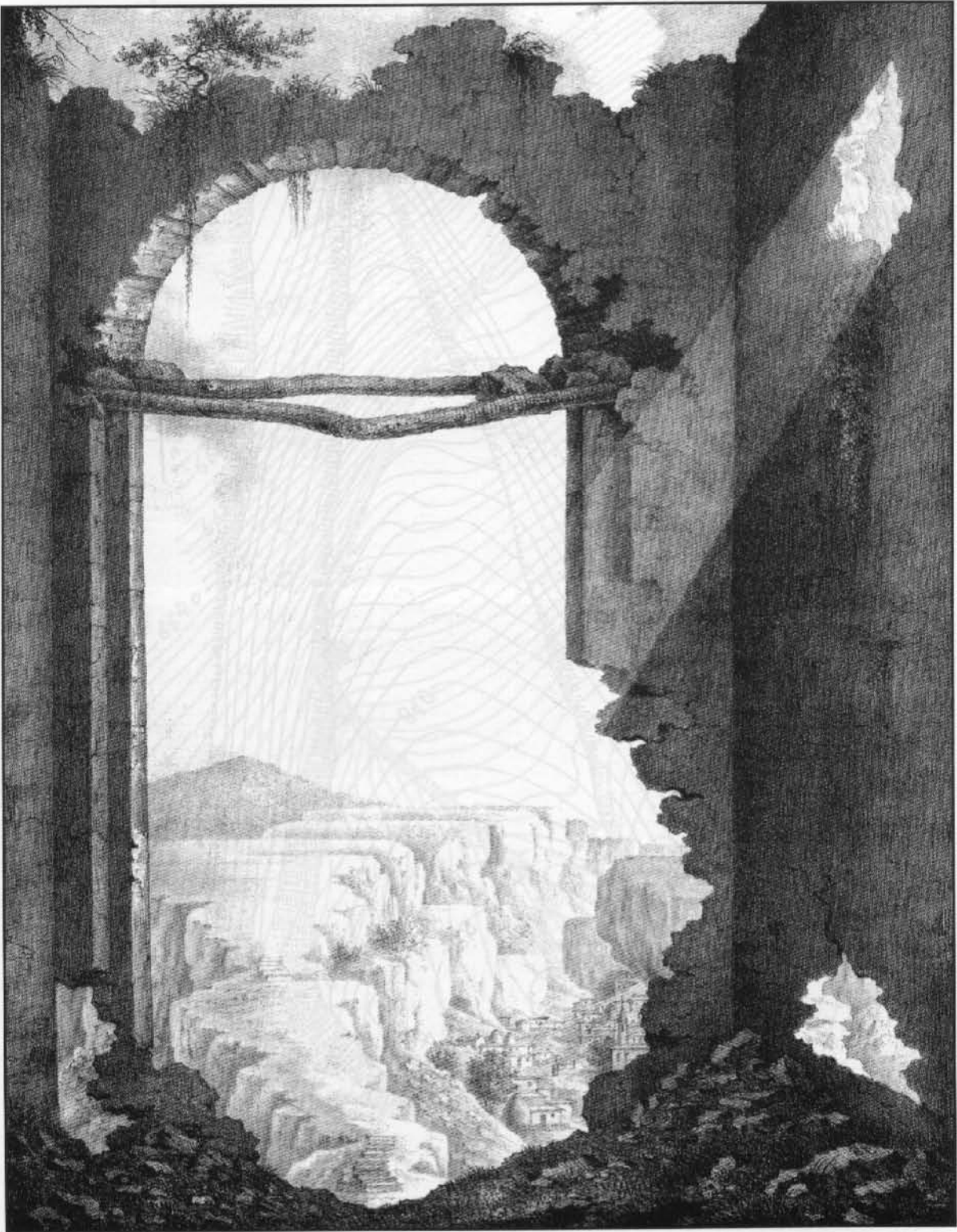


Рис. 91. Руины башни Черкес-Кермен. Ф.И.Гросс; 1846 г.
(по М.Мальгиной [2006, № 172])

В 1933 г. У. А. Боданинским в укреплении была раскопана часовня размером 7,50×4,50 м. Стены толщиной 0,80 м возведены из бута на глине. Храм ориентирован апсидой на восток (85°), пол глинобитный. В часовне открыто две гробницы с потревоженными погребениями. Рядом с церковью обнаружены ещё 4 аналогичные гробницы, ориентированные по оси запад — восток. Их размеры — 2,0×0,60×0,70–0,90 м. Памятник оказался однослойным. Мощность культурных напластований на исследованном участке составляла 0,37–0,50 м. Археологический материал (в основном фрагменты поливной и неполивной керамики), найденный при раскопках, относится к XV в., однако У. А. Боданинский датировал постройку замка X в. [Боданинский, 1935, с. 81–87]. На основании данных, полученных в ходе раскопок 1933 г., Н. И. Репников время возведения крепости определял в пределах XIV–XV вв. [Репников, 1940, с. 76–77], а Е. В. Веймарн предлагал более широкую датировку памятника — XI–XIV вв. [Веймарн, 1966, с. 80].

С трёх сторон территория городища замкнута вертикальными обрывами, достигающими в некоторых местах 15–20 м. С юга укрепление соединено с остальной частью плато узким перешейком. По нему к въездной башне ведёт вырубленная в скале дорога шириной 2,50 м. По обеим сторонам дорожного полотна высечены каменные парапеты с рядами углублений для деревянных стоек ограждения. Дорога подходит к скальной расселине (со следами дополнительной подрубки склонов) шириной немногим более 5,0 м. В её противоположных бортах видны гнезда для крепления массивных брёвен, служивших основанием для деревянного стационарного моста.

У края северного борта расселины, точно по оси подъезда к крепости, находится воротная башня замка (рис. 91; 92; 93). Её внешние размеры в основании 6,20×6,30 м, при толщине стен 1,10–1,20 м (внутреннее пространство представляет собой квадрат со сторонами равными 3,90 м). Современная высота строения 7,80 м. Сложена в основном из бута с подтёсанной лицевой стороной на известковом растворе с добавлением толчёной керамики.

В южной и северной стенах башни находятся две стрельчатые арки разной ширины и высоты. Высота арки южного фасада достигает 4,0 м при ширине 2,60 м, а северного — соответственно 4,60×3,0 м. Верх башни разрушен. С внутренней стороны в стенах видны пазы для деревянных балок от настила боевой площадки (на высоте 6,80 м от основания). Это даёт возможность достаточно точно реконструировать габариты утраченной верхней части башни. По всей вероятности, она имела шатровое перекрытие, покоившееся на парапете с окнообразными бойницами. Вся эта конструкция по высоте, видимо, не превышала 6,0 м. В таком случае, общая высота въездной башни Черкес-Кермена составляла около 13,0–13,50 м (рис. 93) [Кирилло, 2001, с. 293–297, рис. 6].

С восточной стороны к башне примыкал парапет с зубцами высотой 2,0 м и шириной 0,90–1,0 м. Эти параметры устанавливаются по «постелям», прослеживаемым по краю обрыва и впускным камням, которые выступают за плоскость восточного фасада, что указывает на единовременное возведение парапета и башни. По кромке обрывов всего укрепления имеются гнезда для стояков, служивших основой забора, предохранявшего от случайного падения и защищавшего от стрел (видимо, ограждение представляло собой обычную турлучную конструкцию с глиняной обмазкой).

Протяжённость крепостной территории с юга на север 225 м, с востока на запад — 75 м. Под застройку также использовалась площадка, расположенная с восточной стороны от основной части плато и несколько ниже (перепад высот достигает 1,50–5,0 м). На нижнюю площадку ведут две вырубленные в скале лестницы. С севера возможный доступ на территорию укрепления преграждала стена длиной 13,0 м и шириной 1,10–1,20 м, разрушенная в настоящее время почти до основания. Площадь защищённой территории замка составляет 1,38 га.

Наиболее значимым среди укреплений, входивших в систему обороны Феодоро в XV в., как по размерам, так и по сложности фортификационных сооружений, являлся замок на г. Сандык-Кая (рис. 94: 1). Крепость расположена в 2,5 км к югу от с. Поляна (б. Маркур). Впервые обследование памятника в 1938 г. провёл В. П. Бабенчиков, датировавший городище XIII–XIV вв. и относивший его к укреплениям замкового типа [Репников, 1940, с. 252–253]. Такого же мнения придерживался и О. И. Домбровский, но время существования здесь средневековой крепости определял в пределах X–XV вв. [Домбровский, 1966, с. 67]. А. Л. Якобсон без каких-либо оснований классифицировал памятник как сельское укрепленное поселение VIII–X вв. [Якобсон, 1970, с. 17, 171]. При неоднократном визуальном обследовании территории крепости был получен материал не ранее XIII (?) в. Разрушен замок, очевидно, в последней четверти XV в. при захвате Крыма турками. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют находки в развалах стен построек фрагментов красноглиняных поливных сосудов, идентичных обнаруженным в верхних слоях тотальных пожаров 1475 г. Алушты, Фуны и Мангупа.

Укрепление занимает вершину отдельно стоящей скалы, вытянувшейся с юго-запада на северо-восток. Размеры крепостной площадки 220×80 м (общая площадь составляет 1,38 га). Почти со всех сторон возвышенность окружена обрывами высотой от 5 до 30 м. Но с запада и юго-востока обрывы не столь высоки, поэтому на вершину скалы проникнуть довольно легко. В этих местах были возведены стены, сложенные из крупного бута на известковом растворе.

С восточной стороны к башне примыкает проезд высотой 5,0 м и шириной 0,90-1,0 м. Этот проезд устанавливается по «постройкам» прослеживаемым по краю обрыва и впускным камням, которые выступают за плоскость восточного фасада, что указывает на единство постройки башни и башни. По схеме

В 1932 г. У. А. Боданинским в углубленном плане башни высотой 7,50 м, шириной 1,30 м, с толщиной стенок 0,80 м, возведенных из бута на глине. Храм ориентирован восточным фасадом на восток (187°) по отношению к северу. В основании открыто две площадки с порожками и ступенями. Рядом с порожками обнаружены еще 4 аналогичные ступени.

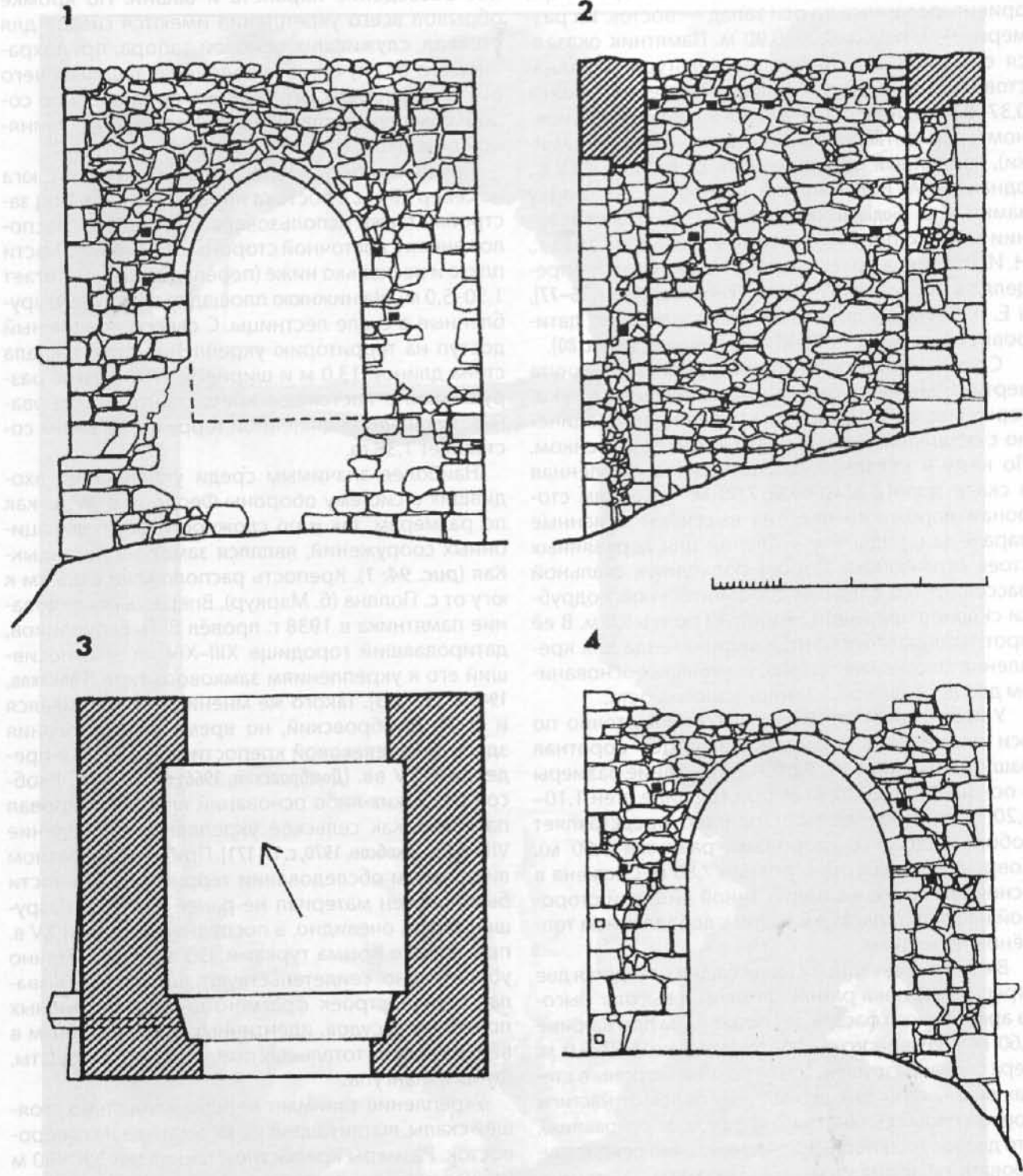


Рис. 92. Воротная башня XV в. замка Черкес-Кермен (Кыз-Куле): 1 – южный (внешний) фасад с арочным проемом ворот; 2 – поперечное сечение башни по оси проезда; 3 – план башни; 4 – северный (внутренний) фасад башни с арочным проёмом (по У.А.Боданинскому, с дополнениями В.П.Кирилко [2001, рис 5])

Оборонительная система замка состояла из трехлинейной крепостных стен с шестью прямоугольными башнями относительно больших размеров — 5,0х4,50 м, лишь из них по всей видимости были построены две. Башни мощные, с толстыми стенами, с арочными проемами. В некоторых местах сохранились фрагменты стен, в частности, на юго-восточном склоне г. Баба-Дас, на которой располагается Мангут.

Расположение оборонительной системы замка на г. Баба-Дас, на юго-восточном склоне которого находится Мангут, указывает на то, что восточная часть участка была более уязвима, чем западная. Это подтверждается наличием арочного проема в башне, который, скорее всего, использовался для выхода из башни на территорию замка.

Подобная система оборонительных сооружений была характерна для крепостей Кавказа. Крепостная территория была плотно застроена на территории выходящей на долину. Восточная часть замка была разрушена в 1864 г. в ходе военных действий. На территории замка находилось некрополь, в нем находились захоронения, над которыми возвышались скалы, при этом барта дополнительно были облицованы бутовыми камнями на известковом растворе и вытукатурены. Стены цоколя не сохранились (были проследимы только проемы из скалы). У восточного обрыва скалы вырублены в скале гребенки. Некоторые из них также облицованы бутовыми камнями, полочками не известны. Все каменные сооружения замка были разрушены в результате военных действий.

просматривается верхняя часть Бедьбекской долины («Черкес-гос») (Давид, 1999, с. 30), Байдарская долина и также юго-восточный склон г. Баба-Дас, на которой располагается Мангут.

Создание оборонительной системы замка на г. Баба-Дас, на юго-восточном склоне которого находится Мангут, указывает на то, что восточная часть участка была более уязвима, чем западная. Это подтверждается наличием арочного проема в башне, который, скорее всего, использовался для выхода из башни на территорию замка.

Подобная система оборонительных сооружений была характерна для крепостей Кавказа. Крепостная территория была плотно застроена на территории выходящей на долину. Восточная часть замка была разрушена в 1864 г. в ходе военных действий. На территории замка находилось некрополь, в нем находились захоронения, над которыми возвышались скалы, при этом барта дополнительно были облицованы бутовыми камнями на известковом растворе и вытукатурены. Стены цоколя не сохранились (были проследимы только проемы из скалы). У восточного обрыва скалы вырублены в скале гребенки. Некоторые из них также облицованы бутовыми камнями, полочками не известны. Все каменные сооружения замка были разрушены в результате военных действий.

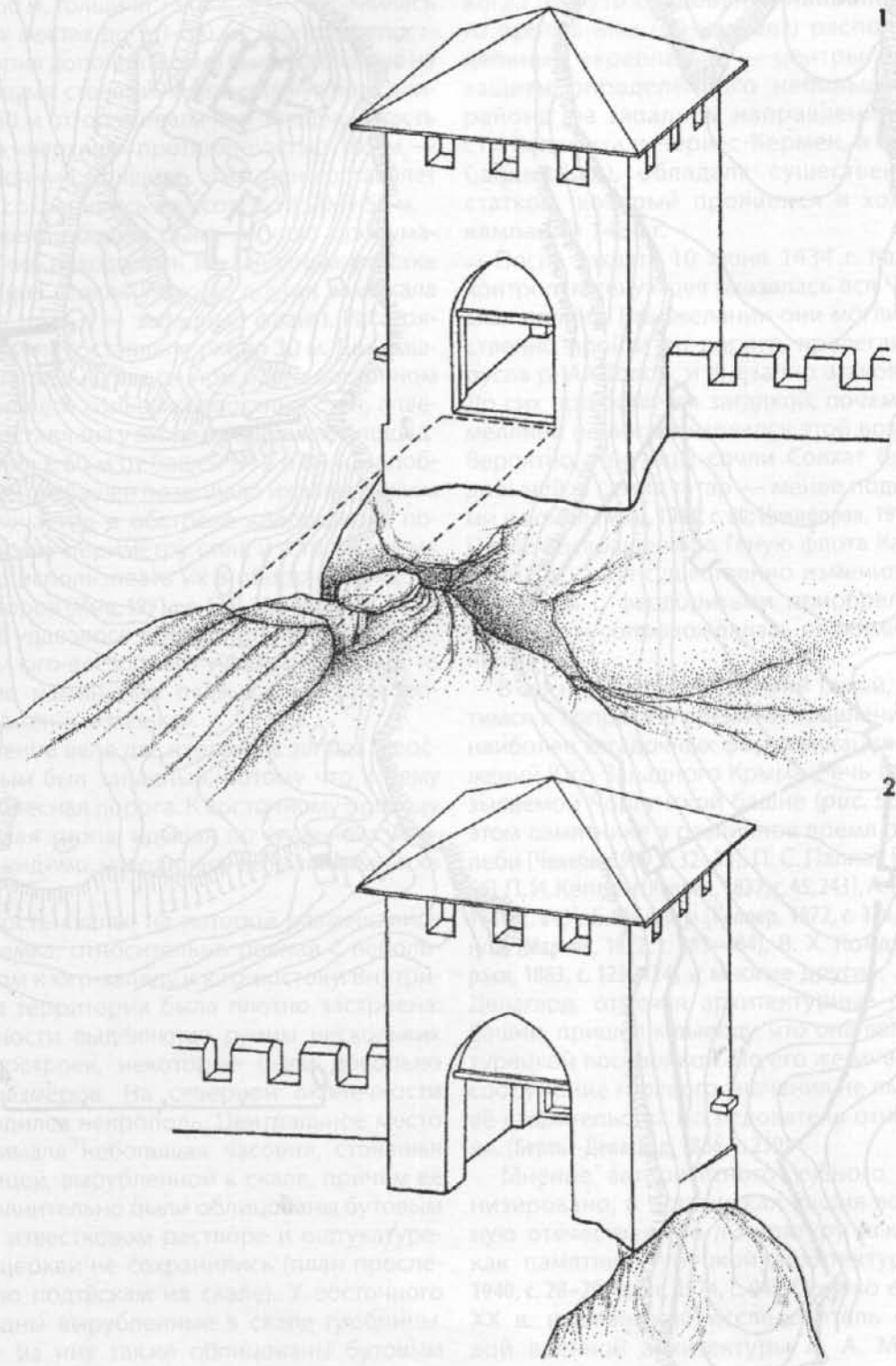


Рис. 93. Воротная башня замка Черкес-Кермен: 1 – вид с юго-востока; 2 – вид с северо-запада (по В.П.Кирилко [2001, рис. 6])

Укрепление на г. Сандык-Кая занимало выгодное стратегическое положение: с него полностью

видне поля зрения специалистов, занимавшихся изучением этого вопроса.

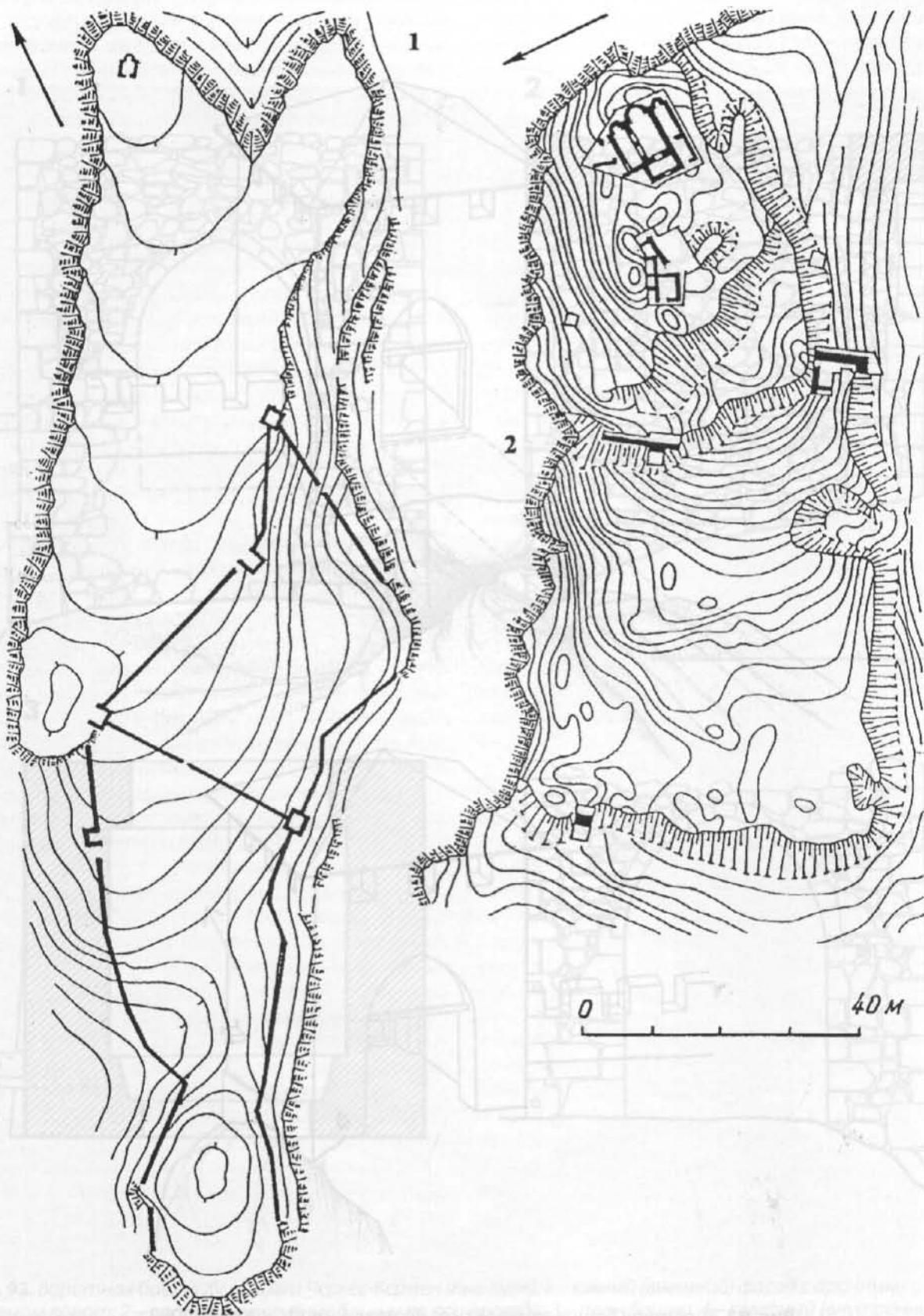


Рис. 94. Замок XV в. на г. Сандык-Кая (1) и монастырь X – XV вв. на г. Пахал-Кая (2)

Оборонительная система замка состояла из трёх линий крепостных стен с шестью прямоугольными башнями относительно небольших размеров — 5,0×4,50 м, пять из них, по всей видимости, были открытого типа. Наиболее мощная стена составляла внешнее кольцо обороны (общая протяжённость 360 м, толщина 1,90–2,20 м, сохранилась в некоторых местах до 2,0–3,0 м). Внутрикрепостная территория дополнительно была разделена на три части двумя стенами. «Нижняя» куртина длиной около 60 м отгораживала юго-западную часть городища, а «верхняя» протяжённостью 105 м — северо-восточную. Толщина этих стен составляет 1,20–1,40 м, сохранились в высоту до 1,20–1,50 м.

Расположение башен было хорошо продумано. Три из них находились на западном участке обороны (одна стояла у входа, другая замыкала северный, а третья — западный фланг). Расстояние между ними составляло около 30 м. Две башни располагались на восточном и юго-восточном участке внешнего кольца крепостных стен, а шестая была поставлена у входа на верхнюю площадку укрепления в 60 м от башен № 2 и № 4. Подобное размещение башен позволяло их защитникам принимать участие в обстреле крепостного полигона по всему периметру стен, и в то же время эффективно использовать их в обороне каждого из трёх секторов [Мыц, 1991а, с. 133–134, рис. 12,1]. Если при штурме удавалось преодолеть преграду восточного или юго-восточного участка обороны, то нападающие неминуемо оказывались в своеобразном «каменном мешке».

В укрепление вело два входа — с запада и востока. Главным был западный, потому что к нему подходит колесная дорога. К восточному проходу выводил узкая тропа, идущая по скальным уступам. Здесь, видимо, находилась вылазная калитка (потерна).

Поверхность скалы, на которой размещались строения замка, относительно ровная с небольшим уклоном к юго-западу и юго-востоку. Внутрикрепостная территория была плотно застроена: на поверхности выделяются руины нескольких десятков построек, некоторые были довольно больших размеров. На северной оконечности скалы находился некрополь. Центральное место в нём занимала небольшая часовня, стоявшая над гробницей, вырубленной в скале, причём её борта дополнительно были облицованы бутовым камнем на известковом растворе и оштукатурены. Стены церкви не сохранились (план прослеживается по подтёскам на скале). У восточного обрыва видны вырубленные в скале гробницы. Некоторые из них также облицованы бутовым камнем, положенным на извести. Все погребальные сооружения ограблены. Среди каменных завалов строений встречаются обломки средневековых «однорогих» надгробий.

Укрепление на г. Сандык-Кая занимало выгодное стратегическое положение: с него полностью

просматривается верхняя часть Бельбекской долины («Черкесс-тюсс» [Паллас, 1999, с. 36]), Байдарская долина, а также юго-восточный склон г. Баба-Даг, на которой располагался Мангуп.

Созданная в XV в. правителями Феодоро «локальная» (центрическая) система обороны, когда на пути следования наиболее вероятного противника (генуэзцев?) располагались отдельные укрепления — центры организации защиты определённого небольшого горного района (на западном направлении это крепости Каламита и Черкес-Кермен, а на южном — Сандык-Кая), обладала существенным недостатком, который проявился в ходе военной кампании 1434 г.

После захвата 10 июня 1434 г. Каламиты под контролем генуэзцев оказалась вся Чернореченская долина. При желании они могли беспрепятственно пройти по дороге, пролегающей вдоль русла р. Ай-Тодор, и внезапно атаковать Мангуп. До сих пор остаётся загадкой, почему Карло Ломеллини не воспользовался этой возможностью. Вероятно, генуэзцы сочли Солхат более лёгкой добычей, а самих татар — менее подготовленными к войне [Мыц, 1991, с. 80; Никифоров, 1993, с. 135–136]. После возвращения в Геную флота Карло Ломеллини ситуация существенно изменилась. Борьба генуэзцев с феодоритами приобрела затяжной характер и сопровождалась редкими столкновениями.

В связи с рассматриваемой темой, вновь обратимся к вопросу о времени появления одного из наиболее загадочных фортификационных сооружений Юго-Западного Крыма. Речь идёт о так называемой Чоргунской башне (рис. 95; 96; 97). Об этом памятнике в различное время писали Э. Челеби [Челеби, 1999, с. 32–33], П. С. Паллас [Паллас, 1999, с. 56], П. И. Кёппен [Кёппен, 1837, с. 45, 243], А. Я. Фабр [Фабр, 1844, с. 249], Е. Кёллер [Кёллер, 1872, с. 374, 388], Е. Марков [Марков, 1872, с. 483–484], В. Х. Кондараки [Кондараки, 1883, с. 123–124] и многие другие. А. Л. Бертье-Делагард, отмечая архитектурные особенности башни, пришёл к выводу, что она является чисто турецкой постройкой. По его же мнению, данное сооружение «боевого значения не имело». Время её строительства исследователь отнёс к XVI–XVII вв. [Бертье-Делагард, 1886, с. 250].

Мнение авторитетного учёного было канонизировано, и Чоргунская башня вошла в научную отечественную литературу исключительно как памятник турецкой архитектуры [Репников, 1940, с. 28–29; Талис, 1974, с. 94]. Однако ещё в 30-х гг. XX в. итальянский исследователь средневековой военной архитектуры Л. А. Маджиоротти определённо высказывался в пользу того, что Чоргунская башня является продуктом творческой деятельности генуэзских фортификаторов [Maggiorotti, 1933, fig. 263]. Но его работа осталась вне поля зрения специалистов, занимавшихся изучением этого вопроса.

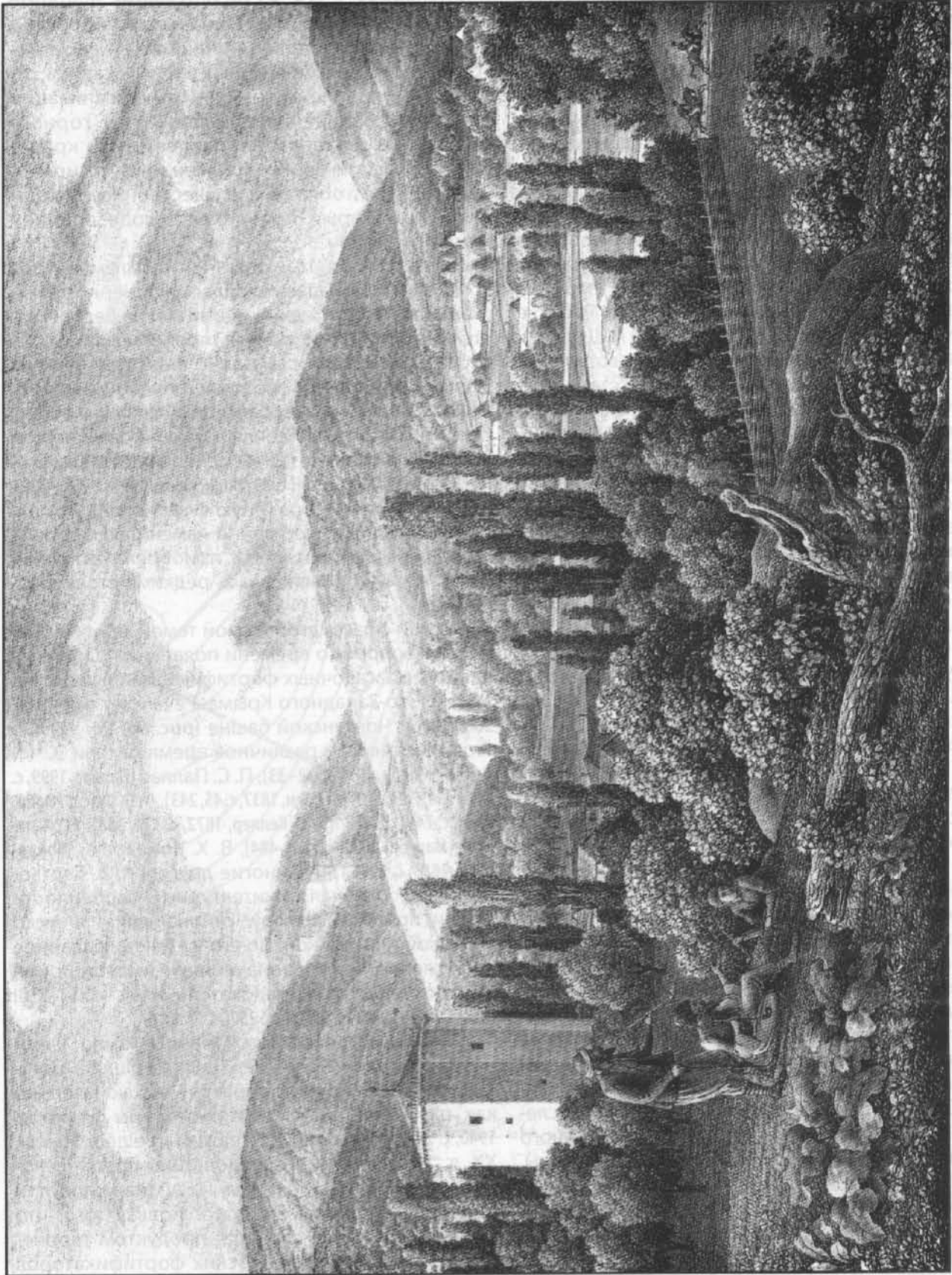


Рис. 95. К.Юозельхен. Чорзунь. С литографии 20-х гг. XIX вв. (по М.Мальгиной [2006, № 15])

Сохраняющаяся высота башни составляет 23 м. Снаружи она двенадцатиугольная, а внутри круглая. Внешний диаметр 12,50–14,0 м, толщина стен 2,85–3,60 м. Башня трехъярусная с остатками четвертого. Высота башни 23 м. Кладка выполнена из кирпича с использованием известкового раствора. В восточной и северной гранях на уровне второго этажа со стороны двенадцатиугольного фасада сохранились две бойницы (рис. 96). В восточной и северной гранях на уровне второго этажа сохранились две бойницы (рис. 96). В восточной и северной гранях на уровне второго этажа сохранились две бойницы (рис. 96).

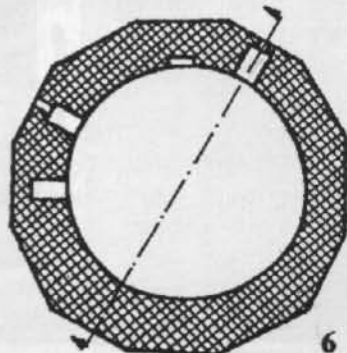
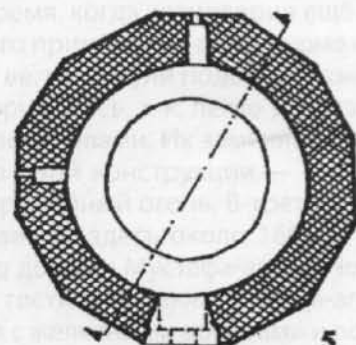
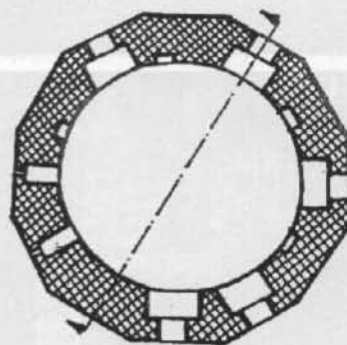
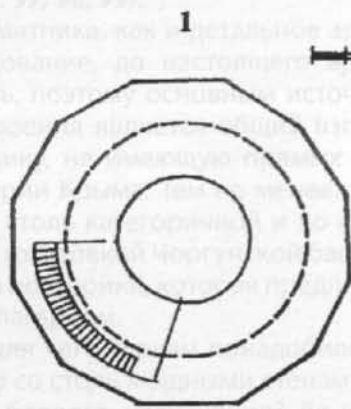
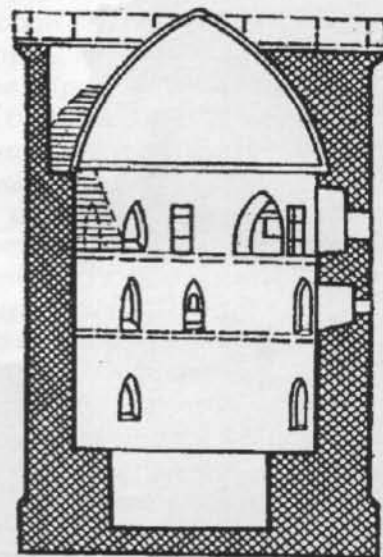
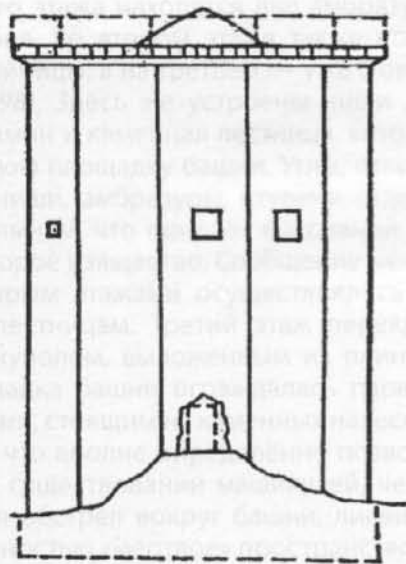
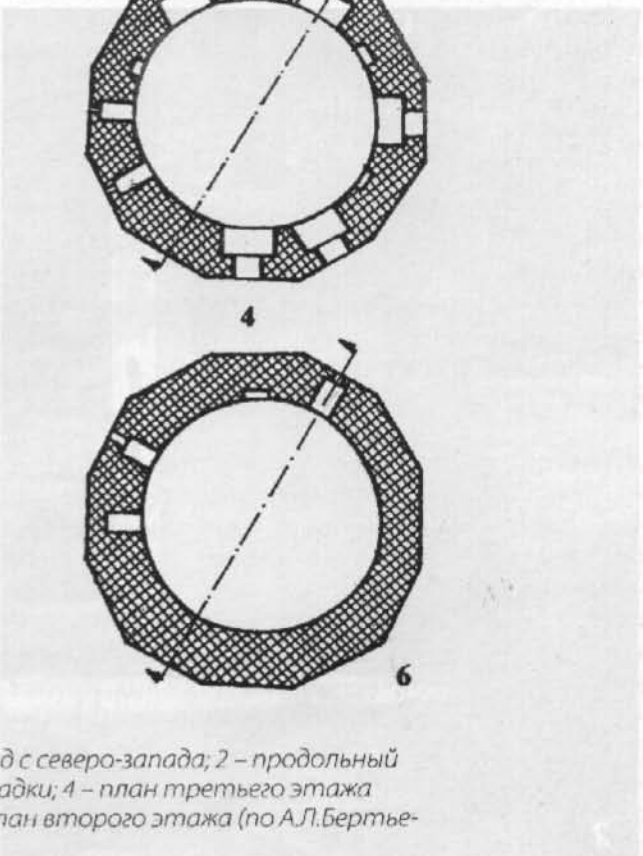
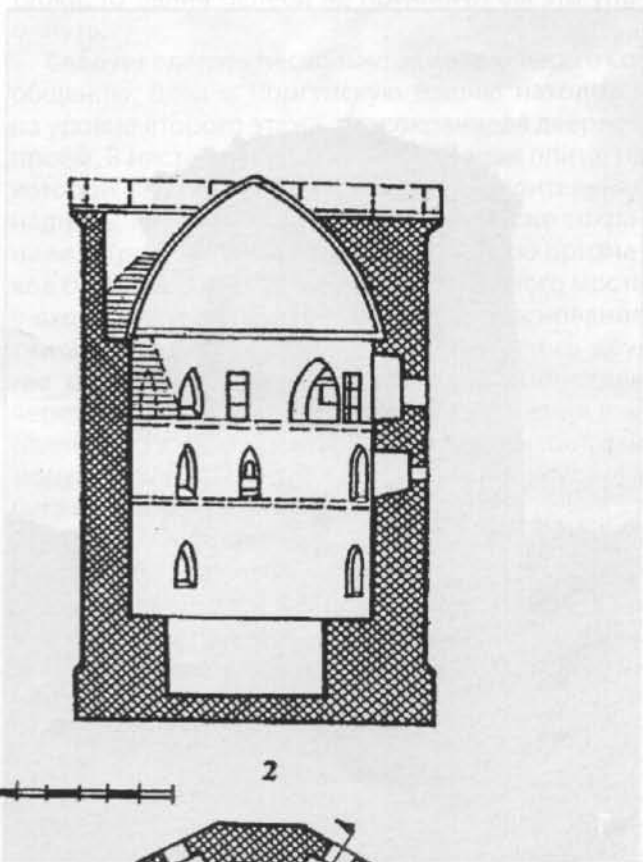


Рис. 96. Чоргунская башня XV в.: 1 – вид с северо-запада; 2 – продольный разрез; 3 – план верхней боевой площадки; 4 – план третьего этажа башни; 5 – план нижнего этажа; 6 – план второго этажа (по А.Л.Бертье-Делагарду [1886, с. 250])

Из приведенного описания видно, что турецкой путешественницей в 1657/58 г. в описании упоминается новый четырехпролетный мост через р. Казаклы-озен (ныне р. Черная), построенный в 1657/58 г.

Серфер Газиз-той (имени Мухаммед Газиз-хана и Ислам Газиз-хана). Нет сомнения, что если бы башню в с Чоргунь построенный действительно турки, то план башни не представлял бы это вид.



подвергались архитектурно-археологическому исследованию.

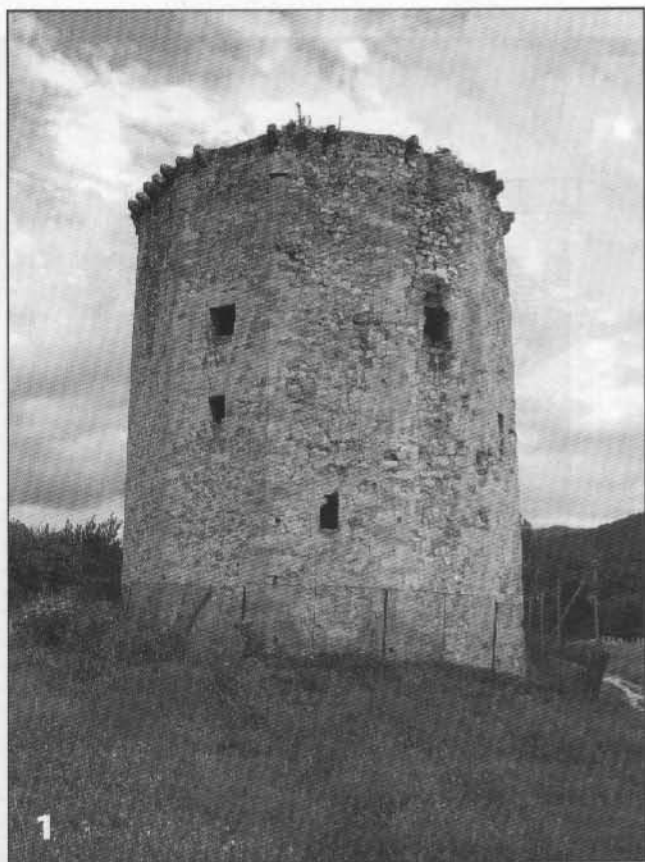


Рис. 97. Чоргунская башня: 1 – вид с северо-запада; 2 – вид с северо-востока (современное состояние памятника)

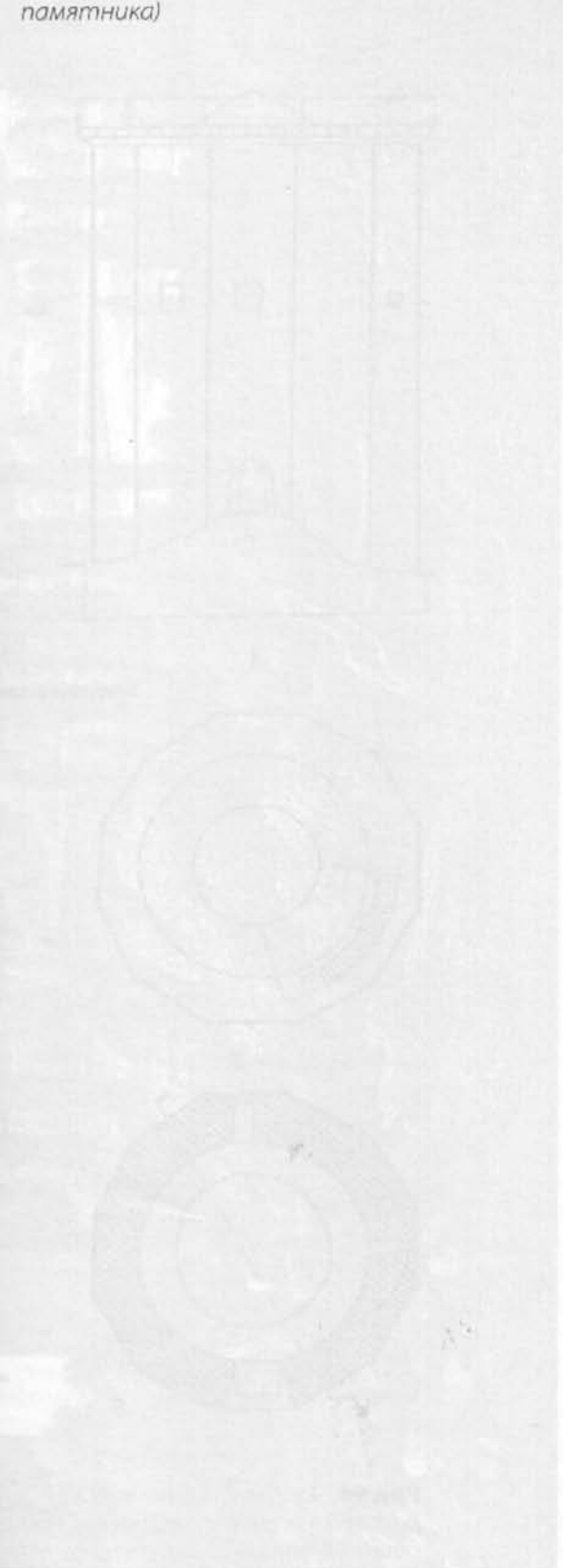


Рис. 97. Чоргунская башня: 1 – вид с северо-запада; 2 – вид с северо-востока (современное состояние памятника)

Сохранившаяся высота башни составляет 22 м. Снаружи она двенадцатигранная, а внутри круглая. Внешний диаметр 12,50–14,0 м. Толщина стен 2,85–3,60 м. Башня трёхэтажная с открытой боевой площадкой наверху. В её основании (на уровне цоколя) находится цистерна для воды, выложенная из песчаника и оштукатуренная цементным раствором. В восточной и северной гранях нижнего этажа находятся две амбразуры подножного боя. Во втором этаже также помещались две бойницы, а на третьем — уже 6 окон бойниц (рис. 98). Здесь же устроены ниши для шкафчиков, камин и каменная лестница, которая вела на верхнюю площадку башни. Углы, откосы, окна, камин, ниши, амбразуры, ступени отделаны тёсаным камнем, что придаёт массивной постройке некоторое изящество. Сообщение между первым и вторым этажами осуществлялось по деревянным лестницам. Третий этаж перекрыт стрельчатым куполом, выложенным из плинфы. Верхняя площадка башни ограждалась парапетом с мерлонами, стоящим на каменных навесных кронштейнах, что вполне определённо позволяет говорить о существовании машикулей, через которые вёл обстрел вокруг башни, ликвидировавший полностью «мёртвое» пространство её эспланады (рис. 97; 98; 99).

Раскопки памятника, как и детальное архитектурное обследование, до настоящего времени не проводились, поэтому основным источником по истории строения является общий взгляд на его архитектуру, не имеющую прямых аналогов на территории Крыма. Тем не менее, трудно согласиться со столь категоричной и до сих пор общепринятой трактовкой Чоргунской башни как чисто турецкой постройки, которая предлагалась А. Л. Бертье-Делагардом.

Во-первых, для чего туркам понадобилось сооружать башню со столь мощными стенами, если она не имела боевого назначения? Во-вторых, наличие машикулей на навесных кронштейнах указывает на время, когда артиллерия ещё не получила широкого применения при штурме крепостей. В XVI–XVII вв. машикули подобной конструкции уже не сооружались, т. к. легко разрушались прицельными выстрелами. Их заменяют машикули совершенно иной конструкции, — способной выдерживать оружейный огонь. В-третьих, Эвлия Челеби, побывавший здесь около 1666/67 г., пишет: <...> «перед домами Мустафа-аги из Чоргуна, у которого мы гостили, а также Ахмеда-аги есть большая башня с железными воротами и подъёмным мостом перед ними» [Челеби, 1999, с. 32–33].

Из приведённого отрывка видно, что турецкий путешественник не получал каких-либо сведений о времени постройки башни и не видел надписи, указывающей на дату этого события. В то время как несколькими строками выше он упоминает новый четырёхпролётный мост через р. Казаклыозен (ныне р. Чёрная), построенный в 1657/58 г.

Сефер Гази-агой (визирь Мухаммед Герай-хана и Ислам Герай-хана). Нет сомнений, что если бы башню в с. Чоргунь построили действительно турки, то Эвлия Челеби не приминул бы это упомянуть.

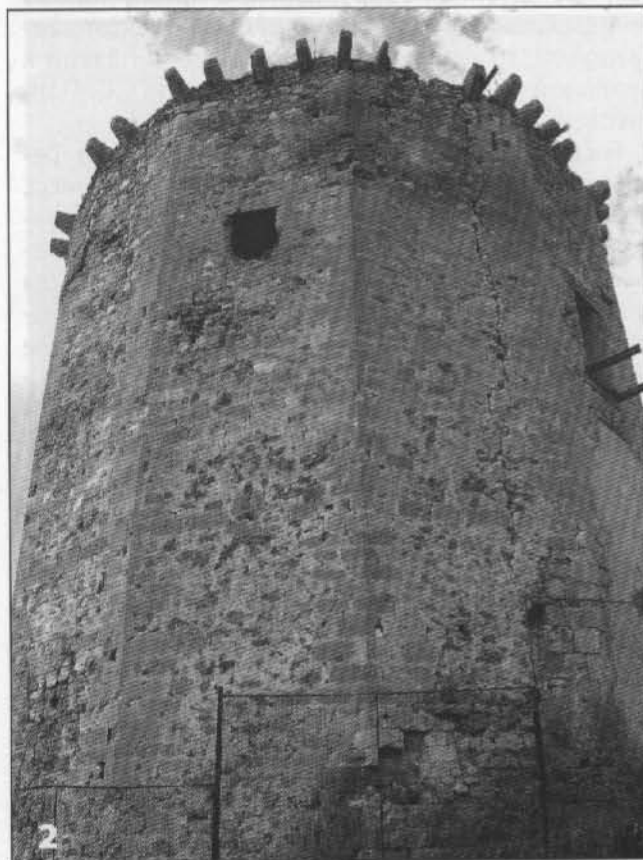
Следует сделать несколько замечаний к его сообщению. Вход в Чоргунскую башню находится на уровне второго этажа, где сохранился дверной проём. В настоящее время архитравная плита, на которой вполне могла находиться строительная надпись, и наличники дверных откосов не сохранились (рис. 100). Нет также и каких-либо признаков существования устройства подъёмного моста у входа в донжон. Тем не менее, есть основания считать, что рядом с башней располагалось другое сооружение, из которого в неё проникали через перекидной мостик: к югу от строения (параллельно старому руслу реки) видны остатки монументальной стены, сложенной из крупного бута на известковом растворе.

К тому же, селение Чоргунь не являлось каким-либо важным административным центром XVI–XVII вв., где должен был проживать паша, как считал А. Л. Бертье-Делагард. Об этом, по крайней мере, нет никаких свидетельств, кроме предания, слышанного П. С. Палласом. Причём сам Паллас сомневался в турецком происхождении строения и считал, что «это — скорее работа корсунских греков или генуэзцев» [Паллас, 1999, с. 56]. Если учесть, что машикули на навесных кронштейнах сооружались в Крыму только генуэзскими (западноевропейскими) фортификаторами, то следует признать более близкой к реальной точке зрения, высказанную П. С. Палласом и Л. А. Маджиоротти.

Рассматривая историю взаимоотношений Феоodoro и генуэзских факторий в данный период, можно предположить, что более вероятным временем сооружения башни являлся хронологический промежуток 1434–1441 гг., когда генуэзцы владели Каламитой. После драматических событий 1433–1434 гг. было естественным стремление генуэзцев обезопасить свои владения от дальнейших посягательств со стороны правителей Мангупа.

Но объективности ради следует признать, что и «генуэзская» трактовка данного памятника, которой ранее придерживался и автор, обладает рядом уязвимых мест. Прежде всего, это необычность архитектуры Чоргунской башни, не имеющей прямых аналогов среди других фортификационных сооружений, возведённых генуэзцами на территории не только Крыма, но и всего Причерноморья. Типологически она близка восьмигранной Чатал-Куле («Рогатой башне») генуэзской Лусты XV в. Данное сооружение генуэзских фортификаторов разобрано почти до основания ещё в 70-х гг. XIX в., и его остатки не подвергались архитектурно-археологическому исследованию.

Сохранившиеся в южной башне остатки каменной кладки, в частности, в юго-восточной части, свидетельствуют о том, что в настоящее время башня в с. Чоргуне построена действительно



Сохранившиеся в южной башне остатки каменной кладки, в частности, в юго-восточной части, свидетельствуют о том, что в настоящее время башня в с. Чоргуне построена действительно

Рис. 98. Окно-бойница третьего этажа южной грани Чоргунской башни: 1 – верхняя часть башни с окном и кронштейнами; 2 – юго-восточные грани башни (вид с юго-востока)

Сохранившиеся в южной башне остатки каменной кладки, в частности, в юго-восточной части, свидетельствуют о том, что в настоящее время башня в с. Чоргуне построена действительно

Сохранившиеся в южной башне остатки каменной кладки, в частности, в юго-восточной части, свидетельствуют о том, что в настоящее время башня в с. Чоргуне построена действительно

Сохранившиеся в южной башне остатки каменной кладки, в частности, в юго-восточной части, свидетельствуют о том, что в настоящее время башня в с. Чоргуне построена действительно

Сохранившиеся в южной башне остатки каменной кладки, в частности, в юго-восточной части, свидетельствуют о том, что в настоящее время башня в с. Чоргуне построена действительно

Сохранившиеся в южной башне остатки каменной кладки, в частности, в юго-восточной части, свидетельствуют о том, что в настоящее время башня в с. Чоргуне построена действительно

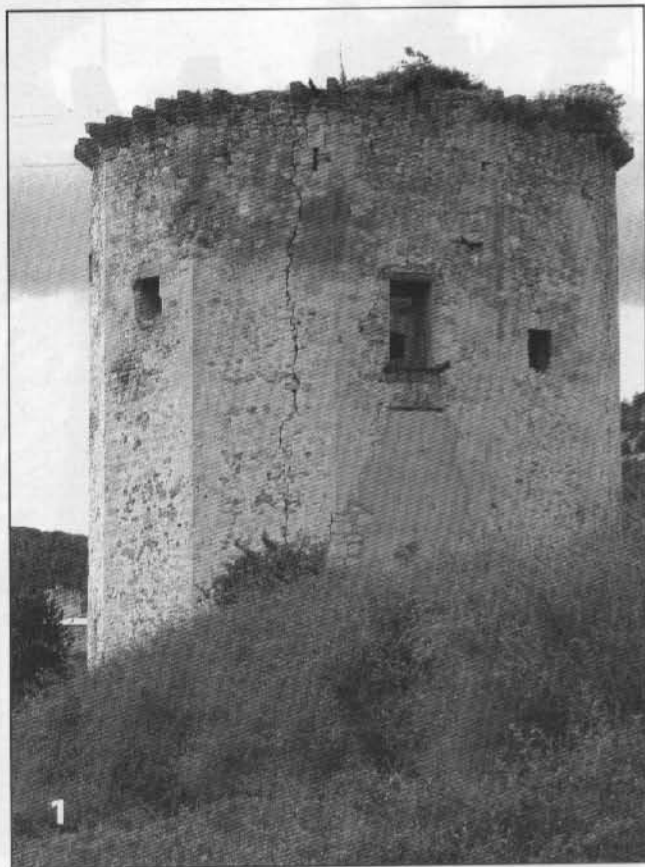


Рис. 100. Восточная часть Чоргунской башни со входом: 1 – общий вид; 2 – деталь со входом (вид с востока)



Рис. 99. Конкретные детали мурованья на восточной части башни 2 – северная сторона

Также необычно и местоположение памятника. Во-первых, генуэзцы никогда не строили укреплений вдали от береговой линии (все города и замки расположены непосредственно у моря). Во-вторых, Чоргунская башня стоит в пойме реки, а не на скальной возвышенности. Хотя рядом с ней, в 50–100 м к востоку, есть удобные для этого места. Подобная топография не характерна для крепостных сооружений лигурийцев, обладавших своеобразным архитектурно-строительным менталитетом, требовавшим ощущения «высоты» и «господства» над окружающим ландшафтом [Климанов, 1994, с. 47–48]. В-третьих, укрепление было возведено на правом («феодоритском») берегу р. Чёрной. В-четвертых, после подписания мира между Кафрой и Феодоро в ноябре 1441 г. Каламита была возвращена Алексею I (Старшему), но как обстояло дело с данным объектом (оставался ли он во власти Каффы до завоевания Крыма турками?), неизвестно.

Изданные материалы архивов Генуи (массарии) не упоминают о существовании лигурийского укрепления между Чембалом и Феодоро. К тому же, имеющиеся параметры обмеров Чоргунской башни позволяют предположить, что при её возведении строители пользовались мерой длины, равной 0,68 м, довольно близкой к венецианскому браччо (1 браччо = 0,683 м) [Карпов, 1990, с. 334].

Поставленные выше вопросы позволяют предложить и другую историко-архитектурную трактовку памятника. Деятельная натура Алексея I (Старшего) не могла примириться с потерей в 1434 г. не только Чембалом, но и Каламиты. К тому же, нельзя было исключать и возможность попытки нападения генуэзцев как на сам Мангуп, так и на его окрестности, которые были легко досягаемы, потому что, как уже отмечалось выше, путь от Балаклавы к столице Феодоро не контролировался никакими опорными пунктами. В этом не было необходимости до тех пор, пока Алексей I (Старший) вёл активную наступательную политику, но длительная борьба в условиях обороны требовала изменения тактики и приложения дополнительных усилий по защите границ. Поэтому владелец Мангупа после возвращения в Готию (1437 г.?) приступает не только к укреплению обороноспособности столицы, но и ближайших подступов к ней. Вполне вероятно, что в этом ему могли оказывать всевозможную помощь его союзники — венецианцы. Кстати, типологически этому строению близка так называемая «Венецианская башня» в Солониках (1423–1430 гг.).

3.4.3. Каффа и Феодоро в последние годы правления Алексея I (Старшего) (1442–1446 гг.)

Военно-политическая история Причерноморья второй половины 30–40-х гг. XV в. также отмечена рядом региональных конфликтов. Венеция,

обладавшая меньшими силами и возможностями на Чёрном море, пыталась создать коалицию, состоящую из нескольких государств, против факторий Генуи на побережье Понта. В первой половине XV в. в борьбу против Лигурийской республики в той или иной степени были втянуты Феодоро, Крымское ханство, Молдавское княжество, Синоп, Трпезундская империя и др. С Молдавией венецианцы поддерживали связь через Монкастро. Здесь они обосновались достаточно прочно только с 1436 г. В это же время, по всей видимости, устанавливаются дружественные отношения между молдавскими господарями и владетелями Мангупа.

Ещё в годы войны Венеции удаётся установить тесные дипломатические и торговые связи с Молдавией, осуществлявшиеся через Монкастро. 19 апреля 1435 г. сенатом республики св. Марка было получено письмо от одного из сыновей Александра Доброго — господаря Стефана II (1433–1447 гг.), с предложением начать торговлю с Венецией. После проведённых между двумя сторонами переговоров (они велись с венецианским байло в Константинополе), в марте 1436 г. был назначен первый вице-консул Венеции в Монкастро — Франческо Даудо [Jorga, 1899, p. 581; 1900, p. 93]. К тому же (если не более раннему) времени, вероятно, относится завязывание экономических отношений молдавских господарей с феодоритами, которые также были вынуждены вести торговлю с Константинополем через Монкастро из-за продолжительной войны с Кафрой [Vasiliu, 1929, p. 319].

Свидетельством торговых контактов жителей Газарии и Молдавии могут служить находки на территории полуострова монет молдавских господарей XV в. К настоящему времени они обнаружены в семи пунктах: 1) близ Симферополя (из раскопок 1947 г. Неаполя скифского происхождения 2 анэпиграфных полугроша (?) Александра Доброго, чеканенных в 1409–1431 гг.) [Харко, 1961, с. 217, 222, рис. 1]; 2) в Солхате [Крамаровский, 1989, с. 153]; 3) Мангупе [Бырня, Руссев, 1999, с. 207]; 4) Фуне; 5) Алуште [Кирилко, 1997, с. 181–184, рис. 1, 2; Бырня, Руссев, 1999, с. 206–207]; 6) Солдае [Майко, 2000, с. 427–428, рис. 2]; 7) Чембалом [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, с. 38; с. 60, № 18; с. 158, рис. 18; 2006, с. 209, рис. 139, 3].

Составить некоторое представление о характере дипломатических и торговых отношений между Феодоро и Венецией в 40-х гг. XV в. позволяет один известный до настоящего времени уникальный документ. Речь идёт о письме байло Республики св. Марка в Константинополе к владетелю Мангупа Алексею (*lettere Baili Venetorum Constantinopolis scripte Alexio de lo Tedoro*). К сожалению, письмо не датировано, что вызвало дискуссию.

Впервые письмо опубликовала В. Василиу. Она склонна была считать временем его написания 1442–1443 гг. [Vasiliu, 1929, p. 322–323]. С предложенной ею датой не согласились Н. Банеску [Banescu,

1931, p. 166] и А. А. Васильев [Vasiliev, 1936, p. 212], полагающие, что в источнике отражены события, предшествовавшие 1441 г. Н. Банеску, например, отмечал, что упоминание о Франческо Сфорца (*conte Francesco*)³⁶, Николло Пичинини (*Nicolo Piconono*) и короле Арагона (*Aragone*) Альфонсе логичнее связывать с более ранней датой, чем 1441 г., когда уже был заключён мир между венецианцами и флорентийцами с одной стороны и Миланским герцогом с другой [Banescu, 1931, p. 166]. Это мнение поддержал А. А. Васильев. Не приведя каких-либо дополнительных аргументов, он предлагал датировать письмо байло в хронологическом промежутке между 1436 и 1440 гг. [Vasiliev, 1936, p. 211–212].

С. П. Карпов, впервые издавший текст письма на русском языке, придерживается датировки В. Василиу [Карпов, 1998, с. 51–52]. По-видимому, решающее значение в определении времени написания письма байло имеет заключительная фраза. В ней говорится, о том что «дела турок складываются [для них] неудачно, так как бог благоволит венграм» (*Le cose de lo turcho non in favore de li hungari se dissi assai deo li voglia*) [Vasiliiu, 1929, p. 336; Карпов, 1998, с. 52].

Вероятнее всего, речь здесь идёт об осенне-зимней кампании 1443–1444 гг., когда объединённому крестоносному войску, возглавляемому королём венгерским и польским Владиславом III Ягело и венгерским правителем Яном Хуньяди (Янку де Хунедора, 1441–1456 гг.), удаётся выиграть у турок несколько сражений. В заключительной битве 5 января 1444 г., произошедшей между Нишем и Пиротом на р. Нишаве (Северная Болгария), турецкое войско, попав в засаду, было почти полностью истреблено. При этом в плен попали многие знатные турки (Махмуд бей, бей Болу-Челеби и др.) [Ангелов, Чолпанов, 1989, с. 30].

Воспользовавшись осложнением внутривосточной обстановки в Османской империи (отречение от власти Мурада и провозглашение султаном Мехмеда II, восстание янычар, волнения в Анатолии, притязания на престол брата Мурада — Орхана и др. [Иналджик, 1998, с. 30–31]), союзническая армия, возглавляемая Владиславом III Ягело, 20–21 сентября 1444 г. переправляется через Дунай и начинает военные действия против турок. Но уже 10 ноября 1444 г. христианская коалиция под Варной потерпела сокрушительное поражение, а король Владислав был убит [Ангелов, Чолпанов, 1989, с. 203–208].

³⁶ Франческо Сфорца (1401–1466 гг.) был побочным сыном Муцио Атендоло Сфорца (1369–1424 гг.) и после гибели отца командовал его войсками. С 1434 г. являлся папским наместником в Анконе и в том же году перешёл на службу Флоренции, женившись на Бьянке Висконти — дочери Миланского герцога Филиппо Мариа Висконти. В 1442 г. Франческо вступил в войну с папой Евгением IV, после завершения которой получил права на владение значительной частью Анконской Марки. С 1450 г. Сфорца стал герцогом Миланским. Поэтому нельзя исключать, что в письме байло речь идёт о событиях конца 1442–1443 гг., когда шла борьба за обладание Анконией [Темнов, 1996, с. 636].

Войне 1444 г. на Балканах европейские государства придавали большое значение. Она велась по тщательно разработанному плану. Действия сухопутной армии должен был поддерживать объединённый морской флот (в него входило 8 венецианских кораблей, 8 судов, снаряжённых папой, 4 бургундского герцога и 2 дубровницких). Организацией флота коалиции занимался сенат Венеции. Папско-венецианский флот отправился из Венеции 22 июня 1444 г. [Недев, 1969, с. 226], чтобы, блокировав пролив Босфор, предотвратить переправу османской армии из Анатолии в Румелию (Балканы).

Судя по всему, байло ко времени написания письма имел информацию только о событиях, произошедших в начале 1444 г. Это позволяет установить хронологические рамки его отправки в Монкастро в пределах двух важнейших событий первой половины года — не ранее 5 января (поражение турок на р. Нишаве) и не позднее 12 июня (подписание мирного договора в Эдирне). Сузить предложенные временные пределы (5 января — 12 июня) позволяет отсутствие какой-либо информации о переговорах, проводившихся перед подписанием мира, а также, что особенно важно, о подготовке морской экспедиции в Венеции. Поэтому байло и пишет, что ожидает новых известий с прибытием галей, о чём сразу же сообщит Алексею [Vasiliiu, 1929, p. 336; Карпов, 1998, с. 52].

Вероятнее всего, письмо из Константинополя послано с началом навигации. В таком случае, оно может быть датировано второй половиной марта — первой половиной апреля 1444 г. Если последовательность отражённых в письме событий установлена нами правильно, то более вероятным автором письма к Алексею I (Старшему) следует считать Марино Соранцо, приступившего к исполнению обязанностей байло венецианской фактории Константинополя в 1443 г. и сменившего на этой должности Марко Квирина [Jorga, 1897, III, p. 75, 102; Vasiliiu, 1929, p. 324].

Отправка небольшого торгового корабля (*monero*) из Каламиты в Монкастро, а оттуда в Константинополь, с грузом кож, предназначенных для продажи купцам из города Кандии (о. Крит), происходила осенью 1443 г. Вместе с товарной партией груза Алексей I (Старший), по-видимому, через доверенное лицо, передаёт венецианскому байло и письмо, на которое тот отвечает ранней весной 1444 г., и посылает ответ с первым судном, отплывающим в Монкастро. В своём сообщении официальный выражает готовность принять любую партию шкур, зная о падеже скота во владениях Алексея [Карпов, 1998, с. 52].

Данное указание в источнике может также служить относительным хронологическим репером в определении времени отражённых в нём событий. Известные летописные сведения сообщают о том, что на протяжении почти десяти лет (1438–1448 гг.) в Западной и Восточной Европе были су-

ровые и снежные зимы (холода наступали рано, лето было коротким, но засушливым). Неблагоприятные погодные условия приводили к гибели урожая, голоду и бескормице, вызывавшей падеж скота. Особенно трудными были 1442–1445 гг. [Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 293]. Вполне вероятно, что и в Крыму в эти годы население испытывало большие затруднения с получением продовольствия, а в 1443 г. здесь отмечается эпизоотия, приведшая в итоге к большим потерям в торговле шкурами, которые поставлялись жителями Готии на экспорт.

В письме также содержится важная информация, касающаяся как личностной характеристики Алексея I (Старшего), так и внутривосточной обстановки в его владениях. Оказывается, что байло получил сведения о болезни правителя Феодоро и «советует ему блюсти трезвость, тогда тот будет мало спать, а когда мало спят <...> влажность не так воздействует [на организм]»³⁷.

Далее следует отметить буквально заинтригованный исследовательский фрагмент. В нём речь идёт об отправке Алексею отравленных сладостей: «[Что же касается] отравленных конфет (*confeti atosigati*), которые можно долго хранить, и относительно расходов на их приобретение, я, хоть и неохотно, но выполнил, однако надеюсь, что Вы их предназначаете [использовать] для неверных. Заботясь о Венеции, я надеюсь, что это дело не повредит её репутации» [Vasiliiu, 1929, p. 335; Vasiliev, 1936, p. 211].

С. П. Карпов предлагает несколько иной перевод: «Относительно отравленных конфет, их действию, цене и способе применения байло сообщает, что (власти Венеции) их дают неохотно. Полагая, что они нужны князю для неверных, байло попробует заказать в Венеции сахарные орешки, надёжное средство» [Карпов, 1998, с. 52]. Но, как ни решался бы в дальнейшем вопрос с нюансами перевода данного сюжета, для нас принципиально важно его общее звучание в тексте источника.

А. А. Васильев, исходя из предложенной им датировки письма, пришёл к заключению, что «неожиданная просьба Алексея относительно отравленных сладостей свидетельствует о том, что война ещё не закончилась. Разумеется, он не собирался применять яд против татарского хана или какого-нибудь татарского представителя власти, с которыми он был в дружественных отношениях. Этот коварный замысел (совершенно в духе того времени) был направлен, вероятнее всего, против генуэзцев, но мы не знаем против кого именно» [Vasiliev, 1936, p. 212].

Действительно, лукавство венецианского байло очевидно. Укрепившийся к этому времени в Крыму Хаджи-Гирей на протяжении всего своего

правления неизменно придерживался дружественных отношений с владельцами Феодоро, оказывая постоянное военное, экономическое и психологическое давление на генуэзцев. Однако трудно согласиться с утверждением А. А. Васильева о том, что заказ присылки отравленных конфет (или орешков) Алексей I (Старший) намеревался использовать против кого-либо из официалов Каффы. Учитывая их ежегодную сменяемость, данная мера всегда была бы малоэффективной. Можно предположить, что желание Алексея применить яд касалось, скорее всего, кого-либо из окружения владельца Мангупа.

Сквозь лаконичные строки письма байло улавливается беспокойство о положении дел в Феодоро. На 33 или 34 году правления мы видим уже не энергичного и предприимчивого, «дерзкого», «коварного», «гордого» и «неблагодарного» владельца, как его характеризуют генуэзские источники 20–30-х гг. XV в., а морально сломленного чередой серьёзных неудач и личных потерь Алексея I (Старшего). Проиграв, по сути, войну генуэзцам, вынужденный подписать с ними униженный мир, вторично (?) признав сюзеренитет Генуи над прибрежной Готией и Чембалом, добившись возвращения Каламиты только благодаря участию Венеции, правитель Феодоро, по-видимому, осознавал бесплодность своей двадцатилетней борьбы с Лигурийской республикой.

Поэтому байло увещевает Алексея блюсти трезвость и меньше спать. Вполне вероятно, что к этому времени взрослые сыновья властолюбивого правителя уже мало считаются с его мнением, стремясь к самостоятельному управлению делами. Поэтому, видимо, примерно через три года (в 1447 г.) источники отмечают не единоличное правление в Феодоро среднего сына Алексея Олобо, а некий институт соправителей, и в него, помимо самого Олобо, входили братья князя. Обострение внутрисемейного конфликта (?), в основе которого, вероятнее всего, находился вопрос о престолонаследии или разделе власти после устранения (?) Алексея I (Старшего) от активного участия в политической жизни Готии, явилось причиной заказа отравленных сладостей. Но о том, как в реальности обстояло дело в Феодоро в 40-х гг. XV в., имеющиеся в нашем распоряжении источники умалчивают.

Рассматриваемое письмо важно тем, что в последний раз при жизни Алексея I (Старшего) фиксирует его дипломатические отношения в форме тайной переписки с официальным республиканским св. Марка Лигурийцы ревниво следили за ходом подобных контактов (послание было перехвачено генуэзцами), свидетельством чего и является копия послания венецианского байло Марино Соранцо (?), хранящаяся в архиве Генуи.

Письменные источники первой половины 40-х гг. XV в. отмечают значительный рост антигенуэзских настроений на берегах Понта [Карпов,

³⁷ <...> sono informato de la vostro malatia, la maior parte concordam la sobrieta e stagando sobrio havereti caxione de dormir bocho e dormando bocho li humori non possono far processo) [Vasiliiu, 1929, p. 335; Vasiliev, 1936, p. 211; Карпов, 1998, с. 52].

1995, с. 17]. Поэтому, когда в 1444 г. в Чёрное море входит флотилия, состоявшая из 4 кораблей бургундского герцога Филиппа III (1419–1467 гг.) под командованием Валерана Ваврена, которую предполагалось использовать в войне против османов, то после разгрома войск Владислава III и Яноша Хуньяди под Варной и их отступления бургундцы стали действовать самостоятельно (конец 1444–1445 гг.). При этом они направляли свои удары в основном против турок и генуэзцев [Jorga, 1927, p. 10–56; Карпов, 1995, p. 186–189, 217–218; Карпов, 1998, с. 41, 48].

3.4.4. Миссия Барнабо ди Вивальди в 1446 г. и новый Устав Каффы 1449 г.

Элементы кризисного характера, проявившиеся как в экономической сфере, так и в системе административного управления генуэзскими факториями побережья Чёрного моря, потребовали принятия незамедлительных мер. Поэтому в начале 1446 г. в Каффу направляются уполномоченные правительством метрополии чиновники-контролёры (*socii reformatores*). Перед ними была поставлена задача упорядочить всю совокупность ранее принятых уставов, постановлений и правил, а также провести ревизию их исполнения официальными факторий. Возглавлял миссию Барнабо ди Вивальди. После «исполнения того, что было им поручено» в течение одного года (31 марта 1447 г. Барнабо ди Вивальди со своими товарищами подали петицию дожу и Совету старейшин) реформаторы и комиссары (*missos reformatores et commissarios*) прибыли в Геную на nave Стефано Дориа [Карпов, 1998, с. 43].

Однако при общей позитивной оценке работы, проделанной в Причерноморских факториях Барнабо ди Вивальди и его спутниками, ясно, что их действия не дали ожидаемых результатов. Поэтому уже в начале 1449 г. правительство Лигурийской Республики вынуждено было вновь обратиться к рассмотрению вопроса по учреждению нового *Ordino Caphe*. 24 января 1449 г. в курии Генуи состоялось совещание, на котором присутствовали дож Лодовико ди Компофрегозо и Совет старейшин коммуны города. Были также приглашены некоторые чиновники комитета Романи и 4 официала, специально занимавшиеся подготовкой текста нового Устава Каффы: Качинемико де'Франки Луксардо, Урбано ди Негро, Паоло Джентиле и Дамиано ди Леоне.

В самом начале протокола заседания Совета старейшин коммуны Генуи отмечено: «<...> считая нужным и полезным принять заблаговременно попечение о принятых в последний раз в Каффе благородным и блистательным Барнабо ди Вивальди и [его] товарищами, направленными <...> на Восток, уставов, распоряжений и правил (*ordinibus, moderationibus, et regulis*), ко-

торые до сих пор не были ещё ни преобразованы, ни утверждены, ни отменены, чтобы после этого наши чиновники (*officiales nostri*), направленные туда, а также народ Каффы знали какими управляться (*gubernare*) законами и нормами (*lege et norma*), тем более что, как видно из опыта, а также по доходящим слухам (*fama*) и официальным сообщениям (*nuntiante officia*), проведённые упомянутыми комиссарами реформы нуждаются в новом преобразовании, как по причине чрезмерности тягости повинностей лежащих на них, так равно и потому, что после известных изменений сделанных прежде, утверждены были, опять теми же комиссарами, новые законы и правила, по которым должны правильно избираться официалы (*ordinatis legibus officiales*), а также руководствоваться лично при управлении и исполнении своих обязанностей (*ipsi se regere in ipsus administrandis possunt*)» [Устав 1449 г., 1863, с. 633–634].

В связи с процитированным отрывком возникает вопрос: для чего понадобилось ещё дополнительное обсуждение и изучение принятых относительно недавно мер по исправлению законодательства, регулирующего административное управление факториями? Ответ на него также содержится в протоколе: назначаемые в метрополии чиновники манкировали новыми правилами, разработанными комиссией и утверждёнными в Каффе в 1446 г. Поэтому повторное утверждение высшими магистратами Генуи «*Ordino Caffè*» придавало ему статус государственного закона. К тому же была очевидной необходимость не только в редакторской правке отдельных статей Устава, но и во включении дополнительных. Данная задача возлагалась на чиновников комитета Романи и «редакционную коллегию» из 4 граждан Генуи. Они обязаны были «приступить к уразумению, одобрению, исправлению и преобразованию всех вообще и в частности нижеследующих уставов (*ordinum*) для того, чтобы <...> привести в такой порядок, чтобы нерушимо и неприкосновенно соблюдались и послужили к мирному согласию и приращению народонаселения нашего города Каффы и других мест ему подчинённых» [Устав 1449 г., 1863, с. 634–635]. С поставленной задачей официалы должны были справиться «заблаговременно, прежде чем отплывёт корабль Николо Дориа, отправляющийся в Каффу» [Устав 1449 г., 1863, с. 634], т. е. до начала навигации (с 1 по 15 марта?). Поэтому уже 28 февраля 1449 г. был утверждён новый «*Ordino Caffè*», состоящий из 96 параграфов (81 параграф относится непосредственно к управлению городом Каффой, а 15 содержат информацию «Об устройстве мест подчинённых Каффе»).

Из-за установленных сроков Устав готовился в спешке, о чём позволяет говорить как его структура, так и содержание отдельных глав и пара-

графов. Например, когда уже казалось, что весь текст был отработан и завершался главой «О том, что Самастро подчиняется ведомству Перы», к нему пришлось добавить ещё пять глав (с № 16 по № 20), имеющих отношение исключительно к Каффе. Особый интерес представляют две последние главы: № 19 «О том, что ни один Сарацин (*Saracenus*) не в праве держать в своём доме оружия (*in eius domo arma*)» и № 20 «О том, чтобы указанные ниже работающие мастера (*artium laboratores*) не смели уезжать» [Устав 1449 г., 1863, с. 642–643]. Как видим, они касаются актуальных проблем жизнеобеспечения и безопасности фактории во второй половине 40-х гг. XV в.

В первом параграфе главы № 19 говорится: «Приняв во внимание, что много сарацин (мусульман? – В. М.) предпочитают жить в городе (*urbem*) будучи большею частью величайшими врагами христианской веры (*christiani inimicissimi*), постановляем и предписываем, для предотвращения всякого способа и мысли сделать зло, чтобы ни один сарацин, живущий в Каффе, как в бургге, так и в антибургге и в цитадели (*habitor Caphe et tam burgorum quam antiburgorum et castris*) не смел и не думал впредь иметь или держать в доме собственном или арендуемом никакого оружия наступательного или оборонительного (*arma offendibilia vel deffendibilia*), под опасением потерять в наказание таковое оружие и заплатить [за это] одному до 10 соммо штрафа, по приговору консула и массариев» [Устав 1449 г., 1863, с. 814–815]. Второй параграф касается приезжающих в факторию морем турок (*Teurci*) и других мусульман: им не разрешалось «выгружать никакого оружия, разве только с тем условием, чтобы сложить его в доме какого-нибудь из жителей Каффы, под вышеозначенным штрафом» [Устав 1449 г., 1863, с. 815].

Не вызывает сомнений, что принятия подобных мер требовала сложная политическая обстановка, складывавшаяся в этот период в Причерноморье, в особенности в связи с активизацией турок-османов. Посланная в 1447 г. к берегам Колхиды Мурадом II эскадра направилась затем к побережью Готии: её земли османы опустошили, захватив большое количество пленных [Laonici Chalcocondylae, 1843, p. 260–261]³⁸. Сохранялись довольно напряженные отношения и с татарами ввиду того, что Хаджи-Гирей

³⁸ «Мурад [II] (Ἰμωυράτης) <...> послал галеры (τριηρεις) в страну Колхиду, чтобы они опустошили страну, поработили город, если могли, поплыли против Готии (ἐπί Γοθίας) и, где возможно, разграбили страну, пристав (ἀποβάτας) [дословно: высадив экипаж]. И приняв, галеры отправились в страну Колхиду и, прибыв к готам (ἐπί τοὺς Γότθους), разграбили страну, поработав немалую (территорию). Когда же вернулся флот, поднялась сильная зимняя буря (χειμῶν ... ἰσχυρὸς), и северный ветер (ἀνεμὸς ἀπὸ ἀρκτίας), налетев, отнёс его в (Малую) Азию в район Понтиаклии (κατὰ τὴν Ποντοπράκλειαν), и, отправляясь туда, несколько галер погибли, оказавшись в таком несчастье» [Баеир, 2001, с. 216].

неизменно занимал антигенуэзскую позицию. В таком случае, данная глава была бы более уместной в первой части Устава, касающейся непосредственно регламентации отношений с татарами (параграф № 72).

Заключительная глава (№ 20) содержит предписание о том, «чтобы канатные мастера (*magistri asie*), конопатчики (*magistri antelami*), каменщики (*masachani*) имели главного мастера (*protomastrum*) или старшего (*capitem*) в каждом из этих ремёсел (*artium*), который должен записывать у себя имена всех [ремесленников]». При этом им запрещалось «выезжать из города Каффы в другие места (*locorum*) для какой-либо работы без специального разрешения (*licencia*) консула и массариев» [Устав 1449 г., 1863, с. 815].

Очевидно, что здесь речь идёт не просто о ремесленниках или мастерах, работавших в фактории, а о тех, кто нанимался и получал от массарии жалованье (*stipendium*). Квалифицированному ремесленнику выплачивалось коммуной до 12 соммо в год [Balletto, 1978, p. 272]. В целом же, в Каффе работали мастера самых разнообразных специализаций. По подсчётам М. Балара, только в конце XIV в. здесь трудилось 470 человек [Balard, 1978, p. 713].

В середине — второй половине XV в. коммуна фактории привлекала специалистов высокой квалификации для удовлетворения растущих потребностей самого города. Например, в 1465 г. их число достигло 150 человек (против 100, получавших стипендии до этого года) [Balletto, 1978, p. 273]. Названные в Уставе «магистры» (канатные мастера, конопатчики и каменщики) должны были заниматься ремонтом и строительством кораблей (в том числе и военных) на верфях Каффы, а также реставрацией старых и возведением новых оборонительных сооружений города (каменщики). В условиях постоянной военной опасности меры по ограничению их свободного перемещения были вполне обоснованы. Тем не менее, параграф, касающийся мастеров по строительству и оснащению судов, логичнее было бы поместить в главе «О вооружении (*armandi*) галей и галеотт Каффы» (№ 42, часть I).

Следует признать, что, несмотря на все внесенные в Устав 1449 г. новации, магистраты Генуи не добились ожидаемого результата. Создававшаяся на протяжении двух столетий система управления Причерноморскими факториями переживала глубокий кризис, вызванный глобальным изменением политической обстановки в Понтийско-Средиземноморском регионе, связанной с экспансией османов, развалом Золотой Орды и соответствовавшей этому политическому фону неблагоприятной торговой конъюнктуры. Поэтому уже через пять лет (с 1454 г.) протекторам (попечителям) Банка Сан-Джорджо придётся целенаправленно проводить серию новых административных реформ.

3.4.5. Смерть Алексея I (Старшего) и начало правления Олобо. Трапезундско-генуэзский конфликт 1446 г.

Обострение отношений между генуэзцами и Иоанном IV привело к тому, что летом 1446 г. (в консулат Джованни Навоно [Карпов, 1998, с. 47]) у стен Каффы появился объединённый флот южнопонтийских государств под командованием деспота Давида (В. Василиу ошибочно относил данное событие к 1447 г. [Vasiliiu, 1929, p. 324]). Эскадра состояла из 13 фуст и галер [Vasiliiu, 1929, p. 324; Карпов, 1981, с. 113]. Действия Давида Великого Комнина поддержал новый правитель Феодоро Олобо и, вероятно, Хаджи-Гирей. Каффа, оказавшись в затруднительном положении, была вынуждена откупиться продовольствием и подарком для деспота стоимостью в 1413 аспров [Jorga, 1900, p. 62]. Видимо, к этому времени Иоанну IV удалось создать антигенуэзскую коалицию, потому что одновременно с Давидом против генуэзцев выступили эмиры Кастамона, Синопа и др. [Jorga, 1900, III, p. 30–31; Banescu, 1939, p. 6].

Причины продолжительного конфликта, урегулирование которого относится только к 1449 г., остаются не до конца выясненными. Для нас это событие интересно прежде всего тем, что оно касалось непосредственно генуэзской Газарии и Феодоро. После столкновения в порту Каффы, в результате которого было повреждено несколько генуэзских судов (нападавшие специально срубили у них мачты [Vasiliiu, 1929, p. 324]), деспот Давид отправился к Каламите, где произошла его встреча с Олобо и другими сыновьями покойного Алексея I (Старшего) [Jorga, 1900, III, p. 216; Vasiliiu, 1929, p. 324]³⁹.

Повод для визита в феодоритский порт трапезундской эскадры, встреча Давида с Олобо и суть проведённых переговоров до настоящего времени остаются невыясненными. Были ли в это время жив глава правящей на Мангупе фамилии Алексей I (Старший), неизвестно.

³⁹ В своём послании официалам Каффы от 2 мая 1447 г. магистраты Генуи следующим образом освещают события, произошедшие в Газарии в 1446 г.: «Тяжкие поступки, возобновление интриг, ущерб и другие опасности [были] нанесены с определённого времени нашим людям из Каффы, через императора Трапезунда (*per imperatorem Trapezundarum*) (т. е. Иоанном IV Великим Комнином) и его деспота (т. е. Давида), когда он с галерами и фустами (*cum galeis et fustis*) сделал высадку в Каффе вопреки договорам и обязательствам, поплыл оттуда через Великое море (*Mare Majus*) (т. е. Чёрное море) к границам Каффы (*ad confinia Caphae*), оттуда свернул в Каламиту и Феодоро (*Calamitam et Tedorum*) и пребывал там с Олобеем (*Olobei*) и другими сыновьями покойного Алексея» [Jorga, 1900, III, p. 216; Vasiliev, 1936, p. 224, № 3; Байер, 2001, с. 216]. Генуэзский источник не говорит о том, что Давид Великий Комнин встречался с Алексеем I (Старшим). Аудиенция проходила в Феодоро с Олобо и его братьями, т. к. Алексей к этому времени (летом 1446 г.?) скончался.

Если предположить, что к этому моменту он скончался, то вполне вероятно, что Давидом Великим Комниным могла быть предпринята попытка вмешаться (?) в решение вопроса о престолонаследии. Но тот факт, что до осени 1457 г. в генуэзских источниках в качестве главного действующего в Феодоро лица продолжает выступать Олобо, может свидетельствовать о реальном сохранении за ним права «первенствующего» после смерти отца.

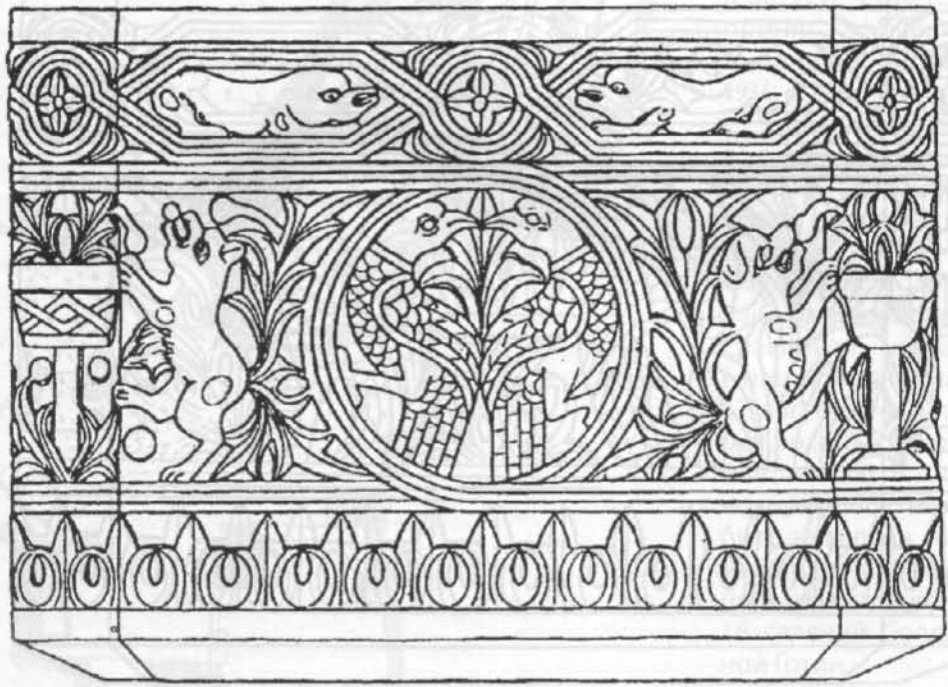
В. А. Сидоренко высказал предположение, что старшему сыну Алексея I (Старшего) Иоанну принадлежали (в том числе и в 1433–1434 гг.) земельные владения и крепость в районе Алушты (точнее, на мысе Плака). Данная территория перешла к генуэзцам незадолго до 1446 г. Именно это якобы и привело впоследствии к обострению «мангупско-генуэзских отношений в борьбе за владение Готией» [Сидоренко, 1993, с. 159]⁴⁰.

Но все эти утверждения бездоказательны и основаны на предельно субъективной трактовке косвенных данных, противореча сведениям как письменных (причиной конфликта между Трапезундом и Каффой явились неурегулированные вопросы по налогам и невыплате долгов), так и материальных источников⁴¹.

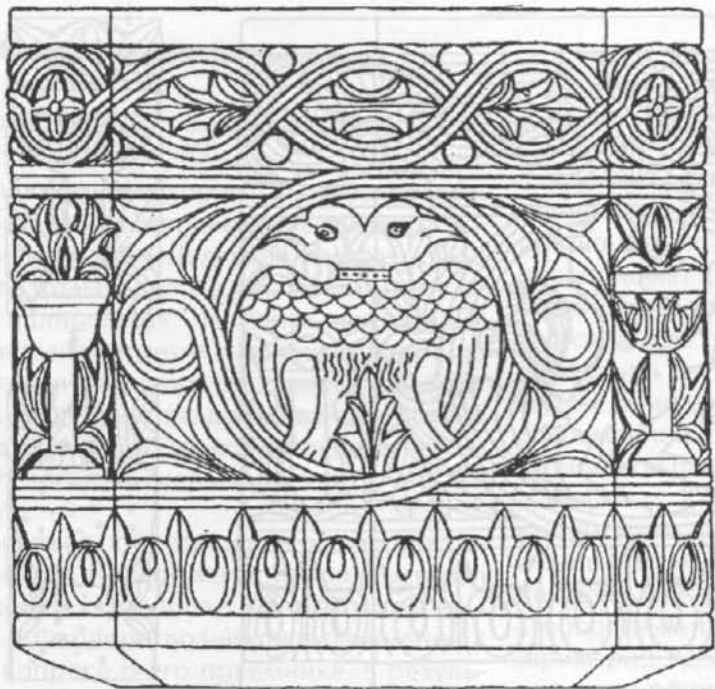
События лета 1446 г. интересны также тем, что в генуэзских источниках впервые отмечено имя ещё одного представителя (?) правящей в Феодоро фамилии.

⁴⁰ Также бездоказательна и предполагаемая им связь купели «княжича Алексея» (рис. 101; 102) с данным местом. Она могла быть доставлена в Кучук-Ламбат любым из владельцев этого имения в XIX в. (в том числе и из-за границы, учитывая увлечённость русского дворянства собирательством различного рода древностей). Ведь до сих пор точно не установлено место и обстоятельства, при которых в имение «Саблы» попала надпись 1427 г. владельца Феодоро Алексея [Бертье-Делагард, 1918, с. 2–3]. Однако никто из исследователей не отважился провести связь данной находки с историей селения Саблы в XV в. Именно так поступает В. А. Сидоренко с интерпретацией купели, происхождение которой до сих пор является загадкой. Единственной связью между этими двумя находками (купелью и посвятителной надписью 1427 г.) является то, что и оба имения — «Саблы» и «Кучук-Ламбат» — принадлежали в первой четверти XIX в. А. М. Бороздину: «Саблы» были куплены им в 1802 г., но уже в 1826 г. перешли в казну, а «Кучук-Ламбат» приобретено в 1813 г., а после смерти А. М. Бороздина (1838 г.) досталось по наследству его дочери Марии. Таким образом, можно только надеяться, что архивные поиски (особенно изучение описей имущества, находившегося на территории этих имений) могут пролить свет на время и обстоятельства появления здесь двух интересных артефактов средневекового времени.

⁴¹ Попутно отмечу, что по данным археологических разведок, проводившихся на территории мыса Плака, укрепление было разрушено в последней четверти XIII в. и более не восстанавливалось. Поэтому предлагаемая ранее мной более широкую датировку памятника — XIII–XIV вв. — следует признать априорной [Мыц, 1991а, с. 148]. Каких-либо признаков существования крепости в XV в., как полагает В. А. Сидоренко, вообще не выявлено.



1



2



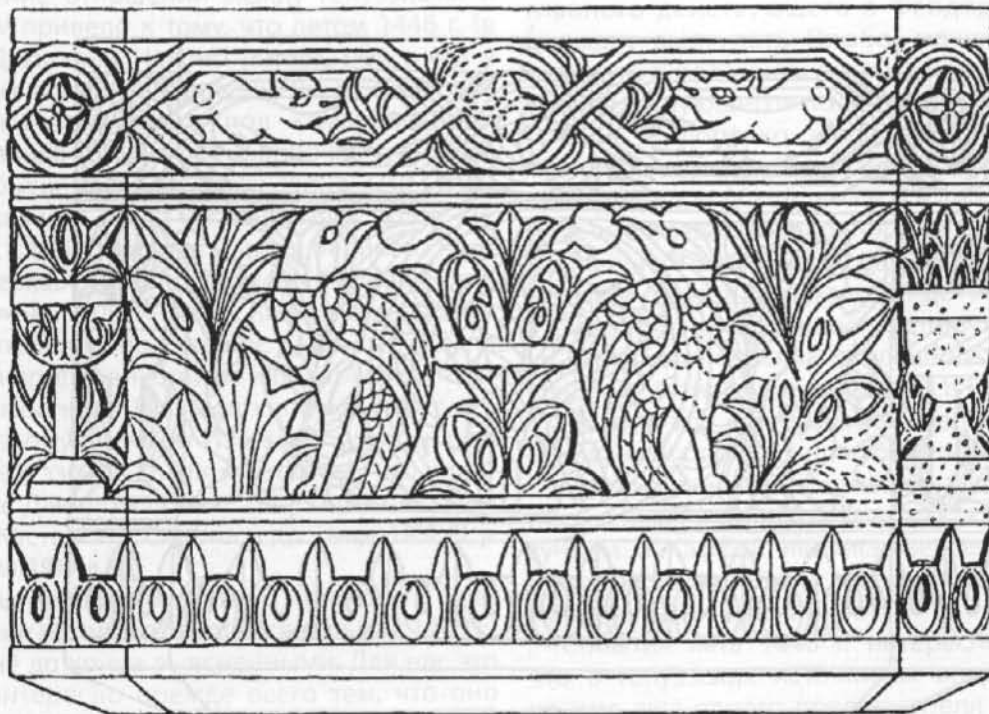
3



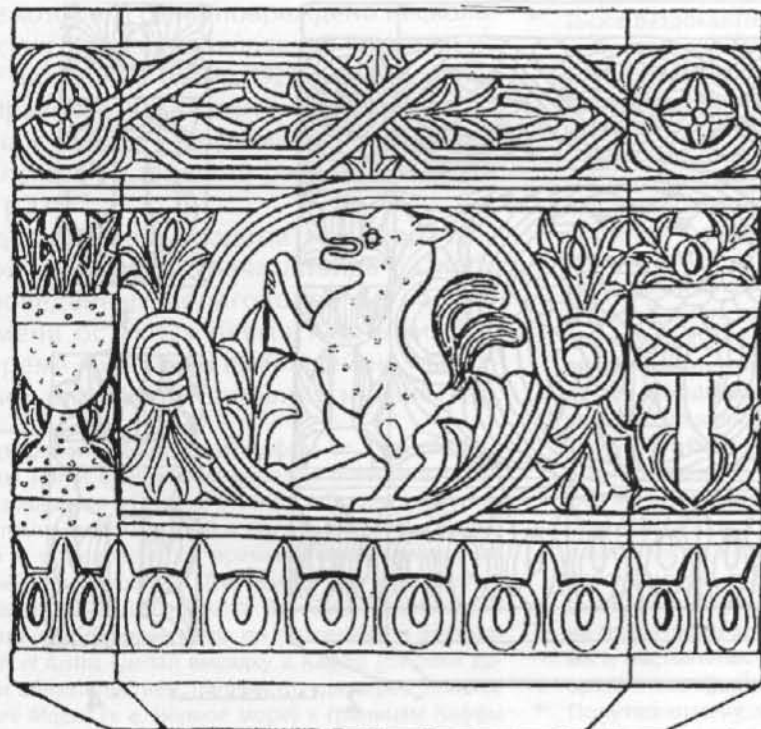
4

Рис. 101. Купель XV в. из Кучук-Ламбата: 1 – 2 проекции 3, 4; 3 – 4 – изо-
бражения чаш на узких гранях купели (по В.А.Сидоренко [1993, рис. 9])

Если предположить, что в этому моменту он скончался, то вполне вероятно, что Давидом Великим Комnenным могла быть предпринята попытка захватить (?) и решение вопроса о престолонаследии. Но тот факт, что до осени 1457 г. в геузузских источниках в качестве



1



2



3



4

Рис. 102. Купель XV в. из Кучук-Ламбата (мыс Плака): 1 – 2 проекции 1, 2; 3 – 4 – изображения чаш на узких гранях купели (по В.А.Сидоренко [1993, рис. 8])

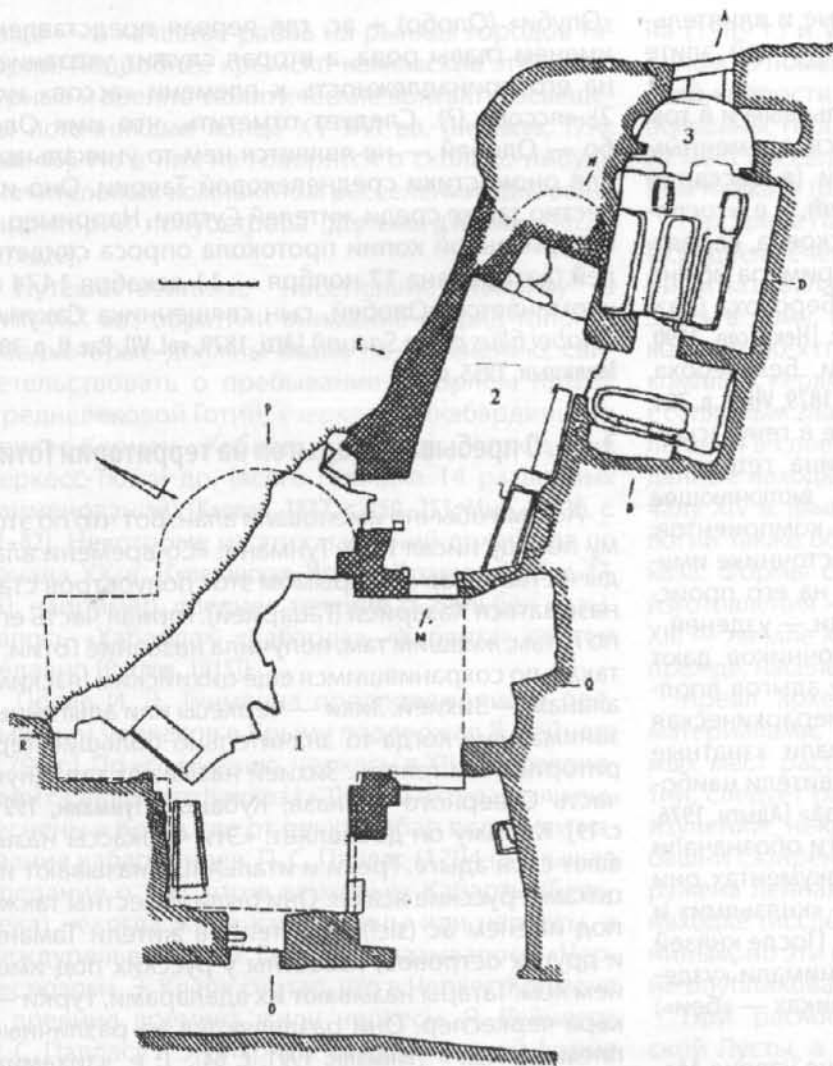


Рис. 103. Монастырь св. Софии. План церквей № 1–3 (по Ю.М.Могаричеву [1997, рис. 96])

Массарии Каффы фиксируют 17 августа 1446 г. расходы, связанные с отправкой «бывшему господину гетов» Уздемароху подарка стоимостью 459 аспров, когда тот находился в местности, называвшейся «tres montaniolas»⁴². Н. Йорга при издании данного документа отметил наличие сходного по звучанию топонима («prope tres monticulos») в более раннем свидетельстве, датированном 6 июня 1442 г. [Jorga, 1896, p. 36]. Однако исследователь не предпринял попытки сколько-нибудь точно его локализовать.

А. А. Васильев, обратившись к рассмотрению изданных Н. Йоргой материалов, высказал предположение, что после смерти Алексея I (Старшего) в Феодоро возникли осложнения с решением вопроса о его преемнике. В результате Иоанн вынужден был уехать в Трапезунд, а

⁴² «Exenium unum factum Usdemoroch, olim domino Gethicorum, quando venit ad tres montaniolas» [Jorga, 1896, p. 38]. Здесь, по-видимому, следует отметить, что в латинских документах XV в. «гетами» (getici) чаще всего называли черкесов (адыгов). Следовательно, не стоит исключать и того, что под «бывшим господином гетов» в массарии Каффы имелся в виду один из адыгских князей.

«представитель Хаджи-Гирея — Уздемарох — мог править в Готии до тех пор, пока волнения не улеглись и Олобей, с согласия хана, не стал князем Готии. Выполнив свою задачу и возвращаясь в Солхат через Каффу в августе 1446 г., Уздемарох был принят каффскими правителями и получил от них дар» [Vasiliev, 1936, p. 223].

Чтобы избежать противоречий в последовательности происшедших событий, он предлагает и дату смерти Алексея I (Старшего) отнести к 1444–1445 гг. [Vasiliev, 1936, p. 223, n. 3]. При этом А. А. Васильев, без каких-либо оснований, сравнивал название местности («tres montaniolas»), где пребывал 17 августа 1446 г. Уздемарох, с «li trey pozzi» («Три колодца» или «Три источника»). В этой местности 28 ноября 1380 г. на склоне г. Сахим⁴³ был заключён первый договор между генуэзцами и татарами о переходе под юрисдикцию Генуи 18 селений Солдайи и прибрежной Готии.

Но «tres montaniolas», как и «tres monticulos», означает в переводе с латинского не что иное как «Три горные вершины» или «Три горы». Наиболее близким по смыслу указанному топониму является название трёхглавой вершины, расположенной на левом берегу реки Чёрной (у самого устья) — «Уч-Баш». Вполне вероятно, что поздний татарский топоним Уч-Баш представляет собой тюркскую «кальку» с латинского «tres montaniolas». В этом горном массиве, состоящем из трёх отрогов, известны развалины монастыря св. Софии (рис. 103). Как полагают, ему же принадлежало поблизости и три скита (у современной станции Инкерман-I, Георгиевской и Троицкой балках).

С 40-х гг. XV в. эта территория, по-видимому, уже входила во владения правителей Феодоро. Главный храм монастыря представляет редкое для скальной архитектуры Крыма строение с крестообразным планом размером 10,40×8,70×5,50 м (примерно 32,5×27×17 византийских футов). Церковь св. Софии — самая большая из пещерных культовых сооружений Юго-Западной Таврики. Это позволило Ю. М. Могаричеву высказать предположение, что ктиторами и покровителями дан-

⁴³ Название, вероятно, происходит от латинского saxetum — «скалистое (каменистое) место» или saxeus, saxialis — «каменный», «подобный камню», «текущий среди камней», «низвергающийся со скал».

ного монастыря могли быть богатые и влиятельные люди, принадлежавшие к правящей элите Феодоро [Могаричев, 1997, с. 30]⁴⁴.

Нельзя согласиться с А. А. Васильевым и в том отношении, что Уздемарох являлся временным наместником Хаджи-Гирея в Готии (в массарии Каффы он назван *domino Gethicorum*, т. е. «господин гетов»). Его имя явно не тюркское, а, вероятнее всего, адыгское (?). В качестве примера можно привести имена адыгского князя Берозоха (Базрука?), тестя Захария де Гизольфи [Некрасов, 1990, с. 66], Петризоха, господина Зихии, Бельзебоха, товарища господина Копарии [Atti, 1879, VII, 1, p. 784; Heyd, 1886, II, p. 395]⁴⁵. Представленное в генуэзском документе имя «бывшего господина гетов» — Уздемарох — сложносоставное, включающее в себя, по-видимому, несколько компонентов: Узден(ь)+Марох, где в латинском источнике имени Марох предшествует указание на его происхождение из среды адыгских дворян — узденей.

Свидетельства письменных источников дают возможность считать, что к XV в. у адыгов вполне сформировалась феодально-иерархическая система, вершину которой занимали «знатные люди». В их число входили представители наиболее древних родов и «царского рода» [Адыги, 1976, с. 47, 49; Некрасов, 1990, с. 32]. Сами адыги обозначали их термином «пши», в турецких документах они называются «беками», в русских — «князьями» и «мурзами» (т. е. сыновьями князей). После князей следующую ступень в иерархии занимали «уздени» — дворяне (в османских источниках — «беи») [Некрасов, 1990, с. 32].

Следовательно, интерес к персоне узденя Мароха официалов Каффы в 1446 г. не может быть случайным. Имеющиеся материалы позволяют высказать предположение, что летом этого года он вынужден был (по неизвестным нам причинам) отойти от дел и отправиться в монастырь св. Софии (г. Уч-Баш = *Tres Montaniolas?*), где ему, как «бывшему господину гетов», представители коммуны Каффы преподнесли подарок стоимостью 459 аспров.

Среди правителей Феодоро к адыгской (западно-кавказской) ономастике, по-видимому, следует отнести и имя среднего сына Алексея I (Старшего) Олобо. Например, Б. А. Рыбаков, основываясь на данных Идриси, отмечает, что в первой половине XII в., т. е. после восстановления в Матреге (Тмутаракани) власти Византии, здесь правит династия Олубиас, видя в её представителях возможных потомков русского князя Олега [Рыбаков, 1952, с. 17; Степаненко, 1993, с. 257].

Но возможна и иная интерпретация данного родового имени, состоящего из двух частей: 1)

⁴⁴ Более подробно об этой группе памятников см. работу Ю. М. Могаричева [Могаричев, 1997, с. 22–30, рис. 96, 99–101].

⁴⁵ Наличие «х», «ха» или «хэ» вообще характерно для окончаний ряда адыгских имён: Молэхэ, Малитхэ, Кыщхэ, Къандурхэ, Ервасхэ и т. д.

«Олуби» (Олобо) + ас, где первая представлена именем главы рода, а вторая служит указанием на его принадлежность к племени «ассов» или 2) «яссов» (?). Следует отметить, что имя Олобо — Олобей — не является чем-то уникальным для ономастики средневековой Таврии. Оно известно также среди жителей Сугдеи. Например, в нотариальной копии протокола опроса свидетелей (датирована 17 ноября — 11 декабря 1474 г.) упоминается «Олобей, сын священника Сакуни» (*Olobei filius papa Sacuni*) [Atti, 1879, vol. VII, Par. II, p. 309; Милицын, 1955, с. 85].

3.4.6. О пребывании адыгов на территории Готии

Ассами обычно именовали алан. Вот что по этому поводу писал И. Э. Тунманн: «Со времени владычества хазар над Крымом этот полуостров стал называться Хазарией (Гацарией). Горная часть его по готам, жившим там, получила название Готии, а также по сохранившимся ещё цихийским (язским) аланам — Зихией. Зихи — черкесы или адыгейцы, занимавшие когда-то значительно большие территории, чем теперь. Зихией называют западную часть Северного Кавказа, Кубань» [Тунманн, 1991, с. 19]. К этому он добавляет: «Эти черкассы называют себя адыге. Греки и итальянцы называют их цихами, русские ясами. Они были известны также под именем ас (sic!). Ещё теперь жители Тамани и других островов, известны у русских под именем ясы. Татары называют их адаларами, турки — кара-черкеслер. Они разделяются на различные племена <...>» [Тунманн, 1991, с. 64]. Т. е. «зихами», «черкесами», «ассаами» зачастую именовали народы Западного Кавказа, относящиеся к адыгской языковой группе. Немногим ранее тот же автор замечает, что «Кабарта — прежнее название р. Бельбек. Возможно, что у неё когда-то были поселения черкесов-кабардинцев» [Тунманн, 1991, с. 16].

Ю. А. Кулаковский, пытаясь найти объяснение часто встречаемому смешению этнонимов «черкес» и «алан» у средневековых авторов, высказал предположение, что «татары могли перенести имя Черкес на Алан, употребляя этот термин в значении общего этнического имени» [Кулаковский, 1899, с. 64–65]. Но подобное «предпочтение» алан адыгам (= черкесам) Ю. А. Кулаковский ничем не обосновывал, хотя очевидно, что многие места Северо-Западного Кавказа, ранее населённые аланами, в XIV–XV вв. занимали уже адыгские племена (роды). Подобная смена этносов, по-видимому, и привела к смешению этнонимов.

Вопрос о пребывании адыгов в Крыму до настоящего времени не вышел за рамки дискуссии, открытой ещё в конце XVIII в. [Мыц, 1989, с. 69–70; 1991б, с. 81–82; Бубенок, 2004, с. 30–34]. Письменные источники XIII–XV вв. отмечают пребывание адыгов (собирает название «черкесы», «черкассы», «зихи») в качестве купцов, но значительно

чаще — в качестве рабов на рынках городов Газарии. Подробнее крымско-кавказские этнокультурные и военно-политические контакты освещены источниками конца XV–XVI вв. [Некрасов, 1990, с. 36–96]. Но в них не говорится о сколько-нибудь значительном компактном расселении адыгов на территории полуострова [Дортелли д'Асколи, 1902, с. 127–129].

Путешественники, посетившие Таврику в XVIII–XIX вв., обратили внимание на ряд топонимов, которые должны были, по их мнению, свидетельствовать о пребывании в Горном Крыму (средневековой Готии) «черкесов» (кабардинцев): Черкес-Кермен, Кабарта, Хабарта, Черкез-Эли, Черкесс-Тюз и др. (всего порядка 14 различных наименований) [Кёппен, 1837, с. 250–251; Мыц, 1991б, с. 81–82]. Некоторые из этих названий доживают до начала XX в. [Суперанская, Исаева, Исакова, 1995, с. 17, 95], например, среднее течение р. Бельбек называлось «Хабарда», «Кабарда», «Кабарта» совсем недавно [Рухлов, 1915]).

После И. Э. Тунманна предположение о пребывании черкесов в Крыму поддержал Я. Рейнегс (1796 г.). По его мнению, черкесы в XII в. перекочевали с Северного Кавказа к Дону, а оттуда были вытеснены в Крым, где от речки Кабар получили название кабардинцев. П. С. Паллас (1794 г.) слышал предание о том, что в верховьях Кабарты (Бельбека) некогда жили кабардинцы или черкесы, а междуречье Качи и Бельбека называлось «Черкестюзом». Э. Кларк считал, что в Черкес-Кермене в древние времена жили черкесы. Я. Рейнегсу, П. С. Палласу и Э. Кларку в категорической форме возражал П. И. Кёппен [Кёппен, 1837, с. 250–251], считавший, что черкесы искони назывались «кабар». При этом он ссылался на свидетельство Константина Багрянородного о «кабарах» или «каварах» (κάβαροι), происходящих от хазар, но отделившихся от них при переселении в земли печенегов [Константин Багрянородный, 1989, с. 162, 163, 394]. Как уже отмечалось ранее, все рассуждения о черкесах или кабардинцах в Крыму П. И. Кёппен считал недоразумением, полагая, что названия со словами «Черкес» или «Черкас» произошли от имени владельцев и были в обращении татар с давних времён [Кёппен, 1837, с. 250–251].

На этом спор о «Крымской Кабарде» был надолго прерван. Хотя позже к нему вернулся Ф. К. Брун, повторивший практически дословно критическую аргументацию П. И. Кёппена, не ссылаясь при этом на своего предшественника [Брун, 1879, с. 118–119]. Впоследствии исследователи средневекового Крыма, касаясь данного вопроса, основывались в своих суждениях на авторитетных мнениях П. И. Кёппена [Кулаковский, 1899, с. 64–65, прим. 1] или Ф. К. Бруна, считая их убедительно аргументированными.

Вновь обратиться к рассмотрению темы о пребывании черкесов в Горном Крыму позволили археологические материалы из раскопок Алусто-

на (1989 г.) и укрепления Пампук-Кая (1980 г.). В одном из помещений рубежа XIII–XIV вв. Алуштинской крепости найден комплекс лепных сосудов (кувшины, горшки, фляга), аналогичных керамике из мест расселения адыгов в XIV–XV вв. на Западном Кавказе (рис. 104).

Городище Пампук-Кая (рис. 94: 2) располагается в среднем течении р. Бельбек (именно эта территория и называлась в недавнем прошлом «Кабарда»). Здесь в доме, построенном после тотального пожара 70–90-х гг. XIII в. (рис. 105), найден необычный комплекс керамических сосудов и глиняный штамп с солярным знаком (рис. 106: 1–21). По условиям залегания в слое культурных отложений памятника, данные находки можно отнести к концу XIII — началу XIV в. [Мыц, 1991а, рис. 37, 1–21]. Ближайшие аналогии также обнаруживаются на территории Кавказа. Формы сосудов, их орнаментация, техника изготовления — всё это говорит о том, что в конце XIII — начале XIV в. городище занимало иное, чем прежде, население (рис. 105; 106: 22–26).

Ареал археологических находок, сходных с материалами, происходящими из предполагаемых мест расселения адыгов на территории Готии, следует расширить. Например, в 1978 г. при изучении некрополя, образовавшегося вокруг башни Сюйреньской крепости в XIV–XV вв., обнаружена лепная фляга, аналогичная алуштинской находке (исследования проводились Ю. С. Ворониным, но эти материалы до настоящего времени не опубликованы).

При раскопках золотоордынской и генуэзской Лусты, а также в крепости Чембало, среди массового материала культурных напластований XIV–XV вв., неоднократно встречались фрагменты пифосов со следами весьма своеобразных «зачёсов», сделанных мастером при изготовлении сосудов, что весьма характерно для прибрежных памятников западного побережья Кавказа, где в это время проживали абхазы и адыги.

К этому следует добавить, что в некоторых могильниках Горного Крыма (Алуштинский, Фунский, Сюйреньский, Чембало и др.) на рубеже XIII–XIV вв. наряду с безинвентарными появляются погребения, содержащие разнообразный вещевой материал, в том числе и керамические сосуды с заупокойной пищей [Когонашвили, Махнёва, 1974, с. 119–120, рис. 9; Айбабина, 1991, с. 201–203, рис. 8, 1, 2; Семин, 1998, с. 179, 181, рис. 1] (рис. 107–111). По мнению О. А. Махнёвой, присутствие сосудов в христианских плитовых могилах этого периода являлось сугубо местным обычаем, связанным с пережитками языческого культа [Когонашвили, Махнёва, 1974, с. 119].

Подобные «новации» в погребальном обряде следует, по-видимому, связывать с появлением в Таврике населения, для которого христианский погребальный обряд являлся только общепринятой формой, наполняемой содержанием с иными традициями.

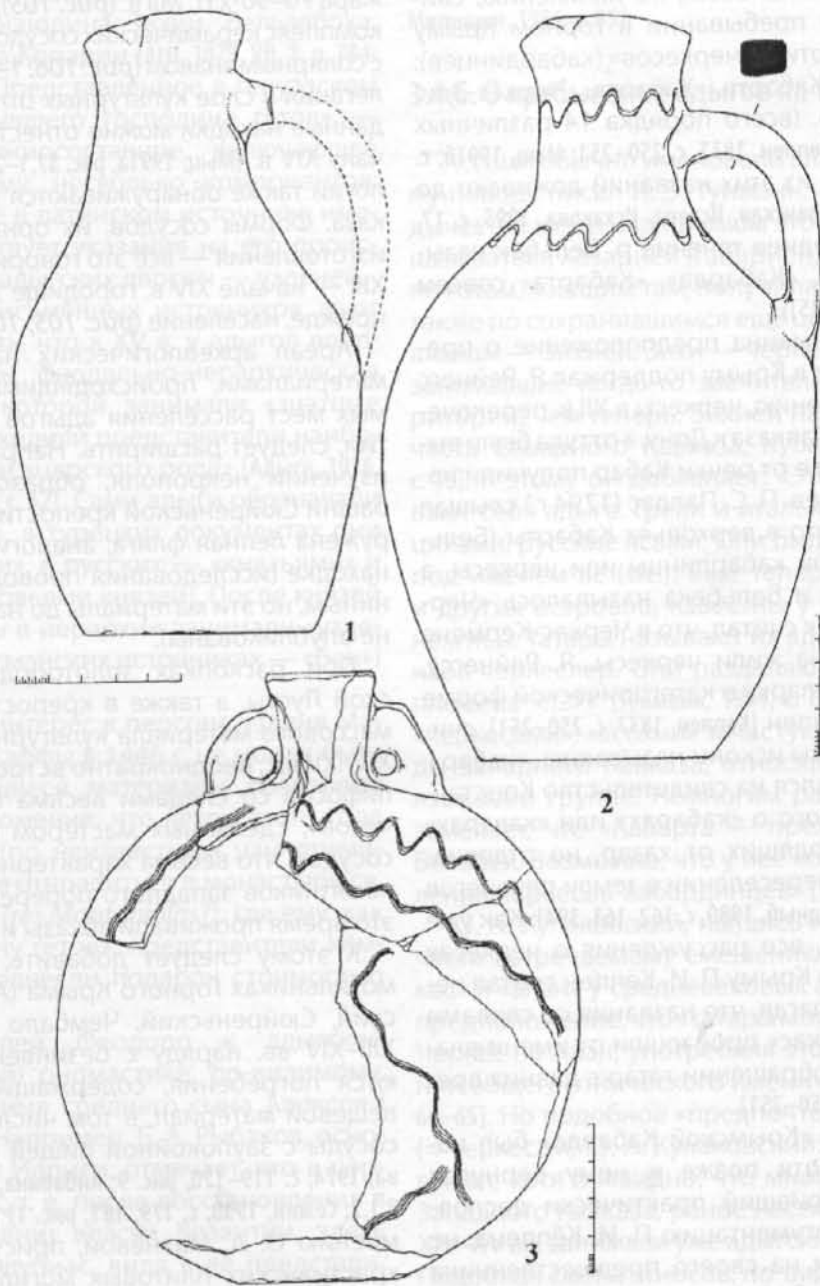


Рис. 104. Лепные кувшины (1 – 2) и фляга (3) рубежа XIII – XIV вв. из раскопок Лусты (Алушты) золотоордынского периода

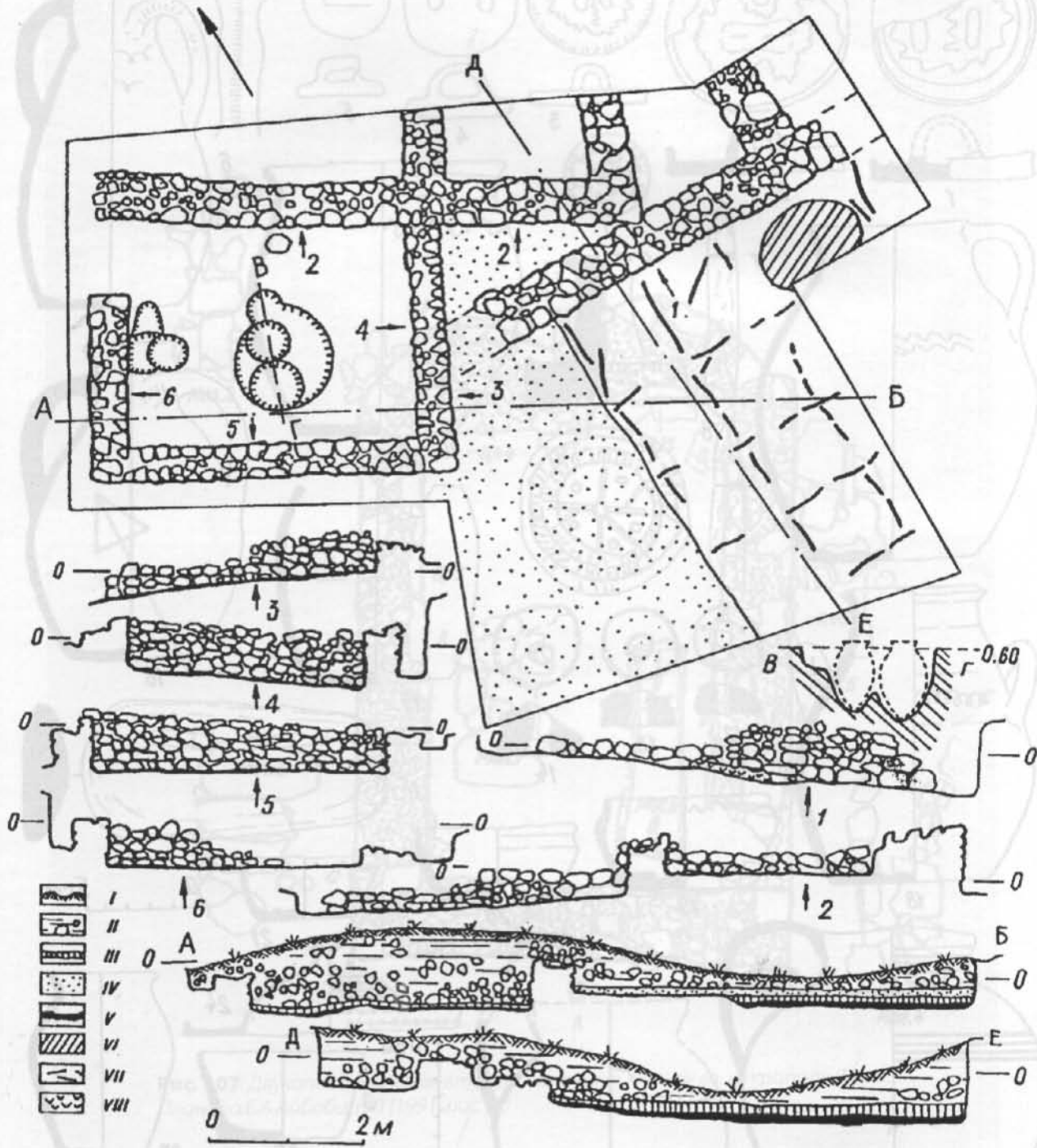


Рис. 105. Пампук-Кая. Дом XIV в., из которого происходит комплекс сосудов «западно-кавказского» типа

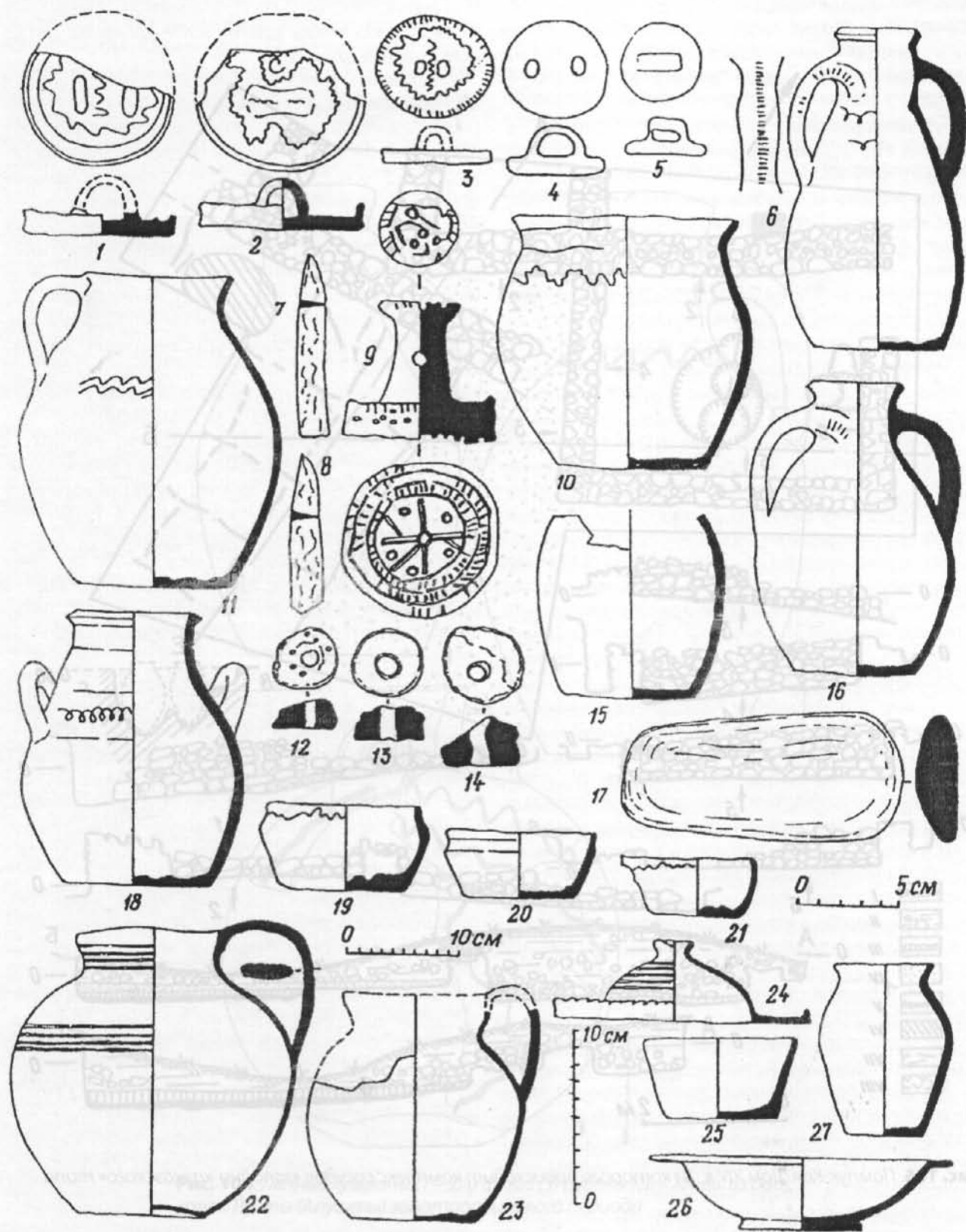


Рис. 106. Керамика и бытовые предметы конца XIII – XIV вв. из раскопок на г. Пампук-Кая

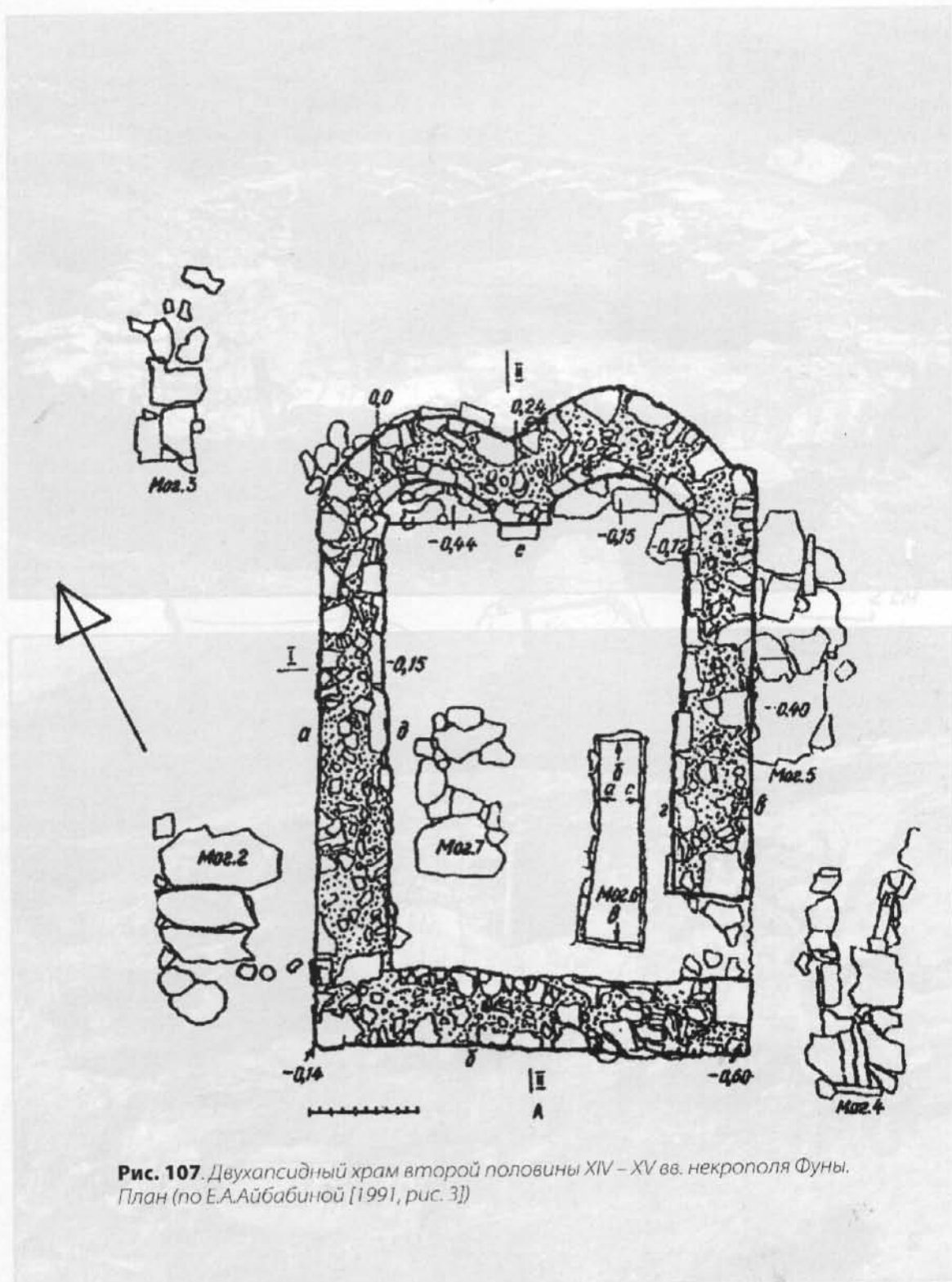


Рис. 107. Двухапсидный храм второй половины XIV – XV вв. некрополя Фуны.
План (по Е.А.Айбабиной [1991, рис. 3])

Рис. 108. Двухапсидный храм XIV – XV вв. некрополя Фуны. План (по Е.А.Айбабиной [1991, рис. 3])

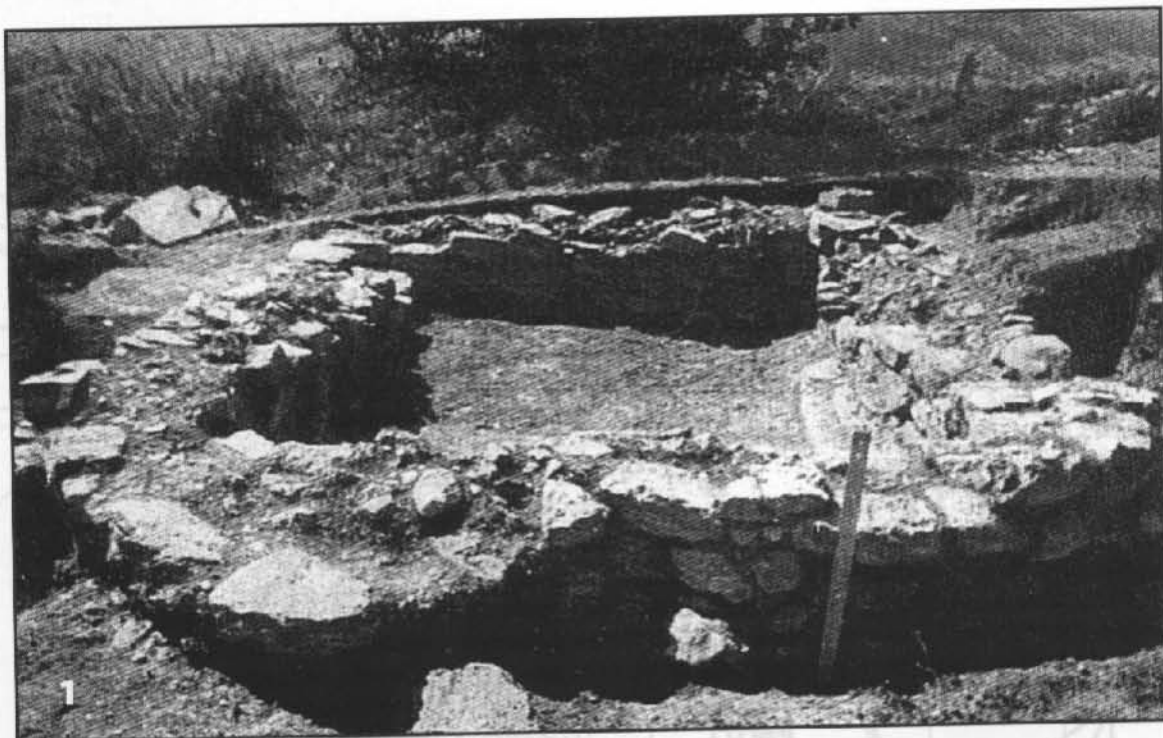


Рис. 108. Двухапсидный храм. XIV–XV вв. на некрополе Фуны: 1 – вид с востока; 2 – вид с запада (по Е. А. Айбабиной [1991, рис. 1, 2])

Рис. 108. Двухапсидный храм. XIV–XV вв. на некрополе Фуны: 1 – вид с востока; 2 – вид с запада (по Е. А. Айбабиной [1991, рис. 1, 2])

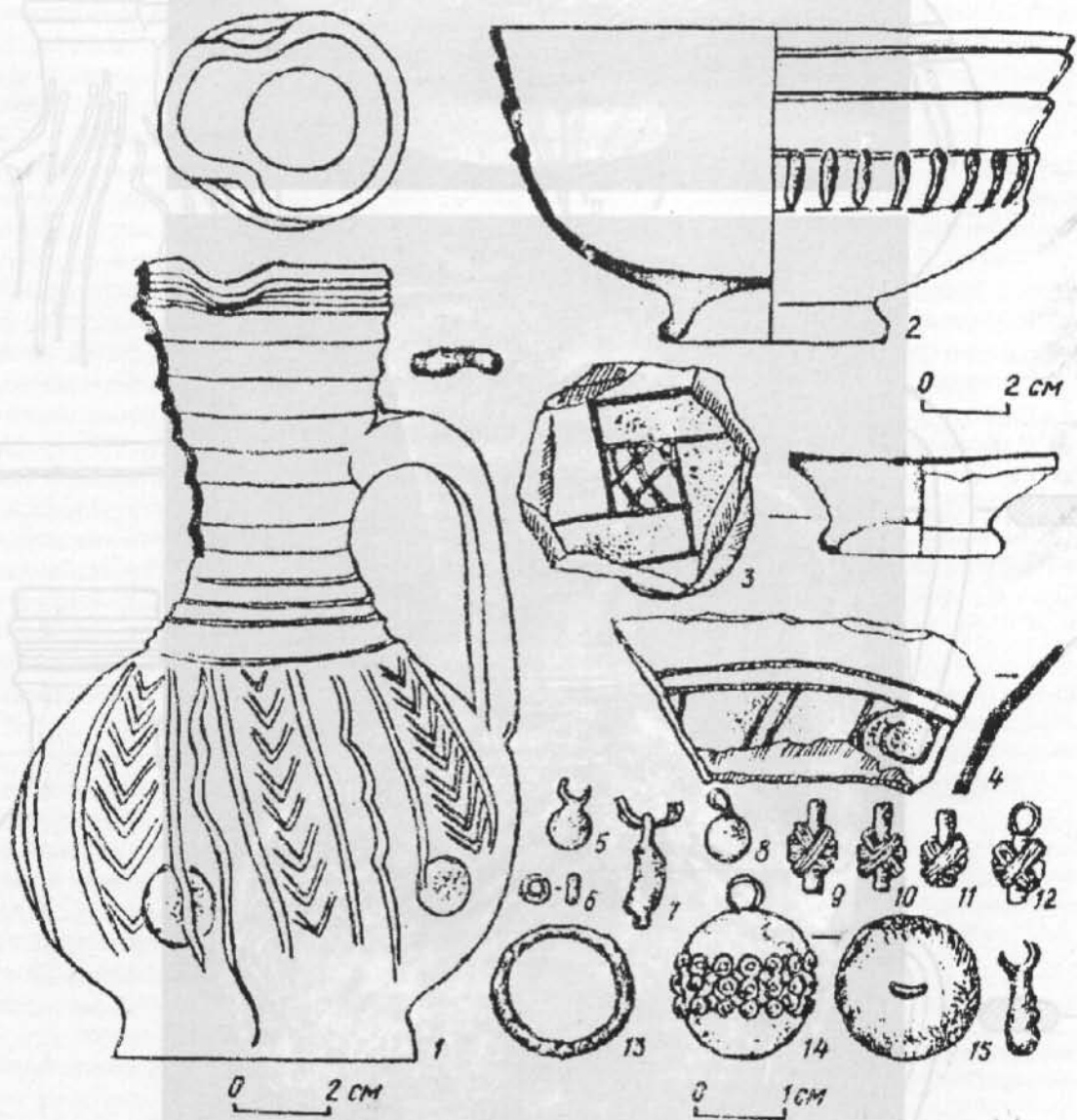


Рис. 109. Находки из раскопок двухапсидного храма некрополя Фуны и могил: 1, 5 – 12, 14, 15 – могила № 7; 2 – могила № 4; 3, 4 – из слоя разрушения храма; 13 – могила № 2; погребение 2 (по Е. А. Айбабиной [1991, рис. 8])

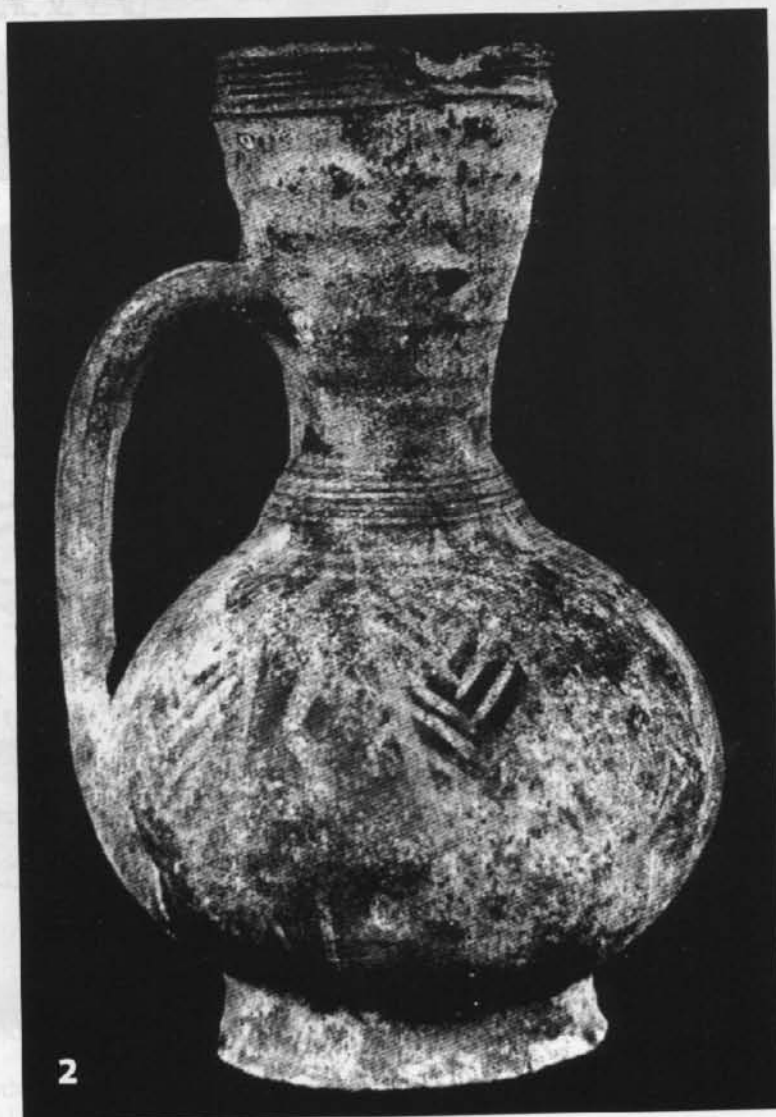


Рис. 110. *Керамические изделия из погребений при двухапсидном храме некрополя Фуны: 1 – поливная чаша XV в. из могилы № 4; 2 – коричнево-воглиняный кувшин с росписью белым ангобом (конец XIV – XV в.) из могилы № 7 (по Е. А. Айбабиной [1991, рис. 9 - 10])*

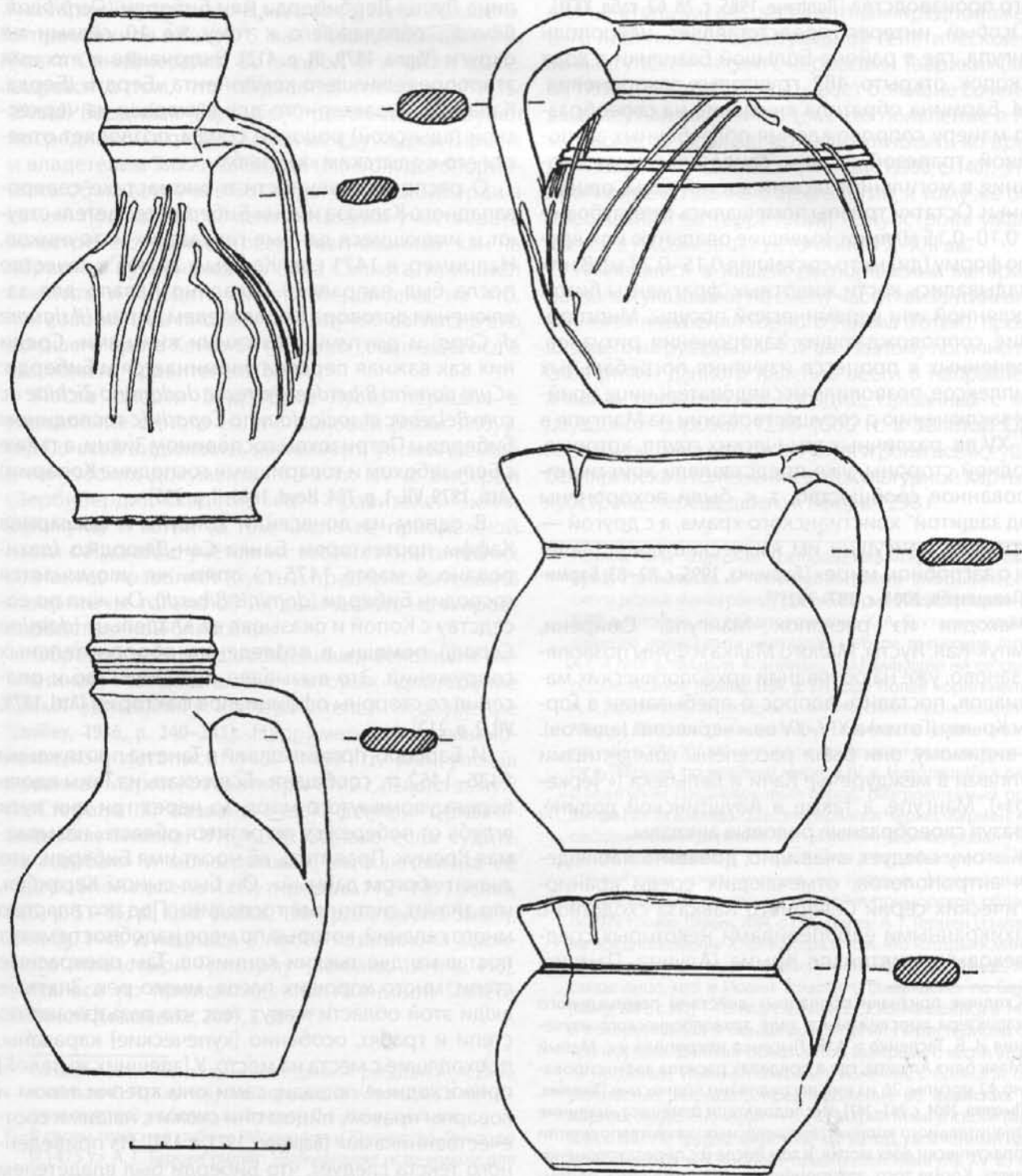


Рис. 111. Коричнево-глиняные сосуды XIV – XV вв. из погребенной некрополя Фуны (из раскопок О. А. Махневой 1966 г.)

В качестве примера можно также привести материалы из раскопок могильников в устье р. Псекупса (Адыгея). Здесь погребения XIV–XV вв. сопровождалось практически идентичным погребальным инвентарем, состоящим из напёрстков, женских украшений (подвески, браслеты, бусы, перстни, серьги и пуговицы), керамических сосудов, в том числе и поливных чаш явно крымского производства [Ловпаче, 1985, с. 28, 62, табл. XXXI].

Особый интерес представляет некрополь Мангупа, где в районе Большой базилики в ходе раскопок открыто 482 грунтовых захоронения. Н. И. Бармина обратила внимание на своеобразную манеру сопровождения погребённых заупокойной трапезой, о чём свидетельствуют скопления в могильной засыпи костей козы, овцы и свиньи. Остатки тризны помещались в неглубокие (до 0,10–0,15 м) ямки, имевшие овальную или круглую форму (диаметр составлял 0,15–0,23 м). В них укладывались кости животных, фрагменты битой стеклянной или керамической посуды. Многообразие сопровождающих захоронения ритуалов, отмеченных в процессе изучения погребальных комплексов, позволило исследовательнице прийти к заключению о сосуществовании на Мангупе в XIV–XV вв. различных этнических групп, которые, «с одной стороны, уже представляли христианизированное сообщество, т. к. были похоронены „под защитой“ христианского храма, а с другой — сохраняли присущие им языческие представления о загробном мире» [Бармина, 1995, с. 82–83; Бармина, Пономарёв, 2001, с. 387–392]⁴⁶.

Находки из раскопок Мангупа, Сюйрени, Пампук-Кая, Лусты, Малого Маяка и Фуны позволяют заново, уже на основании археологических материалов, поставить вопрос о пребывании в Горном Крыму (Готию) в XIV–XV вв. «черкесов» (адыгов). По-видимому, они были расселены компактными группами в междуречье Качи и Бельбека («Черкестюз»), Мангупе, а также в Алуштинской долине, образуя своеобразные родовые анклав.

К этому следует, очевидно, добавить наблюдения антропологов, отмечающих среди краниологических серий Северного Кавказа сходство с брахикранными европеоидами некоторых средневековых памятников Крыма (Алушта, Пампук-

Кая, Мангуп, Каламита, Херсон и др.). Хотя для более детальных сопоставлений, позволяющих судить об этнических связях с Кавказом, явно не достаёт палеоантропологического материала, происходящего с данной территории [Беневолинская, 1970, с. 206–207].

В связи с этим интересно отметить упоминание в генуэзских источниках 70-х гг. XV в. господина Лусты Дербиберди или Биберди (*Derbiberdi, Biberdi*), обладавшего к тому же 10 сёлами её округи [Vigna, 1879, III, p. 412]. Включение в это имя этноопределяющего компонента «берди» (Берда, Кабарда), характерного для выходцев из черкесской (адыгской) родовой среды, позволяет отнести его к адыгским «князьям».

О распространённости в ономастике северо-западного Кавказа имени Биберди свидетельствуют и имеющиеся данные генуэзских источников. Например, в 1471 г. из Каффы в Зихию в качестве посла был направлен Кавалино Кавало для заключения договора с правителем Коппы (*il signore di Cope*) и другими адыгскими князьями. Среди них как важная персона упоминается и Биберди: «*Cum domino Biberdi et Petrezoc dodomino Zichiae ac cum Belzeboe et socio domino Copari*» (с господином Биберди и Петризохом господином Зихии, а также с Бельзебохом и товарищами господина Копарии) [Atti, 1879, VII, 1, p. 784; Heyd, 1886, II, p. 395].

В одном из донесений консула и массариев Каффы протекторам Банка Сан-Джорджо (датовано 4 марта 1475 г.) опять же упоминается господин Биберди (*dominis Biberdi*). Он жил по соседству с Копой и оказывал её владельцу (*domino Coparij*) помощь в возведении оборонительных сооружений. Это вызывало недовольство и опасения со стороны официалов фактории [Atti, 1879, VII, 2, p. 212].

И. Барбаро, проживавший в Тане на протяжении 1436–1452 гг., сообщает: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук. Правитель её носит имя Биберди, что значит «богом данный». Он был сыном Кертибея, что значит «истинный господин». Под его властью много селений, которые по мере надобности могут поставить две тысячи конников. Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно [купеческие] караваны, проходящие с места на место. У [здешних жителей] превосходные лошади; сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками» [Барбаро, 1971, с. 153]. Из приведённого текста следует, что Биберди был владельцем Кримука (более подробно см. [Кузнецов, 2000, с. 29–36; Волков, 2006, с. 278–327]. В данном случае, становится очевидным, что имеется в виду не столько владелец Лусты, сколько целый адыгский княжеский род, представители которого также носили имя «Биберди». Из него могла происходить и ветвь пра-

⁴⁶ Сходные признаки обрядовых действий поминального характера прослежены в ходе археологического изучения И. Б. Тесленко и А. В. Лысенко некрополя у с. Малый Маяк близ Алушты, где в пределах раскопа зафиксировано 42 могилы; 26 из них исследовано полностью [Тесленко, Лысенко, 2004, с. 263–267]. Исследователи отмечают «наличие значительного количества древесных углей в заполнении практически всех могил, в том числе и с перезахоронениями». Кроме того, захоронения сопровождалось обломками керамических сосудов. Среди них преобладали изделия открытых форм (поливные чаши, тарелки), а также донных частей горшков и кувшинов. Причём некоторые удалось восстановить. «Кроме того, у могилы № 20 изучена яма (тризна, жертва?) с большим количеством углей, крупными фрагментами поливной чаши и монетой» [Тесленко, Лысенко, 2004, с. 267, рис. 14].

вителей Лусты, связанных со своими кавказскими соплеменниками через обычай аталычества узами родства (?).

В этой связи особый интерес представляет недавно обнаруженный А. Ассини в Государственном архиве Генуи (Канцелярии Сан-Джорджо, № 223)⁴⁷ документ, представляющий собой письмо консула Каффы Мартино Джустиниани, провизоров и массарии Бартоломео Джентиле и Луки Сальваго, отправленное в Геную 5 мая 1460 г. Попечителям Банка Сан-Джорджо. Во второй его части повествуется о том, что тогдашний господин Лусты (*Lusta*) Бердибек (*Бердибех?*) (*Berdibech*) выступал посредником в переговорах между Хаджи-Гиреем и владельцем Зихии Биберди (*Biberdi*), договорившись об их встрече в Воспоро. Однако Биберди в самый последний момент отказался участвовать во встрече с Хаджи-Гиреем. Разгневанный хан на обратном пути, находясь близ Солхата, приказал схватить и предать смерти Бердибека, на что, как говорится в письме, он получил согласие его старшего брата Кейхиби (*Cheyhibi*), являвшегося в тот момент правителем Готии.

После смерти Бердибека Луста перешла в управление одного из его сыновей [Assini, 1999, p. 15]. По всей видимости, им являлся упоминаемый в генуэзских документах 70-х гг. XV в. Биберди (Дербиберди). Сходство имён правителей Зихии (Кримука) и Готии (в том числе её прибрежной части с Лустой) с учётом их тесных политических контактов позволяет (пусть и предположительно) говорить не только об их этнической, но и кровнородственной близости.

Обратимся ещё к сообщениям нескольких источников, свидетельства которых длительное время вызвали у исследователей недоумение [Vasiliev, 1936, p. 240–241]. Например, в молдавско-немецкой летописи 1457–1499 гг. мангупская «княжна» Мария (14 сентября 1472 г. вышла замуж за Стефана III) названа «черкешенкой» [Славяно-молдавские летописи, 1976, с. 49]. Однако если судить по «гербам» и монограммам, вытканым на её надгробной пелене из Путны (*рис. 112–117*) [Tafrafi, 1925, p. 51–55, pl. XLIII; Buchtal, 1984, p. 97; Gorovei, Szekely, 2004, fig. 1–4], и надписи в наосе каталикона афонского монастыря Григорию [Божилев, 1994, с. 416], считалась по происхождению Асаниной Палеологиней [Степаненко, 2001, с. 339]⁴⁸.

⁴⁷ Возможности познакомиться с данной работой А. Ассини обязан С. П. Карпову. Её перевод (в том числе и латинских текстов) любезно выполнен Л. Г. Климановым.

⁴⁸ В своей тезисной работе «Молдавия и Княжество Феодоро в 1475 г.» А. Г. Герцен пишет: «Важнейшим источником для исследования вопроса о происхождении Мангупской династии остаётся погребальная пелена Марии, хранящаяся в монастыре Путна. Изображённые на ней **гербы (sic!) Палеологов и Асанов** (выделено мной — В. М.) указывают, если не на родственные, то на свойские отношения мангупских динасов с этими знатнейшими фамилиями империи» [Герцен, 2004, с. 158 и сл.]. Приходится обратить внимание читателя на конфуз, допускаемый автором. На пелене отсутствует герб

Через семь лет, после захвата Каффы турками-османами, 12 августа 1482 г. владелец Матреги Заккариа де Гвизольфи (генуэзец, рожденный от адыгской княжны) пишет протекторам Банка Сан-Джорджо, жалуясь на неких «готских князей», среди которых один иногда называется просто «черкесом» [Vasiliev, 1936, p. 241].

На фоне представленных материалов выглядит не столь уж экстравагантным предположение В. П. Кирилко об «эвентуальной генетической связи мангупских князей с черкесами Таврики» [Кирилко, 1999, с. 139–140]⁴⁹. Но вызывает большие сомнения выдвинутый им тезис о том, что появление в Крыму черкесов (адыгов) «следует относить ко времени Хазарского каганата» [Кирилко, 1999б, с. 140]. Этому противоречат данные археологии, к тому же об их пребывании на территории полуострова умалчивается в письменных источниках X–XIII вв.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы раскопок указывают на смену части «византинизированного» населения Горного Крыма (Готии), произошедшего на рубеже XIII–XIV вв. Поэтому логично поиски причин данного явления вести в направлении анализа политических событий, связанных с междоусобной борьбой 1296–1300 гг. в Золотой Орде, вызванной сепаратизмом Ногай и роли всемогущего беклярибека в изменении этнокультурной карты полуострова, перешедшего к нему в 1298 г.

Асанов. Она содержит изображение «герба» (двуглавого орла) Палеологов, а также монограмму этого императорского рода и монограмму самой Марии [Tafrafi, 1925, p. 51–55, pl. XLIII], в которую, по предположению Х. А. Бухтала, в качестве важного компонента включены четыре греческие литеры *A C A N* (т. е. «Мария Асанина»), указывающие на её связь с родом Асанов [Buchtal, 1984, p. 97]. Ещё более «оригинально» А. Г. Герцен решает вопрос с «этническим» происхождением Марии. Для этого он акцентирует внимание на том, что «черкесами в XIV–XV вв. называли также алан-асов, появившихся в Таврике, по крайней мере, в IV в. Находящийся рядом с Мангупом средневековый город, разгромленный ордой эмира Ногай в конце XIII в., именовался Черкес-Кермен, как и соседняя с ним деревня. Это название зафиксировано Мартином Броневским в 1578 г. Аланы и готы были основными этническими компонентами, из которых формировалось средневековое население горной и приморской областей полуострова» [Герцен, 2004, с. 158]. Далее А. Г. Герцен ссылается на предположение Х.-Ф. Байера о том, что «отпрыск мангупской династии княжич Иоанн, умерший в Трапезунде, то же самое лицо, что и Иоанн Тсиарис («Тзиаркачис» по Байеру [Байер, 2001, с. 392] — В. М.), т. е. Черкес, скончавшийся в 1435 г. и похороненный в монастыре Георгия Перистерииона близ Трапезунда». Данный сюжет автор завершает: «Если это так, то прозвище Иоанна позволяет, конечно, с большой осторожностью, высказать предположение об **аланских (sic!) корнях** (выделено мной — В. М.) Марии Мангупской» [Герцен, 2004, с. 158]. Не трудно заметить, что автор, увлечённый идеей поиска «аланских корней» правителей Мангупа XV в., идёт на явное искажение свидетельств разнохарактерных и разновременных источников [Мыц, 2006, с. 97–98]. Не думаю, что требует дополнительных комментариев «этнологический кулбит» А. Г. Герцена.

⁴⁹ Недавно Х.-Ф. Байер также пришёл к заключению, что в XV в. «над Готией господствовала династия черкесского происхождения» [Байер, 2001, с. 74, 150, 222, 224–226, 241, 281, 389; 2004, с. 152–153].



Рис. 112. Надгробная пелена 1477 г. Марии Асанины Палеологини из монастыря в Путне (по J. Tafraли [1925, Pl. XLIII])



Рис. 113. Погребальная пелена мангупской княжны Марии Асанины Палеологины из монастыря в Путне (фото Виктора Борташа по [Gorovei, Szekely, 2004, fig. 1])



Рис. 114. Деталь верхней части погребальной пелены мангупской княжны Марии (фото Виктора Борташа по [Gorovei, Szekely, 2004, fig. 18])



Рис. 115. Медальон с изображением двуглавого орла на погребальной пелене мангупской княжны Марии (фото Виктора Борташа по [Gorovei, Szekely, 2004, fig. 2])



Рис. 116. Медальон в левом нижнем углу с монограммой Палеологов по гребальной пелены мангупской княжны Марии (фото Виктора Борташа по [Gorovei, Šzekely, 2004, fig. 3])



Рис. 117. Медальон в правом верхнем углу с монограммой Марии Асанины на погребальном пелене из монастыря в Путне (фото Виктора Борташа по [Gorovei, Šzekely, 2004, fig. 4])

После гибели Ногая в 1300 г. за его сыновьями сохранились обширные владения, представлявшие собой западный улус Орды. Арабский историкограф Рукнеддин Бейбарс Эльмансури Эльмыси (ум. 4 сентября 1325 г.) в своей «Летописи» довольно подробно рассказывает о дальнейшем ходе событий. Старший сын Ногая Джека (при жизни отца он являлся также и его соправителем) объявил себя наследником всех земель, что «вызвало вражду» со стороны его брата Теки. После неудачного покушения на Теку между ними началась междоусобная война. В первом сражении, произошедшем в 700 г.х. (16 сентября 1300 — 5 сентября 1301 гг.) или 701 г.х. (6 сентября 1301 — 25 августа 1302 гг.) Джека потерпел поражение и вынужден был бежать «в страну Асов, в которой находился предводитель и 10000 войска его <...> Часть войска Джеки тайком переправилась в страну Асов. Тогда Джека вернулся, чтобы воевать с Тунгузом и Тазом <...> одержал верх над ними <...> Тунгуз и Таз обратились за помощью к Токте. Токта помог войсками <...> Джека не был в состоянии противиться им. Он бежал и прибыл в земли валахов, царь и правитель которой (Тертер — В. М.) был женат на одной из родственниц его. Джека укрылся в одной из крепостей его, надеясь на безопасность у него. Джека был схвачен и переведён в крепость <...> Тырнов и известил [Тертер] о произошедшем Токту, который приказал убить его <...> Так освободилось царство Токты от противников <...>» [Тизенгаузен, 1884, с. 115–117].

Есть основания полагать, что упоминаемая Бейбарсом «страна Асов» находилась в Таврике [Тизенгаузен, 1884, с. 116; Кулаковский, 1899, с. 66], а не на Северном Кавказе. Иначе трудно представить, что Джека и остатки его войска могли из Подунавья проникнуть на Северный Кавказ через территории, контролируемые Токтой, и уйти обратно «незамеченными».

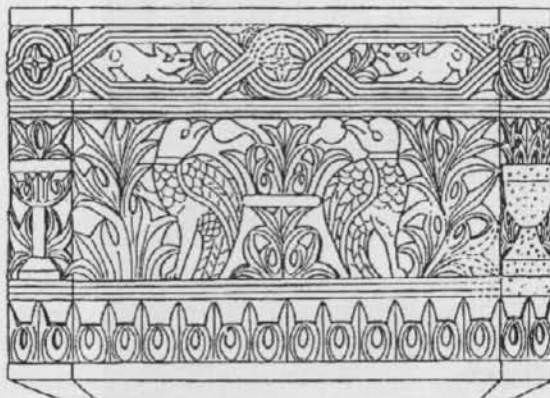
Дополнительные сведения о событиях междоусобной борьбы между сыновьями Ногая на-

ходим у Пахимера, который под 1300 г. сообщает о поступлении на византийскую службу «аланской орды». После гибели Джеки западный улус перешёл под контроль Токты. Путь к возвращению алан на родину (в Таврику) был отрезан. Поэтому православные «изгнанники», оставшиеся «верными сподвижниками Ногая», при посредничестве епископа г. Вичины Луки обратились с просьбой к императору Андронику II Палеологу (1282–1328 гг.) принять их на византийскую службу [Кулаковский, 1899, с. 66]. Очевидно, что уход из «Крымской Алании» более 10000 человек (?) привёл к запустению части территории Юго-Западной Таврики.

По-видимому, при Токте эти земли заселяются черкесами (адыгами)⁵⁰, что и нашло отражение как в материалах раскопок памятников Бельбекской и Алуштинской долины, так и в реликтах топонимики данного района [Бушаков, 1991, с. 20]. Исторически этот процесс мог начаться в последней трети XIII в. (после разгрома монголами византийских городов Юго-Западного Крыма в 1278 г.) и растянуться на несколько десятилетий, а соседство оставшихся алан с переселенцами адыгами вызвало впоследствии употребление единого термина «черкесы» в значении уже общего для них этнонима (?) [Поркшеян, 1957, с. 363–364].

В связи с установленными фактами пребывания черкесов (адыгов) на территории Горного Крыма становится более ясным указание И. Барбаро, который, описывая Готию, даёт оригинальное объяснение формированию названия готалан от смешения двух народов. В завершение он счёл нужным подчеркнуть: «И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также следуют и черкесы» [Барбаро, 1971, с. 157]. Как видим, автору «Путешествия» в Тану было известно о пребывании в Готии среди готов и алан («готалан») черкесов.

⁵⁰ О пребывании в армии Токты черкесов (по всей видимости, наёмников) свидетельствуют письменные источники [Тизенгаузен, 1941, т. 2, с. 33; Хотко, 2001, с. 105].



TIMOR TURCORUM В ГЕНУЭЗСКИХ ФАКТОРИЯХ ВРЕМЕНИ ИХ УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ САН-ДЖОРДЖО (1453–1475 гг.)

Роль одного из определяющих внешнеполитических факторов в истории Причерноморского региона было суждено сыграть походам Тимура, которые он осуществил в конце XIV — начале XV вв. Масштабные военные экспедиции Тамерлана 1391 и 1395–1396 гг. привели к развалу Золотой Орды [Сафаргалиев, 1996, 429–433; Греков, Якубовский, 1998, с. 249–274].

Империя, созданная Тимуром, простиралась от границ Китая и Бенгальского залива до Средиземного моря. Вынашивая честолюбивые планы покорения Китая, Тимур решил обезопасить свои западные границы, где в XIV в. образовалось и быстро окрепло государство турок-османов. Впервые Тимур пересёк границы Восточной Анатолии в 1386 г., и в битве при Эрзинджане разбил армию анатолийских эмиров [Рансимен, 1983, с. 49]. Во время второго похода (1395 г.) он дошёл до Сиваса, где был убит владетель провинции сын Баязида I (1389–1402 гг.). Третий поход в 1402 г. закончился полным разгромом турецкой армии в сражении при Ангоре (Анкире), произошедшей 28 июля [Васильев, 2000, с. 334–336]. В плен попали сам Баязид I и его сын Муса. Баязид умер в плену в 1403 г., покончив жизнь самоубийством, а Муса был выпущен на свободу [Иналджик, 1998, с. 26; Литаврин, Медведев, 1991, с. 357–358].

Вторжение Тимура в начале XV в. в Восточную Анатолию и разгром турецкой армии почти на столетия отсрочили падение Константинополя [Васильев, 2000, с. 336], окончательное завоевание стран Балканского полуострова, Трапезундской империи, Феодоро и Готии, а также итальянских факторий на побережье Чёрного моря.

После смерти Баязида I между его сыновьями начинается междоусобная война, победителем из которой вышел Мехмед, занявший турецкий престол в 1413 г. Мехмед I (1413–1421 гг.) поддерживал дружественные отношения с императором Мануилом II Палеологом (1391–1425 гг.) и даже вернул ему несколько захваченных ранее турками византийских городов. В 1421 г. после смерти Мехмеда I правителем османского государства становится его сын Мурад. В 1422 г. он попытался взять Константинополь (осада продолжалась со 2 июня по 6 сентября), но потерпел при этом неудачу из-за очередного восстания в Анатолии [Иналджик, 1998, с. 29].

За время своего долгого правления Мурад II (1421–1451 гг.) укрепил власть султана, завоевал новые земли на Балканах и в Анатолии, упорядочил систему государственного управления. Им также была проведена реформа армии, заключающаяся в реорганизации войска янычар, формировавшегося до этого из детей христиан, захваченных в плен. Теперь султан ввёл регулярную систему набора, по которой каждая христианская семья (греческая, армянская, валашская, болгарская и др.) была обязана отдать, если понадобится, турецким властям по мальчику [Рансимен, 1983, с. 53–54]. Таким образом, к концу своего правления Мурад создал сильнейшую армию.

После смерти Мурада II (3 февраля 1451 г.) [Иналджик, 1998, с. 31] престол занял его девятнадцатилетний сын Мехмед II (1451–1481 гг.), сразу же начавший подготовку к захвату Константинополя. В качестве первых подготовительных мероприятий Мехмед возвёл крепость в самом узком месте (около 600 м)

пролива Босфор, где на противоположном берегу располагалось укрепление Анадолу — Хисар (Гюзель-Хисар), построенное при Баязиде I [Васильев, 2000, с. 350] (рис. 118).

«Новую крепость» (именно так она именуется в генуэзских источниках XV в. — «*castellum Nouum*», «*Castrinouï*» [Данилова, 1974, с. 195]) турки называли Богаз-Кёсен («перерезающая горло», «перерезающая пролив»). Сейчас данная крепость известна как Румели-Хисар. Её постройка была начата 15 апреля и завершена уже 31 августа 1452 г. [Рансимен, 1983, с. 69; Zygulski, 1988, s. 90–91, rys. 69–70] (рис. 118: 2).

Таким образом, блокировался пролив. Теперь корабли могли проходить через него только с разрешения турок (после таможенного досмотра) или с риском быть потопленными крепостной артиллерией. В затруднительном положении оказались Венеция и особенно Генуя, располагавшая в бассейне Чёрного моря многочисленными торговыми факториями.

5 апреля 1453 г. Мехмед II вместе с армией, насчитывавшей 150–200 тыс. человек, в распоряжении которой находилось 400 военных кораблей и множество пушек, прибыл под стены Константинополя, а 7 апреля приступил к осаде города. Константину XI Палеологу (1449 — 29 мая 1453 гг.) удалось собрать для обороны 5000 горожан, 2000 «иноземцев» и 25 боевых судов (среди них было 700 генуэзцев, прибывших на двух галерах, две галеры также прислали венецианцы). Во вторник, 29 мая, несмотря на ожесточенное сопротивление, столица Византийской империи была захвачена турками [Рансимен, 1983, с. 74–130; Курбатов, 1991, с. 222]. Европа с ужасом узнала о случившемся [Медведев, 1999, с. 293–332].

Многие понимали, что завоевание Трапезундской империи, Феодоро и Готии, Генуэзской Газарии, других стран и городов Причерноморья, является только делом времени. Пророческими оказались слова Лауро Квирины, обратившегося к папе Николаю V задолго до грядущих трагических событий (его письмо датировано 15 июля 1453 г.): «<...> с помощью одной только, но величайшей победы над Византием он (Мехмед — В. М.) подчинил себе столь большое количество крупнейших городов, а именно — весь Эвксинский Понт, переполненный городами, из которых самыми значительными являются следующие: с восточной стороны — Трапезунд, Симассо, Синоп, Самастро, Педарахия, Карпи; с западной стороны — Вордоваска, Сисополь, Ахила, Месемвриа,

Акалафия, Вранеа, Калиакра, Ликостоме (*Chilia*), Монкастро, **Каламита** (выделено мной — В. М.), **Симболо** (Чембало), **Судакеа** (Сугдея, Солдайя), **Каффа** — крупнейший и богатый город, Иберия, Севастополь. Таковы города, провинции же Авгасия (Абхазия), Мункрелия (Мингрелия) и Гутия (Грузия, Гурия); каковые города и провинции чтят имя Христово» [Медведев, 1999, с. 323–324].

Султан не предпринимал серьёзных шагов по захвату этих территорий до тех пор, пока был занят завоеванием государств, располагавшихся на островах и материковой Греции. Эту «программу» он только частично реализовал в течение последующих 22 лет непрерывных войн, которые велись турками-османами в Европе и Малой Азии.

4.1. Первые признаки «турецкого страха» в генуэзских факториях после падения Константинополя и их перехода в управление Банком Сан-Джорджо (1453–1455 гг.)

Изменение военно-политической обстановки в Восточном Средиземноморье после захвата турками Константинополя сказалось и на положении дел в Газарии. В генуэзских факториях, владениях господ Феодоро, Крымском ханстве постепенно разворачивается борьба между анти- и протурецки настроенными группировками, получившая своеобразную окраску в виде династических распрей, конфессиональных и этнических противоречий, что в конечном счёте и решило судьбу полуострова в 1475 г.

В Каффе, оторванной от метрополии, время от времени вспыхивали беспорядки, вызванные снижением торговой конъюнктуры, ухудшением снабжения горожан продовольствием, в аппарате управления факториями вскрывались факты коррупции, казнокрадства и нарушения законов. Всё это приводит к острому кризису, переживаемому городскими общинами в 1453–1475 гг., который способствовал стремительному падению всей «колониальной системы», созданной генуэзцами в бассейне Чёрного моря.

Эта агония протекала на протяжении 22 лет на фоне резко обострившихся социальных противоречий, религиозной и национальной вражды [Данилова, 1974, с. 205–213]. Волнения и бунты стихийно возникали в Каффе в 1454, 1456, 1463, 1471, 1472, и 1475 гг. [Atti, 1868–1871, VI, p. 250, 871; Секиринский, 1955, с. 56]. В 1470 г. источники отмечают какие-то «беспорядки» в Солдайе [Atti, 1868–1871, VI, p. 735]. Осенью 1455 г. в Таврике и Северном Причерноморье из-за неурожая, вызванного сильной засухой, начинается голод [Данилова, 1974, с. 207].

Стремясь найти выход из сложившегося в районе Босфора положения, генуэзцы ещё в марте 1452 г. начинают тайные переговоры с Мехмедом II на предмет заключения соглашения.

¹ Венецианец Николай Барбаро, находившийся в Константинополе в 1453 г., в своём «Дневнике осады» следующим образом описывает Богаз-Кёсен: «Это укрепление чрезвычайно сильно с моря, так что овладеть им нельзя никоим образом, ибо на берегу и на стенах стоят в громадном количестве бомбарды; с суши укрепление также сильно, хотя и не так, как с моря» [Nicolò Barbaro, 1856, p. 2; пер. цит. по: Васильев, 2000, с. 350].

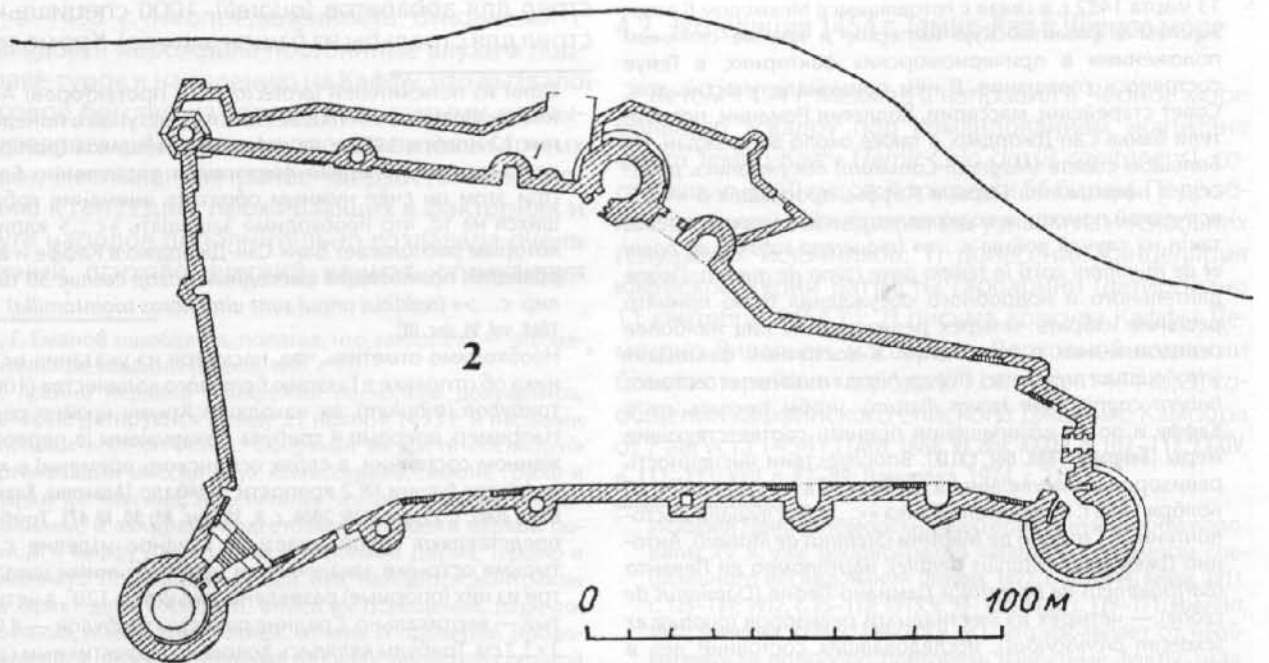
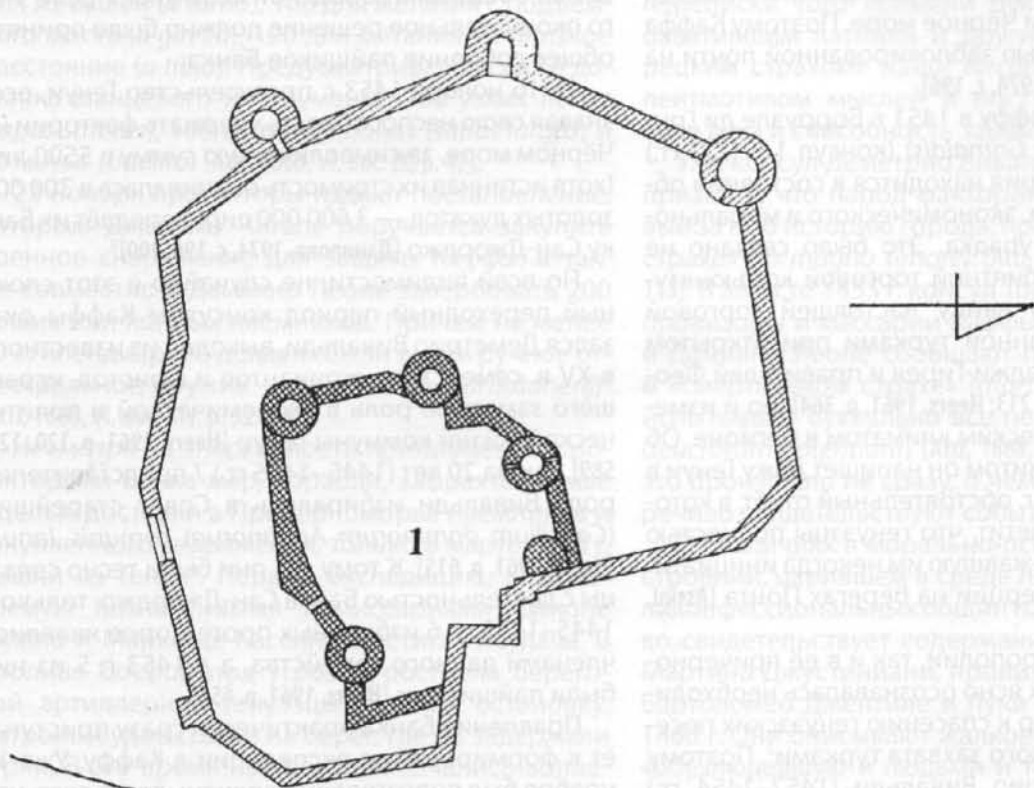


Рис. 118. Крепости Anadolu-Hisar (1) и Румели-Хисар (2) в проливе Босфор (по [Žigulski, 1988. rys. 69 – 70])

Однако оно было достигнуто только после захвата Константинополя. Генуэзским негодантам предоставлялось право «свободно передвигаться по суше и по морю», не распространявшееся на пролив Босфор и Чёрное море. Поэтому Каффа оказалась полностью заблокированной почти на два года [Данилова, 1974, с. 196].

Прибывший в Каффу в 1451 г. Борруэле ди Гримальди (*Boruelis de Grimaldis*) (консул 1451/52 гг.) заметил, что фактория находится в состоянии общей растерянности, экономического и морально-психологического упадка. Это было связано не только с неблагоприятной торговой конъюнктурой, сложившейся ввиду настоящей торговой войны, организованной турками при открытом протекционизме Хаджи-Гирея и правителей Феодоро [Heyd, 1886, II, p. 213; Heers, 1961, p. 364], но и изменившимся политическим климатом в регионе. Об увиденном и пережитом он напишет дожу Генуи в конце января 1453 г. обстоятельный отчёт, в котором с горечью отметит, что генуэзцы полностью утратили принадлежавшую им некогда инициативу в ведении коммерции на берегах Понта [Assini, 1999, p. 18–19].

Как в самой метрополии, так и в её причерноморских факториях ясно осознавалась необходимость принятия мер к спасению генуэзских поселений от неминуемого захвата турками². Поэтому в консулат Деметрио Вивальди (1452–1454 гг.) проводится детальная проработка вопроса о передаче и переходе всех причерноморских факторий Генуи в управление Банка Сан-Джорджо (*Compere de Saneti Georgii*) [Heers, 1961, p. 122]. 22 мая

1453 г., за неделю до падения Константинополя, в Каффе состоялась подготовительная процедура передачи [Мурзакевич, 1837, с. 66], согласованная со всеми общинами городской коммуны. После этого окончательное решение должно было принять общее собрание пайщиков Банка.

15/16 ноября 1453 г. правительство Генуи, осознавая свою неспособность удержать фактории на Чёрном море, за символическую сумму в 5500 лир (хотя истинная их стоимость оценивалась в 300 000 золотых дукатов — 3 600 000 лир) передаёт их Банку Сан-Джорджо [Данилова, 1974, с. 198, 200]³.

По всей видимости, не случайно в этот сложный переходный период консулом Каффы оказался Деметрио Вивальди, выходец из известного в XV в. семейства негодантов и юристов, игравшего заметную роль в экономической и политической жизни коммуны Генуи [Heers, 1961, p. 120, 128, 589]. Так, за 20 лет (1445–1465 гг.) 7 представителей рода Вивальди избирались в Совет старейшин (*Consilium dominorum Antianorum comunis Janue*) [Heers, 1961, p. 615]. К тому же, они были тесно связаны с деятельностью Банка Сан-Джорджо: только в 1445–1475 гг. 6 избранных протекторов являлись членами данного семейства, а в 1453 г. 5 из них были пайщиками [Heers, 1961, p. 656].

Правление Банка практически сразу приступает к формированию экспедиции в Каффу. Уже 19 ноября был подготовлен перечень всего того, что необходимо закупить для отправки в фактории: 50 пар лат (*coiracias*), 250 копий (*lazzanias*), 50 щитов (*tarconos*), 150 шлемов (*celatas*), 250 длинных копий (*lanceas lungas*), 100 сарбатан (*zarbatanas*), 10 бомбард (*bombardas*), 10000 трибулов (*tribulos*)⁴, 5000 стрел для арбалетов (*quareli*), 1000 специальных стрел для стрельбы из башен (*a turno*). Кроме того,

² 13 марта 1452 г. в связи с готовящимся Мехмедом II вторжением в Византийскую империю и крайне сложным положением в причерноморских факториях, в Генуе состоялось совещание. В нём принимали участие дож, Совет старейшин, массарии, Коллегия Романии, попечители Банка Сан-Джорджо, а также около 80 граждан. На Большом совете (*Magnum Consilium*) обсуждались донесения официалов Перы и Каффы, просивших о «<...> всяческой помощи и подкрепления как в мирное время, так и на случай войны <...>» (*requereno subsidio de oneni et de munitioni cossi in tempo paxe como de guerra*). После длительного и подробного обсуждения было принято решение избрать четырёх ревизоров из лиц наиболее осведомлённых о положении в восточных факториях (*elegi quatuor prestanttes cives ex hiis qui maiorem et certiozem habent cognitionem rerum illarum*), чтобы послать их в Каффу и по их возвращении принять соответствующие меры [Belgrano, 1888, doc. CXLIX]. Впоследствии численность ревизоров была увеличена до 16, т. е. в протоколе от 10 ноября 1453 г. попечители Банка «<...>» заслушали достопочтенных Стефано де Марини (*Stefanus de Marinis*), Антонио Джентиле (*Antonius Gentile*), Бартоломео ди Леванто (*Bartholomeus de Levanto*) и Дамиано Леоне (*Damianus de Leone*), — четырёх из шестнадцати ревизоров (*quatuor ex sexdecim pronisoribus*), исследовавших состояние дел в Каффе и её владениях «<...>». Ревизоры пришли к единодушному мнению, что «<...> передача власти над Каффой и другими владениями Чёрного моря (*Mare Mao*) правительством [Генуи] Банку Сан-Джорджо, от которого зависит спасение этих земель, будет иметь благоприятные последствия <...>» [Atti, 1868, vol. VI, doc. III].

³ Один из попечителей (*protectores* — протекторов) Антонио ди Франки (*Antonius de Francis*), выступая в понедельник 12 ноября 1453 г. на собрании пайщиков (*particeps*), настаивал на передаче факторий в управление Банку. При этом он счёл нужным обратить внимание собравшихся на то, что необходимо защищать «<...> капитал, которым располагает Банк Сан-Джорджо в Каффе и в тех областях, приносящих ежегодный доход свыше 30 тысяч лир <...>» (*redditus annui sunt ultra libras trigintamilia*) [Atti, 1868, vol. VI, doc. III].

⁴ Необходимо отметить, что, несмотря на указание источника об отправке в Газарию большого количества (10000) трибулов (*tribulum*), их находки в Крыму крайне редки. Например, впервые 4 трибула обнаружены (в переотложенном состоянии, в слоях османского времени) в ходе раскопок башни № 2 крепости Чембало [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, с. 25, рис. 120; 2006, с. 9, 39, рис. 85; 90, № 47]. Трибулы представляют собой железное кованое изделие с четырьмя острыми закалёнными равновеликими шипами: три из них (опорные) разведены под углом 120°, а четвёртый — вертикально. Средние размеры трибулов — 4,0×4,3×3,2 см. Трибулы являлись довольно эффективным средством против татарской конницы, особенно учитывая то, что кочевники, как правило, не подковывали своих лошадей. Судя по состоянию чембальских находок (обломы шипов и деформации), обнаруженные в барбакане и в засыпи башни № 2 трибулы вполне могли быть повреждены во время боевых действий.

были заказаны дротики трёх видов (*veretonorum de tribus sortis*), использовавшихся при обороне крепостей: 40 ящиков (*capsas*) дротиков для метания из башен (*a turno*), 100 для метания с подъёмного моста (*a girella*), 100 для метания на близкое расстояние (*a tibia*). Предусматривалась даже доставка шанцевого инструмента: 200 узких лопат (*sapas strictas*), 100 широких лопат (*sapas largas*) и 50 мотыг (*badilla*) [Atti, 1868, VI, doc. IX, p. 47].

23 ноября протекторы издают постановление, которым Джакомо Чигала поручается закупить военное снаряжение для защиты Каффы, а также совместно с Дамьяно Леоне завербовать 200 пеших или конных наёмников. Причём не менее 50 стипендиариев должны были иметь ручное огнестрельное оружие — сарбатаны (*zarbataneri*)⁵ [Atti, 1868, VI, doc. XIV, p. 52–53].

Несмотря на энергичность принимаемых протекторами Банка мер, корабли, зафрахтованные с целью доставки в Причерноморье наёмников и закупленного снаряжения, только в марте 1454 г. вышли из Генуи⁶. Первую экспедицию, возглавляемую назначенными комиссариями Симоне Грилло и Марко де Кассина, постигла неудача. В проливе Босфор под угрозой обстрела береговой артиллерией генуэзцы сделали остановку. Патроны судов сошли на берег, где их задержали турки. В это время на кораблях начались волнения матросов и солдат, что вынудило комиссариев вернуться на Хиос и оставаться там в течение года, несмотря на неоднократные распоряжения отправиться в Каффу [Данилова, 1974, с. 204].

В 1454 г. на долю обитателей генуэзских факторий Газарии досталось ещё больше волнений, чем в 1453 г. Неопределённость отношений с Мехмедом II порождала постоянные слухи о подготовке турок к нападению на Каффу, что вызвало массовое бегство из города (под самыми разными предложениями) латинян и представителей других общин. Неслыханная ранее «дерзость» по отношению к генуэзцам проживающих в факториях и округе народов дополнительно создавала очень сложный психологический климат, стимулируя

поддержание общего настроения неминуемо приближающегося краха.

Политическая тональность деловой и частной переписки того времени буквально пропитана охватившим латинян и других поселенцев «турецким страхом» (*timor turcorum*), который стал лейтмотивом мыслей и поступков, подтачивая силу духа и способность защищаться.

Уже консул Деметрио Вивальди вынужден был признать, что народ фактории, возможно, впервые за всю историю города, пребывал «в великом страхе» (*in magno timore*) [Atti, 1868, VI, doc. XXXVI, p. 115]. В августе 1455 г. консул Томмазо Домокульта, провизоры и массарии Каффы Антонио Леркари и Дамиано Леоне сообщают протекторам Банка о «смертельном страхе» (*mortis timore*), который испытывают буквально все перед «силой турок» (*teucrorum potentiam*) [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 355]. Но это произошло не сразу, о чём довольно красноречиво свидетельствуют события 1454 г.⁷

О различиях в морально-психологическом настроении, царившем в среде полиэтничных и поликонфессиональных общин города, красноречиво свидетельствует содержание письма консула Мартино Джустиниани, провизоров и массариев Бартоломео Джентиле и Луки Сальваго от 5 мая 1460 г. Они описывают жалкое состояние Каффы, «обезлюдившую и людьми и товарами, охваченную страхом». При этом «парадоксальным выглядит то, что тогда как греческий, армянский и еврейский компоненты не проявляют беспокойства, именно латинский элемент подаёт признаки нервозности» [Assini, 1999, p. 15].

4.2. Экспедиция 1454 г. Темир-Кая в Чёрное море

Летом 1454 г. Мехмед II направил в Чёрное море большую эскадру под командованием «капитана флота Темир-Кая» (*Temir Coia classis capitaneus*), состоявшую из 60 судов: 4 трирем и 56 бирем. Подробности об этой экспедиции мы узнаём из нескольких генуэзских источников: 1) донесения канцелярия каффской курии Баттисты Гарбарини (датировано 11 сентября 1454 г.); 2) письма консула Каффы Деметрио Вивальди, массариев, Верховной коллегии Совета старейшин города (21 октября 1454 г.); 3) сообщения каффинского епископа Джакомо Кампора от 7 августа 1454 г.) [Atti, 1868, VI, doc. XXXIII, p. 102–112; XXXIV, p. 112–113; XXII, p. 87–89; Данилова, 1974, с. 211].

⁵ История Причерноморских факторий Генуи второй половины XV в. уже неоднократно являлась предметом специального исследования [Волков, 1872, с. 109–144; Колли, 1911, с. 125–139; 1912, с. 75–112; 1913, с. 99–139; 1918, с. 129–171; Malowist, 1947; Данилова, 1974, с. 189–214 и др.], что избавляет от необходимости подробно повторять известные факты, оставившись только на недостаточно полно отражённых в имеющейся научной литературе вопросах.

⁶ Написание имени турецкого адмирала в латинском источнике вроде бы даёт возможность переводить его как Темир-Кая (т. е. «железная скала»), хотя в литературе встречается и Демир-Кахья [Колли, 1913, с. 131; Герцен, 1990, с. 147].

⁵ А. Г. Еманов ошибается, полагая, что *zarbatana* — это метательные машины [Еманов, 1995, с. 43].

⁶ А. Ассини недавно обнаружил несколько документов, которые датируются между 21 ноября 1453 г. и первыми числами апреля 1454 г. Основная их часть посвящена организации миссии двух комиссариев Симоне Грилло и Марко де Кассина, наделённых чрезвычайными полномочиями, и связана с подготовкой отправки первой помощи в Каффу на кораблях Джероламо Дориа, Терамо и Джаннетто Ломеллини. Среди них находятся контракты на фрахт двух кораблей, опись их оснащения, перечни военных и морских снастей, отчёты о проверке, проводившейся двумя капитанами на судах, депеши о срочной отправке недостающих материалов, контракты о вербовке наёмников, в частности, *conestabile* Антонелло Мальвизно, Габриэле да Пьетросанта и Николо де Трентис, мандаты на задержание сбежавших моряков и протест наёмников, опасавшихся быть взятыми на флот для ведения войны с каталонцами [Assini, 1999, p. 13].

Первоначально турки подошли к молдавской крепости Четатя-Албэ (*Cetatea Alba* — Белгород = Монкастро). Здесь их постигла неудача. Попытка атаковать город с моря не имела успеха, потому что он оказался хорошо укрепленным, и появление турецкого флота у его стен не стало неожиданностью для защитников (обороной Монкастро руководил, как полагают некоторые исследователи, господарь Александр II [Быря, Русев, 1999, с. 194]). Для защиты генуэзской фактории в Монкастро официальными Каффы в 1454 г. было в срочном порядке отправлено 70 специально нанятых для этого «казаков» с двумя «комиссарами продовольствия» (*de socijs cazachis septuaginta cum commissarijs duobus victualibus*) [Atti, 1868, VI, p. 103, doc. XXXIII, a. 1454, 11 Sept.].

После фиаско у Монкастро турки отправились к Севастополю (*Sauastopolim*), где захватили два генуэзских корабля (*duabus nostris pupibus*), один сожгли, а город разграбили. Как докладывал потом консул фактории, «некоторые наши негодяи захвачены в плен» (*nostris negotiatoribus alios captiuos ceperunt*). Часть местных жителей и генуэзцев спаслись бегством (*arripuerunt fugam*) [Atti, 1868, VI, doc. XXXII, p. 103].

В то время, когда эскадра Темир-Кая находилась у побережья Кавказа, в порту Воспоро появилась турецкая бирема, доставившая посла Хаджи-Гирея из Константинополя, где он якобы вёл переговоры с Мехмедом II (*theucrorum regem*) об отправке в Чёрное море военного флота (*impetraadem classim*). После того как посол высадился на берег, судовая команда биремы занялась каперством, причинив своими действиями большой урон (*debellabat multa dampna iaferens*) городу.

Однако «по воле <...> судьбы» (*accidit enim <...> a fortuna*) пираты встретились с кораблём Джованни ди Негро (горожанина Каффы), шедшего из Копы при попутном ветре на всех парусах. Генуэзцы напали на турецкую бирему и взяли её на бордаж. Часть экипажа оказалась захваченной, а другие бросились за борт и утонули. Патрон корабля доставил в Каффу 37 пленников. Среди них оказались: «13 турок (*tredecim solum theucris*), 17 „гетов“ низкого сословия, обитателей окрестностей Воспоро (*preter getici decem et septem prae conditionis apud Vosporum habitantes*) и 7 татар (*septemque tartari*)» [Atti, 1868, VI, doc. XXXIII, p. 104]. Гетов⁹ повесили по распоряжению консула, татар отправили гребцами на галеры, а турки содержались временно в тюрьме и позже были переданы «командующему турецким флотом» (*theucros classis capitaneo*) вместе с захваченной фустой.

⁹ В. Гейд полагал, что под «гетами» генуэзские источники подразумевали черкесов (адыгов) [Heyd, 1886, II, p. 394; Гейд, 1915, с. 103]. В то же время некоторые исследователи полагают, что форма «*geticus*» в генуэзских документах представляет собой антикизированный этноним, обозначавший валахов-румын. Например, «<...> *Velachie sive ex Geticorum <...>*» [Airdali, 1974, p. 292; Пономарёв, 2000, с. 357].

После учинённого в Севастополе погроме Темир-Кая направился к берегам Газарии и сначала остановился у селения Кавалария (*Iocum Caualarij*), где встретился с представителями Хаджи-Гирея¹⁰. 11 июля в порту Каффы появился турецкий флот в составе 56 бирем (*biremibus quinquaginta sex*). Они стали на якорю «на расстоянии одного выстрела из бомбарды» (*longe unius ictu bombarde*). Первоначально, высадившись на берег для отдыха, они не приближались к городу. Но уже на следующий день (12 июля) турки появились на рынке в предместье Каффы. Как указывают латинские источники, рынок располагался между церковью св. Марии и башней св. Константина (*in existenti situ inter ecclesiam sancte Marie Medij Augusti et sancti Constantini turrim*) [Atti, 1868, VI, p. 123; Бочаров, 1998, с. 92–93, рис. 1, D1; 20].

Запасаясь продовольствием, турки вели себя бесцеремонно, отбирали всё, что им захочется. Если бы не вмешательство официалов фактории, возникшая потасовка могла бы закончиться истреблением или пленением непрошенных гостей. Но этим инцидент не был исчерпан. Вечером 13 июля турки при помощи лестницы попытались проникнуть в город, но встретили ожесточённое сопротивление, причем 10 или 12 человек с их стороны были убиты, а остальные бежали на корабли и покинули берег (*descunderant terram*). Избиение прекратилось благодаря вмешательству магистратов Каффы.

Утром 14 июля появилась татарская конница во главе с «императором татар», насчитывавшая около 6000 человек (*sex millium*) [Atti, 1868, VI, p. 103]. В то же время флот приблизился к предместьям (?). Темир-Кая в сопровождении офицеров высадился на берег, где встретился с Хаджи-Гиреем. Сложившаяся обстановка приобретала угрожающий характер. Но, судя по всему, в ходе совещания они пришли к заключению, что с имеющимися у них силами не удастся овладеть Каффой, и потому решили вести с генуэзцами переговоры. К антибургам (*antiburgos*) подъехал хан, требуя направить кого-либо для переговоров, на что получил отказ. Тогда к крепостному рву прибыл сам «капитан флота Темир-Кая», которого сопровождала охрана и переводчик.

Несмотря на всю напряжённость сложившейся ситуации, конфликт удалось разрешить мирным путём, заключив между сторонами столь необходимое для генуэзцев «соглашение» (*observari pacta*). Официалы вынуждены были согласиться с требованием хана, поэтому они обязались, по-

¹⁰ Данное селение неоднократно отмечается на портоланах под названиями *Callar*, *Cavallario*, *Cavalari* на западном берегу Керченского пролива. Этот пункт отождествлялся либо с мысом Такиль, либо с мысом Кыз-Аул [Еманов, 1995, с. 101]. По мнению С. Г. Бочарова, средневековое Кавалария тождественно поселению Яныш-Такиль 1, открытому в ходе работ Боспорской охранно-археологической экспедиции и датируемому по керамическому материалу концом XIII–XV вв. [Бочаров, 2001, с. 158, рис. на с. 159].

мимо обычных таможенных пошлин, составлявших 3% от собираемых с товаров налогов, дополнительно ежегодно выплачивать Хаджи-Гирею дань в размере 600 соммо (*sexcentorum summorum tributum*) [Atti, 1868, VI, doc. XXXIII, p. 105; Данилова, 1974, с. 211]. Турецкий адмирал по существовавшему обычаю получил подарок в виде сухарей «и другого необходимого продовольствия». 15 июля турки покинули порт Каффы. Флотилия продвигалась вдоль побережья Готии (*Gotiam*). Здесь османами был нанесён большой ущерб, потому что её население оказалось не готовым к защите («*ubi plura in maximum illarum dedecus dampna intulerunt. Cum nullam fecerint obstaculi <...> sionem*») [Atti, 1868, VI, p. 104]. Только после этого турецкая эскадра направилась в Константинополь.

В момент драматических событий июля 1454 г. в Каффе находился посол Мехмеда II (*theuecorum regis orator*), прибывший в город ещё в начале апреля, т. е. задолго до появления флота под командованием Темир-Кая. Пока турецкие корабли находились в бухте Каффы, посла под всякими благовидными предложениями удерживал Деметрио Вивальди. Только после благополучного разрешения обстановки он с почестями и подарками был отправлен обратно, получив устные и письменные заверения, что жители фактории признают над собой верховенство турецкого султана и обязуются придерживаться условий заключённого договора [Atti, 1868, VI, p. 107].

Таким образом, первая (с начала правления Мехмеда II) военно-морская экспедиция лета 1454 г. носила, скорее всего, характер рекогносцировки. В ходе этой кампании турки убедились, что Каффа является хорошо укрепленным городом, для её захвата необходима тщательная подготовка и значительные войска, снабжённые осадными орудиями¹¹. Но основной причиной неудач предприятия Темир-Кая как в Монкастро, так и в Каффе явилась не только осведомлённость их жителей о готовящемся нападении турок, но и высокий моральный дух, пока ещё лишённый подавляющего волю «турецкого страха».

В то же время, из донесения канцелярии курии Каффы Баттисты Гарбарини от 11 сентября 1454 г. становится очевидным, что город не был готов к серьёзной войне и длительной осаде. Поэтому магистраты обращаются с просьбой как можно быстрее прислать «<...> подкрепление в людях, [а также] бомбарды, кулеврины и большие сарбаканы (*bombardis colonbrinis ac magnis*

¹¹ Канцелярий курии Каффы Баттиста Гарбарини в донесении от 11 сентября 1454 г. сообщает о полученных «от некоторых достойных людей» сведениях, согласно которым «капитан флота рассказал о многом своему царю (султану) и лицемерно жаловался на нас». При этом «он убеждал [султана], сделать этот город (Каффу — В. М.) самым знаменитым в мире (*Et primo hanc urbem fare nobilissimam uninersis persuasit*), когда он (Темир-Кая — В. М.), имея сто галер и фуст, завоеует его (*quam cum galeis et fustis (centum posse asseruit debellare)*) [Atti, 1868, VI, p. 104].

sarbatanis), в которых мы очень нуждаемся, <...> потому что подобные орудия наводят большой страх <...>». Кроме того, для «нашего безоружного народа (*inermi populo*)» необходимо «<...> тысячу или более копий (*magis de lazanis mille*)». Гарбарини просит также «<...> позаботиться об оружии для защиты, оружии и орудиях для ведения войны (*defensatorijs armis bellicisque apparatibus <...> prouidere*)». При этом особое внимание уделяется отправке наёмников. Их должен возглавлять капитан (*capitaneum*), который был бы «опытным в военном искусстве и знающим всё, что касается обороны городов» (*expertum virum bellicque artis instructum circa es quo ad defecandas urbes*). Каффа остро нуждалась в хороших каменщиках, баллистариях и артиллеристах — канцелярий курии сделал на этом особый акцент: «Любой ценой найдите людей, умеющих восстанавливать городские стены, и таких, которые бы умели стрелять из бомбард и орудий (*bombardis ac machinis*), двух или трёх стрелков из баллист (*duos aut tres magistros balistrorum*), несколько каменщиков (*aliquos auterami magistros*) [Atti, 1868, VI, p. 109].

Ещё до нападения турецкого флота коммуна Каффы направляет посольство к Мехмеду II с предложением заключить договор. Но эта акция, видимо, не имела особого успеха, и в конце 1454 — начале 1455 г. в Константинополь едет второе посольство с подарком султану в 300 соммо (2400 генуэзских лир). На этот раз договор был заключён, и Каффа обязалась ежегодно выплачивать туркам дань в 3000 венецианских дукатов [Данилова, 1974, с. 212].

Весной 1455 г. в Каффу прибыло сразу три отправленных из метрополии экспедиции на 6 судах. Два корабля, вышедших из Хиоса в марте, под командованием Дориа и Ломеллини со 100 наёмниками на борту; два — Пари де Мари и Баттисты Дориа и два — Мартино Вольтаджо и Джакомо Джироламо Леоне, доставившие назначенных протекторами Банка в фактории новых официалов и 488 наёмников с вооружением. С этого момента жизнь в Каффе начинает входить в нормальное русло. Официалы неустанно пытаются наладить торговлю и установить дипломатические отношения с правителями Причерноморских государств (в особенности с императором Трапезунда, общиной Монкастро, владельцами Феодоро и крымским ханом Хаджи-Гиреем).

Пристальное внимание уделяется укреплению обороноспособности Каффы, Солдайи и Чембало. Так, из отчёта (отправлен в Геную 1 июля 1455 г.) Антонио Ассерето (на протяжении 1451–1455 гг. исполнял обязанности коменданта арсенала и хранителя воды) мы узнаём, что за это время проведено восстановление обрушившейся части стены и башни у ворот св. Георгия (*murum ruptum et destructum prope portam Gorgi*), отремонтирована башня ворот св. Апостолов (*turrim porte Sanctorum Apostolorum*), во многих местах восстановлены

мерлоны (*merla*) и барбакан, защищающий Кайадорские ворота (*barbacanam porte Caihadoris*). При этом потребовалось отремонтировать оборонительные стены и башни по всему периметру, где необходимо было починить лестницы (*scallas*) и настилы (*solaria*) башен города. По его заключению, для завершения начатого им ремонта требуется ещё более 600 соммо (*plus quam sommos DC*) [Atti, 1868, VI, doc. CXXXII, p. 321–322]¹².

Джованни Пиччинино, капитан наёмников, прибывший из Генуи в 1455 г., в личном докладе от 6 сентября писал протекторам Банка, что вынужден был заниматься восстановлением рва и защитного вала, которые он застал пришедшими в полную негодность [Atti, 1868, VI, doc. CXXXII, p. 310–311].

Консул Солдаини Карло Чигала, попав в факторию 6 мая 1455 г., сразу отправился осматривать состояние крепостных стен, а также необходимых запасов продовольствия и вооружения, хранящихся в башнях города. В своём отчете он обращает внимание на то, что оба замка укреплены плохо, мерлоны на башнях и стенах в некоторых местах отчасти разрушены, а «одна из башен крепостных стен вместе с частью самой стены обрушилась на протяжении 30 палмов¹³ (т. е. примерно на 8,22 м — В. М.) (*Eliam vidi turrimex illis murorum ciuitatis cum parte muri quasi parmos XXX ad ruinam properantes*)» [Atti, 1868, VI, doc. CXIX, p. 303–305]. В дальнейшем совершенствование оборонительных сооружений крепостей и поддержание их в боеспособном состоянии становится предметом особой заботы прибывающих в фактории официалов, о чём они регулярно сообщают протекторам Банка.

4.3. Малые города и замки Генуэзской Газарии (1453–1475 гг.)

По договору 1453 г. коммуна Генуи передавала (продавала) Банку Сан-Джорджо «город Каффу, всё большие и малые города, землю, большие и малые крепости и замки (*castella et fortilitia*)» [Atti, 1868, VI, Doc. IV, № 34, 1.19; Данилова, 1974, с. 198]. Но следует признать, что многие из упоминаемых в итальянских источниках «малые города» и «замки», а также некоторые поселения до настоящего времени остаются недостаточно хорошо исследованными (Чембало, Партенит, Воспоро, Провато, Горзувита, Панеа и др.). А место расположения некоторых даже точно не локализовано на местности (Батиарум, Ле Фети, Ле Салине, Чиприко, Завида и др. [Бочаров, 2001, с. 157–161]).

¹² Определить хотя бы примерно предполагаемый объём первоочередных работ позволяют следующие расчёты. Если высококвалифицированный ремесленник (плотник и каменщик) получал от коммуны за свою работу в месяц 1 соммо, то для приведения в порядок фортификационных сооружений Каффы необходимо было нанимать на три месяца 200 рабочих.

¹³ 1 генуэзский «пальмо» (диалектное «*parmo*») = 0,274 м [Карпов, 1990, с. 334].

4.3.1. Частная лигурийская сеньория XV в. в Северном Причерноморье

Тема социальных, экономических и политических причин возникновения и развития частной генуэзской сеньории (*signoria*) в Причерноморье, хотя ей и уделялось на протяжении XIX–XX вв. внимание исследователей различных исторических школ и направлений [Canale, 1855, I, p. 311; Brun, 1866, p. 32, 34; Heyd, 1886, II, p. 379–380; Секиринский, 1955, с. 37–41, 54; Секиринский, Секиринский, 1989, с. 9–16; Никифоров, 1995, с. 168–170; Кирилко, Мыц, 2004, с. 223; Мыц, 2005, с. 513–542; Руссев, Мельников, 2006, с. 479–493 и др.], до настоящего времени не вышла за рамки постановки проблемы [Барабанов, 1995, с. 28]. Причиной тому является некоторая односторонность подхода, связанная с попыткой осветить данную проблему только посредством обращения к сведениям письменных источников. Таким образом, она оказалась в прямой зависимости от их введения в научный оборот и характера интерпретации.

Примером такого подхода в научном исследовании является история замка Иличе (*Ilice, Lerice*). Точное место расположения этого замка долго не было установлено [Брун, 1853, с. 237–238; Тодорова, 1989, с. 174–175; Andreescu, 1997/8, p. 179–187; Basso, 1998, p. 83–96], а определялось только приблизительно («... *il castello dicto Loxex alla marina*...» [Sanuto, 1879, p. 757 Desimoni, Belgrano, 1867, p. 245, 248]) при устье Днепра [Heyd, 1886, II, p. 397] (в районе современного Цюрюпинска [Барабанов, 1995, с. 26]). В настоящее время есть достаточно оснований для локализации Иличе на месте городища Днепровское-2 [Руссев, Мельников, 2006, с. 493] (*рис. 119*).

Вместе с тем, следует признать, что на сегодняшний день мы не обладаем какой-либо информацией, содержащей характеристику его фортификации и материальной культуры. Из раскопок памятника [Буйских, Левлев, 1991, с. 89–105, *рис. 2*; Бураков, 1991, с. 105–109, *рис. на с. 106*]¹⁴ происходят красноглиняные поливные изделия «каффинского круга» второй половины XV в. (*рис. 120*) и «случайные» монеты [Руссев, Мельников, 2006, с. 490–492]. Кроме того, редкой археологической находкой в этом районе является латинский меч прекрасной сохранности с надписью конца XIV — начала XV вв.¹⁵, обнаруженный в устье Днепра у места, где предположительно располагался замок (хранится в Херсонском областном краеведческом музее).

¹⁴ А. В. Бураков ошибочно датировал поливные сосуды XIII в. и полагал, что они попали в Днепро-Бугский лиман из Херсонеса, где, вероятно, и производились [Бураков, 1991, с. 109].

¹⁵ *S(alvator). N(omin)e re(demptoris)... S(alvator). N(omin)e re(demptoris)...* — «Спаситель. Во имя Исккупителя... Спаситель. Во имя Исккупителя...» [Дрбоглав, 1984, с. 117]. Предлагаемая исследователем датировка — первая половина XIII в. — сомнительна.

Наиболее раннее упоминание в генуэзских источниках частных владений, принадлежавших семье Гвизольфи (*Ghisolfi, Guisulfi*) в Матреге (*Matrega, Matroga, Matreca, Тамань* [см. Фоменко, 2001, с. 71]), относится к 1416–1419 гг. [Canale, 1855, I, p. 311; Brun, 1866, p. 32, 34; Heyd, 1886, II, p. 379–380, 395–396]. Основателем этой сеньории выступает Джованни Гвизольфи, преемником которого в 1424 г. становится Симоне. После смерти Симоне, наступившей около 1446 г., правителем Матреги, до турецкого завоевания Тамани, является его внук Захария [Vigna, 1879, VII/1, p. 841–842; Heyd, 1886, II, p. 395–396]. При этом, три известных поколения семейства Гвизольфи неизменно признавали верховную власть Генуи (после 1453 г. — Банка Сан-Джорджо) — подчинялись назначаемому в метрополии консулу Каффы, получая в случае необходимости военную и финансовую помощь.

Однако случай с Матрегой и её владельцами из семьи Гвизольфи до второй половины XV в. служит скорее примером исключения, чем правила. Даже в новом Уставе Каффы 1449 г. генуэзским подданным (должностным или частным лицам) по-прежнему запрещалось сооружать крепости, замки или валы без разрешения властей Генуи [Устав, 1863, с. 752–753]. Это положение основывалось на специальном декрете, принятом 31 августа 1441 г. В нём дож Генуи, Совет старейшин и Оффиция попечения Романии запрещали частным лицам строить, перестраивать и укреплять по своей инициативе какое-либо поселение, расположенное на побережье Чёрного моря. В самой метрополии данный запрет действовал с 60-х гг. XIV в. (около 1363 г.) [Poggi, 1901, Col. 369–370, Reg. 142–143]. Поэтому 9 июля 1449 г. правительство Генуи отдаёт распоряжение подеста Перы не оказывать какое-либо содействие Джульяно ди Гизальди и Грегорио де Торрилья, вознамерившимся произвести перестройку замка Иличе, а самим сеньорам покинуть укрепление [Jorga, 1896, p. 59].

Ситуация изменяется только в 1453 г., когда коммуна Генуи передаёт Банку Сан-Джорджо, как отмечалось выше, «... Каффу, все большие и малые города, землю, большие и малые крепости и замки...». Во второй половине XV в. некоторые лигурийские сеньоры получают (вероятно, в форме «лицензий») от протекторов Банка земли как в самих факториях, так и рядом с ними, где возводят новые или ремонтируют старые замки, устанавливают дополнительные налоги, подчиняя своей юрисдикции местное население. Так поступили генуэзцы из родов Сенарега, Гваско, Марини, Спинола и Гвизольфи [Belgrano, 1877, doc. 139; Jorga, 1896, p. 59; Balard, 1978, I, p. 267; Тодорова, 1989, с. 174–175]. Поэтому в источниках ничего не говорится о применении в отношении них каких-либо мер («репрессалий»), предусмотренных декретом от 31 августа 1441 г. и *Ordine Caphe* 1449 г. (как это было с Джульяно ди Гизальди и Грегорио ди Торрилья). Наоборот, консулы Каффы всегда выступают в защиту интересов владельцев этих замков.

Правда остается неясным, когда и на чьи средства были возведены данные укрепления (кроме Тасили, строившегося сеньорами Гваско). Ситуация в некоторой степени проясняется только относительно замка Иличе. Благодаря опубликованному О. Н. Барабановым источнику 1454 г. («Судебное дело Бруно Сальваиго»), стало известно, что замок был восстановлен частными лицами, а затем выкуплен у владельцев коммуной Каффы [Барабанов, 1995, с. 20–36]. При этом удаётся определить и примерную стоимость замка — 1680 соммо (около 36 960 каффинских аспров).

В устье Днепра также располагался замок, владельцем которого являлся Меруальди Спинола (*Castrum Merualdi Spinola in partibus ilicis*) [Vigna, 1879, VII/2, p. 248]. Ф. К. Брун, основываясь на традиции местных преданий, предположительно локализовал развалины генуэзского замка Спинола на правом берегу р. Днепр, выше Херсона, у с. Тягинки [Брун, 1879, с. 223].

Таким образом, во второй половине XV в. (в основном после 1453 г.), согласно свидетельствам письменных источников, в Северном Причерноморье появилось пять частных владений с замками. Их сеньорами являлись представители генуэзских семейств Синарега, Спинола, Гваско, Марини и Гвизольфи: два находилось в устье Днепра, два — на Таманском полуострове, и только одно (?) — в Крыму. Нетрудно заметить, что 4 сеньории располагались на землях, принадлежавших татарам (Иличе и замок Спинола) и адыгским князьям (Батиарум и Матрега). В то же время Гваско обосновались на территории сельской округи консульства Солдайи, перешедшей коммуне Генуи по договорам с татарами в 80-х гг. XIV в. Следует также признать, что до настоящего времени замки генуэзской Газарии остаются практически неизученными¹⁶. Мы не располагаем какими-либо сведениями о матери-

¹⁶ Некоторое исключение, пожалуй, составляет только укрепление Кордон-Оба, известное по портоланам с конца XIII–XV вв. как Калиера (*Caliera, Calitra*) [Kenpen, 1837, с. 101–103; Кулаковский, 1914, табл. II; Барсамов, 1929, с. 165–169; Мыц, 1991а, с. 153; Фоменко, 2001, с. 61]. Руины замка расположены на вершине холма недалеко от Отузской бухты (н. п. Курортное). В 1927/28 гг. раскопки на Кордон-Обе проводил Н. С. Барсамов. Им были открыты башня-донжон, церковь, жилые и хозяйственные помещения. Территория крепости по всему периметру ограждалась оборонительными стенами толщиной 1,20 м, сложенными из бута на известковом растворе. Размеры укрепления составляют 85×56 м (0,26 га). Храм (8,40×5,10 м) находился в центре замка. Стены изнутри были оштукатурены известью и покрыты фресковой росписью. Прямоугольная башня-донжон размером 10,50×8,35 м (ширина стен 1,20–1,30 м) располагалась на южном участке обороны и занимала господствующее положение во всём комплексе строений крепости. Археологический материал, обнаруженный в ходе раскопок, датируется в широких пределах: XIII–XV вв. [Барсамов, 1929, с. 165–169], что, при условии отсутствия детально зафиксированной стратиграфии памятника, не позволяет установить основные этапы его строительства и обживания территории. К тому же, опубликованные генуэзские источники ничего не сообщают о том, оставался ли он в XV в. под управлением коммуны Каффы или же был передан частному лицу (лицам).

альной культуре (архитектуре, планировке, фортификации и проч.) этих замков.

Становление частной итальянской сеньории в Северном Причерноморье сопровождалось рядом конфликтных ситуаций, грозивших хозяевам укреплений потерей своих владений. Весьма показательна в этом отношении история того же замка Иличе (*Castrum Ilicis, Castello di Lerici*) [Барбанов, 1995, с. 20–36]. К 1455 г. в качестве его управителей от имени коммуны Каффы, или точнее от Банка Сан-Джорджо, выступают четыре брата Сенарега [Heyd, 1886, II, p. 397]. Ими была налажена посредническая торговля людьми, попавшими в плен к татарам. Сенарега содержали их в замке в ожидании получения выкупа [Jorga, 1898, p. 32–34; 1937, p. 116–117]. Весной 1455 г. за 14 пленных жителей Монкастро, находившихся в их замке, братья запросили чрезмерно большую сумму — 3400 дукатов, «обрававшихся в Монкастро (*pro tribus quadrigentis Mocaстро currentibus*)» [Atti, 1868, VI, doc. CXXI, p. 307; Jorga, 1895, p. 31–33], что в 50 раз превышало «обычную цену» [Симпиа, 1973, p. 124; Бырня, Руссев, 1999, с. 221, 238].

В ответ на это в мае 1455 г. Иличе был захвачен во время внезапного нападения 60 «валахов» (жителей Монкастро, переодевшихся рыбаками). Акция, по-видимому, проводилась по согласованию с представителями магистратов города (*imo, ut vulgo ereditur, comissione rectorum loci illius, quos juranus vocant et seniorum*) [Бырня, Руссев, 1999, с. 221]. В плен попали двое братьев — Григорий и Пьетро. Имущество владельцев крепости, оценённое в 10000 венецианских дукатов, было отправлено в Монкастро.

Господарь Петр Арон (1451–1457 гг.), вняв просьбам Амброджио (одного из братьев Сенарега — *Ambrogio Senarega*) [Atti, 1868, VI, doc. CXXI, p. 307–309], обратился к магистратам Монкастро с желанием вернуть замок и награбленное. Но данное обращение господаря «Валахии» осталось без внимания. Несмотря на все протесты консула Каффы и протекторов Банка Сан-Джорджо, ни замок, ни деньги не были возвращены, хотя братьев выпустили на свободу [Malowist, 1947, s. 98, 168]. Поэтому 12 июня 1455 г. из Каффы отправляется галера под командованием Григорио де Аллегро для того, чтобы силой вернуть замок, а на обратном пути доставить в город продовольствие. Однако данная экспедиция потерпела неудачу, и в начале сентября Аллегро вынужден был докладывать: «Лерич укреплен от имени Петра воеводы и Монкастро, который не хочет его возвращать» [Jorga, 1937, p. 117; Basso, 1998, p. 83–96; Andreescu, 1997/98, p. 179–187]. Таким образом, замок Иличе был окончательно потерян в 1455 г. как для его владельцев, так и для коммуны Каффы.

Ещё один генуэзец — Илларио де Марини — приобрёл на берегу Азовского моря замок Батиариум (*Batiarium*) [Брун, 1879, с. 213; Зевакин, Пенчко, 1940, с. 6; Zevakin, Pencko, 1969, p. 29]. Во время его

отсутствия управляющий (*praesidius*) крепостным гарнизоном Джованни Бозио объявил себя владельцем крепости [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 356]. Марини пришлось обращаться за помощью к консулу Каффы. Для отвоевания замка в 1455 г. снарядили две галеры с двумя ротами стипендиариев. На одном корабле вспыхнул бунт, и команда наёмников под предводительством Джакомо ди Капуи отправилась в Трапезунд. Солдаты другой роты, возглавляемой капитаном Антонио Джентиле де Корсика, вернули замок хозяину [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 356; Волков, 1872, с. 127–128; Чиперис, 1956, с. 67–79]¹⁷.

Наиболее представительные материалы как письменных свидетельств, так и археологических исследований имеются по истории замка Тасили, принадлежавших семейству Гваско¹⁸. В своё время Л. П. Колли совершенно справедливо локализовал его на месте развалин укрепления Чобан-Куле [Колли, 1905, с. 6, 16]. Но только сравнительно недавно удалось при помощи раскопок подтвердить данное предположение [Мыц, Кирилко, Лысенко и др., 1994, с. 200–207; Кирилко, Мыц, 2004, с. 205–245].

¹⁷ Илларио де Марини возвращение замка обошлось в 16 000 аспров (около 80 соммов), которые он внёс в массарию Каффы. На отвоевание *castrum Batiarii* вместе с Илларио отправились 100 стипендиариев, возглавляемых, как уже отмечалось, капитаном Антонио Джентиле де Корсика [Atti, 1868, VI, p. 356].

¹⁸ Наиболее раннее упоминание представителей семейства ди Гваско (или «да Гваско», как предлагала Е. Ч. Скржинская [Скржинская, 1971, с. 155, § 47], или Гуаско, как предлагал С. А. Милицин [Милицин, 1955, с. 73]) среди поселенцев Солдайи и Каффы относится к концу 70-х — началу 80-х гг. XIV в. в массарии Каффы второй половины 1379 — начала 1381 гг. неоднократно фигурируют 5 *de Goascho: Conrado, Vesconte, Christodor, Iohann, Dimitrij*. Причём имя Коррадо отмечается дважды в связи с выполнением им функций посла коммуны. Так, например, Коррадо ди Гваско совместно с Джакомо ди Турре в конце 1380 г. направляются коммуной города в составе специальной миссии в Готию [Пономарёв, 2000, с. 394], а в ноябре 1381 г. тот же Коррадо и Христофоро делла Кроче были посланы магистратами Каффы в качестве послов в Орду [Balard, 1978, p. 457–458]. Однако в самой метрополии выходцев из рода Гваско встречаем с конца 30-х — начала 40-х гг. XIV в. Наибольшую известность, благодаря своей успешной дипломатической карьере на службе коммуны Генуи, получил Энрико ди Гваско [Spuler, 1942, p. 99; Balard, 1978, p. 74–75], а среди участников Къёджской войны признание получил Иснардо ди Гваско [Balard, 1978, p. 457–458]. По всей видимости, Гваско (*Goascho*) получили своё прозвище (фамилию) по наименованию селения Coasco, располагавшегося примерно в 75 км к юго-западу от Генуи и в 6 км к западу от *Albenga* [Gourdin, 1986, p. 564, fig. 39] (сведениями из массарии Каффы и знакомству с работой Ф. Гуандин автор обязан А. Л. Пономарёву, любезно предоставившему имеющуюся в его распоряжении информацию). Хотя мы и не располагаем данными о том, чтобы кто-либо из Гваско занимал высокие посты в администрации лигурийских факторий Газарии (например, в 1428 г. среди 12 сотников Каффы назван Маннолли ди Гваско (*Manolli de Goascho*) [Origone, 1983, p. 318], но уже к середине XV в. представители этого клана пользовались большим влиянием, поддерживая хорошие личные отношения с ханами и владетелями Готии [см. Мыц, 2002, с. 186].

4.3.2. Замок Гваско в селении Тасили (1459/60–1475 гг.)

В генуэзских источниках второй половины XV в. встречается в основном две формы названия замка — *Taxilli, Tasili*¹⁹. Памятник расположен в 5 км к западу от с. Морское (б. Капсихор). Он занимает восточную оконечность мыса Агира²⁰. В 1794 г. укрепление осмотрел П. С. Паллас. Составив довольно точное описание крепости, он считал её древним греческим замком (Pallas, 1801, s. 180). Помимо руин большой башни с арочным сводом, Паллас отмечает развалины внешней оборонительной стены, ещё одну небольшую и сильно разрушенную круглую башню, а за пределами укрепления — несколько гробниц [Паллас, 1881, с. 187–188; Паллас, 1999, с. 96]. В 1821 г. на Чобан-Куле побывал Е. Е. Кёллер, идентифицировавший крепость как генуэзскую постройку. Сопровождавший Кёллера архитектор Е. Паскаль сделал зарисовки вида башни, её схематичный план и план самого укрепления [Кёллер, 1872, с. 388, 391].

¹⁹ Насколько мне известно, до настоящего времени никем не предпринималась попытка поиска этимологии данного топонима. Поэтому позволю себе предложить две версии. Во-первых, от индо-иранского **sili* — «каменный» (данный крымский топоним остался вне поля зрения О. Н. Трубачёва [Трубачёв, 1999, с. 274–275] и Г. Шрамма [Шрамм, 1997, с. 136–137]). Более сложное формообразование представляет *Tasili*, где приставка «**ta(d)*» может представлять винительный падеж указательного местоимения — «этот», «тот», «один», «другой» (например, **ta(d)-biti* — «это бьющая», богиня домашнего очага у скифов [Трубачёв, 1999, с. 280]). Но здесь также можно предполагать более полное первичное **tara* — «берег». В таком случае, реконструируемое первоначальное звучание сложносоставного топонима могло выглядеть и как **ta(ra)-sili* — «берег каменный», трансформировавшийся впоследствии в **ta-sili* с утратой части существительного — *ra*. Во-вторых, от латинского **sil, silis* — «желтая охра» (более полная форма представлена *silaceus, a, um [sil]* — «жёлтый как охра»), где **ta* — греческое *ta* (опять же, как и в первом случае, является винительным падежом указательного местоимения — «этот», «тот» и т. д.). Трудно отдать предпочтение какому-либо из двух предложенных вариантов этимологии топонима Тасили, т. к. они оба удивительно точно передают топографические особенности местности. Если в первом случае (*ta[ra]sili* = «берег каменный») отражена геоморфологическая структура побережья у Чобан-Куле (в действительности завалена обломками скал от места впадения в море р. Чобан-Куле-Узень и далее к западу на несколько сот метров), то во втором — цветовая: *sili* = «желтая охра» (возвышенность имеет ярко-жёлтый охристый цвет, видна от Аю-Дага и Алушты, являясь при этом хорошим ориентиром).

²⁰ Агира — по-видимому, от «агарки», «агара». По мнению Г. А. Капанцяна [Капанцяна, 1975, с. 2]: «Первичное значение *ager* — «земля», данное слово заимствовано из шумерского *агар* — мера обработанной земли, откуда оно попало в греко-римский мир: «греч. *αγρός* — «земля», «поле», латин. *ager* — «поле», «пашня», «земля», «деревня», «село», «суша», «долина», «равнина». В тюрской топонимии встречается в форме «эгерек» [Мурзаев, 1984, с. 37].

П. И. Кёппен датировал памятник «послеюстиниановским» временем и связывал его со строительной деятельностью византийских греков. В «Крымском сборнике» он опубликовал выполненный им набросок плана замка [Кёппен, 1837, с. 138–140], а в «Указателе к карте Южного Крыма...» приводит известные в то время названия крепости: «Чобан-Кале», «Чобан-Куле», «Чобан-Хуле» (т. е. «Пастушеская крепость» или «Пастушеская башня») [Кёппен, 1836, с. 65]. Н. Мурзакевич же в примечании к работе П. С. Палласа высказал обратное мнение, что данное укрепление с уверенностью можно причислить к постройке императора Юстиниана I (527–565 гг.) [Паллас, 1881, с. 187, прим. 119]. К 40-м гг. XIX в. относится единственный (из известных мне) рисунок памятника, выполненный художником Ф. Гроссом (рис. 121).

В 1889 г. руины замка обследовал А. Л. Бертье-Делагард. Он выполнил съёмку плана городища, обмер и реконструкцию башни-донжона, которая, по его мнению, была трёхэтажной с открытой боевой площадкой наверху [Бертье-Делагард, 1889, л. 53]. Н. И. Репников полагал, что на этом месте (в позднеантичное время) должно было находиться римское укрепление, входившее в «Таврический лимес» [Репников, 1941, с. 124]. Насколько известно, ни один из археологов, проводивших обследование Чобан-Куле в последние десятилетия, не отмечал наличие на руинах

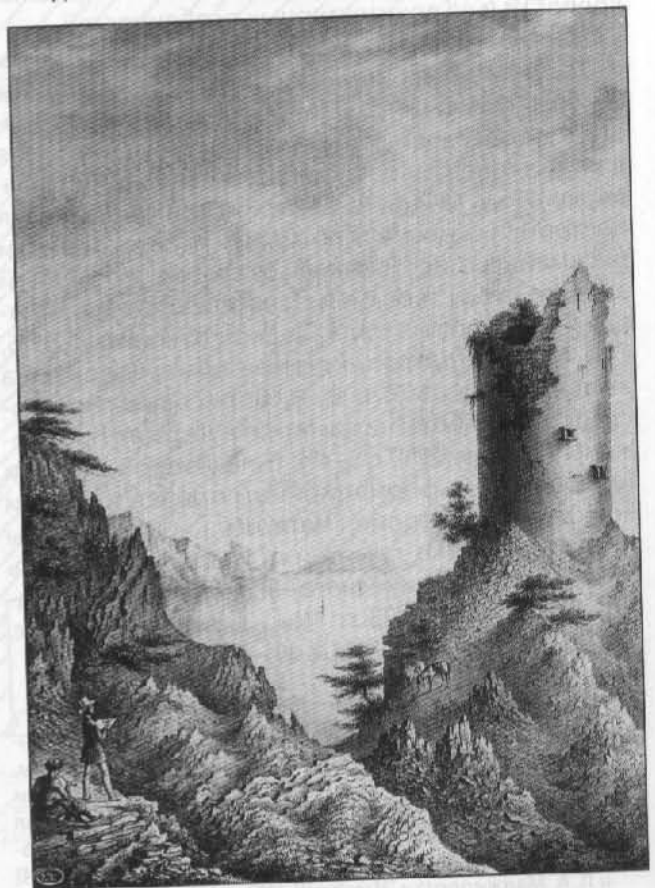


Рис. 121. Ф. И. Гросс. Чобан-Куле, литография (до 1846 г.) (по М. Мальзиной [2006, № 207])

памятника позднеантичного материала I–III вв. н. э. Не обнаружен он и при раскопках 1992/93 гг. [Мыц, Кирилко, Лысенко и др., 1994, с. 200–207].

Экспедицией ГАИМКа совместно с Военно-инженерной Академией в 1935 г. (руководитель В. Н. Данилевский) проводилось обследование фортификационных сооружений Феодосии, Судака, Арабата, Балаклавы, Гераклеяского п-ва, Херсонеса, Эски-Кермена и Мангупа. Работы этой экспедиции на Чобан-Куле ограничились фотофиксацией руин замка и общими обмерами [Селиванов, 1937, с. 226].

Первые археологические раскопки в данном районе были проведены в 50-е гг.: в 1952–1954 гг. В. П. Бабенчиков и А. Л. Якобсон исследовали гончарный центр IX–X вв. к востоку от Чобан-Куле (на левом берегу р. Чобан-Куле-Узень) [Якобсон, 1979, с. 39–48]. Впоследствии эти работы продолжались с некоторыми перерывами до 1989 г., но не затронули самого укрепления [Якобсон, 1970, с. 279–281; Смекалова, Мыц, 1997, с. 151–152, рис. 7; Смекалова, Мельников, Мыц и др., 2000, с. 66–77, рис. 36–42].

Таким образом, до начала 90-х гг. XX в. памятник оставался совершенно не изученным, хотя довольно часто посещался различными исследователями (например, Е. Ч. Скржинской, Т. А. Тихановой, А. Л. Якобсоном, О. И. Домбровским, М. А. Фронджуло и др.). Все они ограничивались визуальным обследованием и самыми общими замечаниями относительно времени построения крепости и её архитектурных особенностей.

Например, А. Л. Якобсон считал, что рядом с башней-донжоном располагался «дворец» [Якобсон, 1964, с. 118–119]. М. А. Фронджуло полностью поддержал данное предположение, хотя для этого не было каких-либо оснований [Фронджуло, 1975, с. 484]. С. А. Секиринский отнёс время постройки замка к XIV–XV вв. и на основании письменных источников связывал последний этап его существования с деятельностью генуэзцев — братьев из рода Гваско²¹ [Секиринский, 1955, с. 66, 86, 89–91]. Архитектурные обмеры донжона выполнены в 1970 г. В. Н. Борисовым, но впоследствии работы на памятнике не были продолжены [Борисов, 1970, с. 2–43]. В некоторой степени имеющийся информационный пробел в знании конкретной истории материальной культуры и архитектонике памятника удалось устранить в ходе археологического исследования, принятого в 1992/93 гг. [Мыц, Кирилко и др., 1994, с. 200–207; Кирилко, Мыц, 2004, с. 205–225]²².

²¹ При этом исследователь обошёл вниманием работу Л. П. Колли, который одним из первых связывал Чобан-Куле с *Tasili* латинских источников XV в., полагая при этом, что семейство Гваско (Гуаско) владело данными землями задолго до 1431 г. [Колли, 1905, с. 6, 15, 16]. Этому же мнению (замок Тасили = Чобан-Куле принадлежал семейству Гваско) придерживались Е. Ч. Скржинская [Skrzinska, 1928, p. 24] и Л. А. Маджиоротти [Maggioretti, 1933, p. 296].

²² Материалы архитектурно-археологического исследования памятника представлены в статье «Укрепление

Укрепление находилось на холме, вытянувшимся с востока на запад (рис. 122). Восточный и северный склоны относительно пологие, а западный и южный — обрывистые, спускаются прямо к морю. С северо-запада, севера и востока доступ на вершину прикрывали оборонительные стены, сложенные из бута на глине и известковом растворе. Они отгораживали территорию размером 210×50 м площадью 0,68 га. Общая протяженность восточной линии обороны составляла около 230 м.

Замок состоял из квадратного в плане укрепленного ядра с донжоном и примыкающего к нему с востока огражденного стеной «хозяйственного двора» (?) (рис. 122). За пределами крепости, на северо-восточном склоне возвышенности, располагалось поселение и церковь с некрополем. Крепостная площадка, ограниченная с юго-запада скальными обрывами, возвышается над уровнем моря на 85 м.

Донжон — наиболее монументальное строение среди фортификационных сооружений укрепления (рис. 122–126). Он представляет собой многоярусную эллипсоидную в плане башню размером 12,70×14,10 м. Частично сохранились два надземных и цокольный этаж здания. Современная высота его руин достигает 8,0–9,0 м, что составляет примерно 45% первоначального объёма постройки (полная высота подобных башен обычно достигала 22–23 м). Внутреннее пространство имеет в плане яйцевидную форму, вытянутую по оси запад — восток. Его размеры: длина 6,83 м, ширина 5,85 м. Толщина стен донжона колеблется в пределах от 1,80 м (со стороны моря) до 4,30 м (с напольной стороны). В кладке стен хорошо сохранились деревянные брусы сантрачной системы.

Цокольный этаж строения разделён перегородкой на два объёма — резервуар для воды и, как показали раскопки, хозяйственное помещение, перекрывавшиеся коробовыми сводами (рис. 126). Техническим, видимо, был и первый надземный этаж, в кладке которого имелся только один вентиляционный (?) проём, обращённый в сторону моря. На втором этаже сохранилась каминная ниша, один из откосов входа в башню, амбразура и канализационное отверстие. В юго-восточной части стены устроена лестница, выходившая на третий этаж. Амбразура в плане имеет форму трапеции с шириной наибольшего основания 1,90 м, а меньшего — 0,42 м. Высота камеры — 2,20–2,30 м. Междуетажные перекрытия были деревянными; последний этаж, судя по гравюру 40-х гг. XIX в. художника Ф. Гросса и обмерам А. Л. Бертье-Делагарда 1889 г., завершился куполом.

Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992/93 гг.), подгот. автором совместно с В. П. Кирилко [Кирилко, Мыц, 2004, с. 205–225, рис. 1–27].



Рис. 122. Замок 1459/60 – 1475 гг. Гваско в Тасили. План укрепления. Условные обозначения: а – участки раскопок 1992 – 1993 гг.; б – современные лесотехнические террасы; в – ограда «двора» из бутового камня на глине; з – сохранившиеся участки стен замка; д – гипотетично реконструируемый план замка

самитная подкладочного материала I–III вв. н. э. Не обнаружен он и при раскопках 1892/93 гг. [Мед, Карлмо, Ылтиса и др., 1994, с. 200–207].

Укрепление находилось на высоте 40 м над уровнем моря с востока на запад (рис. 122). Восточный и северный скаты относительно пологие, а запад-



Рис. 123. Донжон замка Тасили (вид с севера)



Рис. 124. Донжон замка Тасили (вид с юго-востока)

Материалы культурно-исторического назначения в настоящее время хранятся в Службе охраны памятников культуры.

Материалы раскопок 202/03 г. на территории восточной части замка с В. П. Карлмо [История, М., 2004, с. 265–275, рис. 1–12].

До начала исследований вся территория замка (за исключением отдельных выходов к стенам) была либо затвнута дерном, либо перекрыта каменным завалом, образовавшимся в результате современного разрушения стен донжона. Их подступали многочисленные проселки, расположенные главным образом восточнее южной стороны. Расстояние от северной стороны донжона крепости до южной стороны донжона составляет около 100 м.

При ее возведении склон был вертикально срезан и стабилизирован, а на образовавшуюся площадку аллювиальной отсыпью была поставлена крепостная стена. Пустоты между кладкой и бортом котлована, ширина которых достигает 0,15–0,25 м, заполнены глиняными шпательными. Плоские углубления фундамента, расположенные на уровне основания, находятся продолжительно на одной стороне южной стены. Углубления, расположенные на южной стороне, образованы несколькими рядами шпательных, примыкающих к стене.

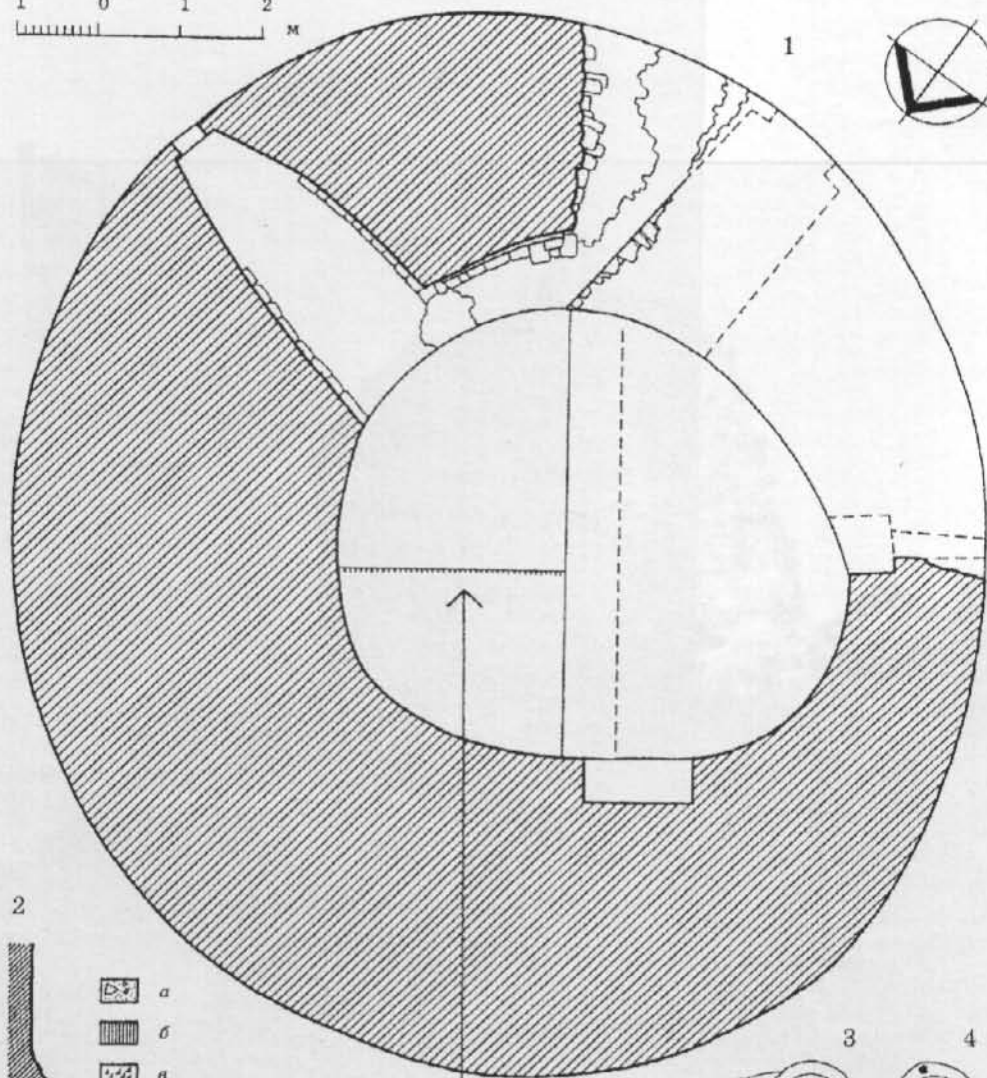


Рис. 125. Руины замка Тасили (вид с востока)

наружу по северной стороне. Толщина стен составляет 1,3–1,5 м. Вдоль южной стороны донжона протягивается стена, толщина которой достигает 1,4 м. Высота стены составляет от 1,5 до 3,70 м. Дольше донжона протягивается южная стена, толщина которой составляет от 1,3 до 1,5 м. Вдоль южной стороны донжона протягивается стена, толщина которой достигает 1,4 м. Высота стены составляет от 1,5 до 3,70 м. Дольше донжона протягивается южная стена, толщина которой составляет от 1,3 до 1,5 м.

Вдоль южной стороны донжона протягивается стена, толщина которой достигает 1,4 м. Высота стены составляет от 1,5 до 3,70 м. Дольше донжона протягивается южная стена, толщина которой составляет от 1,3 до 1,5 м. Вдоль южной стороны донжона протягивается стена, толщина которой достигает 1,4 м. Высота стены составляет от 1,5 до 3,70 м. Дольше донжона протягивается южная стена, толщина которой составляет от 1,3 до 1,5 м.

1 0 1 2 м



2

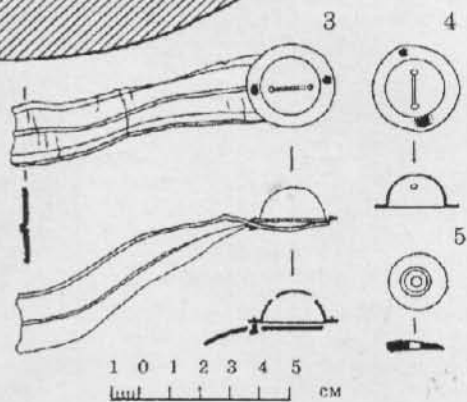
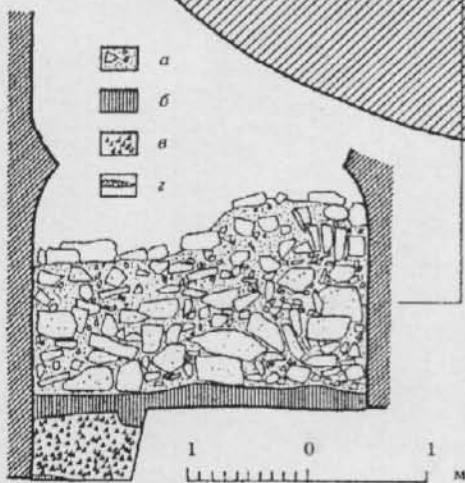


Рис. 126. Раскоп в северо-восточном помещении цокольного этажа донжона. Отдельные находки. 1 – план донжона с указанием исследованного участка; 2 – стратиграфический разрез. Условные обозначения: а – разрушенный известковый раствор; б – рыхлый коричневый грунт; в – щебень глинистых сланцев; г – натек известкового раствора; 3, 4 – фрагменты кожаного ремня с серебряными накладками из засыпи фундаментной траншеи донжона; 5 – костяная пуговица из слоя разрушения

До начала исследований вся территория замка (за исключением отдельных выходов кладок) была либо затянута дёрном, либо перекрыта каменным завалом, образовавшимся вследствие современного разрушения стен донжона. Их подстилали многочисленные прослойки деллювия глинистых сланцев, которые залежали непосредственно на материке. Мощность культурного слоя памятника составляла 0,05–6,0 м. Раскопками северо-восточной линии обороны крепости полностью исследованы две башни и частично — в пределах расчищенных участков — примыкающие к ним куртины (рис. 127).

Восточная башня (№ 1) — круглая, угловая (рис. 127: № 1; 128–141). Её размеры: внешние — 3,7 м, внутренние — 2–2,1 м, ширина стен — 0,77–0,8 м. За линию куртин башня выступает на 1,9 м. Руины строения сохранились на высоту до 3 м. Пол ровный, с небольшим наклоном к северу. По отношению к уровню дневной поверхности с напольной стороны он заглублен на 1,03 м (рис. 129). Стены поставлены непосредственно на поверхность пола. Котлован под башню вырублен в глинистых сланцах материка точно по внешнему абрису здания, и только у юго-восточного фасада он выступает наружу на 0,1–0,2 м (рис. 129).

С северо-западной стороны башня имеет бойницу подножного боя (рис. 128; 129; 131; 136; 139). Она направлена вдоль куртины с отклонением к северо-востоку от линии крепостной стены на 15°. Ширина бойницы со стороны помещения — 1,35 м, в свету она уменьшается до 0,05–0,07 м. Её откосы сходятся под углом 60°. Низ бойницы ровный, выложен плоским камнем, находится в 1,03 м от пола. Верх был перекрыт аркой в виде усечённого конуса, сложенной из тонких плит песчаника. На высоте 0,82 м от низа камеры сохранились пяточные части конструкции. Характерной особенностью бойницы является наличие двух расположенных по вертикали прямоугольных отверстий. Их размеры на просвет: верхнего — 0,27×0,05–0,07 м; нижнего — 0,24×0,24 м. Щелевидное отверстие отстоит от низа бойницы на 0,45 м, квадратное находится на одном уровне с дневной поверхностью с напольной стороны башни (рис. 129; 139). Между собой они разделены цельным блоком песчаника размером 0,19×0,25×0,55 м.

Куртины примыкают к башне с северо-запада и юго-запада, образуя между собой угол в 94°. Лучше сохранилась северо-восточная крепостная стена (рис. 127; 128; 134; 135). Её длина: по фасаду — 25,77 м, с тыла — 26,5 м. В плане куртина имеет слегка дуговидные очертания, выступая наружу по отношению к хорде на 0,15 м. Толщина стены составляет 1,25–1,30 м, у основания она увеличивается до 1,50 м. Кладка сохранилась на высоту до 3,70 м. Уровни дневной поверхности с внутренней и напольной стороны куртины образуют существенный перепад, составляющий: у башни № 1 — 1,30 м (рис. 127), в центральной части стены — около 3,50 м, у башни № 2 — 2,70 м (рис. 127).

При её возведении склон был вертикально срезан и сnivelирован, а на образовавшуюся площадку вплотную к откосу была поставлена крепостная стена. Пустоты между кладкой и бортом котлована, ширина которых достигает 0,15–0,25 м, заполнены сланцевым щебнем. Глубина залегания фундаментов не исследовалась, но, судя по остальным куртинам, их подошва находится предположительно на одном уровне с низом кладок башен. Утолщенные стены в нижней части образовано несколькими уступами, обращёнными к откосу.

Подобную структуру и технические характеристики имеет также юго-восточная крепостная стена (рис. 127; 128; 141). Её кладка велась в строительную траншею, общую с котлованом башни, но без нивелирующей подрезки склона с внешней стороны. Лучшее всего куртина сохранилась на небольшом отрезке длиной до 1,10 м в месте примыкания к башне. На этом участке остатки стены возвышаются над дневной поверхностью на 1,0–1,25 м. Далее, у борта раскопа, прослеживается только кладка фундамента. Толщина куртины — 1,50 м.

Крепостные стены и башня сложены из разномерного околотога камня на известковом растворе, и между собой перевязаны. Кладка двухлицевая с забутовкой, велась рядами высотой около 0,55–0,58 м. Для выравнивания стен использовались тонкие плитки песчаника (изредка — обломки красноглиняной плинфы толщиной 2,5–3,5 см). На отдельных участках лицевой поверхности кладки сохранилась тщательная расшивка швов под мастерок (рис. 136; 137).

С северо-востока к башне № 1 без перевязки примыкает ещё одна стена (рис. 127; 128; 130; 1; 134; 138). По отношению к линии северо-восточной куртины она размещена под углом 78°. Её кладка выполнена из разномерного околотога камня на глине. Толщина этой стены — 1,40–1,65 м. Порядовка выражена слабо. Кладка двухлицевая с забутовкой, велась в траншею. Стена сохранилась на высоту до 2,20 м на небольшом участке длиной 14 м у башни № 1. Ниже по склону она почти полностью разрушена и прослеживается только по развалу камня, который достигает 5 м в ширину. В 20 м от башни стена под углом 120° поворачивает на восток и следует по направлению к скальному обрыву (рис. 122: в).

Характер и мощность культурных отложений на различных участках раскопок замка несколько отличается. С внутренней стороны толщина крепостных стен составляет 0,25–2,50 м (рис. 127). Непосредственно под дёрном залегал слой деструктированного известкового раствора и разномерного камня. Завал образовался вследствие частичного разрушения донжона. Его минимальная толщина отмечена у северо-западного борта раскопа, где она составляет 0,07–0,15 м, а по направлению к башне № 1 сходит на нет (рис. 142). Ниже следовал мощный слой делювиальных отложений. Прослежено 36 напластований толщиной 0,02–0,40 м, большей частью серого или светло-серого цвета.

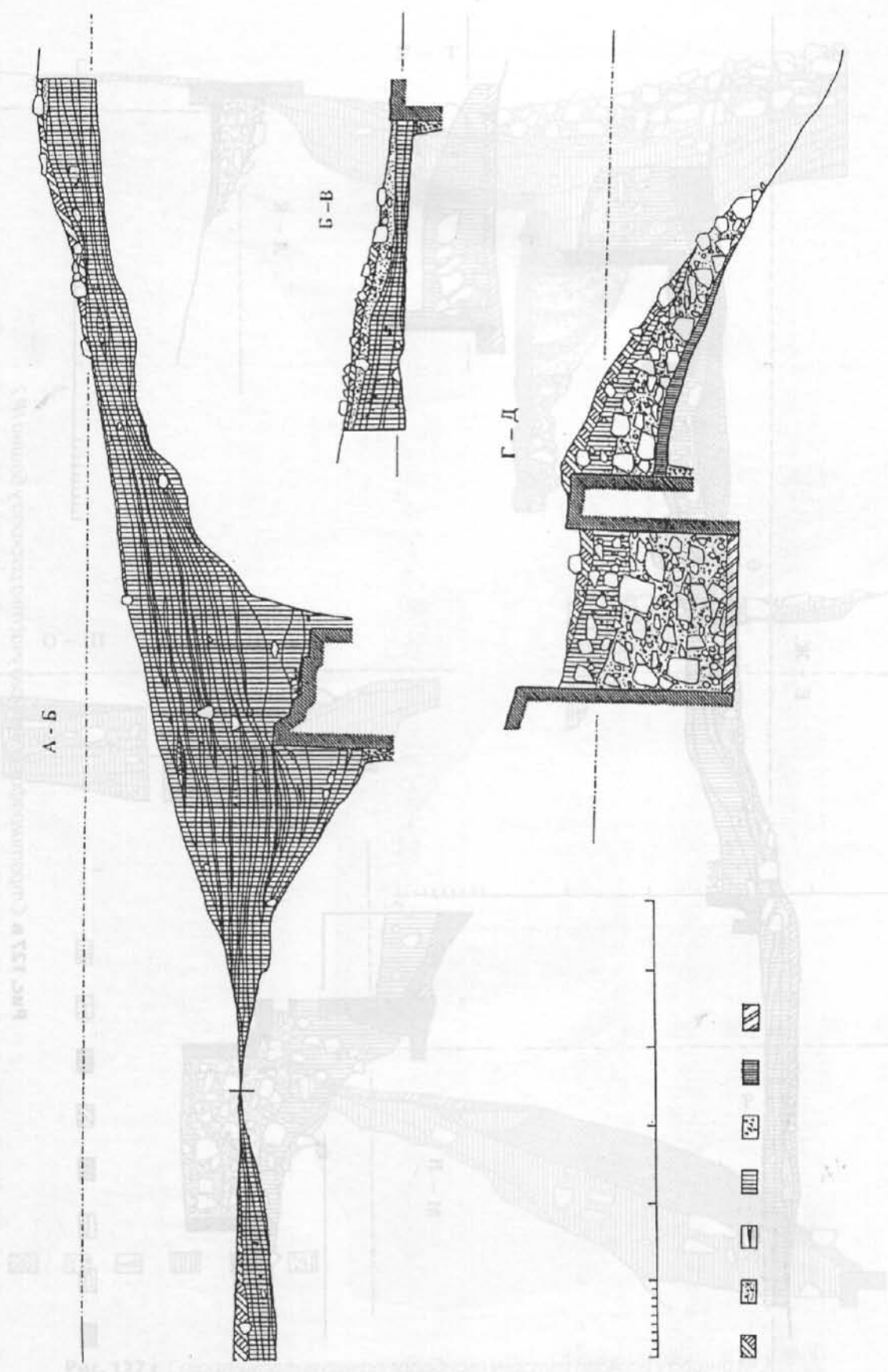


Рис. 127 б. Стратиграфия южного участка раскопа у башни № 1

МПС 153-Q. Стратиграфична карта на археоложките наоѓалишта во Скопје

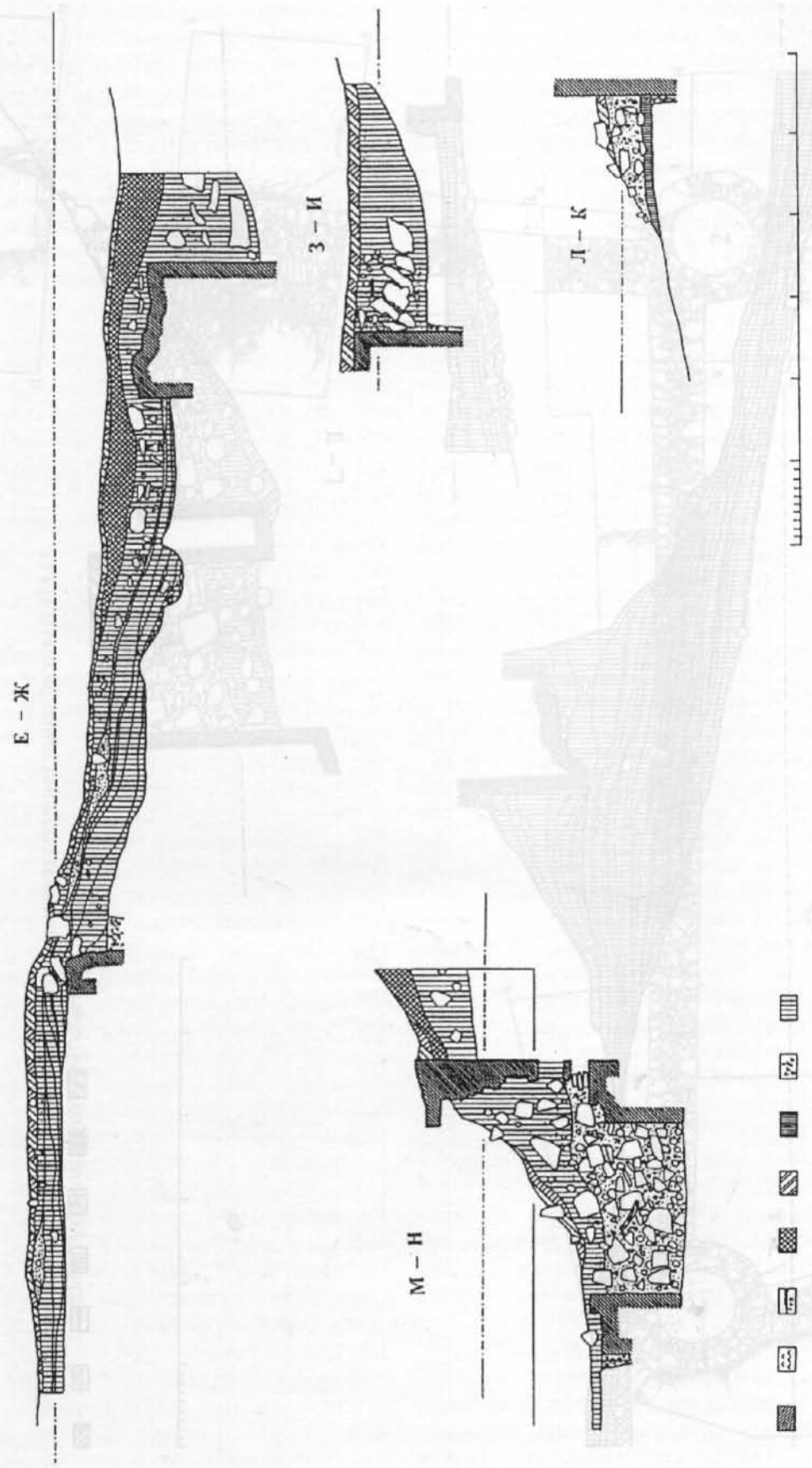


Рис. 127 в. Стратиграфия северного участка раскола у башни № 2

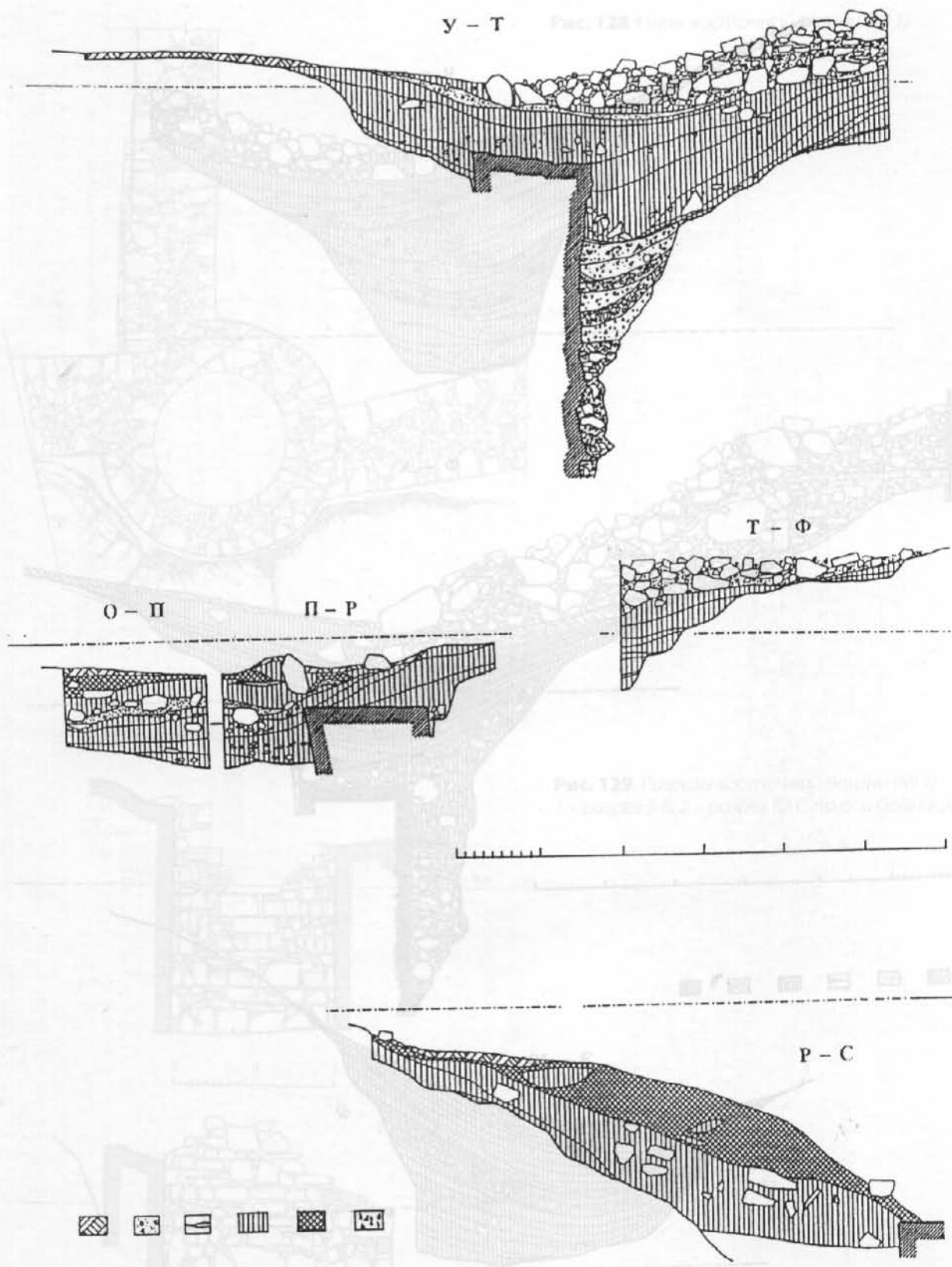


Рис. 127 г. Стратиграфия северо-западного участка раскопа у башни № 2

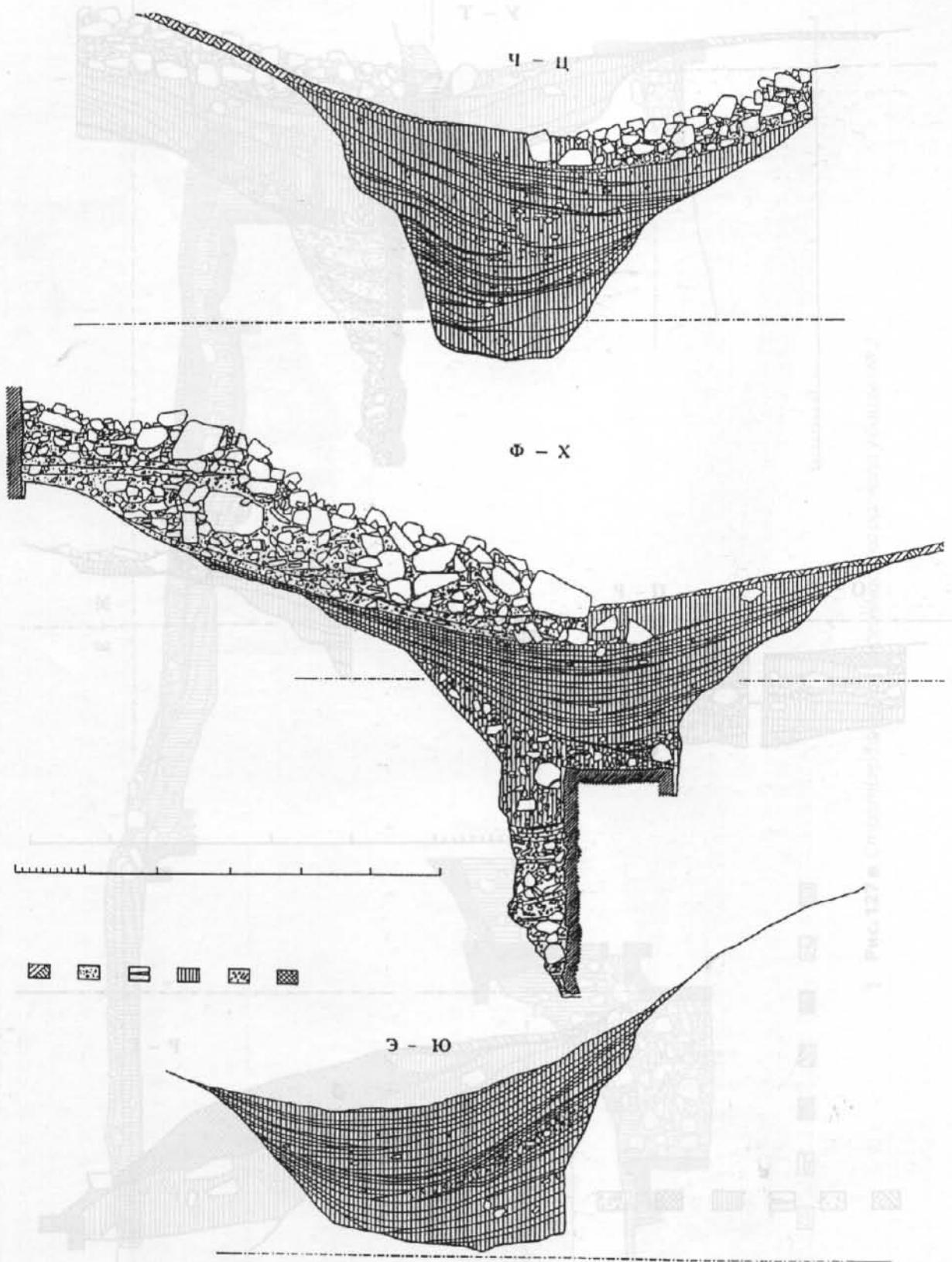


Рис. 127 д Стратиграфия западного участка раскопок замка Тассили

Рис. 128. План восточной башни (№ 1)

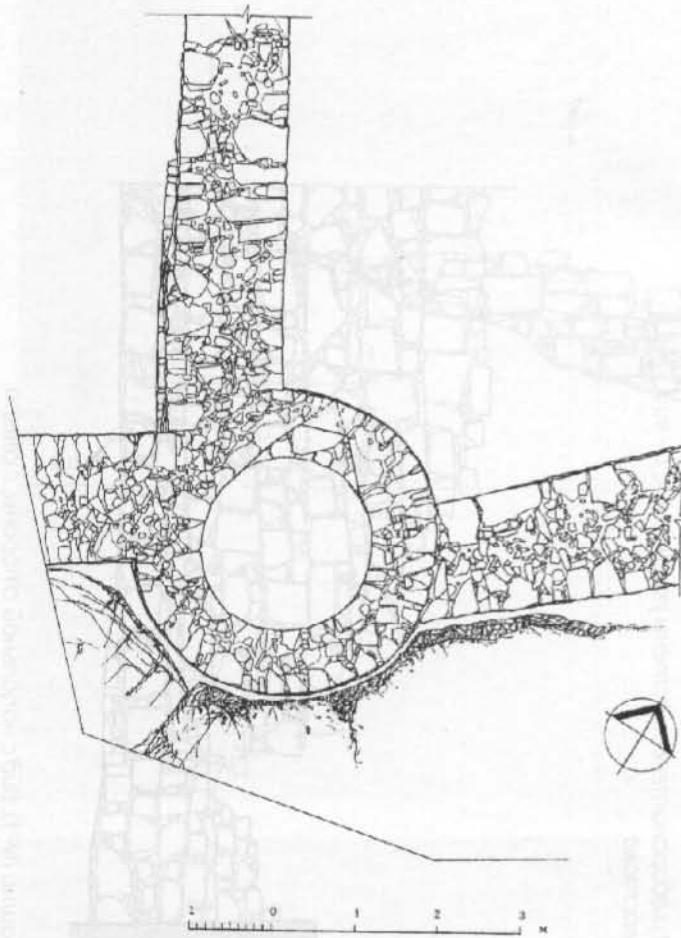
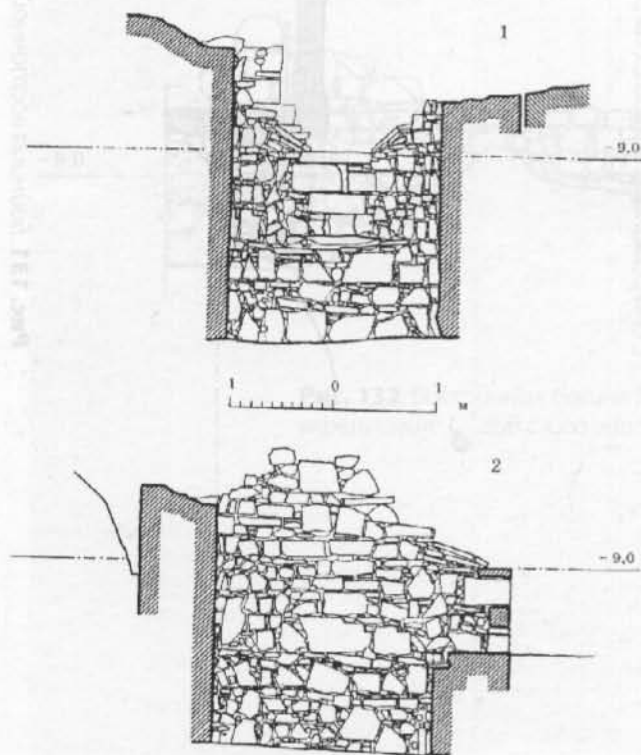


Рис. 129. Разрезы восточной башни (№ 1):
1 – разрез 3-В; 2 – разрез Ю-С по оси бойницы



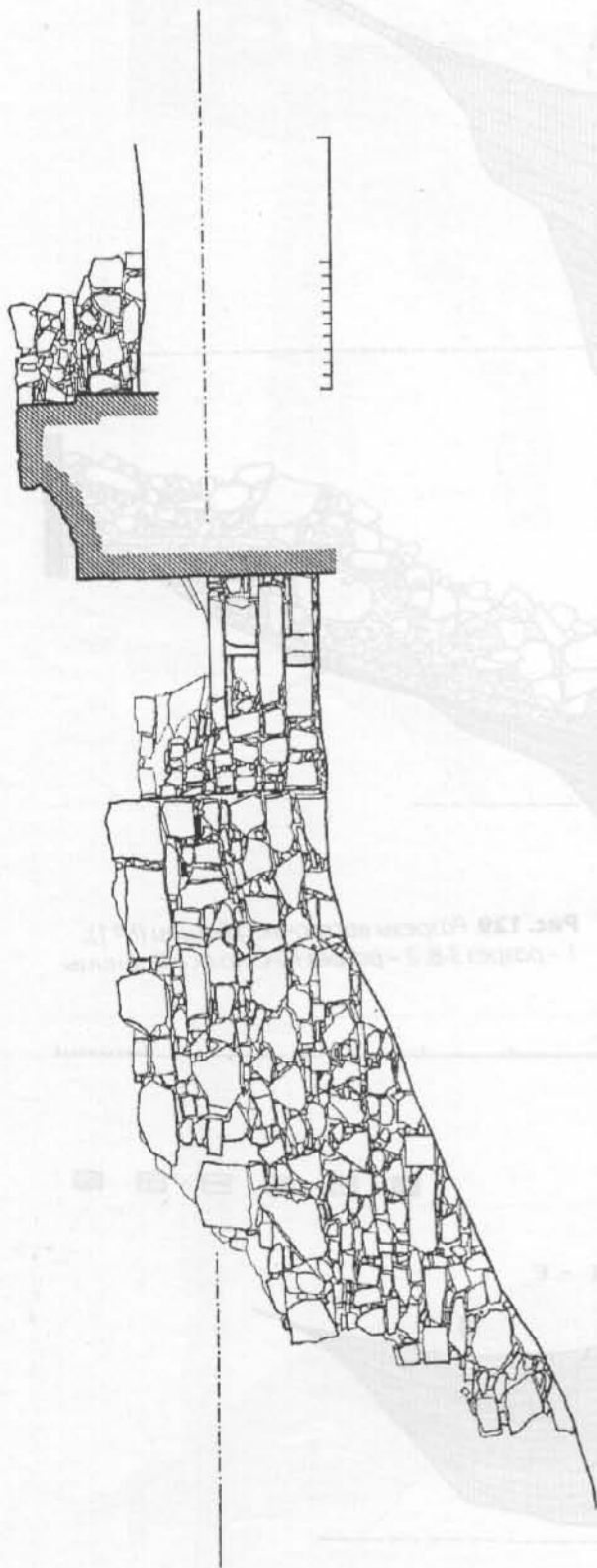


Рис. 130. Восточная башня (№ 1) и оборонительные стены укрепления: 1 – вид с северо-запада; 2 – вид с северо-востока

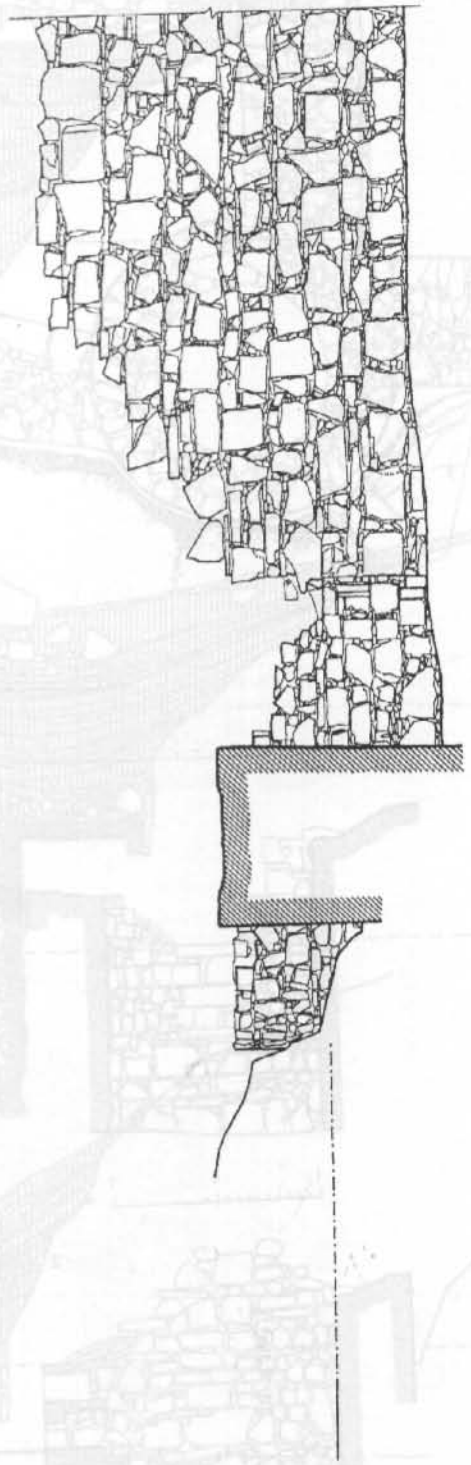


Рис. 131. Башня восточной башни (№ 1). Вид с напольной стороны, с севера

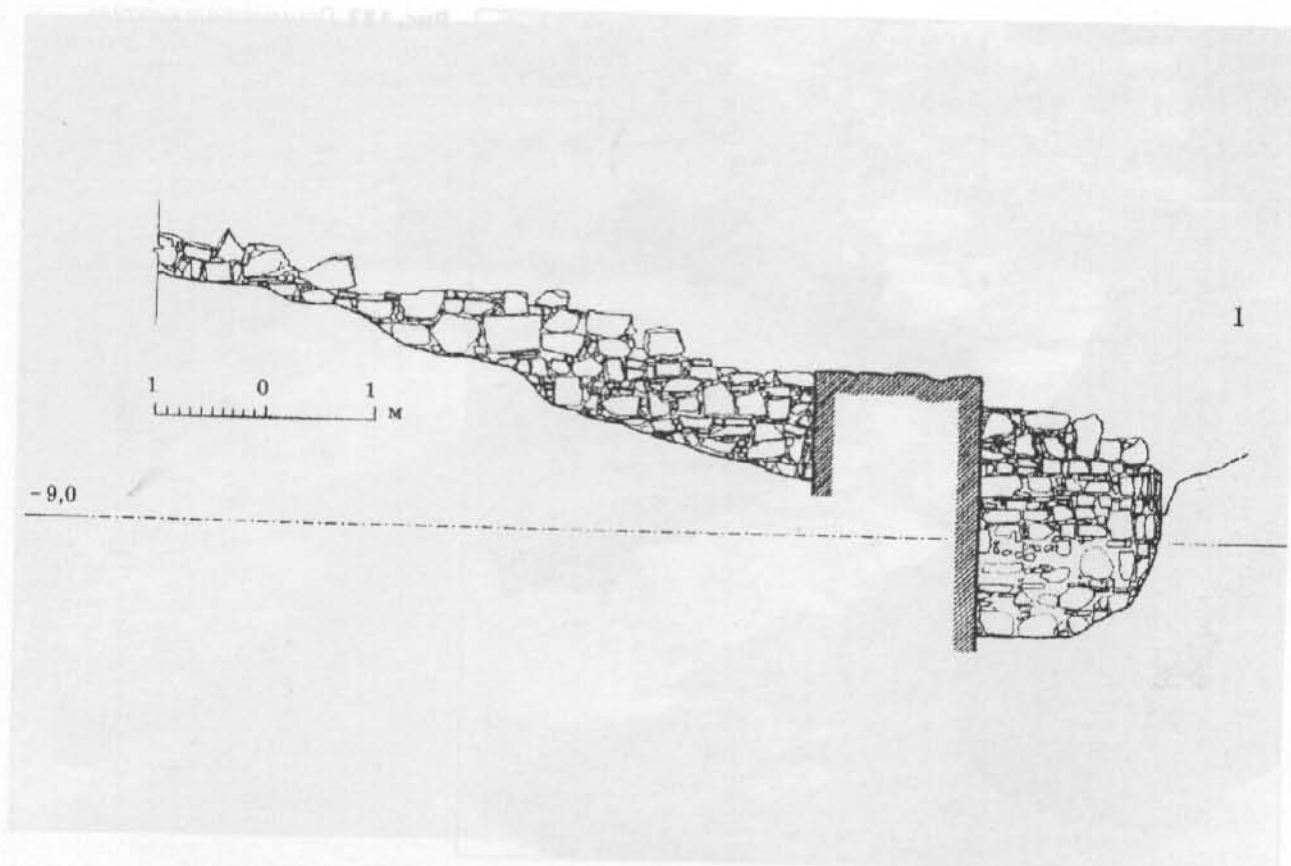


Рис. 135. Башня № 1 (вид с юго-запада)

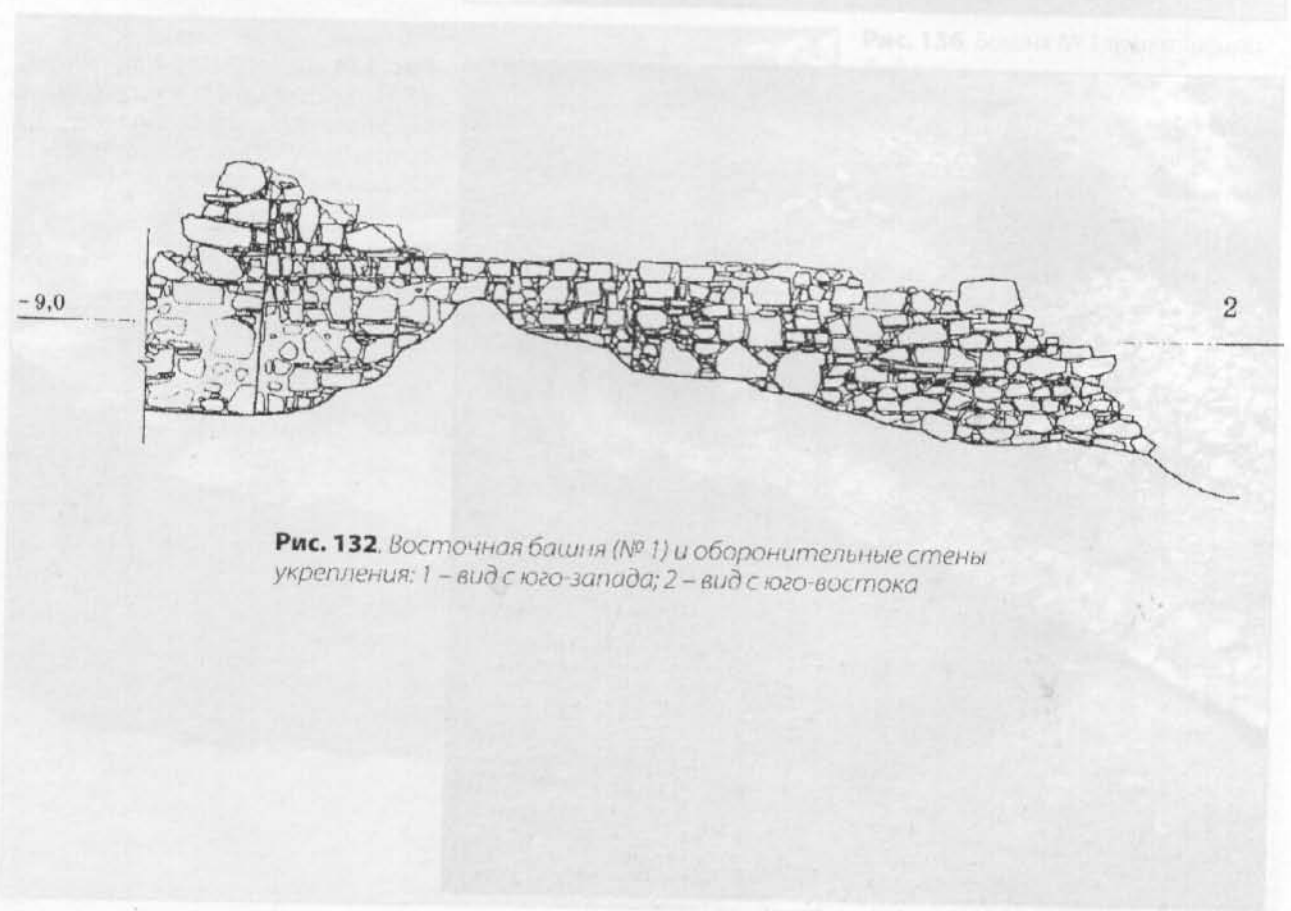


Рис. 132. Восточная башня (№ 1) и оборонительные стены укрепления: 1 – вид с юго-запада; 2 – вид с юго-востока



Рис. 133. Примыкание куртин к восточной башне (№ 1). Вид с юго-востока

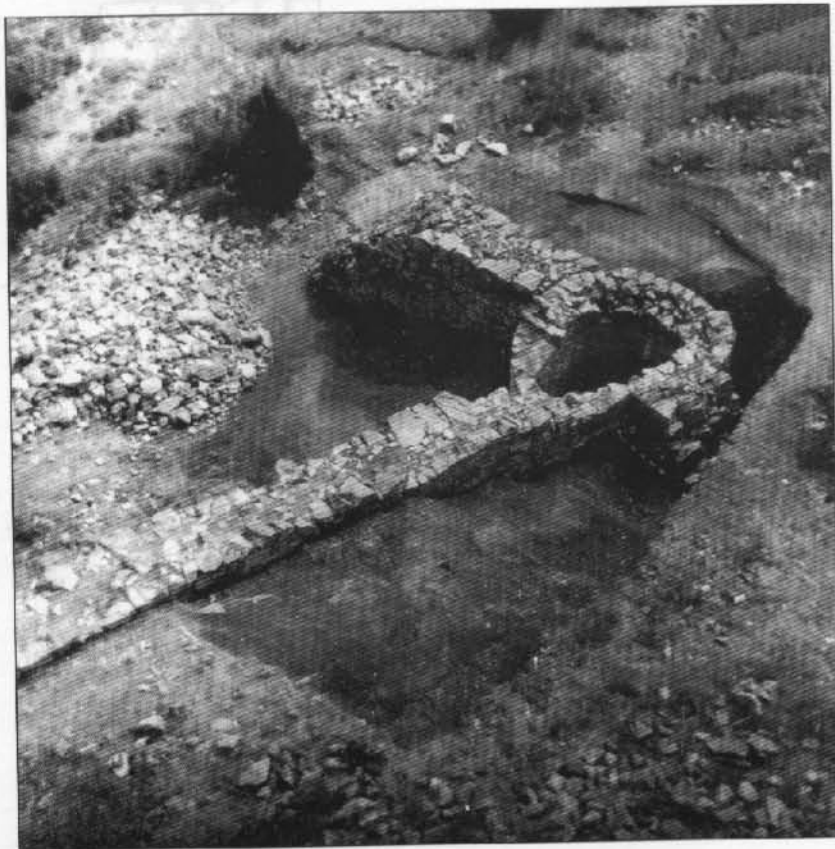


Рис. 134. Восточная башня замка (№ 1) и оборонительные стены укрепления. На заднем плане – остатки ограды нижнего двора. Общий вид с запада



Рис. 131. Оборонительные стены и башня замка. Общий вид с запада

Рис. 132. Башня замка. Общий вид с юго-востока



Рис. 135. Башня № 1 замка Тасили и примыкающие к ней куртины. Вид с запада



Рис. 136. Башня № 1 замка Тасили. Вид с юга



Рис. 137. Угловая башня № 1 внешней линии обороны замка Тасили (1474 г.). Вид с юго-запада



Рис. 138. Угловая башня № 1 и прилегающая к ней стена двора. Вид с севера



Рис. 139. Башня № 1 с амбразурами подножного боя. Вид с севера



Рис. 140. Угловая башня № 1 и примыкающие к ней стены. Вид с юго-востока



Рис. 141. Фрагмент кладки, примыкающий к башне № 1 с юго-запада

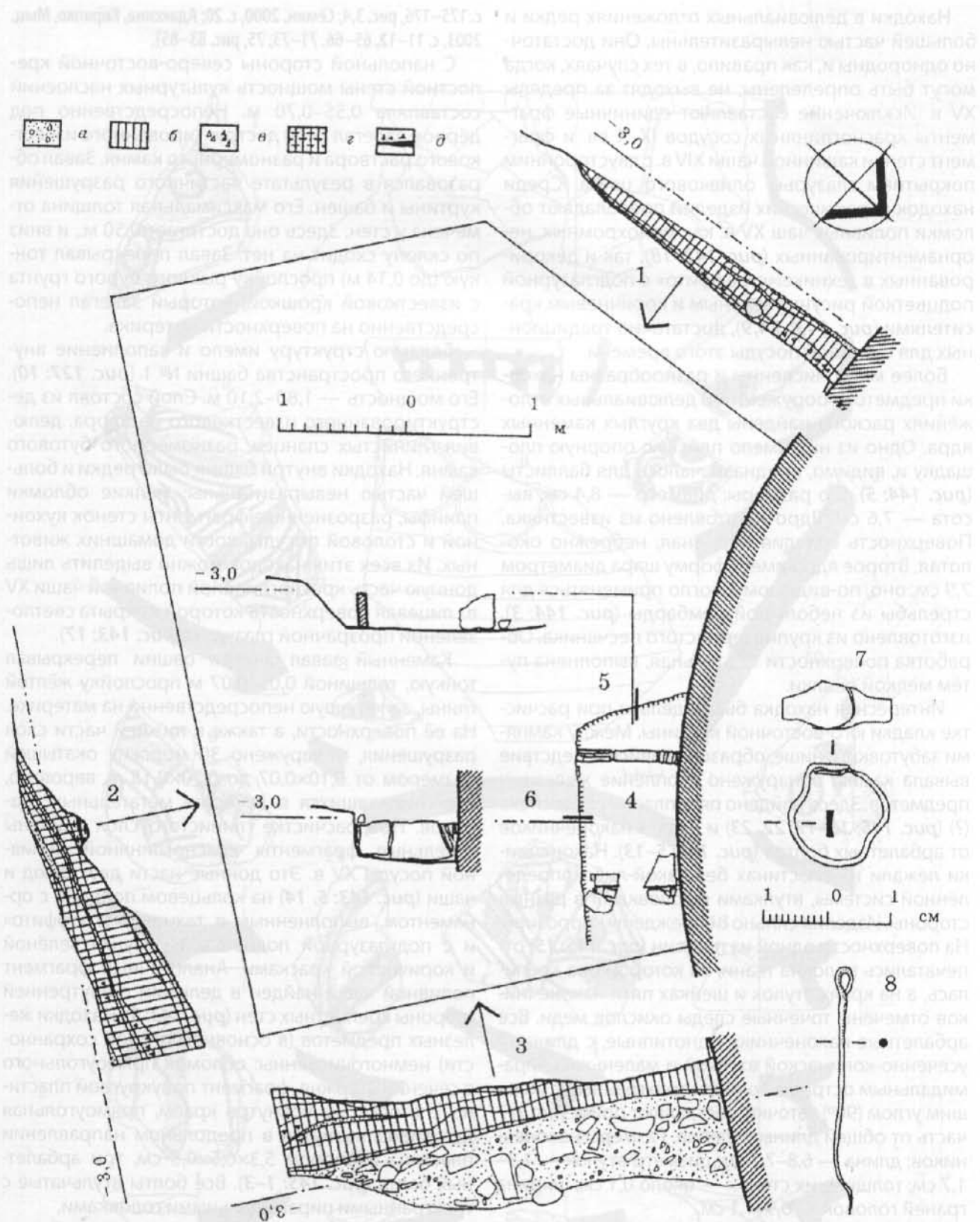


Рис. 142. Планы и разрезы раскопа № 3. Отдельные находки из слоя делювия: 1, 2, 3 – стратиграфические разрезы. Условные обозначения: а – разрушенный известковый раствор; б – делювий глинистых сланцев; в – щебень глинистых сланцев; г – прокаленный делювий; д – линза кострища, отдельные угольки; 4, 5, 6 – план, продольный и поперечный разрезы руин сооружения у юго-восточного лица донжона; 7 – серебряный перстень; 8 – бронзовая булавка

Находки в делювиальных отложениях редки и большей частью невыразительны. Они достаточно однородны и, как правило, в тех случаях, когда могут быть определены, не выходят за пределы XV в. Исключение составляют единичные фрагменты красноглиняных сосудов IX–X вв. и фрагмент стенки кашинной чаши XIV в. с двусторонним покрытием глазурью оливкового цвета. Среди находок керамических изделий преобладают обломки поливных чаш XV в. как монохромных, неорнаментированных (рис. 143: 18), так и декорированных в технике «сграффито» с подглазурной подцветкой рисунка зелёным и коричневым красителями (рис. 143: 3, 4, 9), достаточно традиционных для столовой посуды этого времени.

Более многочисленны и разнообразны находки предметов вооружения. В делювиальных отложениях раскопа найдены два круглых каменных ядра. Одно из них имело плоскую опорную площадку и, видимо, предназначалось для баллисты (рис. 144: 5). Его размеры: диаметр — 8,4 см, высота — 7,6 см. Ядро изготовлено из известняка. Поверхность изделия неровная, небрежно околота. Второе ядро имеет форму шара диаметром 7,9 см, оно, по-видимому, могло применяться для стрельбы из небольшой бомбарды (рис. 144: 3), изготовлено из крупнозернистого песчаника. Обработка поверхности тщательная, выполнена путём мелкой околки.

Интересная находка была сделана при расчистке кладки юго-восточной куртины. Между камнями забутовки, в нише, образовавшейся вследствие вывала камня, обнаружено скопление железных предметов. Здесь найдено пять пластин от доспеха (?) (рис. 145: 15–17, 22, 23) и девять наконечников от арбалетных болтов (рис. 145: 5–13). Наконечники лежали на пластинах без какой-либо определённой системы, втулками и головками в разные стороны. Изделия сильно повреждены коррозией. На поверхности одной из пластин (рис. 145: 15) отпечатались волокна ткани, на которой она крепилась, а на краях втулок и шейках пяти наконечников отмечены точечные следы окислов меди. Все арбалетные наконечники однотипные, с длинной усеченно-конической втулкой и маленьким пирамидальным острием. Головки трёхгранные с большим углом (90°) заточки, составляют примерно 1/7 часть от общей длины изделия. Размеры наконечников: длина — 6,8–7,7 см; диаметр втулок — 1,3–1,7 см; толщина их стенок — около 0,1 см; ширина граней головок — 0,9–1,1 см.

Арбалетные наконечники этого типа хорошо известны как в Крыму (Каффа, Сугдея, Чембало, Фуна, Алушта, Мангуп и др.), так и за его пределами (Тана, Монкастро). Все они обнаружены в ходе раскопок памятников, построенных латинянами (генуэзцами и венецианцами) либо местным населением, находящимся под влиянием традиций западноевропейского военного дела. Они, как правило, датируются XIV–XV вв. [Мыц, 1988, с. 105–106; Волков, 1991,

с. 175–176, рис. 3, 4; Сёмин, 2000, с. 20; Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 11–12, 65–66, 71–73, 75, рис. 83–85].

С напольной стороны северо-восточной крепостной стены мощность культурных наслоений составляла 0,55–0,70 м. Непосредственно под дёрном залегал слой деструктурированного известкового раствора и разномерного камня. Завал образовался в результате частичного разрушения куртины и башен. Его максимальная толщина отмечена у стен. Здесь она достигает 0,50 м., и вниз по склону сходит на нет. Завал перекрывал тонкую (до 0,14 м) прослойку рыхлого бурого грунта с известковой крошкой, который залегал непосредственно на поверхности материка.

Близкую структуру имело и заполнение внутреннего пространства башни № 1 (рис. 127: 10). Его мощность — 1,80–2,10 м. Слой состоял из деструктурированного известкового раствора, делювия глинистых сланцев, разномерного бутового камня. Находки внутри башни были редки и большей частью невыразительны: мелкие обломки плинфы, разрозненные фрагменты стенок кухонной и столовой посуды, кости домашних животных. Из всех этих находок можно выделить лишь донную часть красноглиняной поливной чаши XV в., лицевая поверхность которой покрыта светло-зелёной прозрачной глазурью (рис. 143: 17).

Каменный завал внутри башни перекрывал тонкую, толщиной 0,05–0,07 м прослойку жёлтой глины, залежавшую непосредственно на материке. На её поверхности, а также в нижней части слоя разрушения, обнаружено 30 морских окатышей размером от 0,10×0,07 до 0,20×0,15 м, вероятно, использовавшихся в качестве метательных снарядов. При расчистке глинистого слоя найдены отдельные фрагменты красноглиняной поливной посуды XV в. Это донные части двух блюд и чаши (рис. 143: 5, 14) на кольцевом поддоне с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и с подглазурной подцветкой рисунка зелёной и коричневой красками. Аналогичный фрагмент поливной чаши найден в делювии с внутренней стороны крепостных стен (рис. 143: 9). Находки железных предметов (в основном плохой сохранности) немногочисленны: обломок прямоугольного в сечении стержня, фрагмент полукруглой пластины с отогнутым вовнутрь краем, прямоугольная дуговидно выгнутая в продольном направлении пластина размером 5,3×6,5×0,3 см, три арбалетных болта (рис. 145: 1–3). Все болты втульчатые с трёхгранными пирамидальными головками.

Структура и состав культурного слоя у башни № 1 в целом характерны для всего укрепления и, за небольшими исключениями, связанными в основном с топографическими особенностями крепостной площадки, подобная стратиграфическая картина наблюдается также и на остальных исследованных участках (рис. 127). Примером тому могут служить раскопки второй угловой башни и примыкающих к ней сооружений.

Северная башня (№ 2) — круглая угловая
 (рис. 127; 146-156). Ее размеры внешне —
 3,75-3,70 м, внутренняя — 2,10-2,20 м, толщина

стены — 0,73-0,80 м. За полкой северной стены
 в 1950 г. были обнаружены остатки керамики
 в виде обломков сосудов. Они были найдены у
 основания башни, в том числе в угловом
 пространстве между башней и стеной
 укрепления. Керамические сосуды
 обнаружены в количестве 18 штук.

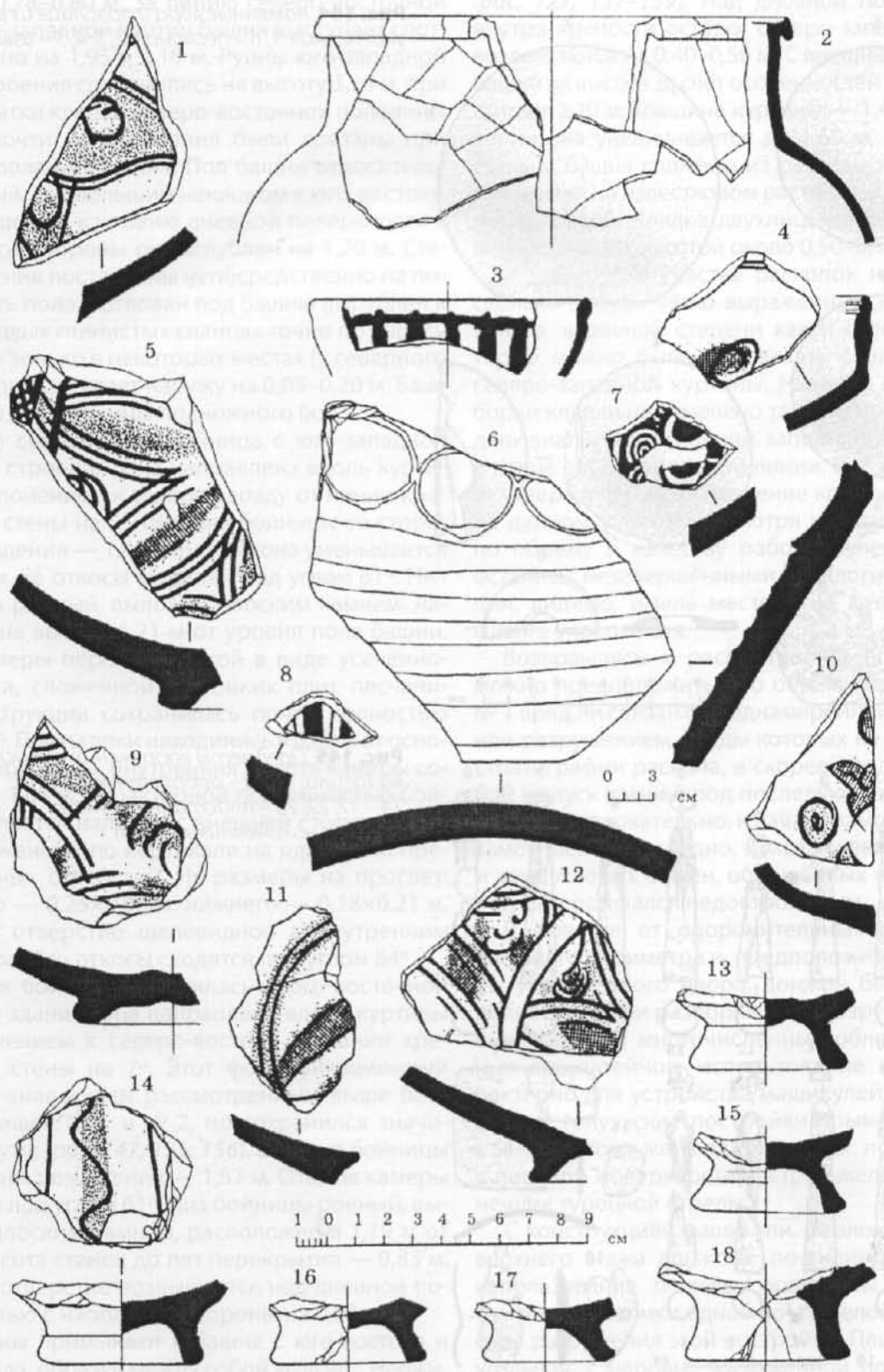


Рис. 143. фрагменты керамических сосудов из раскопок укрепления

данные результаты
 северной стены
 прожигания в
 нескольких местах.
 Она четко фиксируется
 только на протяжении
 к Башне № 2 отрезке
 длиной 13 м. Далее
 к юго-западу стены
 уходит за пределы
 раскопа. Но уже в

этом месте
 башни XV в.
 восточной
 крепости
 Чиболо (Коканд),
 как уже отмечалось
 ранее, во второй
 половине 80-х
 гг. XIV в.

Северная башня (№ 2) — круглая, угловая (рис. 127; 146–156). Её размеры: внешние — 3,75–3,70 м, внутренние — 2,10–2,20 м, толщина стен — 0,78–0,80 м. За линию северо-восточной и северо-западной куртин башня выступает соответственно на 1,95 и 2,10 м. Руины юго-западной части строения сохранились на высоту 3,25 м, при этом остатки кладки северо-восточной половины башни почти до основания были срезаны при террасировании склона. Пол башни относительно ровный, с небольшим наклоном к юго-востоку. По отношению к уровню дневной поверхности с напольной стороны он заглублен на 1,20 м. Стены строения поставлены непосредственно на поверхность пола. Котлован под башню вырублен в материковых глинистых сланцах точно по абрису здания, и только в некоторых местах (у северного фасада) он выступает наружу на 0,05–0,20 м. Башня имела две бойницы подножного боя.

Лучше сохранилась бойница с юго-западной стороны строения. Она направлена вдоль куртины с отклонением к северо-западу от линии крепостной стены на 5°. Ширина бойницы со стороны помещения — 1,45 м. В свету она уменьшается до 0,05 м. Её откосы сходятся под углом 61°. Низ бойницы ровный, выложен плоским камнем, находится на высоте 1,21 м от уровня пола башни. Верх камеры перекрыт аркой в виде усечённого конуса, сложенной из тонких плит песчаника. Конструкция сохранилась почти полностью (рис. 154). Плиты арки находились в 0,82 м от основания амбразуры. Внутренняя высота камеры составляет 1,08 м. Характерной особенностью бойницы является наличие с внешней стороны двух расположенных по вертикали на одной оси прямоугольных отверстий. Их размеры на просвет: верхнего — 0,25×0,05 м; нижнего — 0,18×0,21 м. Верхнее отверстие щелевидное с внутренним раструбом. Его откосы сходятся под углом 84°.

Вторая бойница находилась с юго-восточной стороны здания. Она направлена вдоль куртины с отклонением к северо-востоку от линии крепостной стены на 7°. Этот фортификационный элемент аналогичен рассмотренным выше бойницам башен № 1 и № 2, но сохранился значительно хуже (рис. 147; 155; 156). Ширина бойницы со стороны помещения — 1,57 м. Откосы камеры сходятся под углом 61°. Низ бойницы ровный, выложен плоским камнем, расположен в 1,19 м от пола. Высота стенок до пят перекрытия — 0,83 м. Нижнее отверстие возвышается над дневной поверхностью с напольной стороны на 0,03 м.

Куртины примыкают к башне с юго-востока и юго-запада, образуя между собой угол 96°. Неожиданные результаты были получены при раскопках северо-западной оборонительной линии. Крепостная стена прослежена в нескольких местах. Она чётко фиксируется только на примыкающем к башне № 2 отрезке длиной 13 м. Далее к юго-западу стена уходит за пределы раскопа. Но уже в

18,5 м от башни в заложенном по линии стены шурфе выявлена только траншея под её фундамент шириной 2,46 м без каких-либо признаков кладки (рис. 127; 157–159). Над дневной поверхностью внутри крепости остатки северо-западной стены возвышаются на 0,40–0,50 м. С внешней стороны у башни их высота за счёт особенностей рельефа достигает 2,20 м. Толщина куртины — 1,40 м, в основании она увеличивается до 1,60 м. Крепостные стены и башня сложены из разномерного околотого камня на известковом растворе и перевязаны между собой. Кладка двухлицевая с забутовкой, велась рядами высотой около 0,50–0,55 м.

И на данном участке раскопок не выявлено сколько-нибудь чётко выраженных жилых горизонтов, в равной степени как и отложений, которые можно было бы связать с разрушением северо-западной куртины. Никаких следов разборки кладки не отмечено также и при расчистке делювиальных наслоений, заполнивших траншею в конце оборонительной линии. Всё это позволяет утверждать, что возведение крепостной стены на данном участке, несмотря на основательные по объёму и качеству работы нулевого цикла, остались незавершёнными. Аналогичная ситуация, видимо, имела место и на юго-восточном фланге укрепления.

Возвращаясь к рассмотрению его остатков, можно предположить, что обрыв стены у башни № 1 вряд ли связан с преднамеренной разборкой или разрушением, следы которых не отмечены в стратиграфии раскопа, а скорее представлял собой выпуск камней под последующую перевязку кладок. Следовательно, к началу кампании 1475 г. замок Тасили, очевидно, за исключением куртины и двух угловых башен, обращённых в напольную сторону, оставался недостроенным.

В отличие от оборонительных сооружений внешнего периметра и, предположительно, ограды укрепленного двора, донжон был возведён полностью. При разборке слоя разрушения у его стен найдены многочисленные обломки наборных кронштейнов, использование которых характерно для устройства машикулей, венчавших многие генуэзские постройки Крыма [Мыц, 1991а, с. 56–59]. К тому же, в одном из них, под углом 45° к лицевой поверхности застрял железный наконечник турецкой стрелы.

С конструкцией машикули, мерлонов и купола верхнего этажа донжона, по-видимому, связано использование плинфы, фрагменты которой, в том числе обломки одной почти целой, найдены в слое разрушения этой постройки. Плинфа прямоугольная, с неровно заглаженной поверхностью граней. Её размеры — 23,5×16,5×2,5–3 см. Из такой же плинфы был выложен стрельчатый купол верхнего этажа Чоргунской башни (XV в.), а также сводчатое перекрытие резервуара в замке св. Николая крепости Чембало (возведён, как уже отмечалось ранее, во второй половине 80-х гг. XIV в.).

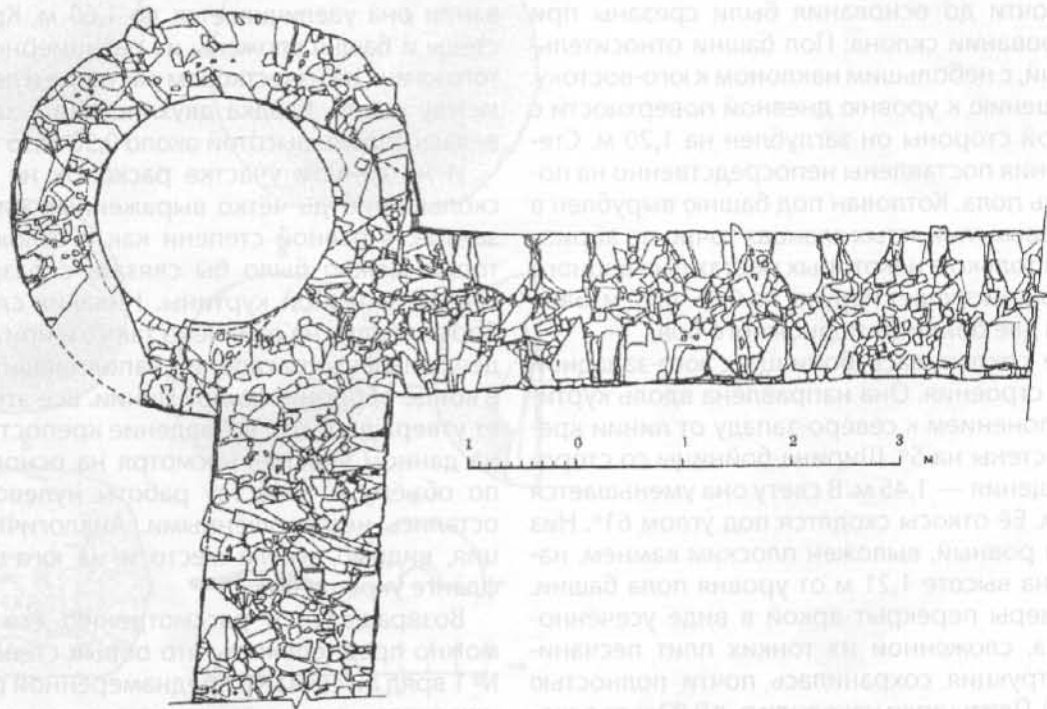


Рис. 146. План северной башни (№ 2): 1 — разрез ЮВ-СЗ по оси юго-восточной бойницы; 2 — разрез СВ-ЮЗ по оси юго-западной бойницы

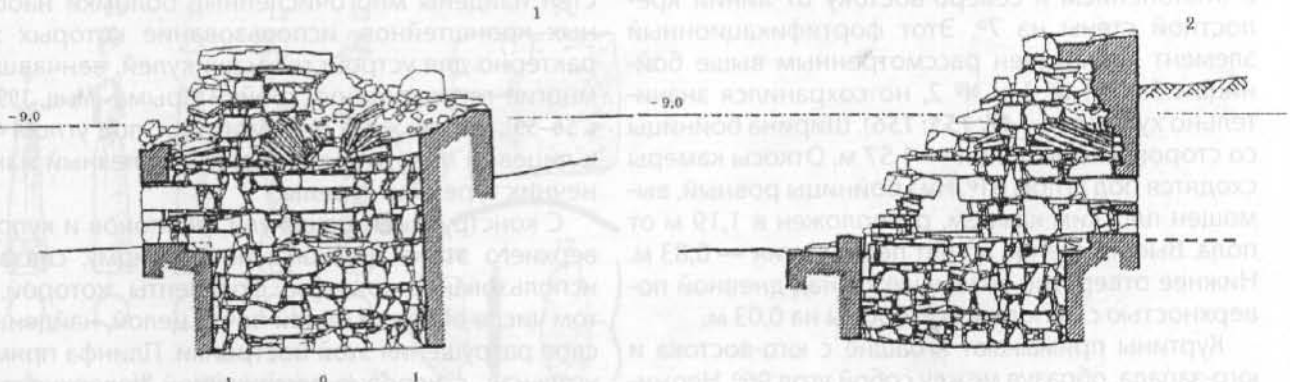


Рис. 147. Разрезы северной башни (№ 2): 1 — разрез ЮВ-СЗ по оси юго-восточной бойницы; 2 — разрез СВ-ЮЗ по оси юго-западной бойницы



Рис. 148. Угловая башня № 2
замка Тасили. Вид с севера



Рис. 149. Руины угловой башни
№ 2 замка Тасили. Вид с северо-
востока

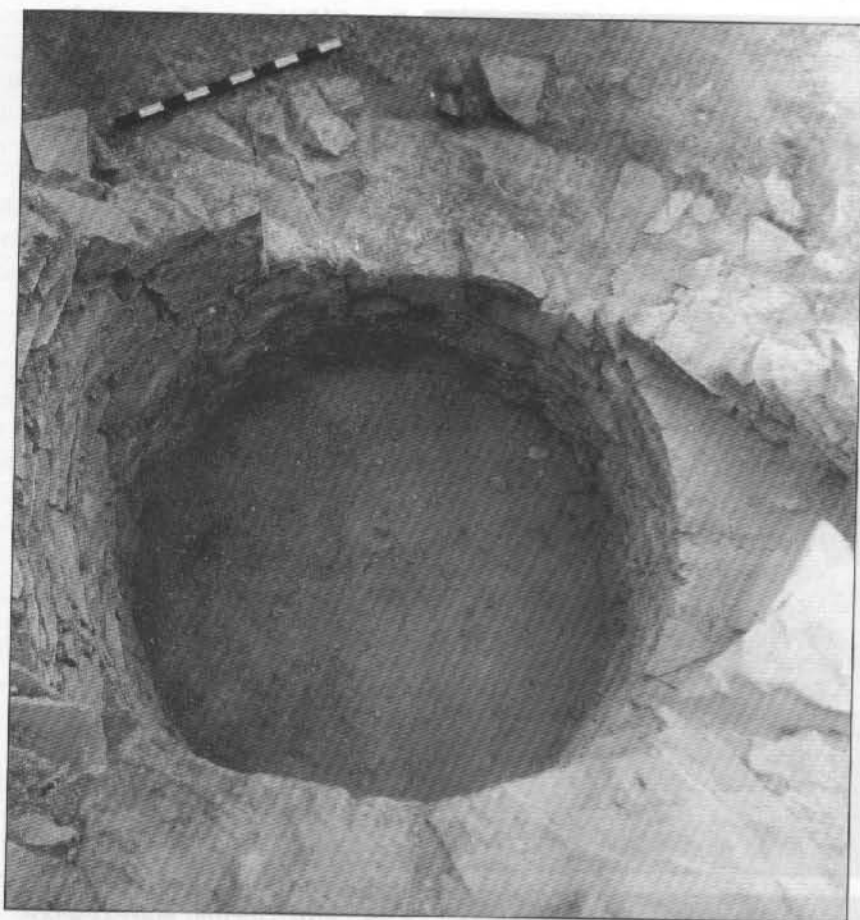


Рис. 150. Угловая башня № 2. Вид сверху



Рис. 151. Башня № 2. Вид сверху

Вид



Рис. 152. Угловая башня № 2
замка Тасили.
Вид с юго-востока



Рис. 153. Угловая башня замка
Тасили № 2. Вид с северо-запада



Рис. 154. Юго-западная амбразура в башне № 2. Вид изнутри, с северо-востока



Рис. 155. Юго-восточная амбразура в башне № 2. Вид с востока

Небольшая по объёму раскопка проведена внутри домика. Толщина культурного слоя составляет 1,80 м (рис. 126: 2). Северу залегал дег...

мы подзелья стрелковую оброну, то использа-
вался пушка была изцелена на разрушение стен,
бреша в которых открывали нападками доступ
внутрь крепости.



Рис. 156. Юго-восточная бойница северной башни (№ 2). Вид изнутри и с севера

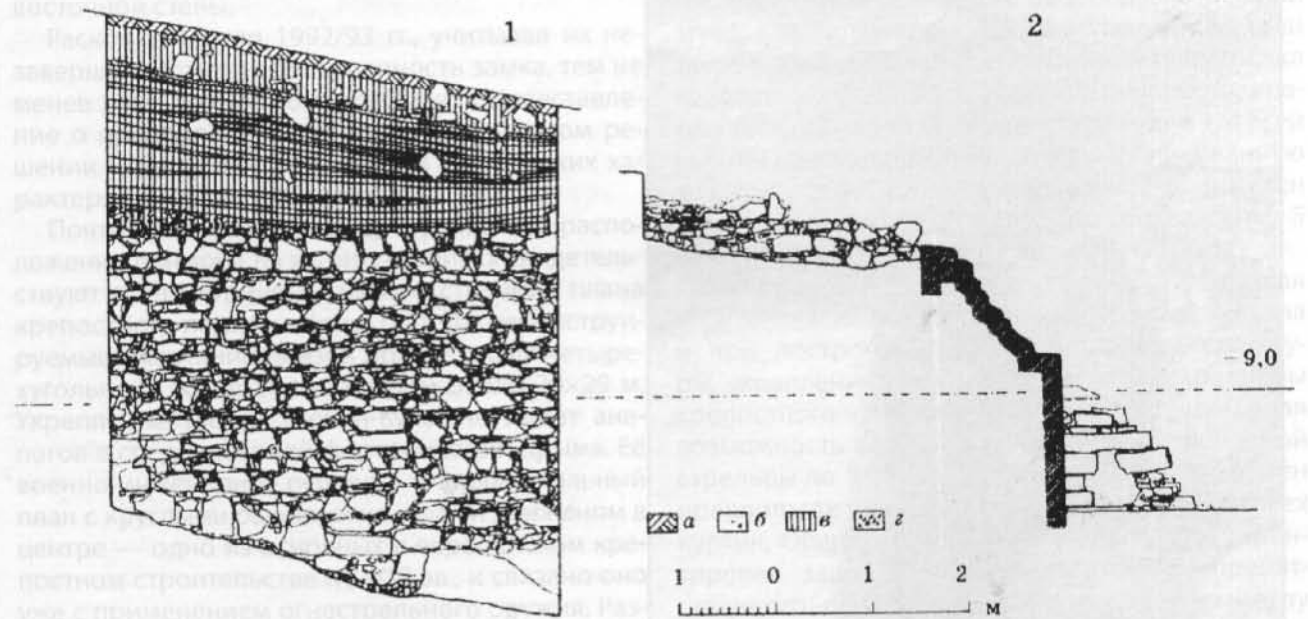


Рис. 157. Северная башня (№ 2) и оборонительные стены укрепления: 1 – фундаменты северо-западной куртины в кв. 7–8 раскопа № 4. Вид с юго-востока, совмещенный со стратиграфией. Условные обозначения: а – дерн; б – разрушенный известковый раствор; в – делювий глинистых сланцев; г – щебень глинистых сланцев. 2 – наземная часть северо-западной куртины и башни в раскопе № 2. Вид с юго-востока

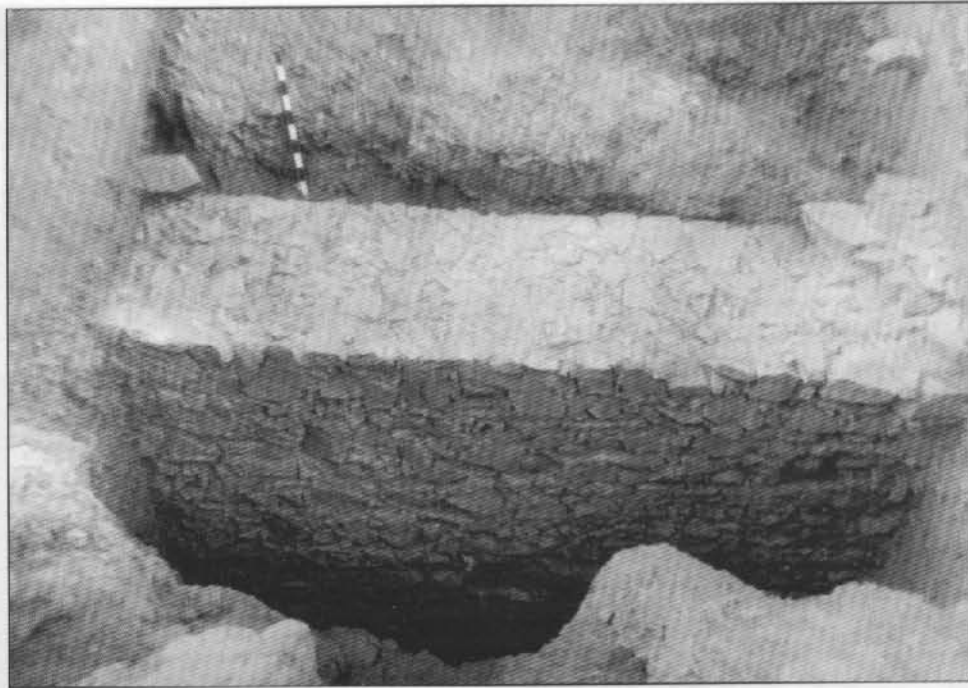


Рис. 158. Фундаменты северо-западной куртины в кв. 7 – 8 раскопа № 4. Вид с юго-востока

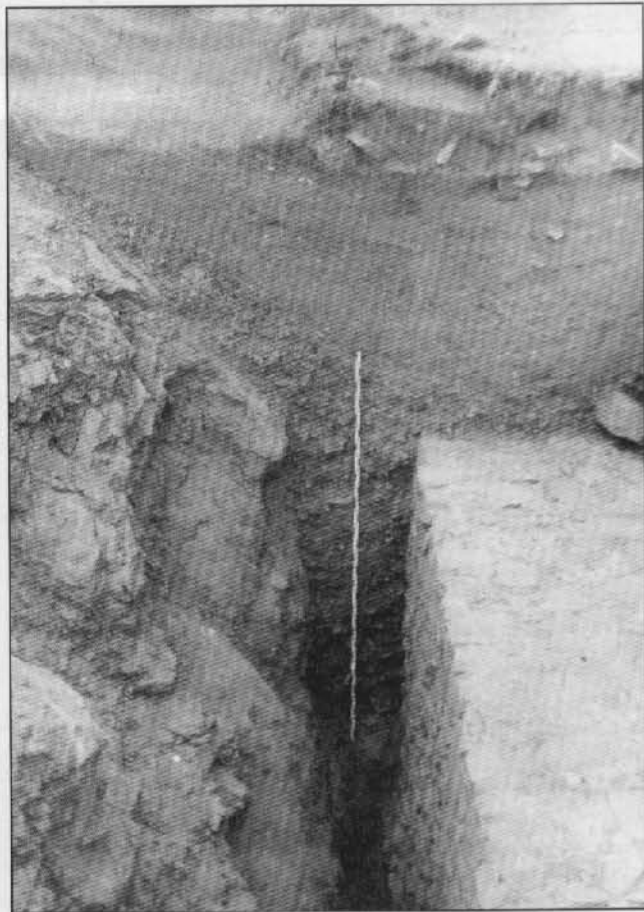


Рис. 159. Фундаменты северо-западной куртины в кв. 7 – 8 раскопа № 4. Стратиграфическая картина юго-западного борта квадратов. Вид с юго-востока



Рис. 157. Стратиграфическая картина юго-западного борта квадратов в кв. 7 – 8 раскопа № 4. Вид с юго-востока

Небольшие по объёму раскопки проведены внутри донжона. Толщина культурного слоя составляла 1,80 м (рис. 126: 2). Сверху залегал деформированный известковый раствор и разномерный бутовый камень, при выборке которых отмечено несколько больших обломков кладки сводчатого перекрытия помещения. Мощность завала колеблется в пределах 1,10–1,70 м. В нём найден фрагмент круглого известнякового ядра диаметром 8 см (рис. 144: 4). Ниже залегал слой (0,10–0,20 м) рыхлого коричневого грунта с включениями известковой крошки, органических остатков, древесины, покрывавший скальную поверхность пола. Здесь найден фрагмент красноглиняного поливного блюда XV в., а на уровне пола — бронзовая монета, не подлежащая определению из-за плохой сохранности. Из заполнения строительной траншеи происходит фрагмент кожаного ремня, украшенного серебряными накладками в виде полусфер с полями. Бляхи крепились к ремню парой железных заклепок, пропущенных через поля (рис. 143: 12).

Раскопками внутри донжона уточнены отдельные параметры и конструктивные особенности северо-восточного помещения цокольного этажа башни. Оно было перекрыто коробовым сводом. Его размеры у северо-западной, щековой, стены: пролёт — 2,34 м, стрела подъема 1,10 м. Ширина в центральной части перекрываемого пространства равна 2,92 м. Пяты свода находились в 1,60 м от уровня пола. Высота помещения составляла около 2,70 м, длина 5,65 м. Вход в подвал имел вид прямоугольного люка в перекрытии у юго-восточной стены.

Раскопки Тасили 1992/93 гг., учитывая их незавершённость и недостроенность замка, тем не менее дают возможность составить представление о предполагаемом военно-инженерном решении укрепления и отдельных технических характеристиках его сооружений.

Почти прямые углы между куртинами и расположение донжона на их биссектрисах свидетельствуют о геометрически чётком строении плана крепостного полигона (рис. 122). Его реконструируемые очертания близки правильному четырехугольнику (квадрату) размером около 29×29 м. Укрепление Тасили (Чобан-Куле) не имеет аналогов в средневековой фортификации Крыма. Её военно-инженерное решение — прямоугольный план с круглыми башнями на углах и донжоном в центре — одно из основных в европейском крепостном строительстве XV–XVI вв., и связано оно уже с применением огнестрельного оружия. Развитие артиллерии существенно изменило тактику осады и штурма укреплений, что, в свою очередь, со временем сказалось и на их фортификации [Рапопорт, 1961, с. 169–183; Косточкин, 1962, с. 158–184; Дерокко, 1950, с. 152–153, рис. 154, 161, 162, 170]. Если камни в основном сбивали зубцы и повреждали парапет, лишая защитников прикрытия, тем са-

мым подавляя стрелковую оборону, то использование пушек было нацелено на разрушение стен, бреши в которых открывали нападающим доступ внутрь крепости.

Период огнестрельной эпохи наступает в Крыму во второй половине XV в. В это время начинается перестройка некоторых крепостей с целью приспособить их к условиям применения огнестрельного оружия, хотя первое использование пушек при осаде укрепления относится ещё к 30-м гг. XV в. (штурм Чембало экспедиционными войсками Карло Ломеллини в 1434 г.). В данном случае можно говорить о некотором запаздывании в Крыму преобразований фортификации по отношению к развитию новой тактики штурма крепостей²³. С конца XIV в. наблюдается общий процесс усиления мощи укреплений, который продолжался и в дальнейшем. Возрастает толщина куртин и башен, сооружаются бойницы подножного боя и бойницы с нишами, увеличивается количество башен со стороны возможного (ожидаемого) штурма, а их устройство обеспечивает «веерный» прострел всего пространства перед стенами, совершенствуется система защиты входов (сооружаются барбаканы и «захобы», рвы укрепляются каменной облицовкой) [Мыц, 1991а, с. 81].

Наряду с утолщением куртин достаточно надёжным противодействием огневой мощи артиллерии стало придание массивности основанию оборонительных сооружений. Оно достигалось различными способами: возведением каменных прикладок, устройством талуса, насыпкой валганга, заполнением внутреннего пространства нижнего яруса зданий грунтом или бутом. Своеобразно решили эту задачу строители Тасили. Возведению стен здесь предшествовала вертикальная планировка крепостной площадки, которая позволила превратить нижнюю часть куртин, составлявшую 1/4 всей высоты конструкции, в монолит — облицованную кладкой скалу. При этом напольная сторона стен донжона увеличена до 4,26 м, что соответствует 5 пикко Каффы (1 пикко = 0,852 м).

Геометрическая четкость форм, отмеченная в разбивке плана, несомненно, присутствовала и при построении пространственной структуры укрепления. Замкнутость и малые размеры крепостного полигона, а также потенциальная возможность ведения противником прицельной стрельбы по тыльной стороне боевого хода стен предполагают единый уровень обороны для всех куртин. Общий горизонт настенного хода гарантировал защитникам возможность беспрепятственного передвижения по всему периметру крепости, что при необходимости создавало благоприятные условия для быстрого реагирования

²³ Единственное исключение, фиксирующее ранний этап огнестрельной фортификации в Крыму, представляет организация обороны Каффы, в которой уже в 80-е гг. XIV в. используются барбаканы, ров, протейхизма, амбразуры подножного боя и т. д. [Бочаров, 1998, с. 89–96, рис. 1, 7–17].

на любые изменения ситуации во время боя и сосредоточения огня в требуемом направлении. С этого уровня, видимо, осуществлялось и сообщение с донжоном, на втором этаже которого сохранились остатки откоса входного проёма (рис. 126: 1).

Подобное конструктивное решение, обуславливаемое требованиями безопасности и функциональными особенностями жилых башен, в Крыму известно на двух близких по времени генуэзских строениях: донжоне верхнего замка Чембало (1467 г.?) [Мыц, 1991а, с. 139] и консульском замке Санта Элиа (св. Ильи) Солдаи [Лопушинская, 1991, с. 79, рис. 58]. Если наше предположение и расчёты верны, то высота обороны крепостных стен с напольной стороны могла составлять 11,0–11,50 м (11 м = 19 браччо Генуи (*braccio*, от *brazo* — «локоть») или 13 пикко Каффы (1 пикко Каффы = 0,852 м; 11,50 м = 13,5 пикко Каффы).

Поскольку для фортификации периода применения огнестрельной артиллерии характерно выравнивание верха оборонительных рубежей, видимо, на этом уровне находились и площадки угловых башен, тем более что дальнейшее их увеличение в высоту вряд ли было конструктивно возможно и целесообразно из-за необъяснимо малой толщины стен. Хотя строители крепости умело использовали защитные свойства местности, фортификационные особенности рельефа явно отступают на второй план при построении геометрически правильных очертаний крепостного полигона.

О защитных качествах замка достаточно наглядно свидетельствует не только мощность стен донжона, но и бойницы подножного боя угловых башен. Они находились в нижнем ярусе строений и были предназначены для фланкирования пространства у основания куртин. Все три сохранившиеся до наших дней бойницы однотипные. Как уже отмечалось, их характерной особенностью является устройство с напольной стороны двух расположенных по вертикали отверстий.

Бойницы данного типа в фортификации Крыма явление редкое. Вероятно, этим можно объяснить то, что аналогичные сооружения Судакской крепости её исследователь И. А. Баранов определил как водостоки в основании стен барбакана и датировал третьей четвертью XVII в. [Баранов, 1988, с. 94, рис. 13,Г; 1989, рис. 3,24]. Судя по найденным при раскопках внутри барбакана остаткам желобов, некоторые из указанных сооружений (на позднем этапе их существования) действительно могли использоваться для отвода ливневых потоков. Однако последние два с парными отверстиями и «сточными колодцами» (?), расположенными перед камерой, скорее всего, имели боевое назначение. В связи с этим, вероятно, не стоит недооценивать мнение Е. И. Лопушинской. Она предлагала видеть в данных сооружениях огнестрельные бойницы подножного боя, сооружен-

ные в 1414 г. Аналогичная бойница, по её мнению, в начале XV в. была устроена и в куртине между башнями Безымянной № 4 и Паскуале Джудиче [Лопушинская, 1991, с. 11–13, 39, рис. 3,4].

Согласно *De ordine Soldaie* 1449 г., внешние ворота предместий (*hostium burgorum exterius porterii*) — вероятно, имеется в виду барбакан, расположенный перед главными воротами города) охраняли двое караульных, получавших по 75 аспров в месяц [Устав, 1863, с. 772]. В связи с этим свидетельством кажется странным утверждение И. А. Баранова о том, что барбакан Сугдеи был построен не ранее турецкого времени (XVI–XVIII вв.) [Баранов, 1988, с. 90–93, рис. 3, 13, 14].

Следует также обратить внимание на открытую Е. А. Айбабиной при исследовании южного участка обороны Каффы стрелковую позицию, имеющую в плане форму трапеции [Айбабина, 1988, с. 74, рис. 2, 6; 8]. Она также имеет амбразуру подножного боя, которую с внешней стороны прикрывала монолитная известняковая плита с двумя расположенными по вертикали круглыми отверстиями.

Типологически наиболее близкими бойницам подножного боя башен Тасили, Каффы и «водостокам» судакского барбакана являются бойницы для одного из первых образцов ручного огнестрельного оружия — сарбаканы (*sarbatana*), получившие повсеместное распространение в западно-европейской средневековой фортификации. Отличительной особенностью этих сооружений были усложнённые очертания боевых отверстий в свету, форма которых определялась двумя основными элементами — собственно бойницей, как правило, круглой, и примыкающей к ней крестообразной либо щелевидной прорезью для прицеливания [Maggiorotti, 1933, p. 13, fig. 19]. Последняя могла находиться сверху, одновременно сверху и снизу, по бокам, между двумя стрельницами.

Известны также случаи отдельного устройства бойницы и прицела, вследствие чего сооружение с напольной стороны приобретало вид двух расположенных по вертикали отверстий. Причины подобной дифференциации не определены. Но, учитывая малую интенсивность боя первых образцов огнестрельного оружия, данное конструктивное решение делало бойницу более универсальной, позволяя при необходимости использовать прицел для стрельбы из лука и арбалета, а также метания специальных дротиков (*clavurina*) [Balletto, 1976, p. 219–223]. Возможно, решение тех же задач намеревались осуществить и строители замка Тасили.

Применялось ли её защитниками ручное (индивидуальное) огнестрельное оружие (при раскопках найдены только арбалетные болты), точно сказать сложно. Однако есть основания считать, что бойницы подножного боя башен внешнего периметра обороны замка Тасили вполне могли быть использованы для ведения огня из сарбака-

ны, представлявшей собой ручное гладкоствольное огнестрельное оружие²⁴.

Сарбаканы были на вооружении у генуэзцев, в том числе и в Черноморских факториях. Например, как уже отмечалось ранее, в одном из документов (19 ноября 1453 г.) протекторы Банка принимают решение послать на корабле Джанотто Ломеллини в Каффу 50 стрелков из сарбакан (*L. zarbataneri*) и дополнительно 100 сарбакан (*zarbatanas centum*) [Atti, 1868, VI, doc. IX, p. 47]. Согласно описи оружия и военного снаряжения, составленной массарией Каффы в 1474 г., в арсенале при консульском дворце было 8 сарбакан, отлитых из бронзы (*sarbatane bronze*) [Atti, 1879, VII, p. 1001].

Хотя вход в укрепление не локализован, крепостные ворота, следуя традиции западно-европейской замковой архитектуры, могли находиться в юго-восточной куртине. В этом случае доступ к ним был возможен только со стороны «двора», ограждённого мощной каменной стеной и превращённого таким образом в своеобразный барбакан (рис. 122). В условиях применения огнестрельной артиллерии подобное военное инженерное решение является наиболее оптимальным и функционально оправданным. К тому же размещение крепостных ворот в глубине двора позволяло обеспечить необходимый достаточно эффективный контроль и прикрытие подступов на значительном расстоянии от входа.

В связи с этим интересно отметить сообщение одного из генуэзских источников. Оно относится к 9 августа 1474 г. и представляет собой ответ экс-консула Каффы Баптиста Джустиниани Оливьери на обвинения в его адрес консула Солдайи Христофоро ди Негро. Джустиниани говорит о выделении в 1474 г. Андреоло ди Гваско 10 000 аспров (*ad summam asperorum decem miliium*) на сооружение «барбакана замка Тасилли» (*barbacane castelli Tasilli*) [Atti, 1879, VII, p. 391]. Тем не менее, консул Солдайи в своём послании синдикам Каффы от 17 августа 1474 г. обвиняет Андреоло в том, что тот из-за его «упрямства и лени» (*ex auaritia et pergitia*) уже второй год не желает, несмотря на все данные ему предписания и распоряжения (ранее Христофоро направил в Тасили трёх каменщиков — *magistros antilami tres*, а Баптиста Джустиниани — ещё двух),

²⁴ Первоначально (появилось у арабов в XIII в.) из него велась стрельба стрелами, а затем пулями. Это оружие типа западноевропейской аркебузы [Maggiorotti, 1933, p. 13] (на Руси называлось пищалью или ручницей) состояло из короткого (длиной примерно 17–29,5 см) железного, позднее бронзового ствола (диаметр 2,5–3 см, длина ствола 6–12 см), крепившегося в специальном ложе деревянного приклада длиной 95–144 см. Первые образцы достигали в снаряжённом состоянии около 70 кг веса, что требовало не менее двух человек для его обслуживания. Но уже во второй половине XV в., благодаря усовершенствованию всех систем огнестрельного оружия и изобретению фитильного замка, сарбаканой мог пользоваться один человек, так как вес значительно уменьшился (без приклада около 4 кг, с ложем — примерно 7,5 кг) [Кирпичников, 1976, с. 88, рис. 42].

заниматься совершенствованием (*melioribus*) его обороны, временами оставляя замок без охраны [Atti, 1879, VII, p. 386]. Поэтому он пишет: «Надо по-становить, чтобы замок Тасили охранялся некоторым числом стипендиариев-латинян (*castellum de Tasili custodiatur per aliquos stipendiatos latinis*) и не оставался бы без стражи, как делают [ди Гваско]. Предполагая, что им никто не угрожает, они держат здесь лишь склавинов (*sclauos*), которые днём уходят на работы. Из-за этого возникает большая опасность (*maximum periculum*) того, что [замок] может попасть в руки турок или готов (*in manus teucrorum vel gotorum*), чего не дай бог, ибо это привело бы к разорению (*destrutio*) здешних мест» [Atti, 1879, VII, p. 319; Милицин, 1955, с. 91].

Вместе с тем, Христофоро ди Негро проявляет непоследовательность в своей постоянной «заботе» об усилении охраны замка. Консул затеял с Андреоло спор по поводу бомбарды, которую считал собственностью коммуны города Солдайи, а Гваско намеревался переправить в Тасили [Atti, 1879, VII, p. 386] (судя по документам Каффы, бомбарды (*bombardis*) использовались генуэзцами на Чёрном море с 70-х гг. XIV в. [Balard, 1978, p. 397]). Косвенно на наличие в Тасили небольшой бомбарды могут указывать находки здесь двух каменных ядер диаметром 7,9–8,0 см.

Попечители Банка Сан-Джорджо, стремясь улучшить обороноспособность своих Черноморских факторий, направляли из Генуи различных мастеров. Например, в 1473 г. в Каффу (в качестве офицеров артиллерии) прибыли два немца из Ахена и Страсбурга (*Bocardum de Strosborgo*), француз, занимавшийся изготовлением пороха, и немец (?) Иоханн из Кёльна (*Johannem de Colonia*), специалист по различному вооружению «и изготовлению бомбард» (*in arte ac ministerio bombardarum*). Уже 24 сентября 1474 г. массарии Каффы продлили контракт с Бокардо из Страсбурга и Иоханном из Кёльна, установив им ежемесячный оклад в размере 400 аспров — *«stipendio seu salario asperorum quadringentorum»* [Atti, 1879, VII, P. II, f. 1, doc. MCV, p. 125]). Среди них находился и фортификатор — строитель крепостей Антонио де Бонино (*Antonio de Bonino*). Ему было поручено провести инспекцию состояния всех генуэзских укреплений и в случае необходимости указать на слабые места, чтобы «довести их до современных требований фортификационного искусства» [Колли, 1918, с. 139].

По всей видимости, в замечании Христофоро ди Негро в адрес Андреоло ди Гваско содержится намёк на рекомендации, данные в 1473 г. Антонио де Бонино по усовершенствованию фортификационных сооружений замка Тасили, которые не были полностью выполнены его владельцами к лету 1474 г. Если наше предположение верно, то можно с некоторой долей вероятности определить и автора проекта завершения строительства «*castellum de Tasili*» (1473–1474 гг.). Архитектурно-

планировочное решение в виде правильного квадрата внешнего периметра оборонительных стен с небольшими круглыми башнями по углам было предложено Антонио де Бонино.

Трасса подъездной дороги не прослеживается. Но при разборке слоя разрушения донжона с северо-западной стороны были найдены фрагменты известняковых тяг с профилем в виде полочки над трёхчетвертным валом, которые принадлежали обрамлению прямоугольной ниши. Подобные ниши традиционно использовались генуэзцами для установки плит с посвятельными или строительными надписями на фортификационных сооружениях [Опочинская, 1986, рис. 4; Лопушинская, 1991, рис. 26,56].

Фрагменты наличника в слое располагались компактной группой, и в других исследованных местах завала не отмечены. Данная находка позволяет предполагать, что надпись до обрушения (или она была аккуратно снята?) находилась на северо-западном фасаде донжона, а значит, именно эта сторона крепости имела репрезентативный характер и была рассчитана на первоочередное восприятие.

Следовательно, дорога к укреплению вела с севера, открывая по мере приближения наблюдателю наиболее выразительные в плане психологического воздействия виды фортификационных сооружений. К крепостным воротам она подходила слева, что создавало дополнительные преимущества защитникам, поскольку нападающие на всём протяжении следования вдоль оборонительных стен и башен были обращены к ним правым боком, не прикрытым щитом.

Точное время строительства замка археологическими исследованиями не установлено. Датировка находок из раскопок, за редкими исключениями, не выходит за пределы XV в., что, наряду с отсутствием чётко выраженных жилых горизонтов в культурных отложениях на территории укрепления и предполагаемому его запустению в 1475 г., позволяют предварительно датировать памятник третьей четвертью XV в.

Этому предположению не противоречит и военно-инженерное решение крепости, характерное для западноевропейской огнестрельной фортификации этого времени, а также международная военно-политическая обстановка, сложившаяся в Причерноморье после завоевания османами Константинополя 29 мая 1453 г. [Рансиен, 1983, с. 121–130].

Ответ на вопрос о времени *terminus ante quem* поп, когда было начато строительство замка в Тасили, содержится в одном из документов. Генуэзский источник представляет собой «наказы», данные горожанами (*burgenses*) Каффы двум посланцам Гаспаре де Палодио и Кристиано Каттанео, посланным в Геную 22 июня 1459 г. В нём сообщается о повторяющихся набегах турецких пиратов на побережье Готии. В результате одного из них,

совершённого на поселение «*Lo Taxili*», принадлежавшее Антонио ди Гваско, в плен было уведено около 40 человек. Поэтому теперь Антонио «хотел бы построить оборонительную башню, и эта инициатива видится во многом полезной, потому что могла бы взять на себя, помимо антитурецкой функции, также и функцию контроля по отношению к греческим господам Готии, которые со своей стороны строят крепости вблизи Солдаи, а это порождает у генуэзцев весомые подозрения» [Assini, 1999, p. 13–14]. Таким образом, обнаруженный А. Ассини документ раскрывает две веские причины, побудившие владельца Тасили приступить к возведению замка рядом с селением, вероятно, уже в 1459 или 1460 гг.

Проведённое археологическое изучение памятника позволяет говорить о том, что к моменту нападения турок на замок Тасили (*Tasili*) в 1475 г. полностью был построен только донжон, а остальные объекты комплекса оставались незавершёнными. Следует также отметить отсутствие следов тотального пожара на исследованной территории, а это, скорее всего, свидетельствует о том, что защитники оставили крепость летом 1475 г., не оказывая сопротивления войскам Гедык-Ахмед-паши.

Таким образом, о существовании замка Тасили, принадлежавшего семейству Гваско (Антонио и его сыновьям — Андреоло, Теодоро и Деметрио), узнаём из сравнительно поздних источников конца 50-х — первой половины 70-х гг. XV в. Строительство замка и «захват» селения Скути (Ускют — н. п. Приветное) по времени относится весьма близко к 1474 г. (1459/60 гг.). Поэтому местные жители ещё хорошо помнили времена, когда здесь не было сеньоров Гваско [Милицын, 1953, с. 73–94; С. А. Секиринский, Д. С. Секиринский, 1989, с. 9–16].

Как уже отмечалось, Л. П. Колли, Е. Ч. Скржинская, Л. А. Маджиротти и С. А. Секиринский отождествляли замок Гваско в Тасили с укреплением Чобан-Куле, что нашло вполне убедительное подтверждение в ходе археологических исследований памятника. В дополнительной аргументации нуждается только вопрос о локализации самого поселения Тасили и его возможного тождества с с. Сили (*Sili*) = Шелен.

В конце XVIII в. в этом районе располагались селения с названиями, близкими по звучанию тем, которые отмечены в генуэзских источниках XIV–XV в. [Лашков, 1886, с. 130; Braun, 1890, s. 25–26]. А. Л. Бертъе-Делагард связывал Лоуолл-Волли с деревней Ворон (н. п. Ворон), Карпати — с Арпатом (н. п. Зеленогорье), Скути — с Ускютом (н. п. Приветное). Здесь же, на побережье, располагалось и село Капсихор (н. п. Морское), не названное в документах [Бертъе-Делагард, 1920, с. 8, 22–26]²⁵.

²⁵ С. Г. Бочаров на месте современного посёлка помещает генуэзское «*de lo Carlo*», которое уже в начале XVI в. (в дефтере 1520 г.) [Veinstein, 1980, с. 244] получает наименование *Qapshor* [Бочаров, 2004, с. 148, 150, табл.].

Если предлагавшееся ранее отождествление селения «Casale de lo Sille» или «Casale Tasili, Tasilli, Tassili» итальянских источников XV в. с известным до недавнего времени «Шилле» [Лашков, 1886, с. 130; Маркевич, 1928, с. 25], «Шелен» — правильно, то удивляет значительное удаление замка от этого места: от Чобан-Куле до с. Громовка более 10 км по современной дороге и при этом посёлок отстоит от моря на 5 км.

До настоящего времени у Шелена (Громовки) не найдены следы какого-либо укрепления. Только у н. п. Ворон разведками И. А. Баранова на одной из скал, возвышающихся над долиной, обнаружены маловыразительные следы стены и круглой башни (?), датируемые по подъёмному материалу XIV–XV вв. По всей видимости, здесь мог находиться небольшой монастырь или средневековая усадьба, но никак не замок. Однако генуэзские документы третьей четверти XV в. отмечают рядом со Скути и Тасили только один замок, владельцами которого являлись Гваско. При этом те же источники всегда локализуют место строительства замка довольно точно, а не «между» — в селении Тасили.

Частично опубликованное в переводе С. А. Милицына «Дело братьев Гваско» позволяет в некоторой степени реконструировать события второй половины 1474 г., касающиеся рассматриваемой темы, в том числе относительно локализации замка и селения Тасили. Например, 27 августа 1474 г. консул Солдайи Христофоро ди Негро отправляет в Скути (Ускют) кавалерия Микаеле ди Сазели и 7 аргузиев с приказом уничтожить установленные там братьями Гваско виселицы. Из протокольной записи Солдайской курии, зафиксировавшей доклад кавалерия, узнаём, что, отправившись в Скути «<...> с решительным намерением выполнить всё приказанное им достопочтенным господином консулом и достигли горы, возвышающейся над селением Тасили, против деревни Скути, дорога в которую проходит здесь по горе (*ad montem existentem super casale Tasili versus dictum locum Scuti in quo monte jacet iter et sino via dicti casalis Scuti*). На дороге этой они увидели Теодоро ди Гваско, а с ним примерно сорок человек, с оружием и длинными палками в руках (*In quo itinere et via reperierunt Teodorum de Goascho cum hominibus XXXX in circa tenentes arma et baculos longos in manibus*)» [Atti, 1879, VII, p. 293; Милицин, 1955, с. 75].

Из этого сообщения следует, что селения Тасили и Скути были разделены горой. Замок Тасили и открытое рядом с ним поселение XV в. находятся на краю восточного отрога горного массива размером 2×3 км (на карте-верстовке 1893 г. эта возвышенность названа г. Казах), по северному склону которого проходит и современная дорога в Ускют (около 5 км). От Солдайи до Ускюта по трассе — около 25 км. По-видимому, также проходила и средневековая дорога, потому что передвижение по горным долинам в условиях пересе-

чённой местности сильно затруднено и не только усложняет её прохождение, но и в значительной степени удлиняет путь.

Кавалерий и аргузии, отправившись утром в Скути и встретив сопротивление Теодоро ди Гваско, вернулись в Солдайю и докладывали консулу «после вечернего звона» — т. е. к молитве ангелюс — летом, в 9 часов вечера [Милицин, 1955, с. 75, прим. 1]. Всадники вполне могли проехать за световой день 50–60 км. В тот же день (27 августа 1474 г.) Христофоро ди Негро принял решение о Теодоро ди Гваско. В нём говорилось, что «в окрестностях селения Тасили, на горе, по которой идёт дорога в деревню Скути, Теодоро ди Гваско <...> преградил путь кавалерии <...> (*in contratibus Tasili in quodam monte, ubi est via casalis Scuti <...>*)» [Atti, 1879, VII, p. 294; Милицин, 1955, с. 75]. Отсюда следует вывод, что оба поселения — Тасили и Скути — располагались по соседству, и поэтому предлагавшееся ранее полное тождество наименований Шелен (Sille) = Тасили (Tasili) выглядит весьма сомнительно. Скорее всего, в итальянских источниках XV в. речь идёт о двух разных поселениях. Тасили, по-видимому, было основано Антонио ди Гваско во второй половине XV в. (этому не противоречит и найденный в замке и храме археологический материал). Большая часть новопоселенцев состояла из жителей селения (общины) Силе (Шелен), отчего новое селение получило название «Та+Сили (Ta+Sili)», т. е. «другая (другой) Силе»²⁶.

Таким образом, раскопки в укреплении Чобан-Куле, проведённые в 1992–1993 гг., показали, что строительство оборонительных стен внешнего периметра так и не было завершено к моменту завоевания турками Крыма, и замок Тасили оказался недостаточно подготовленным к защите, хотя для этого и предпринимались меры (строительство двух башен, стен внешнего периметра и барбакана).

Из письма консула Каффы Антониотто ди Кабелла консулу Солдайи Христофоро ди Негро от 14 сентября 1474 г. и ответа последнего, датированного 20 сентября того же года, известно, что в замке ещё велись строительные работы [Atti, 1879, VII, p. 300, 303; Милицин, 1955, с. 79, 81]. Отсутствие следов пожара и связанного с ним слоя разрушения замка позволяет высказать предположение, что он был брошен его хозяевами и защитниками перед появлением турок (хотя находка в одном из кронштейнов от машикулей каноничника турецкой стрелы вроде бы указывает на возможность кратковременного (?) сопротивления обитателей Тасили летом 1475 г.). Косвенным подтверждением сказанного могут служить сведения, относящиеся уже к 1478–1481 гг. Андреоло ди Гваско, в момент появления под стенами Каффы армии Гедык-Ахмет-паши, удалось сначала бежать в Грузию,

²⁶ С. Г. Бочаров вслед за А. Л. Бертье-Делагардом [Бертье-Делагард, 1920, с. 25] полагает, что «de lo Sille (Tasili — Naslu) — село Громовка (быв. Шелен)» [Бочаров, 2004, с. 149].

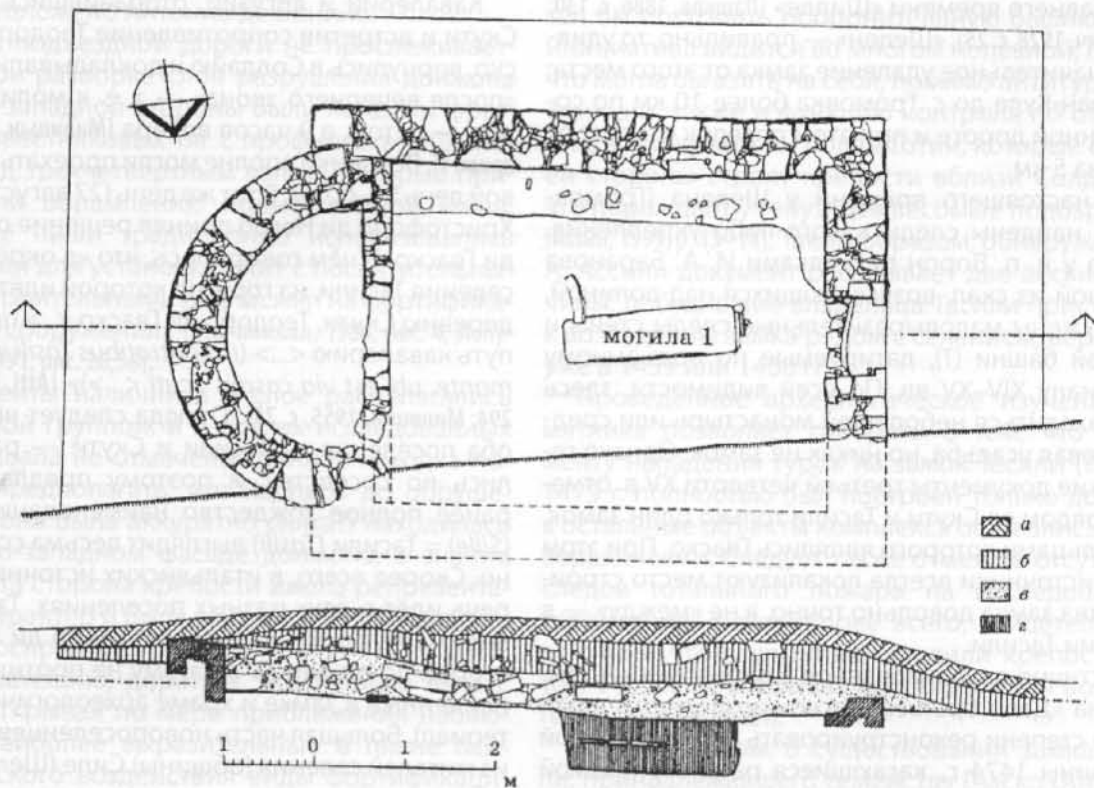


Рис. 160. План и стратиграфический разрез церкви поселения. Условные обозначения: а – дерн; б – серый натечный грунт; в – разрушенный известковый раствор; г – серо-коричневый глинистый грунт

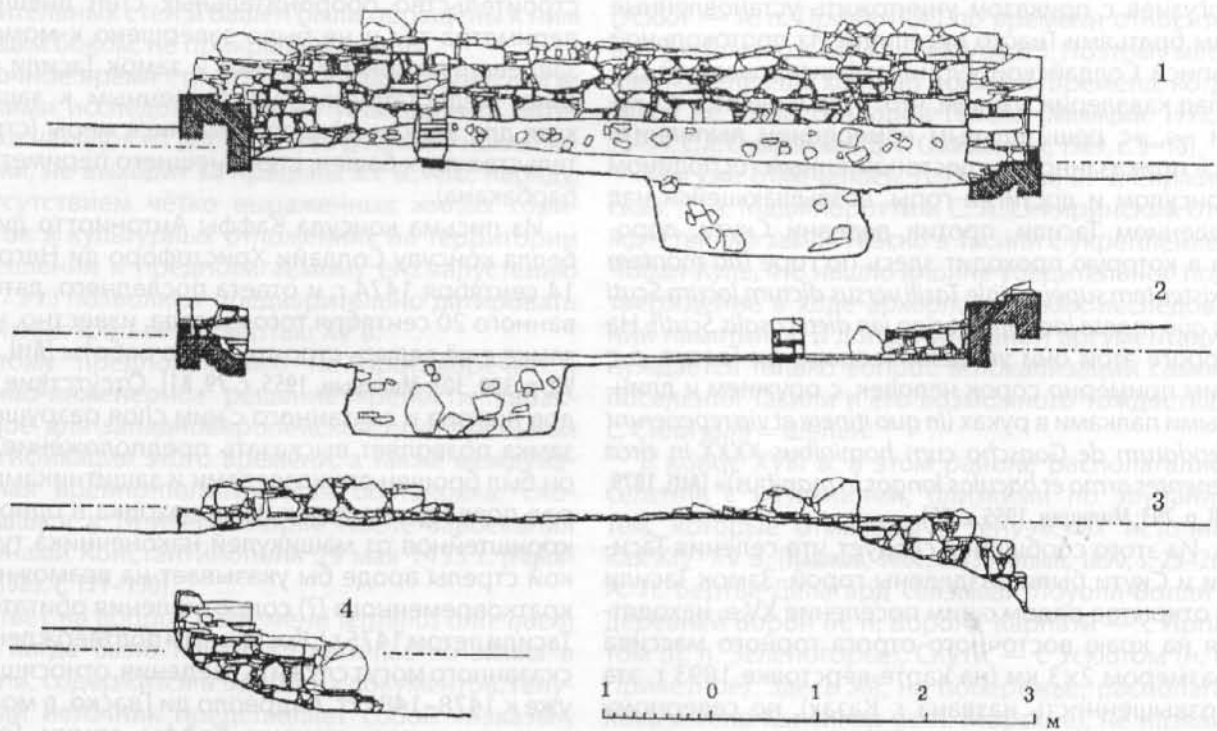


Рис. 161. Виды и разрезы церкви поселения: 1 – продольный разрез по оси В-3; 2 – продольный разрез по оси 3-В; 3 – южный фасад; 4 – северный фасад

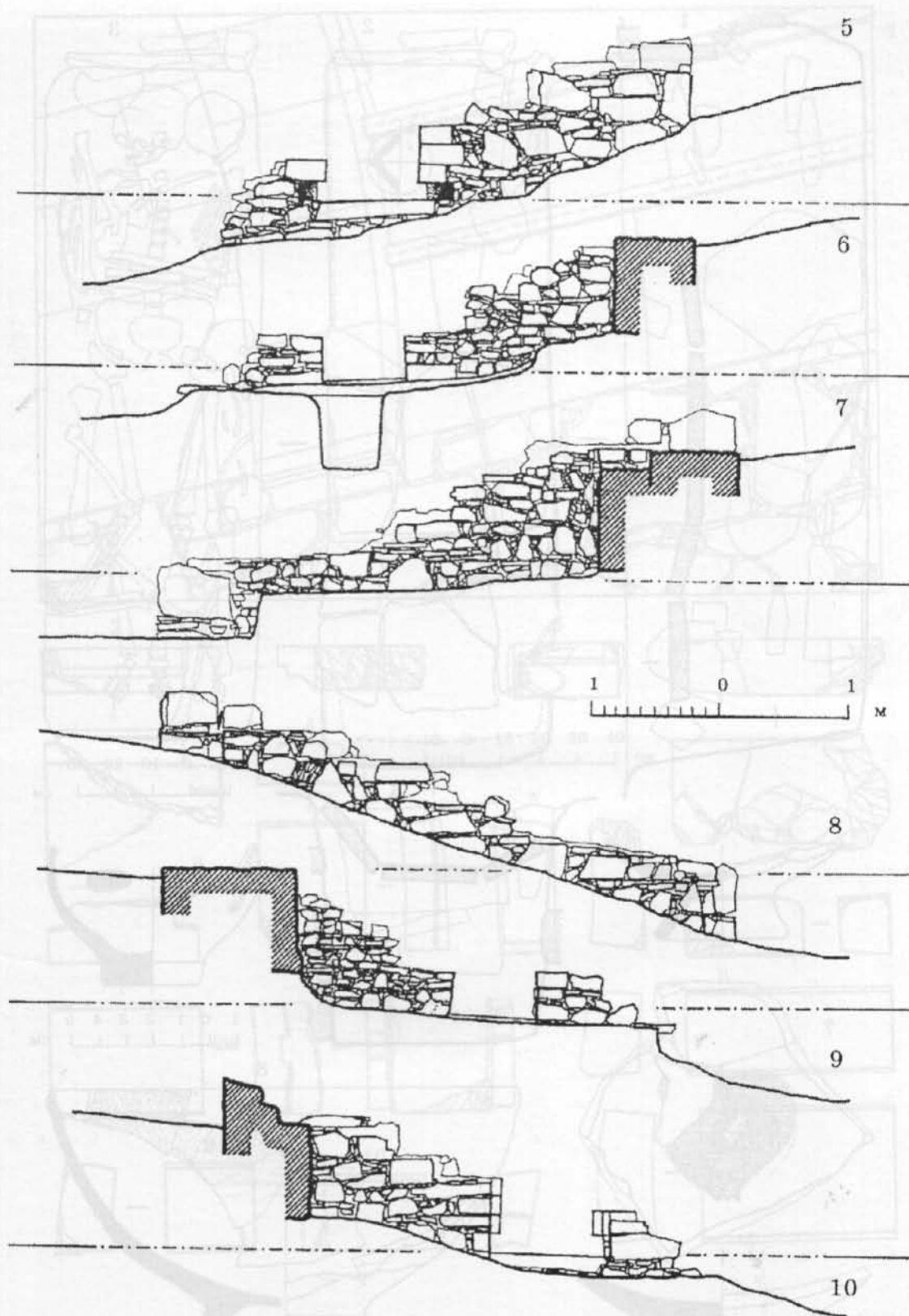


Рис. 162. Виды и разрезы церкви поселения (продолжение): 5 – западный фасад; 6 – вид алтарной преграды с запада; 7 – вид алтарного полукружия с запада; 8 – восточный фасад; 9 – вид алтарной преграды с востока; 10 – поперечный разрез по линии Ю-С

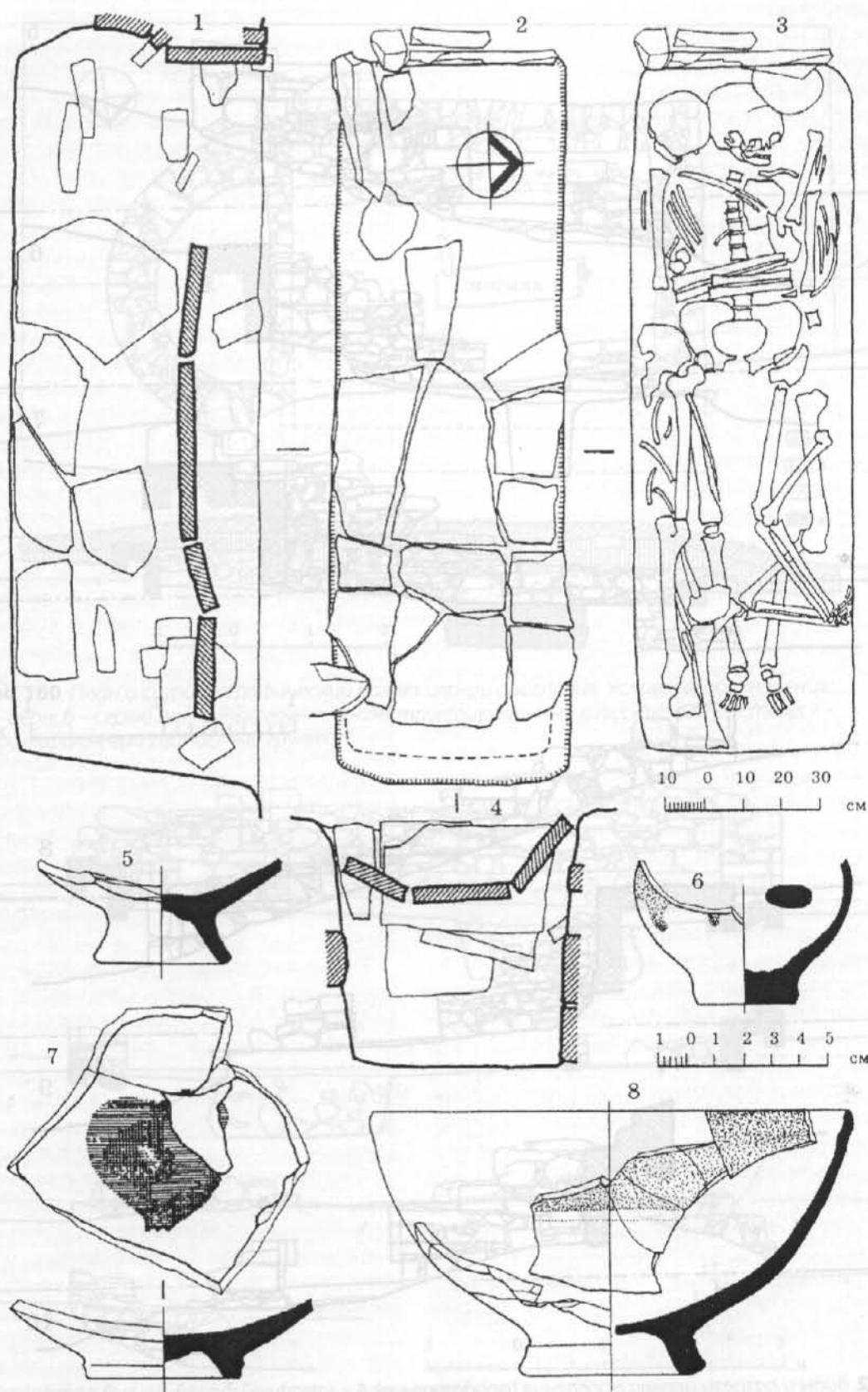


Рис. 163. Планы и разрезы могилы № 1. Отдельные находки из раскопок церкви поселения

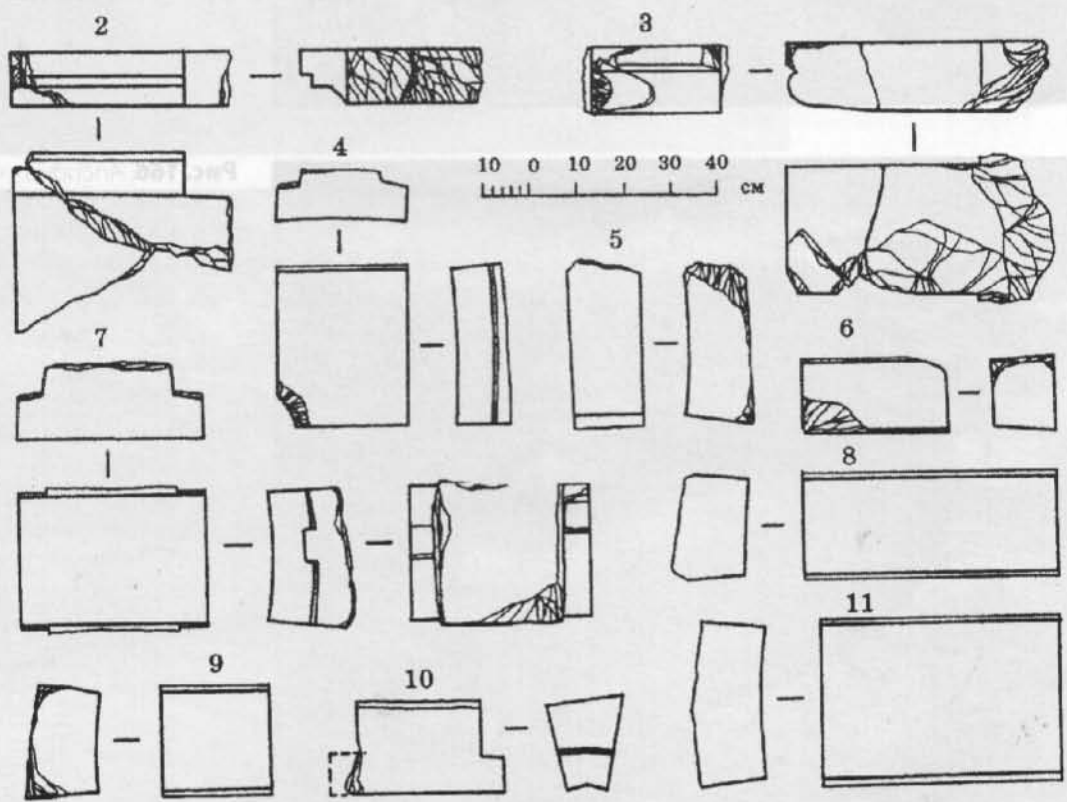
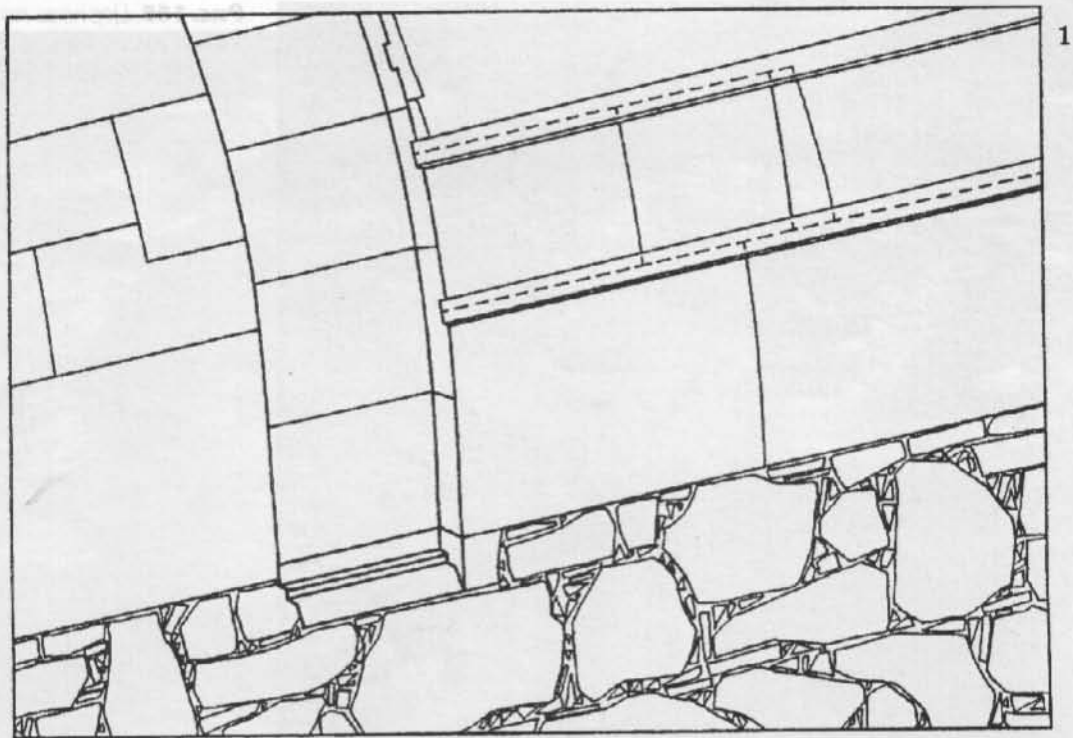


Рис. 164. Архитектурно-конструктивные детали из раскопок укрепления (3) и церкви (2, 4-11):
 1 – реконструкция технологической схемы возведения свода; 2 – кронштейн подпружной арки;
 3 – брусок наборного кронштейна машикули донжона; 4, 7, 10 – детали попружных арок храма; 5, 6, 8, 9,
 11 – детали свода; 2, 4 – 11 – капсельский ракушечник; 3 – известняк



Рис. 165. Церковь поселения XV в. у замка Тасили. Вид с востока



Рис. 166. Апсидная часть с алтарной преградой церкви XV в. у замка Тасили. Вид с севера



Рис. 164. План церкви XV в. у замка Тасили. 1 - фундаменты, 2 - стены, 3 - алтарная преграда, 4 - апсида, 5 - восточная стена, 6 - западная стена, 7 - северная стена, 8 - южная стена, 9 - восточный портал, 10 - западный портал, 11 - северный портал, 12 - южный портал.

в плен в Персию. Здесь он встретился с великим
длинным послом И. Барбаро и рассказал ему о при-
ключениях Мангли Гирей. Очевидно, из Персии он
отправился в Поданию где в 1483 г. наряду с прои-

Г. Нойман (в сотрудничестве с Ю. Довелем), по-
ступилась наиболее раннюю известную форму
звучания топонима Ашх, впервые встречаемому



Рис. 167. Апсида и предамбуларная преграда церкви XV в. поселения Тасили. Вид с северо-запада



Рис. 168. Руины стен церкви поселения Тасили. Вид с северо-востока



Рис. 169. Руины церкви XV в. поселения Тасили. Вид с северо-запада



Рис. 170. Вход в церковь поселения Тасили. Вид с запада

а затем в Персию. Здесь он встретился с венецианским послом И. Барбаро и рассказал ему о приключении Менгли-Гирея. Очевидно, из Персии он отправился в Польшу, где в 1481 г., находясь при дворе короля, вёл переписку с Менгли-Гиреем относительно подготовки в Газарии антитурецкого восстания [Heyd, 1886, II, p. 405].

Частично исследованный комплекс, состоявший из замка и располагавшегося рядом небольшого поселения, где открыта часовня и некрополь XV в. (рис. 160–170), представляет собой редкий историко-археологический материал по социальной дифференциации средневекового населения сельской округи Солдайи в момент зарождения и начальных этапов формирования частной итальянской сеньории. Это наглядно иллюстрирует структура самого укрепления: донжон (место обитания братьев Гваско), окружённый внешним периметром стен с башнями и примыкающим к нему обширным двором, защищённым массивной каменной стеной, сложенной на глине. Здесь, по-видимому, находилось подворье замка, заселённое *sclavos* — «рабами» и слугами. Сам момент получения во владение селения Тасили главой клана Гваско Антонио, по-видимому, следует отнести ко второй половине 50-х гг. XV в. (после 1453 г.). А время основания замка и начало формирования вокруг него инфраструктуры всего феодального лена, с большой долей уверенности, датировать 1459/60 гг. Это позволяет хронологически ограничить найденный на его территории археологический материал пределами 1459/60–1475 гг.

4.3.3. Генуэзская Луста в 50–70-е гг. XV в.

Наиболее значительные по масштабам новые строительные работы, проводившиеся генуэзцами во второй половине XV в. на территории побережья Готии, были выявлены в ходе изучения оборонительных сооружений Алушты (*Lusta*) [Мыц, Лысенко, Семин, 1997, с. 205–210; Мыц, 2002, с. 139–187].

На протяжении последних десятилетий исследователями предлагались различные этимологии происхождения топонима Алушта. Например, первоначально было принято считать, что Алушта — слово греческое (от *αλουστος* «немытый», «неумытый», «неумытая») ²⁷ [Бертье-Делагард, 1920, с. 1 и сл.; Маркевич, 1928, с. 20]. О. Н. Трубочёв же, в одной из своих работ (1977 г.) считал возможным выводить Алушту из индоиранского (таврского) **sal-osta* — «устье гор» — **sala*. Но эта новация осталась незамеченной, а по страницам научной и научно-популярной литературы продолжала кочевать «откровенно наивная — по определению О. Н. Трубочёва — этимология» (см., например, [Фирсов, 1990, с. 67]) [Трубочёв, 1999, с. 217].

²⁷ *ἄλουστος* — как производное от *ἀλουσία* — «немытие», «некупание», «грязь», «нечистота» — или от *ἄ-λουτος* — «немытый», «грязный».

Г. Нойман (в соавторстве с К. Дювелем), постулируя наиболее раннюю известную форму звучания топонима *Alust*, впервые встречаемую у Прокопия Кесарийского [De aedificiis III, 7, 11], высказал предположение о германской этимологии названия города Алушта [Neumann, Duwel, 1985, s. 280]. Нойман прямо связывает «крымскоготское» *Alust* с серией топонимов на территории Голландии (*Elst, Elste, Eliste, Aalust, Alost, Alost*), производя их из германского **alista/*alusta* — «ольховый», «ольховая» [Neuman, Duwel, 1985, s. 281–282].

Предложенная Г. Нойманом логическая конструкция подверглась резкой критике со стороны О. Н. Трубочёва, ввиду того что она якобы не учитывает не только опыт старой литературы, в которой рассматривались другие этимологии данного топонима, но и формы этого названия в виде *Salusta, Schalusta* у Идриси (1153 г.) (так называемого Нубийского Географа), приводимые ещё П. И. Кёппеном [Кёппен, 1837, с. 104, 183–184]. При этом он полагал: «<...> нет ни малейшего права считать, скажем, *s* — начальное здесь вторичным наращением, справедливо, скорее думать, что это *s* — исчезло в тех формах, которые его не обнаруживают <...>. Подобная утеря начального *s* — через промежуточную стадию его спирантизации (*s->h->O*) была реальна и для древнего Крыма в условиях древней довольно глубокой его сарматизации и аланизации. Следовательно, <...> у нас есть основания считать формой, этимологически наиболее авторитетной, древнее *Salusta*, откуда полнее объясняются все известные исторические варианты, а не их часть, для чего, правда, требуется другая этимология» [Трубочёв, 1999, с. 216].

Трудно согласиться со столь категоричной оценкой «первичности» более позднего арабозычного источника, каковым является Идриси (XII в.) в отношении свидетельства VI в. Прокопия Кесарийского, фиксирующего уже существовавшее к его времени название местности. Тем более что подобные, довольно свободные от конкретной историко-топографической «привязки» сравнительные параллели (тавры = сарматы = аланы, обитающие в «устье гор» — **sala*) можно строить на весьма широком географическом пространстве, в том числе и за пределами Крыма.

Возвращаясь к предложенной Г. Нойманом этимологии топонима Алушта (от германского **alusta* — «ольховая»), следует отметить, что русла рек, пересекающих Алуштинскую долину (Улу-Узень и Демерджи, обе впадают в море, огибая холм, на котором расположена средневековая крепость), действительно, от устья до верховьев покрыты зарослями ольхи. Пребывание здесь германцев с последней трети III в. н. э. подтверждается материалами археологических исследований [Мыц, 1987, с. 144–161; 1989, с. 77–79; 1994, с. 44–45; Мыц, Лысенко, Щукин и др., 1997, с. 211–221]. Поэтому есть основания говорить об объективности этно-топографической характеристики происхожде-

ния названия Алушта = «Ольховая», предложенной Г. Нойманом.

В литературе по истории средневекового Крыма к 60-м гг. XX в. утвердилось мнение, что византийцами в VI в. возведено двухчастное укрепление с цитаделью и внешней линией обороны, которое впоследствии ремонтировалось и перестраивалось до конца XV в. [Мыц, 1997в, с. 187–188].

Например, во время археологических разведок, проводившихся в 1948 г. в Алуштинском районе, крепость осмотрел Е. В. Веймарн, отметивший на поверхности памятника наличие только «позднего» материала, посчитав, что и само укрепление является послеюстиниановской постройкой. При этом он высказал предположение, что ко времени Юстиниана I может быть отнесена только круглая башня (Ашага-Куле) [Веймарн, 1949 с. 5–7]. Это предположение поддержал О. И. Домбровский, полагавший, что из «четырёх круглых башен VI в. сохранилась только одна» [Домбровский, 1974, с. 8–9].

В ходе раскопок 1984–1995 гг. на памятнике исследована площадь около 3600 кв. м (из них 900 кв. м приходится на цитадель). Мощность культурного слоя достигала на некоторых участках 5–6 м. В среднем же она составляла около 2 м. Обнаруженные в ходе раскопок архитектурно-археологические остатки относятся в основном к VI–XV вв. и составляют пять строительных горизонтов в истории развития средневековой Алушты (от византийского «фруриона» во второй трети VI — второй половине VII в. до малого городского центра, являвшегося генуэзской торговой факторией в 80-х гг. XIV — 70-х гг. XV в. [Мыц, 1997в, с. 189]).

В свое время мною было высказано априорное мнение о том, что внешнее кольцо оборонительных стен с тремя мощными башнями возводится в 80–90-х гг. XIV в. по инициативе и при финансовом содействии генуэзской администрации [Мыц, 1991а, с. 152]. Но дальнейшие археологические исследования показали, что строительная периодизация генуэзского времени существования Лусты в реальности оказалась значительно сложнее, соответствуя не только этапам экономического освоения лигурийцами побережья Готии, но и военно-политической обстановке, складывавшейся в Причерноморье в 20–70-х гг. XV в.

Площадь укрепления XV в. достигала 1,18 га. Оборонительная система состояла из двух линий — цитадели и внешней стены, укрепленной тремя башнями с дошедшими до нас только тюркскими названиями, отразившими некоторые особенности их архитектоники и топографии: Чатал-Куле («Рогатая башня»), Орта-Куле («Средняя») и Ашага-Куле («Нижняя») (рис. 171). Стены располагались по всему периметру. В плане крепость представляла собой четырехугольник неправильной формы (рис. 172). С севера линию оборонительной стены замыкала шестигранная башня Чатал-Куле. Её размеры определяются пока примерно по выступающему на поверхности фрагменту основания южной стены — 12×12 м. Она

завершалась зубчатым парапетом на навесных кронштейнах с машикулями, отчего и получила у местного населения своё название — «Рогатая».

П. И. Кёппен писал, что в 1830 г. эта башня обвалилась до половины [Кёппен, 1837, с. 158]. Д. М. Струков, посетивший Алушту осенью 1872 г., отмечает, что Чатал-Куле разобрали в прошлом 1871 г., поэтому он смог сделать зарисовки только двух сохранившихся башен — Орта-Куле и Ашага-Куле [Струков, 1872, л. 12, 32]. Южный фланг обороны замыкает круглая башня (её западную стену разрушили в начале XIX в.) (рис. 173). В центре северо-восточной линии обороны располагается прямоугольная башня, размеры которой до начала раскопок определялись по внешнему периметру в пределах 12×12,5 м [Мыц, 1991а, с. 152]. На поверхности выступал только восточный угол строения высотой около 8 м. Протяжённость западной линии обороны — 135 м, южной — 125 м, северо-восточной — 150 м. Расстояние между башнями составляет 75–77 м. Наибольшие размеры цитадели 67×50 м, а всей крепости (включая внешнюю линию обороны) — 135×125 м. В ходе раскопок 1984–1995 гг. частично исследовались участки оборонительных стен цитадели, восстановленные в первой четверти XV в.: западная куртина, фрагменты куртин между Чатал-Куле и Орта-Куле, Ашага-Куле и Орта-Куле [Адаксина, Кирилло, Лысенко и др., 1994, с. 10–15; Мыц, 2002, с. 139–189].

В ходе работ получены уникальные археологические материалы, позволяющие судить не только о строительно-конструктивных особенностях башен, но и о культурных напластованиях, образовавшихся на этих участках более чем за пять столетий (XV–XX вв.). Данные результаты важны ещё и тем, что все ранее предпринимавшиеся попытки изучить генуэзские фортификационные сооружения такого типа давали ничтожно мало археологического материала, и при этом он был либо слабо увязан со стратиграфией памятника XIV–XV вв. ввиду поздних перестроек, ремонтов и перекопов (например, раскопки башни св. Константина, проводившиеся Е. А. Айбабиной в 1982–1983 гг. в Каффе [Айбабина, 1988, с. 76–80, рис. 10]), либо вообще лишён её.

Наиболее значительные по объёму материалы происходят из башни Орта-Куле, занимавшей центральное место в северо-восточной линии обороны генуэзской Лусты (рис. 172: 3; 174).

Орта-Куле в плане прямоугольная, с лёгким сужением в напольную сторону (рис. 174; 175). Её ширина — 10,60–11,25 м. Длина строения — 11,0 м. За линию крепостной стены выступает на 9,60 м. Внутреннее пространство имеет близкую к прямоугольнику форму размером 5,28–4,95×7,05–7,20 м. Толщина стен: северо-западной (кл. 372) — 3,0 м; северо-восточной (кл. 373) — 2,85 м; юго-восточной (кл. 374) — 2,95 м; юго-западной (кл. 371) — 0,98–1,10 м (расширяется к юго-востоку). Сохранность открытых стен различна и составляет в высоту от 1,75 до 10 м.

есных
ила у
гая».
обва-
Стру-
меча-
871 г.,
о двух
шага-
боро-
стену
ентре
аётся
до на-
пери-
52]. На
и угол
сть за-
125 м,
между
разме-
лючая
В ходе
зались
оста-
адная
Куле и
ина, Ки-
-189].
ологи-
только
ях ба-
азовав-
олетий
и тем,
ки изу-
ужения
ическо-
увязан
у позд-
ример,
вшиися
йбабина,

атериа-
лавшей
линии
1).
лёгким
4; 175).
ения —
пает на
изкую к
5x7,05-
372) —
м; юго-
ной (кл.
остоку).
оставля-

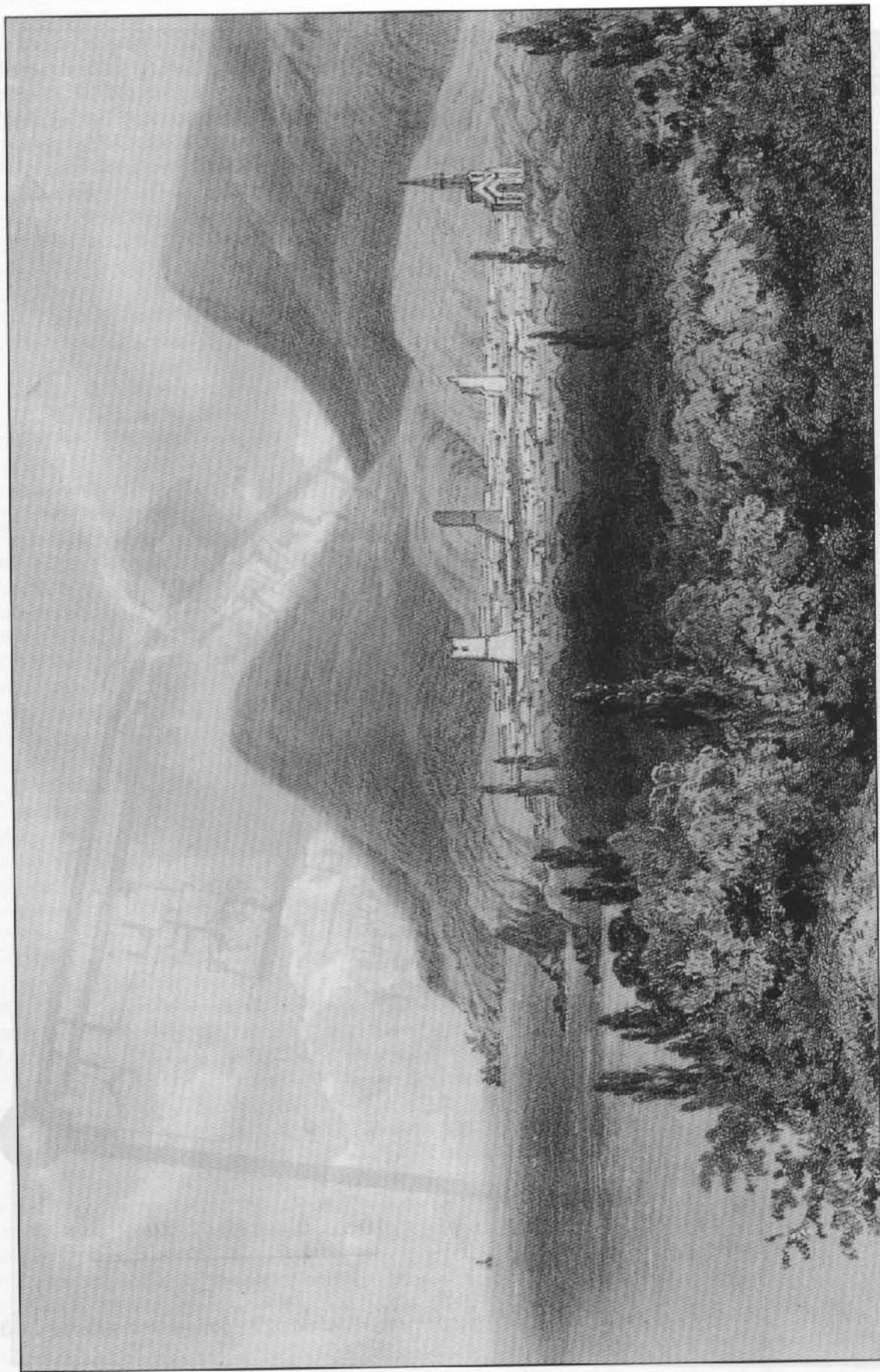


Рис. 171. В. Руссен. Замок Алустан (Алушта). Литография 1843 – 1849 гг. (?) (по М.М. Мальсеной [2006, № 302])

ния названа Алушта — «Ольховая», предположи-
ной Е. Нойманом.

В литературе по истории средневекового Кры-

завершалась тубчатым параллелем на навесных
кронштейнах с машикулями, отчего и получила у
местного населения своё название — «Рогатая».

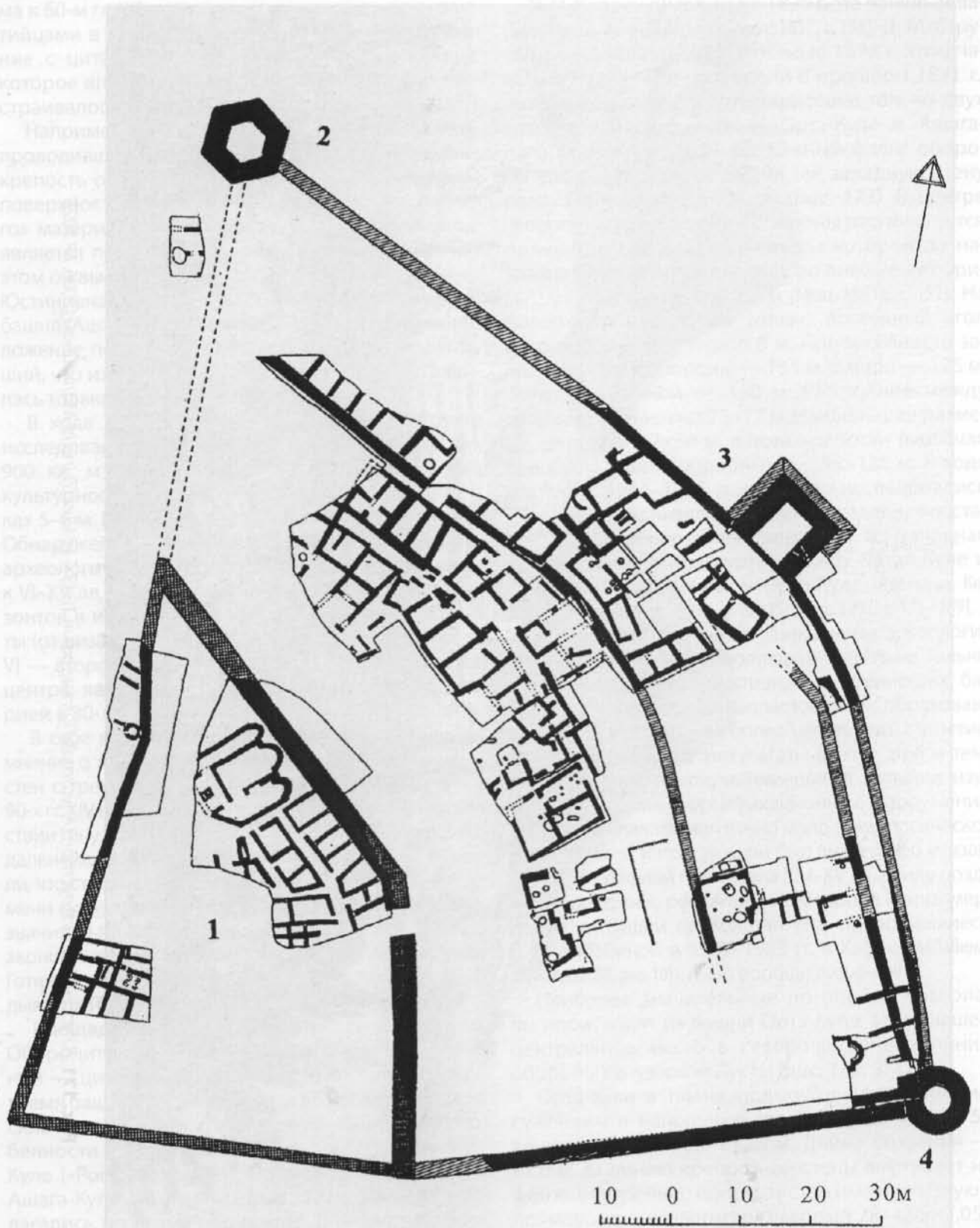


Рис. 172. План крепости Алустан VI—XV вв.: 1 — башня Чатал-Куле («Рогатая»); 2 — башня Орта-Куле («Сред-
няя»); 3 — башня Ашага-Куле («Нижняя»); 4 — цитадель

верно по выступавшему на поверхности фунда-
менту основания южной стены — 12х12 м. Она

сохранность открытых стен различна и оставле-
на в высоту от 1,75 до 10 м.

Башня была многоярусной. Судя по незначи-
 тельной толщине стены, обращенной вовнутрь
 крепости, замкнутое пространство имел толь-
 ко один этаж. Все последующие с высь по-

ой тыльной стороны крепостные стены выступа-
 ют вовнутрь на 0,30–0,40 м. Чем это вызвано, не-
 известно. Но подробная раскреповка могла быть
 определена по былым местам устройства над вну-

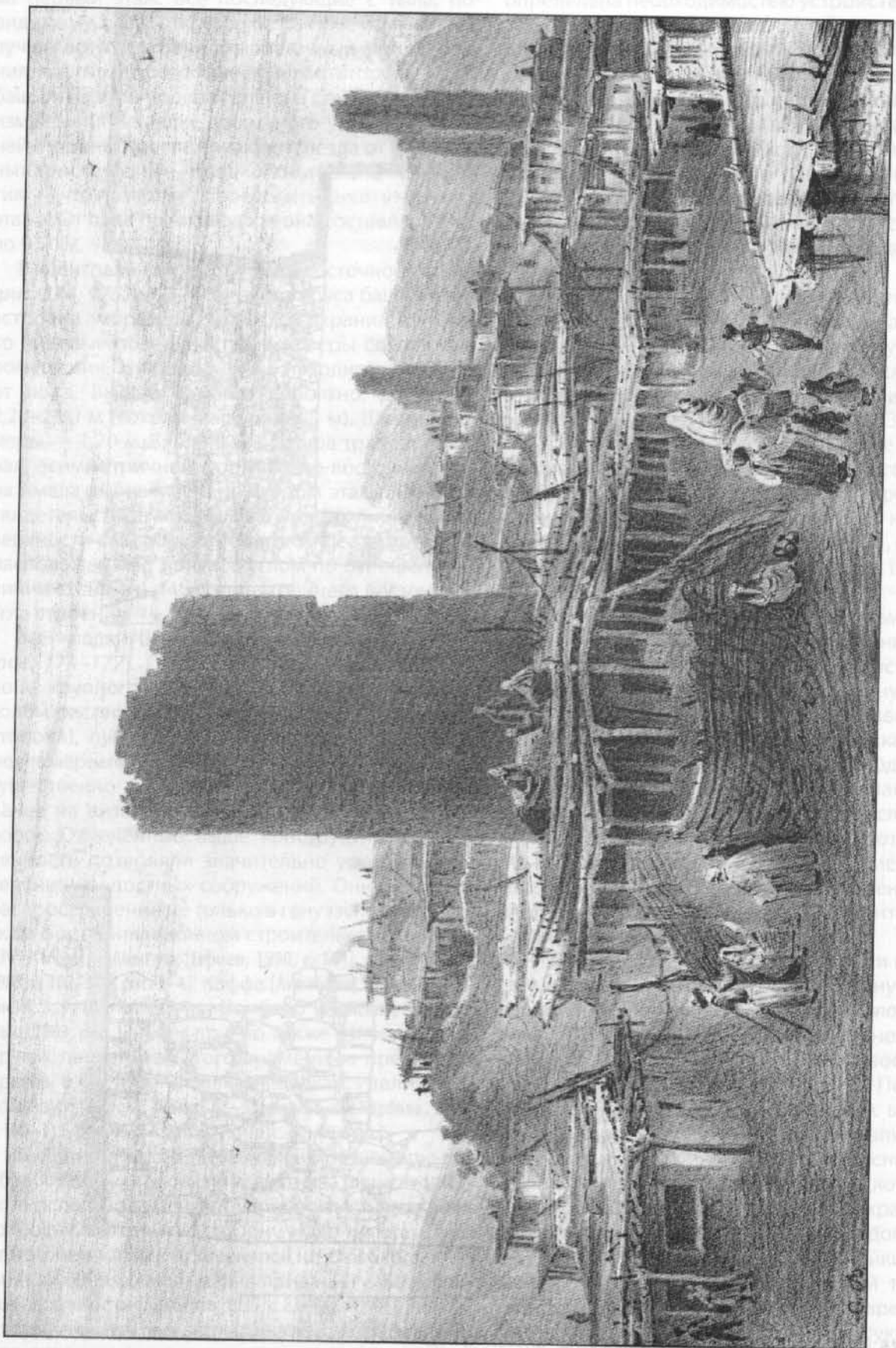


Рис. 173 К. Боссоли. Алушита. Литтография 1842 г. (по М. Мальгиной [2006, № 302])

под острым углом: северо-западной (юг-370) —
 85°; юго-восточная (юг-375) — 80° (рис. 174). От

этого места представлял большей частью разроз-

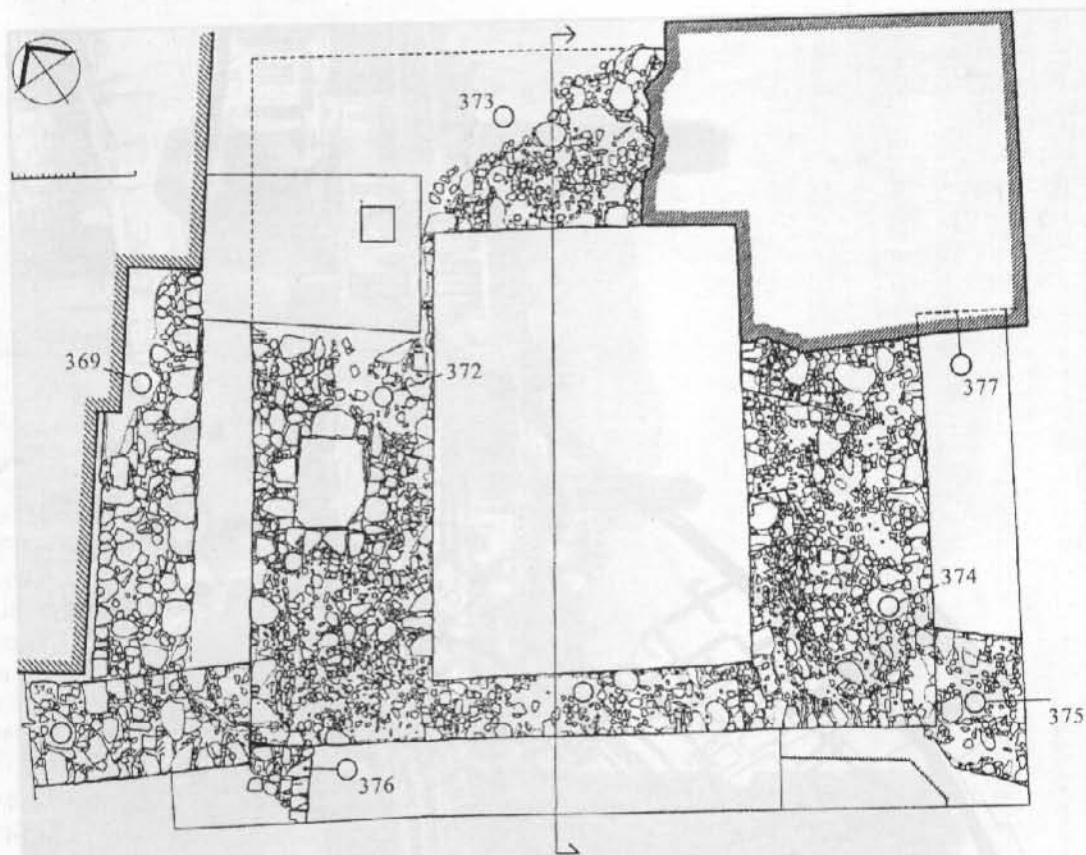


Рис. 174. Башня Орта-Куле генуэзской Лусты (60-е гг. XV в.). План

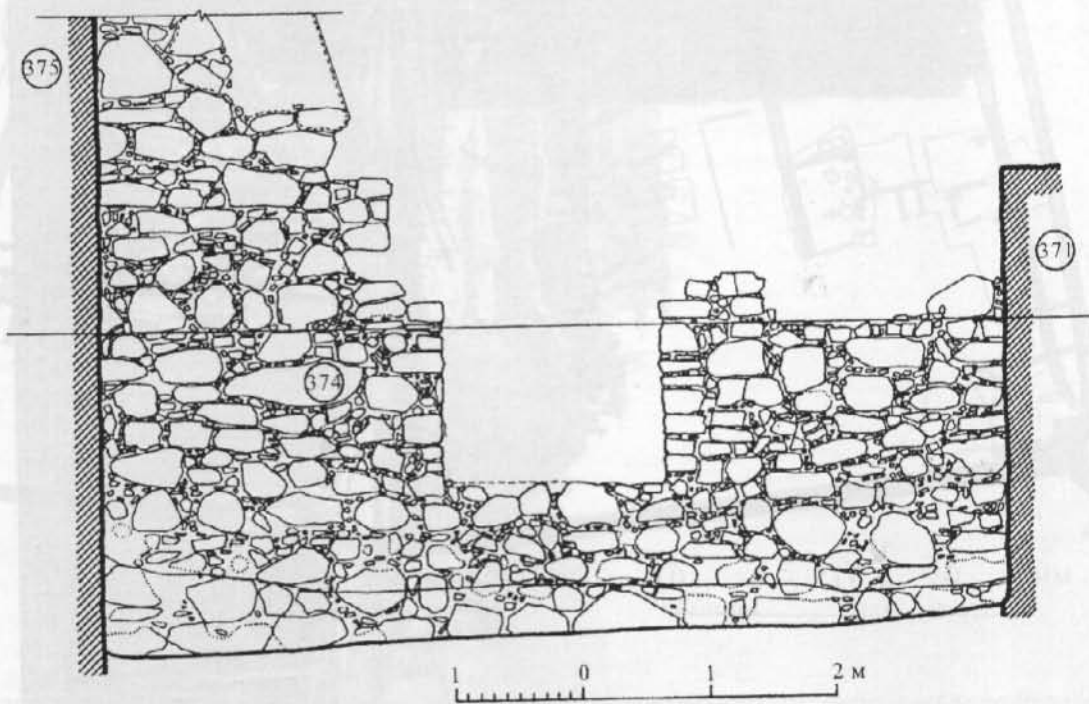


Рис. 175. Юго-восточная стена башни Орта-Куле с амбразурой подножного боя. Вид изнутри и северо-запада

Башня была многоярусной. Судя по незначительной толщине стены, обращённой вовнутрь крепости, замкнутое пространство имел только первый этаж. Все последующие с тыла, по видимому, были открытыми. Как уже отмечалось, лучше всего сохранился восточный угол строения, часть которого принадлежит второму ярусу башни. На этом уровне толщина стен остаётся без изменений. В кладке восточного угла с внутренней стороны прослеживаются гнёзда от деревянных конструкций — предположительно перекрытия, — что позволяет определить высоту нижнего этажа. От пола до низа балок она составляла около 9,50 м.

В центральной части юго-восточной стены (рис. 174; 175: кл. 374) первого яруса башни была устроена амбразура. Частично сохранились только лицевые поверхности её камеры со стороны помещения. Низ амбразуры находится в 0,80 м от пола. Высота камеры, вероятно, достигала 2,20–2,30 м (сохранилась на 1,25 м). Ширина камеры — 1,70 м. В плане амбразура трапециевидная, асимметричной формы. Юго-восточная стена имела амбразуру и на втором этаже. Об этом свидетельствует небольшой участок лицевой поверхности северо-восточного откоса камеры. Он расположен под прямым углом по отношению к линии стены в 1,44 м от внутреннего восточного угла строения.

Все кладки башни перевязаны между собой (рис. 174–177). Стены сложены преимущественно из крупного необработанного бута на известковом растворе (иногда слегка околота лицевая сторона), пустоты между которыми зачеканены мелкомерным камнем. Данный способ кладки существенно отличался от использовавшегося ранее на византийских и хазарских стенах крепости. Отмеченные выше конструктивные особенности позволяли значительно ускорить возведение крепостных сооружений. Они получили распространение не только в генуэзском и греческом фортификационном строительстве Таврики XIV–XV вв. (Мангуп [Герцен, 1990, с. 141], Фуна [Мыц, 1988, с. 102–104, рис. 3–4], Каффа [Айбабина, 1988, с. 68–79, рис. 4, 8, 9, 10], Каламита, Чембало [Адаксина, Кирилло, Мыц, 2003, рис. 12–14] и др.), но также известны и на других памятниках этого времени за пределами Крыма, в частности, Кавказа, Балкан, Италии, Малой Азии [Дероко, 1950, с. 38–55, рис. 21–42; Харбова, 1981, с. 110–111, рис. 45, б–е; Мыц, 1991а, с. 62–63 и др.].

Внешние углы башни выложены разномерными обработанными блоками известняка (явно вторичного использования), поочередно выступающими то в одну, то в другую сторону. Надо полагать, что этот приём кладки применялся не столько в эстетических целях, сколько для придания углам большей прочности [Альберти, 1935, с. 83–84].

Куртины примыкают к башне без перевязки, под острым углом: северо-западная (кл. 370) — 83°; юго-восточная (кл. 375) — 80° (рис. 174). От

её тыльной стороны крепостные стены выступают вовнутрь на 0,30–0,40 м. Чем это вызвано, неизвестно. Но подобная раскреповка могла быть определена необходимостью устройства над внутренней стеной башни (кл. 371) боевого хода достаточной ширины, который, исходя из разности толщины стен, составлял около 1,25–1,50 м. Следовательно, толщина парапета и мерлонов, по всей видимости, достигала 0,50–0,60 м (в среднем 0,58 м). Уровень боевого хода стен совпадал со вторым этажом башни (т. е. находился на высоте 9,50 м от дневной поверхности). При условии, что парапет и мерлоны обычно на генуэзских укреплениях достигают 1,80–2,00 м, то общая высота куртин составляла примерно 11,50 м.

Ранее отмечалось, что восточный угол башни с внешней стороны укреплен реставрационным контрфорсом (рис. 174). Он заполняет утраты лицевых участков стены, а сохранившимся кладкам создаёт опору в виде талуса. Первая из известных реставрация строения относится к 1833 г. [Кеппен, 1837, с. 154–156; Фирсов, 1990, с. 70]. Но уже в 1897 г. Таврической ученой архивной комиссией был возбужден вопрос о сохранении «угрожающих падением башен в Алуште», на что из казны выделяется 800 руб. [ИТУАК, 1899, с. 115; 1901, с. 70]. Ещё один ремонт памятника произведен в 1911 г. [Артемов, 1985, с. 273].

Под реставрационным контрфорсом раскопками открыты остатки фортификационного сооружения, изначально связанного с конструкцией башни и представляющего собой монументальную кладку из бутового камня на известковом растворе (рис. 174: кл. 377). Постройка примыкает к юго-восточной стене башни под прямым углом и перевязана с ней. Сохранившаяся часть кладки достигает в высоту 1,60 м и прослеживается на участке раскопок длиной 1,40 м, от куртины (кл. 375) отстоит на 5,11 м. Назначение данного сооружения окончательно не определено, но оно вполне могло являться угловым контрфорсом башни или основанием талуса.

Результаты исследования позволили получить детальную стратиграфическую картину на всей площади раскопок. Сверху залегал слой современной застройки. Его толщина в среднем составляла 0,50–1,20 м, увеличиваясь к юго-восточному краю раскопа до 2,80 м (рис. 178; 179). Последнее вызвано резким падением рельефа к востоку и возведением у основания башни капитальных каменных современных строений. Основу слоя составлял мощный каменный завал, в котором на глубине от 0,80 до 1,30 м залежали сохранившиеся кладки стен генуэзской башни. Его дополнением служили разной толщины прослойки светлой рыхлой супеси с известковой крошкой, глинистого грунта с включениями современного бытового мусора, линзы глины, разрушенного известкового раствора и проч. Материал из этого слоя представлен большей частью разроз-

ненными фрагментами кухонной и столовой посуды с обширным временным диапазоном, охватывающим X–XX вв.

Прежде всего, интерес представляют индивидуальные находки, связанные как с современным периодом существования Алушты, так и явно переотложенные находки более раннего времени (рис. 180: 2–4, 7; 181: 6; 182: 4). При разборке кладки 369, в нижней части забутовки, непосредственно над слоем разрушения крепостных стен башни найден фрагмент лицевой створки бронзового литого энколпиона (рис. 180: 12). В центральной части квадрифолия располагается распятие с предстоящими, а на концах, в круглых медальонах, помещены погрудные изображения архангела и святых. Аналогичный энколпион издан А. В. Терещенко и датирован им XIII в. М. Д. Полубояринова склонна относить данный иконографический тип к XIII–XIV вв. [Полубояринова, 1978, с. 67, рис. 11,8а].

После разрушения фортификационных сооружений внутреннее пространство башни на протяжении длительного времени, судя по отдельным прослойкам, расположенным выше культурных напластований вплоть до начала раскопок, использовалось в качестве зольника. Его толщина составляет 0,70–1,70 м. Слой золы и серого рыхлого грунта заполнял не только пространство внутри башни (рис. 178), но также охватывал обширную территорию к юго-востоку и уходил за пределы раскопа (рис. 179). Его накоплению предшествовало основательное разрушение стен башни и куртин, следы которого он перекрывает. К тому же, этот процесс сопровождался дальнейшей разборкой кладок, вследствие чего отдельные зольные прослойки оказались разделены каменными завалами либо линзами деструктурированного известкового раствора.

В основании зольника выделяется мощный слой светло-серого рыхлого золистого грунта с угольками. Визуально его структура однородная и не содержит явных напластований. Это позволяет предполагать его относительную хронологическую цельность. Толщина слоя в центральной части 0,60 м, к стенам она уменьшалась до 0,05–0,10 м. Покрывая всё внутреннее пространство башни, слой уходит к юго-востоку за пределы раскопа. При его расчистке найдено 5 монет Крымского ханства XVI в.: одна Сахиб-Гирея I (1532–1550 гг.) чекана Кырк-Ера, две серебряные Девлет-Гирея (1550–1577 гг.) чекана г. Крыма и две биллоновые Мухамад-Гирея II (1577–1584 гг.) чекана Кырк-Ера (?) — все номиналом акче. Точные даты чеканки не читаются²⁸. Монеты найдены в верхней части слоя у юго-восточного борта раскопа, на участке между амбразурой и контрфорсом (талусом). Они располагались компактно в пределах указанной территории, с небольшой разницей глубины залегания (до 0,20 м).

Зольник оказался насыщенным большим количеством разнообразного керамического материала. При этом если находки в его верхних наслоениях представлены большей частью разрозненными фрагментами столовой и кухонной посуды, строительной керамики, тары с обширным временным диапазоном — от IX–X и вплоть до XVIII–XIX вв., — то ниже они обретают более чёткие хронологические рамки. Выделяется большая группа красноглиняных и светлоглиняных поливных чаш и тарелок XVI–XVII вв. Они отличаются как цветом глины, так и чрезмерной массивностью стенок, некоторой небрежностью изготовления, плохим качеством глины, в отдельных случаях отсутствием грунтовок лицевой поверхности белым ангобом. Изделия имеют два основных вида декора — орнамент наносился тонкой врезной линией с подцветкой рисунка (рис. 183: 1), либо выполнялась подглазурная роспись из чередующихся пятен (полос) зеленого и коричневого цветов (рис. 183: 2–4).

Основную часть керамического материала слоя составляют красноглиняные поливные чаши XV–XVII вв. (как фрагментированные, так и археологически целые), декорированные в технике «сграффито» с подглазурной подцветкой рисунка зелёными и коричневыми красками (окислами металлов). Изделия имеют традиционные для этого времени формы и орнаментальные мотивы (рис. 183–187) [Мыц, 2002, с. 150, рис. 12; Тесленко, Лысенко, 2004, с. 267, рис. 14]. Особый интерес представляют некоторые из них, украшенные изображением птицы на лицевой поверхности (рис. 185: 1,3,5,6; 186–187).

Несмотря на их сравнительно большое количество (найлены обломки 10 сосудов) и разнообразие, фрагментированность находок позволяет судить только об отдельных элементах рисунка. Несколько чаш этого круга, несомненно, принадлежат руке одного мастера (рис. 186–187), отличаюсь от других характером декора. Особенностью изображения является своеобразная трактовка «хохолка» как часто чередующихся коротких вертикальных чёрточек и расположенных над ними таких же горизонтальных. Им присуще также деление внешней поверхности бортика горизонтальным ребристым выступом на две орнаментальные полосы (рис. 187). Верхняя заполнена врезной сетчатой штриховкой либо лентой завитков, нижняя — рядом больших треугольников, направленных остриём вниз больших дуг, свободное пространство между которыми заполнено завитками. На основании данных признаков В. П. Кирилко удалось идентифицировать шесть работ этого мастера, из которых 5 происходят из раскопок Орта-Куле [Кирилко, 1998, с. 120–124, рис. 1; 2; 2005, с. 349–352, рис. 1–5] и одна (рис. 188) из Каффы (сосуд найден в насыпи второй четверти — конца XV в. в строении, расположенном вблизи стен цитадели с напольной стороны, между башнями «Климента VI» и Криско [Айбабина, Бочаров, 1997, рис. 11,1]).

²⁸ Определение монет выполнено С. М. Жуком.

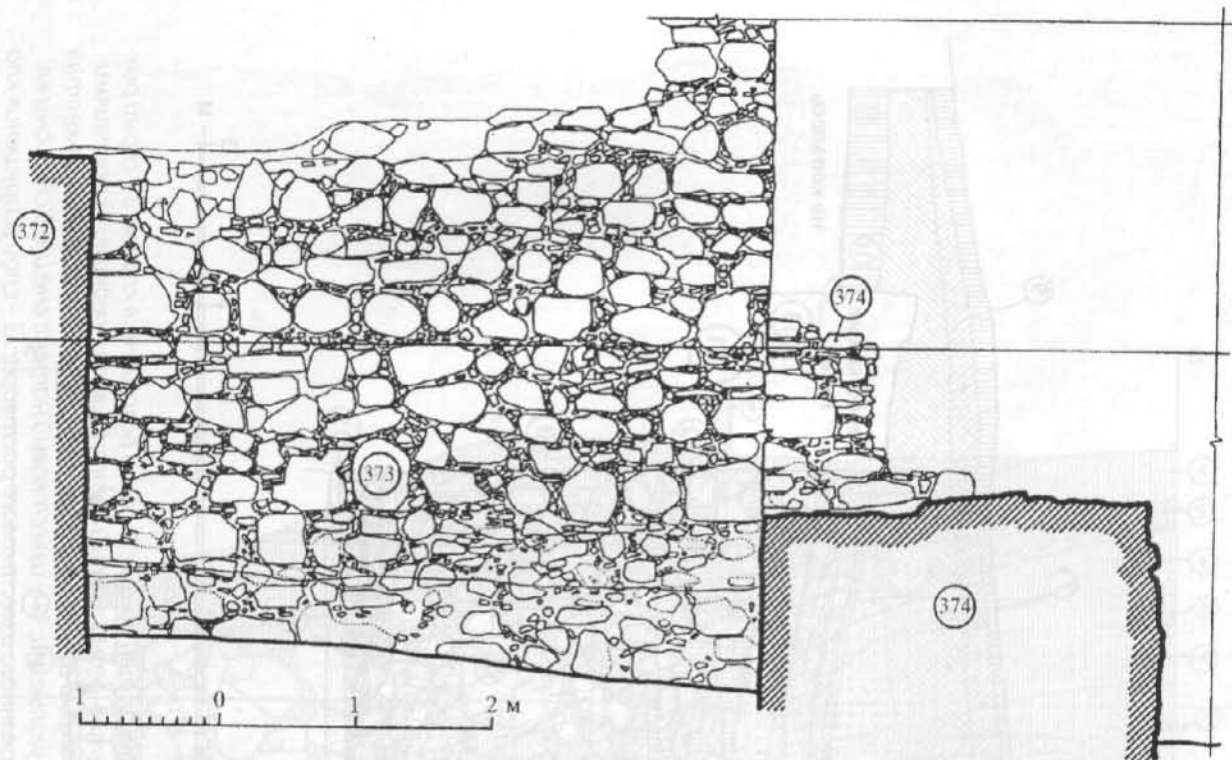


Рис. 176. Северо-восточная стена башни Орта-Куле. Вид изнутри и юго-запада

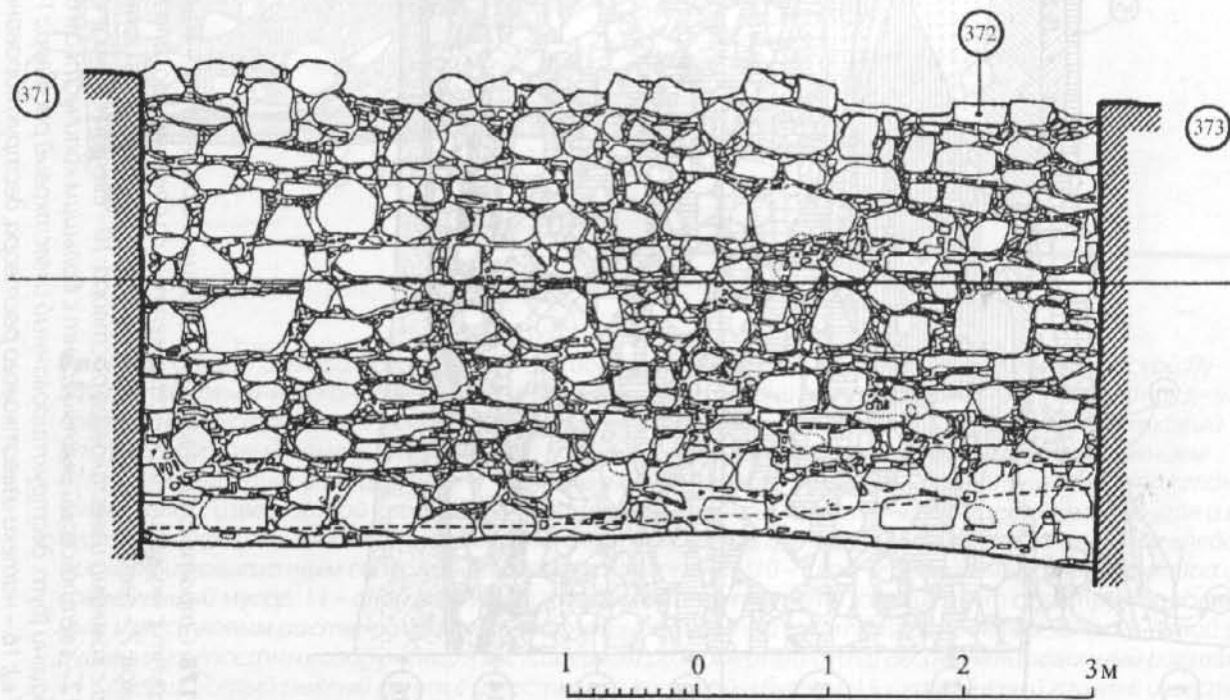


Рис. 177. Северо-западная стена башни Орта-Куле. Вид изнутри и юго-востока

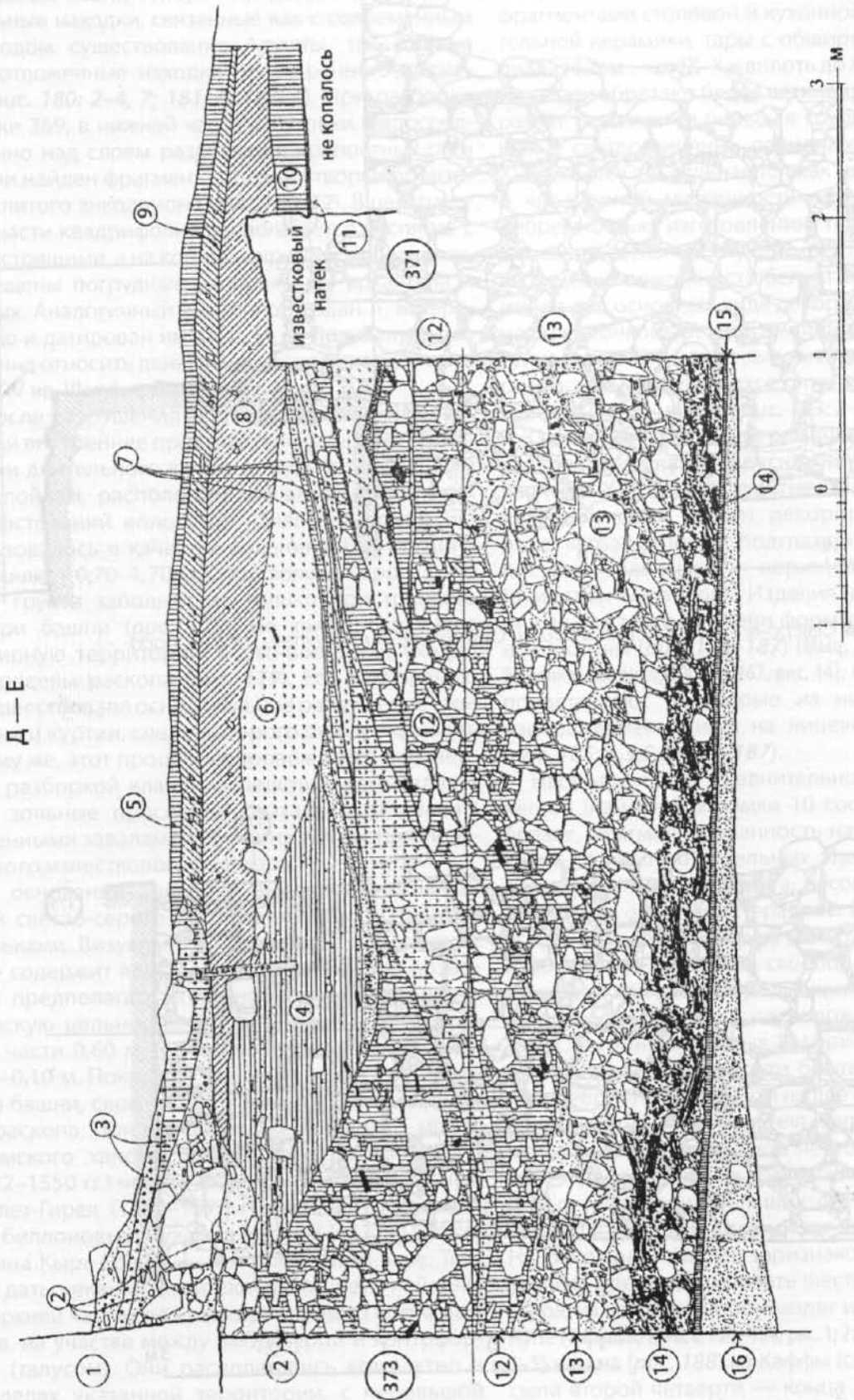


Рис. 178. Стратиграфия заполнения башни Орта-Куле: 1 – консервационная докладка стен башни; 2 – слой разрушения докладка стен башни; 3 – серый рыхлый грунт с «жужелицей»; 4 – серо-желтый со следами прокала грунт с углем; 5 – светло-серый рыхлый грунт; 6 – зола с редкими включениями угольков; 7 – светло-серый зольный грунт с прослойками золы; 8 – темно-серый рыхлый грунт с бытовым мусором; 9 – уплотненная желтая глина с комками известкового раствора; 10 – светло-серый уплотненный грунт с угольками; 11 – известковый натек с внешней стороны кл. 371; 12 – светло-серый рыхлый грунт с большим количеством известкового раствора; 13 – слой разрушения доклад башни (бут, деформированный известковый раствор); 14 – слой пожара; 15 – прокаленный известковый раствор; 16 – натек известкового раствора, деформированный известковый раствор

Д-Е

ненными фрагментами кухонной и столовой посуды с обильным временным драбандом, датируемым X-XI вв.

древние находки, среди которых преобладают керамические предметы (рис. 180: 2-4, 7-14). В частности, в слое 10 найдено надгробие в виде ступенчатого кубика с углублением в центре. Аналогичные находки в слое 11 свидетельствуют о существовании в этом месте погребения. В слое 12 найдены фрагменты керамики, в том числе обломок терракотовой статуэтки. В слое 13 найдены фрагменты керамики, в том числе обломок терракотовой статуэтки. В слое 14 найдены фрагменты керамики, в том числе обломок терракотовой статуэтки. В слое 15 найдены фрагменты керамики, в том числе обломок терракотовой статуэтки. В слое 16 найдены фрагменты керамики, в том числе обломок терракотовой статуэтки.

ной стороне, между башнями Култукта и Урта-Куле (Алтай, Горки, 1997, рис. 11, 12).

Описание монеты в журнале С. М. Жуков.

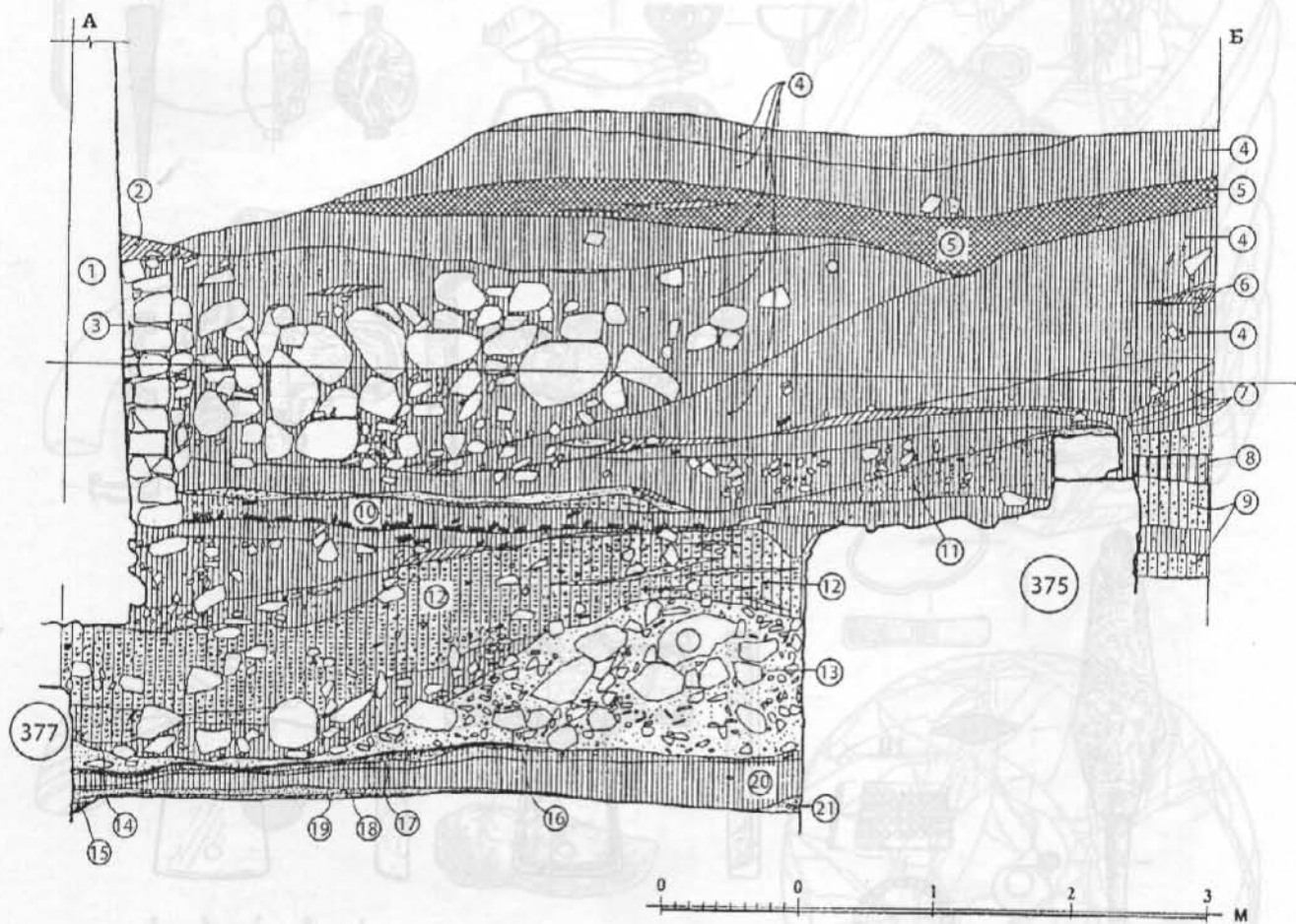


Рис. 179. Стратиграфия юго-восточного борта (А-Б) раскопа у башни Орта-Куле генуэзской Лусты: 1 – современная консервационная докладка стен башни (контрфорс); 2 – желтая глина; 3 – угол современного строения; 4 – серый рыхлый грунт, содержащий деструктурированный известковый раствор, бутовый камень, современный мусор; 5 – серый рыхлый грунт с большим наполнением делювия глинистых сланцев, щебня, современного бытового мусора; 6 – прокалённая желтая глина с углём, золой, известковой крошкой; 7 – светло-серый рыхлый грунт с небольшой примесью угля и известковой крошки; 8 – светло-серый зеленоватый рыхлый грунт; 9 – светло-серый грунт со следами прокала и повышенным содержанием продуктов горения; 10 – слой черепицы марсельского типа и современный мусор; 11 – слой разрушения современного туалета (серый грунт с деструктурированным известковым раствором); 12 – светло-серый золистый грунт с прослойками золы; 13 – слой разрушения крепостных сооружений XV в. (содержал разномерный бут и деструктурированный раствор); 14 – светло-серый рыхлый грунт с известковой крошкой и буттом; 15 – коричневый грунт с известковой крошкой; 16 – слой пожара; 17 – прокалённый грунт; 18 – известковый натек; 19 – жёлтая глина; 20 – серо-жёлтый уплотнённый грунт; 21 – известковый натек.

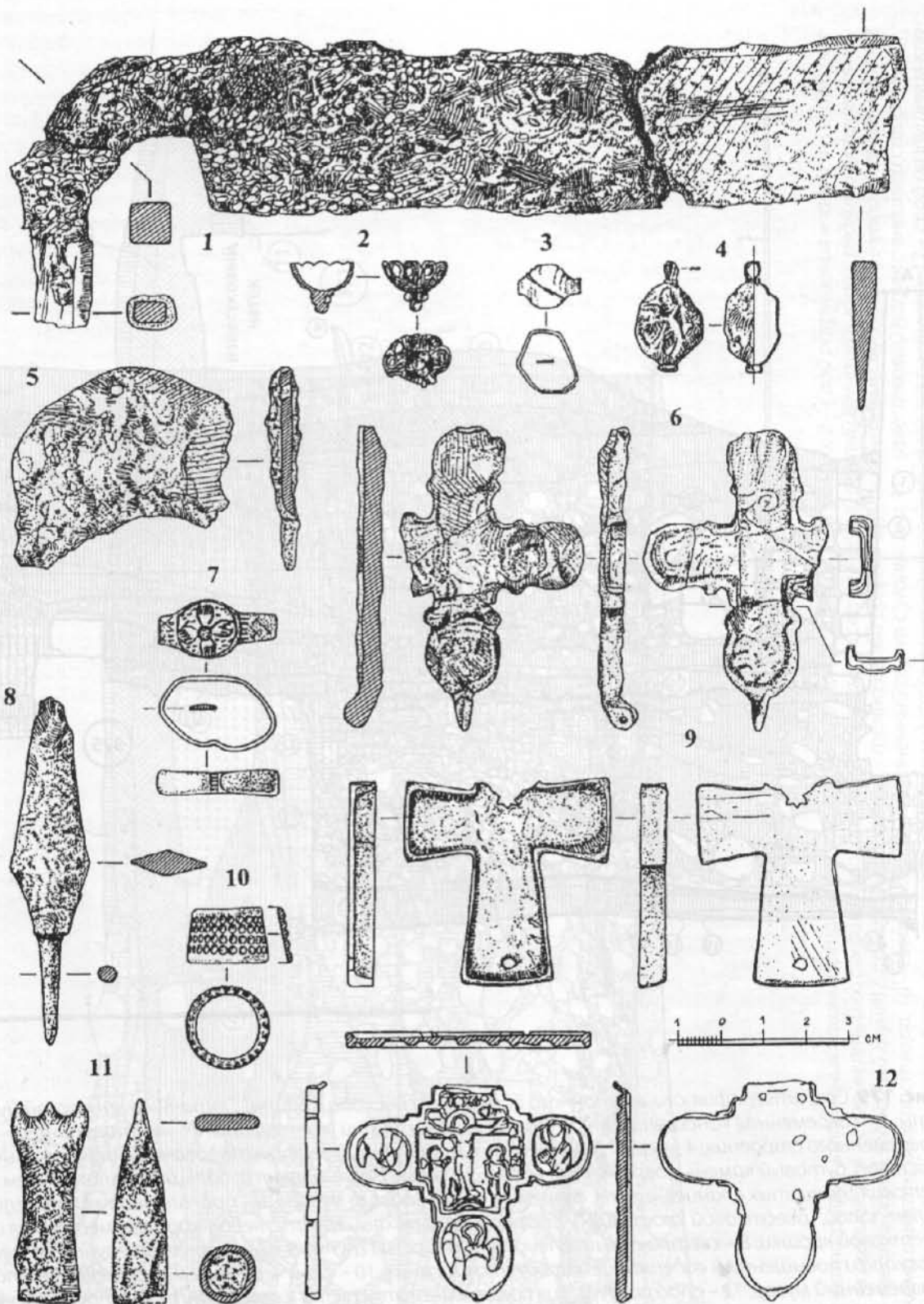


Рис. 180. Индивидуальные находки из раскопок башни Орта-Куле. Местонахождение: 1, 5, 6, 9 – слой пожара; 2, 11 – слой серого золистого грунта; 3 – глубина 1,5 м; 4 – глубина 1,8 м; 8 – глубина – 3 – 3,5 м; 10 – глубина 3 м; 12 – забутовка кладки 369. Материал: 1, 5, 8, 11 – железо; 2, 3, 7 – серебро; 4, 6, 9, 10, 12 – бронза

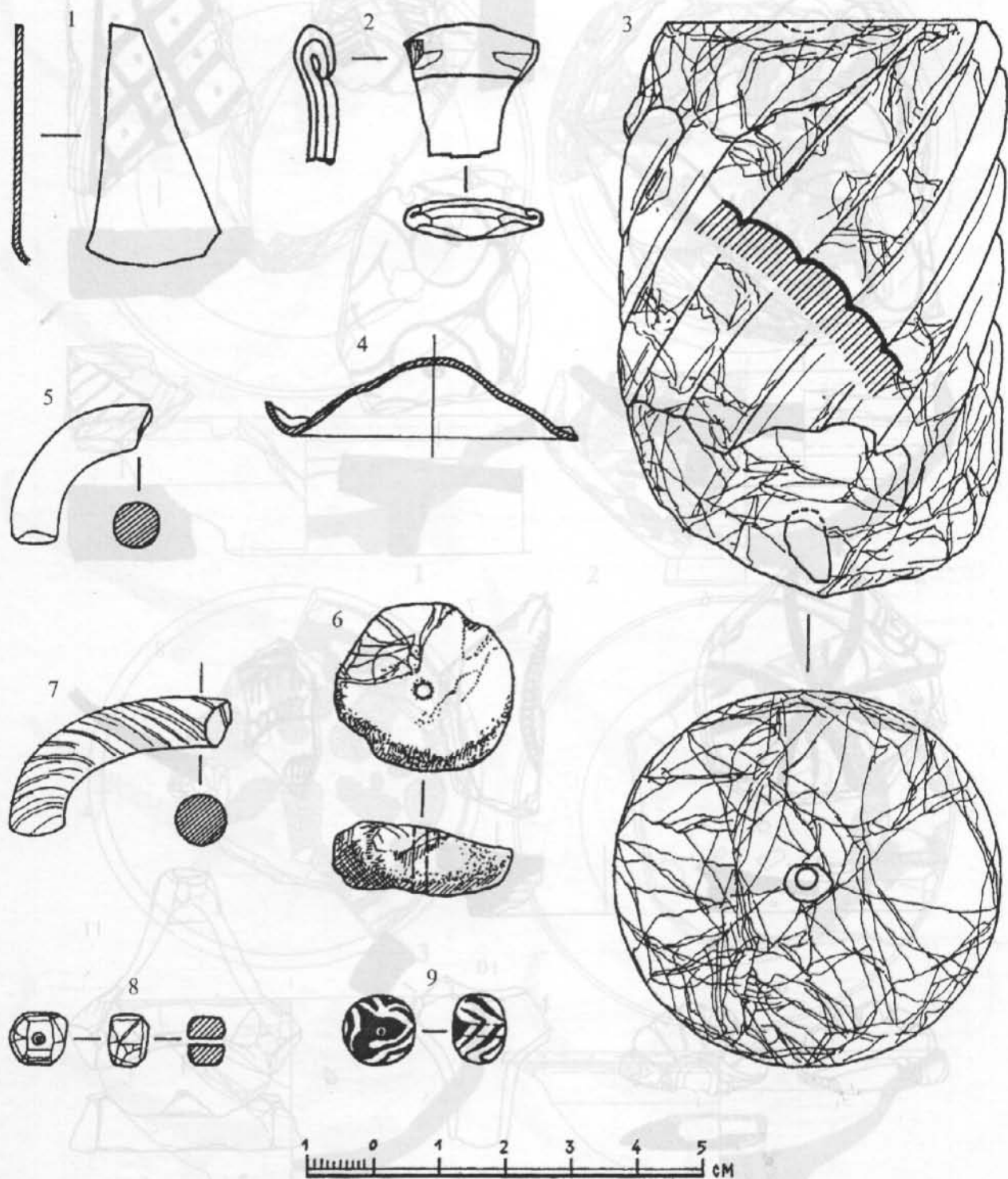


Рис. 181. Фрагменты каменных и стеклянных изделий из раскопа башни Орта-Куле. Местонахождение: 6 – слой современной застройки; 7, 8 – слой серого зольного грунта; 1, 4 – слой пожара; 2, 3 – заполнение башни, глубина 2 – 2,5 м; 5 – слой серо-зелёного грунта у кл. 371 и 375. Материал: 6 – янтарь; 3 – известняк; 8 – сердолик; 9 – паста

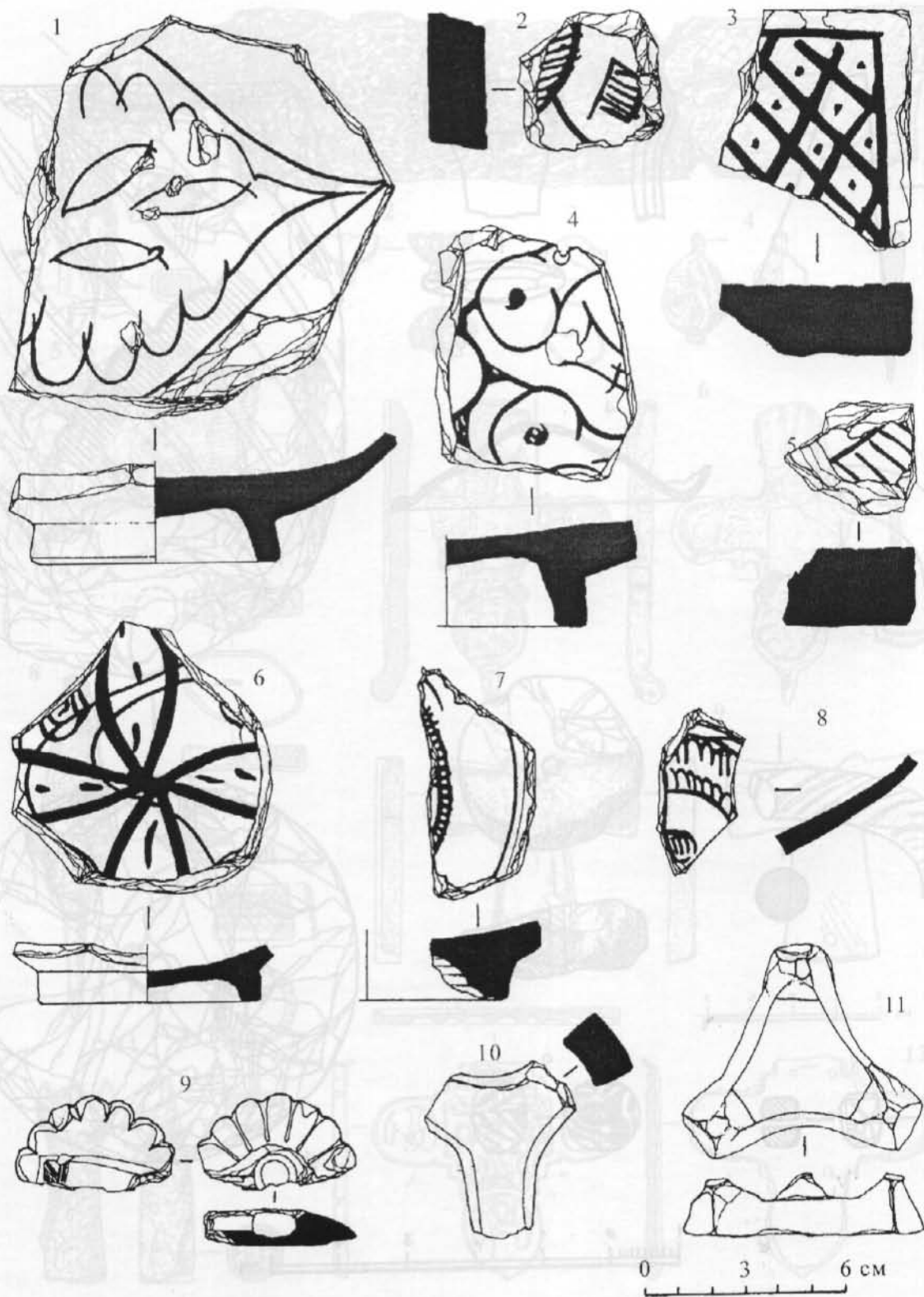


Рис. 182. Фрагменты керамических изделий из раскопа башни Орта-Куле. Местонахождение: 2, 3, 5, 7, 9 – слой современной застройки территории башни; 1, 4, 6, 11 – слой серого золистого грунта; 10 – слой известкового натека пола башни; 8 – надматериковый слой серого грунта у кл. 374 с внешней стороны строения

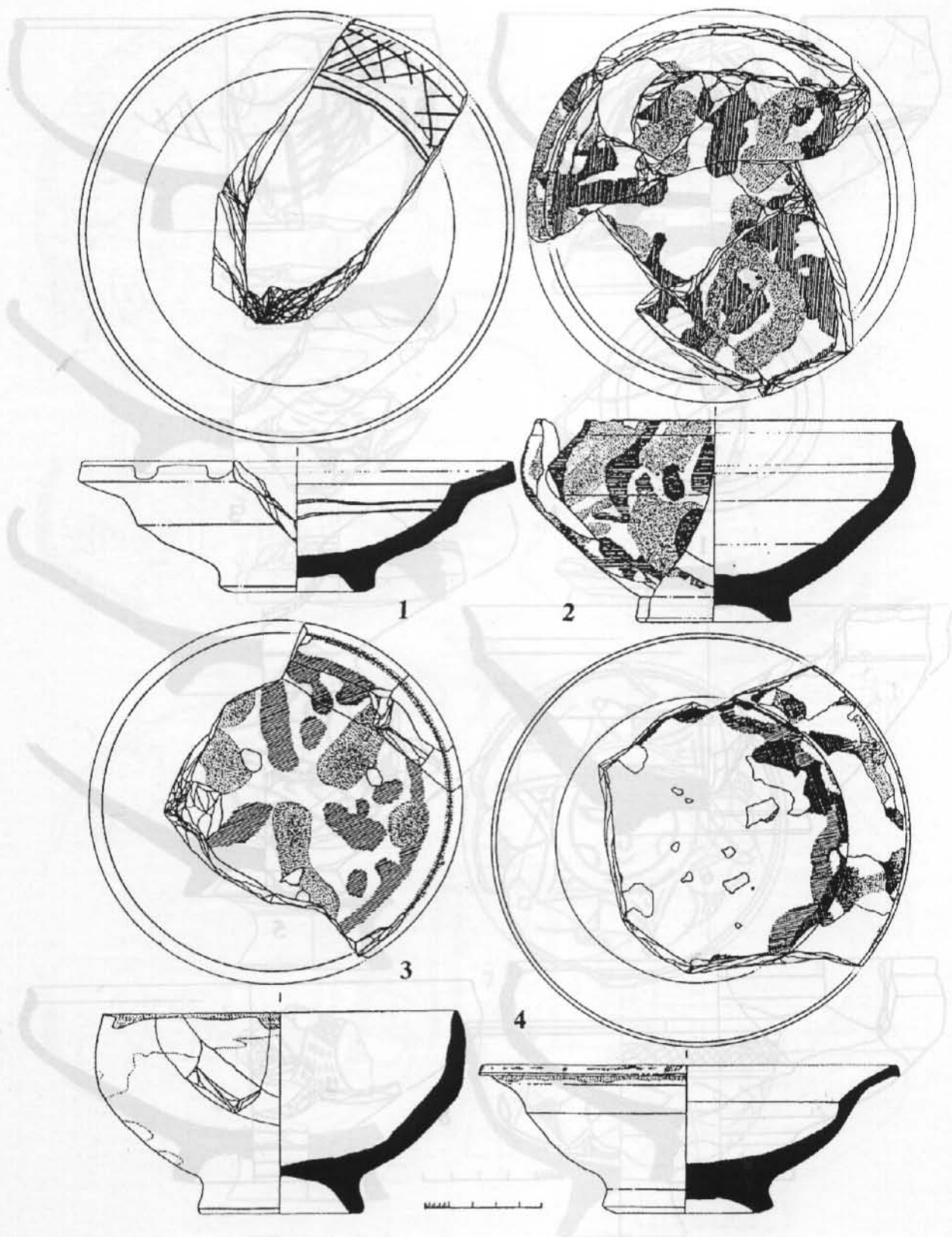


Рис. 183. Красноглиняные и светло-глиняные чаши и тарелки XVI – XVII вв. из нижнего слоя зольника османского времени существования Алушты

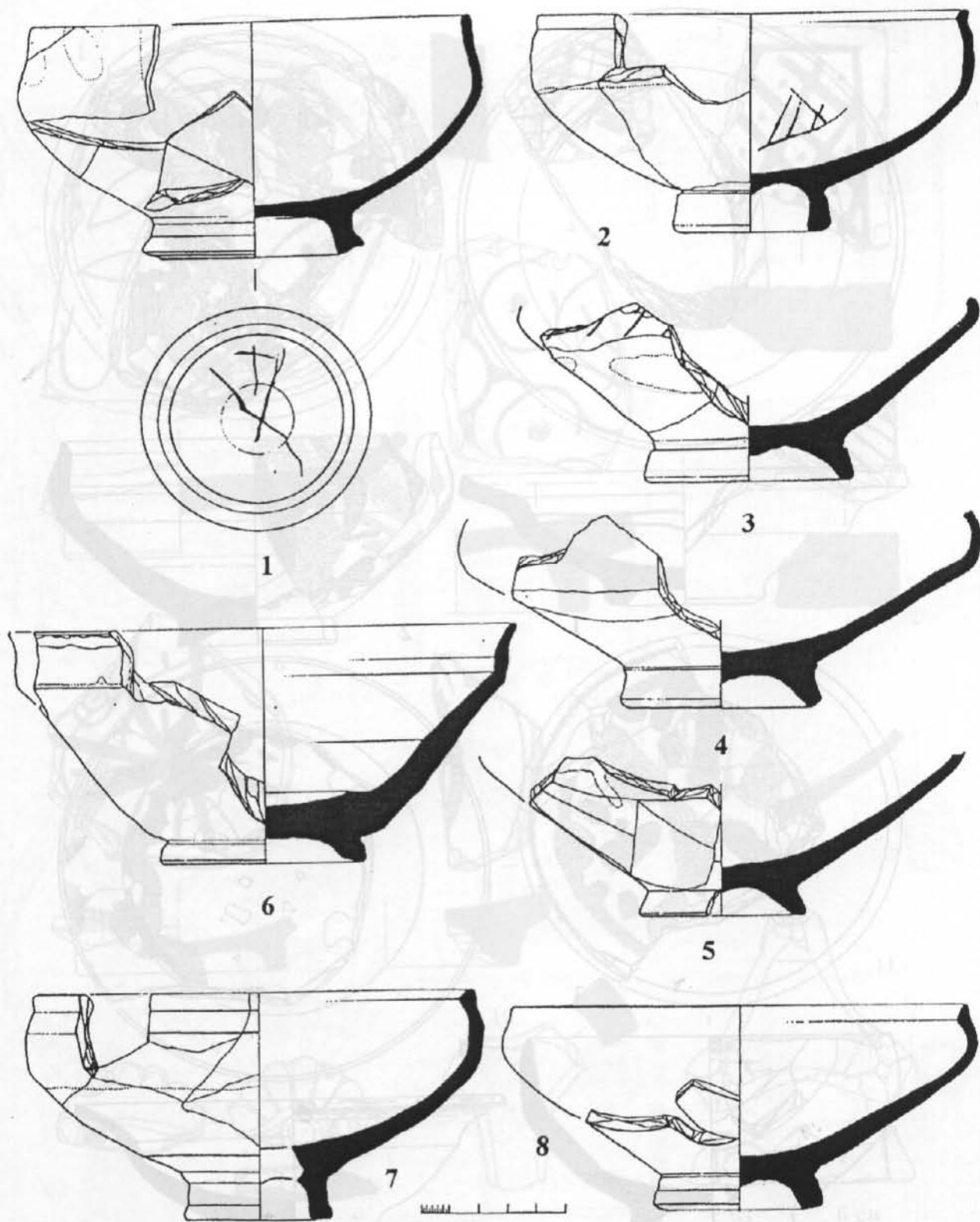


Рис. 184. Красноглиняные неорнаментированные с монохромной светло-зелёной поливой чаши из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле генуэзской Лусты



Рис. 185. Поливная красноглиняная керамика из башни Орта-Куле с сюжетными рисунками: 1, 3 – 6 – фрагментированные сосуды с изображениями птиц; 7, 7 – «солнечные лики»

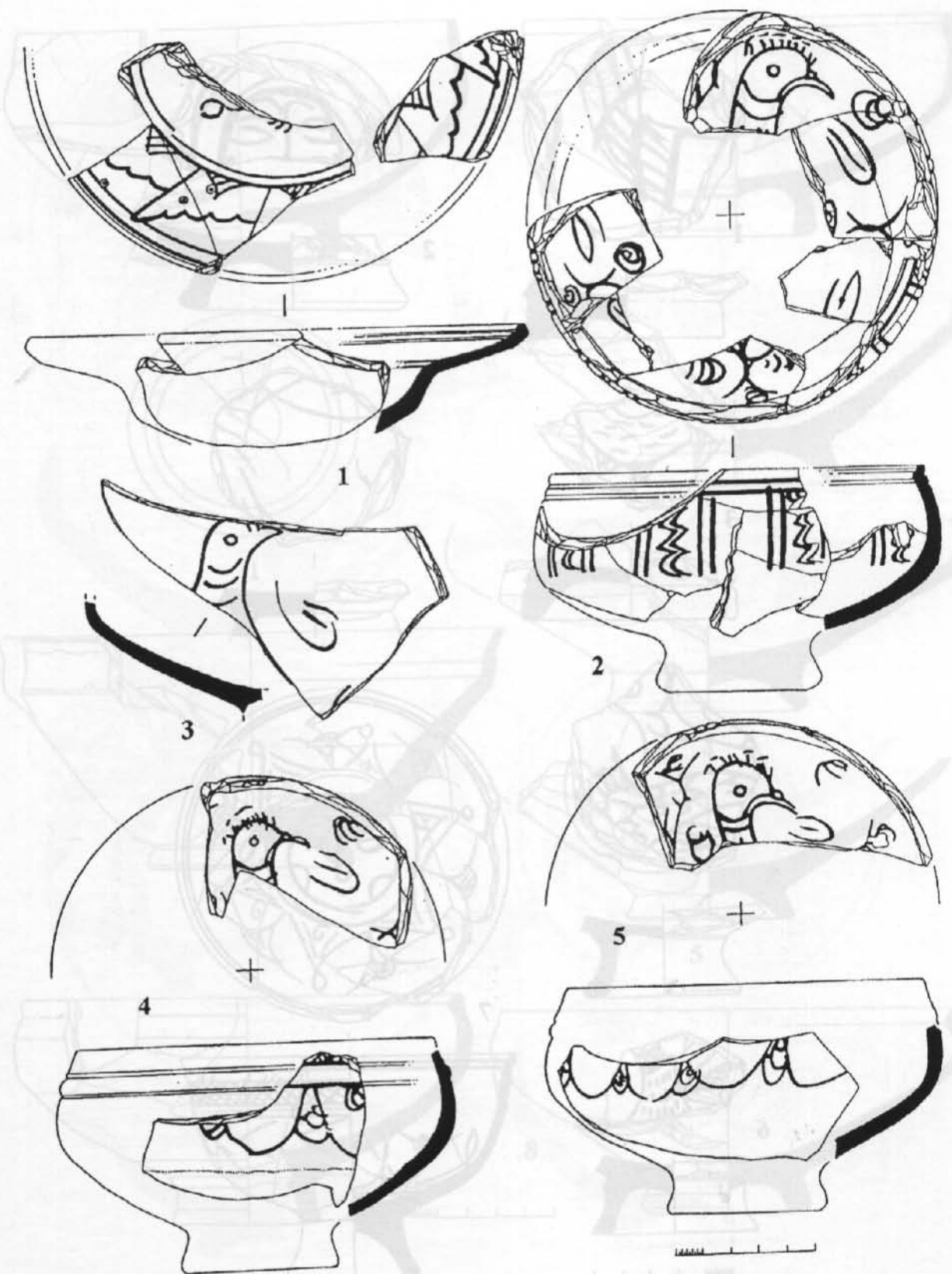


Рис. 186. Фрагменты красноглиняных поливных чаш и тарелок XV в. с изображениями птиц с «хохолками» (раскопки генуэзской Лусты)

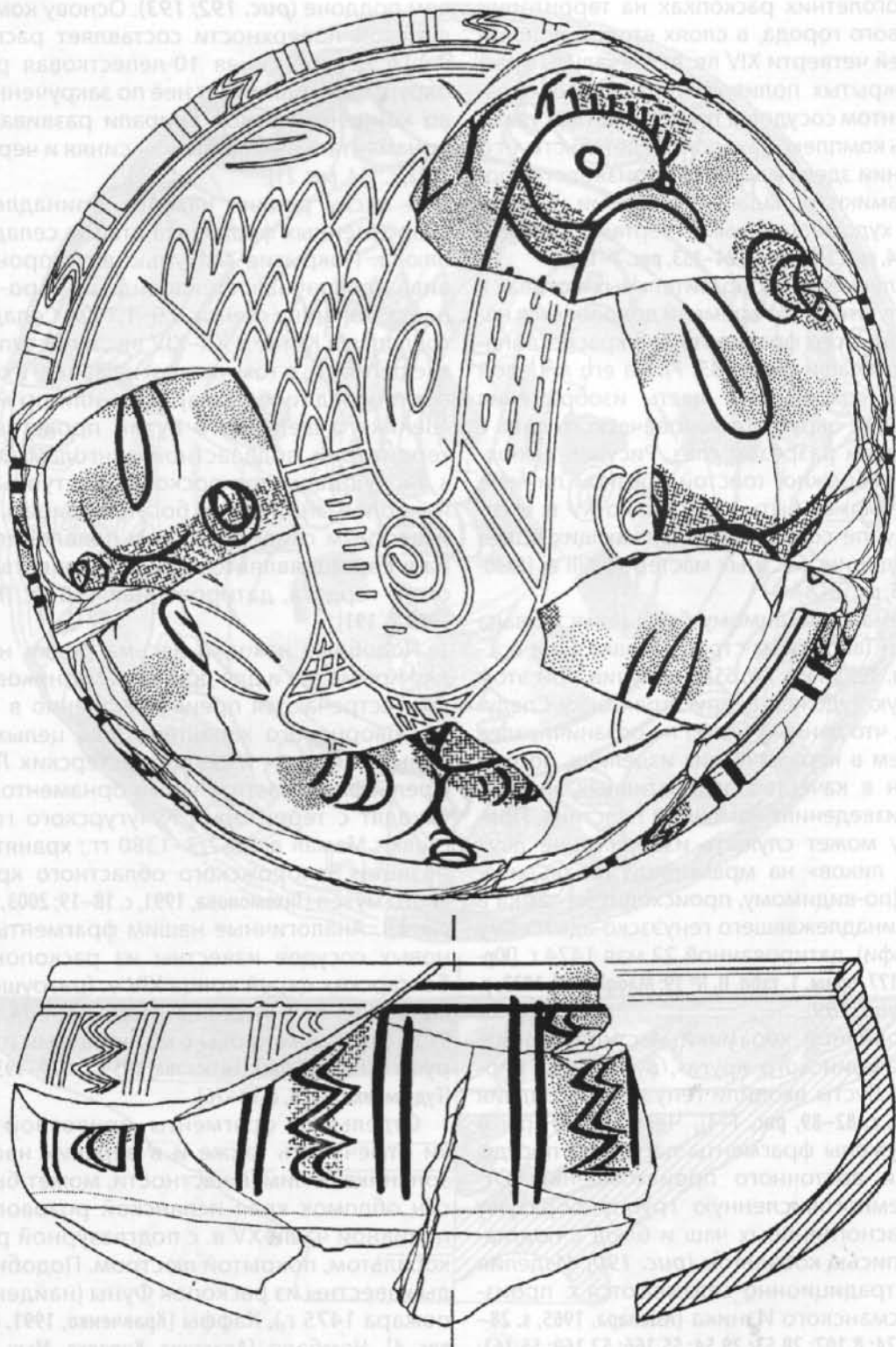


Рис. 187. Реконструкция изображения птицы на поливной чаше из башни Орта-Куле (по В.П.Кирилко [1998, рис. 1; 2005, рис. 1])

Остаётся открытым вопрос о месте производства данной группы художественных поливных изделий: Каффа или Луста? Не исключено, что мастерская находилась именно в Лусте. Дело в том, что при многолетних раскопках на территории средневекового города, в слоях второй половины — третьей четверти XIV вв. встречались фрагменты непокрытых поливой, украшенных врезным орнаментом сосудов и треножные подставки (сипаи). Весь комплекс находок свидетельствует о существовании здесь местного производства поливной керамики, обладавшего своими индивидуальными художественными чертами [Тесленко, 1998, с. 182–184, рис. 2; 2005, с. 324–333, рис. 1–15].

Представление об изобразительных мотивах в керамике Алушты этого времени дополняется находкой небольшого фрагмента дна красноглиняной поливной чаши (рис. 185: 7). На его лицевой поверхности сохранилась часть изображения «солнца» в виде округлого человеческого лица с миндалевидным разрезом глаз. Рисунок исполнен слегка небрежно, толстой врезной линией. Это изделие может быть датировано XV в. и отнесено к группе сосудов, продолжающих более раннюю традицию местных мастеров XIII в. [Якобсон, 1979, с. 135, рис. 84,3].

Данная тема, по-видимому, была заимствована керамистами Таврики из стран Закавказья и Востока [Якобсон, 1950, табл. XIV, 55а], получив при этом своеобразную художественную трактовку. Следует отметить, что данный сюжет не ограничивался воплощением в керамических изделиях, потому что отмечен в качестве декоративных элементов и в произведениях каменной пластики. Примером тому может служить изображение двух «солнечных ликов» на мраморной геральдической плите (по-видимому, происходит из замка в Матреге, принадлежавшего генуэзско-адыгскому роду Гизольфи), датированной 22 мая 1474 г. [Юргевич, 1863, с. 177, прим. 1, табл. II, № 39; Maggiorotti, 1933, p. 258, Fig. 206] (рис. 189).

Кроме поливной керамики местного производства («каффинского круга», в который кроме Каффы и Лусты входили генуэзская Солдайя [Джанов, 1998, с. 82–89, рис. 1–4], Чембало и др.), в слое обнаружены фрагменты парадной посуды западного и восточного происхождения. Отдельную немногочисленную группу образуют находки красноглиняных чаш и блюд с подглазурной росписью кобальтом (рис. 190). Изделия этого типа традиционно связываются с производством османского Изника [Aslanapa, 1965, s. 28–32; fig. 6,73; 7,74; 8,107; 28,53; 29,54; 55,166; 52,169; 55,161; 56,170; 57,162–168; 1988, p. 383–390], они известны в слоях XV вв. раскопок как Лусты (рис. 190–193), так и других памятников Таврики — Фуны, Гурзуфа, Мангупа, Баклы, Каламиты, Судака, Каффы, Чембало и др. [Якобсон, 1953, с. 402, рис. 16; Паршина, 1974, с. 76, рис. 15; Талис, 1976, с. 83, рис. 7,4–7; Баранов, 1988, с. 91, рис. 12; Мыц, 1991а, с. 101–102, рис. 42; Адаксина,

Кирилко, Мыц, 2003, рис. 93; 2004, рис. 82–84; Тесленко, 2005, с. 385–394, рис. 1–15]. При расчистке слоя найдено почти целое блюдо с широким горизонтальным бортиком на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (рис. 192; 193). Основу композиции лицевой поверхности составляет расположенная в центре синяя 10-лепестковая розетка с округлыми краями. От неё по закрученной вправо концентрической спирали развиваются две орнаментальные полосы — синяя и черная [Мыц, 2002, с. 154, рис. 21].

К числу редких находок принадлежат два разрозненных фрагмента стенок селадонового блюда. Покрытие глазурью двустороннее. Полива прозрачная, стекловидная, серо-голубого цвета. Толщина стенок 0,9–1,1 см. Селадон изготовлялся в Китае в XII–XIV вв., и поступал в другие регионы, в том числе и на Запад, в основном при посредничестве арабов, или по маршруту «Великого шелкового пути», пролежавшего по территории, подвластной монголам. Относится к числу предметов роскоши, доступных только наиболее знатным и богатым лицам. Первым известным свидетельством появления селадона в Европе является опись имущества Анжуйского герцога, датированная 1361 г. [Кверфельд, 1938, с. 191].

Подобные находки весьма редки не только для Крыма, но и для других памятников Европы. Они встречаются преимущественно в постройках дворцового характера (два целых селадонных блюда — изделия мастерских Лунцюаня с рельефным растительным орнаментом — происходят с территории Кучугурского городища, ставки Мама в 1362/3–1380 гг.; хранятся в экспозиции Запорожского областного краеведческого музея [Тихомолова, 1991, с. 18–19; 2003, с. 243–247, рис. 3]). Аналогичные нашим фрагменты селадонных сосудов известны из раскопок дворца болгарских царей конца XIV в. (разрушен турками в 1395 г.) в Тырнове [Георгиева, 1974, с. 144, рис. 95,1]. Они также сходны с материалами из Каракорума (XIII–XIV вв.) [Евтюхова, 1959, с. 179–193] и Азака [Гудыменко, 1998, с. 73–76].

Отдельные фрагменты привозной керамики отмечались также и в верхних наслоениях зольника. К ним, в частности, может быть отнесен обломок края испанской розовоглиняной поливной чаши XV в. с подглазурной росписью кобальтом, покрытой люстром. Подобные сосуды известны из раскопок Фуны (найжены в слое пожара 1475 г.), Каффы [Кравченко, 1991, с. 116–117, рис. 4], Чембало [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, рис. 84/36], Генуи, где они трактуются как испанский импорт и датируются XIV–XV вв. [Mannoni, 1975, p. 119, fig. 99,4,5,8; Pringle, 1977, p. 151–152, tabl. 26,220–223; 27,228–230]²⁹.

²⁹ Наиболее полный обзор находок испанской керамики с люстром из Крыма сделан И. Б. Тесленко [Тесленко, 2004, с. 467–494, рис. 1–4].

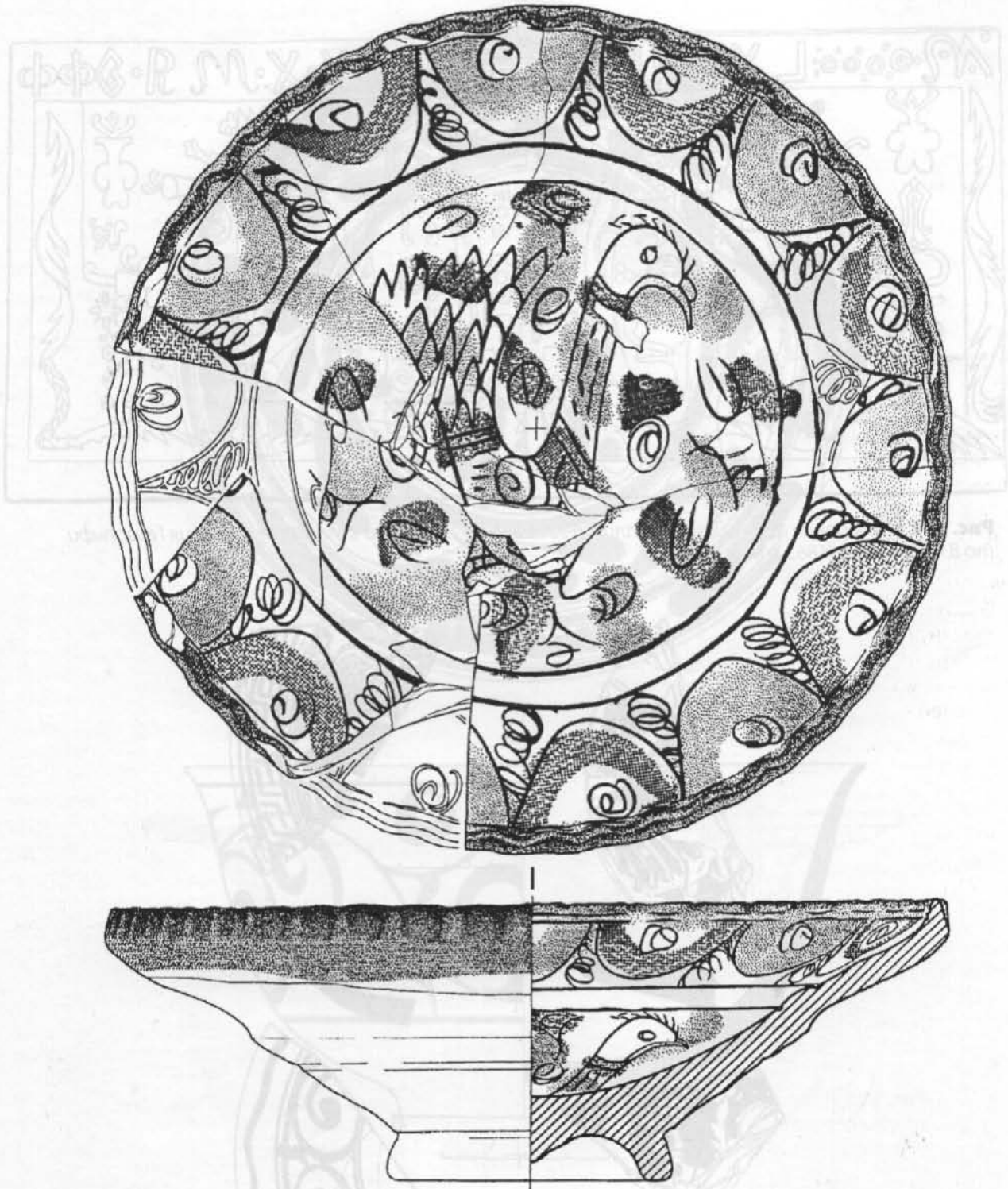


Рис. 188. Красноглиняная поливная тарелка XV в. из Каффы с изображением птицы с «хохолком»
(по Е.А.Айбабиной, С.Г.Бочарову [1997, рис. 11,1])



Рис. 191. Красноглиняная поливная пиалобразная чаша XV в. с подглазурной росписью кобальтом из раскопок цитадели генуэзской Лусты

(Фотм. А. Чекановский)



Рис. 192. Красноглиняное поливное блюдо XV в. с подглазурной росписью кобальтом из слоя серого золистого грунта башни Орта-Куле

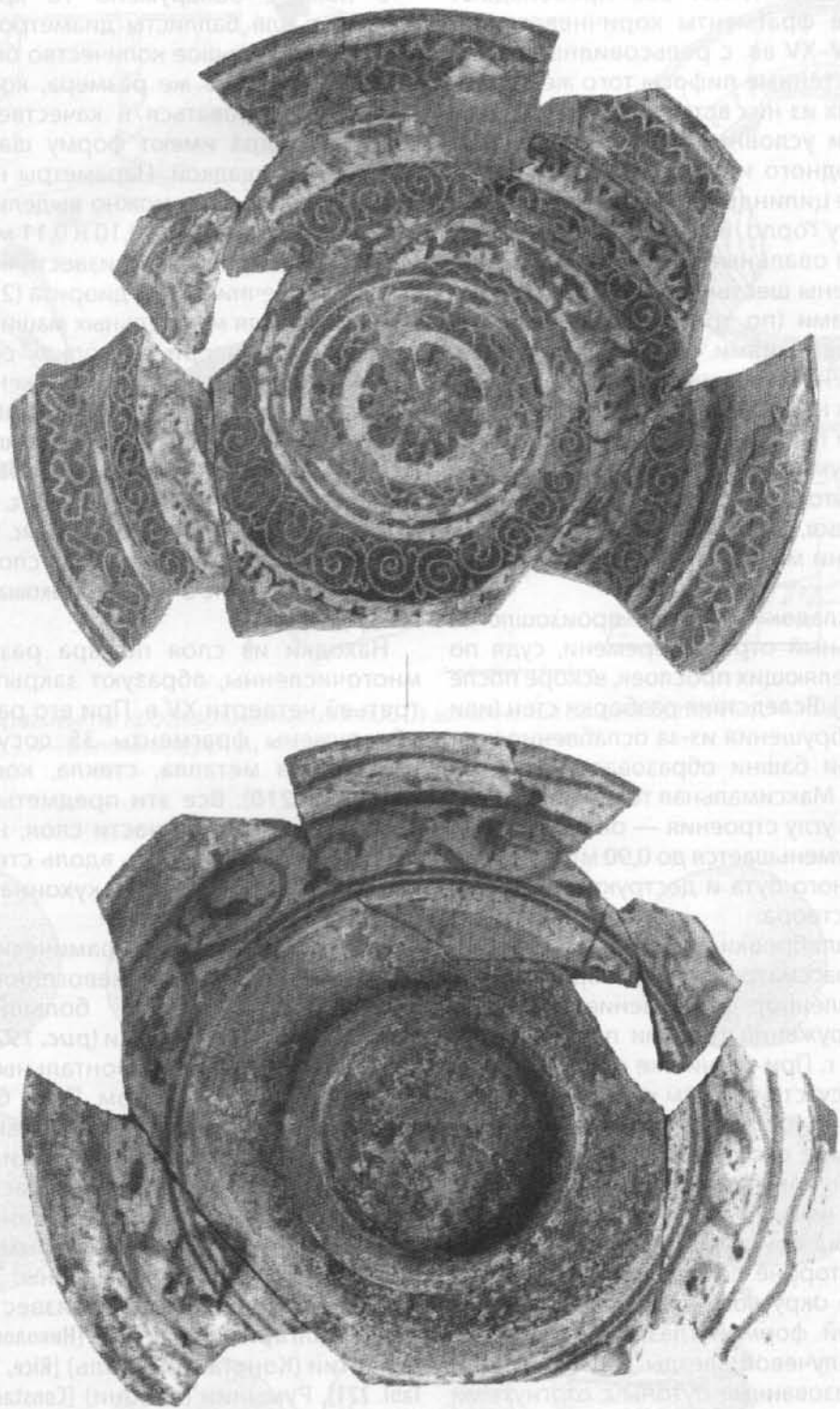


Рис. 193. Блюдо из раскопок башни Орта-Куле крепости Алустан
(Фото А.Чекановского)

Среди неполивной (кухонной) посуды и керамической тары из заполнения зольника, представленной большей частью единичными обломками изделий X–XVI вв., преобладают многочисленные фрагменты коричневоглиняных горшков XIV–XV вв. с рельсовидными венчиками и тонкостенные пифосы того же времени. На некоторых из них встречаются граффити в виде букв или условных знаков. Интересна верхняя часть одного из сосудов (рис. 194: 1). Он имеет низкое цилиндрическое, с небольшим сужением кверху горло. Венчик рельсовидный. Ручки в сечении овальные, уплощенные. Горло и корпус украшены шестью вертикальными наклепными валиками (по три между ручками) с пальцевыми вдавлениями. Подобных сосудов в Алуште не найдено, близкие аналогии на крымских памятниках неизвестны. Близкие по форме и орнаментации горшки происходят из района современной Румынии (средневековой Валахии), где они бытовали на протяжении XIV–XVI вв. [Nicolescu, Petrescu, 1974, s. 46, fig. 96]. Вероятно, к этому же времени можно отнести и находку из Алушты.

Разрушение кладок Орта-Куле произошло за непродолжительный отрезок времени, судя по отсутствию разделяющих прослоек, вскоре после пожара (рис. 178). Вследствие разборки стен (или естественного обрушения из-за ослабления конструкции) внутри башни образовался мощный каменный завал. Максимальная толщина слоя отмечена в южном углу строения — около 2,50 м (к северо-востоку уменьшается до 0,90 м). Он состоял из разномерного бута и деструктурированного известкового раствора.

Отсутствие калибровки камня в его структуре позволяет рассматривать разборку башни как целенаправленное разрушение фортификационного сооружения турками после захвата крепости в 1475 г. При расчистке слоя отмечено почти полное отсутствие в нём каких-либо предметов. Исключение составляет находка над слоем пожара (на глубине около 3 м от уровня современной дневной поверхности) археологически целой поливной чаши XV в. кубковидной формы на высоком кольцевом поддоне (рис. 185: 7). На её внутренней стороне помещено изображение «солнца» в виде округлого улыбающегося лица с миндалевидной формой глаз, располагавшегося в центре 6-лучевой звезды. Между лучами помещены стилизованные бутоны с отогнутыми листьями на длинном стебле. Здесь же найден железный листовидный наконечник стрелы XV в. (рис. 180: 11).

Слой пожара внутри башни располагался непосредственно под каменным завалом на полу помещения (его мощность 0,15–0,50 м), состоял исключительно из продуктов горения древесины, среди которых выделялись обугленные обломки отдельных дубовых балок сечением

0,15×0,25 м. Их ориентация в слое почти совпадает с продольной осью (северо-запад — юго-восток) башни.

В пожаре обнаружено 16 круглых каменных ядер для баллисты диаметром 0,05–0,11 м (рис. 195) и большое количество окатанных морских галек такого же размера, которые вполне могли использоваться в качестве метательных снарядов. Ядра имеют форму шара с плоской опорной площадкой. Параметры найденных изделий различны, но можно выделить три основных типоразмера: 0,09, 0,10 и 0,11 м. Изготовлены они из трех видов камня: известняка (9), капсельского ракушечника (5) и диорита (2).

Снаряды для метательных машин неоднократно встречались при раскопках средневековых памятников Крыма. Они обнаружены в основном в слоях пожаров XIII и XV вв. [Домбровский, 1974, с. 11; Скобелев, 1974, с. 110; Воронин, Даниленко, Кутайсов и др., 1979, с. 314; Мыц, 1987, с. 235, 241; 1988, с. 106–113; Лазаренко, 1993, с. 288–291; Карлов, 1997, с. 341–358; Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, рис. 85; 2004, рис. 98]. Несколько метательных ядер найдено и в слое разрушения башни Ашага-Куле в 1993 г. [Адаксина, Кирилко, Лысенко и др., 1994, с. 11].

Находки из слоя пожара разнообразны и многочисленны, образуют закрытый комплекс третьей четверти XV в. При его расчистке были обнаружены фрагменты 35 сосудов, а также изделия из металла, стекла, кости и дерева (рис. 196–210). Все эти предметы были сосредоточены в нижней части слоя, на полу помещения, и располагались вдоль стен. Найденная керамика двух видов — кухонная и поливная столовая посуда.

Первая группа керамических изделий представлена коричневоглиняными кувшинами сравнительно больших размеров (рис. 197: 1, 2, 4), горшками (рис. 197: 3, 5) и крышками (рис. 194: 2) с горизонтальным бортиком и полусферическим верхом. Поле бортика орнаментировано росписью белым ангобом в виде наклонённых вправо линий. Такие изделия неоднократно встречались при раскопках Алушты в слоях XIV–XV вв., Фуны, Мангупа и других средневековых памятников Крыма, которые до настоящего времени не изданы. За пределами Таврики подобные крышки известны из раскопок в Болгарии (Преслав) [Николова, 1968, с. 181], Византии (Константинополь) [Rice, 1947, p. 110–113, Tabl. 221], Румынии (Кокони) [Constantinescu, 1972, p. 123, Tabl. XXXVII, 1–4], где также датируются второй половиной — концом XIV–XV вв. С. Георгиева, опубликовавшая большую коллекцию таких изделий из дворца в Тырново (конец XIV в.), настаивает на том, что это не крышки от кухонных сосудов, а светильники. С данным утверждением трудно согласиться, потому что среди изданных ею находок есть и изделия, лишённые бортиков [Георгиева, 1974, с. 46, рис. 35–37].

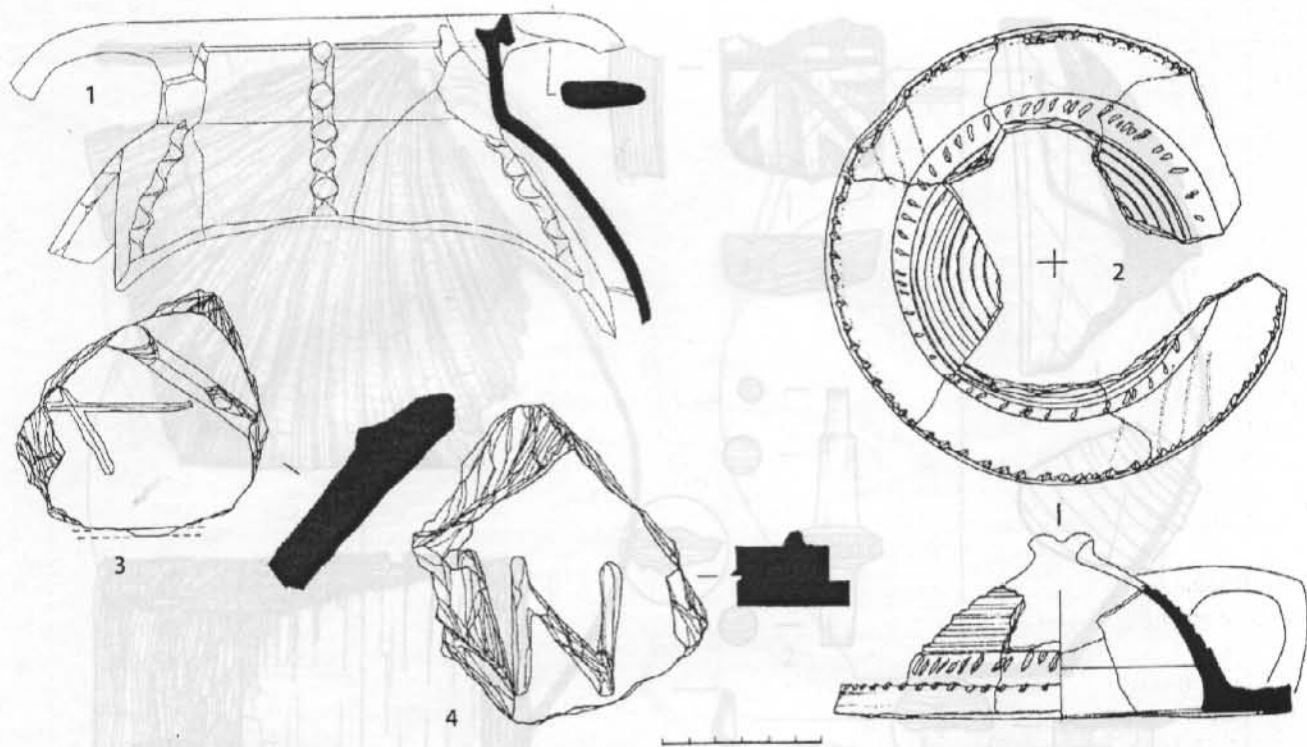


Рис. 194. Фрагменты красноглиняных изделий из заполнения башни Орта-Куле: 1 – двуручный горшок; 2 – крышка; 3, 4 – обломки черепиц-керамид с метками (X–XI вв.?)

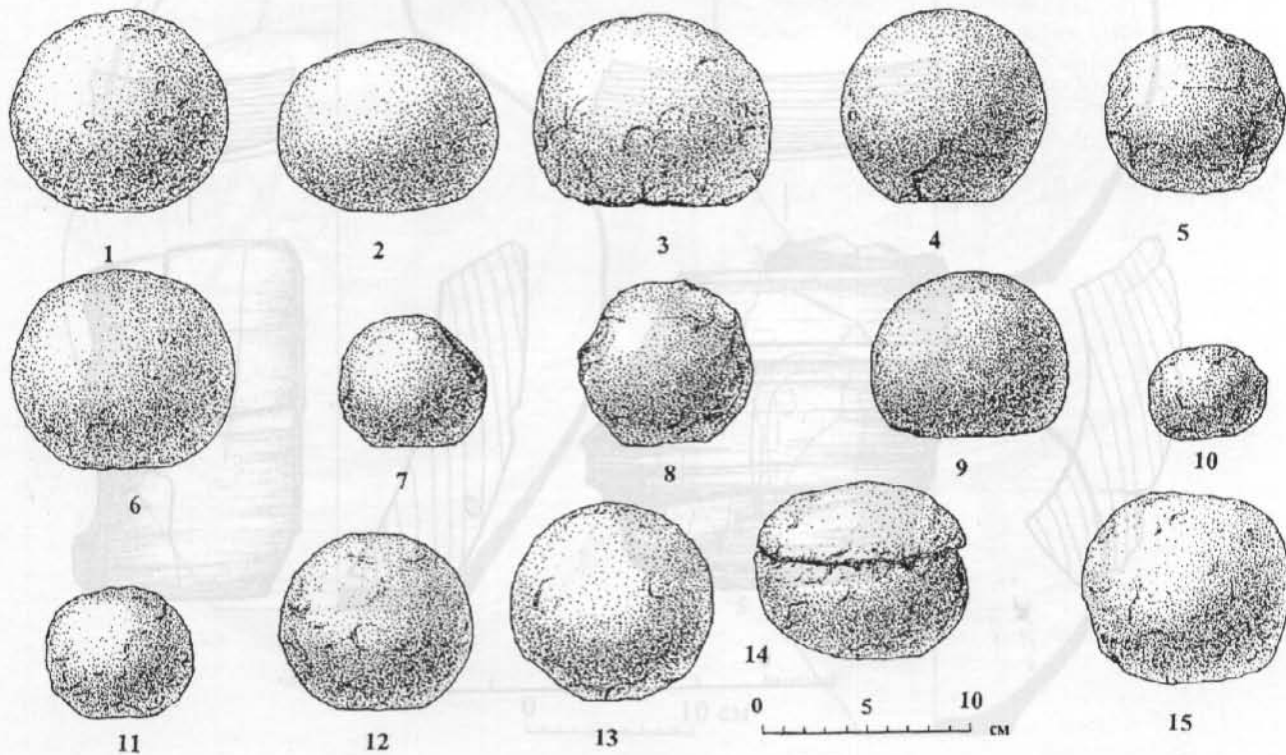


Рис. 195. Каменные ядра от баллист из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

Среди неполированной (кухонной) посуды и керамической тары из заполнения бойника, представленной большей частью единичными обломками из XVI и XVII столетий.

15х11 см. Их ориентация в слое пожара совпадает с продольной осью (северо-запад — юго-восток) башни.

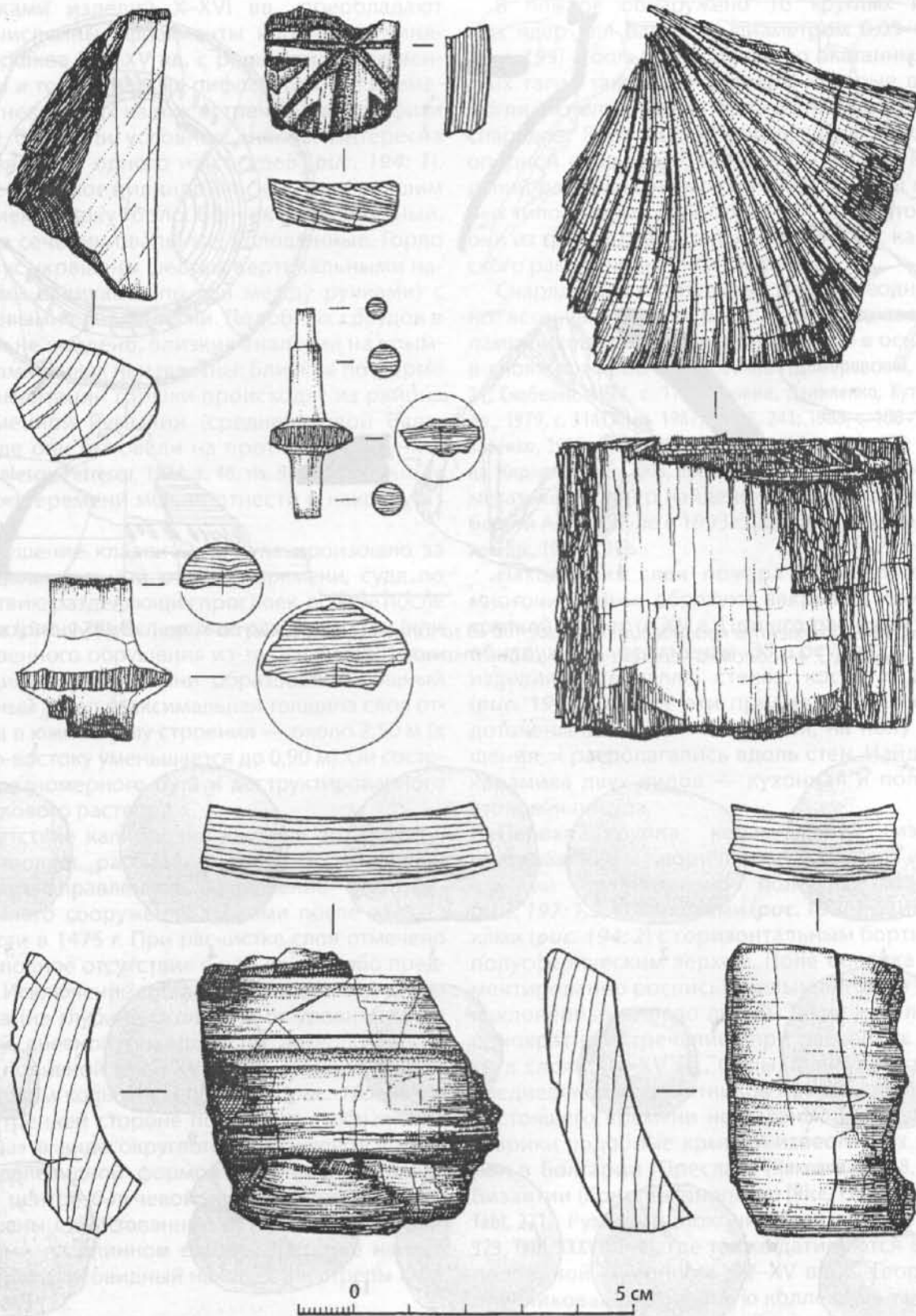


Рис. 196. Фрагменты деревянных изделий из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

Слой пожара внутри башни располагался непосредственно под крышей — нависая на полу помещения. Исключительным образом среди которых выделялись обугленные обломки отдельных дубовых белок сечением

делами из дубового орешка (концы). Это подтверждает вывод на том, что это не крышки от кухонных котлов, а изделия, лишенные бортиком (Гардига, 1974, с. 46, рис. 35-37).

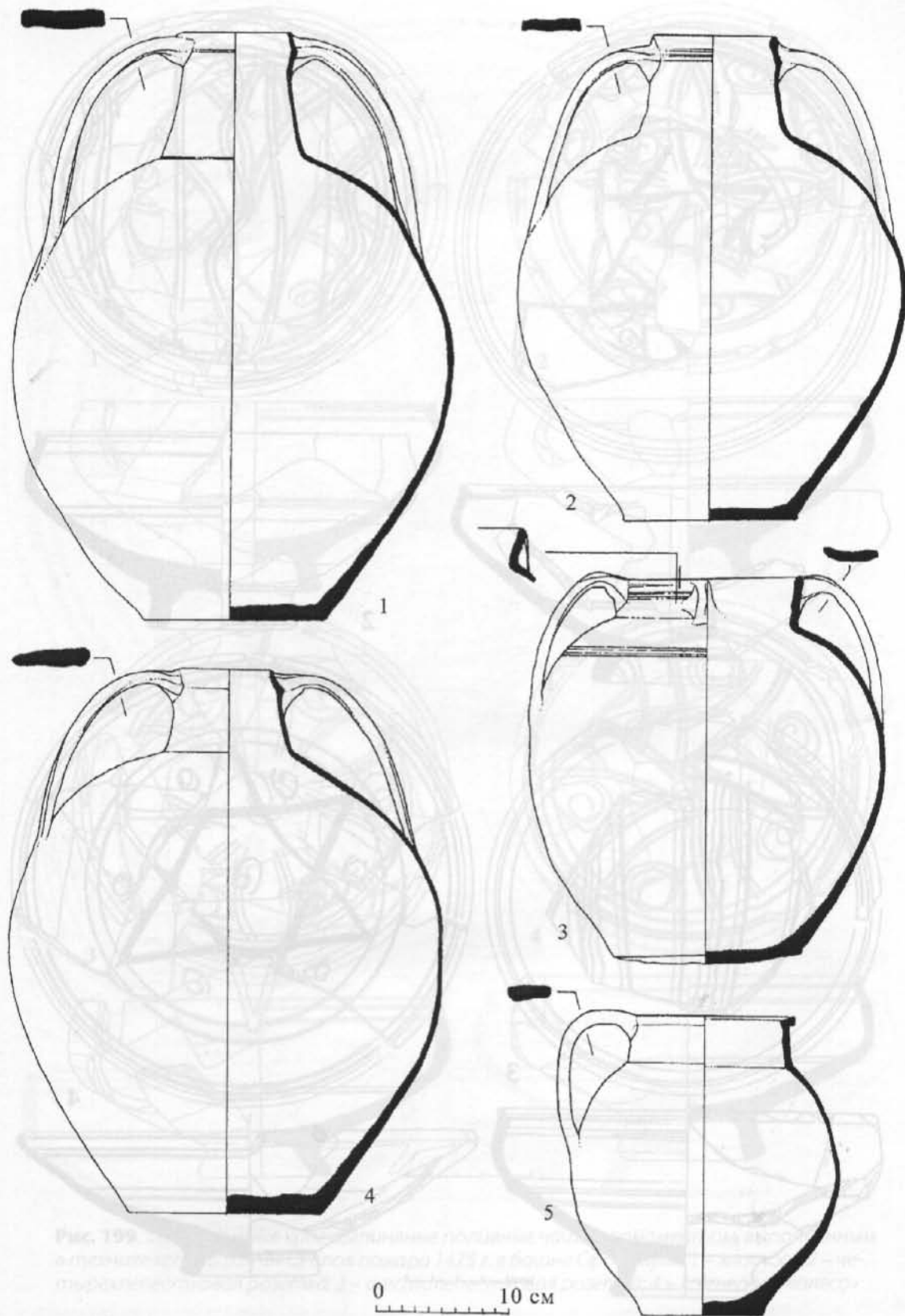


Рис. 197. Коричневоглиняные кухонные сосуды XV в. из слоя пожара 1475 г. в башне Орта-Куле

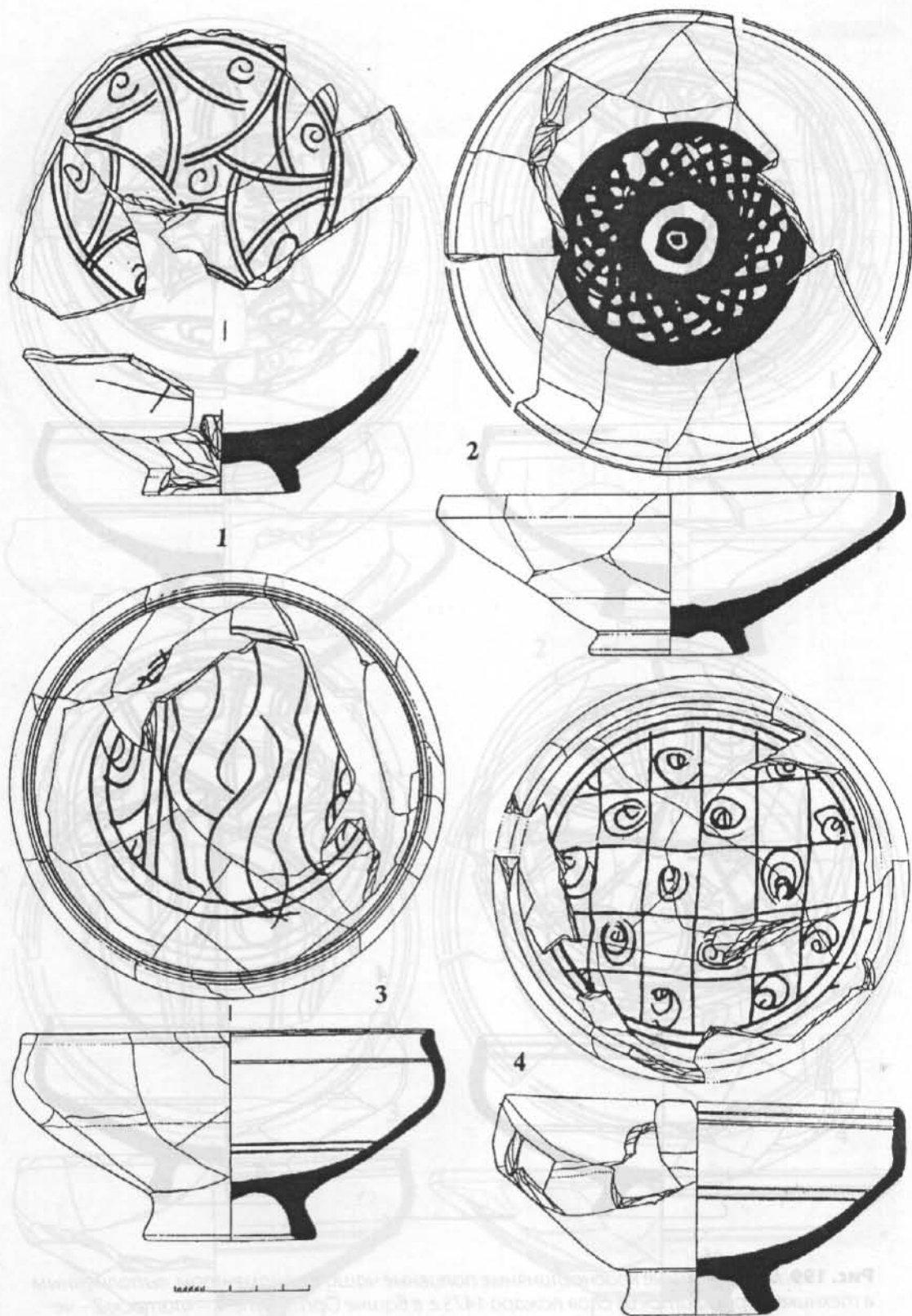


Рис. 200. Монохромные красноглиняные поливные чаши (1, 3, 4) и миска (2) с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и «резерва»: 1 – «сегнерово колесо»; 3 – «сельджукская плетенка»; 4 – «шахматная доска»; 4 – круг, заштрихованный косыми линиями (из слоя пожара 1475 г. в башне Орта-Куле)



Рис. 201. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

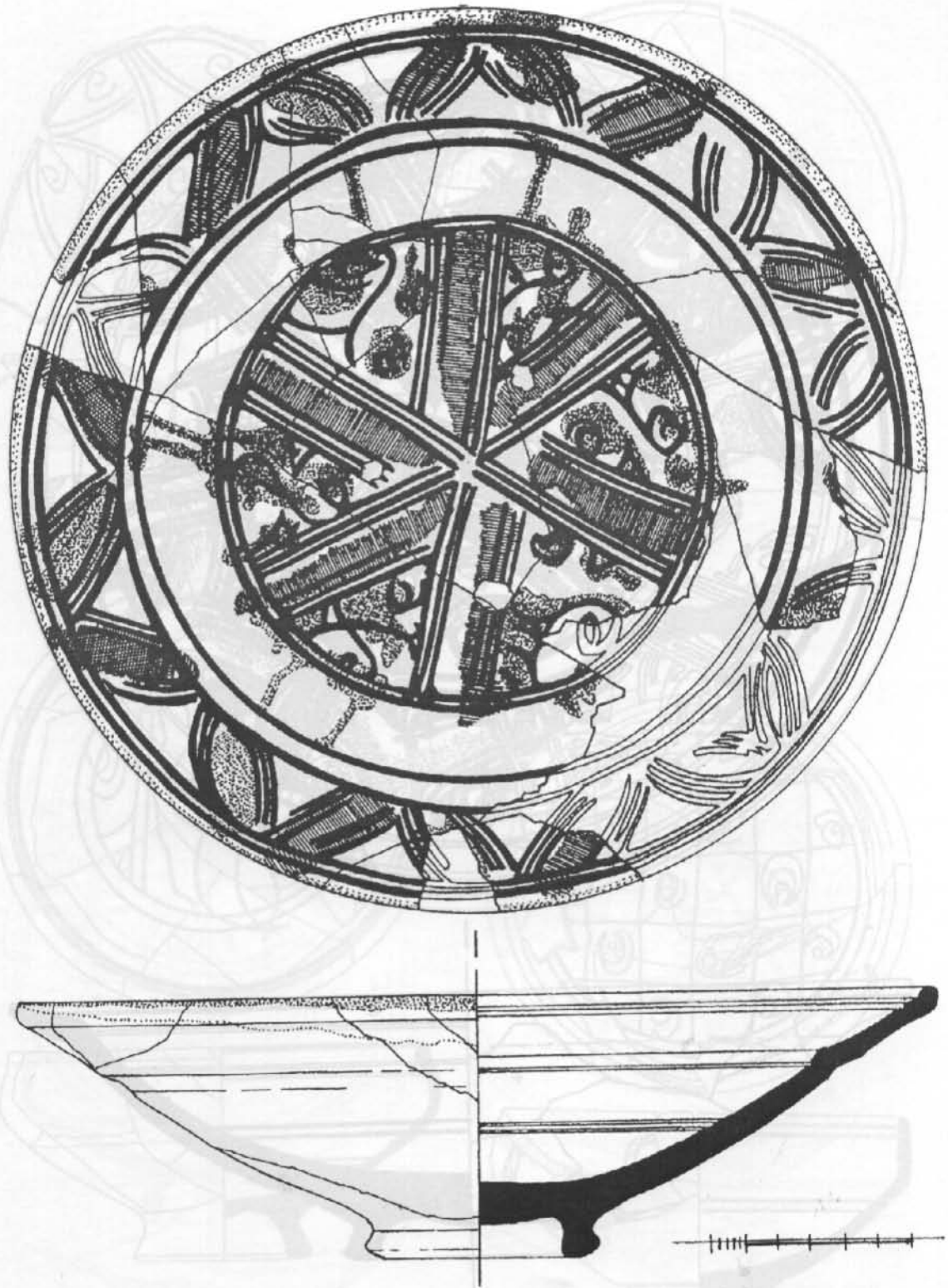


Рис. 202. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

Рис. 202. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле. План и разрез. 1 — центральный элемент; 2 — сегменты; 3 — край; 4 — круг, диаметр которого равен диаметру (из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле).

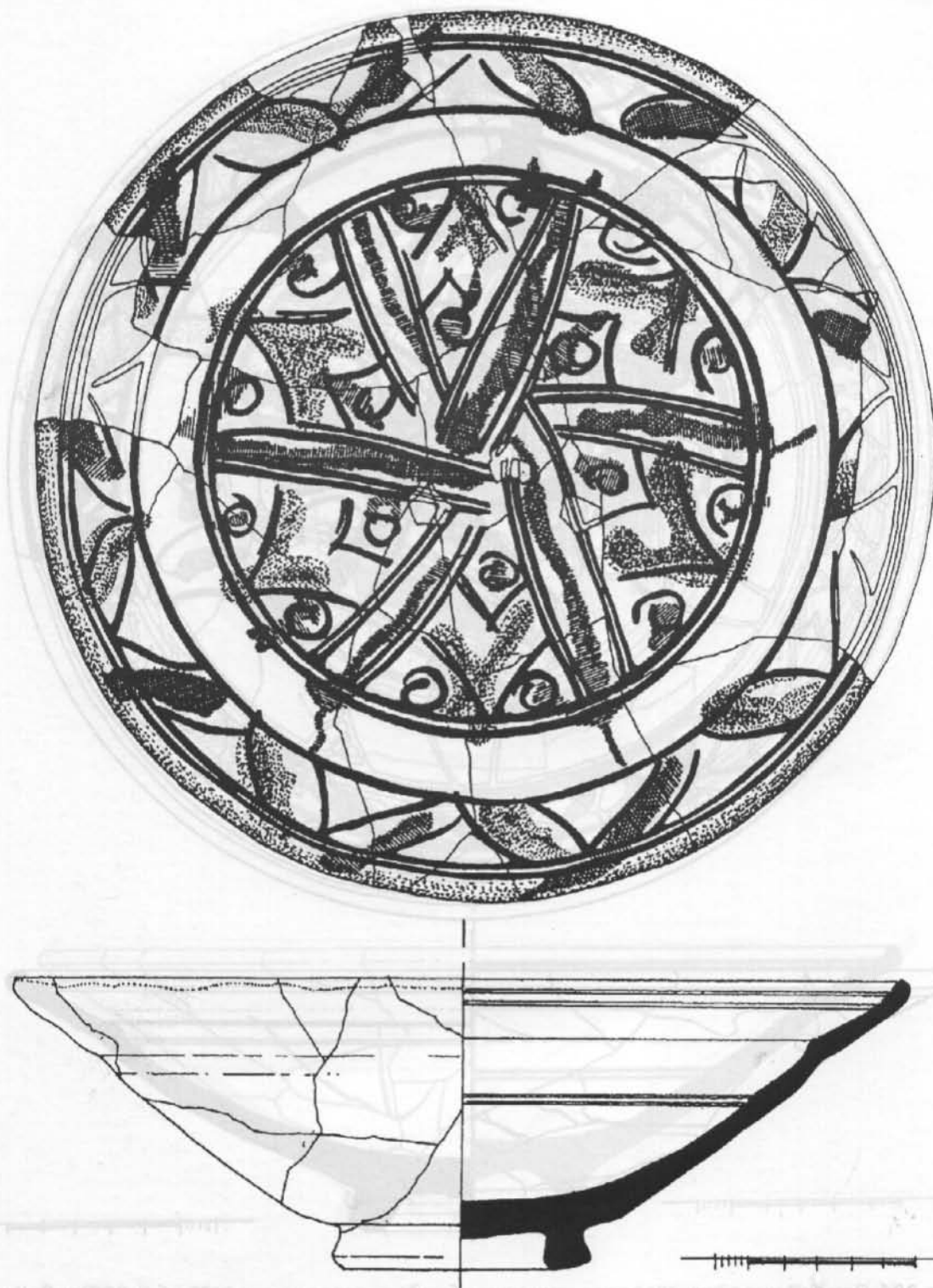


Рис. 203. Полихромное красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

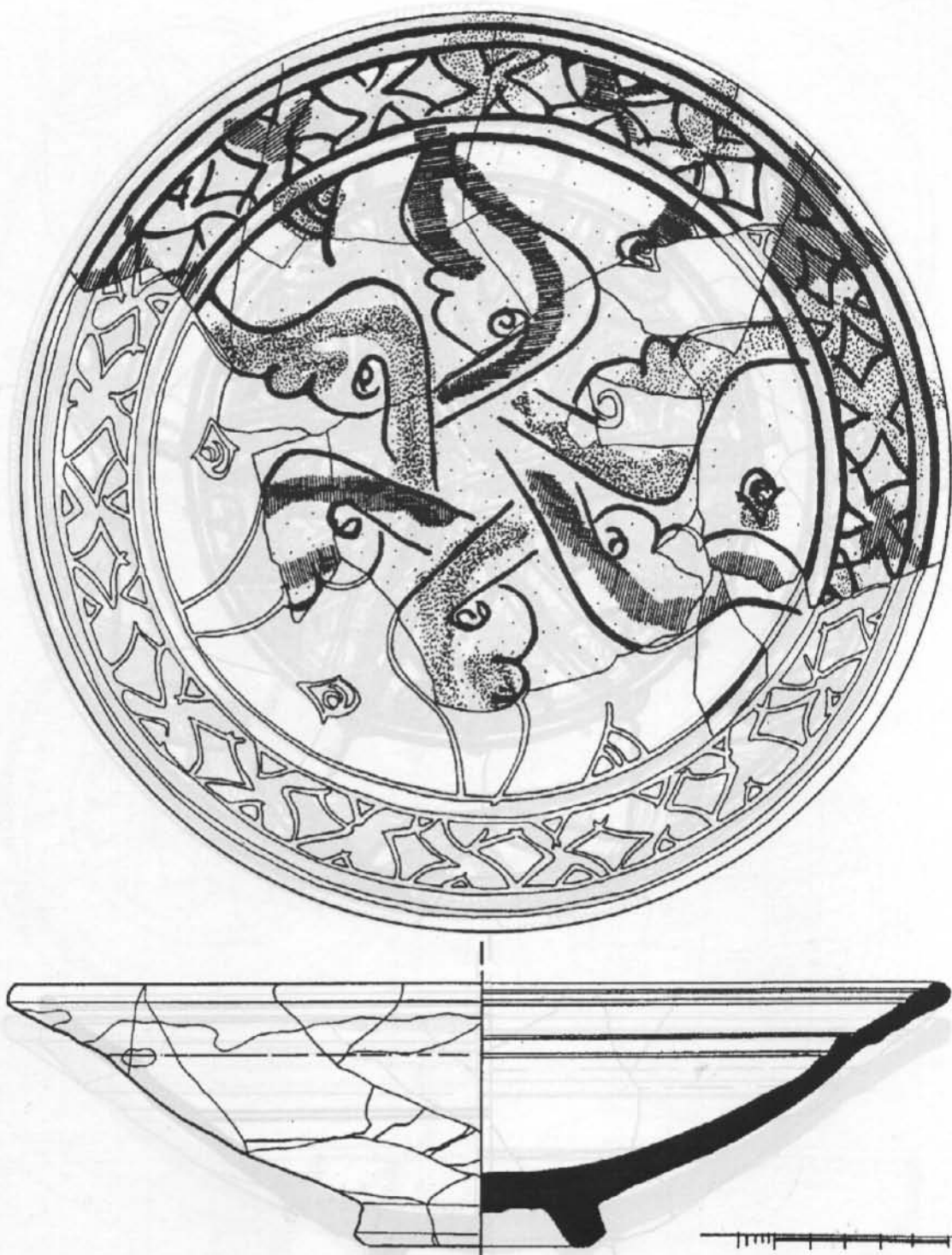


Рис. 204. Полихромное поливное красноглиняное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

Рис. 203. Полихромное поливное красноглиняное блюдо из слоя пожара 1475 г. башни Орта-Куле

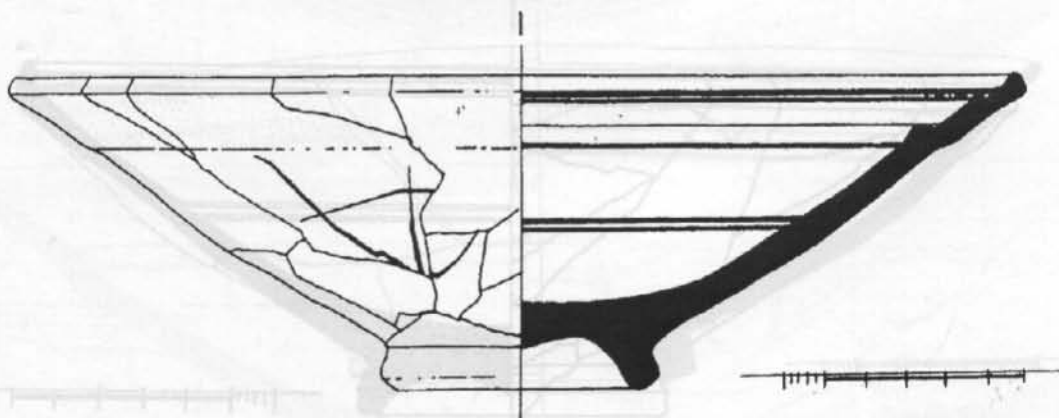


Рис. 205. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1475 г. в башне Орта-Куле



Рис. 208. Красноглиняное поливное полихромное блюдо из слоя пожара 1475 г. в башне Орта-Куле с изображением голубя, клюющего «звезду»

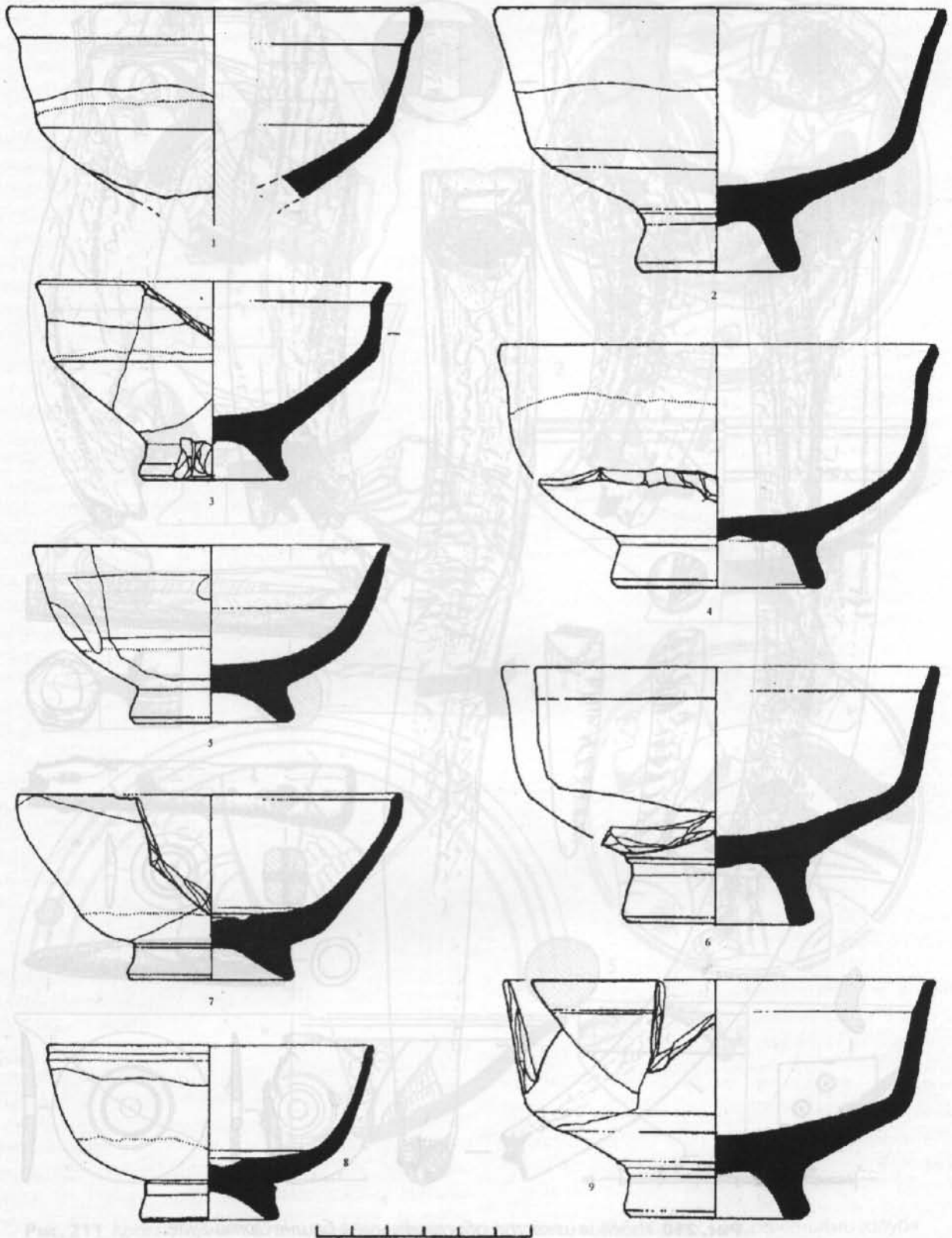


Рис. 209. Красноглиняные чаши с монохромной (светло-зелёной) поливой из заполнения башни Орта-Куле (60–70-е гг. XV в.)

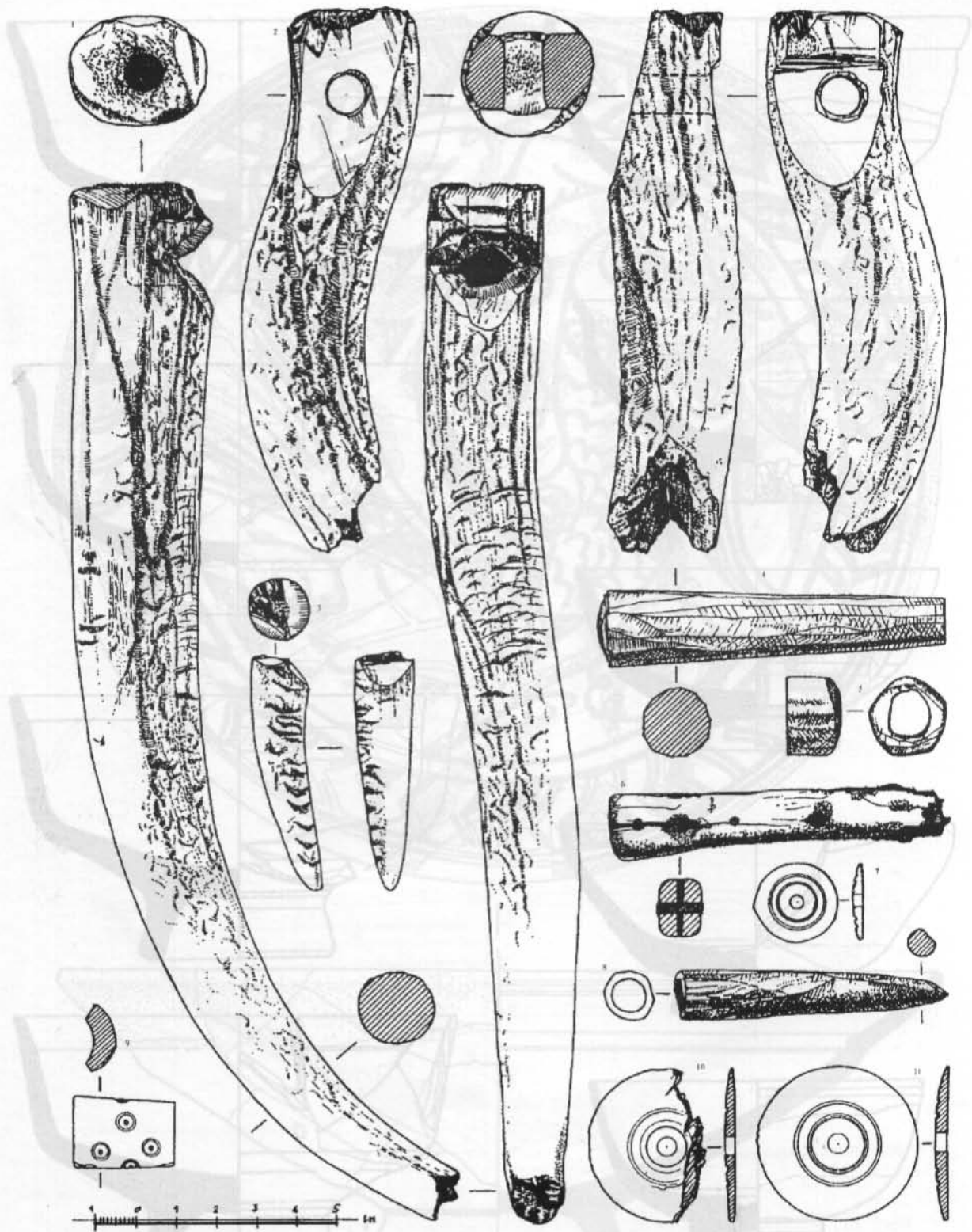


Рис. 210. Изделия из кости, обнаруженные в башне Орта-Куле

Рис. 208. Предметы из кости, обнаруженные в башне Орта-Куле. 1-5 - длинные предметы, 6-10 - короткие предметы, 11-15 - диски. (Арх. музей, инв. № 10-15-10-15)

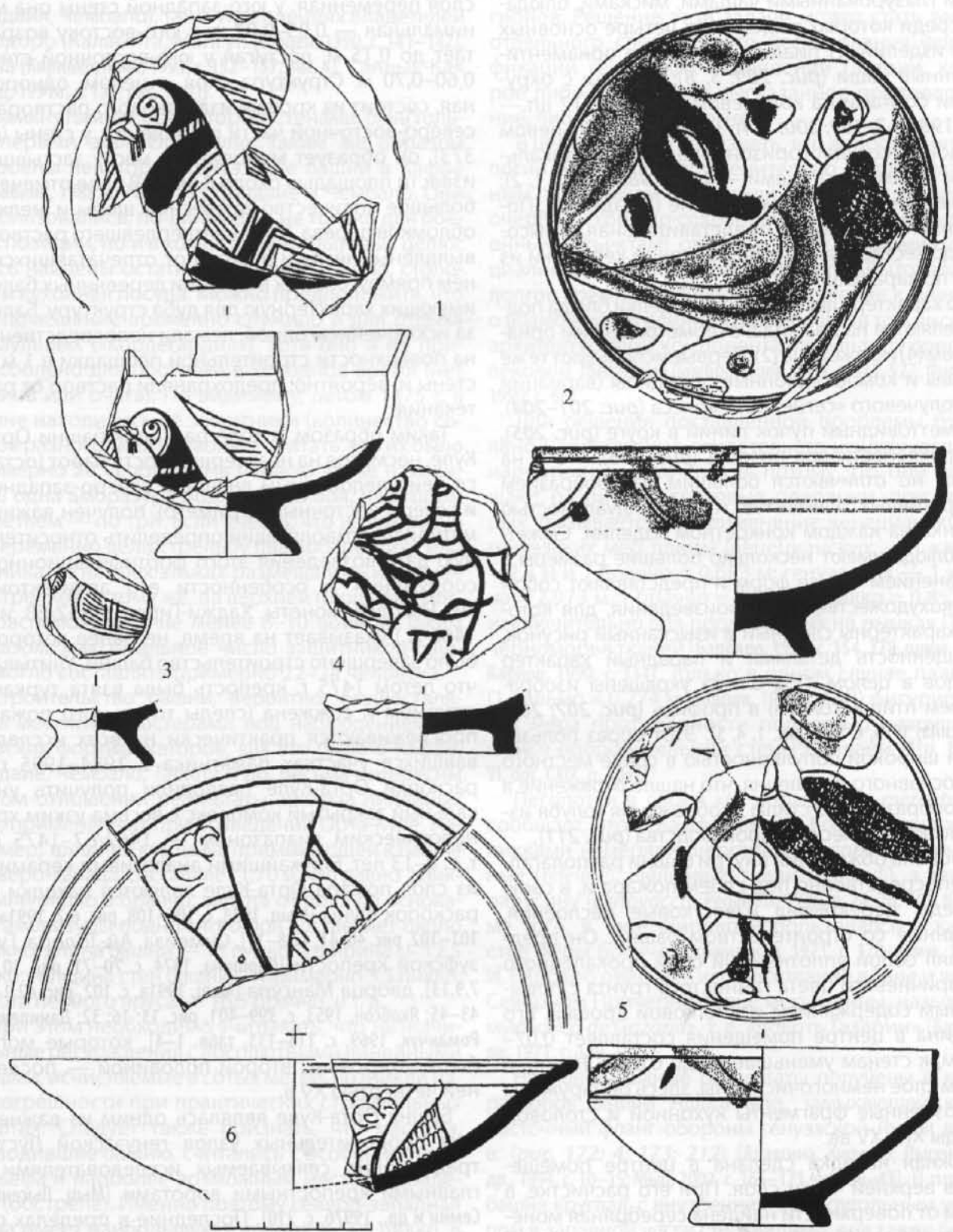


Рис. 211. Красноглиняные поливные сосуды второй половины XIV – XV вв. с изображениями голубя из раскопок генуэзской Лусты (1 – 5) и Фуны (6)

Поливная керамика из слоя пожара особенно многочисленна. Она представлена самыми разнообразными по форме и декору красноглиняными глазурованными чашами, мисками, блюдами, среди которых выделяется четыре основных типа изделий: 1) пиалообразные не орнаментированные чаши (рис. 209: 5, 8); 2) чаши с округлыми бортами на кольцевом поддоне (12 шт.— рис. 198: 1–3; 199; 200: 3, 4); 3) миски на кольцевом поддоне (2 сосуда с горизонтальными и вертикальными узкими бортиками — рис. 198: 4; 200: 1, 2); 4) блюда на кольцевом поддоне (7 изделий). Последняя — наиболее представительная и высокохудожественная группа поливной керамики из слоя пожара башни.

По характеру декоративной отделки блюда подразделяются на два вида: с геометрическим орнаментом (4) и сюжетные (2). Первые используют те же мотивы и композиционные принципы (вариации многолучевого «сегнерова» колеса (рис. 201–204), пальметтообразный пучок линий в круге (рис. 205), четырехлепестковая розетка (рис. 206), что и на чашах, но отличаются большим разнообразием декоративных элементов и индивидуальностью рисунка на каждом конкретном изделии. Сюжетные блюда имеют несколько большие размеры с сохранением тех же форм и представляют собой высокохудожественные произведения, для которых характерны сложный и изысканный рисунок, насыщенность деталями и парадный характер сосудов в целом. Оба блюда украшены изображением птицы (голубя) в профиль (рис. 207; 208) [Адакина, 1998, с. 5–7, рис. 1, 4, 5]. Этот образ пользовался широкой популярностью в среде местного православного населения, что нашло отражение в разнообразных по стилю изображения голубя изделиях керамического производства (рис. 211).

Уровень обживания внутри башни располагался непосредственно под слоем пожара и, в свою очередь, перекрывал известковые наслоения, связанные со строительством башни. Он представлял собой уплотнённый слой прокалённого до коричневого цвета глинистого грунта с повышенным содержанием известковой крошки. Его толщина в центре помещения составляет 0,07–0,12 м, к стенам уменьшается до 0,03 м. Находки в этом слое немногочисленны, здесь обнаружены разрозненные фрагменты кухонной и столовой посуды XIV–XV вв.

Важная находка сделана в центре помещения, в верхней части слоя. При его расчистке, в 0,01 м от поверхности найдена серебряная монета Хаджи-Гирея (чекан г. Крым) номиналом акче. К сожалению, дата чеканки не совсем ясна, и поэтому может быть определена как 867 (= 26 сентября 1462 — 14 сентября 1463 гг.) или 871 г.х. (= 13 августа 1466 — 1 августа 1467 гг.) (Хаджи-Гирей скончался в августе 1466 г.). Условия залегания монеты под плотной прокалённой поверхностью пола исключают её попадание сюда во время пожара.

Слой строительства внутри башни заполняет всё внутреннее пространство, перекрывая надматериковые глинистые образования. Толщина слоя переменная: у юго-западной стены она минимальная — 0,05–0,07 м; к юго-востоку возрастает до 0,15 м, достигая у юго-восточной стены 0,60–0,70 м. Структура слоя, в целом, однородная, состоит из крошки известкового раствора. В северо-восточной части помещения, у стены (кл. 373), он образует монолитную массу застывшей извести площадью около 8 кв. м. В слое отмечено большое количество древесной щепы и мелких обломков дерева. В зоне затвердевшего раствора выявлены гнёзда и пустоты от отпечатавшихся в нём прямоугольных в сечении деревянных балок, имеющих характерную для дуба структуру. Балки, за исключением одной, лежали непосредственно на поверхности строительной площадки в 1 м от стены и, вероятно, предохраняли раствор от растрескивания.

Таким образом, в ходе раскопок башни Орта-Куле, несмотря на незавершённость работ (остался неисследованным внешний северо-западный и северо-восточный периметр), получен важный материал, позволяющий определить относительную дату возведения этого фортификационного сооружения и особенности его архитектуры. Находка монеты Хаджи-Гирея (1462/63 или 1466 гг.) указывает на время, не ранее которого было завершено строительство башни. Учитывая, что летом 1475 г. крепость была взята турками штурмом и сожжена (следы тотального пожара прослеживаются практически на всех исследованных участках памятника в 1984–1995 гг.), раскопки Орта-Куле позволили получить уникальный закрытый комплекс с весьма узким хронологическим диапазоном — 1462/67–1475 гг., т. е. 8–13 лет. Ближайшими аналогиями керамике из слоя пожара Орта-Куле являются находки из раскопок Фуны [Мыц, 1988, с. 106–108, рис. 6; 7; 1991а, с. 101–102, рис. 40; 41; 42, 8–11], Симеиза, Ай-Тодора, Гурзуфской крепости [Паршина, 1974, с. 70–71, рис. 10, 1–7, 9, 13], дворца Мангупа [Мыц, 1991а, с. 102, рис. 42, 1–7; 43–45; Якобсон, 1953, с. 399–401, рис. 13; 16; 32; Даниленко, Романчук, 1969, с. 116–133, табл. 1–4], которые могут быть датированы второй половиной — последней четвертью XV в.

Башня Орта-Куле являлась одним из важнейших оборонительных узлов генуэзской Лусты, традиционно связываемых исследователями с главными крепостными воротами [Мыц, Лысенко, Семин и др., 1997б, с. 210]. Последние в пределах открытых раскопками участков куртин не обнаружены. Вероятнее всего, они располагались у башни Чатал-Куле (с юго-восточной стороны). Орта-Куле, по-видимому, состояла из трёх ярусов (реконструируемая высота не менее 21 м) с открытой боевой площадкой наверху. На уровне второго и третьего этажей она была трёхстенная, обращённая открытой стороной внутрь укрепле-

ния. Башни такого типа получили широкое распространение в фортификации Крыма XIV–XV вв. и известны как в генуэзских памятниках (Каффа, Солдайя, Чембало), так и укреплениях владетелей Феодоро (Каламита, Мангуп [Герцен, 1990, с. 141–142], Фуна [Кирилко, Мыц, 1991, с. 152–157, рис. 4], Сандык-Кая [Мыц, 1991а, с. 133, рис. 12,1]).

Замкнутым со всех сторон стенами был только первый этаж Орта-Куле. Таким же образом устроены некоторые генуэзские башни в Каффе [Айбабина, 1988, с. 71, 76, 79], Солдайе и Чембало. Они использовались, по-видимому, не только для боевой позиции, но и в хозяйственно-бытовых целях: здесь найдены остатки сгоревшего зерна, столовая и кухонная посуда. Можно предположить, что это помещение временно служило и для отдыха караульных («кордегардия»), хотя оно и не приспособлено для обогрева в холодное время (нет камина или очага). По-видимому, летом 1475 г. в башне находились её защитники (количество сосудов разного типа позволяет считать, что их было примерно 20 человек). На первом этаже находилась одна амбразура подножного боя, на втором и третьем — по три. Если учесть, что из амбразур попеременно вели стрельбу два арбалетчика или лучника, то на трёх этажах размещалось не менее 14 стрелков. К тому же, на верхней площадке могло расположиться не менее 8–10 воинов. Таким образом, максимальное число защитников башни могло составлять примерно 22–24 человека.

Строительство башни, вероятно, осуществлялось местными мастерами под наблюдением генуэзских фортификаторов, как это было в Каффе, Солдайе, Чембало, Тасили и др. Весьма интересны в этом отношении результаты анализа линейных мер, применённых при возведении Орта-Куле. Например, толщина куртины, примыкающей к башне с северо-запада, составляет 1,70 м, что равно 2 пикко или около 3 браччо; высота от пола до основания амбразур подножного боя составляет около 1 пикко; длина башни — 13 пикко, а ширина — 12,5 пикко; толщина стен башни — примерно 3,5 пикко; высота первого яруса — 16,5 браччо, и т. д.

При этом необходимо учитывать, что незначительные расхождения с абсолютными линейными мерами, исчисляемые в сотых метра, возникли из-за погрешности при практических строительных работах. Следует также признать, что мастера, возводившие башню, считались с особенностями рельефа и наиболее возможным местом нападения (обстрела). Именно поэтому северо-западная стена имеет наибольшую толщину — 3,5 пикко, в то время как остальные тоньше.

Приведённые примеры, по-видимому, позволяют пока только предварительно и гипотетично говорить о том, что инженерно-строительные расчеты при проектировании Орта-Куле с использованием каффинской меры длины пикко и генуэзской браччо выполнялись, вероятно, фортификатором, прибывшим из Каффы.

Очевидно, данное предположение нуждается в специальном анализе с привлечением материалов не только крепостей Крыма, но и других регионов. Решение этой задачи может стать темой отдельного специального исследования фортификации генуэзских укреплений Газарии, которое либо подтвердит высказанное предположение, либо его опровергнет.

В целом, следует признать, что вопросы метрологии XIV–XV вв. применительно к архитектурным памятникам Генуэзской Газарии (и в первую очередь к хорошо сохранившимся фортификационным объектам) оказались вне внимания специалистов. Этому способствовало бытовавшее долгое время скептическое отношение к мнению о возможности влияния латинского (в том числе и архитектурного) компонента на культуру средневековой Таврики [Домбровский, 1986, с. 525, 527; Фирсов, 1990, с. 68].

Для решения поставленной проблемы будет явно недостаточно свидетельств исключительно нарративных источников, потому что они освещают различные торговые операции, при которых указывается на применение венецианских и генуэзских мер длины (венецианских — 1 канна = 2,3 м и 1 браччо = 0,683 м; генуэзских — 1 канна = 2,973 м, 1 браччо = 0,58 м, 1 пикко = 0,852 м) исключительно для продаваемых на рынках Причерноморья тканей [Барбаро, 1971, с. 154, 178, прим. 109; Карпов, 1990, с. 334]. Только в одном случае пальмо (1 пальмо = 0,274 м [Карпов, 1990, с. 334]) фигурирует как мера протяжённости полностью разрушившейся оборонительной стены Солдайи [Atti, 1868, VI, doc. CXIX, p. 304].

Пеголотти в своей «*La pratica della mercatura*» сообщает, что в Каффе, Тане и Константинополе пикками измеряли шерстяные (*panni lani*), льняные (*teleline*), шёлковые ткани (*zendadi*), а также парусину (*canovacci*) [Pegolotti, 1936, p. 24, 26, 46]. Кроме того, в Тане широко использовался в качестве меры браччо [Скржинская, 1971, с. 178, прим. 109]. И. Барбаро отмечает использование в Тане и всём Северном Причерноморье меру длины, называемую «*pico de Gazaria*», т. е. «локоть Газарии» [Барбаро, 1971, с. 129, 154].

Не менее важные результаты получены в ходе раскопок башни Ашага-Куле, замыкающей юго-восточный фланг обороны генуэзской Лусты в XV в. (рис. 172: 4; 173; 212) [Адаксина, Кирилко, Лысенко и др., 1994, с. 10–15; Мыц, 2002, с. 165–171, рис. 36–43]. В плане башня круглая, с внутренним прямоугольным уступом в западной части стен. Видимо, она также была многоярусной, но закрытого типа. За линию куртин выступает на 6,50 м. Её внешний диаметр 9,0–9,20 м, внутренний — 3,0–3,40 м. Стены (их толщина возрастает в напольную сторону от 2,40 до 3,0 м) сложены в основном из крупных, с лицевой подтёской, глыб на известковом растворе, пустоты между которыми зачеканены мелкомерным камнем. Возведены на фундаменте, сооружённом в вырубленной в куль-

турных наслоениях и материке «постели» (кладка фундамента выступает из внутреннего контура помещения постройки на 0,10–0,70 м).

На высоту около 16 м от основания стены башни сохранились на небольшом участке (в 1929 г. они укреплены консервационными кладками в виде контрфорсов). Здесь, с напольной стороны, признаков наличия бойниц в стенах башни не выявлено, что позволяет предположить устройство на её вершине машикулей, как справедливо полагал Л. В. Фирсов [Фирсов, 1990, с. 71–72].

В нижней части стен башни обнаружены пустоты от двух ярусов сантрачной системы (на высоте 1,20 и 4,20 м от основания), использовавшейся при её строительстве. Нижний ярус состоял из деревянных брусьев, прямоугольных в сечении (0,18×0,22 м), длиной около 2 м, залежавших в кладке вдоль внешней лицевой поверхности, образуя в плане многоугольник (рис. 213). Здесь же отмечены 7 радиально располагавшихся балок с теми же параметрами сечения. С внешним поясом яруса они состыковывались пазами, не выступая за лицевую поверхность стен. Кроме того, вся эта конструкция была скреплена тремя длинными балками, уложенными в кладку по касательным к внутренней поверхности стен. Второй ярус сантрачной системы состоял из двух пар балок, размещавшихся почти параллельно в массиве бутовой кладки.

Наличие внутреннего почти прямоугольного уступа в западной части стены Ашага-Куле обусловлено тем, что башня была пристроена к внешней стороне существовавших ранее кладок (383а и 383б). Они образовывали в плане угол около 100° и были сложены из разномерного бута на грязевом растворе (сохранились на высоте до 2,10 м при ширине 1,70 и 1,05 м). Их лицевые поверхности выложены из крупных камней с соблюдением порядовки и перевязаны между собой (рис. 214).

Обе стены, по-видимому, представляют собой остатки оборонительных сооружений 20-х гг. XV в. Куртины установлены практически без специальной нивелировки поверхности. Они перекрывали ранее существовавшее здесь городское кладбище, формировавшееся вокруг небольшой часовни (рис. 212: 7; 215). Некрополь продолжал функционировать на этом участке и позднее, т. к. некоторые плитовые могилы и гробницы оказались пристроенными к крепостным стенам. Очевидно поэтому при строительстве Ашага-Куле угол, образованный двумя куртинами, не был разобран полностью, а включён в массив её кладки (это позволило сохранить несколько располагавшихся здесь гробниц).

Мощность культурных отложений внутри башни достигала 6 м (рис. 216). При раскопках выяснилось, что большая часть заполнения Ашага-Куле, основную массу которого составлял слой разрушения, образовалась в XIX в. До этого, в XVIII–XIX

вв., внутреннее помещение использовалось в хозяйственных целях. Слой, связанный с пожаром, залегал на 0,5 м ниже уровня пола XIX в. Судя по найденным здесь оплавленным осколкам габбро-диорита, температура в башне во время пожара превышала 1100°. В слое пожара обнаружены обугленные остатки деревянного межэтажного перекрытия. Среди них найдены четырёхгранные в сечении кованые гвозди и 3 ядра для баллисты (диаметром 11,4–11,6 см). Под сгоревшим перекрытием залегал слой прокаленного до красного цвета грунта мощностью 0,30 м.

Пол внутреннего помещения Ашага-Куле был открыт на глубине 5,10 м от современной дневной поверхности. Он представлял собой плотный глинистый грунт с впущенными с его поверхности пятью ямами для установки небольших пифосов. Сосуды изъяли ещё до возникновения пожара. На полу башни и в углублениях для сосудов найдены фрагменты красноглиняных поливных кувшинов и чаш, кухонных тонкостенных горшков, кувшинов, орнаментированных росписью белым ангобом (рис. 217–221).

В нивелирующей подсыпке под полом башни найдена единственная серебряная монета, представляющая собой татаро-генуэзский аспр Каффы 1421–1435 гг. Её находка свидетельствует о том, что данное строение возведено не ранее 20–30-х гг. XV в. Основная масса керамического материала, обнаруженного под полом, относится к концу XIV–XV вв. Западная часть фундамента башни перекрыла существовавшую на этом месте гробницу городского кладбища. Стены погребального сооружения сложены из бута на грязевом растворе, а покрытие состояло из тонких плит песчаника. В могиле находились потревоженные останки четырёх погребённых. Здесь обнаружены бронзовые перстень и шаровидная пуговица. Подобные предметы бытовали длительное время, поэтому датируются в весьма широких пределах — XII–XV вв. Это не позволяет использовать их в качестве хронологического репера при определении времени строительства круглой башни.

При исследовании Ашага-Куле изучен обширный участок внутренней территории генуэзской Лусты. Мощност культурных напластований достигала 3,0 м (рис. 215). В пределах раскопа открыты куртины, примыкавшие к ней: южная (ширина 2,0 м) расчищена на 7,30 м; восточная (ширина 1,60 м) — на 37,50 м. В восточной крепостной стене, возведённой, по-видимому, во второй четверти XV в., находился воротный проём (использовался до 60-х гг. XV в.). Ворота шириной 1,85 м были снабжены порогом, сложенным из разномерного необработанного камня на известковом растворе. Но впоследствии, при строительстве башни Ашага-Куле, этот проём с напольной стороны заложил стеной. Её ширина 0,40 м, кладка выполнена на известковом растворе.

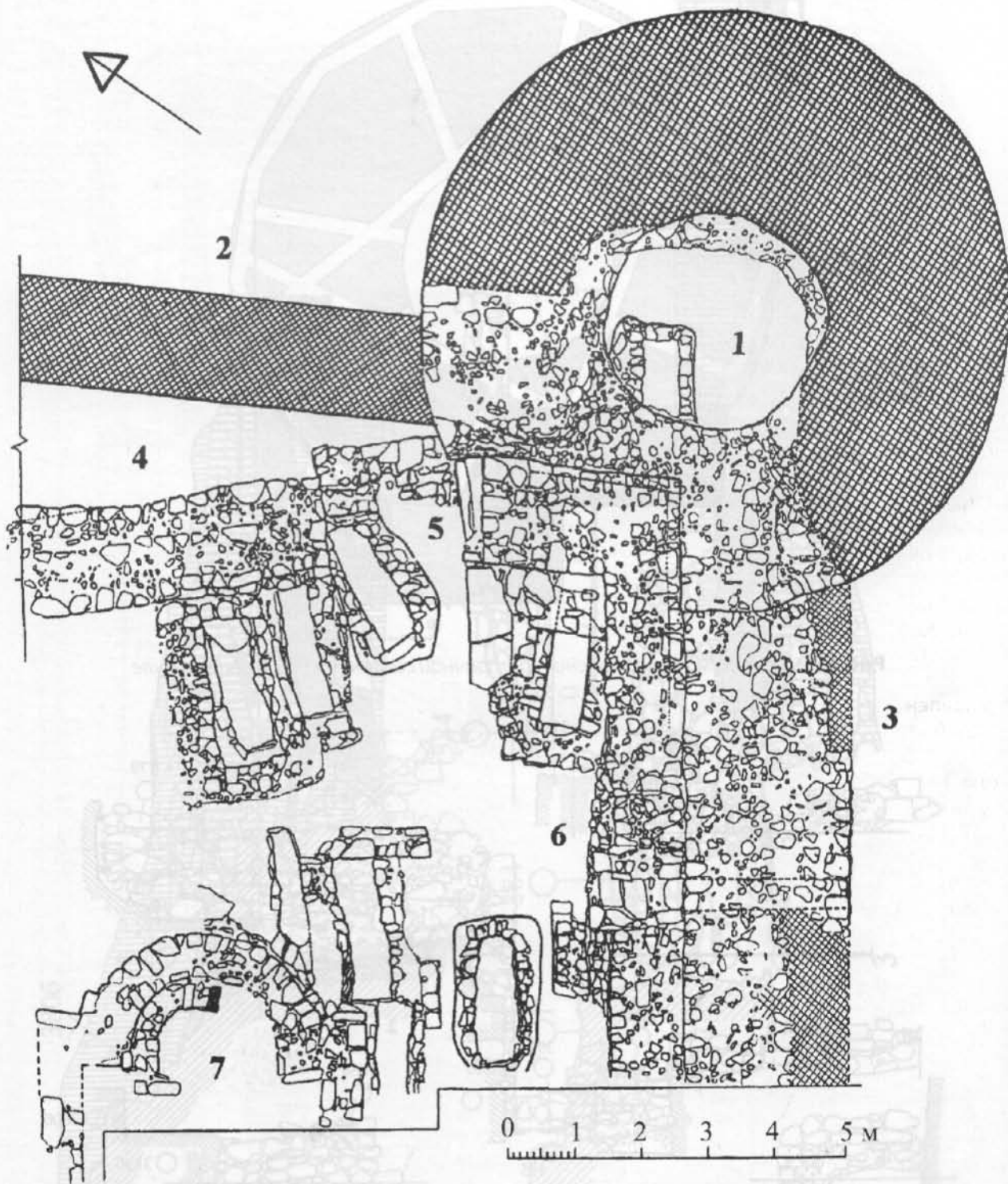


Рис. 212. Башня Ашага-Куле генуэзской Лусты (60-е гг. XV в.) с примыкающим к ней городским некрополем.
 План: 1 – башня; 2 – 3 – куртины (60-е гг. XV в.); 4, 6 – оборонительные стены первой половины XV в.; 5 – заклад
 входа в крепость; 7 – часовня

турных наслоениях и материк «басейна» (восточная сторона) выступает из внутреннего контура поперечного сечения на 0,10-0,20 м.

По высоте ядро 16 м, а диаметр — 10 м. Стены башни сформировались из обожженных кирпичей, укрепленных в виде концентрических слоев. При этом в некоторых местах использовались каменные блоки. На северо-западной стороне башни обнаружены остатки фрески. В южной части башни в 1 м от центра обнаружены остатки фрески. В южной части башни в 1 м от центра обнаружены остатки фрески.

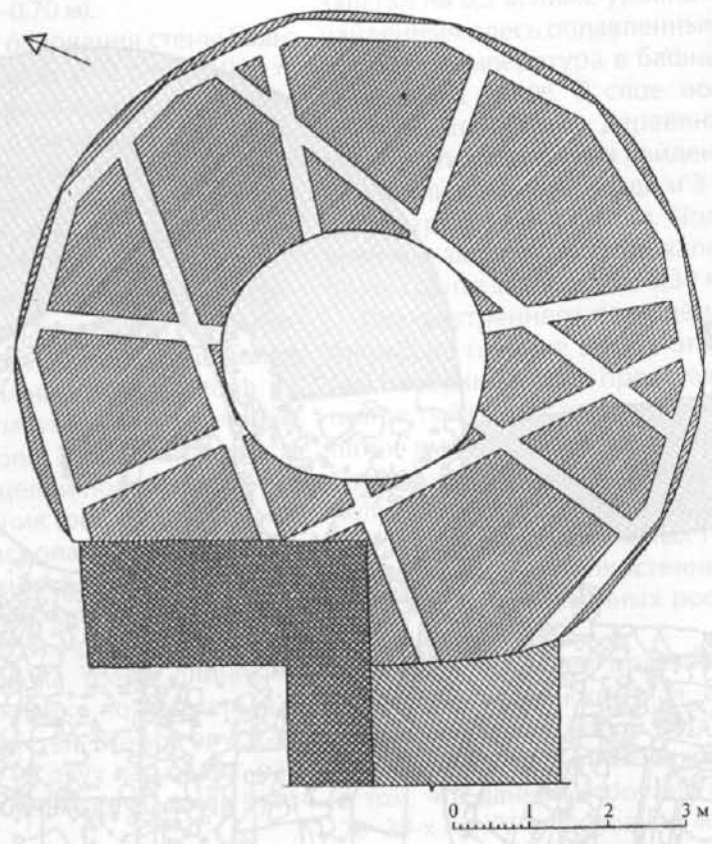


Рис. 213. План-схема расположения сантрачной системы в башне Ашага-Куле

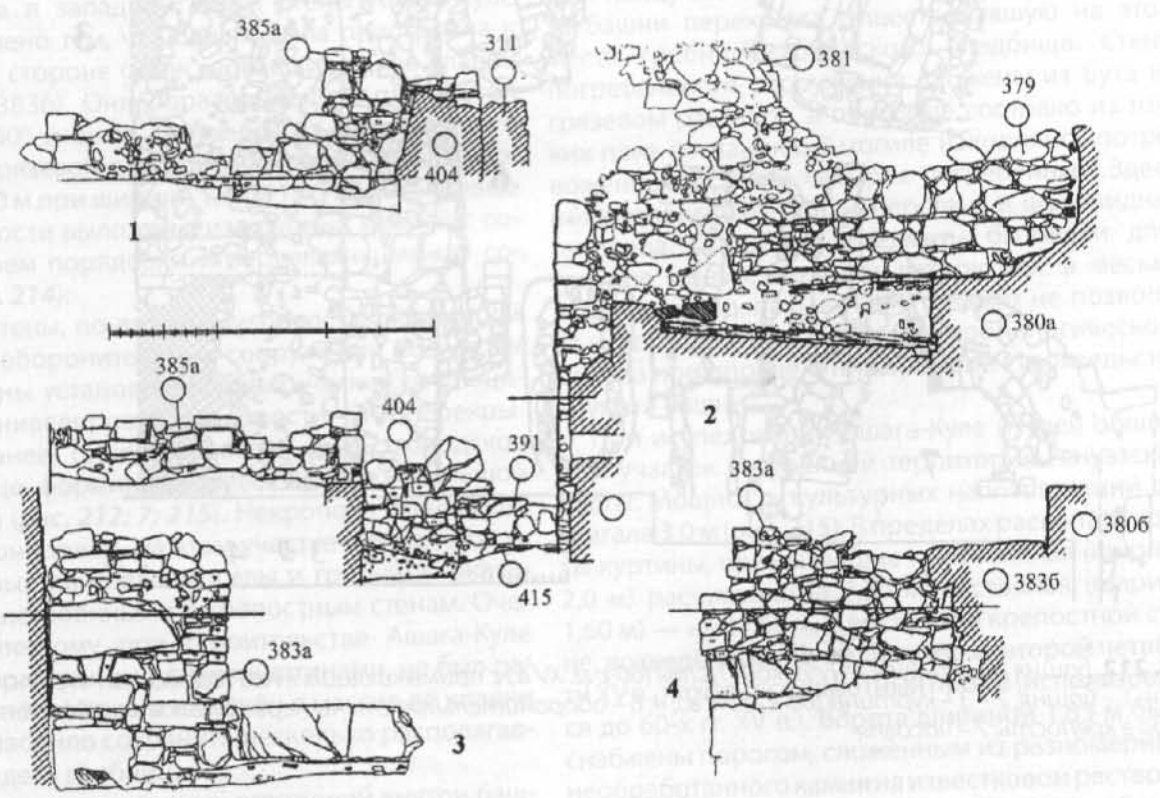


Рис. 214. Фасировки стен строений, предшествовавших возведению башни Ашага-Куле

Можно предположить, что большая часть заполнения Ашага-Куле, по крайней мере, до основания, образовалась в XIX в. До этого, в XVIII-XIX вв.

Внутреннее помещение использовалось в качестве склада для хранения зерна. Слои, связанные с божаром, относятся к концу XVIII в. Судя по характеру строительства, складывался набор помещений в башне во время пожара 1812 г. Вокруг башни обнаружены остатки фрески. В южной части башни в 1 м от центра обнаружены остатки фрески. В южной части башни в 1 м от центра обнаружены остатки фрески.

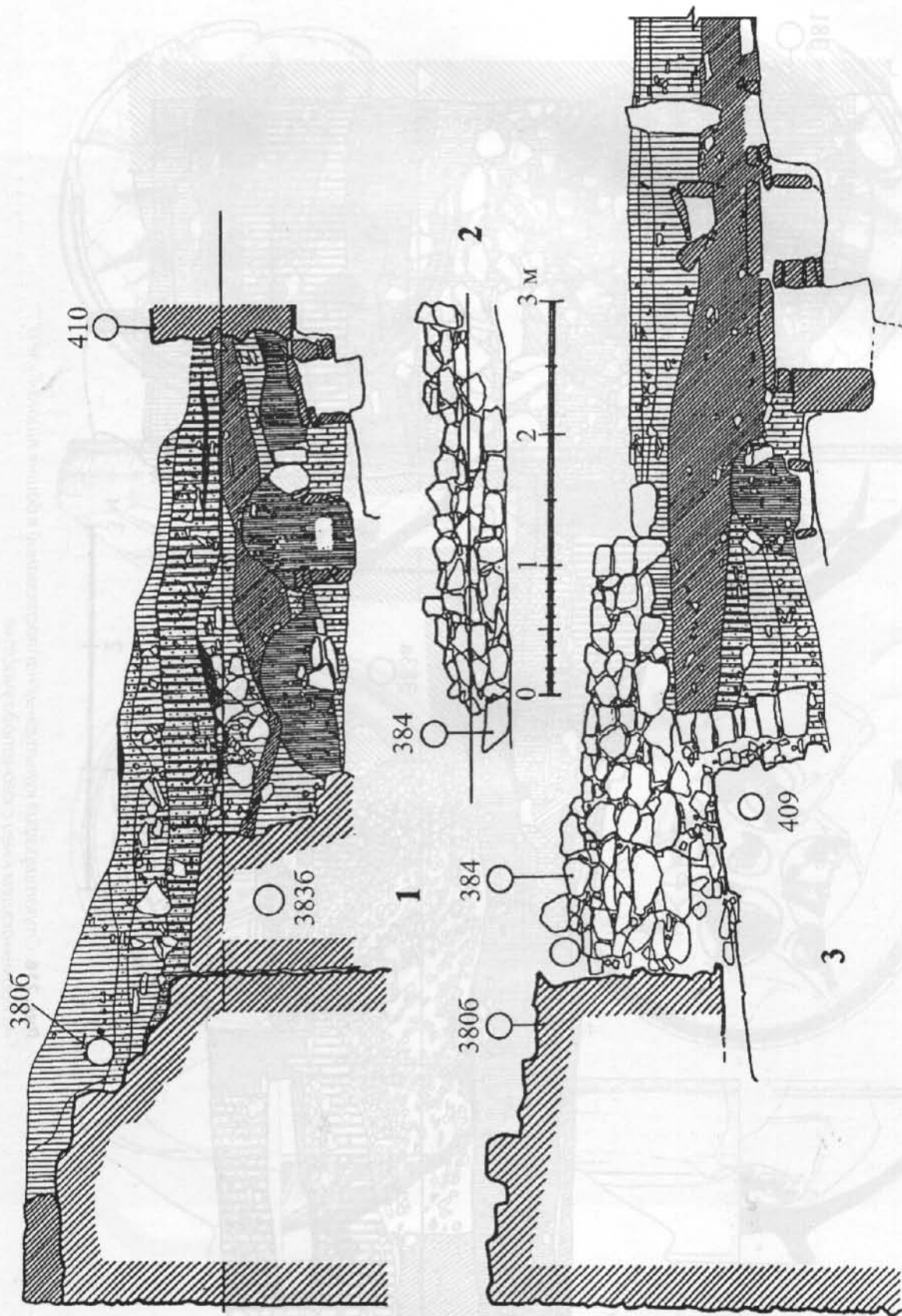


Рис. 215 Стратиграфия культурных напластований у башни Ашога-Куле

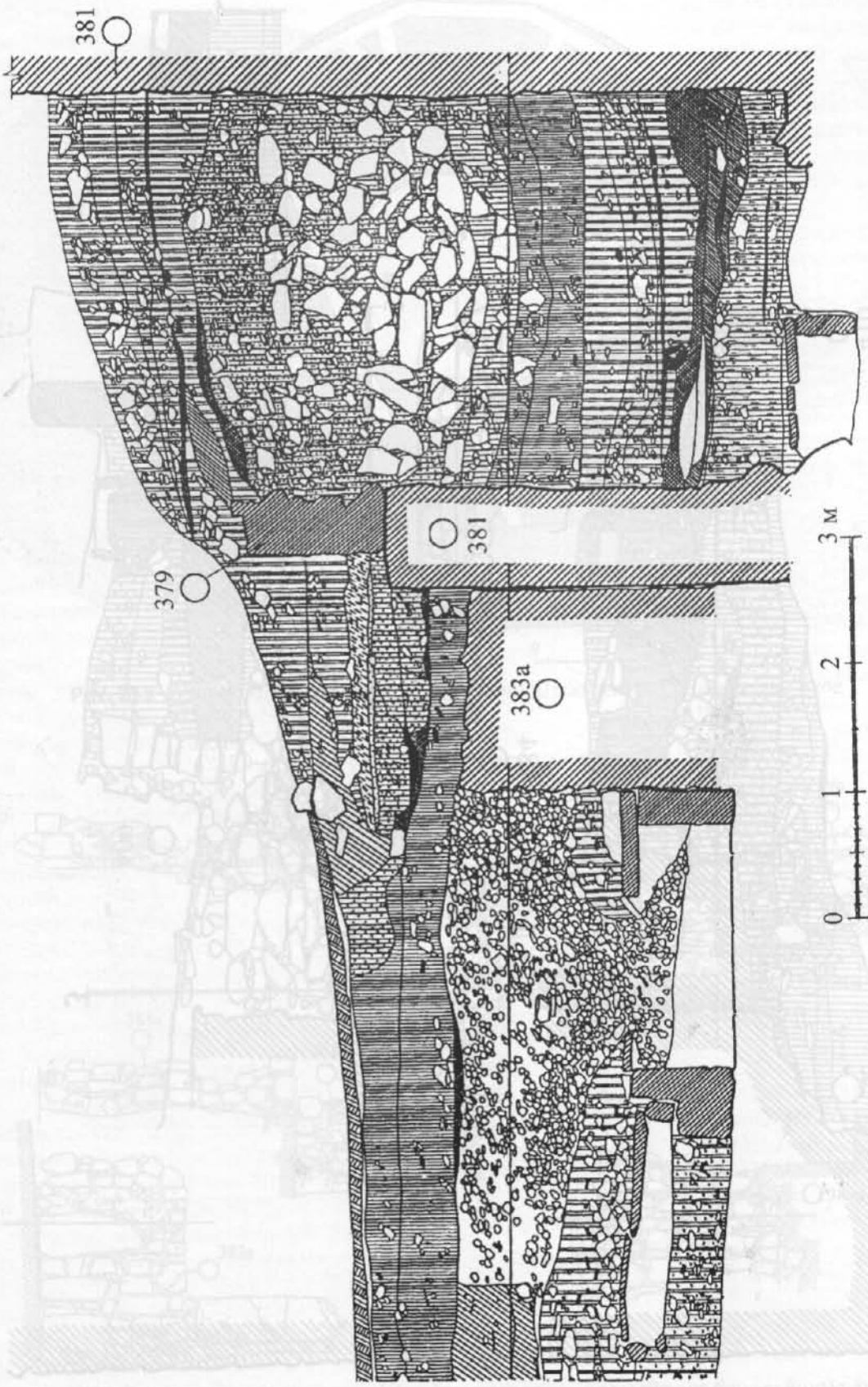


Рис. 216. Стратиграфия культурных напластований в башне Ашага-Куле и на прилегающем к ней с юго-запада участке

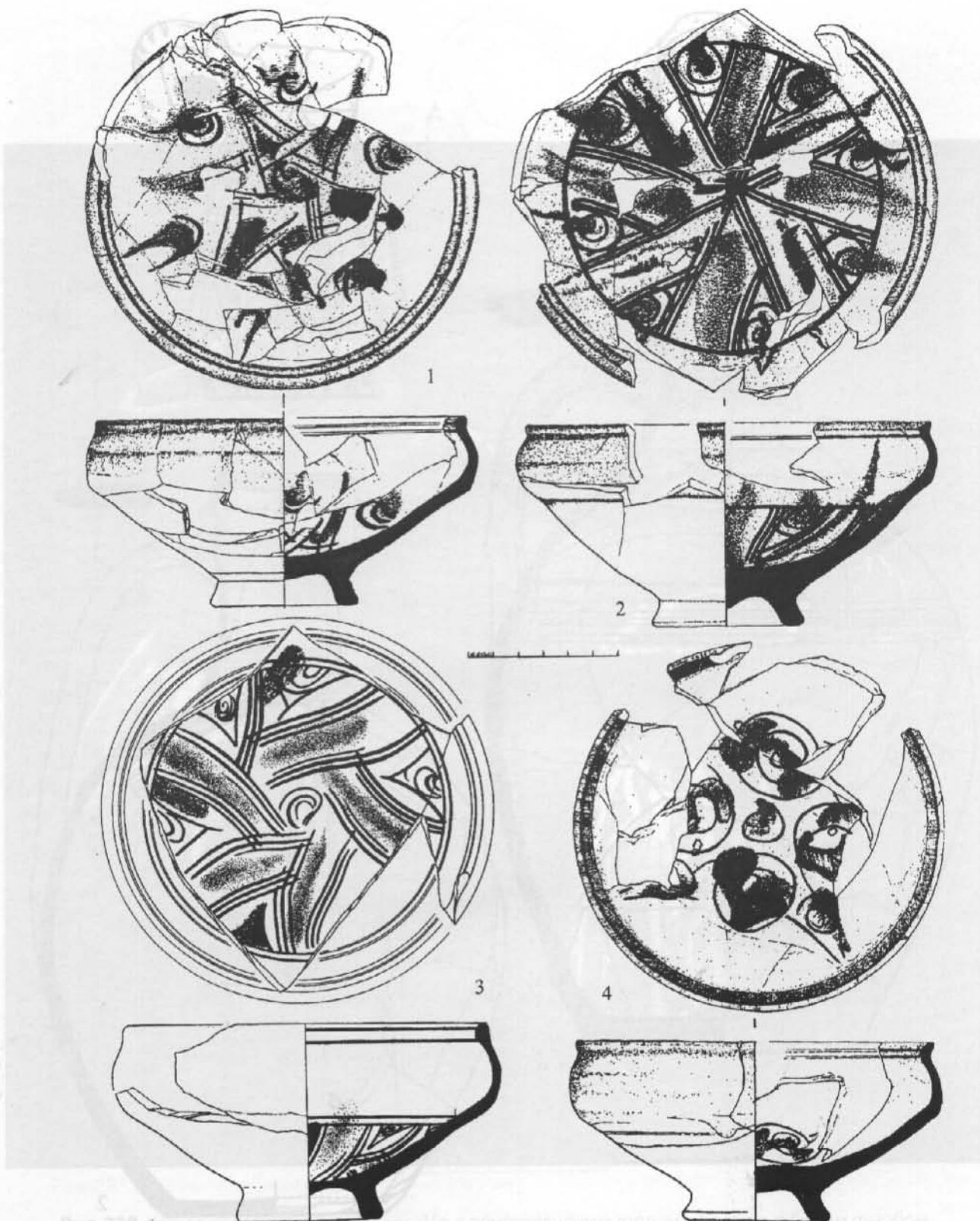


Рис. 217. Красноглиняные поливные чаши из слоя пожара 1475 г. в башне Ашага-Куле генуэзской Лусты

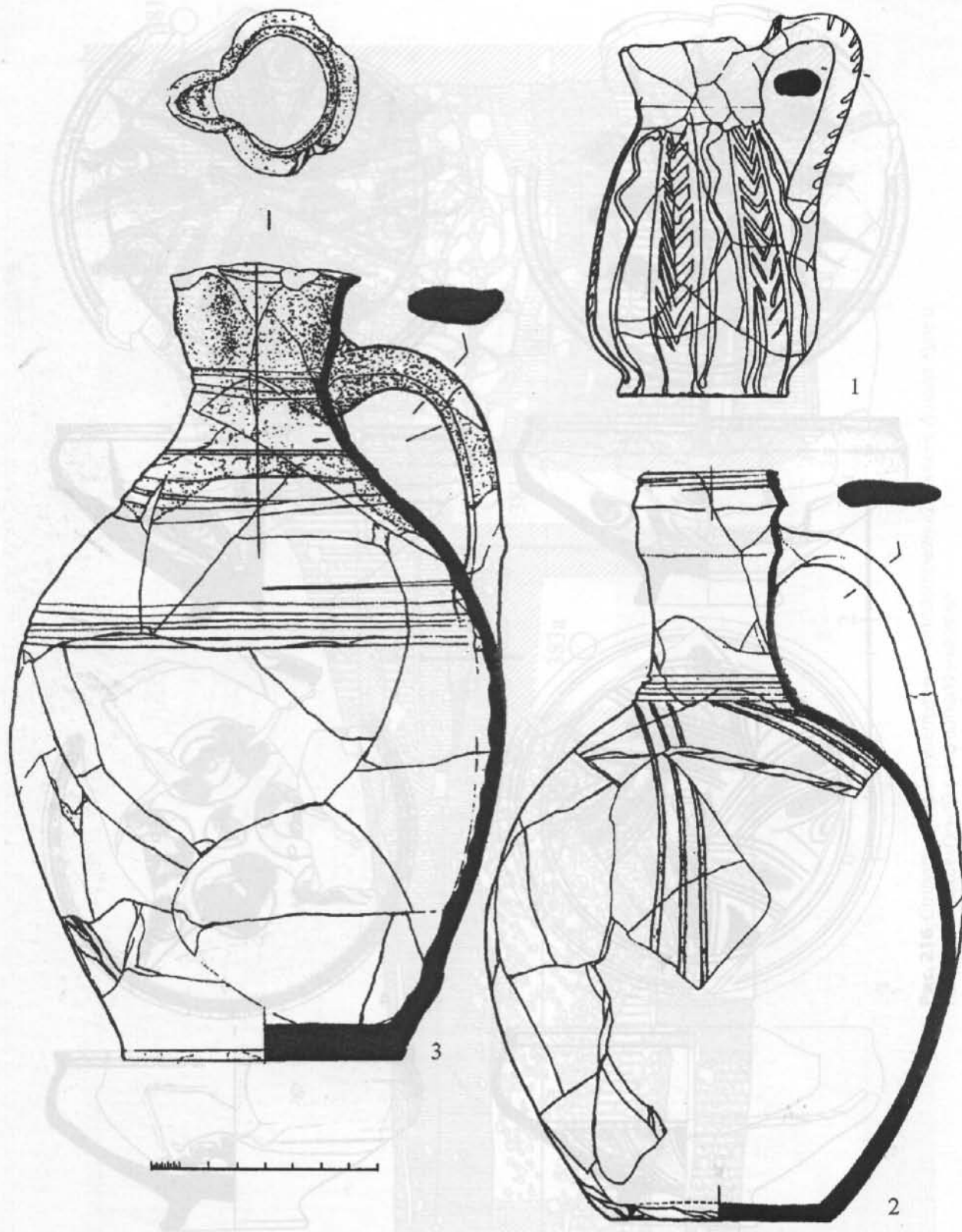


Рис. 218. Коричневоглиняные тонкостенные кувшины, украшенные белым ангобом (1, 2) и красноглиняный поливной кувшин (3) из слоя пожара 1475 г. в башне Ашага-Куле

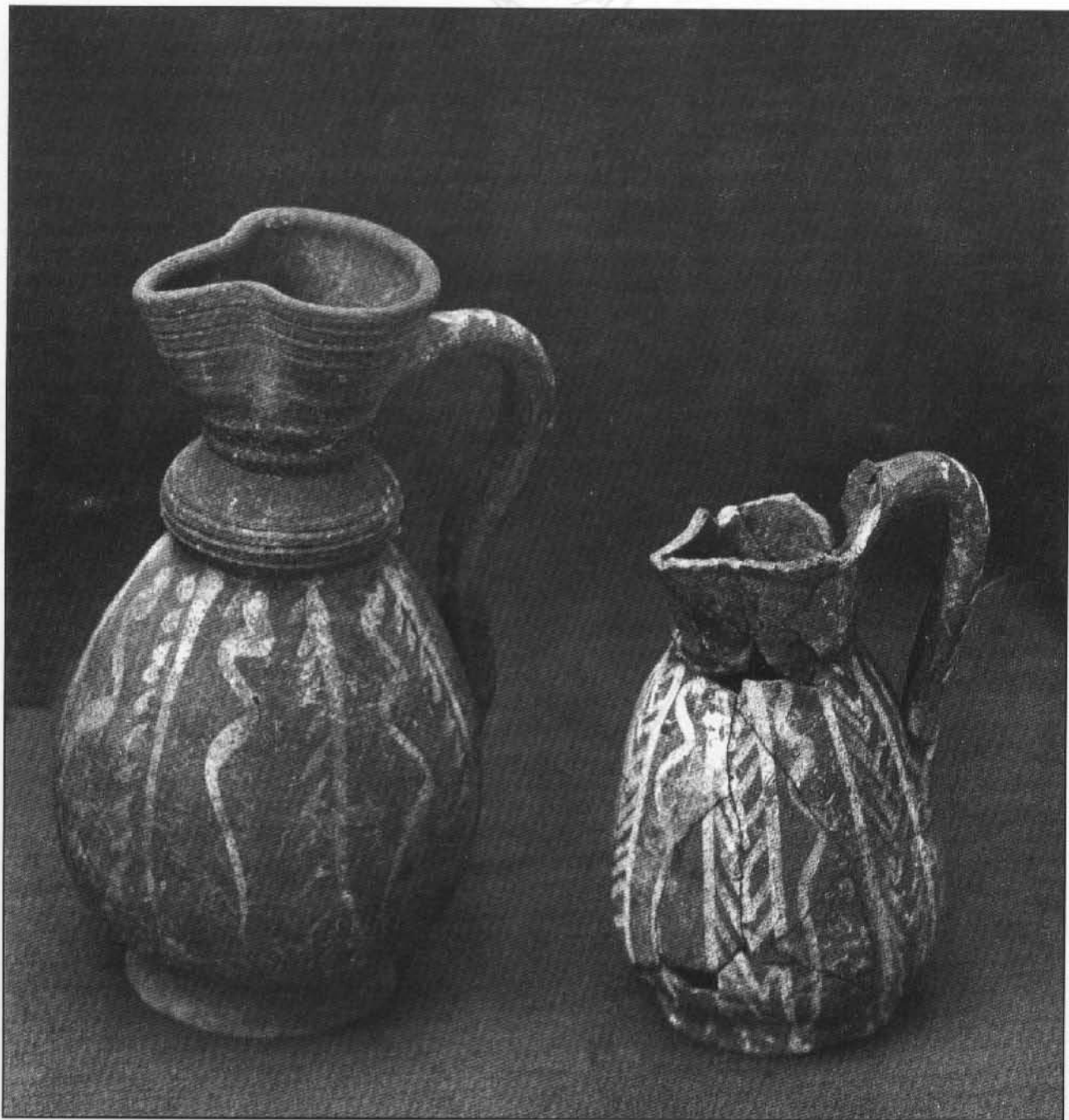


Рис. 219. Коричневоглиняные кувшины XV в. с ойнохоевидным горлом и росписью белым ангобом

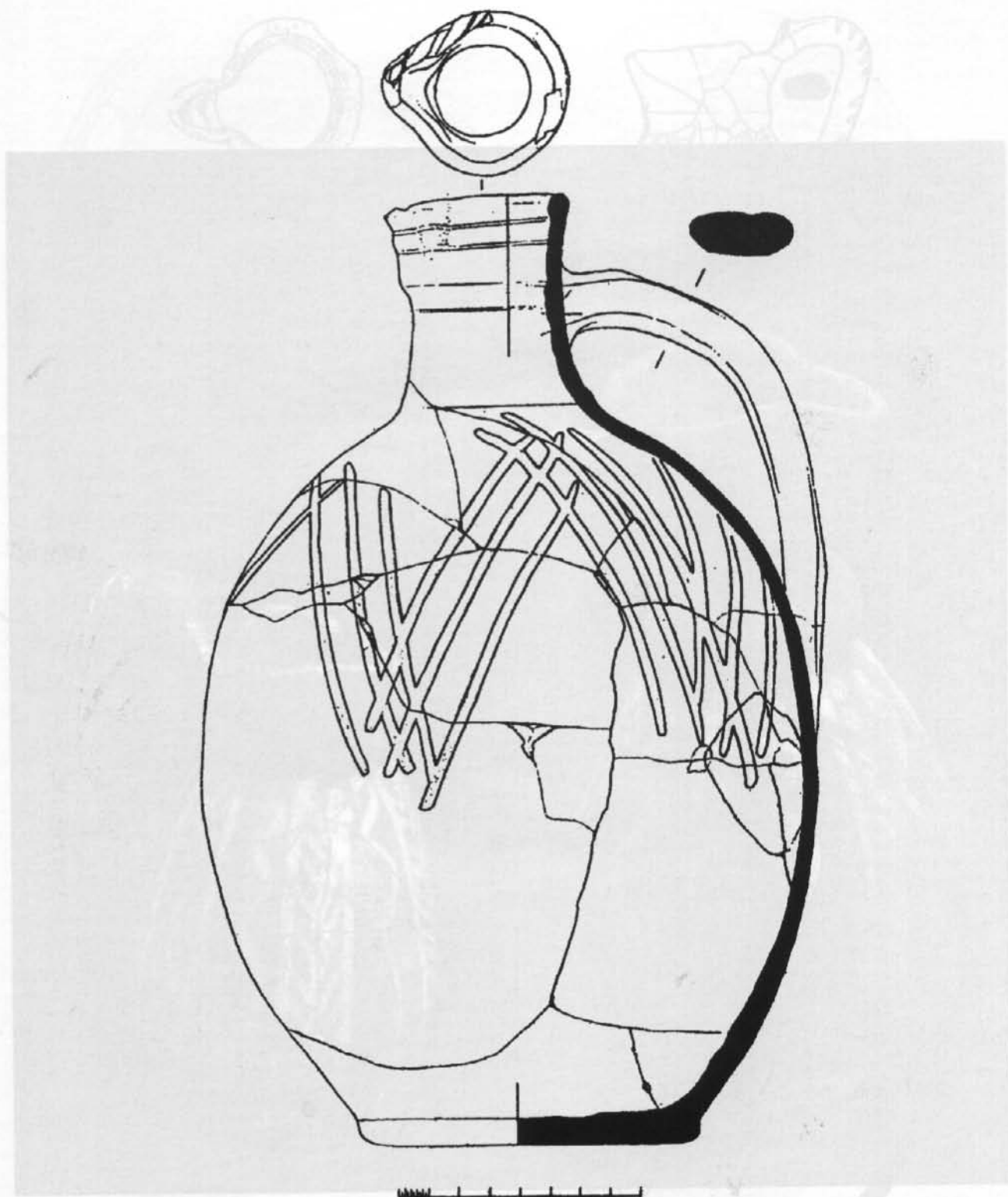


Рис. 220. Красноглиняный кувшин XV в. (?) с росписью белым ангобом

Рис. 218. Красноглиняный одноствольный кувшин, украшенный белым ангобом (?), из коллекции Музея истории культуры (2005 г.)

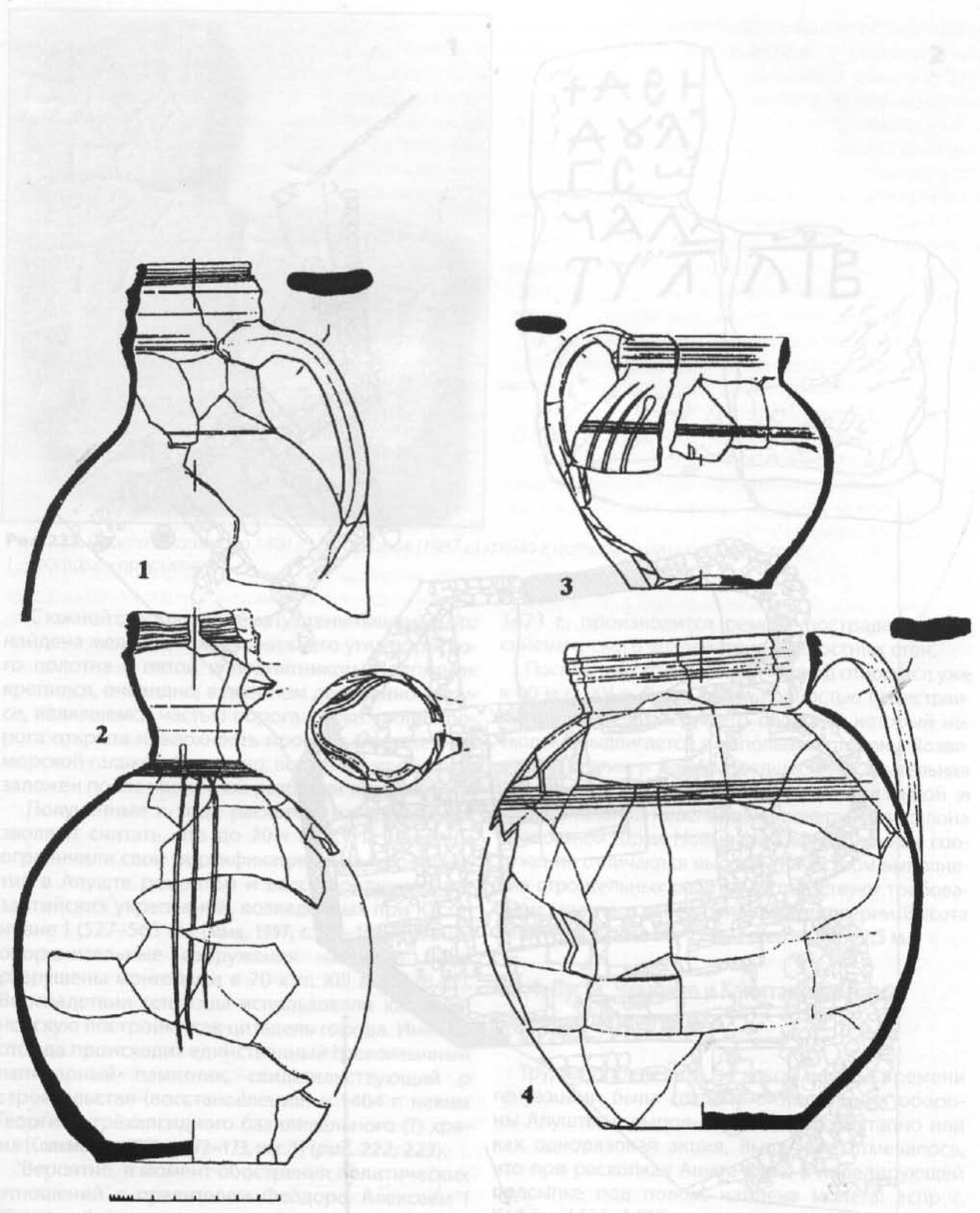


Рис. 221. Коричневоглиняные кувшины (1, 2) и горшки (3, 4) из слоя пожара 1475 г. в башне Ашага-Куле

Климатическая зона характеризуется умеренно-континентальными условиями. Основные строительные материалы — кирпич и известняк. Приемы оборонительных стен устанавливаются без специальной нивелировки поверхности и не имеют фундаментов. Это позволило усадить значительную часть города на 0,75 га (в 2,1 раза). Во второй половине 20-х гг. (вероятно, не ранее 1425 г.) после катастрофического землетрясения

Крымского полуострова, вызванного землетрясением в Крыму 1425 г., в связи с падением Константинополя в 1453 г. и началом турецкого владычества в Крыму, в 1475 г. в башне Ашага-Куле произошёл пожар, уничтоживший значительную часть города. При раскопках Ашага-Куле в 1950-е гг. обнаружены остатки жилищ, относящихся к 1475 г. В 1950-е гг. в башне Ашага-Куле были найдены остатки жилищ, относящихся к 1475 г. В 1950-е гг. в башне Ашага-Куле были найдены остатки жилищ, относящихся к 1475 г.

На основании изучения Орта-Куле можно предположить, что в 50-х гг. XV в. (не ранее 1462/63 г.) генуэзцы завершили «крепостное» строительство Дусти. К этому времени город обнесён стеной

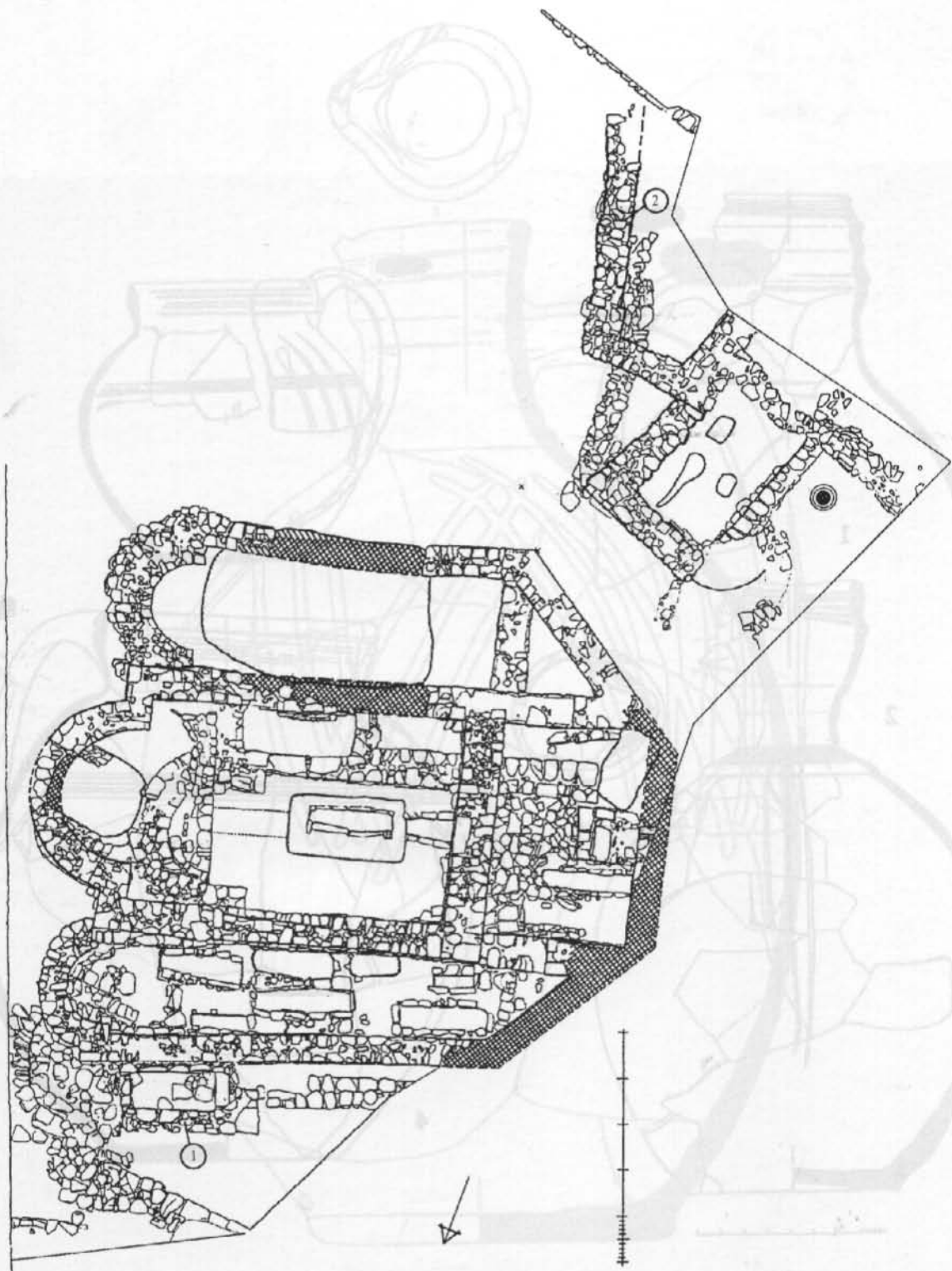


Рис. 222. Храм в цитадели крепости Алустон с примыкающим участком застройки XV в. План: 1 – место находки плиты с надписью 1404 г.; 2 – место находки кувшина с серебряными слитками



Рис. 223. Плита с надписью 1404 г. из раскопок (1987 г.) храма в цитадели генуэзской Лусты: 1 – фото; 2 – прорисовка

С южной стороны проёма (у стены башни) *in situ* найдена железная оковка нижнего угла воротного полотна с пятой и подпятником. Подпятник крепился, очевидно, в дверном деревянном бруссе, являвшемся частью порога. Ниже уровня порога открыта поверхность проезда, выложенная морской галькой. Вероятно, воротный проём был заложен после частичной разборки куртины.

Полученные в ходе раскопок материалы позволяют считать, что до 20-х гг. XV в. генуэзцы ограничили свои фортификационные мероприятия в Алуште ремонтом и восстановлением византийских укреплений, возведённых при Юстиниане I (527–565 гг.) [Мыц, 1997, с. 187–199]. Данные оборонительные сооружения частично были разрушены монголами в 70-х гг. XIII в. (1278 г.?). Впоследствии генуэзцы использовали юстиниановскую постройку как цитадель города. Именно отсюда происходит единственный грекоязычный лапидарный памятник, свидетельствующий о строительстве (восстановлении) в 1404 г. неким Георгием трёхапсидного базиликального (?) храма [Соломоник, 1991, с. 172–173, рис. 1] (рис. 222; 223).

Вероятно, в момент обострения политических отношений с правителем Феодоро Алексеем I (Старшим), начавшим военные действия против Каффы (1422–1423 гг.), в спешном порядке строится внешняя линия обороны генуэзской Лусты. Южная стена сложена на грязевом растворе, причём оборонительные стены устанавливаются без специальной нивелировки поверхности и не имеют фундаментов. Это позволило увеличить защищённую часть города на 0,75 га (в 2,1 раза). Во второй половине 20-х гг. (вероятно, не ранее 1425 г.), после катастрофического землетрясения

1423 г., производится ремонт пострадавших от сейсмического воздействия крепостных стен.

Последний строительный период относится уже к 60-м гг. XV в. В это время полностью перестраивается внешний периметр обороны, который несколько выдвигается в напольную сторону. Возведению куртин и башен предшествует тщательная инженерная подготовка в виде вертикальной и горизонтальной нивелировки поверхности склона Крепостной горки. Новые фортификационные сооружения отличаются высоким качеством выполнения строительных работ и соответствуют требованиям защиты от огнестрельной артиллерии. Высота башен достигала 20–22 м, а стен — 11–11,5 м.

4.3.4. Луста, Чембало и Капитанство Готии в третьей четверти XV в.

Трудно определить, за какой период времени генуэзцами была создана вторая линия обороны Алушты, и выполнялось ли это поэтапно или как одноразовая акция. Выше уже отмечалось, что при раскопках Ашага-Куле, в нивелирующей подсыпке под полом, найдена монета: аспр г. Каффы 1421–1435 гг., времени правления золотоордынского хана Улу-Мухаммеда — 1421–1426, 1428–1436 гг., — и Миланского герцога Филиппо Мариа Висконти — 1421–1435 гг. находка свидетельствует о том, что башня была возведена не ранее 20–30-х гг. XV в.

На основании изучения Орта-Куле можно предположить, что в 60-х гг. XV в. (не ранее 1462/63 г.) генуэзцы завершают крепостное строительство Лусты. К этому времени город обносится внешней

(второй) оборонительной стеной с тремя башнями. Очевидно, у генуэзцев были веские причины для создания небольшой по размерам, но хорошо защищенной крепости, которая на всём протяжении побережья (от Солдайи до Чембало) обладала самыми мощными фортификационными сооружениями.

Из Устава 1449 г. известно, что в Лусте находился консул, который был обязан при вступлении в должность внести в казну 2 сомма [Устав, 1863, с. 675]. Но до сих пор мы не знаем ни одного имени консула Лусты, как, кстати, и имён других официалов, получавших должности консулов на побережье Крымской Ривьеры — Партените, Гурзуфе и Ялите. Не открыт в крепости и замок консула, который, вероятнее всего, располагался в цитадели (?) на самой вершине Крепостной горы.

Именно к этому времени относится активизация строительной деятельности генуэзцев по ремонту и возведению новых фортификационных сооружений в Газарии. Суммы, выделяемые магистратами Каффы на ремонт крепостных сооружений в 1461–1472 гг., неизменно увеличиваются. Только в 1465 г. на эти цели было израсходовано 1 410 906 аспров [Balard, Veinstein, 1981, p. 87]. В 1467 г. (в консулат Калочеро де Гвизольфи) в Каффе проводится ремонт ворот св. Георгия и башни св. Константина [Югревич, 1863, с. 165; Skrzinska, 1928, p. 65–68, № 16, 17; Balard, Veinstein, 1981, p. 87; Айбабина, 1988, с. 76; Бочаров, 1998, с. 88, 93, табл. 1, 2].

В одном из армянских источников также содержится свидетельство, касающееся совместных усилий разноэтничных городских общин по укреплению Каффы: «В году 916 (= 1467), 16 ноября новая цитадель и ограда Каффы были восстановлены и закончены. И франки, армяне и ромеи (греки — В. М.), поднимаясь со [своими] епископами и священниками, совершили обход с Крестом и Евангелием; и они благословили [это] место» [Cazacu, Kevonian, 1976, p. 502]. Деятельность по совершенствованию системы обороны главной лигурийской фактории не прекращается вплоть до момента нападения турок в 1475 г. [Skrzinska, 1928, p. 69–73, № 18–22; Бочаров, 1998, с. 91–96, рис. 1–20].

Теми же проблемами были озабочены и консулы второго по размерам и значимости города генуэзской Газарии — Солдайи. Наиболее поздняя из известных нам, датированная строительная надпись относится к 1469 г. В центре её помещено изображение Богоматери с младенцем, а по бокам — два герба консула Бернардо де Амико [Скржинская, 1958, с. 174; Айбабина, 2001, табл. IX, 3]. В документах переписки содержатся сведения о проведении ремонтных работ крепостных сооружений. Так, например, когда консул Каффы Антониотто ди Кабелла 17 сентября 1474 г. обращается к Христофоро ди Негро: «С божьей помощью начинаем мы новое строительство, просим вас прислать нам шесть хороших мастеров — каменщиков (*sex ex illis melioribus magistris antelami*), которых сможете

разыскать в вашем городе, не трогая работающих в замке Тасили (*qui laborant in arce Tasili*), так как мы понимаем, как они нужны там ввиду надвигающихся событий» [Atti, 1879, VII, Doc. IX, p. 300–301; Милицин, 1955, с. 79], консул Солдайи вежливо ему отказывает, сетуя на то, что все мастера-каменщики города заняты на восстановлении фундамента большой башни (*fundamenta turris magne*) [Atti, 1879, VII, Doc. X, p. 303; Милицин, 1955, с. 81].

Имеющиеся в нашем распоряжении документы сообщают о том, что в конце 1454 — начале 1455 гг. в Чембало проводится ремонт фортификационных сооружений в замке св. Николая и крепости св. Георгия [Atti, 1868, VI, Doc. XCVII, 28 January 1455a, p. 279–280]. В 60-х гг. XV в. генуэзцы продолжали здесь строительные работы, о чём свидетельствуют надписи 1463 (Барнабо де Грилло) и 1467 гг. (Баптиста де Олива) [Skrzinska, 1928, p. 129–134, № 54–55]. На протяжении пяти лет по единому проекту полностью реконструируется внешний контур оборонительной системы города. К 1467 г. завершается формирование крепостного ансамбля генуэзского Чембало.

Нижняя башня («Барнабо де Грилло»), прикрытая с севера и востока прямоугольным барбаканом, окружается дополнительным поясом кладки и получает эллипсоидную форму (ранее она была прямоугольной размером 6,50×5,90 м). После перестройки 1463 г. её параметры увеличиваются за счет внешней пристройки до 8,20×9,20 м. При этом были разобраны стены прежнего барбакана, и с напольной стороны возводится новый. Барбакан 1463/4 г. (?) представляет собой параболическую в плане капитальную каменную ограду. Постройка одним концом примыкала к башне, вторым — к куртине у крепостных ворот. Общие параметры сооружения: ширина — 14,40 м, длина — 17,00 м. Толщина стены 1,06–2,30 м (более тонкая на флангах с увеличением в напольную сторону). Внешние ворота барбакана находились в восточной, исправленной части ограды. Напротив входа, со стороны залива, в стене имелись две амбразуры. Одна из них была пушечной. Предназначение второй, в османский период приспособленной под водосток, однозначно определению не поддается. Рядом с воротами, в южном углу двора барбакана, размещена цистерна. В резервуар вода поступала извне по керамическим трубам, пропущенным сквозь кладку ограды. Излишек воды отводился по каменному желобу за пределы барбакана в сторону устья балки Кефало-Врисы (греч. «Голова источника») [Адакшина, Кирилко, Мыц, 2004, с. 49, рис. 19–21, 26, 27, 44, 45–60].

Существенной реконструкции в 50–60-х гг. XV в. подверглись главные ворота крепости. Первоначально, в 20–30-х гг. XV в., ворота находились в крепостной стене рядом с прямоугольной башней, на одной оси с дорогой. Внешняя ширина проёма составляла 1,87 м. Толщина куртины — 1,45 м, вынос фланкирующей башни — 5,02 м. Во втором

строительном периоде (50-е гг. XV в.) перед воротами появился прямоугольный в плане барбакан, защищавший снаружи вход в крепость. Вход в барбакан расположили сбоку, у передней стены башни. В северной и восточной стенах барбакана были устроены три бойницы подножного боя. Одна из них — угловая, с промежуточной опорой в виде резной восьмигранной колонки — делилась на две части. Размеры прямоугольного барбакана: внутренние — 7,40–7,60×3,90–4,20 м, внешние — 8,34–8,52×5,46–5,60 м. Толщина кладки — 0,92 м. Просвет внешнего воротного проема — 1,53 м.

Около середины 60-х гг. XV в. в два этапа происходит существенная перестройка всего комплекса бывших главных городских ворот. Возводится новая башня со сложными криволинейными очертаниями плана. Это строение органично включает в свою структуру предыдущую прямоугольную башню. Подъезд к воротам барбакана сузился до 0,95 м, а сами ворота, по сути, превратились в потерну. Вслед за этим производится реконструкция барбакана: его наружная конфигурация посредством утолщения кладки изменена с прямоугольной на параболическую. Со стороны балки Кефало-Вриси, в боковой стене сооружения, взамен заложенных бойниц появилась пушечная амбразура. Внешние размеры нового барбакана составили 10,12×7,80 м. Толщина его ограды — 1,22–3,25 м. [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, с. 38–39].

На самой высшей точке скальной возвышенности в 1467 г. завершается строительство нового замка³⁰. Цитадель, расположенная на вершине г. Кастрон, представляла собой замкнутый комплекс фортификационных сооружений, состоящий из криволинейных в плане куртин, двух разнотипных башен, барбакана и воротного проема («калитки»). Защищённая с востока, севера и запада территория общей площадью около 0,193 га представляет собой каменистую скальную поверхность с крутым южным обрывом, обращенным к морю [Адаксина, Мыц, 2007, с. 5, рис. 2, 3, 4]. Её протяженность с востока на запад составляет 84–86 м при ширине (по оси север-юг) 18–25 м. Общая длина сохранившихся на этих направлениях, в разной степени руинированных, оборонительных стен достигает 152 м. В планировке верхнего замка, имеющего форму сильно вытянутого овала, выделяется барбакан в форме разностороннего четырехугольника (6–14×18–24 м), обращенный малой стороной на северо-запад. На востоке цитадель замыкала башня «Баптиста де Олива» открытого типа, а на западе — донжон.

Башня получила своё название по тексту надписи на закладной плите, установленной при её воз-

³⁰ Ранее мной высказывалось априорное предположение, будто верхний замок Чембало был освящен во имя св. Ильи [Мыц, 2002, с. 173]. Однако следует признать, что до сих пор нет никаких подтверждений данной гипотезы. Имеющиеся генуэзские документы до начала 70-х гг. XV в. называют только две крепости: св. Николая и св. Георгия.

ведении с наружной стороны в северо-восточной плоскости стены. Строительная плита была снята во время Крымской кампании 1854–1855 гг. вместе с плитой 1463 г. консула Барнабо Грилло и отправлена в Италию, где и сейчас хранится в морском музее Генуи. Надпись гласит: «1467 [год]. [Эти строения] (башня и стена) возведены во время [правления] благородного господина Баптиста де Олива, достопочтенного консула [крепости] Чембало» (MCCCCLXVII. Hoc opus factum fuit te[m]pore s[pectabilis] d[omi]ni Bap[ist]ae de Oliva hon[or]abil[is] [con]suli Ci[ta]tatis ha[n]c turi [cum] muro) [Skrzinska, 1928, p. 133, pl. 55].

В настоящее время северо-восточная стена башни сохранилась на высоту около 10 м, до основания парапета, покоившегося на двойном аркатурном поясе. Внешняя (северная) лицевая кладка плавно закругляется с запада на восток и завершается массивным килевидным выступом. С внутренней стороны, в самом основании, кладка стены, будучи впущенной в траншею глубиной около 0,85 м, велась небрежно, внаброс с порядовой заливкой известковым раствором. Поэтому на всём протяжении (8,10 м) она имеет в плане криволинейный абрис [Адаксина, Мыц, 2007, с. 6, рис. 7, кладка 21; 48–53]. Толщина северной стены неравномерная и колеблется в пределах от 2,10 (с запада на восток) до 2,61, 2,80, 2,68, 2,30 м. Толщина восточной стены на уровне килевидного выступа достигает 3,20 м, к югу уменьшается до 2,65–1,30 м.

С юга и запада к башне примыкали куртины. Протяженность южного отрезка составляет около 17 м, западного — 70 м. В оборонительной стене, прикрывавшей доступ на территорию замка с северо-востока, сохранились четыре однотипные щелевидные амбразуры и калитка-потерна. В основании толщина стены достигает 1,40–1,50 м, кверху (на высоте около 3,0 м) сужается до 1,25–1,30 м. С внутренней (южной) стороны основания амбразур находились на высоте 0,95–0,98 м от дневной поверхности 60-х гг. XV в., с внешней (северной) — 2,10–2,20 м. Внутренние параметры амбразур: высота — 0,56 м, ширина — 0,30–0,32 м. Внешние параметры: высота — 0,50–0,52 м, ширина — 0,12–0,15 м. Направление боевого отверстия относительно плоскости стены развернуто под углом 87°. Учитывая высоту расположения от внешнего основания куртины, данные амбразуры нельзя относить к типу сооружений подножного боя. Вероятнее всего, они предназначались для скрытого обстрела (из лука, арбалета, сарбатаны?) возвышенности правого борта балки Кефало-Вриси, расстояние до которой (по прямой) составляет около 240 м.

В системе обороны верхнего замка Чембало основную роль играл донжон (башня № 2). Его современная высота 18 м (первоначально, вероятно, достигала 22–23 м). В основании строение

имеет форму круга диаметром 12,50×12,70 м; стоит на мощном цоколе высотой 6,50 м, имеющим в разрезе форму трапеции. Кверху цоколь сужается до 8,60–8,80 м. Толщина стен башни — 1,90 м³¹. Она состояла из трёх этажей и верхней боевой площадки с парапетом, установленном на аркатурных поясах и выносных кронштейнах с машикулями. В нижнем (цокольном) этаже размещалась большая цистерна для воды, оштукатуренная цемянковым раствором. Вода сюда поступала самотеком по водопроводу из керамических труб, проведённому от верховьев балки Кефаловрисы в 1,5 км к востоку от крепости [Монтандон, 1997, с. 64; Репников, 1940, с. 3].

Важным стимулом проведения столь широкомасштабных фортификационных мероприятий для генуэзцев являлись реальная угроза захвата Газарии османами (особенно после аннексии в 1461 г. Трапезунда) и участвовавшие нападения на побережье Готии и «дистретто» Солдаи турецких пиратов, о чём уже говорилось ранее. В районе Лусты военно-политическая ситуация этого времени осложнялась ещё и опасным соседством с владетелями Феодоро, которые в 1459 г. практически заново возводят (капитально перестроив более раннее укрепление) замок у селения Фуна [Мыц, 1988, с. 104; Кирилко, 2006, с. 131–179].

В 1467 г. в метрополию с очередной просьбой о помощи направляются Джулиано Фиески и Бартоломео Сантамброджио. Сохранившиеся в архиве Генуи 9 документов этой миссии содержат две копии описи вооружения, находившегося на тот момент в Каффе, две копии списков гражданских (*provisionati*) и военных (*socii*) лиц, служащих коммуны (составлены массарием Карло Чиконья), а также другие материалы, касающиеся вопросов организации защиты и управления факториями [Assini, 1999, p. 15–16].

8 апреля 1468 г. в Генуе состоялось заседание Большого совета, на котором подробно обсуждались жизненно важные проблемы спасения от турок Черноморских факторий. Но делалось это «с таким очевидным желанием свести к минимуму всю тяжесть положения, что заслужило упрёк Баттисты де Гоано, говорившего, памятуя об утрате, понесённой нами в Пере из-за собственного небрежения, следовало бы оказать необходимую помощь хотя бы Каффе» [Assini, 1999, p. 16].

Для обеспечения эффективного военно-административного контроля над побережьем генуэзской Газарии от границ консульства Солдаи до консульства Чембало, была создана (по-видимому, не ранее 1428 г.) специальная официя — Капитанство Готии. В структуре и функционировании этого ведомства до настоящего времени остаётся много неясного. Неизвестно и точное место пре-

бывания капитана Готии. А. А. Васильев считал, что этот чиновник, будучи подчинённым и подотчётным консулу и викарию главной генуэзской фактории в Причерноморье, проживал в Каффе, где находилась его резиденция [Vasiliev, 1936, p. 182].

Но весьма сомнительно то, что можно было эффективно управлять данной территорией, постоянно проживая в Каффе. Поэтому мною было высказано предположение, что центром «Капитанства Готия» являлась Луста, как наиболее укреплённая из всех генуэзских пунктов побережья от Солдаи до Чембало [Мыц, 1991а, с. 78; 2002, с. 175].

Безусловно, данный тезис требует дальнейшей разработки и поиска подтверждающих гипотезу фактов. Тем не менее, можно полагать, что все масштабные фортификационные мероприятия генуэзцев по укреплению факторий Готии происходили при непосредственном участии и под контролем капитанов. Дополнительную ясность в этот вопрос могли бы внести находки закладных плит, свидетельствующих о строительстве. Но, несмотря на продолжительные археологические исследования 50–90-х гг. XX в., в том числе и в Алуште, до настоящего времени здесь не обнаружено ни одного памятника латинской эпиграфики, на что в своё время обратил внимание Л. В. Фирсов [Фирсов, 1990, с. 68].

Известные нам источники сообщают, что капитанами Готии были: в 1429 г. — Батиста де Гандино, в 1448 г. — Батиста Маркессано (назначен в Генуе 28 марта 1448 г. «капитаном всей Готии» — *Battisto Marchexano <...> capitaneum et pro capitaneo totius Gotie* [Jorga, 1899, III, p. 235]). Первым официальным, получившим патент на эту должность от протекторов Банка Сан-Джорджо 22 августа 1454 г., стал Бальтазар де Андора (*Badasar de Andora*). По всей видимости, он вскоре отказался от нее, потому что на повторных выборах отмечено сначала имя Томмазо ди Вольтаджо (*Thomas de Vultabio*), а затем — Зерино ди Каннето (*Dexerinus de Caneto*) [Atti, 1879, VII, p. 983].

После этого наступает пятилетний перерыв в назначении капитанов Готии. Только 9 мая 1459 г. от протекторов Банка патент на управление официей сроком на два года (т. е. по 9 мая 1461 г.) получил Иеронимо Герарди. Интересно отметить, что в мандате, который Иеронимо Герарди должен был по прибытию в Газарию предъявить консулу и массариям Каффы, специально оговаривалось: «Так как мы избрали и утвердили достопочтенного Иеронимо капитаном Готии сроком на два года <...>, то мы приказываем вам, чтобы после того, как вы увидите настоящий патент, вы считали бы его и приняли бы его как капитана Готии и представили бы ему эту официю даже в том случае, если она уже была продана кому-нибудь» [Atti, 1879, VII, p. 983; Vasiliev, 1936, p. 228–229].

С этого времени назначения на должность капитанов Готии следуют с небольшими перерывами до сентября 1474 г., что указывает на её

³¹ Более подробно об этом сооружении см. приложение А. В. Иванова к отчету 2005 г. [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006, с. 58–76].

важность в системе управления факториями побережья Таврики. Весьма симптоматично возобновление регулярных назначений с весны 1459 г. Предположительно это можно связать с поступившими в Геную, вероятно, в конце 1458 г., сведениями о строительстве владетелями Феодоро замка у селения Фуна.

Преемником Иеронимо Герарди стал Франческо де Мари (*Franciscuni de Mari*), избранный на должность капитана Готии по итогам конкурса 10 апреля 1461 г. Он получил 27 мая патент сроком на два года и два месяца [Atti, 1879, VII, p. 983]. На время официи де Мари приходится сразу несколько важных военно-политических событий в Причерноморье. Среди них, очевидно, наиболее значимым являлось завоевание Мехмедом II в 1461 г. Синопа и Трапезундской империи, а также пленение Давида Великого Комнина и его семьи. По всей видимости, именно эти события и явились стимулом для того, чтобы протекторы Банка приступили к реализации широкомасштабной программы по укреплению Причерноморских факторий.

28 сентября 1463 г. (патент от 21 октября) капитаном Готии сроком на 13 месяцев избирается Анфреоне Каттанео (*Anfreonus Cataneus*) [Atti, 1868, VI, p. 121, doc. DLXV; 1879, VII, p. 983–984]. Следующим официальным, в управлении которого находилась Готия на протяжении 1466–1467 гг., был Христофоро де Франки Сакко (*Christoferus de Francis Saccus*) [Atti, 1879, VII, p. 984] (избран 19 февраля 1466 г., патент от 23 мая). По-видимому, после Анфреоне Каттанео (срок его официи завершился 21 ноября 1464 г.) на протяжении полутора лет в метрополии не нашлось желающих отправиться в фактории Причерноморья для занятия должности капитана Готии. Вероятно, эта официа была продана на указанный срок с торгов в Каффе, но личность того, кто её занимал, неизвестна. Преемником Христофоро де Франки являлся Манфредо де Промонторио (*Monfredus de Promontorio*), также получивший патент (избран 16 февраля 1467 г.) сроком на 26 месяцев, т. е. на 1467–1468 гг. [Atti, 1879, VII, p. 984]. Затем следует более чем двухлетняя лакуна (с 16 апреля 1468 по 3 июля 1470 гг.). В 1470 г. капитаном избирается Дессерино де Каннето. Он отправляется в Каффу после 14 августа с патентом на 26 месяцев [Atti, 1879, VII, p. 984].

В 1470 г. в Геную из Каффы с важным посланием от консула и массариев прибыл Джорджо Лаззарини. Протекторы Банка, желая компенсировать понесённые им расходы, 26 октября предоставляют Лаззарини официю капитана Готии. Он должен занять должность после окончания срока полномочий Дессерино де Каннето (т. е. после 14 октября 1471 г.). Лаззарини возвратился в Газарию весной 1471 г., получив 15 января в Генуе патент [Atti, 1879, VII, p. 985; Vasiliev, 1936, p. 229].

В условиях нарастающей опасности военного столкновения с турками и частыми «волнениями»

в генуэзских факториях Газарии, протекторы Банка специальным декретом от 14 февраля 1472 г. назначают капитаном Готии Николо Маффеи. Николо уже через четыре дня (18 февраля) получил патент со специальным предписанием, что он прибудет в Таврику не позднее, чем через 8 месяцев и «не покинет пределы Каффы или других мест Великого Моря (*locis Maris Majoris*), в том числе и Перу, пока не закончится срок его официи» [Atti, 1879, VII, p. 839]. Данный источник интересен для нас тем, что указывает на разные места, где мог находиться капитан Готии Николо Маффеи: от «пределов Каффы» до Перы и «других мест Великого Моря». В том же году (1 июня 1472 г.) в качестве преемника Маффеи избран Лаззаро Кальвини (*ad capitaneatum Gotie pro mensibus viginti sex Lazarum Calvum*) [Atti, 1879, VII, p. 985]. Однако Лаззаро в 1473 г. (до 11 мая) обратился к протекторам с петицией, в которой содержалась мотивация причин, по которым Кальвини не мог исполнять обязанности официала Готии. Он предложил заменить его братом Антонио, получившим 18 мая 1473 г. патент на 26 месяцев [Atti, 1879, p. 985–986].

Несмотря на то, что срок полномочий Антонио Кальвини истёк 18 июля 1474 г., протекторы выдали патент его преемнику — Джанагостино Каттанео (*Gianagostino Cattaneo*) — только 10 сентября [Atti, 1879, VII, P. II, f. 1, p. 117, 986; Condioti, 1925, p. 546–547]. Каттанео, судя по всему, являлся последним генуэзским чиновником, исполнявшим обязанности капитана Готии до момента завоевания лигурийских факторий турками летом 1475 г. Его дальнейшая судьба неизвестна [Vasiliev, 1936, p. 264].

В связи с ограниченностью имеющихся в нашем распоряжении материалов и, прежде всего, отсутствием строительных закладных плит на Орта-Куле и Ашага-Куле, можно только предположительно считать, что внешняя линия обороны генуэзской Лусты была построена во время пребывания на должности капитанов Готии Франческо де Мари (27 мая 1461 — 27 июля 1463 гг.), Анфреоне Каттанео (21 октября 1463 — 21 ноября 1464 гг.), Христофоро де Франки Сакко (23 мая 1466 — 23 июля 1467 гг.) и Манфредо де Промонторио (24 июля 1467 — 24 сентября 1468 гг.).

Требуется дальнейшего изучения и вопрос, кому принадлежала Луста перед завоеванием Готии османами — генуэзцам или феодоритам? Как уже отмечалось, источники вроде бы указывают на то, что к 1474 г. город и крепость находились во владении господ из Готии [Милицин, 1955, с. 91]. На основании материалов из «Дела Гваско», С. А. Секиринский полагал, что «Луста, по крайней мере в третьей четверти XV в., не входила в состав генуэзских владений, как это было принято думать ранее, и что власть государства Феодоро в эти годы распространялась до границ Солдайского консульства» [Секиринский, 1955, с. 54]. Данное мнение было поддержано рядом исследователей [Веймарн, 1968, с. 80; Домбровский, 1966а, с. 18, рис. 2; 1986,

с. 535, карта на с. 524] и в дальнейшем уже воспринималось как аксиома.

На мой взгляд, нельзя столь однозначно трактовать материалы переписки консула Солдаи Христофоро ди Негро с официальными Каффы и протекторами Банка Сан-Джорджо. В «Списке обвинений против братьев ди Гваско» Христофоро ди Негро сообщает, что «они недавно осмелились приказать сжечь несколько овчарен владельца Лусты (*domini Luste*), чем причинили тому большой вред и унизили господ Готию (*dominorum Gotie*), о чём те слёзно жаловались в Каффе, а также господину Оберто Скварчафико (*domino Oberto Squarzafico*) и официальным казначейства (*officialibus monete*) при недавнем их приезде из Чембало (*qui nouiter uenerunt de Cimbalo*), требуя удовлетворения и надлежащих мер для пресечения на будущее время подобных бесчинств, указывая, что в противном случае они сами позаботятся о защите своей от убытков и поругания чести. Это даёт повод опасаться возникновения неурядиц, что может вовлечь нас в войну с господами Готии» (*orientur scandalaque posent nos facere intrare in guerram cum dictis dominis Gotie*) [Atti, 1879, VII, p. 319; Милицин, 1955, с. 91].

Во-первых, приведённый текст говорит о том, что пострадавшая сторона (владелец Лусты) апелировал к официальным Каффы и пытался таким образом разрешить конфликт с братьями Гваско. Во-вторых, только по мнению Христофоро ди Негро эти жалобы на действия Гваско дают «повод опасаться возникновения неурядиц, что может вовлечь <...> в войну с господами Готии». В-третьих, есть основания считать, что встреча владельца Лусты с первым массарием Каффы Оберто Скварчафико и официальными казначейства состоялась именно в Лусте, когда те направлялись из Чембало в Каффу³². В-четвёртых, письмо с набором жалоб на действия Гваско и «поддерживавших» их магистратов Каффы протекторам Банка отправлено Христофоро ди Негро из Солдаи в Геную не ранее 21 октября 1474 г. Но сам конфликт, о котором идёт речь, относится к лету того года.

Дело в том, что вне внимания С. А. Милицина и С. А. Секиринского остались документы, касающиеся деятельности экс-консула Каффы Баптисты Джустиниани в 1473–1474 гг. и относящиеся к рассматриваемым событиям. Например, в своём ответе на второе обвинение (*Secunda accusatio*) Христофоро ди Негро 19 августа 1474 г. Баптиста Джустиниани говорил, что оно «<...> содержит больше обвинений, чем предъявлено самими канлюками (*canlucorum*) <...>. При этом Джустиниани замечает: «<...> донесение самого обвинителя (Христофоро ди Негро — В. М.) основано на ненависти, обращённой к семье Гваско, и в особенности к сыновьям покойного нобилия

³² В Солдае массарий Оберто Скварчафико и официальные казначейства побывали в период между 20 сентября и 13 октября 1474 г. [Милицин, 1955, с. 81–82].

Антонио (<...> *notoria erat odium quod habet cum fratribus de Goasco, filijs quondam nobilis Antonij*), а поэтому причины их обвинения несправедливы». Хотя экс-консул вынужден был признать: «<...> Недавно, поддавшись соблазну близкого расположения, ими (сыновьями Антонио ди Гваско — В. М.) было захвачено одно селение из числа 10 сёл, принадлежавших Дербиберди, господину Лусты (*alia casallia adherentia illis quia casallis X dafii nouissime acquisiti sunt per Derbiberdi domini Luste*). Данное событие (захват — В. М.) послужило поводом для «обвинения нашей республики» (*damno nostre reipublice*). Следы нанесённого ущерба видел сам Бартоломео (Бартоломео Сантамброджио — В. М.), которому удалось тайно (*furta fiunt*) побывать в том селении в связи с проводимым им расследованием, где он тайком расспрашивал о случившемся пастухов (конюхов-готов и скотоводов-татар). Особенно сильное впечатление на очевидца произвели своим видом «фурки» (*furcas*)³³ — «ужасные». Тем не менее, Баптиста Джустиниани находит оправдание действий братьев Гваско в том, что «<...> и сам Биберди, [как] говорили сыновья покойного господина Антонио [ди Гваско], немедленно совершил стремительный набег на селение Скути» (*Nam et ipse Biberdi jam temptat acquirere cazalle Scutia filijs dicti quondam domini Antonij*)³⁴ [Atti, 1879, VII, p. 411–412].

³³ С. А. Милицин перевёл *furcas* как «виселицы» (например, «<...> они установили виселицы в деревне Скути и позорные столбы в Тасили <...>» [Милицин, 1955, с. 91, док. XX] (*improauerunt furchas in supradicto cazale Scute et berlinas in lo Tasili ab se ipsis*) [Atti, 1879, VII, p. 319]. Однако *furca* — это орудие казни в виде вилообразного креста, а также колodka (рогатка), изготовленная в форме V или П, надевавшаяся провинившимся рабам на шею. Поэтому ни те, ни другие нельзя называть «виселицами».

³⁴ В данном документе Антонио ди Гваско назван «покойным» (*quondam*), что и объясняет его отсутствие при разбирательстве дела, касающегося Андреоло, Теодоро и Деметрио. Но в своём сочинении «Путешествие в Тану» Иосафат Барбаро пишет: «<...> я хотел бы только рассказать о гибели Каффы, именно то, что я узнал от одного генуэзца, Антонио да Гваско (*Antonio da Guasco*), который там находился, затем бежал по морю в Грузию, а оттуда пришёл в Персию как раз в то время, когда я там был <...>» [Барбаро, 1971, с. 129, 155, § 47]. Е. Ч. Скржинская в примечании к данному пассажиру замечает: «Описание Барбаро «потери» или «гибели» Каффы (*la perdita de Cappha*), взятой турками в июне 1475 г. (*Tana*, § 47–48), можно считать достоверным, так как рассказ о падении Каффы был передан ему по самым свежим впечатлениям человеком, спасшимся бегством из Каффы, где турки перебили всех христиан. Житель Каффы или её окрестностей, из известного среди крымских генуэзцев рода Гваско, морем и через Грузию достиг Персии и там был принят в доме Барбаро в Тебризе, о чём Барбаро упомянул в своём «Путешествии в Персию» (*Persia*, p. 63r) [Скржинская, 1971, с. 179, прим. 117]. Как в данном случае устранить противоречие двух источников? Либо среди членов семейства Гваско был ещё один по имени Антонио (в изданных генуэзских документах 1474–1475 гг. он не упомянут), либо Иосафат Барбаро встречался с кем-то из сыновей Антонио (например, Андреоло), но запомнил (записал) только имя отца, что и привело к отмеченному выше казусу.

Цитированный выше отрывок из выступления экс-консула Каффы даёт не только дополнительную информацию о конфликтах, происходивших на границе владений консульства Солдайи и капитанства Готии, но ставит ряд вопросов, на которые в настоящее время весьма затруднительно дать однозначные и убедительные ответы. Столкновение братьев Гваско с господином Лусты Дербиберди, получившим в управление 10 селений (по-видимому, после гибели отца в начале 1460 г.), входивших в округ Эллис (?), относится к лету 1474 г., когда Гваско предпринял попытку захватить одно из сёл.

Ближайшим селением, расположенным к западу от Скути на границе консульства Солдайи с Капитанством Готии, являлась Канака (*de lo Canecha*) [Бочаров, 2004, с. 148, 150], входившая в состав Кампаньи (*cahalle canlucorum vocata Canaca*), и в нём проживали в том числе и подданные хана (*Canachi de dominorum tartarorum*) [Atti, 1879, VII, p. 408, 415]³⁵. Именно об этом поселении и идёт речь в генуэзских источниках. Для расследования инцидента консулом Каффы был направлен один из членов официи Кампаньи — Бартоломео ди Сантамброджио (*Bartolomeo di Santambrogio*) [Atti, 1879, VII, p. 408, 414].

Позднее в состав следственной комиссии также входили влиятельные жители Каффы — еврей Кокос (*Cocos judeo*) и армянин Терсес (*Terseac armeno*), сопровождаемые «товарищами» (*socii*). При этом разбирательстве (произошло до 16 августа 1474 г.) в Канаку были приглашены и трое братьев Гваско. Судя по документам, урегулирование конфликта относится ко второй половине августа (не позднее 19 числа). Данный случай стал поводом для обвинения, выдвинутого членом официи Кампаньи Бартоломео Сантамброджио против Баптисты Джустиниани, который якобы тому потворствовал своими добрыми отношениями с семейством ди Гваско. На эти «домыслы» Баптиста ответил тем, что личности, возглавлявшие расследование о происшествии в Канаке — еврей Кокос и армянин Терсес с одной стороны и госпожа Катарина ди Гваско (*dominam Caterinam de Goasco*, вдова Антонио ди Гваско) с другой — были приняты «господином императором» (*dominam imperatore* — Менгли-Гиреем — В. М.) и добились во время аудиенции положительного результата (*emolumentum*) [Atti, 1879, VII, p. 418].

Тем не менее, данный эпизод (после получения в Генуе писем Христофоро ди Негро и Бартоломео Сантамброджио) был рассмотрен заново 19 июня 1475 г. протекторами Банка. Они приняли следующее решение: Баптиста Джустиниани Оливьеро, допустивший подобный конфликт, должен уплатить штраф в 2000 аспров Каффы. Обвинение по этому пункту должно было бы отмениться только после того, как из Каффы придут письменные подтверж-

дения от еврея Кокоса, армянина Терсеса, госпожи Катерины ди Гваско и императора татар, заверенные массариями фактории [Atti, 1879, VII, doc. MCXXXVIII, p. 231–232]. Но к моменту заседания протекторов Банка Сан-Джорджо 19 июня 1475 г. Каффа уже около двух недель находилась в руках османов, Менгли-Гирей был арестован, а о судьбе остальных участников «процесса» можно только догадываться.

История средневековья полна эпизодов раздоров, постоянно вспыхивавших между феодалами, являвшимися зачастую вассалами одного сеньора: так, конфликт между консулом Солдайи и Гваско не означал, что те же Гваско полностью вышли из подчинения властей Каффы.

Вероятно, положение дел с Лустой в рассматриваемый период обстояло значительно сложнее, чем это представлялось ранее. Её владелец мог быть местным феодалом, находившимся на службе(?) у генуэзцев. В то же время, он являлся и вассалом господ из Готии (Феодоро), обладая в районе города значительными земельными угодьями. Именно в таком ракурсе предлагал рассматривать эту проблему А. Л. Бертье-Делагард, определяя статус Дербиберди как «двуподданство» [Бертье-Делагард, 1918, с. 26]. К тому же, каноники Лусты и её округи подчинялись митрополиту Готской епархии [Мыц, 1991в, с. 188–189]. Если учесть, что после 1441 г. источники не отмечают каких-либо военных столкновений между генуэзцами и феодоритами, то остаётся загадкой, как Луста перешла в подчинение последних. Тем более что в 60-х гг. XV в. генуэзцами активно ведутся строительные работы по укреплению обороны этого города, о чём убедительно свидетельствуют материалы археологических исследований.

Совершенно очевидно, что для решения вопроса о характере «двуподданства» владельцев Лусты в последней трети XV в., необходимо привлечение дополнительных источников, в том числе и сравнительного характера. Насколько и в какой степени они находились в зависимости от официалов Генуи (Банка Сан-Джорджо) и господ из Готии? В этом отношении определяющим, по-видимому, является эпизод с Бердибеком в 1460 г., судьба которого была решена ханом Хаджи-Гиреем после согласования с Кейхиби, но без какого-либо участия (кроме сочувствия) магистратов Каффы. Их власть, вероятно, ограничивалась здесь (в Лусте) пределами оборонительных стен города.

В данном отношении также показателен административный статус Копы. Временное (сезонное) управление в фактории осуществлялось совместно направляемым сюда консулом Каффы и местным адыгейским князем — господином Парсабеком владельцем Копарии (*domino Parsabioch domino Coparij*) [Atti, 1874, VI, p. 883. doc. VXXXVIII, 1472, 15 dicembre]. Сходной структурой организации административной власти обладал и Себастиополис, принадлежавший Бендиано (*domino Bendiano domino Sanastopolis*) [Atti, 1874, VI, p. 883].

³⁵ На совместное («смешанное») проживание татар и «канлюхов» в данной местности вполне определенно указывают латинские источники («...» *habere misclationes cum tartaris et participationem cum canluchis* «...») [Atti, 1879, VII, p. 411].

Ещё более сложную систему кондоминантного владения представляла собой Матрега, располагавшаяся на адыгской территории. Однако её правителем с одной стороны был Захария де Гизольфи (по происхождению полугенуэзец, полуадыг [Некрасов, 1990, с. 36–37]), а с другой — адыгские князья. К какому типу сеньории в XV в. относилась Луста, имеющиеся источники дать однозначное определение пока не позволяют.

На сегодняшний день мы обладаем сведениями только о двух владельцах Лусты второй половины XV в. Как уже отмечалось в предыдущей главе, в реляции, посланной 5 мая 1460 г. протекторам Банка Сан-Джорджо консулом Мартино Джустианини, провизорами и массариями Бартоломео Джентиле и Лукой Сальваго, содержится краткий пассаж, повествующий о трагической судьбе сеньора Лусты Бердибека. Оказывается, Бердибек вёл посреднические переговоры между Хаджи-Гиреем и адыгским князем Биберди, владельцем Кримука. Встреча должна была состояться в Воспоро, но Биберди в самый последний момент отказался в ней участвовать. Разгневанный хан на обратном пути приказал задержать близ Солхата Бердибека — брата господина Готии Кейхиби (Чейхиби?) — и, получив его согласие, предал Бердибека смерти.

В Лусте тогда находился один из сыновей покойного Бердибека (по-видимому, уже известный нам по более поздним источникам как Дербиберди) [Assini, 1999, p. 15]. Именно на его годы правления (1460–1475 гг.) и приходятся грандиозные по масштабам строительные работы в генуэзской Лусте. Нам неизвестно, где находилась резиденция данного правителя, в самом городе или где-либо за его пределами. Материалы археологических исследований не дают оснований даже для самых осторожных предположений, потому что в цитадели Лусты пока не выявлено строений, которые можно было бы интерпретировать как жилище феодального владельца.

Следует также обратить внимание на отсутствие в генуэзских источниках, связанных с «Делом братьев Гваско», упоминаний о капитанах Готии. Находясь здесь, они, очевидно, должны были вмешаться в конфликт или участвовать в его урегулировании. Но, как отмечалось выше, срок полномочий Антонио Кальвини закончился 10 июля 1474 г., а его преемник Джагостино Каттанео получил в Генуе патент только 10 сентября, и поэтому он мог появиться в Каффе не ранее середины декабря. Таким образом, возникновение конфликтных ситуаций на восточной границе генуэзской Готии могло совпадать по времени с вакансией официи капитана Готии.



КРЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕДЫК-АХМЕТ-ПАШИ. ЗАВОЕВАНИЕ КАФФЫ И ФЕОДОРО ТУРКАМИ- ОСМАНАМИ В 1475 г.

5.1. Керкер, Каффа и Феодоро в 50-х гг. XV в.

Падение Константинополя и переход Причерноморских факторий Генуи в управление Банком Сан-Джорджо, а также очевидная опасность завоевания Таврики османами внесли существенные изменения в политические отношения двух давних соперников на территории полуострова — Каффы и Феодоро. С этого времени (1453 г.) и до момента капитуляции Каффы в июне 1475 г. между феодоритами и генуэзцами не отмечено ни одного вооружённого конфликта, хотя их взаимоотношения иногда и приобретали напряжённый характер из-за торгового соперничества.

5.1.1. Политические отношения между Каффой и Феодоро в 1453–1455 гг.

Первые признаки произошедших изменений проявляются уже весной 1454 г. Когда правителю Феодоро Олобо удалось получить от одного задержанного турка сведения о намерении османов совершить нападение на побережье Газарии, он направил письмо в Каффу. В нём сообщалось о приготовлениях Мехмеда II к военной операции в бассейне Чёрного моря. Консул Каффы Деметрио ди Вивальди специально отметил дружественный политический жест «Олобея из Тедоро» (*Olobei de Lo Thedoro*) в послании от 21 октября 1454 г. протекторам Банка [Atti, 1868, VI, doc. XXXIV, p. 113]. Сменивший его в 1455 г. на этом посту Томмазо Домокульта в донесении, датированном июлем того же года, ссылается на «соглашения и договоры» (*conuentiones et pacta*), достигнутые между генуэзцами и господином Феодоро Олобеем [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 36].

Значительно большую ясность в сложившиеся политические отношения между Каффой, Феодоро и Крымским ханством вносит недавно обнаруженное Альфонсо Ассини (не опубликованное А. Винья) письмо (извлечено из связки Канцелярии, № 223). Оно оказалось в очень плохом состоянии. Повреждения не позволяют установить имена отправителя, получателя и дату, но, по мнению А. Ассини, таковыми являются консул Каффы Томмазо Домокульта, провизоры и массарии Антонио Леркари и Дамьяно Леоне, которыми подготовлен обстоятельный отчёт попечителям Банка Сан-Джорджо о положении дел в Черноморских факториях. Хронологическое изложение событий следует за их же письмом, написанном в июле — августе 1455 г., и предшествует ответному посланию протекторов от 27/28 ноября 1456 г., что позволяет датировать его февралём 1456 г. [Assini, 1999, p. 6].

Помимо констатации сложностей, связанных с поставками продовольствия в город и необходимостью усилить его защиту, в донесении особое внимание уделяется внешним сношениям с правителями Причерноморских государств. Здесь, кроме известных событий, дополненных новыми деталями (потеря замка *Ilice*, отвоевание замка *Batiarium*, возвращённого Илларио де Марини;

охота за изменившимися коммуне наёмниками (*socii*), предводительствуемыми Якопо ди Капуа, часть из которых удалось захватить в Монкастро), описываются установившиеся хорошие, но не лишённые взаимных трудностей (официалы пишут: «действуем скрытно» — «*useremo la dissimulazione*»), отношения с сыном Алексея I (Старшего) Олобеем, и очень плохие — с «проклятым императором» (*maledicto imperatore*) татар. Хаджи-Гирей (*Agi-kerai*) оказывал сильное давление на официалов, добиваясь получения от Каффы новой дани [Assini, 1999, p. 6].

В сложившейся ситуации консулы решили предпринять дипломатические шаги, используя Олобея в качестве посредника. С целью урегулирования затянувшегося конфликта с Хаджи-Гиреем, массарий и провизор Дамьяно Леоне отправился в Феодоро, где после 10 дней трудных переговоров «<...> он смог достичь соглашения, на основе которого татары удовлетворились старинными правами на Каффу. И сейчас наконец-то он смог получить императорскую привилегию. Большого он сделать не смог из-за отъезда императора в Валахию, но всё это не смягчает тяжелого впечатления, что договор турок с татарами, о котором консулам говорили, раньше или позже вылился бы в осаду города» [Assini, 1999, p. 6].

Таким образом, Томмазо Домокульта, Антонио Леркари и Дамьяно Леоне удалось в довольно критический для фактории момент избежать не только открытого военного столкновения с татарами, но и восстановить (хотя и формально) *status quo* в условиях и размерах выплаты дани Хаджи-Гирею, существовавших до июля 1454 г.

Данный документ также позволяет решить один запутанный в историографии вопрос, касающийся возникновения династических распрей и политических неурядиц, происходивших в Крымском ханстве в 1456 г. [Волков, 1972, с. 143–144; Колли, 1913, с. 135–136; Некрасов, 1999, с. 54]. После «отъезда императора в Валахию» в начале 1456 г. один из сыновей Хаджи-Гирея — Хайдер — совершает в Солхате (?) дворцовый переворот, объявляя себя ханом. Магистраты Каффы срочно проинформировали протекторов Банка Сан-Джорджо о произошедших «благоприятных переменах», и в секретной инструкции, посланной из Генуи 27–29 ноября 1456 г., получили распоряжение всячески поддерживать «нового императора» (*novus imperator*) [Колли, 1913, с. 135]. Но Хайдер смог продержаться в Крыму лишь несколько месяцев (до возвращения из дальнего похода отца), а затем вынужден был бежать в Литву (?). Появление Хаджи-Гирея осенью (?) 1456 г. свело на нет все усилия генуэзцев наладить дипломатические отношения, отвечающие их интересам, с его мятежным сыном.

В связи с упоминаемым в генуэзском документе «западном» походе Хаджи-Гирея в Валахию в начале 1456 г., удаётся прояснить ещё один недоумённый вопрос, связанный с установлением сюзерен-

итета над Монкастро «татарского князя». Данное известие впервые появляется летом 1456 г. и совпадает с моментом начала контрмаркирования в Белгороде-Монкастро джучидских дирхемов [Коциевский, 1990, с. 156–165; Бырня, Руссев, 1999, с. 222]. Сохранение сюзеренных прав крымского хана над Четатя-Албэ (*Mocastro*) нашло отражение и в привилегиях, данных Стефаном III (Великим) купцам из Львова 3 июля 1460 г., где также говорится о пошлине татарской, «которая была установлена в Белом городе» [Бырня, Руссев, 1999, с. 258].

Есть основания полагать, что налаживание дипломатических отношений официалов Каффы с Хаджи-Гиреем при посредничестве Олобея относится к началу лета 1455 г. Об этом свидетельствует документ, датированный 15 июня 1455 г. [Vasiliev, 1936, p. 232]. В источнике сообщается о расходах в сумме 31 000 аспров, взятых в кредит у «валаха Теодорки де Телиха» (*Teodorcha de Telicha velacho*)¹ консулом Томмазо Домокульта и переданных массарием Дамьяно Леоне в Феодоро греку Олобею (*Olobei greci*) в качестве подарка для императора татар (*imperatorum tartarorum*).

В связи с представленными А. Ассини материалами, более понятной становится логика изменений, произошедших в отношении генуэзцев к господину Готии и запечатлённых в письме протекторов Банка от 27–29 ноября 1456 г., адресованном Олобо. В нём впервые за всё время существования Феодоро звучит почтительное обращение — «сиятельному и могущественному господину Олобею, господину Теодоро» (*magnifico et potenti domino Olobei domino Teodori etc.*) [Atti, 1868, VI, doc. CCCIV, p. 660].

В отдельном послании протекторы в таком же тоне дают официалам инструкции по поддержанию добрых отношений с правителем Готии: «Так как мы понимаем, что благосклонность великолепного господина (*magnificus dominus*) Теодоро к вашим усилиям очень важна, то мы пишем ему письмо, которое вы найдёте в наших распоряжениях. И мы оставляем на ваше усмотрение, передать ли его господину Теодоро или придержать в зависимости от обстоятельств. Но мы напоминаем, что вы должны жить в мире и дружбе с господином Теодоро, т. к., по мнению всех людей, сведущих в делах Каффы, в такое время его дружба чрезвычайно полезна для этого города» [Atti, 1868, VI, doc. CCCIV, p. 660; Волков, 1872, с. 144; Vasiliev, 1936, p. 232].

Очевидно, столь доброжелательное письменное обращение правления Банка дошло до Олобея и послужило поводом для обмена интересующей обе стороны информацией. В том же 1456 г. массарии Каффы отмечают пребывание в городе посла господина Олобея — грека Фоки из

¹ Теодорка де Телиха был жителем Солдайи. Его подпись находится на документе от 20 июня 1455 г., где он фигурирует среди 18 наиболее знатных и влиятельных граждан города [Atti, 1868, VI, doc. CXXVI, p. 315].

Феодоро. В следующем 1457 г. для переговоров с официальными фактории приезжают Караихиби (*Caraihibi*)² и Бикси (*Biksi*) [Bănescu, 1935, p. 33, № 1; Vasiliev, 1936, p. 233, n. 3, 5].

Подобное обращение — «*magnifico et potenti domino <...> domino <...>*» — при составлении официальных документов было принято для приветствия суверенных правителей. В качестве примера можно привести титулатуру добруджанского деспота Иванко Тертера в тексте договора от 27 мая 1387 г., которая выглядит следующим образом: «*magnificum et potentem dominum dominum Juanchum, filium bone memore magnifici domini Dobordice*» (т. е. «великолепным и могущественным господином Иванко, сыном покойного великолепного господина Добротица») [Гюзелев, 1995, с. 127].

Вероятно, Олобо («<...> кто в былые времена обычно оказывал всяческое уважение генуэзцам и почитал их почти как своих господ (*illi qui temporibus preteritis solebant Januenses colli ac venerari et fere in dominos habere*)» [Jorga, 1898, III, p. 218; Vasiliev, 1936, p. 225]) и его братья-соправители, опираясь на поддержку Хаджи-Гирея, вели себя как правители суверенного государства. Хотя, вероятно, они признали (?) верховные права Банка Сан-Джорджо над селениями, расположенными на побережье Готии. В то же время, феодориты совместно с татарами вели активную торговлю через порт Каламиты, отчего Каффа несла большие убытки. В крайне неблагоприятной для Черноморских факторий политической обстановке правление Банка и магистраты Каффы вынуждены были публично признать сложившиеся отношения. Этот акт официального признания, вероятно, и отражён в цитированном фрагменте, где звучит новое обращение к господину Феодоро.

Данное предположение, безусловно, нуждается в дополнительных аргументах. В качестве одного из них можно привести «геральдическую» символику закладной строительной плиты 1459 г. из замка Фуна, на которой отсутствует герб Генуи, помещавшийся на надписи 1427 г. «Владельца Феодоро и Поморья» Алексея. Из этого может следовать, что сыну Алексея I (Старшего) Олобо удалось добиться от генуэзцев (Банка Сан-Джорджо) признания прав Феодоро на владение морским побережьем («Поморьем»). Причем на первых порах, в 1453–1455 гг., это было осуществлено в одностороннем порядке — *de facto*, а затем путём ведения переговоров, завершившихся достижением «соглашений и договоров» (*conventiones et pacta*), — *de jure*.

² В ходе переговоров, которые велись между послами Олобея и официальными Каффы, им были преподнесены соответствующие статусу подарки, о чём свидетельствует запись в картулярии массарии: «*Pro alpha Caraihibi de lo Tedoro misso per Olobei dominum Theodori*» [Bănescu, 1935, p. 35, № 1]. Трудно согласиться с утверждением Х.-Ф. Байера, что имя Караихиби — тюркское [Байер, 2001, с. 221]. Скорее всего оно имеет адыгское происхождение.

Но протекторы Банка не могли смириться с вынужденным в сложившихся обстоятельствах признанием суверенитета господ Феодоро и подвластной им Готии. Поэтому, когда им удаётся формально урегулировать отношения с Мехмедом II, протекторы опять начинают заявлять свои права на некогда находившиеся под юрисдикцией Генуи территории. Так, в одном из документов 1458 г. ими утверждается, что «господин Феодоро и его братья незаконно занимают Готию, принадлежавшую городу Каффе» (*dominum Theodori ejus fratres qui indebite occupanti Gotiam ad urbem Caphe pertinentem*) [Atti, 1868, VI, doc. CCCLXXV, p. 815]³.

Формирование новых политических отношений между Феодоро и Каффой происходило на фоне постоянной угрозы нападения турок и взаимного недоверия, сложившегося за предыдущие десятилетия, когда стороны дважды вступали в продолжительные военные конфликты. Поэтому частыми были инциденты в пограничных областях, связанные с выпадами как со стороны поданных правителей Готии, так и со стороны генуэзцев.

Например, капитан стипендиариев, прибывших весной 1455 г. в Каффу, Джованни Пиччинино уже 6 сентября 1455 г. обратился к официальным фактории и попечителям Банка с просьбой предоставить в его распоряжение одну галеру и сотню человек. Как считал Пиччинино, выступив из Чембало, они могли захватить крепость Феодоро, а затем всю Готию («<...> *offeriandomi <...> di prendere lo castello de Theodoro <...> che me volin dare galea fin alo Cembalo <...> dubito che tuta la Gotia*») [Atti, 1868, VI, doc. CLIII, p. 370; Vasiliu, 1929, p. 327; Малицкий, 1933, с. 41; Vasiliev, 1936, p. 232, n. 3].

Но магистраты Каффы и протекторы Банка Сан-Джорджо были категорически против предложенного Джованни Пиччинино явно авантюрного плана, считая город Феодоро «сильнейшей крепостью Готии» (*un castello fortissimo della Gothia che si chiama Teodoro*) [Canale, 1856, III, p. 354]. Поэтому генуэзским чиновникам предписывалось стремиться урегулировать все возникающие спорные вопросы мирным путём.

Именно так поступил консул Солдаи Карло Чигала. Прибыв в город 6 мая 1455 г., уже 14 мая

³ До настоящего времени разграничение территории прибрежной Готии на «генуэзскую» и «феодоритскую» является дискуссионным. Например, М. Г. Крамаровский заблуждается, когда пишет о якобы отошедших в управление Генуи 18 селений Готии [Крамаровский, 2003, с. 518], т. к. в татаро-генуэзских договорах 1380 и 1381 гг. речь идёт о 18 селениях, принадлежавших городу Солдае. Число селений Готии в известных договорах специально не оговаривалось, а массарии Каффы отмечают только 11 приморских «казалий» (*cazalii Gotie*) из 32 средневековых поселений Южного бережья: Лусту, Лампаду, Партениту, Гурзувий, Сикиту (Никиту), Ялиту, Мисхори, Ореанду, Лупико (Алупку), Кикенеиз и Фори (Форос) [Бочаров, 2004, с. 186–193, рис. 1–3].

Чигала докладывал протекторам Банка, что «недавно написал несколько писем двум сыновьям покойного Алексея, нашим соседям (*aliquas litteras scripsi duobus ex filiis q[ondam] Alexij nobis vicinis*), о том, что некоторые из их подданных ведут себя нехорошо по отношению к жителям этого города (*pro aliquibus eorum subditis non se bene habentibus cum hominibus istius loci*), стараясь убедить их жить в мире и согласии (*velint pacifice vivere*), имея [за это] с моей стороны хорошее расположение (*ad quod me semper bene dispositum inuoluit*), потому что получил от ваших сиятельств такое предписание (*cum sic a magnificentijs vestris habeam in mandatis*). Если они будут поступать иначе, то придётся подумать о [соответствующих] мерах (*si vero secus facient necessset de remedio cogitare*). Как я и полагал, эти письма дали положительный результат (буквально — «принесли [хорошие] плоды» — *fructum fecerunt*)» [Atti, 1868, VI, doc. CXIX, p. 304; Vasiliev, 1936, p. 231].

К сожалению, Чигала не называет нам имён своих адресантов. Поэтому можно только предполагать, что одним из них являлся владетель Лусты Бердибек, а вторым — Александр (?), пребывавший в селини Фуна⁴.

Тем не менее, несмотря на весьма мирный тон переговоров, проходивших между генуэзцами и феодоритами, консул Каффы Томмазо Домокульта был вынужден сообщить в Геную, что братья господина Готии ведут себя временами довольно дерзко [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 361].

5.1.2. Торговая «война» между Каффой, Керкером и Феодоро в 50-е гг. XV вв.

В этот период яблоком раздора между генуэзцами и правителями Мангуна выступал не город Чембало, а Каламита. Здесь во второй половине XV в. Олобо со своими братьями восстанавливает и постоянно расширяет торговый порт. Каламиту регулярно посещают купцы из «Турции», оставляя в стороне Каффу и Чембало [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 366]⁵.

Так, например, 11 сентября 1454 г. канцелярий консульской курии Каффы Баттиста Гарбарини писал, что «<...> почти все зихские товары и рабы (*omnes res zicieque capita*), которые ранее направлялись в Каффу, теперь переправляются в Воспоро (*Caffam solentia aduenire ad Vosporum*

⁴ А. А. Васильев на основании данного документа считал, что в Готии в это время правили два сына Алексея, одним из которых был Олобей, и консул Солдаи именно с ним вел переписку [Vasiliev, 1936, p. 231–232]. Есть основания в этом сомневаться, ввиду того, что находившийся на Мангупе Олобей вряд ли мог быть назван консулом Солдаи его соседом.

⁵ На итальянских морских картах XIV–XV вв. бухта у крепости Каламита называется «Каламитским заливом» (*golfo de Calamita*), с указанием самого города как *Caramit* — *Calamit* — *Calomit* — *Callamita* = *Kalamita* [Kretschmer, 1909, s. 643; Фоменко, 2001, с. 58], а турки в это время именуют её «Феленк-Бурун» (т. е. «Генуэзский мыс») [Брун, 1879, с. 69–70].

transmittuntur <...>), а доставляемые из Турции, поступают в Каламиту (*ex Turchia veniunt ad Calamitam conducuntur*). Вследствие этого доход [оффиции] св. Антония стал совсем ничтожным (*s. Antonij utilitas inminimo redacta est bono*)» [Atti, 1868, VI, doc. XXXIII, p. 111; Данилова, 1974, с. 208].

В августе 1455 г. Томмазо Домокульта докладывал протекторам Банка, что «<...> Алексей со своими братьями творит зло (*Alexius cum omnibus fratribus male se habet*), <...> строя порт в Каламите (*faciunt portum in Callamitta*), для охраны которого они решили вооружить галеру (*fruit armate galeam*)» [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 361; Данилова, 1974, с. 209]⁶.

Несмотря на неоднократные обращения официалов с требованием соблюдать условия заключённых соглашений и договоров, положение оставалось прежним, а полученные ответы граничили с грубостью. Поэтому консул пишет: «<...> мы выжидаем подходящий момент и не сомневаемся в том, что они понесут заслуженное наказание, потому что они неблагодарные и высокомерные, а этого, по нашему разумению, господь не потерпит. Ведь они во всеуслышание хвастаются, что пока жив их отец (*vivente eorum patre*) и господин — император татар (*domino imperatore tartarorum*), они могут никого не бояться. Из этого вы можете понять, каковы их намерения. Но мы поведём дела сообразно обстоятельствам и дадим вам знать» [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 361; Vasiliev, 1936, p. 213].

А. А. Васильев, рассматривая этот сюжет, «обнаружил» в нём противоречие. В начале донесения говорится об «Алексее и его братьях», а в конце мы читаем: «пока живы их отец и татарский хан». Поэтому он решил внести исправление в источник, начальные строки которого якобы надо читать: «Алексей со своими сыновьями», что полностью соответствует нашим источникам, из которых следует, что у Алексея был сын Иоанн и другие сыновья» [Vasiliev, 1936, p. 213].

Во-первых, не вызывает сомнений, что у Алексея I (Старшего) действительно было несколько сыновей, и старшим среди них являлся Иоанн. Во-вторых, упоминаемый генуэзским официалом «император татар» — это Хаджи-Гирей. В-третьих, А. А. Васильев противоречит своим же заключениям о том, что Алексей I (Старший) скончался между 1444 и 1447 гг. [Vasiliev, 1936, p. 219]. После его смерти главой правящего на Мангупе дома (по крайней мере, с 1446 по 1458 гг.?) стал Олобо, бывший соправителем отца с весны 1434 г. Именно с ним ведут трудные, но положительно-результативные переговоры (1454–1456 гг.) консул, провизоры и массарии Каффы. Вероятно, поэтому А. А. Васильев, обращаясь к тому же источнику, пишет иначе:

⁶ Х.-Ф. Байер предлагает несколько отличный перевод данного пассажа: «Алексей вместе со всеми братьями ведёт себя плохо; с ними мы враждуем, когда время нам покажется подобающим. Они устраивают порт в Каламите; ввиду этого даже было одобрено вооружить галеру» [Байер, 2001, с. 218].

«Олобей и его братья, по свидетельству генуэзского документа, „открыто хвастают, что они никого не боятся, пока живы их отец и татарский хан“» [Atti, 1868, VI, doc. CL, p. 361; Vasiliev, 1936, p. 224]. В данном случае комментарии, по-видимому, излишни.

В своё время Н. В. Малицкий, касаясь данной темы, заметил, что «общее построение фразы кажется допускающим и такое толкование, что слово отец здесь употреблено не в прямом или физическом смысле слова, а фигурально и что им назван покровитель мангупских правителей татарский хан: *iactant se multum non timere posse aliquem vivente eorum patre et domino imperatore tartarorum*». При этом он обратил внимание на некоторые «странности» латинского текста, где говорится в единственном (*vivente*), а не во множественном числе (*viventibus*), при этом имя самого отца не названо. Слово *domino*, стоящее перед *imperatore*, кажется лишним, придавая особый смысл фразе *eorum patre et domino* — «их отец и владыка» [Малицкий, 1933, с. 39–40].

Действительно, подобные нюансы в практике отношений между правителями государств отражали признание вассалом прав «старшинства» своего сеньора. Например, когда перед сражением на р. Ворскле 5 августа 1399 г. велись переговоры между великим князем Витовтом и золотордынским ханом Тимур-Кутлуком, то со стороны Витовта в ультимативной форме прозвучало требование: «<...> покорися и ты мне и буди **мне сын**, а яз **тебе отец** (выделено мной — В. М.), и давай ми всяк лето дани и оброк» [Юргевич, 1872, с. 152; Івакін, 1996, с. 86].

По свидетельству Дуки, когда Сулейман после разгрома турецкой армии Тимуром в Ангорской битве (28 июля 1402 г.) прибыл в Константинополь, то обратился к императору Мануилу II Палологу (1391–1425 гг.), стоя на коленях, со словами: «Я буду тебе сыном, будь же и ты моим отцом. Отныне да не растёт между нами сорная трава, и да не будет интриг, провозгласи лишь меня правителем Фракии» [Ducas. XVIII. 2; Литаврин, Медведев, 1991, с. 357]. Из этого можно сделать вывод, что правители Феодоро признавали вассальную зависимость от крымского хана Хаджи-Гирея, и именно эти установившиеся отношения отражены во фразе латинского источника «<...> их отец и господин — император татар».

По-видимому, упоминаемый Томмазо Домокульта «Алексей» получил во владение от своего отца (?) Иоанна или его дяди Олобея (?) (реальную степень родства между ними на настоящий момент установить невозможно) при разделе территории Готии порт и крепость Каламиты. Вероятно, монограмма этого же Алексея (внука Алексея I Старшего) и племянника Олобея?) помещена на строительной плите с датой «19 июля 1459 г.» из замка Фуна, где он отмечен в последний раз (другие сведения в опубликованных источниках о нём отсутствуют).

Таким образом, документы переписки официалов Каффы с протекторами Банка Сан-Джорджо свидетельствуют о том, что Олобо и его «братья» (Кейхиби, Бердибек?) считают себя свободными от ранее принятых обязательств, касающихся условий ведения торговли через порт Каламиты, чем наносили ощутимый ущерб коммерции генуэзцев в бассейне Чёрного моря.

Об этом особенно отчетливо говорится в письме протекторов от 8 февраля 1458 г.: «Как известно, господин Тедоро и его братья (*dominus Tedori et fratres ejus*), вопреки праву и привилегиям (*contra jura et privilegia*) города Каффы, открыто сооружают порт в Каламите (*portum in Calamita publice fieri faciunt*), где к великому ущербу для пошлин (*in grauem iacturam vectigalium*) Каффы нагружаются и разгружаются корабли» [Atti, 1868, VI, doc. CCCXXV, p. 816; Данилова, 1974, с. 209].

О крупной торговле рабами в 70-х гг. XV в., шедшей через порты Крымского ханства, располагавшимися в Западном Крыму (Ле Салине, Каркинито = Гезлёве), и Феодоро — Каламиту, свидетельствуют генуэзские документы 1474 г. После похода Хайдера, совершённого по инициативе ширинского бека Эминика в земли Верхней Валахии и Польско-Литовского королевства, в плен было захвачено около 15–18 тысяч человек. После доставки в Крым их продали в рабство и вывезли в Турцию или Египет именно через эти три порта [Atti, 1879, VII, № 1104].

Изменения, произошедшие в отношениях между Каффой и Феодоро в начале 50-х гг. XV в., очевидны. Если после заключения мира в ноябре 1441 г. Алексей I (Старший) имел возможность вести торговые операции только через Монкастро, то во второй половине XV в. правители Мангупа, при активной поддержке Хаджи-Гирея, используя порт Каламиты, открыто налаживают торговые отношения с Причерноморскими государствами и успешно конкурируют с генуэзскими факториями [Heyd, 1886, II, p. 213; Heers, 1960, p. 364; Данилова, 1974, с. 209–210].

Как уже отмечалось, Альфонсо Ассини обнаружил один любопытный документ (письмо консула Каффы Борруэля Гримальди к дожу Пьетро Кампофрегозо от 31 января 1453 г. [Musso, 1976, p. 137–138]), в подробностях сообщающий о «молчаливой войне, до сих пор пребывавшей в тени бряцания оружием. Это торговая война, которая бушевала на Чёрном море ещё до падения Константинополя» [Assini, 1999, p. 18].

Если представленные выше материалы генуэзских источников свидетельствуют об озабоченности в Каффе нарастающим торгово-экономическим усилением Каламиты, то в донесении Гримальди раскрываются механизмы этой борьбы. Оказывается, уже в начале 50-х гг. в её порту была сосредоточена большая часть турецкого торгового флота, значительное количество товаров и купцов. Отсюда они следовали к Керкеру, который недавно (1449 г.) император татар

(*imperatoris tartarorum*) сделал местом своего пребывания (*mansionem*), приказав выстроить большой «*praetorium*»⁷, создал таможенную и извлекал значительную прибыль. Автор послания с горечью констатирует, что он (Хаджи-Гирей) усвоил урок генуэзцев, цивилизовал свои обычаи и живёт «не так, как жили императоры татар, а как если бы он был латинским купцом» (*non ut solent imperatores tartarorum sed uti esset mercator latinus*) [Assini, 1999, p. 18–19].

В Керкере всё покупается за малые цены, потому что доставка товаров из Каламиты стоит очень дешево, а налоги незначительны. Если раньше только Каффа снабжала всю Газарию различными экспортом, то сейчас, наоборот, из Керкера и Солхата ежедневно доставляются многие товары (ковры, рабы, меха), происходящие из Турции. На восточном побережье Чёрного моря турки создали ещё один торговый полюс в Севастополе, включавший в себя и Белую Зихию. Огромный поток товаров направляется ими в Копу, где покупают в основном рабов, переправляемых морем в Воспоро, а оттуда в Керкер и Каламиту. Данный караванный путь является тем мостом, который, следуя через Чёрное море, оставляет в стороне Каффу. Проходящие потоки товаров приобрели размеры, позволяющие предвидеть, что Каффа в скором будущем разделит судьбу Таны, «прежде обширную и населённую, а ныне превратившуюся в ничто» (*olim ampla et opidissima, nunc ad nichilum reducta*) [Assini, 1999, p. 18].

Большая дружба между татарским ханом, Олобеем и другими сыновьями Алексея I (Старшего) основывается на взаимном меркантильном интересе. Поэтому они постоянно просят у хана создать новые пристани для удовлетворения спроса растущей торговли с турками [Assini, 1999, p. 19].

Сложившаяся тревожная обстановка неоднократно являлась лейтмотивом многочисленных собраний с участием всех коммерсантов Каффы. Но в итоге было предложено вооружить одну трирему для «патрулирования берегов в попытке заставить уважительно относиться к монопольным привилегиям Каффы, предоставленным старинными договорами» [Assini, 1999, p. 19]. И, как замечает А. Ассини, данный ответ генуэзцев на изменившиеся условия ведения торговли в Причерноморье — «старый (*vecchia*), слабый, оборонительный и, главное, неадекватный» и «является ясным признаком неспособности Генуи управлять конкуренцией, реагировать на вызов новой тактикой» [Assini, 1999, p. 19].

В целом же, стоит признать, что А. Ассини, точно передавая тон источника, невольно поддаётся

⁷ Имеется в виду дворец (*praetorium regis*), возведённый по приказу Хаджи-Гирея рядом с Керкером в балке Ашлама-дере. На территории самого города Керкер во время правления Хаджи-Гирея возведено здание медресе (?). Это предположение было высказано О. Акчокраклы. Оно основывалось на находке в 1928 г. близ мечети фрагмента камня с надписью «Хаджи Гирей, сын Гыяс-Эддина», а также свидетельстве автора сочинения «Гюльбуни ханан» (Константинополь, 1870 г.) Халим-Гирея [Акчокраклы, 1928, с. 166].

пессимистическому настроению информатора (Борруэля Гримальди). Если же рассматривать возникшую перед негоциантами Причерноморских факторий проблему, то действия генуэзцев по защите своих монопольных прав торговли не выглядят столь уж беспомощными, когда переходят в плоскость её реализации. Например, в 1455 г. Мартино Вольтаджо, захватив гиппарион с грузом (дар эмира Костамона турецкому султану) в 500 кантариев (примерно 23,8 т) меди (*rame sive eris*), доставляет его в Каффу [Карпов, 1990, с. 143, прим. 240]. К тому же, магистраты принимают решение отправить имеющееся в распоряжении фактории олово на Хиос, чтобы использовать его при изготовлении бомбард (*stagno quod pro fabricandis bombardis*) [Еманов, 1995, с. 39].

В том же году Марино Чигала был перехвачен корабль со 100 рабами, шедший из Синопа, который затем был отконвоирован в Каффу. Из двух турецких навал, взятых на abordаж в открытом море, одна доставляется в Чембало, а другая — в Каффу [Atti, 1868, VI, doc. CLI, p. 364–368; Еманов, Попов, 1988, с. 83]. Столь активные действия генуэзцев в 1455 г. приводят к некоторому замешательству торговых партнёров Хаджи-Гирея и феодалитов, вынужденных временно избегать захода их судов в Каламиту [Heyd, 1886, II, p. 389].

5.1.3. Крепости правителей Феодоро в третьей четверти XV в.

Участие Каламиты в региональной торговле способствовало развитию городской инфраструктуры, которая состояла из укрепленного ядра, примыкавшего к нему посада и пригорода, размещавшегося в долине реки, порта, в котором, по всей видимости, находились складские помещения (терминалы) и верфи, а также несколько монастырей. Увеличение численности населения и нестабильная политическая обстановка вынуждают феодалитов приступить к сооружению второй линии обороны. Однако, по неизвестным причинам, она так и не была завершена к моменту завоевания османами Готии в 1475 г. Эвлия Челеби (ок. 1666/67 гг.), осматривая при посещении Инкермана (Каламиты) предпольное пространство укрепления, отмечал, что «во времена неверных этот широкий луг вместе с четырёхугольной башней хотели сделать крепостью внешнего пригорода, но этого [им] не посчастливилось осуществить. А если бы это сделали, то крепость Инкерман была бы совершенно безопасной» [Челеби, 1999, с. 28].

Обследования данной территории показали, что в 110 м к северо-западу от крепостных ворот (башня № 1) находилась прямоугольная в плане башня, через которую проходила дорога к Каламите. В конце XVIII в. башню разобрали до основания. В настоящее время прежнее место её расположения фиксируется только по вырубкам

в скале, позволяющим определить некоторые параметры сооружения: ширина входного проёма составляла 2,95 м, а пята арки находилась в 1,84 м от уровня дороги⁸.

Судя по имеющимся иконографическим материалам, данное строение являлось квадратным в плане с тремя ярусами обороны (наверху размещалась открытая площадка, защищённая зубчатый парапетом). Предполагаемая реконструируемая высота здания составляла 13,0–14,0 м [Кирилко, 2001, с. 298]. А. Л. Бертъе-Делагард полагал, что именно над этими воротами помещалась украшенная «гербами» строительная плита с греческой надписью (1427 г.), обратившая на себя внимание Мартина Броневского, посетившего Инкерман в 1578 г. [Броневский, 1867, с. 341; Бертъе-Делагард, 1918, с. 8].

К северо-западу от крепости располагалось большое поселение, являвшееся пригородом Каламиты. Его следы отмечены на плане 1773 г., составленном штурманом И. Батуриным. М. Броневский (1578 г.) указывает на то, что рядом с крепостью находился небольшой городок, в котором насчитывалось около трёхсот домов [Броневский, 1863, с. 341]. Раскопки на территории посада Каламиты в 1948 и 1950 гг. проводились Е. В. Веймарном. При этом были открыты руины средневековых жилых и хозяйственных строений с многочисленными зерновыми ямами. Полученный в ходе раскопок керамический материал указывает на длительность существования поселения на Монастырской скале, которое в настоящее время почти полностью уничтожено карьером, — VIII–XVIII вв. [Веймарн, 1963, с. 5–17].

Доходы от торговли зерном, шкурами, льном, солью, рабами и проч. позволили правителям Феодоро уже во второй половине — конце 50-х гг. XV в. осуществить значительную строительную программу по укреплению принадлежавшей им территории. К настоящему времени следы активной строительной деятельности отмечены не только в Каламите, но также на Мангупе и Фуне, где практически заново возведены укрепления замкового типа. Вместе с тем, есть основания полагать, что примерно в это же время владельцы Феодоро закрепляются и на территории Херсонеса, где ими было построено укрепление.

Об этом позволяет судить обнаруженная здесь при разборке большой круглой угловой башни цитадели средневекового города ещё в конце XVIII в. плита с фрагментированной греческой надписью (τό καστρον της Χερσονος — «возведённой крепости Херсонеса») и тремя монограммами (рис. 224: 8–10). Впервые плита (находилась в коллекции К. И. Габлица) опубликована П. С. Пал-

ласом [Pallas, 1801, II, Ris. 54]. Несмотря на «давность» находки, её историческая значимость до сих пор остаётся неопределённой ([Dubois de Montpereux, 1843, IV, pl. XXVI b., ris. 10; Латышев, 1896, с. 19–20; Малицкий, 1933, с. 36–37, рис. 12; Vasiliev, 1936, p. 217]). Предлагаемая разными исследователями идентификация изображённых на ней монограмм не выходит за рамки спорных интерпретаций.

В своё время Н. В. Малицкий высказал предположение, что «надпись как-то связана с общей политической деятельностью Алексея и его попытками утвердиться на крымском „поморье“» (παραθαλασσία), поддержав тем самым высказывание Н. И. Репникова [Малицкий, 1933, с. 37, прим. 1]. Данной точки зрения (принадлежность надписи правителю Феодоро Алексею) придерживался и А. А. Васильев [Vasiliev, 1936, p. 217].

А. Л. Якобсон, отмечая, что содержание монограмм до сих пор не раскрыто, с некоторой долей сомнения читал в крайней левой монограмме имя «СААК» [Якобсон, 1950, с. 44, прим. 1]. При этом он не был уверен, что надпись относится именно к XV, а не к XIV в. Поэтому высказал предположение, что в таком случае это могло бы служить «указанием на господство здесь князей из дома Алексея ещё в то время, а затем, после катастрофы конца XIV в., перебравшихся в горный Крым и там обосновавшихся» [Якобсон, 1950, с. 44, прим. 2]. Он также не исключал возможность датировки памятника XV в., отмечая, что в таком случае можно говорить о «политической принадлежности Херсона владельцам Феодоро, однако принадлежности скорее всего только номинальной: Херсон, как живой город, видно по всему, в XV в. существовать перестал» [Якобсон, 1950, с. 44].

При всей важности предложенной А. Л. Якобсоном интерпретации одной из монограмм, выглядит странным то, что он не связывал её непосредственно с именем Исаака, правителя Феодоро 1465–1475 гг. Причём Исаак известен не только по нарративным (генуэзским, русским и молдавским) источникам, но и по монограммам на поливных чашах, обнаруженных в ходе раскопок дворца на Мангупе [Якобсон, 1953, с. 414–415, рис. 32] (рис. 224: 7).

Весьма своеобразная трактовка содержания монограмм херсонесской надписи XV в. была предложена В. А. Сидоренко. Например, он считает, что здесь помещены «изображения монограмм трёх деспотов: Исаака (мангупского князя, правившего с 1470 по 1475 гг., брата Алексея), Менгли Гирея (сына Хаджи Гирея и его преемника с 1467 по 1515 гг.) и некоего Михаила Дуки, представителя знатного византийского рода, надо полагать, владельца данной крепости в период с 1470 по 1475 гг.» [Сидоренко, 1993, с. 159].

В связи с цитированным небольшим пассажем возникает много вопросов, тем более что автор не приводит в пользу своей интерпретации каких-либо дополнительных аргументов.

⁸ Башня отмечена на плане Инкермана 1773–1783 гг. и изображена на рисунке поручика П. Гриненталя 1783 г. [Бертъе-Делагард, 1918, с. 8, рис. 1]. Видимо, к 1786 г. башню разобрали на строительный камень, т. к. её нет на картине М. М. Иванова [Кулаковский, 1914, № 53].

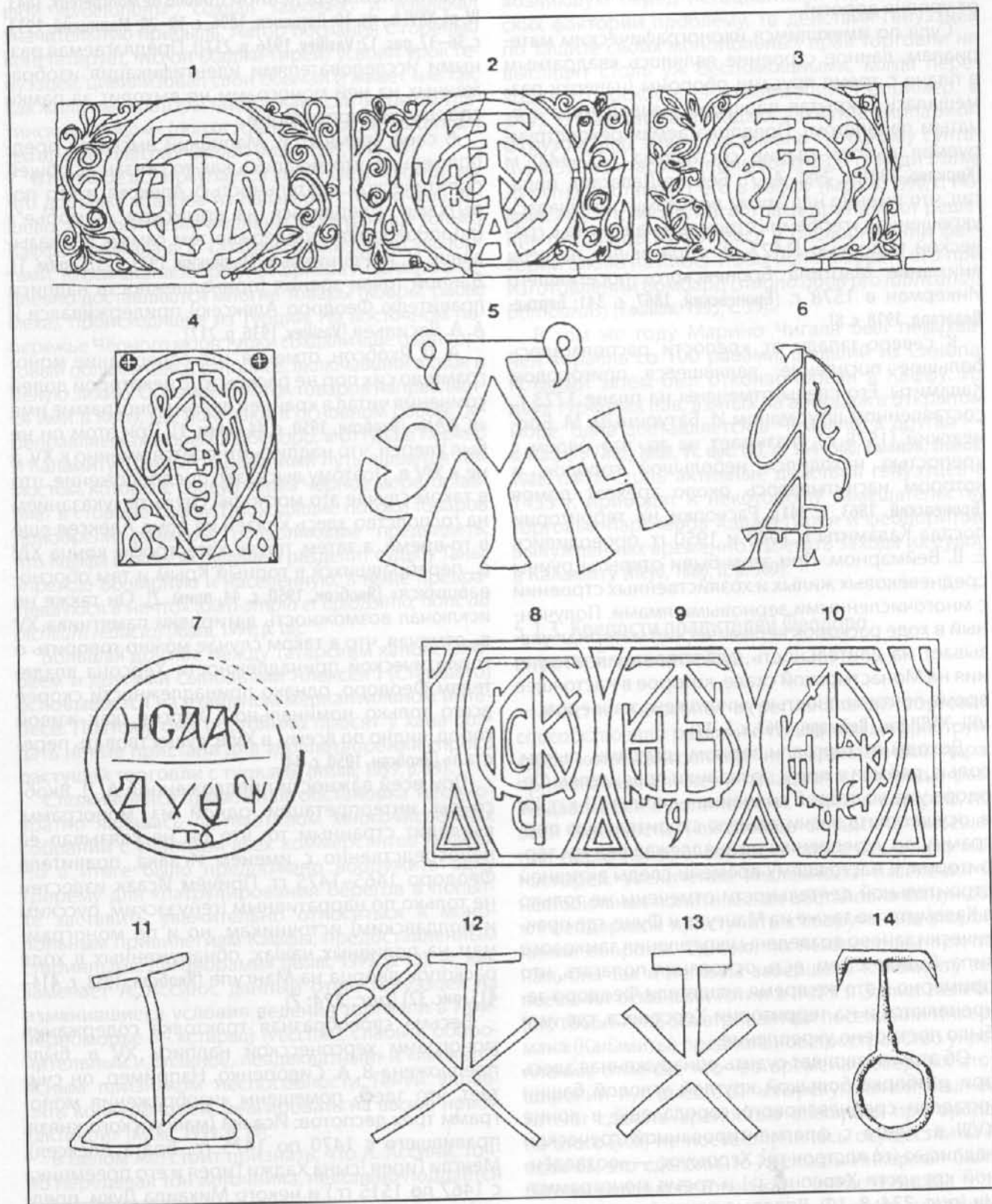


Рис. 224. Монограммы правителей Феодоро и Готии 20 – 70-х гг. XV в. (по В.П.Кирилко [1999, с. 140, рис. 2])

МОНЕТОГРАФИЯ
 КОММУНИКАТИВНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ
 СИСТЕМА

СИМВОЛ
 СИМВОЛИКА
 СИМВОЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Во-первых, на каком основании все три лица возведены в ранг деспотов? В поздней Византии носителями деспотского титула являлись члены царствующего дома — сыновья императора или его братья [Медведев, 1973, с. 26]. Но в таком случае опять возникает вопрос: кто из названных им правителей Таврики в 1470–1475 гг. имел на это основания — Исаак, Менгли-Гирей или «некий» Михаил Дука? Мне кажется, что никто. Почему тогда остальные владетели Феодоро и Крымского ханства не считались деспотами? Татарские ханы (в том числе управлявшие только Крымским улусом) в итальянских источниках обычно именовались «*Imperator tartarorum*», т. е. «император татар». В таком случае, кто (и зачем?) даровал титул деспота Менгли-Гирею, если к моменту его восшествия на престол (1467/68 г.) в живых не было ни одного византийского императора?

Как вполне аргументированно считает В. П. Кирилло, все известные упоминания правителей Мангупа в XV в. (Алексея I (Старшего), Иоанна, Исаака) неизменно имеют единственное определение их титула — «аутент» (αὐθέντης = «владелец») [Кирилло, 1999, с. 138]⁹.

Во-вторых, на каком основании Исаак назван «братом Алексея» (Старшего), который якобы «со всей очевидностью в 1459 г. был ещё жив и правил на Мангупе», если генуэзские источники называют его покойным уже 2 мая 1447 г.?

В-третьих, генуэзские источники начала 70-х гг. XV в. характеризуют Херсонес как покинутую жителями территорию («*loci non habitati*», т. е. «необитаемого места»). Ещё в 1470 г. официалы Каффы (в консулат Раффаэле Адорно [Мурзакевич, 1837, с. 15]) обратились к протекторам Банка Сан-Джорджо с предложением разрушить оборонительные стены Воспоро или Херсонеса, оставленные жителями, чтобы предотвратить возможность их захвата турками. Поэтому уже 21 января 1471 г. в Генуе было принято решение: «Мы рассмотрели вопрос, о котором вы нам писали по поводу того, чтобы лучше разрушить [стены] Воспоро, чем Ихерезонде (*Iherезонде*) (т. е. Херсонеса — В. М.). В настоящее время относительно этого дела, кажется, ничего другого не следует сказать кроме того, что мы предоставляем решение его на ваше усмотрение, указывая, однако, что при таких разрушениях вам не следует нести никаких расходов, кроме разве что малых» [Atti, 1879, T. VII, 1, p. 735; Богданова, 1991, с. 98–99].

Но этот вопрос оставался нерешённым к 1472 г. Поэтому протекторы в инструкции, направленной 16 июня 1472 г. в факторию с будущим консулом Антониотто ди Кабелла пишут: «Многие

напоминают о том, что было бы полезно разрушить башни и стены одного необитаемого места, называемого Ихерезонда (*Iherезонда*), другие же настаивали разрушить место, которое называется Воспоро (*lo Vosporo*), и [сделать] это в тех целях, чтобы турки не заняли какого-либо из этих мест. Поэтому желаем, дабы Вы совместно со своими советниками и другими лицами, умудрёнными в этих делах, указанные вопросы глубоко обсудили и по ним вынесли бы решение, которое Вашей Мудрости покажется наиболее полезным» [Atti, 1871, VII, 1, p. 872; Якобсон, 1950, с. 44–45; Богданова, 1991, с. 99]. В этом случае датировка херсонесской плиты с монограммой Исаака 1470–1475 гг. сомнительна и может быть отнесена к более раннему времени, когда тот же Исаак ещё не был владетелем Мангупа.

В-четвертых, В. А. Сидоренко не объясняет, где он видит аббревиатуру «деспот», хорошо известную по находкам византийских монет Херсонеса [Соколова, 1983, схема I, № 34, 36]. В целом же, предложенную им интерпретацию смыслового содержания двух монограмм («Менгли Гирея» и «Михаила Дуки») следует признать спорной и недостаточно аргументированной. Поэтому возможны и другие варианты их прочтения. Например, в центральной монограмме помещены буквы М, А, N, H, и, вероятно, она могла содержать имя «Мануил» (Μανουήλ?). Значительно сложнее достоверно восстановить имя в крайней правой монограмме, где определяется пять букв — М, А, К, С, I, H (?), а шестая литера Ρ (?), расположенная выше, вероятно, была сильно повреждена (рис. 224: 8, 10). И тем не менее, только предположительно здесь можно читать имя «Макарий».

В. А. Сидоренко прав в том, что читает все монограммы слева направо, полагая, что заглавные буквы стоят первыми. К сожалению, сама плита была утеряна, хотя известно место её нахождения на территории Херсонесского городища: она обнаружена вместе со строительной надписью императора Зенона 488 г. и, по-видимому, была вмонтирована в стену большой круглой башни (т. н. «башня Зенона») [Паллас, 1999, с. 47, 210]¹⁰. Поэтому предложенное чтение двух монограмм — «Мануил»? и «Макарий»? — будет оставаться спорным, если их не удастся проверить и подтвердить сведениями других источников. Это особенно необходимо, потому что среди имён правителей Мангупа, как это теперь известно, встречаются и имена западнокавказского (адыгского) происхождения (Олобо =

⁹ Греческое αὐθέντης — «владелец» — идентично латинскому «*dominus*» = «господин», представлено в славянской государственной титулатуре молдавских князей как «господарь». От греческого слова образовался известный в турецком языке титул «эфенди» [Кочубинский, 1889, с. 534; Байер, 2001, с. 143, 204, 214].

¹⁰ Об этих памятниках П. С. Паллас сообщает следующее: «Нашёл только прекрасную надпись на белом мраморе у моего друга Габлица, сохранившего её, и сообщаю её рисунок на листе 54, она относится к исправлениям, сделанным в крепости в царствование императора Зенона и была, по-видимому, вделана в одну из башен. На виньетке № 3 представлена ещё надпись с монограммами, найденная в том же месте...» [Паллас, 1999, с. 47]. Виньетка № 3 имеет подпись: «Белый мрамор с надписью, найденной в новом Херсонесе» [Паллас, 1999, с. 219].

Олобей, Уздемарох = Марох, Кейхиби = Чейхиби, Бердибек, Биберди, Дербиберди).

Тем не менее, находка на территории средневекового города посвятителной надписи, упоминающей о строительстве крепости в Херсонесе, на которой достоверно читается имя Исаака, позволяет говорить о том, что здесь во второй половине XV в. феодориты предприняли попытку восстановления (а точнее, возведения) укрепления.

Политические условия этого времени действительно требовали укрепления границ Феодоро и, прежде всего, охраны порта Каламиты. Учитывая острую конкуренцию со стороны генуэзцев, Севастопольская (Ахтиярская) бухта в любой момент могла быть закрыта ими с помощью одной галеры, ставшей у её входа. Для организации охраны как нельзя более удобно расположена Карантинная бухта Херсонеса, где могли останавливаться как военные, так и торговые суда феодоритов и их партнёров.

Возникает вопрос: где находилась эта новая крепость? Логично было бы предположить, что правители Феодоро предприняли попытку восстановить частично разрушенные стены и башни цитадели города, располагавшейся в портовом районе (на это вроде бы указывает топография находки плиты с монограммой Исаака). Проводившиеся здесь раскопки на участке главной улицы (*via praetoria*) выявили в верхнем слое стены однокамерной постройки (3,0×3,50 м), датированной по находкам поливной керамики XIV в. (?)¹¹. Причём она была поставлена на мощном слое строительного мусора и камня от ранее разрушенных строений XIII в. Дом XIV в. размещался посередине бывшей главной улицы цитадели, а это указывает на то, что её прежняя планировка в это время уже не существовала. В целом, по мнению И. А. Антоновой, территория цитадели после катастрофического разрушения в XIII в., использовалась в качестве кладбища, рядом с которым размещались единичные постройки (церковь, склеп и отмеченный выше дом) [Антонова, 1994, с. 31–33]¹².

Ориентирами в поисках местоположения замка феодоритов могут служить находки середины — второй половины XV в., сделанные в ходе

раскопок на городище ещё в конце XIX в. Речь идёт о группе поливных сосудов, которые при первой публикации А. Л. Якобсон отнёс к XIII в., отмечая при этом сходство их орнаментации с керамическими изделиями Феодосии (Каффы) XIV или даже XV вв. [Якобсон, 1950, с. 181, табл. XII, № 51а; с. 182–183, табл. XV, № 56, с. 184, табл. XVI, № 61].

Данные сомнения оказались вполне оправданными, потому что именно такие поливные сосуды обнаружены при раскопках Алушты и Фуны в слоях тотальных пожаров 1475 г., что позволило датировать их третьей четвертью XV в. (рис. 225; 226). К сожалению, не все находки из Херсонеса имеют точную топографическую привязку, многие из них определяются как происходящие из северо-восточного района города.

Имеющиеся в большей степени отрывочные данные позволяют предполагать, что во второй половине 50-х гг. XV в. на территории юго-восточного (?) района Херсонеса феодоритами строится замок. Дать точную информацию об этом могут только раскопки и детальный анализ материалов исследований прежних лет. Возведение на руинах цитадели Херсона замка позволило господам Феодоро организовать охрану входа в Севастопольскую бухту, где возле устья р. Чёрной располагался их главный торговый порт. Владельцем замка в 1455–1464 гг. предположительно являлся Исаак, ставший затем (в 1464–1465 гг.) правителем Мангупа.

Весьма существенной перестройке в конце 50-х гг. XV в. подверглись оборонительные сооружения цитадели Мангупа и замка у селения Фуна [Мыц, 1988, с. 104; 1991, с. 134–135, 151; Кирилко, Мыц, 1991, с. 159–164; Кирилко, 2001, с. 284–287]. К этому времени крепостные ансамбли данных памятников приобрели новые очертания, а их относительно хорошая сохранность позволяет достаточно полно реконструировать архитектурный облик основных строений [Кирилко, Мыц, 1991, рис. 6] (рис. 227; 228).

В ходе раскопок крепости Фуна удалось проследить последовательность проводившихся здесь в 1458/59 гг. строительных работ, охвативших практически полностью весь периметр фортификационных объектов. Куртина, примыкавшая с запада к прямоугольной башне, была упразднена. Новая стена выдвигается во фронт и устанавливается в створе с северной стеной башни. Но наиболее существенные изменения в архитектурный облик памятника внесло появление в центральной части восточной линии обороны новых монументальных сооружений, во многом определивших фортификационную структуру замка. Это прежде всего трёхэтажный донжон (рис. 227–229) и двухэтажная церковь св. Феодора Стратилата (или св. Георгия?) (рис. 230–232).

Новый храм выстраивается над главным крепостным входом, включив в конструкцию стен первого этажа ранее существовавшие на этом месте кладки сооружений полукруглой башни и ворот (рис. 230–234).

¹¹ Датировка археологического материала XIII–XIV вв., предлагавшаяся И. А. Антоновой, весьма условна. При осмотре в фондах Херсонесского заповедника керамических изделий из верхнего слоя цитадели (автор признателен Л. В. Седиковой за возможность ознакомиться с коллекцией) обнаружены фрагменты поливных чаш и тарелок второй половины XV в. К сожалению, весь материал лишён чёткой стратиграфической привязки.

¹² Ещё в конце XVIII в. над руинами Херсонесского городища возвышалась башня, замыкавшая южный фланг обороны цитадели средневекового города [Тункина, 2002, рис. 122. «Развалины Херсона древнего в Крыме города 1778 [года]». Именно при её разборке на строительный камень к К. И. Таблицу попала плита XV в. с монограммами. В 1819 г. П. И. Кёппеном была снята копия плана (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 975, л. 206 об.), фиксирующего «Развалины города Корсуна или Херсона», где чётко читается контур цитадели и «башни Зенона» [Тункина, 2002, рис. 129].

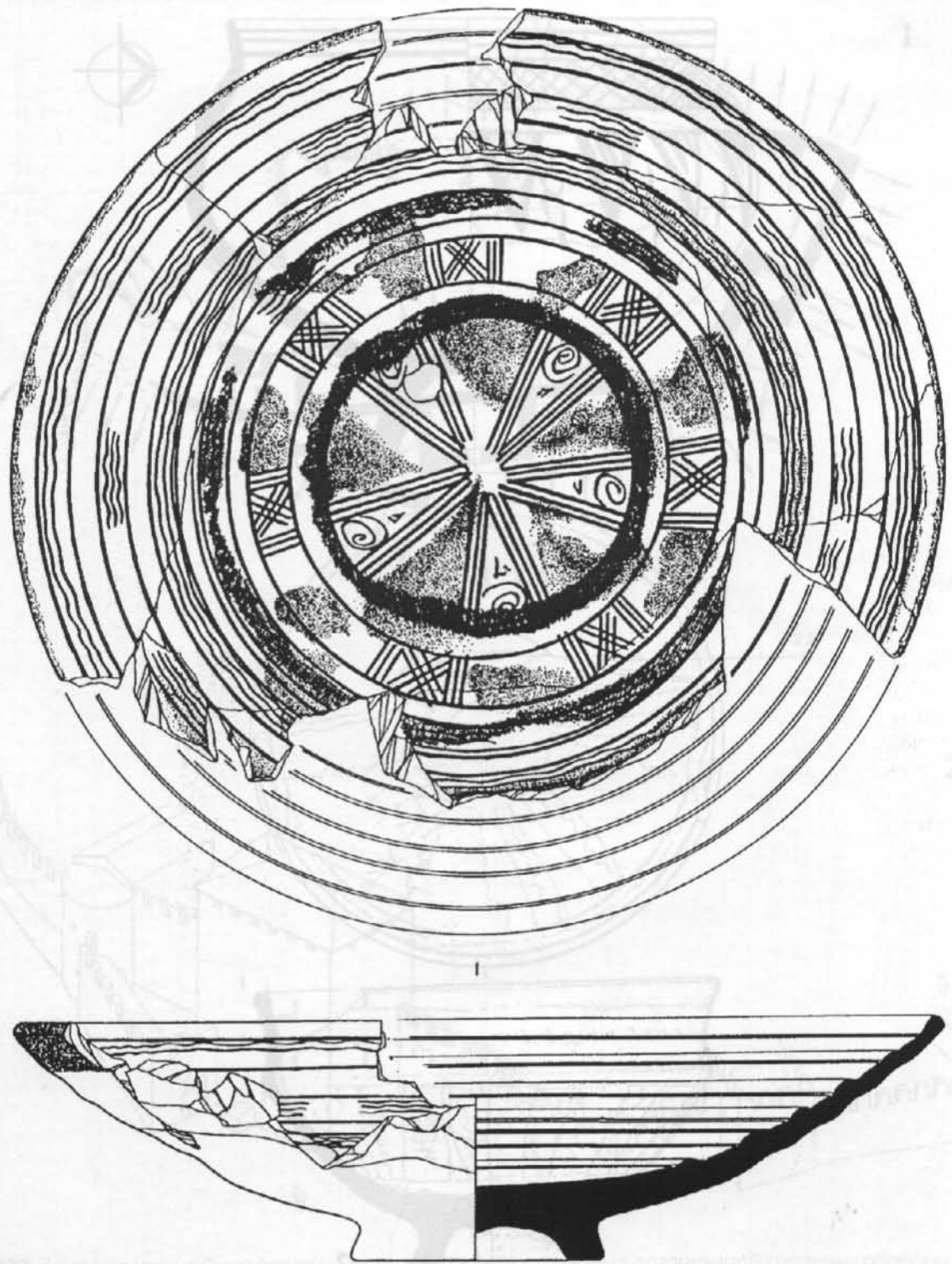


Рис. 225. Красноглиняное поливное блюдо второй половины XV в. из раскопок генуэзской Лусты

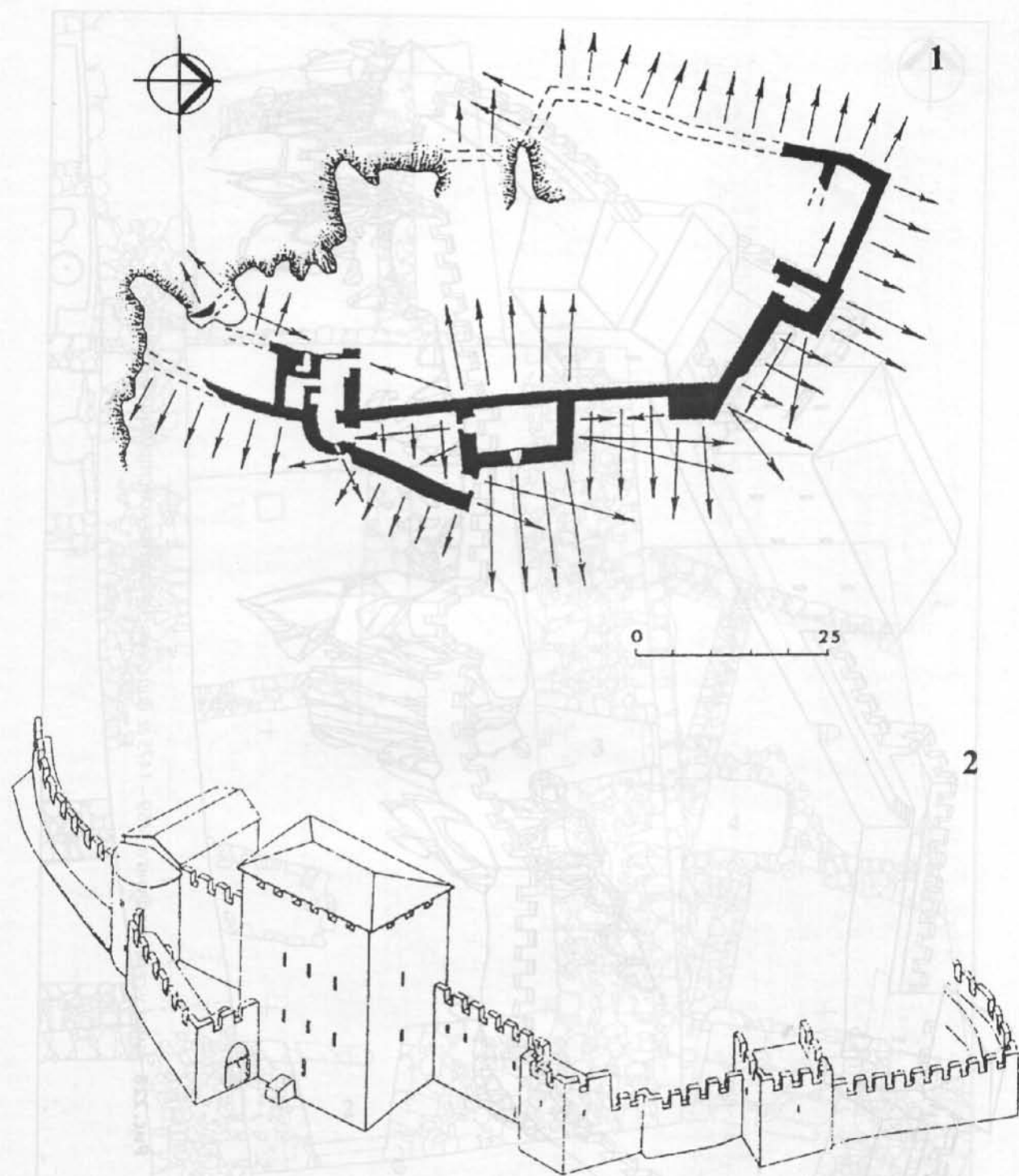


Рис. 227. Замок у селения Фуна после перестройки в 1459 г.: 1 – схема организации системы обороны в 1459 – 1475 гг.; 2 – северный и восточный участки обороны. Вид с северо-востока (реконструкция В.П.Кирилко)

Рис. 229. План замка у селения Фуна 1459 г. (по Кирилкову)
 1 – реконструкция; 2 – фотоснимок

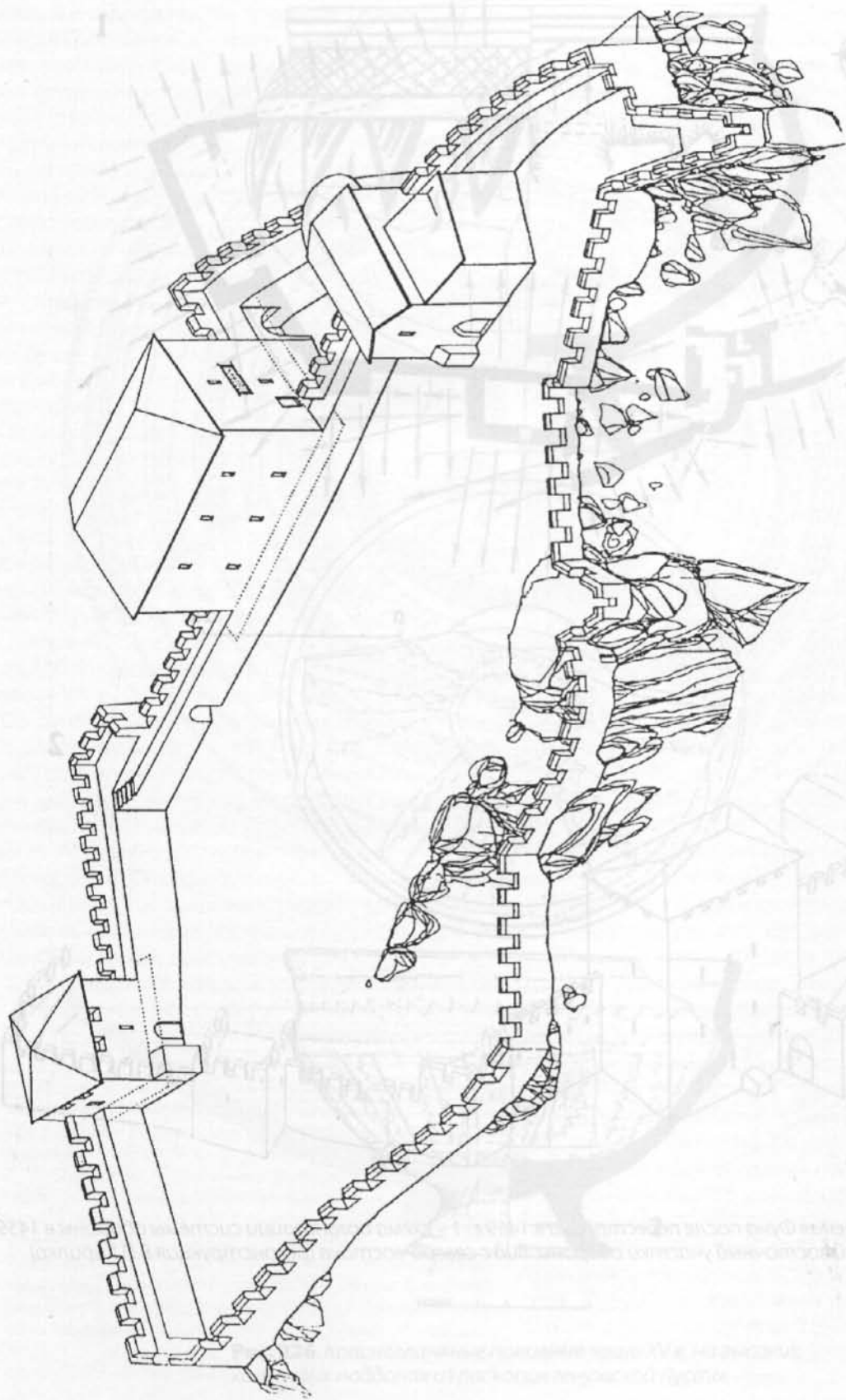


Рис. 228. Замок у селення Фуна в 1459 – 1475 рр. Вид з юго-запада (реконструкція В.П.Кирилко)

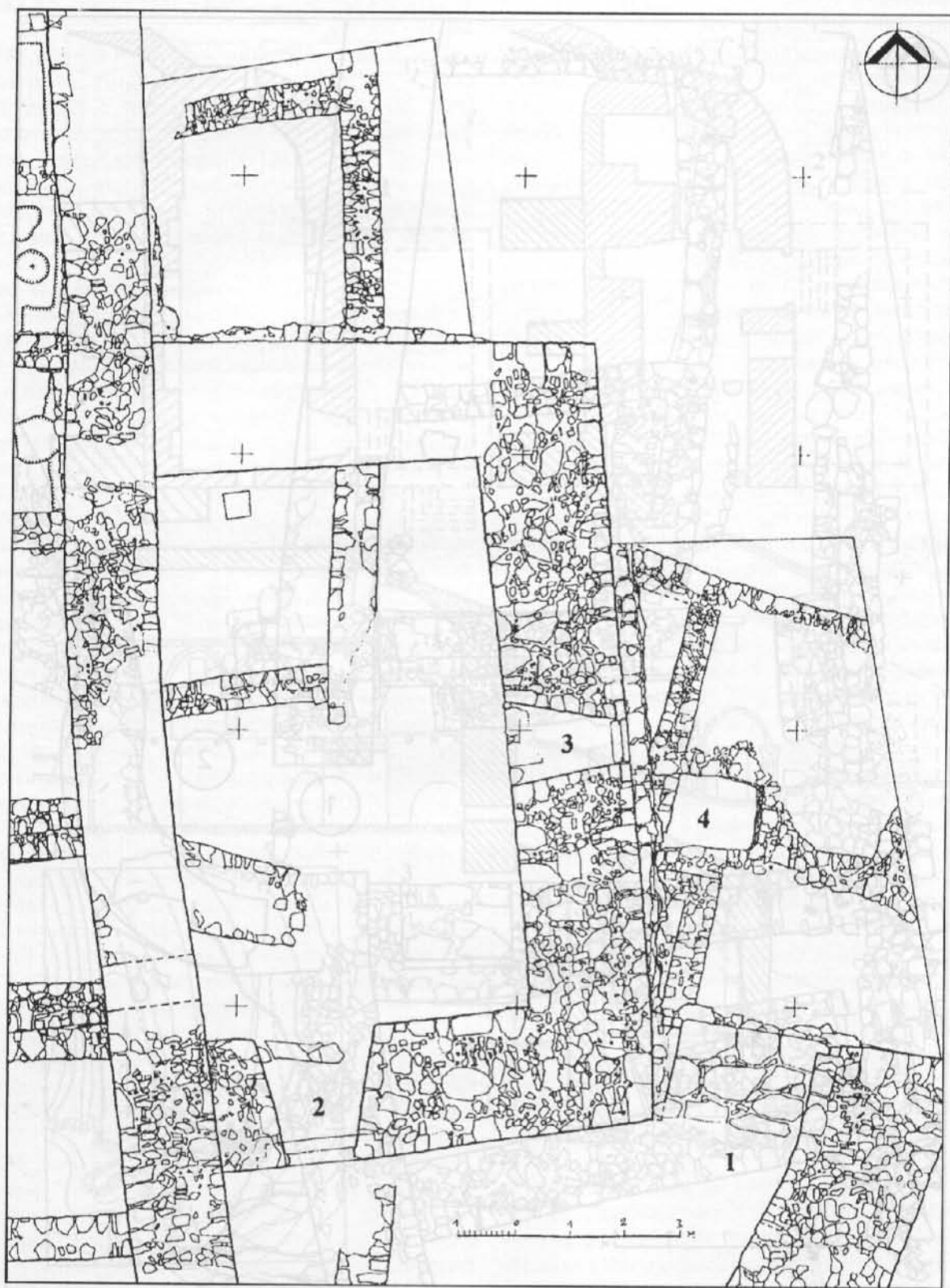


Рис. 229. Донжон замка у селения Фуна 1459 г. План: 1 – новый вход в замок; 2 – вход в донжон; 3 – амбразура подножного боя; 4 – выгребная яма

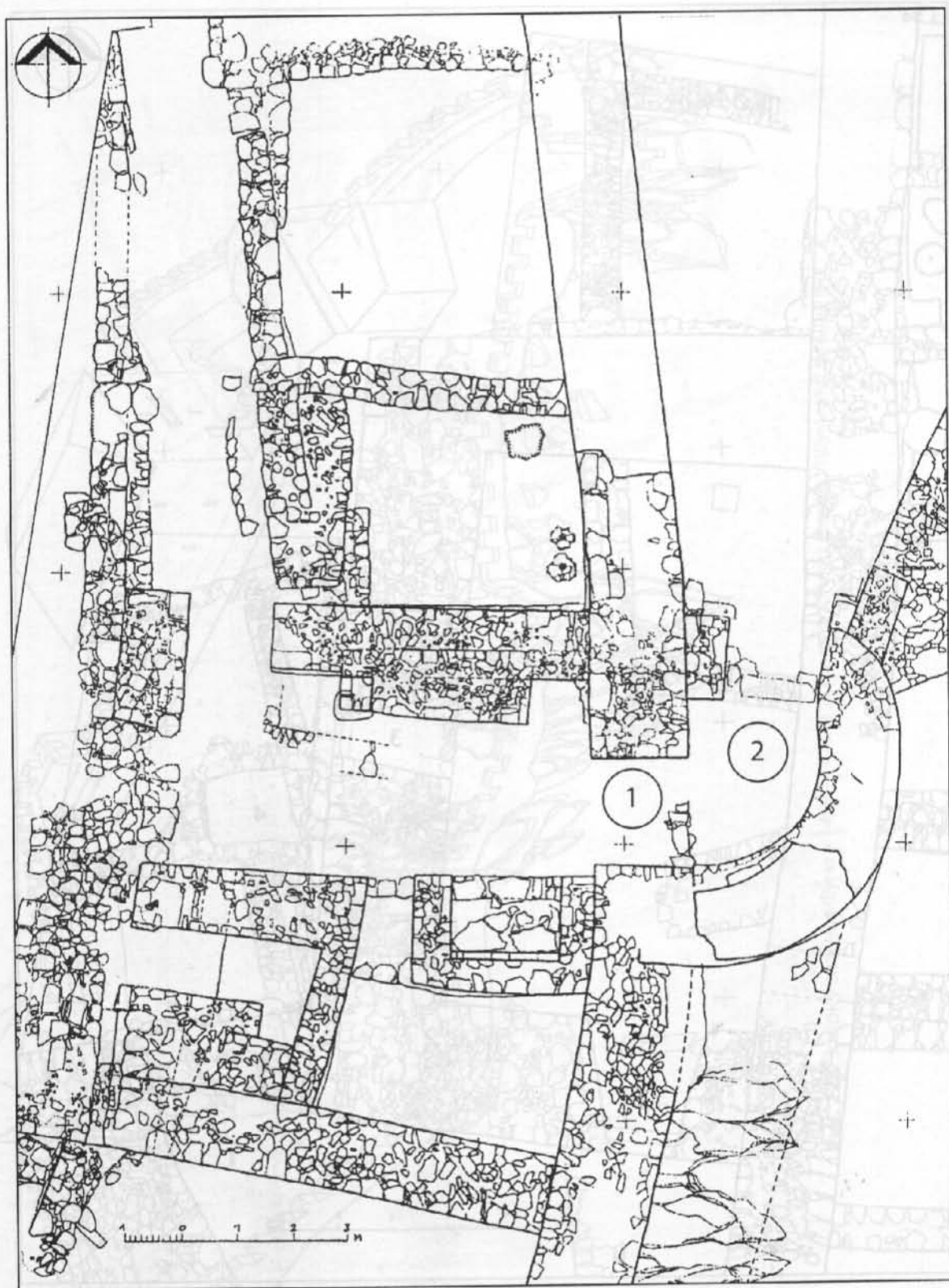


Рис. 230. Открытый раскопками участок замка у селения Фуна с надвратной церковью 1459 г. План: 1 – крепостные ворота 1423 г.; 2 – въездная башня второй четверти XV в.

Общие размеры церкви с окружающими её пристройками составляют 14,40×11,30 м, высота (до конька крыши) — около 9,0 м. Анализ архитектурники храма (рис. 231; 232) позволил отметить ряд особенностей, характерных для армянского зодчества средневекового Крыма. По-видимому, это было связано не столько с происхождением владельцев замка, как предполагалось ранее [Бертье-Делагард, 1918, с. 25–26], сколько с реальными исполнителями строительных работ на данном памятнике [Кирилко, 1989, с. 62–72].

При перестройке башни в нижнем этаже сохраняются проёмы ворот, а также бойница у входа, что позволяло, как и прежде, хотя и весьма ограниченно, использовать её в боевых условиях. Второй этаж, на котором располагался собственно храм, судя по иконографическому материалу [Кеппен, 1837, с. 18–19; Бертье-Делагард, 1889, л. 31, 32] (рис. 231), совершенно не был приспособлен к ведению боя. Напротив, возведение церкви в этом месте ослабило восточную линию обороны, создав значительное не простреливаемое пространство. Для ликвидации образовавшейся перед апсидой «мёртвой зоны», с севера к ней была пристроена мощная крепостная стена длиной 16,80 м и толщиной 2,70–2,80 м со скошенным южным торцом (рис. 235). С юга, в створе с последней, вдоль существующей куртины выполняется утолщение основания с наклонённой верхней гранью. В результате этих дополнений, апсида оказалась почти полностью утопленной в новую линию обороны [Кирилко, Мыц, 1991, с. 160, рис. 2].

Новый вход в крепость устраивается между юго-восточным углом донжона и стеной, пристроенной к апсиде храма с севера (рис. 235). Его ширина теперь составляла 2,35 м. С внешней стороны, по углам стен, на которые опиралась арка прохода с реконструируемой высотой до 3,60 м, сохранились четверти размером 0,38–0,42×0,20 м для установки воротных конструкций. Упразднение полукруглой въездной башни, защищавшей ранее вход в крепость, в 1459 г. компенсировано сооружением специального закрытого двора, окружённого оборонительными стенами (рис. 227; 228; 235–242). В случае проникновения в этот двор, противник оказывался в «каменном мешке», подвергаясь обстрелу со всех сторон.

Таким образом, к 1459 г. на Фуне была создана сложная система защиты ворот замка. До настоящего времени она не имеет аналогов в фортификации Таврики XIV–XV вв. Подобную организацию обороны привходового пространства встречаем в фортификационном строительстве Болгарии XIII–XIV вв., где отмечена в замке «Баба Вида», дворцовом ансамбле Царевграда Велико Тырново, крепости Рам [Харбова, 1981, с. 73]. Сходные по планировке входные устройства известны также в Изборской, Острожской, Псковской, Порхов-

ской (возведена в 1387 и перестроена в 1430 гг.) крепостях, получивших в русской фортификации название «захабов» [Рапопорт, 1961, с. 151–152, рис. 118, 121, 122, 124; Кирличников, 1984, с. 248–261, рис. 136, 3,8; 144, 145, 147, 149, 150].

После реконструкции крепости Фуна в 1459 г. основную роль в её обороне играет донжон (рис. 227; 228; 229; 243) [Мыц, 1988, с. 102, рис. 4; Кирилко, Мыц, 1991, с. 160, рис. 6,2;7,3]. Открытие этого памятника в 1981–1982 гг. позволило, на мой взгляд, решить вопрос, по поводу которого длительное время ведётся дискуссия, а именно определить время капитальной реконструкции цитадели Мангупа.

Единственные раскопки донжона на мысе Тешкли-Бурун в 1913 и 1914 гг. предпринял Р. Х. Лепер. Ввиду того, что исследования дали материал исключительно османского времени (XVI–XVIII вв.), Р. Х. Лепер пришёл к заключению, что цитадель Мангупа возведена турками. К такому же выводу, но на основании анализа архитектурно-фортификационных особенностей жилой башни, склонялся А. Л. Бертье-Делагард. По его мнению, в пользу этого говорит значительный вынос башни перед линией куртин, устройство амбразур, якобы предназначенных только для использования огнестрельного оружия, обеспечивавшего эффективный фланговый обстрел, беспрецедентное использование в оформлении дверных и оконных проёмов христианских надгробий [Бертье-Делагард, 1918, с. 40]. В 1889 г. исследователем были сделаны обмерные чертежи памятника [Бертье-Делагард, 1889, л. 39] (рис. 245: 1–4, 6). Впоследствии эту точку зрения поддержали многие исследователи, и она стала господствующей в научной литературе [Талис, 1974, с. 94].

Однако о происхождении укрепления на мысе Тешкли-Бурун, помимо «турецкой» версии, высказывались мнения и о его первоначальном возведении в «византийско-феодоритское» время. Наиболее раннюю дату предлагал Е. В. Веймарн — VI в. [Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф, 1974, с. 125]. Н. И. Репников, А. Л. Якобсон и А. Г. Герцен считали, что цитадель была построена в доосманский период (XIV или XIV–XV вв.), и впоследствии турки перестроили её, приспособив к условиям применения огнестрельного оружия [Репников, 1940, с. 249; Якобсон, 1964, с. 126; Герцен, 1983, с. 89].

Сравнение мангупского донжона (рис. 245: 1) с фунским показывает, что последний является несколько уменьшенной копией башни цитадели на Тешкли-Буруне. Сходство в решении планировочной схемы двух памятников, в размерах и устройстве входов, амбразур, метрических показателей большинства параметров, технике кладки (рис. 244: В) и т. д., — всё это дало основания предполагать, что цитадель Мангупа была сооружена не ранее середины XV в. и, по-видимому, одними и теми же строителями [Мыц, 1988, с. 112].

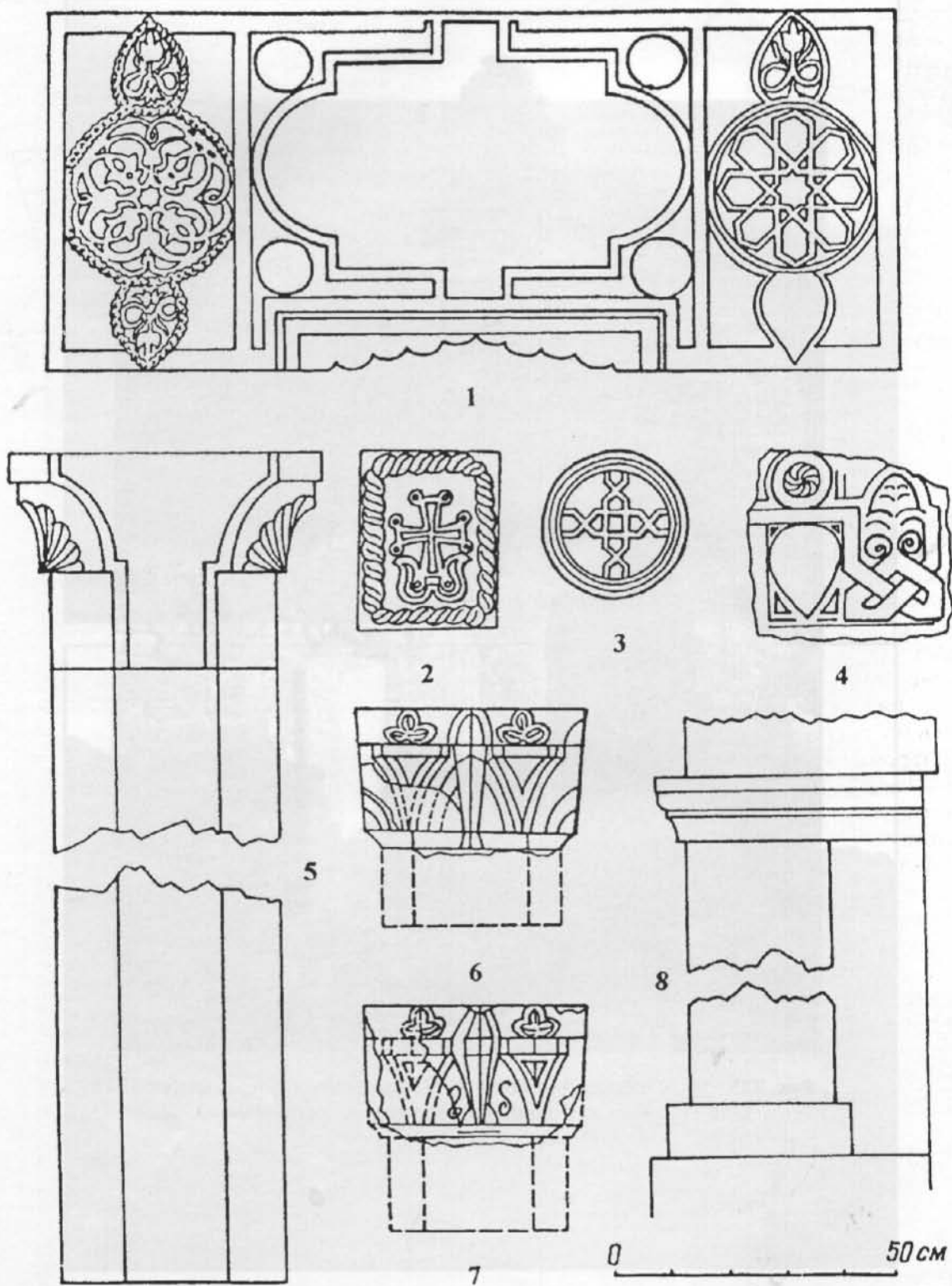


Рис. 232. Архитектурные детали храма: 1 – архитравная плита южного входа; 2 – процветший крест; 3 – розетка; 4 – фрагмент архитравной плиты 1459 г. (изготовлена из надгробной стелы); 5 – капитель и колонна; 6, 7 – капители; 8 – колонна внутри храма



Рис. 234. Руины храма замка Фуны (1459 г.). Вид с северо-запада: 1 – северная стена нижнего этажа храма; 2 – проход в северо-западном углу нижнего этажа храма

Рис. 237. Кирпичная стена с арочными нишами с юго-восточной стороны дворика. Вид с юга

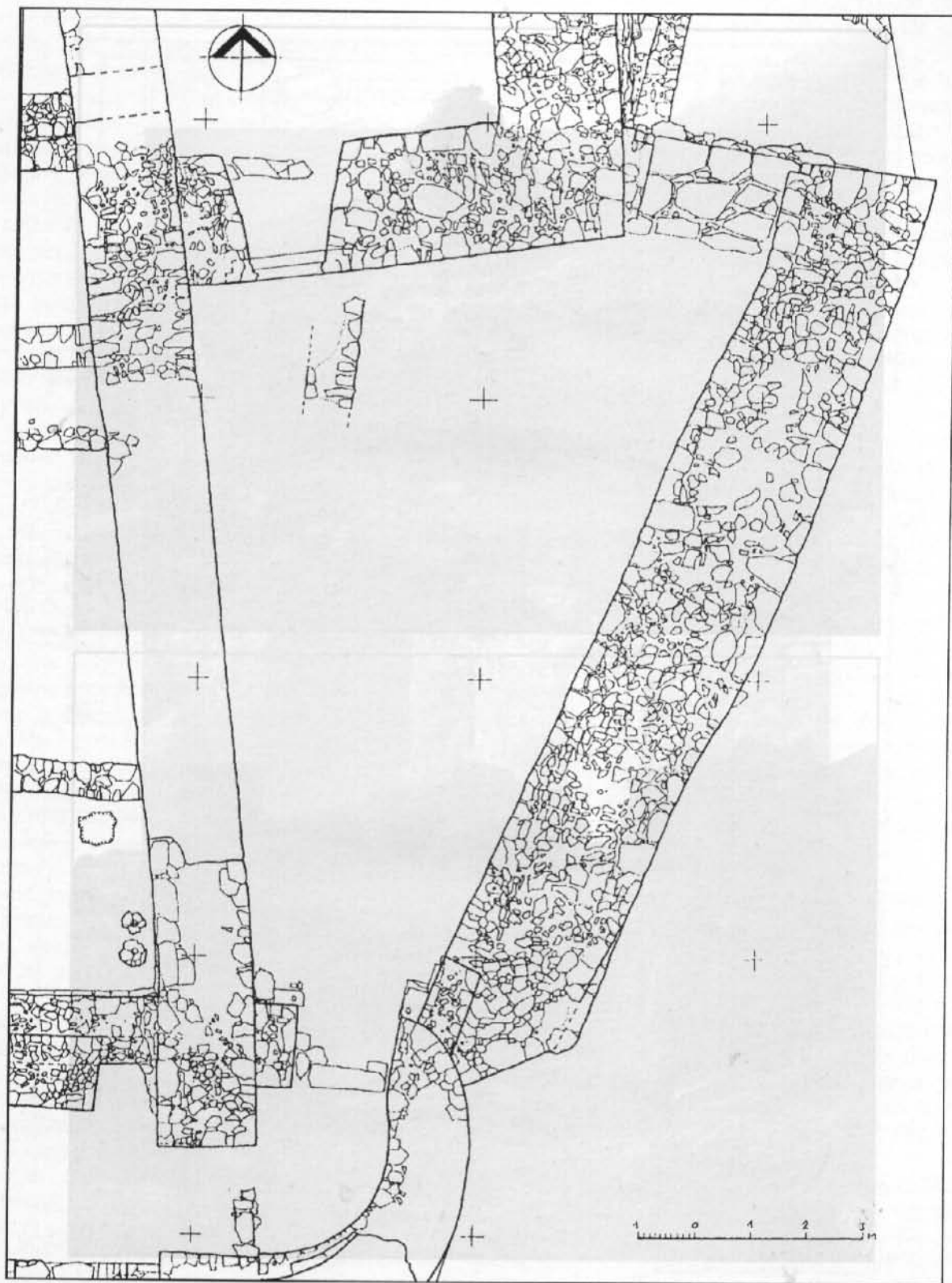


Рис. 235. Крепостные ворота и дворик («захаб») между донжоном и церковью 1459 г.



Рис. 236. Внутренний дворик («захаб») между донжоном и церковью 1459 г. Вид с севера



Рис. 237. Крепостная стена, прикрывающая с юго-востока крепостной дворик. Вид с юга

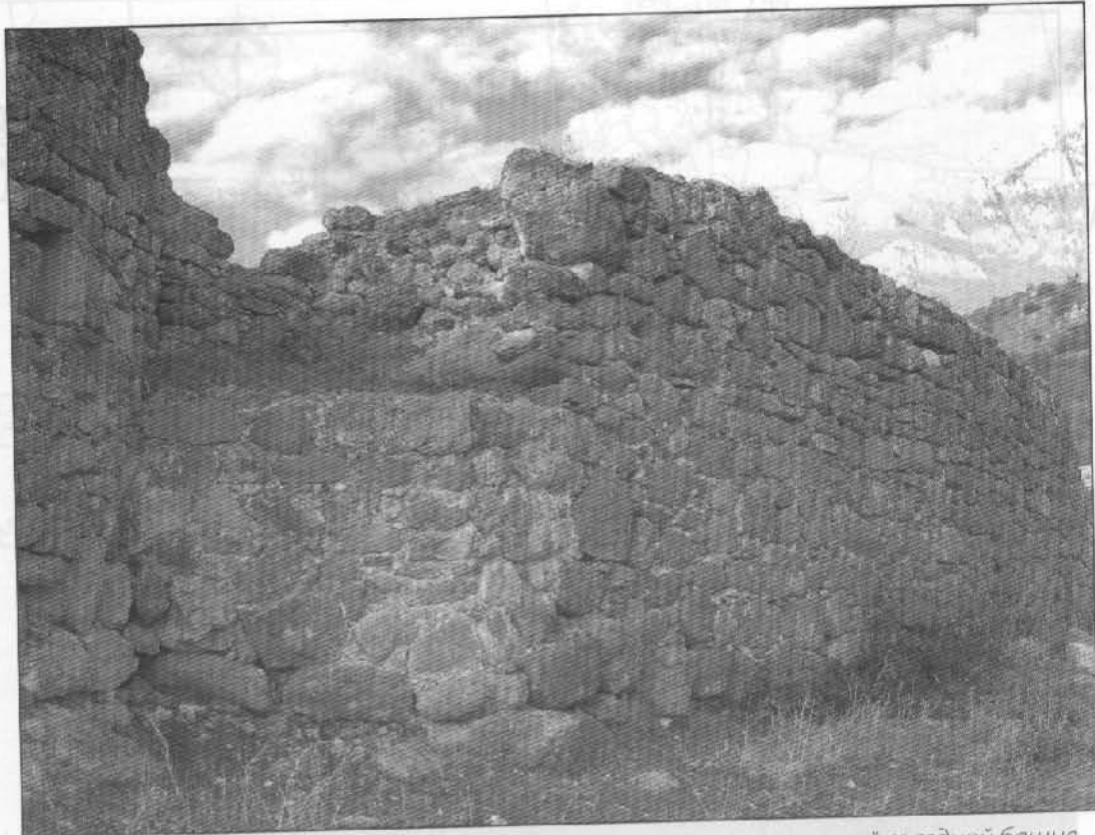


Рис. 238. Место примыкания крепостной стены 1459 г. к полукруглой въездной башне.
Вид с юго-востока



Рис. 239. Деталь кладки крепостной стены 1459 г.



Рис. 240. Туалет в крепостной стене 1459 г. Вид с запада.



Рис. 241. Ниша для светильника (?) в крепостной стене 1459 г.



Рис. 242. Дворик между донжоном и церковью. Вид с северо-востока и со стороны входа



Рис. 243. Внешняя (восточная) стена донжона 1459 г. Вид с юго-востока

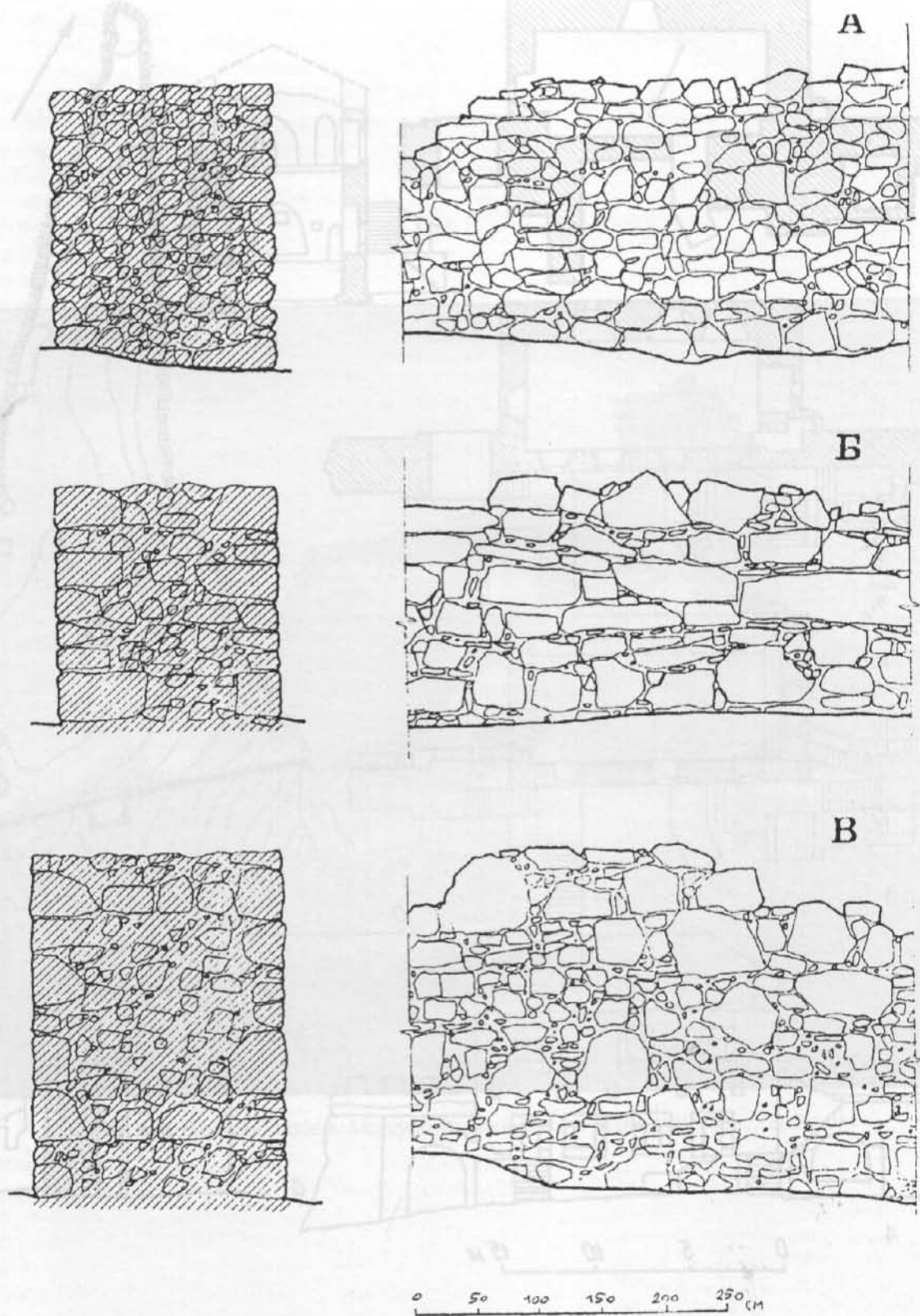


Рис. 244. Основные типы кладок оборонительных сооружений крепости Фуна: А – 1423 г.; Б – вторая четверть XV в. (1425–1434 гг.); В – 1459–1475 гг. (по В.П.Кирилко [2001, рис. 2.9])

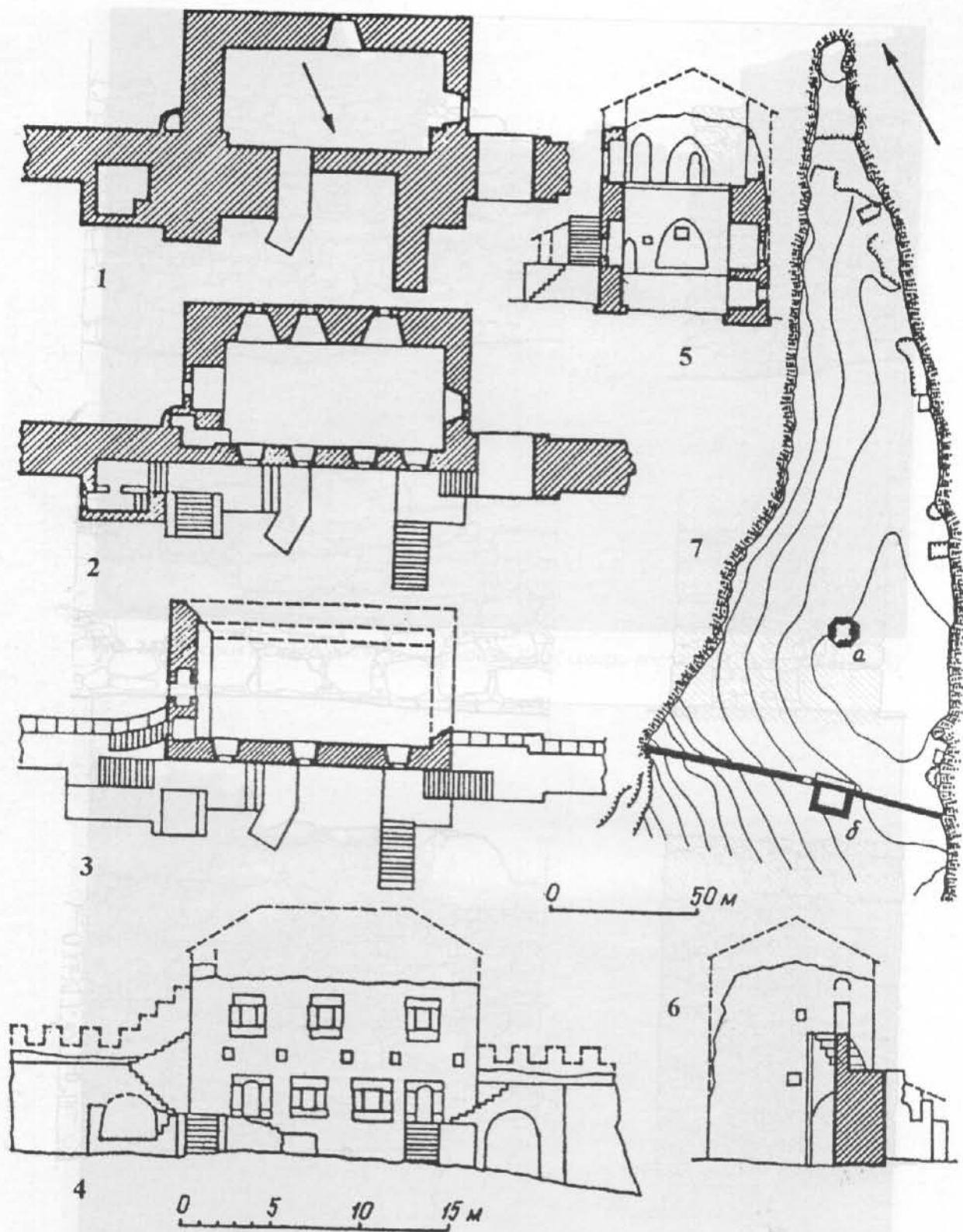


Рис. 245. Цитадель мангуна на мысе Тешкли-Бурун (1459/60 г.г.): 1 – план первого этажа донжона; 2 – план второго этажа донжона; 3 – план третьего этажа; 4 – восточный фасад башни; 5 – поперечный разрез; 6 – южный фасад (по А.Л.Бертье-Делагарду); 7 – мыс Тешкли-Бурун: а – октагональный храм 1427 г.; б – донжон 1459/60 г. (?)

Ввиду того что цитадель Мангуна сохранилась в руинах, в настоящее время ее изучение и реставрация являются актуальными задачами. В настоящее время на территории цитадели ведутся археологические раскопки, в результате которых обнаружены различные объекты, имеющие историческое значение. В частности, в настоящее время на территории цитадели обнаружены остатки различных сооружений, в том числе и жилых помещений. В настоящее время на территории цитадели ведутся археологические раскопки, в результате которых обнаружены различные объекты, имеющие историческое значение. В частности, в настоящее время на территории цитадели обнаружены остатки различных сооружений, в том числе и жилых помещений.

В настоящее время на территории цитадели ведутся археологические раскопки, в результате которых обнаружены различные объекты, имеющие историческое значение. В частности, в настоящее время на территории цитадели обнаружены остатки различных сооружений, в том числе и жилых помещений. В настоящее время на территории цитадели ведутся археологические раскопки, в результате которых обнаружены различные объекты, имеющие историческое значение. В частности, в настоящее время на территории цитадели обнаружены остатки различных сооружений, в том числе и жилых помещений.



Рис. 246. Руины цитадели Мангуна на мысе Тешкли-Бурун (1459/60 г.г.). Вид с юга

В настоящее время на территории цитадели ведутся археологические раскопки, в результате которых обнаружены различные объекты, имеющие историческое значение. В частности, в настоящее время на территории цитадели обнаружены остатки различных сооружений, в том числе и жилых помещений. В настоящее время на территории цитадели ведутся археологические раскопки, в результате которых обнаружены различные объекты, имеющие историческое значение. В частности, в настоящее время на территории цитадели обнаружены остатки различных сооружений, в том числе и жилых помещений.

В настоящее время на территории цитадели ведутся археологические раскопки, в результате которых обнаружены различные объекты, имеющие историческое значение. В частности, в настоящее время на территории цитадели обнаружены остатки различных сооружений, в том числе и жилых помещений. В настоящее время на территории цитадели ведутся археологические раскопки, в результате которых обнаружены различные объекты, имеющие историческое значение. В частности, в настоящее время на территории цитадели обнаружены остатки различных сооружений, в том числе и жилых помещений.

Ввиду того, что донжон цитадели Мангупа сохранился лучше фунского прототипа (рис. 246–259), изучение его архитектоники позволяет более полно представить, как выглядела аналогичная постройка замка у селения Фуна, и получить необходимый материал для её графической реконструкции [Кирилко, Мыц, 1991, рис. 6,2]¹³. Размеры башни на Тешкли-Буруне — 16,60×9,60 м (фунский донжон несколько меньше — 14,15–15,0×9,68 м). Стены сохранились на высоту 9,50–10,0 м. Башня была трёхэтажной (почти во всех работах, посвящённых Мангупу, донжон по старой традиции называют двухэтажным). Высота нижнего этажа около 3,0 м, второго — 4,50, третьего — 5,0 м.

Общая высота здания с кровлей, по-видимому, не превышала 15,0 м. Толщина стен донжона на уровне этажей была различной: западная стена, обращённая во фронт замка, имеет ширину 2,20 м, южная — 2,20–2,30 м, северная и восточная — по 1,75 м. Аналогичные параметры имеет первый, частично сохранившийся этаж фунского донжона. За исключением западной стены, обращённой вовнутрь укрепления и равной 1,68 м, все стены имели толщину 2,24–2,40 м. Но такое расхождение объясняется тем, что в качестве внутренней стены строителями использована куртина 1422/23 гг., которая отличается по стилю и характеру кладки от конструкций 1458/59 гг. (рис. 244: А, В). На уровне второго этажа толщина стен сохраняется, кроме восточной, равной 1,15 м, а на уровне третьего этажа все три внешние стены становятся тоньше и составляют: западная — 1,75 м, южная, восточная и северная — по 1,15 м.

Таким образом, наибольшую толщину имеет стена, обращённая во фронт крепости, что было вполне оправдано с точки зрения её функциональности. В нижнем этаже в западной стене (на Фуне — в восточной) размещалась одна амбразура подножного боя и два входа: один, в северной стене, вёл за пределы замка (на Фуне такой же вход находился в южной стене), второй, в восточной стене, — во внутреннюю часть укрепления (рис. 245: 1; 247; 248; 250). Амбразура имеет трапециевидную в плане форму с большим основанием шириной 1,90 м (на Фуне амбразура подножного боя несколько меньших размеров: ширина наибольшего основания — 1,60 м, меньшего — 0,90 м). На втором и третьем этажах размещалось по четыре амбразуры: три в западной и одна в северной стенах (рис. 245: 2, 3; 251–254; 255: 1).

В южной стене на уровне второго и третьего этажей были устроены небольшие туалетные комнаты и световые окна, через которые можно было вести обстрел вдоль южной линии обороны (рис. 245: 1–3; 256; 257: 1, 2). В южной стене (на втором и третьем этажах) также находилось по одной двери (рис. 253; 255: 1). Со второго этажа дверь вела по узкому коридору к отхожему месту с вы-

гребной ямой, расположенной за пределами башни (рис. 245: 2). В фунском донжоне отхожее место располагалось на втором этаже внутри башни, а слив нечистот производился по специальному каналу в выгребную яму, устроенную у основания восточной стены. Дверь с уровня третьего этажа выводила на боевую площадку оборонительной стены. В восточной стене мангупского донжона на уровне второго и третьего этажей находились две двери с выходом на террасу и два окна, а на уровне третьего этажа — три окна (рис. 245: 3, 4; 251).

Почти все амбразуры донжона Мангупа имеют одинаковые размеры. В плане они представляют собой трапеции с шириной наибольшего основания 1,90–2,10 м, а меньшего — 0,70 м. Глубина камеры амбразур зависела от толщины стены, в которой они устраивались. С наружной стороны амбразуры представляли собой небольшие узкие окна-бойницы. В такой камере могли одновременно разместиться два арбалетчика или лучника (хотя стрельба обычно велась попеременно двумя стрелками). Из каждой амбразуры можно было обстреливать сектор шириной 60°, что позволяло полностью ликвидировать «мёртвое пространство» перед башней. Высота камер — около 2,50 м. Стрелков, размещавшихся здесь, прикрывала стена шириной 0,60–0,70 м.

Следует отметить, что часть мангупского донжона, обращённая вовнутрь укрепления, имела дворцовый облик. Главным входом считался северо-восточный, портал которого покрыт резным орнаментом из плетенки и розеток (рис. 258–260).

Как была оформлена внутренняя сторона донжона крепости Фуна, сказать трудно. Но, по всей вероятности, наиболее представительным и парадным фасадом был южный, обращённый во внутренний крепостной дворик («захаб»). Именно здесь, перед входом в донжон, при раскопках найдено наибольшее количество обработанных блоков известняка с элементами резьбы по камню (рис. 261–262), в том числе и известная богато декорированная плита с посвяжительной надписью, датированной 19 июля 1459 г. [Мыц, 1988, с. 104, рис. 5]. При этом следует подчеркнуть, что на Фуне, как и на Тешкли-Буруне, все элементы декоративного убранства парадных фасадов зданий представлены фрагментами вторично использованных (перелицованных) христианских (?) надгробий конца XIV — начала XV вв.

На это обстоятельство неоднократно обращали внимание исследователи [Бертъе-Делагард, 1918, с. 40; Якобсон, 1964, с. 126, табл. XXXIV, 3; Степаненко, 19976, с. 48]. Но если А. Л. Бертъе-Делагард считал донжон на Тешкли-Буруне турецкой постройкой, что обусловило, по его мнению, использование христианских (?) надгробных памятников в качестве строительного материала [Бертъе-Делагард, 1918, с. 40], то несколько иное объяснение давал А. Л. Якобсон, полагавший, что турки в XVI в. извлекли оконные и дверные наличники из строений феодоритского времени (XV в.) [Якобсон, 1964, с. 126].

¹³ Более детальную сравнительную характеристику архитектоники фунского и мангупского донжонов см. в работе В. П. Кирилко [Кирилко, 2006, с. 145–177].



Рис. 247. Северо-западная стена мангупского донжона. Вид с юго-востока



Рис. 248. Вход в донжон, расположенный в северо-западной стене. Вид с юго-востока



Рис. 251. Северо-восточная стена донжона с окнами на уровне третьего этажа:
1 – общий вид с юго-запада; 2 – центральное окно



Рис. 252. Окно в северо-восточной стене донжона на уровне третьего этажа, превращенное в амбразуру (вид с юго-запада).



Рис. 253. Парадный вход на второй этаж донжона. Вид изнутри и юго-запада



Рис. 254. Окна третьего этажа донжона цитадели Мангула, обращенные на северо-восток: 1 – оконный проём, превращенный в бойницу над парадным входом; 2 – центральное окно здания (вид с северо-востока)



Рис. 255. Внутренняя сторона северо-восточной стены донжона: 1 – дверной проём второго этажа; 2 – оконный проём, превращенный в бойницу (вид с юго-запада)



См. рис. 254 (вид с юго-запада) и рис. 255 (вид с юго-запада)



Рис. 256. Юго-восточная (внешняя) сторона стены донжона с туалетными комнатами:
1 – общий вид; 2 – деталь (вид с юго-востока)



Рис. 257. Юго-восточная стена донжона цитадели Мангуна с туалетной комнатой, дверными проёмами, окнами и нишами (вид изнутри и северо-запада)

Рис. 257. Юго-восточная стена донжона цитадели Мангуна с туалетной комнатой, дверными проёмами, окнами и нишами (вид изнутри и северо-запада)



Рис. 258. Главный северо-восточный вход в донжон цитадели Мангуна (вид с северо-востока)



Рис. 259. Юго-восточный вход (слева) в донжон цитадели Мангуна (вид с севера)

Рис. 262. Фрагменты набрызга, паркет, штукатурка облицовки ступеней порога

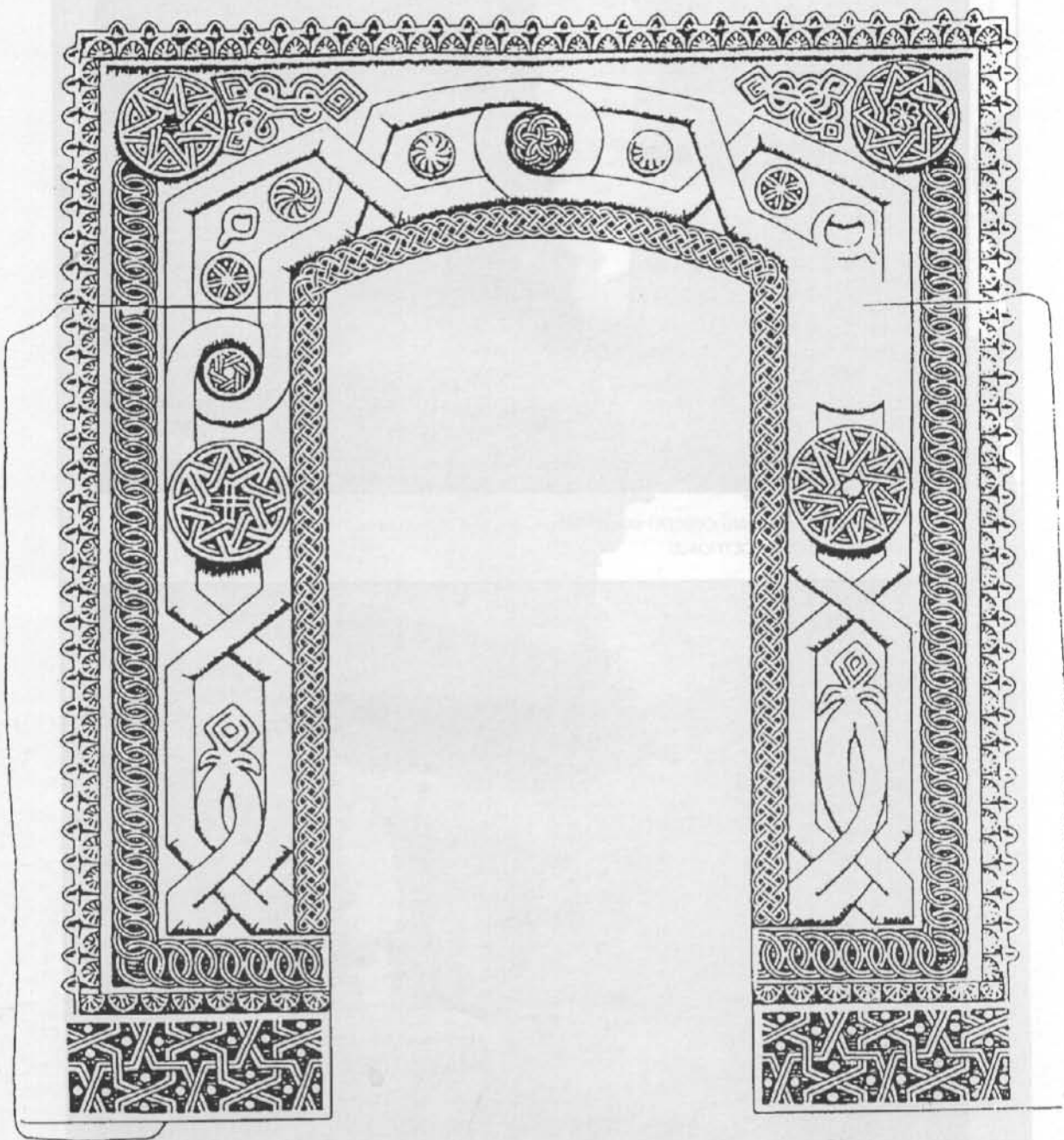


Рис. 260. Наличник портала главного входа в донжон Мангуна (рубеж 50–60-х гг. XV в.)
(по Е. А. Айбабиной [Айбабина, 2001. Рис. 70])

Рис. 260. Наличник портала главного входа в донжон Мангуна (рубеж 50–60-х гг. XV в.)
(по Е. А. Айбабиной [Айбабина, 2001. Рис. 70])

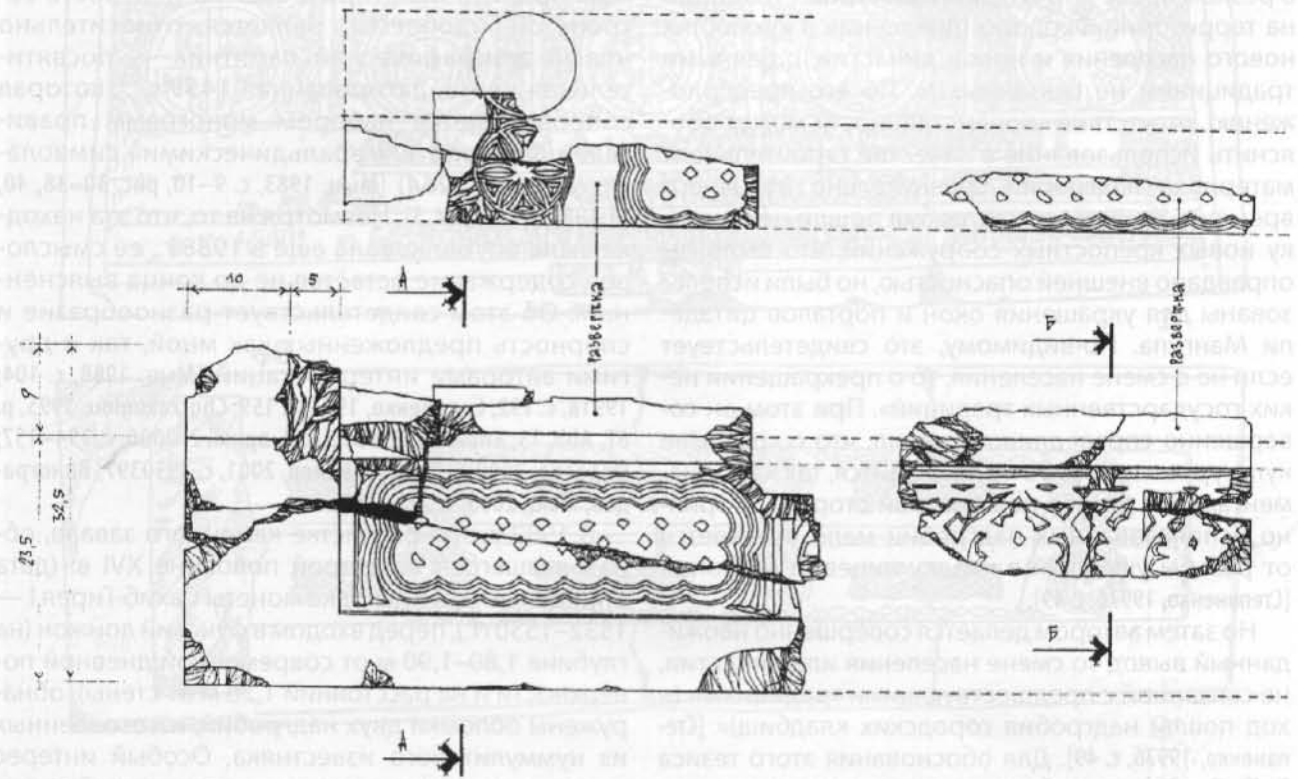


Рис. 261. Фрагменты надгробия, перетёсанного в обрамление оконного проёма из слоя разрушения донжона (1459 г.) замка у селения Фуна (найден в крепостном двореке). Вид сбоку (обмерный чертёж В.П.Кирилко)

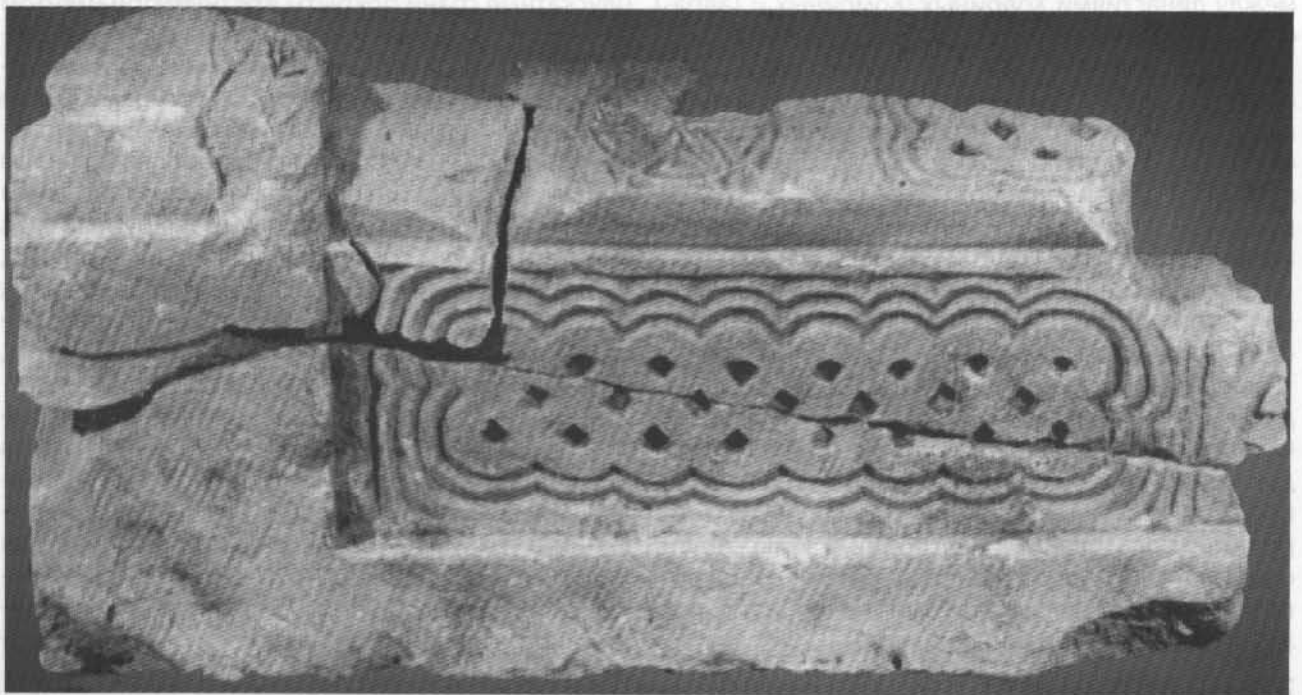


Рис. 262. Фрагменты надгробия, перетёсанного в обрамление оконного проёма

Рассматривая некоторые аспекты истории Мангупа в XV в. и пытаясь объяснить «подобный казус», у В. П. Степаненко сложилось «впечатление о резком пресечении неких культурных традиций на территории Феодоро (появление в крепостях нового населения и новой династии, с данными традициями не связанных?)». По его предположению, отсутствие «преемственности может объяснить использование в качестве строительного материала надгробий сравнительно недавнего времени. Но ранние надгробия пошли не в кладку новых крепостных сооружений, что было бы оправдано внешней опасностью, но были использованы для украшения окон и порталов цитадели Мангупа. По-видимому, это свидетельствует если не о смене населения, то о прекращении неких государственных традиций». При этом он совершенно справедливо отметил, что о «разрыве культурных говорить не приходится, так как орнаментальная резьба на обратной стороне вторично использованных надгробий мало отличается от резьбы ушедшей в кладку лицевой стороны» [Степаненко, 1997б, с. 49].

Но затем автором делается совершенно неожиданный вывод «о смене населения или династии, не связанной с предшествующими традициями (вход пошли надгробия городских кладбищ)» [Степаненко, 1997б, с. 49]. Для обоснования этого тезиса В. П. Степаненко обращается к широко известному факту приезда ко двору великого князя Московского Василия Дмитриевича в конце XIV в., традиционно связываемого с родом Ховриных, относивших себя к Гаврасам [Степаненко, 1997б, с. 50].

Однако, как считает и сам В. П. Степаненко, связь между династиями Ховриных (Комриных = Гаврасов?) 80–90-х гг. XIV в. и правившим на Мангупе с 1411 г. родом, начиная с Алексея I (Старшего), не подтверждает ни один из источников. Устанавливается она только путём предположений, построенных на «свидетельствах» косвенных данных. Со временем это «предположение» приобрело скорее мифологический, чем научно обоснованный характер [Степаненко, 1990, с. 87–93; 2001, с. 335–352].

Для прояснения этого достаточно запутанного вопроса необходимо попытаться решить хотя бы одну проблему: кто реально являлся тем правителем, при котором практически заново возведены укрепления на Тешкли-Буруне (Мангупе) и Фуне с использованием в качестве архитектурно-декоративного оформления дверных, оконных проёмов и «геральдической» надписи (Фуна) вторично использованных надгробий¹⁴? И можно ли ставить в качестве объяснения этого явления вопрос о смене правящей на Мангупе династии, как это делает В. П. Степаненко?

¹⁴ А. Г. Герценом в 1992 г. в ходе обследования караимского некрополя в балке Табана-дере обнаружено надгробие, на подошвенной поверхности которого процарапаны (в качестве разметки) три геральдических щита [Герцен, 1995, с. 139].

5.1.4. Фунская надпись 1459 г.

Одним из известных источников, способным пролить некоторый свет на неясность затронутой проблемы, является относительно новый эпиграфический памятник — посвятельная плита, датированная 1459 г.¹⁵, которая сопровождается набором монограмм правителей Феодоро и «геральдическими» символами (рис. 263; 264) [Мыц, 1983, с. 9–10, рис. 30–38, 40, 41; 1988, с. 104, рис. 5]. Несмотря на то, что эта находка была опубликована ещё в 1988 г., её смысловое содержание остаётся не до конца выясненным. Об этом свидетельствует разнообразие и спорность предложенных как мной, так и другими авторами интерпретаций [Мыц, 1988, с. 104; 1991в, с. 192; Сидоренко, 1993, с. 159; Chotzakoglou, 1995, р. 67, Abb. 13; Кирилло, 1999, с. 138, прим. 2; 2006, с. 154–157; Фадеева, 2000, с. 99–103; Байер, 2001, с. 3930397; Виноградов, Мыц, 2005, с. 273–281].

В 1982 г. при расчистке каменного завала, образовавшегося во второй половине XVI в. (дата определяется по находке монеты Сахиб-Гирея I — 1532–1550 гг.), перед входом в фунский донжон (на глубине 1,80–1,90 м от современной дневной поверхности и на расстоянии 1,20 м от стены), обнаружены обломки двух надгробий, изготовленных из нуммулитового известняка. Особый интерес представлял один памятник, расколовшийся при падении с высоты на три крупных стыкующихся между собой фрагмента.

Надгробие относится к типу «однорогих». Его вершина при установке в стену донжона оказалась специально грубооколотой (рис. 263:2–4; 265; 266). Двускатные грани покрыты врезным орнаментом из шести «розеток» и шести «плетёнок», выполненных двойной линией. Внутренние части розеток заполнены геометрическими фигурами в виде «коптского глазка», «ромба» и «сегментов». Орнаментированные плоскости надгробия по краям обрамляет однолинейная плетёнка. На одной из боковых граней основания вырезан круглый знак диаметром 3–3,2 см, принадлежавший, вероятно, мастеру-изготовителю. Аналогии подобных меток мне неизвестны, хотя по форме знак напоминает клейма, ставившиеся на амфорах в XIII–XIV вв. [Волков, 1989, с. 85–98, рис. 14].

Длина надгробия составляет 1,88–1,90 м, ширина — 0,58–0,62 м, высота — 0,57–0,61 м. На нижней части надгробия толщиной 0,165 м, являвшейся основанием, при вторичном использовании в технике *champlevé* вырезана греческая надпись, размещённая в прямоугольной раме размером 1,87 (1,89)×0,575 (0,59) м и композиционно разделённая на две части — верхнюю и нижнюю.

¹⁵ Частично материалы раздела представлены в статье «Фунская надпись 1459 г.», опубликованной автором совместно с А. Ю. Виноградовым [Виноградов, Мыц, 2005, с. 273–281, рис. 1].



↓5

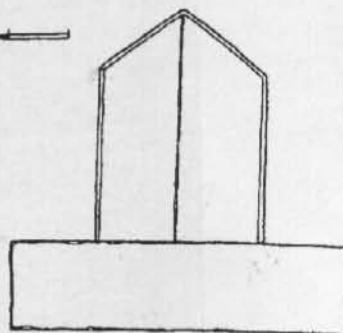
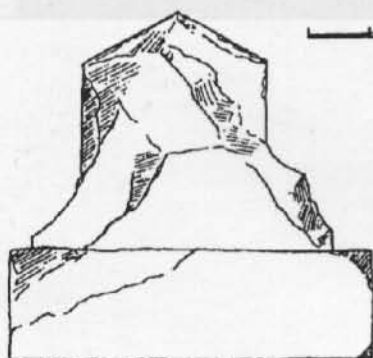
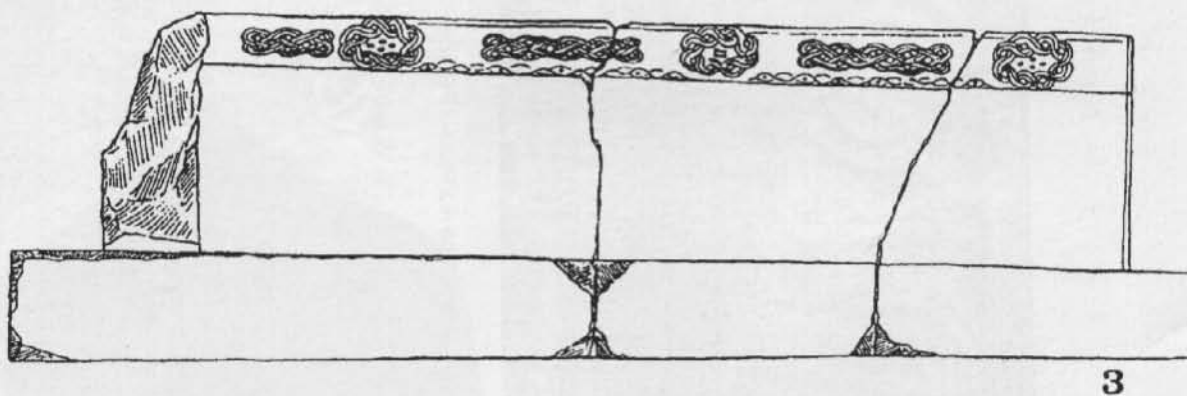
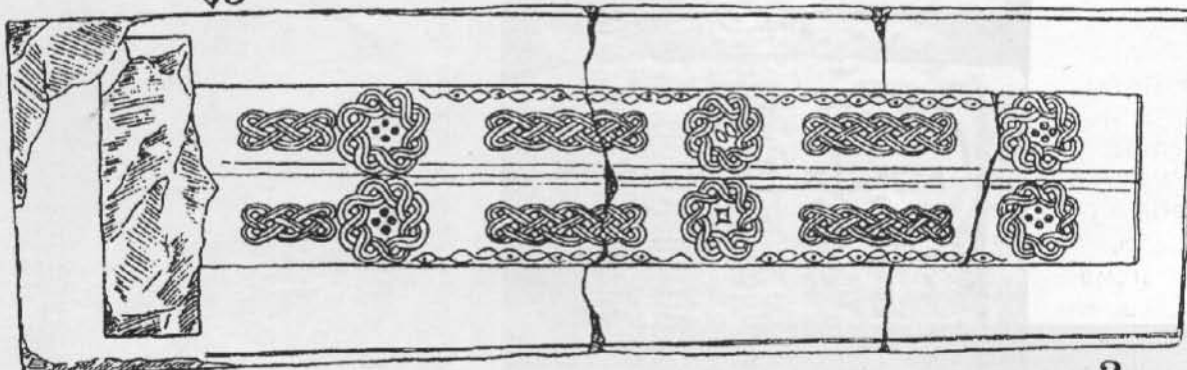


Рис. 263. Надпись 1459 г. из раскопок замка у селения Фуна: 1 – прорисовка надписи; 2 – вид сверху на надгробие, основание которого использовалось для надписи; 3 – вид сбоку; 4 – проекция (торец) с отбитым «рогом» и нишей; 5 – метка мастера, изготовившего надгробие (?); 6 – торец



Рис. 264. Покровительственная надпись 19 июля 1459 г. донжона замка у селения Фуны

на ладьями доверности кельяки прочтены в качестве размотки) три геральдических щита [Ирик, 1995, с. 179].

Фуниская надпись 1459 г., опубликованная автором совместно с А. Ю. Виноградским [Виноградск. Мад, 2013, с. 279-281, рис. 1].

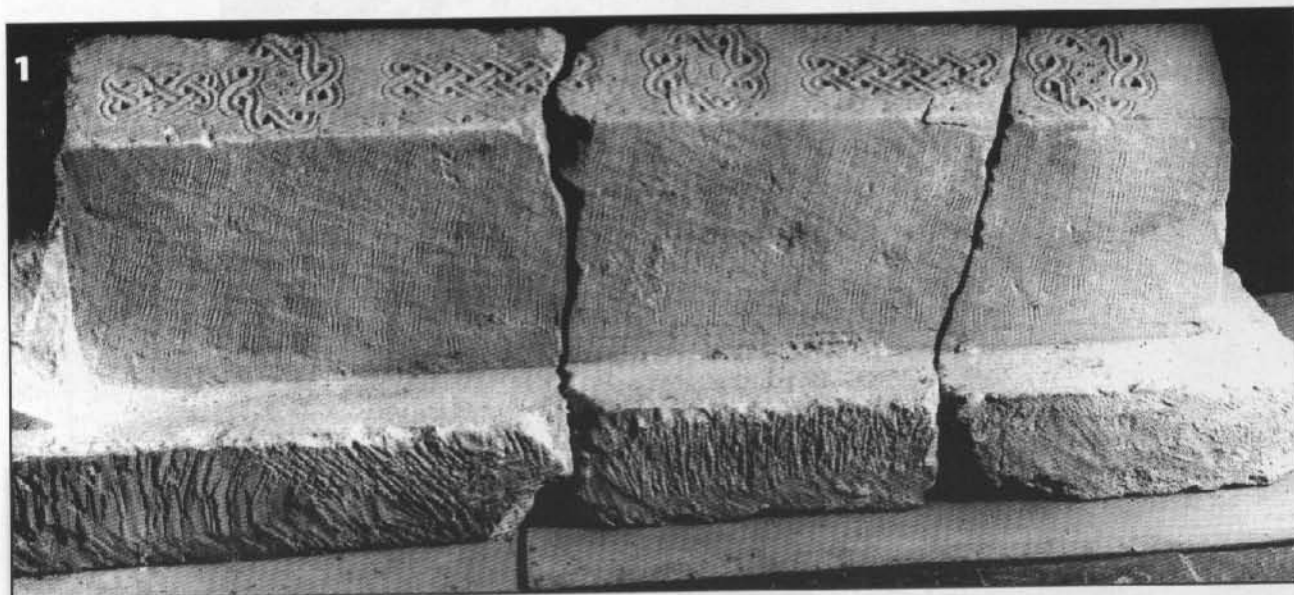


Рис. 266. Надгробие, основание которого использовалось для надписи 19 июля 1459 г.: 1 – вид сбоку; 2 – детали орнамента

Верхняя часть шириной 0,22 м делится на пять равных прямоугольников, в центре которых расположены круглые медальоны диаметром 0,20–0,21 м, имитирующие «геральдические щиты». Пространство между разделяющими вертикальными прямыми и медальонами заполнено стилизованными и симметричными изображениями виноградной лозы, выполненными в рельефе. Причём ни в одном случае рисунок побегов, разделённый индивидуальными чертами, не повторяется (более подробное описание памятника см. [Кирилко, 2006, с. 155]).

В первом медальоне вырезан «процветший» равносторонний крест. По его сторонам размещены буквы IC/XC NI/KA, т. е. представляет традиционную тетраграмму с христианской формулой 'Ιησοῦς Χ(ριστός) νικά («Иисус Христос побеждает»). В крайнем правом (от наблюдателя) медальоне помещено изображение двуглавого коронованного орла константинопольских императоров Палеологов¹⁶. Во втором, третьем и четвертом заключены монограммы представителей правящего в это время в Феодоро рода¹⁷. Если во втором достаточно уверенно читается имя «Алексей» ('Αλέξιος), а в четвертом (рис. 263: 1) «Александр» ('Αλέξανδρος), то раскрытие имени в среднем (третьем) медальоне вызвало значительные затруднения. Например, первоначально мной было предложено читать имя как «Ахмет», «Ахмат» ('Αχματός, 'Αχμετός), якобы являвшееся вторым («татарским») именем Улубея (Олобея = Олобо) [Мыц, 1991в, с. 192].

В. А. Сидоренко высказался за то, что данная монограмма содержит имя хана Хаджи-Гирея, в вассальной зависимости от которого находились Алексей I (Старший) и Александр. Как и в случае с херсонесской плитой, он утверждает, что все «три титула в монограммах сопровождают сокращение имени деспот» [Сидоренко, 1993, с. 159].

Думаю, следует признать справедливость критических замечаний, и в первую очередь в мой

¹⁶ Единственным исследователем, высказавшим сомнение по этому поводу, является Х. Хотцакоглу [Chotzakoglou, 1997, p. 67].

¹⁷ Обращает на себя внимание её отличие от весьма близкой по времени херсонесской надписи, состоящее не только в форме «геральдических» щитов и выполненного резчиком геометрического их обрамления, сколько в отсутствии ещё как минимум двух «геральдических» символов, в которых должен быть помещён двуглавый орёл и «процветший крест». Из опубликованного П. С. Палласом рисунка трудно понять, имела ли плита обломы по бокам (из-за этого и отсутствуют два щита?) и снизу, где должен был помещаться основной текст, или же представляла собой прямоугольный блок с ровными гранями. Относительно этого можно строить только предположения. Если полностью доверять точности воспроизведения, то, по-видимому, данный лапидарный памятник состоял из нескольких подобранных мраморных (?) плит, установленных в специальной нише на стене какого-то крепостного (?) сооружения (ворот или башни), возведённого в Херсонесе. Если наше предположение верно, то утрата недостающих частей произошла при разборке (обрушении) здания, из завала которого и был извлечён в конце XVIII в. опубликованный П. С. Палласом фрагмент.

адрес, высказанных по этому поводу В. П. Кирилко, полагающего, что «для образующих данную монограмму букв (M, A, X, L или D)... более естественной и приемлемой является их трансформация в имя Μάλχος, Μάλχιος, не менее вероятно имя Михаил — Μιχαήλ, чем 'Ατζικεριες» [Кирилко, 1999, с. 138, прим. 2; 2006, с. 155].

Относительно недавно Х.-Ф. Байером была предложена оригинальная, но не бесспорная трактовка монограмм фунской надписи. Например, он полагает, что «Медальон с крестом следует рассматривать вместе с Малицким, как генуэзский герб» [Байер, 2001, с. 394]. Однако различия герба Генуи на надписи 1427 г. и плите 1459 г. из замка Фуны, где в основании равноконечного креста помещены «животворящие побеги», а по сторонам его ветвей тетраграмма «Иисус Христос побеждает», очевидны. По канонам формальной геральдики символика первого медальона занимает главную (определяющую) позицию, но её семантика, ввиду отсутствия сравнительных материалов, не ясна¹⁸.

Также сомнительно предположение Х.-Ф. Байера, который определяет круг в середине монограммы как указание титула Алексея (Младшего) — «Олобей», потому что все остальные монограммы также komponуются с использованием «круга». Получается, что в 1459 г. в Феодоро правили три (?) аутента с титулом «Олобей»: Алексей, Исаак (по Байеру) и Александр? [Байер, 2001, с. 396]. Как уже было показано, «Олобо», «Олоби», «Олобей» — имя среднего сына Алексея I (Старшего) — впервые встречается в 1434 г., когда он получил право престолонаследия [Agosto, 1977, p. 515; Мыц, 2000, с. 344]. Поэтому нет никаких оснований использовать его в качестве «титула» Алексея (Младшего), Исаака и Александра.

Не более убедительно выглядит у Х.-Ф. Байера и попытка интерпретации второй монограммы как имени «Саих» (ΣΑΙΧ), тождественного «Исааку» (Saichus, Saicus), правившему Готией в 1465 (?)–1475 гг. [Байер, 2001, с. 396–397]. В этом случае исследователь не даёт объяснений причин столь очевидной разницы между монограммой Исаака на херсонесской плите и монограммой на поливных чашах из раскопок Мангупского дворца, где она представлена в виде букв ΙΣΑΑΚ и фунской ΣΑΙΧ.

К сожалению, до настоящего времени в истории правящей в XV в. на Мангупе фамилии остаётся множество невосполняемых пробелов, поэтому исследователям приходится опериро-

¹⁸ Только в качестве шаткой гипотезы можно высказать предположение, что владельцы Феодоро после 1453 г., символически признавая своим сюзереном хана Хаджи-Гирея, отказывались признать в качестве сюзерена прибрежной Готии Банк Сан-Джорджо. В это время они начинают использовать близкую по композиции, но новую по содержанию «геральдическую» символику (процветший крест с тетраграммой).

вать недостаточным количеством достоверных, проверяемых другими фактами, источников. При таком подходе ошибки неизбежны. Тем не менее, следует отметить, что кроме четырёх букв, верно указанных Х.-Ф. Байером, средняя монограмма содержит ещё одну, расположенную в самом низу — треугольник, пересекающий круг. Он может являться дельтой, альфой или, что менее вероятно, лямбдой. Невольно напрашивается прочтение зашифрованного имени как НСААС(?), т. е. Исаак. Несмотря на несовпадения с формами букв в вышеуказанных монограммах Исаака, расположение букв здесь аналогичное.

Ниже «геральдического» ряда помещена четырёхстрочная греческая надпись со значительными утратами, произошедшими из-за процесса эрозии материала (мшанкового известняка), поэтому в ней местами полностью читаются только отдельные слова.

Х.-Ф. Байер — единственный из исследователей, взявший на себя смелость перевода некоторых читаемых частей надписи, но для этого он, к сожалению, использовал некачественную перерисовку, помещённую в моей статье издательством [Мыц, 1988, с. 105, рис. 5]. Именно это обстоятельство ввело его в заблуждение по поводу наличия в тексте надписи «еврейских» букв в финальной фразе, реконструируемой им как φωτίσας τοὺς Ἰουδαίους Χριστέ Λόγε «просветив (крестив) иудеев, Христе Слово» [Байер, 2001, с. 395]. Вероятнее всего, здесь читается φωτίσας τοὺς αἰτίους Χριστέ Λόγε («... чьих жителей (?) просветил Ты, Христе Слово»). Поэтому его заключение о том, что «группа иудеев, приведённая одним из них, пришла в Фуну и приняла крещение, все вместе в один день» [Байер, 2001, с. 395], не имеет под собой каких-либо оснований.

Попытка Х.-Ф. Баейра определить точный день месяца также связана с ошибочным изображением в прорисовке (на опубликованной фотографии это видно точно [Мыц, 1988, фото 5]) окончания слова Ἰουλλ(ίου) — «Июля», которое он принимает за ις (16) или ιζ (17), в то время как здесь изображено «10» (19), далеко отстоящее от остальных букв слова.

А. Ю. Виноградов предварительно восстанавливает текст фунской надписи 1459 г. следующим образом:

+ [.....] τριτάδος καὶ τρη[σ]θενῆς πύργος μέγιστος, | ἐξ ὄσφους γενναῖος ἄμα καὶ χρηστός, | ἐκ προγόνων λαμπρῶν ὡς λαμπρός της, | τὸν πύργον οἰκοδομήσας ε.γ.] πολὺν φήλον | διήμους, πάντα ἀγαθήαξεν, καὶ φα[ι]δ[ρ]ὸν | τῆ ἡδέα κοσμήσας αὐτὸν καλ[λ]ισμῶν, | πᾶν, ὃ τὸ ἴσον προθυμία καλ' ἐο, |

.....] τυχή ὄνηθὲν ποικίλον | κατὰ κάλυκας ἐς αὐτοῦ παρουσίαν, | λαμπρὸν ἐκ λαμπροῦ τερατούργημα θεῖον, | οὗ καὶ φωτίσας τοὺς αἰτίους, Χριστέ Λόγε. |

Ἰουλλ(ίου) ιθ', ςϞϛϛ'.

Крит. апп.: С. 1: ... ἐξ ... ἐκ ... πογήφι ... Βαυ; С. 2: ... Αλμισήφι ... Βαυ; С. 3: ... Αλμησος ... φωτ...σας τοὺς Ἰούτους, Χριστέ Λόγε Βαυ; С. 4: I. ις' (vel ιζ') ςϞϛϛ' Βαυ.

Перевод:

«Такой-то, ... слуга (?) Троицы и трисильная башня великая, от чресел благородный и благой, от блистательных предков сам блистательный, построив башню (?) весьма приятной людям, всех обрадовал, и украсив её сиятельно видом красот,— всё, что я равным рвению назову, ... принесла бы она разнообразную пользу под своей кровлей его пребыванию здесь — построенное блистательным мужем, блистательное и божественное чудо, чьих граждан (?) просветил Ты, Христе Слово. 19 июля 6967 года».

Таким образом, данный памятник представляет собой одновременно и строительную надпись, и поэтический текст. Для нанесения текста было использовано богато декорированное анэпиграфное одностороннее надгробие второй половины XIV — начала XV вв. На его нижней стороне вырезана надпись в традиционном для феодоритской эпиграфики XV в. оформлении: орнаментальная полоса с двумя «гербами» и тремя монограммами сверху, шрифт в виде выпуклой вязи, линейки между строками [ср. Латышев, 1896, № 9, 45; 1918, с. 19–20, № 2; Лепер, 1913, с. 78, № 6].

По заключению А. Ю. Виноградова, основной текст состоит из 12 додекасиллабических (двенадцатисложных) строчек, расположенных по 4 в трёх строках надписи. Такая компоновка текста не является случайной, а соответствует делению эпиграммы по смыслу на три строфы (см. ниже). Стихотворный размер — стандартный шестистопный тонический ямб, которым написано большинство поэтических произведений поздневизантийской литературы. Хвалебная эпиграмма — одно из обычных его назначений.

Наибольшие утраты поверхность камня понесла в своей левой части: не читается начало ни одной из трех строк надписи. От первой строчки эпиграммы остался только конец — ΑΔΟΣ, что можно интерпретировать как [τρι]τάδος «Троицы» — слово, характерное для начала поэтических произведений, в контексте типа «слуга Троицы». Во второй строчке герой эпиграммы сравнивается с «трисильной башней великой» (слово πύργος по-гречески имеет мужской род и подходит для описания героя; этот образ обретает особое звучание в контексте второй строфы), а строчки 3–4 прославляют его знатное происхождение. Таким образом, первая строфа посвящена восхвалению некоего знатного лица.

От пятой строчки сохранился конец — полуφίλον «весьма любезный», — выражение, характеризующее название постройки, стоявшее в аккузативе (строчка 7 показывает, что оно было мужского рода). Археологический контекст находки (слой разрушения у стен донжона) заставляет предполагать здесь слово τὸν πύργον — «башня», — восстанавливаемое и в феодоритской строительной надписи 1425 г. [Лепер, 1913, с. 78, № 6]. Строчки 6 и 7 прославляют постройку, называя её «приятной людям» и «украшенной видом красот». Связь этого отрывка с предыдущим

обеспечивается параллельной концовкой строк: φίλον — φαίδρον. Строчка 8 приравнивает красоту постройки к рвению её ктитора.

В начале третьей строфы утрачены только две стопы, где должно стоять, скорее всего, ещё одно обозначение здания, которое должно, как следует из строчек 9 и 10, благодаря своим красотам, принести разнообразную пользу своему строителю. Строчка 11 — новый хвалебный эпитет постройки. В ней должен обитать некто (по-видимому, владелец и его близкие), как явствует из строчки 12, обращения к Христу-Слову. Таким образом, третья строфа с её традиционным пожеланием благополучия и финальным обращением к Христу завершает хвалебную эпиграмму знатному ктитору и его блистательной постройке.

Из поэтизмов текста А. Ю. Виноградов отмечает формы глагола без приращения: ἀγαλήαξεν, φάτισας. Не везде автор соблюдает законы додекасиллабической метрики: в строчках 2, 4, 6 и 7 ударение стоит не на предпоследнем слоге. Из феодоритской поэзии нам до этого времени были известны лишь стихи Иоанна Евгеника на смерть сына Иоанна и Марии, внука Алексея I (Старшего) — Алексея. Однако учитывая, что Иоанн Евгений в это время находился на Пелопоннесе, сомнительно предположение о том, что он мог быть автором фунской эпиграммы.

В четвертой строке по центру надписи помещена очень краткая датировка — 19 июля 6967 г. (от сотворения мира), т. е. 1459 г. по Р.Х. Удлинение строки 4, врезанной в рамку, было бы чревато нарушением общего облика памятника, где тексту отведены три длинные строки. Наличие даты заставляет нас считать фунский камень строительной надписью в полном смысле этого слова, а не просто хвалебной эпиграммой, не нуждающейся ни в какой датировке.

5.1.5. Правители Феодоро третьей четверти XV в.: Олобо, Кейхиби, Исаак

Обратимся опять к вопросу о том, кем был построен практически заново замок у селения Фуна и в каких отношениях находились династы, монограммы которых помещены на плите, датированной 19 июля 1459 г., а также кто в это время правил на Мангупе. Исследователи давно обратили внимание на то, что с начала 1458 г. в генуэзских источниках больше не упоминается имя владельца Феодоро Олобо (Олобея), а на протяжении нескольких лет говорится о «господине Теодоро и его братьях» [Vasiliiu, 1929, p. 328; Малицкий, 1933, с. 42; Vasiliev, 1936, p. 235].

В шифрованном распоряжении протекторов Банка от 24 марта 1458 г., направленном официалам Каффы, Олобей получает кодовое имя «*dubius*» (т. е. «сомневающийся», «нерешительный», «колеблющийся»), трапезундский император — «*discors*»

(«склонный к раздорам», «противоречивый», «несогласный», «недружный», «раздираемый междоусобиями»), татарский хан — «*timor*» («страх», «боязнь», «наводящий страх»), турецкий султан — «*acer*» («неумолимый», «беспощадный», «жестокый») [Atti, 1868, VI, p. 832–833]. При этом А. А. Васильев отмечал значительную лагуну в сведениях о конкретных правителях Мангупа с этого времени (т. е. с марта 1458 г.) и до 1471 г. [Vasiliev, 1936, p. 235].

В некоторой степени устранить этот пробел позволяет надпись Фуны с датой 19 июля 1459 г. На ней помещены монограммы Алексея, Исаака (?) и Александра. На начало 1460 г. (не позднее 5 мая) названы имена ещё двух братьев — «господ Готии», главным среди которых являлся Кейхиби, давший Хаджи-Гирею согласие на казнь своего брата (владельца Лусты) Бердибека (об этом ранее говорилось подробно).

Отсюда можно прийти к предположительному заключению, что после (смерти?) Олобо (Олобея) в 1458 г. (?) господином Готии стал один из его братьев — Кейхиби. Но и об этом правителе мы пока обладаем довольно скудной информацией, содержащейся только в письме консула, провизоров и массариев Каффы от 5 мая 1460 г. [Assini, 1999, p. 15].

После 1458 г. [Atti, 1868, VI, p. 815] на протяжении ряда лет генуэзские источники говорят о правящих в Феодоро «братьях», не конкретизируя имена. Поэтому весьма затруднительно определить, кого именно они имеют в виду. Монограмма на плите из Фуны последний раз отмечает Алексея (Младшего) под 1459 г. [Мыц, 1991в, с. 192]. Александр, известный ранее по сравнительно поздним источникам (1475 г.), упомянут здесь впервые. В 1475 г. он становится одним из правителей Феодоро, организовавшим оборону столицы от турок. Примерно в это же время (50–60-е гг. XV) (?) в Херсонесе (или западном Крыму) находились ещё три представителя рода. Среди них достоверно восстанавливается только имя Исаака.

Можно предположить, что Готия, как государственное образование, во второй половине XV в. была разделена между сыновьями Алексея I (Старшего) на уделы [Герцен, 1990, с. 148; Виноградов, 2005, с. 431–437]¹⁹: западной частью владели Исаак и ещё двое (?) представителей рода, вероятнее всего, являвшиеся сыновьями или внуками (?) Алексея I (Старшего). На востоке располагались земли Алексея II (Младшего), Бердибека и Александра (последний также, по-видимому, был одним из

¹⁹ Недавно А. Ю. Виноградовым опубликовано надгробие, найденное в 1937 г. на восточном краю плато Эски-Кермена якобы вблизи «восточной калитки». По палеографии памятник датируется предположительно XIV–XV вв. Текст надписи гласит: «Почил во блаженной [памяти] раб Божий Ла...ули-бей, первого разряда третьей части, 17 (?) мая, в пятницу». Это дало издателю повод высказать предположение, что «Княжество Феодоро, состоявшее из разделённых горами долин, территориально подразделялось на округа — «части» (как минимум 11), причём номер эскикерменской части — 3 — хорошо понятен; если отсчёт вёлся от центра княжества, т. е. от соседнего Мангуп-Кале» [Виноградов, 2004, с. 126–128, рис. 67].

младших представителей династии). Бердибеку принадлежала Луста с 10 окрестными селениями (уже в начале 1460 г. этими территориями после смерти Бердибека владел один из его сыновей — Дербиберди), а Алексею и Александру — Фуна. На Мангупе до 1458 г. (?) правил Олобей, а затем сменивший его Кейхиби (?) [Assini, 1999, p. 15].

Остальные же «братья», надо полагать, проживали в своих замках, располагавшихся на территории Готии: Каламите, Чоргуне, Сандык-Кая, Черкес-Кермене, Керменчике. Поэтому наиболее вероятным строителем новой цитадели на Мангупе можно считать либо Олобо (если цитадель подверглась перестройке до 1458 г.), либо Кейхиби (около 1459/60 г.)²⁰.

Так что нет оснований говорить о смене правящей в Феодоро фамилии, а можно с большей долей вероятности говорить о произошедшей около 1458 г. (?) смене правителей из этого рода. Использование перелицованных надгробий в качестве материала для декоративного убранства окон и входов парадных фасадов новых дворцовых зданий как Фуны (1458/59 гг.), так и Мангупа (1459/60 гг.?) [см. Кирилко, 2006, с. 175–176], можно объяснить своеобразным религиозным менталитетом господ Готии — Олобо, Кейхиби и Александра (?). Это могло быть связано с возможностью их длительного воспитания на Западном Кавказе в адыгской этнической среде (о распространённости института аталычества между ханами и адыгскими князьями см. [Бертье-Делагард, 1918, с. 35–36, прим. 3; Адыги, 1976, с. 48, 50–51]). Как известно, эта среда весьма поверхностно принимала догматы христианства, сочетавшиеся со значительными пережитками языческих верований, о чём неоднократно упоминают различные письменные источники [Лавров, 1959, с. 194; Некрасов, 1990, с. 32–33].

В 1465 г. в качестве правителя Феодоро выступает уже Исаак. Его имя в генуэзских источниках пишется как Саикус (*Saichus, Saicus*). А. А. Васильев полагал, что он был сыном Олобея и начал править сразу же после его смерти в 1458 г. [Vasiliev, 1936, p. 236, n. 3, p. 237]. Однако это предположение не подтверждается имеющимися свидетельствами документов. По-видимому, с его утверждением на престоле Мангупа связана дипломатическая миссия Николо де Торрилья, направленного в 1465 г. официальными Каффы в Феодоро для переговоров с «господином Саиком» (*dominum Saicum*) о поставках хлеба в генуэзские фактории [Banescu, 1935, p. 35, n. 1]. В том же году консул Лоренцо ди Кабелла посылает оргузия армянина Вартапета (*Vartabet orguxio*) в Чембало, откуда тот прибывает в порт феодоритов Каламиту (*Calamita Teodori*). Последним пунктом его посещения названа Луста (*Lusta*) [Banescu, 1935, p. 33, n. 2].

²⁰ В 1461 г. Теодорка де Телика одолжил более 40 000 аспров, т. е. около 200 соммо, одному из господ Феодоро [Balard, 1991, p. 240]. К сожалению, имя «дебитора» и назначение «кредита» не названы.

Десятилетнее правление Исаака (1465–1475 гг.) отмечено рядом ярких политических событий, которые относятся в основном к первой половине 70-х гг. XV в. Судя по всему, этот владетель Феодоро обладал незаурядной дипломатической гибкостью, выражавшейся в умении найти выход из самых сложных ситуаций путём нетрадиционных решений. Эти качества позволили Исааку добиться политического признания своего авторитета не только в Газарии, но и далеко за её пределами, что способствовало установлению важных династических связей небольшого государства, как-то являлась Готия, с влиятельными державами Восточной Европы.

Приведём несколько примеров. В консулат Раффаэле Адорно (1468–1469 гг.) или, что более вероятно, Джентиле де Камилла (1469–1470 гг.) [Колли, 1918, с. 136], Исаак предпринимает беспрецедентный для правителей Феодоро XV в. дипломатический шаг. Он лично отправляется в Каффу и заключает с официальными фактории договор «о вечном мире», что, по-видимому, предполагало объединение усилий по защите генуэзских владений в Газарии и Готии от постоянно ожидаемого нападения турок.

Получив приветственное послание Исаака через прибывшего в Геную экс-консула Джентиле де Камилла, попечители Банка 26 апреля 1471 г. обращаются к «великолепному и любезному нашему другу Саику, господину Теодоро» (*Magnifico amico nostro carissimo domino Saicho, domino Teodori*), посетившему с дружественным визитом Каффу, что вселяет надежду на самое лучшее — «жить вместе в искренней и братской любви и взаимном понимании». При этом они уверяют Исаака в неизменной готовности защищать всеми имеющимися средствами «Ваше великолепие» (*vostra magnificentia*) [Atti, 1871, VII, 1, p. 769; Vasiliev, 1936, p. 237]. В том же году массарии фиксируют затраты в 400 аспров на доставку через Чембало в Каламиту двух ящиков дротиков (*capsis duabus veretonorum*) для господина Саика [Banescu, 1935, p. 33; Vasiliev, 1936, p. 237, n. 4].

Таким образом, приведённые данные свидетельствуют об особой доверительности отношений, установившихся между Исааком и генуэзской администрацией фактории. Поэтому протекторы Банка и в дальнейшем напоминали официальным Каффы избегать каких-либо раздоров и распрей с «императором татар», «коммуной Монкастро», а также «господином Теодоро и его братьями» [Atti, 1871, VII, 1, p. 867; Jorga, 1897, III, p. 50].

В инструкции, выданной 16 июня 1472 г. будущему консулу Каффы Антониотто ди Кабелла (*Antoniotto de Cabella*), содержится весьма любопытный сюжет, касающийся важности сохранения добрососедских связей с правителями Готии: «<...> мы желаем, чтобы вы также [почтительно] относились к господину Теодоро и его братьям. Вы должны добиваться того, чтобы этот господин, во-

преки прошлому обыкновению, лично прибыл в Каффу и установил бы истинную дружбу с нами. Мы желаем, чтобы вы не только сохраняли эту дружбу в будущем, но и делали всё для её возрастания; мы надеемся, что и он, со своей стороны, будет стремиться к этому, потому что взаимное и искреннее благорасположение между ним и [властями] Каффы выгодно для его великолепия не менее, чем для нас» [Atti, 1871, VII, 1, p. 868; Vasiliev, 1936, p. 238].

После этого в зашифрованной инструкции, предназначенной для консула, провизоров и массажеров Каффы, Исаак, в отличие от Олобея, получает кодовое наименование «*vigilans*» («неутомимый», «деятельный», «бдительный») [Atti, 1871, VII, 1, p. 873; Vasiliev, 1936, p. 238].

Чем всё-таки можно объяснить произошедшие изменения в отношениях Каффы (Банка Сан-Джорджо) и Феодоро в начале 70-х гг. XV в.? Совершенно очевидно, что в основе таких метаморфоз, сопровождавшихся необычайной комплиментарностью в обращении, была общая для всех турецкая опасность. Но для этого необходимы, по-видимому, и предпосылки внутреннего характера, обусловленные взаимными уступками. Нам неизвестно содержание договорённости, достигнутой между сторонами в 1469/70 г. (?), но, тем не менее, можно предположить, что в них содержались пункты, касающиеся передачи генуэзцам территории Херсонеса и прекращения крепостного строительства в Каламите.

По-видимому, этим можно объяснить тот факт, что недавно отстроенное (1455–1465 гг.?) укрепление в древнем городе, одним из владельцев которого являлся сам Исаак, уже в 1470 г. названо «необитаемым», им распоряжаются генуэзцы, решающие разрушить стены, чтобы ими не смогли воспользоваться турки. Несмотря на очевидную стратегическую и торговую значимость для феодоритов порта у крепости Каламита, её фортификация, задуманная с широким размахом (о чём недвусмысленно говорит Эвлия Челеби), так и оставалась незавершённой до 1475 г., хотя в пользу укрепления обороны имелось достаточно убедительных аргументов военно-политического и экономического порядка.

Что побудило Исаака пойти на столь существенные уступки, сказать трудно. На этот вопрос можно было бы найти ответ в документах, хранящихся в архивах и содержащих материалы тех лет, если бы их удалось обнаружить. По всей видимости, подобные решения принимались Исааком скорее вынужденно, чем просто из желания угодить генуэзцам, постоянно переживающим панический страх перед возможным нападением турок.

При всей видимости установившихся дружественных и доверительных отношений между феодоритами и латинянами, те же протекторы Банка в секретной инструкции Антониотто ди Кабелла от 16 июня 1472 г. указывают, что некоторые жители

Каффы (вероятно, служащие административного аппарата), «озабоченные только получением денежного содержания (вознаграждения) (*provisiones pecuniarias*), сообщают (пересказывают) различные сведения императору татар или господину Теодоро, либо его братьям (*perceperunt ab ipso imperatore Tartarorum seu domino Tedori vel fratribus ejus*), <...> что может привести к большому ущербу и [даже] гибели этого города (*grave damnum et perniciem illius civitatis*)» [Atti, 1871, VII, 1, p. 868].

Чтобы попытаться найти ответ на поставленный выше вопрос, необходимо обратиться к рассмотрению ещё одного важнейшего аспекта внешнеполитической деятельности Исаака: заключению династических браков с правителями христианских государств Восточной Европы [Vasiliev, 1936, p. 239, n. 5]. В этом направлении владельцу Мангупа удалось полностью реализовать один проект — брак его сестры (?) Марии с господарем Молдавского княжества, Стефаном III, в то время как второй — сватовство сына Великого князя Московского Ивана III к дочери самого Исаака — оказался незавершённым из-за захвата турками Феодоро [Малицкий, 1933, с. 43; Vasiliev, 1936, p. 242–244].

Мария Палеологина Асанина прибыла в Сучаву ко двору Стефана III 4 сентября 1472 г., а уже 14 сентября в торжественной обстановке была отпразднована свадьба. Этому событию современники придавали большое политическое значение, что нашло отражение в молдавских и польских летописях [Vechile cronice, 1891, p. 146, 176; Wojcicki, 1844, s. 56; Jorga, 1904, p. 138–139; Banescu, 1935, p. 22].

Данный брак со стороны Стефана (второй для господаря Молдавии) имел откровенно политическое значение, т. к. давал ему право претендовать на византийский престол в том случае, если государствам антитурецкой лиги удастся захватить Константинополь [Tafrafi, 1925, p. 54].

Нам не известна точная дата начала переговоров между Стефаном и Исааком о заключении брачного союза. По всей видимости, это происходило в предшествующие годы (1469–1471 гг.?). Удовлетворение столь амбициозных политических намерений путём установления династических связей требовало и значительных материальных затрат, связанных с выплатой приданого невесты.

С установлением родственных уз с господарем Молдавии Стефаном III, по-видимому, можно связывать появление на Мангупе ещё одного важного персонажа — Влада. Данному сведению, длительное время остававшемуся вне внимания исследователей средневековой Таврики [Кирилко, 1999, с. 138, прим. 2; Мыц, 2005, с. 107–108], мы обязаны находке надгробной плиты из г. Сучавы, обнаруженной в ходе раскопок одной из средневековых церквей, которая впервые была опубликованная Е. Козаком в работе «Надписи из Буковины» [Kozak, 1903, s. 151].

Надгробие (с эпитафией на греческом языке) состояло из двух стыкующихся обломков. Дав в целом правильный перевод, Е. Козак, при «от-

существовании у него знания истории Молдовы и ещё больше мировой истории, не был в состоянии понять эту надпись, случайно объединив имена Влад, Исак и Теодор» [Jorga, 1938, p. 315].

Поэтому Н. Йорга в своей небольшой публикации «Расширение Молдовы к Востоку, предпринятое Стефаном Великим...» предложил не только перевод греческой эпитафии, но и попытался определить её исторический контекст. Греческий текст надписи он восстанавливал следующим образом: [E] κημηθη ο [δ]ουλος τον Θεου Βλατ περιεκιος του μακαριτου 'Ισακ αυθεντος | Θεοδωρον κε | τις Χαβαριας [ε]τους Σηλη.

Перевод: «A adormit robul lui Dumnezeu Vlad, ingrijitorul casei raposatului Isac, domnul de Theodoro si al Cazariei, anul 6988 [1480]» [Jorga, 1938, p. 315], т. е. «Здесь покоится раб Божий Влад, управляющий домом покойного Исаака, господина Феодоро и Хазарии, год 6988» (= 1480).

В начале 90-х гг. XX в. к данной теме обратилась В. Батарюк, которая, как и Н. Йорга, в своей публикации не приводит изображение памятника, ограничиваясь воспроизведением греческого текста и перевода на румынский язык [Batariuc, 1993, p. 230]. Предлагавшийся Н. Йоргой, а вслед за ним и В. Батарюк перевод не совсем точен. Например, в греческом тексте (предлагаю его с некоторыми исправлениями и дополнениями) написано буквально следующее: α Εκημηθη ο δουλος του Θεου Βλατ περιεκιος του μακαρι(α) του Ισα(α)κ αυθεντος Θεοδωρον κ(αι) (τι)ς Χαζαριας (εν) τοσα σηλη, т. е. «Почил раб Божий Влад, перник (?) во блаженной [памяти] Исаака, владетеля Феодоро и Хазарии, год 6988».

К сожалению, как уже говорилось, само надгробие (или его точная прорисовка) до настоящего времени мне недоступно²¹. Поэтому невозможно осуществить критическое издание источника. Тем не менее, следует обратить внимание на то, что Н. Йорга и В. Батарюк в румынском переводе определяют титулатуру Влада как «ingrijitorul casei» — «управляющий домом»²², — что идентично греческому «δομοεπικος», т. е. «дворник» в валахской и молдавской титулатуре XV в. [Иречек, 1978, с. 430].

В то же время, в греческом тексте стоит не совсем понятное слово «περιεκιος». По своему звучанию оно напоминает «перник» (т. е. «чашник», «виночерпий»), имеющее эквивалент в византийской титулатуре — епикерний (πικερνις, *pincerna* = виночерпий) [Иречек, 1978, с. 430]. Таким образом, Влад, скорее всего, занимал должность «перника» при дворе

Исаака, а не «дворника» («мажордома», «управляющего домом»), молдавских источников XV в. [Иречек, 1978, с. 430], как это полагали Н. Йорга и В. Батарюк.

В данной надписи прежде всего обращает на себя внимание титулатура Исаака, переключаясь с известным, но более ранним (1434 г.?) свидетельством номофилака Иоанна Евгеника, запечатлённом в «Эпитафии княжичу», где Алексей I Старший (правитель Феодоро в 1411–1446 гг.) назван «несокрушимым столпом Хазарии» (τόν άκραθαντον τής Χαζαριας) и «правителем Хазарии» (αύθέντης Χαζαριας) [Спиридонов, 1928, с. 94].

Находка из Сучавы важна тем, что позволяет либо установить изменения, происходившие в официальной титулатуре правителей Мангупа на протяжении полувека, либо указывает на возможность их «вариаций». Если Алексей I (Старший) в своих посвященных надписях 1425 и 1427 гг. определял себя как «владелец Феодоро и Поморья», то Исаак в эпитафии его виночерпия (?) («перника») назван «владельцем Феодоро и Хазарии». На чём основывались подобные изменения, сказать трудно. Но совершенно очевидно, что нельзя ставить знак тождества между двумя топонимами «Поморье» и «Хазария»²³.

Обратимся к персоне самого Влада, о котором узнаём только из его эпитафии. Судя по занимаемой им при Исааке (1465–1475 гг.) должности «виночерпия»(?), он являлся весьма важной фигурой в Феодоро, потому что «перником» мог стать только очень состоятельный, знатный, влиятельный и, главное, надёжный человек. Однако ограниченность имеющейся информации не позволяет ответить на ряд вопросов: когда Влад прибыл из Сучавы ко двору Исаака, когда реально оставил свою должность, а также какова его роль (участие) в драматических событиях 1475 г.? Вполне вероятно, что Влад покинул Мангуп сразу же после смерти Исаака (май — начало июня 1475 г., до начала осады города Гедык-Ахмед-пашой). Поэтому для своих сограждан он был известен как «перник (виночерпий?) покойного Исаака, владетеля Феодоро и Хазарии».

5.2. Крымская экспедиция Гедык-Ахмет-паши 1475 г. Завоевание генуэзской Газарии и Готии турками-османами

В конце 60-х — начале 70-х гг. XV в. международная политическая обстановка в Восточном Средиземноморье характеризуется как продолжение борьбы европейских и азиатских государств против османской экспансии. Активную роль в создании антитурецкой коалиции играла Венеция, вступившая в войну с Османской Портой в 1463 г. Республике св. Марка удалось втянуть в неё

²¹ В 2005 г. благодаря В. Кожукару, мне удалось побывать в музее г. Сучава и познакомиться с Викторией Батарюк. Но «надпись Влада» оказалась для нас недоступна по банальной причине: фонды были закрыты, т. к. хранитель лапидарной коллекции находилась в отпуске.

²² Н. Йорга на основании осуществлённого им перевода пришёл к заключению, что в надписи «идёт речь о Владе, мажордоме Исаака, княжества Феодоро или Тодоро, Мангупа, откуда была и жена Стефана Великого Мария Комнина Палеология» [Jorga, 1938, p. 315].

²³ О Крымской Хазарии, в том числе как о политическом образовании, см. в работе Х.-Ф. Байера [Байер, 2001, с. 5, 7, 54, 65, 68, 106, 142, 146, 148, 161, 164, 170, 176, 178, 195, 205, 208, 214, 217, 287, 303, 354, 355, 356–359, 361, 378, 385].

правителя государства Ак-Коюнлу Узун-Хасана²⁴, начавшего широкомасштабные действия против Мехмеда II в 1468 г. Эта борьба с переменным успехом продолжалась до 11 августа 1473 г., когда в сражении при Эрзинджане (Эрзеруме) армия Узун-Хасана потерпела поражение [Babinger, 1953, s. 152, 325–334]. В созданную усилиями западноевропейских дипломатов международную лигу помимо Ак-Коюнлу входили Папская область, Венеция, Неаполитанское королевство, Венгрия, Кипр [Пигулевская и др., 1958, с. 237] и Молдавское княжество [Papacostea, 1973, p. 612–613; Иналджик, 1998, с. 37–39; Семёнова, 2006, с. 85].

Государства лиги предполагали совершить нападение на Константинополь в тот момент, когда основные силы турецкой армии были втянуты в военные действия в Восточной Анатолии²⁵. Следуя этому замыслу, в начале 70-х гг. XV в. Молдавия начинает войну против Валахии, находившейся под протекторатом Османской Порты [Гонца, 1984, с. 19; Семёнова, 2006, с. 84]. Именно в этот момент и проявилась протурецкая ориентация части беков Крымского ханства. Во время похода Стефана III в Валахию летом 1470 г. на Молдавию совершил набег Эминек. Стефану пришлось повернуть свои войска обратно, и в августе 1470 г. у Липника татары были разбиты [Гонца, 1984, с. 20; Семёнова, 2006, с. 84], причём сам Эминек попал в плен, где провёл почти два года, и был освобождён только благодаря дипломатическим усилиям хана Менгли-Гирея.

Мехмеда II не устраивала затянувшаяся война с Узун-Хасаном, отвлекавшая значительные силы и не дававшая развернуть широкое наступление на европейские государства. Собрав в 1473 г. большую армию, султан двинулся навстречу войску Узун-Хасана²⁶. Наступил благоприятный момент для осуществления планов лиги, но единственным государем, реально воспользовавшимся отсутствием Мехмеда II в Европе в 1473 г., был Стефан III. Напав на Валахию, он изгнал из страны ставленника Порты Раду Красивого. Но союзники по лиге не ответили активными действиями на призывы молдавского господара [Hurmuzaki, 1973, II, 3, p. 224–225].

²⁴ Государство Ак-Коюнлу сформировалось в результате объединения ряда огузских кочевых племен в районе верховья р. Тигр. При султани Хасан-беке (1453–1478), прозванном Узун-Хасаном («длинный Хасан»), в состав государства входил Западный Иран. Эту территорию государство Ак-Коюнлу занимало с 1468 по 1502 г. [Пигулевская, Якубовский, Петрушевский, 1958, с. 236–237; Карпов, 2007, с. 207, 333, 394, 395, 399, 400–403, 429–431, 441, 442, 496].

²⁵ Сенат Венеции, используя отсутствие Мехмеда II в столице, планировал произвести нападение на Константинополь объединёнными силами европейских государств. Кроме того, вынашивались планы захвата северных областей Османской империи силами крымского хана Менгли-Гирея и «России» [Thuasne, 1892, p. 5–6].

²⁶ Планы лиги были известны Мехмеду II. Поэтому он, покидая Константинополь, принял необходимые меры для усиления обороны [Babinger, 1954, p. 377, 386–387], что отчасти повлияло на решение государств-участников лиги воздержаться от начала активных действий.

Разгромив государство Ак-Коюнлу, Мехмед II в 1473 г. вернулся в Константинополь. В борьбе за валахский престол в 1473/74 гг. удача сопутствовала туркам: господарь Валахии Лайота Бессараб признал над собой власть султана, а новый претендент, посланный Стефаном III, был разбит Лайотой 5 октября 1474 г. [Семёнова, 1972, с. 213].

В ответ на действия Стефана III, Мехмед II в ультимативной форме потребовал от молдавского господара, чтобы тот передал ему две крепости — Килию и Белгород — и сам явился с данью к его двору, как это делал валахский господарь [Mehmed, 1976, p. 169]. Выполнение этих условий означало признание верховенства Порты над Молдавским княжеством и потерю последним политической независимости. Поэтому господарь отклонил притязания султана. Тогда по приказу Мехмеда II, в конце 1474 г. румелийский бейлербег Хаджи-Сулейман-паша из Албании, где он вёл военные действия, с армией в 80–100 тыс. человек двинулся на Молдавию.

В ходе кампании 1474/75 гг. Стефан III применил тактику «выжженной земли». Турецкие войска двигались по пустынным, сожжённым самими жителями, сёлам и городам. Крестьяне уходили в горы, забирая с собой продовольствие и скот. В армии Сулейман-паши начался голод, зрело недовольство. Изматывая противника мелкими стычками, Стефан III уклонялся от генерального сражения [Семёнова, 1972, с. 214]. Имея значительно меньшую по численности армию, он встретил войска Сулейман-паши 10 января 1475 г. возле Васлуя в долине р. Бырланд. Выбрав удобную тактическую позицию, господарь наголову разгромил турецкую армию [Neagoe, 1970, p. 106–120]. Впервые европейской державе удалось одержать над османами столь крупную победу.

Но, несмотря на успехи Стефана III в борьбе с турецкой экспансией, правители других европейских государств продолжали бездействовать. Верным и, как показали события 1475 г., надёжным союзником молдавского господара в Северном Причерноморье оставался только один из владетелей Феодоро — Александр. Ему пришлось, будучи в изгнании (?), некоторое время провести при дворе Стефана III. Здесь он получил опыт политической и военной борьбы с османами (вероятно, Александр принимал участие и в битве при Васлуе).

5.2.1. Каффа и Феодоро накануне турецкого завоевания

Генуя занимала выжидательную позицию, меняющуюся в зависимости от того, каковы были успехи лиги (такой же тактики придерживалась и Каффа, пытаясь лавировать между противоборствующими сторонами). Несколько иначе вели себя государства, располагавшиеся на полуострове — Готия со столицей Феодоро и Крымское ханство, политический центр которого переместился в Керкер.

После смерти Хаджи-Гирея в августе 1466 г. на престол взошёл его старший сын Нур-Девлет. Однако ему не удалось надолго закрепить свою власть. В междоусобной борьбе (при активной финансовой и военной поддержке генуэзцев [Heyd, 1886, II, p. 399]) победу одержал четвёртый сын Хаджи-Гирея — Менгли-Гирей (1468–1475, 1478–1515 гг.). После неудачи со ставленником Генуи Хайдером в 1456 г. это была большая победа генуэзской дипломатии.

Нур-Девлет некоторое время вынужден был скрываться в Зихии и продолжал борьбу за ханский трон, опираясь на поддержку проживавших там татар [Некрасов, 1990, с. 38] и даже некоторых генуэзцев. Показателен в этом отношении случай с Якопо Гримальди, намеревавшимся сформировать из латинян воинский отряд, чтобы нанести удар по Солхату и Каффе. После ареста «мятежник» за активное сотрудничество с Нур-Девлетом и его сторонниками был приговорён (взамен полагававшейся ему смертной казни) к изгнанию из пределов генуэзских факторий. О помиловании Якопо Гримальди хлопотал лично Менгли-Гирей [Колли, 1918, с. 133–134].

В апреле 1470 г. консул Каффы Филиппо Кьявройя докладывал в Геную протекторам Банка Сан-Джорджо, что Нур-Девлет заключён в одну из башен города [Колли, 1918, с. 135]. Хотя вскоре он со своими сторонниками был переведён в большой дом с двориком, имея даже возможность принимать гостей [Колли, 1918, с. 144].

Протекторы Банка Сан-Джорджо в своей инструкции от 28 апреля 1470 г. одобрительно отнесли к мерам, принятым официальными Каффы по заключению полезных для коммуны «соглашений и договоров» (*tractatus et conclusiones*) с «господином императором Скифов» (*domino imperatoris Scitarum*) и «господином Тодори» (*domini Thodori*). Они также сочли целесообразным «отправку в Каффу братьев того же господина императора» (*fratres ejusdem domini imperatoris in Capham transmissos*) [Atti, 1879, VII, 1, p. 731; Vasiliu, 1929, p. 329; Vasiliev, 1936, p. 236] (очевидно, имелся в виду захваченный Эминеком Нур-Девлет и его сторонники).

Менгли-Гирей, в знак благодарности за оказанное ему содействие в овладении престолом, не только подтвердил ранее достигнутые договорные условия с Каффой, но и сократил размеры выплачиваемой генуэзцами дани [Atti, 1879, VII, 1, p. 459–460; 464, 487, 490, 495, 516–517, 562, 628, 655, 674; Heyd, 1886, II, p. 399].

С пребыванием Нур-Девлета в Каффе связан один любопытный эпизод, получивший резонанс в политической жизни Газарии. Менгли-Гирей, стремясь избежать в будущем всякой опасности со стороны своего старшего брата, тайно договорился с начальником тюремщиков Каффы Джованни Бальбо об убийстве Нур-Девлета. Для реализации этого плана Бальбо подкупил посыльного Нур-Девлета, татарина Кобу (*Coba*), который, оставшись верным своему господину, открыл ему готовящийся заговор.

На стороне пленного в интригу вмешались генуэзские нобили Грегорио Дельпино и Бертолино Аллегро. Им удалось обманом заманить Бальбо к охраняемому стражей зданию, где содержался Нур-Девлет и около 40 его сторонников, и там под покровом ночи его убить. Затем они отправились к консулу Филиппо Кьявройя и, разбудив его, рассказали, что Бальбо, якобы пытавшийся убить Нур-Девлета, ранен и помещён в карцер. На это сообщение Кьявройя ответил обещанием разобраться во всём утром, но в это время стража, обнаружившая труп своего начальника, подняла тревогу.

Толпа вооружённых генуэзцев двинулась к дому, где находился Нур-Девлет, чтобы уничтожить всех пленников. Татары мужественно защищались, потеряли нескольких человек убитыми, а большинство воинов оказались ранеными (со стороны латинян погиб курьер фактории Шеркио, а один соций был тяжело ранен). Только благодаря активному вмешательству официалов Каффы (число взявшихся за оружие горожан и стипендиариев якобы достигло 3000), оставшихся в живых пленников удалось укрыть в консульском двореце.

В сложившейся критической обстановке, грозящей привести к кровопролитным столкновениям на улицах города, консул действовал решительно и быстро. Собрав в курии чиновников фактории, совет старейшин и наиболее влиятельных в Каффе лиц, он без всякого обсуждения объявил принятое им решение: «Посадить на двух больших вооружённых шлюпках Нур-Девлета, четверых его братьев, одного из их племянников и двух невольников для услужения и отвести их всех в Солдайю, в сопровождении массария Гоффредо Леркари» [Atti, 1879, VII, 1, p. 799; VII, 2, p. 26, 53; Колли, 1918, с. 143–146].

До момента освобождения Гедык-Ахмет-пашой в 1475 г. Нур-Девлет с двумя (?) братьями находился в заточении в одной из башен консульского замка Солдайи. Остальные пленники, по-видимому, были сосланы в Чембало, где их содержали в крепости св. Николая²⁷.

К сожалению, генуэзские источники начала 70-х гг. XV в. не называют имён пленённых братьев Менгли-Гирея. Поэтому не ясно, кто именно из них оказался в заточении вместе с Нур-Девлетом: Хайдер, Кутлук-Заман, Кильдыш (Гельдиш), Ямгурчи и Уз-Тимур (Оз-Темир)? [Колли, 1918, с. 130; Некрасов, 1999, с. 50]. Очевидно, из данного списка следует исключить Хайдера, совершившего в 1474 г. набег на Подолию и Верхнюю Валахию [Колли, 1918, с. 149], и Мелик-Эмина (Мулькана).

²⁷ Однако В. Гейд, а вслед за ним Л. П. Колли, полагали, что всех заключённых отправили именно в Солдайю [Heyd, 1886, II, p. 401; Колли, 1918, с. 146, прим. 1], где в настоящее время вроде бы не известна башня св. Николая (см. также замечание А. Винья о «*castellano dei forti di s. Elia e s. Nicolo di Soldaia*» [Vigna, 1879, VII, p. 16]).

В целом же мы обладаем достаточно противоречивыми на этот период времени сведениями о родственниках хана. Например, 12 февраля 1475 г. консул Каффы Антониотто ди Кабелла пишет, что объединёнными силами Менгли-Гирея, Эминек и генуэзцев были задержаны два брата (*doi fradeli*), до сих пор находящиеся в замке св. Ильи Солдайи (*in Soldaia in lo castello de Sancto Elia*). Вскоре сам хан (не ранее второй половины 1474 г.) в Керкере (*Charchere*) задержал ещё «одного своего брата» (*uno so fradelo*) — Мулькана (*Mulchamam*), отправленного под стражей в Чембало (*lo Sembalo*) [Atti, 1879, VII, p. 202; Колли, 1918, с. 166]²⁸.

Поэтому Менгли-Гирей, после провала заговора против Нур-Девлета и других претендентов на ханский престол, в отличие от своего отца Хаджи-Гирея, оказался в зависимости от магистратов Каффы, которые могли его шантажировать угрозой освобождения заключённых в Солдае и Чембало. Вместе с тем, молодому хану приходилось считаться и с протурецкой ориентацией части влиятельных беков [Vasiliev, 1936, p. 236]. Поэтому он продолжал способствовать развитию торговли с османскими купцами.

Но, как показал дальнейший ход событий, реальная опасность на этот раз исходила не от братьев хана, а от его ближайшего окружения. В конце 1472 или в начале 1473 г. скончался наместник Кампании тудун Мамак. Его должность по праву перешла к старшему в роде Ширинов Эминеку, кандидатура которого была поддержана как Менгли-Гиреем, так и официальными Каффы [Atti, 1879, VII, p. 56; Heyd, 1886, II, p. 400; Колли, 1918, с. 160; Pistarino, 1990, p. 498]. На первых порах между тудуном Кампании и ханом установились дружественные отношения. Но довольно скоро амбициозность Эминек, просившего у Менгли-Гирея руки его матери [Колли, 1918, с. 149], а также независимость в принятии решений, выражавшаяся в организации самостоятельного похода в земли соседних государств, привели к конфликту между ханом и тудуном²⁹.

Это стало дополнительным поводом к развитию сложной интриги. В ней приняли участие как некоторые официалы Каффы, так и честолюбивая, богатая вдова Мамака, настаивавшая на назначении на должность наместника Кампании своего сына Сейтака (Сертака = *Saitech* [Pistarino, 1990, p. 513]). В ход были пущены клеветы (Эминек обвинялся в тайных сношениях с турецким султаном Мехмедом II [Canale, 1856, III, p. 346 и сл.; Vigna, 1879, VII, p. 154; Heyd, 1886, II, p. 400; Колли, 1918, с. 166]) и день-

ги (вдова обещала генуэзским чиновникам 6000 дукатов за решение вопроса в пользу её сына)³⁰ [Vigna, 1879, VII, p. 139–140, 145; Heyd, 1886, II, p. 400–401; Колли, 1918, с. 155–157].

Результатом интриг явилось ослабление личного влияния и некоторой изоляции Эминек при дворе хана. Тем не менее, Менгли-Гирей, не желая потворствовать проискам некоторых генуэзских чиновников и матери Сейтака, т. к. это могло привести к окончательному разрыву с Эминеком, принял решение назначить на должность тудуна другого, авторитетного бека — младшего брата Эминек — Карай-Мирзу (*Karai-Mirza*) [Vigna, 1879, VII, p. 158; Heyd, 1886, II, p. 401; Pistarino, 1990, p. 498].

Однако когда прибывший в Каффу Менгли-Гирей объявил о своём намерении, то встретил открытое сопротивление со стороны массария и провизора Каффы Оберто Скварчафико, сказавшего хану, что «он находится в их руках; и что если не согласится на утверждение Сейтака, то Каффское правительство выпустит из Солдайи государственных узников, которые гораздо более имеют законных прав на престол, нежели он сам» [Мурзакевич, 1837, с. 75–76; Heyd, 1886, II, p. 401].

Натиск массария и двух членов официи Кампании привёл к ожидаемому ими результату: Сейтак получил назначение на должность наместника Кампании, а Эминек был смещён [Heyd, 1886, II, p. 401]. Опасаясь за свою жизнь, предупреждённый о «злых намерениях» официалов своим другом Андреа Фатинанти [Колли, 1918, с. 174], бывший тудун бежал в сопровождении 20 или 25 верных подданных в Тану (или Зихию) [Atti, 1879, VII, p. 202]. Вскоре из Татарию сюда стали стекаться сторонники Эминек. Тем более что неподалёку размещалась ставка оппозиционно настроенного к Менгли-Гирею «царевича» («султана») Янибека (Джанибека) [Колли, 1918, с. 150], степень родства которого с ханом окончательно не установлена [Некрасов, 1999, с. 50].

«Триумф» Сейтака в начале февраля 1475 г. был отмечен его торжественным въездом в Каффу в сопровождении Менгли-Гирея. Однако сомнительная победа обернулась в конце мая поражением от изгнанного Эминек, который вынудил недавних триумфаторов искать убежища за стенами города [Pistarino, 1990, p. 491, 499]. Казавшаяся столь удачной интрига Оберто Скварчафико и поддержавших его чиновников официи Кампании явилась причиной трагедии для всех генуэзских факторий, завоёванных в 1475 г. Гедык-Ахмет-пашой.

К тому же Каффа — «царица Великого моря» (*la regina del mar maior*) — в этот момент была внутренне ослабленной длительными распрями в

²⁸ Более подробно о «царевиче» Милкомане, т. е. Мелик-Эмине, и родословной династии Гиреев в XV в. см. [Некрасов, 1999, с. 50–51].

²⁹ Набег Хайдера 1474 г. был инспирирован Эминеком и его «братом» Мулканием, что явилось причиной резкого обострения внешнеполитических отношений между Менгли-Гиреем, господарем Молдавии Стефаном III и королём Польско-Литовского государства Казимиром IV.

³⁰ В частности, «действовать в пользу» Сертака за солидное вознаграждение вдова Мамака поручила генуэзцу Константино ди Пиетро-Росса, которому удалось вступить в сговор с Оберто Скварчафико (ему было обещано 2000 дукатов) [Heyd, 1886, II, p. 401].

армянской общине, в которой шла борьба за пост епископа между Тер-Кабетом и Тер-Ованесом, поддерживаемым не только его родственником банкиром Котул-беом, но и массариями [Колли, 1918, с. 149, 164].

Раздоры и конфликты в полиэтничной среде городской общины, вызванные негативными изменениями в торговой конъюнктуре, а также сложностью политического положения фактории на протяжении последних двух десятилетий, постоянно сотрясали Каффу. Это и привело к её стремительной сдаче османам в 1475 г. [Зевакин, Пенчко, 1940, с. 3–33; Чиперис, 1960, с. 148–149, 155; 1962, с. 245–266; Pistarino, 1990, p. 479–511; Карпов, 2000, с. 206–207].

Таким образом, конец 60-х гг. XV в., в консулат Джентиле Камилла, закончившийся в начале 1470 г., можно считать пиком дипломатических успехов генуэзцев на территории полуострова. В это время им удаётся выступать в роли политических арбитров в общении как с татарами, так и с феодоритами (последним они настоятельно рекомендовали платить дань турецкому султану, чтобы любым способом избежать с ним войны). К середине 70-х гг. (в консулат Антониотто ди Кабелла) все завоёванные ранее позиции были утрачены.

Протекторы Банка слишком поздно осознали неспособность Антониотто ди Кабелла управлять факторией, раздираемой внутренними и внешними противоречиями. Пытаясь исправить положение, они выдали одновременно дипломы сразу двум консулам — Джакомо Джустиниани и Галеаццо Леванто. Однако ни один из них не смог вовремя добраться до Газарии, чтобы попытаться спасти положение [Колли, 1918, с. 168–170]. Развязка наступила слишком быстро, потому что Каффа капитулировала, практически не оказав никакого сопротивления туркам.

Возвращаясь ко времени последних успехов генуэзской дипломатии, следует признать, что она базировалась на принципе лимитрофии (*i principi limitrofi*) в построении политических отношений с правителями государств Причерноморья [Колли, 1918, с. 147]. В этом плане весьма показателен тон инструкций протекторов Банка, направляемых в Каффу в то время. Например, 21 января 1471 г. они пишут: «Нам было приятно узнать, что вы послали посольство к турецкому царю (*domino regi Turcorum*) с данью в установленное время, и мы хотели бы, чтобы вы поступали так каждый год. Кроме того, мы одобряем, что вы убедили господина Готии сделать то же самое. И если он ещё не принял предложение, то он, в конце концов, может склониться к этому, потому что, как мы можем судить, полезно и для вас и для него жить в мире с господином — царём [турок] (*quod vos et ipse cum eodem domino rege pacifice vivere studeatis*)» [Atti, 1879, VII, 1, p. 731; Vasiliu, 1929, p. 329]³¹.

³¹ А. А. Васильев, цитируя латинский текст, полагал, что

«До настоящего времени остаётся неизвестным (по крайней мере, мы не обладаем свидетельствующими об этом источниками), какие отношения сложились у Крымского ханства и Феодоро с османами, и было ли Исааком отправлено посольство к Мехмеду II, чтобы договориться с ним о размерах и условиях выплаты дани, как того советовали генуэзцы?»

Симпатии владетелей Мангупа, связанных родственными узами с Великими Комнинами, Палеологами и молдавским господарем Стефаном III, явно были на стороне лиги, борющейся с турками-османами. Несмотря на внешнюю дипломатическую лояльность, активизацию торговли с турецкими купцами и традиционно хорошие отношения с Гиреями, в критических ситуациях антитурецкая позиция феодоритов прослеживалась довольно чётко. Хотя с приходом к власти в 1464/65 гг. Исаака она получила весьма своеобразную конформистскую окраску, что в большой степени раздражало Стефана III и привело в итоге к разрыву отношений между господарем Молдавии и правителем Феодоро, якобы ставшим «другом турок» [Jorga, 1927, p. 142].

В. Василиу полагала, что Исаак платил дань султану вместе с Каффой и не намеревался менять свою позицию [Vasiliu, 1929, p. 332–333], а это побудило господаря Молдавии предпринять дипломатические шаги, соответствующие сложившейся политической обстановке. Об этом красноречиво свидетельствует письмо от 10 февраля 1475 г., отправленное в Геную тогдашним провизором и массарием Каффы Оберто Скварчафико. В нём говорится, что несколько дней назад в город прибыли послы от господина воеводы. Стефан III выражал готовность «заклучить с нами мир» (*componendam pacem nobiscum*) и возместить ущерб, нанесённый генуэзцам ранее, оцениваемый в 1300 венецианских дукатов³².

здесь речь идёт о Менгли-Гирее, а это полностью исказило политическую доктрину, которой придерживались генуэзцы. Поэтому он пишет: «Каффа была вынуждена принять эти униженные для неё условия в надежде на то, что татарский хан, благодаря этому, откажется от союза с султаном против Крыма» [Vasiliev, 1936, p. 236].

³² Речь, по-видимому, идёт о согласии Стефана III окончательно урегулировать давний инцидент, произошедший ещё в 1467 г., жертвами которого тогда стали генуэзские купцы Николо де Камилла, Баттиста Бокачо, Джакомо и Ладзаро Ассерето. Негоцианты были схвачены у Хотина местным «кастелланом» и после недельной поездки их, привязанных к повозке, запряженной быками, доставили к Стефану, «воеводе Валахии». Вместе с арестантами в Сучаву были привезены и их товары стоимостью в 2000 дукатов [Vigna, 1871, VIII, p. 779 doc. 981; Basso, 1998, p. 93–94; Assini 1999, p. 17–18]. Но самое примечательное в данном случае то, что в числе заключённых оказался консул Каффы Грегорио де Реза. Присутствие консула среди «узников» делает этот эпизод особенно тяжёлым, тем более что Григорио де Реза, вернувшись в Геную по окончании срока своих полномочий, приводит данное происшествие в письме, в котором «описывает свои длительные и до самого конца всегда сердечные отношения со Стефаном» [Assini, 1999, p. 17, № 65]. Магистраты

Но одним из главных условий, выдвигавшихся при этом Стефаном, было заключение союза, направленного против «турецкого царя (*regis teucrorum*) и господина Саика, господина Теодоро и Готии» (*domini Saici domini Theodori et Gottie*) [Atti, 1879, VII, p. 195, doc. MCXVII; Малицкий, 1933, с. 43]³³.

Официалы Каффы вежливо, но недвусмысленно отклонили предложение Стефана III, стремясь сохранить добрососедские отношения с Исааком, не подвергая себя дополнительной опасности со стороны Мехмеда II. Но, как показали события следующих пяти месяцев, все меры предосторожности, предпринимавшиеся генуэзцами, оказались напрасными. Совершенно очевидно, что господарь Молдавии более реалистично смотрел на вещи (или был лучше информирован о планах турок). В действительности султан уже отдал приказ о подготовке нового похода, целью которого являлось завоевание именно Генуэзской Газарии, Готии и Феодоро.

Рассматривая причины разрыва отношений Стефана III с владельцем Феодоро Исааком, следует коснуться ещё одного события, получившего международный резонанс. Имеется в виду набег, совершённый Хайдером в июне 1474 г. в междуречье Прута и Серета, в результате которого оказались опустошёнными города и сёла Подолии и «Верхней Валахии» (в плен было уведено примерно 15–18 тыс. человек). Узнав о подготовке набега, официалы Каффы пытались убедить Менгли-Гирея не делать этого, но вмешательство Эминика и ещё одного брата хана Мелик-Эмина (*Mulchania*) [Atti, 1879, VII, p. 122] свели на нет все приведённые доводы.

Каффы безотлагательно снарядили дипломатическую миссию во главе с Гульельмо Центурионе. Не остался в стороне от происходящего и новый хан Нур-Дивлет: «сам император татар направил своих послов к молдавскому князю» [Assini, 1999, p. 18], чтобы сгладить тягостное впечатление от происшествия, которое могло иметь разрушительные последствия для поддержания хрупкого мира, установившегося в Северном Причерноморье [Musso, 1971, p. 134–136]. Однако разрешение конфликта (хотя пленных Стефан и отпустил, товары остались в его распоряжении) затянулось на несколько лет. Наконец, попечители Банка Сан-Джорджо в январе 1471 г. посылают предписание консулу Каффы сделать последнюю попытку решить дело мирным путём: в противном случае, репрессалии против молдавских купцов на сей раз будут неизбежны [Vigna, 1871, VII/1, p. 724–725; Assini, 1999, p. 18].

³³ А. А. Васильев, рассматривая данный сюжет, считал, что в тексте идёт речь о союзе, направленном против татарского хана Менгли-Гирея и Исаака: «Это предложение, в сущности, означало оборонительно-наступательный союз против тех двух политических сил на полуострове, чьи дружественные отношения были чрезвычайно важны для генуэзцев в связи с турецкой опасностью» [Vasiliev, 1936, p. 242]. На неверный перевод латинского источника и интерпретацию событий А. А. Васильева недавно обратил внимание и Х.-Ф. Байер [Байер, 2001, с. 223]. Тем не менее, А. Г. Герцен в одной из своих работ повторяет ошибку А. А. Васильева: «<...> Стефан вступил в переговоры о союзе с генуэзской Каффой для борьбы с крымским ханом и князем Феодоро, Исааком» [Герцен, 2004, с. 159].

Уже после того, как пленники были доставлены в Крым, генуэзцы опять обратились с просьбой к Менгли-Гирею не продавать пленных мальчиков туркам, чтобы тех не обратили в мусульманство. И хотя полученный ответ был наполнен любезностями, консул Антониотто ди Кабелла выразил опасение по поводу того, что «добрая часть этих юношей уже распродана, потому что некоторые турки, приехав продавать товары, уступили их дешевле, дабы собрать побольше денег и купить рабов. Они посадили их на суда в порту Каламита и соляных озерах Каркенита, так что,— печальное обстоятельство!— мы не могли им помешать. Ведь продавцы и покупатели неверные и делают, что хотят» [Колли, 1918, с. 150]. К крымскому хану в Керкер из Польши и Молдавии прибыли послы, пытавшиеся убедить татар не продавать пленных до тех пор, пока не будут собраны деньги для выкупа. Но результат был минимален: основная их часть оказалась отправленной в Константинополь.

В источниках, освещающих эти события, Исаак не упоминается, но тот факт, что массовая распродажа пленённых христиан велась через принадлежавший ему порт Каламиты, может говорить о его косвенном участии в данных событиях (в качестве пошлин он получил солидную прибыль).

В. Василиу полагала, что окончательный разрыв дипломатических отношений Стефана III с Исааком произошёл в конце 1474 г., после прибытия в Молдавию Александра, родного брата его жены Марии [Vasiliiu, 1929, p. 333]. На самом деле, точное время приезда ко двору Стефана III Александра неизвестно. Можно только предполагать, что это событие произошло в промежутке между сентябрём 1472 и декабрём 1474 г. [Мыц, 1991, с. 192]³⁴.

Сам факт приезда (бегства?) Александра со своей семьей (?)³⁵ ко двору Стефана III позволяет предполагать возникновение между братьями серьёзного конфликта [Бертье-Делагард, 1918, с. 36].

1475 г. стал последней страницей в истории города Феодоро. Несмотря на усилия многих исследователей, финальный этап существования Крымской Готии как суверенного государства представляет собой множество так и не разрешённых вопросов. Имеется, по крайней мере, четыре версии развития трагических событий, связанных с судьбой Исаака и его брата Александра.

³⁴ В. П. Кирилко, ссылаясь на сведения «Славяно-молдавской летописи», считает, что «ко двору Стефана Великого Александр прибыл, вероятнее всего, в сентябре 1472 г., сопровождая сестру под венец» [Кирилко, 2006, с. 177].

³⁵ Во время раскопок замка Фуна в культурных напластованиях 1459–1475 гг. обнаружено примерно 20 поливных чаш с изображением монограммы Александра (рис. 224: 10). В её основании помещена тамга Гиреев, что может только предположительно указывать на установившуюся родственную связь этого правителя Феодоро с Крымскими ханами или признание вассальной зависимости от них [Мыц, 1991б, с. 192, рис. 3, 4, 5]. Отсутствие подобной тамги на монограмме Александра строительной плиты, установленной на стене фунского донжона, позволяет датировать это событие после 19 июля 1459 г.

Например, Н. Йорга считал, что Исаак по совету генуэзцев выплачивал дань Мехмеду II, и в конце концов стал «другом турок» [Jorga, 1927, p. 142]. По его мнению, политика соглашательства и примирения как с генуэзцами, так и с турками, привела к разрыву между господарем Молдавии и правителем Феодоро. Поэтому Стефан III способствовал возвращению своего зятя Александра в Готию, куда тот прибыл перед появлением османов в Крыму, где убил Исаака и занял отцовский престол [Jorga, 1927, p. 142]³⁶.

В. Василиу полагала, что Стефан III, недовольный занятой Исааком протурецкой позицией, сразу же после победы под Васлуем (10 января 1475 г.) отправил Александра в Каламиту на корабле, на котором находился и вспомогательный отряд из 300 валахов. Но, в отличие от Н. Йорги, она оставила открытым вопрос о том, был ли действительно Исаак убит своим братом Александром [Vasiliiu, 1929, p. 333].

А. А. Васильев несколько иначе восстанавливал хронологию и причинно-следственную связь событий. По его мнению, Александр до момента отправки в Феодоро находился вместе со своей сестрой Марией в Монкастро, где «сел на какое-то итальянское судно и прибыл в Готию <...> Через три дня после высадки в Крыму он лишился власти и убил своего родного брата Исаака и овладел Мангупом <...> Насильственная смерть Исаака и захват Готии Александром произошли незадолго до падения Каффы <...>, т. е. ранней весной этого года» [Vasiliev, 1936, p. 244–245]. К тому же, исследователь высказал предположение о том, что Стефан, пользуясь браком с Марией, «стремился распространить своё влияние на Готию и, возможно, даже полностью овладеть Крымским княжеством» [Vasiliev, 1936, p. 244].

А. Г. Герцен, опираясь на известные письменные источники, собранные А. А. Васильевым [Vasiliev, 1936, p. 249–266], предложил свою версию происшедших тогда в Феодоро событий. После внезапной смерти Исаака, наступившей, по-видимому, весной 1475 г., престол занял правитель, возможно, племянник покойного князя. В конце мая или начале июня (т. е. ещё до появления турок в Крыму) этот неизвестный по имени правитель³⁷ был

³⁶ Сходной и далеко не бесспорной концепции развития событий придерживается Л. Е. Семёнова: «Османская угроза нависла над Мангупским княжеством. Его правитель Исаак перешёл на сторону турок. Стефан попытался повлиять на ход событий в Мангупе. Исаак был убит братом Александром, настроенным против султана. В декабре 1475 г. османы осадили Мангупскую крепость. Александр, в ходе начавшейся в княжестве внутренней борьбы, пал жертвой. Стефан послал для поддержки гарнизона крепости отряд в 300 человек, но изменить положение в свою пользу уже не смог: Мангуп подчинился османам» [Семёнова, 2006, с. 87].

³⁷ В своей более ранней работе А. Г. Герцен называет его Текуром: «Союзником их (турок — В. М.) стал некий князь Текур (Течур), возможно, изгнанный Александром предшественник, который подъезжал к стенам города и угова-

свергнут младшим братом Исаака Александром, которому оказал помощь Стефан, предоставив корабль и 300 воинов-валахов [Герцен, 1990, с. 148; 2001, с. 382]³⁸.

Нетрудно заметить, что скупость и противоречивость содержащейся в письменных источниках информации, в значительной степени зависящей от нюансов перевода и последующей интерпретации, позволяет создать только предполагаемую схему хронологии событий и определить их участников. Поэтому попытаемся вновь обратиться к анализу некоторых из них, в особенности тех, которые имеют указание на конкретные даты. Но прежде рассмотрим один документ, позволяющий детально восстановить начальный этап военной кампании турок в 1475 г. — донесение Леонара Арте дожу Венеции (датировано 4 июля) [Колли, 1911, с. 9–11].

На основании полученной от «наблюдателей» (*observatores*) информации, Леонар Арте сообщает, что 19 мая из Константинополя вышел флот, состоящий из 180 кораблей, 3 больших галер и 120 меньших судов (на них разместились 3000 всадников и 100 возов печёного хлеба). На одной из галер находился великий визирь Гедык-Ахмет-паша, а на другой комендант Галлиполи Диагарж-Якуб. Достигнув маяка, расположенного у входа в Босфорский пролив, турецкая армада повернула на юг к Синопу, которого достигла 27 мая (сообщение об этом получено в Константинополе 3 июня). Сам султан в это время пребывал в предместье Адрианополя Зуйхалохори (*Zuichalochori*), где была собрана вся сухопутная армия [Pistarino, 1990, p. 490]. Она многочисленна, «но недостаточно ещё обучена, ибо султан цвет своего войска поместил на армаду» [Колли, 1911, с. 10].

8 июня в Зуйхалохори поступило известие, что Стефан находится в своём лагере (в Яссах?), причём город хорошо подготовлен к обороне, а люди отлично вооружены. Отсюда, из-под Адрианополя, сухопутная армия османов отправилась в Загору, чтобы переправиться через Дунай и вторгнуться в Валахию. До 17 июня, когда венецианский «осведомитель» покинул турецкий лагерь, в Загору из Константинополя прибыл гонец от Гедык-Ахмед-паши с известием о захвате Каффы [Pistarino, 1990, p. 490]. По этому случаю «в лагере было устроено большое празднество» [Колли, 1911, с. 11]. Султан отдал приказ армаде «безотлагательно направиться прямо

ривал осаждённых сдаться, но успеха в своих призывах не имел» [Герцен, 1990, с. 148]. И ещё: «<...> осаждающие имели весьма точные сведения о сильных и слабых местах крепости, это и не удивительно, исходя из присутствия в их стане перебежчиков, таких, как Текур» [Герцен, 1990, с. 149].

³⁸ Декларативной «новацией» А. Г. Герцена является недавно высказанное заключение (не подтверждённое ни одним из источников): «Очевидно, генуэзская администрация, встревоженная протурецкими настроениями соседнего правителя, способствовала действиям Стефана III по устранению Исаака и замене его на более радикально настроенного Александра» [Герцен, 2004, с. 160].

на Аспро-Кастро»³⁹. После этого сухопутная армия продолжила движение к Дунаю «с целью напасть на Валахию» [Колли, 1911, с. 11].

Данный документ интересен тем, что демонстрирует прекрасную осведомлённость европейцев обо всех перемещениях турецкой армии. В связи с рассматриваемой темой важно то, что до 17 июня, когда венецианский «осведомитель» покинул турецкий лагерь в Загоре, уже было получено известие о падении Каффы (по-видимому, оно доставлено 12–13 числа), и Мехмед II отдал распоряжение Гедык-Ахмет-паше отправиться с флотом, выполнившим поставленную перед ним задачу, к Монкастро.

Это позволяет говорить о том, что турки не предполагали длительных военных действий в Газарии. Основной их целью было нанесение с двух сторон решающего удара по Молдавскому княжеству. Намерения Мехмеда II подтверждает и одно из анонимных донесений, отправленных из Перы на Хиос 26 июня. В нём рассказывается, что «<...> турецкий адмирал, благодаря татарам, завладел Каффой почти без боя. Армада должна была тотчас же отправиться оттуда дальше на Никостано (Ликостомо = Килия — В. М. [Колли, 1911, с. 15, прим. 1]) и Монкастро. Турки могут быть уверены, что посредством обложения они немедленно займут эти крепости. Подобно Каффе, многие другие соседние местности, как Готия, Чембало, Солдайя, равно и некоторые пункты Цихии и Татарии, изъявят свою покорность и сдадутся на капитуляцию» [Колли, 1911, с. 15].

Однако в Крыму произошли события, существенно изменившие план действий и вынудившие великого визиря Гедык-Ахмет-пашу не выполнить предписание султана. Не вызывает сомнений то, что Стефан III столь же внимательно следил за приготовлениями, как и за всякими перемещениями османских войск. Прибытие к Монкастро и Килии элитных частей Мехмеда II могло обернуться катастрофой для его государства. Молниеносный успех Гедык-Ахмет-паши в Генуэзской Газарии не предвещал для Стефана ничего хорошего. Поэтому необходимо было создать серьёзный повод для длительной задержки в Газарии великого визиря с армией. Этим поводом могла явиться длительная кампания по покорению Готии.

20 июня 1475 г. Стефан из Ясс отправляет письмо королю Венгрии Матвею Корвину. В послании сообщается о падении Каффы и о намерении турок напасть на Нижнюю Валахию [Pistarino, 1990, p. 486], используя флот Гедык-Ахмет-паши для осады Килии и Четатя-Албэ (Монкастро).

При этом послание господаря Молдавии начинается с небольшого сюжета, касающегося событий, недавно произошедших в Готии: «доношу Вашему Величеству о прибытии сюда человека с

письмами от кастелланов из Альбы, которые нам пишут, что к ним в Альбу пришёл один итальянский корабль из Пангопа (Мангупа — В. М.) (*aplicuit ad Alba una navis Itatorum de Pangopa*). Это же судно, патроном которого является Филиппо, то самое, на котором отправился из наших владений в Яспум (*Jaspum*) наш свояк Александр [...]. Гонец на словах передал следующее: брат нашей супруги Александр, достиг местности [...] и на третий день вступил во владение отцовским наследством, т. е. названным городом Мангопом, где он находится и в настоящее время» [Atti, 1879, VII, p. 479, doc. XXI; Vasiliev, 1936, p. 244, n. 2; Колли, 1911, с. 13–14].

25 июня (в воскресенье, после празднования Рождества Иоанна Крестителя)⁴⁰ послы венгерского короля Доминик и Гаспар из Быстрицы отправили срочное сообщение: «По полученным сведениям, на днях, лично сам Воевода Стефан отправил Александра, родного брата своей жены, во владение, которое называется Манго (*Quomodo preteritis diebus ipse Vajvoda Stefanus mississet Alexandrum fratres carnalem consortis sue in regnum, quod dicitur Mango*). Как говорят, [он] овладел тем [государством] и подчинил всех, больших и малых, во владении Манго своей власти <...> (*quomodo [...] illud [regnum] potentia sua [...] sollicitè optinisset et universos majores et minores in illo regno Mango dominio suo subegisset*)» [Atti, 1879, VII, p. 477; Колли, 1911, с. 12; Малицкий, 1933, с. 43; Vasiliev, 1936, p. 244–245].

Приведённые документы, учитывая динамику происходивших в конце мая — начале июня 1475 г. событий и быстроту поступления из Газарии информации, позволяют полагать, что Александр мог отправиться из Монкастро в Феодоро, получив известие о захвате турками Каффы, т. е. после 6 июня.

Если даже это произошло и ранее указанного срока, то незначительно, и было связано именно с появлением Гедык-Ахмет-паши у берегов Газарии. Важно то обстоятельство, что ни один из источников, повествующих об отъезде Александра, не упоминает о якобы сопровождавших его 300 валахах. Столь важный момент не мог ускользнуть от внимания современников, в особенности связанных с королём Венгрии. Откуда же появились на Мангупе эти 300 воинов, столь часто упоминаемых на страницах научных изданий?

Сведения анонимного автора о том, что вместе с владетелем Феодоро в 1475 г. против турок сражался отряд из 300 валахов, одним из первых использовал М. де Канале [Canale, 1856, III, p. 354]. В дальнейшем на это сообщение ссылаются многие исследователи, дополняя его различного рода предположениями и догадками относительно их происхождения, времени и условий появления на Мангупе [Bruun, 1866, p. 72; Tomaschek, 1881, s. 54; Braun,

³⁹ Л. П. Колли полагал, что под «Аспро-Кастро» имелся ввиду Мангуп [Колли, 1911, с. 11, прим. 2], в то время как речь здесь идёт о Монкастро.

⁴⁰ Л. П. Колли датировал время отправки этого сообщения июлем [Колли, 1911, с. 12], а А. А. Васильев — 20 июня 1475 г. [Vasiliev, 1936, p. 245, n. 1]

1890, s. 36, 80; Jorga, 1904, p. 164; Vasiliu, 1929, p. 331; Малицкий, 1933, с. 43].

Чтобы попытаться прояснить данный вопрос, А. А. Васильев обратился ещё к одному источнику, имевшему, по его мнению, отношение к затронутой теме. Речь идёт о письме короля Венгрии Матвея Корвина к одному из своих придворных — Михаилу Фанкси. Корвин приказывает Фанкси немедленно «отправиться к Стефану, Молдавскому воеводе, нашему верному и возлюбленному другу, вместе с 300 сицилийцев (*Siculis*) и чистосердечно помочь и поддержать нас там, особенно в то время, когда он [Стефан] нуждается в помощи» [Hurmuzaki, 1891, II, doc. XIII; Vasiliev, 1936, p. 261, п. 3]. Отсюда А. А. Васильев пришёл к заключению, что «300 валахов, героически сражавшиеся в Феодоро как телохранители Александра, были 300 «*Siculi*», посланные Матвеем Корвиным <...> Стефану». Стефан же отправил их с Александром в Крым. Михаил Фанкси, командовавший отрядом, либо погиб во время осады города, либо, попав в плен, оказался в Константинополе [Vasiliev, 1936, p. 261]⁴¹.

Предложенная А. А. Васильевым версия реконструкции исторических событий и их реальных участников выглядит достаточно убедительной. При этом непонятно, как вне его внимания остался хорошо известный источник, получивший при издании А. Винья название «Тосканского Анонима» (*anonimo toscano*) [Canale, 1856, III, p. 346–347; Heyd, 1886, II, p. 401, п. 1; Atti, 1879, VII, p. 239–246]. Это письмо неизвестного флорентийского купца, написанное в Константинополе 25 августа 1475 г. Негоциант, оказавшись в Каффе в момент её захвата турками, подробно изложил происходившие здесь события [Pistarino, 1990, p. 512–518].

В завершение своего повествования анонимный автор помещает небольшой рассказ о том, как правители Венгрии и „Валахии“ откликнулись на события, происходившие в Великом море: «<...> Они направили туда, для защиты в области Готии главной крепости с замком, называемой Тодаро (*era a campo a un castello fortissimo della Ghottia che si chiama Todaro*), где находится сам господин Готии с 300 валахов (*dove si truova il signore della Ghottia con 300 Valacchi*). Горя желанием сразиться, они уже провели 5 прославивших их баталлий (*e gli ha dato 5 battaglie hordinare*). Но, после этого, господин турок (*signor turco*) отдал распоряжение своему войску (*mandato a domandare l'armata*) немедленно, стремительно и быстро покарать каждого, кто оказывает сопротивление, используя для этого дела корабли» [Atti, 1879, VII, p. 246; Pistarino, 1990, p. 496, 518].

При всей краткости изложения, источник содержит важную информацию. Во-первых, упоминание совместных усилий короля Венгрии и господаря Молдавии (*l'Unghero e Valaccho*) по ока-

⁴¹ Дальнейшая судьба Михаила Фанкси не выяснена, т. к. какие-либо сведения и упоминания о нём в известных мне источниках отсутствуют.

занию помощи в обороне столицы Готии от турок, позволяет установить событийную и временную связь между распоряжением Матвея Корвина Михаилу Фанкси отправиться на помощь к Стефану III с 300 «сицилианцами» (*Siculi*), и «300 *Valacchi*», которые с «*signore della Ghottia*» вышли победителями из 5 сражений, снискав тем самым себе славу. Во-вторых, если время указа короля Венгрии Михаилу Фанкси ранее относилось только к 1475 г., а точная его дата не была установлена, то теперь с большой долей вероятности это событие можно определить в пределах первой половины лета, но не позднее июня. Судя по всему, турки уже в июле попытались сходу овладеть Мангутом, но, потерпев неудачу, отступили, чтобы подготовиться к осаде города с применением артиллерии [Герцен, 1990, с. 148; 2001, с. 366–386].

Анонимный автор (флорентийский купец) получил сведения о войне в Готии, уже находясь в Константинополе, куда он был отправлен из Каффы вместе с другими латинянами 12 июля. Если само письмо датировано 25, а не 15 августа, как полагали ранее [Pistarino, 1990, p. 512], и самая поздняя дата, отмеченная в нём, относится к 3 августа [Atti, 1879, VII, p. 246; Pistarino, 1990, p. 518], то и первый этап войны в Готии, целью которого был захват Мангупа, следует отнести к июлю 1475 г. Флорентийский купец не упоминает имя «сеньора Готии», как это полагали некоторые исследователи [Бертъе-Делагард, 1918, с. 37, прим. 2], но, по всей вероятности, имелся в виду именно Александр.

Ограниченность свидетельств письменных источников не позволяет определить степень участия в событиях 1475 г. перника (виночерпия) Исаака Влада. Поэтому можно только предполагать, что Влад покинул Мангуп сразу же после вступления на престол Александра (или другого родственника Исаака) и отправился в Молдавию, где скончался в Сучаве в 1480 г. Если бы он оставался при новом правителе (Александр?), то это, вероятно, нашло бы отражение и в его эпитафии. Однако в ней говорится о том, что Влад служил только при дворе Исаака.

Таким образом, в начале июня (?) Александр, сев в Монкастро на корабль, принадлежавший Филиппо, отправился в Готию. Но высадился он не в ближайшем феодоритском порту Каламиты или принадлежавшем генуэзцам Чембало, а в Ласпи (вероятно, отмеченное в источнике *Jaspum* является несколько искажённым вариантом *Laspum* [Бертъе-Делагард, 1918, с. 37])⁴². По-видимому, направ-

⁴² А. Г. Герцен, описывая данные события, допускает ряд ошибок и неточностей: «Генуэзское судно доставило его (Александра — В. М.) к пункту, названному генуэзским источником «Яспо». Вероятно, подразумевается бухта Ласпи в 20 км к югу от Мангупа. Местность эта входила в состав капитанства Готия, территориального подразделения генуэзской Газарии, административным центром которого являлась крепость Чембало (Балаклава)» [Герцен, 2004, с. 160]. Во-первых, не корректно называть письмо господаря Молдавии Стефана III к королю Венгрии Матвеем Кор-

ление избранного Александром маршрута было обусловлено желанием скрыть начальный момент его пребывания в Готии, использовав затем эффект внезапности при появлении на Мангупе.

Из бухты Ласпи Александр, вероятно, направился в Байдарскую долину и укрылся в замке на г. Сандык-Кая (?), владелец которого, по всей видимости, поддерживал его намерения. Через три дня после прибытия он уже овладел «отцовским наследием» [Atti, 1879, VII/2, p. 479; Колли, 1911, с. 11–12; Vasiliev, 1936, p. 244, n. 2] и начал подготовку к защите Феодоро от неизбежного нападения турок. Та легкость и быстрота, с которой Александр достиг Мангупа и занял престол, могут быть объяснены тем, что он пользовался значительной поддержкой среди антитурецки настроенной части населения как в самой столице, так и в Готии.

Мехмед II после поражения под Васлуем действительно начал подготовку к новой войне с Молдавией, чтобы восстановить престиж своей доселе непобедимой армии. Теперь он решил ликвидировать последние очаги независимости в Северном Причерноморье, оставшиеся в Газарии, — Феодоро и владения Банка Сан-Джорджо. Захват прибрежной и горной части полуострова также делал более послушным Менгли-Гирея и его беков, коннице которых отводилась особая роль в будущей кампании.

Современные этим событиям документы не утверждают, что именно Александр убил своего старшего брата Исаака, заняв престол Мангупа. Хотя следует признать, что реально заинтересованными в его физическом устранении, с одной стороны, действительно мог являться Александр, поддерживаемый в этом отношении Стефаном III, а с другой, ещё один родственник Исаака, находившийся в столице Готии. Единственным автором, сделавшим по этому поводу краткое замечание, является Теодоро Спандуджино (1453–1538 гг.?). В его сочинении «О происхождении оттоманских императоров <...>» мотивация похода турок на Мангуп изложена следующим образом: «Мехмед, узнав, что владетель из Готии лишил жизни своего старшего брата и установил в том месте [власть] (дословно «присвоил себе власть» — В. М.) (*vevendo Mehemeth che il principe di Gothia havea ammazzato il suo fratel maggiore et usurpatosi lo stato*), послал своего бейлербея (*biglierbei*, т. е. правителя провинции, а не великого визиря, как было на самом деле — В. М.), который осадил принца <...>» [Vasiliev, 1936, p. 252, n. 4]. Н. Йорга и А. А. Васильев были убеждены, что в данном источнике речь идёт именно об Александре и Исааке [Jorga, 1927, p. 142; Vasiliev, 1936, p. 244, n. 4].

вину «генуэзским источником». Во-вторых, бухта Ласпи не «входила в состав капитанства Готия», т. к. находилась в юрисдикции консула Чембало, а крепость Чембало никогда не являлась административным центром капитанства Готия.

Хотя ещё О. Тафрали обратил внимание на то, что среди известных родственников Исаака и Марии, как это ни странно, Александр не упоминается [Tafrali, 1925, p. 54].

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства позволяют только предполагать, что Исаак ещё в 1474 г., стремясь избежать вооружённого столкновения с турками, урегулировал с Мехмедом II дипломатические отношения, признав султана своим сюзереном и обязавшись выплачивать ему дань. Его действия не были поддержаны Александром. Поэтому он был вынужден бежать (?) к Стефану III в Молдавию и просить у того поддержки в овладении «отцовским наследием» [Atti, 1879, VII, II, p. 479; Бертье-Делагард, 1918, с. 37; Vasiliev, 1936, p. 244, n. 4].

Как уже отмечалось, попытка господаря привлечь в начале 1475 г. на свою сторону генуэзцев в решении возникшего на Мангупе конфликта не увенчалась успехом. Насильственное свержение с престола и убийство (?) в 1475 г. законного правителя, каким являлся Исаак, дало туркам, считавшим любого претендента на престол узурпатором, повод для вмешательства в династическую борьбу за власть в Феодоро. Поэтому не исключено, что появление в Готии Александра, если он даже не был причастен к смерти Исаака, спровоцировало активные военные действия со стороны Гедык-Ахмет-паши.

Следует признать, что нам остаются неизвестными дата и причины смерти Исаака, а также имя его родственника, участвовавшего в дворцовом перевороте 1475 г., хотя неоднократно делались попытки в данном направлении, в том числе основанные на археологическом материале. Одна из них заключалась в возможности интерпретации монограмм на поливных сосудах, обнаруженных на территории Феодоро. Во время раскопок дворца Р. Х. Лепером в 1912–1913 гг., А. Л. Якобсоном в 1938 г. и Е. В. Веймарном в 1974 г., найдены поливные чаши и блюда с монограммами ТХ или ХТ (*рис. 267; 268: 1, 5; 269: 1*), а в одном случае ТХВ (*рис. 270*) (всего более 30 сосудов). Причём на одном из них монограмма ТХ нанесена дважды.

К этой группе примыкают 3 находки из Лусты, где в слое разрушения города от пожара 1475 г. обнаружены фрагменты чаш с монограммами ТХ (*рис. 271*), две из феодоритского замка Фуна (происходят из верхнего горизонта памятника 1459–1475 гг.) с буквенными обозначениями в виде граффити ТВ (*рис. 224: 11–13*) [Кирилко, 1999, с. 138–140, рис. 2, 11–13] и одно блюдо из слоя пожара 1434 г. в башне «Барнабо Грилло» Чембало [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 22, рис. 102; Мыц, 2005, с. 294, рис. 7]⁴³ (*рис. 272*).

⁴³ Появление в генуэзской башне в слое пожара 8 июня 1434 г. (?) данного артефакта можно объяснить тем, что город Чембало находился во власти феодоритов около 16 месяцев (с февраля 1433 по июнь 1434 гг.). К тому же,

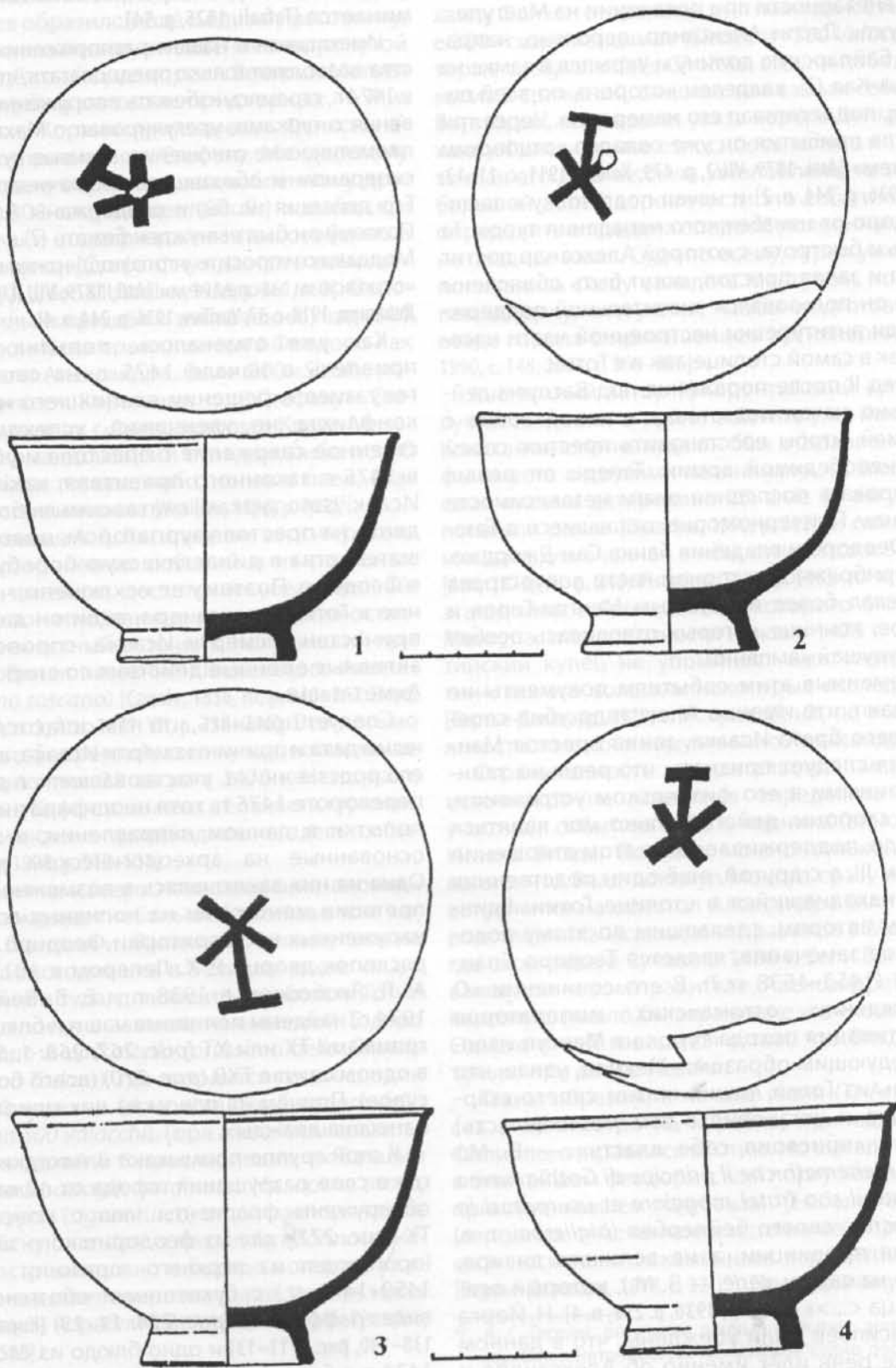


Рис. 267. Монохромные красноглиняные чаши с монограммами TX из слоя пожара 1475 г. мангупского дворца

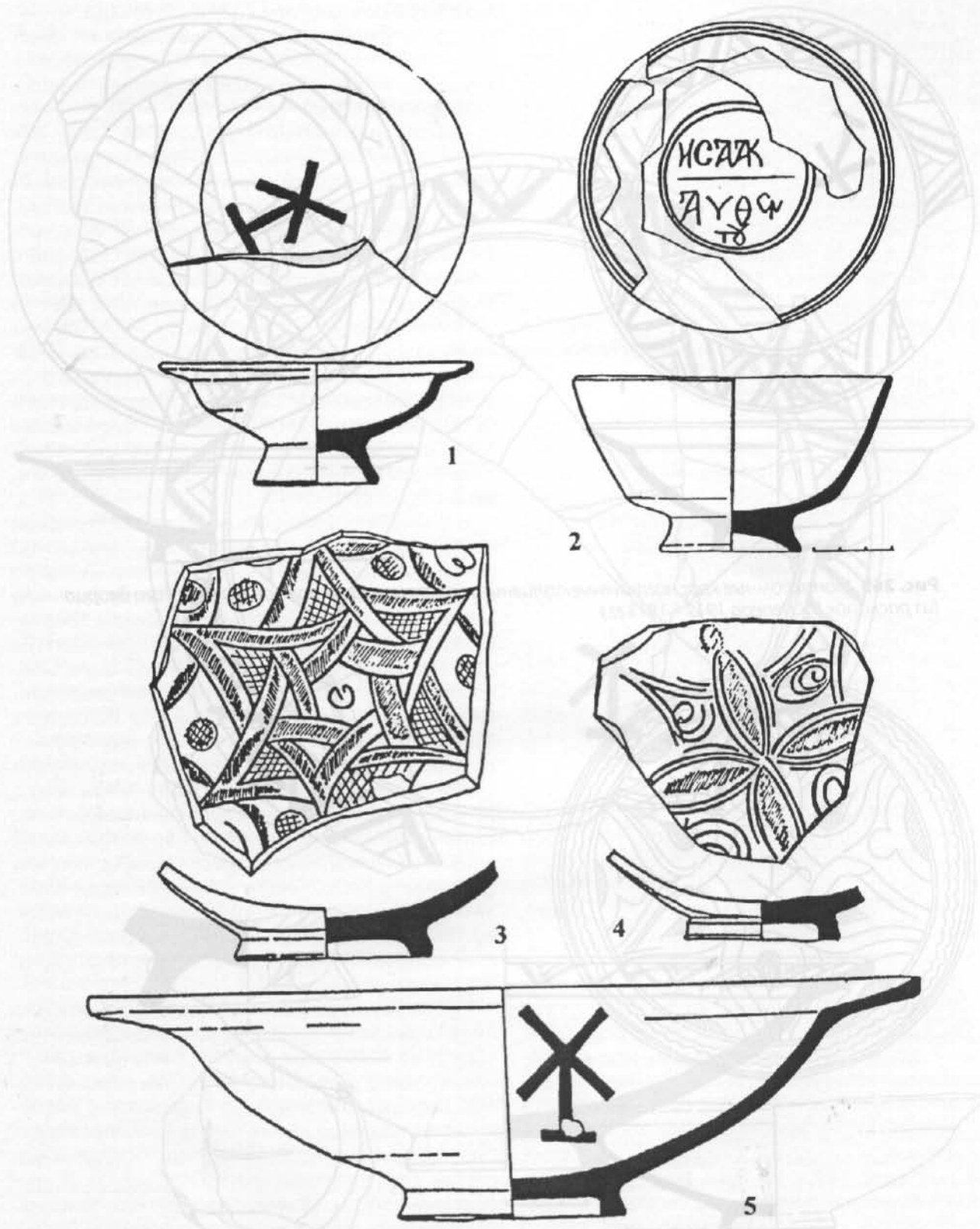


Рис. 268. Красноглиняные поливные сосуды из слоя пожара 1475 г. мангупского дворца с монограммами TX

Рис. 270. Красноглиняные поливные сосуды из слоя пожара 1475 г. мангупского дворца с монограммами TX

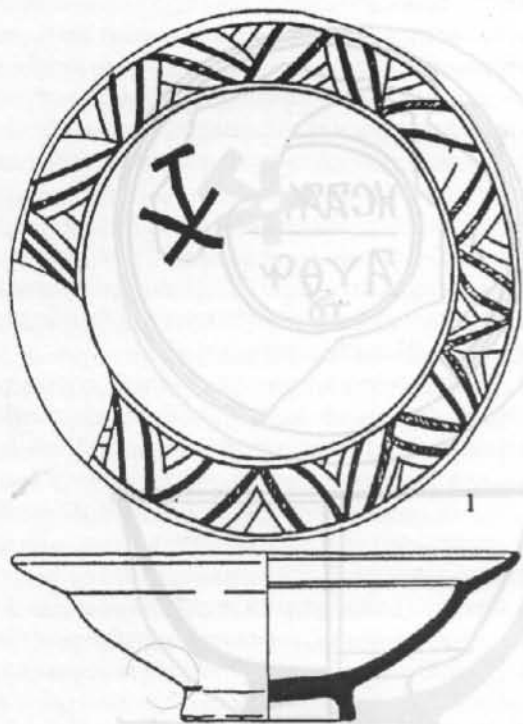


Рис. 269. Монохромные красноглиняные поливные тарелки из слоя пожара мангупского дворца (из раскопок РХ Лепера 1912 – 1913 гг.)



Рис. 270. Монохромное красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара мангупского дворца с монограммой ТХВ

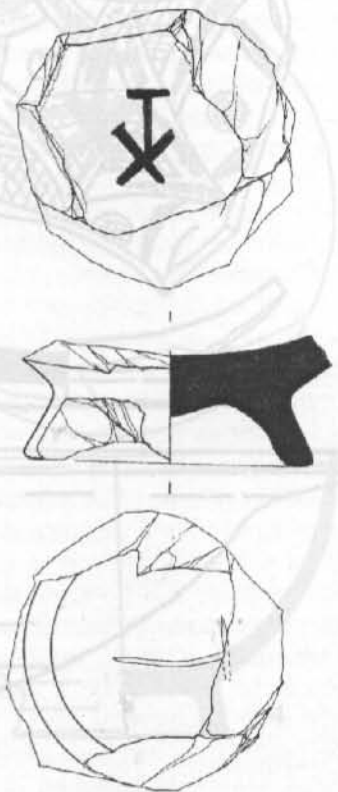


Рис. 271. Фрагмент донной части красноглиняного поливного блюда с монограммой ТХ и граффити в виде Т из слоя пожара 1475 г. Алустана

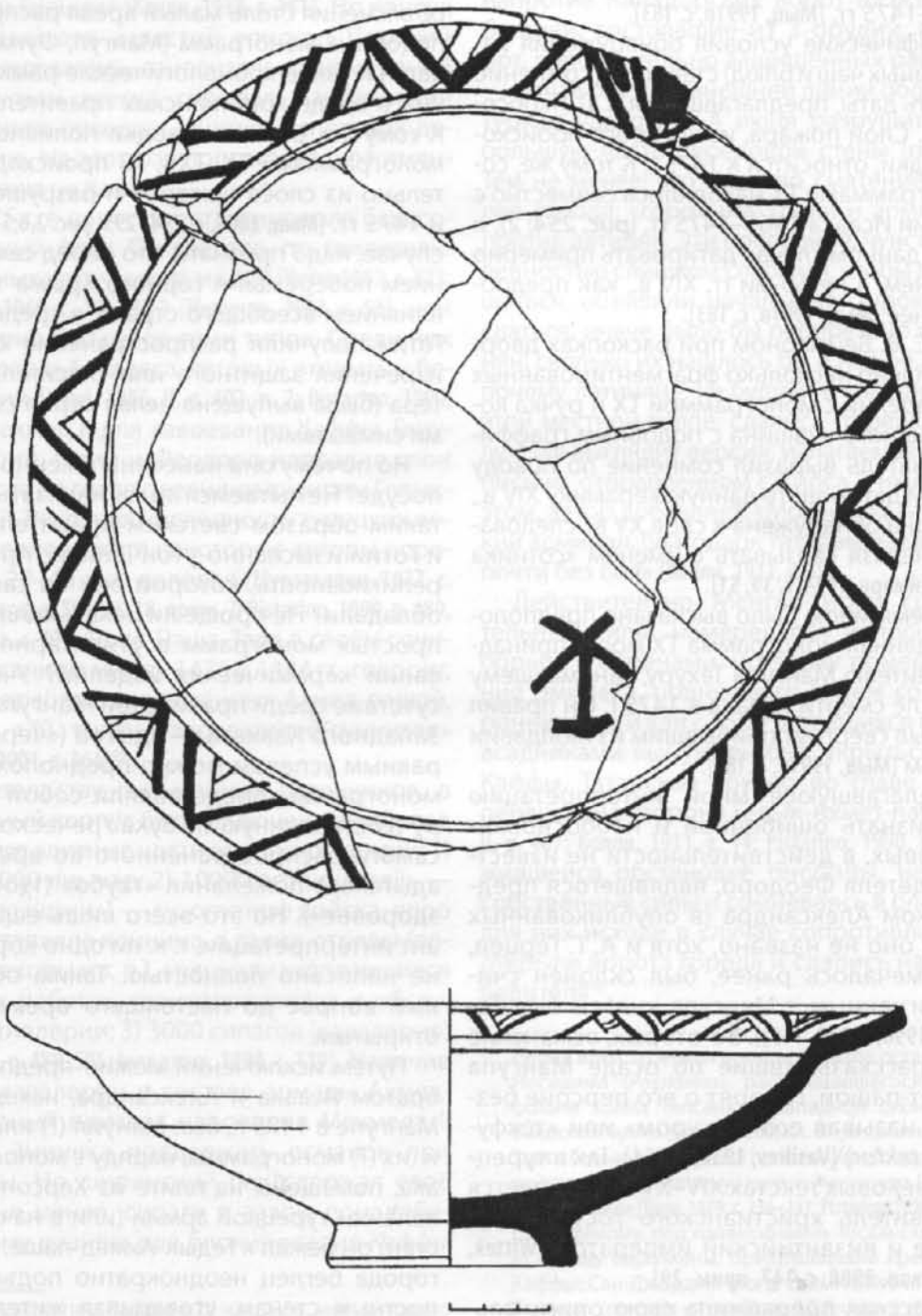


Рис. 272. Красноглиняное поливное блюдо из слоя пожара 1434 г. башни Барнабо
Грилло генуэзской крепости Чембало

Сосуды с монограммами ТХ или ХТ А. Л. Якобсон, а вслед за ним В. Н. Даниленко и А. И. Романчук, датировали XIV в., и раскрывали монограмму как имя «Хуйтани», известное по надписи 1361/62 г., обнаруженной при раскопках базилики Мангупа [Якобсон, 1953, с. 414; Даниленко, Романчук, 1966, с. 123, табл. 2,25–28,а,б]. Но есть веские основания считать, что поливная керамика из дворца не выходит за временные пределы его существования — 1425–1475 гг. [Мыц, 1991в, с. 183].

Стратиграфические условия обнаружения изделий (поливных чаш и блюд) ставят под сомнение правильность даты, предлагавшейся А. Л. Якобсоном, — XIV в. Слои пожара, из которого происходят эти находки, относятся к 1475 г. К тому же, сосуды с монограммами ТХ находились совместно с двумя чашами Исаака 1465–1475 гг. (рис. 254: 2), и их следует в данном случае датировать примерно этим временем, а не 60-ми гг. XIV в., как предполагалось ранее [Мыц, 1991в, с. 183].

В 1974 г. Е. В. Веймарном при раскопках дворца также найдено несколько фрагментированных поливных изделий с монограммой ТХ и ручка коричневоглиняного кувшина с подобным граффити. Исследователь выразил сомнение по поводу возможности датировать данную керамику XIV в., потому что она обнаружена в слое XV в., следовательно, её нельзя связывать с именем «сотника Хуйтани» [Веймарн, 1974, с. 39, 51].

В своё время мною было высказано предположение, что данная монограмма ТХ могла принадлежать правителю Мангупа Техуру, занимавшему престол после смерти Исаака в 1475 г. Он правил недолго и был свергнут прибывшим из Молдавии Александром [Мыц, 1991в, с. 183].

Но предлагавшуюся мной интерпретацию следует признать ошибочной и необоснованной. Во-первых, в действительности не известно имя владельца Феодоро, являвшегося предшественником Александра (в опубликованных источниках оно не названо, хотя и А. Г. Герцен, как уже отмечалось ранее, был склонен считать, что изгнанным с Мангупа князем был Техур [Герцен, 1990, с. 148, 149]). Во-вторых, османские историки, рассказывавшие об осаде Мангупа Гедык-Ахмет-пашой, говорят о его персоне безличностно, называя его «текуром» или «текфуром» (*tekur, tekfur*) [Vasiliev, 1936, p. 254]. Так в турецких средневековых текстах XIV–XV вв. именуется любой правитель христианского государства, в том числе и византийский император [Wittek, 1934, s. 39; Жуков, 1988, с. 147, прим. 29].

В. Н. Залеская предложила свою оригинальную трактовку смыслового содержания данной

группы монограмм. По её мнению, литеры ТХ могли содержать не только имя одного из местных правителей, но и христианские изречения типа: Χ[ριστός] Τ[ρόπαιον] или Τ[εἶχος], т. е. «Христос — победное знамя» или «твердыня», а в сочетании ТХВ — Χ[ριστός] Τ[ρόπαιον] или Τ[εἶχος] Β[οήθει] — «Христос — победное знамя (твердыня), помоги» [Залеская, 1993, с. 374].

Однако при такой интерпретации остаётся без объяснения столь малый ареал распространения подобных монограмм (Мангуп, Фуна, Луста, Чембало) и узкие хронологические рамки их бытования в среде христианских правителей Феодоро. К тому же, все эти находки поливных изделий с монограммами ТХ, ТХВ, ТВ происходят исключительно из слоёв пожаров и разрушений 1434 (?) и 1475 гг. [Мыц, 2005, с. 294–295, рис. 2,6;5–7;9]. В таком случае, надо признать, что перед самым завоеванием побережья и горного Крыма турками, под влиянием всеобщего страха, в среде владельцев Готии получили распространение христианские изречения защитного или спасительного характера (была выпущена целая серия сосудов с этими символами).

Но почему они нанесены именно на столовой посуде? Не пытаемся ли мы навязать (приписать) таким образом светским правителям Феодоро и Готии изысканно-утончённую, просвещённую религиозность, которой они на самом деле не обладали? Не проще ли искать объяснение этих простых монограмм в утилитарном использовании керамических изделий? Учитывая присутствие среди правителей Мангупа выходцев с Западного Кавказа — адыгов («черкессов») — с равным успехом можно предположить, что эти монограммы представляли собой аббревиатуру (составленную из букв греческого алфавита) самого распространённого во время застолий адыгского пожелания «тхубо» (τχουβω, т. е. «на здоровье»). Но это всего лишь ещё один вариант интерпретации, т. к. ни одно короткое слово не написано полностью. Таким образом, данный вопрос до настоящего времени остаётся открытым.

Путём исключений можно предположить, что братом Исаака и Александра, находившимся на Мангупе в 1475 г., был Мануил (?) или Макарий (?) и (их ?) монограммы, наряду с монограммой Исаака, помещены на плите из Херсонеса). При появлении турецкой армии (или в начале обстрела стен) он бежал к Гедык-Ахмед-паше. В ходе осады города беглец неоднократно подъезжал к крепостным стенам, уговаривая жителей Феодоро сдаться, но все его усилия были напрасны [Vasiliev, 1936, p. 256–257; Герцен, 1990, с. 148; Хайбуллаева, 2001, с. 365]. После захвата Мангупа ему пришлось разделить судьбу побеждённых. Как и Александра, его доставили в Константинополь, где он находился в тюрьме с другими господами из Готии, и был казнён весной 1476 г.

обороной Чембало руководил средний сын Алексея I (Старшего) Олобо, находившийся здесь со своими приближёнными (примерно 70 человек). Единственное замечание: теперь сосуды с подобными монограммами следует датировать не 60–70-ми, а 30–70-ми гг. XV в. [Адаксина, Кирилло, Мыц, 2003, с. 55–56].

5.2.2. «Каффинская война» (Guerra di Chaffa) 1475 г.

В приписке к своему посланию протекторам Банка 15 сентября 1474 г. консул Антониотто ди Кабелла сообщал, что по информации, полученной от греческого епископа⁴⁴, прибывшего из Перы, «мы можем пока быть спокойны насчёт нападения на нас турок. Они на будущий год готовят страшное вооружение, намереваясь напасть на южные части Греции» [Колли, 1918, с. 151]. Но консул и доставивший это известие епископ Пахомий глубоко заблуждались относительно намерений османов. Султан всегда скрывал направление планирующихся походов, широко используя дезинформацию. На этот раз подготовка шла именно к нападению на Каффу.

В мае 1475 г. в порту Константинополя был собран огромный флот. Он состоял, по свидетельству различных источников, из 300 [Nešri, 1957, s. 823; Заинчковский, 1969, с. 14], 370 [Новичев, 1963, с. 53], или даже примерно 500 судов семи типов. Среди них было 208 галер и 4 галеаса, готовых отплыть к берегам Газарии [Heyd, 1886, II, p. 402, n. 2; Pistarino, 1990, p. 489, 493]. Мехмед II для завоевания Каффы, Генуэзской Газарии, Готии и Феодоро направил свои лучшие войска во главе с великим визирем Гедык-Ахмет-пашой. Реальная численность турецких войск не установлена, хотя некоторые авторы определяют её в 20–40 тыс. человек [Мурзакевич, 1837, с. 77; Бертъе-Делагард, 1918, с. 18, прим. 2; Pistarino, 1990, p. 489, 505; Мыц, 1991а, с. 79]. Ашик-Паша-Заде в своём сочинении, написанном между 1476 и 1484 гг., говорит, что на 300 кораблях, снаряжённых Ахмед-пашой, находилось «70 тысяч завоевателей-суннитов» [Хайбуллаева, 2001, с. 364]⁴⁵.

По свидетельству письменных источников, в экспедиционный корпус были включены наиболее боеспособные элитные части османской армии: 1) примерно 6000 янычар; 2) 10000 асали («*asali*» — «азабы» и «акынджи») — сухопутные войска, ядро которых составляла конница, а также отряды (войнуки, джерехоры и т. п.), специализировавшиеся на сапёрных работах, транспортировке и обслуживании артиллерии; 3) 3000 сипагов (кавалерия) [Pistarino, 1990, p. 489, 505; Иналджик, 1998, с. 119]. Наличие султанской кавалерии в составе армады Ахмед-паши — верный признак недоверия Мехмеда II обещаниям Эминека поддержать османов при осаде Каффы. Но ширинский бек сдержал своё слово. Тем не менее, сипаги и азапы понадобились великому визирю для блокирования Каффы

с суши и в ходе трудной военной кампании по завоеванию Готии.

31 мая флот османов подошёл к Каффе⁴⁶, и на следующий день высадившееся на побережье, у церкви Успения Богородицы (*St. Maria de mezo avosto*) [Atti, 1879, VII, p. 242], войско приступило к осаде Каффы. Доставив к городу 14 осадных орудий (*bocche di bombarde*), они возвели три земляных укрепления, установив батарею из 4 орудий напротив Кайадорских ворот (*acciadori*) и две батареи, состоявшие из 3 орудий, напротив ворот, дополнительно защищённых рavelинами⁴⁷.

Начав обстрел внешней линии обороны 2 июня, туркам удалось к 4 июня разрушить только небольшую часть передовой стены (протейхизмы). Тем не менее, это вызвало смятение среди жителей города: «горожане, греки и армяне, восстали против латинян. Эти последние, чувствуя себя численностью слишком слабыми, чтобы дольше защищаться, объявили начальнику турок, что желают сдаться, иначе было бы перерезано столько латинян, сколько их нашлось бы в Каффе. Вот причина, почему латиняне, не будучи в силе противостоять этой местной толпе, сдались [турецкому] адмиралу». Так выглядит версия, излагаемая в анонимном письме, отправленном с Хиоса 8 июля 1475 г. При этом, автор добавляет: «Можно сказать, что турецкий адмирал, благодаря татарам, завладел Каффой почти без боя» [Колли, 1911, с. 15].

Действительно, Менгли-Гирей, собрав значительные силы, намеревался использовать их в борьбе с османами, но этому помешало появление Эминека, поднявшего мятеж со своими сторонниками, и хан с 1500 оставшихся верными ему всадниками вынужден был укрыться за стенами Каффы. Татарское войско во главе с Эминекком перешло на сторону Гедык-Ахмет-паши [Heyd, 1886, II, p. 407; Колли, 1911, с. 14; Pistarino, 1990, p. 491]. В сложившейся обстановке генуэзцы, не надеясь на собственные силы и сомневаясь в благоприятном для них исходе в случае сопротивления, 6 июня открыли ворота города и сдались на милость победителя⁴⁸.

⁴⁴ Греческим епископом Каффы в 70-х гг. XV в., имя которого не упоминает в своём письме консул Антониотто ди Капелла, был Пахомий (*domini Pachumij epuscopi grecorum*) [Atti, 1874, VI, p. 653, doc. DCCCLXXXIV, 1470, 16 februario].

⁴⁵ По подсчётам И. Х. Узунчаршилы, в первой половине XV в. османская армия насчитывала более 150 тыс. человек: янычары — 12 тыс., султанская гвардия — 8 тыс., азабы — 30 тыс., акынджи — 40 тыс., отряды тимариотов — 60 тыс. человек [Шамсутдинов, 1986, с. 38].

⁴⁶ Перед этим турецкая армада сделала остановку у селения Посидима (*Possidima*), располагавшегося на восточном склоне холма Тенсень, у западной оконечности Коктебельской бухты [Бочаров, 2001а, с. 89], в семи милях от Каффы. Здесь Гедык-Ахмет-паша провёл переговоры о совместных действиях против генуэзцев с Эминекком (?) или его представителями [Брун, 1879, с. 236–237; Pistarino, 1990, p. 514].

⁴⁷ По-видимому, под «рavelинами» Тосканский Аноним имеет в виду барбаканы, прикрывавшие крепостные ворота Каффы: Сан-Джорджо (*porte et al rivellino di S. Giorgio*) и Сан-Теодоро (*porta et al rivellino di S. Teodoro*) [Atti, 1879, VII, p. 242; Vigna, 1879, II, p. 164; Pistarino, 1990, p. 514]. Оставшиеся 4 бомбарды, вероятно, составляли необходимый при осаде резерв.

⁴⁸ В своей хронике Ашик-Паша-Заде излагает официальную версию завоевания Каффы турками, бытовавшую в последний период правления Мехмеда II (1476–1481 гг.): «Неверные поняли намерение завоевателей — взять город, разрушить его и потребовать выполнения их требований и на это всё у них хватило бы сил. Неверные, поняв намерение

Была ли Каффа к моменту появления турецкой эскадры готова к длительной обороне, и в чём причины столь быстрого её завоевания? На протяжении многих лет исследователи, неоднократно обращаясь к этой теме, в основном касались морально-этической и психологической стороны вопроса. В качестве основной причины они указывали на предательство и трусость как самих жителей города, так и генуэзских официалов [Vigna, 1879, VII, p. 164; Heyd, 1886, II, p. 401; Колли, 1911, с. 3–8; Бертье-Делагард, 1918, с. 18]. При этом в качестве оправдания стремительного падения Каффы также высказывалось мнение о слабости её обороны [Heyd, 1886, II, p. 402], ввиду значительного недостатка и даже неумения обращаться с огнестрельным оружием [Бертье-Делагард, 1918, с. 18]. С подобными заключениями, хотя и высказанными давно, но имеющими своих сторонников и в наше время, трудно согласиться. Каффа была наиболее сильной в Причерноморье крепостью [Бочаров, 1998, с. 86–96, рис. 1–20].

В своей основе крепостной ансамбль Каффы сформировался в течение 40–80-х гг. XIV в., в период наибольшей напряженности татаро-генуэзских политических отношений, неоднократно приводивших к военным конфликтам. Учитывая опыт поражения в войне с ханом Токтой (1307–1308 гг.), Республика св. Георгия в 1340 г. приступает к строительству каменных оборонительных стен цитадели (*castrum*), завершённого в консулат Готифредо ди Дзоальи (1352 г.) [Skrzinska, 1928, p. 38–39; Balard, Veinstein, 1981, p. 87].

Новая крепость располагалась на холме, занимающая территорию площадью около 11,4 га, с периметром фортификационных сооружений в 1440 м. На наиболее опасных участках обороны 15 куртин и 5 ворот фланкировались и прикрывались 16 башнями [Бочаров, 1998, с. 86–89] (рис. 273–303). Даже незавершённое строитель-

исламистов, собрались вокруг своего правителя. „Что вы будете делать с этими турками?“ — спросили они. Правитель: „А что вы предложите?“ Они: „Пока не взяли насильно, давайте отдадим по-мирному. Мы не можем сохранить эту крепость — отдадим по-хорошему“. Правитель: „Почему вы так считаете?“ Неверные: „Потому что если турки захватят крепость силой, нас повергнут, большинство возьмут в плен, а наше имущество конфискуют и опустошат наш город. Поэтому давайте отдадим с лёгкостью, чтобы нас всех не взяли в плен. Тот падишах, который послал турков, каждую завоёванную страну благоустроил. Завоевав, не уничтожил“. Правитель: „Я буду с вами до последней минуты. Что бы вы не предложили, я сопротивляться не буду“. Сразу же на третий день попросили о пощаде. Ахмед Паша их простил. На пятый день ворота крепости были открыты. Крепость была завоёвана. Флаг падишаха был внесён в крепость» [Хайбуллаева, 2001, с. 364]. Как видим, здесь ни словом не упоминается о каком-либо участии татар во главе с Эминеком в завоевании Каффы. Но при этом весьма чётко определена позиция горожан и слабование «правителя неверных» — Антониотто ди Кабелла (?), который «пришёл к Ахмед Паше, тот его схватил и конфисковал казну» [Хайбуллаева, 2001, с. 364].

ство позволило генуэзцам в 1344 и 1346 гг. выдержать две осады войск хана Джанибека. Цитадель Каффы оказалась недоступной для татар и во время вооружённого конфликта генуэзцев с правителем Солхата Кутлук-Тимуром в 1365 г. [Мыц, 2004, с. 319]. К 80-м гг. XIV в. население города настолько увеличилось, что уже не могло укрыться за стенами Каструма. Поэтому в преддверии очередной Солхатской войны 1385–1386 гг. [Basso, 1991, p. 12], когда консулами Каффы были Якопо Спинола (1383 г.), Пьетро Казано (1384 г.) и Бенедетто Гримальди (1385 г.), возводится внешний периметр обороны города [Balard, 1979, p. 207].

Площадь дополнительно укрепленной территории составила около 82 га, а протяжённость фортификационных сооружений (включая 600 м приморского участка цитадели) достигла 5240 м. Укрепления опоясывают Каффу с суши на 3170 м, а со стороны моря — на 2070 м (рис. 304) [Бочаров, 1998, с. 91, рис. 20]. Новое кольцо куртин с 34 башнями (рис. 305–312) и 5 воротами с напольной стороны дополнительно прикрывалось передовой стеной (протейхизмой), 24 барбаканами и рвом протяжённостью 3200 м, ширина которого составляла 11–19 м при глубине 4–7 м. Откосы рва облицовывались камнем [Бочаров, 1998, с. 89–96].

Созданная генуэзцами к середине 80-х гг. XIV в. система обороны города Каффы в дальнейшем совершенствовалась. Об этом свидетельствуют материалы нарративных источников и несколько закладных плит, самые поздние из которых датированы 1474 г. [Skrzinska, 1928, p. 71–73]. К моменту появления в 1475 г. у стен города турецкой армады Каффа обладала самыми мощными в Причерноморье фортификационными сооружениями [Бочаров, 1998, с. 96, рис. 1–20].

На проведение таких широкомасштабных строительных работ необходимы были значительные средства, а для защиты крепости — многочисленное местное ополчение, делившееся на «десятки» и «сотни». Протяжённость внешнего крепостного периметра и его сложная структура (наличие башен, ворот, барбаканов, протейхизмы) косвенно указывают на необходимую численность защитников (по установленной норме — 1 м на человека [Военный лексикон, 1838, II, с. 512]). Она должна была составлять примерно 5240 защитников для первой линии обороны и 840 для второй (цитадели), т. е. всего около 6000.

Теоретически, принимая в расчет наиболее реальную оценку численности городской семьи в 5–6 человек [Авербух, 1967, с. 134; Литаврин, 1976, с. 29; Романчук, 1986, с. 184–185] и её потенциальной возможности выставить для ополчения хотя бы одного владеющего оружием человека, получим примерную численность жителей Каффы 80-х гг. XIV в. — 30–36 тыс. человек.

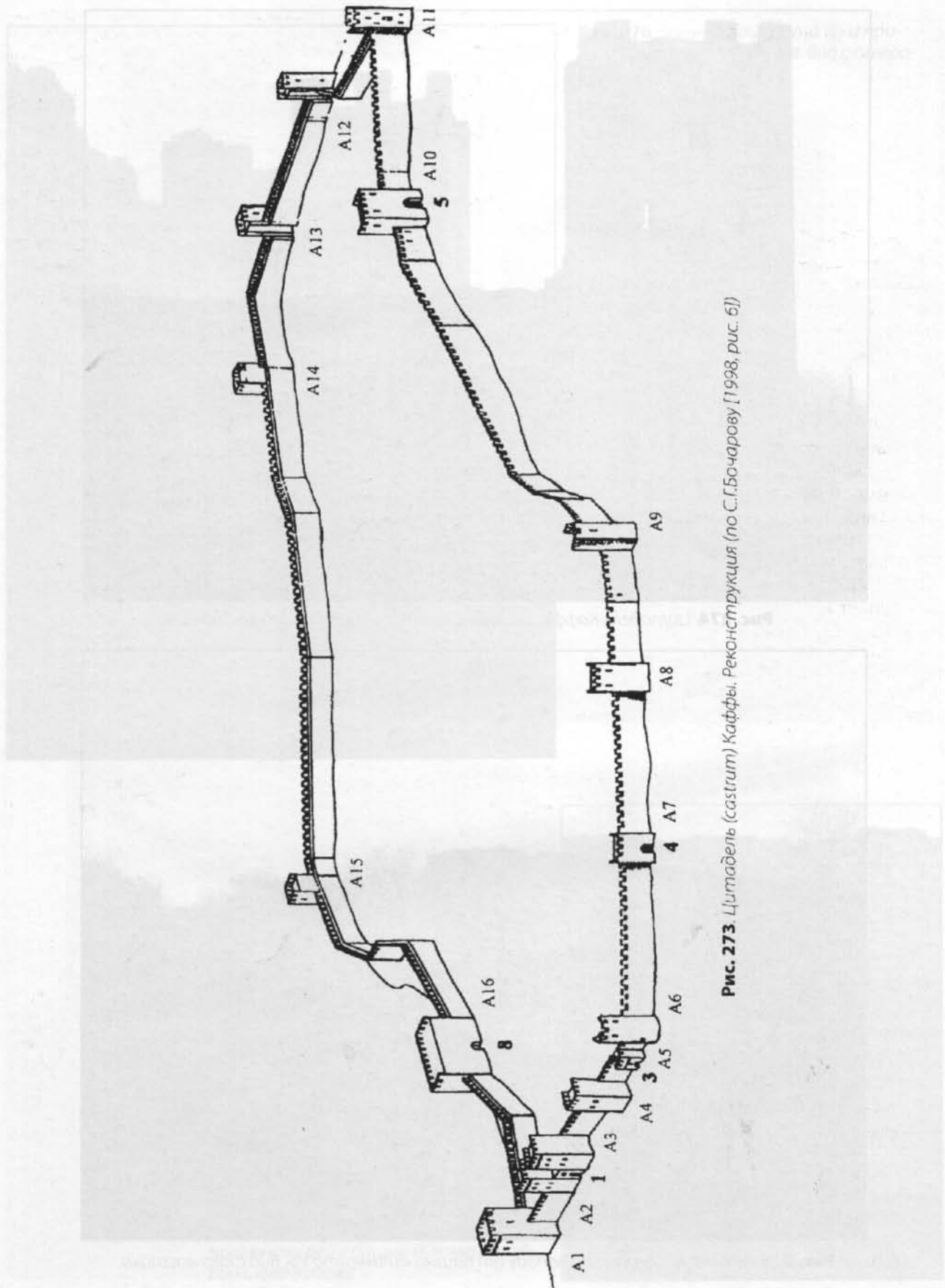


Рис. 273. Цитадель (castrum) Каффы. Реконструкция (по С.Г.Бочарову [1998, рис. 6])

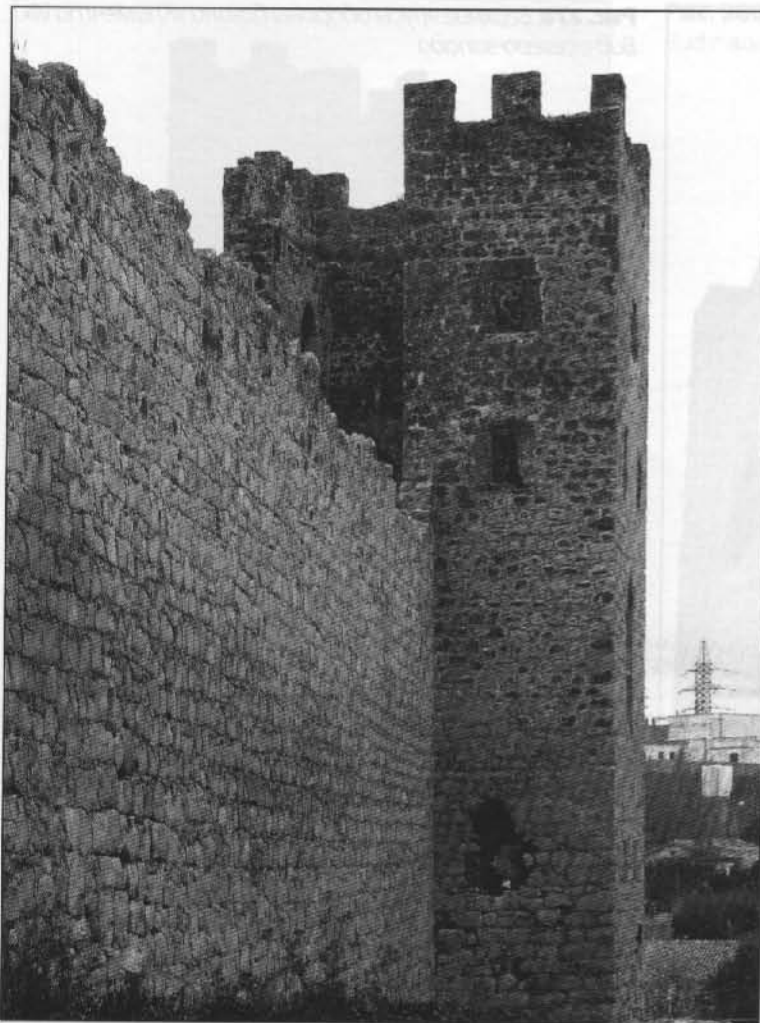


Рис. 276. Башня «Климента VI» и примыкающая к ней куртина. Вид с северо-запада



Рис. 277. Деталь кладки куртины, примыкающей к башне «Климента VI». Вид с юго-запада

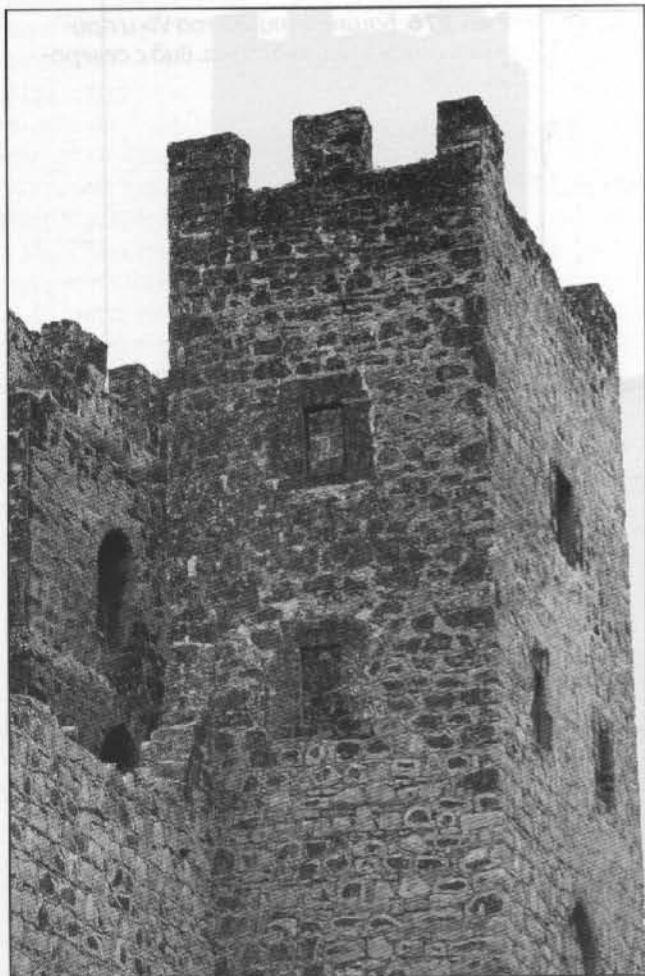


Рис. 278. Верхние ярусы обороны башни «Климента VI». Вид с северо-запада

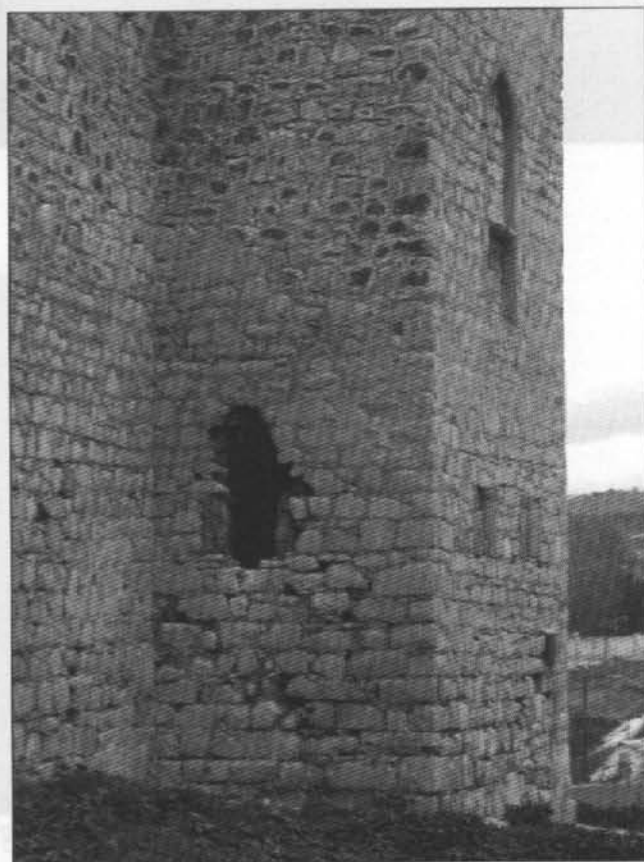


Рис. 279. Нижний ярус обороны башни «Климента VI». Вид с северо-запада



Рис. 280. Башня «Климента VI» цитадели Каффы.
Вид с востока

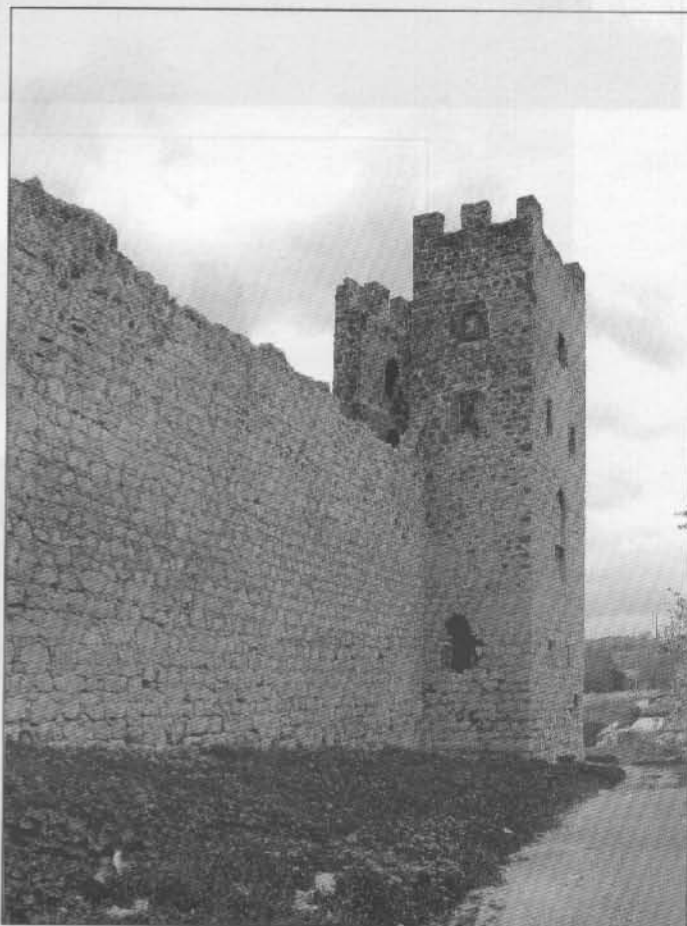


Рис. 281. Башня «Климента VI» цитадели Каффы.
Вид с северо-запада

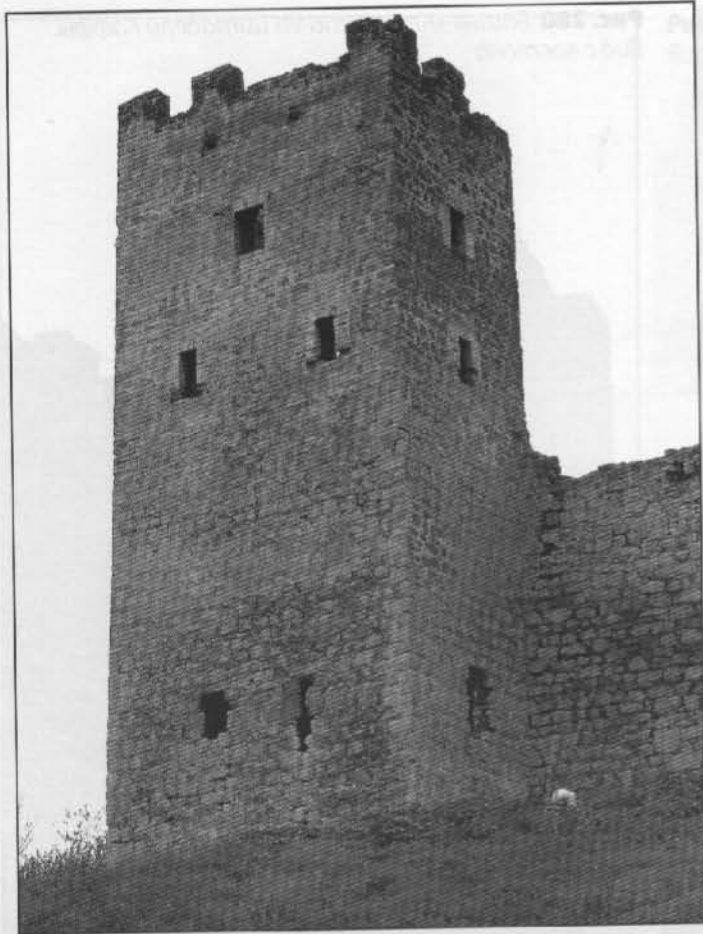


Рис. 282. Башня «Климента VI» цитадели Каффы.
Вид с юго-востока



Рис. 283. Верхний ярус обороны башни «Климента VI». Вид с севера и изнутри





Рис. 284. Цитадель Каффы. Башни «Климента VI» и Криско. Вид с востока



Рис. 285. Башня Криско цитадели Каффы и примыкающая к ней куртина. Вид с юго-востока

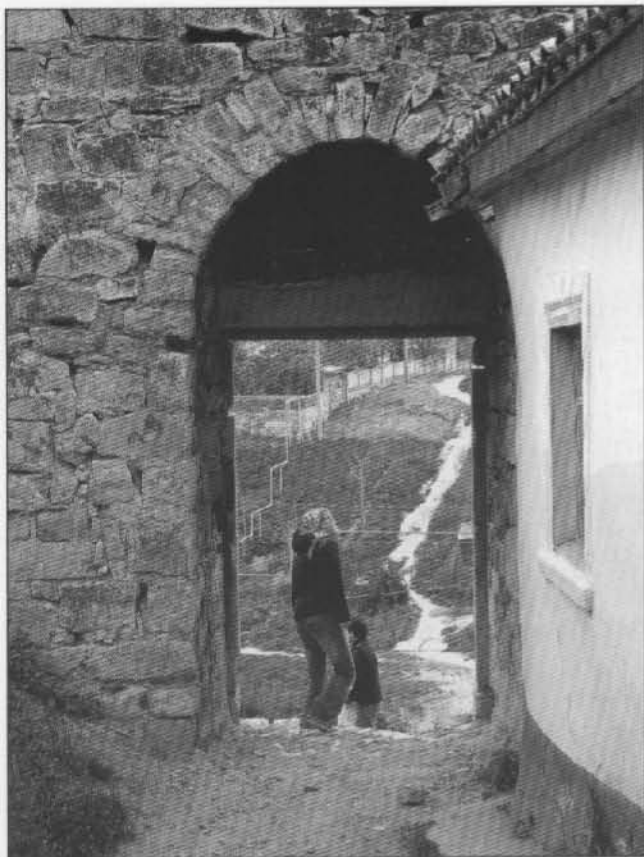


Рис. 286. Калитка (потерна) в куртине у башни «Климента VI». Вид с северо-запада и изнутри

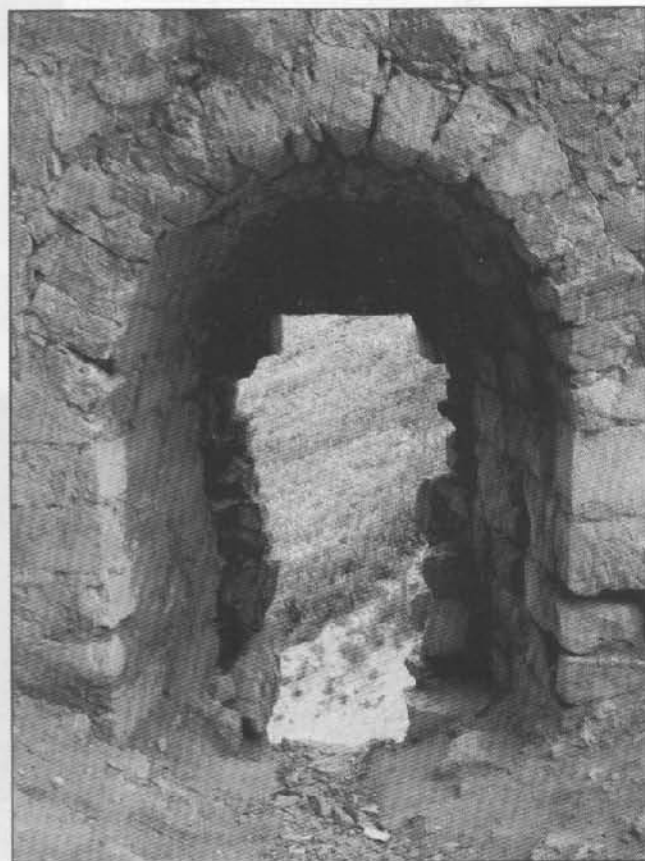


Рис. 287. Амбразура «подножного боя» в юго-западной стене башни Криско

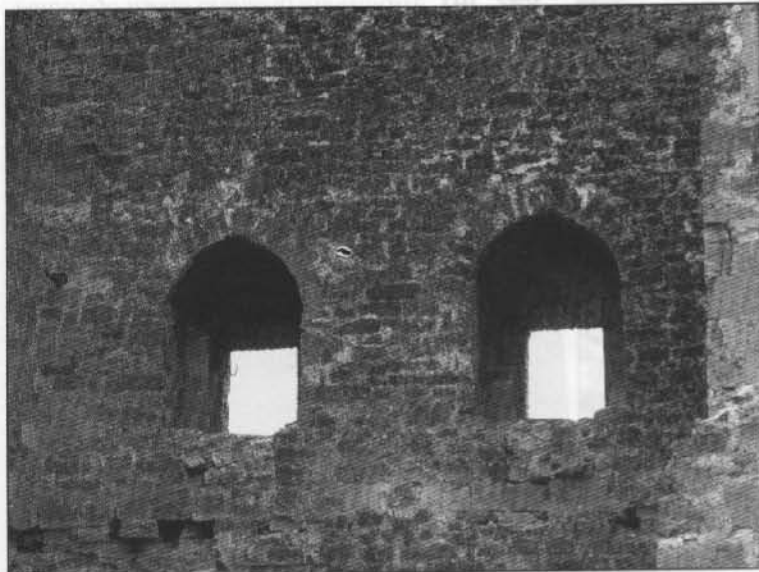


Рис. 288. Амбразуры второго яруса обороны в юго-восточной стене башни Криско. Вид с северо-запада и изнутри



Рис. 289. Амбразура второго яруса обороны в юго-восточной стене башни Криско. Вид с северо-запада и изнутри



Рис. 290. Амбразура второго яруса обороны северо-восточной стены башни Криско. Вид с юго-запада и изнутри



Рис. 291. Амбразура нижнего яруса обороны в северо-восточной стене башни Криско. Вид с юго-запада и изнутри



Рис. 292. Амбразура нижнего яруса обороны в северо-восточной стене башни Криско. Вид с северо-запада и изнутри

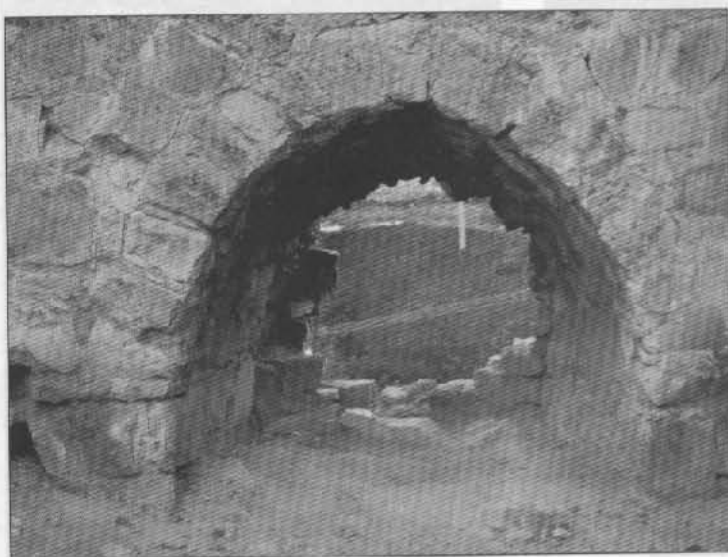


Рис. 293. Бойница нижнего яруса обороны в юго-восточной стене башни Криско. Вид с северо-запада и изнутри



Рис. 294. Башня Криско цитадели Каффы. Вид с юга

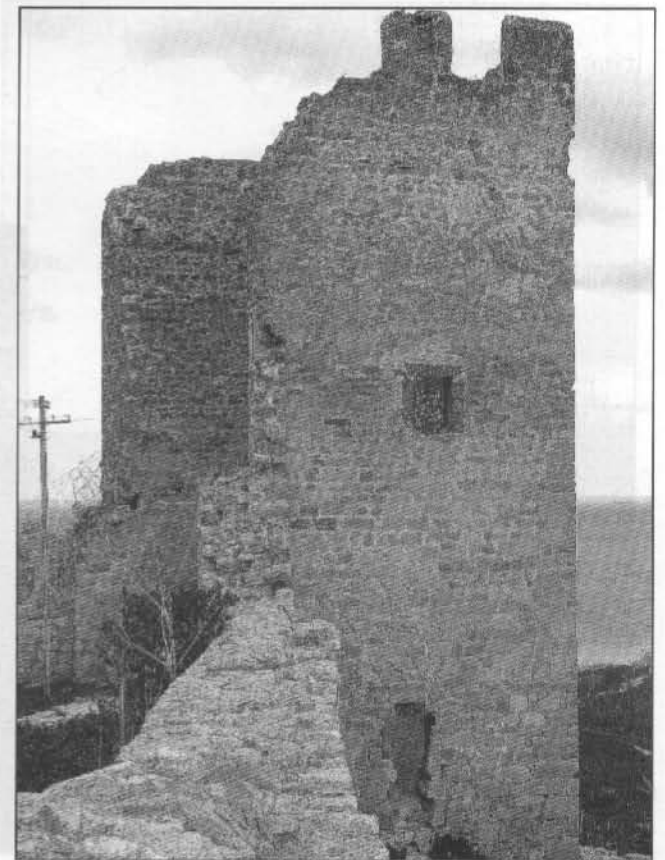


Рис. 295. Башня Криско цитадели Каффы. Вид с запада



Рис. 296. Руины Часовой башни – ворот Христа ↑
цитадели Каффы. Вид с юго-запада

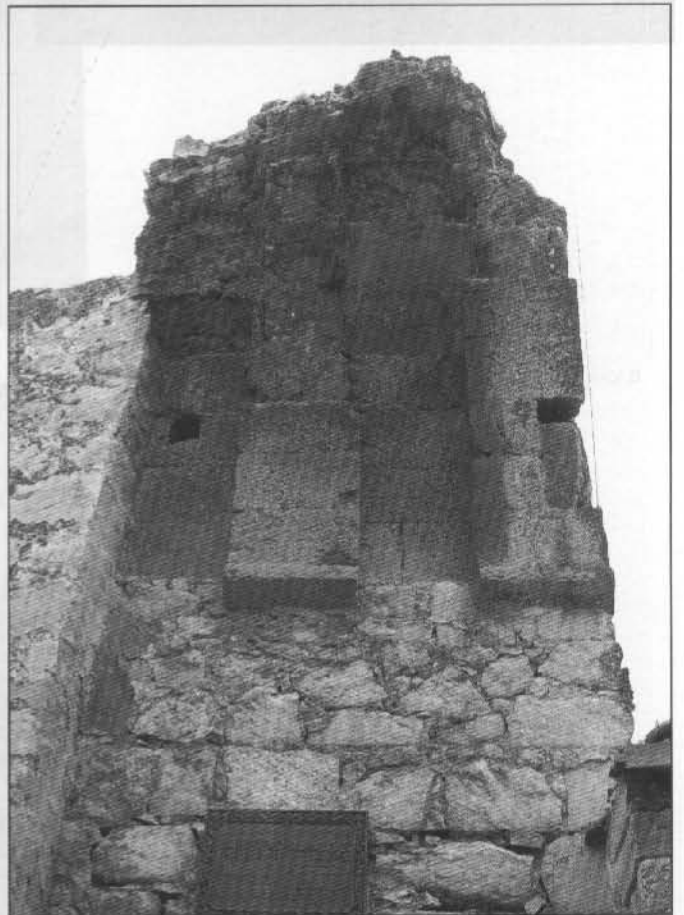


Рис. 297. Руины ворот Христа. Северная часть.
Вид с юга →



Рис. 298. Остатки северного откоса ворот Христа цитадели Каффы. Вид с юго-запада

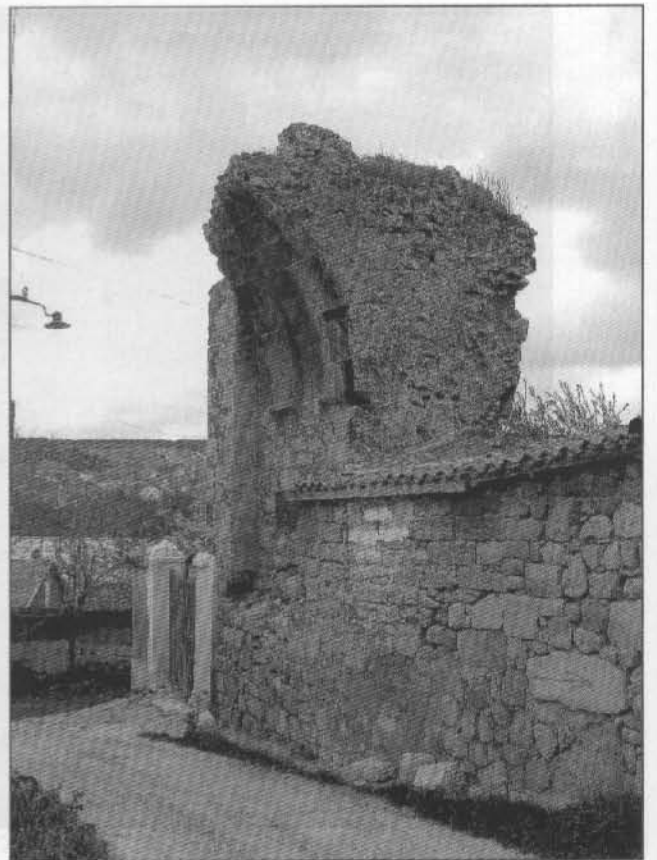


Рис. 299. Руины ворот Христа цитадели Каффы. Вид изнутри и с востока



Рис. 294
Каффа

Рис. 300. Доковая башня. Вид с северо-запада

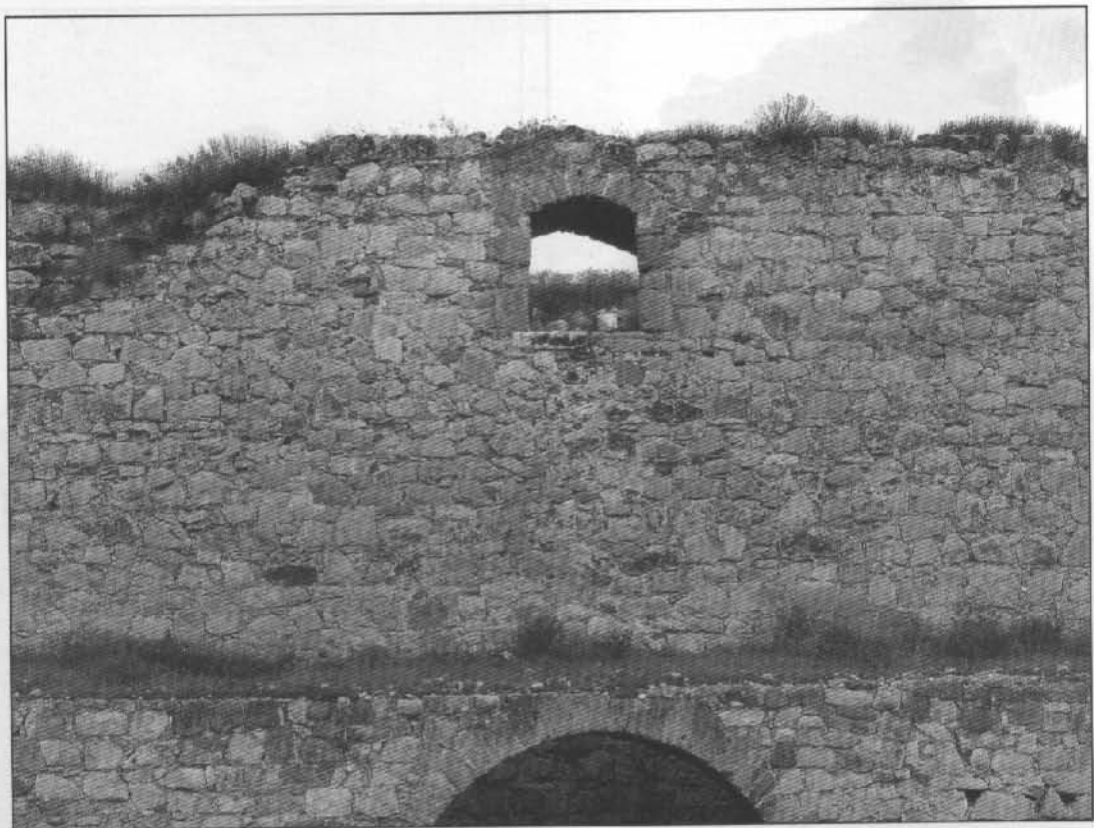


Рис. 301. Верхний ярус Доковой башни Каффы. Вид с северо-запада



Рис. 302. Окно в западной стене верхнего яруса Доковой башни. Вид с северо-запада



Рис. 303. Ворота Доковой башни. Вид с северо-запада

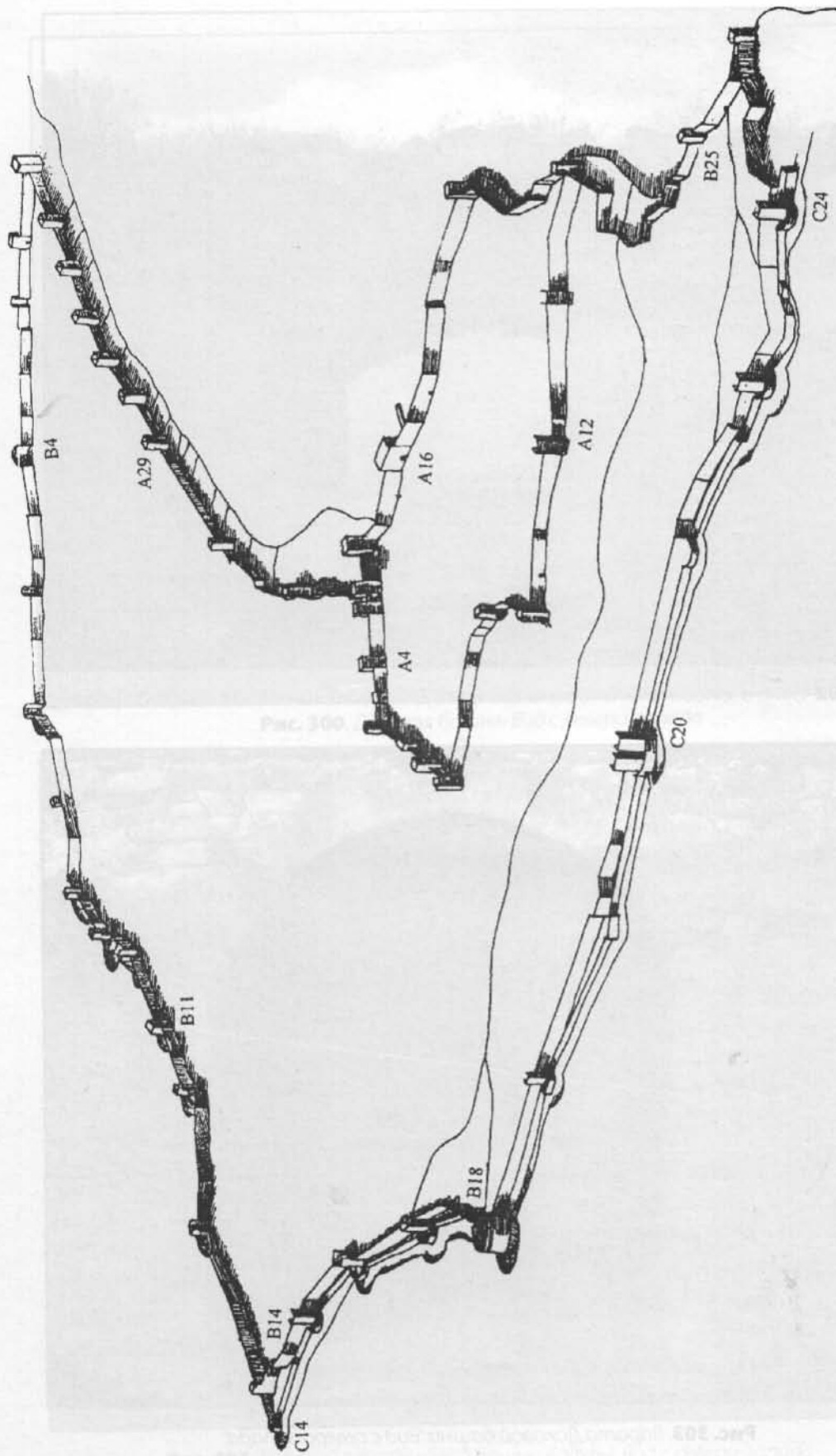


Рис. 304: Оборонительные сооружения Кафесы 40-х гг. XIV – 70-х гг. XV в. Реконструкция (по С.Г.Бочарову [1998, рис. 20])



Рис. 305. Башня св. Константина. Вид с севера



Рис. 306. Кронштейны от машикули и заклад входа на северном фасаде башни св. Константина. Вид с севера

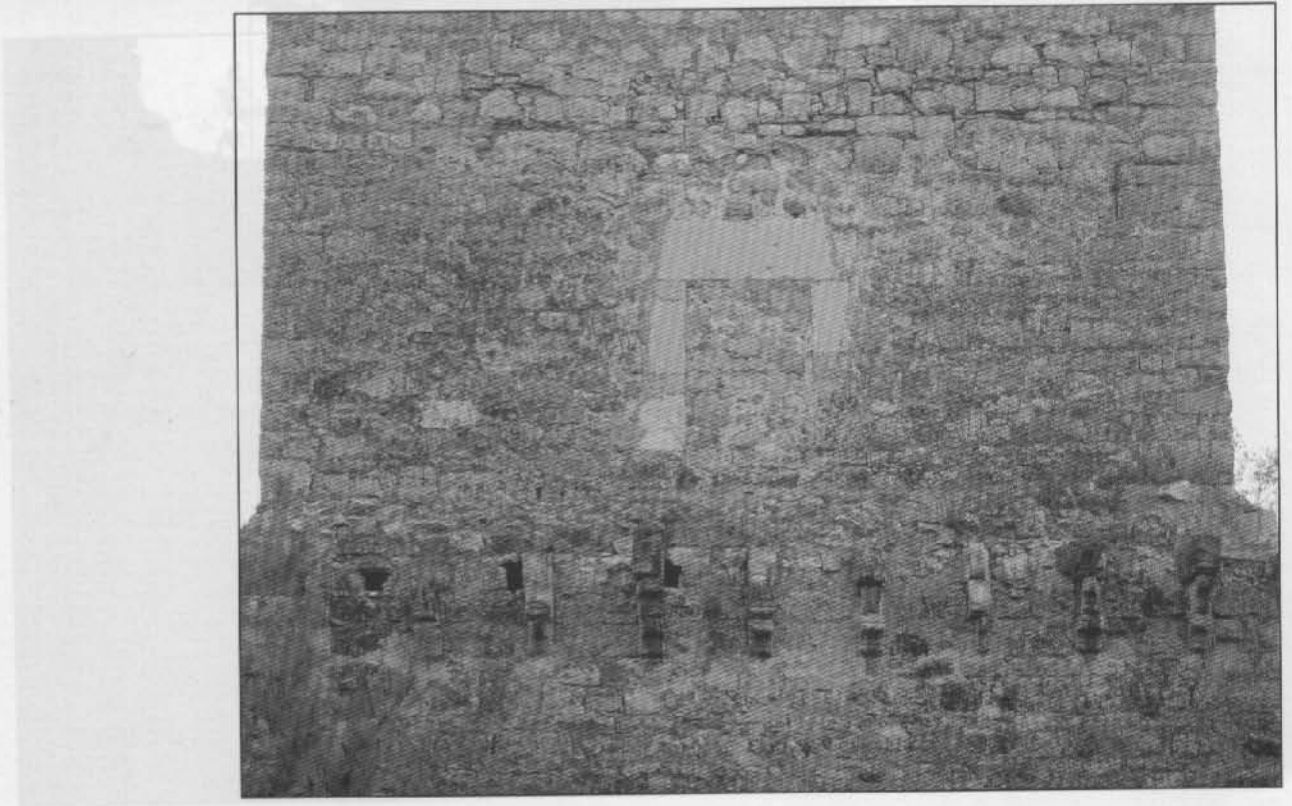




Рис. 307. Башня св. Константина.
Вид изнутри и с юга



Рис. 308. Вид изнутри на заклад входа ↓

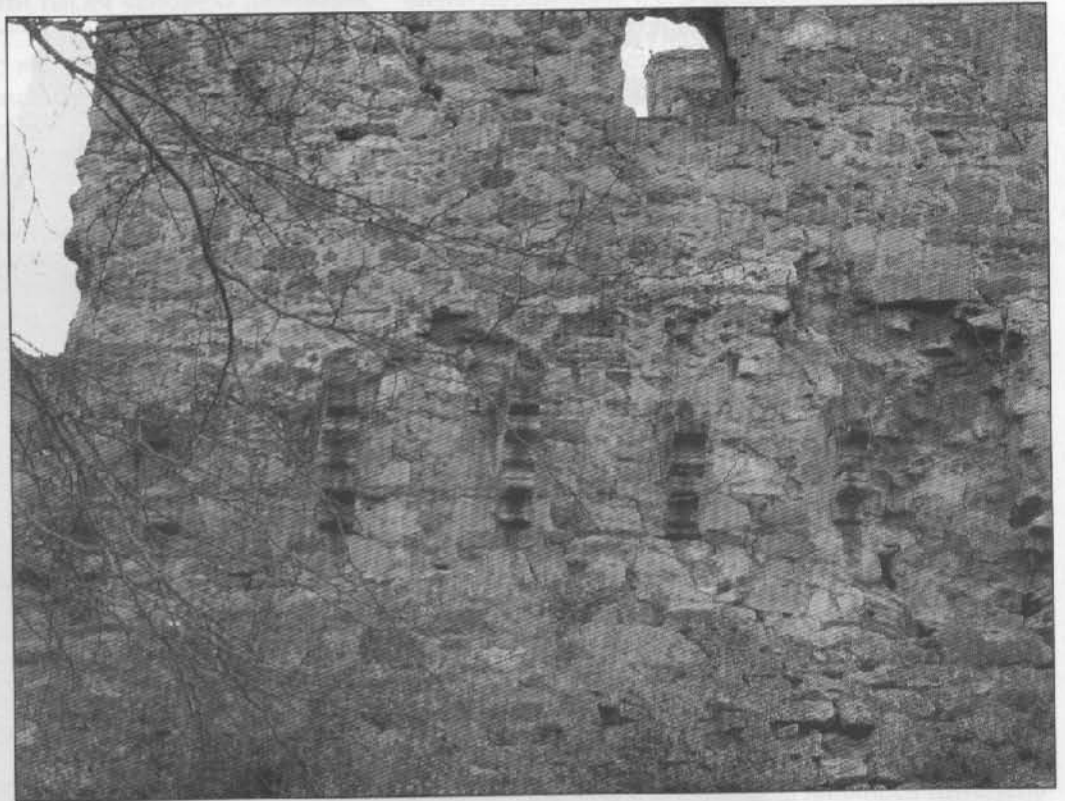




Рис. 309. Башня св. Константина.
Вид с востока



Рис. 310. Деталь восточного фасада
с кронштейнами для машикулей баш-
ни св. Константина ↓



наличием восточного фасада по величине сторо-

жины и материала, зрительно указывая на близость данной сторо-



Рис. 311. Западный фасад башни св. Константина



Рис. 312. Деталь западного фасада башни св. Константина, где размещалась закладная плита



Учитывая естественный прирост населения (примерно 0,1% в год [Пономарёв, 2000, с. 393]), к моменту турецкого завоевания оно могло возрасти на 3–5 тыс. за счёт уплотнения внутренней застройки бургов и расширения антибургов, и достигнуть 33–40 тыс. Но, по всей видимости, этого не произошло ввиду неблагоприятной торговой конъюнктуры и внешнеполитической обстановки 50–70-х гг. XV в., вызвавшей отток жителей Каффы (как латинян, так и представителей других этносов). По-видимому, с большим основанием можно говорить о стагнации демографических процессов в генуэзской фактории этого времени.

Проведённые расчёты дают средний показатель из предлагавшихся ранее различными исследователями, которые определяли население Каффы XV в. в пределах от 10 до 70 тыс. [Heyd, 1886, II, p. 174; Якобсон, 1973, с. 110–114; Arlandi, 1974, p. 12; Balard, 1988, p. 68–70; Pistarino, 1990, p. 484–485; Еманов, 1993, с. 271–272; Карпов, 2000, с. 207]. По сведениям турецких дефтеров XVI в., количество «очагов» (т. е. городских домов Кефе), облагаемых налогами, достигало 6 тыс., что из расчёта 5 человек на одно хозяйство даёт численность населения города XVI–XVII вв. не менее 30 тыс. человек [Balard, 1988, p. 68; Еманов, 1993, с. 271].

В связи с этим вызывают недоумение предложенные А. Л. Пономарёвым демографические подсчёты, позволившие ему прийти к заключению о том, что население Каффы периода её расцвета (80-е гг. XIV в.) «не превосходило девяти тысяч человек», а «к турецкому завоеванию город не достиг бы и восьми тысяч человек» [Пономарёв, 2000, с. 391, 393].

Возникает вопрос: как можно было обеспечить с помощью всего мужского населения (2130 человек, по А. Л. Пономарёву [Пономарёв, 2000, с. 391]) защиту оборонительных рубежей Каффы протяжённостью более 9000 м? Согласно установленным канонам средневекового военного искусства, никак, потому что оставались «обезлюдёнными» крепостные башни, барбаканы и передовая оборонительная линия (протейхизма).

В таком случае, предложенная А. Л. Пономарёвым логика историко-демографических построений превращает генуэзцев–прагматиков, известных своим меркантилизмом, — в наивных романтиков. А возведённые ими весьма дорогостоящие оборонительные сооружения, выходит, представляли собой фортификационные декорации, рассчитанные к тому же и на использование огнестрельной артиллерии. При этом они продолжали на протяжении нескольких десятков лет неустанно заботиться об их хорошем состоянии на случай войны с татарами и турками.

Не более обоснованы сомнительные демографические реконструкции А. Л. Пономарёва, касающиеся других городов Газарии. Например, численность населения второго по величине города Крыма — Солхата — он определяет в 3500 жи-

телей (М. Г. Крамаровский полагает, что эта цифра могла достигать 10–11 тыс. [Крамаровский, 1989, с. 144]), Судака и Мангула — 1700–2300, Ялиты, Чембало, Херсона — от 1000 до 1400 [Пономарёв, 2000, с. 392].

Создаётся впечатление, что исследователь оперирует историческими свидетельствами, относящимися только к периоду 1346–1348 гг., когда полуостров был охвачен эпидемией чумы. Но изучение фортификационных сооружений средневековых городов Таврики как раз говорит об обратном. Иначе трудно понять, кто и зачем возводил мощные куртины и башни, спасавшие на протяжении длительного времени их население от нападений кочевников, если их некому было защищать. Тем более что А. Л. Пономарёв не приводит каких-либо данных, на которых основываются эти расчёты. Совершенно очевидно, что в каждом случае, связанном с решением демографической проблемы, следует искать конкретный подход, используя комплекс источников, в том числе и результаты археологических исследований населённых пунктов.

В качестве примера можно привести материалы, полученные в ходе раскопок генуэзской Лусты. За время изучения этого памятника была открыта территория в 3600 кв. м, что составляет около 36% всей его площади, защищённой внешним периметром обороны. При этом оказалось, что 70% было занято жилыми и хозяйственными строениями (обнаружено 36 домов, представлявших 2–4-х камерные здания площадью 50–90 кв. м с небольшими двориками, т. е. в среднем на каждую городскую усадьбу приходится 70 кв. м), в то время как остальную площадь (30%) занимали улицы, проулки (ширина 1,10–2,20 м), две церкви и расположенные рядом с ними небольшие некрополи, которые продолжали использовать и в XV в.

Если предположить, что оставшаяся не изученной внутригородская застройка Лусты сохраняла в конце XIV–XV вв. ту же плотность, то можно полагать, что внутри крепостных стен находилось примерно 90–100 домов, а число обитавших здесь жителей достигало 450–500 человек. Но при этом становится совершенно очевидным, что мужское население крепости (90–100 человек) и 6–8 социев (?), получавших от массарии Каффы плату за несение караульной службы, не могли обеспечить эффективную оборону всего крепостного периметра, достигавшего 400 м, и фланкированного тремя (?) мощными башнями.

В таком случае, к защите города необходимо было привлечь и мужское население пригорода (примерно 300 человек). За пределами крепости в разные годы было открыто 3 обширных некрополя с погребениями XII–XVIII вв. Найденный на склонах холма, градообразующим центром которого на протяжении VI–XV вв. являлась цитадель ранневизантийского Алустана, археологический материал указывает на обжитость данной терри-

тории (её площадь составляет примерно 5 га) в генуэзский период (80-е гг. XIV — 70-е гг. XV вв.). Пригородные строения размещались не столь плотно, а население гипотетически могло достигать 1500 человек.

Ещё менее успешна попытка А. Л. Пономарёва подкрепить свои демографические штудии ссылкой на количество «сотен», из которых состояло ополчение города, набиравшееся в основном из греков и армян. В 1428 г. в Каффе известны имена 12 сотников [Origone, 1983, p. 318]. Вероятно, их численность не изменилась до 1475 г. Однако А. Л. Пономарёв, не давая каких-либо объяснений, уменьшает их количество до 10. Т. к. по его расчётам в фактории проживало 1100 армян и греков, то «в сотне, охватывавшей несколько кварталов, как раз и оказывалось порядка сотни мужчин» [Пономарёв, 2000, с. 434].

Но как в таком случае быть с Солдайей, где из 4 претендентов избирался один сотник [Устав 1449 г., 1963, с. 775], а внешний периметр оборонительных стен превышал 800 м? Если следовать логике рассуждений А. Л. Пономарёва, население второго по значимости и размерам города Генуэзской Газарии Солдаи не намного превышало 500 человек, а не 1700–2300, как он сам предлагает (т. е. 340–460 мужчин). Совершенно очевидно, что нельзя ставить знак тождества между термином «сотник» и количеством подчинённых ему ополченцев, число которых явно не соответствовало 100, а могло в несколько раз его превышать. Именно отказ (бунт) сотников армян и греков защищать город в начальный момент штурма Каффы турками в 1475 г. и решил судьбу столицы генуэзских факторий [Колли, 1911, с. 15].

Возвращаясь опять же к вопросу об оборонноспособности Каффы, следует особо отметить, что в ней находилось значительное число огнестрельного оружия и специалистов по его обслуживанию. Об этом позволяет говорить описание военного снаряжения, составленная массариями в 1474 г. и изданная А. Винья, но долгое время оставшаяся вне внимания исследователей.

В описи указывается, что в это время на вооружении фактории находилось 6 бомбард, отлитых из бронзы, весом около 40 кантариев (примерно 3 т), с комплектом ядер (*bombarde bronzi cum canonis suis sex ponderis cantariorum XXXX circa in singula*), 2 бронзовых бомбарды несколько меньшего калибра, весом в 25 кантариев (около 2 т), с ядрами (*bombarde bronzi ponderis cantariorum XXV in singula*); 43 малых бомбарды, отлитых из бронзы (*bombardelle bronzi*), к которым прилагалось 67 ядер, а также 80 малых бомбард, изготовленных из железа (*bombardelle ferri*), со 117 ядрами (здесь отдельно также упомянуты 72 железных ядра «*canoni ferri*» для малых бомбард «*pro bombardellis*») [Atti, 1879, VII, p. 1001–1002].

Помимо этого, в арсенале консульского дворца находилось: 8 сарбакан, отлитых из бронзы

(*sarbatane bronze*), 6 бронзовых мортир (*mortareti bronzi*) и 26 железных (*mortareti ferri*), 2 бронзовых спингарды, весом около 36 кантариев (примерно 2,7 т) (*spingarde bronzi <...> ponderis cantariorum XXXVI in circa singula*), 14 малых бронзовых спингард (*spingardelle bronzi*) и 19 малых железных спингард (*spingardelle paruer ferri*) с комплектом ядер [Atti, 1879, VII, p. 1001–1002].

Таким образом, к 1474 г. общее количество огнестрельной артиллерии (исключая ручное стрелковое оружие) достигало 198 единиц трёх типов (131 бомбарда, 32 мортиры и 35 спингард), причём среди них было 10 дальнобойных орудий крупного калибра. Поэтому замечание А. Л. Пономарёва относительно немногочисленности противостоящих турецким батареям «генуэзских бомбард, размещённых в башне св. Константина» (*pus. 305–312*) [Пономарёв, 2000, с. 433], не совсем корректно, т. к. не отвечает реальности 1475 г.

Отсюда становится совершенно очевидным, что генуэзцы при желании сопротивляться сравнительно легко могли подавить огонь турецких батарей, ведших обстрел оборонительных сооружений города. А это вынудило бы Гедык-Ахмет-пашу снять осаду Каффы. Значительно в меньшей степени вооружённые и уступающие ей по размерам укрепления Молдавского княжества — Килия и Белгород — неоднократно становились камнем преткновения для дальнейшего продвижения османов вглубь государства, и были захвачены Баязидом II только в 1484 г. [Иналджик, 1998, с. 40; Семёнова, 2006, с. 92–93]. Даже во время штурма Мангупа Гедык-Ахмет-пашой пушки османов не сыграли главной роли в падении столицы феодоритов.

Поэтому основной причиной сдачи города османам следует признать не военно-техническую слабость обороны Каффы, а полную деморализацию её защитников, как это и полагали многие исследователи. Становится более понятным искреннее возмущение Гедык-Ахмет-паши малодушием официалов Каффы, направивших к нему парламентёров (Джулиано Фиески, Баттиста д'Алегро, Систо Чентурионе и Джорджо Россо) с предложением сдать город на милость победителя [Pistarino, 1990, p. 493]. Не желая получить из их рук столь лёгкую победу, визирь якобы даже воскликнул: «Защитайтесь, если можете!» [Мурзакевич, 1837, с. 78; Vigna, 1879, VII, p. 164].

После капитуляции туркам достался хорошо укрепленный и оснащенный самым современным по тем временам огнестрельным оружием город. Касаясь этой темы, А. Винья с горечью писал: «Прежде чем приступить к печальному рассказу о падении Каффы, мы испытываем двойную боль. Во-первых, при изложении криводушия подлых, но и дорогих нам людей, ибо являются они, правда, жалкими и недостойными, но, всё-таки, сыновьями нашей родины, мы должны заклеймить их огненными словами и забросать проклятием за их позорное и губительное дело» [Vigna, 1879, VII, p. 77;

Колли, 1918, с. 146]. Но стоит ли так строго судить тех людей, оказавшихся неспособными решить стоявшую перед ними задачу объединения всех жителей Каффы единой идеей противостояния османской экспансии?

12 июля по распоряжению Мехмеда II все генуэзцы были отправлены в Константинополь [Roccatagliata, 1982, T. 1, p. 228–233]. Во время транспортировки пленных на одном из кораблей вспыхнул бунт, который возглавил Симоне де Форнарио. Истребив конвоировавших их турок, генуэзцы направились в Монкастро [Мурзакевич, 1837, с. 90; Bruun, 1866, II, s. 77; Heyd, 1886, II, p. 404]. Но при дележе доставшейся им добычи мужество беженцев сменилось на алчность, приведшую к столкновению между ними. Поэтому и корабль, и находившиеся на нём ценности достались кастелланам города [Giustiniani, 1537, p. 228; Bruun, 1866, p. 77; Heyd, 1886, II, p. 404]. Среди требований Мехмеда II, направленных Стефану III в 1476 г., был и пункт о возврате как пленников султана, так и захваченного ими корабля, оказавшихся в Монкастро [Razboieni, 1977, p. 237; Гонца, 1984, с. 22].

Овладев Кафгой, Гедык-Ахмет-паша, по видимому, летом или осенью, направил часть своих войск и флота для завоевания генуэзских факторий Таманского полуострова и Приазовья. Здесь ими были захвачены Матрега, Копа, Тана, другие замки и населённые пункты, расположенные на побережье. Защищая Копу, погиб один из адыгских князей (Бельзебох = *Belzeboc?*) [Зевакин, Пенчко, 1938, с. 128]. Многие генуэзцы смогли избежать плена и рабства, укрывшись в поселениях черкесов.

Османские хронисты чрезмерно лаконично повествуют об этих событиях. Например, Мехмед Нешри (умер в Бурсе в 1520 г.) пишет: «Послав в ту сторону корабли, завоевали находящиеся на том берегу крепости Азак и Япу-кирман, дойдя до самой Черкессии». Не более многословен и следовавший за Нешри Ибн Кемаль: «Завоевав другой берег Чёрного моря до Черкессии, захватили также находящуюся, как говорят, в той земле крепость Азак» [Nešri, 1957, s. 827; Ibn Kemal, 1957, s. 386] (цитировано по А. М. Некрасову [Некрасов, 1990, с. 42])⁴⁹.

После капитуляции Каффы лёгкие победы великого визиря в Газарии закончились. В течение пяти месяцев османам пришлось брать штурмом или длительной осадой крепость за крепостью. Из генуэзских укреплений особо упорное сопротивление туркам оказали жители Солдайи [Vasiliev, 1936, p. 247], которая была взята штурмом только после голодной блокады [Греков, 1984, с. 74]. Известные источники, рассказывающие о завоевании

османами второго по значению города Генуэзской Газарии, малоинформативны. Например, в компилятивной хронике Георгия Камахеса (XVII в.) говорится: «В году 904 (= 1455, т. е. 1475 г.) Ахмед-паша, получивший прозвище «Гедык», отправился с семьёю сотнями галер в верхнюю часть Чёрного моря и взял Каффу со всей страной, Солдайю, Баллаклаву, 6 числа месяца июня. К осени также уступили Мангуп, где они истребили баронов» [Cazacu, Kevonian, 1976, p. 513].

А. А. Васильев также обратил внимание на краткие сведения современника событий Йорги из Нюрнберга, который в написанной им около 1496 г. «Истории Турции», сообщает: «[В 1475 г. после захвата Каффы турками] он (Ахмед-паша — В. М.) пошёл и захватил крепость Солдайю, где находились [в заточении] три сына царя татар; [турок] освободил их и сделал старшего сына царём в Татарию» [Vasiliev, 1936, p. 247, п. 1]. Вне всякого сомнения, немецкий автор под «старшим сыном» подразумевал Нур-Девлета, содержавшегося в тюрьме Солдайи с 1471 г.

М. Броневский во время своего пребывания в Крыму (1578–1579 гг.) посетил Солдайю, где встретил греческого митрополита, посланного сюда по церковным делам патриархом. От него он узнал трагическую историю захвата города турками в 1475 г., приобретшую к тому времени уже легендарный характер. Оказывается, что после прибытия турецкого флота и начала осады крепости её жители, в том числе и генуэзцы, мужественно защищали Солдайю, полностью блокированную османами. Когда в городе начался голод, обесиленные защитники поняли, что не в силах его удержать. Тогда несколько «тысяч» (?) (*mille*) жителей попытались укрыться в большой церкви нижней крепости, чтобы там встретить неминуемую смерть. Ворвавшиеся в город турки преодолели отчаянное сопротивление обороняющихся. Генуэзцы предпочли позору плена и рабства гибель в бою. После того, как они были перебиты, победители замуrowали окна и двери церкви, оставив их тела непогребёнными [Vigna, 1879, VII, p. 177; Heyd, 1886, II, p. 404–405]. По словам того же митрополита, останки погибших генуэзцев до того времени находились в церкви, но любознательному дипломату польского короля не позволили туда войти [Броневский, 1867, с. 347].

В ходе археологических раскопок на территории «Нижнего города» И. А. Барановым были открыты руины большого храма, идентифицированного исследователем как церковь Девы Марии (рис. 313) [Баранов, 1985, с. 48–49; 1988, рис. 2, 11]. Вокруг постройки, как и внутри неё, были обнаружены многочисленные захоронения, в том числе и одно с латинской надписью 1384 г. [Баранов, Данилова, 1991, с. 145–148]. По мнению И. А. Баранова, полученные им в ходе раскопок храма результаты подтверждают легендарные сведения, приведённые М. Броневским, относящиеся именно к той церкви, ко-

⁴⁹ Сведения, сообщаемые Мехмедом Нешри и Ибн Камалем, явно заимствованы из «Истории династии Османов» («Теварих — и Ал — и Осман») Ашик-Паши-Заде (1400–1484 гг.?) [Vasiliev, 1936, p. 255], в которой столь же кратко говорится о том, что «После этого (захвата Каффы — В. М.) для завоевания ближайших крепостей неверных было отправлено несколько кораблей. Они завоевали Азак (Azak), Ябугермен (*Yabugermen*) и все крепости побережья вплоть до черкесских имений» [Хайбуллаева, 2001, с. 364–365].

торая стала последним прибежищем защитников Солдайи в 1475 г. [Баранов, 1985, с. 48–49]⁵⁰.

Занимаясь изучением оборонительной системы внешнего периметра Солдайи, и в особенности её главного объекта — городских ворот, которые прикрывались двумя башнями и барбаканом [Секиринский, 1955, с. 66–67; Баранов, 1988, с. 81–90, рис. 2–6] (рис. 313: 2–4), — И. А. Баранов пришёл к заключению, что в ходе военной кампании 1475 г. турки сосредоточили основной удар на восточном участке крепостных стен. Продолжительным артиллерийским огнём они «до основания снесли оборонительную стену у башни Раффаэле Ультрамарино и, ворвавшись в пролом, завершили разгром Солдайи». Дату захвата османами крепости исследователь относит к декабрю 1475 г.⁵¹ [Баранов, 1988, с. 90]. К сожалению, эти выводы автора не подтверждены конкретными материалами его многолетних исследований.

Следует также обратить внимание на одну уникальную находку, сделанную во время раскопок М. А. Фронджуло в 1972 г. рядом с башней Якобо Торселло (1385 г.) в слое, датированном 1475 г. Речь идёт о бронзовом литом навершии с втулкой, переходящей в полый шар. На нём крепился плоский крест с расширяющимися концами, замыкавшийся в ажурное круглое обрамление (рис. 314). В центре креста и посередине каждого из его ветвей помещены гнезда для камней инкрустации. И. А. Баранов определял функциональное назначение данного изделия как навершие церковной хоругви или знамени [Баранов, 1988, с. 87, фото 7], а С. Г. Бочаров и А. В. Джанов предположительно атрибутировали артефакт как «навершие знамени, принадлежавшего гарнизону нижней крепости Солдайи, крепости св. Креста» [Бочаров, Джанов, 2000, с. 20].

Действительно, в *De ordine Soldaie* от 1449 г. предусматривались ежегодные издержки в 300 аспров «на пару больших знамён» (*pro vexillibus seu banneris duabus magnis*) [Устав 1449 г., 1863, с. 782], что позволяет полагать наличие в каждом замке Солдайи (св. Ильи и св. Креста) своего большого знамени. По-видимому, в критический момент штурма города в 1475 г. знамя нижней крепости было спрятано кем-то из защитников (?), но перед этим из навершия оказались изъяты камни инкрустации.

В завершение следует отметить организаторов обороны Солдайи в 1475 г. Это, прежде всего, получивший широкую известность благодаря обильной переписке с официальными Каффы в 1474 г. последний консул фактории Христофоро ди Негро. Его преемником должен был стать Ан-

тонио Спинола (патент от 7 июля 1475 г. на 26 месяцев [Atti, 1879, VII, p. 233], один из банкиров Каффы [Vigna, 1879, VII, p. 152]); её кастеллан — нобиль Лучиано д'Ориа, сын Лионелло, получивший мандат на 26 месяцев 30 апреля 1473 г. [Atti, 1879, VII, p. 41, 53, doc. MLIV, MLXXII] (протекторы Банка 3 июля 1475 г. предоставили патент на эту официацию Дамиано Чиавари [Atti, 1879, VII, p. 233, doc. MCXXXIX]), сотник городского греческого ополчения — Анастасий, сын Иоакима [Милицин, 1955, с. 85] и др.

По всей вероятности, при капитуляции Каффы предполагалась сдача туркам без какого-либо сопротивления всех остальных городов и замков Генуэзской Газарии. Очевидно, что консул Солдайи отказался выполнить последнее предписание (если оно на самом деле существовало) официалов Каффы Антониотто ди Кабелла, Оберто Скварчафико и Франческо Фиески, что вполне можно объяснить беспокойным и прямолинейным характером Христофоро ди Негро, который он не раз продемонстрировал своим отношением к влиятельному семейству нобилей Гваско.

При завоевании Готии (рис. 315) Гедык-Ахмет-паше, видимо, пришлось разделить свою армию на несколько частей для захвата основных стратегических опорных пунктов на побережье и в глубинных горных районах. Археологическими исследованиями последних десятилетий слои тотальных пожаров с находками, датируемыми третьей четвертью XV в. (1475 г.), выявлены, кроме Лусты и Фуны (рис. 316–351), на территории укреплений Гурзуфа и Симеиза, а также в монастыре Ай-Тодор (св. Феодор), располагавшемся рядом с Ламбатом (*Lambadie* в генуэзских источниках) [Паршина, 1974, с. 70–71, рис. 10,1–7,9,13].

Картину турецких погромов Капитанства Готии дополняют находки денежно-вещевых и вещевых кладов этого времени, происходящих из цитадели Лусты [Мыц, Адаксина, 1999, с. 159–168; Мыц, 1999, с. 379–394] (рис. 352–354), монастыря в бухте Панаир [Адаксина, 1997, с. 109–115, рис. 2–3], в селении Ай-Василь (св. Василий), близ генуэзской Ялиты [Залеская, 1995, с. 98–100; Крамаровский, 1995, с. 26–29; 2000, с. 257–260].

В нашем распоряжении отсутствуют какие-либо письменные источники, повествующие о судьбе Чембало и его гарнизона во время кампании Гедык-Ахмет-паши 1475 г. Известно только, что последним консулом этой фактории был Джироламо Джентиле-Паллавичино (*Girolamo Gentile-Pallavicino*). Его должен был сменить Бартоломео де Кастиллиано (*Bartholomeum de Castilliano*), получивший патент сроком на 26 месяцев 8 июля 1474 г. [Atti, 1879, VII, p. 49–50, doc. MLXVIII, p. 110, doc. MXXVI].

Не смогли прояснить данный вопрос и материалы археологических исследований, которые проводились на территории цитадели города Н. А. Алексеенко и С. В. Дьячковым [Алексеенко, 1999, с. 371–378].

⁵⁰ Окончательно о верности подобной интерпретации можно будет судить только после полного издания материалов раскопок.

⁵¹ М. Нистазопуло предположительно относил время падения Солдайи к периоду «сразу после подчинения Каффы и непременно до падения Феодоро в Готии (декабрь 1475 г.)» [Νυσταζοπούλου, 1965, σ. 59].

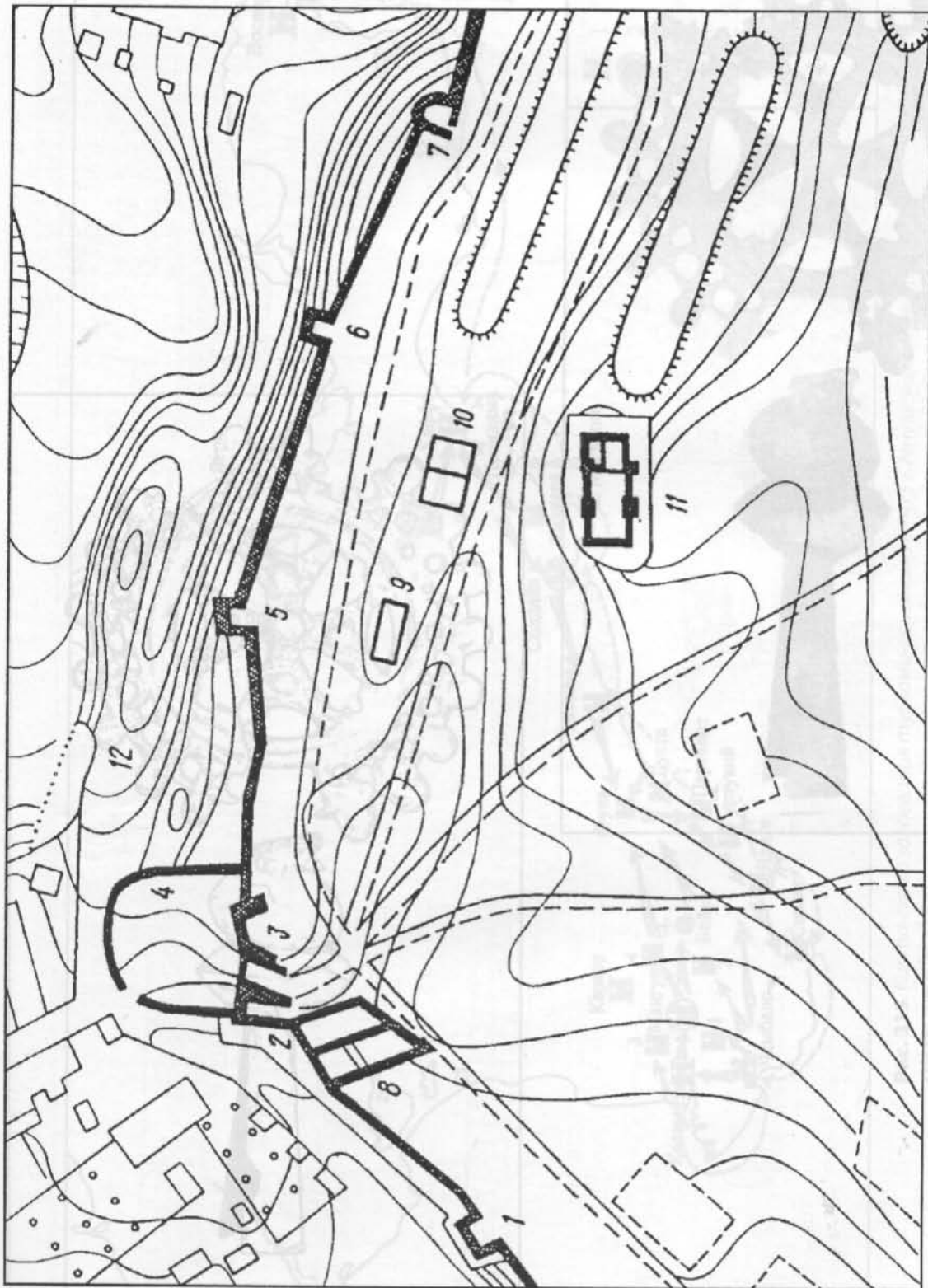


Рис. 313. Фрагмент северного участка обороняемого гонимого Солдай XIV – XV вв.:
1 – 7 оборонительные сооружения; 8 – кардегардий; 9 – 10 – цистерны для воды;
11 – храм «Девы Марии»; 12 – ров

тирар) стала известна в результате защитного Солдаи в 1475 г. [Воронин, 1965, с. 48-49].

Дальнейшее изучение оборонительной систе-

тысто Спленюла (патент от 7 июля 1475 г. № 25 де-
сисно [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
[Лип, 1879, VI, с. 352]); ее кастеллан — noble Лу-

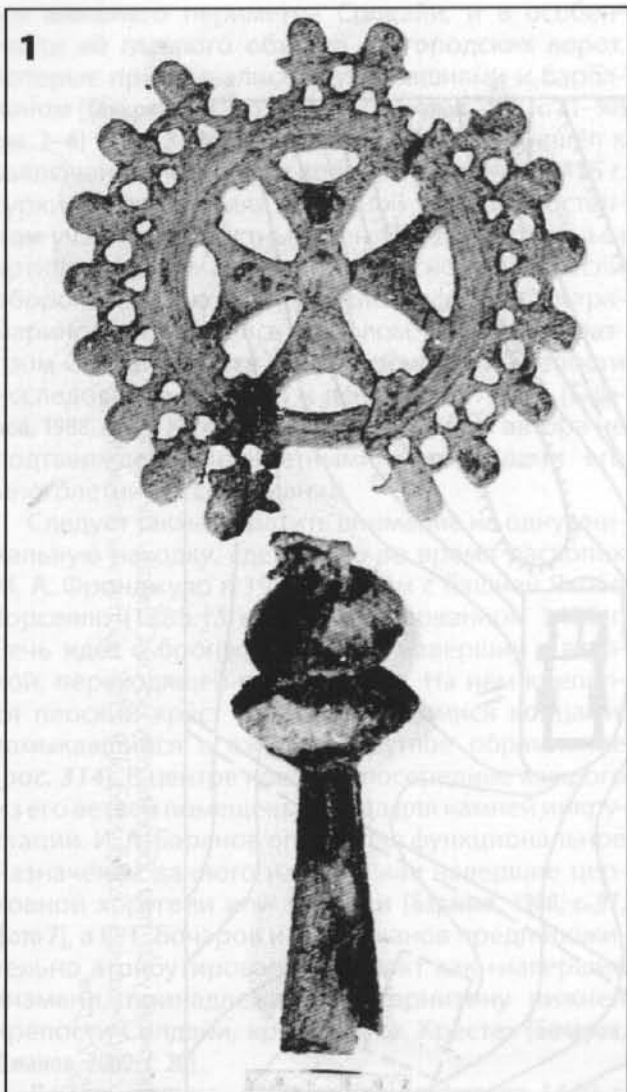
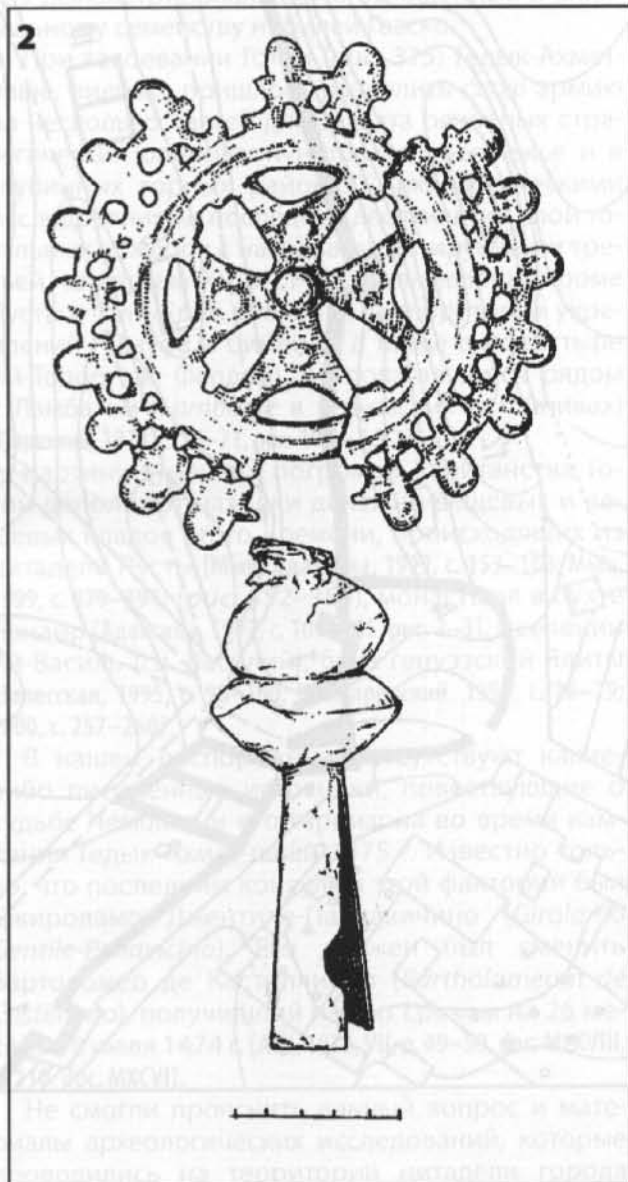


Рис. 314. Бронзовое литое навершие, найденное
в слое пожара 1475 г. Солдаи:
1 — фото; 2 — прорисовка



предусмотрены в качестве защиты в это
аспекте. В то время, когда в это время
ио Липовича [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
ито пожара 1475 г. Солдаи: в каждом доме
Солдаи в то время [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
знаменитый [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
штурма [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
было [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
жизни [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
станки.

В завершение следует отметить организо-
ван обороны Солдаи в 1475 г. Это, прежде все-
го, получившая широкую известность благодаря
обычной переправе в официальной [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
1475 г. [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
де Петро, его [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
Ан-

Скопанные [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
но будет [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
вы [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури

М. [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
ледины Солдаи в [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
бы в [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
1475 г. [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури

Не смогли [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
вопрос и [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
мате- [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
риаль [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
иссле- [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
довани [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
и [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
Н. А. [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
и С. В. [Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
[Лип, 1879, VI, с. 231], стар. из библиотеки Кибури
с. 371-378].

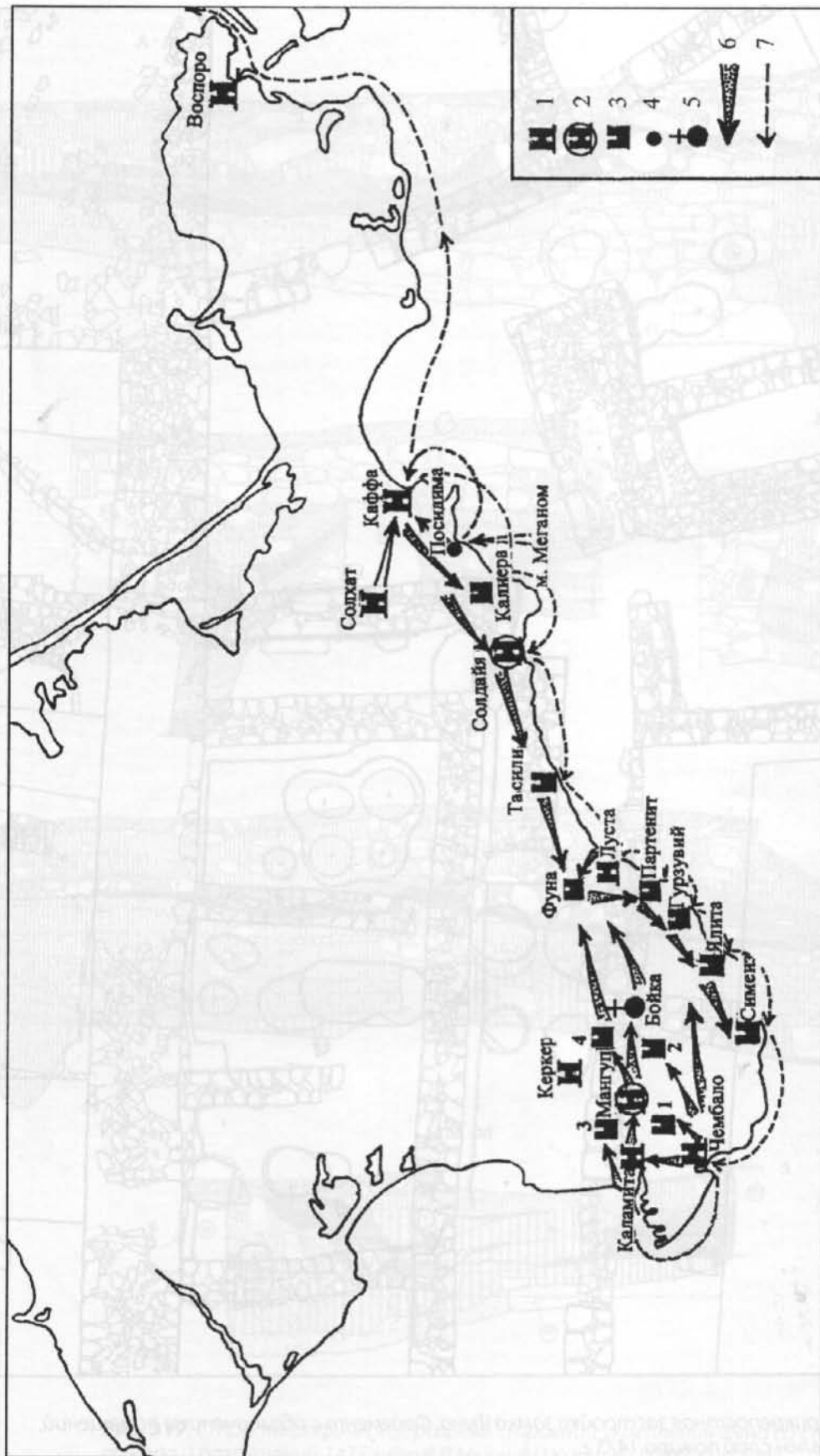


Рис. 315 Карта-схема завоевания турками-османами в 1475 г. генуэзских владений и княжества Феодора: 1 – города; 2 – крепости, подвергшиеся длительной осаде и захваченные штурмом; 3 – замки; 4 – поселения; 5 – монастыри; 6 – направление движения сухопутных войск Гедык-Ахмет-Гяши; 7 – направление движения флота

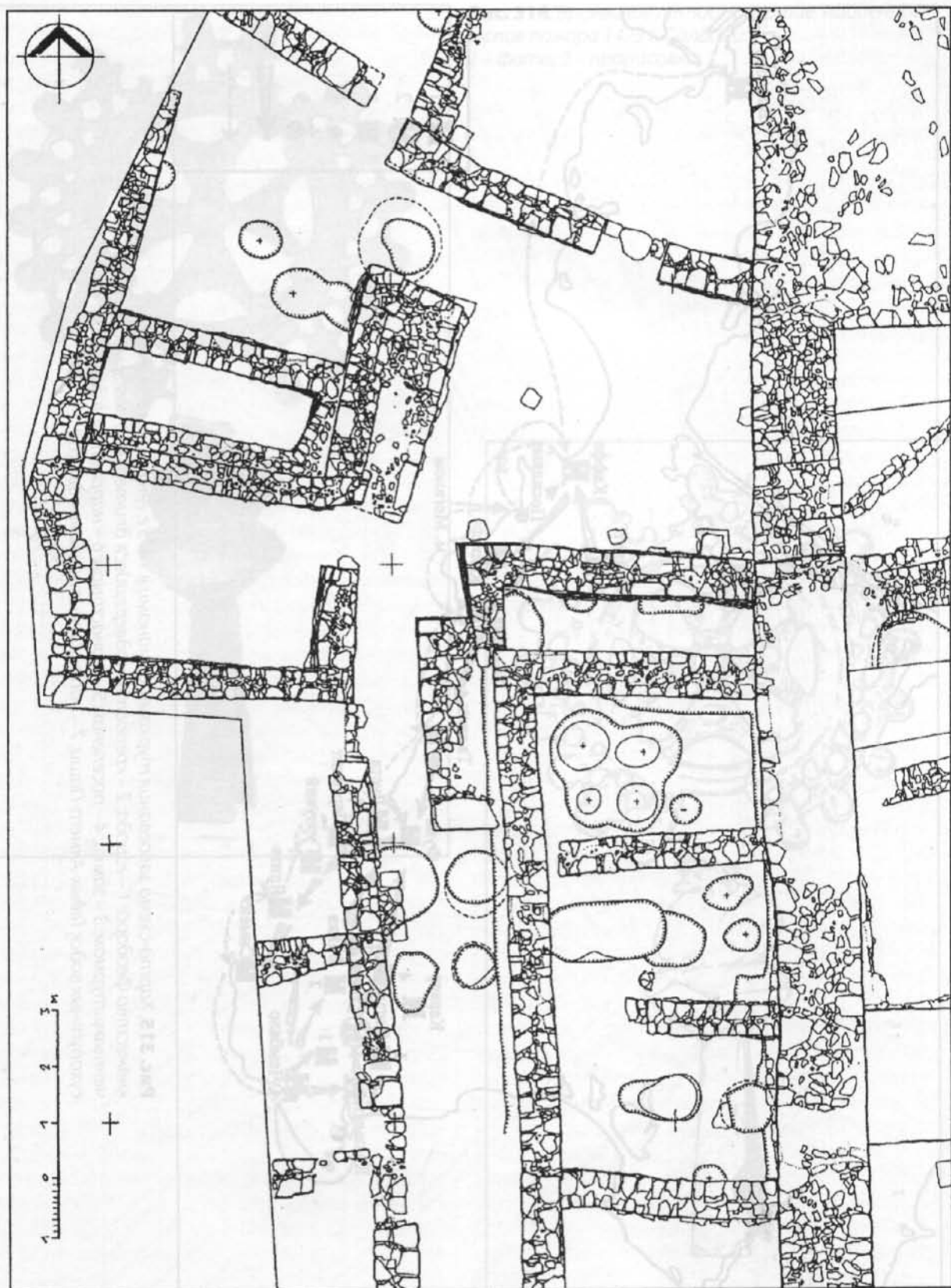


Рис. 316. Внутрикрепостная застройка замка Фуна. Фрагмент с обозначением помещений, в которых выявлен слой пожара 1475 г.

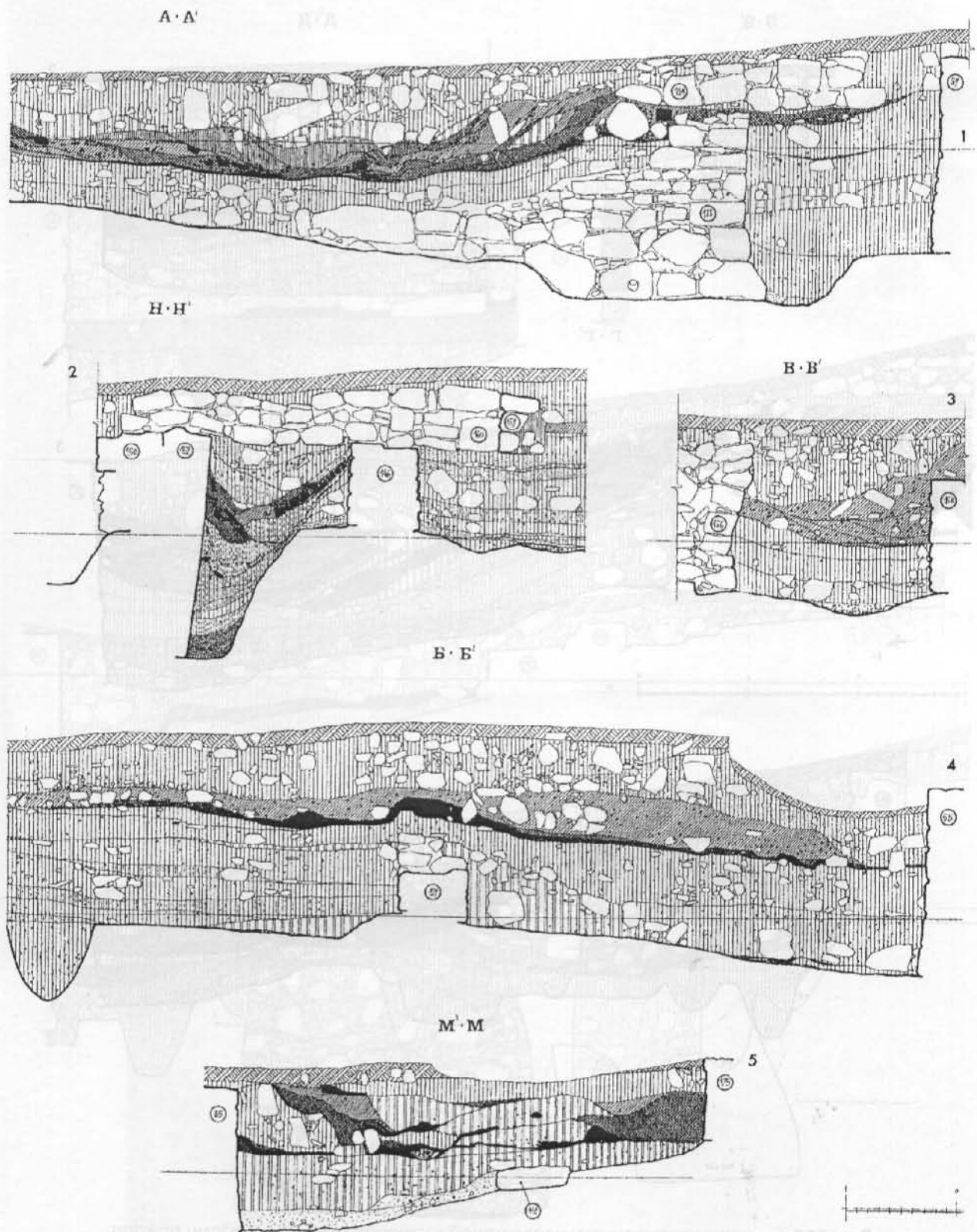


Рис. 317. Стратиграфические разрезы строений укрепления Фуна со следами пожара и разрушений 1475 г. (по В.Л.Мыцу, В.П.Кирилко [1990, рис. 5,6])

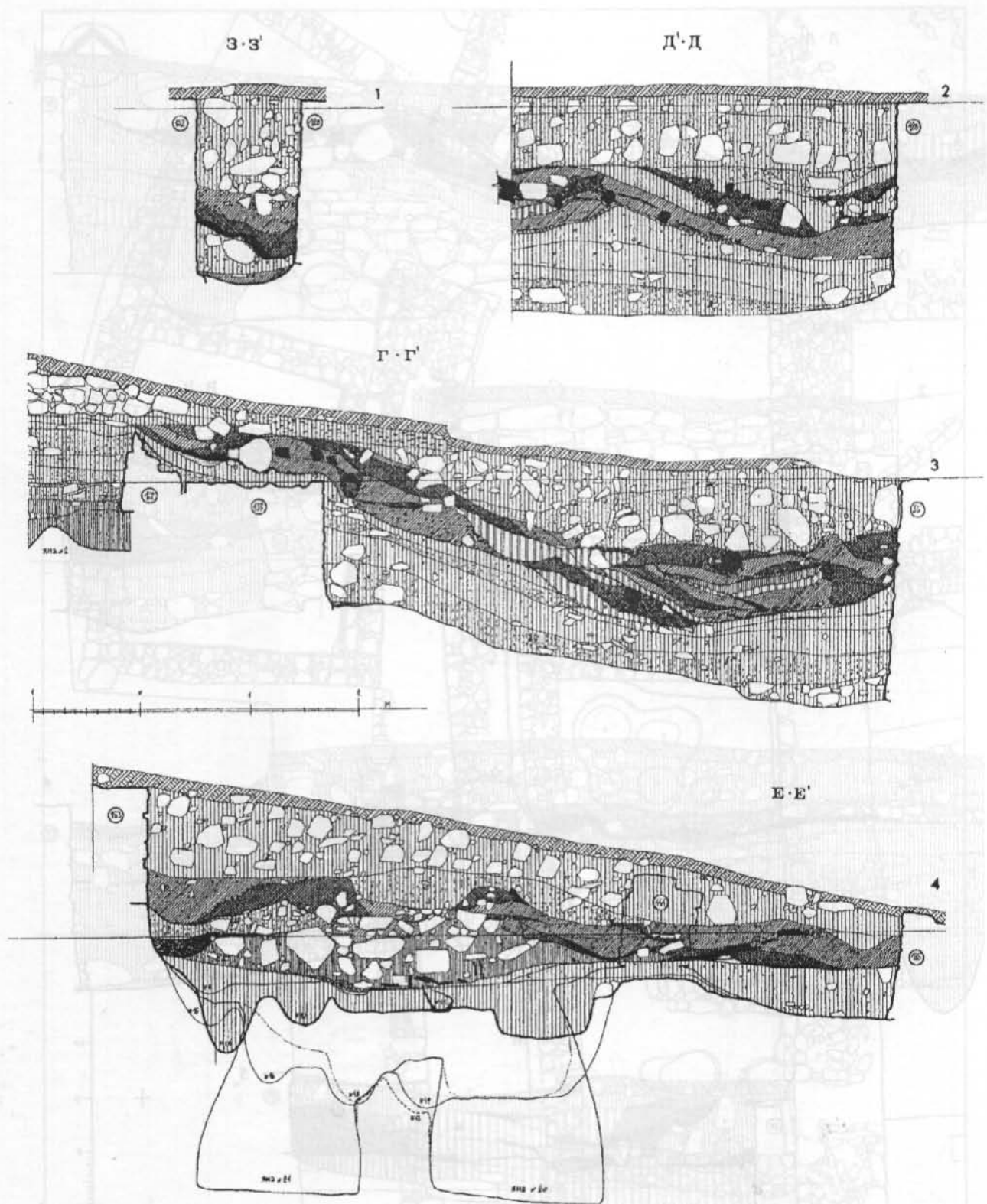


Рис. 318. Стратиграфия внутрикрепостной застройки Фуны со следами пожара и разрушений 1475 г. (по В.Л.Мыцу, В.П.Кирилко [1990, рис. 5, 6])

Рис. 316. Стратиграфия внутрикрепостной застройки Фуны со следами пожара и разрушений 1475 г. (по В.Л.Мыцу, В.П.Кирилко [1990, рис. 5, 6])

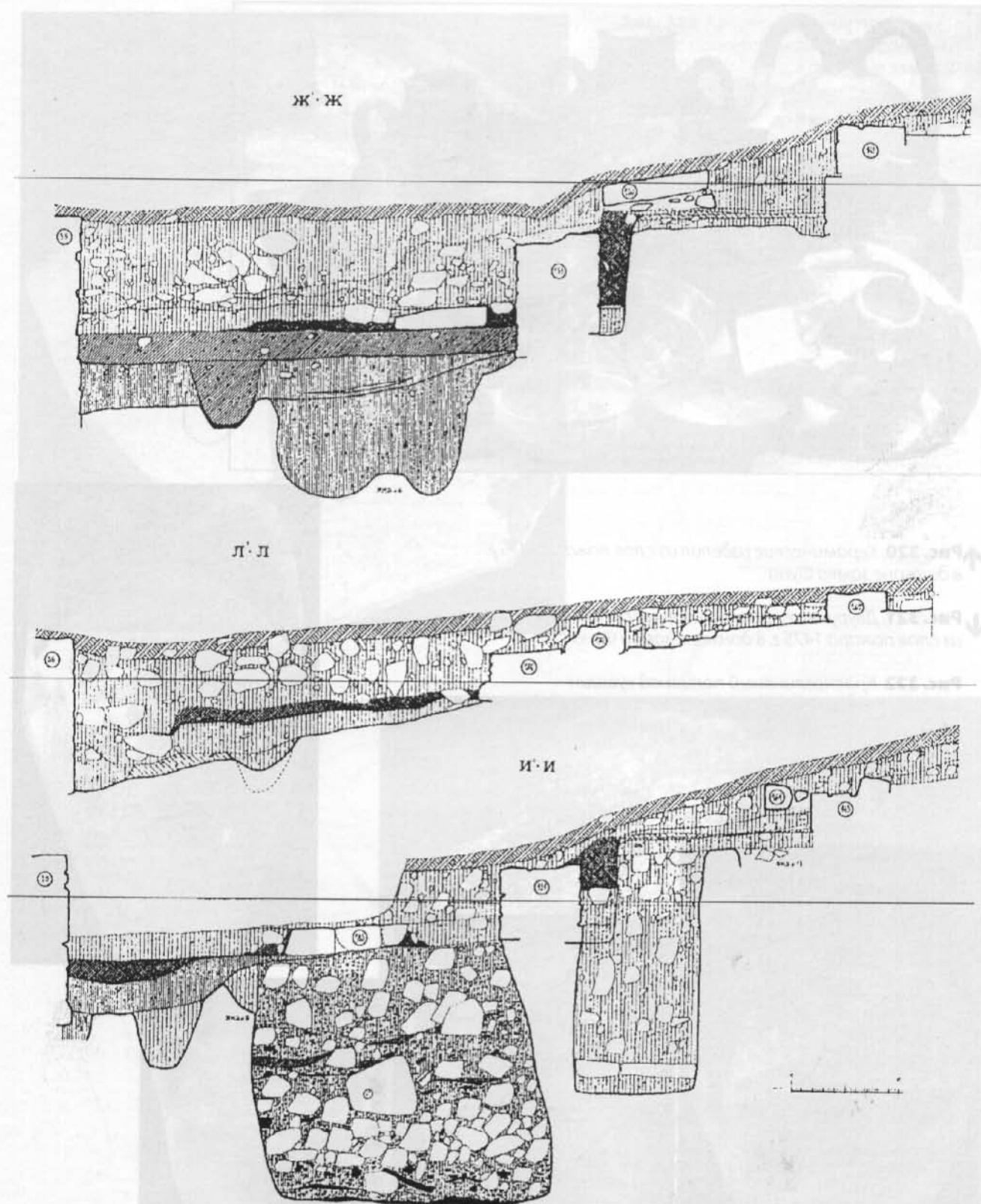


Рис. 319. Стратиграфия участка раскопок «казармы» 1459 г. и восточной улицы замка у селения Фуна со следами пожара и разрушений 1475 г. (по В.Л.Мыцу, В.П.Кирилко [1990, рис. 7,8])



↑ **Рис. 320.** *Керамические изделия из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна*

↓ **Рис. 321.** *Двуручные красноглиняные поливные кувшины из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна*

Рис. 322. *Красноглиняный поливной кувшин с дуговидными ручками из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна*

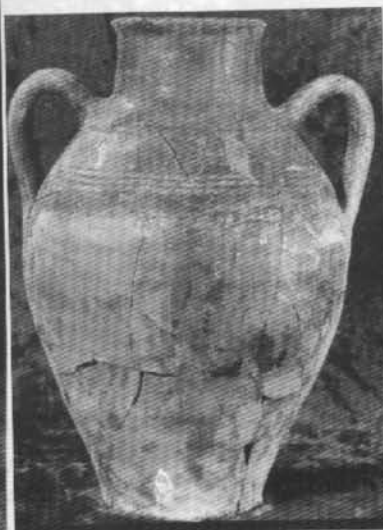
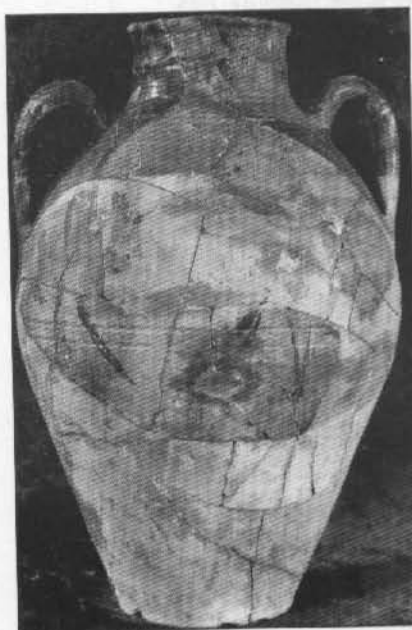
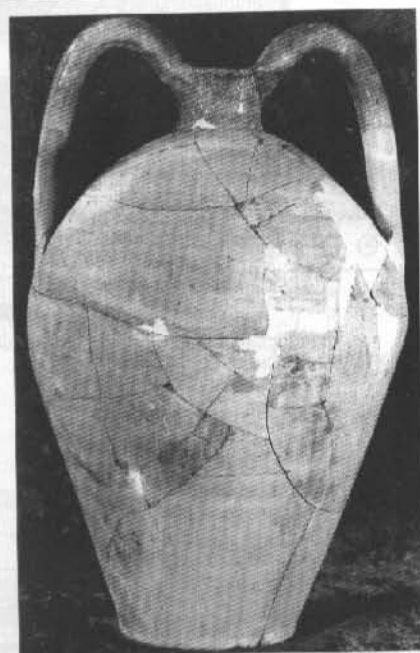




Рис. 323. Красноглиняные полевые чаши с монограммами «Александр» из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна



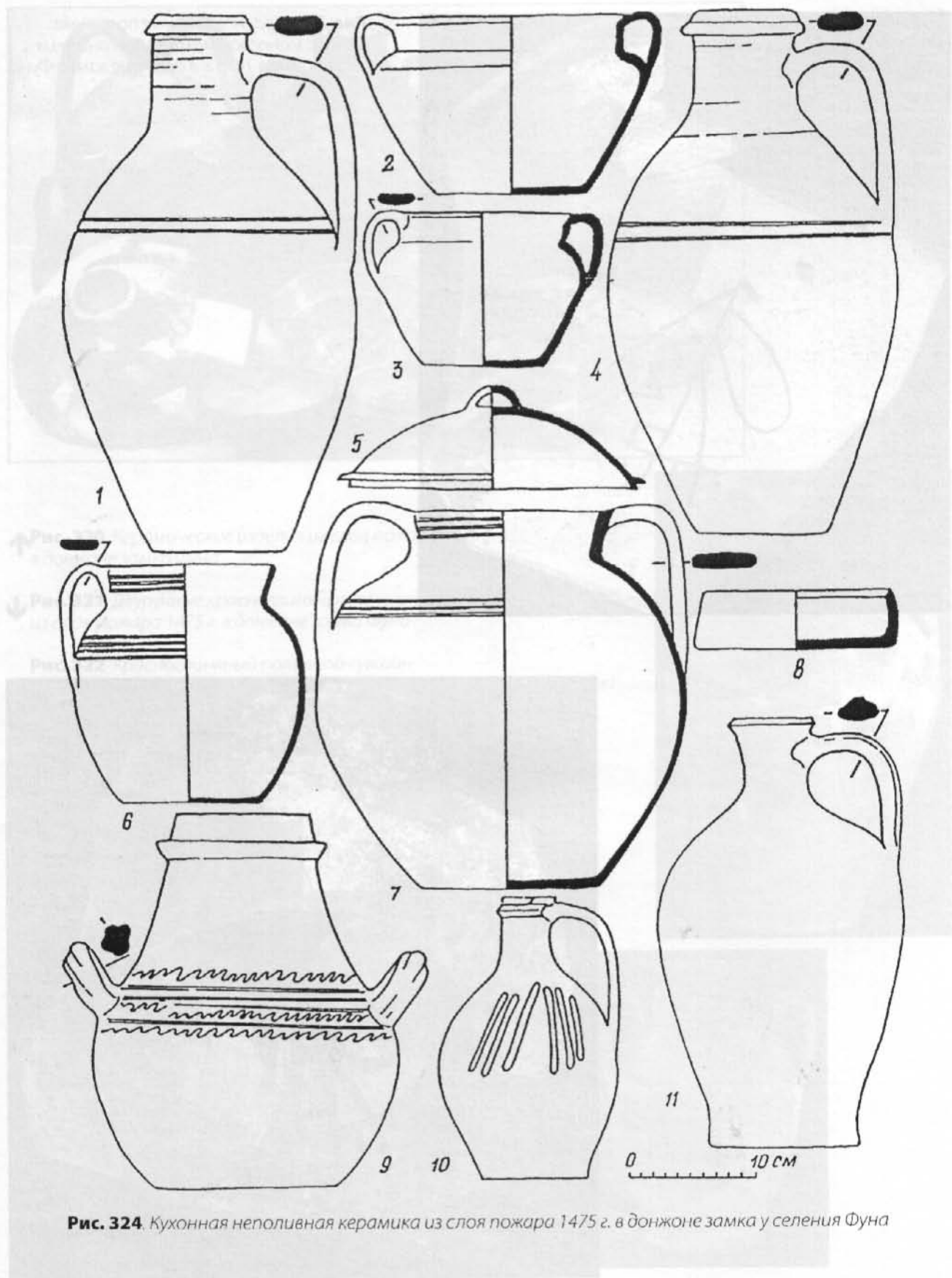


Рис. 324. Кухонная неполивная керамика из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка у селения Фуна

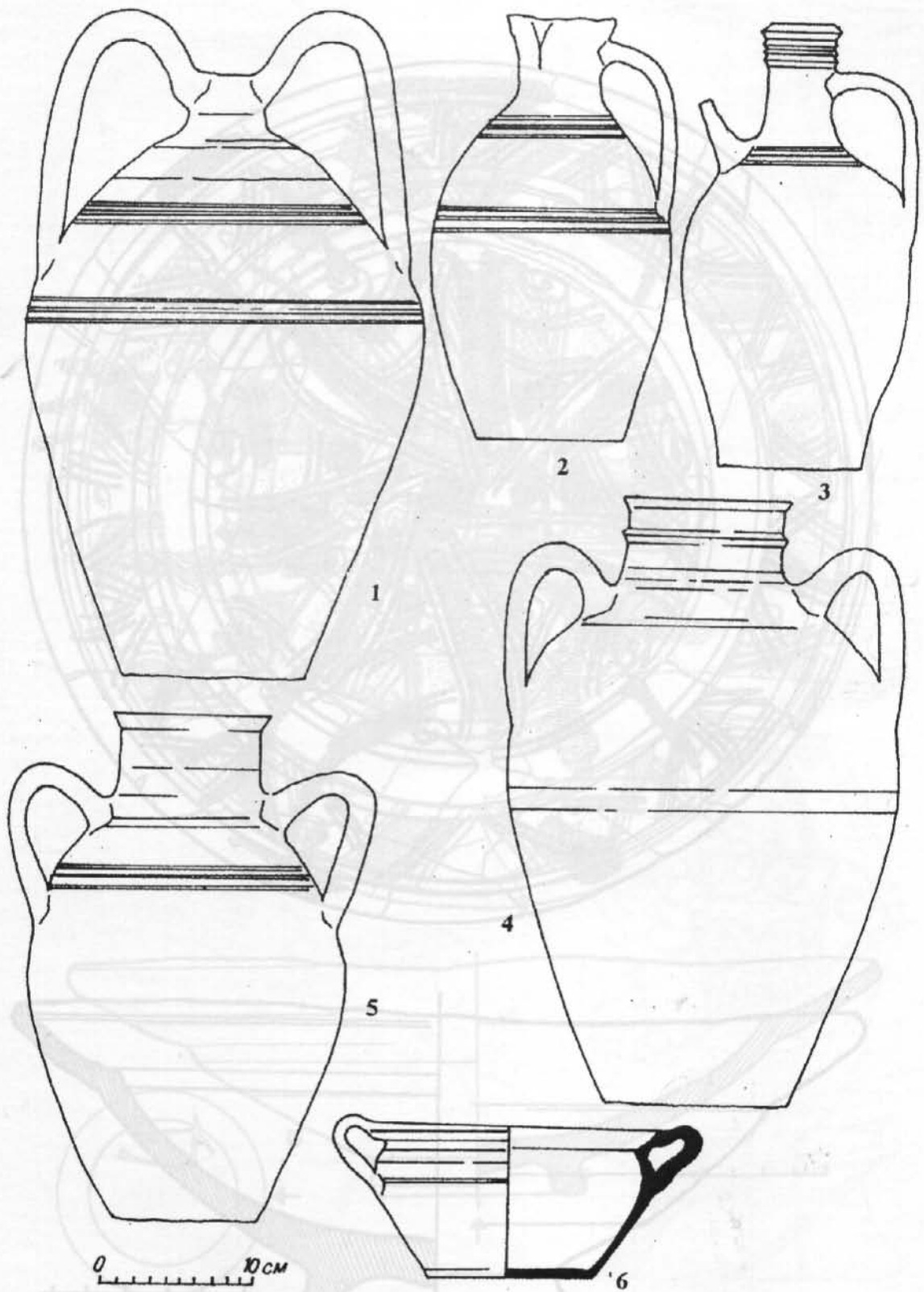


Рис. 325. Красноглиняные столовые поливные сосуды из слоя пожара 1475 г. донжона замка у селения Фуна

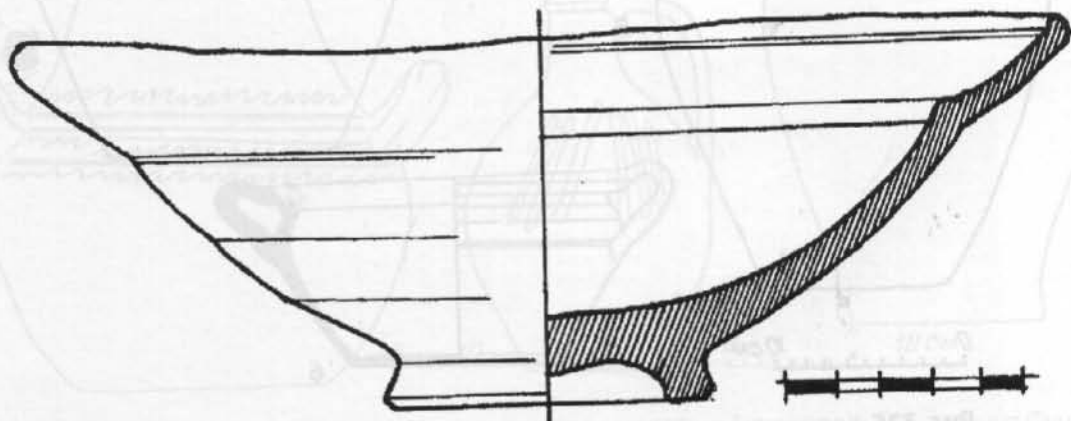


Рис. 326. Красноглиняная поливная тарелка из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка Фуна

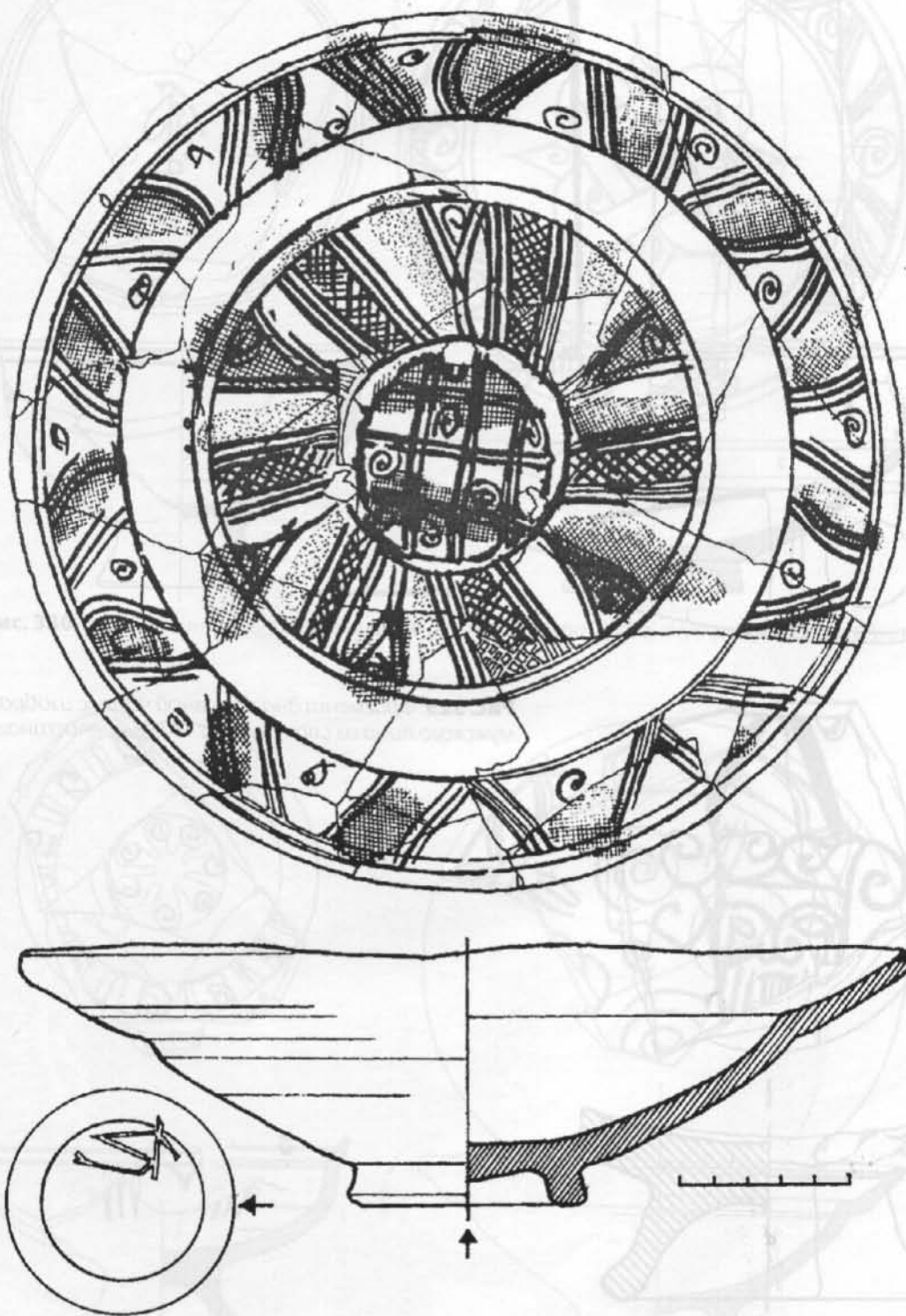


Рис. 327. Красноглиняная поливная тарелка из слоя пожара 1475 г. в донжоне замка у селения Фуна

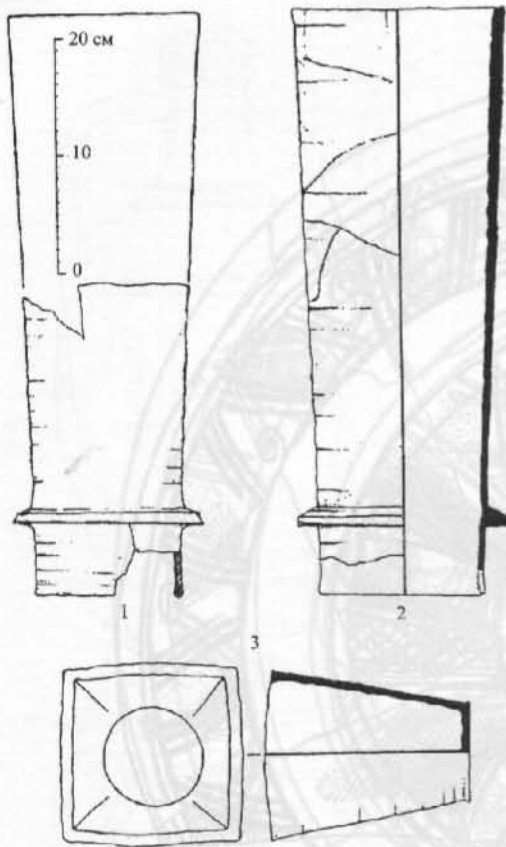


Рис. 328. Керамические трубы (1, 2) и изразец (3) из раскопок донжона 1459 – 1475 гг.: 1, 3 – из слоя пожара 1475 г.; 2 – из слоя разрушения XVII в.



Рис. 329. Фрагмент дна поливной чаши с изображением мужского лица из слоя пожара 1475 г. крепостного двора № 1



Рис. 328. Керамические трубы (1, 2) и изразец (3) из раскопок донжона 1459 – 1475 гг.: 1, 3 – из слоя пожара 1475 г.; 2 – из слоя разрушения XVII в.

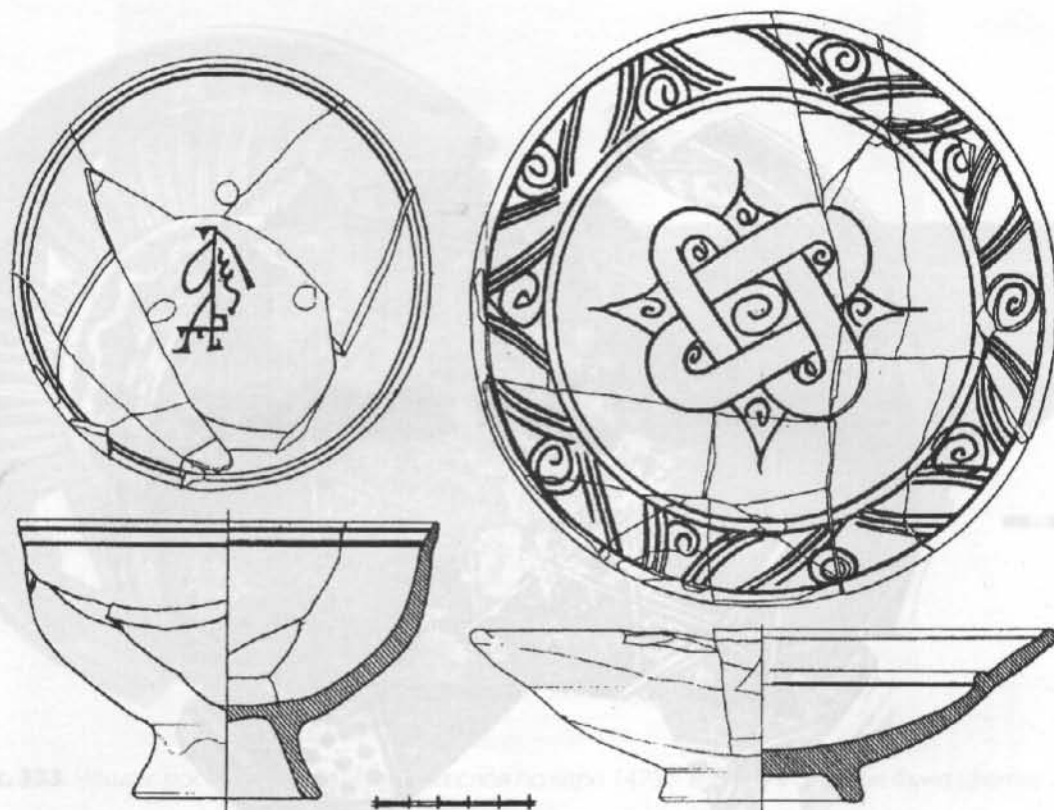


Рис. 330. Красноглиняные поливные чаши из слоя пожара 1475 г. внутри крепости Фуна

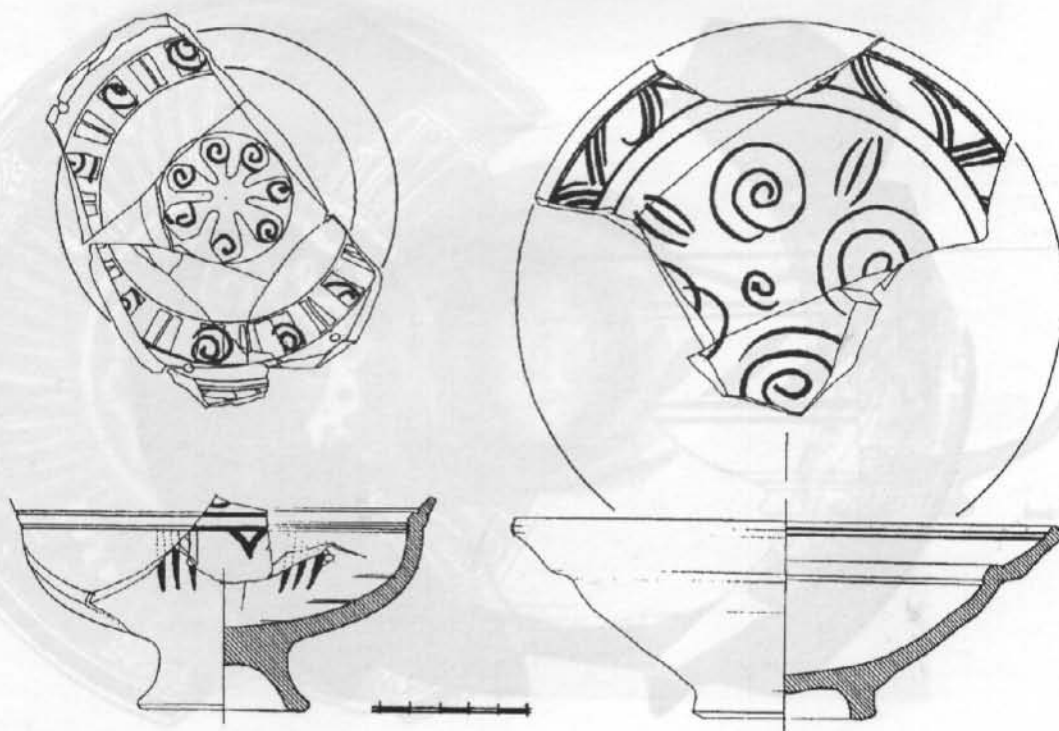


Рис. 331. Красноглиняные поливные изделия из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

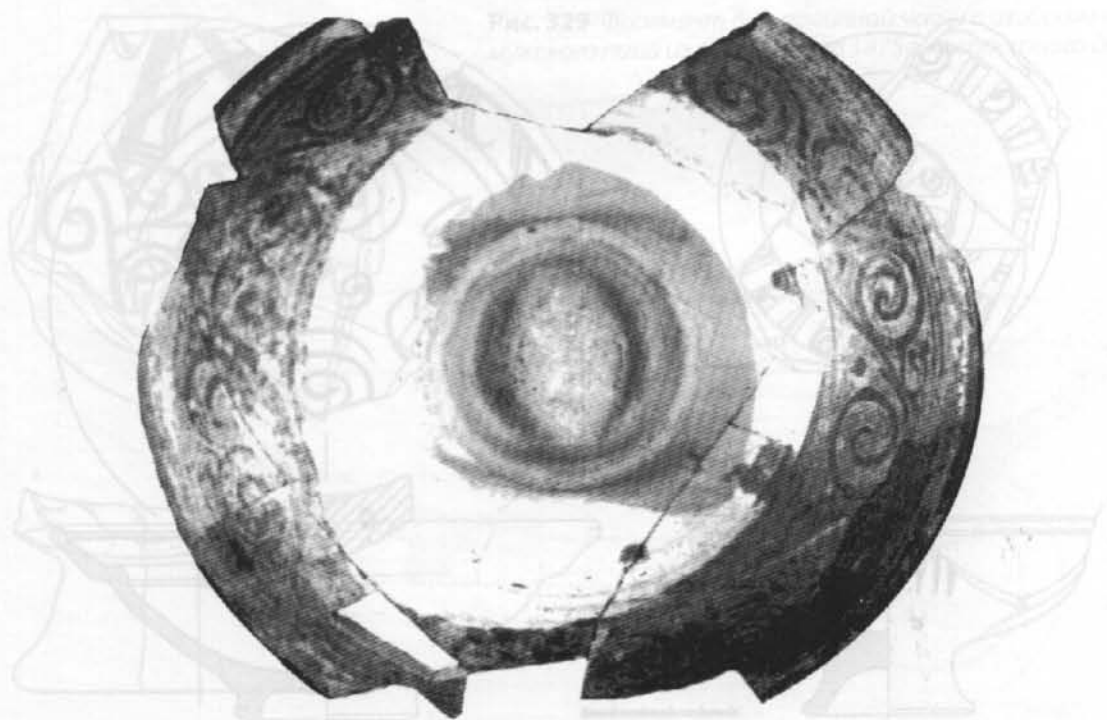
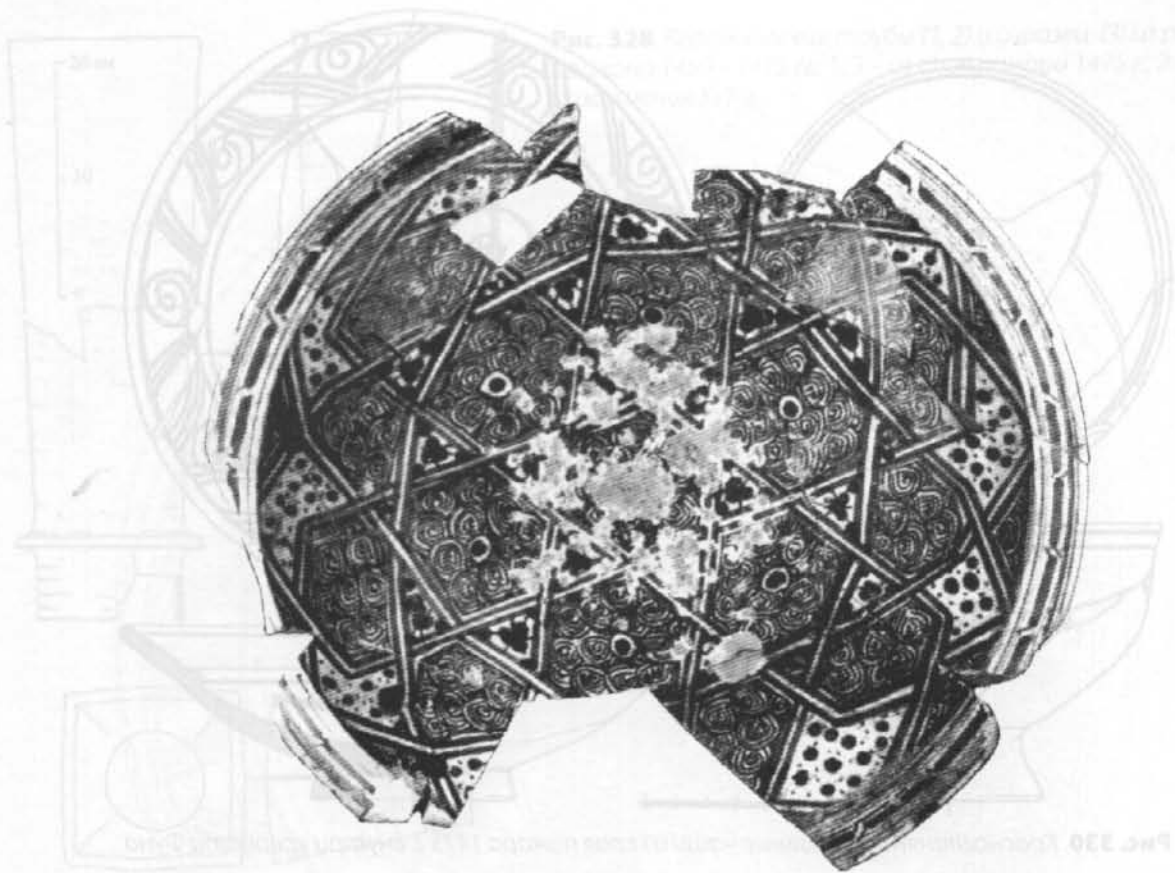


Рис. 332. Красноглиняное блюдо с росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна



Рис. 333. Чаша с росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна (фото)

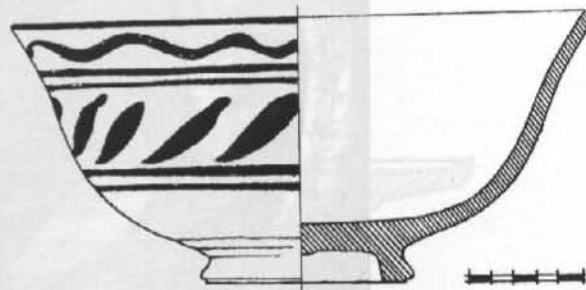


Рис. 334. Красноглиняная чаша с росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г.

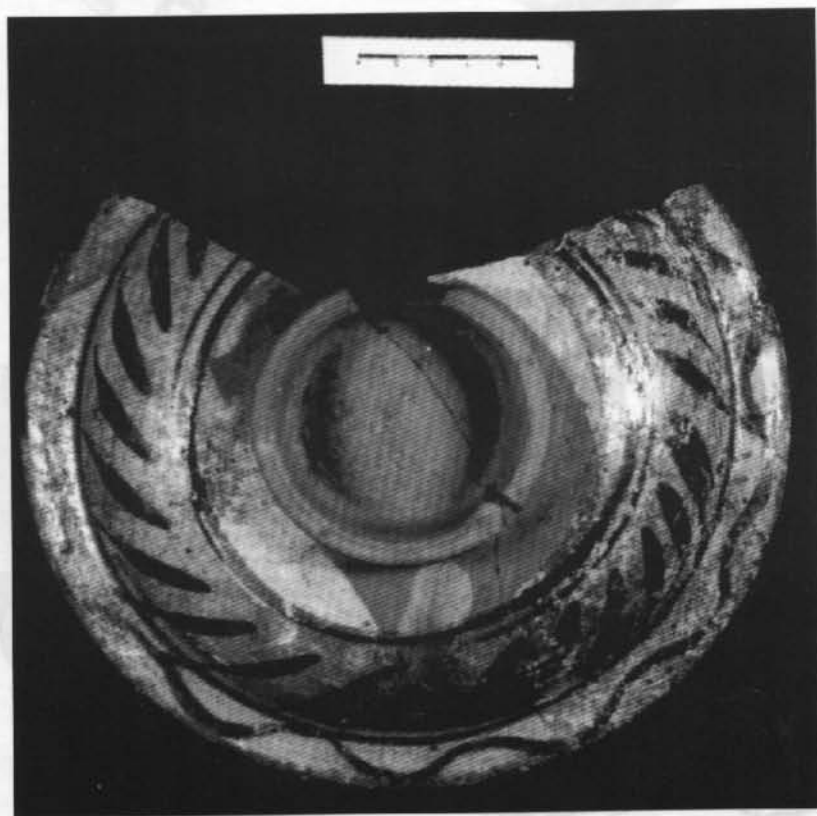


Рис. 335. Красноглиняная поливная тарелка с подглазурной росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г.

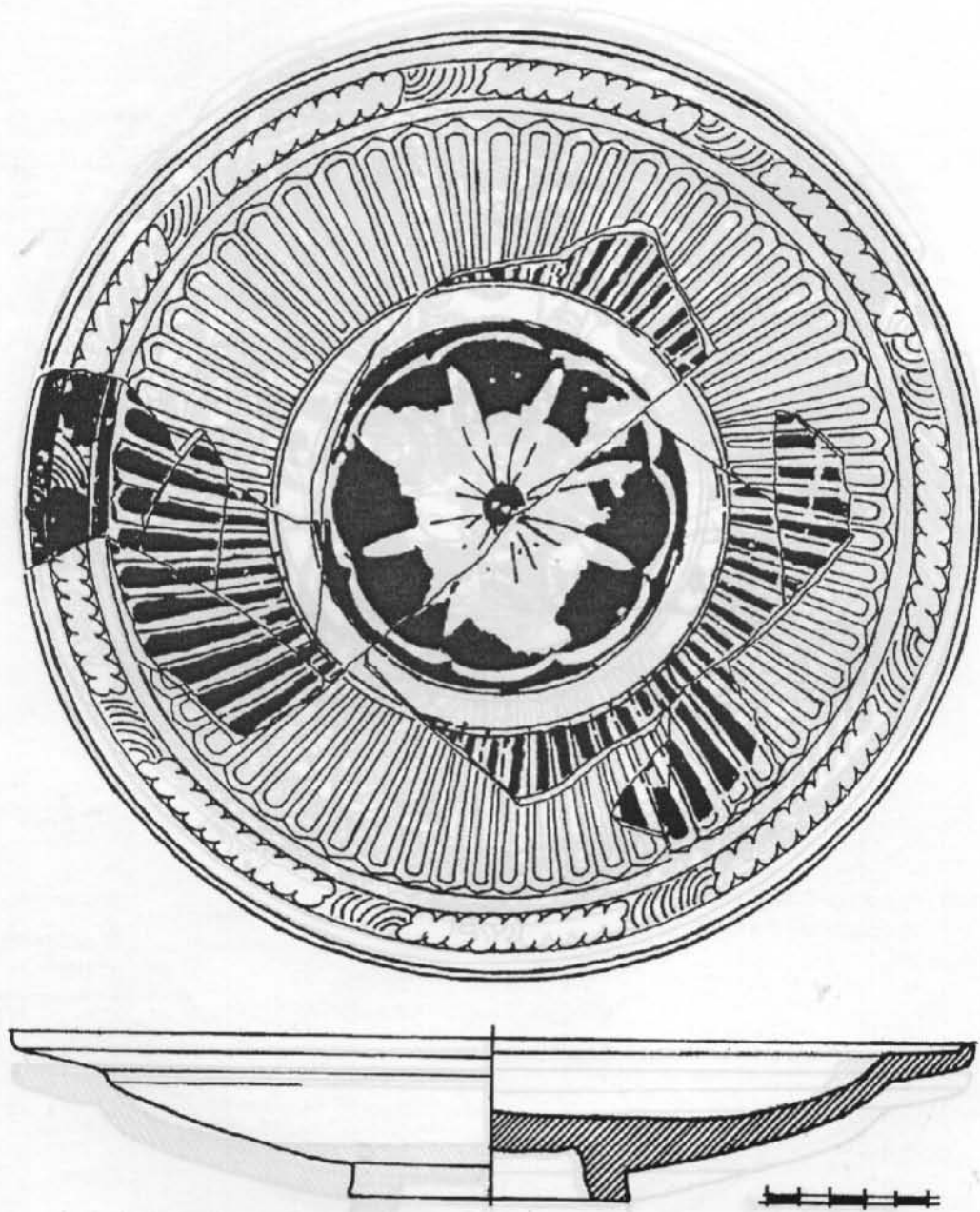


Рис. 336. Красноглиняное поливное блюдо с подглазурной росписью кобальтом из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

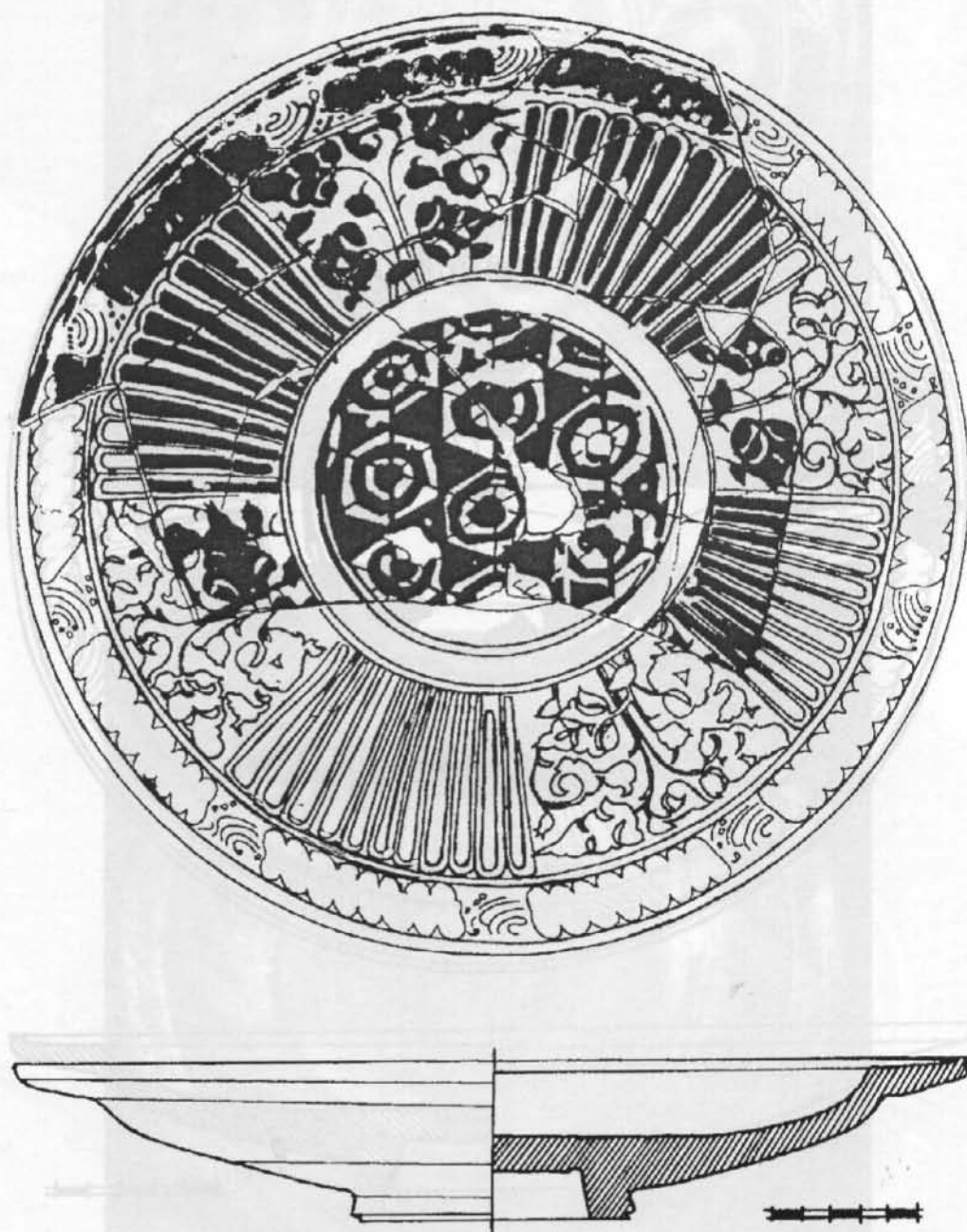


Рис. 337. Блюдо с подглазурной росписью кобаль-
том из слоя пожара 1475 г.

Рис. 340. Блюдо с подглазурной росписью
из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна



Рис. 342. Подпись на керамике
из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

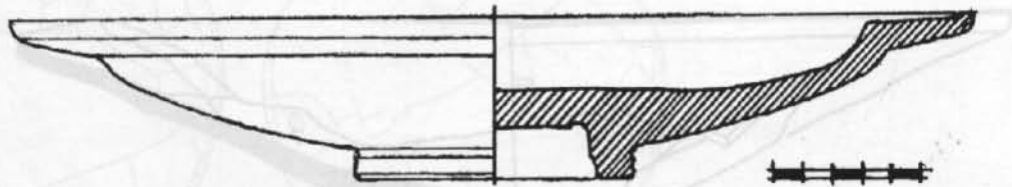


Рис. 338. Блюдо с подглазурной росписью кобальтом
из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

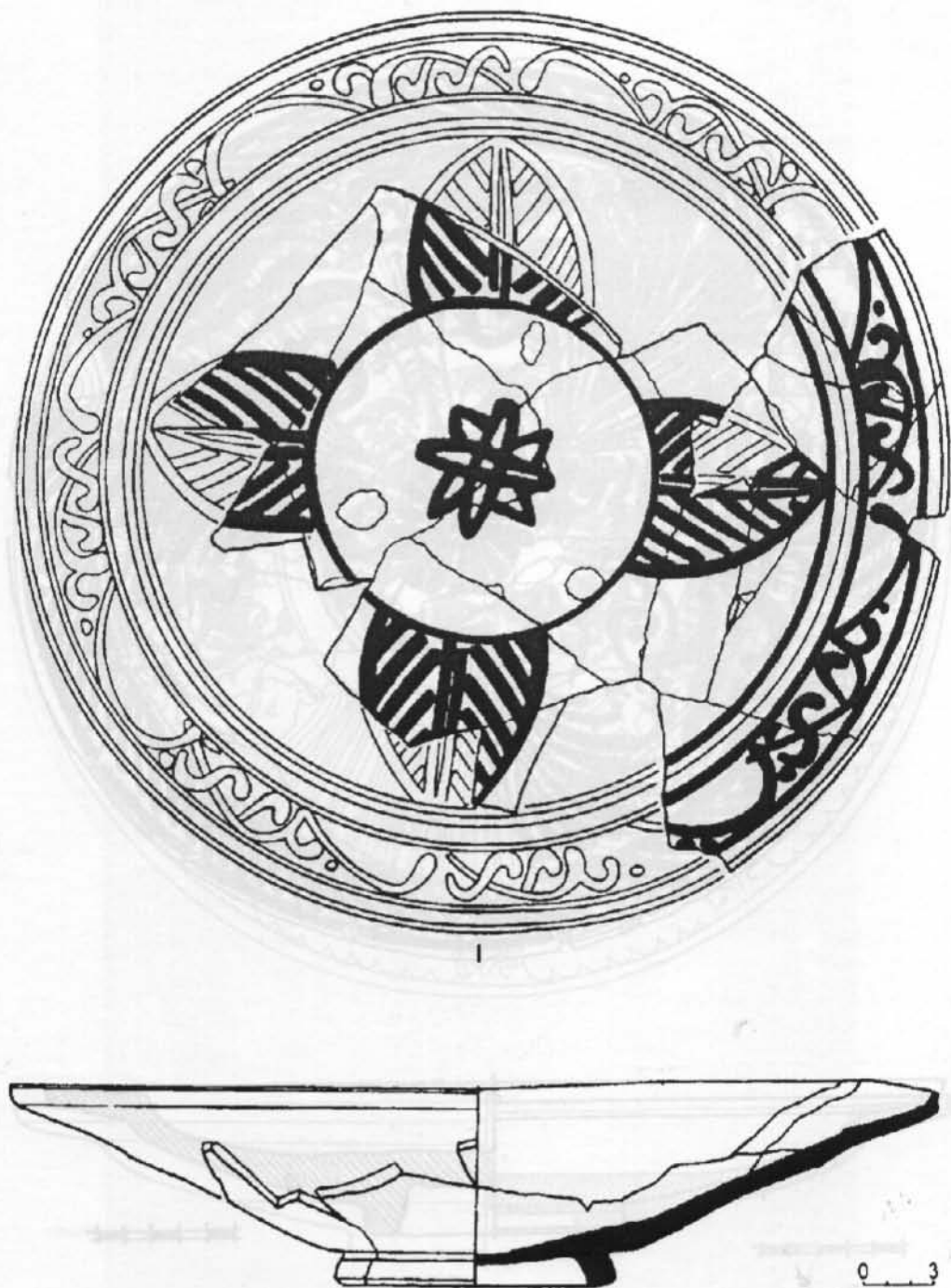


Рис. 339. Розовоглиняное блюдо с люстровым покрытием и кобальтовой росписью из слоя пожара 1475 г. в замке у селения Фуна

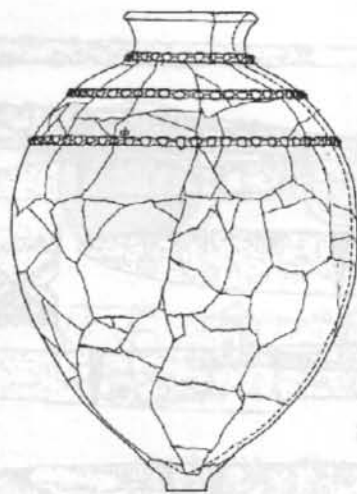
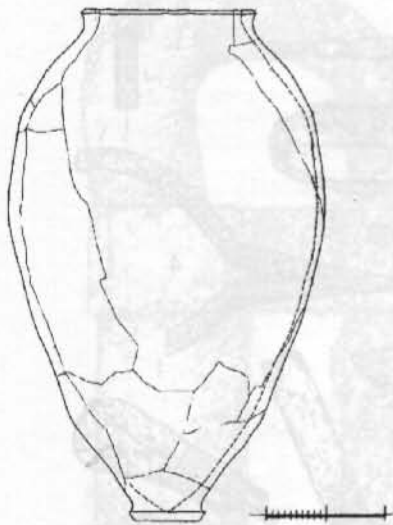


Рис. 340. Пифосы из слоя пожара 1475 г. в помещении XXXII замка у селения Фуна

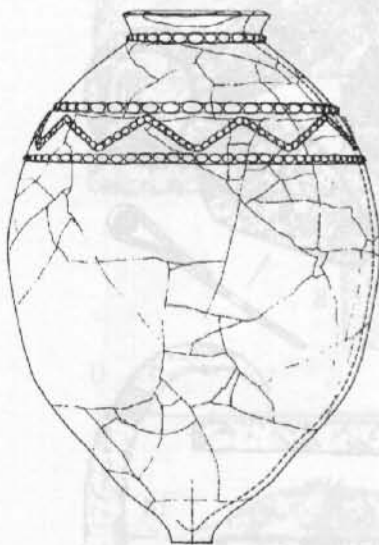


Рис. 341. Пифосы из слоя пожара 1475 г. в помещении XXXII замка у селения Фуна

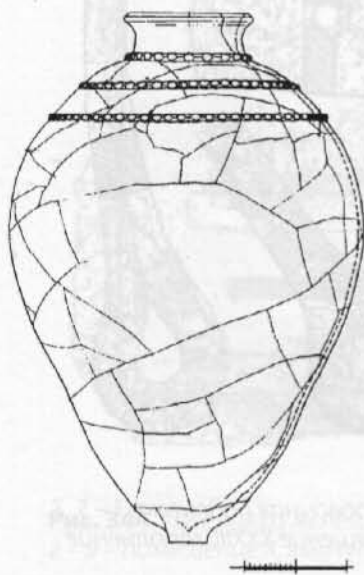


Рис. 342. Пифосы из слоя пожара 1475 г. в помещении XXXII

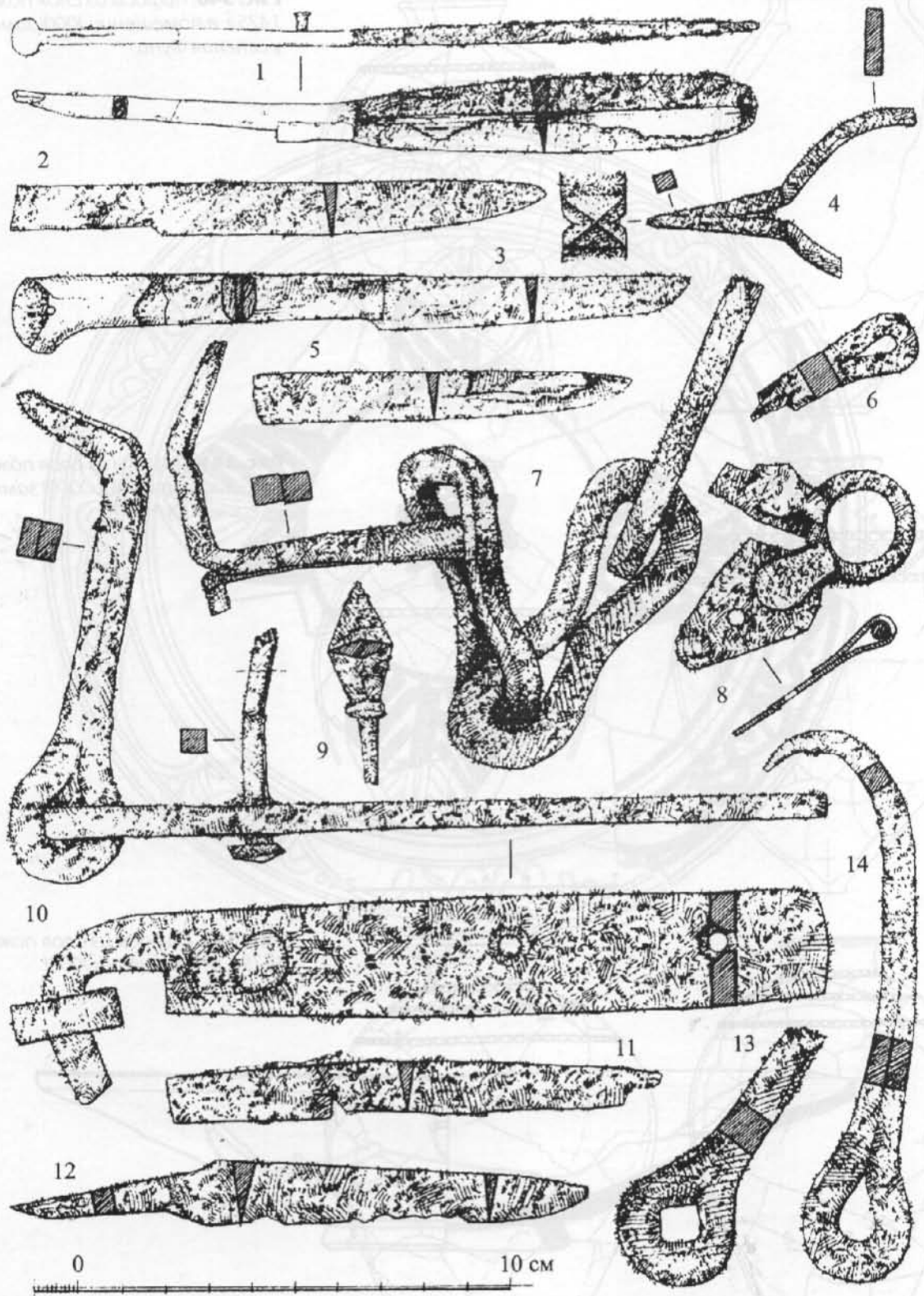


Рис. 343. Находки из железа в замке Фуна: 1, 2, 6, 12, 13 – двор № 2; нивелировочная подсыпка; 3 – 5, 7, 8, 10 – 14 – двор № 1, слой пожара 1475 г.; 11 – двор № 1, подсыпка; 9 – помещение XXXIII, заполнение выгребной ямы

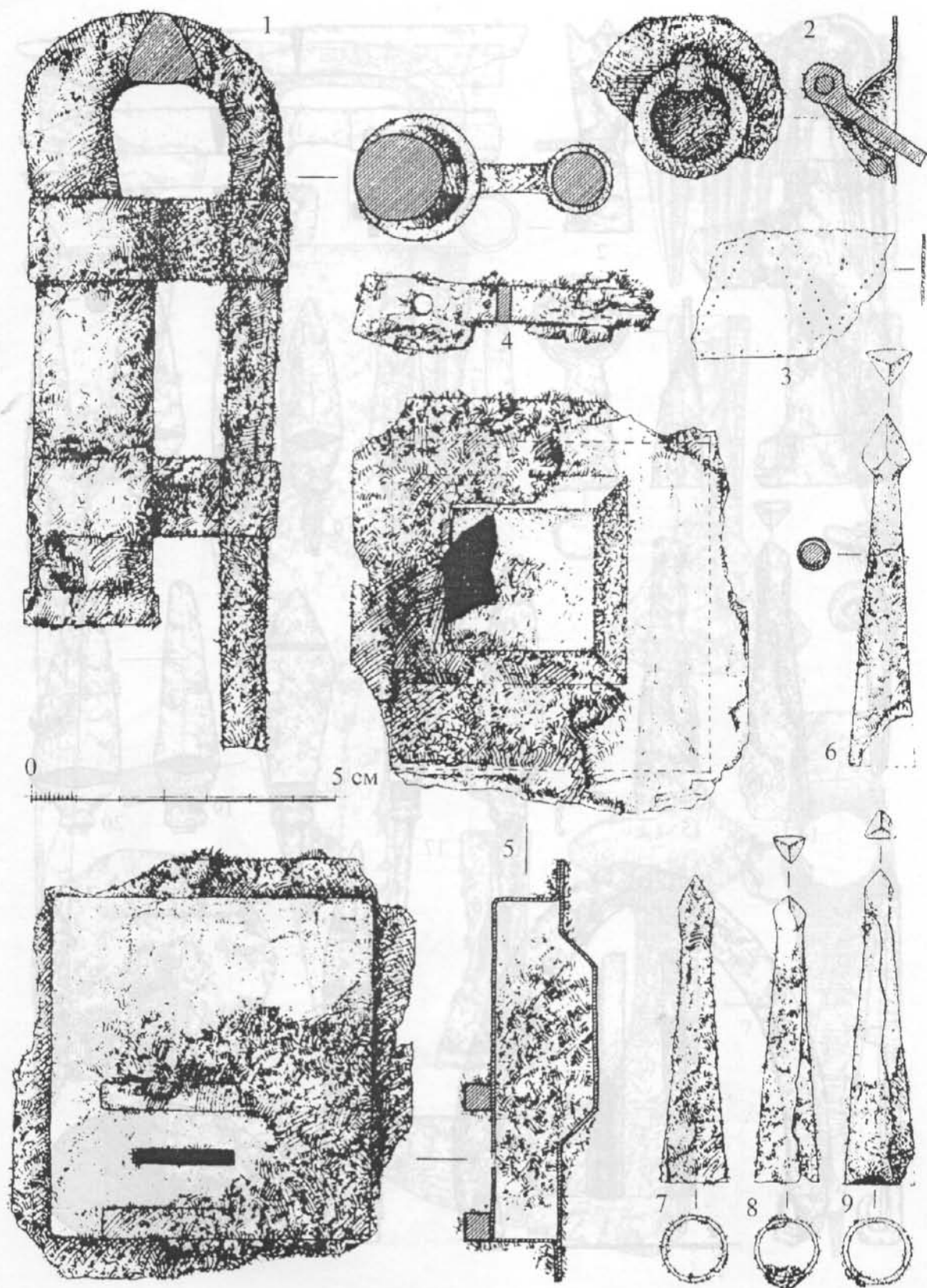


Рис. 344. Изделия из железа и меди, найденные в замке Фуна: 1 – помещение XXXIII, слой пожара 1475 г.; 2 – 9 – помещение X, яма № 7, заполнение ямы

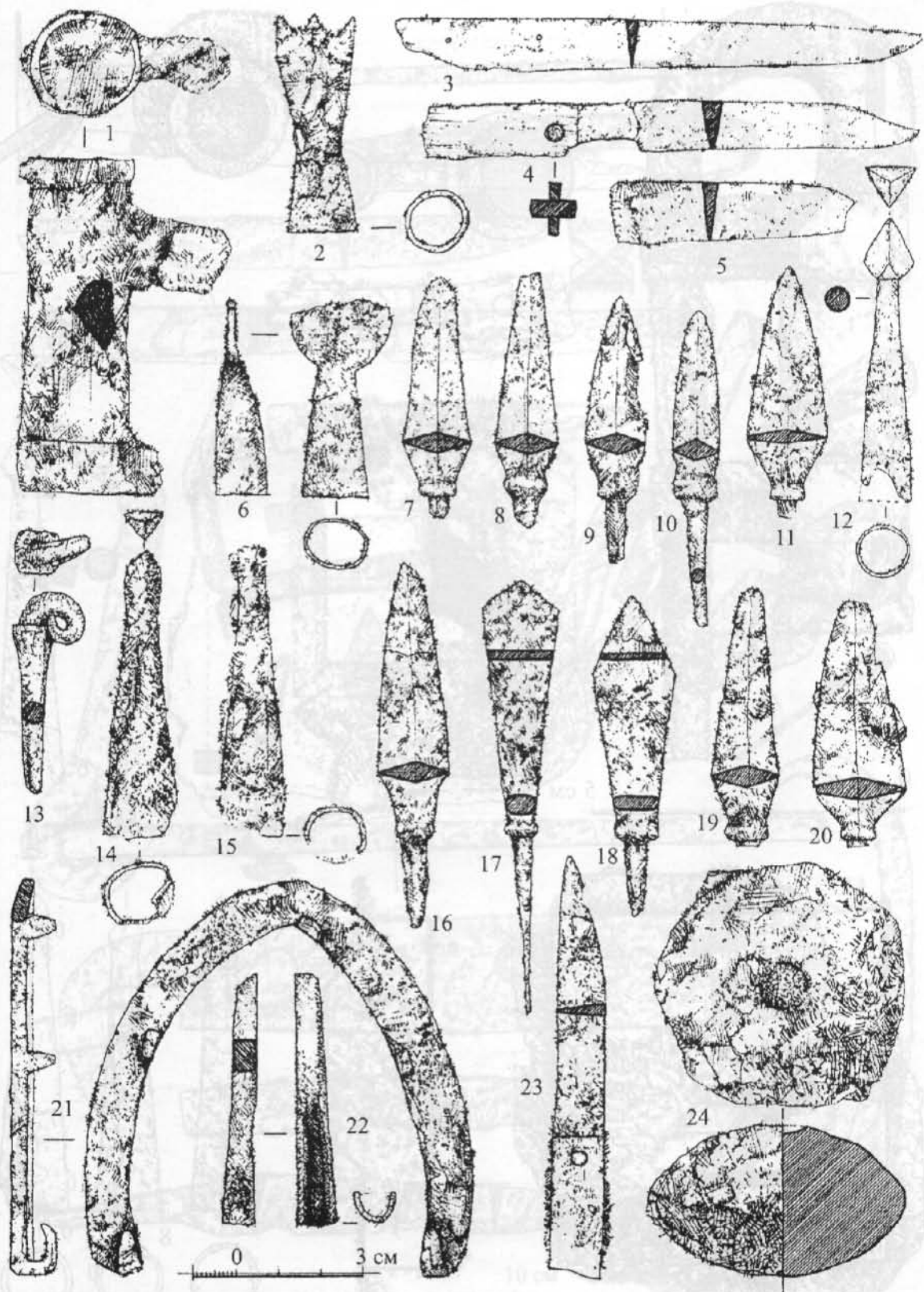


Рис. 345. Находки из железа в замке у селения Фуна: 1, 3 – 6, 7, 10, 13, 21 – из слоя подсыпки во дворе № 2; 14 – пом. XXXII, слой пожара 1475 г.; 20 – раскоп № 3, слой завала; 9, 16, 18, 22, 23, 24 – слой подсыпки во дворе № 1; 2, 20 – слой пожара во дворе № 2; 15, 17, 19 – слой пожара во дворе № 1

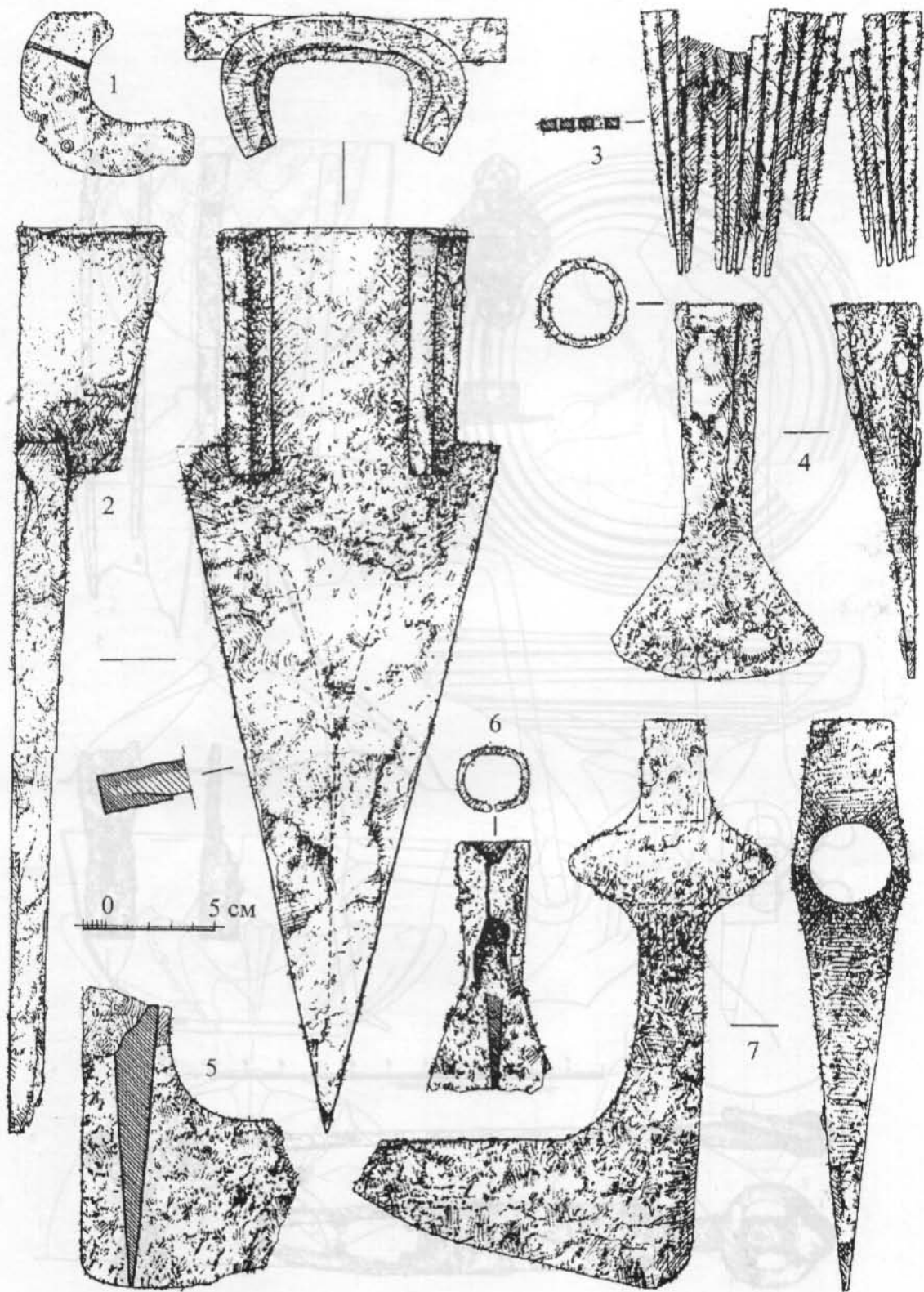


Рис. 346. *Находки орудий труда из раскопок замка Фуна: 1, 2, 4, 5 – из слоя пожара во дворе № 1; 3, 6 – из слоя пожара в помещении XXVIII; 7 – из слоя пожара в помещении XXIX*

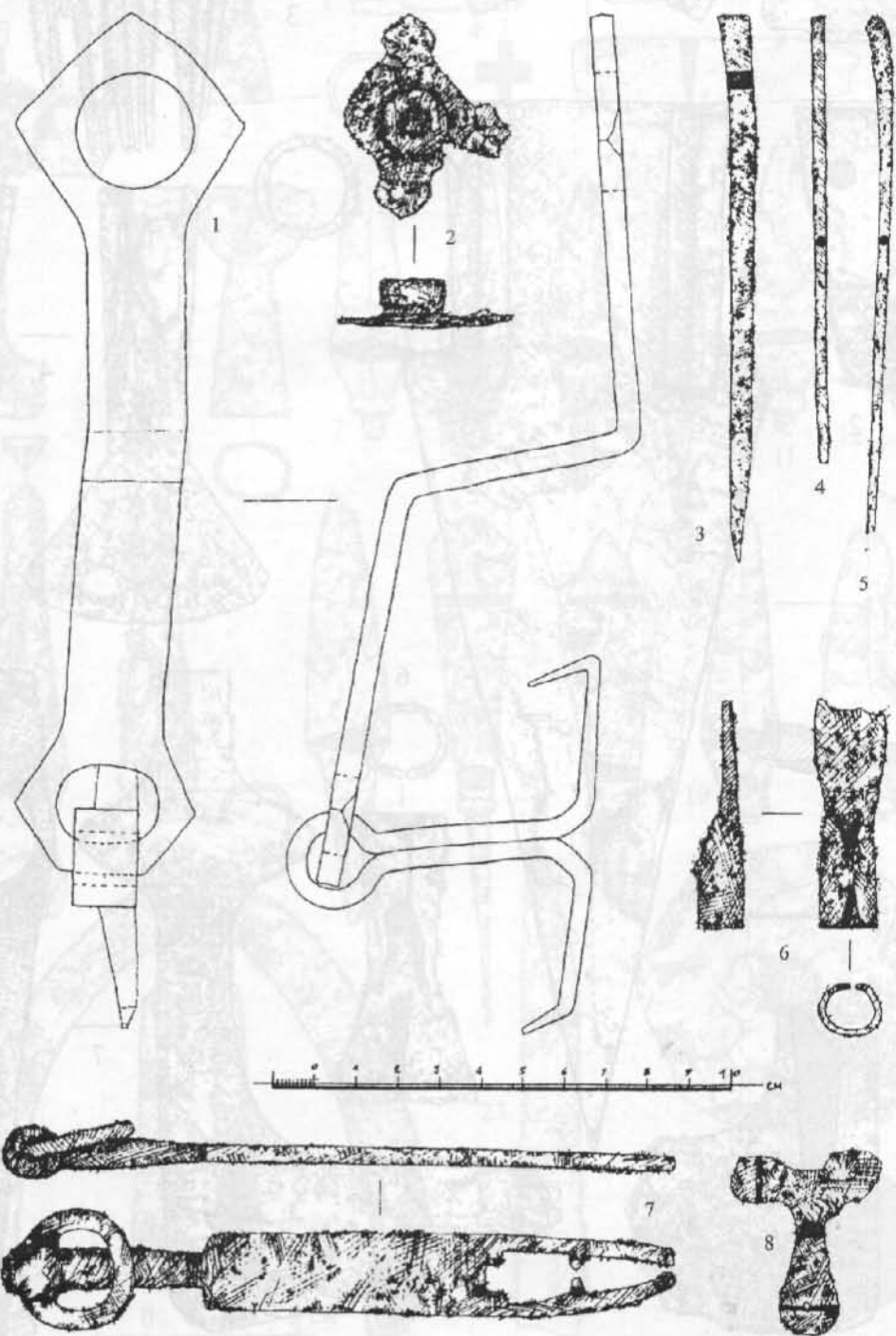


Рис. 347. Железные предметы из раскопок замка Фуна: 1 – из слоя пожара 1475 г. во дворе № 2; 2 – из слоя подсыпки во дворе № 1; 3 – 7 – из слоя подсыпки во дворе № 2

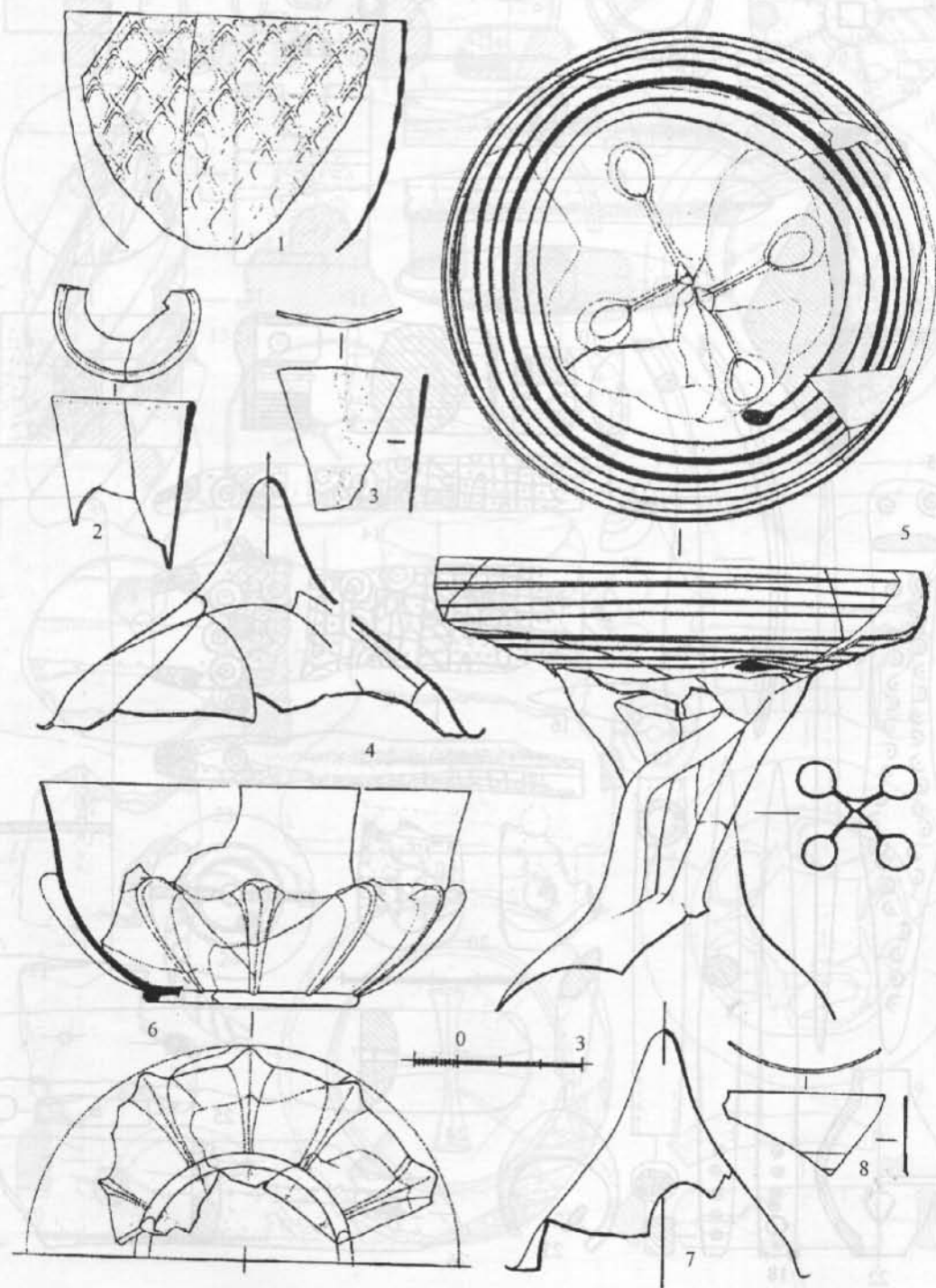


Рис. 348. Находки из стекла: 1, 5 - 7 - помещение XXXIII, заполнение выгребной ямы; 2 - 4, 8 - двор № 1, слой пожара 1475 г.

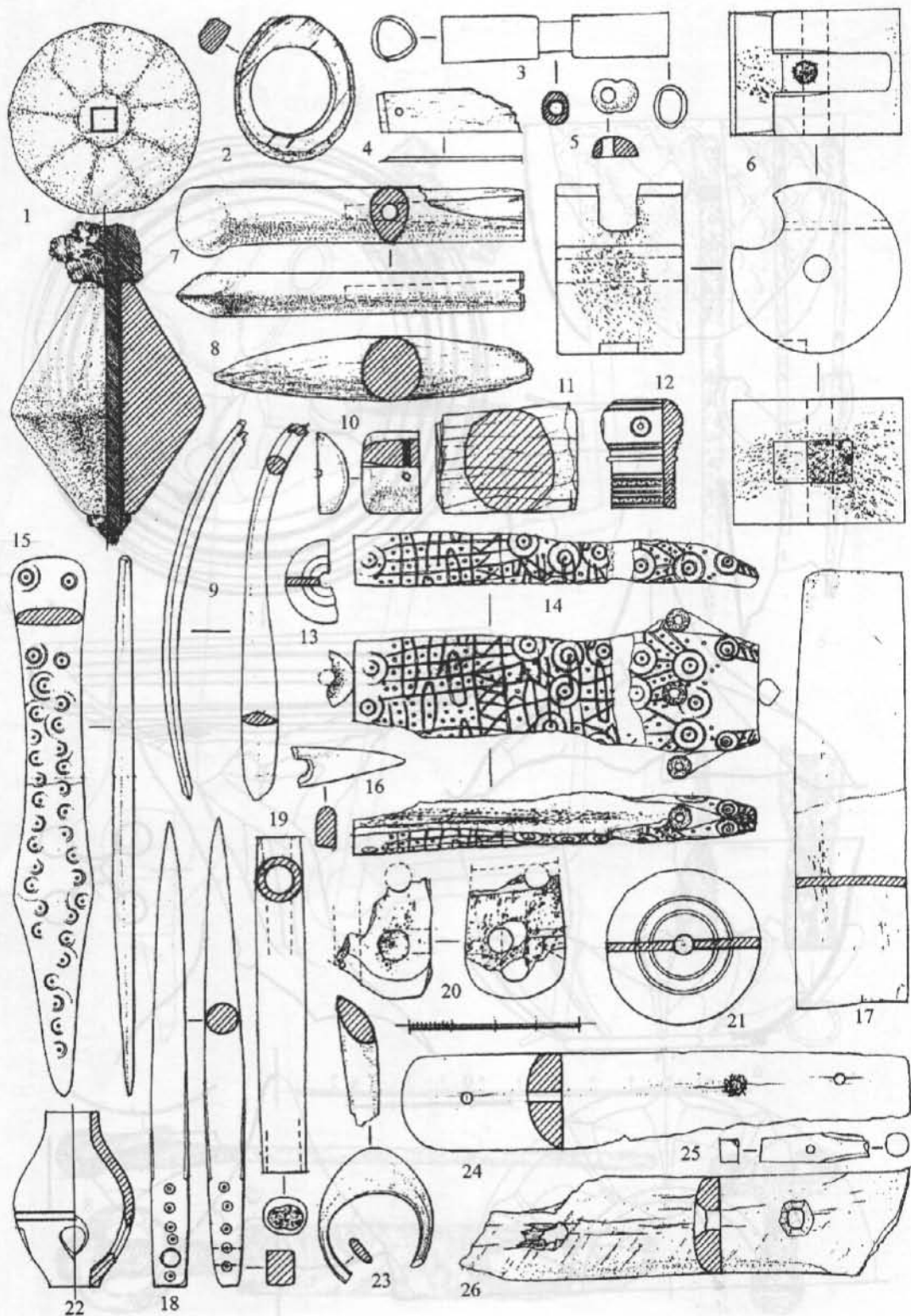


Рис. 349. Изделия из кости: 1 – 4, 12 – из слоя подсыпки во дворе № 2; 5, 6, 8, 18, 25, 26 – из подсыпки во дворе № 1; 15, 17 – из слоя пожара 1475 г. в помещении V; 21 – из слоя подсыпки в помещении VI; 24 – из слоя пожара в пом. XXIX; 25 – из слоя завала в пом. XXII; 13 – из ямы № 7, в пом. X; 16 – из ямы № 1 во дворе № 1; 14 – из ямы № 5 в пом. XXIX; 7 – из слоя пожара во дворе № 2; 11 – из ямы № 11; 20, 22 – из слоя подсыпки пола в пом. XXX; 9, 10, 19 – слой пожара во дворе № 1

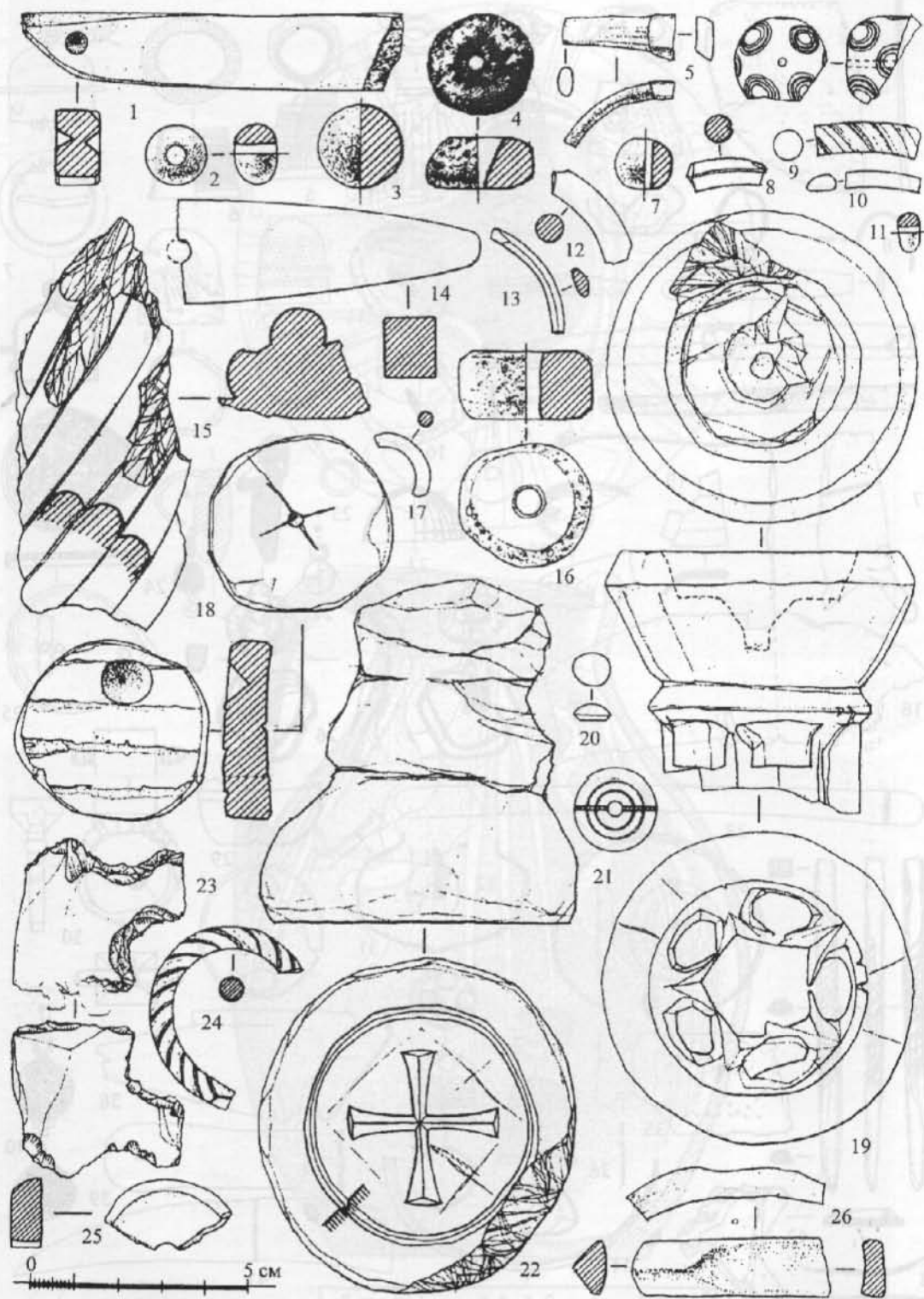


Рис. 350. Изделия из камня, стекла, керамики, кости: 1, 2, 4 – из слоя подсыпки во дворе № 2; 3, 5, 7 – из слоя пожара во дворе № 2; 6 – из ямы № 1; 9, 10 – из слоя пожара в пом. V; 14 – из слоя пожара в пом. XXXII; 11 – 13, 8 – из нивелировочной подсыпки в пом. VI; 16 – из слоя разрушения в пом. XXXI; 17 – из ямы № 7; 22 – из заполнения между кладками 66 и 67 (в пожаре); 26 – из подсыпки в пом. XXXIV; 20 – из подсыпки во дворе № 1; 15, 18, 21 – из слоя пожара во дворе № 1; 24 – из завала в пом. XXIX; 25 – случайная находка

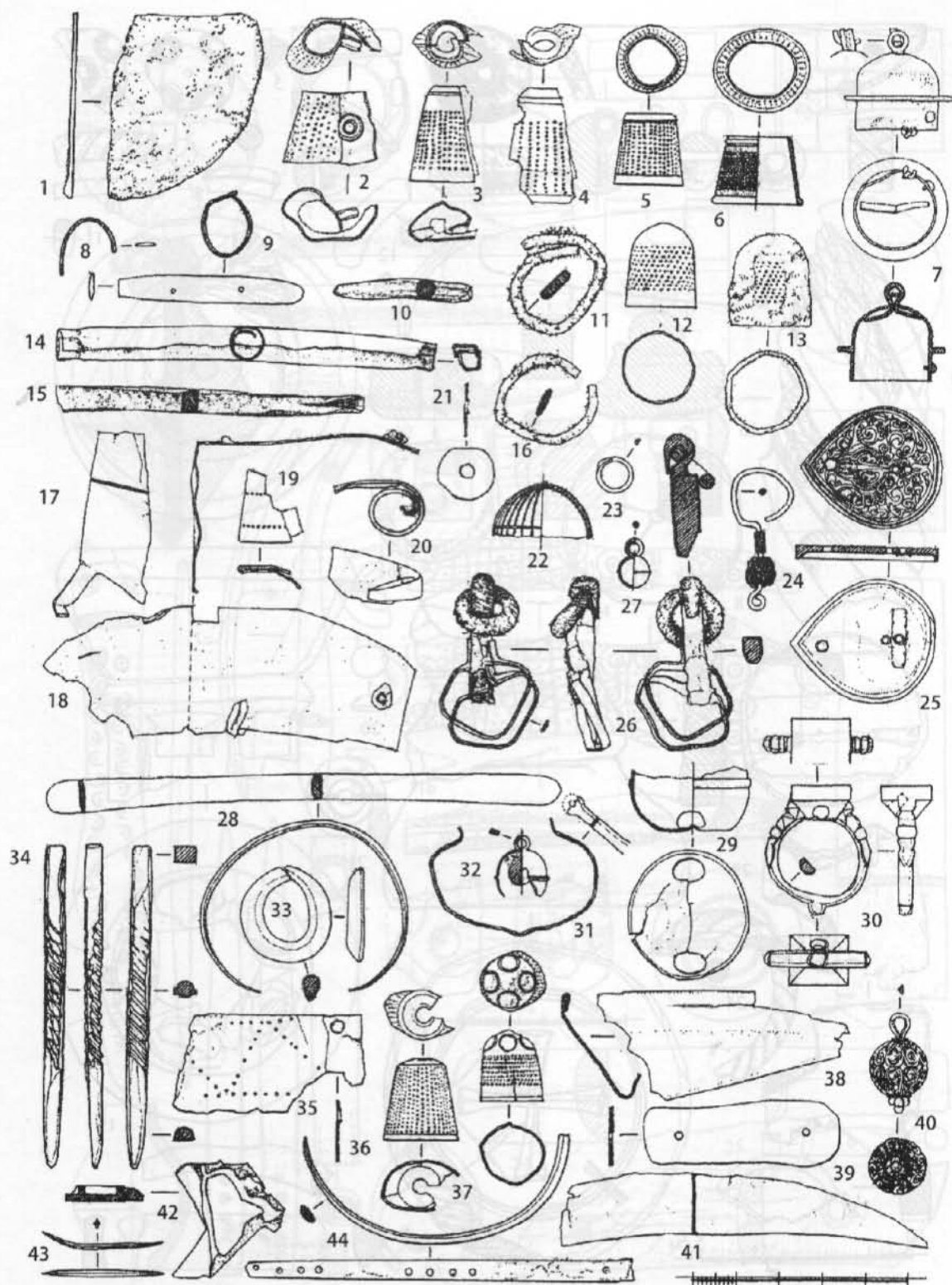


Рис. 351. Изделия из цветных металлов: 1, 3, 4, 9, 10, 14, 15 – из слоя нивелировочной подсыпки во дворе № 1; 13, 25, 32, 34 – из слоя пожара во дворе № 1; 16 – из ямы № 1; 31 – из слоя подсыпки пола пом. X; 33, 36 – из заполнения пифосной ямы в пом. XXX; 27, 44 – из ямы № 11; 12, 42 – из слоя пожара в пом. XXXII; 24, 38 – из нивелирующей подсыпки пом. XXX; 17 – 20, 39, 41 – из слоя пожара в пом. XXVIII; 28 – из слоя пожара в пом. V; 23, 29, 30 – из слоя пожара в пом. XXIX; 35, 37, 43 – из ямы № 7; 40 – из слоя завала в раскопе № 3

Их раскопки затронули два объекта: 1) церковь (Данилов, 2001, с. 93–94; Данилов, Алексеева, 2002, с. 28–37), расположенную в левинском (7) квартале Чамбалы, и 2) бастион 35. В

куртыной во, Дачин

Однако

2001 г.

педиче

ского фр

на участ

выявлен

запечат

XVI в. Д

не 1,60 м

северо-

внутрен

от пред

обмазку

гиром.

формир

дающего

достига

Уровень

Северо-

ония, с

монум

ра на ур

стен, вы

шла жор

Северо-

западн

часть д

ва клад

сти, ос

после

внутрен

М. Раско

режуре

Вашин

исполн

ане из

от 20 д

на сев

ны из

(Губар

добле

с. 30–3

длени

зрени

челове

итам

находк

удало

напер

павещ

дник,

мон е

Дачин

мира в

зрени

шай и

и. Стер

Барбар

По этой же причине находки на уровне пола базилика немногочисленны. Только в северо-западном углу, на изрытой обшивке пола со

восточной стороны обнаружены лезвие

молотка и

примкати

от саль

(рис. 351).

Важнейшей монетно-денежной аномалией является находка XV в.

В северо-западном углу, на изрытой обшивке пола со

восточной стороны обнаружены лезвие

молотка и

примкати

от саль

(рис. 351).

Важнейшей монетно-денежной аномалией является находка XV в.

В северо-западном углу, на изрытой обшивке пола со

восточной стороны обнаружены лезвие

молотка и

примкати

от саль

(рис. 351).

Важнейшей монетно-денежной аномалией является находка XV в.

В северо-западном углу, на изрытой обшивке пола со

восточной стороны обнаружены лезвие

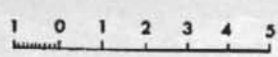
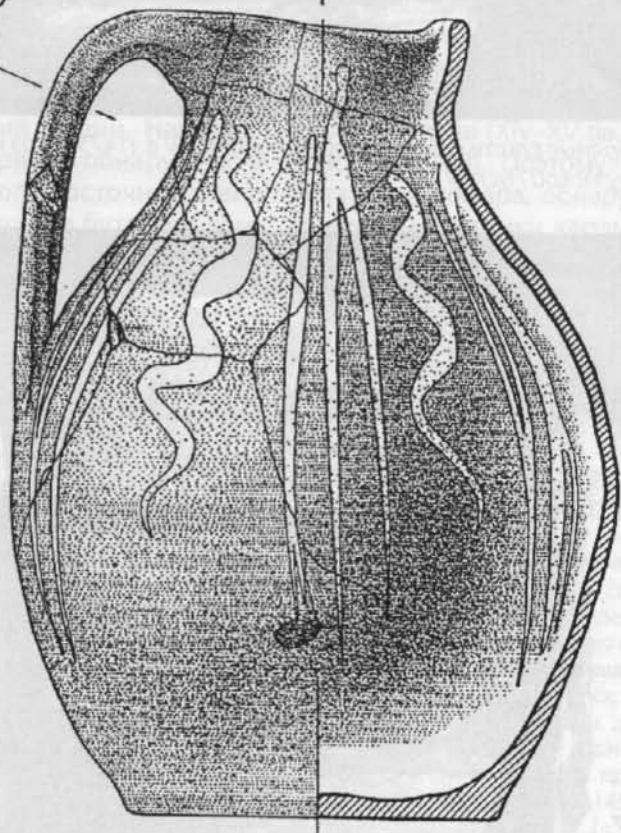
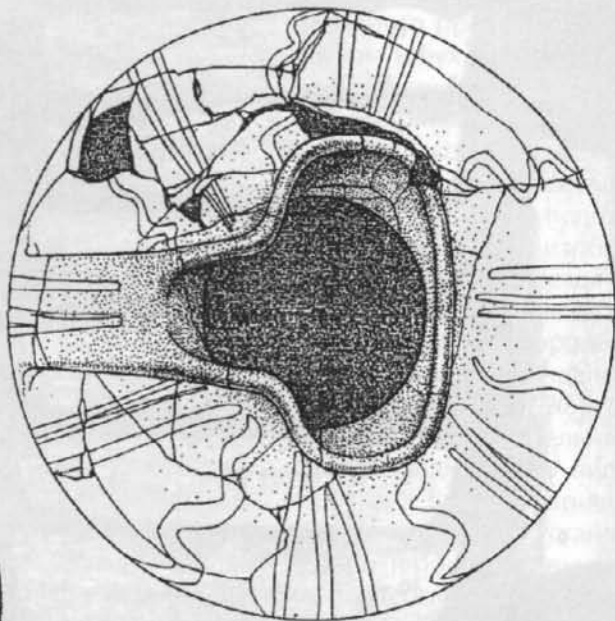


Рис. 352. Кувшин, в котором находился клад из 17 серебряных слитков XV в. (1475 г.), найденный в цитадели генуэзской Лусты

Дачин, 2001, с. 93–94; Данилов, Алексеева, 2002, с. 28–37), расположенную в левинском (7) квартале Чамбалы, и 2) бастион 35. В куртыной во, Дачин

По этой же причине находки на уровне пола базилика немногочисленны. Только в северо-западном углу, на изрытой обшивке пола со

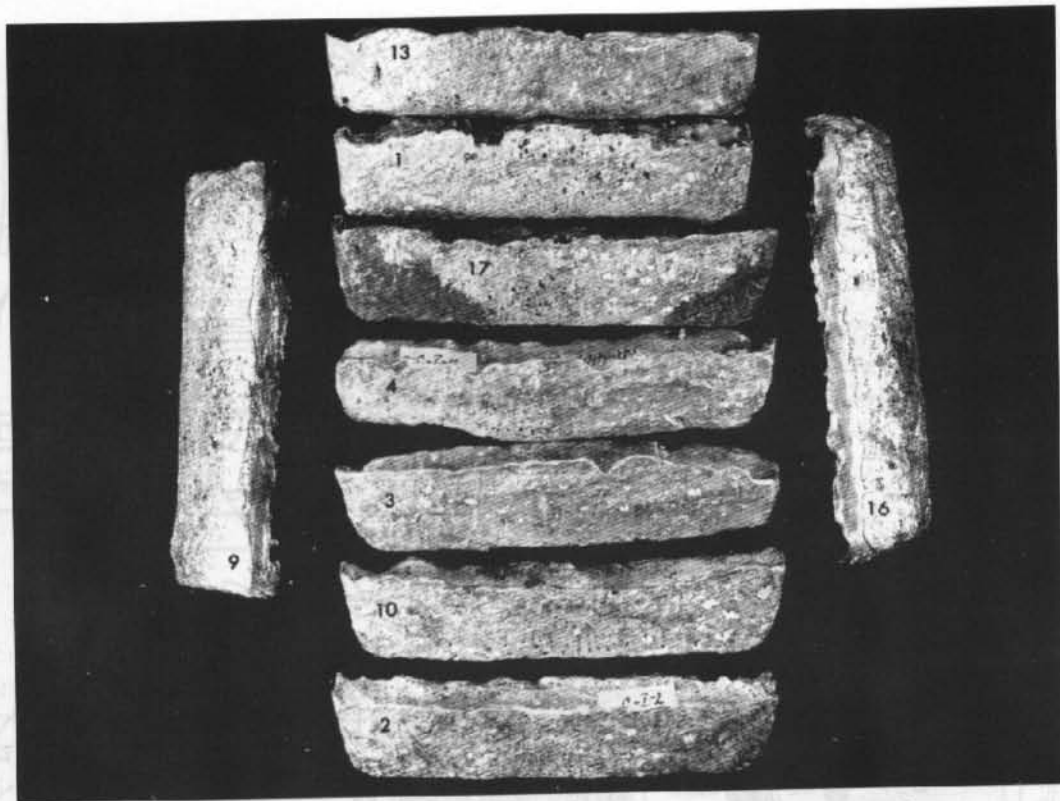


Рис. 353. Серебряные слитки (9) второй половины XV в. (1475 г.?) из клада, обнаруженного в цитадели генуэзской Лусты

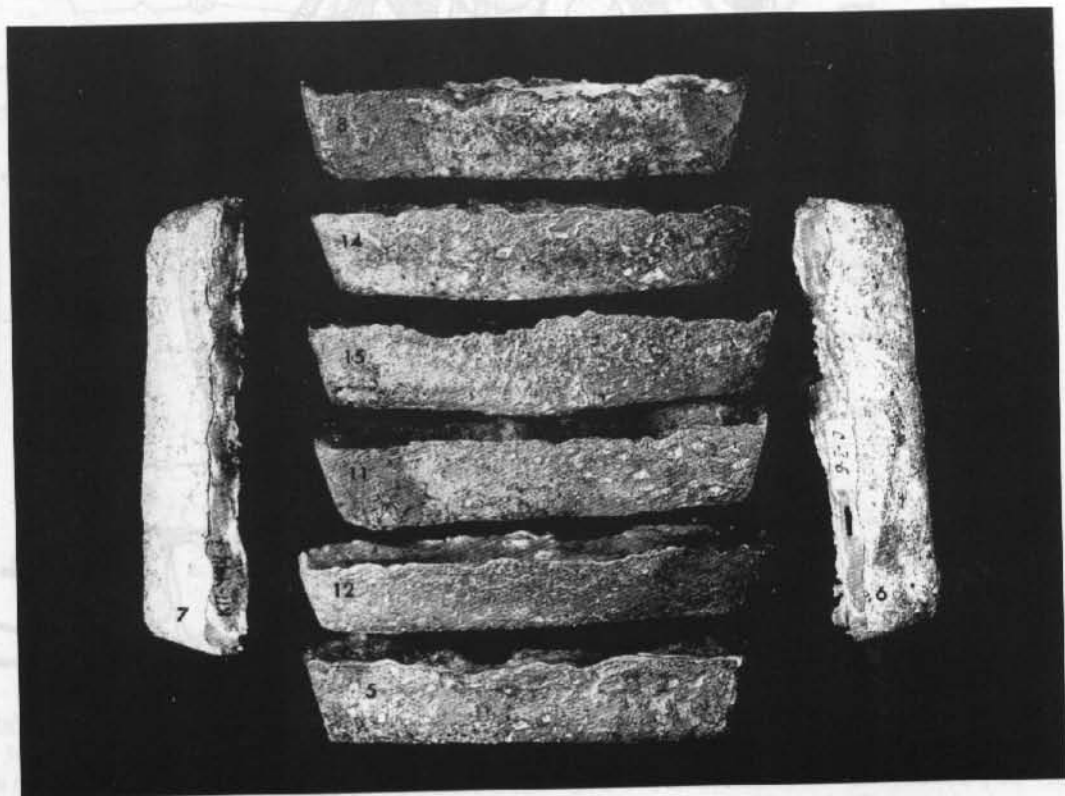


Рис. 354. Серебряные слитки (8) второй половины XV в. (1475 г.?) из клада, обнаруженного в цитадели генуэзской Лусты

Их раскопки затронули два объекта: 1) церковь [Дьячков, 2001, с. 93–94; Дьячков, Алексеенко, 2002, с. 28–37], располагавшуюся в латинском (?) квартале Чембало, и 2) башню № 8 с примыкающей к ней куртиной и хозяйственным помещением [Алексеенко, Дьячков, 2007, с. 81–87]⁵².

Однако в результате исследований 2002–2003 гг., проводившихся Южно-Крымской экспедицией Государственного Эрмитажа и Крымского филиала ИА НАНУ в крепости Чембало, на участке раскопок башни «Барнабо Грилло» выявлен слой пожара 1475 г. Следы разрушения залегали под слоем засыпи второй половины XVI в. [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 19], на глубине 1,60 м у юго-западной стены (кл. 18), 2,25 м у северо-восточной (кл. 2), где открыт пол (№ 3) внутреннего помещения башни. Он отличался от предыдущих тем, что имел поверхностную обмазку белым строительным известковым раствором. Его поверхность оказалась сильно деформированной в результате просадки подстилающего грунта. В центральной части просадка достигала 0,25–0,27 м, уменьшаясь к юго-западу. Уровень пола сохранился *in situ* только вдоль северо-западной и северо-восточной стен строения, т. к. в качестве основания использовались монументальные кладки (кл. 8 и 9). Следы пожара на уровне пола чётко прослеживались вдоль стен внутреннего помещения башни. Наибольшее количество остатков горения обнаружено в северо-западном углу, а на юго-восточной стене чётко виден провал штукатурки и бутового камня кладки от воздействия огня. По всей видимости, остатки сгоревших деревянных конструкций после пожара (хотя и не тщательно) убраны из внутреннего помещения башни.

⁵² Раскопки 2004–2007 гг. дали необычайно интересные результаты, но они, к сожалению, пока полностью не опубликованы. К числу уникальных для средневековой археологии Крыма следует отнести открытое здесь скопление из 200 каменных ядер диаметром 25–40 см и весом от 20 до 70 кг. По мнению исследователей, в конце XIV в. на северном склоне г. Кастрон на высоте 57 м над уровнем моря находилась метательная машина типа требюше (*trebuchet*), из которой генуэзцы могли обстреливать корабли противника у входа в бухту [Алексеенко, Дьячков, 2007, с. 85–86, рис. 5]. Вместе с тем, не могу не удивляться, когда авторы высокопарно называют обнаруженные в помещении 3 обычные железные крицы, лежащие в горне, «плотно уложенными обломками чугунных, плохо сохранившихся пушечных ядер». Это тем более удивительно, что мы с исследователями цитадели Чембало обсуждали находку «чугунных пушечных ядер». Но, очевидно, мне не удалось убедить коллег избавиться от «оригинальной» интерпретации. Столь же неубедительна и датировка помещения 3, якобы входившего «в хозяйственный комплекс, возникший после 1475 г., когда «консульский замок» крепости утратил свое оборонительное значение» [Дьячков, 2005, с. 224; Алексеенко, Дьячков, 2007, с. 84]. Виденный мною в ходе раскопок на полу (со следами пожара) помещения 3 материал (археологически целый поливной кувшин и горшок), скорее следует отнести именно к 1475 г., и, следовательно, связывать с генуэзским, а не османским периодом существования памятника.

По этой же причине находки на уровне пола башни немногочисленны. Только в северо-западном углу, на известковой обмазке пола со следами сильного горения, обнаружено лезвие железного проушного топора с молотковидным обухом (обух оказался рассечённым вертикальной трещиной, образовавшейся, видимо, от сильного удара) [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 20, рис. 85].

Отсюда же происходит и единственная монетная находка, представляющая собой медный анонимный пул второй половины XIV — начала XV в. (налицевой стороне изображён лев, идущий влево, вверху помещена звезда в оправе; на оборотной стороне в квадратном картуше с «узлами счастья», украшенными по сторонам несколькими точками, помещена арабская надпись: «Пул Крыма») [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 20, № 19 описи монет].

Более представительная археологическая коллекция предметов XV в. происходит из раскопок барбакана башни «Барнабо Грилло» (рис. 355). В ходе исследований установлено, что в османский период территория внутреннего двора барбакана подверглась основательной перепланировке (рис. 356). Появился валганг, позднее (вдоль проезда) дополненный однолицевой крепидой, выровненный и превращённый в платформу для размещения пушек. Грунт для сооружения валганга и пушечной площадки брался из строений генуэзского времени (XIV–XV вв.), разрушенных в 1475 г. (рис. 357; 358). Поэтому в насыпи, насыщенной остатками пожара, обнаружены многочисленные предметы (обломки керамических сосудов, наконечники стрел, арболетные болты, пластины от доспехов, изделия хозяйственного и бытового назначения, монеты и проч.) второй половины XIV–XV вв. [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, с. 49, рис. 62–84, 86–97, 99–110] (рис. 359–372). Среди данных находок к числу раритетов следует отнести бронзовый (плакирован серебром) боцманский свисток в виде корабельного орудия (рис. 364: 29) и красноглиняный поливной антропоморфный кувшин (рис. 366)⁵³.

⁵³ В ходе исследования внутренней территории барбакана собрана значительная по своему составу нумизматическая коллекция. Всего найдено 107 монет. Из них 24 имеют плохую сохранность, что не позволило дать их точное определение [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2004, с. 50–51; 104–126. Опись монет Н. А. Алексеенко]. Остальные 83 монеты относятся к IX–XVIII вв. Среди них доминируют номиналы XV в. (42 шт., т. е. более 50%). В данной группе артефактов наибольшим числом (22 шт.) представлены монеты Хаджи-Гирея (1433/34, 1441/42–1456, 1456–1466 гг.), чеканенные в основном в 867 г.х. (= 1462/3 г.), во время третьего правления основателя Крымского ханства. Следующую группу составляют находки татаро-генуэзских аспров и фолери (12 шт.), выпускавшихся в Каффе на протяжении 20–70-х гг. XV в. К числу довольно редких находок следует отнести монету Нур-Девлет-Гирея (1466–1467/68, 1475–1478 гг.), чеканенную в г. Крым не ранее сентября 1466 г., и серебряный грош Стефана III (1457–1504 гг.), выпущенный в г. Сучаве в 1457–1476 гг.; дирхемы, чеканенные в Астрахани (Хаджи-Тархан) от имени ханов Улу-Мухаммеда (1421–1437 гг.) и Сеид-Ахмеда (1432–1459 гг.). Не менее многочисленны монеты (дирхемы и пулы) ханов Золотой

Наличие следов пожара и многочисленных предметов второй половины XV в., выявленных в результате исследования башни «Барнабо Грилло», впервые даёт возможность ответить на вопрос о судьбе города в 1475 г. Теперь с большей степенью уверенности можно говорить о том, что жители Чембало оказали войскам Гедык-Ахмед-паши сопротивление. Поэтому город был взят турками штурмом и сожжён.

Ещё более скудными сведениями приходится оперировать при рассмотрении истории главного порта феодоритов — Каламиты, — хотя проводившиеся здесь в 80-е гг. XX в. раскопки должны были дать ясный ответ о судьбе города и крепости в 1475 г. Хорошая сохранность оборонительных сооружений Каламиты позволяет только предполагать, что её жители не оказали сколько-нибудь серьёзного сопротивления войскам Гедык-Ахмет-паши. Турки впоследствии использовали её порт в качестве военно-морской базы для доставки в Юго-Западный Крым экспедиционного корпуса, снаряжения и продовольствия при организации блокады и осады Мангупа.

Особенно трудным делом оказалось для турок завоевание Феодоро (рис. 373–374) [Герцен, 1990, с. 148–154; 2001, с. 366–386]. Город был захвачен только к концу (?) декабря после продолжительной осады [Atti, 1879, VII/2, p. 488; Heyd, 1886, II, p. 405]. Благодаря многолетним исследованиям крепостного ансамбля, осуществлённым А. Г. Герценом, удалось восстановить не только ход осады, но и направления предпринимавшихся османами штурмов (случай уникальный в практике средневековой археологии Крыма) [Герцен, 1990, с. 148–154; 2001, с. 366–386].

Мангуп постоянно обстреливался из орудий большого калибра (с диаметром стволов 35 и 40 см и ядрами весом соответственно 56 и 86 кг [Герцен, 1990, с. 151]), и в течение трёх месяцев был полностью блокирован, что вызвало голод среди его населения, достигавшего на тот момент 15 тыс. человек [Vasiliev, 1936, p. 259].

Са'эд-Дин (1536–1599 гг.) сообщает, что Гедык-Ахмет-паше, несмотря на все предпринятые ранее усилия, удалось захватить город Феодоро, только применив тактическую хитрость. Командующий турецкой армией создал видимость поспешного отхода войск и снятия блокады (приём, хорошо известный в военном искусстве стран Запада [Макиавелли, 1996, с. 502] и Востока [Зайончковский, 1974, с. 13]). Когда осаждённые вышли из крепости и на-

пали на аррьергард турок, их атаковали из засады лучшие части (янычары и сипаги?), оставленные великим визирем для этой цели. Отрезав путь к отступлению защитникам Мангупа, турки ворвались в город и устроили там резню [Vasiliev, 1936, p. 254–257; Герцен, 1990, с. 154; 2001, с. 382–385].

Однако в одной из недавно опубликованных работ А. Г. Герцен, оперируя материалами своих исследований оборонительных рубежей Мангупа, при реконструкции хода осады крепости турками, чрезмерно доверяет единственной использованной им версии источника Ашик-Паша-Заде [Ашик-Паша-Заде 2001, с. 366–386]. Полемизируя при этом с А. А. Васильевым, привлёкшим весь доступный и наиболее полный до настоящего времени свод турецких и других источников по истории завоевания Феодоро.

Среди них, безусловно, наиболее содержательным можно признать повествование событий у Са'эд-Дина, которое считаю необходимым представить на суд читателя в том виде, в каком оно изложено в работе А. А. Васильева: «Захват города Менкуба. Ахмед Паша Гедук подчинил всю область Каффы и Азака (Азова) и потом задумал завоевать также и область Менкуба; он повёл осаду этого очень укрепленного города и после нескольких сражений разрушил его стены. Техур (*tekur*) был так напуган, что лишился сна и покоя и, чтобы спасти свою собственную жизнь и жизнь своей семьи, он покинул город и тотчас же пошёл навстречу Паше и объявил о том, что он покоряется и присягает на верность султану. Но в городе был один из его родственников, который был очень упрямым и настойчивым и упорно оборонял город. Поэтому техур, негодующий и обиженный, пытался убедить его прекратить сопротивление. Но когда техур пришёл в город и пытался убедить его сдаться, крича и говоря ему: „Сопротивление кончится очень плохо!“, остальные не обращали на это никакого внимания и не прекращали сражаться и защищать город. Увидев, что захват города силой займёт много времени, Паша притворился, что оставляет город. Он ушёл с большою частью своих воинов и оставил только небольшую часть своих солдат для осады города. Он притворился, что хочет вернуться домой, а на самом деле спрятал своих людей в засаде и стал там выжидать удобного случая. Защитники города, увидев, что Паша отступил с печальным выражением лица и будучи уверенными в крепости этого города и в том, что сила на их стороне, а также полагая, что выражение его лица соответствует его истинным чувствам (на самом деле оно было явно притворным), презрели тех, кто остался для осады и много раз выходили из города.

Они стали нападать на осаждающих, но когда сражения возобновились, осаждающие, отступая, отдалили их от города и, притворившись, что они отходят от города, заманили их в ловушку.

Орды (всего около 25 шт.). Хронологически они охватывают период с 80-х гг. XIII в. по начало XV в. В большинстве своём номиналы плохой сохранности. Поэтому достоверно определить удалось только монеты, выпущенные во время правления Узбека (1313–1342 гг.), Джанибека (1343–1357 гг.) и Абдуллаха (1361/62–1368/69 гг.). Отдельную группу (10 шт.) составляют турецкие монеты, представленные выпусками различных городов империи от имени Баязида I (1389–1402 гг.), Мурада II (1421–1451 гг.), Мехмеда II (1451–1481 гг.). Причём 4 из них относятся к началу правления Мехмеда II — 50-м гг. XV в.

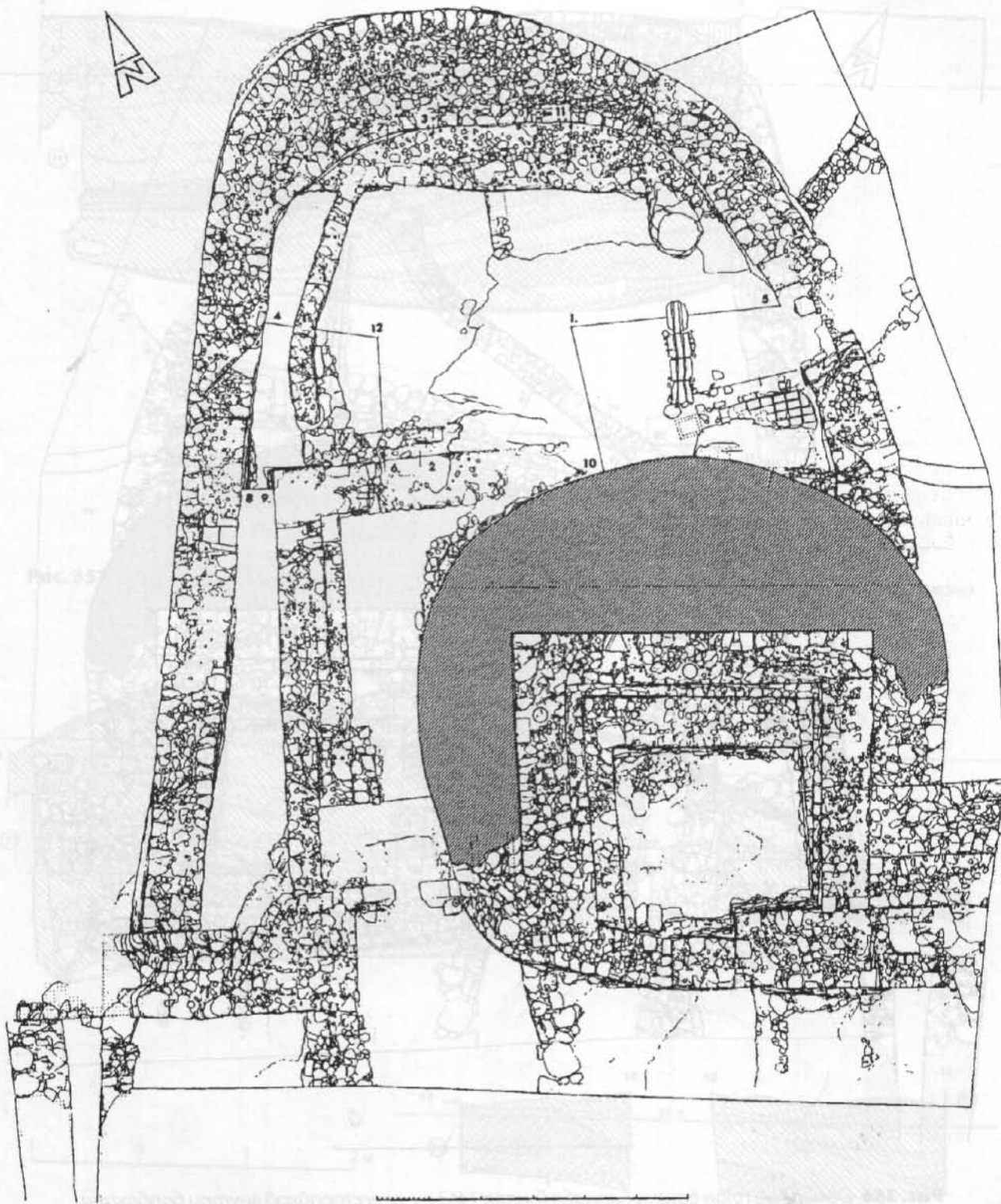


Рис. 355

Рис. 355. Обмерный план башни Барнабо Грилло 1463 г. и барбакана

Наличие следов пожара и многочисленных предметов второй половины XV в., выявленных в результате исследования башни «Барнабо Грилло», впервые даёт возможность ответить на вопрос о судьбе города в 1473 г.

Стоявшие у него в то время жители Чесмы были вынуждены покинуть город и бежать в горы.

Выше башни в 1473 г. были даны указания о строительстве башни в качестве Юго-Западной сторожевой башни.

Восстановление башни в 1473 г. связано с войной в долине (Ам), в которой башня была построена.

Указание на то, что башня была построена в 1473 г., даёт возможность определить время строительства башни.

Восток Дамаска, 1974 г.

Восток Дамаска, 1974 г.

Часть из них была захвачена из засады в долине (Ам) в 1473 г. Остатки пути и отступившего в долину Мангуша турки в 1473 г.

Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г.

Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г.

Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г.

Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г.

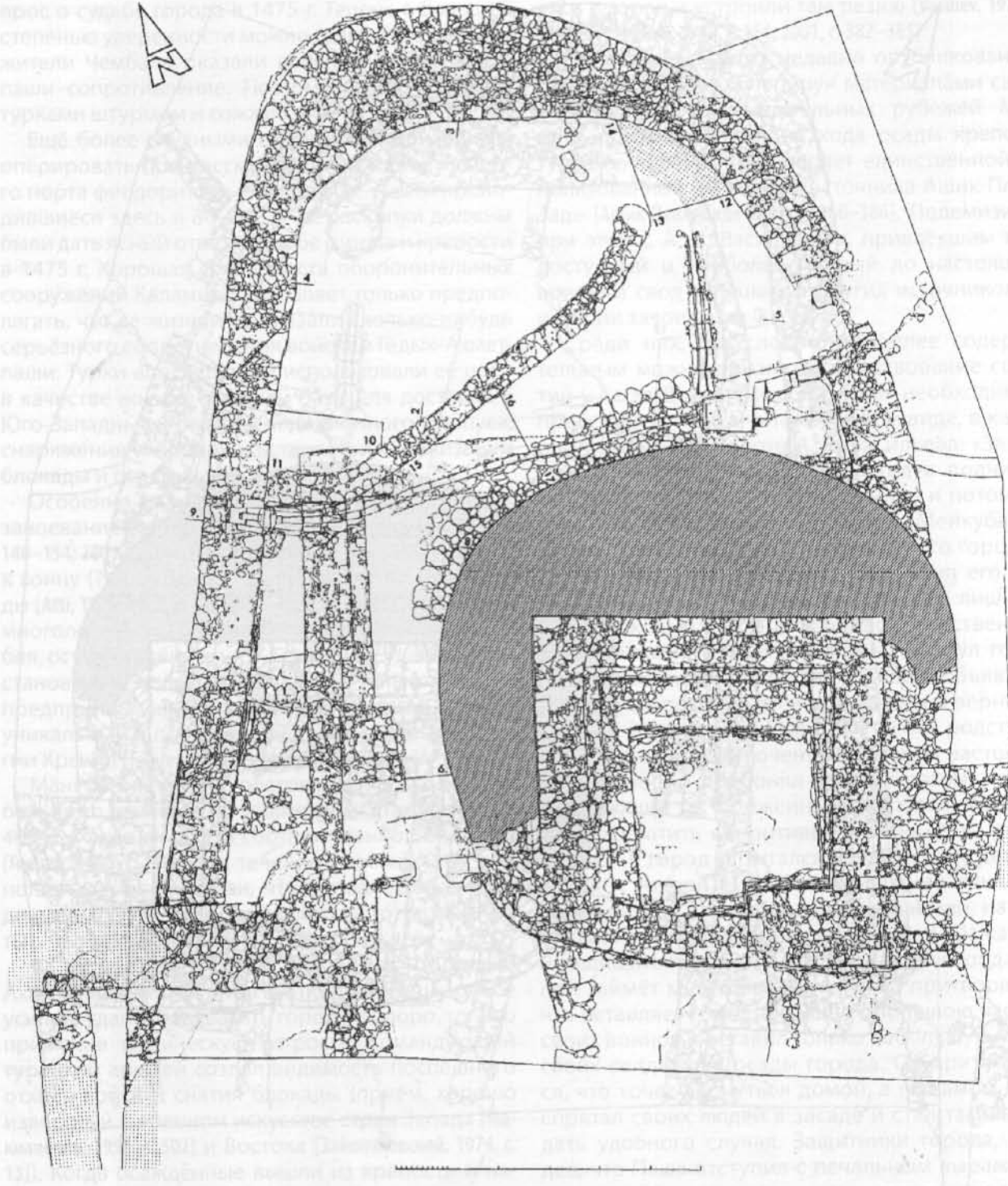


Рис. 356. Обмерный план башни Барнабо Грилло 1463 г. с перестройкой внутри барбакана османского (XVII в.) периода

Восток Дамаска, 1974 г.

Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г. Мангуш турки в 1473 г.

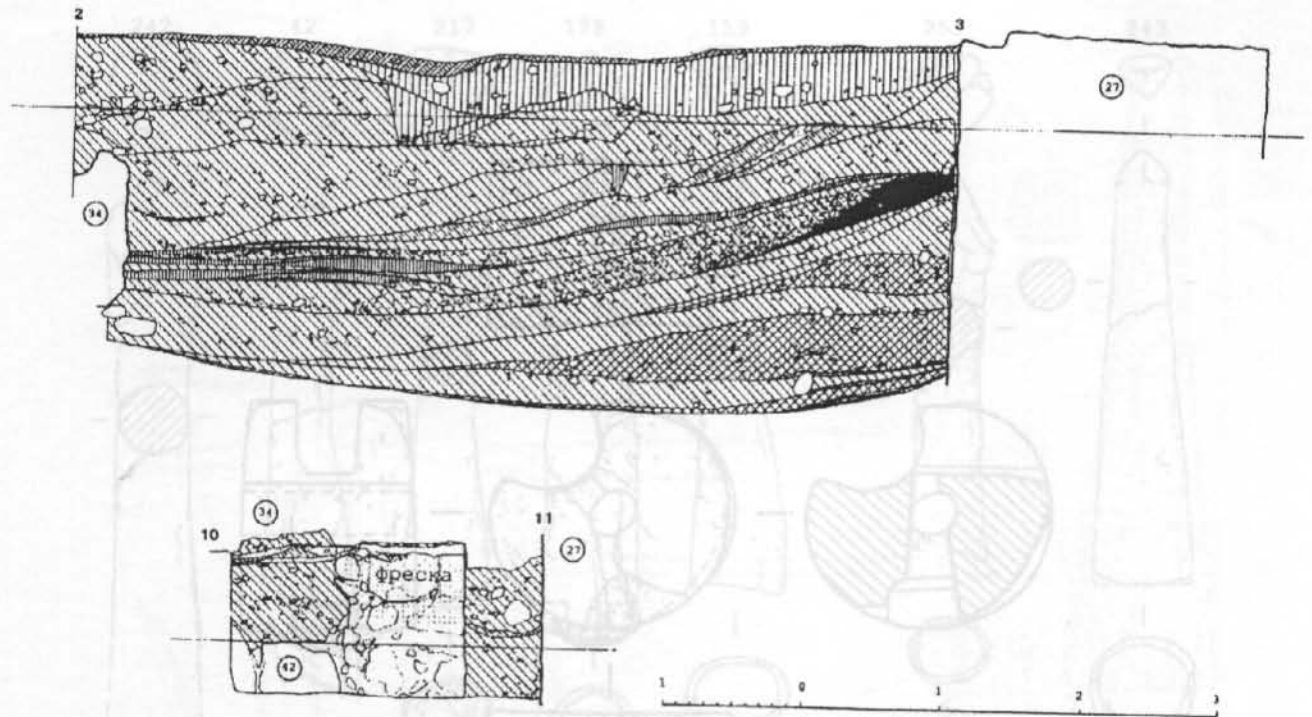


Рис. 357. Стратиграфические разрезы 2-3, 10-11 вальганга османского времени внутри барбакана

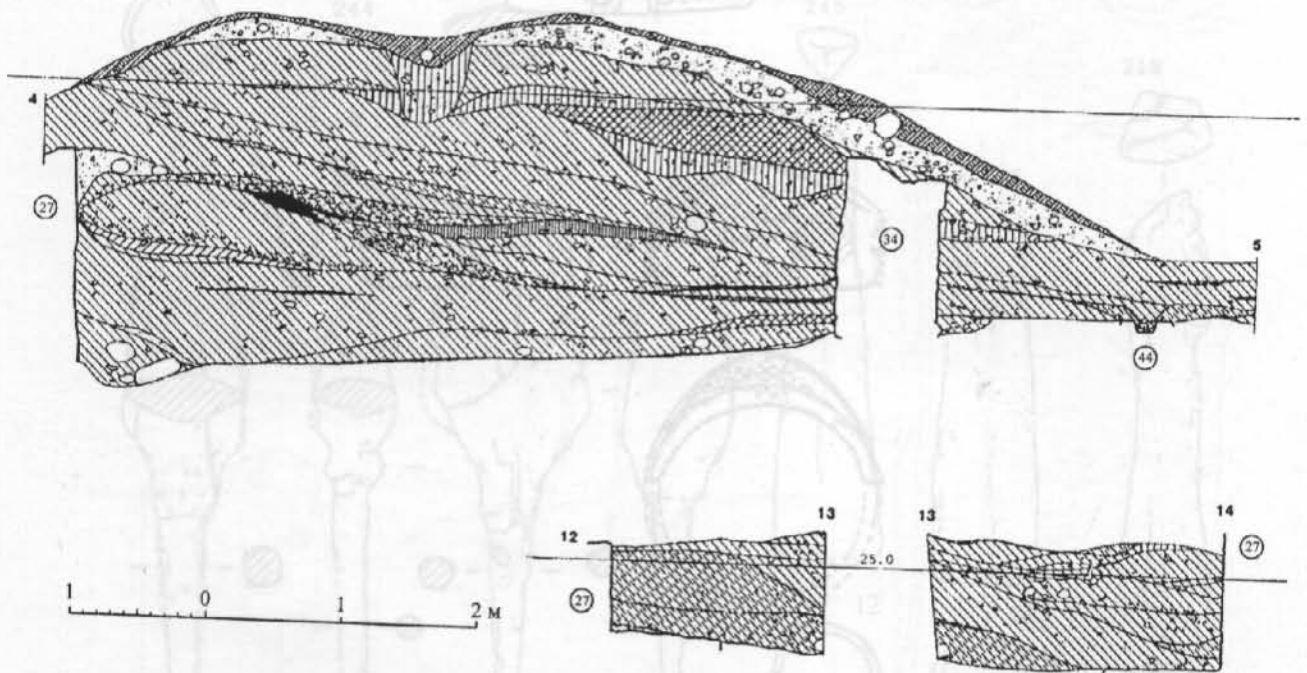


Рис. 358. Стратиграфические разрезы 4-5, 12-13, 13-14 вальганга XVII в. внутри барбакана башни Барнабо Грилло

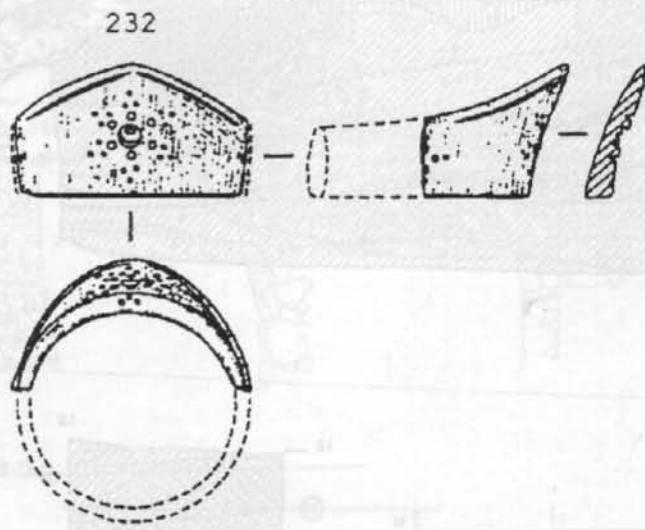
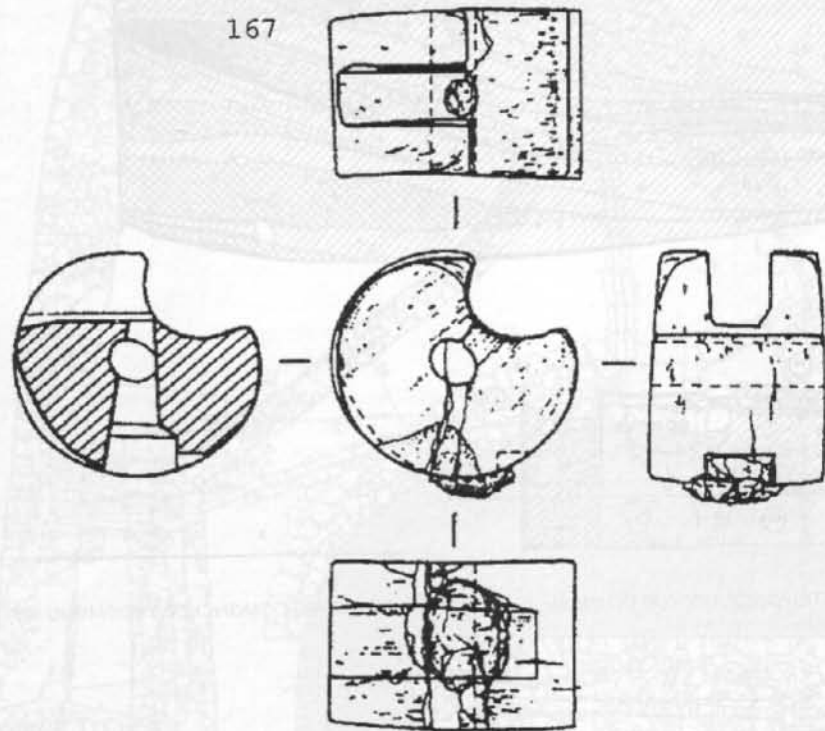


Рис. 359. Изделия из кости, найденные в слое засыпи валганга со следами пожара 1475 г.: деталь спускового механизма арбалета и кольцо для натягивания тетевы лука

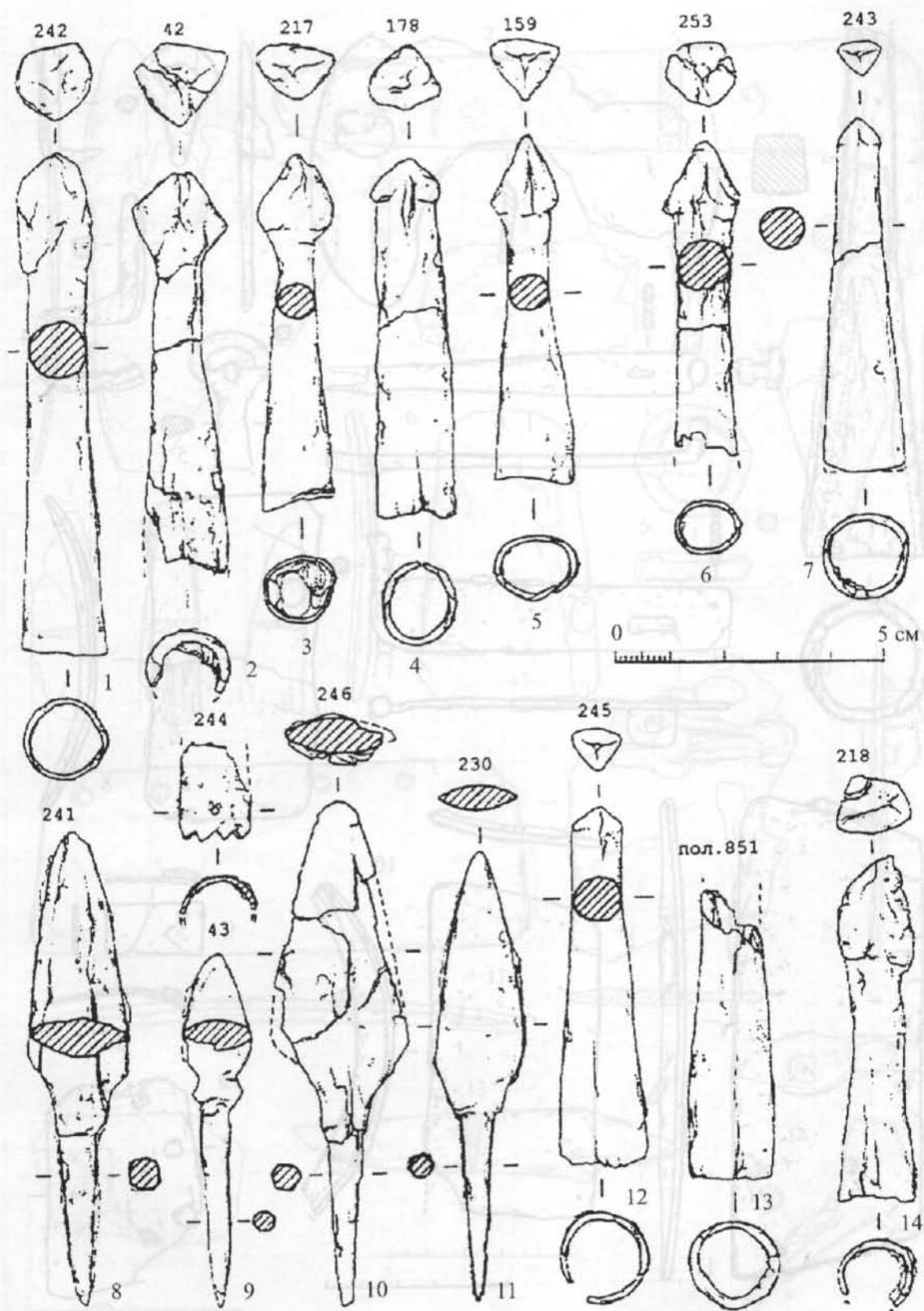


Рис. 360. Арбалетные болты (1 – 7, 12 – 14) и наконечники стрел из перемещенного слоя пожара 1475 г. в засыпи валганга барбакана

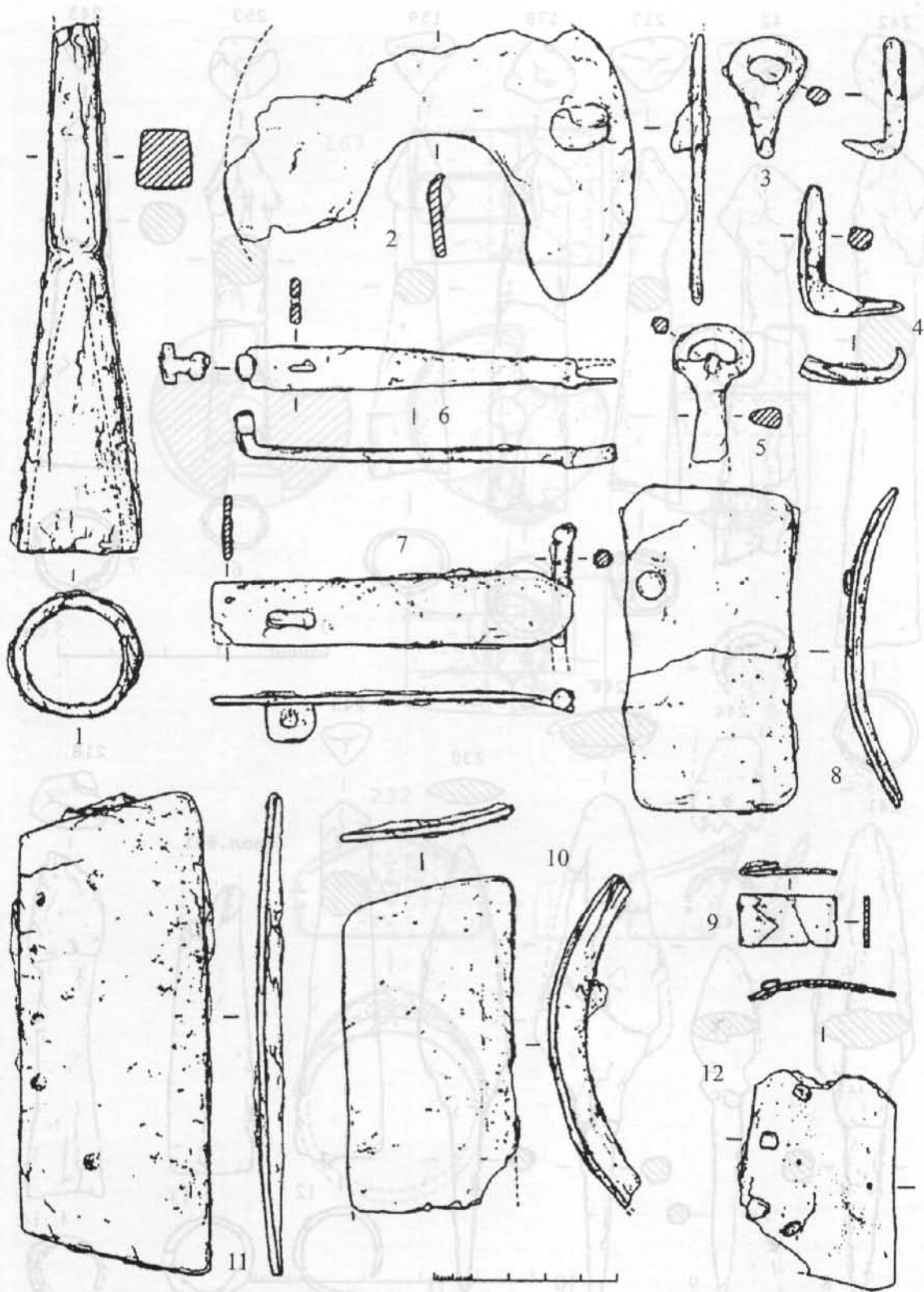


Рис. 361. Железные изделия второй половины XV в. из засыпи валганга: пластины доспехов, наконечник дротика, подкова, ключ

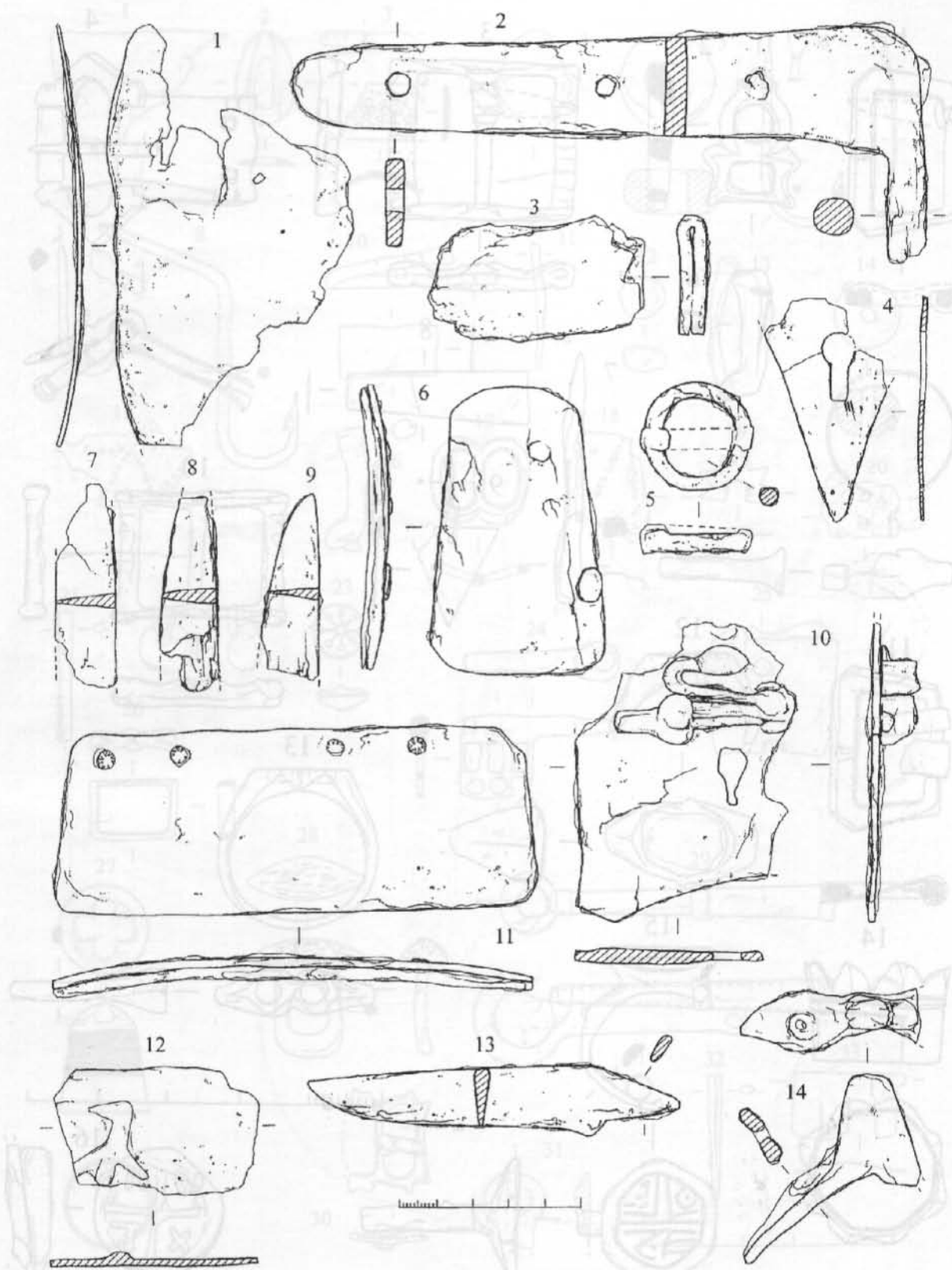


Рис. 362. Железные изделия из засыпи валганга: пластины доспехов, детали замков, фрагменты ножей, пряжка, навес

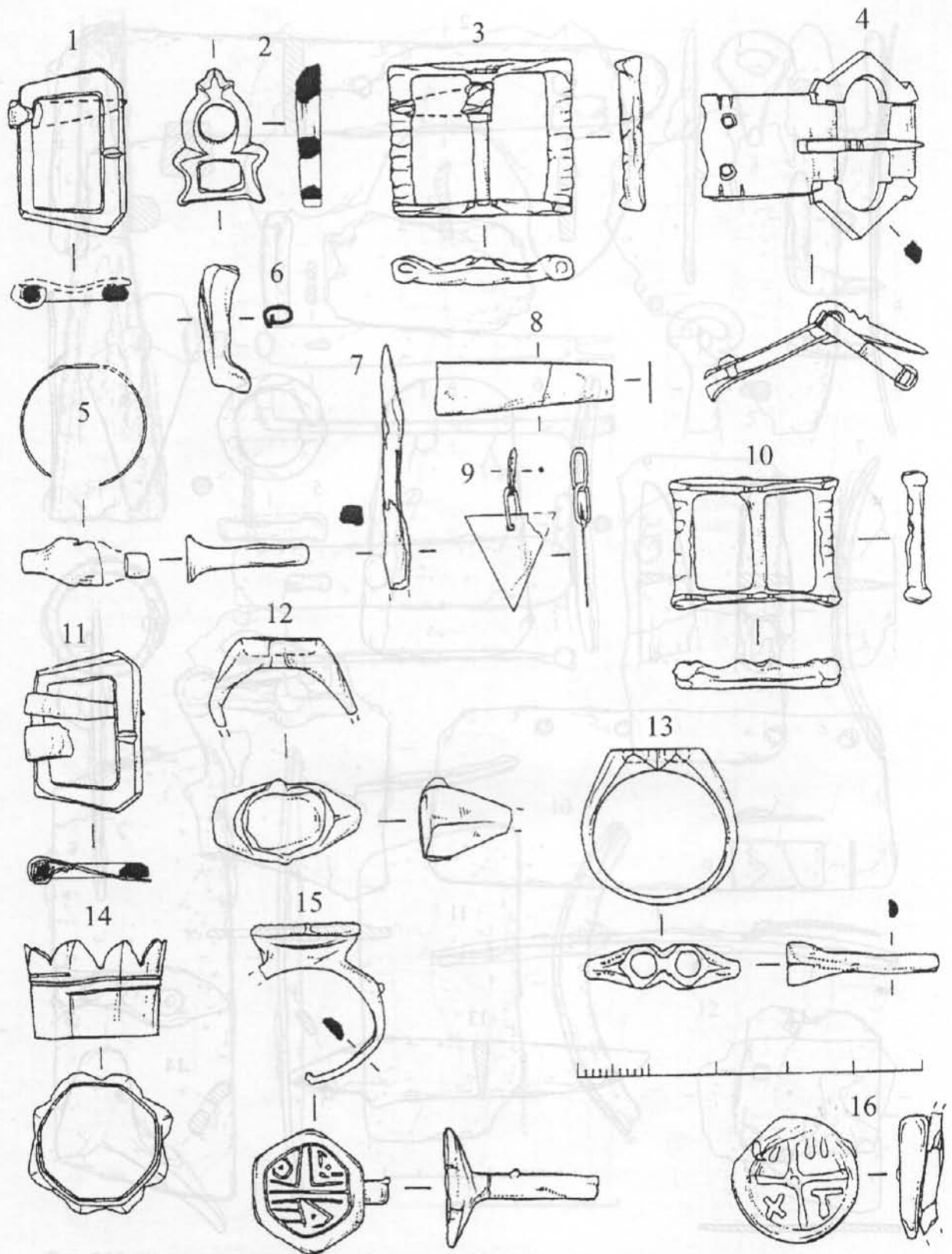


Рис. 363. Изделия из цветных металлов и налел стеклянного сосуда из слоя со следами пожара в насыпи валганга

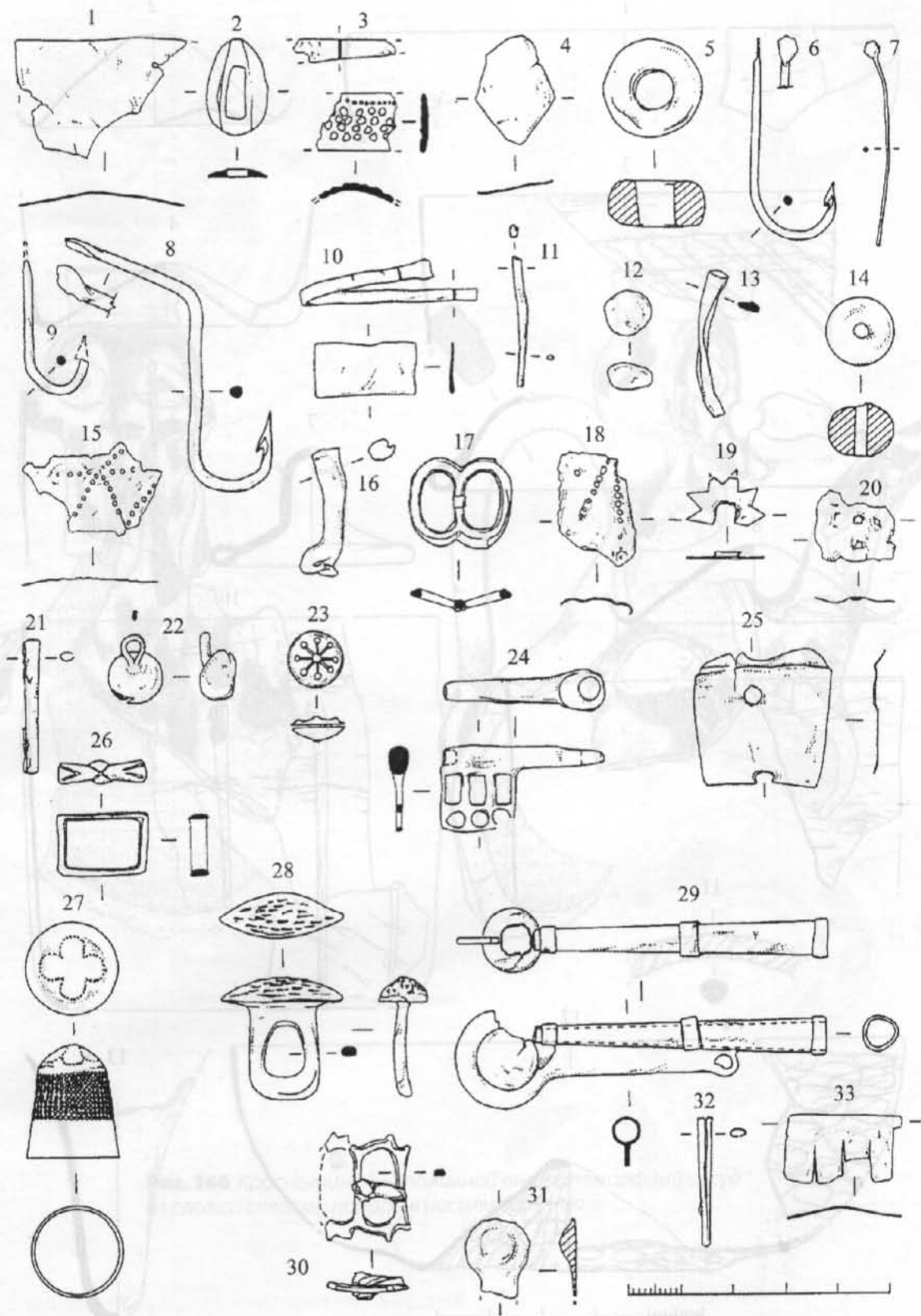


Рис. 364. Изделия из цветных металлов из слоя со следами пожара в насыпи валганга

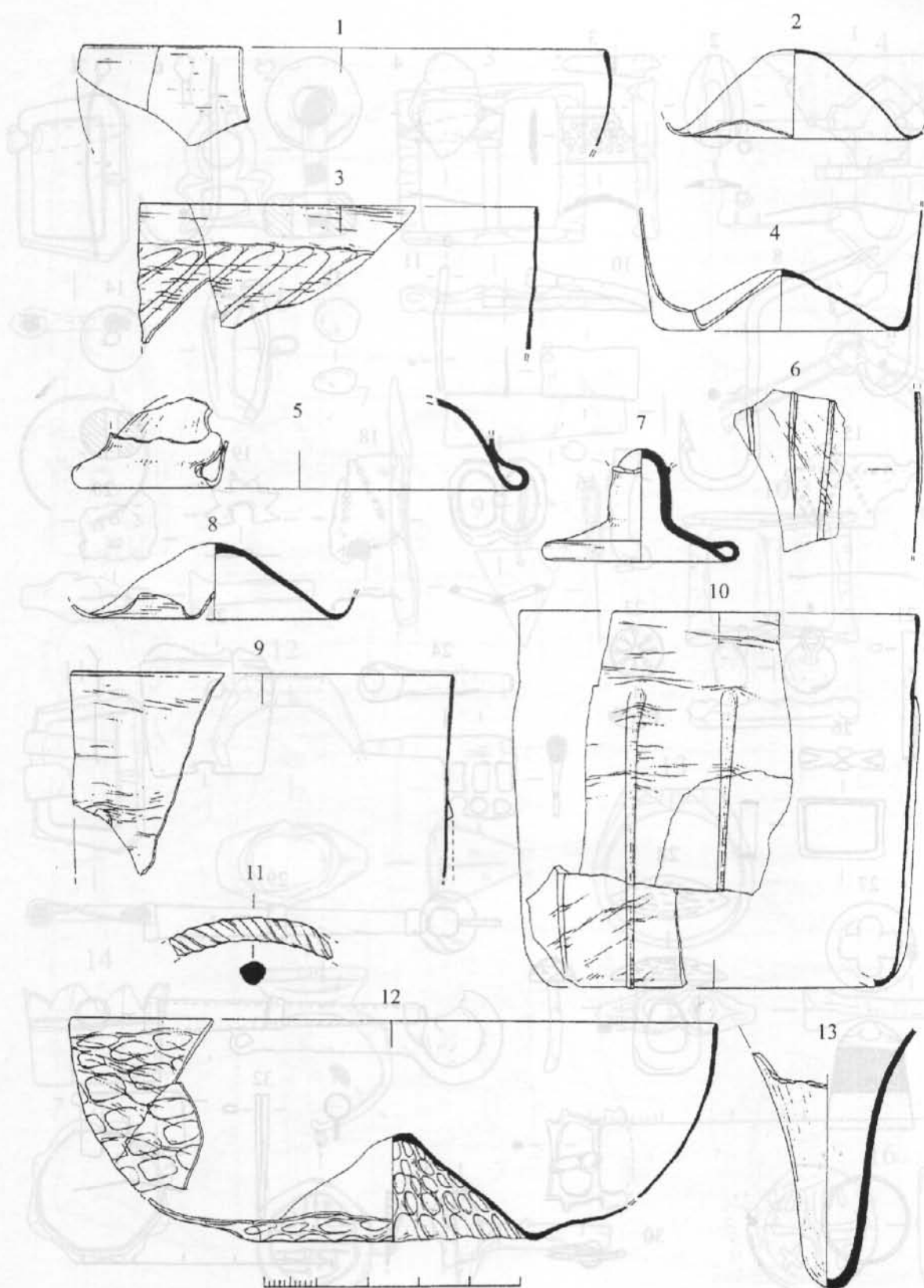


Рис. 365. Фрагменты стеклянных сосудов и браслета из слоя со следами пожара в насыпи валганга

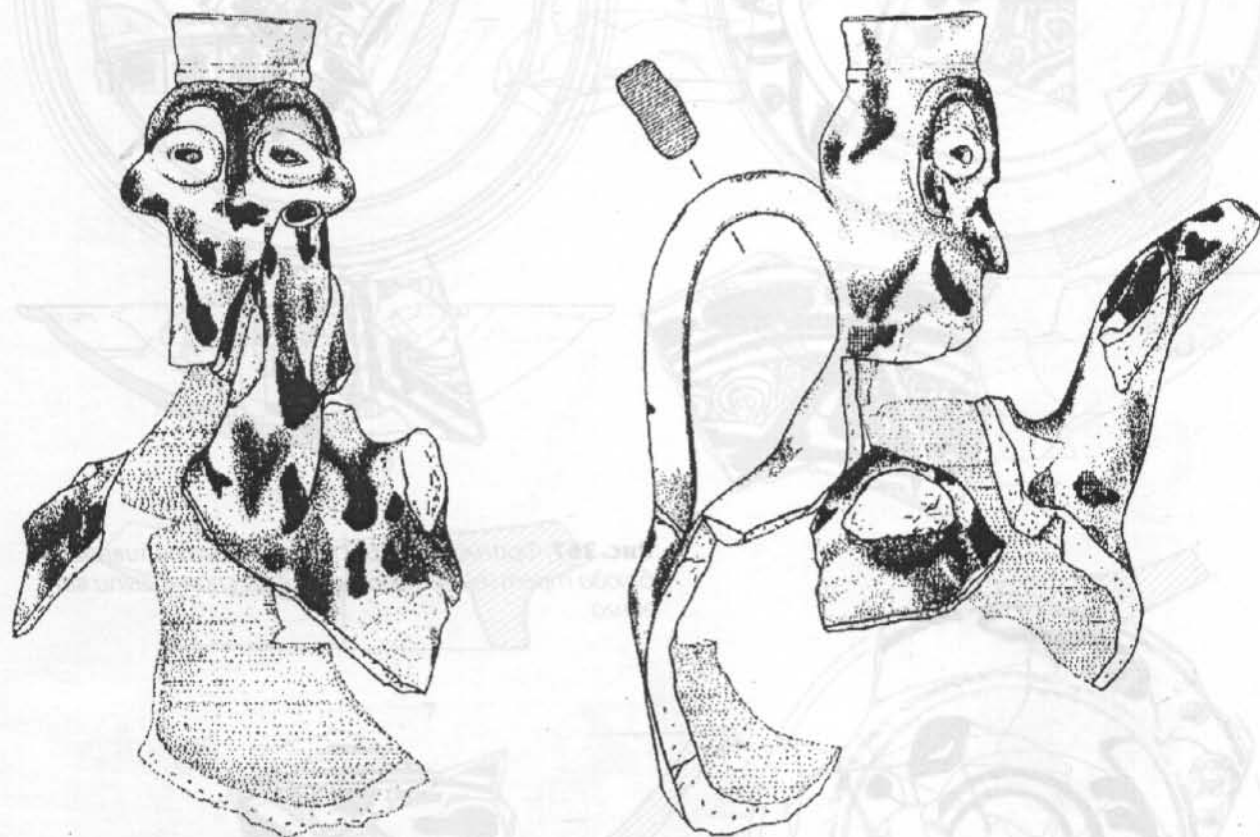


Рис. 366. Красноглиняный поливной антропоморфный сосуд из слоя со следами пожара в насыпи валганга

Рис. 370. Фрагменты красноглиняного поливного сосуда XV в. с разбитой оболочкой из слоя с остатками пожара в насыпи валганга



Рис. 367. Фрагменты красноглиняного поливного блюда третьей четверти XV в. из слоя засыпи валганга

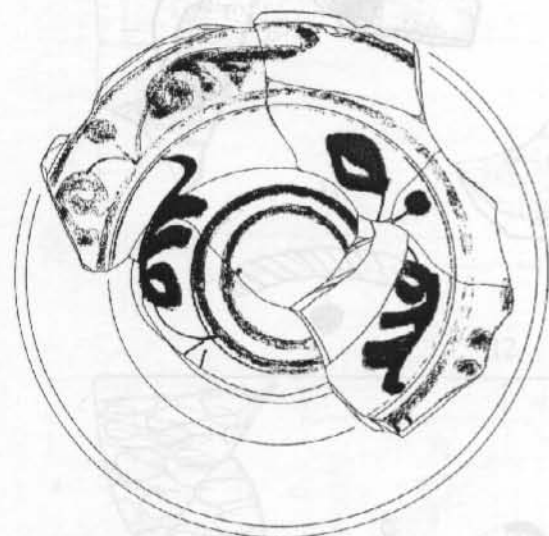


Рис. 368. Красноглиняное поливное блюдо третьей четверти XV в. из слоя засыпи валганга

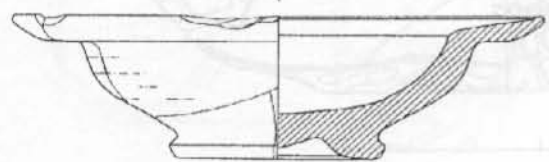


Рис. 369. Светлоглиняная поливная чаша второй половины XV в. из слоя со следами пожара в насыпи валганга

Рис. 365. Фрагменты светлоглиняной поливной чашы второй половины XV в. из слоя со следами пожара в насыпи валганга

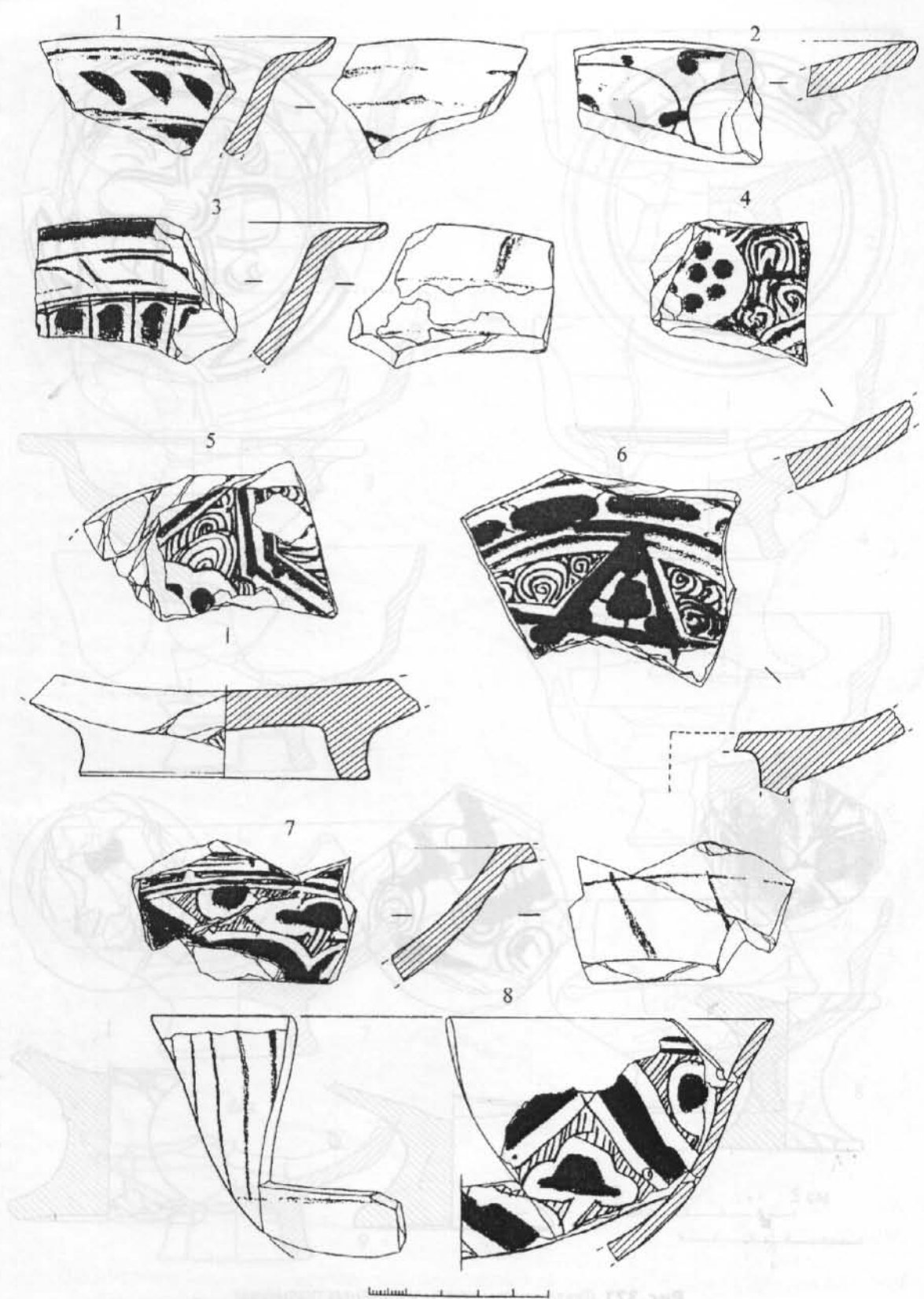


Рис. 370. Фрагменты красноглиняных поливных сосудов XV в. с росписью кобальтом из слоя со следами пожара в насыпи валганга

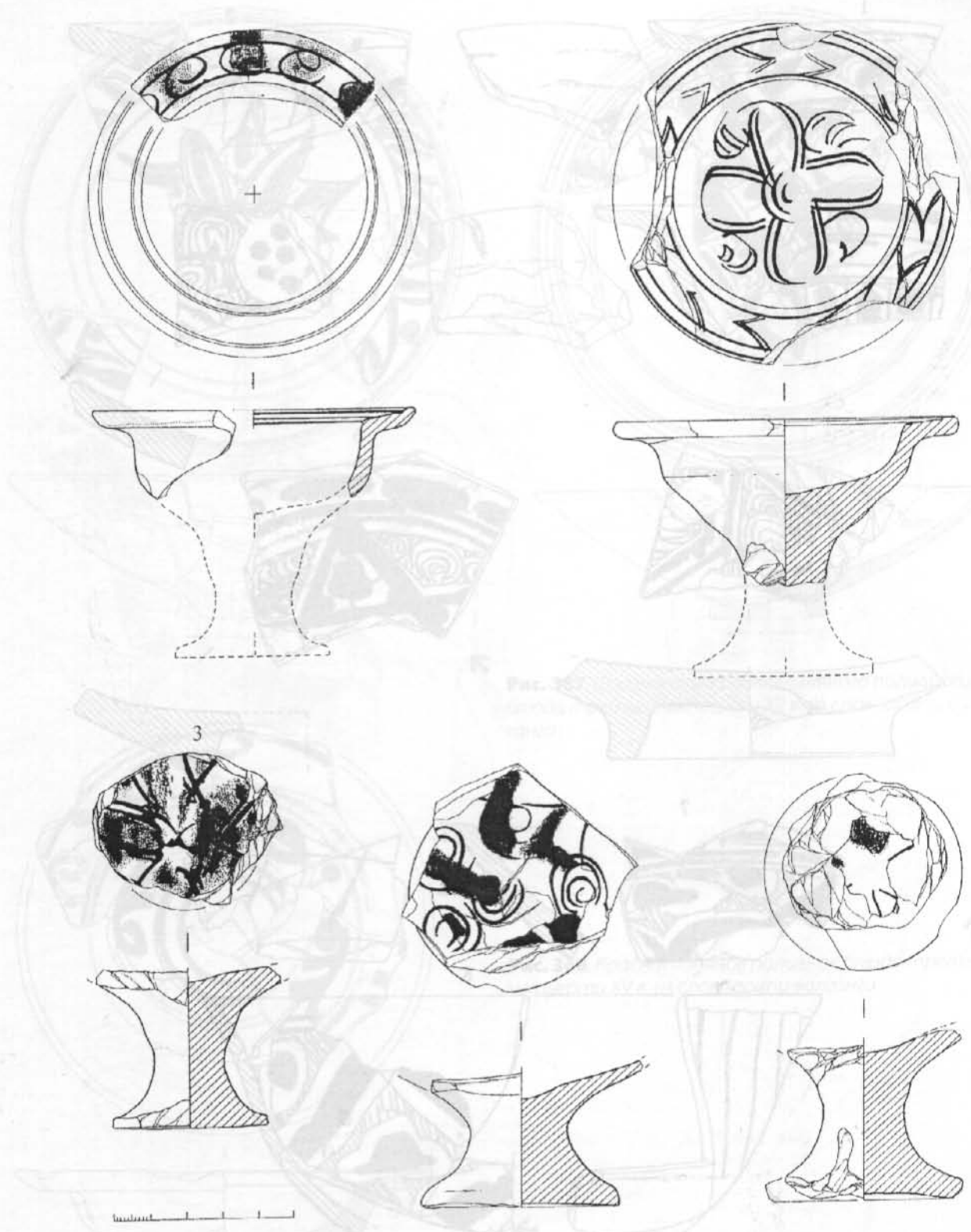


Рис. 371. Фрагменты красноглиняных поливных декоративных изделий XV в. из насыпи валганга со следами пожара

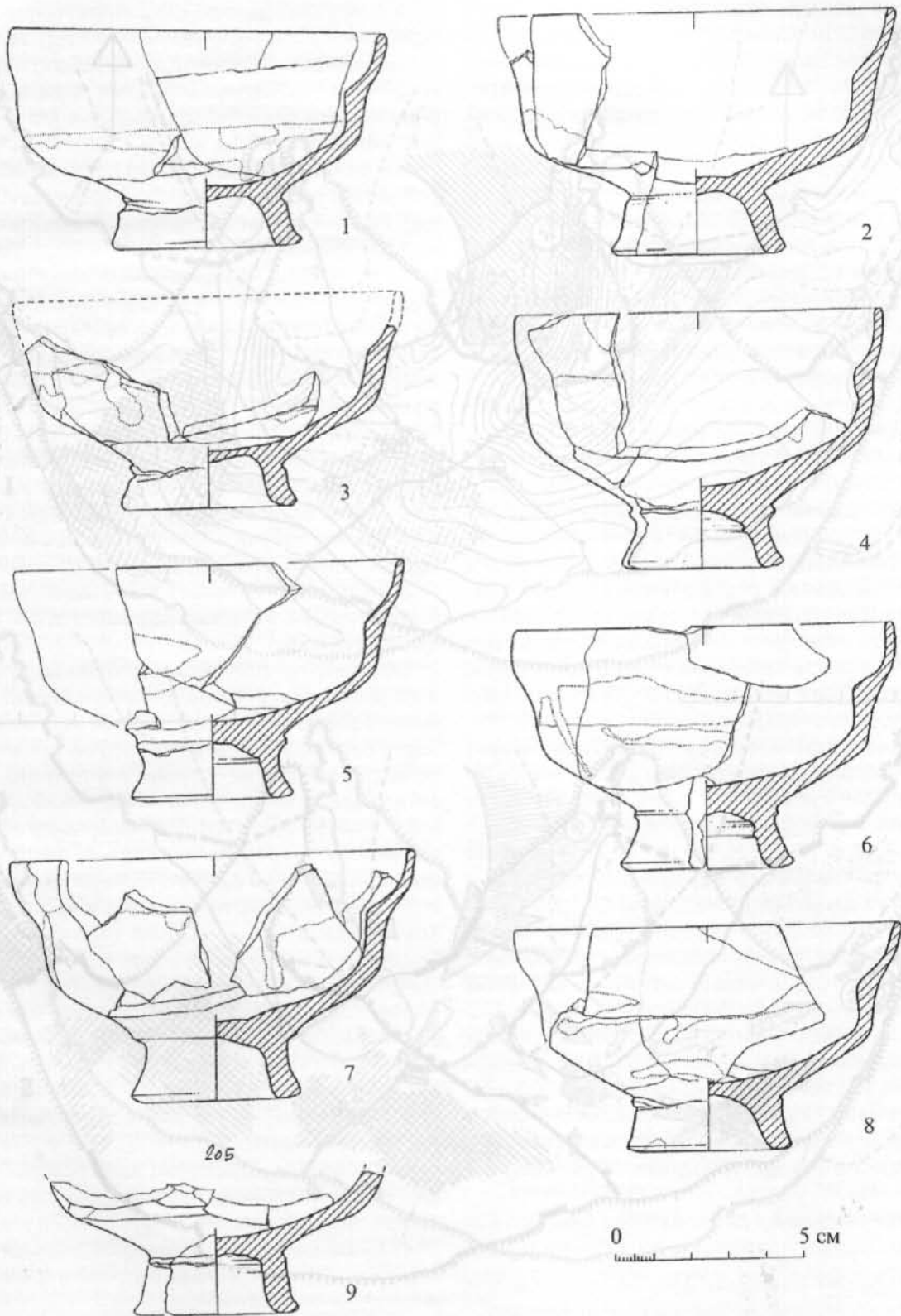


Рис. 372. Фрагменты красноглиняных поливных чаш XV в.
из насыпи валганга со следами пожара

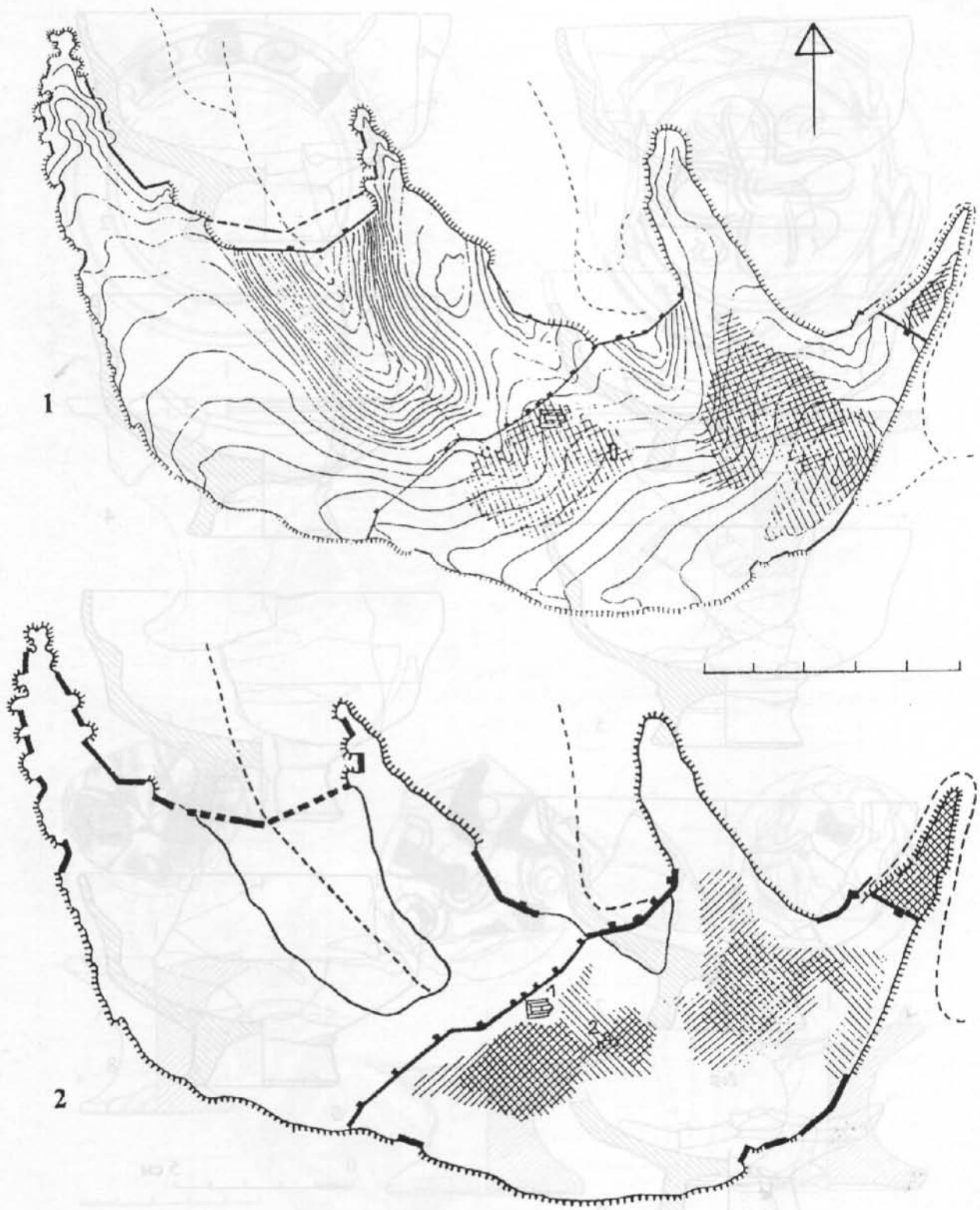


Рис. 373. Мангуп: 1 – общий план-схема крепостного ансамбля (по А.Г.Герцену [1990, рис. 2]);
 2 – оборонительная система города Феодоро в XIV – XV вв. (по А.Г.Герцену [1990, рис. 30])

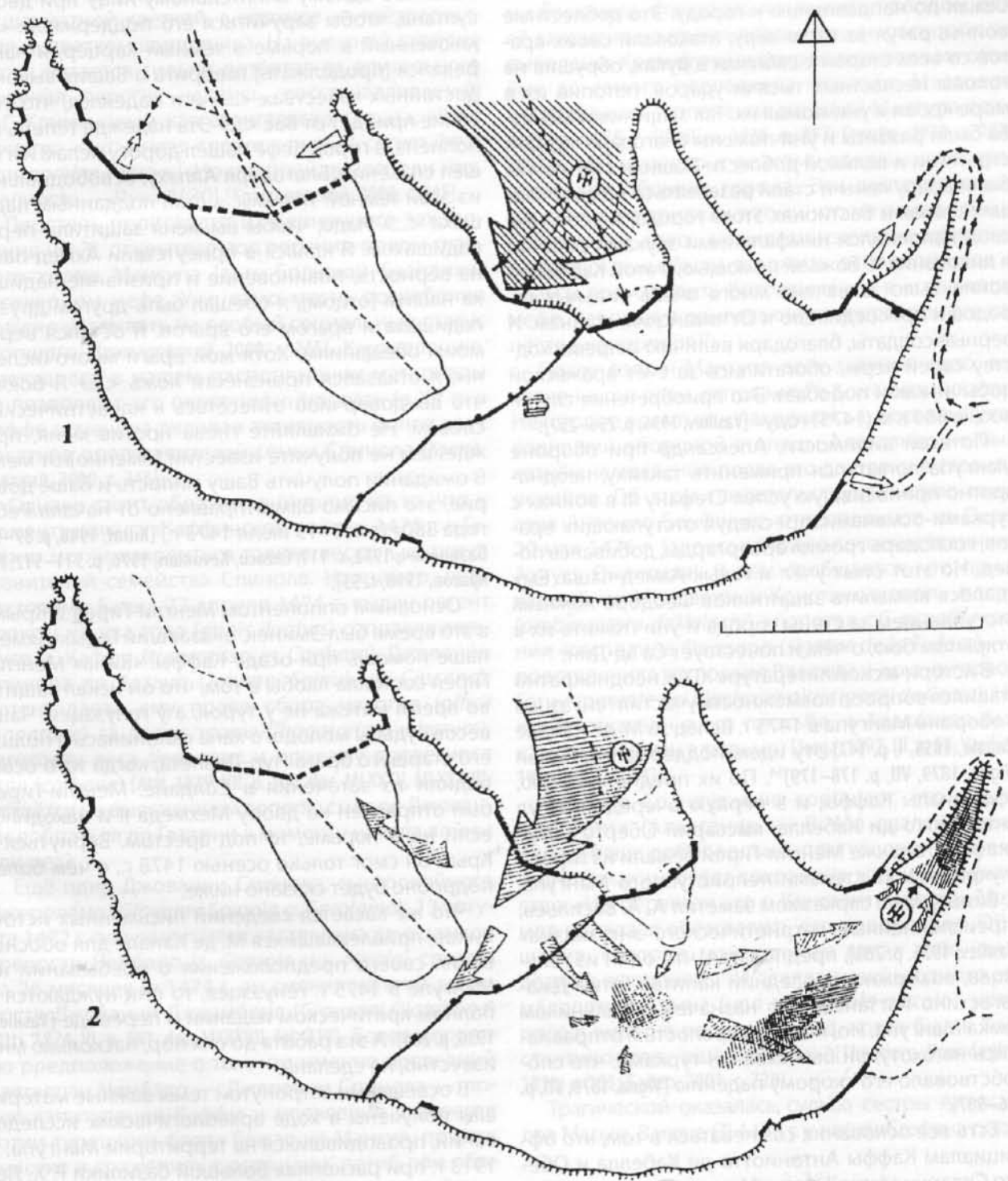


Рис. 374. План-схема осады Мангупа османами в 1475 г.: 1 – начало турецкой осады (по А. Г. Герцену [1990, рис. 37]);
 2 – финал осады и захват турками Феодоро (по А. Г. Герцену [1990, рис. 40])

Затем благородные неустрашимые солдаты и доблестные воины, сидевшие в засаде, вышли оттуда и напали на несчастных людей с саблями в руках пока шло сражение. Паша отрезал им путь к отступлению с тыла и перебил саблями всех, кто бежал по направлению к городу. Это доблестные воины, ратуя за свою веру, атаковали своих врагов со всех сторон с саблями в руках, обрушив на головы несчастных тысячи ударов, потопив их в море крови и уничтожая их. Так защитники Менкуба были разбиты и уничтожены благодаря мудрой стратегии и великой доблести Паши; и стяги веры были водружены и стали развеиваться на высочайших стенах и бастионах этого города, и небесный свод наполнился нимфальными звуками радости и ликования. С божьей помощью, в этой Каффской войне было захвачено много очень сильных городов и присоединено к Османским странам. И верные солдаты, благодаря величию и превосходству своей веры, обогатились за счёт вражеской добычи, как и подобает. Это приобретение случилось в 880 г. х. (1475) году» [Vasiliev, 1936, p. 256–257].

По всей видимости, Александр при обороне Мангупа попытался применить тактику, неоднократно приносившую успех Стефану III в войнах с турками-османами: преследуя отступающих врагов, господарь громил арьергарды, добиваясь побед. Но этот опыт учёл и Гедык-Ахмед-паша. Ему удалось выманить защитников Феодоро ложным отступлением за стены города и уничтожить их в открытом бою, о чём и повествует Са'эд-Дин.

В исторической литературе XIX в. неоднократно ставился вопрос о возможности участия генуэзцев в обороне Мангупа в 1475 г. Вслед за М. де Канале [Canale, 1855, I, p. 147] эту идею поддержал А. Винья [Vigna, 1879, VII, p. 178–179]⁵⁴. По их предположению, официалы Каффы, и в первую очередь консул Антониотто ди Кабелла, массарий Оберто Сварчиафико, а также Менгли-Гирей бежали из города и укрылись за стенами неприступного Мангупа. А. Винья, как с сарказмом заметил А. А. Васильев, «преисполненный патриотического энтузиазма» [Vasiliev, 1936, p. 263], предполагал, что один из генуэзцев, возможно, последний капитан Готии Джанагостино Каттанео, был назначен начальником замка Мангупа. Но, покинув крепость и отправившись на охоту, он был схвачен турками, что способствовало его скорому падению [Vigna, 1879, VII, p. 986–987].

Есть все основания сомневаться в том, что официалам Каффы Антониотто ди Кабелла и Оберто Сварчиафико⁵⁵, как и Менгли-Гирею, удалось

бежать из города перед самой капитуляцией. Хан ещё в июле находился в Каффе под арестом, откуда он, теряясь в догадках, как Мехмед II распорядится его судьбой, отправляет письмо, адресованное одному влиятельному лицу при дворе султана, чтобы заручиться его поддержкой: «Заключённый в тюрьме в тёмный карцер, я намеревался [продолжать] говорить о Ваших высоких достойных качествах <...> и я надеялся, что спасение придёт от Вас <...> Эта надежда теперь исполнена, в город Кефе нашёл дорогу ислам и я нашёл спасение. Благодаря Аллаху, освободившись из этой тёмной тюрьмы, я стал подданным падишаха <...> Надо, чтобы вы меня защитили перед падишахом. Я клялся в присутствии Ахмед-паши на верность, повиновение и признание падишаха нашим [отцом], я обещал быть другом друзей падишаха и врагом его врагов. Я остался верен моим обещаниям. Хотя мои враги многочисленны, я отказался произнести ложь <...> Я боюсь, что Вы доверчиво отнесётесь к клеветническим словам. Не оживляйте гнева против меня, прежде чем не получите известий [именно] от меня. В ожидании получить Вашу милость и Ваше доверие, это письмо Вам отправлено от начала Реби, года 880» (т. е. 5–15 июля 1475 г.) [Kurat, 1940, p. 87–90; Базилевич, 1952, с. 111; Cazacu, Kevonian, 1976, p. 511–512; Некрасов, 1990, с. 53].

Основным оппонентом Менгли-Гирея в Крыму в это время был Эминек, оказавший Гедык-Ахмед-паше помощь при осаде Каффы. «Вина» Менгли-Гирея состояла якобы в том, что он искал защиты во время мятежа не у турок, а у генуэзцев. Чаша весов судьбы молодого хана склонилась в пользу его старшего брата Нур-Девлета, когда того освободили из заточения в Солдае. Менгли-Гирей был отправлен ко двору Мехмеда II и находился если не в тюрьме, то под арестом. Вернуться в Крым он смог только осенью 1478 г., о чём более подробно будет сказано ниже.

Что же касается сведений письменных источников, привлекавшихся М. де Канале для обоснования своего предположения о пребывании на Мангупе в 1475 г. генуэзцев, то они нуждаются в полном критическом издании и переводе [Vasiliev, 1936, p. 264]. А эта работа до сих пор, насколько мне известно, не сделана.

В освещении затронутой темы важные материалы получены в ходе археологических исследований, проводившихся на территории Мангупа. В 1913 г. при раскопках Большой базилики Р. Х. Лепером найден массивный золотой перстень с ро-

ством подвешивания на железном крюке за подбородок. В то же время Сейтак, также считавшийся современниками причастным к захвату Каффы османами, смог через два года (1477/78 г.?) вернуться в свои владения, располагавшиеся в Татарию [Atti, 1879, VII, doc. MCXLVIII, p. 256]. В. Гейд ошибался, когда писал: «Несколько дней спустя после прибытия его (Сварчиафико — В. М.) в турецкую столицу, султан, вероятно, по указанию Эминекка, приказал отрубить ему голову» [Heyd, 1886, II, p. 404; Гейд, 1915, с. 115].

⁵⁴ В. Гейд скептически отнёсся к данной идее: «Некоторые писатели утверждают, что небольшое число колонистов бежало в горы и участвовало, хотя и безуспешно, в защите крепости Мангуп против турок. Однако в документах об этом не говорится» [Heyd, 1886, II, p. 405; Гейд, 1915, с. 116].

⁵⁵ Например, генуэзец Христофоро Мортара, свидетель захвата Каффы, в своих мемуарах рассказывает о том, что Оберто Сварчиафико, как основной виновник потери города, был казнён турками в Константинополе посред-

довым гербом семьи Спинола [Крамаровский, 2000, с. 245–251, рис. 1, а, б].

На печатающей верхней площадке перстня помещён геральдический норманский щит, разделённый на три части. Центральное поле занято шахматной клеткой, а верхнее — трёхлепестковым цветком шиповника. На внешней стороне обода читается сильно потёртая от длительного ношения перстня надпись, восстанавливаемая Л. Г. Климановым как евангельская фраза: «*lesus au<tem> <tra>nsiens <pe>rmedium ill <orum> ibbat iesus nomine tuos*» («Но он, пройдя посреди них, удалился» — Лука IV:30) [Крамаровский, 2000, с. 245].

Перстень происходит из одиночного захоронения (№ 3), открытого под верхним полом главного храма Мангупа (т. н. Большой базилики) в северном нефе. Уже само место погребения должно указывать на особый социальный статус усопшего [Крамаровский, 2000, с. 245]. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют его персонифицировать (в XV в. в Каффе отмечена деловая активность более двух десятков представителей семьи Спинола [Крамаровский, 2000, с. 248]).

Однако стоит обратить внимание на то, что к моменту начала «Каффинской войны» 1475 г. в Газарии могли находиться только несколько представителей семейства Спинола. Например, протекторами Банка 22 апреля 1474 г. выдан патент сроком на два года (*annis duobus*) отправляющемуся в Каффу (*transmisso in Capham*) Джованни Спинола де Казано (*Johanni Spinule de Cassano*). Патент давал ему право сбора налогов (*officij jhagatarie*) за покос травы (*jhagatariam erbarum*), заготовку леса (*legname*) и продажу древесного угля (*carbone*) [Atti, 1879, VII, p. 100, doc. MLXXXV, MLXXXVI]. Остаётся не выясненным вопрос: смог ли Джованни добраться до Газарии к моменту начала войны или нет?

Ещё один Джованни Спинола, сын покойного Джероламо (*Giovanni Spinola q. Gerolamo*), 13 августа 1472 г. получил патент кастеллана двух замков крепости Чембало (*s. Georgio u s. Nicolo*) сроком на 26 месяцев (в 1474 г. он сменил на этой должности Джованни Джаибоне (*Giovanni Giambone*) [Atti, 1874, VI, p. 881, doc. MXXXVII, fol. 210]. Более вероятно предположение о том, что именно последний кастеллан Чембало — Джованни Спинола — после капитуляции Каффы и появления у берегов Готии турецкого флота бежал на Мангуп, принял участие в сражениях с османами, погиб при обороне города и был погребён с почестями в Большой базилике до момента захвата Феодоро. Таким образом, хотя и в большой степени гипотетично, можно персонифицировать обнаруженный в одиночном мужском захоронении № 3 перстень с гербом рода Спинола именно с Джованни Спинола, сыном Джероламо.

Несколько странным выглядит предположение М. Г. Крамаровского о том, что ко времени па-

дения города храм функционировал не в полном объёме, о чём якобы свидетельствует надгробие клирика Стефана, датированное 9 ноября 1453 г. [Крамаровский, 2000, с. 248]⁵⁶.

В действительности, следов обстрела турками базилики, что могло послужить поводом для её закрытия во время осады, в ходе раскопок не выявлено. Храм функционировал в полном объёме до самого последнего момента. Массовое истребление и пленение жителей Мангупа в декабре 1475 г. [Vasiliev, 1936, p. 257; Герцен, 1990, с. 154; 2001, с. 385] привело к резкому сокращению христианской общины города. Эти деструктивные изменения и привели к тому, что не ранее 1476 г. оставшиеся здесь немногочисленные христиане вынуждены были заложить основной вход в храм и производить богослужение в его южном нефе, используя прилегающую территорию в качестве некрополя⁵⁷.

После взятия Мангупа всех знатных особ, захваченных в плен, отправили в Константинополь. Некоторое время они находились в тюрьме. Руководивший обороной столицы Александр не был казнён немедленно после его доставки в столицу османов. Об этом свидетельствует письмо генуэзца Антонио Бонфилио, отправленное из Перы 20 мая 1476 г. (адресовано его соотечественнику Азиусу Джентиле). В нём сообщается, что приехавший из Молдавии в Константинополь посол (*ambassatore de Valachi*) хлопотал об освобождении «господина Феодоро (*signore de lo Tedoro*)» — родственника господаря Валахии и других господ Готии (*parente del Vlacho, et altri signori de Gutia*). Но послу отказали в его просьбе, и Александр был казнён (задушен в тюрьме) [Jorga, 1897, III, p. 55; Vasiliev, 1936, p. 262–263].

Теодоро Спандуджино сообщает, что владелец Готии (Александр — В. М.) сдался Гедык-Ахмед-паше добровольно, при условии, что ему и его близким будет сохранена жизнь и имущество: «Но перевезя его в Константинополь, Мехмед приказал обезглавить его, говоря ему: „Обещания, которые мой капитан давал тебе, он и должен выполнять!“ И сделал турком одного его малолетнего сына (*uno suo figliolo piccolo*), которого я видел в последний раз, когда был в Константинополе, ещё живым» [Theodoro Spandugino, 1890, p. 155; Байер, 2001, с. 228].

Трагической оказалась судьба сестры Александра Марии. В июне (?) 1473 г. у неё от Стефана роди-

⁵⁶ А. Ю. Виноградов, ввиду того, что Р. Х. Лепером было приведено только общее содержание надписи, предлагает полный греческий текст с переводом: «Почил раб Божий Стефан чтец, супруга и дитя его. В месяце ноябре, лета 6965 (т. е. 1456 г.)» [Виноградов, 2000, с. 445]. Х.-Ф. Байер считает, что смысловое содержание надписи включает в себя: «Анагност Стефан умер, оставив супругу и дитя» [Байер, 2001, с. 220–221].

⁵⁷ А. Л. Бертье-Делагард был склонен считать, что Большая базилика пострадала во время пожара, охватившего Мангуп в 1493 г. [Бертье-Делагард, 1918, с. 38].

лись два сына-близнеца — Богдан и Ильяш⁵⁸. Ильяш скончался в младенчестве в том же году [Gorovei, 1991, p. 63]. Неудачи в борьбе за Валахию, захват Феодоро и Готии османами, гибель Александра и тяжёлая война с Мехмедом II в 1476 г., вероятно, окончательно развеяли иллюзии господаря Молдавии овладеть престолом Константинополя, и требовали от Стефана III поиска новых политических союзников. При этом необходимо было учитывать фанатичное стремление султана к физическому устранению реальных претендентов на византийский престол, которое он неоднократно демонстрировал в ходе своих завоевательных походов. Брачный союз с Марией Палеологиней Асаниной, служивший основой прежних династических притязаний, становился угрозой личности самого владельца Молдавского княжества. Поэтому, «охладев» к Марии из Феодоро, Стефан сходится с пленённой им ранее дочерью господаря Валахии Раду Красивого (1442–1474 гг.) Марией Войчитой, ставшей его третьей женой в 1478 г. [Gorovei, 1991, p. 63].

Мангупская княжна некоторое время провела в уединении и скончалась 19 декабря 1477 г. Она была погребена на родовом кладбище господарей Молдавии в монастыре Путны [Vechile cronică, 1891, p. 146, 196, 261, n. 35; Tafraли, 1925, p. 54, 64]. Здесь до настоящего времени хранится шёлковая красная (от времени приобрела кирпичный оттенок) пелена, покрывавшая гроб усопшей. По её краю вышита надпись на старославянском языке: «В год 6985 декабря 19 дня испустила свой последний вздох благочестивая раба божья Мария, супруга благочестивого Стефана Войводы, правящего господаря Молдавии, сына Богдана Воеводы» [Tafraли, 1925, p. 53–54]. По краям покрова помещены монограммы самой Марии Асанины, двуглавые орлы и монограммы Палеологов (рис. 115–117). Центральную часть занимает выполненное в серо-голубых тонах изображение увенчанной короной княжны, облаченной в парадное придворное одеяние [Tafraли, 1925, p. 53–54, рис.]⁵⁹ (рис. 112; 113).

Сын Стефана III и Марии Палеологини Асанины Богдан скончался 25 июля 1479 г. шести лет от роду и также был погребён на монастырском некрополе Путны [Gorovei, 1991, p. 63].

На этой печальной ноте можно было бы завершить рассказ о завоевании Гедык-Ахмет-пашой Генуэзской Газарии, Феодоро и Готии, получившем, по выражению Бенедетто Деи, название «Каффин-

ской войны» (*guerra di Chaffa*) [Atti, 1879, VII, p. 248], если бы политические события 1475 г. не имели своего логического продолжения в попытке восстановления власти Республики св. Георгия на полуострове в начале 80-х гг. XV в. [Heyd, 1886, II, p. 406–407].

5.2.3. Политическая обстановка в Причерноморье во второй половине 70-х — начале 80-х гг. XV в.

После падения Феодоро, захвата генуэзских факторий и признания сюзеренитета султана ханом Нур-Девлетом, для установления господства в Юго-Восточной Европе Мехмеду II необходимо было подчинить Молдавское княжество с двумя стратегически важными крепостями — Килией и Белгородом. В случае завоевания Молдавии Чёрное море превращалось в «турецкое озеро». Контроль над черноморской торговлей и путями, идущими по Дунаю, сулил большие выгоды Османской империи. Установление контроля над Молдавским княжеством открывало путь туркам к завоеванию стран Центральной и Восточной Европы [Antalffy, 1934, p. 38–48]. Именно поэтому в политике европейских государств во второй половине XV в. Молдавии уделялось большое внимание. Её территория даже рассматривалась как плацдарм для отвоевания захваченных османами земель. Для нас особый интерес представляет мнение молдавского посла в Венеции Ивана Цамбалка (1477 г.), убеждённого в том, что при помощи Килии и Белгорода можно будет не только остановить продвижение османов в Венгрию и Польшу, но и отвоевать у них Каффу и Херсонес [Rezboieni, 1977, p. 230; Гонца, 1984, с. 33]⁶⁰.

Завоевание Генуэзской Газарии, Феодоро и Готии Мехмедом II в 1475 г. не следует считать случайным эпизодом, его необходимо рассматривать в русле общей политики османов, проводимой ими на юге Восточной Европы. Война, начавшаяся в Крыму в 1475 г., должна была перерасти в поход на Молдавское княжество. Готовясь к этому наступлению, Мехмед счёл необходимым устранить возможных союзников Стефана III в Причерноморском регионе. Тем более что ему, по видимому, было известно содержание переписки господаря с официальными Каффы и его стремление посадить на мангупский престол противника османов Александра.

Стефан III в ожидании нападения турок пытался создать антитурецкую коалицию на Чёрном море. Но до конца верным ему и идее борьбы с турецкой экспансией оказался только владелец Феодоро Александр. Внезапную смерть Исаака в мае — начале июня (?) 1475 г. можно считать

⁵⁸ В немецкоязычной хронике, содержащей сведения 1457–1499 гг., помещена запись: «В том же [1472] году в месяце сентябре 14 дня прибыла к Стефану воеводе княгиня из Маугопа по имени Мария; она была черкешенкой (*Zerkassin*) и имела с собой двух дочерей (*und hat 2 tochtermyt yr.*)» [Gorka, 1931, s. 97]. Хронистом явно перепутаны два мальчика-близнеца с девочками, якобы прибывшими с Марией в Молдавию [Vasiliev, 1936, p. 240, № 1; Байер, 2001, с. 224].

⁵⁹ А. А. Васильев обратил внимание на сходство верхней одежды Марии с платьем жены византийского императора Мануила II (1391–1425 гг.) Елены [Vasiliev, 1936, p. 241].

⁶⁰ Под «Херсонесом» Иван Цамбалк, вероятно, подразумевал бывшие владения Византии в Таврике, на основе которых образовалось «княжество Феодоро».

не простым стечением драматических обстоятельств, а результатом заговора, инспирированного не без участия как самого Александра, так и Стефана III.

Исаак, по сведению итальянских источников, проводил «мудрую политику», строившуюся на уступках сильной стороне, что не соответствовало (по мнению его оппонентов) требованию времени. Поэтому на престоле Мангупа в этот критический момент истории Феодоро и Готии появляется молодой и деятельный правитель Александр.

За время своего пребывания при дворе Стефана III (1472/1474–1475 гг.?) он приобрёл опыт борьбы с турками и использовал его в момент подготовки и осады османами Мангупа. Длительное сопротивление и упорство, с которым Александр и жители Феодоро боролись с войском визиря Гедык-Ахмет-паши, можно ещё объяснить и надеждой на помощь со стороны европейских государств. Одна Молдавия не могла спасти Феодоро, а правители остальных держав остались глухими к призывам Стефана III. Для того чтобы сковать возможные действия господаря в этом направлении, Мехмед II весной 1475 г. приказал силами пограничных санджабеков напасть на Килию и Белгород [Гонца, 1984, с. 22]. Выступление против турок какого-либо из граничивших с Молдавией государств (Венгрии или Польши) в 1475 г. могло спасти Генуэзскую Газарию и Готию от покорения османами, которым пришлось бы снять осаду Феодоро и тем самым свести на нет все усилия великого визиря Гедык-Ахмет-паши. Но этого не случилось. Бывшая генуэзская Газария и Готия (побережье Крыма и горная Юго-Западная часть полуострова) почти на три столетия оказались под верховенством Османской Порты.

К 1476 г. Мехмеду II удалось добиться изменения соотношения сил в северопричерноморском регионе в свою пользу. Только теперь султан начал готовить поход на Молдавию, собрав большое войско (источники определяют его численность в 100–200 тыс. человек). Перед наступлением Мехмед II направил ультиматум Стефану III, в котором требовал: 1) выплатить дань за три года; 2) отдать Килию; 3) отправить в Стамбул в качестве заложника сына господаря; 4) вернуть «рабов» с турецкого корабля, захваченного пленёнными в Каффе генуэзцами и нашедших убежище в Белгороде [Гонца, 1984, с. 22]. Османский хронист Турсун-бек в своей «Истории Мехмеда-завоевателя» отмечает, что одним из поводов для похода султана на земли «Верхней Валахии» в 1476 г. была помощь, оказанная Стефаном III своему родственнику, правителю Мангупа, в предыдущем году [Tursun Beg, 1978, p. 61].

Несмотря на грандиозность всех приготовлений, туркам в 1476 г. не удалось достичь своей основной цели — завоевать Молдавию. Некоторые успехи в начале кампании и даже выигран-

ное 26 июля 1476 г. генеральное сражение в Белой долине (при Разбоенах), где Стефан III располагал войском в 10–12 тысяч человек [Сёменова, 1972, с. 216–217; 2006, с. 88–89], закончились отступлением турок и разгромом части войска Мехмеда II у переправы через Дунай.

Имеющиеся источники также позволяют говорить о том, что положение османов в завоёванной ими Генуэзской Газарии и на Северо-Западном Кавказе во второй половине 70-х гг. XV в. оставалось крайне непрочным. Турецкое вторжение на несколько лет дестабилизировало политическую ситуацию в Крымском ханстве. А это способствовало усилению позиций в Северном Причерноморье хана Большой Орды Ахмата [Некрасов, 1990, с. 45–50].

Повторное воцарение Нур-Девлета, пленение Менгли-Гирея и его отправка в Константинополь, по замыслу Эминека, должны были увеличить его влияние при ханском дворе, как ставленника Мехмеда II. Но эта задача оказалась ему не под силу, ввиду сопротивления не столько самого «нового» хана, сколько влиятельных беков и, прежде всего, главы рода Барынов — Абдуллы.

Весной 1476 г. султан отправил Эминеку письмо с предложением принять участие в молдавском походе. В середине мая ширинский бек даёт согласие на совместные действия с турками. При этом он сообщал султану о сложной политической обстановке в Крымском ханстве: «Мой враг (брат Хаджике) и Абдулла восстали и соединились с Джанибексултаном. Они двинулись на моих подданных. Я жил тогда с семьёй и детьми в городе Крым. Они отняли у меня половину подданных. Потом с войском в тысячу готовых к бою людей они напали на город Крым, и я бился с ними несколько раз. Потом нам помог Аллах, Хаджике, Абдулла и Джанибек ушли в степь, как и наш главный враг — хан Орды. Потом они направились в местность вблизи Орды и, как сообщают, соединились с войском Орды, и никто из их людей не был отвергнут. Они вновь начали войну и теперь находятся очень близко отсюда» [Khanat, 1978, p. 62] (цит. по [Некрасов, 1990, с. 46]).

Набег 1476 г. на Валахию закончился для татар почти полным разгромом, о чём сообщает Эминек Мехмеду II в письме, датированном октябрём того же года: «Неверные напали на нас, нанесли нам тяжкие потери. Два моих брата погибли мученической смертью. Мы потеряли много людей, лошадей и оружия. Я сам едва спасся с одним единственным конём» [Khanat, 1978, p. 65; Некрасов, 1990, с. 46].

Отсутствием Эминека в Крыму летом 1476 г. воспользовались его противники Хаджике (Азика русских источников), Абдулла (старший бек в роде Барынов) и «царевич» Джанибек, поддержанные ханом Большой Орды Ахматом. Они совершают два рейда на полуостров в попытке овладеть Солхатом [Некрасов, 1990, с. 47]. Поэтому потерпевший

поражение от Стефана III Эминек после своего возвращения вынужден был опять сражаться с сепаратистами: «Враг преследовал нас со своими лучшими воинами и захватил наши города. Мы укрылись, наконец, в городе Крым, и у нас не было больше коней для вылазок. Враг хотел захватить город Крым, но не добился ничего» [Khanat, 1978, p. 65; Некрасов, 1990, с. 46–47]. В русских летописях (Воскресенской, Типографской и Шумиловском томе) события 1476 г. отражены лаконичной записью: «Посла царь Ахмат ординьский сына своего с татары и взя Крым и всю Ази-Гирееву Орду» [ПСРЛ, Т. VIII, с. 183; Т. XII, с. 168; Т. XXIV, с. 195].

Обеспокоенный происходившими в Северном Причерноморье событиями, приведшими к ослаблению позиций Крымского ханства и усилению Большой Орды, Мехмед II уже в конце 1476 или начале (?) 1477 гг. отправляет к Ахмату посла Карач-багатура с письмом. В послании выражается желание султана установить дружественные отношения с ханом [Смирнов, 1887, с. 270–272]. Со своей стороны Ахмат направляет в Константинополь в начале июня 1477 г. своего племянника Азиз-Ходжу с ответным письмом к «Великому государю, брату моему Султану Мехмеду Блаженному» [Kurats, s. 48–51; Некрасов, 1990, с. 48–49].

Несмотря на общий дружественный тон письма, Ахмат называет Мехмеда II «братом», т. е. равным себе [Султанов, 1978, с. 243], а не «отцом», как это вынужден был делать Нур-Девлет. Весьма показательны, что на этом обмен дипломатическими миссиями между двумя государствами прекратился. Очевидно, Мехмед II и его окружение берут курс на укрепление Крымского ханства, способного играть роль военно-политической буферной зоны и союзника османов в Северном Причерноморье.

Выглядит несколько странным отсутствие упоминаний об участии Нур-Девлета и Хайдера в событиях 1476 г. Только в письме к султану от 15 мая 1477 г. крымский хан, обращаясь к Мехмеду II, просит «не слушать наполненных ядом слов», имея в виду «восставшего» против него Эминек [Kurtoglu, 1938, s. 647–648; Khanat, 1978, p. 67].

Конфликт между Нур-Девлетом, Хайдером и главой рода Ширин, очевидно, достиг своего апогея к осени 1478 г., когда Эминек сообщает султану: «Нур-Девлет и Хайдар приносят нам много огорчений. Они не желают примириться друг с другом и не слушают моих советов. У нас нет ни людей, ни предводителя для того, чтобы идти воевать. Наши люди стали бездельниками, их силы растрачиваются на пустяки, можете быть в этом уверены. Ныне все беи и все наши люди желают иметь предводителем Менгли-Гирея, поскольку из-за того, что те двое не мирятся, вся земля раззорена <...>. Если Вы немедленно пришлёте к нам Менгли-Гирея, Вы восстановите порядок в нашей стране и Аллах Вас за это наградит. Народ и беи Крыма не желают Нур-Девлета,

он не годится ни на что <...> Мы хотим, чтобы Вы дали Менгли-Гирею такой совет: „Забиться о нуждах страны и не пренебрегай советами Эминек“» [Вельяминов-Зернов, 1863, Ч. 1, с. 102; Khanat, 1978, s. 71; Некрасов, 1990, с. 50]. Сложившееся положение, по-видимому, было настолько серьёзным, что вскоре Менгли-Гирей был отправлен в Каффу, где находился под охраной турок в качестве почётного пленника.

Иную версию причины прибытия Менгли-Гирея в Каффу излагает со слов Андреоло Гваско⁶¹ (ему удалось в 1475 г. на корабле бежать в Грузию, откуда он отправился в Персию) Иосафат Барбаро: «<...> Эминакби из-за дурного отношения к себе со стороны турок начал жалеть, что отдал город Оттоману, и перестал допускать туда ввоз какого-либо продовольствия. Поэтому там начал [ощущаться] большой недостаток хлеба и мяса, так что город находился как бы в осаде. Тогда Оттоману напомнили, что если бы он послал Менглигирея в Каффу и держал его внутри города под домашней охраной, в городе наступило бы изобилие [питания], потому что этот самый Менглигирей пользовался большой любовью у окрестного населения. Оттоман, рассудив, что такое напоминание полезно, отослал Менглигирея [в Каффу]. Лишь только стало известно, что он вернулся, тотчас же в городе наступило великое изобилие, потому что Менглигирея любило также и городское население. Он содержался под нестрогой охраной и мог ходить повсюду в пределах города» [Барбаро, 1971, с. 155].

Появление осенью 1478 г. в Каффе Менгли-Гирея, по замыслу Мехмеда II и Эминек, должно было повлиять на характер отношений как ведущих между собой борьбу Нур-Девлета и Хайдера, так и других сепаратистски настроенных татарских беков. Ожидаемый результат, по-видимому, был достигнут довольно быстро, потому что сама возможность возведения султаном на ханский престол Менгли-Гирея предвещала для его соперников либо изгнание, либо гибель. Так в скором времени и случилось. Доставку Менгли-Гирея в Каффу и его содержание под охраной можно расценивать как откровенный политический шантаж Мехмедом II правителей Крымского ханства.

Произошедшая в конце 1478 г. стабилизация политической обстановки (прекращение междоусобицы) в Крымском ханстве вполне отвечала интересам как Мехмеда II, так и Эминек, который, с учётом того, что «новый» претендент на престол содержался турками в Каффе, практически самостоятельно управлял государством. Но такое «правление» не могло продолжаться долго, т. к. не устраивало Менгли-Гирея и его сторонников. При первом же удобном случае, предоставившемся в

⁶¹ Вероятнее всего, И. Барбаро встречался с одним из сыновей Антонио (например, Андреоло). Об этом более подробно говорилось выше.

конце 1478 г., хан бежал из-под стражи во время состязания по стрельбе из лука⁶².

Об этом довольно любопытном эпизоде подробно рассказывает тот же Иосиф Барбаро: <...> Менглигирей, воспользовавшись случаем, когда происходили эти игры, устроил так, что сотня всадников из татар, с которыми он сговорился, спрятались в одной долинке неподалёку за городом. Он сделал вид, что также хочет состязаться в стрельбе, поскакал во весь опор и скрылся бегством среди своих сообщников. Немедленно же, лишь только узнали об этом событии, множество людей из населения „острова“ («островом Каффы» И. Барбаро называет Крымский полуостров [Барбаро, 1971, с. 154] — В. М.) последовало за Менглигиреем. Вместе с ними, в полном порядке, он ушёл к Солхату — этот город отстоит от Каффы на шесть миль — и захватил его. Убив Эминакби, Менглигирей стал правителем тех мест» [Барбаро, 1971, с. 156].

Свидетельство И. Барбаро, оставшееся вне поля зрения исследователей, занимавшихся изучением истории Крымского ханства этого периода [Некрасов, 1990, с. 51; 1999, с. 53], позволяет несколько иначе охарактеризовать политические отношения, сложившиеся между Менгли-Гиреем и Мехмедом II в 1478–1481 гг. Бегство Менгли-Гирея из-под стражи, физическое устранение сторонника султана — Эминика — и укрепление власти хана на территории всего государства, отнюдь не «знаменовало собой завершение первого этапа османского проникновения в Северное Причерноморье и в целом в Восточную Европу», как это полагает А. М. Некрасов [Некрасов, 1990, с. 52; 1999, с. 53]. По существу, Менгли-Гирей своими действиями в конце 1478 г. нарушил дававшиеся им обязательства (документы, подтверждающие это, до сих пор не обнаружены) и овладел престолом Крымского ханства без «благословления» на то Мехмеда II.

Известие о побеге Менгли-Гирея и последовавшей затем расправе над Эмиником, вызвало панику среди его противников. Нур-Девлет и Хайдер бежали в Литву (затем они перешли на службу к Великому князю Ивану III). Вскоре (если не раньше) их примеру последовал и Джанибек [Григорьев, 1987, с. 55–77; Некрасов, 1990, с. 47–51].

В декабре 1478 г. в Москву прибыли два посла от Менгли-Гирея, известившие о занятии им престола и желании хана возобновить прежнюю

дружбу с Иваном III [Сборник РИО, Т. 41, с. 15]. С подобным предложением Менгли-Гирей обращается и к королю Казимиру IV. Переговоры и обмен посольствами проходят успешно, и уже летом 1480 г. король получает грамоту о «союзе и дружбе» [Литовская Метрика, 1910, Т. 27, с. 329–333]. Однако обязательства хана о «приязни и братстве» не мешают ему в 1480 г. совершить кратковременный набег на Подолию, а в 1482 г. разорить Киев.

В начале 1479 г. адыги подняли восстание, в результате которого оказались захваченными Копы и Анапа. Мехмед II был вынужден весной — летом 1479 г. направить на Северо-Западный Кавказ карательную экспедицию. В ходе военных действий удалось вернуть под власть султана укрепления, завоёванные Гедык-Ахмет-пашой в 1475 г., а пленённое при подавлении восстания население продать в рабство [Некрасов, 1990, с. 52–53].

Какие-либо свидетельства о причастности Менгли-Гирея к событиям на Северо-Западном Кавказе отсутствуют. Тем не менее, весьма симптоматично то, что своё первое (после побега из Каффы в конце 1478 г.) письмо Мехмеду II он отправляет только 18 сентября 1479 г., когда стало известно о разгроме восстания адыгских князей. Послание наполнено ни к чему не обязывающими любезностями и благодарностями за оказанную ему ранее султаном «милость» [Kurtoglu, 1937, s. 650–651]. Но, как точно заметил А. М. Некрасов, Менгли-Гирей и в дальнейшем имел возможность неоднократно демонстрировать не только хитрость и изворотливость, но также и свои незаурядные дипломатические способности [Некрасов, 1990, с. 51].

Истинное отношение к своему «покровителю» Менгли-Гирей проявил после смерти Мехмеда II (3 мая 1481 г.), когда между его сыновьями разворачивается борьба за султанский престол [Иналджик, 1998, с. 40–41]. В этот момент в Причерноморье складывается благоприятная политическая обстановка не только для реализации плана освобождения от вассальной зависимости (фактически она носила чисто номинальный характер) от османов Крымского ханства, но и восстановления генуэзского присутствия на полуострове.

Через находившегося при дворе польского короля Андреоло ди Гваско (ему, как одному из владельцев замка Тасили, удалось в 1475 г. избежать турецкого плена), хан сообщал в Геную об антитурецких настроениях среди мусульманского и христианского населения полуострова. Правительство Генуи, намереваясь примкнуть к коалиции европейских государств, собиравшихся объединёнными силами выступить против Османской Порты, направило в Газарию двух агентов — Лодизио Фиески и Бартоломео Фрегоза — для агитации и подготовки антитурецкого восстания.

Обратившись к Менгли-Гирею с просьбой об аудиенции, чтобы в личной беседе открыть «старинному другу Генуи» тайные планы своего пра-

⁶² «В этих местах состязания происходят следующим образом. К деревянной балке, положенной горизонтально на два деревянных столба (это устройство похоже на виселицу), привешивают на тонкой бечёвке серебряную чашу. Состязающиеся за приз стрелки имеют стрелы с железной частью (железко — В. М.) в виде полумесяца с острыми краями. Всадники скачут с луками на своих конях под эту виселицу и, едва только минуют её, причём лошадь продолжает нестись в том же направлении, — оборачиваются назад и стреляют в бечёвку; тот, кто, срезав её, сбросит чашу, выигрывает приз» [Барбаро, 1971, с. 155–156].

вительства: послать к берегам Газарии флот и сухопутное войско, они получили от хана положительный ответ (письмо написано на греческом языке 30 декабря 1481 г. [Grasso, 1879, p. 321; Heyd, 1886, II, p. 406–407]).

Кроме поддержки христианского населения бывших факторий Лигурийской Республики в Газарии, Фиески и Фрегоза рассчитывали на выступление адыгских князей, среди которых находились и 180

семей их соотечественников⁶³, а также некие «князья из Готии» собранные Захарией Гизольфи [Зевакин, Пенчко, 1938, с. 128–129]. Сигналом к восстанию должно было послужить появление генуэзского флота у побережья Крыма. Но этого так и не произошло и, по образному выражению В. Гейда, «великие планы коалиции христианских держав исчезли в тумане благих пожеланий» [Heyd, 1886, II, p. 407].

⁶³ Имеются в виду молодые генуэзцы, женатые на черкешенках.



Заключение

Изучение имеющихся нарративных источников 60–90-х гг. XIV в. не даёт основания говорить о существовании в это время княжества Феодоро как сколько-нибудь значимой (даже по меркам Крыма) самостоятельной политической структуры, с которой должны были считаться татары и генуэзцы. Феодоро или кто-то из его представителей не упоминаются ни в одном из договоров (1380, 1381 и 1387 гг.), заключённых между ними. До сих пор нет также и какого-либо латинского источника, который свидетельствовал бы о контактах Каффы и Феодоро в XIV столетии.

Вместе с тем, эпиграфические и археологические материалы, происходящие с территории Мангупа, несмотря на их малочисленность, свидетельствуют не только о существовании в это время города Феодоро, но и отражают некоторые аспекты его политической истории. Из трёх обнаруженных в разные годы надписей две (1361/62 и 1395–1397 гг.?) свидетельствуют о проведении здесь фортификационных работ, а одна (1383 г.?) — об эпизоде столкновения феодоритов с татарами хана Пулада (?). Иеромонах Матфей, посетивший Мангуп-Феодоро летом 1395 или 1396 (?) г., описывает территорию горного плато слабо застроенной, со следами древних руин, из-за чего она кажется ему совершенно пустынной. По всей видимости, на протяжении второй половины XIV в. возрождающийся город Феодоро с принадлежащими ему землями Готии находился в полной зависимости от ордынских наместников Солхата. Поэтому ранний этап его существования в качестве будущей столицы небольшого государства оказался скрыт в тени татаро-генуэзских отношений. Следовательно, на данном этапе изучения как княжества Феодоро, так и одноименного города, нет твёрдых оснований говорить об их «активном» (явном) участии в политической жизни Газарии XIV в. Выход Феодоро на политическую арену полуострова приходится только на начало XV в. Этот момент генуэзские письменные источники впервые фиксируют в июне-июле 1411 г.

Представленный в монографии материал позволяет не только ответить на некоторые поставленные ранее вопросы, но и определить перспективы дальнейших исследований политической истории Таврики XV в., прежде всего, касающихся взаимоотношений столицы Генуэзской Газарии Каффы и административного центра Готии Феодоро. На протяжении 1411–1475 гг. характер этих отношений, под воздействием внутренних и внешнеполитических факторов, неоднократно претерпевал изменения. В относительно короткие сроки (1411–1475 гг.) Каффе и Феодоро пришлось пройти трудный, наполненный военными конфликтами, бесплодным противостоянием, окрашенным метаморфозами личных амбиций, эволюционный путь от «смирного согласия» правителей Феодоро с сюзеренитетом Генуи над прибрежной Готией (1422–1441 гг.) до признания Генуей и Банком Сан-Джорджо Феодоро как суверенного государства (1454 г.). Используемый при изучении данной темы комплекс источников даёт возможность выделить основные этапы этой борьбы и выявить причинно-следственные связи происходивших в Причерноморском регионе политических событий.

Для первого этапа (1411–1421 гг.) характерны мирные отношения, когда происходит обмен различными по уровню дипломатическими миссиями. В июле 1411 г. владельцем города Феодоро становится Алексей I (Старший) (1411–1446 гг.), получивший по этому случаю подарок от официалов Каффы. Первоначально внешнеполитические приоритеты Алексея имели прогенуэзскую ориентацию и преимущественно находились в русле интересов коммуны Каффы и её метрополии. Но уже в 1422 г. Алексей I (Старший) идёт на резкое обострение отношений

с Кафрой. Формальным поводом, вероятно, явилась проосманская политическая ориентация Генуи, признавшей в то время и сюзеренитет Миланского герцога Филиппо Мария Висконти. Господин Феодоро Алексей I (Старший) претендует на территорию побережья Готии (между Канакой на востоке и Форосом на западе) и консульство Чембало, чтобы иметь реальную возможность прямого участия в региональной и международной торговле.

Это приводит к первому вооружённому конфликту между Кафрой и Феодоро в 1422–1423 гг., хронологически определяющему начало второго этапа. В ходе войны Алексею I (Старшему) удаётся захватить Чембало, но город вскоре был возвращён генуэзцам. Борьба между враждующими сторонами прекращена внезапно в конце 1423 г. (?) из-за произошедшего катастрофического землетрясения (?), плейстосейстовая область которого охватывала весь горный Крым. Мирные отношения устанавливаются в начале 1424 г. Владелец Феодоро получает выход к морю в одном пункте — Каламите, где строится порт и крепость.

Инициатива эскалации конфликта исходила от Алексея I (Старшего). Попытка наместника Солхата в начале 1422 г. разрядить напряжённую обстановку путём переговоров с генуэзцами не дала ожидаемых результатов. Учитывая, что симпатии татар были на стороне феодоритов, официалы Каффы опасаются вовлечения в конфликт на стороне Алексея I (Старшего) хана Улу-Мухаммеда. В 1422–1423 гг. владелец Феодоро возводит ряд опорных пунктов, противостоящих укреплениям генуэзцев на побережье Готии (Фуна, Милляри, Гелин-Кая, Зиго-Исар) и в «Поморье» (Каламита). Вскоре они оказались частично разрушенными землетрясением, произошедшим в конце 1423 г.

Достигнутое в 1424 г. примирение оказалось кратковременным (1424–1432 гг.) и использовалось обеими сторонами для ликвидации последствий землетрясения, а также накопления сил и подготовки к очередной, более продолжительной войне. В этот период генуэзцы занимаются совершенствованием обороны важнейших пунктов, расположенных на побережье: Солдаи, Лусты и, прежде всего, Чембало. На протяжении 1425–1432 гг. феодоритами проводятся восстановительные работы на Фуне и в Каламите. Алексею I (Старшим) осуществляется значительная по объёму строительная программа. В ходе её реализации столица Готии Феодоро превращается в хорошо защищённый город. Здесь Алексей I (Старший) возводит дворец, цитадель и семейную церковь святых Константина и Елены. Митрополит Готии Дамян восстанавливает в Феодоро Большую базилику, а в Партените — храм святых апостолов Петра и Павла (1427 г.).

Вторая половина 20-х гг. XV в. примечательна тем, что на территории Готии завершается первый этап формирования нового государства, сто-

лицей которого являлся город Феодоро. Благодаря имеющимся источникам, обнаруживаются необходимые для его характеристики атрибуты: 1) разграничение территориальных владений с соседями (татарами и генуэзцами); 2) определение внешнеполитических приоритетов и обретение союзников в их осуществлении; 3) установление династических связей с Трапезундом и Константинополем; 4) учреждение «геральдической» символики, отражающей эти связи и титул правителя; 5) возведение в столичном Феодоро строений (дворца, цитадели, фамильной церкви) с ярко выраженными чертами социальной идентификации; 6) получение от татар политического суверенитета на правах широкой автономии (без права чеканки монет); 7) развитие дипломатических и торговых отношений со странами Причерноморья и Восточного Средиземноморья.

На протяжении 1431–1441 гг. Каффа и Феодоро были вынуждены принимать участие в событиях большой европейской политики, вылившихся в очередную войну между двумя старыми соперницами — Генуей и Венецией. Ориентация правителя Феодоро Алексея I (Старшего) на союз с Венецией привела к конфронтации с Кафрой. В феврале 1433 г. благодаря организованному в Чембало мятежу ему удаётся захватить город и удерживать его более года в своей власти. Две попытки отвоевать Чембало, предпринятые генуэзцами Каффы и Перы в 1433 г., не принесли успеха. Весной 1434 г. к берегам Газарии отправляется 20 кораблей с 6000 наемников под командованием рыцаря Карло Ломеллини. Наиболее крупная за всю историю присутствия генуэзцев в бассейне Чёрного моря военная акция завершилась захватом Чембало, Каламиты, разорением части селений и укреплений Готии.

Поход карательной экспедиции 22 июня 1434 г. на Солхат привёл к поражению генуэзцев от Хаджи-Гирея (?) у с. Кастадзона. В этом столкновении лигурийцы потеряли около 2000 человек убитыми. После подписания мирного договора с татарами 13 июля армия Карло Ломеллини покидает Газарию и возвращается в метрополию. С этого времени между генуэзцами и феодоритами происходят эпизодические столкновения. Некоторые нобили, получив право марки, совершают нападения на владения Алексея I (Старшего). Конфликтующие стороны находились в состоянии войны до ноября 1441 г., пока отношения не были урегулированы особыми соглашениями между Венецией и Генуей, Кафрой и Феодоро.

После 1441 г. правители Мангуа больше склонны к соблюдению нейтралитета при возникновении региональных конфликтов. Примером может служить эпизод столкновения в 1446 г. императора Трапезунда с генуэзцами. В дальнейшем, особенно после смерти Алексея I (Старшего), продолжительное политическое противостояние между Кафрой и Феодоро трансформируется в область

экономического соперничества, где на стороне феодоритов с начала 40-х гг. XV в. традиционно выступает хан Хаджи-Гирей.

Переломным в отношениях Каффы (Генуи) и Феодоро Константинополя. Правительство метрополии передаёт генуэзские фактории, расположенные в бассейне Чёрного моря, в управление Банке Сан-Джорджо. Средний сын Алексея I (Старшего) Олобей добивается от нового сюзерена Феодоро, призвавшего суверенитета княжества Феодоро, занимавшего значительную территорию горной и прибрежной Готии. С этого момента, и вплоть до османского завоевания, в официальной переписке владетели Феодоро и Готии в генуэзских документах именуются не иначе как правители суверенного государства. Однако в содате документах секретной переписки между официальными Каффы и протекторами Банка временами утверждается, что господа Феодоро незаконно занимают Готию. Вероятно, в силу сложившейся традиции или из политических и экономических конъюнктурных соображений, феодориты признают над собой верховенство (например, в 1455 г.) Крымского хана Хаджи-Гирея, именуя его своим господином и «отцом».

Политико-экономический альянс феодоритов с татарами, организовавшими через порт Каламиты самостоятельную торговлю с другими государствами, окончательно разрушил монополию генуэзцев в бассейне Чёрного моря. Новый сухопутный торговый путь от Воспоро до Каламиты оставлял в стороне Каффу, пролегая через Солхат и Керкер, куда в 1449 г. переносится резиденция хана. Это способствует формированию нового административного центра государства Хаджи-Гирея. К середине 50-х гг. XV в. экономическая карта Таврики претерпевает существенные изменения. Теперь она отражает новую расстановку сил, связанную со смещением деловой активности в юго-западный район полуострова, где на одном полюсе находится Крымское ханство со столицей в Керкере и область Готии с Феодоро, а на другом — Каффа и подчинённые ей генуэзские фактории.

Реальность османского завоевания создаёт благоприятные условия для сближения политических интересов владетелей Феодоро и правления Банка Сан-Джорджо, реализуемых через официалов Каффы. Эта тенденция, отмечаемая источниками ещё в последние годы правления Олобея (1454–1458 гг.), поддерживается его преемниками, в особенности Исааком (1465–1475 гг.). В 1469/70 г. (?) при посещении Каффы он подписывает с генуэзцами союзный договор, в котором правитель Готии проявляет полное единодушие с новым ханом Менгли-Гиреем. В целом же, на рубеже 60–70-х гг. XV в. влияние Венеции на происходившие в Газарии политические события практически не ощущается.

1475 г. стал финальным не только для генуэзских факторий Газарии, но и для Готии с её столицей Феодоро. Династические распри на Мангупе, в которые вмешался господарь Молдавии Стефан III, длительное противостояние в армянской общине Каффы, бездарные интриги генуэзских официалов против главы Кампании ширинского бека Эминка, подогреваемые его неуёмными амбициями, в сочетании с шантажом Менгли-Гирея, — всё это привело к дестабилизации, ослаблению и развалу политического антитурецкого альянса на территории полуострова. Именно этим моментом в 1475 г. и воспользовался Мехмед II, направивший к берегам Таврики армию во главе с великим визирем Гедык-Ахмет-пашой. В ходе трудной кампании («Каффинской войны»), затянувшейся до конца года, Ахмет-паше удалось завоевать все генуэзские фактории, Готию и Феодоро. Авантюрная попытка правительства Генуи в 1481/82 гг., рассчитывавшего на поддержку населения Готии, Зихии и Таврии (лично Менгли-Гирея), вернуть утраченные в Газарии позиции, реально оказалась политическим фарсом.

Свидетельства письменных источников и архитектурно-археологические исследования последних лет позволяют выделить в крепостном строительстве Таврики XV в. два основных хронологических этапа: 1) 20–30-е и 2) 60–70-е гг. На каждом из них складывались условия военно-политического характера, стимулировавшие это строительство. Если на первом этапе для Каффы и Феодоро основным фактором являлась их длительная конфронтация, вызванная стремлением правителей Мангупа захватить всё побережье Готии от Чембало до Лусты, то на втором — угроза завоевания Генуэзской Газарии, Готии и Феодоро турками-османами.

Средневековая фортификация Таврики находилась в тесной взаимосвязи с развитием тактики штурма крепостей и противостоящей ей организации обороны. Со второй половины XIV — в первой половине XV в. генуэзцами созданы в Газарии лучшие образцы раннеогнестрельной фортификации (Каффа, Солдайя, Чембало, Луста и др.). Окончательно переход к огнестрельной эпохе наступает в Крыму во второй половине XV в., когда ведётся реконструкция крепостей, с целью приспособить их к условиям применения штурмующей стороной более мощного огнестрельного оружия. Но первое эффективное использование корабельных пушек при захвате крепости относится ещё к 30-м гг. XV в. (сражение за Чембало в 1434 г. войск Карло Ломеллини). Есть основания говорить о некотором запаздывании преобразований фортификации по отношению к развитию общей тактики штурма крепостей.

Общее усиление мощи укреплений наблюдается с 80-х гг. XIV в. Лучшим примером тому служит оборонительная система генуэзской Каффы. Однако данный процесс получает своё реальное

развитие только со второй половины 50-х и особенно в 60-е гг. XV в. В этот период повсеместно возрастает толщина куртин и башен (цитадель Мангупа, Каламита, Фуна, Чоргунь), сооружаются талусы (Каффа, Солдайя, Луста, Чембало), бойницы подножного боя и бойницы с нишами усложнённого профиля для стрельбы из арбалетов и ручного огнестрельного оружия (сарбакан), совершенствуется система защиты входов, оснований стен и башен, возводятся барбаканы (Каффа, Солдайя, Тасили, Чембало), «захабы» (Фуна), увеличивается количество башен со стороны штурма (Луста, Фуна, Чембало). В целом, созданные генуэзцами и феодоритами укрепления сопоставимы с образцами общеевропейской фортификации данного времени.

Анализ архитектоники оборонительных сооружений даёт возможность определить характерные черты строений, возводимых лигурийцами и феодоритами. Для первых свойственно в качестве элементов, завершающих донжоны и воротные башни, наличие нескольких рядов аркатурных поясов и арочных карнизов с машикулями, что обеспечивало эффективную оборону высоких башен. Соотношение высоты куртин (10–11 м) и башен (20–22 м) почти всегда составляло 1:2. В то же время население Готии следовало традициям провинциально-византийской школы, унаследовавшей принципы фортификации предшествующего времени. Поэтому в архитектурном отношении это скромные в большинстве своём постройки (исключение составляют только донжоны Мангупа и Фуны) с относительно низкими стенами (6–9 м) и башнями (9–13 м), причём башни только на 1/3 возвышались над куртинами. Поэтому в архитектурном облике городов, замков и крепостей, построенных местными «греками» и генуэзцами, имелись существенные отличия.

Вместе с тем, результаты археологических исследований Крымской Ривьеры и горной Готии (Каффы, Сугдеи, Тасили, Лусты, Партенита, Симеиза, Чембало, Каламиты, Фуны, Мангупа, Керкера и др.) указывают на общность материальной культуры населения, проживавшего в XV в. на данной территории. Этот тезис особенно ярко иллюстрируют массовые бытовые находки из закрытых комплексов 50–70-х гг. XV в., обнаруженных при исследовании генуэзской Лусты, феодоритских Фуны и Мангупа. Латинский компонент особенно ощущается в предметах торевтики, вооружении, стеклоделии и денежном обращении (Каффа, Солдайя, Чембало, Тасили, Фуна, Луста).

С первой четверти XV в. в Северном Причерноморье получает развитие частная итальянская сеньория. Первоначально (с 1424 г.) она представлена владениями семьи Гвизольфи в Матреге. После перехода черноморских факторий в управление Банка Сан-Джорджо, ещё четыре лигурийских рода (Гваско, Спинола, Марини и Синарега) создают свои феоды, где возводят заново или ре-

монтируют старые замки. Синарега и Спинола обосновались в устье Днепра на землях, ранее принадлежавших татарам; Марини, как и Гвизольфи, — на территории расселения адыгских родов. Только семейством Гваско был возведён замок и основано новое поселение (Тасили) в консульстве Солдайи. Сам механизм формирования в Северном Причерноморье частной лигурийской сеньории остаётся далеко не изученным. Местоположение замков Гвизольфи, Марини и Спинола локализуется лишь предположительно, а генуэзский замок Иличе, известный с 70–80-х гг. XIV в. (принадлежал Синарега в 1453–1455 гг.) затронут раскопками частично. Он располагался на месте более раннего русского городища XII–XIII вв. («Днепровское-2»). С его территории происходит коллекция разнообразных монет и поливной керамики XV в. Единственным к настоящему времени относительно полно изученным памятником данной группы является замок Гваско у селения Тасили.

Следует признать, что до настоящего времени в истории правящей на Мангупе в XV в. фамилии остаётся ещё множество не восполненных пробелов. Предпринимавшееся исследование эпиграфического, нарративного и археологического материала позволяет гипотетически реконструировать хронологическую последовательность правления господ Феодоро и Готии. Родоначальником правившей на Мангупе в 1411–1475 гг. фамилии, по всей видимости, следует признать Алексея I (Старшего). Время его правления относится к 1411–1446 гг. Письменные источники указывают на то, что у Алексея I (Старшего) было три (?) сына и дочь. Его старшим сыном называют Иоанна, а средним — Олобо (Олобоя), получившего в 1434 г. право престолонаследия. Имя младшего сына остаётся неизвестным. Только предположительно, в качестве гипотезы «младшим сыном» Алексея I (Старшего) можно считать Алексея II. Вероятно, о нём идёт речь в генуэзском документе 1458 г. Его же монограмма помещена и на строительной плите 1459 г. из раскопок замка Фуна. Около 1425 г. (?) Иоанн женился на Марии Палеологине Асанине Цамблаконине. Мария, дочь Алексея I (Старшего), в 1426 г. (или 1429?) вышла замуж за Давида Великого Комнина.

Соправителем отца в 1434 г. стал Олобей. Его старший брат Иоанн с женой Марией Палеологинею Асаниной Цамблаконой жили в Трапезунде, где в 1434 г. в возрасте около 7 лет скончался их первенец Алексей. Достоверных сведений о других детях Иоанна и Марии мы не имеем, хотя они, вероятно, были и считали себя по происхождению Палеологами и Асанами. В следующем (1435 г.) в Трапезунде умер и был погребён старший сын Алексея I (Старшего) Иоанн, названный в эпитафии «черкесом».

В 1446 г. Давид Великий Комнин со своим флотом побывал в Каламите и Феодоро, встречался с Олобеем и другими «сыновьями покой-

ного Алексея». После Олобея некоторое время (1458–1459 гг.?) правил Алексей II, а затем Кейхиби (1459–1465 гг.?). В 1460 г. он дал Хаджи-Гирею согласие на казнь своего брата Бирдибека, которому принадлежала Луста и 10 селений. Бирдибеку наследовал его старший (?) сын Дербиберди (1460–1475 гг.?). В 1465 г. правителем Мангупа и Готии становится Исаак. В 1472 г. он выдаёт свою сестру (?) Марию замуж за господаря Молдавии Стефана III. От этого брака рождается двое сыновей — Богдан и Ильяш. После смерти Исаака (в конце мая — начале июня (?) 1475 г.) на Мангупе временно правит неизвестный по имени (Мануил?) князь, свергнутый (?) прибывшим из Молдавии Александром. Отрывочные сведения об этом историческом персонаже правящего в Готии рода имеются с 1459 по 1476 гг.

Вероятно, есть достаточно оснований считать именно Алексея I (Старшего) «из Феодоро» (1411–1446 гг.) родоначальником правящей на Мангупе «фамилии». По всей вероятности, после бракосочетания (?) в 1425 г. старшего сына Алексея I (Старшего) Иоанна с Марией Палеологиней Асаниной Цамблаконовой представители данного рода получили право относить себя к Палеологам и Асанам. Об этом свидетельствуют монограммы и «геральдические» символы в виде двуглавых коронованных орлов на строительных плитах 1425, 1427 и 1459 гг., а также погребальная пелена Марии Асанины Палеологини 1477 г. Происхождение самого Алексея (как и его предшественника Кириалеси) остаётся загадкой. Хотя некоторые латинские источники и называют Алексея I (Старшего) «греком», не стоит исключать «черкесского» (адыгского) происхождения владетеля Феодоро. По крайней мере, два независимых друг от друга и одновременных (1435 и 1472 гг.) источника говорят о старшем сыне Алексея Иоанне как о «черкесе», а о Марии Асанине Палеологине (правнучке Алексея?) — как о «черкешенке». Скорее всего за генуэзским определением «грек» не скрывалось ничего «этнического». Латиняне часто называли «греками» тех, кто придерживался византийского (православного) вероисповедания.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства письменных источников помогают воссоздать «портретные образы» некоторых государственных деятелей XV в., оказавших значительное влияние на политическую историю полуострова. Это, прежде всего, правитель Феодоро Алексей I (Старший). Если в документах генуэзских должностных лиц 20–30-х гг. XV в. владетель Мангупа и Готии характеризуется как неблагодарный мятежник, возобновляющий войну против коммуны Генуи, то Иоанн Евгеник говорит о нём как о могущественном, великом Алексее, сильном в боях, неустрашимом воителе, обращающем в бегство врагов, обладающим острым умом и быстрым в своих действиях. Поэтому он является несокрушимым столпом Хазарии, ярким светочем для

подданных, которого ещё при жизни можно сравнить с солнцем, обливающим своими лучами землю всей Готии.

Годы правления Алексея I (Старшего) (1411–1446 гг.) стали яркой страницей в истории не только столицы Готии Феодоро, но и всего Причерноморья XV столетия, сохранившейся как в памяти народной, так и в дипломатической лексике. В этом отношении весьма показательны слова из донесения ректора и советника из Рагузы венецианскому дожу Пьетро Мочениго (18 февраля 1476 г.), сообщающего о захвате турками города Алексы (*Alexam*), в простонародье называемого Теодореза (*Thodorezam*). Целеустремленность, предприимчивость, дальновидность и гибкий политический ум владетеля Феодоро и Готии («Хазарии») — эти качества предопределили значение созданного им небольшого государства, оставившего заметный след в средневековой истории Юго-Восточной Европы.

Впервые в историографии с введением в научный оборот новых нарративных источников представилась возможность (на основании свидетельств современников) составить, хотя и в общих чертах, характеристику основателя Крымского ханства — Хаджи-Гирея. Со слов Карло Ломеллини мы узнаём, что он опытный в ведении государственных дел человек. Но поскольку император татар озлоблен и настроен враждебно по отношению к генуэзцам, то может причинить им большой вред. Поэтому, когда его власть сильна, Ломеллини советует быть в обращении с «императором татар» (Хаджи-Гиреем?) осторожными и предусмотрительными.

Слова командующего генуэзской армией в 1434 г. стали пророчеством, предопределившим характер личного отношения Хаджи-Гирея к лигурийцам на протяжении всей его долгой жизни. Обладая гибким практичным умом, хан использовал не только прямое психологическое и силовое давление, но и организовал настоящую торговую войну, сумев разрушить монополию генуэзцев в бассейне Чёрного моря. Поэтому вице-консул Каффы Борруэле Гримальди с удивлением отмечал, что он (Хаджи-Гирей) усвоил урок генуэзцев, цивилизовал свои обычаи и живёт не так, как жили прежние татарские императоры, а как если бы он был латинским купцом.

Благодаря свидетельству Амвросия ди Казанова и Николо ди Порты, мы можем добавить к уже известным историографам некоторые биографические сведения личностного характера, касающиеся Карло Ломеллини. Прежде всего, автор письма предлагает судить о нём как о человеке опытном в государственных делах, обладающем даром предвидения и наделённом многими достоинствами, хотя и не лишённом тщеславия, желающем себе почестей. Действительно, попав, казалось бы, в безвыходную ситуацию после поражения в открытом бою с татарами, Ломеллини

демонстрирует необычайные по своей эффективности дипломатические способности: он без помощи оружия одерживает важную победу, установив мир между Кафгой и Солхатом, за что ему после возвращения в Геную было присвоено звание «Золотого Кавалера».

Следует также отметить, что удивительным образом в одном центре политических событий, происходивших в Причерноморье летом 1434 г., пересеклись судьбы трёх ярких личностей эпохи средневековья, представителей разных народов и конфессий — греко-православного Алексея I (Старшего), мусульманина-чингизида Хаджи-Гирея и католика-лигурийца Карло Ломеллини. Весьма показательно, что при этом именно профессиональный аспект совершенно отсутствует в их характеристиках: современниками делается акцент исключительно на результатах политической деятельности Алексея I (Старшего), Хаджи-Гирея и Карло Ломеллини.

В завершение следует отметить, что до настоящего времени, ввиду отсутствия источников, сохраняется ряд существенных лакун в проблеме раскрытия спектра политических отношений между Кафгой и Феодоро. Это иногда не позволяет восстановить ход исторических событий на протяжении нескольких лет (например, 1437–1441, 1442–1446, 1447–1454, 1460–1465 и 1472–1475 гг.) и даже десятилетий (1412–1422 гг.). К тому же практически не исследованными остаются многочисленные сельские поселения, города, замки Генуэзской Газарии (Воспоро, Партезит, Чембало и многие другие) и Готии (Бойка, Керменчик, Черкес-Кермен, Сандык-Кая, Чоргунь), а материалы, полученные в ходе раскопок Каффы, Солхата, Сугдеи, Лусты, Гурзувия, Херсона, Каламиты, Фуны, Мангупа, до сих пор полностью не изданы. Всё это и определяет два перспективных направления в историческом и архитектурно-археологическом изучении затронутой темы.



Документы и материалы государственных архивных учреждений

1. *Архив (чертежный)* А. Л. Бертье-Делагарда // Архив КРКМ. 1899, оп. 5, д. 68.— 55 л.
2. *Архив (фотоархив)* А. Л. Бертье-Делагарда // Архив КРКМ. 1889, оп. 5, д. 89.
3. *Бабенчиков В. П.* Отчёт об археологической экспедиции ГАИМК в Инкермане в июне-июле 1937 г. // Архив ИИМК РАН. 1937, ф. 2, оп. 1, д. 160.— 7 л.
4. *Барсатов Н. С.* Разведки в Феодосийском районе от Феодосии до Алуштинского района в 1926 г. Экспедиция в Оттузы в 1927–1928 гг. Разведочные раскопки на Коктебельском городище в 1929–1931 гг. // Архив ИИМК РАН. 1938, ф. 35, оп. 1, д. 212.— 33 л.
5. *Барисов В. Н.* Средневековое укрепление Чобан-Куле (Материалы натурального исследования памятника 1970 г.) // Архив инспекции охраны памятников архитектуры Крымоблисполкома.— Симферополь, 1971.— охр. № 283.— 43 л.
6. *Браун Ф. А.* Отчёт и другие материалы о раскопках на Мангупе в 1890 г. // Архив ИИМК РАН. 1891, ф. 1, № 40.— 23 л.
7. *Веймарн Е. В.* Отчёт о полевых разведочных работах 1948 г. Бахчисарайского Горного отряда Тавро-Скифской экспедиции Крымской научно-исследовательской базы АН СССР // Архив КФ ИА НАНУ. 1949, инв. № 2г.— 19 л.
8. *Веймарн Е. В., Иванов Л. И.* Отчёт о работе Мангупского отряда Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР в 1974 году // Архив КФ ИА НАНУ. П-ка № 72, инв. А-25.— 51 л.
9. *Кирилко В. П.* Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистое в 1995 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 445. П-ка № 795.— 75 л.— 48 рис.
10. *Иванов Л. И.* Полевой дневник раскопок Мангупского дворца в 1974 г. // Архив КФ ИА НАНУ. П-ка № 72, инв. А-25.
11. *Лепер Р. Х.* О продолжении археологических изысканий в Херсонесе и в Мангуп-Кале в 1913 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 1.— Оп. 1.— Д. 15.— 80 л.
12. *Попушкин Е. И., Пахомов В. И.* Обмерные чертежи цитадели крепости Мангуп (после зачисток 1976 г.) // Архив ин-та «Укрпроектреставрація».— Киев, 1977.— 4 л.
13. *Мыц В. Л.* Отчёт об археологических разведках в Горном Крыму в 1978 г. // Архив КФ ИА НАНУ. Инв. № 105/1–6.— 19 л.
14. *Мыц В. Л.* Отчёт об археологических раскопках средневекового укрепления Пампук-Кая в долине р. Бельбек в 1980 г. // Архив ИА НАНУ. 1981, № 9531.— 12 л.
15. *Мыц В. Л.* Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1980 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 168. П-ка 368.— 41 л.— 63 рис.
16. *Мыц В. Л.* Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1981 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 168. П-ка 369.— 13 л.— 63 рис.
17. *Мыц В. Л.* Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1982 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 169. П-ка 370.— 50 л.— 122 рис.
18. *Мыц В. Л.* Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1983 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 170. П-ка 371.— 47 л.— 87 рис.
19. *Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневекового укрепления Фуна в 1984 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 231. П-ка 504.— 32 л.— 57 рис.
20. *Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 235. П-ка 513.— 54 л.— 99 рис.
21. *Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1986 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 236. П-ка 517.— 104 л.— 133 рис.
22. *Мыц В. Л., Кирилко В. П.* Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна в 1990 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 281. П-ка 573.— 110 л.— 139 рис.
23. *Мыц В. Л., Кирилко В. П.* Отчёт об археологическом исследовании укрепления, поселения и некрополя Фуны в 1991 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 312. П-ка 603.— 62 л.— 62 рис.
24. *Мыц В. Л., Кирилко В. П.* Отчёт о раскопках средневекового укрепления Фуна близ с. Лучистого в 1994 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 345. П-ка 680.— 89 с.— 55 рис.
25. *Мыц В. Л., Адаксина С. Б., Кирилко В. П.* Отчёт о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 246. П-ка 545.— 106 л.— 79 рис.
26. *Мыц В. Л., Кирилко В. П., Татарцев С. В.* Отчёт об археологических исследованиях замка и поселения Чобан-Куле в 1992 г. // Архив КФ ИА НАНУ. № 248. П-ка 547.— 54 л.— 75 рис.
27. *Паршина Е. А.* Отчёт о раскопках на г. Ай-Тодор у пос. Малый Маяк в 1969 г. // Сводный отчёт о работе Южнобережного отряда Отдела археологии Крыма ИА АН УССР в 1965–1969 гг. разд. 28 // Архив КФ ИА НАНУ. 1970.— № 1.— С. 282.— 300 л.
28. *Репников Н. И.* Археологическая карта Южного берега Крыма // Архив ИИМК РАН. 1933, ф. 10, оп. 1, д. 6.— 107 л.
29. *Репников Н. И.* Археологическая карта Крымского нагорья // Архив ИИМК РАН. 1940, ф. 10, оп. 1, д. 9.— 320 л.
30. *Струков Д. М.* Отчёт о поездке в Крым в 1871 г. // Архив ИИМК РАН. 1872.— Ф. 1.— Д. 35.
31. *Шмитт Ф. И., Репников Н. И.* Памятники истории материальной культуры на берегу Крыма от мыса Аяя до Алушты включительно // Архив ИИМК РАН. 1933, ф. 2, оп. 1, д. 118.— 94 л.
32. *Агульников С. М.* Новые комплексы катакомбной культуры из Нижнего Поднепровья // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Вып. VII.— Запоріжжя, 1999.— С. 118–132.
33. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Лысенко А. В.* и др. Исследования крепости Алустон // АИК 1993 год.— Симферополь, 1994.— С. 10–15.
34. *Адаксина С. Б.* Исследования монастырского комплекса на юго-восточном склоне г. Аю-Даг // АИК 1994 год.— Симферополь, 1997.— С. 11–13.
35. *Адаксина С. Б.* Исследования крепости Алустон в 1992 году // Отчётная археологическая сессия (Государственный Эрмитаж), май 1993 г. / Тез. докл.— СПб., 1993.— С. 19–20.
36. *Адаксина С. Б.* Исследования крепости Алустон в 1992 году // Отчётная археологическая сессия (Государственный Эрмитаж), май 1993 г. / Тез. докл.— СПб., 1993.— С. 19–20.
37. *Адаксина С. Б.* Историко-культурные связи средневекового Крыма в свете новых находок на г. Аю-Даг // Археология Крыма. № 1.— Симферополь, 1997.— С. 109–115.
38. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Археологические исследования храма монастыря святых апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчётная археологическая сессия за 1998 г. (Государственный Эрмитаж).— СПб., 1999.— С. 21–24.
39. *Адаксина С. Б., Золотарев М. И., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчётная археологическая сессия за 2000 г. (Государственный Эрмитаж).— СПб., 2001.— С. 19–26.
40. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году.— СПб., 2003.— 183 с., илл.
41. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году.— СПб.— Симферополь, 2004.— 253 с., илл.
42. *Адаксина С. Б. Аю-Даг — Крымский Афон // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвящённой памяти А. В. Банк.— СПб.— 2004.— С. 5–11.*
43. *Адаксина С. Б., Мыц В. Л.* Крепость Чембало в историографии последней трети XVIII — первой половины XIX вв. // «О древностях Южного берега и гор Таврических» Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена).— К. ИД Стилюс, 2004.— С. 82–93.
44. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году.— СПб.— Симферополь, 2005.— 190 с., илл.
45. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году.— СПб.— Симферополь, 2006.— 223 с., илл.
46. *Адаксина С. Б., Мыц В. Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2006 году.— СПб.— Симферополь, 2007.— 277 с., илл.
47. *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.—* Нальчик, 1974.
48. *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. II.— 1991.— С. 43–49.
49. *Айбабин А. И.* Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. Вып. X.— Симферополь, 2003.— С. 277–306.
50. *Айбабин А. И.* Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева.— М. Наука, 2003.— С. 74–81.
51. *Айбабина Е. А.* Двухапсидный храм средневековой Фуны // АО 1985 года.— М. Наука, 1987.— С. 654.
52. *Айбабина Е. А.* Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика.— Киев Наукова думка, 1991.— С. 194–205.
53. *Айбабина Е. А.* Оборонительные сооружения Каффы (По материалам археологических раскопок) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму.— Киев Наукова думка, 1988.— С. 67–80.
54. *Айбабина Е. А., Бочаров С. Г.* Раскопки в Феодосии // АИК 1994 год.— Симферополь Сонат, 1997.— С. 16–18.
55. *Айбабина Е. А.* Некоторые заметки о каменной резьбе Каффы // ХСБ. Вып. X.— Севастополь, 1999.— С. 277–286.
56. *Айбабина Е. А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв.— Симферополь, 2001.— 280 с., илл.
57. *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. Т. II (53).— Симферополь, 1928.— С. 158–172.
58. *Алексеенко Н. А.* Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века // ХСБ. Вып. IX.— Севастополь, 1998.— С. 230–235.

59. Алексеевко Н. А. Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало // ХСБ. Вып. X. — Севастополь, 1999. — С. 371–378.
60. Алексеевко Н. А., Дьячков С. В. Раскопки «консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2006 г. // АДУ, 2007. — С. 81–87.
61. Альберти Л. Б. Десять книг о людстве / Пер. В. П. Зубова. — М. Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1935. — 794 с.
62. Ангелов Д., Чолпанов Б. Българска военна история (от втората четвърт на X до втората половина на XV в.). — София, 1989.
63. Андриевский И. С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 год. — Одесса, 1839, с. 538–552.
64. Антонин. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД, 1863. — Т. V. — С. 595–628.
65. Антонин, архимандрит. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД, 1867. — Т. VI. — С. 445–473.
66. Антонова И. А. Раскопки в цитадели Херсонеса // АИК 1994 год. — Симферополь: Сонат, 1997. — С. 19–24.
67. Артёмов А. А. Крымская область // Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. — Киев: Будівельник, 1985. — Т. 2. — С. 262–333.
68. Асеев Ю. С., Лебедев Г. А. Архитектура Крыма. — Киев, 1961. — 239 с.
69. Асеев Ю. С. Архитектура Северного Причерноморья // ВИА, 1966. — Т. 3. — С. 502–515.
70. Бадян В. В. Радянська історіографія генуезької колонізації Північного Причорномор'я у XIII–XV ст. // Вісник Харківського ун-ту. — Харків, 1967. — Вип. XXII. — С. 103–111.
71. Бадян В. В. Генуезька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії до реформеної Росії // Питання історії народів СРСР. — Харків, 1969. — Вип. VI. — С. 135–141.
72. Бадян В. В. Генуезька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії капіталістичного періоду // Вісник Харківського ун-ту. — Харків, 1970. — Вип. XLV. — С. 48–53.
73. Байер Х.-Ф. Митрополия Херсона, Сугдее, Готии и Зихии по данным топографического лексикона времени Палеологов // АДСВ. — Симферополь: Таврия, 1995. — Вып. 20. — С. 65–76.
74. Байер Х.-Ф. История крымских готтов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2001. — XX. — 500 с. + 1 табл.
75. Байер Х.-Ф. Была ли династия Алексея, господствовавшая над Готией в XV в., таврического происхождения? // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Научные доклады международной конференции (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2004. — С. 152–153.
76. Бандилейко М. М. Византийский писатель XV века Иоанн Евгенник и его творческое наследие // Автореф. канд. ист. наук. — М., 2000. — 23 с.
77. Бандилейко М. М. Иоанн Евгенник и представители семьи Асанов // ВВ, 2001. — Т. 60 (85). — С. 75–82.
78. Барабанов О. И. Судебное дело Бруно Сальсаиго (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования // Причерноморье в средние века. — Вып. II. — М. Изд-во МГУ, 1995. — С. 20–36.
79. Бармина Н. И. К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. — Вып. 11. — Свердловск, 1975. — С. 30–40.
80. Бармина Н. И. Место и значение Мангупской базилики в истории Дороса-Мангупа-Феодоро // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения проф. М. Я. Сюзюмова, 21–23 сентября 1993 г. / Тез. докл. — Екатеринбург, 1993. — С. 3–4.
81. Бармина Н. И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. Византия и средневековый Крым. — Вып. 27. — Симферополь: Таврия, 1995. — С. 77–90.
82. Бармина Н. И., Паномарёв Л. Ю. Антропологические особенности погребений некрополя мангупской базилики // АДСВ. — Вып. 32. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. — С. 387–393.
83. Бармина Н. И. Вопросы и ответы: опыт источниковедческого анализа // Кумуляция и трансляция византийской культуры: материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. — С. 10–13.
84. Бармина Н. И. Хронология Мангупской базилики (Опыт изучения) // АДСВ. Вып. 36. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. — С. 307–318.
85. Бармина Н. И. Континуум христианского храма (на примере Мангупской базилики) // Византия в контексте мировой культуры: Научная конференция, посвященная столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк (1906–1984). Тез. доклада. — СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. с. 5–6.
86. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. — Вып. III. — Симферополь: Таврия, 1993. — С. 320–339.
87. Баранов И. А. Раскопки средневековой Сугдее // АО за 1978 год. — М., 1979. — С. 297.
88. Баранов И. А. Вновь открытый храм генуэзской колонии в Солдае // Четвёртый Международный симпозиум по армянскому искусству Тез. докл. — Ереван, 1985. — С. 48–49.
89. Баранов И. А. Главные ворота средневековой Солдаи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — Киев: Наукова думка, 1988. — С. 81–96.
90. Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. — С. 46–61.
91. Баранов И. А., Данилова Е. В. Генуэзский нагорбок 1384 р. з Судака // Археология. — № 2. — 1991. — С. 145–148.
92. Баранов И. А., Климанов Л. Г. Новые латинские надписи генуэзской Солдаи // Археология Крыма. — № 1. — Симферополь, 1997. — С. 99–108.
93. Барбаро и Контарини о России // К истории италийских связей в XV в. / Вступ. статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скрижинской. — Л.: Наука, 1971. — 274 с.
94. Барсманян Н. С. Археологические раскопки в Оттузах 1927 и 1928 гг. // ИСТОИАЭ. 1929. — Т. III (60). — С. 165–169.
95. Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас Гавры в Малой Азии и Западной Армении (XI–XIII вв.). Ещё раз о цитах (армянах-халкедонитах) // ИФЖ. — Ереван. — 1987. — № 4 (119). — С. 181–193.
96. Башкиров А. С. Антисейсмизм древней архитектуры. II — Греция // Уз. МГПИ. — М., 1949. — Т. XIII. — Вып. I. — 337 с.
97. Беневоленская Ю. Д. Антропологические материалы из средневековых могильников юго-западного Крыма // МИА. — № 168. — 1970. — С. 196–207.
98. Березин И. Тарханские ярлыки крымских ханов // ЗООИД. — 1872. — Т. VIII. — С. 1–9.
99. Бертъе-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя // ЗООИД. — 1886. — Т. XIV. — С. 166–279.
100. Бертъе-Делагард А. Л. Керменчик (Крымская глушь). — Одесса, 1899. — 41 с.
101. Бертъе-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму (мнимое тысячелетие) // ЗООИД. — 1910. — Т. XXVIII. — С. 1–11.
102. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. — 1918. — № 55. — С. 1–44.
103. Бертъе-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С. 1–134.
104. Богданова Н. М. Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. XVIII Международный конгрессу византинистов. — М., 1991а. — С. 23–32.
105. Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. — М. Изд-во МГУ, 1991б. — Вып. I. — С. 8–164.
106. Богданова Н. М. О методике использования археологических источников по истории византийского города // Причерноморье в средние века. — М. Изд-во МГУ, 1995. — Вып. II. — С. 104–116.
107. Богуш-Сестренцевич С. Истории Таврии. — СПб., 1806. — Т. II. — 440 с.
108. Боданский У. А. Черкес-Керменское укрепление Кызу-Куле по разведкам 1933 г. // ИГАИМК, 1935. — № 117. — С. 81–87.
109. Божилон И. Фамилията на Асеновци (1186–1460). Генезология и просопография. — София, 1994. — 506 с.
110. Борисенков Е. П., Пасечный В. М. Тысячелетия летопись необычайных явлений природы. — М.: Мысль, 1988. — 522 с.
111. Бочаров С. Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XII — вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. — СПб. Изд-во Алетейя, 1998а. — Вып. III. — С. 82–116.
112. Бочаров С. Г. Две группы поздневизантийских поливных чаш второй половины XIV — первой четверти XV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X — XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез. докл. науч. конф. в г. Ялта 25–29 мая 1998 г. — Симферополь, 1998. — Симферополь, 1998б. — С. 50–53.
113. Бочаров С. Г., Джанова А. В. Предметы вооружения XIV–XV веков из генуэзских городов Восточного Крыма // Оружие и снаряжение презькната античност и средновековие IV–XV в. — Варна, 2000. — С. 19–20.
114. Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 2001а. — С. 89–90.
115. Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков // 175 лет Керченскому музею древностей: Материалы Международной конференции. — Керчь, 2001б. — С. 157–161.
116. Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеплена). — К.: ИД Стилюс, 2004. — С. 186–204.
117. Бочаров С. Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред. сост. Ю. М. Могаричев. — Симферополь: Антиква, 2008. — С. 191–211.
118. Бровневский М. Описание Таврии (Tartariae descriptio) // ЗООИД. — 1967. — Т. VI. — С. 333–367.
119. Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии // Труды первого археологического съезда в Москве 1869 г. — М., 1871. — Т. II. — С. 365–403.
120. Брун Ф. К. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южной России // Записки Императорской Академии наук. — СПб., 1874. — Т. XXIV. — С. 1–60.
121. Брун Ф. К. О поселениях итальянцев в Газарии. Топографические и исторические заметки // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. — Одесса, 1879. — Ч. I. — С. 187–240.
122. Бубенюк О. Б. К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы Боспорские чтения. — Вып. V. — Керчь, 2004. — С. 30–35.
123. Буисских С. Б., Яевлев М. М. Про осіле населення понизь Дніпра та Південного Бугу у X–XIII ст. // Археологія, № 4. — 1991. — С. 89–104.
124. Бураков А. В. Полів'яний посуд з городища Дніпровське-2 // Археологія, № 4. — 1991. — С. 105–109.

125. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму.— К., 2003.
126. Бухарев Іоанн. Життя всіх святих, празднуемых православною грекороссійскою церквою.— СПб., 1996.— 767 с.
127. Варваровский Ю. Е. «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики) // Время денег. Stratium plus.— СПб.— Кишинев.— Одесса. № 6.— 1999.— С. 276–287.
128. Васильев А. А. Тоты в Крыму // ИГАИМК.— М.— Л., 1927.— Т. V.— С. 179–282.
129. Васильев А. А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя // Византийская библиотека (Вст. статья, примечания, научная редакция, перевод с английского языка и именной указатель А. Г. Грушевого). Изд. второе, исправленное.— СПб. Изд-во Алетей, 2000.— 581 с.
130. Васильев А. В., Атушенко М. Н. Загадка княжества Феодоро.— Севастополь Библикс, 2006.— 416 с., илл.
131. Васильевский В. Г. Введение в Житие Св. Стефана Сурожского // Труды. 1915.— Т. 3.— Пг., 1915.— С. 257–259.
132. Веймарн Е. В. Балаклава (Экскурсионный очерк) // Крым.— 1929.— № 10.— С. 62–65.
133. Веймарн Е. В. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА.— 1953.— № 34.— С. 419–429.
134. Веймарн Е. В. О времени возникновения средневековой крепости Каламита // История и археология средневекового Крыма.— Киев, 1958.— С. 55–62.
135. Веймарн Е. В. Во владениях «господ Феодоро» // Дорогой тысячелетий.— Симферополь, 1966.— С. 119–132.
136. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневекового Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма.— Киев, 1968.— С. 45–82.
137. Веймарн Е. В., Герцен А. Г., Лобода И. И., Пиоро И. С. Исследования Мангупского городища // АО за 1972 год.— М. Наука, 1973.— С. 265–266.
138. Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорей М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика.— Киев Наукова думка, 1974.— С. 123–139.
139. Веймарн Е. В. Пам'ятки південно-західного Криму // Археологія Української РСР.— Київ, 1975.— Т. 3.— С. 454–466.
140. Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // АО за 1974 год.— М. Наука, 1975а.— С. 263–264.
141. Веймарн Е. В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ. Византия и ее провинции.— Свердловск Изд-во Уральского ун-та, 1980.— С. 19–33.
142. Векстаский А. Н. Новые сведения о Каффе и крымских татарах из начала XV в. // Журнал Министерства народного просвещения.— М., 1888.— Ч. CCXVI.— № 4.— С. 332–338.
143. Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время.— Пг., 1922.
144. Виноградов А. Ю. Надписи княжества Феодоро в фондах Херсонесского музея // Причерноморье в средние века.— Вып. III.— СПб. Изд-во Алетей, 2000.— С. 444–446.
145. Виноградов А. Ю. Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи // Харитонов С. В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы.— СПб., 2004.— С. 123–130.
146. Виноградов А. Ю. «Разряд» и «Часть». Как нам обустроить Феодоро? // Судейский сборник.— Вып. II.— Киев.— Судак, 2005.— С. 431–437.
147. Виноградов А. Ю., Мыц В. Л. Фунская надпись 1459 г. // АДСВ.— Вып. 36.— Екатеринбург, 2005.— С. 273–281.
148. Военный энциклопедический лексикон / Под ред. Л. И. Засеяра В 14-ти томах.— СПб., 1838.— Т. 2.— 640 с.
149. Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти.— Біла Церква, 2006.— 782 с.
150. Волков М. О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в. // ЗООИД.— 1858.— Т. IV.— С. 151–182.
151. Волков М. Четыре года города Каффы 1453, 1454, 1455, 1456 // ЗООИД.— 1872.— Т. VIII.— С. 109–144.
152. Волков И. В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках.— Ростов-на-Дону Изд-во Ростовского ун-та, 1989.— С. 85–100.
153. Волков И. В. О месте чеканки генуэзско-татарских монет с большой «т» на аверсе // Древности Кубани.— Вып. 19.— Краснодар, 2003.— С. 17–29.
154. Волков И. В. Размышления о хронологии, исторической географии и точности // Материалы и исследования по археологии Кубани Сб. науч. трудов.— Вып. 6.— Краснодар, 2006.— С. 278–327.
155. Воронин Ю. С., Даниленко В. Н., Кутайтов В. А. и др. Работы в Бахчисарайском р-не // АО за 1978 г.— М. Наука, 1979. с. 313–315.
156. Гандев Хр., Цветкова Б. Ю., Спирарева Я., Георгиева Цв. Градове и градски живот пред XV–XVI в. // История на България.— София, 1983.— Т. 4.— С. 83–103.
157. Гейд В. Итальянские колонии на побережье Черного и Азовского морей / Извлечение из сочинения В. Гейда «История торговли Востока в средние века» / Перевод Л. П. Колли // ИТУАК.— 1915.— № 52.— С. 68–185.
158. Генуэзский меч, найденный в Крыму // ЗООИД.— 1844.— Т. I.— с. 624.
159. Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы.— М. Наука, 1987.— 252 с.
160. Герцен А. Г. О двух рукописях сочинения А. А. Васильева в архиве ЛОИА АН СССР // ВВ.— 1979.— Т. 40.— С. 191–192.
161. Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе.— Свердловск, 1983.— С. 88–104.
162. Герцен А. Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках.— Ростов-на-Дону, 1989.— С. 38–45.
163. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ.— Вып. I.— Симферополь, 1990.— С. 88–165.
164. Герцен А. Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ.— Вып. 32.— Екатеринбург, 2001.— С. 257–282.
165. Герцен А. Г. Молдавия и княжество Феодоро в 1475 г. // Россия — Крым — Балканы: диалог культур Научные доклады международной конференции (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.).— Екатеринбург, 2004а.— С. 157–161.
166. Герцен А. Г. Молдавия и княжество Феодоро в 1475 г. // АДСВ.— Вып. 35.— Екатеринбург, 2004б.— С. 226–239.
167. Герцен А. Г., Мазаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале // Археологические памятники Крыма.— Симферополь Таврия, 1993.— 119 с.
168. Герцен А. Г. Раскопки Мангупа в 1992 г. // Крымский музей.— № 1/94 г.— Симферополь Таврия, 1995.— С. 139.
169. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Сб. науч. трудов. Том I / Отв. ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц.— К. ИД Стилюс, 2005.— С. 257–287.
170. Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ.— Вып. VIII.— Симферополь, 2001.— С. 366–387.
171. Герцен А. Г. Описание Мангупа — Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ.— Вып. X.— Симферополь, 2003.— С. 562–589.
172. Герцен А. Г., Землякова Л. Ю., Науменко В. Е., Смонотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ.— Вып. XII.— Симферополь, 2006.— С. 371–494.
173. Герцен А. Г. Христианская община Мангупа под властью турок // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готского (7–10 июля 2005 г., пос. Партеит).— Симферополь Изд-во Симферопольской и Крымской епархии, 2007.— С. 22–40.
174. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XV — начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник / Ред. сост. Ю. М. Могаричев.— Симферополь Антиква, 2008.— С. 212–256.
175. Георгиева С. Керамика от дворца на Царевец // Царевград Търнов дворецът на българските царе през Втората Българска държава.— Т. 2.— Керамика, битови предмети и въоръжение, накити и тъкани.— София Изд-во на Българската Академия на науките, 1974.— С. 7–186.
176. Гийассаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию.— М Изд-во восточной лит-ры, 1958.— 206 с.
177. Гинькут Н. В. Поливная керамика XIV–XV вв. из «консульской церкви» крепости Чембало // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Сборник научных трудов.— Севастополь Вебер, 2001.— С. 53–60.
178. Гиргас В. Права христиан на Востоке по мусульманским законам.— СПб., 1865.
179. Гонца Г. В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV — первой трети XVI в.— Кишинев, 1984.— 149 с.
180. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений в Восточной Европе XIV–XV вв.— М Наука, 1963.— 536 с.
181. Греков И. Б. Османская империя и страны Центральной и Восточной Европы в 50–70-е гг. XV в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.— М. Наука, 1984.— С. 59–83.
182. Греков Б. Д., Яковлевский А. Ю. Золотая Орда и ее падение // Памятники русской исторической мысли.— М. Богородский Печатник, 1998.— 364 с.
183. Грушевский М. История Украины — Руси В 11 т., 12 кн.— Киев Наукова думка, 1993.— Т. IV.— 544 с.
184. Григорьев В. Монеты джучидов, генуэзцев и Гиреев, битые на Таврическом полуострове // ЗООИД.— 1844.— Т. I.— С. 301–314.
185. Григорьев А. П. Пожалование в Ярлыке Токтамыша // Востоковедение / отв. ред. С. Н. Иванов, М. Ю. Осипов.— Л., 1981.— Вып. 8.— С. 127–128.
186. Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70 годов XIV в. хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки.— Вып. VII.— Л., 1983.— С. 9–54.
187. Григорьев А. П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки.— Л., 1987.— Вып. 10.— С. 28–89.
188. Григорьев А. П. Золотоордынский город Янгишехр // Вестник Санкт-Петербургского университета.— Сер. 2.— Вып. 2(9)— 1994.— С. 31–33.
189. Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русских митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов.— СПб. Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004.— 276 с.
190. Гросс Ф. Альбом живописных видов Крыма.— Одесса, 1846–1847.
191. Гюзелев В. Очерки върху историята на българския северизток и черноморието (края на XII — началото на XV век).— София, 1995.— 143 с.
192. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ.— Вып. 6.— Свердловск, 1966.— С. 116–138.
193. Данилова Э. В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам «Codice») // Феодальная Таврика.— Киев Наукова думка, 1974.— С. 189–214.
194. Двойченко П. А. Черноморские землетрясения в Крыму // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы.— Симферополь Крымгосиздат, 1928.— С. 118–143.
195. Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сб. Музея антропологии и этнографии.— 1949.— Т. 12.— С. 333–386.

196. Дероко А. Средневековые градоулы у Сербии и Цорной Горы и Македонии. — Београд, 1950. — 214 с.
197. Джанов А. В. Гонимые печи XIV—XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез. докл. науч. конф. — Ялта 25—29 мая 1998 г. — Симферополь, 1998. — С. 82—89.
198. Джанов А. В. Фортификационные сооружения генуэзской Солдаи // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской Международной научной конференции. — Киев — Судак, 2004. — Ч. II. — С. 68—76.
199. Дмитриев С. В. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии (общезападный контекст) // Стратум структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. — СПб., 1997. — С. 212—219.
200. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. — Киев: Наукова думка, 1966а. — 107 с.
201. Домбровский О. И. Средневековая Таврика и крымская «Готия» // Дорогой тысячелетий. — Симферополь: Таврия, 1966б. — С. 41—75.
202. Домбровский О. И. Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев: Наукова думка, 1968. — С. 83—96.
203. Домбровский О. И., Махнёва О. А. Столица Феодоритов. — Симферополь: Таврия, 1973. — 104 с.
204. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного берега // Феодалная Таврика. — Киев: Наукова думка, 1974. — С. 3—56.
205. Домбровский О. И. Пам'ятки південнобережної та гірної частин Криму // Археологія УРСР. — Київ: Наукова думка, 1975. — Т. 3. — С. 467—476.
206. Домбровский О. И. Средневековый Крым X—XV вв. // Археология Украинской ССР. — Киев: Наукова думка, 1986. — Т. 3. — С. 518—535.
207. Дорогой тысячелетий // Экскурсии по средневековому Крыму / В. П. Бабенчиков, Е. В. Веймарн, Т. Н. Высотская, В. К. Гарагуля, О. И. Домбровский, М. Г. Кустова, С. А. Секиринский, М. А. Фронджуло / — Симферополь, 1966. — 192 с.
208. Дартели д'Асколи Э. Описание Черного моря и Таврии // ЗООИД. — 1902. — Т. XXIV. — С. 89—130.
209. Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Уз. МПН. — 1942. — Т. 28. — Вып. 1. — С. 3—42.
210. Дрбоглав Д. А. Загадки латинских клейм на мечях IX—XIV веков. (Классификация, датировка и чтение надписей). — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 139 с.
211. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. — 1867. — Т. VI. — С. 443—473.
212. Дьячков С. В. Раскопки «консульской церкви» в Чембало в 1999—2000 гг. // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 2001. — С. 93—94.
213. Дьячков С. В. «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV—XV вв.) // «О древностях Южного берега и гор Таврических» Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Келлена). — К.: ИД Стилюс, 2004. — С. 246—255.
214. Дьячков С. В., Алексеева Н. А. Начало археологических исследований генуэзской крепости Чембало // Universitates (научно-популярный ежеквартальный журнал) — № 4. — Харьков, 2002. — С. 28—37.
215. Дьячков С. В. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000—2005 гг. // Древности-2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 2005. — С. 212—227.
216. Егоров В. Л. Золотая Орда перед Килуковской битвой // Куликовская битва. — Сб. статей. — М., 1980. — С. 174—213.
217. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. — М., 1985. — 236 с.
218. Еманов А. Г., Попов А. И. Итальянская торговля на Черном море в XIII—XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. — Ростов-на-Дону, 1988. — С. 76—87.
219. Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII—XV вв. — Тюмень, 1995. — 225 с.
220. Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. — М.: Наука, 1988. — 191 с.
221. Зайончковский А. «Летопись Кипчакской Степи» (Тс'вгг'рх-и Дешти-и Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1969. — Т. II. — С. 10—28.
222. Зайончковский А. О стратегемах и военных уловках по турецким источникам (трактат о военном искусстве Adabi harb) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1974. — Т. 3. — С. 9—23.
223. Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв. // Исторические записки. — М., 1938. — Т. III. — С. 72—129.
224. Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV веке // Исторические записки. — М., 1940. — Т. VII. — С. 3—33.
225. Залеская В. Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднем средневековье // Препр. — № 4. — София: Св. Георгий Победоносец, 1993. — С. 368—376.
226. Залеская В. Н. Клад из Ай-Василия об историко-культурных связях средневековой Ялты // Византия и средневековый Крым // АДСВ. — Вып. 27. — Симферополь: Таврия, 1995. — С. 98—101.
227. Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. — Киев: Наукова думка, — 1973. — 261 с.
228. Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или Улуса Джучи). — Т. 1. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена / Составление, вводная статья и комментарии Р. П. Храпачевского. — М., 2003. — 448 с.
229. Иванкин Г. Ю. Исторический розвиток Києва XIII — середини XVI ст. (Історико-топографічні нариси). — Київ, 1996. — 271 с.
230. Иванов А. В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // ХСБ. — Вып. VIII. — Севастополь, 1997. — С. 46—48.
231. Иванов А. В., Савелья О. Я., Филиппенко А. А. Комплекс поливной керамики средневекового Кадьякы // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез. докл. науч. конф. — Ялта, 25—29 мая 1998 г. — Симферополь, 1998. — С. 108—112.
232. Из Кроник Великого княжества Литовского и Жемайтского // ЗООИД. — I. XXIV. — 1902.
233. Іналджик Г. Османська імперія. Класична доба 1300—1600 / Переклав з англ. О. Галенко. — Київ: Критика, 1998. — 284 с.
234. Иречек К. История на България (с поправки и добавки от самия автор) / под ред. на проф. П. Хр. Петров. — София: Изд-во Наука и Изкуство, 1978. — 671 с.
235. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. — М.: Наука, 1988. — 544 с.
236. Карамзин Н. М. История государства Российского. — 2-е изд. — СПб., 1819. — Т. VI. — 562 с.
237. Караулов Г. Э. Древнее Сюреньское укрепление и башня на Бельбеке // Новороссийский календарь. — Одесса, 1861. — С. 1—24.
238. Караулов Г. Э. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. — 1872. — Т. VIII. — С. 39—108.
239. Караулов Г. Э. Недавняя археологическая находка в Крыму (Древний Христианский храм, открытый художником Струковым в д. Паргени в октябре 1871 г.) // ЗООИД. — 1872. — Т. VIII. — С. 314—317.
240. Карлов С. В. Средневековая метательная артиллерия на Мангун-Кале // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — 1997. — Вып. 1. — С. 341—359.
241. Карлов С. В. О ранней огнестрельной артиллерии на Мангун-Кале // Культура народов Причерноморья. — Симферополь, 1998. — № 3. — С. 339—340.
242. Карлов С. П. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. — Т. 38. — 1977. — С. 38—47.
243. Карлов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. — М., 1981. — 232 с.
244. Карлов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв. проблемы торговли. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 335 с.
245. Карлов С. П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — С. 191—216.
246. Карлов С. П. Черноморская навигация итальянских морских республик в XIV—XV вв. Факторы и степень риска // Bulgaria Pontica Medii Aevi III, Nessebre, 1985. — Sofia, 1992. — С. 77—87.
247. Карлов С. П. Путиями средневековых мореходов Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. — М.: Восточная литература, 1994. — 158 с.
248. Карлов С. П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. — Т. 55 (80). — 1994. — С. 121—126.
249. Карлов С. П. Итальянские «бароны» трапезундских императоров // ВВ. — Т. 56 (81). — 1995. — С. 144—155.
250. Карлов С. П. Причерноморье в XV веке по материалам собрания Diversorum, Filze Секретного Архива Генуи // Причерноморье в средние века. — М., 1995. — Вып. II. — С. 9—19.
251. Карлов С. П. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. — СПб.: Изд-во Алетейя, 1998. — Вып. III. — С. 9—81.
252. Карлов С. П. Кризис середины XIV в. недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком // Византийская библиотека. — СПб.: Изд-во Алетейя, 1999. — С. 220—237.
253. Карлов С. П. Латинская Романия. — СПб.: Изд-во Алетейя, 2000. — 256 с.
254. Карлов С. П. История Трапезундской империи / С. П. Карлов. — СПб.: Изд-во Алетейя, 2007. — 624 с. — [32 с. илл. — (Серия «Византийская библиотека. Исследования»)].
255. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области / Авторы-составители Колесник А. В., Полидович Ю. Б., Дегерменджи С. М., Дубовская О. Р. // Археологический альманах. — № 1. — Донецк, 1993. — 72 с.
256. Каверфельд Э. К. Китайская керамика XII—XIII вв. на Кавказе // Памятники эпохи Руставели. — Л., 1938. — С. 185—194.
257. Келлен П. И. О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. — СПб., 1837. — 409 с.
258. [Келлер К. Э.]. Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // ЗООИД. — 1872. — Т. VIII. — С. 372—396.
259. Кесмежди Панает и Георгий. Княжество Феодоро. — Симферополь: Изд-во Таврида, 1999. — 118 с.
260. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (мечи и сабли IX—XIII вв.) // САИ. — Вып. I. — М.: Л. Наука, 1966. — 175 с.
261. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.) // САИ. — 1971. — Е1—36. — 89 с.
262. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. — Л.: Наука, 1976. — 104 с.
263. Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. — М., 1984. — 274 с.
264. Кирилло В. П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI веках. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. — С. 62—73.
265. Кирилло В. П., Мыц В. Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика. — Киев: Наукова думка, 1991. — С. 147—171.

266. Кирилло В. П. О находке молдавской монеты на Фуна // Археология Крыма. 1997. — № 1. — С. 181–184.
267. Кирилло В. П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // *Время денег / Stratum plus*. — СПб. — Кишинев — Одесса, 1999. — № 6. — С. 137–141.
268. Кирилло В. П., Мыц В. Л. Раскопки средневековой Фуны // АМК. 1994 год. — Симферополь, 1997. — С. 130–133.
269. Кирилло В. П. Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. — № 1. — 1997. — С. 89–98.
270. Кирилло В. П. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез. докл. науч. конф. — Ялта, 25–29 мая 1998 г. — Симферополь, 1998. — С. 120–124.
271. Кирилло В. П. Фуна — от К. Э. Кёллера до А. Л. Бертье-Делагарда // АДСВ. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 30. — С. 319–327.
272. Кирилло В. П., Мыц В. Л. Фрагменты мечей из раскопок средневековой Фуны // Международная конференция «Орджетио и снаряжению през късна античност и средновековиего IV–XV в.» Резюме. — Варна, 2000. — С. 18–19.
273. Кирилло В. П., Мыц В. Л. Октагональный храм Мангупа // АДСВ. — Вып. 32. — Екатеринбург, 2001. — С. 354–375.
274. Кирилло В. П. Организация обороны и объемно-планировочная структура крепостного ансамбля Фуны (1423–1475 гг.) // Старожитності степового Причерномор'я і Криму 36. наук. праць. — Вып. IX. — Запоріжжя Запорізький держуніверситет, 2001. — С. 240–253.
275. Кирилло В. П. Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV–XV вв.) // АДСВ. — Вып. 32. — Екатеринбург, 2001. — С. 283–307.
276. Кирилло В. П. О дате строительства фунского укрепления // ХСб. — Вып. XII. — 2003. — С. 255–273.
277. Кирилло В. П. Демерджинское укрепление // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). — К. ИД Стилюс, 2004. — С. 65–71.
278. Кирилло В. П., Мыц В. Л. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). — К. ИД Стилюс, 2004. — С. 205–245.
279. Кирилло В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). — К. ИД Стилюс, 2005а. — 269 с., илл.
280. Кирилло В. П. Фунский замок Александра — крымского шурина Стефана Великого // *Stratum plus*. — № 6. — 2003. — 204. — СПб. — Кишинев — Одесса — Бухарест, 2005б. — С. 131–179.
281. Кирилло В. П. Потеря крепости Каламита // ХСб. — Вып. XIV. — Севастополь, 2005в. — С. 211–214.
282. Клавихо Г. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). — М., 1990.
283. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Перевод и комментарий Е. В. Бакревского. — Симферополь ДАР, 1999. — 144 с.
284. Климанов Л. Г. Донжон и кампанила *fortis urbis*, урбанистическое сознание и освоение Крыма Венецией и Генуей в XIII в. // Античный и средневековый город / Тез. докл. VII Сюзюмовских стений. Севастополь, 25 августа — 4 сентября 1994 г. — Екатеринбург; Севастополь, 1994 [1995]. — С. 47–48.
285. Климанов Л. Г. Казус Франческо де Камилла: новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпиграфики в свете общественной и политической жизни Генуи первой трети XV в. (Лапидарная надпись 1426 г. с родовым именем Камилла, неизвестного консула Солдайи) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. — СПб., 2000. — Вып. XXVII. — С. 303–330.
286. Климанов Л. Г. Крымские памятники средневековой генуэзской лапидарной эпиграфики: возможности источ-
- ника // Судейский сборник. — Вып. II. — Киев — Судак, 2005. — С. 454–484.
287. Князева В. С. Архивные материалы по макросейсмическому обследованию крымского землетрясения 11 сентября 1927 г. // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. — Симферополь, 1999. — С. 88–100.
288. Козонашвили К. К., Махнёва О. А. Раскопки у подножия горы Демерджи // АПУ 1965–1966 гг. — Киев, 1967. — Вып. 1. — С. 193–195.
289. Козонашвили К. К., Махнёва О. А. Алустон и Фуна. — Симферополь Таврия, 1971. — 93 с.
290. Козонашвили К. К., Махнёва О. А. Роботи у Партеіні // АПУ 1969 р. — Киев, 1972. — С. 258–259.
291. Козонашвили К. К., Махнёва О. А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. — Киев: Наукова думка, 1974. — С. 111–123.
292. Козубовский Г. А. О времени появления кафинских надчеканок на джучидских монетах // Судейский сборник. — Вып. II. — Киев — Судак, 2005. — С. 155–159.
293. Козубовский Г. А. Об одной группе аспров // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре // *Материалы III Судакской международной научной конференции (18–21 сентября 2006 г.)*. Том II. — Киев — Судак: Академперіодика, 2006. — С. 188–195.
294. Колли Л. П. Христофор ди-Негро, последний консул Солдайи. Последние годы генуэзской Солдайи. 1469–1475 гг. // ИТУАК. — № 38. — 1905. — С. 1–28.
295. Колли Л. П. Исторические документы о падении Каффы // ИТУАК. — 1911. — № 45. — С. 125–139.
296. Колли Л. П. Каффа в период владения ею банком св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК. — 1912. — № 47. — С. 75–112.
297. Колли Л. П. Хаджи-Гирей-хан и его политика // ИТУАК. — 1913. — № 50. — С. 99–139.
298. Колли Л. П. Падение Каффы // ИТУАК. — № 55. — 1918. — С. 145–174.
299. Кондараки В. К. Универсальное описание Крыма. — СПб., 1875. — Ч. 15. — 88 с.
300. Кондараки В. К. В память столетия Крыма // История и археология Тавриды. — М., 1883. — 571 с.
301. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод и комментарий (Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева) // Древнейшие источники по истории народов СССР. — М. Наука, 1989. — 496 с.
302. Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков. — М. Изд-во АН СССР, 1962. — 287 с.
303. Коциевский А. С. Надчеканка татарских монет в средневековом Белгороде // *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. — Кишинев, 1990. — С. 156–165.
304. Кочубинский А. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман // ЗООИД. — Т. XV. — 1889. — С. 506–547.
305. Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). — Киев: Наукова думка, 1986. — 125 с.
306. Кравченко А. А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. — Киев: Наукова думка. — 1991. — С. 111–120.
307. Кузнецов В. А. Забытый Кремль // Историко-археологический альманах. — Армавир — Москва, 2000. — № 6. — С. 29–36.
308. Лучина В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (Структура и численность армейских подразделений) // АДСВ. — № 12. — Екатеринбург, 1975. — С. 79–85.
309. Крамаровский М. Г. Клад серебряных платёжных слитков из Старого Крыма и золотоордынские суммы // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. — Л., 1980. — Т. XLV. — С. 68–72.
310. Крамаровский М. Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV вв. // *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. — Л., 1985. — С. 152–180.
311. Крамаровский М. Г. Солхат-Крым к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // *Итоги археологических экспедиций*. — Л., 1989. — С. 141–157.
312. Крамаровский М. Г. Крымский перстень с родовым гербом генуэзской семьи Спинола (Spinola) из собрания Эрмитажа // *Российское византиноведение. Итоги и перспективы*. Тез. докл. и сообщений на Междун. конф., посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского археологического Института в Константинополе (Санкт-Петербург, 24–26 мая 1994 г.). — М., 1994. — С. 63–65.
313. Крамаровский М. Г. Клад из Ай-Василь Крым, капитанство Готти, вторая четверть XV в. // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского / Тез. докл. — СПб., 1995. — С. 26–29.
314. Крамаровский М. Г. Погребение беклирибека Мамай (?) археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского / Тез. докл. — СПб., 1996. — С. 38–41.
315. Крамаровский М. Г. Латинская Романия и золотоордынский Крым. Латинские перстеньевые находки и печати в Северном Причерноморье. Клад из Ай-Василь // *Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья*. — Т. 1. — Донецк, 2000. — С. 245–263.
316. Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды. — СПб., 2001б. — 363 с., илл.
317. Крамаровский М. Г. Перстень с родовым гербом семьи Спинола, найденный на Мангупе // АДСВ. — Вып. 32. — Екатеринбург, 2001в. — С. 376–296.
318. Крамаровский М. Г. Джучиды и Крым XIII–XV вв. // МАИЭТ. — Вып. X. — Симферополь, 2003. — С. 506–532.
319. Крамаровский М. Г. Средневековая базилика на городище Солдата // Византия в контексте мировой истории. *Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк*. — СПб. — 2004. — С. 68–76.
320. Крымский А. История Турецчины. — 2-е вид., выпр. — Киев — Львів — Олр, 1996. — 288 с.
321. Кулаковский Ю. А. Алапы по сведениям классических и византийских писателей // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. — Киев, 1899. — Кн. XIII. — Отд. 2. — С. 94–168.
322. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. — Киев, 1906 (1914). — 154 с.
323. Курбатов Г. Л. Византия во второй половине XIII — середине XV вв. // *Культура Византии XIII — первая половина XV в.* — М. Наука, 1991. — С. 202–223.
324. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // *Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований*. — М., 1959. — С. 188–204.
325. Лазаренко Е. И. Лапидарная коллекция Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Каталог // *История и археология Юго-Западного Крыма*. — Симферополь Таврия, 1993. — С. 246–291.
326. Лануа Г. П. Путешествия и посольства господина Гильбера де Лануа, Кавалера Золотого руна, владельца Санта-Виллервала, Троншиена, Бомона, Вагени в 1399–1450 годах // ЗООИД. — 1853. — Т. III. — С. 433–445.
327. Лаоник Халкокондил. История (из книги VIII) // ВВ. — 1953. — Т. VII.
328. Латышев В. В. Новая надпись из Партеіні // ЗООИД. — 1886. — Т. XIII. — С. 58–65.
329. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1896. — 143 с.
330. Латышев В. В. Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. — 1897. — Т. XX. — С. 149–162.
331. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. 2. Мангупская надпись // ИАК. — 1902. — Вып. 3. — С. 21–57.
332. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. — 1918. — Вып. 65. — С. 9–21.

333. *Лашков Ф.* Статистические сведения, сообщённые каймаканами в 1783 г. // ЗООИД.— 1886.— Т. XIV.— С. 91–156.
334. *Лашков Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения.— Симферополь, 1897.— 310 с.
335. *Лебедев В.* Символика и язык монет Крыма золотоордынского периода // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы.— Кишинев, 1990.— С. 139–156.
336. Легенда об Аю-Даге // Сказки и легенды крымских татар.— Симферополь, 1991.— С. 96–102.
337. *Лепер Р. Х.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК.— 1913.— Вып. 47.— С. 73–79.
338. *Лепер Р. Х.* Сведения о раскопках на Мангупе в 1913 г. // ИТУАК.— 1914.— № 51.— С. 298–299.
339. [Лепер Р. Х.]. Раскопки в Мангупе.— ОАК за 1913–1915 годы.— СПб., 1918.— С. 72–84.
340. [Линовский В.] Библиографический обзор. Podole, Wołyn, Ukraina. Obrazu mięjsz I crasow, przez A. Przewdzickiego. Włno, nakład I druk Teofila Glucksberga. 2. Tomy. 1841. in 8o (Подоллия, Вольшь и Украина. Очерки мест и времён, сочинение А. Пржездецкого. Вильно в типографии Т. Глюксберга. 2 части. 1841, VI. 212. 157. в 8o // ЗООИД.— Т. I.— 1844.— С. 509–515.
341. *Литавин Г. Г.* Провинциальный византийский город на рубеже XII–XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака) // ВВ.— № 37.— 1976.— С. 17–29.
342. *Литавин Г. Г., Медведев И. П.* Дипломатия поздней Византии (XIII–XV вв.) // Культура Византии XIII — первая половина XV в.— М. Наука, 1991.— С. 341–360.
343. Литовская Метрика // Русская историческая библиотека.— СПб., 1910.— Т. 27.
344. *Ловаче Н. Г.* Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи.— Майкоп, 1985.— С. 16–30.
345. *Лопушинская Е. И.* Крепость в Судак.— Киев Будивельник, 1991.— 104 с.
346. *Майка В. В.* Средневековая молдавская монета из Сурдеи // Stratum plus.— № 6.— 2000.— Р. 427–428.
347. *Мансуди С. А.* Тюркская история и право.— Казань, 2002.— 411 с.
348. *Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 гг. // ЗООИД.— Т. V.— 1863.— С. 163–417.
349. *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангуна // ИПА-ИМК.— Л., 1933.— Вып. 71.— С. 3–45.
350. *Маркевич А. И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический источник // ИТОИАЭ.— 1928.— Т. 2 (53).— С. 17–32.
351. *Махнёва О. А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма.— Киев Наукова думка, 1968.— С. 155–168.
352. *Медведев И. П.* Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия Между Западом и Востоком // ВВ.— СПб. Изд-во Алатаей.— 1999.— С. 293–332.
353. *Микаэлян В.* К вопросу о грамоте князя Федора Дмитриевича // Археологический Ежегодник за 1964 г.— М., 1965.— С. 11–18.
354. *Микаэлян В.* История крымских армян.— Киев, ООД Энергия плюс, 2004.— 224 с.
355. [Милицкий С. А.]. Дело братьев Гуаско // Приложение 2. С. А. Секиринский. Очерки истории Суража.— Симферополь Крым, 1955.— С. 73–93.
356. *Михалюк Литвин.* О правах татар, литовцев и москвитян / Перевод В. И. Мазутовой. Отв. ред. А. Л. Хорошкевич.— М. Изд-во МГУ, 1994.— 151 с.
357. *Могаричев Ю. М.* Пещерные церкви Таврики.— Симферополь Таврия, 1997.— 384 с.
358. *Мохов И. А.* Молдавский торговый путь в XIV–XV вв. // Польша и Русь.— М., 1974.— С. 298–307.
359. *Мухаммадиев А. Г.* Булгаротатарская монетная система XII–XV вв.— М., 1983.— 157 с.
360. *Мухлинский А.* Исследования о происхождении и состоянии литовских татар.— СПб., 1857.— С. 10–16.
361. *Мыц В. Л.* Раскопки крепости Алустан // АО за 1984 г.— М. Наука, 1986.— С. 278–279.
362. *Мыц В. Л.* Загородный храм и некрополь Мангуна // АДСВ Античная древность и средневековая идеология.— Свердловск, 1984.— С. 57–66.
363. *Мыц В. Л.* Поливная керамика с монограммами из раскопок Мангуна и Фуны // Материалы I симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья Истоки и пути распространения».— Тбилиси Изд-во Мицнниереба, 1985.— С. 52–54.
364. *Мыц В. Л.* Могильник III–IV вв. н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма.— Киев, 1987а.— С. 144–161.
365. *Мыц В. Л.* Средневековое укрепление Исар-Кая // СА.— № 2.— 1987.— С. 228–245.
366. *Мыц В. Л.* Машикули в фортификации средневековой Таврики // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова / Тез. докл. областной научной конференции.— Омск Изд-во ОмГУ, 1987.— С. 163–166.
367. *Мыц В. Л.* Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму.— Киев Наукова думка, 1988.— С. 97–115.
368. *Мыц В. Л.* Основные этапы развития средневековой Алушты // Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР.— Киев, 1989.— С. 151–152.
369. *Мыц В. Л.* Крымская Кабарда // Проблемы контактов и взаимодействия населения гор и равнин / Тез. науч. конф. в г. Душети.— Тбилиси, 1989.— С. 69–70.
370. *Мыц В. Л.* Крестообразный храм Мангуна // СА.— № 1.— 1990.— С. 224–242.
371. *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв.— Киев Наукова думка, 1991.— 164 с.
372. *Мыц В. Л.* О пребывании «черкесов» в Крыму // Проблемы истории Крыма Тез. докл. конф.— Симферополь, 1991б.— С. 81–82.
373. *Мыц В. Л.* Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV–XV вв. // Византийская Таврика.— Киев Наукова думка, 1991в.— С. 179–193.
374. *Мыц В. Л.* Алустан в VI–VIII вв. // АДСВ.— Вып. 26.— Барнаул, 1992.— С. 170–179.
375. *Мыц В. Л., Кирилло В. П., Лысенко А. В. и др.* Исследование средневекового укрепления Чобан-Куле // А ИК 1993 год.— Симферополь, 1994.— С. 200–207.
376. *Мыц В. Л.* О дате гибели византийского Херсона 1278 г. // Византия и Крым.— Симферополь, 1997а.— С. 65–67.
377. *Мыц В. Л., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б.* Исследования крепости Алустан // А ИК 1994 год.— Симферополь, 1997б.— С. 205–210.
378. *Мыц В. Л.* Ранний этап строительства крепости Алустан // ВВ.— Т. 57 (82).— 1997в.— С. 187–203.
379. *Мыц В. Л.* Историко-культурный контекст некоторых монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV–XV вв. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез. докл. науч. конф.— Ялта 25–29 мая 1998 г.— Симферополь, 1998.— С. 157–159.
380. *Мыц В. Л., Адаксина С. Б.* Клад серебряных платёжных слитков XV в. из Алустана // Stratum plus.— № 6.— СПб.— Кишинев — Одесса, 1999а.— С. 159–169.
381. *Мыц В. Л.* Sottio в денежном обращении Генуэзской Газарии (по материалам алуштинскогоклада 1990 г.) // ХСб.— Вып. X.— 1999б.— С. 379–398.
382. *Мыц В. Л.* К датировке похода эмира Хусам-аддина Чобана на Судак // АДСВ.— 1999в.— Вып. 30.— С. 176–186.
383. *Мыц В. Л.* Война 1433–1441 гг. между Кафой и Феодоро // АДСВ.— Вып. 31.— Екатеринбург, 2000.— С. 330–359.
384. *Мыц В. Л.* Таврика в эпоху середньовіччя // Давня історія України. Слов'яно-Руська доба.— Київ, 2000.— Т. 3.— С. 546–558.
385. *Мыц В. Л.* Битва на Синей Воде в 1363 г. турмарх Хуйтани мангульской надписи 1361/62 гг. или мнимый князь Феодоро Димитрий // АДСВ.— Вып.— 32.— Екатеринбург, 2001.— С. 245–256.
386. *Мыц В. Л.* Генуэзская Лушта и Капитанство Готии в 50–70-х гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.— К. ИД Стило, 2002а.— С. 139–189.
387. *Мыц В. Л.* Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма // Археологічний літпис Лівобережної України (до 600-річчя битви на Ворсклі 1399 року).— № 1.— Полтава, 2002б.— С. 107–112.
388. *Мыц В. Л.* В плену историографических иллюзий // Stratum plus. № 6. 2001—2002.— Кишинев, 2003.— С. 307–331.
389. *Мыц В. Л.* Крымский контекст восточной политики Стефана Великого в 70-х гг. XV в. // Stratum plus. № 6. 2003–2004.— (СПб. — Кишинев — Одесса — Бухарест, 2005а.— С. 96–130.
390. *Мыц В. Л.* Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооруженный конфликт между Кафой и Феодоро в 1422–1423 гг. // ХСб.— Вып. XIV.— Севастополь, 2005б.— С. 257–268.
391. *Мыц В. Л.* Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV–XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Сб. науч. трудов. Том I / Отв. ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц.— К. ИД Стило, 2005в.— С. 288–305.
392. *Мыц В. Л.* Крым и Золотая Орда в 60–80-х годах XIV в. // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II.— Казань Институт истории АН РТ, 2007.— С. 96–101.
393. *Мыц В. Л.* Поливная керамика XIV в., как хронологический индикатор политических событий средневекового Крыма // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. II Международная научная конференция (Ялта, 19–23 ноября 2007 г.). Тез. конф.— Ялта, 2007.— С. 102–103.
394. *Мурзакевич Н. М.* История генуэзских поселений в Крыму.— Одесса, 1837.— 91 с.
395. *Недев Ст.* Пътчицата на Владислав III и Мурад II през 1444 г. // Варна 1444 — София, 1969.— С. 208–234.
396. *Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.).— М. Наука, 1990.— 125 с.
397. *Никифоров А. Р.* Проблемы социально-экономической истории генуэзских городов-колоний Крыма в советской историографии // МАИЭТ.— Симферополь, 1991.— Вып. II.— С. 122–130.
398. *Никифоров А. Р.* Кто прав в «Деле братьев Гуаско»? // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма.— Симферополь Таврия, 1995.— С. 168–170.
399. *Никифоров А. Р.* Крым в XIV–XV вв. // Древний и средневековый Крым. Учебное пособие по истории Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев.— Симферополь Таврия-Плюс, 2000.— С. 146–173.
400. *Новичев А. Д.* История Турции.— Т. 1. Эпоха феодализма (XV–XVIII вв.).— Л. Изд-во Ленинградского ун-та, 1963.— 314 с.
401. *Никольский Н. П.* Мангуп-Кале // Записки Крымского горного клуба.— 1893.— Вып. 3.— С. 67–82.
402. *Никонов А. Л.* Землетрясения в сказаниях и легендах // Природа.— 1983.— № 11.— С. 66–75.
403. *Никонов А. А.* Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли.— 1994.— № 11.— С. 20–31.
404. *Никонов А. А.* Цунами на берегах Черного и Азовского морей // Физика Земли.— 1997.— № 1.— С. 86–96.

405. *Никонов А. А.* Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение существующих карт и параметров реальных событий // IV Научно-техническая конференция «Будівництво в сейсмічних районах України» Доповіді.— Ялта, 18–21 травня 1999 р.— С. 181–186.
406. *Никонов А. А.* Раненый Крым. По следам разрушений крупнейшего на полуострове в XX веке природного бедствия // Крымский альбом 2002 г.— Феодосия.— Москва: Издательский дом Коктебель, 2003.— С. 82–111.
407. *Опочинская А. И.* Судакская крепость // Архитектурное наследство.— 1986.— № 34.— С. 253–265.
408. *Орешкова С. Ф.* Некоторые проблемы крымско-татарской государственности // В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в 2-х томах. Т. 2. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII веке до присоединения его к России / Отв. ред. С. Ф. Орешкова.— М. ИД Рубежи XXI.— 2005.— С. 283–310.
409. *Орешкова С. Ф.* О сочинениях В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» и «Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII веке до присоединения его к России» и их новым изданием // В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в 2-х томах. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века / Отв. ред. С. Ф. Орешкова.— М. ИД Рубежи XXI.— 2005.— С. 16–23.
410. Памятники дипломатическим сношениям Московского государства с Польско-Литовским // Сборник РИО.— СПб., 1885.— Т. 41.
411. *Параска П. Ф.* Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства // Юго-Восточная Европа в средние века.— Кишинёв.— Т. 1.— 1972.
412. *Параска П. Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства.— Кишинев, 1981.
413. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика.— Киев: Наукова думка, 1974.— С. 56–94.
414. *Паршина Е. А.* Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму.— Киев, 1988.— С. 36–59.
415. *Паллас П. С.* Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД.— 1881.— Т. XII.— С. 62–208.
416. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах // Научное наследство.— Т. 27.— М.: Наука, 1999.— 245 с.
417. *Павлов П., Тютюмджиев И.* Българите и османско завоевание (краят на XIII — средата на XV в.).— Велико Търново, 1995.— 151 с.
418. *Пигулевский Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П. и др.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.— Л., 1958.— 486 с.
419. *Полумб А.* Очерк крымских землетрясений.— Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1933.— 70 с.
420. *Пономарёв А. Л.* Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги-массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века.— Вып. IV.— СПб.: Изд-во Алетейя.— 2000.— С. 317–443.
421. *Пономарёв А. Л.* Путеводитель по рукописи массарии Каффы 1374 г. (Liber massariae Caffae tempore regiminis egregii viri domini Iuliani de Castro consulis Caffae MCCCLXXIV nunc indicatus et pluribus mendis purgatus) // Причерноморье в средние века / Под редакцией С. П. Карпова.— Вып. VI.— М., СПб.: Алетейя, 2005.— С. 43–138.
422. *Поркшеян Х. А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья // УЗ КБ НИИ.— Т. 13.— Нальчик, 1957.— С. 363–364.
423. *Пустовитенко Б. Г., Кульчицкий В. Е., Горячун А. В.* Землетрясения Крымско-Черноморского региона (Инструментальный период наблюдений 1927–1986 гг.).— Киев: Наукова думка, 1989.— 192 с.
424. *Пятышева Н. В.* Железная маска из Херсонеса (к вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками).— М., 1964.
425. *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г.— М., 1983.— 200 с.
426. *Рансимен П. А.* Очерки истории русского военного хозяйства Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // ММА.— 1961.— № 105.— 242 с.
427. *Репников Н. И.* Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине // ИАК.— 1909.— Вып. 30.— С. 99–155.
428. *Репников Н. И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК.— Л., 1932.— Т. 12.— Вып. 1–8.
429. *Репников Н. И.* О характере римской оккупации Южного берега Крыма // СА.— 1941.— № 7.— С. 121–128.
430. *Ретовский О.* Генуэзские надписи, найденные в Феодосии в 1894 г. // ЗООИД.— 1896.— Т. XIX.— С. 14–26.
431. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Вступ. ст., комментарий М. Б. Горюнга.— М.: Мысль, 1997.— С. 88–189.
432. *Романчук А. И., Быков М. Я.* Рисунки средневековых кораблей из крепости Каламита // ВВ.— № 43.— 1981.— С. 143–146.
433. *Романчук А. И.* Материалы к истории Херсона XIV–XV вв. // Византия и ее провинции.— Свердловск, 1982.— С. 83–114.
434. *Романчук А. И.* Херсонес XII–XIV вв. историческая топография.— Красноярск, 1986.— 192 с.
435. *Романчук А. И.* Материалы к истории Херсона XIV–XV вв. // Византия и ее провинции.— Свердловск, 1982.— С. 89–114.
436. *Романчук А. И.* Заметки к истории Херсонеса XIV в. // ВВ.— Т. 56(81).— 1996.— С. 298–304.
437. *Романчук А. И.* Херсон XIV в. каким могли видеть свой город херсониты // Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В. И. Кадева (Сб. науч. трудов).— Харьков, 1997.— С. 272–289.
438. *Романчук А. И., Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонеса* // МАИЭТ.— (Вып. X.— Симферополь, 2003.— С. 261–276.
439. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона.— Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.— 366 с. + 120 рис.
440. *Русев Н. Д.* «Безногие привратники эпохи» Черная смерть на Западе и Востоке Европы // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индо-европейской истории.— СПб., 1997.— С. 220–239.
441. *Русев Н. Д.* На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Дниестра в конце XIII–XIV вв.— Кишинев: Высшая Антропологическая школа.— 1999.— 240 с.
442. *Русев Н. Д., Мельников О. И.* Тайна «каратов замка Илличе» // Stratum plus, № 6 за 2003–2004 гг.— СПб.— Кишинев.— Одесса.— Бухарест, 2005.— С. 479–494.
443. *Рухлов Н. В.* Обзор речных долин горной части Крыма.— Петроград.— 1915.— 491 с.
444. *Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф.* Исследования средневековой Каффы в 1991–1992 гг. // Боспорский сборник.— М., 1994.— Вып. 4.— С. 179–183.
445. *Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф.* Хронология слоев генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века.— М.: Изд-во МГУ, 1995.— Вып. II.— С. 117–130.
446. *Сафаргалиев М. Г.* Распад Империи Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.).— М., 1996.— С. 277–526.
447. Сборник Русского исторического общества.— СПб., 1884.— Т. 41.
448. *Северова М.* Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старо-Крымского археологического экспедиции) // Сообщения Государственного Эрмитажа.— Вып. LIV.— Ленинград, 1990.— С. 43–46.
449. *Секиринский С. А.* Очерки истории Сурожа IX–XV вв.— Симферополь, 1955.— 104 с.
450. *Секиринский С. А., Секиринский Д. С.* Феодальные владения генуэзцев в Восточном Крыму во второй половине XV в. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв.— Ростов-на-Дону, 1989.— С. 9–16.
451. *Селиванов В. И.* Археологические работы Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1935 г. // СА.— 1937.— № 2.— С. 226.
452. *Семёнова Л. Е.* Некоторые аспекты международного положения Молдавии во второй половине XV в. // Юго-Восточная Европа в средние века.— Кишинев: Штиинца, 1972.— Вып. 1.— С. 207–234.
453. *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XV в. (Очерки внешнеполитической истории).— М.: Индикс, 2006.— 400 с.; илл.
454. *Семинов С. В.* Поливные белокипяные сосуды второй половины XIII — первой половины XIV в. из Алустаны (по материалам раскопок 1994 г.) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики / Тез. докл. науч. конф. — Ялта 25–29 мая 1998 года.— Симферополь, 1998.— С. 179–181.
455. *Семинов С. В.* Средневековое вооружение Крыма XIV–XV вв. — Арбалет (по материалам археологических раскопок) // Орджикито и снаряжение през късната антиност и средновековие IV–XV в. — Варна, 2000.— С. 20.
456. *Сидоренко В. А.* Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ.— 1993.— Вып. III.— С. 145–161.
457. *Сидоренко В. А.* Ханы Мамаевой орды и город Янгитшехр // Исторический опыт межнационального согласия и межконфессионального в Крыму. Сб. науч. трудов.— Симферополь, 1999.— С. 149–155.
458. *Сидоренко В. А.* Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // МАИЭТ.— Вып. VII.— Симферополь, 2000.— С. 267–288.
459. *Сидоренко В. А.* Политическая история Крымского ханства // Тюркские народы Крыма: Караимы, Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова.— М.: Наука, 2003.— С. 157–176.
460. *Скобелев Ю. М.* Археологические разведки на г. Крестовой в Верхней Орланде // Феодальная Таврика.— Киев: Наукова думка, 1974.— С. 108–111.
461. *Скржинская Е. Ч.* Рец. на А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.).— М.— Л., 1950 // ВВ.— Т. VI.— 1953.— С. 252–269.
462. *Скржинская Е. Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма.— М.: Изд-во АН СССР.— 1958.— С. 155–175.
463. *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.— Л., 1971.— 260 с.
464. Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв.— М.: Наука, 1976.— 152 с.
465. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под главенством Османской Порты до начала XVIII в.— СПб., 1887.— 772 с.
466. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты в 2-х томах. Том I. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Том II. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII веке до присоединения его к России / Отв. редактор С. Ф. Орешкова.— М.: ИД Рубежи XXI, 2005.— Т. I.— 542 с., илл.; Т. II.— 314 с., илл.
467. *Степанов А. Ю., Степанова Е. П.* Фреска XIV века из Чембало // Византизм и византизм в эпоху Комнинов и Палеологов/Сборник статей.— СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006.— С. 162–168.
468. *Соклова К. Ф.* Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 года // Херсонесский сборник.— Симферополь.— 1959.— Вып. V.— С. 73–74.
469. *Соклова И. В.* Монеты и печати византийского Херсонеса.— Л.: Искусство.— 1983.— 224 с.

470. Соловьёв В. А. Спорные вопросы Готского княжества в Крыму. По поводу книги Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea // *Annales de L'Institut Kondacow*. — № 9. — 1937. — 93–104.
471. Соломоник Э. И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // *Византийская Таврика*. — Киев: Наукова думка, 1991. — С. 172–178.
472. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков: Майдан, 2000. — 827 с.
473. Спиридонов Д. С. Заметки из истории эллинизма в Крыму. I. Из семейной истории Мангульского дома // ИТОИАЭ. — Вып. II (53). — Симферополь, 1928. — С. 93–102.
474. Степаненко В. П. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии // *Историкогеографический журнал*. — Таврический филиал, 1990. — С. 87–95.
475. Степаненко В. П. К статусу Тмуторакани в 80–90 гг. XI в. // МАИЭТ. — Вып. III. — Симферополь, 1993. — С. 254–263.
476. Степаненко В. П. Князь Феодоро и византийская аристократия XV в. // *Византия и Крым*. Тез. докл. Международной конф. — Севастополь, 1997а. — С. 76–77.
477. Степаненко В. П. К истории княжества Феодоро в XV в. // *Византия: кумуляция и трансляция культур*. Тез. докл. IX научных Сюзюмовских чтений 24–27 августа 1997 г. — Екатеринбург, 1997б. — С. 48–51.
478. Степаненко В. П. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. // *АДСВ*. — Вып. 32. — Екатеринбург, 2001. — С. 375–353.
479. Столцицкий Терешкович М. Маловист. «Каффа-генуэзская колония в Крыму и восточная проблема в 1453–1475 гг.», 1947 // *ВВ*. — Т. IV. — 1951. — С. 201–206.
480. Струков Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде. — М., 1876. — 51 с.
481. Суперанская А. А., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. Топонимия Крыма. Ч. I. Введение в топонимию Крыма. — М., 1995. — 215 с.
482. Суров Е. Г. Раскопки дворца на плато Мангупа в Крыму // *КСИА АН СССР*. — 1972. — Вып. 129. — С. 96–99.
483. Таллис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. — М., 1974. — С. 89–113.
484. Таллис Д. Л. Поливная керамика Баклинского городища // *СА*. — 1976. — № 4. — С. 63–86.
485. Тальзина А. А. Типология и эволюция формуляра документов по истории навигации «галей линии» в Венеции // *Причерноморье в средние века*. — Вып. III. — М. Алетейя, 1998. — С. 164–177.
486. Тесленко И. Б. К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграфито в крепости Алустан в XIV в. // *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики* // Тез. докл. науч. конф. — Ялта 25–29 мая 1998 г. — Симферополь, 1998. — С. 182–184.
487. Тесленко И. Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // *Судейский сборник*. — Киев — Судак: Академ-периодика, 2004. — С. 467–494.
488. Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «0 древностях Южного берега и гор Таврических» Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Келлена). — К. ИД Стилюс, 2004. — С. 260–296.
489. Тесленко И. Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Сб. науч. трудов. Том I / Отв. ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. — К. ИД Стилюс, 2005. — С. 385–410.
490. Тесленко И. Б. Производство поливной керамики в крепости Алустан (Крым) // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Сб. науч. трудов. Том I / Отв. ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. — К. ИД Стилюс, 2005. — С. 324–348.
491. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. — СПб., 1884. — Т. I. — 563 с.
492. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. — М. — Л., 1941. — Т. II.
493. Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // *МИА*. — 1953. — № 34. — С. 319–333.
494. Тиханова М. А. Базилика // *МИА*. — 1953. — № 34. — С. 334–389.
495. Тихомолова И. Р. Китайские сезалоны городища Большие Кучугуры // *Международные связи в Средневековой Европе*. — Запорожье, 1991. — С. 18–19.
496. Тодорова Е. Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья // *История СССР*. — № 1. — 1989.
497. Трапш М. М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг. // *ВВ*. — Т. XIX. — 1961. — С. 260–282.
498. Трубочев О. И. Indoica в Северном Причерноморье. — М. Наука, 1999. — 320 с.
499. Туманян [И. Э.] Крымское ханство / Перевод с немецкого издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Примечания, предисловие и приложения Н. Л. Эрнста. — Симферополь: Таврия, 1991. — 93 с.
500. Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. — Л., 1929. — 160 с.
501. Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. (Пер. и коммент. В. И. Юргевича) // *300ИД*. — 1863. — Т. V. — С. 623–837.
502. Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // *ИЗ*. — 1960. — Т. 1. — С. 94–192.
503. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973.
504. Фелицин Е. Д. Сборник тамг или фамильных знаков западнокавказских горцев и племени Кабертай Адыгского народа // *300ИД*. — XV. — 1889. — 503–514.
505. Фелицин Е. Д. Некоторые сведения о средневековых Генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // *Кубанский сборник*. — Екатеринбург, 1899. — Т. V. — № 15 (карты).
506. Филиппенко В. Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана // *ХСб*. — Вып. VII. — 1996. — С. 143–152.
507. Филиппенко В. Ф. Каламита-Инкерман крепость и монастырь. — Севастополь, 1997. — 108 с.
508. Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. — 472 с.
509. Фонкич Б. И. Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константинополя» // *Византия между Западом и Востоком* // *ВВ*. — СПб., 1999. — С. 270–292.
510. Фронджало М. А. Пам'ятки південно-східного Криму // *Археологія УРСР*. — 1975. — Т. 3. — С. 6–484.
511. Хайбулаева Ф. Х. Новый турецкий источник по истории Крыма // *МАИЭТ*. — Т. VIII. — Симферополь, 2001. — С. 362–365.
512. Харбава Ч. Обранителни сържения в българското средновековие. — София, 1981. — 211 с.
513. Харко Л. П. Монетные находки Тавро-Скифской экспедиции 1946–1950 и 1957 гг. // *МИА*. — 1961. — № 96. — С. 217–222.
514. Хотко С. Х. Очерки истории черкесов. — СПб. Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — 432 с.
515. Цанкова-Петкова Г. Феодалная рента в болгарских землях под византийским владычеством // *ВВ*. — 1961. — Т. 19. — С. 3–25.
516. Ченцова В. Г. Материалы к истории Херсона в средние века // *МАИЭТ*. — Вып. V. — Симферополь, 1996. — С. 171–186.
517. Черепанова Е. Н. Архив А. Л. Бертье-Делагарда (1842–1920) в Крымском областном музее // *Археологические*
- исследования средневекового Крыма. — Киев: Наукова думка, 1968. — С. 205–212.
518. Чиперис А. М. Социально-экономическое положение и движение моряков, сощев и стилендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV–XV вв. // *УЗ КПИ*. — 1956. — Вып. IX. — С. 67–79.
519. Чиперис А. М. Борьба народов Юго-Востока Крыма против экспансии султанской Турции в 50–70-е гг. XV в. // *УЗ Туркменского гос. ун-та*. — 1960. — Вып. XVII. — С. 131–155.
520. Чиперис А. М. К истории Чембальского восстания // *УЗ Туркменского гос. ун-та*. — 1961. — Вып. XIX. — С. 291–307.
521. Чиперис А. М. Внутреннее положение и классовая борьба в Каффе в 50–70 гг. XV в. // *УЗ Туркменского гос. ун-та*. — 1962. — Вып. XXI. — С. 245–266.
522. [Шильбергер]. Путешествие Ивана Шильбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. // *Зап. Новорос. университета*. — Одесса, 1867. — Т. I. — Вып. 2.
523. Шамсутдинов А. М. Проблемы становления османского государства по турецким источникам // *Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы*. — М. Изд-во Наука, 1986. — С. 19–39.
524. Шрайнер П. Купцы и товары Причерноморья: фрагмент византийской конторской книги // *Byzantino-Bulgaria*. — Т. VII. — 1981. — С. 215–219.
525. Штерн Э. Р. Феодосия и её керамика // *Музей императорского одесского общества истории и древностей*. — III. — Одесса, 1906. — 91 с., VIII табл.
526. Юргевич В. Н. Генуэзские надписи в Крыму // *300ИД*. — 1863. — Т. V. — С. 157–177.
527. Юргевич В. Н. Новые надписи генуэзские // *300ИД*. — 1868. — Т. VII. — С. 274–282.
528. Юргевич В. Н. Донесение о поездке в Крым // *300ИД*. — 1875. — Т. IX. — С. 397–402.
529. Юргевич В. Н. Две генуэзские надписи из Балаклавы // *300ИД*. — 1878. — Т. XI. — С. 319–320.
530. Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV) // *МИА*. — 1950. — № 17. — 256 с.
531. Яковсон А. Л. Дворец // *МИА*. — 1953. — № 34. — С. 390–418.
532. Яковсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // *ВВ*. — 1956. — Т. VIII. — С. 166–191.
533. Яковсон А. Л. О численности населения средневекового Херсонеса // *ВВ*. — 1961. — Т. XIX. — С. 154–165.
534. Яковсон А. Л. Средневековый Крым. — М. — П. Наука, 1964. — 183 с.
535. Яковсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // *МИА*. — 1970. — № 168. — 224 с.
536. Яковсон А. Л. Крым в средние века. — М. Наука, 1973. — 172 с.
537. Яковсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979. — 164 с.
538. Яковсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. — Л., 1987. — 235 с.
539. Янина С. А. «Новый город» (= Янги-Шерх = Шехр ал-Джедил) — монетный двор Золотой Орды и его местоположение // *Труды Государственного исторического музея*. — Вып. 49. Нумизматический сборник. — Часть V. — Вып. I. — С. 193–213.
540. Яровая Е. А. О новых прочтениях нобильских имен кафского и солдайского лапидария (по материалам Е. Ч. Скрижинской) // *Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья*. — Т. 1. — Донецк, 2000. — С. 265–270.
541. Яровая Е. А. Отражение периодов зависимости в оформлении монет Генуи и закладных плит генуэзских колоний в конце XIV — первой трети XV в. // *Девятая Всероссийская нумизматическая конференция*. — СПб., 2001. — С. 190–191.

542. Яровая Е. А. Новые идентификации генуэзских гербов Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судаковской Международной научной конференции (18–21 сентября 2006 г.). — Том II. — Киев — Судаков Академперіодика, 2006. — С. 346–347.
543. Яровая Е. А. Генеалогия и геральдика генуэзских официалов Крыма (по материалам lapидарного наследия Каффы, Солдаии и Чембало XIV–XV вв.) // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. — Вып. VI. — М., СПб. Алетейя, 2005. — С. 139–169.
544. Acta et Diplomata graeca mediae aevi sacra et profana // Coll., ed. F. Miklosich et Muller. Vindobonae, 1860. — Vol. I, II.
545. Agosto A. Due lettere inedite sugieventi del Cembalo e di Sochati in Crimea nel 1434 // ASLSP. NS — N. 5. — Genova. — 1977. — Vol. XVII. — Fasc. II. — P. 509–517.
546. Agosto A. Nuovi reperti archivistici genovesi dell'«Officium provisionis Romaniae» sulla guerra di Cembalo (1434) // BBulg. — T. VII. — Sofia, 1981. — P. 103–108.
547. Airaldi G. Colonie genovesi nel Mar Nero. Studi Storici in Romania, Polonia e Bulgaria // Liguria. T. XXXVII, 5. — 1970. — P. 9–12.
548. Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. — Genova, 1974. (Collana storica di fonti e studi; 19).
549. Andreescu S. Moldavia's pontic policy. Stephen the Great and «Ilice» castle // Il Mar Nero. — III. — 1997/98. — P. 179–187.
550. Antalfi A. Doua documente din Biblioteca Egipteană de la Cairo despre Chilia și Cetatea Alba în 1484 // Revue des études Islamique. — Paris, 1934. — № 1–3. — P. 38–40.
551. Assini A. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero // Romania Orientale, 12. 1999. — P. 1–19.
552. Aslanapa Ö. Türkische fliesen und keramik in Anatolien. — Istanbul, 1965. — 93 s.
553. Babinger G. F. Mahomed II le Conquerant et son temps (1432–1481). — Paris, 1954. — P. 377–387.
554. Balard M. La Romanie genoise (XII — début du XV siècle) In 2 Vol. — Genes; Rome, 1978. — 1008 p.
555. Balard M. Les genois en Crimée au XIII–XIV siècles // AP. — Athens, 1979. — Vol. XXXV. — P. 200–217.
556. Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Genoise et Ottomane // Le paysage urbain au Moyen Age. — Lion, 1981. — P. 79–131.
557. Balard M. Les orientaux à Caffa au XV siècle // BF. — 1987a. — T. XI. — P. 223–238.
558. Balard M. «Infideles» ou comans? A propos des «sarracens» de Caffa // SG. — 1987b. — Vol. 8. — P. 9–16.
559. Balard M. Les formes militaires de la colonisation genoise (XIII–XV siècles) // Castrum 3 Guerre, fortification et habitat dans le monde Méditerranéen au moyen âge. — Rome, 1988. — P. 67–78.
560. Balard M. Byzance et les régions Septentrionales de la Mer Noire (XIII–XV siècle) // XVIII-e Congrès International des études byzantines. Rapp. — Moscou, 1991. — P. 227–245.
561. Balbi G. — Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). — Genes, 1973.
562. Balbi G. Caffa e Pera a meta del Trecento // RESEE. — Bucarest, 1978. — An. XVI. — № 2. — P. 217–228.
563. Baletto L. Genova, Mediterraneo, Mar Nero (sec. XIII–XV). — Genova, 1976 (Civico Istituto Colombiano. Studi e testi Serie storica 1). — P. 264–270.
564. Baletto L. Caffa genovese nell'odierna storiografia sovietica // Archivio Storico Sardo di Sassari. — 1985. — T. XI. — P. 269–280.
565. Baletto L. La civiltà mestieri nella Crimea genovese la pasca (1449) // България Понтика. — II. — София, 1988. — С. 280–297.
566. Baletto L. Momenti di vita genovese nella Caffa del Banco di San Giorgio // Bulgaria Pontica Mediae Aevi III. — Nesselbre, 27–31 mai 1985. — Sofia, 1992. — P. 105–114.
567. Baletto L. Liber Officii Provisionis Romaniae (Genova, 1424–1428) // Università degli studi di Genova sede di acqui
- terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino. — № 6. — Genova, 2000. — PP. LXXIX + 515.
568. Banescu N. Peuton identifier ei Zambaluc des documents ragussini? // Melanges Charles Diehe. — I. — Paris, 1930. — P. 30–36.
569. Banescu N. Vechi legaturii ale tarilor noastre cu Genova // Inchinare lui N. Jorga eu prilejul implinirii rastei de 60 de ani. — Cluj, 1931. — P. 158–164.
570. Banescu N. Contribution à l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangoup en Crimée // BZ. — 1935. — Bd. 35. — S. 20–37.
571. Banescu N. Le conflict entre Genes et l'empire de Trebizonde à la veille de la conquête turque (1418–1448) // SBN. — Vol. V. — 1939.
572. Basso E. Il «Bellum de Sorcati» ed i trattati del 1380–87 tra Genova e l'Orda d'Oro // Studi Genuensi. Nuove serie. — 1990. — № 8. — Genova, 1991. — P. 11–26.
573. Basso E. Aspetti della società di Caffa nel XV secolo nella testimonianza di atti notarili inediti // XVIII-th International Congress of Byzantine Studies. — Moscow, 1991a. — Vol. I. — P. 114–115.
574. Basso E. «De rebus castris Ilicis et alia» Genova, la Moldavia e la Valacchia fra cooperazione e contrasto nel secondo Quattrocento // Italia e Romania. Due popoli e due storie a confronto (sec. XIV–XVIII), a cura di S. Graciotti, Firenze, Olschki, 1998. — P. 83–96.
575. Batoriuc P.-V. Necropola medievale de la Sucedava-Campul Santurilor // Arheologia Moldovei. — XVI. — Bucaresti, 1993. — P. 229–249.
576. Belgiano L. I. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // ASLI. — Genova, 1877–1884. — Vol. XIII. — P. 97–336.
577. Belo P. Hradý a Kastele na východnom Slovensku. — Kosice, 1980. — 190 s.
578. Benvenuti A. Zara nella cinta sue fortificazioni. — Milano, 1940. — 266 p.
579. Berti G., Tongiorgi E. Ceramiche importate dalla Spagna nell'area pisana dal XII al XV secolo // Segundo Coloquio International de ceramica Medieval en el Mediterraneo Occidental. — Madrid, 1986.
580. Biernacka-Lubanska M. The Roman and early-Byzantine fortifications of lower Moesia and Northern Thrace. — Wrocław, Warszawa, Krakow, Gdansk, Lodz. — 1982. — 285 p.
581. Blake H. The ceramic hoard from Pula (prov. Cagliari) and the Pula type of Spanish lusterware // Segundo Coloquio International de ceramica Medieval en el Medi-teraneo Occidental. — Madrid, 1986.
582. Bogdan D. P. Paleografia româno-slava. — Bucaresti, 1978.
583. Bratianu G. I. Contribution à l'histoire de Cetatea Alba aux XIII–XIV siècles // Bull. section hist. Acad. Roum. — 1927. — № 3. — P. 19–36.
584. Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. — St.-Petersburg, 1890. — 90 s.
585. Bryer A. The Faithless Kbazitai and Scholariai // Maistor, 1984. — 320 p.
586. Brun Ph. Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Cazarie // Mémoires de l'Académie de St.-Petersburg. — 1866. — VII série. — T. X. — № 9. — 98 p.
587. Bryer A. A. Byzantine family The Gabrades // University of Birmingham Historical Journal. — 1970. — № 12. — P. 165–184.
588. Buchthal H. A. Greek New Testament Manuscript in the Escorial Library // Byzanz und der Westen. — Wien, 1984.
589. Caciagli G. Il castello in Italia. — Firenze. — 1979. — 333 p.
590. Canale M. C. Commentari storici della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri. — Genova, 1855–1856, Vol. I–III.
591. Cancova-Petkova G. La population agraire dans les terres bulgares sous la domination byzantine au XIe–XIIe siècle // BBulg. — 1. — 1962. — P. 299–311.
592. Cazacu M., Kevonian K. La chute de Caffaen 1475 à la lumière de nouveaux documents // CMRS. — Paris, 1976. — An. XVII. — № 4. — P. 495–538.
593. Chalkokondylis L. Historiarum demonstrationes /ed. J. Darko, 2 vol. — Budepest, 1922–1927.
594. Çınbanu R. Genovezii și rolul lor în Dobrogea în sec. XIV // Pontica. — № 2. — 1969. — P. 401–412.
595. Cîmpina B. Scrieri istorice. — Bucuresti, 1973. — Vol. 1.
596. Codex Epistolaris Vitoldi. — Cracovia, 1882. — 882 p.
597. Coggiola G. Studien und Quellen zur Geschichte des Kozils von Bazel. — Basilea, 1903. — Vol. V. — S. 406–408.
598. Constantinescu N. Contribuție la cunoașterea ceramicii bizantine de la Cetatea Alba // SCIV. — X/2. — 1959. — P. 441–452.
599. Constantinescu N. Observatii asupra Satului fortificat din tara romineasca la secole XIV–XV // SCIV. — XIII. — 1962. — P. 59–79.
600. Constantinescu N. Coconi Un sat din cimpia Romana in epoca lui mercea cel batrin // Stiuti arheologic si istoric. — Bucuresti, 1972. — 312 p.
601. Desimoni C., Belgiano L. T. L'Atlante idrografico del medioevo posseduto dal prof. L. Luxoro // ASLSP. — Genova, 1867. — Vol. V.
602. Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // ASLI. — Firenze, 1887. — Vol. XX. — P. 161–165.
603. Desimoni C. Della conquista di Costantinopoli per Maometto II nel MCCCCIII. Opuscolo di Adamo di Montaldo ripubblicato con introduzione ed avvertenze // ASLI. Vol. X (1874).
604. Dlugosza J. Kanonika krakowskiego dzieje Wszystkie Wydane staraniem A. Przewdzickiego. — Cracoviac, 1873. — T. III. — 496 p.
605. Dlugosza J. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. — Varšaviae, 1985. — Lib. X.
606. Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, cher les Tchekesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée. — Paris, 1843. — T. VI. — 461 p.
607. Duran M. Istoria turco-bizantina 1341–1462 / edite critica de V. Grecu. — Bucarest, 1958. — 503 p.
608. Duda H. Die Seltshukengeschichte des Ibn Bibi, Munkgaard. — Copenhagen, 1959.
609. Dupuigrenet Kesenousilles F. Venitiens, et Genoisi a Constantinople et en Mer Noire en 1431 // Cahiers du Monde russe et soviétique. — 1979. — T. XX (1). — P. 111–122.
610. Fallmerayer J. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. — München, 1827.
611. Felloni G. I Primi banchi pubblici della Casa di San Giorgio (1408–1445) L'archivio della Casa di San Giorgio ed il suo valore per le ricerche storiche // ASLSP. — 1991. — N.s. — Vol. 31 (105) Fasc. 1. — P. 225–246.
612. Fisher A. The Crimean Tatars. — Stanford Hoover Institution Press, 1978.
613. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Mid-Seventeenth Century Some Problems and Preliminary Considerations // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV / 1979–1980.
614. Follota U. Patricii Genuensis. Historiae Genuensium libri 12 // Io. Georgii. Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae. — Lugd. Batav., 1704, fol. — T. I. — P. 1–743.
615. Formaleoni P. Storia filosofica e politica della navigazione, del commercio e della colonia nel Mar Nero. — Venezia, 1788–1789. — Vol. I–II.
616. Gazavat-i Sultan Murad b. Mehmed Han. Izladi ve Varna Savasları (1443–1444) uzerinde Anunim Gazavatname / Campaniile sultanului Murad fiul lui Mehmed han. / Ed. H. Inalcik et M. Oguz. — Ancara, 1978. — X. — P. 120–129.
617. Gertsen A., Gertsen N. Moldavia and Theodoro Principality in 1475 // Stefan cel Mare și Sfânt. Atlet al credinței creștine simpozion Putna, 2004. — Suceava Muștățini, 2004. — P. 141–156.
618. Gioffre D. Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. — Genova, 1971.
619. Giustiniani A. Castigatissimi annali con la loro copiosa tavola della Ecclesia et Illustrissime Republica di Genova, da

- bidili ef appronati verittori, per el Renereo Monsignore Agostino Giustiniano Genese Vescono di Nebio accuratamente racolti. — Genova, 1537. — 282 L.
620. *Glossarium Arts. Burgen und Festplatze // Chateaux — forts et places Fortes.* — Tubingen, 1977. — 235 s.
621. *Garovei S. S.* — Muşatinii. Chisinau Basarabia, 1997. — 165 p.
622. *Garovei S. S., Szekely M. M.* Les emblems imperiaux de la princesse Maria Asanina Paleologhina // *Stefan cel Mare si Sfanta Atleta al credintei crestine. simpozion Putna, 2004.* — Suceava Muşatinii, 2004. — P. 81—112.
623. *Grasso G.* Documenti riguardanti la costituzione di una lega contra il Turco, 1481 // *Giorg. Iugust.* — 1879.
624. *Heers J.* Genes au XV e siecle. Activite economique et problemes sociaux. — Paris, 1961. — 741 p.
625. *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au Mogen-Age par. — Leipzig, 1886. — T. II. — 799 p.
626. *IHumuzaci E.* Documente privitoare la istoria Romanilor / Culese de E. Humuzaki. — Bucuresti, 1887—1912. — Vol. 1—16.
627. *Ibn Kemal.* Tevarih-i al-i Osman. — Ankara, 1957. — S. 384—389.
628. *Inalçik H.* Yeni vesikalara gore Kirim hanliginin Osmanli tabiliginde girmesi ve ahidname meselesi // *Belleten. Turk tarih kurumu.* — 1944. — Cilt. 8. — № 30. — S. 185—229.
629. *Inalçik H.* Mehmed the Conqueror (1432—1481) and his Time. — Speculum. — № 35. — 1960. — P. 408—427.
630. *Inalçik H.* Mehmed the Conqueror (1432—1481) and his Time. Speculum. — № 35, 1960. — P. 408—427.
631. I viaggi in Persia degli ambasciatori veveti Barbaro e Contarini / A cura di Lockhart, Morozzo della R. Rocca, M. F. Tiepolo. — Roma, 1973 II Compasso da navigare A cura di B. R. Moltzo. — Cagliari, 1947.
632. *Jacoby D.* Phenomenes de demographie rurale a Byzance aux XIII-e et XV-e siecle // *Etudes rurales.* — 1962. — № 5—6. — P. 161—186.
633. *Jorga N.* Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades au XV siecle // *RD.L.* — Paris, 1896. — 1900. — Vol. IV—VIII.
634. *Jorga N.* Acte si fragmente cu privire la istoria Romanilor. — Bucuresti, 1897. — Vol. III. — P. 24—60.
635. *Jorga N.* Le privilege de Mohammed II pour la ville de Pera (1-er juin 1453) // *Bulletin de la section historique.* — 2. — № 1. — Paris, 1914. — P. 11—32.
636. *Jorga N.* Acti lui Mehmed al II-lea pentru negustorii din Cetatea Alba // *Revista istorica.* — Anul X. Ianuarie—Martie. — 1924.
637. *Jorga N.* Les aventures «Sarazines» des Francais de Bourgoigne au XVe siecle // *Melanges d'histoire generale.* — Vol. I. — Cluj. — 1927. — P. 10—56.
638. *Jorga N.* Noi descoperiri privitoare la istoria Romanilor // *AAR. MSI Ser. II.* — T. XIX. — 1937. — P. 116—117.
639. *Jorga N.* Intinderea spre ra sa rit a Moldovei lui S stefan-Cel Mare (cu prilejul unei inscriptii) // *AAR. MSI. Ser. III. T. XX.* — 1938. — P. 315—319.
640. *Karpov S. P.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204—1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. — Roma, 1986.
641. *Karpov S. P.* New Documents on the Black Sea Area (1392—1462) // *Durbaron Oaks Papers.* — № 49. — 1995. — P. 36—39.
642. *Katermaa-Ottela A.* Le casertori mediavali in Romana. — Helsinki, 1981. — 157 p.
643. *Kandov N.* Demographic hotizen uber die Landbevölkerung aus dem Gebit des Unteren Strymon in der ersten Halfte des XIV. — *Jahrbundarts // Etudes Balkaniques.* — 1965. — № 2—3. — S. 261—277.
644. *Kandov N. K.* Über den wahrscheinlichen Waizenertragaub der Balkanhalbinsel im Mittelalter // *Etudes Balkanique.* — 1974. — № 1. — S. 87—104.
645. *Kozak E.* Inschriften aus der Bukowina. — I. — Viena, 1903.
646. *Kurat A. N.* Topkapi sarayı arşivindeki Albin Ordu, Kirim ve Turkistan hanlarına ait yazık ve bitikler. — Istanbul, 1940. — S. 87—115.
647. *Kurtoglu F.* İlk Kirim hanlarının mektupları // *BTİK.* — 1937. — Cilt 1. — № 3/4. — S. 641—655.
648. *Lampisidis D.* Ο γάμος Δαβίδ του Μεγάλου Κομνηνού κατά τὸ Χρονικὸν τοῦ Παυαρέτου. — «*Αθήνα.*» — 57. — 1953. — P. 365—368.
649. *Laonici Chalcocondylae.* Historiarum de monstrationes / Ed. Darco. — Budapestini, 1927. — T. 2. — P. 219—220.
650. *Lassus J.* La forteresse Byzantine de Thamugani. — Paris, 1981. — Vol. I. — 262 p.
651. *Laurent V.* L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trebizonde (+1429). Date et circonstances // *AFI.* — 1955. — I. 20.
652. *The Khanat of Crimea dans les Archives du Musee du Palais de Topkapi.* — Paris, 1978. — P. 2—317.
653. *Leges genuenses / Inchoaverunt Desimoni C., Belgrano I. T.; explevit et edidit Poggi V.* // *Historiae Patriae Monumenta.* — Torino, 1901. — T. 18. — Col. 369—370. — Reg. 142—143.
654. *Lunardi G.* Le monete delle colonie genovesi // *Atti della Societa ligure di storia patria, n.s. IX (XCIV), fasc. II.* — Genova, 1980. — P. 29—125.
655. *Maggiorotti L. A.* Architetti e architetture militari // *L'opera del genio italiano all'estero. Gli architetti militari.* — Vol. 1. — Medio Evo. — [Rome], 1933. — 635 p.
656. *Malowist M.* Kaffa—kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475. — Warszawa, 1947. — 367 s.
657. *Malowist M.* Tamerlan i jego czacy. — Warszawa, 1985. — 195 p.
658. *Mehmed Nes ri.* Kitab-i Cihan-numa Nesri tarihi. — Ankara, 1957.
659. *Manfroni C.* Due nuovi documenti per storia della marineria genovese // *Giornale Storico e left della Liguria.* — 1904. — Vol. 1—2. — P. 33—44.
660. *Mannoni T.* La ceramica medievale a Genova e nella Liguria. — Genova, 1975.
661. *Mehmed M. A.* Doua documente turoesti deapre Neagoe Basarab. — Istanbul, 1968. — P. 921—930.
662. *Mehmed M. A.* La politique ottomane a l'egard de la Moldavie et du khanat de Crimée vers la fin du regne du sultan Mehmed II «le conquérant» // *Rev. Roum. hist.* — 1974. — T. 13. — № 3. — P. 509—533.
663. *Mehmed M. A.* Istoria turcilor. — Bucuresti, 1976.
664. *Minea I.* Letoposetele moldovenesti scrise slavonesta // *Cl.* — 1925. — № 1. — P. 190—368.
665. *Mercati S. G.* Diegesis les poleos Theodoru. Versi di Matteo Ieromonaha // *Studi Byzantini.* — 1927. — T. 2. — P. 19—30 (Mercati S.G. in *Collectanea Byzantina.*) — 1970 (Bari). — T. 1. — S. 392—396).
666. *Musso G. G.* Note d'archivio sulle Massaria di Caffa. — *StG.* — 1964/1965. — T. V. — P. 62—98.
667. *Musso G. G.* I Genovesi e il Levante tra Medioevo ed Eta moderna. Ricerche d'archivio // *Genova, la Liguria e l'Oltremare tra Medioevo ed Eta moderna. Studi e ricerche d'archivio.* — II. — Genova, Bozzi (Pubblicazioni dell'Istituto di Scienze Storiche dell'Universita di Genova), 1976. — P. 65—183.
668. *Musso G. G.* Nuove ricerche d'archivio su Genova e l'Europa centro-orientale nell'ultimo Medioevo // *Rivista Storica Italiana.* — LXXXIII/1 (marzo 1971). — P. 134—136.
669. *Musso G. G.* Russia e Genovesi del Levante nel Quattrocento // *La cultura genovese nell'eta dell'umanesimo.* — Genova, 1985. — P. 198—229.
670. *Mastase D.* Ștefan cel Mare imparant // *Descrierea CIPa Bibliotecii Nazionale a României Portret in istorie Ștefan cel Mare și Sfânt (1504—2004).* — Suceava Muşatinii, 2003. — P. 567—609.
671. *Nasturel P. S.* Din legaturile dintre Moldova și Crimeea in secolul al XV — Iea. Pe marginea unei inscriptii grecești // *Omsgiu lui P. Constantinescu-Iasi cu prilejul implinirii a 70 de ani.* Bucuresti, 1965. — P. 261—266.
672. *Neagoe M.* Ștefan cel Mare. — Bucuresti, 1970. — P. 106—120.
673. *Nesri M.* Kitab-i Cihan-numa. — Ankara, 1957. — Cilt. 2. — S. 823—827.
674. *Neumann G., Duwel K.* Alust — ein kringotischer Ortsname? // *KZ 98.* — № 2. — 1985. — S. 280—282.
675. *Nicephori Gregorae.* Byzantina historia / A cura L. Schopeni. — Bonnae, 1829—1830. — Vol. 1—2.
676. *Nicolescu C., Petrescu P.* Ceramica Romaneasca traditionala. — Bucuresti, 1974.
677. *Νυσταζοπούλου Μ.* Ήεν τῆ Ταυρικῆ Χερσονήσου πόλις Σουγβαία ἀπο ΙΓ' μέχρι του αἰώνου. Σημβολὴ εἰς την ιστορίαν του μεσαιωνικοῦ ἐλληνισμου τῆς Νοτίου Ρωσίας. Ἀθήνα, 1965. — 132 σ.
678. *Oderico G. L.* Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa. — Bassano, 1792. — 70 p.
679. *Origone S.* L'amministrazione genovese a Caffa nel secolo XV // *Saggi e documenti.* — Genova, 1983. — T. 3. — P. 290—313. (Civico Istituto Colombiano. Studi e testi. Serie storica / A cura di Geo Pistorino; 4).
680. *Oswald G.* Lexikon der Heraldik. — Leipzig VEB Bibliographisches Institut, 1984. — 478 s.
681. *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. — Leipzig, 1799. — Bd. 1—516 s.; 1801. — Bd. 2. — 525 s.
682. *Papacosta S.* Une epizode de la rivalite polono-hungroise au XV-e siecle, la compagnie de Mathias Corvin au Moldavie a la lumiere d'une scuree inedite (1467) // *RRH.* — 1969. — № 6. — P. 967—979.
683. *Papacosta S.* Kilia et la politique orientale de Sigismund de Luxembourg // *Revue roumaine d'Histoire.* — T. 15/3. — 1976. — P. 421—436.
684. *Papacosta S.* De Vicina a Kilia. Byzantium et Genois aux bouches du Danube au XIVe siecle // *RESEE.* — 16. — 1978. — № 1. — P. 45—55.
685. *Papacosta S.* Une revolte antigenoise en Mer Noire et la riposte de Genes (1433—1434) // *Etat et colonisation au mogen age et a la Renaissance, sous la direction de M. Balard.* — Lion, 1989. — P. 439—452.
686. *Papacosta S.* Une revolte antigenoise eu mer Noire et la riposte de Genes (1433—1434) // *Ib Mar Nero.* — 1, 1994. — P. 270—290.
687. *Papacosta S.* Un tournant de la politique genoise en Mer Noire au XVe siecle // *Oriente et Occidente tra medioevo ed eta moderna.* Studi in onore di Geo Pistorino, a cura di L. Balletto. — Genova, 1997.
688. *Paradissis A.* Fortresses and castles of Greece // *Westen Central Greece.* — Athens-Thessalonika. — 1972. — 174 p.
689. *Paradissis A.* Fortresses and castles of Greece // *Islands of Greece.* — Athens. — 1982. — Vol. III. — 231 p.
690. *Pistorino G.* Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero // *Byzantino-Bulgaca.* — VII. — Bulgaria Pontica Medii Aevi, Premier symposium international. — Nessebre, 23—26 mai 1979. — Sofia, 1981. — P. 43—72.
691. *Pistorino G.* La caduta di Caffa. diaspore in Oriente // *Civico istituto Colombiano. Studi e testi.* Serie stonca a cura di Geo Pistorino. — № 14. — Genova, 1990. — P. 477—518.
692. *Pistorino G.* Due secoli ra Pera e Caffa // *Bulgaria Pontica Medii Aevi III, Nessebre, 27—31 vai 1985.* — Sofia, 1992. — P. 51—64.
693. *Podhorodecki L.* Chanat krymski i jego stosunki z Polska. — Warszawa Ksiadzka i Wiedze, 1987.
694. *Primodiae.* Etudes sur le commerce du Mouen Age. — Paris, 1848. — 242 p.
695. *Pringle D.* La ceramica dell'area Sud del Convento di San Silvestro a Genova // *Archeologia medievale.* — Edizioni Clus. — 1977.
696. *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit / Erstellt von E. Trapp unter Mitarbeit von H.-V. Beyer Abkürzungsverzeichnis und Gesamtregister.* — Wien, 1996. — Bd. 1 / Reg. — S. 247—370.
697. *Quirini-Poplawska D.* Z powiazart Polski z Kaffa, kolonia genuetzka na Krymie w drugiej polowie XV wieku // *Cracovia-Polonia-Europa.* — Krakow, 1995.

698. Razboeni. Cinoi sute de ani de la compania din 1476 // Monografie si culegere de texte. — Bucuresti, 1977. — 324 p.

699. Rice D. T. Byzantine Glazed Pottery. — Oxford, 1930. — XII. — 120 p. — XXI tabl.

700. Rice D. T. The Byzantine Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. — II Report. — Edinburgh, 1947. — P. 110—113.

701. Rice D. T. The Pottery of Byzantium and the Islamic World. Studies in Islamic Art and Architecture // In honour of Professor K. A. C. Creswell. — Cairo, 1965. — P. 194—236.

702. Rizzo A. A qui e l'aquese nel secolo XV // Saggi e documenti. — Genova, 1986. — T. 7. — P. 194 (Civico Istituto Colombiano. Studi e testi. Serie storica / A cura di Geo Pista-rino; 9).

703. Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare // Atti rogati a Pera e Mitilene. — Genova, 1982. — T. 1. — P. 228—233.

704. Rocolle, Pierre P., Francois M. 2000 ans fortification Francaise. — Limoges -Paris, Charles-Lavauzelle, 1973. — T. 1. — 365 p.; T. 2. — 262 p.

705. Rogers J. M. Islamic Art and Design 1500—1700 // Published for the Trustees of the British Museum by British Museum Publications Limited [London], 1983. — 167 p.

706. Rossi G. Storia di Ventimiglia. — Oneglia, 1886. — P. 137—140.

707. Sanuto M. I diarii. — Venezia, 1879—1903. — T. 1—58.

708. Saraceno P. L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del mar Nero dal 1261 al 1453 // Rivista di storia dal diritto italiano. — T. 42—43. — 1969—1970. — P. 177—266.

709. Sarre F. Die Keramik der islamischen seit von Millet // Millet. — Bd. III, Hf. 4. — Berlin und Leipzig. — 1935. — 114 s.

710. Sideras A. Zum Verfasser und Adressaten einer anonymen Monodie // Byzantium. — № 54/1. — 1984. — S. 300—314.

711. Stevking H. Studio sulle finanze genovesi nel medioevo e in particolare sulla Casa di S. Giorgio // ASLSP. — 1906. — Vol. XXXV. — 393 p.

712. Silvestor de Sary M. Pieces diplomatiques tirees des archives de la Republique Genes // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotheque du Roi. — XI. — Paris, 1827. — P. 51—65.

713. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies genoveses en Crimée (Theodosie, Soudak, Balaklava) // ASLSP. — Genova, 1928. — Vol. 56. — 140 p.

714. Spandugino Theodoro, patricio Constantinopolitano, De la origine deli imperatori Ottomani, ordini de la corte, forma del guerreggiare loro, religione, rito, et costumi de la natione // Sathas, Documents, IX. — 1890.

715. Spinei V. Moldova in secolele XI—XIV. — Chisinau, Universitatis, 1992. — 495 p.

716. Spuler B. Die goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1233—1502. — Wiesbaden, 1965.

717. Stella G. Annales Genuenses / Ed. G. Petti Balbi // Muratori L. Rerum Italicarum Scriptores. — Bologna, 1975. — Vol. XVII. — 156 p.

718. Stella G. Annales Genuenses ab anno 1298 usque ad finem anni 1419 deducti; et per Johannem ejus fratrem continuati usque ad annum 1435 // Rerum Italicarum Scriptores. — T. XVII. — Mediolani, 1730, fol. — P. 945—1318.

719. Strykowski M. Kronika Polska, Litowska, Zmodska i Wszystki Rus. — Warszawa, 1846. — T. II.

720. Tafrahi Q. Le tresor byzantin et roumain du monastere de Poutna. — V. — Draps mortuaires XVe siecle (90). — Paris, 1925. — P. 51—65.

721. Thuasne L. Djem sultan fils de Mahomed II, frere de Bayezid II (1459—1495). — Paris, 1892. — P. 5—6.

722. Tivev P. et Cancova-Petkova G. Ausujet des relations feodales dans les territoires bulgares sous la domination

byzantine a la fin du Xle et pendant la premiere moitie du XIIe siecle // BBulg. — 2. — 1966. — P. 107—125.

723. Tomaschek W. Die Goten in Taurien // Etnologische forschungen uber Ost-Europa und Nord-Asien. — Wien, 1881. — I. — 77 s.

724. [Tursun Beg]. The history of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg. — Minnaeapolis; Chicago, 1978. — P. 61—86.

725. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea // Monographs of the Mediaeval Academy of America. — № 11. — Cambridge, Massachusetts, 1936. — 293 p.

726. Vasiliev V. Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimée au XV-e siecle a l'occasion d'un nouveau document // Melanges de l'Ecole Roumaine en France. Premiere partie. — Paris, 1929. — P. 229—336.

727. Veinstein G. La population du sud de la Crimée au debut de la domination ottomane // Memorial omer lutfi barkan. — Paris Libraire d'amerique et d'orientadrien maisonneuve, 1980. — P. 230—246.

728. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-figuri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCLIII—MCCCLXXV), t. I (1453—1459), t. II/1 (1460—1472), t. II/2 (1473—1475, supplementi, aggiunte, dissertazioni), rispettivamente in ASLI, VI (1868); VII/1 (1871), VII/2 (1879).

729. Wackernagel. Studien und Quellen zur Geschichte des Konzil von Basel. — Basel, 1885. — S. 31—33.

730. Wallis H. Byzantine Ceramic Art. Notes of Examples of Byzantine Pottery Recently Found at Constantinople with Illustrations. — London, 1907. — 40 p. — XI tabl.

731. Wittek P. Das Furstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens in 13—15 Jahrhundert. — Istanbul Mitteilungen. — H. 2. — Istanbul, 1934.

732. Zevacin E., Pencko N. Ricerche sulla storia delle colonie genovesi nel Caucaso occidentale nei secoli XIII—XV // Miscellanea di studi storici. — Genova, 1969. — Vol. I. — P. 11—98.

Список сокращений

АДСВ — Античная древность и средние века
АИК — Археологические исследования в Крыму
АДУ — Археологічні дослідження в Україні
АО — Археологические открытия
АПУ — Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ — Византийский временник
ВИА — Всемирная история архитектуры
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИА НАН Украины — Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФЖ — Историко-филологический журнал
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской АН
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии

КРКМ — Крымский Республиканский краеведческий музей
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФ ИА НАН Украины — Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины
МАИЭТ — Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Императорской Археологической Комиссии
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СБ.РИО — Сборник Русского исторического общества
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ХСБ — Херсонесский сборник
УЗМГПИ — Ученые записки Московского Государственного педагогического Института
ЛАР MSI — Analele Academiei Romane. Memoriile sectiunii istorice

АП — Αρχειον Ποντου
AP — Archeion Pontou
ASI — Archivio Storico Italiano
ASLSP — Atti della Societa Ligure di Storia Patria
BBulg — Bizantino-Bulgarica
BZ — Byzantinische Zeitschrift
BF — Byzantinische forschungen
CI — Cercetari Istoricе
KZ — Zeitschrift fur vergleichende Sprachforschung
RESEE — Revue des etudes sudest europeennes
RRH — Revue roumaine d'histoire
ROL — Revue de l'Orient Latin
SCIV — Studii si Cercetari de Istorie Veche
SBN — Studi Bizantini e neoellenici
SG — La Storia dei Genovesi
StG — Studi Genovesi

- Казария 42. См. также Хазария, Газария
 Казах 281
 Казимир IV (король Польши) 407, 503
 Каир 61
 Кайадорские ворота 164, 240, 419
 Кайту 149, 157
 Каламита 5, 8, 9, 14, 39, 76, 78, 80, 85, 88, 91, 112, 123, 141, 150, 152, 156, 162, 163, 164, 170, 171, 173, 178, 179, 180, 183, 187, 199, 203, 207–209, 212, 226, 234, 295, 308, 333, 355–359, 362, 402, 403, 409, 410, 412, 480, 506–508, 510
 Каламитский залив 356
 Калиакра 35, 234
 Калиера 39, 243
 Кальвини (генуэз. род) 349
 — Антонио 349, 352
 — Лаззаро 349
 Кальдерос Караяк 157
 Камара 149
 Камбахес Георгий 443
 Каменец 20
 Камилла (генуэз. род)
 — Джентиле 402, 408
 — Леоне ди 158
 — Николо де 408
 — Франческо де 90
 — Фредерико де 151
 — Элиано де 43
 Камолье Джованни ди 44, 87
 Кампанья 351, 407, 507
 Кампора Джакомо 237
 Кампфрегозо (генуэз. род)
 — Баттиста ди 178
 — Иснардо ди 179
 — Пьетро 357
 — Томмазо ди 161, 178, 179
 Канака 157, 351, 506
 Кандия 162, 208
 Каннето Дессерино де 349
 Каннето Зерино ди 348
 Капелла Антонеотто ди 419
 Капсикор 245, 280
 Капуа Якопо ди 354
 Капуи Джакомо ди 244
 Карабчиевский Прокоп Семенко 23
 Карагоз 164, 166, 170, 180
 Карагул 94
 Кара-Ильяс (Кара-Ильяз) 70
 Карахиби 76, 355
 Карай-Мирза 407
 Карайхиби 355
 Каракорум 308
 Каралез 70. См. также Кара-Ильяс
 Каралезская долина 32, 70
 Каралес 70. См. также Кара-Ильяс
 Карантинная бухта 362
 Карань 149
 Карапет 41, 42
 Карасу 42, 63, 65
 Карасу-Базар 65
 Караул-Кая 28
 Карач-багатур 502
 Каржинит 357
 Кармагнолья Франческо 77
 Карпати 280
 Карпи 234
 Каррега Раффазле 161
 Кассина Марко де 237
 Кастадзона 164, 166, 180, 506
 Кастамон 212
 Кастиллиано Бартоломео де 444
 Кастро Джулиано ди 43
 Кастрон 95, 96, 103, 107, 108, 110, 347, 479
 Каструм 420
 Каттанео (генуэз. род)
 — Анфреоне 349
 — Джагостино 352
 — Джанагостино 349, 498
 Кача 34, 149, 217, 226
 Качибей (Качбей) 15–17, 22
 Квирини Лауро 234
 Квирини Марко 208
 Кеассий 71
 Кедрин 34
 Кейстутович Жигимонт (кн. Литовский) 170
 Кейхиби 70, 134, 227, 351, 352, 357, 362, 401, 402, 509
 Кельдибек 38, 39, 41
 Кельн 279
 Керилеси 19
 Кериалис Секст Веттулений 70
 Кериалис 70
 Керкер 25, 353, 356, 357, 358, 405, 407, 409, 507, 508
 Керкиарде 39
 Керкильск 110
 Керменчик 149, 187, 402, 510
 Кертибей 226
 Керченский пролив 238
 Керчь 17, 42, 57, 58
 Кефа 86, 441
 Кефало-Вриси 346, 347, 348
 Киев 16, 64, 503
 Кизил-Таш 72, 85
 Кикенеиз (Кикинеиз) 39, 355
 Килийский рукав Дуная 94
 Килия 94, 405, 411, 442, 500, 501
 Кильдыш 406
 Кинсанус 42, 146, 149
 Кипр 405
 Кипчак 169
 Кипчакские степи 153
 Кириалеси 69, 70, 71, 509
 Кирилеси 70
 Кирилл 57
 Киркель 15
 Китай 5, 6, 233, 308
 Клавихо Руи Гонсалес де 169
 Климаты Готии 31, 36
 Коба 406
 Коджио Калоян 154, 157
 Козимо 165
 Кок-агач 187
 Коккоз 28, 33
 Кокони 314
 Кокос 351
 Колобуга 17. См. также Кутлубуга
 Колхида 211
 Комания 70
 Компфрегозо Лодовико ди 210
 Комрины 394
 Конак Бек 6, 25
 Константин I 140
 Константин VII 48
 Константин XI Палеолог 234
 Константин Великий 140
 Константинополь 7, 9, 14, 35, 85, 143, 152, 156, 163, 207, 208, 233, 234, 236, 238, 239, 280, 314, 333, 353, 357, 358, 403, 405, 409, 410, 412, 418, 419, 443, 499, 501, 502, 506, 507
 Контарини Стефано 156
 Конте Джорджо 71
 Копа 226, 238, 351, 358, 443, 503
 Копария 216, 226, 351
 Корвин (король Венгрии) 411, 412
 Кордон-Оба 243
 Кориятович (Корьятович), Александр (кн. Подолии) 23, 65
 Корнелли Винченцо М. 96
 Корсика 159
 Корсунь 17, 362
 Корчев 17
 Коршев 17
 Корьят (Кориятовичи — кн. Подольские) 17
 Корьятович Юрий 21, 22, 23, 65
 Костамон 358
 Костешты 65
 Костянтин 17
 Котлубах 16
 Котул-Бей 408
 Кош-Кая 28
 Краснокаменка 72, 85
 Красный Мак 187
 Крemuk (Кримук) 226, 227, 352
 Крепостная гора 345, 346. См. также Крemuk
 Кристиано Каттанео 280
 Крит 162, 208
 Кроче Христофоро делла 244
 Крымская Алания 232
 Крымская Кабарда 217
 Крымская Ривьера 346, 508
 Крымский улус 6, 37, 39, 41, 43, 45, 55, 62, 64, 65, 67, 110, 111, 152, 170, 361
 Крымское княжество 410
 Крымское ханство 5–8, 180, 207, 234, 296, 353, 354, 357, 361, 405, 408, 479, 501, 502, 503, 507, 509
 Крым-Солхат 111
 Кубань 63, 216
 Кубутуба 158
 Куликово поле 6, 16, 50, 65
 Кулле-Бурун 187
 Кундурча 59, 63
 Курортное 243
 Курушлюк 28
 Кути-Бей 187
 Кутлубак 15, 17, 22
 Кутлубей 20
 Кутлубуга Инак 16, 25
 Кутлу-Буга 25. См. также Кутлубуга
 Кутлубуга 6, 7, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 35, 59, 64, 65, 67
 Кутлубуха 23. См. также Кутлубуга
 Кутлуг-Бей 187. См. также Кутлубуга
 Кутлуг-Темир 43
 Кутлуг-Тимур 6, 38, 39, 41–43, 57, 64, 65. См. также Кутлуг-Темир, Кутлук-Темир, Кутлуктемир, Кутлук-Тимур
 Кутлук-Заман 406
 Кутлук-Темир 38, 43
 Кутлуктемир 43
 Кутлук-Тимур 63, 67, 420
 Кучугурское городище 65, 308
 Кучук-Кутлубуха 23
 Кучук-Ламбат 212
 Кучук-Мускомье 149
 Кучук-Озенбаш 28
 Къандурхэ 216
 Кыз-Аул 238
 Кыз-Куле 173, 187
 Кырк-Ер 15, 45, 296
 Кырк-Йор 19
 Кырк-Ор 19, 25
 Кыркор 46
 Кышхэ 216
 Кьявройя Филиппо 406, 411, 412
 Лабаино Джованни 69, 70
 Лаззарини Джорджо 349
 Лазика 34
 Лайота Бессараб (кн. Валахии) 405
 Лайош (король Венгрии) I 20
 Лаки 34, 38, 41
 Ламбат 444
 Лампада 39, 355
 Лаоник Халкокондил 154, 163, 180
 Ласпи 149, 157, 412, 413
 Ласпинская долина 149
 Латинборго 164
 Ле Салине 240, 357
 Ле Фети 240
 Лев III Исавр (имп. Византии) 85
 Лев Алиат 30, 31, 35
 Левантийские фактории 165
 Леванто Бартоломео ди 159, 170, 236
 Леванто Галеаццо 408
 Леванто Джованни ди 159
 Ленк 60, 61
 Леоне Дамиано 210, 236, 237, 353, 354
 Леоне Джакомо Джироламо 239
 Лерич 244
 Леркари Антонио 237, 353, 354
 Леркари Гоффредо 406
 Леффети 158
 Лигурийская республика 6, 8, 96, 164, 207, 209, 210, 504
 Лигурия 155, 159, 177, 180
 Ликостомо 94, 234, 411
 Лионелло 444
 Липник 405
 Литва 7, 18, 20, 22, 23, 64, 67, 112, 153, 154, 170, 180, 354, 503
 Литовско-Русское государство 16, 153
 Ломелини (генуэз. род) 155, 156, 161, 162, 164, 170, 171, 177, 178, 239, 509
 — Антонио 179
 — Джаннето (Джанотто) 237, 279
 — Карло 157–159, 161–164, 166, 169, 170, 171, 173, 177–179, 183, 199, 277, 506, 507, 509, 510
 — Наполеон 159
 — Маттео 159, 162, 170
 — Франческо 155
 Лоредан Андреа (венецианец) 155, 156, 183
 Лоуолл-Волли 280
 Лука 90, 171, 499
 Луколи Фредерико Спинола ди 77
 Лунцюань 308
 Лупико 39, 355
 Луста 6–10, 14, 39, 67, 72, 78, 85, 88, 96, 112, 149, 157, 203, 217, 226, 227, 289, 290, 308, 332–334, 345, 346, 348–352, 355, 356, 401, 402, 413, 418, 441, 444, 506–510
 Лучистое 85, 112
 Львов 5, 354
 Людовик Анжуйский (король Венгрии Лайош I) 20
 Майнери Пьетро Джованни 77
 Макарий 361, 418
 Макзири 153
 Малая Азия 211, 234, 295

- Малитхэ 216
 Малый Маяк 226
 Мальвизино Антонелло (генуэз. конестабли) 237
 Мамай 6, 16, 21, 23, 25, 37–39, 41–45, 50, 57, 64, 65, 67, 107, 308
 Мамак 44, 407
 Манго (кн. Феодоро) 411
 Мангоп 411
 Мангуп-Кале 401
 Мангулское княжество 8, 9, 410
 Манкерман 60, 62, 63
 Манлоп 15. См также Мангуп
 Мануил II Палеолог (имп. Византии) 15, 233, 357, 361, 418, 500, 509
 Маньерри Доменико дей Франки ди 154, 156, 165
 Мари (генуэз. род) 165, 183, 349
 — Габриеле де 165, 179
 — Галеотто де 165
 — Пари де 239
 — Парис де 165, 166
 — Пьетро де 165, 166
 — Франческо де 166, 349
 Марини (генуэз. род) 243, 244, 508
 — Илларио де 244, 353
 — Стефано де 236
 Мария Комнина Палеологиня 404
 Мария Палеологиня Асанинина Цамблаконина 35, 141, 151, 152, 154, 155, 162, 173, 212, 227, 401, 403, 409, 410, 413, 499, 500, 506, 508, 509
 Маркессано Батиста 348
 Маркур 195
 Марох 216, 362
 Маруффо Антонио 77
 Матрега 158, 216, 227, 243, 308, 352, 443, 508
 Матфей (иеромонах) 14, 49, 50, 52, 53, 54, 58, 68, 505
 Маффеи Николо 349
 Махмет 112
 Махмуд бей 208
 Меджеддин Исмаил 61
 Медичи Минас 21
 Мезия 70
 Мекензиевы горы 187
 Мелик-Эмин 406, 407, 409
 Мелоде Филиппо де 183
 Менгли-Гирей 44, 289, 351, 359, 361, 405–409, 413, 419, 498, 501–503, 507
 Менгу Тимур 48
 Менкуб 480, 498. См также Мангуп
 Месемврия (Месемврия, совр. Несебр) 234
 Мехмед I 233
 Мехмед II 208, 233, 234, 23–239, 349, 353, 355, 405, 407–411, 413, 419, 443, 479, 498–503, 507
 Мехмед Нешри 443
 Милкоман 407
 Милляри 72, 78, 506
 Мингрелия 234
 Мираншах 62, 63
 Мисхори 39, 355
 Михаил VIII Палеолог (имп. Византии) 48
 Молассана Пеллегро ди 77
 Молдавия 15, 21, 23, 25, 78, 207, 403, 405, 407–413, 418, 499–501, 507, 509
 Молдавское княжество 5, 15, 21, 22, 207, 403, 405, 442, 500
- Молдова 404
 Молэхэ 216
 Монастырская скала 123, 359
 Монашеский лес 33
 Монкастро 35, 44, 94, 179, 207, 208, 234, 238, 239, 244, 266, 354, 357, 402, 410–412, 443
 Монлеоне Бонамико ди 77
 Монтальдо Антонио ди 108, 156, 158
 Монтани Джованни 179
 Монтано 165
 Морское 245, 280
 Москва 63, 503
 Моченго Пьетро 152, 165, 509
 Мудаммед-хан 171
 Мулканий 407
 Мулькан 406, 407
 Мункрелия 234
 Мурад I 14, 19
 Мурад II 111, 173, 208, 211, 233, 479
 Мурта Джованни ди 6, 103
 Муса 233
 Муска Джованни 90
 Муска Лука 90
 Мустафа-аги 203
 Мухаммед Герай-хан 203
 Мухаммад-Гирей II 296
 Мухаммед-хан 171
 Мухульдур 28
 Мыср 61
 Мэотийское озеро 163
- Навоно Джованни 212
 Наратин 33
 Натер 20
 Нахарат Иоанникий 157
 Неаполитанское королевство 405
 Негро (генуэз. род)
 — Бабилано ди 170, 179, 183
 — Джованни ди 238
 — Негрони ди 76
 — Урбано ди 210
 — Христофоро ди 279, 281, 346, 350, 351, 444
 Нешри Ибн Кемаль 443
 Нижний Дунай 20
 Нижняя Валахия 411
 Низам-ад-дин Шами 62
 Никея 143
 Никита 39, 355
 Николай V 234
 Никостано 411
 Нил 33
 Ниссы 57
 Ниш 208
 Нишава 208
 Новгородок Литовский 17
 Ногай 9, 10, 29, 46, 50, 58, 227, 232
 Нубийский Географ 289
 Нур-Девлет-Гирей 406–408, 443, 479–498, 500–503
 Нэр из рода Исмаелского 42
 Нэрсес 42
 Нюрнберг 443
- Ованес 33
 Одесса 23
 Оз-Темир 406
 Олег 216
 Олива Баптиста де 108, 346, 347
 Оливьеро (Оливьери) Баптиста Джустиниани 279, 350, 351
 Олжирд 17. См также Ольгерд
 Олобей 76, 162, 173, 212, 215, 216, 353–358, 362, 399, 401–403, 507–509
- Олоби 399
 Олобо 134, 155, 161, 162, 171, 179, 209, 212, 216, 353–357, 361, 399, 401, 402, 413, 508
 Олуби 216
 Олубиас 216
 Ольгерд 15–19, 21–23, 35, 41, 64, 65
 Опабазар ди Альцате 178
 Орабазар 33
 Орда 16, 19, 21, 23, 24, 26, 37, 38, 39, 43, 46, 60, 63–65, 67
 Ореанда 39, 355
 Ориа Баттиста д' 165
 Ориа Лучиано д' 444
 Орта-Куле 10, 290, 296, 314, 332, 333, 345, 349
 Орто Симоне дель 6, 103, 108
 Ортюбе 25
 Орхан 208
 Осман 59, 60, 62, 63
 Османская империя 5, 7, 208, 405, 500
 Оттоманская империя 404, 405, 501, 503
 Оттоманские страны 498
 Отузская бухта 243
 Отузы 33
 Оффиция Монеты 88, 108, 158
- Павел 143
 Падуя 159
 Палавани Колардо ди 155, 156
 Палеологи 150, 154, 399, 408, 500, 508, 509
 Паллавичино Андреа 165
 Палодио Гаспаре де 280
 Пампук-Кая 9, 217, 226
 Панарет 444
 Панарет Михаил 152
 Пангоп 411. См также Мангуп
 Панеа 240
 Палас-Баир 33
 Палаская область 405
 Парсабек 351
 Партеит 5–7, 9, 39, 43, 72, 85, 96, 143, 146, 147, 149, 151, 240, 346, 355, 506, 508, 510
 Пахимер 232
 Пахомий 419
 Педарахия 234
 Пелопонесс 401
 Пера 88, 90, 158, 159, 162, 170, 211, 236, 243, 348, 349, 411, 419, 499, 506
 Персия 289, 350, 502
 Петр 143
 Петризох 216, 226
 Пиетро-Росса Константино ди 407
 Пинелли Галеоти 157
 Пинелли Филиппо 91
 Пино 179
 Пино Антонио 179
 Пирот 208
 Пиччинини Николло 208
 Пиччинино 355
 Пиччинино Джованни 240, 355
 Плака 212
 Поволжье 64
 Подио Джованни ди 107
 Подио Паоло ди 96
 Подолия 16, 17, 406, 409, 503
 Подольские земли 17
 Подунавье 15, 16, 232
 Пойка 28, 29, 30, 32, 37, 50, 53, 67
 Пولات хан 33
- Польско-Литовское государство 357, 407
 Польша 7, 289, 409, 500, 501
 Поляна 195
 Поморье 88, 130, 138, 150, 152, 355, 404, 506
 Понт Эвксинский 163
 Понт 70, 156, 207, 209, 236
 Понтийские государства 7
 Понтийский регион 7
 Понтийско-Средиземноморский регион 211
 Понтираклия 211
 Порта 405
 Порто Николло ди 159, 162, 164–166, 169–171, 173, 177, 178, 509
 Порто Венеро 159
 Преслав 314
 Приазовье 443
 Приветное 280
 Приуралье Готия 179, 187
 Приуралье 5
 Причерноморские государства 152, 239, 353, 357
 Причерноморские фактории 211, 349, 353, 358
 Причерноморский регион 71, 80, 233, 500, 505
 Провато 25, 39, 240
 Прокопий Кесарийский 289
 Промонтарио Манфредо де 349
 Промонтарио Джакомо ди 170
 Прут 15, 22, 65, 409
 Пруто-Днестровское междуречье 16, 23
 Псекупс 226
 Пулад 505
 Пулад-Тимур 25, 65
 Пулад-хан 67
 Пулад 70
 Пумексана Антонио де 169
 Пугна 227, 500
 Пьетросанта Габриэле да 237
 Пьяна 166
- Рагуза 152, 509
 Раду Красивый (господарь Валахии) 405, 500
 Разбоены 501
 Рам 370
 Ре Пьетро 158
 Реби 498
 Реза Григорио де 408
 Рейн-эд-Дин Рамазан 42
 Республика св. Георгия 420, 500
 Республика св. Марка 155, 156, 207, 209, 404
 Ржев 17
 Рипагула 94, 151
 Риччо Бернабо 158
 Рогожка 23
 Роман 34
 Романия 154, 156, 158, 159, 165, 171, 183, 210, 236, 243
 Россия 9, 165, 405
 Россо Джорджио 442
 Рукн-ад-Дин Бейбарс 58
 Рукнеддин Бейбарс Эльмансури Эльмысри 232
 Рум 60, 63
 Румели-Хисар 234
 Румелия 208
 Румский султанат 5
 Румыния 314

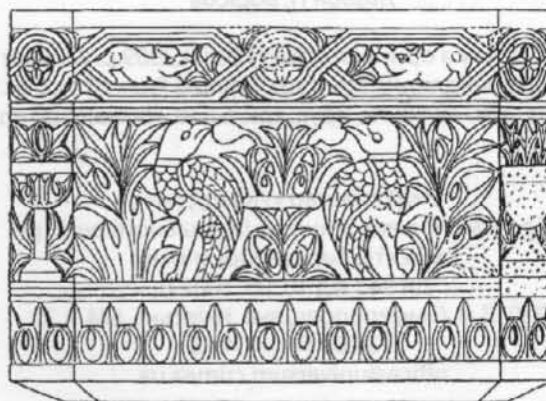
- Русь 5
Рыдомль 166
- Са'эд-Дин 480
Саблы 212
Савиньоне Аргоно ди 107
Савиньоне, Агостино ди 107
Сазели Микаеле ди 281
Саик 402, 409. См также Исаак
Саикус 402. См также Исаак
Саих 399. См также Исаак
Сайид-Ахмад 170
Сайид-Ахмед 178
Сакуни 216
Саличето Роландо 96
Сальваго (генуэз. род)
— Бруно 243
— Луиджи 87
— Лука 227, 232, 237, 352
Самастро 211, 234
Самсум 61
Сан Донато Джованни ди 108, 158
Сандык-Кая 187, 195, 199, 333, 402, 413, 510
Санкт-Петербург 143
Санта Элия 90, 151, 277
Сантамброльжо Барталомео 348, 350, 351
Сарай ал-Джедид 41
Сарай 38, 41, 61, 62, 63, 111
Сарайка, (Сарыака — брат Кутлук-Тимура) 43, 65
Сарайские земли 153
Сарайчук 62
Саргис 33
Сардиния 177
Сарих 25
Сартер Антоний 157
Сарукарман 42, 57
Сары-Кермен 58. См также Херсон
Сарыч 149
Саули Манфредо 71, 77
Сахери Бартоломео 87
Сахерии Батиста 87, 88
Сахиб-Гирей I 296, 394
Сахим 215
Са'эд-Дин 480, 498
Себастополис 238, 351, 358
Севастополь 95, 234, 238
Севастопольская (Ахтиарская) бухта 362
Северная Болгария 208
Северная бухта 123
Северный Кавказ 10, 216, 217, 226, 232
Северный рукав р. Кубань 94
Северо-Западное Причерноморье 94
Северо-Западный Кавказ 166, 216, 501, 503
Седам-Кая 31, 33
Сеид-Ахмед 479
Сейтак 44, 407
Сербия 15
Серета 22, 65, 409
Сертак 407. См также Сейтак
Сефер Гази-ага 203
Сивас 233
Сикита 39, 355
Силе (Сили) 280, 281. См также Шелен
Силезия 169
Симассо 234
Симболон (Симболо) 5, 7, 103, 234. См также Чембало, Балаклава
Симболон-Чембало 5
- Симеиз 332, 444, 508
Симиссо 90
Симон 87, 162
Симферополь 207
Синан 20, 59
Синарега Пьетро 243, 244, 508
Синоп 78, 161, 171, 207, 212, 234, 349, 358, 410
Синюха 16
Синяя Вода 15—23, 35, 38, 41, 64
Сирия 166
Сисополь 234
Скварчафико Оберто 350, 407, 408, 444, 498
Скути 280, 281, 350, 351
Смотрич 23
Солдайское консульство 349
Солдаия 6—9, 14, 36, 37, 39, 43, 44, 65, 67, 76, 78, 88, 90, 91, 96, 112, 137, 155, 156, 183, 207, 215, 234, 239, 240, 243, 244, 277, 279, 280, 281, 289, 308, 333, 346, 348, 350, 351, 354—356, 406, 407, 411, 442—444, 498, 506—508
Солоники 207
Солунь 37
Солхат 5—9, 10, 19, 20, 25, 26, 37—39, 41—44, 46, 49, 55—60, 62—65, 67, 68, 76, 78, 87, 110, 137, 164—166, 169—171, 173, 177, 178, 180, 199, 207, 215, 227, 352, 354, 358, 406, 420, 441, 501, 503, 505—507, 510
Солхат-Крым 5
Соранцо Марино 208, 209
Сотира 28
Спандуджино Теодоро 14, 15, 413, 499
Спендияр 161, 171
Спинелли Джорджо 90
Спинола (генуэз. род) 243, 499, 508
— Антонио 444
— Джероламо 499
— Джорджо 107, 108
— Дзаккария 90
— Марко 76
— Мервальди 183
— Меруальди 243
— Якопо 33, 420
Средиземное море 233
Стамбул 501
Старый Орхей 64, 65
Стелла Дж. 157
Степанос 20, 41, 42
Стефан II 207
Стефан Баторий 14, 15, 20
Стефан Душан 47
Стефан III Великий Войвода (кн. Молдавии) 227, 354, 403—405, 407—413, 443, 479, 498—502, 507, 509
Стефан 412
Стефанос 20
Страсбург 279
Сугдея 5, 7, 10, 29, 31, 34, 36, 42—44, 149, 151, 216, 234, 266, 278, 508, 510
Сугдея-Солдаия 5
Судак 34, 37, 42, 45, 58, 85, 246, 308, 441
Судакеа 234
Судха 42
Сулейман 357
Сулейман-паша 405
Сурдус Бернардо 44
Суркат 76, 87
Сурхат-Крым 20, 42
- Сучава 403, 404, 408, 412, 479
Сфорца Муцио Аттендоло 208
Сфорца Франческо 208
Сюйрень 29, 187, 226
- Табана-Дере 28, 31, 394
Таврический остров 163
Таврический Херсонес 157, 158
Таз 232
Такиль 238
Таманский полуостров 243, 443
Тамань 216, 243
Тамерлан 31, 47, 50, 51, 52, 53, 56, 68, 169, 233
Тан 57, 62, 63, 70, 155, 156, 226, 232, 266, 333, 350, 358, 407, 443
Тана-Азак 5
Тартаро Леонардо 43
Тасили 8, 243—246, 269, 277—281, 289, 333, 346, 350, 503, 508
Тасилли 279. См также Тасили
Тассили 9, 508. См также Тасили
Татария 165, 178, 407, 411, 443, 507
Тафур Перо 178
Таш-Тимур 45, 47, 56, 59, 60, 62, 63
Таш-Тимур-оглан 59
Табриз 350
Тедоро 143, 353, 357, 402. См. также Манзуп
Тека 232
Текур (Техур) 410, 418, 480. См. также Текур
Телика Теодорка де 354, 402
Темеря 21, 22, 23, 65
Темир 21, 23
Темирбег 22, 23, 25, 64, 65
Темирбей 22, 23
Темир-Кая 237, 238, 239
Темир-Кутлук 60
Темир 70
Теодор 404
Теодореза 509. См. также Теодоро
Теодоро 69, 76, 157, 158, 162, 280, 350, 354, 355, 401, 402, 403, 409
Тепе-Кермен 29
Терамо 237
Терек 59, 60, 67
Тер-Кабет 408
Тер-Ованес 408
Терсес 351
Тертер 232
Течур 410. См. также Текур
Тешкли-Бурун 134, 142, 370, 382, 394
Тигр 405
Тимир 21
Тимур 7, 10, 21—23, 25, 26, 38, 41, 42, 45—48, 50, 52, 56, 57—65, 67, 70, 233, 357
Тимур-Кутлук 46, 70, 357
Тимур-Ленк 60. См. также Тамерлан
Тимурленк 61, 62, 111. См. также Тамерлан
Тит 70
Тмутаракань 216
Тодаро 412. См. также Теодоро
Тодори 406. См. также Теодоро
Тодоро 404. См. также Теодоро
Токта 58, 68, 232, 420
Топшан 187
Торрилья Грегорио ди 243
Торрилья Николо де 402
Торселло Джорджо 70, 71
Торселло Якобо 444
- Тохта 47, 48
Тохтамыш 6, 7, 18—20, 23, 25, 26, 31, 33, 35, 37—39, 44—47, 50, 56, 58—63, 65, 67, 87
Трани Раффаэле де 43
Трапезунд 9, 31, 33, 44, 71, 78, 88, 152, 154, 155, 161, 162, 171, 173, 177, 183, 212, 215, 234, 239, 244, 348, 506, 508
Трапезундская империя 5, 31, 34, 154, 183, 207, 233, 234, 349
Трентис Николо де 237
Троицкая балка 215
Тротис Тома ди 171
Туак 85
Тулу 61, 62
Тулумен Алишах 58, 59, 61—63, 67
Тунгуз 232
Турре Джакомо ди 244
Турсун-бек 501
Турция 356, 357, 358, 443
Тырнов 232, 308
Тырново 314
Тырновское царство 19
Тягинка 243
Тягиня 76, 158
- Узбек хан 6, 16, 37, 38, 47, 48, 58, 68, 479
Уздемарох 215, 216, 362
Узи 60, 62, 63
Уз-Тимур 406
Узун-Хасан 405
Уйматай 62
Улубей 399
Улуг Улус (Улу-Улуг) 65, 158
Улу-Мухаммед 71, 76, 86, 87, 110, 111, 154, 158, 171, 345, 479, 506
Улус Джучи 5, 6, 7, 13, 25, 41, 58, 59, 60, 65, 67, 110
улус Хурмадая 23, 60, 63
Улу-Узень 289
Урусчук 63
Ускют 280, 281
Учан-Су 72
Учансу-Исар 72, 78, 141, 152
Уч-Баш 215, 216
- Фамагуста 165
Фански 412
Фатинанти Андреа 407
Федеричи Фредерико 159, 163
Фёдор 16, 17, 21, 64
Феленк-Бурун 356
Феодор II Ласкарис 29, 56
Феодор Кантакузин 154
Феодор Мангафи 44
Феодор 34
Феодосия 85, 246
Ферейхо Джованни 44
Фиески (генуэз. род)
— Джулиано 348, 442
— Ладизино 503
— Франческо 444, 504
Филипп III 210
Флоренция 155, 208
Фока 354
Фольетта 157
Фори 39, 355
Форнари Баттиста де (консул Каффы) 157, 170, 171, 177
Форнарио Симоне де 443
Форос 39, 85, 149, 157, 355, 506
Фракия 357

Франки (генуэз. род)
 — Антонио ди 236
 — Луксардо Качинемико де 270
 — Сакко Христофоро де 349
 Фанкси Михаил 412
 Фрегоза (генуэз. род) 504
 — Бартоломео 503
 Фуна 9, 10, 14, 72, 78, 88, 112, 123,
 134, 138, 141, 142, 146, 149, 150,
 152, 161, 163, 166, 171, 179, 195,
 207, 217, 266, 295, 308, 314, 332,
 333, 348, 349, 355–357, 359, 362,
 370, 382, 394, 399–402, 409, 413,
 418, 444, 506, 508, 510
 Фьески Пьетро 77
 Хабарта (Хабарда) 217
 Хаджи 72, 111
 Хаджибег 19, 22, 23, 25, 64, 65. См.
 также *Хаджи*
 Хаджибей 19, 23, 25, 35. См. также
Хаджи
 Хаджи-бей 19, 23. См. также
Хаджи
 Хаджи-Гирей 7, 9, 72, 111, 158, 163,
 164, 166, 170, 171, 178, 180, 209,
 211, 212, 215, 216, 227, 236, 238,
 239, 332, 351–359, 401, 406, 407,
 479, 506, 507, 509, 510
 Хаджике 501
 Хаджи-Сулейман-паша 405
 Хаджи-Тархан 41, 62, 111, 479
 Хазария 216, 404, 509
 Хазибывая 23
 Хайдар 354, 357, 406, 407, 409, 502, 503
 Халим-Гирей 358
 Хасан 405
 Хасан-бек 405
 Хахтик 20, 33
 Хачебей 18, 35
 Хачей 17, 22
 Хачибег 20
 Хачибей 15, 19
 Херсон 7, 17, 18, 29, 31, 34, 36, 42,
 45–49, 56–58, 63, 67, 70, 96, 107,
 149, 150, 163, 164, 226, 243, 359,
 362, 441, 510
 Херсонес 10, 17, 22, 38, 42, 45,
 47–70, 107, 149, 150, 163, 240,
 246, 359, 361, 362, 399, 401, 403,
 418, 500
 Херсонесский маяк 150, 157

Херсонесское городище 361, 362
 Хиос 159, 165, 166, 170, 237, 239, 358, 411
 Хисар 234
 Ховрины 394
 Ходорковое село 23
 Хоракул 94
 Хотин 408
 Хрим 42
 Хуйтани 9, 18, 19, 25, 28, 29, 30,
 33–37, 39, 53, 134, 138, 187, 418
 Хуйтани-Димитрий 35
 Царевград Велико Тырново 370
 Центральная Европа 5, 7, 500
 Центурионе Гульельмо 408
 Цихия 411
 Цицикий 18, 33, 38, 67
 Цула 28
 Цюрюпинск 240
 Чалибек (Чалибэг, Чалибэк) 42
 Чатал-Куле 203, 290, 332
 Чачаки 34
 Чезаре 171
 Чейхиби 70, 352, 362
 Чембало 6–9, 14, 15, 38, 42, 44,
 57, 72, 76–78, 88, 90, 91, 94–96,
 103, 107, 108, 110, 112, 149–159,
 161–163, 169–171, 173, 177–180,
 207, 209, 217, 234, 236, 239, 240,
 266, 269, 277, 295, 308, 333, 345,
 346, 347, 348, 350, 355, 356, 358,
 402, 406, 407, 411–413, 418, 441,
 444, 479, 480, 499, 506–508, 510
 Центурионе Систо 442
 Центурионе Элиано 62
 Черкез-Кермен 187
 Черкез-Эли 217
 Черкес (Черкас) 6, 25, 70, 173, 187,
 195, 199, 216, 217
 Черкес-Кермен 173, 187, 195, 199,
 217, 402, 510
 Черкессия 443
 Черкесс-Тюз (Черкесс-тюз,
 Черкестюз) 199, 217, 226
 Чёрная р. 9, 78, 123, 149, 163, 180,
 183, 203, 207, 215, 362
 Чёрное море 6, 7, 8, 94, 96, 155,
 156, 159, 161, 163, 171, 177, 179,
 183, 207, 210, 212, 233, 234, 236,
 237, 238, 243, 279, 353, 357, 358,
 443, 500, 506, 507, 509

Черноморские фактории 279, 348,
 353, 355
 Чернореченская долина 199
 Чёрный Алексей 70
 Чёрный Илья 70
 Четатя-Албэ 238, 354, 411. См.
 также *Белгород-Днестровский*,
Монакстро
 Чехия 165
 Чиавари Дамиано 444
 Чиберча 23
 Чигала (генуэз. род) 356
 — Джакомо 237
 — Карло 240, 355
 — Марино 358
 Чиконья Карло 348
 Чиприко 240
 Чичкиий 9, 18, 25, 26, 30, 33–38,
 67, 68, 187
 Чобан 34
 Чобан-Кале 245. См. также *Чобан-
 Куле*
 Чобан-Куле 244, 245, 246, 277,
 280, 281
 Чобан-Куле-Узень 245, 246
 Чобан-Таш 149
 Чобан-Хуле 245. См. также *Чобан-
 Куле*
 Чобан-Чупан 34
 Чобручи 23
 Чоргунь 163, 203, 402, 508, 510
 Чочахи 34
 Чупан 34, 38, 41
 Чурук-Су 164
 Чуфут-Кале 19, 58, 136
 Чуфут-Калз 46
 Шелен 280, 281
 Шериф ад-дин Езди 59, 60
 Шериф-ал-дин Йезди 23, 62
 Шеркио 406
 Шехр ал-Джедид 25, 64, 65
 Шилле 281. См. также *Силе*, *Шелен*
 Шираз 62
 Ширин 44, 76, 502
 Ширины (тат. род) 407
 Штефан 410. См. также *Стефан III*
 Шюрюкаль 25
 Эвксинский Понт 234
 Эвлия Челеби 203, 358, 403

Эдигей 31, 46, 58. См. также *Едигей*
 Эдирне 208
 Эззахыр 58, 67
 Эжикээз 33
 Элайни 111
 Элиас (Элиас-Бей) 6, 87
 Эллис 42, 146, 149, 351
 Эльмелик-Эззахыр 61, 62
 Эльмухиби 16
 Эминек (Эминакби) 44, 357, 405–
 407, 409, 419, 498, 501–503, 507
 Эрзерум 405
 Эрзинджан 233, 405
 Эски-Кермен 29, 53, 56, 246, 401
 Юго-Восточная Европа 7, 500, 509
 Юго-Западная Таврика 115, 232
 Юго-Западный Крым 8, 137, 149,
 152, 163, 199, 232, 480
 Южная Демерджи 112
 Южнобережье 8, 72, 149, 152, 355
 Южный берег Крыма 9
 Южный Буг 16, 64
 Южный Крым 245
 Юстиниан I 85, 245, 290, 345
 Юхары-Каралёз 70
 Юхары-Керменчик 187
 Ябугермен 443
 Ягайла 20
 Яйла 45
 Якобо Бартоломео де 45
 Ялта 5, 6, 7, 39, 43, 67, 72, 96, 146,
 149, 346, 355, 441, 444
 Ялта 70, 85, 146
 Ялтинская котловина 72
 Ялтинская очаговая зона 80
 Ямгурчи 406
 Ян (Янош) Хуньяди 208, 210
 Янгишехр 25, 64, 65
 Янибек 407
 Янку де Хунедора 208
 Яныш-Такиль 1 238
 Япу-кирман 443
 Яркас Зихо 25
 Яркас 6
 Ясто 412
 Яспум 411
 Яссы 410, 411





Наукове видання

Виктор Леонидович Мыц

**КАФФА И ФЕОДОР В XV ВЕКЕ.
КОНТАКТЫ И КОНФЛИКТЫ**

(російською мовою)

Відповідальний за випуск С. Г. Бочаров
Редактор П. В. Коньков
Коректор Т. І. Пономарьова
Технічний редактор П. В. Коньков
Дизайн П. Борисов

Підписано до друку з оригінал-макету 03.04.2009 р. Формат 60x84/8.
Папір крейдяний. Гарнітура «Myriad Pro». Друк офс.
Обл. вид. арк. 49,10. Ум. друк. арк. 61,38. Наклад 500 прим.

Видавництво «Універсум»
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єктів видавничої справи
ДК 943 від 10.06.2002 р.
95053 м. Сімферополь, вул. Київська, 6/4, к. 3
+38.09.50.07.64.66
office@universum.crimea.ua

Надруковано ООО «Форма»
95011, м. Сімферополь, вул. Горького, 8